ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнеописания, воспоминания и дневники выдающихся русских людей – святых и подвижников, царей и правителей, воинов и героев, мыслителей, писателей, деятелей культуры и искусства, создавших Великую Россию.

Аксаков И. С.
Аксаков С. Т.
Александр III
Александр Невский
Алексей Михайлович
Андрей Боголюбский
Антоний (Храповицкий)
Баженов В. И.
Белов В. И.
Бердяев Н. А.
Болотов А. Т.
Боровиковский В. Л.
Булгаков С. Н.
Бунин И. А.
Васнецов В. М.
Венецианов А. Г.
Верещагин В. В.
Гиляров-Платонов Н. П.
Глазунов И. С.
Глинка М. И.
Гоголь Н. В.
Григорьев А. А.
Данилевский Н. Я.
Державин Г. Р.
Дмитрий Донской
Достоевский Ф. М.
Екатерина II
Елизавета
Жуков Г. К.
Жуковский В. А.
Иван Грозный
Иларион митрополит
Ильин И. А.
Иоанн (Снычев) митрополит
Иоанн Кронштадтский
Иосиф Волоцкий
Кавелин К. Д.
Казаков М. Ф.
Катков М. Н.
Киреевский И. В.
Клыков В. М.
Королев С. П.
Кутузов М. И.
Ламанский В. И.
Левицкий Д. Г.
Леонтьев К. Н.
Лермонтов М. Ю.
Ломоносов М. В.
Менделеев Д. И.
Меньшиков М. О.
Мещерский В. П.
Мусоргский М. П.
Нестеров М. В.
Николай I
Николай II
Никон (Рождественский)
Нил Сорский
Нилус С. А.
Павел I
Петр I
Победоносцев К. П.
Погодин М. П.
Проханов А. А.
Пушкин А. С.
Рахманинов С. В.
Римский-Корсаков Н. А.
Рокоссовский К. К.
Самарин Ю. Ф.
Семенов Тян-Шанский П. П.
Серафим Саровский
Скобелев М. Д.
Собинов Л. В.
Соловьев В. С.
Солоневич И. Л.
Солоухин В. А.
Сталин И. В.
Суворин А. С.
Суворов А. В.
Суриков В. И.
Татищев В. Н.
Тихомиров Л. А.
Тютчев Ф. И.
Хомяков А. С.
Чехов А. П.
Чижевский А. Л.
Шаляпин Ф. И.
Шарапов С. Ф.
Шафаревич И. Р.
Шишков А. С.
Шолохов М. А.
Шубин Ф. И.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМ ИМ

ДЛЯ СВОИХ ПОТОМКОВ

Том 2

Москва
Институт русской цивилизации
2013

ББК 63.5
УДК 82-941
Б 79

Болотов А.Т.
Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанныя самим им для своих потомков. В 3-х томах. Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013. – Том 2. – С. 1120.

В настоящем издании впервые после 1873 публикуется полный текст «Записок» великого русского ученого, мыслителя, писателя Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833), ставших самым знаменитым памятником русской мемуарной литературы.

В записках отражается вся глубина и полнота русской жизни екатерининской эпохи, когда многими соотечественниками владел пафос служения Отечеству. Чтение записок позволяет понять истоки русской культуры, национального характера, национального самосознания, на основе которых была построена Великая Россия.

Записки Болотова печатаются в нашем издании дословно без малейших пропусков или тем более искажений по каноническому тексту, принятому редакцией «Русской Старины», по мере возможности воспроизводя орфографию подлинника, с тем, однако, чтобы она, без всякой пользы для дела, не затрудняла бы чтение.

Издание осуществляется при финансовом содействии Алексея и Дмитрия Ананьевых

ISBN 978-5-4261-0045-9

© Институт русской цивилизации, 2013

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА, ОПИСАННЫЯ САМИМ ИМ ДЛЯ СВОИХ ПОТОМКОВ

ЧАСТЬ XI

(Сочинена 1801, переписана 1805, в Дворянинове)

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ ВООБЩЕ И В ОСОБЛИВОСТИ МОЕЙ ЖЕНИТЬБЫ

1764–1765

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Письмо 111-е

Любезный приятель!

1764-й год, котораго историю я теперь писать начинаю, был наидостопамятнейший из всех в моей жизни. Промыслу и Провидению Господню угодно было, чтоб в течение онаго решился, наконец, мой жребий, и я перешел в иной род жизни и сделался уже женатым мужем. Но как сия важная и на всю достальную жизнь мою великое влияние возымевшая перемена со мною произошла не в начале сего года, а посреди уже лета, то дозвольте мне возвратиться к тому времени, на котором я в последнем моем о себе письме остановился, и прерванную тогда нить повествования продолжать теперь далее по порядку.

Из помянутаго письма знаете уже вы, в каких обстоятельствах находился я при конце минувшаго года. Я жил один и в совершенном почти уединении в своей деревне, и хотя за безпрерывными и наиболее любопытными упражнениями своими и не чувствовал дальней скуки, однако, несмотря на то, великое мое одиночество было мне не весьма приятно и, делаясь мне уже и отяготительным, побуждало меня к приискиванию себе подруги и товарища. Но вы знаете также, что все мои старания о том были до сего времени не весьма успешны. Нигде я не мог отыскать такой, какую бы мне иметь хотелось и какой желало мое сердце. Говоря с вами о сей материи, разсказывал я вам и то именно, с какими дарованиями желал я сначала найтить себе невесту; но как последствие оказало, что таковую мне всего труднее найтить было можно, то начинал я в том совершенно отчаяваться.

Узнав короче и состояние свое и все обстоятельства, в каких я находился, и спознакомившись сколько-нибудь и с деревенскою и московскою жизнью, предусматривал я ясно, что мне долго надлежало искать, буде хотеть, чтоб невеста моя была точно такова, каковою образовал я ее себе в своем воображении, и что не открывалось к тому еще ни малейшаго следа. А как пошел мне уже тогда 26-й год от роду, то и жениться было уже высочайшее и лучшее время; то лишался я надежды найтить по желанию моему вскорости и рад был уже и такой, которая бы хотя не во всех частях, а сколько-нибудь уже с мыслями и желаниями моими сообразовалась. Но как и такой еще не отыскивалось и нигде не было на примете, то и находился я относительно до сего пункта в величайшем недоумении, что самое и побудило меня наиболее к начатию прежде упоминаемаго мною и некоторым образом отдаленнаго и не совсем формальнаго сватовства за малолетнюю госпожу Каверину. Но как из сего сватовства не вышло еще ничего положительнаго и важнаго, и я перестал почти и о сей невесте думать, то при начале сего года и был я вовсе без невесты и не знал, куда и в какую сторону направить мне стопы свои для искания себе подруги.

Со всем тем как я женитьбу почитал всегда наиважнейшим в жизни человеческой делом и всегда был того мнения, что совершается она не инако, как по особливому Божескому Провидению и произволу, то как во всех прочих пунктах, так в особливости и в сем, яко наиважнейшем из всех прочих, возлагал я все мое упование на моего Бога, оказавшаго мне уже толь многие опыты Своего особаго и милостиваго обо мне попе-

чения. И хотя и искал себе невесты, но всею внутренностию души своей просил и молил сие невидимое и благодетельное Высочайшее Существо, чтоб сыскало Оно мне невесту и дало такую мне подругу, какую Самому Ему будет угодно, – и я хотел принять ее от Его святой десницы. А таковое расположение моего духа и подкрепляло меня очень много при всем помянутом моем в искании невесты себе худом успехе. Я заключал, что, конечно, либо время еще не пришло мне жениться, либо назначенная мне в жены была еще молода и до надлежащих лет не достигла, либо мешали тому другие и неизвестныя мне обстоятельства.

С сими помышлениями и вооружась терпением, и начал я сей наступивший новый год, положив твердо ожидать всего от случая и времени или паче от распоряжения всех касающихся до меня происшествий благодетельным и пекущимся обо мне Божеским Промыслом. Но не успело еще и двух дней пройтить сего вновь начавшагося года, как от нечаяннаго и особливаго совсем случая и возобновились во мне паки помышления о упомянутой юной невесте.

В одну ночь недуманно-негаданно приснилась она мне во сне и, что удивительнее всего, то совсем в ином и не таком виде, в каком я изображал ее себе при всех прежних моих об ней помышлениях. Мне приснилось, будто находился я с нею вместе в какой-то компании и что некто из бывших тут же гостей, указывая на нее, говорил мне точно сими словами: «Ну, вот твоя невеста, смотри ее себе, пожалуй. И как была она совсем не такова, какой образ начертан был ей в моем воображении, то будто сие меня не только удивило, но и поразило так, что я сам себе говорил: Как же это? Сказали, что она девушка такая и такая, а она вот ажно какая. Эта девушка годится и изрядная, да не так мала, как говорили...»

Далее памятно мне было, что я хотя и не говорил с нею ни одного слова, но разсматривал все черты лица ее и весь рост и вид ее наивнимательнейшим образом и так, что образ ее впечатлелся так глубоко в душе моей, что я, и проснувшись поутру, не мог никак еще позабыть онаго, но видел как наяву пред собою.

Удивился я неведомо как сему сновидению, и хотя более наклонен был полагать, что было оно натуральное и произошло от того, что я в предследующий вечер, ложась спать, о сей невесте думал, однако помыкался мыслить и то, нет ли в сем случае чего-нибудь чрезвычайнаго и не назначается ли девушка сия мне и действительно уже в жены Промыслом Господним?

И как я до сего времени никогда ее еще не видал да как-то и не слишком и хотел ее видеть, то с самой сей минуты и возродилось во мне сильнейшее желание ее видеть. «Что ж, заправду, – говорил я сам себе, – свататься я начинаю, а не имею об ней ни малейшаго понятия. Бог ее знает, какова еще она. Может быть, она и в самом деле совсем еще не такова, каковою я ее себе воображаю! И почему знать, может быть, она мне и совсем еще не полюбится, и я никак не захочу жениться, хотя б и отдавать ее за меня стали».

Но что ж воспоследовало за сим далее? Не успел я сим образом сам с собою поутру поговорить и той глупости своей еще похохотать и посмеяться, что начинал свататься, а невесты никогда еще и не видал, как вдруг является предо мною и как бы нарочно ко мне присланная моя Ивановна – немка. Я не видал ее с самаго того времени, как возвратилась она из своей посылки в сентябре месяце, и как тогда дело осталось ни на чем, то и не имела она дальней охоты быть у меня; а и в сей раз приехала ко мне по случаю тогдашних праздников, и как я всего меньше тогда ее к себе ожидал, то, обрадовавшись, возопил я, как скоро ее увидел:

– Ба, ба, ба! Ивановна, – что так запала и так давно у меня не была? Мне кажется, уже несколько лет, как мы с тобою не видались.

– Виновата, батюшка, – отвечала она мне, – все как-то было недосужно да и дома-то была редко: все кой-куда ездила, а и теперь только что приехала... Да, знаете ли что, барин? Привезла к вам еще поклон.

– От кого это? – подхватил я.

– Угадайте? – сказала она и, приняв на себя отменно веселый вид, засмеялась.

Сие явление меня смутило, и вся кровь во мне в один миг так взволновалась, что я, не дав ей далее говорить, спешил спросить ее:

– Уж не от невесты ли?

– Хоть не от ней прямо, а от матушки ее, Марии Абрамовны!

– Неправда! – возопил я. – Как это может статься?

– Ей! ей! и я только что от них приехала – отвечала она.

– Как! Так ты была опять у них? – спросил я далее. – И зачем же ты ездила?

– Была, сударь! – отвечала она. – Я к ним всякий год около сего времени в Святки езжу, и они мне кое-что жалуют; а потому и ныне ездила и целые сутки у них провела, и они мне были очень рады.

– Ну, не знал же я – сказал я, – а то бы я тебя попросил еще о нашем деле...

– Это я и без вашей просьбы сделала, и у нас много кой-чего говорено было о вас.

– Что ты говоришь? – подхватил я. – Ну, разскажи ж ты мне, пожалуйста, что такое говорили вы обо мне.

– Мало ли чего – сказала она, – и как можно все упомнить и пересказать? А скажу вам только то, что в сей раз говорено было там об вас уже охотнее, нежели как прежде, и они, может быть, во все то время, как я у них не была, более об вас думали и помышляли, нежели мы считали. Мария Абрамовна мне призналась, что она расспрашивала об вас кой-кого, и от всех, кроме похвалы одной, об вас не слыхала. А особливо расхвалил ей вас какой-то господин Сонин, который сказал, что вас коротко знает, потому что служил с вами в одном полку.

– Уж не Яков ли Титыч? – спросил я.

– Точно он – отвечала она.

– Ну, спасибо же ему, – сказал я, – он действительно мне знаком, и человек добрый.

– Так от него-то, – продолжала она, – наслышались они об вас так много, и все хорошаго, что Марья Абрамовна и гораздо уже гораздо помышляет об вас и сожалеет уже о том, что дочка ее не достигла еще совершеннаго возраста и молодовата. Ей не хотелось бы, как видно, упустить такого жениха, как вы, и сколько мне показалось, то желалось бы ей вас видеть и с вами познакомиться...

– Ах! голубка моя, Ивановна, – пресекши ее речь, сказал я, – мне и самому хотелось бы ее и дочь ее видеть и получить об них понятие. Скажу тебе, Ивановна, что я дочь ее в самую сегодняшнюю ночь во сне видел. И как она мне совсем не таковою показалась, каковою я себе ее воображал, то и родилось во мне крайнее любопытство ее в самом деле видеть и узнать, какова она. А то смешно, право! Свататься мы сватаемся, а я ее и они меня в глаза еще не видали!

Ивановна моя удивилась, сие услышав, и стала расспрашивать обстоятельнее о моем сне и о том виде, в каком я ее видел; и как я ей, сколько мог, ее образ описал, то она еще больше удивилась и уверяла меня, что она чуть ли действительно не такова, каковою я ее во сне видел, и, разсмеявшись потом, сказала:

– Ну, когда это случилось, то чуть ли сему делу и не быть. Сон этот, верно, не простой, а что-нибудь значит! И дура я буду, если дело это не совершится! Помяните меня тогда...

– Хорошо, хорошо! – сказал я. – Но, оставя шутки, мне право как-то хочется и очень захотелось ее видеть, и нельзя ли, Ивановна, смастерить того как-нибудь, чтоб я их, а они меня видели. Мне очень жаль, что из всех моих здешних знакомцев нет никого, кто бы им знаком был и к кому б они ездили.

– То-то и дело, – сказала она, задумавшись, – а разве нет ли у них какого-нибудь знакомаго дома, где бы нам можно было съехаться и друг друга видеть? Мне жаль, что мне не пришло на ум поговорить о сем. А разве еще у них побывать и поговорить о том?

– Весьма бы ты меня одолжила тем, Ивановна! Но не дурно ли тебе так скоро к ним опять ехать?

– И, нет – сказала она – они меня благо звали и просили, чтоб я к ним ездила чаще!

– А что, право, Ивановна! Уж не съездить ли в самом деле тебе опять и не поговорить ли о том? Ты можешь прямо сказать, что дело не дело, а это бы нимало не мешало, если бы они меня, а я их мог видеть и сколько-нибудь мы между собою познакомились. Можно б сделать сие без дальней огласки и где-нибудь в постороннем и знакомом им доме и расположить так, что будто бы съехались мы ненарочным образом.

– За чем дело стало? – сказала Ивановна. – Давайте лошадей! Я на будущей неделе готова опять ехать и скажу им, будто я была на Вепрее у своих немцев и оттуда к ним разсудила заехать опять.

– Право, съезди-ка, Ивановна, и поговори, и буде дело пойдет сколько-нибудь на лад, то смотри ж, постарайся уже о том, чтобы именно было и назначено, куда и когда мне приехать.

– Это разумеется само собою, – сказала она. – Извольте, и я вам дам знать, когда вам ко мне прислать лошадей.

Сим образом условились мы тогда с нею, и мне не было нужды долго дожидаться. Не прошло и недели еще после того, как она и прислала уже за лошадьми и повозчиком и в путь сей и отправилась. Но за то промучила она меня опять целых три дня нетерпеливым себя ожиданием. Во все оныя, а особливо в последний я как на огне пряжился и насилу-насилу дождался ее.

– Ну, моя голубка, – закричал я, увидев ее, к себе вошедшую, – получила ли ты успех в своем деле и не по-пустому ли проездила?

– Нет, нет, – отвечала она с радостным видом, – не по-пустому, и дело наше начинает, слава Богу, клеиться. Они не только на предложение мое охотно согласились, но сыскали уже и дом, где бы вам видеться, и хотели мне дать знать, когда именно и приехать вам туда.

–Что ты говоришь? – сказал я. – И где ж и у кого, Ивановна?

– У Василия Тихоновича Недоброва, – отвечала она. – Он им сродни и очень знаком и дружен, живет недалеко от Вепреи и на половине почти дороги отсюда к ним. Но как нужно им было наперед с ним видеться и условиться обо дне, в который бы им и вам к ним приехать, то и хотели они мне знать тогда дать...

– Очень хорошо! – сказал я. – Итак, станем мы ждать от них известия. Но смотри ж, Ивановна, дай же ты мне знать тогда о том поскорее, чтоб я мог сколько-нибудь к тому приготовиться и кого-нибудь пригласить с собою: не одному же мне ехать!

– Конечно, – сказала она, – и я тотчас либо сама прибегу, либо пришлю к вам сына. А говорили только они, чтоб приехали вы без дальних сборов и не набирали бы с собою многих.

– Да кого мне набирать, – подхватил я. – А разве попросить одну Софью Ивановну, не съездит ли она со мною.

– Это всего будет лучше. Им хотя и хочется, чтобы свидание сие было как возможно простее, но нельзя же вам ехать туда и без женщины с своей стороны: без того некому будет и поговорить с невестою и с ее матушкою. А Софья Ивановна, хотя и генеральша, но боярыня у нас не чиновная, а простая, и ей открыться в этом деле можно. Не надобно только многих других набирать с собою.

– Хорошо, хорошо! – сказал я. – Точно так и сделаем. Мне и самому не хотелось бы дела сего распускать слишком в огласку. Софью Ивановну я уже упрошу, чтоб она за собою подержала[1]. А пожалуй, и ты, Ивановна, не сказывай о том никому.

– Хорошо, – отвечала она, – от меня никто того не услышит.

Обещанное известие и получено было ею чрез немногия дни после того времени, и Ивановна моя не успела получить оное, как и прилетела ко мне с превеликою радостью.

[1] Помолчала.

– Ну вот, барин – сказала она, ко мне вошедши, – я в своем слове устояла. Приказали вам кланяться и сказать, чтоб вы пожаловали после завтрева к Василию Тихоновичу к обеду.

Кровь во мне вся воспламенилась, как я сие от ней услышал, и сердце хотело власно как вон выскочить от трепетания. Но, оправившись кое-как от своего смущения, спросил я у ней: не знает ли она, не будет ли кого с ними из посторонних?..

– Никого, – сказала она, – разве одна невестка Марьи Абрамовны, братнина жена, Матрена Васильевна Арцыбашева, с которой она живет очень дружно и согласно, и к тому ж и невестина она родная тетка.

– Ну, хорошо, Ивановна! Стану же я к сему времени готовиться и сегодня же съезжу к Софье Ивановне и позову ее с собою. Но поедет ли она еще к ним, как совсем ей незнакомым людям?

– Поезжайте, сударь, и попросите, может быть, и согласится. Об них и о хозяевах уверьте ее, что они люди все добрые, простые и не чиновные, и вы их полюбите. А особливо Василий Тихонович, какой это добрый человек! Вы не наговоритесь с ним довольно, а и я верно знаю, что и он вас полюбит.

Теперь не могу изобразить, в каком смущении и безпокойствии духа препроводил я как достальную часть того, так и весь последующий день. Я не преминул съездить к старику, своему деду и, открывшись в намерении своем, просить жену его, генеральшу, одолжить меня в сем случае и со мною туда съездить. Софья Ивановна сначала, было отнекивалась, но как я стал просить о том и старика, и он, желая искренно, чтоб я скорее женился, радовался, что отыскивается мне такая невеста, и, советуя мне не упускать сего случая, охотно на то соглашался, чтоб ей ехать и сам на то еще настаивал, то наконец согласилась и она и дала мне в том слово.

Но как смущение мое увеличилось, когда ввечеру, пред наступлением назначеннаго для свидания сего дня, вдруг, и против всякаго чаяния и ожидания, явился предо мною приятель мой, Иван Тимофеевич *Писарев*, прискакавший ко мне без памяти. Я остолбенел, увидев его ввечеру к себе вошедшего, и неожидаемость сия так меня смутила, что я несколько минут стоял, как пень, и не знал, что мне с ним говорить и о чем спрашивать. Никогда приезд его не был таков неблаговременен, как в сей раз, и я, утаевая тщательнейшим образом от него все мое сватовство, не знал тогда, как мне быть, что с ним делать и сказывать ли ему о своем намерении или не сказывать.

Сперва показался мне сей приезд его натуральным, хотя и не мог я надивиться и понимать, что б такое побудило его опять и так скоро ко мне приехать; ибо не прошло еще и трех недель, как он у меня в последний раз был и ничего о скором опять приезде не сказывал и не говорил. Но как при выбирании из повозки и внашивании его вещей в горницу приметил я, что он привез с собою и шпагу и свой артиллерийский мундир, чего до того никогда не делывал, а притом чрез несколько минут он мне прямо сказал, что приехал ко мне дни на три, а может быть, и долее у меня пробудет, то все сие не только удивило меня еще больше, но произвело во мне уже некоторое и подозрение.

«Батюшки мои! – думал и говорил я тогда сам себе. – Как же это так? Уж право что-то не натурален сей его приезд ко мне, и уже нет ли тут какого-нибудь финта и не скрывается ли какого таинства? Уж не узнал ли он каким-нибудь образом о моем сватовстве и что завтрашний день назначен у нас для свидания?.. Уже не было ли у него каких людей подговоренных?.. Уже не дал ли кто ему о том знать, и не затем ли с умысла он ко мне и приехал теперь, чтоб меня завтра задержать или в деле сем сделать какое-нибудь помешательство?»

Чем далее я сим образом думал и сам с собою говорил, тем имовернее казалось мне сие дело и тем более находил я в том правдоподобия. И как наконец я в том почти не сомневался, то сие увеличило еще более и подозрение и неудовольствие мое. Гостю моему был я в сей раз и очень уже не рад. Говорится в пословице: «Не в пору гость – хуже татарина», и это действительно правда – и он был для меня тогда точно таковым. Как я его ни любил и как мы с ним ни дружно до того жили, но в сей раз охотнее бы я желал, чтоб его у меня не было. Но как переменить того было уже нечем и я предусматривал, что ни выжить его, ни утаить от него намерения своего было уже никак не можно, то стал я уже думать и сам с собою совещаться уже о том, как бы мне с ним поступить и ему о том разсказать лучше, и положил наконец никак ни намерения, ни езды своей не отлагать, что б такое он мне ни стал говорить, а звать его лучше с собою, и когда не поедет, то ехать одному.

Расположившись поступить с ним таким образом, не стал я уже и сам медлить, но довел тотчас до того речь.

– Ну, братец, – сказал я ему, скажу тебе сущую диковинку. Ты приехал ко мне не нарочно, а ведь очень кстати, и тебя власно как сама судьба ко мне в сей раз прислала!

– А что таково? – спросил он у меня с притворным удивлением и будто ничего не зная и не ведая.

– Что, братец, – тебе, как другу, могу я во всем открыться и сказать, что я собрался завтра поутру в недальний отсюда путь ехать.

– Куда это и зачем? спросил он у меня далее.

– Что, брат, скажу тебе за секрет, что за меня сватают невесту, и как ни я ее, ни она меня еще не видала, то и хотелось нам друг друга посмотреть, и положено, чтоб в завтрашний день съехаться нам в одном постороннем и им знакомом и дружеском доме.

– У кого это? – спросил он меня далее.

– Есть некто старичок – Недобров, Василий Тихонович, – так у него в доме.

– Недобров!.. Недобров! – подхватил он власно как гнушаясь сим прозваньем и презирая оное. – Что-то мне слыхнулось о каком-то Недоброве, и кажется, что он ничего не значащий человек и какой-то так старичишка!

– Я право его сам не знаю, – сказал я, – но говорят, что он добрый человек и живет порядочно. Но какая нужда, кто б и каков бы он ни был: мне нужен не он, а невеста.

– Но невеста-то кто и какая такая? – подхватил г. Писарев и прежде, нежели я мог ему на сие отвечать, начал мне пенять и мне выговаривать, для чего я от него секретничал и не дал ему знать прежде и с ним о том не посоветовал.

Я оправдывался скоропостижностию сего дела и тем, что будто не успел ему дать знать о том, а к тому ж говорил ему, что будто сказано было мне, что его нет дома и что я за самым будто тем к нему и не посылал. Все сии и другие подобные тому извинения как ни были слабы и неимоверны, но он казался ими быть довольным. Но не успел он от меня при дальнейшем расспрашиваньи услышать, чьих была моя невеста, как с некаким малоуважающим и презрительным тоном и видом воскликнул:

– Каверина!.. Каверина!.. Но что-то я не слыхал, чтоб была где-нибудь невеста из фамилии этой! У нас есть тут вблизи Каверины; но это люди все бедные, ничего не значущие и недостойные никакого уважения. А чтоб такая невеста была Кавериных, о какой ты говоришь, и за которою б было сто душ приданого, того я никак не слыхал. И уже правда ли то?.. Я худо как-то всему тому верю... Но кто бы такой сватал за тебя эту невесту?

Тогда не хотелось мне никак сказать ему о своей Ивановне, а я сказал ему только:

– Ну, кто ни есть, братец, а что это правда, то правда; а что ты не слыхал, так то, может быть, от того, что невеста-то, сказывают, слишком еще молоденька.

– Ну, вот это дело иное, – сказал он, только воля твоя, но когда она Каверина, то наперед можно сказать, что тут ничему доброму быть не можно. Вся эта фамилия составляет Бог знает что, и я не слыхал еще ни об одном из них, чтоб был путный человек.

После сего стал он меня расспрашивать далее, и не успел услышать, что она по тринадцатому еще году, как вдруг, захохотав как сумасшедший и насмеявшись досыта, сказал мне:

– Как, братец, не с ума ли ты сошел и неужели на таком ребенке жениться хочешь? Умилосердись, государь мой, – что ты это затеял?

Досадно мне сие неведомо как было, и я едва мог перенесть такия его насмешки и сказал ему наконец:

– Но как бы то ни было, и жениться ли, не жениться ли, а видеть мне ее очень хочется и я любопытен очень ее узнать.

– И! пустое, сударь, пустое! – подхватил он. – И сущий это вздор! Когда так она еще мала и молода, то что и смотреть ее... И таким еще нарядным делом... ха, ха, ха!.. Ни малёхонько не кстати и начинать это!.. И не дурачься-таки, мой государь! Ты нимало не знаешь, какия последствия от того произойтить могут. Дела-то ты не наделаешь, а выведешь из себя историю и одурачишься так, что во всех домах о тебе говорить и смеяться тебе станут!.. Словом, как друг, не советую тебе никак предпринимать того, буде ты себе добра хочешь. И мой згад, что лучше б тебе послать и сказать им, что ты занемог и тебе быть завтра никак не можно или что тебя захватили нечаянные гости, и скажи хоть прямо на меня.

Слова сии так меня смутили и привели в такое замешательство мои мысли, что я не в состоянии был несколько минут ему ответствовать; а он, приметя мое смущение и задумчивость, вздумал еще более меня поджигать и говорил мне:

– Нечего-таки и думать, брат, а наряжай-ка скорее, и еще сегодня, кого-нибудь туда, и вели сей же час ехать и хоть на дороге ночевать, чтоб мог приехать туда как можно ранее и благовременно им сказать, что тебе быть никак не можно.

– Слышу! – сказал я, перервав его речь и не стерпя более такого пристрастнаго отговариванья. – Но воля твоя, брат, и что ты ни говори, но я дал слово завтра приехать и слова сего ни для чего на свете не переменю, и сам себя никак не захочу одурачить пред ними. А налыгать на себя болезнь того еще смешнее. Этого я никогда не делывал и делать без крайней нужды не стану. К тому ж я условился уже с Софьею Ивановною, и она обещалась съездить туда со мною. А что касается до твоего дружеского приезда ко мне, то ты как друг лучше помоги мне в сем случае разсматривать невесту-то и их семейство. А ежели не похочешь одолжить меня тем, чтоб вместе со мною туда съездить, так по дружбе своей ко мне не взыщи уже на мне, что я, оставив тебя, туда съезжу. Езда моя недолго продлится, я завтра же к вечеру и назад возвращусь. А ты ежели похочешь в доме моем меня подождать, так можешь этот день у знакомаго тебе моего соседа, Никиты Матвеевича, препроводить. А что ты говоришь, что я выведу из того о себе историю и что во всех домах обо мне говорить и мне смеяться станут, то я не знаю и не понимаю, как бы это могло сделаться. У нас смолвленось так, чтоб никто почти из посторонних о сем съезде нашем не знал и не ведал, и ты один только, которому я в сем открылся. Так разве ты это повсюду разблаговестишь, а то почему кому узнать о том.

Сими словами тронул я его так, что он тотчас перервал мне сию речь и сказал:

– А мне какая нужда разблаговещать о том, когда тебе того не надобно, – потом, помолчав и позадумавшись несколько, продолжал он далее говорить: Нет! нет, мой друг, – сего ты от меня не опасайся. А чтоб доказать тебе искренность дружбы моей к тебе, то изволь, сударь, я соглашаюсь и с тобою ехать вместе, благо кстати взял я и мундир с собою. Правду сказать, у меня не то, а другое было на уме и я приехал было с предложением тебе другой и такой невесты, которая по всем отношениям будет гораздо, гораздо повыгоднее сей; но о сем дозволь уже мне и помолчать теперь до поры, до времени, а то ты подумаешь еще, что я разбиваю тебя в твоем сватовстве и предначинании. Изволь, сударь, изволь! Поедем и посмотрим, что за невеста такая?.. Съездить не великий труд и не диковинка!

Я благодарил его за сие и не стал уже и сам добиваться до того, чтоб он сказал что-нибудь более о другой невесте своей. Итак, на другой день, ранехонько собравшись и заехав за Софьею Ивановною, поехали мы все вместе: мы, запрягши большия городовыя сани, ибо тогда в кибитках так,

как ныне, еще не езжали, а употреблялись более крытыя сани либо возки, но у меня ни возка, ни крытых саней тогда еще не было, а Софья Ивановна в своем возке – и чин чином.

Мы приехали к господину *Недоброву* еще довольно рано и гораздо до обеда, но нашли невесту мою с ее матерью и теткою, госпожею *Арцыбашевою*, нас уже дожидавшихся. Дом господина Недоброва был в самом деле небольшой и не слишком прибранный, ибо он был человек небогатый, а притом и старинного века. Что ж касается до самого характера его, то был он в самом деле человек очень добрый и старичок неглупый и очень ласковый и благоприятный. А такова же была и жена его, *Авдотья Дмитровна*. Оба они обласкали меня неведомо как и не могли довольно наговориться со мною.

В тетке невесты моей нашел я боярыню умную и такую, с которой можно было с удовольствием о многом говорить. Она говорила также со мною много. А равномерно и мать невесты моей казалась боярынею тихой, но разумною; однако не имела почти духу со мною говорить, а довольствовалась слушанием, как другие со мною говорили, и примечанием всех моих поступок. Что ж касается до самой дочери ее, а моей невесты, то не могу изобразить, как много удивился я, увидев образ и все черты лица ее действительно похожие на те, какия видел я в моем сновидении. И чем более я в нее всматривался, тем множайшее, казалось мне, находил я с виденным во сне подобием ее сходство.

Странность сего удивительнаго и редкаго происшествия так меня поразила, что не сходила она у меня с ума во всю мою тогдашнюю в сем доме бытность. И как за обедом случилось мне сидеть прямо против моей невесты, то начинал и сам уж я почти не сомневаться в том, что едва ли не она назначается мне Промыслом Господним действительно в жены, и потому и разсматривал я ее наивнимательнейшим образом. Однако сколько ни старался и даже сколько не желал я в образе ея найтить что-нибудь для себя в особливости пленительное, но не мог никак ничего найтить тому подобнаго: великая ее молодость была всему тому причиною.

Она была действительно так молода, что не можно было никак почесть ее совершенною невестою, и потому хотя и была она недурна собою, но весь образ и все черты лица ея имели в себе нечто детское и не в силах еще были произвесть какия-нибудь особыя чувствия. Со всем тем доволен я был, по крайней мере, тем, что не находил я в ней ничего для себя

противнаго и отвратительнаго; а сверх того, и ростом была она больше, нежели каковою я ее себе воображал, и так что если б неизвестны мне были ее лета, то почел бы я ее девушкою лет 15-ти.

Впрочем, во все пребывание мое там не удалось и не можно было мне ничего с нею самою говорить и не слыхал почти, как и говорит она. Немногия только слова проговорила она в ответ спрашивавшей ее что-то тетки. Что касается до всех ея бывших тут родных, то они мне поступками и обхождением своим полюбились. В особливости же приятно было мне то, что все они были люди не слишком светские, пышные, чиновные и модные, но более простые и деревенские и такие, какие наиболее мне под стать и мною желаемы были.

Мы пробыли у них не более как несколько часов, ибо, как случилось сие 18-го генваря и дни были в сие время короткие, то, боясь, чтоб не захватила нас в дороге мятель, не стали мы дожидаться до самаго позднягo вечера, но как скоро начал приближаться оный, то, распрощавшись с ними, и отправились домой.

Сим кончилось тогдашнее первое свидание, и как условлено у нас было предварительно, чтоб в сей раз с обоих сторон ничего не говорить и ничего не спрашивать, то и действительно не было ничего говорено и сей раз о самом деле, но мы были и поехали так, как бы приезжали в гости.

А сим дозвольте мне окончить и сие письмо и, предоставив дальнейшее повествование будущему, сказать вам, что я есмь ваш и прочая.

НОВОЕ СВАТОВСТВО

Письмо 112-е

Любезный приятель!

Продолжая теперь повествование свое далее, скажу вам, что не успели мы, севши в сани, со двора съехать, как товарищ мой горел уже нетерпеливостию узнать, какова мне показалась невеста и каких бы я был об ней мыслей, и потому заикнулся было тотчас меня о том спрашивать. Но я, тотчас толкнув его ногою и, завернувшись будто от стужи в свою шубу, не сказал ему в ответ на то ни единаго слова, давая ему чрез то знать, чтоб он помолчал. Но как он не совсем догадался, что я не хочу с ним говорить,

и, по нетерпеливости своей, начал было опять заводить речь о том, то, наклонившись к нему, шепнул я ему на ухо, чтоб он пожаловал отложил говорить о том до возвращения нашего в дом и что мне не хотелось бы, чтоб кучер и стоявшие позади люди могли говоренное нами слышать. Сим принудил я его о сем замолчать и он, соображаясь с желанием моим, завел было тотчас речь со мною о другой материи; но я, не имея охоты и о том с ним тогда говорить, а желая иметь свободу заняться размышлениями о том, что происходило тогда со мною, сказал ему прямо и без обиняков: «Охота тебе, братец, говорить на такой стуже, а я так озяб и мне истинно не до разговоров теперь, а насилу могу, и шубою закутавшись, согреться». Через сие и получил я то, чего желал, и добился до того, что он замолчал и оставил мне свободу думать и разсуждать, как мне хотелось.

В размышлениях сих и углублялся действительно я во всю дорогу и так, что за ними почти и не видал, как мы весь обратный путь совершили. Легко можно заключить, что предметом оных была наиболее – виденная мною невеста.

Я не знал, что мне об оной заключать и как расположиться в разсуждении тысячи разных помышлений, бродивших тогда в голове моей. Я мыслил и то и другое, и как она не произвела во мне никаких особых чувствований, и я поехал, хотя с удовольствованным любопытством, но столько же или еще более хладнокровным к ней, как и приехал.

С другой стороны, не произошло в душе моей и никакого к ней отвращения; то не мог я никак сам с собою согласиться в том, продолжать ли сие дело и сватовство далее или от онаго отстать совершенно. И того и другого мне как-то не хотелось. К первому не было и не находил я никаких дальних побуждений, ибо ничто меня в особливости в ней не прельщало, а от последняго отвлекала меня, во-первых, надежда, что, может быть, в то время как она подрастет и сколько-нибудь повозмужает, и в состоянии она будет произвесть во мне собою нежныя чувствования; во-вторых, та мысль, что другой невесты, может быть, и не скоро сыщется, которая бы была с таким достатком, а что всего паче, с таким семейством, каково было сие и которое в особливости тем мне нравилось, что было небольшое и состояло только в ней и ея матери. Обстоятельство, что была она одна только дочь у матери, и мысль, что сия могла бы жить вместе с нами и быть до совершеннаго ее возраста у нас хозяйкою, в особливости предубеждало меня в ее пользу и мне, казалось, что сие было бы для меня очень кстати.

Далее хотя смущала и озабочивала меня весьма много та мысль, что видел только одно лицо невесты, а о душевных ея дарованиях и склонностях и нраве не имел еще ни малейшаго понятия и о уме ея не мог еще делать ни малейших заключений, а особливо узнать, имеет ли она хотя небольшую склонность к читанию книг, какую всего паче хотелось бы мне найтить в своей невесте; но, с другой стороны, думал и то, где ж я найду такую, которой бы и нрав и все душевныя склонности и дарования мог бы я узнать коротко, как вещи, которыя обыкновенно в невестах всего труднее безошибочно узнавать можно.

«Тут, – говорил я сам себе, – по крайней мере, остается еще великая надежда на ее молодость и что в случае, хотя б она и не имела желаемых мною склонностей, но если натурально не глупа, то, может быть, удастся и вперить в нее то, что желал бы я найтить в невесте, так как и самый нрав, может быть, можно будет сколько-нибудь исправить, если б оный в чем-нибудь показался дурен. Но с иною и совершенно взрослою и уже в чем-нибудь закореневшею трудно будет ладить, а должно будет довольствоваться уже тем, что найдешь, и в случае неудачи весь свой век горе с нею мыкать. А наконец, как и самое имя ея как-то мне в особливости было приятно и нравилось, то все сие и привязывало меня к ней и отвлекало от того, чтоб отстать от ней совершенно.

Сим образом, находясь в тысяче разных помышлениях и в совершенной нерешимости что делать, ехал я домой; а как мы уже приближаться стали к своему селению, то начал я думать и помышлять о том, как мне быть и что сказать своему спутнику. Я не сомневался, что он не преминет тотчас меня исповедывать, как скоро мы приедем, и наверное полагал, что он станет мне невесту корить и как ее, так и меня и все мое сватовство поднимать на смех. И как мне что-нибудь сказать ему необходимо будет надобно, то долго думал я, как бы мне в сем случае расположиться лучше, и наконец за лучшее признавал притвориться и принять на себя вид, что она мне вовсе не полюбилась и что я не хочу вовсе об ней и думать. Сим надеялся я вдруг не только заградить ему уста и произвесть то, чтоб он и впредь в сие дело не мешался, что мне и хотелось; но побудить его рассказать мне и о той своей другой и лучшей невесте, о которой намекнул он мне при нашем отъезде.

В сих расположениях мыслей и возвратился я с ним домой, где тотчас и увидел, что я нимало не обманулся в своих мыслях и ожидании. Не

успели мы приехать и от людей удалиться, то и начал он прямо ироническим образом со мною о сем путешествии говорить и меня исповедывать.

– Ну, что ж, братец, – ну что, невеста-та?.. Какова же она тебе показалась?.. Уж невеста!.. Нечего говорить!.. Прямо уж невеста!.. Было зачем трудиться так далеко ездить и так зябнуть!

– Что, братец, – сказал я, приняв на себя прямо неудовольственный вид, – я и сам уже о том тужу, что затевал сие. Ну, какая это невеста, ребенок еще сущий.

– Этого я и ждал, – сказал он видимым почти образом обрадуясь, – что она не прельстит тебя собою. Да и чему и прельстить-то в самом деле? Нет, кажется мне, тут ни в чем и ничего прелестнаго и завиднаго! И сама-то она, и семейство-то, и все знакомство, и вся родня-то их Бог знает на что походят! Словом, такая ли тебе, моему другу, невеста надобна? Мне кажется, что она и ноги-то твоей не стоит...

– Ну! что, братец, и говорить, – сказал я, перервав его речь и не допуская далее сим образом над нею насмехаться, – я уже перестал об ней и думать, и Бог с нею и совсем. Я и рад еще, что она так молода и что есть справедливый резон и отговориться, если б они и приступать стали.

– Конечно, – подхватил он, – и это и курам бы был смех, если б вздумал ты на таком ребенке жениться, да и ребенке-то еще каком! Ха! ха! ха!

– Ну, полно, полно, братец, говорить о сем, – сказал я, – а скажи-ка ты мне лучше о своей-то теперь, и какую-такую хотел ты мне предложить?

– Изволь, брат, теперь разскажу я тебе и о своей. Есть некто Иван Онофриевич Брылкин, не знаешь ли ты его?

– Нет, не знаю, – сказал я, – а слыхал только мельком его имя.

– Ну, так скажу тебе, что он человек почтенный, старый, умный и притом очень богатый. Вот неподалеку и отсюда есть у него превеликое село Лаптево, – не знаешь ли ты его?

– Как не знать, – отвечал я, – Лаптево от нас недалеко и не более десяти верст.

– Ну, так это его. И у сего-то господина Брылкина, по неимению детей, воспитывается в доме племянница, и то-то девка-то, уж не чета сей! Какая умница, какого хорошаго воспитания, какого поведения и какая охотница до книг и до наук! А и собою не дурна. А что всего важнее, то говорят, что он укрепляет ей более трехсот душ. Так вот невеста-то, и не с твоею ее

сменить, брат! И сию-то хотелось мне тебе предложить, и за такую-то чтоб тебе посвататься.

– Но хорошо, душ как дадут, – сказал я на сие, – люди это знатные и богатые; так куда нам за таких хвататься. Откажут и слова не скажут, и останешься только что в стыде.

– Что таково! – прервав мою речь, он сказал. – Разве не женятся небогатые на богатых, и нет разве тому тысячи примеров. Все ли только за богатством одним гоняются? И не дороже ли иным человек всех богатств и прочего?

– То так, – сказал я. – Но нам ли быть так счастливым? Бывает то по особливым случаям, а нам где их взять? Великая бы разница, если б жил я в свете и имел обширное знакомство; а здесь не имею я ни случая и ни малейшаго к тому следа, как, например, и самый этот Брылкин совсем мне не знаком и как можно мне к нему адресоваться?

– То-то и дело! – сказал мне на сие г. Писарев. – Незнаком он тебе, а знаком отчасти мне, и мне то-то и хочется тебя с ним познакомить. Я услышал, что он на сих днях хотел быть в Лаптево, и может быть, уже и приехал сюда. Итак, вознамерился я тебе при сем случае помочь и тебя к нему свозить как соседа и познакомить с ним. А там позвали бы мы его сюда, да и сам он должен бы был приехать и мы могли б его угостить. И тогда б нужно б ему тебя только узнать и о тебе от меня все услышать; так легко статься может, что он тебя и полюбит. А нужно б только тебе ему полюбиться, как и пошло бы дело на лад. Он, как все говорят, ищет племяннице своей только человека.

Признаюсь, что слова сии меня смутили и заставили о предложении этом более думать, нежели сколько я сначала хотел. А он, желая меня более к тому прилепить и чрез то отвлечь мысли мои от госпожи Кавериной, стал говорить, что нам нечего бы и медлить и наутрие ж бы еще послать людей проведать в Лаптево о приезде г. Брылкина. И как я на то был согласен, то и отправили мы действительно в Лаптево двух человек: я своего, чтоб показать дорогу, а он своего для распроведывания.

Между тем как посланные наши туда ездили, не преставал он почти ни на минуту говорить со мною о сем деле и о том, как бы ему познакомить меня с господином Брылкиным, и мне его у себя угостить лучше; и дабы искренности его обо мне попечения придать более вероятности, то стал он входить даже в мое хозяйство и расспрашивать обо всем, что у меня

есть и чего не было из нужных вещей к сему угощению. И как оказалось, что у меня многого не было, то советовал он мне все то заблаговременно искупить и приготовить и написал мне превеликий реестр всем сим недостающим вещам и всему, что мне надлежало сделать. И как недоставало у меня на тот раз и самой хорошей сладкой водки, то принялся он сам из простой водки делать и приготовлять оную с разными специями и подслащивать. И мы занимались одним почти тем во все течение дня того. Вот как хитро умел он придавать всему тому вид вероятности. Теперь не могу изобразить, с каким нетерпением дожидался я возвращения наших посланных, и как много начал я озабочиваться сим новым делом. Наконец приезжают наши люди, и человек его сказывает нам, что Брылкин еще не бывал, но что его ждут и наверное полагают, что он будет, однако не прежде, как через неделю или более.

– Ну, жаль же мне и очень жаль сего, – сказал на сие мой приятель, приняв на себя вид истинного сожаления, а особливо потому, что мне так долго у тебя жить и его приезда дожидаться невозможно... Однако, что ж, – власно как встрепенувшись, продолжал он, это нимало не мешает и для нас же это лучше. Ты можешь чрез то иметь более времени всем позапастись и все приготовить. Успеешь и платьецо и себе и людям сшить получше и все, что я говорил, сделать. А я между тем съезжу домой исправить свои нужды и получить чрез то более свободы пожить у тебя тогда подолее. Ты же между тем проведывай почаще о приезде, и как скоро он на двор, то присылай тотчас ко мне нарочнаго. Я вмиг к тебе прибегу, и какие бы ни случились нужды и недосуги, – все для тебя, моего друга, оставлю!

– Очень хорошо, – сказал я, – и ты, пожалуй, уже меня тогда не оставь, братец.

– Боже мой! – подхватил он. – Можешь ли ты в том сомневаться и стоит ли еще просить о том. Будь, сударь, единожды и навсегда уверен, что я тебе друг, желаю тебе от всего сердца добра и не упущу ничего сделать, что только может относиться к твоей пользе.

С сим уверением, которому я тогда слепо верил и не верить не мог, и разстался он со мною, и на другой же день от меня домой поехал. Чтоб придать всему еще более весу, то подтвердил он мне и при самом еще отъезде, чтоб я присылал к нему скорее человека и тотчас, как только узнаю о приезде г. Брылкина.

– Хорошо, хорошо! – кричал я вслед ему. – Это я не упущу сделать и тотчас к тебе гонца отправлю!

Но что ж воспоследовало? Лишь только что он съехал со двора, и я еще не успел засыпить мысли о сей новой невесте, которыми вся голова моя была во все то утро наполнена, как нечаянно попадись мне на глаза тот из людей моих, который посылан был в Лаптево с его человеком. И вдруг родилось во мне любопытство порасспросить у него пообстоятельнее о том, что они там о приезде г. Брылкина слышали. «И спросить было мне и его еще о том», – сказал я сам себе, и тотчас его к себе кликнул. Но как удивился я, когда на первый мой сделанный ему вопрос о том, он с оказанием некотораго удивления мне сказал, что он о приезде лаптевского боярина ничего не знает, а напротив того, слышал, что он нынешнею зимою в Лаптево не будет.

– Вот какой вздор! – сказал я. – Врешь ты это, братец! Как же сказывал человек Ивана Тимофеевича, что его ждут с часу на час и что он на будущей неделе верно будет.

– Не знаю уж того, – отвечал слуга мой, изумившись еще более. – Правда, человек ходил к прикащику и говорил с ним; но и со мною стоял их староста и мы много еще с ним о том говорили. И как же бы, кажется, не знать о том старосте, ежели б его ждали. Он мне еще сказывал, что недавно от них ходил обоз в Москву с столовым запасом и хлебом и что приехавшие именно говорили, что боярин их в сей год к ним не будет; а сверх того, кабы они его ждали, то бы верно топлены были его хоромы, а то они не топятся, и я сам видел, что и окна в них закрыты и крыльцо все занесено снегом.

– Что ты говоришь?! – сказал я, крайне тому удивившись. – И как же это так? Тот уверял за верное, что к приезду его все готово, а ты совсем противное тому говоришь!

– Не знаю, сударь, – отвечал он. – Только, воля ваша, а это неправда, и я не знаю с чего он взял это.

– Господи! – сказал я тогда сам себе. – Это очень что-то мудрено и удивительно... И уже нет ли и тут со стороны друга моего какого-нибудь финта? И не выдумано ли уже все и это для отвлечения только меня тем от невесты?

Мысль сия так меня встревожила и смутила, что я начал и гораздо подозревать его в обмане, и чем более о том мыслил, тем сумнительнее

становилось мне сие дело. И тогда приходили мне на память и некоторыя слова, говоренныя моим другом, которыя и тогда казались мне уже несколько несвязными и кои я никак не мог сообразить с прочими его о невесте сей разсказами, но я тогда их как-то пропустил и не уважил, а теперь увеличивали и они мое подозрение. «Что ж таково! – наконец сказал я. – Удостовериться во всем этом недолго. Завтра же пошлю человека и велю обо всем распроведать точнее и обстоятельнее»; а сие действительно и сделал.

Между тем как посланный мой туда ездил, продолжал я заниматься мыслями как о происшествии сем, так и о самой сей невесте; и чем далее о том мыслил, тем более уменьшалась во мне охота начинать сие новое сватовство. Обстоятельство, что была она знатнаго и богатаго дома и воспитана в Москве и в большом свете, как-то мне весьма не нравилось. «Ежели б была все то правда, – говорил я сам себе, – в чем старался меня мой друг уверить, так Бог еще знает, приступать ли к сему делу. Дом этот знатный и богатый, и куда нам небогатым и простым деревенским жителям соваться и входить в такую знатную родню? И не рад будешь, как ввяжешься в роднищу большую и знатную. К тому ж и невеста, Бог ее знает, какая! Совсем она мне не знакома; а что московским духом и пышностию она набита, в том нет и сомнения никакого. Итак, пожалуй, ладь тогда с нею. Не рад будешь и жизни, как свяжешься!»

Сими и подобными тому мыслями занимался я до самаго того времени, как возвратился мой посланный.

– Что? – спросил я, его завидев.

– Что, сударь, все пустое! – сказал он, усмехаясь. – И я только что в стыде остался. Прикащик и меня и вас, сударь, только на смех поднял, и мне с перваго слова сказал: «Что это вам и боярину вашему попалось? Я кажется и прежнему вашему посланному и довольно ясно сказал, что господина нашего здесь нет, что мы его никогда и ждать не начинали и что у его и на уме нет нынешнею зимою приезжать сюда. С чего это взяли, я истинно не знаю. Скажи это боярину своему». Вот, что сказал мне прикащик.

– Ну, хорошо! – сказал тогда я, досадуя неведомо как на моего друга. – Изрядно ж он со мною поступил! Спасибо! Ей, ей, спасибо! Долго б было мне дожидаться... Но подождет же он от меня теперь и присылки, и вперед буду я уже поосторожнее, и не так легко ему во всем верить стану!

Удостоверение сие, открывшее мне глаза и доказавшее явно неискренность и даже самый глупый обман и хитрость моего друга, истребило тогда вдруг все мои о сей новой невесте помышления и обратило их опять к прежнему предмету. «Чуть ли, – говорил я сам себе – тут дело будет не надежнее? Не лучше ли приниматься за прежнее и постараться теперь узнать о том, какого остались они обо мне мнения и показался ли я им или нет, и распроведать, сколько можно, о том, чего я еще не знаю, то есть о нраве и душевных дарованиях виденной невесты. Дай-ка мне теперь увидеть мою Ивановну! Настрою я ее к тому, сколько можно». Сия и не преминула ко мне и в самый еще тот же день явиться. Ее первое слово было:

– Ну что, боярин? Были ль?

– Был – сказал я.

– И видели?

– И видел.

– Ну, какова же показалась вам моя *Александра Михайловна* и матушка ее, *Марья Абрамовна*?

– Ну, что, моя голубка, – отвечал я, – *Марья* твоя *Абрамовна*, кажется мне, боярыня умная и степенная и показалась мне гораздо моложе, нежели я думал; а и *Александра* твоя *Михайловна* девушка кажется изрядная и ростом довольно уже великонька и более, нежели я думал. Но все молода, и очень, очень молода!

– Об этом нет и спора, – сказала она, – это я вам наперед уже сказывала. Но вопрос теперь, полюбилась ли она вам?

– Бог знает, – сказал я, – Ивановна; чтоб полюбилась она мне, и полюбилась очень, того не могу я сказать. Но как и полюбиться, когда она почти сущий еще ребенок; но, по крайней мере, она не дурна собою и мне нимало непротивна.

– Ну так и слава Богу, – сказала на сие Ивановна. – Это-то и надобно, и этого уже довольно; а полюбиться она уже полюбится, дай-ка ей только повозмужать и повырость больше... Но как же вы теперь думаете? – спросила она меня далее.

– А я думаю то, – сказал я, – что мне хотелось бы теперь знать, каков показался я им, а особливо невесте, и какого они обо мне мнения?

– О! это недолго узнать, – сказала она, – мне нужно только побывать у них. Они мне все скажут.

– Ну слушай же, Ивановна, когда так, то сделай же ты мне одолжение и съезди туда. Но знаешь ли, съезди так, как бы сама от себя, а не от меня нарочно, и не бери с собою моего человека, а поезжай хоть на моей лошади, но с своим сыном, чтоб тем лучше могли они тому поверить. И пожалуй, распроведай обо всем хорошенько, особливо о том, не противен ли я самой невесте-то. Ежели дойдет речь до меня, то ты скажи, что ты меня видела, что они мне все полюбились; но что я тебя к ним еще не посылал и ничего еще с тобою не приказывал и что не знаю о том, что ты и поехала. А буде станут они говорить, для чего я приезжал не один, то скажи, что сие случилось нечаянно и не нарочно, что гость сей мне приятель и приехал ко мне ввечеру перед тем днем, как ехать; что я ему и не рад был и что по необходимости принужден был взять его с собою.

– Хорошо, хорошо, батюшка, – сказала мне на сие Ивановна, – но скажите вы мне, говорили ли вы что-нибудь с невестою и умна ли она вам показалась?

– Нет, моя голубка! И можно ль было мне с нею говорить о чем-нибудь, а особливо по ее молодости. Я и с матерью ее очень мало говорил, а потому и смущает меня теперь наиболее то, что я не могу ничего еще судить о ее разуме и боюсь пуще всего, что не глупа ли она. Итак, пожалуйста, как можно пораспроведай, моя голубка, о том, умеет ли она, по крайней мере, грамоте и читать и писать и не охотница ли читать книги? Куда бы мне хотелось, чтобы она была к сему сколько-нибудь охотница и мне могла б в том сколько-нибудь сотовариществовать. Также поразведай, сколько тебе будет можно, и о том, к чему она наиболее охотница; также не дурного ли нраву. Дурной нрав ведь и смаленьку уже в человеке приметен, и этого я боюсь всего более. А постарайся также узнать и о склонностях и охотах ее матери, мне и о том нужно бы очень знать.

– Хорошо, хорошо, – сказала она, – я постараюсь, сколько мне только можно будет узнать, и разскажу вам потом все и все; а также и о том поразведаю их мысли, как же бы они теперь располагались и согласились ли б ее за вас отдать, если б вы того уже стали желать и требовать.

– Очень хорошо, моя голубка, – сказал я. – Ступай же с Богом и ежели можно, то завтра же поезжай к ним, а чтоб лучше обо всем узнать, то пробудь у них хоть день-другой лишний.

– Очень хорошо, – сказала она. – А благо, кстати, сыну моему есть крайняя нужда побывать в Туле, так и пускай он оттуда в нее проедет

и там надобности свои исправит, а я между тем и останусь погостить у них.

– Всего лучше, – сказал я, – ты и сказать можешь, что по случаю самой сей езды его в Тулу, ты к ним и приехать вздумала.

Она и действительно все так сделала, как говорено было, и, дней через пять возвратившись назад, тотчас и прилетела ко мне, с нетерпеливостию и крайним любопытством ее дожидавшемуся.

– Ну, что, моя голубка, Ивановна? – спросил я ее, увидев. – Ездила ли ты, и что вестей?

– Целый короб привезла их к вам, барин! – отвечала она, – и все хороших. Полюбиться вы им полюбились всем. Они все вас хвалят, говорят об вас хорошее и довольны всем вашим поведением.

– Неужели? – спросил я. – Слышала ты тоже и от невесты самой?

– Ну нет! – отвечала на сие Ивановна. – И надобно солгать, ежели сказать, что слышала все то же и от самой невесты. От сей по молодости ее трудно сего добиться. Она, как ни была ко мне до сего ласкова и как меня ни любила, но с того времени, как узнала о моем сватовстве, и смотреть на меня и говорить со мною не хочет. И ей, что ни говори, так либо молчит, либо плачет, либо, застыдившись, уйдет прочь. От ней не могли еще того и все родные ее добиться, чтоб она сказала, каковы вы ей кажетесь. Но, по крайней мере, и то уже хорошо, что она не противится и не просит, чтоб сие дело оставили. А когда б противны были вы, так бы, верно, она сказала. Вот вам все, что я могла узнать об невесте вашей. А впрочем, грамоте она мастерица и читать и писать умеет, и когда заставляет ее матушка, то читает и книги. Сама же Марья Абрамовна охотница и любит читать книги, а притом и очень богомольна.

– Ну, это хорошо, – сказал я. – А о нраве-то, Ивановна, распроведывала ли ты?

– Распроведывала и расспрашивала кое-кого и о том, батюшка. Но это всего труднее еще узнать, и по молодости ее нельзя и судить еще о том. Теперь она кажется хорошаго и ласковаго нрава, так как и матушка ее очень хорошаго нрава и поведения; а вперед как выростет, Бог знает, какова будет, это не можно еще никому узнать. Нравы, как известно, с летами переменяются. Также и о склонностях ее нельзя еще ничего судить.

– То-то и дело, – сказал я и задумался, а она продолжала далее:

– А то только я слышала, что она рукоделка, не ветрена, не резва; любит заниматься чем-нибудь и в домашнем хозяйстве матери уже во многом помогает.

– Это все хорошо, – сказал я опять, перехватив ее речь. – Но нрав-то, нрав-то и неизвестность его ужасно меня устрашает! Ну, если она да дурного будет нрава, что ты тогда изволишь? Разве уже в этом случае полагаться на волю Божескую и свое счастие?

– Конечно, – сказала она, – другого не остается, и нрав узнать во всякой невесте трудно, кольми паче у такой молодой.

– То так, – сказал я, – кто их узнает; в девушках во всех нравы хороши, как говорят, но после-то выходит часто иное. Но что ж еще скажешь ты мне, Ивановна?

– А то, что товарищ ваш, с которым вы приезжали, им всем как-то не очень нравился. И слава Богу, что вы мне сказали, что случилось это нечаянно и что вы по неволе принуждены были взять его с собою. Этим успокоила я их; а то было это им не очень приятно, и они понегодовали и на вас за то.

– Вот изволь, пожалуй, – сказал я, – что он мне наделал, и теперь напоминаю я, что он с умыслом там себя дурачил и так себя вел, как я нимало не ожидал от него. Но о деле-то самом, как же они думают и что с тобою говорили?

– Что, батюшка, о деле-то самом и теперь говорят они все то же, что говорили прежде, – что по молодости ее начинать его никак еще не можно и что прежде о том и думать они не хотят, покуда не совершится ей 13 лет.

– Но когда ж это будет? – спросил я.

– Дожидаться правда и сего недолго, отвечала она. Именинницей вот будет она в Великий пост. Итак, все дело, чтоб только подождать до весны.

– Ну, это куда бы уже не шло, – сказал я. – Можно и до лета, а хотя и до осени еще свадьбою подождать. Пускай бы себе подрастала она. Я и сам тем более мог бы иметь времени исправиться всем и приготовиться к свадьбе.

– То так, батюшка, – подхватила Ивановна. – Но страшно, чтоб в это время не произошло и там от злых людей каких-нибудь каверз. Мне и так уже отчасти слыхнулось, что есть у них там соседка и приятельница им, по имени Аграфена Ивановна, и что этой старушке, Бог знает, что-то вздумалось разбивать все наше дело. Для меня удивительнее всего то, что не

видав вас в глаза и не зная вас нимало, а корит вас всячески; и когда уже не чем иным, так уже сущей и смешною небылицею. Затем и наскажи на вас; да кому ж? – самой Александре Михайловне, что вы и колдун-то, и чернокнижник, и Бог знает что.

– Что ты говоришь? – захохотав сему, воскликнул я... – Неужели в самом деле?

– Точно так, – говорила она. – И я сама уже тому смеялась, смеялась, да и стала и мне старушка эта не весть как досадна. Как это можно молоть такой вздор и внушать его ребенку... А та, по молодости и по любви своей к ней, поверив тому, и ну плакать.

– Ну спасибо же этой Аграфене Ивановне, – сказал я. – Есть право за что спасибо сказать. Да не с ума ли она сама спятить изволила? И сходно ли с разумом поверить тому, если б кто и стал ей то сказывать. И не глупо ли истинно, чем меня разкорить хочет?.. Но неужели и сама мать ее тому же верит?

– И! нет, – отвечала она. – И как можно этому верить. Однако как бы то ни было, но все неприятны и опасны такия каверзы, а потому и кажется, что им все еще хочется получить более времени об вас хорошенько и обстоятельнее распроведать.

– Пожалуй, – сказал я, – распроведывай себе, как хотят. Чего нет, то и будет нет, и злые люди что ни стали б выдумывать и сами от себя затевать, но правда сама собою после откроется. Досадны только этакие глупцы и негодяи!.. Ха! ха! ха! Уже в чернокнижники и в колдуны меня пожаловали! И можно ли чему глупее и смешнее такого вздора быть? А все небось потому, что я охотник до книг, до наук и до всяких рукоделий и знаю кой-какия хитрости.

– Конечно, – сказала она. – И у нас-таки между чернью мало ли какого вранья об вас.

– Что ты говоришь, Ивановна? Ну, не знал же я... Право не знал, что и от знания наук можно нажить себе молву дурную... Ха! ха! ха! Но воля их, и чтоб они ни говорили, но с науками не разстанусь я ни для кого и ни для чего в свете! Ну, как же, – сказал я наконец своей свахе, – так нам и быть, и опять остаться ни на чем?

– Видно, что так, – отвечала она мне, – но, по крайней мере, не далее, как до весны, или до лета. А тогда мы можем и опять приступить к ним.

– Конечно, – сказал я, – а между тем не трафится ли еще и другая какая невеста!

Сим кончилась тогда наша пересылка; а как нечувствительно письмо мое достигло до обыкновенных своих пределов, то дозвольте мне и оное сим кончить и сказать вам, что я есмь и прочая...

ПРИЕЗД НЕОЖИДАЕМОЙ И ПРИЯТНОЙ ГОСТЬИ

Письмо 113-е

Любезный приятель!

Вести, привезенные мне моею Ивановною, и все пересказанное ею мне повергло меня опять в превеликое недоумение и нерешимость, что мне делать. Я занялся опять мыслями и сумнениями разными о предначинаемом деле, и смущаем был ими тем более, что не имел никаких дальних побудительных причин к продолжению сего дела и к поспешению оным. В особливости же огорчало меня то, что не имел я никого, с кем бы можно было о том поговорить и посоветовать, и кто б мог подать мне искренний и благоразумный совет при тогдашних моих критических обстоятельствах.

О приятеле своем, господине Писареве, перестал я и думать. Явное пристрастие последняго его со мною поступка и очевидный опыт неискренности его дружбы отвлек меня совсем от онаго и побуждал еще более таиться от него в сем деле, нежели прежде. Из других не хотелось мне также никому в сем деле открыться. Старика, дяди моего родного, тогда не было в деревне, а жил он, по обыкновению своему, всю зиму в Москве. Старика, деда моего, генерала оставил я при том мнении, что невеста показалась мне слишком еще молода, и ему в истинном расположении своем и нерешимости не хотелось мне также открыться, отчасти для неискренности его со мною обхождения, а отчасти из опасения, нет ли действительно у жены его на уме женить меня на своей дочери, что после и оказалось в самом деле. Итак, оставалась одна только Ивановна; но и сия более только желала мне невестою своею услужить, нежели в состоянии была подать совет благоразумный. А посему и горевал я о сем недостатке добрых советников и не знал, что мне делать. Но, по счастию, мучительное сие состояние продолжалось недолго. Не успело нескольких дней пройтить, как вдруг од-

ним днем взъезжают ко мне на двор гости в дорожном возке и с кибиткою за оным. «Господи, кто бы это такой был?» – говорил я сам себе, смотря в окошко, удивляясь и не в состоянии будучи догадаться, кто б это такой был. Но удивление мое увеличилось еще несказанно, когда в окно увидел я выходящую из возка боярыню. В крайнем недоумении выбегаю я в сени, чтоб ее встретить. Но каким приятным восторгом поразился я, узнав в ней старшую сестру мою, госпожу Неклюдову, Прасковью Тимофеевну.

– Ах, Боже мой! – возопил я, бросившись в ее объятия. – Ах матушка сестрица; откуда ты это взялась? И мог ли я себе воображать, чтоб я так счастлив был, чтоб видеть тебя у себя в деревне! Не Сам ли Бог тебя ко мне прислал в такое время, когда ты мне всего нужнее.

Радостныя слезы текли тогда у меня из глаз, а и она, таковыя же обтирая, шла за мною, ведущим ее в свою хижину.

– Поди-ка, моя мать, и посмотри мое житье-бытье. И как это тебя Бог принес в дом дедов и родителей наших и вздумалось посетить меня в моем уединении?.. О, как много я тебе благодарен! – сказав сие, принялся я опять целовать у ней руки и лицо.

– Молчи, молчи, братец! Дай-ка мне обогреться сколько-нибудь, а то все тебе разскажу!.. И! как у тебя тепло и хорошо здесь! Какие это прекрасные покойцы ты себе сделал и как убрал здесь все так хорошо! И не узнаешь их! Это были, конечно, наши прежния кладовыя?

– Точно так! – сказал я и, водя по всем оным, показывал их ей.

– Ну, а там, – спросила она, – где мы прежде живали, что у тебя?

– Там все-таки по-прежнему и так, как было, – сказал я.

– О! поведи же меня, братец, и в ту половину, – подхватила она. – Хочу нетерпеливо видеть еще раз те места, где я родилась, воспитывалась, где жила в малолетстве... и поклониться молению предков наших.

– Изволь, моя мать, – и введя в прежнюю нашу большую горницу, ей сказал, – вот наша старинная передняя! Видите, вся потемнела она уже от древности.

Сестра не успела войтить в нее, как поверглась пред образами, которыми установлен был еще весь передний угол в оной.

– Да, – сказала она, – вот она и точно еще в таком же виде, в каком оставила я ее, отъезжая в последний раз с покойною матушкою отсюда. И поныне еще с удовольствием вспоминаю я, как маливалась я пред сими образами по утрам, находясь еще в девках.

После сего вошли мы с нею в угольную, с которою производимы были мною столь многие перемены.

– Вот эта уже совсем не такова, как была прежде, – сказала она, – но места в ней мне все памятны. Вот здесь, братец, висела колыбель твоя, как был ты еще махенькой, и я помню и поныне, как я тебя здесь иногда качивала. А вот здесь стояла кровать покойной матушки. Не знаешь ли, братец, на котором месте скончалась она?

– Вот здесь, – сказал я, указывая на передний угол. – Сюда, как мне сказывали, переставлена была кровать с нею, и тут испустила она свое последнее дыхание и преселилась в вечность.

Слеза покатилась тогда из глаз сестры моей. Она поклонилась сему месту и, отворотясь, утирала их платком своим. Потом пошли мы в комнатку, и сестра, указывая мне знакомыя ей еще места в оной, говорила: «Вот здесь сыпали мы с сестрою, а вот тут родился ты, братец. О как мила мне и поныне горница сия, где живали мы в малолетстве».

Не успел я ее обводить и возвратиться в свои комнаты, как просил я удовольствовать мое любопытство и разсказать, каким образом и по какому счастливому случаю я ее у себя вижу.

– А вот по какому, – сказала она, – у меня давно было обещание съездить помолиться к Нилу Столобенскому чудотворцу, в монастырь, что на озере Селигере близ Осташкова. А как оттуда не очень далеко было уже и до Москвы, то и восхотелось мне побывать еще раз на свою родину и посмотреть места сии, которыя я столь многие годы и с самого моего замужства не видала; повидаться с тобою, братец, посмотреть твое житье-бытье, а потом проехать в Кашин и повидаться с сестрою, Марфою Тимофеевною, у которой я также никогда еще не была и слышу, что она, бедная, нездорова. Не отпустит ли она со мною старшую дочь свою, мне хотелось бы ее взять у ней к себе.

– Это очень бы хорошо, матушка сестрица! – сказал я. – А то сестра как-то очень нездорова, и я боюсь, чтоб не лишиться нам ее; а вы знаете, каков зять наш, Андрей Федорович.

– То-то и дело! – сказала она. – Но скажи же ты мне, как ты поживаешь, братец? Все ли ты здоров?

– Слава Богу.

– Не скучилось ли тебе жить в одиночестве?

– То есть тот грешок – сказал я, – и потому помышляю уже о том, как бы нажить себе и товарища и жениться.

– Давной пора, братец! – сказала она. – Но есть ли невесты-то, и нашел ли ты себе какую?

– То-то и беда-та наша, – отвечал я, – невест много, но все как-то не по мне. А есть одна на примете, но и в разсуждении той не знаю, как решиться. Такая беда, что и посоветовать не с кем. Но теперь, славу Богу! И я очень рад, что ты ко мне приехала. С тобою, моя матушка, могу я лучше всех о том поговорить и посоветовать, и Сам Бог тебя ко мне принес.

– Очень хорошо, братец! – сказала она. – И как я у тебя неделю-другую пробыть расположилась, то и поговорим о том, сколько тебе надобно. И как бы я рада была, если б могла тебе сколько-нибудь в сем случае помочь.

Я поцеловал у ней за сие обещание руку и спешил скорее обогревать ее с дороги согретым чаем.

Между тем как я ее им потчивал, собрались все старейшие из людей моих, мужчины и женщины, которые видали ее еще незамужнею и были живы, и пришли просить, чтоб она им себя показала и дозволила им перецеловать у себя руки. Сестра с превеликою охотою на то согласилась и, напившись чаю, вышла к ним в лакейскую, и тогда представилась глазам моим сцена весьма трогательная. Все во множество голосов восклицали тогда: «Ах, матушка наша, Прасковья Тимофеевна!» И все наперерыв друг пред другом спешили целовать ее руки и изъявлять непритворную радость свою о том, что Бог допустил их еще прежде смерти своей ее увидеть. Всякая из женщин, подходя к ней, напоминала о себе и сказывала свое имя. Сестра помнила еще все оныя и многих из них узнавала, а другим дивилась, что они так состарелись и переменились, что и узнать их было не можно. Со всеми ими она перецеловалась, со всеми поговорила и всем приказала наутрие опять собраться и приттить к себе, чтоб могла она их оделить привезенными им гостинцами.

Как скоро сестра моя отдохнула сколько-нибудь от дорожных безпокойств и наступил вечер, уединивший нас от людей, то стала требовать она, чтоб удовольствовал я чрезмерное ее любопытство и разсказал ей о моих сватовствах и невестах. И тогда, усевшись с нею в уголок, и разсказал я ей все и все, с самаго начала и до конца, и не утаил от ней ничего из всего писаннаго и сообщеннаго вам в предследовавших моих письмах. И

доведя наконец повествование свое до самаго последняго случая и происшествия, изобразил ей всю тогдашнюю мою нерешимость, пересказал все, что меня к невесте прилепляло и все те сумнительствы, которыя меня устрашали и отвлекали от оной, и требовал наконец от нее совета, как бы мне поступить при сем случае было лучше.

Сестра моя слушала все слова мои с величайшим вниманием, и наконец, подумав, сказала:

– Не знаю, братец, я и сама, что мне тебе сказать на сие и какой совет лучше дать при таких твоих обстоятельствах. А желала б я и очень желала, если б только можно было, чтоб мне самой невесту эту и мать ее видеть, и тогда бы я уже могла сколько-нибудь надежнее мой совет тебе предложить.

– Хорошо бы, сестрица, – сказал я, – и очень бы это хорошо. Я и сам желал бы того, чтоб вы ее увидели, и это всего б лучше было. Но как же бы это сделать-то? – Вот вопрос. Разве поговорить о том с моею Ивановною, не придумает ли она к тому какого способа.

– Это дело, и хорошо, братец, – отвечала она. – И пошли-ка ты завтра поутру за нею. Благо и без того мне эту старушку видеть хочется и ее поблагодарить за ее об тебе попечение.

Сие я на другой день и сделал. А между тем покуда ездил туда наш посланной, явился к нам наш приходской поп, тот отец *Илларион*, о котором я имел уже случай вам пересказывать. Он не успел услышать о приезде сестры моей, как восхотел ее видеть того часа и побежал к нам. И сестра моя, знавшая его еще в малолетстве, была очень рада, что нашла его еще в живых, и не могла с ним обо всем и обо всем наговориться довольно.

Она сказывала ему о себе все, что ему хотелось знать, а он разсказывал ей о себе и о всех происшествиях, с ним бывших. И как он был старик отменно велеречивой и умевший и самыя безделки так красно и хорошо разсказывать, что с удовольствием его слушать было можно, то и занялись они и углубились так в разговоры между собою, что я мог, для исправления домашних своих надобностей и сделания нужных к дальнейшему сестры моей угощению распоряжений, от них на несколько минут отлучиться.

Между тем покуда я на конюшню и кой-куда ходил и сими распоряжениями занимался, и разсудила сестра моя, воспользуясь сим отсутствием моим, поговорить обо мне и о всех обстоятельствах моих с отцом *Илларионом*. Безсомненно, расспрашивала она его о всем моем житье и поведении, ибо не успела меня завидеть, как и начала мне говорить:

– Ну, спасибо братец, ей-ей, спасибо! Я очень порадовалась услыша от отца Иллариона о том, как ты здесь живешь и как себя ведешь хорошо, похвально и постоянно. Это всего лучше, братец! И мне очень мило и приятно слышать, что ты успел уже нажить себе хорошее имя и похвалу и любовь от всех знакомых и незнакомых себе соседей.

Я не знал, что ей на сие сказать, ибо она привела меня тем в некоторое приятное самого себя устыдение, но от котораго не успел я еще оправиться, как продолжала она далее говорить мне с веселым видом.

– Но знаешь ли ты что, братец, и сказать ли тебе, что я хотя недолго здесь еще жила, а нашла уже и другого знатока на твою невесту!

– Что вы говорите? – спросил я, удивившись. – И кого б такого?

– А вот кого, – сказала она. – Ты, конечно, и не знаешь еще того, что в том селе, где живет твоя невеста, попом ведь родной племянник отца Иллариона, сын сестры его родной.

– Не вправду ли? – возопил я.

– Точно так, – сказал отец Илларион.

– Но как же я этого не знал?

– Так-таки и у нас как-то никогда не доходила речь о том. Ваша честность не изволили никогда со мною говорить о сем, а самому мне мешаться в это дело смелости не было.

– Ну, не знал же я, батька сего! – сказал я, – а то б мы давно с тобою о сем поговорили.

– Итак, вот чрез кого, – подхватила сестра моя, – можно нам все и все узнать короче. Вот и они, братец, хвалят очень мать невесты твоей и говорят, что она хотя и молода еще, но живет очень хорошо, степенно и порядочно.

– Точно так, – присовокупил отец Илларион, – и племянник мой не нахвалится всегда сею прихожанкою своею, как ни случалось мне у него бывать.

– Так вы и сами бывали там, батюшка? – спросил я.

– Как же, – отвечал мне он, – и не один раз видал и Марью Аврамовну и ее дочку.

– Вот и он, братец, говорит, – подхватила сестра моя, – что она хотя хороша, но молодовата еще. Но сие куда бы уже не шло, и это не сделало б уже дальняго помешательства. А дай-ка мне только увидеть ее и повидаться с ними.

– А что, сестрица, нельзя ли как-нибудь чрез батьку это сделать? – спросил я.

– То-то и дело, – сказала она, – и мы уже и говорили с батькою о том, и нашли уже и хороший след к тому.

– А как? – спросил я с превеликим любопытством.

– А вот как, – сказала она. – Село это, сказывают, лежит на прямой отсюда дороге в Тулу, а мне в Тулу и без того съездить хотелось и есть нужда. Так я поеду сею дорогою и заеду к ним просто по-дорожному, побываю у них и познакомлюсь с ними. А чтоб случилось сие не нечаянно, то и говорили мы с отцом Илларионом, чтоб ему взять на себя труд, и съездив туда, либо чрез племянника своего им о том сказать, либо, того лучше, самому с ними повидаться, и попросить дозволения мне к ним приехать, и приехать бы просто без всех чинов и церемониалов, а прямо по-дорожному. И отец Илларион на то и согласен.

– Очень хорошо, батюшка! – сказал я, – и вы меня тем очень одолжите.

– Извольте, сударь! – отвечал он. – И если вам угодно, то завтра же туда отправлюсь.

– Хорошо, хорошо, батюшка, и чем скорее, тем лучше.

Не успели мы сим образом условиться, как поглядим, и наша немка в двери.

– Ах, вот и Ивановна! – закричал я и, подведя ее к сестре, начал ее рекомендовать ей. Сия обошлась с нею отменно ласково и благоприятно и полюбила очень сию добродушную, веселую и услужливую старушку и не могла с нею довольно наговориться обо всем. Она должна была у нас остаться обедать, а не отпустили мы уже и отца Илариона от себя. После обеда и по отпуске сего последняго благодарила сестра моя Ивановну за все ее хлопоты и обо мне старания, подарила ее прекрасным шелковым платком и удержала ее до самаго вечера, говоря почти безпрерывно о сей материи и расспрашивая ее обо всем, что она знала. Наконец сказала она и о намерении своем повидаться с ее знакомицами и как мы расположились это сделать.

– Очень, очень хорошо, – сказала она, – благо мне теперь не можно никак отлучиться, а то хотя бы и я готова опять туда съездить.

– Тебя побережем мы для переду! – сказал я. – А то мне тебя уже и жаль: ты и то только что оттуда приехала.

– Это бы нет ничего, – отвечала Ивановна. – Однако хорошо, хорошо, пускай поп съездит.

Между тем как отец Илларион туда ездил и исправлял коммиссию, ему порученную, сестра моя за долг себе почла побывать у соседа моего и общаго нашего деда, *Никиты Матвеевича*, котораго она не видала почти с малолетства своего, и я должен был сотовариществовать ей в сем посещении.

Ее приняли в доме сем с наивозможнейшею ласкою и благоприятством, хотя происходило то очевидно из природного лукавства старика генерала. Что ж касается до простодушной его супруги, госпожи генеральши, то сия отменным образом и так ласкалась к сестре моей, что я тому даже подивился и стал подозревать, не с намерением ли-то каким сокровенным то делалось, и не ошибся в моих заключениях. Ибо на другой же день после того явилась к нам другая немка заводская, которая была к ним вхожа в дом и более всех других любима, и, к удивлению нашему, проболталась нам напрямки, что от Софьи Ивановны поручено ей предложить мне стороною дочь ее в невесты и узнать, какого я о том мнения.

Неожидаемость сия нас обоих с сестрою смутила, а особливо меня. Но, по счастию, мы только что говорили пред тем с сестрою о сей девушке и оба друг друга спрашивали, какова она кажется, и дивились еще тому, что оба мы были одинакового об ней мнения и оба почитали ея хотя изрядною, но, впрочем, ничего не значущею и такою девушкою которая нимало не была под стать мне, а особливо по малому ея приданому. К тому ж и то обстоятельство побуждало нас всего меньше об ней думать, что семейство старика и мне и сестре моей совсем не нравилось и я никак не хотел войтить в оное.

И как сим предварительным об ней разговором были мы власно как предуготовлены, то, не долго думая, и сказали мы немке, – взяв в предлог также великую ее еще молодость, – хотя политический, но такой ответ, из котораго можно было им заключить, что у меня нимало на уме нет на сей девушке жениться и что она мне совсем не по мыслям, а разве доведет меня до того самая крайность и я не найду себе никакой иной и лучшей невесты. Все сие внушили мы немке точно таким же образом стороною, и будто в шутках и издевках, каким образом сама она начинала свое сватовство, и были очень довольны тем, что сватовство сие было не формальное и что нам можно было от невесты сей учтивым и необидным образом отыграться.

В последующий день и прежде еще узнания нашего ответа, не преминула посетить нас и сама генеральша и привезла с собою и дочку свою, разрядив ее впрах и как можно лучше. И как тогда намерение ее было уже нам сведомо, то и смеялись мы внутренно сему ее предприятию, и я сам в себе говорил: «Тщетны все ваши труды и старания, мои государыни! Не прельстить вам меня сими уборами. Знаем мы вдоль и поперек, какова она, и сим блеском не обманемся».

В самое то же время приезжал к нам и любезный сосед мой, г. Ладыженский, с своею женою; ибо как скоро от меня узнали, что сестра моя ко мне приехала, как захотели ее видеть и с нею познакомиться. Сестра моя была очень довольна посещением их, и жену г. Ладыженскаго, за ласковость, откровенность и простодушие ее, отменно полюбила. И как они у нас долее остались нежели генерал и генеральша, то, по отъезде их, госпожа *Ладыженская* прямо нам сказала, что она готова побожиться, что генеральша с умысла привозила свою дочку, но было бы смешно, если б я тем дал себя прельстить и вздумал бы на ней жениться, ибо ей она также что-то не нравилась. А сим разговором своим она еще более нас побудила отклонить от себя как можно сие сватовство.

Наконец, как на другой день после того возвратился наш и отец Иллариона и привез к сестре моей и поклон, и согласие на предлагаемый заезд и самое приглашение ее к тому, то не стала сестра моя долее медлить, но тотчас в путь сей отправилась. Она расположила езду свою так, чтоб ей приехать в дом к госпоже *Кавериной* тотчас после обеда, посидеть у ней до вечера, и буде не уймут ночевать, то продолжать бы путь свой далее к Туле и ночевать хоть на дороге. Как условленось было, чтоб быть всему тут запросто и чтоб свидание сие было совсем не нарядное, то и не заботилась сестра моя нимало о том, чтоб одеться получше, и думая, что там никого не будет посторонних, и расположилась заехать прямо по-дорожному.

Но, к несчастию, случилось совсем неожидаемое, и она, приехав, нашла тут не только помянутую тетку невесты моей, госпожу *Арцыбашеву*, но и сестру ее, госпожу Крюкову с ее мужем и всех их, приезда ее нарядно дожидавшихся. Сия неожидаемость так сконфузила и смутила сестру мою, что она с досады, что ее власно как подманули, не согласилась никак у них ночевать, хотя они ее и унимали, а особливо для присутствия г-жи Крюковой, которая ей, по бойкому и к пересудам склонному ее нраву и

характеру, как-то очень не полюбилась, а поехала от них прочь и ночевала в первой деревне, случившейся на дороге от них к Туле.

Тут досадовала она неведомо как на попа нашего, думая, что он не так им и нам пересказал, как с обеих сторон было приказано. Но после открылось, что он тому не виноват был, а произошло приглашение к сему случаю госпожи Арцыбашевой от того что мать невесты отменно с нею жила дружно и ничего без ней и совета ее не делала. А приезд господина Крюкова случился нечаянный. Он, едучи из гостей и ничего о том не зная, к ним тогда заехал и ночевать у них расположился. Сборы же и приготовления их к принятию гостей произошли оттого, что сколько отец Иллариoн их ни уверял, что сестра моя будет одна, однако они тому не верили, а за верное полагали, что и я с нею к ним буду.

Но как бы то ни было, но сестра моя у них была, и хотя за помянутыми гостьми и не удалось ей и с невестою и с матерью ее столько поговорить, сколько ей хотелось, но, по крайней мере, она их видела и сколько-нибудь и понятие об них получила, а сего по нужде было и довольно.

Между тем я о том ничего не зная, не ведая, находился дома и с великим нетерпением дожидался обратного приезда сестры моей.

– Что, матушка сестрица? – спросил я ее по возвращении оной.

– Что, братец, – была, видела и со всеми ими и даже с ближними ее родными спознакомилась.

– Как это? Разве и родные были? – спросил я.

– То-то мое было и горе, – сказала она. – Я понадеялась и приехала запросто и в тех мыслях, что никого не будет; а погляжу – полна горница народа, и я сгорела даже от стыда.

– Господи, но как же это так сделалось?

– Уж всего того не знаю. Однако мне не велика нужда до иных и чтоб ни стали говорить обо мне. А особливо была тут какая-то Анна Васильевна!.. О! уже это Анна Васильевна! Пересудит, кажется, всякого насквозь и процедит дочиста. Сестра ее, Матрена Васильевна, кажется, не такова и лучше. А мать девушки-то, кажется, женщина умная, степенная и не вертопрашка, и мне она полюбилась.

– Ну, а девушка-то? – спросил я с трепещущим сердцем.

– И она, кажется, изрядная, братец! Недурна собою, и как повыровняется, то будет и гораздо еще лучше. А показалось мне также, что она и неглупа. А впрочем, Бог ее знает! В такое короткое время можно ли узнать,

какова она, и что-нибудь заметить в оной. Для помянутых гостей принуждена была я сидеть и чиниться и не то говорить, что бы мне хотелось, а то, чего требовали чины и благопристойность. И мне неведомо как жаль, что сие так, а не инак случилось и что сии гости помешали мне разсмотреть и узнать девушку сию короче.

– Экое горе! – сказал я. – Сожалею и я о том, но думаю, что случилось сие не с умысла, а конечно, не нарочно каким-нибудь образом. Но как бы то уже ни было и как бы ни случилось, но что ж, сестрица, какой совет ты мне теперь подашь?

– Что, братец! Ежели истину тебе сказать, то желала б я, и всем сердцем и душею желала б, чтоб иметь тебе невесту лучше и совершеннее этой. Но то-то беда, не из своего стада и не выберешь. Говорится в пословице: «И рад бы в рай, но грехи не пускают». Сам ты говоришь, что невест не слишком много и что никакой иной нет у тебя в особливости на примете. Итак, Бог знает, когда-то другая случится, – и чтоб не прождать тебе того несколько лет сряду, а что того хуже, не влюбиться бы опять в какую и не жениться на такой, которая в десять раз и хуже этой и о которой стал бы после, как любовь пройдет и погаснет, сам раскаяваться. А как тебе, по всем обстоятельствам твоим, женитьбою поспешать надобно, то мой тебе згад, братец, не забиваться вдаль. И благо невеста есть и есть такая, которая тебе непротивна и всем обстоятельствам твоим под стать, так нечего б долго и думать, а помолясь Богу и возложив на него всю надежду, и начинать бы формально свататься. Ведь, Бог знает, ни то найдешь лучше, ни то нет. А что она молода, это нимало не мешает, ростом она и теперь уже великонька, а к лету еще более поднимется... Погляди, какая выростет!.. А что касается до неизвестности ее нрава, то нрав и во всякой невесте трудно узнать, и всегда и в разсуждении и всех будет такая же неизвестность. Тут есть какая-нибудь надежда на молодость ее, а в разсуждении другой и уроslой и того быть не может. Больше ж всего мне то нравится, что она одна только и есть дочь у матери и что мать ее должна будет жить вместе с вами, и может до поры до времени быть хозяйкою в твоем доме и не такою ветреною, каковыми бывают иногда молодыя жены.

Вот что говорила мне сестра, и я слушал все сии слова с величайшим вниманием, и не перебивая ни одним словом ее речи. Наконец, как она перестала говорить, сказал я ей:

– Ну, так так-то, сестрица, и ты мне советуешь жениться на этой?

– С Богом, братец, с Богом... и сколько мне кажется, то сама судьба избрала и назначает тебе сию, а не иную какую невесту... Теперь-таки и сделай им удовольствие и подожди, покуда совершится ей тринадцать лет, а с весны и начинай с Богом свататься формально и помышлять о том, чтоб веселым пирком да и свадебку; а между тем заблаговременно и приготовляйся помаленьку к тому... Вот и с хоромами, – продолжала она, – надобно тебе будет еще что-нибудь сделать. Так им остаться не можно. В сих маленьких трех горенках тебе жениться и после с женою и тещею жить будет слишком тесно.

– Конечно, – сказал я, – это я и сам уже думал, и разскажу вам, сестрица, что на уме у меня есть сделать и как хочется мне обе половины хором соединить вместе и получить чрез то гораздо более простора.

После чего разсказал я ей все мое намерение. Она похвалила оное, но не думала, чтоб сие было возможно; однако я уверил, что в том нет никакой невозможности.

Вскоре после сего, и власно как нарочно для придания совету ее множайшаго веса, приехала ко мне и старушка тетка моя, госпожа *Аникеева*, которой я дал также знать о приезде сестры моей. Она неизобразимо была рада, ее увидев, и прогостила у нас до самаго почти отъезда сестрина. Я очень доволен был сею прямо любившею нас добродушною и разумною старушкою. А как о сватовстве своем мы и ей открылись, то и она, выслушав все разсказываемое нами об обстоятельствах нашего дела, также советовала мне не отставать от онаго, но с Божиею помощью начинать оное в свое время. И тогда просила ее сестра моя не оставить меня в то время своим вспоможением, что она охотно и обещала.

Все сие подкрепило меня еще более в моем намерении и уничтожило совершенно всю мою нерешимость. Я положил уже решительно последовать их совету и не искать себе более никакой иной невесты, а прилепиться уже к сей единой. И с сего времени не стал я уже таиться в том от всех и не скрывать того и от прочих моих сродников и соседей.

Сестра прожила тогда у меня более двух недель и до самой Масленицы; но как уже стал приближаться и наступать март месяц, то, страшась, чтоб не захватила ее на дороге распутица, спешила она ехать; итак, 28 февраля отправилась она в путь свой.

Не могу изобразить, с какими чувствиями разставалась она со всеми местами, видевшими ее в малолетстве и со всею своею родиною. Не сомне-

ваясь в том, что она в последний раз видит их в своей жизни, ибо не могла уже никак надеяться быть еще в местах наших, прощалась она со всеми ими навеки. Она обходила со мною все оныя и не только сама плакала, но и меня в слезы привела. Все наши дворовые люди от мала до велика, а особливо прежния ее знакомыя и престарелые провожали ее и прощались также навек с нею. Что касается до меня, то я решился проводить ее до Москвы самой и там уже распрощаться с нею навсегда.

В Москве пробыла она немногие только дни, употребив оные на покупки разных для себя вещей и на свидание с ближайшими нашими родственниками, как то: с дядею Матвеем Петровичем и с дядею Тарасом Ивановичем Арсеньевым. Свидание с обоими ими было у ней также чувствительное, а прощание – того трогательнее. Она прощалась с ними также на весь век, ибо не уповала уже их более за дальностию своего жилища видеть, и просила их о неоставлении меня, а особливо в случае моей женитьбы, о которой заблагоразсудили мы им уже открыться, и имели удовольствие слышать и от них намерению моему одобрение, а особливо от дяди Матвея Петровича, который рад даже был, что я сыскал себе невесту.

Наконец распрощалась сестра моя и со мною с пролитием с обеих сторон многих слез. Но, ах! Я пролил бы их несравненно более, если б мог предвидеть тогда и знать, что я видел ее в сие время уже в последний раз в жизни. Она поехала к меньшой моей сестре в Кашин, а я спешил возвратиться домой по причине наступающего Великаго поста.

Но как письмо мое достигло уже до своих пределов, то окончив оное, скажу вам, что я есмь и прочая.

СВАТОВСТВО И СГОВОР

Письмо 114-е

Любезный приятель!

Возвратясь из Москвы в свою деревню, стал я с нетерпеливостию дожидаться наступления весны, дабы вместе с началом оной начать и свое важное дело. А не успела весна сия наступить, как мая в 18-й день, благословясь, и отправил я Ивановну мою к госпоже Кавериной с формальным

предложением руки моей ея дочери и для истребования от ней также решительного ответа: согласны ли они на то или не согласны? И буде согласны, то чтоб назначен был ими уже и день, когда бы быть сговору. С превеликим нетерпением и безпокойствием духа дожидался я возвращения сей посланницы, ибо хотя и не сомневался почти в получении благоприятнаго ответа, однако все-таки смущался еще духом и мучился неизвестностью.

Наконец приезжает моя Ивановна и привозит мне ответ, какой мною был уже ожидаем, а именно, что они решились, наконец, дать свое соглашение и, почитая то волею Небес, назначают и самый день, в который бы нам начать сие дело формальным сговором. Кровь во мне взволновалась вся, как услышал я сие изречение, и смущение мое было так велико, что я едва имел столько духа, чтоб спросить, когда ж бы хотелось им, чтоб сие было?

«Тридцатого мая, или на самый Троицын день, – сказала она. – И я, сколько ни говорила, чтоб быть тому прежде, но они никак не согласились». – «Да какая в том и нужда, – сказал я, – и очень, очень хорошо, что не так скоро, тем более буду и я иметь времени к тому приготовиться».

Сии приготовления и начал я с самого того же дня делать и трудился в том ежедневно. Состояли они, во-первых, в том, чтоб одеть себя и людей своих к сему времени получше; во-вторых, чтоб исправить экипаж, в котором бы на сговор ехать; в-третьих, чтоб приискать людей, которые бы помогли мне в сем случае, ибо одному ехать мне не годилось; в-четвертых, запастись какими-нибудь вещами, которыми бы мне невесту свою дарить можно было; в-пятых, как я не сомневался, что после сговора в непродолжительном времени назначится и свадьба, то надлежало поспешить и переправкою дома, также прибранием сколько-нибудь получше и сада своего. Всеми сими делами и начал я заниматься, но горе мое было, что не было у меня ни одного человека, с кем бы я мог тогда обо всем том посоветовать.

Дядя мой находился тогда еще в Москве, а хотя б и дома был, но к тому был бы неспособен. О старике деде, генерале нашем, и говорить нечего. Сей был на меня в некотором внутреннем, хотя скрытом, неудовольствии за то, для чего не хочу жениться на его падчерице. Дядя мой, господин *Каверин* Захарий Федорович, был также человек в таких делах совсем не сведущий, а жена его была самая госпожа «Чудихина» и советами своими могла б скорее все дело испортить. Сам господин *Ладыженский*, мой лучший и дружелюбнейший сосед, был совсем страннаго и оригинальнаго

характера и не мог никак советов дать, как только сообразных с своими странными мыслями.

Один бы господин Писарев мог быть таким, который был и сведущее и умнее всех прочих и мог бы мне в сем случае более всех помочь. Но, к несчастию, и он находился тогда со мною в таких отношениях, что мне не хотелось даже ему о намерении своем и сказывать из опасения, чтоб он опять тут чего-нибудь не выдумал, чем бы остановить или совсем разрушить это дело. И я даже боялся, что б он опять не приехал ко мне незванный; но положил уже твердое намерение не слушать его, чтоб он ни стал говорить, а оставаться уже твердо при своем намерении. А сообразуясь с тем, и будучи последним его поступком крайне недовольным, я с самаго того времени, как он от меня поехал, ни однажды у него уже не был, да и рад был, что и он ко мне не приезжал уже после того ни однажды, да и пересылки между нами никакой уже не было.

Итак, не имея у себя никого, кто б хотя несколько мог мне помочь, принужден я был один и так хорошо, как умел, делать все нужныя приготовления. Себя-таки и людей я кое-как поодел, да и то не совсем полюдскому и далеко не так, как модные женихи одевались и собирались. Но что касается до экипажа, то долго не знал я, что мне делать.

Кареты были тогда еще очень, очень редки, и в таких небогатых домах, каков был наш, были они еще совсем не в употреблении, а езживали все наши братья в четырехместных и так называемых венских колясках. Но у меня не было и такой, а было две старинных и староманерных коляски, из коих одна была большая, четвероместная, но с какою и показаться никуда было не можно, а другая такая же и поменьше, и полегче, и так, как бы визави, двуместная, и образом своим не лучше первой. Для покупки же новой, а того паче кареты, недоставало у меня денег. Итак, не знал я, что мне делать, и вздумал, наконец, велеть Павлу, столяру своему, большую свою коляску как-нибудь преобразить и сделать получше. Итак, ну-ка мы оба с ним ее коверкать, инако устраивать, обивать, раскрашивать и золотить. Но как бы то ни было, но смастерили себе и сгородили коляску изрядную, и такую, которая нам потом несколько лет прослужила и на которой ездить было никуда не постыдно.

Что касается до подарков, то для закупки оных послал я нарочнаго человека в Москву и писал к тамошним родным своим, чтоб они искупили мне все, к тому нужное. Но каковы сии дары были, о том я и не говорю уже.

Ни от кого-то из всех моих знакомых не мог я добиться толку, что б такое употребить к тому лучше. Иной советовал мне то, иной другое. Один затевал дары сии уже не по моему достатку, а другой выдумывал что-нибудь уже странное и нелепое. Итак, я истинно не знал, что мне и делать и не сомневаюсь, что подарки мои были тогда очень смешные, а особливо если сравнить их с обыкновением нынешних времен, но зато, по крайней мере, не были они мне разорительны и не завели меня в долги превеликие, как заводят иных женихов нынешние.

Что касается до переправки хором, то в этом деле не было мне нужды в советниках посторонних, а мог я и один и лучше всех оное произвесть, и мне удалось и смастерить переправку сию так хорошо, что все не могли довольно ухвалиться. Я поступил в сем случае уже слишком героически и так, что иной бы на моем месте не мог бы иметь никак столько духу.

Я отважил прорубать стены, и окна превращать в двери, а двери – в окна в комнатах, священных от древности. Оставшая половина передних сеней должна была превращаться в комнату, из которой мы сделали, на случай свадьбы, род другой и маленькой гостиной и которая потом отправляла нам должность и гостиной, и столовой, и моего кабинета, или штудирной комнаты. А старинная наша, от древности закоптевшая или потемневшая передняя получила от себя выход прямо с надворья, с стеклянными дверьми, и превращена была в большую и такую комнату, которая бы могла служить в случае нужды вместо залы, а в другое время служить вместо лакейской и сеней самих; а через сие самое и соединил я обе половины хором и произвел в них целых семь довольно просторных комнат. И как я во всех потолки подбелил, а стены обил бумажными обоями, то и сделался домик мой хоть куда, и можно было в нем уже без нужды играть свадьбу.

А таким же образом поприбрал я и всю ближнюю часть сада к дому и сделал ее так, что в ней с удовольствием гулять уже было можно. В особливости же украсилась верхняя часть сего сада тою прозрачною и из дуг и столбов сделанною, осьмиугольною отверстою беседочкою, которая построена была под группою случившихся тут высоких и прямых берез. Я выкрасил ее и с перилами внизу празеленою[1] краскою, и как она к самому тому времени поспела, как нам надлежало ехать на сговор, то и обновил

[1] Празелень – иссиня-зеленая земляная краска.

я ее накануне того дня ввечеру, приказав в ней накрыть вечерний стол и отужинав в ней с съехавшимися гостьми и спутниками моими. Вечер сей случился тогда наилучший и наиприятнейший, какие только быть могут в месяце мае, и мы препроводили оный с отменным удовольствием.

Что касается до сих спутников моих при езде на сговор, то мне не за кого более было взяться как за дядю моего Захара Федоровича *Каверина* и жену его да за соседа своего Александра Ивановича *Ладыженскаго*. Сихто упросил я сделать мне в сем случае сотоварищество и присутствовать при сем первом обряде.

Итак, 30-го мая, собравшись гораздо поранее и севши все четверо в переделанную мою большую коляску, пустились мы в свой путь и, пообедав на дороге, приехали в село *Коростино* еще довольно рано и вскоре после обеда, и господин Ладыженский шутками и издевками своими увеселял нас так во всю дорогу, что мы все до слез почти иногда смеялись.

Теперь не могу никак изобразить тех чувствований, с какими въезжал я в первый раз на двор, где жила моя невеста, и с каким любопытством смотрел я на их дом и все жилище, которое вскоре долженствовало принадлежать уже мне.

Весьма просто и незнаменито оно было. Мне представился маленький и старинный домик с тремя только покойцами, разделенными еще между собою сенями. И одна половина онаго казалась вросшею от древности почти совсем в землю и была с небольшими окошечками и с кровлею, поседевшею уже от выросшаго и размножившагося на ней моха. Другая сколько-нибудь была поновее и повыше, по случаю, что все хоромцы стояли на косогоре.

Небольшое, высокинькое и тесом покрытое крылечко вводило в сени, посреди хором сих находящияся, а маленький и узенький цветничок, насаженный кой-какими цветами и осененный тенью от насажденных подле решетки высоких уже черемух и других деревцов, был единым только наружным дому сему украшением или паче вещью, увеличивающею еще более его простоту и безобразие. А потому все сие и не в состоянии было очаровать мое зрение и произвесть в уме моем выгодное обо всем мнение. Но я уже молчал и не говорил ничего, каково у меня на сердце уже ни было.

Но каков маловажен ни показался мне сей дом снаружи, но вошед с товарищами своими из сеней прямо в величайшую из всех комнат, поразился я вдруг, увидев всю ее наполненную множеством разряженных впрах

гостей обоего пола. Было тут несколько человек мужчин, а того более боярынь, и из первых не было мне, кроме старика *Недоброва* и господина *Хвощинскаго*, Василия Панфиловича, ни одного знакомаго; а из последних была знакома только мать и тетка невесты моей, госпожа *Арцыбашева*, а прочия были мне совсем не знакомы. И как многия из них были молодые, то искал я глазами между ими своей невесты, и почел было ею сперва одну, которая была всех моложе и села в уголку, всех от меня отдаленнее. Однако скоро увидел я, что это была не она, а совсем мне не знакомая, и перестал удивляться, находя ее совсем в ином виде, нежели в каковом видел я свою невесту.

Нас приняли с обыкновенными учтивствами и посадили. Но не успели почти все усесться и минут двух посидеть, как и сделано было от дяди моего обыкновенное в таких случаях предложение. И как на оное также с их стороны было по известной форме ответствовано, то и пошли тотчас некоторыя из них за невестою, и через минуту и введена была она к нам из другой комнаты.

Все собрание встало тогда с мест своих, и как в ту же минуту явился и священник, бывший уже наготове, то и поставили тотчас нас обоих посреди комнаты и начали петь и читать обыкновенные в сих случаях стихи. В минуту сию был я почти вне себя. Важность начинаемаго дела представилась тогда уму моему во всем ее пространстве, и я так смутился, что едва в силах был стоять на ногах и столько духа иметь, чтобы несколько раз взглянуть на поставленную подле меня невесту.

Но каким приятным изумлением поразилось тогда мое сердце, когда не увидел я уже в ней прежняго ребенка, а девушку уже совершенно почти взрослую и не такую уже тонкую, как была прежде, и лицом несравненно уже лучшею и мне приятнейшую, нежели какою показалась она мне при нашем первом свидании. Не могу изобразить, как много обрадовался я тому, как много ободрило и подкрепило меня сие и с каким удовольствием смотрел уже я на свою невесту.

Но в самую сию минуту блеснула молния, и громкий звук загремевшего над нами грома встревожил нас и всех присутствующих при сем обряде. Все стали креститься и дивиться тому, что никому и не в примету была взошедшая в самое то время тучка, и все стали считать неожидаемое явление сие, а особливо линувший в то самое время сильный дождь добрым предзнаменованием нашему начинающемуся союзу. А не успел обряд

кончиться и нас, по обыкновению, благословили образом, как и начались обыкновенные со всех сторон взаимныя поздравления, рекомендации и целования друг друга, и поелику собрание было велико, то продлилось сие несколько минут сряду. После чего посадили нас обоих в передний угол и стали, по обычаю, сперва поздравлять нас кругом ходящим бокалом с вином, а потом потчивать кофеем и заедками[1].

Все достальное время сего дня и до самаго ужина должен был я сидеть в помянутом углу и как на огне пряжиться. Глаза и внимание всего собрания устремлено было на меня и на невесту мою, и замечались не только все мои слова, но и движения самыя, а сие и приводило меня в неописанное смущение. Я знал, что мне надлежало тогда разговаривать что-нибудь с моею невестою и ласкаться к оной всячески, но для меня составляло самое сие наивеличайшую и труднейшую коммиссию и было таким делом, которое, на все старания мои несмотря, не мог я никак произвесть по желанию. Ибо, не упоминая о природной моей застенчивости и несмелости в таких случаях, каков был сей и в каковых никогда еще и быть мне не случалось, не знал я тогда, и как ни старался, но не мог и придумать, что б такое и о чем мне говорить тогда с такою молодою невестою, какова была моя, и которая, несмотря на всю свою возмужалость, была все еще почти дитя или очень еще мало от детства удаленною.

Как скоро все, что было заблаговременно в уме приготовлено, я ей пересказал и все переговорил, то и стал я, наконец, в пень и не знал более, что и пикнуть, и тем паче, что и с ее стороны не мог дождаться никаких совопрошаний. Да и в самом деле, какие разговоры и о чем можно было иметь с такою молодою особою? Словом, мы сидели потом, не говоря почти ни единого слова с нею, и я неведомо как рад был, что сидевшие близко подле меня мужчины вступили со мною кое о чем в разговоры, и тем меня сколько-нибудь заняли. Итак, по причине молодости невесты моей и лишен я был того удовольствия, какое имеют женихи, сговаривающие на невестах взрослых и им понравившихся, и которое для них обыкновенно бывает очень лестно и приятно.

Вечерний стол приготовлен был у них в другой половине, и нас повели туда по наступлении вечера и посадили по обыкновению опять вместе. Но оба мы не столько ели, сколько кланялись всем поздравляющим нас

[1] Сластями, лакомствами.

и пьющим за наше здоровье. Стол был у них нарядный и все в оном в порядке. По окончании ж ужина и в разсуждении, что нам за дальностию не можно было успеть домой возвратиться, приглашены мы были ночевать к соседу и родственнику их, господину *Колюбакину*, Ивану Алексеевичу, живущему в том же селе и от них только через улицу, чем мы были в особливости и довольны.

Тут во всю ночь я очень мало спал, ибо вся голова моя набита была помышлениями о начатом деле и о моей невесте. Я не знал, счастием ли то почитать или несчастием, и обо всем виденном и слышанном так много размышлял, что не мог уснуть очень долго.

На другой день надобно было мне посетить невесту, и, по обыкновению, отвезть ей подарок. А она с их стороны, по обыкновению старинному, дарила людей своих, а я всех дворовых и людей потчивал водкою, привезя с собою для самого того погребец свой, и меня уверили, что обряд сей необходимо надобно было исполнить.

В сей раз был я с невестою своею хотя несколько уже познакомее, однако все наше знакомство не имело как-то дальних успехов, и я приписывал то ничему иному, как ее молодости, и не без удовольствия проводил с нею все сие утро. Ибо нас и в сей день без обеда не отпустили, и мы не прежде возвратились в свою деревню, как уже по наступлении ночи.

Сим образом сговорил я, наконец, жениться, и как сие случилось на самый Троицын день и свадьбе в тот же мясоед быть было некогда, то и отложили мы оную до начала будущаго мясоеда, или до июля месяца.

Сие время употреблено было с обеих сторон на приутотовления к свадьбе, с их стороны – на шитье платья и на приготовление приданого, а с моей – на окончание того, что у меня было еще не доделано, и также на дальнейшие приготовления к сему великому для меня и торжественному дню.

Между тем сколько мне время тогдашние проливныя ненастья и обстоятельства дозволяли, езжал я к моей невесте; однако далеко не так часто, как ездят другие. Тогда не было либо сего в столь великом обыкновении, как ныне, и у меня никогда и на уме того не было, чтоб препровождать там по нескольку дней сряду и не отходить от невесты, так сказать, ни пяди, и ходить только ночевать в другой двор, какой-нибудь чужой, а весь день с утра до вечера быть с невестою; либо происходило сие от того, что я к своей, по великой ее еще молодости, не имел еще дальней

привязанности. К тому ж и она как-то ко мне нимало не ласкалась, но все от меня власно как дичилась. Сие обстоятельство было всего более причиной тому, что я не имел охоты и побуждения к тому, чтоб ездить часто в такую даль единственно для свидания с нею, ибо оное не производило мне никакого дальняго удовольствия, но, напротив того, служило иногда поводом к досаде и к чувствительному неудовольствию на самого себя.

Но никогда сие последнее так велико не было, как после вторичного моего с невестою свидания. Случилось сие вскоре после сговора. И день сей был в особливости для меня несчастным и власно, как нарочно, назначенным для произведения мне многих неудовольствий, так что он мне, по особливости своей, и поныне еще очень памятен.

Встал я в оный очень рано, ибо как хотелось мне приехать к ним к обеду и с тем, чтоб, посидев у них, в тот же день и назад возвратиться, то и надобно было поспешать; и потому ездил я в сей раз налегке в какой-то городовой отверстой старинной колясочке, которую я, не помню у кого, на сей случай выпросил. Уже в самое утро разсержен я был не помню чем-то людьми своими, почему поехал уже и со двора не гораздо с веселым расположением духа, а почти нехотя, а для соблюдения единаго этикета. Да и ехать как-то было не хорошо и коляска была самая безпокойная и дрянь сущая.

Но как бы то ни было, но я туда приехал, и довольно еще рано. Но что ж?.. И застал их в сей раз одних, то есть невесту мою с одною только ее матерью, и нимало меня в сей день не дожидавшихся. И не знаю, оттого ли, что первую застал я в совершенном дезабилье, или одетую совсем запросто и далеко не столь нарядною, какою я привык ее видеть, или оттого, что все они, а особливо она, нечаянным моим приездом была перетревожена; но как бы то ни было, но покажись она мне в сей раз совсем не такою, какою я ее до того видал, но несравненно худшею и такою, что я не находил уже ни в образе ея, ни во всех обращениях и поступках ни малейших для себя приятностей и не инако мог смотреть на нее, как с деланием себе некотораго насилия и принуждения. А как, к вящему несчастию, не хотела и она в сей раз на все оказываемые ей ласки нимало соответствовать, но все от меня власно как тулилась, да и к разговорам с нею не мог я найтить никаких почти материй, ибо она сама как-то в них не вмешивалась и была очень несловоохотна, а только отвечала на делаемые ей вопросы, и то власно как нехотя, ласки же ко мне не оказывала ни малейшей, то все

сие меня еще пуще сразило и привело в такое изумление, что я во все то время, как у них находился, был власно как сам не свой и неведомо как рад был, когда стал приближаться вечер и мне можно было, с ними раскланявшись, поспешать домой ехать.

Но что ж? – Не успел я, севши в свою коляску, со двора съехать, как и пошли в голове у меня мысли за мыслями и наконец такая дрянь, что я и животу своему почти не рад был.

«Ах! Боже мой! – говорил я сам в себе. – Где это были у меня глаза, где ум, и где разум был?.. Возможно ли так ослепиться и не видать всего того уже сначала, что я теперь видел? О, Боже мой! – продолжал я. – Как это мне с нею жить будет!.. И ну, если она и всегда такова неласкова и не словоохотлива и не весела будет?.. Ни малейшей-таки ласки и ни малейшаго приветствия не хотела она мне оказать, и сколько я к ней ни ласкался, она и глядеть почти на меня не хотела... Батюшки мои! – продолжал я еще далее. – Уже не противен ли я ей так, как чорт?.. Уже не возненавидела ли она меня, ничего еще не видев, и не имеет ли ко мне она уже крайняго отвращения?.. А недаром во весь сегодняшний день и смотреть на меня почти не хотела... Но, ах, Боже мой, – что это будет, если она меня любить не станет, а напротив того, возненавидит еще?.. Не несчастный ли я буду человек. Самый разум ее, Бог знает еще, каков? Сколько ни старался я завесть ее в разговоры и о чем, о чем ни заводил с нею речь, но все как-то не мог почти ничего иного добиться, как только да или нет, и только что отмалчивалась. Все это для меня непонятно и удивительно. И не знаю, что это и как со мною все это сделалось? И что со мною впредь будет?.. И ну, если она и впредь не умнее, не словоохотнее, не ласковее и не лучше сего будет?.. Что со мною, бедным, тогда будет!.. И такого ли я себе товарища желал и искал, и такого ли получить домогался?.. Ах! Это будет для меня сущая каторга – жить с таким человеком!..»

Сим и подобным сему образом размышлял я и говорил сам с собою во всю дорогу, и чем более углублялся о сем в помышлении, тем вероятнейшими и величайшими казались мне все примеченные в невесте моей несовершенства. И сие довело меня наконец до того, что я впал в превеликое раскаяние о том, что я сие дело начал, и досадовал неведомо как, что дело сие зашло уже так далеко, что и отстать от него было уже почти совсем не можно или по крайней мере трудно, и для самого меня не инако как крайне постыдно. Сие смутило и растревожило всю душу мою так сильно, что

я в коляске своей не сидел, а власно как на огне пряжился, и только что пересаживался из одного угла в другой, твердя сызнова: «Ах, Боже мой, что это я сделал? Где это были мои глаза и в какую бездну ввергнул я себя! И, ах, что мне теперь уже делать и как можно уже отстать и переменить все это? Правда, – говорил я далее, замышляя уже и об отказе самом, – дело еще не совсем сделано и узла неразрешимаго еще не завязано. Возможность еще есть и разрушить все начатое, а подумавши, можно придумать какия-нибудь и предлоги и употребить приличныя средства к тому. Примеры такие бывали, бывают и всегда будут в свете».

Мысль сия так мне полюбилась, что я начал ее тотчас разработывать далее и уже помышлять о том, как бы сие удобнее было сделать, и выдумывал уже и приличнейшие средства. Но не успел я в помышления сии углубиться, как опять вдруг, и власно как от сна воспрянув, сам себе я сказал: «Так, пусть так, чтоб это сделать было и можно! Но, ах! Какия последствия проистекут из того?.. Не одурачу ли я себя перед всем светом? Не подвергну ли я себя тогда всеобщему посмеянию?.. Не выведу ли я из себя истории?.. Не станут ли все обо мне говорить, меня хулить и мне смеяться?.. Куда могу я тогда глаза свои показать?.. И какая невеста захочет иметь тогда со мною дело?... Не станут ли все от меня как от чудовища какого бегать?.. И где и как можно мне будет найтить себе другую невесту, да еще и лучше сей?»

Все сии мысли остановили меня в прежнем моем замышляемом намерении, но не успокоили дух мой, а привели его и все мысли мои еще в вящее нестроение и повергли меня опять в нерешимость и в такое мучительное состояние, котораго я никак изобразить не могу.

Между тем как я сим образом углублялся в разныя мучительныя размышления, летело нечувствительно время и уже наступила ночь, и, к крайнему умножению моей досады и неудовольствия, прежний прекрасный день превратился в пасмурной и ненастной. Где ни взялись мрачныя тучи, покрыли весь горизонт, и вмиг почти после того полился на нас пресильный и проливной дождь и стал мочить нас немилосердым образом.

Я сколько ни старался укрыться от него в своей коляске, но не было никакого к тому способа. Была она старинная городовая двуместная, и были у ней хотя спереди и с боков кожаные задержки, но в таком худом состоянии, что никак не можно было их съютить вместе, и я, как ни старался, схватив, вместе их держать, но никак не мог укрыться и защитить

себя от дождя. Стремился он прямо нам в лицо и с такою силою, что всего меня замочил впрах, и я нигде не мог найтить места и защиты от него в коляске.

Новое сие горе, присовокупившись к прежнему, увеличило еще более мою досаду и неудовольствие. «Боже мой! – говорил я. – Что это такое? Все беды и напасти на меня сегодня соединились!.. Понесло же меня сегодня!.. Ведал бы, истинно не ездил!.. Измок весь и озяб немилосердно... Бог знает, как и доедем еще?»

В самом деле наступила тогда уже совершенная ночь, и сделалось так темно, что ни зги было не видать. Я хотя и говорил то и дело кучеру своему, чтоб он поспешал ездою, ибо оставалось еще много ехать, но он ответствовал мне, что поспешает и так, но боится, чтоб в темноте не сбиться с дороги, чтоб не потерять ее совсем и чтоб не заехать куда-нибудь в чепыжи и кустарники непроходимые, и взъехав на пень, не извалить бы коляски, ибо мы ехали тогда перелесками и чепыжами, где дорога по лугам едва и днем была приметна.

«Вот новое еще горе и беда», – говорил я, и подтверждал как ему, так и прочим всем бывшим со мною людям примечать как можно дорогу. Но как надежда и на всех была не велика, то пришло уже мне тогда не до мыслей о невесте, а стал думать и помышлять о том, как бы в самом деле не заблудиться, и ежеминутно сам смотреть и примечать, сколько можно было, все окрестности и положение мест. Но покуда ехали мы подле лесов и пробирались лугами и чепыжами, до тех пор все было еще сколько-нибудь ехать и дорогу видеть и окрестности примечать можно. Но как скоро выбрались мы на чистое поле, тогда скоро дошло до того, что сами не знали, куда ехали, ибо ни дороги, ни по сторонам вовсе ничего было не приметно, а блестелась сколько-нибудь в стороне вода, которая от проливного и ужаснаго дождя покрыла всю землю и стояла везде, как море.

Горе тогда на всех на нас напало превеликое. Дождь мочил всех нас без всякого милосердия! На всех людях не осталось уже ни одной нитки сухой! Темнота была превеликая, ехать оставалось еще не близко и верст более еще шести или семи, но лошади начинали уже почти становиться. Но что всего хуже, то дороги было вовсе не видно и неприметно, и мы потеряли все признаки и приметы и сами не знали, где мы и куда ехали.

Более часа ехали, или паче сказать, бредком брели мы сим образом по местам неизвестным, и как мне показалось, что езда наша продолжается

уже слишком долго, то, раскрывши свои задержки, стал я сам пристальнее смотреть вперед и по сторонам. И тогда вдруг покажись мне, что мы едем какою-то большою и широкою дорогою, ибо преширокая полоса блестящей во мраке воды казалась простирающеюся вдоль пред нами.

– Стой, стой! – закричал тогда я. – Не туда мы, братцы, заехали! Это какая-то большая и широкая дорога и совсем не та, по какой нам должно ехать.

– Это и мы видим и дивимся! – говорили мне люди.

– Но как же вы это такие, братцы, – подхватил я, – видите сами, что не тут мы едем, где надобно, и что не туда заехали, – а знай едете и не остановитесь!

– Да как же быть-то? – сказали они.

– А так, что надобно бы остановиться и поискать себе дороги. А то мы этак и Бог знает, куда заедем!

– Да как, сударь, искать? – говорили они далее. – Вовсе ничего не видно. Растеряемся и сами, ежели иттить искать дороги. Да и как и найтить ее теперь?

– Ну, когда так, – сказал я, – так нечего делать. Лучше остановиться на одном месте и дожидаться света. Как быть: мокрее этого уже не будет, а ночи ныне небольшия, – скоро и разсветать станет. По крайней мере, не измучим мы лошадей своих понапрасну.

– То так, – сказали они на сие, – но мы как-нибудь уже от дождя притулимся: кто за коляску, кто под нее, – и ночь прождем. Но им-то как же? Так без корма и быть?

– Но что ж делать, – сказал я на сие, – и рад бы в рай, да грехи не пускают. Где ж взять корма, когда его нет? Ништо им сделается; но все лучше им стоять, нежели везть и мучиться.

– Хорошо! – отвечали они. – Знать тому так и быть, – и тотчас начали располагаться, как бы им лучше провождать ночь сию. Я сам вооружился терпением, и, приказав повернуть коляску так, чтоб по крайней мере дождь не сек мне в лицо, а попадал бы в зад коляски, и я за нею имел бы сколько-нибудь защиту. По учинении сего прижался я к одному уголку и, усевшись, помышлял уже о том, как бы сколько-нибудь согреться и задремать; как вдруг услышал кучера своего, говорящего к товарищам своим:

– Посмотрите-ка, ребята, попристальнее, нагнувшись к земле, вперед: что-то, мне кажется, чернеется впереди. Уж не сена ли это стог?

– Какому сену быть! – сказали другие.

– А чернеется что-то, в самом деле на стог похожее, но Бог знает что. Уж не подъехать ли нам поближе туда?

– Очень хорошо, – сказал я. – За чем дело стало. Подъедем, может быть, и в самом деле сено, и нам все уже равно – здесь или там ночевать.

Не успел я сего сказать, как все сели опять по своим местам и поехали далее. Но как же удивились и обрадовались все мы, увидев там вместо мнимого стога сена кудрявую и всем нам довольно знакомую лозу, стоящую на заводских полях на перекрестке и по конец почти самых полей наших.

– Ах, батюшки! – закричали все мы в один почти голос. – Да это лоза заводская на перекрестке, и мы поэтому ничего не сбились и ехали все своим путем и дорогою! Отсюда вот уже нетрудно нам и домой добраться! Вот и повертка к нам и дорога наша!

Не могу изобразить, как обрадовался я и доволен был сим открытием. Мы тотчас решились продолжать уже свой путь далее, и хотя с трудом и кое-как, но действительно и благополучно доехали до двора своего, хотя было тогда и гораздо уже за полночь. Но мы рады, по крайней мере, были, что не принуждены были ночевать на поле и под дождем и терпеть стужу и безпокойство.

Сим образом кончилось тогда трудное, скучное и досадное мое путешествие, и я, угревшись, проспал на другой день почти до обеда: так передрог и измучился я в прошедшую ночь.

Что ж воспоследовало далее, о том услышите вы в письме последующем, а теперешнее дозвольте мне на сем месте кончить и сказать вам, что я есмь и прочая.

ПРИУГОТОВЛЕНИЯ К СВАДЬБЕ

Письмо 115-е

Любезный приятель!

Я не инако думал, что проснусь на другой день с таковою ж нерешимостью и смущением душевным, каким мучился я во всю почти дорогу. Однако сего не воспоследовало, а я, проснувшись, чувствовал в себе все

мысли власно как просветившимися, все разныя душевныя движения усмирившимися и всю внутренность души моей гораздо в спокойнейшем состоянии, нежели с каким я заснул с вечера.

Мысли обо всем том, что я говорил и разсуждал сам с собою во время своего путешествия, хотя и возобновлялись в памяти и воображении моем, однако я не судил уже обо всем так строго и жестоко как вчера, но, напротив того, выискивал уже и все, что только могло служить и в извинение невесте моей во всем ее поведении против меня. И как великая ее молодость и неопытность казалась быть тому наиглавнейшею причиною, то и возобновлял я прежнюю свою надежду на время и умножение лет и не сумневался, что сии переделают наконец все и сделают ее ко мне и ласковейшею и приятнейшею.

К сему присовокуплялось и то, что мне все последствия, могущие произойтить от разорвания сего дела, представлялись в сие утро гораздо еще невыгоднейшими и для меня предосудительнейшими, нежели какими воображал я себе их в прошедший день, и нередко доводили меня до того, что я даже содрогался от единаго помышления о сем случае. А все сие и произвело, что я от прежняго внутреннего волнения гораздо поуспокоился и положил, по крайней мере, смотреть, что будет вперед и не переменятся ли обстоятельства?

И в самом деле, как в скором времени после того надлежало мне еще к ним съездить, и там случилось в то же время быть и тетке невесты моей, Матрене Васильевне Арцыбашевой, и сей хотелось, чтоб я после побывал и у ней в доме, находившемся почти на дороге и на половине пути от моей деревни до Коростина, и я охотно желание ее выполнил и к ней ездил и у ней был; то спознакомившись при всех сих случаях как с нею, так и с самою матерью невесты моей уже короче, был я так доволен обеих сих госпож к себе ласками и благоприятством и мне обе они казались столь благоразумными и такого хорошаго, тихаго, степеннаго и благонравнаго поведения, что они вперили в меня к себе искреннее почтение и самое уважение; а сие много уменьшило и прежнее мое неудовольствие на невесту. А и сама сия казалась мне опять не таковою для меня противною, каковою показалась она мне в помянутый несчастный день, и не только сноснейшею, но сколько-нибудь ко мне благоприятнейшею. А все сие и расположило дух мой к ее пользе.

По наступлении Петровскаго поста, который в сей год был очень невелик, решился я употребить оный на побывание в Москве, куда хотелось мне съездить как для закупки всех нужных вещей к свадьбе, так и в особливости для того, чтоб убедить просьбою моею старика дядю моего, Матвея Петровича, съехать на то время, как я буду жениться, в деревню и послужить мне при сем важном случае вместо отца.

Итак, собравшись налегке, отправился я в Москву. И это было в четвертый раз после приезда моего в отставку, что я был в сей нашей столице.

Мое первое дело было адресоваться с просьбою моею к дяде, и старик согласился на просьбу и желание мое охотно, и по любви своей ко мне радовался искренно тому, что я нашел себе невесту и что он будет иметь еще удовольствие видеть меня женатым. Как он, так и все его семейство и тамошние его родные и мои знакомцы расспрашивали меня обо всем и обо всем, и не только одобряли, но и одобряли мое предприятие, и госпожа Павлова, как знающая свет боярыня, не преминула дать мне кой-какие относящиеся до свадьбы и прочих обстоятельств благоразумные советы.

Не преминул я также побывать и у дяди своего, господина Арсеньева. Он и тетка, любившие меня также искренно, поздравляли меня равномерно с невестою, расспрашивали обо всех обстоятельствах и желали мне всякаго благополучия и всего добраго в свете.

Хотелось было мне очень побывать и у князя и княгини Долгоруковых, так много мне благоприятствовавших, но как опасался я найтить в доме у них кого-нибудь из дома г. Бакеева, к сему же в дом не отваживался я никак ехать, ибо не надеялся никак еще сам на себя, а опасался, чтоб не мог возмутить дух мой опять предмет прежний, то не поехал ни к нему, ни к князю, и хотел лучше, в случае если б они и узнали, что я был в Москве, оставить их в некотором на себя неудовольствии, нежели подвергнуть себя без дальней нужды очевидной опасности. А я неведомо как рад был тому, что годичное время успело страсть мою так ослабить и низложить, что она около сего времени не причиняла уже мне ни малейшаго безпокойства.

Впрочем, был я в сей раз в Москве очень недолго и не успел с помянутыми родственниками своими повидаться и искупить все нужное к свадьбе, как и спешил возвратится домой, чтоб успеть достальное все кончить, что у меня было начато и еще не окончено.

Итак, по возвращении своем в деревню и занялся я действительно всем тем в достальное время поста. А вскоре после меня не преминул съе-

хать с Москвы и приехать к нам и дядя мой, и, увидев переправленные мои хоромы, не мог выдумку мою довольно расхваливать и ей надивиться. Впрочем, не преминул я также побывать еще раза два и у своей невесты, с которою познакомливался и от часу больше.

Наконец окончился наш пост и начался мясоед, долженствующий решить мой жребий и судьбу мою кончить. Чем ближе подвигался я к сему времени, тем более волновался и смущался и безпокоился весь мой дух. Совершенная неизвестность – будет ли мне женитьба моя удачна, и счастливее ли я чрез оную сделаюсь или безсчастнее – тревожила меня и смущала чрезвычайно, и тем паче, что не было никаких особых видов, которые могли б льстить меня сколько-нибудь приятными надеждами, а встречались с мыслями моими более сумнительствы в получении всего того, чего наиболее желало мое сердце.

Сие, будучи сотворено уже от природы с наинежнейшими чувствованиями, желало всего более, чтоб и будущий сотоварищ в жизни моей имел сердце с такими ж чувствиями или сколько-нибудь ему подобное. Но сие было не только неизвестно, но, к величайшему моему неудовольствию, не было к тому ни малейшаго луча надежды. Ибо, как ни старался я то примечать при всех моих с нею свиданиях, подававших мне случай к разговорам с нею о разных материях и к желаемому испытыванию и узнаванию всех ея природных способностей, а отчасти и самых свойств душевных, но не мог приметить ни малейшей к тому наклонности, что хотя и приписывал я чрезвычайной ее молодости, но все-таки надеялся и желал найтить в ней хотя некоторые начатки и приготовления к тому; но как не находил и сих, то огорчало сие меня до безконечности.

При таковых обстоятельствах другого не оставалось, как брать прибежище свое к философическим разсуждениям и ополчаться не только терпением, но относительно до всего, могущаго быть, и философическою твердостию духа. Ни в которое время не нужна, была и не помогала мне так много моя философия, как в сие, которое можно почесть самым критическим в моей жизни.

Не один раз по нескольку минут, а иногда по целому часу хаживал я по любимой своей, и под тению дерев в саду проложенной и пробитой тропинке взад и вперед и углублялся в философическия размышления и предварительныя суждения о будущей и неизвестной судьбе своей! Не один раз восклицал я сам в себе: «А!.. что будет, если в будущей жене

своей не найду я себе такого товарища, какого желала вся внутренность души моей и желает и поныне мое сердце?.. Что будет, если не найду в ней такого друга, к которому бы имел я и которая бы взаимно имела ко мне нежнейшия чувствования, которому б мог я сообщать все внутренние действия души моей, все мои мысли и помышления и все желания и хотения моего сердца, и которая за удовольствие бы поставляла себе во всем согласоваться с оными?.. Что будет, если между нравами – моим и будущей подруги моей не будет ни малейшаго согласия и единообразия, но случится в ней нрав и чувствования совсем противуположныя моим и ни в чем не можно будет сладить и согласиться с нею?.. Можно ли тогда ожидать всех тех блаженных утех и непорочных радостей и веселостей в жизни, какие ласкался и ласкаюсь я всегда получить от супружества себе и какими пользуются и наслаждаются действительно многия счастливыя четы?.. Что будет, если и при дальнейшем возрасте пребудет она таковою ж, каковою она мне теперь кажется, не знающею ничего и не имеющею ни малейшей склонности к чтению, наукам и познаниям?..

Ныне приписываю я то ее молодости воспитанию и льщу себя надеждою, что со временем вперю я в нее сии блаженные склонности! Но что будет, если я в сей надежде обмануся и если окажется, что она от природы ни к чему такому, чего бы я желал, неспособна, и в ней нет и врожденных склонностей к тому?.. Что будет, если и вышедши замуж и достигши до возраста совершеннаго, будет и останется она навсегда таковою ж несловоохотною и таковою ж неласковою ко мне, каковою я вижу ее ныне?.. Ну что, если и это в ней природное и если и тогда не увижу и не дождусь я от ней ни малейших ласк и таких приветствиев ко мне, какия составляют душу счастливых супружеств и всего более взаимной любви поспешествуют!.. Что, если она и тогда будет такая ж несмеяна и я не увижу никогда в ней ни радости, ни удовольствия и всего того, что веселым и приятным называется, или, что того еще хуже, если будет она всегда невесела и всем и всегда недовольна и только в одних жалобах на все и все в безпрерывном ропоте все свое удовольствие находить будет?..

Несчастные такие нравы бывают не редко в свете, а особливо между женщинами!.. И ну, если, к несчастию моему, она иметь будет таковой и притом еще вместо любви – ненависть ко мне?.. Что тогда изволишь делать?.. Какою желчию станет напоять она все веселие и блаженство дней моих!.. Какой необъятной труд и какое философическое терпение потреб-

но будет мне тогда к великодушному переношению всего того, и какое искусство к прикраиванию себя к характеру таковому... Ах! Сие устрашает меня всего более...

Но, с другой стороны, ежели вспомнить и подумать о том, что все брачные и толь великое на всю человеческую жизнь и на все их потомство влияние имеющие союзы не происходят и не могут никак происходить по слепому случаю, а располагаются невидимою рукою пекущагося об нас Божескаго Промысла и святым Его Провидением, то, что можно учинить вопреки велению Его, и можно ли уклониться от того, чему должно быть по сему мудрому распоряжению Его?.. Ах! В сем случае другого не остается, как повиноваться совершенно воле его и быть довольным такою, какою угодно будет Самому Господу наделить меня... Он знает совершеннее, что для нас лучше и что хуже, и верно изберет и избирает всегда наиполезнейшее для нас... Итак, Его святая воля и буди в том, а мне остается только охотно принять жену от десницы Его и быть уверенным, что избрана она мне Им и верно не ко вреду, а к пользе моей, и чтоб в случае, если что и откроется в ней дурное и для меня неприятное, так не сомневаться в том, что Сам Он и поможет мне переносить все то с терпением и с спокойным духом».

Вот каким образом, удаляясь от всех людей, помышлял, озабочивался, смущался и чем сам себя ободрял и подкреплял я в самые последние дни пред своею женитьбою. И не один раз было то, что я не прежде выходил из сада, как повергнув себя где-нибудь в скрытом уголке пред невидимым и вездеприсутствующим Высочайшим Существом, вверяя Ему вновь всю свою судьбу и все свое счастие и несчастие и возвергая на Него всю свою надежду и упование!

Ныне, пишучи сие при позднем вечере дней своих, и препроводив уже более 40 лет в моем супружестве, и обозревая умственным оком все сие долговременное течение онаго, могу и должен сказать и признаться, что во многих из вышеупомянутых тогдашних умозаключениях своих, а особливо в надежде и уповании моем на Творца моего, я нимало не ошибся. Но благодетельствующий и о пользе моей пекущийся святый Промысл Господень не одарил хотя меня некоторыми из желаемых тогда моим сердцем выгод и вещей, но заменил то иным с лихвою и так, что я тысячу причин имел и имею быть судьбою своею довольным, и что я всего меньше мог не только тогда, но и в первые годы моего супружества того предви-

деть, что Провидению Господню угодно было совершенное удовлетворение тогдашним вожделениям сердца моего произвесть и осчастливить тем меня не тогда, а предоставить оное дальнейшему, предбудущему и тому времени, когда иметь я буду уже детей, и в них во всех, а особливо в дарованном мне от онаго сыне, доставить мне наконец то в полном совершенстве, чего желала тогда вся внутренность души моей, то есть совершенное во всем важнейшем подобие самому себе, и такого друга, собеседника и во всех моих чувствованиях соучастника, какого я себе только желать мог и который вместе с сестрами своими, доставив мне несметные тысячи минут приятных и блаженных в жизни, служит и ныне утешением мне при старости моей и делает и самые поздние дни мои блаженными, – и за что за все не могу я довольно возблагодарить Господа.

Возвращаясь теперь к повествованию моему, скажу, что как хозяйкою во время сего приближающегося торжества быть в доме моем назначал я тетку мою, Матрену Ивановну *Аникееву*, и не находил никого способнее к тому оной, ибо мне хотя и весьма хотелось, чтоб находилась при том и сестра моя *Травина*, но ей за болезнию своею быть ко мне никак было не можно, а поелику помянутая тетка жила всех прочих ближе, то и послал я за нею за несколько дней до свадьбы. А как она не отреклась нимало ко мне приехать, и охотно согласилась на мою просьбу, чтоб быть в сие время вместо матери моей хозяйкою в моем доме, то и принялись мы с сею милою и любезною старушкою приготовлять и запасать все, что нужно было к сему великому для меня празднику, также советовать о том, кого и кого пригласить нам к сему случаю и как лучше расположить нам все сие дело.

Все из наших мне знакомых соседей приглашены были к сему празднику. Но знаменитейшим из всех был тот же дядя мой г. *Каверин*, о котором я упоминал прежде. Он с женою своею и сосед мой, господин *Ладыженский*, также с женою были наизнаменитейшие мои гости. Однако были и некоторые другие. Сверх того присутствовал при том и дядя мой родной, Матвей Петрович. Старик же генерал, дед мой, не похотел никак удостоить меня своим посещением, хотя и был к тому убедительно и приглашаем. Но я того на нем и не взыскивал, потому что он никуда почти не ездил со двора и мог бы нам при сем случае наделать более связи[1], нежели удовольствия.

[1] В смысле – стеснить, связать.

Впрочем, для сделания праздника сего колико можно лучшим, порядочнейшим и веселейшим, то не только запаслись мы нужною провизиею и конфектами, но выпросили, не помню у кого хорошаго повара, также достали и музыку. Сию выпросили мы у господина *Трусова*, мужа соседки моей, Натальи Ивановны. А чтоб не стыдно мне было приехать к церкви, то не помню также от кого выпросил и достал я себе на это время двуместную карету. Словом, мы не упустили ничего, чего только можно было нам с теткою сделать и приготовить к сему случаю.

Наконец Ивановна моя должна была то и дело переезжать то от нас в дом к невесте, то от них к нам и совещаться о том, когда именно быть нашей свадьбе и где совершаться сему таинственному и священному обряду; и как с обоих сторон все нужныя приуготовления к тому были сделаны, то и не стали мы долее медлить, но назначили к тому 4-е число месяца июля и согласились с обоих сторон, чтоб бракосочетанию быть в стоящей на дороге и на половине почти разстояния от них и от меня посторонней церкви в селе Гатницах и чтоб обряд сей совершать отцу Иллариону как моему духовнику.

Каким образом все сие происходило, о том разскажу я в письме последующем, ибо сие увеличилось бы чрез то над меру. Итак, окончив оное, скажу, что я есмь и прочая.

МОЯ СВАДЬБА

Письмо 116-е

Любезный приятель!

Наконец приступаю я к повествованию вам истории того дня, который был наиважнейшим в моей жизни, того самаго дня, в который сделался я уже женатым мужем и который никогда не выйдет у меня из памяти.

Во весь оный был я равно как в некаком чаде и тумане и от разных душевных движений в таком смущении, что всех подробных и мелких происшествий, бывших в сей день, вовсе не упомню и не могу никак все их, виденныя как во сне, описать вам так, как бы хотелось. Одно только мне памятно, и памятно очень, что весь праздник сей был хотя изрядный, но

более прост, нежели великолепен. Не было при оном не только чрезвычайнаго, но еще многаго недоставало к тому, чтоб быть ему порядочному и такому, какие обыкновенно бывают при таких случаях.

Причиною тому был не я и не моя тетка, также и не скупость моя. Провизии всякой и других вещей было приготовлено и запасено было множество, но недоставало людей, которые могли б сделать при том лучшия распоряжения и расположить все сие дело так, чтоб было мне не постыдно. Не было никого, кто б мог быть при том добрым хозяином и распорядителем. Людей было хотя много, но все на большую часть старые, последних обыкновений незнающие, да и неспособные. Из молодых же не было и не случилось ни единого человека, которому б можно было быть шафером или хоть несколько потанцовать. А то музыка хотя и была, но для единого только слуха. Словом, свадебка была самая простая дворянская, и не с пышной руки, и не мотовская. Но ежели здраво разсудить, то такая была и здоровее, и для обоих сторон соединена была с меньшими хлопотами и затруднениями.

Гости, приглашенные мною к сему торжеству, съехались ко мне еще накануне того дня, как быть свадьбе, и довольно рано, ибо всем хотелось видеть, как привезут приданое. И как погода тогда стояла наилучшая июльская, то весь вечер проводили мы в саду, гуляя в оном и слушая играющих вальторнистов, ибо музыка была к нам уже привезена, и мы восхотели ею попользоваться. И это было в первый еще раз, что раздавался звук музыкалических инструментов в моем саду и окрестностях моего жилища.

В самое то время, как мы помянутым образом в саду гуляли и занимались музыкою, возвещено нам было, что показались везущие приданое. Все мы бросились тогда из сада в хоромы и спешили приттить туда прежде их приезда, дабы видать весь порядок наблюдаемаго при том обыкновеннаго обряда.

Приданое было хотя очень не знаменитое, в каком и не было никакой надобности, поелику невеста шла за меня со всем своим достатком, да и самого платья, по молодости ея, нельзя было готовить многаго; однако привезли оное, по обыкновению, на нескольких цугах и вносили как кровать, так и все прочее при зрении сбежавшагося народа, по обычаю, на коврах и церемониально. Для постановления кровати с обыкновенным ея занавесом отвели мы тот наугольный покоец, в котором я до того времени сыпал;

и как присланные люди оную поставили и наитишь[1] снарядили, то, угостив и одарив их, по обыкновению, отпустили мы их обратно и уже довольно поздно ночью, и по отъезде их, спешили и сами взять скорей покой себе.

Последующий затем и достопамятный день встретил я с особыми чувствиями. Увидев чистое и прекрасное восходящее солнце, сказал я сам себе к нему: «В последний раз, будучи холостым, вижу я тебя, о солнце, восходящим! Еще прежде, нежели ты опустишься за горизонт, присоединюсь я уже к мужам женатым и в завтрашний день буду видеть восход твой уже перешед в состояние иное... О, буду ли я в оном счастлив? И будет ли будущая подруга моя помогать мне веселиться так много тобою и твоим утренним светом, как много веселился я тобою, будучи холостым и в свободном состоянии?»

Первая мысль сия повлекла тотчас за собой многия и другия, и я, вскочив и накинув на себя легкое утреннее платье, побежал в сад и, уклонившись от людей, пал ниц на землю перед невидимым Господом и Отцом своим Небесным и, принося Ему за все обыкновенные свои благодарения, просил Его на коленях о сниспослании Своего в сей толико важный для меня день и о том, чтоб Он был ко мне милостив.

Едва я успел возвратиться из сада, как сказано мне было, что пришел уже священник со своим причтом для служения всенощной. Был то отец Илларион с братом своим, дьяконом Иваном, и его детьми. Мы тотчас начали служение и отслужили не только всенощную, но потом и молебен с водосвятием, и весь дом окроплен был освященною водою. Никогда почти не маливался я с таким усердием и благоговением, как в сей раз; но и было о чем молиться.

Обед был у нас ранний и не слишком церемониальный, а после обеда и начали мы тотчас собираться и располагать время так, чтоб нам от церкви возвратиться можно было не позже и не ранее сумерек. Меня нарядили и убрали, как водится, однако не с пышной руки и не так, как бы какого петиметра. Наконец, как все было уже готово, то поставлен был, по обыкновению, посреди комнаты стол с образом и хлебом и солью. За оный посадили меня и всех, ехавших со мною в церковь.

По возстании из-за стола и по принесении последних молитв Господу благословляем был я образом вместо отца дядею моим Матвеем Петрови-

[1] Тишком, втихомолку – без крика, без ссор.

чем, а вместо матери – теткою Матреною Ивановною. Слеза, капнувшая из глаз моих, смочила тогда самую икону, с которою, по обыкновению еще старинному, поехал вперед помянутый духовник мой. Я последовал за ним и, севши с дядею Захарьем Федоровичем в карету, ехал во всю дорогу, сам себя почти не помня от волнующихся в душе моей разных мыслей и пристрастий. Погода случилась тогда наипрекраснейшая, и день самый ясный, тихий и жаркий.

Мы приехали к церкви еще довольно рано, и тут не было еще никого. Обряд требовал, чтоб невесте приезжать после и чтоб жениху не инако, как несколько времени дожидаться оной в церкви, и сие обыкновение наблюдалось как-то от самой древности. Каковы были для меня сии минуты, а особливо та, в которую увидели мы показывающиеся с горы экипажи невесты моей и другие с нею бывшие, того описать и изобразить я никак не могу, а довольно, когда скажу, что во все сие время сердце у меня было далеко не на месте и трепетало так сильно, что в ту минуту, когда сказали нам, что подъехали они уже к входу церковному, хотело оно из меня власно как выпрыгнуть.

Наконец введена была в церковь и невеста и вошли и все приехавшие с нею мужчины и женщины. Взоры мои устремились натурально тотчас на ту, которая через несколько минут долженствовала соединиться со мною неразрывными узами. И как она мне в сей раз отменно хороша и столь приятною показалась, каковою она мне никогда еще до того не была, то сие ободрило меня очень, и я бодро и охотно пошел за ведущим меня на середину церкви. Но тут не успели нас обоих поставить рядом и начать обряд бракосочетания, как мало-помалу, смущаясь мыслями, пришел я в такое замешательство мыслей, и кровь во мне взволновалась столь сильно, и я в таком находился безпорядке, что я дрожал тогда так, как бы от лихорадки или от мороза, хотя было тогда в церкви и очень еще жарко. И состояния, в каком находился я во все время, покуда отправлялся сей священный и таинственный обряд, не в силах я никак изобразить словами моими. Я был вне себя и сам себя почти не помнил.

Совершаем был оный помянутым духовником моим, отцом Илларионом, со всею важностию и степенностию, каковая была сему духовному мужу свойственна и какой требовало и само существо сего обряда. По окончании онаго прочтено было нам небольшое и обыкновенное в сем случае поучение. Когда же все кончилось и я поцеловал в первый раз не-

весту свою так, как уже жену свою, то возгремели со всех сторон поздравления и начались взаимныя рекомендации между всеми в новое родство и знакомство друг с другом вступившими. И минуты сии были для меня восхитительны! С меня свалилась тогда власно как некая гора с плеч, и я сделался уже веселее и отважнее.

По окончании сего обряда и обыкновеннаго при том этикета поехали мы домой и спешили колико можно ездою, чтоб успеть доехать еще засветло и за несколько минут прежде прочих. Во весь сей обратный путь был я уже гораздо веселее и спокойнее в мыслях. Я чувствовал в себе некакое облегчение и власно как новую жизнь и не однажды говорил сам себе: «Ну, слава Богу! Как бы то ни было, но дело теперь уже кончилось, и я теперь уже женатый муж!.. Теперь не станет меня уже более мучить нерешимость и сомнительства прежния. Неразрешимый узел уже связан и теперь остается только просить Бога, чтоб Он благословил сей наш брак Своею святейшею десницею и не отверг нас обоих от лица Своего, но продолжал прежние Свои ко мне щедроты и милости. Далее можно мне помышлять уже о том, как бы довольным быть сим со мною происшествием, о котором уверен я, что не могло никак произойтить и совершиться без воли и соизволения на то моего Бога. А всходствие того и должно мне с сего времени уже стараться приноравливать себя ко всему и ко всему, и как ко времени, так и к обстоятельствам, в каких я впредь находиться буду, несмотря каковым бы им быть не случилось и быть всем довольным, что б ни воспоследовало со мной!»

Тако сам с собою говоря и размышляя, проводил я все время при обратной своей езде от церкви. Мы приехали домой, действительно, в самыя сумерки, так что нас встретили уже с огнем, и все комнаты мои освещены были множеством огней. Валторны встречали нас своим звуком уже издалека, а не успели мы приехать и я, приняв из коляски молодую свою жену, подвесть ее к крыльцу, где при входе в дом встречал нас дядя и тетка с образом и хлебом и солью, и не успели мы к первому приложиться, а последний принять и поцеловать и древний сей похвальный обряд кончить, как при входе нашем в покои загремела музыка и не переставала играть разныя симфонии, покуда не окончился весь вечерний стол, за который нас тотчас и посадили.

Стол был набран и приготовлен был не в зале, а в угольной и той комнате, где я прежде сего живал и которую в прежнюю свою бытность в де-

ревне распачкивал[1] разными фигурами, но которая тогда обита была уже обоями и прибрана лучше. И как стол поставлен был глаголем[2], то и оказалось в ней довольно простора для помещения гостей всех.

Мы во весь ужин, по глупому старинному обыкновению, ничего не ели, да и прочие ели мало. Кушаньев настряпано и приготовлено было хотя и очень много и более, нежели сколько еще надобно было, но как тогда не было еще в обыкновении кушанья обносить кругом лакеям в соусниках и блюдах, а все надлежало кому-нибудь из сидящих за столом раздавать, то за безделкою стало дело, что кушанье раздавать было некому. Из стариков никому не хотелось принять на себя сию коммиссию, а помоложе и такого, кто б мог сию должность взять на себя, никого не было и не случилось; итак, уже кое-как и кое-кем было дело сие совершимо, и я размучился впрах с досады, приметя и видя сей безпорядок, но которому пособить был не в состоянии да и переменить было нечем.

По окончании ужина тотчас повели нас за так называемые сахары, или за стол, установленный конфектами и другими всякого рода фруктами и вареньями. Сей стол приготовлен был в тогдашней моей жилой и лучшей угольной комнате, ибо в комнатке, или в другой угольной поставлена была кровать. Тут потчиваны мы были кофеем и конфектами, а потом отведена была невеста в спальню и раздеваема была боярынями, которыя, возратясь оттуда и распрощавшись с нами, возвратились все в прежнюю столовую комнату, из которой между тем вынесены были столы и сделан был простор желаемый.

Ничто мне тогда так досадно не было, как известное древнее и наиглупейшее наше обыкновение, наблюдаемое и поныне при множайших бракосочетаниях, но начинающее ныне мало-помалу выходить из обычая; а именно, чтоб всем ночующим тут в доме гостям не спать, а в скуке дожидаться иногда по нескольку часов, покуда можно будет им новобрачным принесть свои поздравления.

Глупое и досадное сие обыкновение почиталось так свято, что и помыслить было не можно о преступлении онаго, как много ни желал я того. В особливости же хотелось мне сего для того, чтоб доставить скорее покой незнакомым и новым гостям своим, которым за дальностью их домов, ехать было некуда, а всем надлежало ночевать у меня же в доме.

---

[1] Размалевывал.

[2] Глаголь – старинное название буквы «Г»; в виде буквы «Г».

И хорошо, что в сей раз так случилось, что гостям недолгое время принуждено было сидеть молча и провожать время свое в скуке и что за препровождением целого почти часа в посещении новобрачной всеми гостями, во взаимных поздравлениях, при опоражнивании всеми, по обыкновению, бокала с напитками и в изъявлении всеобщей радости и прочих, бываемых при таких случаях обрядов, осталось еще довольно времени к тому, чтоб всем и выспаться, и взять отдохновение.

Между тем как в доме моем происходило сие брачное пиршество и весь оный наполнен был таким множеством народа, какого никогда в нем до того не бывало, мать жены моей, сделавшаяся тогда уже моею тещею, для скорейшаго об нас и обо всем узнания и чтоб быть к нам ближе, переехала после нас из Калединки, откуда невеста отпускаема была к венцу, ночевать в Ченцовский завод, к общей нашей знакомке Ивановне.

Тут нашел я ее на другой день, приехавши поутру, по обыкновению, благодарить ее за содержание и воспитание своей дочери и для приглашения ее к нам на обед или так называемый княжой пир, на который она приехала вслед почти за мной. И с сего времени мы уже не разставались никогда с нею, но она, сделавшись общею нашею семьянинкою, к особливому счастью обоих нас с женою и детей наших, жила всегда уже с нами и живет еще и поныне, и приобрела к себе от меня такое почтение и уважение, что я всегда не инако ее себе почитал, как своею родною матерью.

Помянутый княжой пир был уже не только порядочнее, но живее и веселее предследовавшего ужина. Все гости сделались уже друг другу знакомее и между всеми господствовала радость и удовольствие. Музыка гремела опять во все продолжение стола, равно как и во все послеобеденное время, которое препровождено было всеми без скуки и весело.

Мы старались угостить колико можно лучше всех гостей своих и не отпустили никого из них от себя, не упросив ночевать еще у нас ночь. И они разъехались не прежде, как после обеда уже на третий день и разстались с нами с удовольствием и пожеланиями нам всех благ и благополучнаго супружества. Мы же, с своей стороны, в особливости довольны были тем, что никакое противное и досадное происшествие не помутило общей нашей радости и удовольствия во все время брачнаго сего пиршества и что и сама погода была наилучшая.

Сим образом кончилось наше пиршество, и я сделался мужем женатым, вступил со многими, до того совсем незнакомыми людьми в новое

родство и знакомство и перешел совсем в иной и от прежняго отменный образ жизни. Моя прежняя одинокая и уединенная жизнь кончилась, и я нажил себе уже семейство, которое было хотя и невелико, но все уже был я не один, как прежде.

И как с сего времени пошло уже все иное, что дозвольте и мне дальнейшее повествование о случившихся со мною происшествиях начать с письма последующаго, а теперешнее сим окончить и сказать вам, что я есмь и прочая.

СВАДЕБНЫЕ ВИЗИТЫ

Письмо 117-е

Любезный приятель!

Начиная теперь описывать вам историю моей жизни с того времени, как я женился, скажу вам, что по окончании брачнаго пиршества и по разъезде гостей мое первейшее дело было то, чтоб вместе с молодою своею женою объездить всех, бравших в брачном пиршестве нашем соучастие и одолживших нас своим посещением, и принести нашу общую благодарность; также чтоб познакомить новых семьянинок своих короче с моими родственниками и соседями, а между тем и самому спознакомиться ближе с матерью жены своей, также и с самою ею.

Как всех более одолжила меня при сем случае тетка моя *Матрена Ивановна*; то первейшее наше попечение было о том, чтоб угостить ее колико можно лучше и отпустить от себя, осыпав нашими благодарениями. Она пробыла у нас всех прочих гостей долее и поехала от нас уже на четвертый день после свадьбы. Не преминули мы также с обеих сторон возблагодарить и нашу Ивановну за все ея труды, хлопоты и старания, и возблагодарили ее не только словами, но и делом. И добродушная сия старушка была по смерть свою нами очень довольна, и с сего времени не только бывала очень часто в нашем доме, но и гащивала у нас иногда по нескольку дней сряду, и мы ей всегда были очень рады, и жена моя, позабыв скоро всю свою прежнюю на нее досаду, стала любить ее столько же, сколько любила прежде.

После того и прежде всех свозил я новых сотоварищей своих к превосходительному соседу и деду своему, престарелому генералу, и познакомил их с оным. Он принял их с обыкновенными своими притворными ласковостями и показался им по благоприятству своему сущим ангелом, хотя в самом деле он далеко не таков был.

Дяде моему родному, *Матвею Петровичу*, принесли мы также свое благодарение, и сей не преминул угостить нас обедом, и был выбором моим так доволен, что по кончину свою отзывался всегда хорошо как о жене моей, так и теще. Онемевшая и жалкая его жена изъявляла нам также свои ласки своими жестами и давала знать, что она одобряет мой выбор. Другой дядя мой, *Захарий Федорович Каверин*, не позабыт был также от нас, и мы принесли ему в доме его также наши благодарения за все его труды и принимаемое им соучастие как в свадьбе, так и в сговоре нашем.

Таким же образом свозил я их и к любезному соседу своему, господину *Ладыженскому,* и познакомил их короче как с ним, так и с женою его.

Сей дом сделался нам с сего времени еще знакомее и дружелюбнее прежняго, и согласие и дружба между обоими нашими домами господствовало безпрерывно во все достальное течение дней моих и продолжается и доныне, хотя тогдашние хозяева оного находятся уже давно в царстве мертвых, а живет уже в сем доме один из сыновей его и мой крестник.

Что касается до другого моего ближнего соседа, господина *Иевскаго*, то в жене его, *Дарье Семеновне*, нашла теща моя близкую себе сродственницу. Она доводилась ей внучатная сестра и была ей издавна знакома. Таким же образом сродни ей был и сосед мой господин *Лихарев, Алексей Игнатьевич*, живший неподалеку от меня в деревне Нижней Городне и ко мне езжавший.

Побывав у всех тутошных своих родных и соседей, поехали мы таким же образом развозить визиты свои по родственникам и знакомым жены и тещи моей, которые сделались тогда вкупе и моими. И как все они жили ближе к дому тещи и жены моей, нежели к моему, то переехали мы на сие время в сей старинный дом их, и оттуда уже стали разъезжать по домам оным.

В сей раз разсмотрел я сей дом и родину жены моей уже короче и обстоятельнее и узнал ближе относящиеся до онаго обстоятельства. Я нашел его очень небольшим и по всем отношениям своим малозначущим. Был он самый старинный, маленький, ветхий и тесный домик со двором

ему приличным и таким же. Позади сего находился хотя нарочито обширный, но наполовину только засажденный, а на другую заросшей синникиком другою дичью сад, который был такого рода, какой мог только быть у женщины, правящей домом.

Теща моя была хотя и не совсем не охотница до садов, а любила цветы и вообще все произрастения, занималась охотно сеянием, саждением и содержанием первых и попечениями о вторых, однако все была женщина, – а сего было уже и довольно. Но с сего времени препоручила она все попечение о сем саде мне и предала его совершенно в мою волю, что мне было и непротивно, потому что я получил чрез то предмет, которым мог я во все праздные и досужные часы заниматься, и чрез то не допускать себя до чувствования скуки.

Первый свадебный визит сделали мы тетке жены моей, *Матрене Васильевне Арцыбашевой*. Из всех тамошних родных была она к ним родством и дружелюбием всех ближе. Она жила в деревне своей Калединке, отстоящей неподалеку от того села, где мы венчались. И как селение сие было на дороге от нашего дома к Коростину, то заехали мы к ней еще туда едучи. Она не больше как за год до того лишилась мужа своего, Андрея Аврамовича, родного брата тещи моей, имела тогда у себя трех детей, двух девочек и одного мальчика, но которыя все были еще очень малы. Меньшая дочь ея Александра, что ныне за г. *Крюковым*, Львом Савичем, была еще в колыбели. Сын Петр, – еще на руках, а и большая дочь, Прасковья, что ныне за г. *Кислинским*, Васильем Ивановичем, сходила тогда только что с рук и говорить начинала.

Домик у ней был также очень маленький и гораздо еще меньше коростинскаго, однако изрядненький и веселенький, и подле онаго добрый плодовитый сад с хорошими плодами. Тетка, будучи очень ласковою и разумною госпожою, приняла нас очень благоприятно и угощала всячески. Она всем поведением и поступками своими вперила в меня к себе истинное почтение, и я могу сказать, что я во всю жизнь почитал и любил ее искренно и был ею всегда доволен. Но и она любила нас искренно, как родных, а особливо меня, и я с самого начала как-то имел счастие сделаться ей угодным.

Неподалеку от ней жил еще один их родственник, господин *Селиверстов*, Сергей Петрович, и хотя он у нас и не был на свадьбе, однако мы не преминули у него побывать, ибо теще моей хотелось ему меня показать

и его со мною познакомить. Человек он был уже не молодой и дряхлый, имел превеликую семью и детей множество.

Кроме сего, жила неподалеку от ней еще другая небогатая вдова, бывшая также им в родстве, из фамилии *Хотяинцовых*, а по имени Катерина Алексеевна, с дочерью своею Авдотьею Андреевною, бывшею потом за двумя мужьями, Ферапонтовым и Перхуровым. С сею я также тогда познакомился и о сей упоминаю я более для того, что помянутая дочь ее, будучи тогда еще очень молодою, живала потом по многому времени у нас в доме и, почти воспитываясь в оном, делала жене моей компанию и увеличивала собою почти наше семейство, и мы пребыванием ея у нас всегда были очень довольны.

Из Калединки, продолжая путь, заезжали мы к старику г. *Недоброву,* Василью Тихоновичу. О сем любимом и почитаемом родственнике их имел я уже случай упоминать вам. Он был самый тот добродушный и умный старичок, у котораго в доме видел я в первый раз жену мою и с которым уже с тогдашняго времени сделался знакомым. Он принял нас в сей раз наиблагоприятнейшим образом и угостил так, что мне приятно было быть у него в доме; и как он и жена его, такая ж добренькая и добродушная старушка, как и он, полюбили меня скоро в особливости, и я всегда приязнию и дружбою их так доволен, что и они всегда были и у меня наиприятнейшими гостями, и сие согласие и дружба между нашими домами продлилась до самой их кончины, которая, к сожалению, воспоследовала немногие спустя годы после моей женитьбы.

По приезде ж в Коростино за первый долг почли мы отвезть также визит свой к ближайшему их соседу и родственнику, Ивану Алексеевичу *Колюбакину* – человеку доброму, но крепкому на ухо. Он жил в одном селе с нашими и только чрез улицу от нашего двора и имел изрядный домик и не старую еще жену, жившую с моими в великой дружбе. Мне ж в особливости знаком был по службе брат его родной, Кирилл Алексеевич – самый тот, с которым я стоял вместе на карауле в Рогервике и с которым, возвращаясь, сыграли мы над князем *Мышецким* на квартире комедию. Сей дом как до того, так и после во всегдашнее время был нам благоприятен и дружелюбен и соседями сими были мы довольны.

Кроме сего, был тут же в селе и за речкою и другой еще домик с живущею в нем вдовою-старушкою и тою Аграфеною Ивановною, о которой я имел уже случай упоминать. Она была также нашим с родни и жила пре-

жде с тещею моею в отменном и тесном дружестве, но тогда было между ими небольшое несогласие, и, что удивительнее всего, то за меня.

Старушке сей что-то приди охота разбивать наше сватовство, и не только не знавши меня в глаза, корить и хулить меня всячески, но и жене моей, которая любила ее очень с самаго малолетства, внушать обо мне не только самыя невыгоднейшия мнения, но с пути ее сбивать еще и обещаниями сыскать ей другого, несравненно лучшаго и богатейшаго жениха, и говорила уже ей о каком-то Хитрове. А всем тем и наделала она очень много пакостей, и впечатления, произведенные ею в нежном и мягком уме и сердце жены моей производили действия, которыя приметны были даже и по прошествии многих лет после сего времени. Словом, старушкою сею ни теща моя, ни я не имели причины быть довольными. Однако я, хотя не тогда, а после, презрев все сие, возобновил и с нею прежнее знакомство и заставил и ее себя почти насильно любить и почитать. Старушка сия жила после того по смерть свою в Тульском монастыре, в котором была она наконец игуменьею. Но характер ее был во всю жизнь не из лучших и похвальнейших.

Из села Коростина ездили мы потом в село Луковицы для отвезения своего визита и благодарности господину *Арсеньеву*, Василью Васильевичу как бывшему у нас также на свадьбе и бравшем во всем деле нашем соучастие. Поелику был он помянутой тетки жены моей, Матрены Васильевны, родной брат, то и жили наши как с ним, так и с женою его, Афимьею Никитичною, боярынею умною и ласковою, в особливом дружелюбии, и я могу сказать, что и сим домом был я всегда доволен. Они меня также полюбили и любили даже по смерть свою, хотя мы и жили после уже в отдаленности друг от друга и не так часто видались, как тогда. А в то время езжали мы к ним всякий раз, когда ни случалось нам бывать в Коростине, а и они бывали у нас не только там, но приезжали к нам не один раз и в Дворянинове; а по них сделались мы после того знакомыми и с другими господами Арсеньевыми, как то: Иваном Михайловичем и братом его, Михаилом Михайловичем, в особливости же с другим родным же братом Матрены Васильевны и известным всей России по высокому и великому своему росту – Дмитрием Васильевичем *Арсеньевым,* служившим тогда в кавалергардах и знавшим меня еще ребенком, поелику он в молодости своей служил у отца моего в полку адъютантом и из онаго взят был тогда в лейб-компанию.

Оттуда ж ездили мы наконец и в другую сторону и за большую дорогу из Москвы в Тулу, где жила родная и меньшая сестра тетки жены моей, Анна Васильевна, бывшая в замужстве за небогатым дворянином господином *Крюковым*, Борисом Ивановичем. Они жили в деревне Каменки, неподалеку от Вашаны, где живут и поныне, и были оба нам также рады и угощали нас дружелюбнейшим образом. Но к сему дому не лежало у меня тогда как-то сердце, несмотря, что они к нам всегда ласкались и не было между нами никакого несогласия.

Не то особливый и оригинальный характер сего г. Крюкова, не то досадная и никому неприятная склонность жены его к пересмеханию и переговариванию всех, кто был не по ее вкусу, а особливо не так без ума, без памяти обожал московския моды, как она, была тому причиною, что мы хотя в разсуждении близкаго родства с теткою Матреною Васильевною, да и самого дружелюбия к нам, и нередко к ним езжали, но никогда не отправлялись в путь к ним с дальнею охотою, но часто случалось, что жена моя, побывав у них, не один раз потом утирала слезы, и всякий раз как ни случалось туда ехать не проходило без многих вздохов и огорчений. Вот что может производить окаянная охота к пересмеханию других и к пустословному судаченью! Не любовь к себе и почтение, а только ненависть навлекать она от всех на человека может. Со всем тем и как бы то ни было, но я не могу и на сей дом, а особливо в разсуждении самого себя, пожаловаться. Они любили и почитали меня всегда, а я также любил их, как и всех прочих.

Впрочем, по случаю знакомства с сим домом сделались мы впоследствии времени знакомы с некоторыми и другими дворянскими домами в тамошнем околотке, как то: с живущим неподалеку от них генералом Иваном Алистарховичем *Ежелинским*, и женою его, Настасьею Гавриловною, – людьми очень хорошими и со временем сделавшимися к нам отменно благоприятными, как о том упомяну я в свое время; во-вторых, с Михаилом Ивановичем *Крюковым*, родным братом помянутаго г. Крюкова. С сим человеком я только возобновил тогда знакомство, ибо были мы с ним и до того и очень давно уже знакомы, потому что служил он еще при отце моем в нашем полку капитаном, и меня знал еще ребенком. Знакомство наше с сим домом продолжается еще и поныне, и в оном живет уже ныне сын его, Егор Михайлович, женившийся на сестре зятя моего *Шишкова* и сделавшийся чрез то нам в сватовстве.

Третий дом, с которым мы впоследствии времени в тамошнем краю познакомились, был господина *Хрущова*, Ивана Фомича, которое знакомство продолжается и поныне; но как тогда, так и после было не короткое и не совсем близкое, однако всегда дружелюбное, недавно же возобновившееся вновь по случаю близкаго родства его с меньшим зятем моим, *Пестовым*.

Кроме всех сих, со временем и по случаю также женитьбы моей свел я знакомство и дружбу с некоторыми домами и в стороне, совсем противоположной сим, и в окрестностях реки Оки и города Серпухова.

В самом сем городе находилась одна милая, престарелая и весьма почтенная старушка из фамилии господ Арцыбашевых, и весьма тещею моею любимая и почитаемая. Она живала у ней в малолетстве и тогда, как училась еще грамоте. Звали ее Катериною Богдановною. Жила она в девичьем монастыре и была боярыня стариннаго века, но умная и столь ласковая, что я ее с перваго раза полюбил и возымел к ней почтение, продолжавшееся до самой ея кончины, и могу сказать, что и она нас любила и мы бывали всегда у ней приятные гости, когда ни случалось нам бывать у ней в Серпухове.

Она имела у себя двух дочерей и невестку, оставшуюся после умершаго в молодости сына. Первая из дочерей ея, Авдотья Назарьевна, была в замужестве за *Глебовским*, а вторая, Анна, – за господином *Офросимовым*, Афанасьем Левонтьевичем, стариком милым, любезным и почтенным. Нам оба сии дома сделались в Москве знакомы, а особливо последний, и старик сей любил меня отменно до самой своей кончины, и я приязнию его был очень доволен.

Что касается до ее невестки, то сия с обоими своими малолетными детьми, а ее внучатами, жила в селе Пущине, неподалеку от Дворянинова и на самом береге Оки-реки, была вдова еще молодая, называлась Натальею Петровною и была теще моей очень знакома, почему знакомою сделалась и мне, и мы нередко езжали к ней и она к нам, – и дружелюбием и знакомством дома сего был я также очень доволен.

Третий дом был также родственника жены моей, а вкупе и моего собственнаго, Дмитрия Ивановича Арцыбашева, и находился в селе Лужках, за рекою Окою и немного повыше села Пущина. С сим домом также основали мы знакомство и дружбу, и знались по самую кончину хозяина, который доводился мне внучатный брат, воспоследовавшей чрез немногие

годы. Однако сим дружелюбие и знакомство домов наших не пресеклось, но продолжалось и при оставшей жене его, Татьяне Яковлевне.

Наконец, четвертый дом был хотя всех далее и за несколько верст за рекою Окою, но дружелюбнее других многих. Жила в нем одна добродушная старушка, считавшаяся теткою моей тещи. Но не столько она была важна, как оба ее сыновья, Иван и Афанасий Афанасьевичи *Арцыбашевы*. Оба они служили в армии, были в прусской войне и продолжали и тогда еще служить.

Первый из них был хозяином дома, и будучи теще моей с малолетства знаком и учась почти вместе с ним грамоте, был к ней во всю жизнь свою, а по ней и к нам расположен очень хорошо. Он был наилучшим ее советником при случае сватовства моего и нерешимости ее в разсуждении отдачи за меня дочери своей, и советовал ей нимало тем не медлить. Словом, человек сей скоро приобрел и от меня к себе любовь и почтение, и я любил и почитал его по самую его смерть. А не менее обязан я дружбою и любовию его брата.

Оба они не только любили, но и одолжали меня при некоторых случаях своими услугами. Итак, хотя и не часто, но езжали мы и в сей дом, так как и они у нас временем бывали.

Вот весь почти круг тогдашняго нашего стараго и новаго знакомства, и мы делили свое время, живучи в Дворянинове и в Коростине и разъезжая то к тем, то к другим из помянутых своих родных и знакомцев; временем же приглашая их и к себе и угощая в котором-нибудь из помянутых обоих домов наших.

Между тем спознакомливался и свыкался я час от часу более и с молодою своею женою и тещею. Но в разсуждении первой свычка наша шла как-то очень, очень медленными стопами. Я, полюбив ее с перваго дня искреннею супружескою любовью, сколько ни старался к ней с своей стороны ласкаться и как ни приискивал и не употреблял все, что мог, чем бы ее забавить, увеселить и к себе теснее прилепить можно было, но успех имел в том очень малый. Она казалась иметь характер самый хладнокровнейший и ко всему тому нимало не чувствительною, и сие ее природное свойство простиралось даже до того, что в самый прошпективический ящик с картинами, производящий всем, не видавшим его еще никогда, толь великое удовольствие, смотрела она с совершенным хладнокровием, и он

жену мою, несмотря на всю ее молодость, нимало не веселил, и неприметно было в ней нималаго к таким вещам любопытства.

Не находил и не примечал я также в ней ни малейшей склонности и охоты к читанию книг и ко всему, до наук относящемуся. Не видно было и того, чтоб она и к садам могла быть когда-нибудь охотница И чтоб ее и в них что-нибудь особливое веселило, но она смотрела на все с равнодушием совершенным.

Но что всего важнее, то и к самому себе не мог я от ней ни малейших взаимных и таких ласк и приветливостей, какия обыкновенно молодые жены оказывают и при людях и без них мужьям своим. Нет, сего удовольствия не имел я в жизни! И хотя было все сие мне и очень, очень неприятно, но как все оное приписывал я тогда наиглавнейше тогдашней ея молодости, а не природному ея свойству, то и переносил все то прямо с философическим твердодушием и не роптал на судьбу свою нимало, и тем паче, что не совсем еще лишился надежды увидеть и получить со временем то, чего тогда в ней недоставало. Напротив того, утешался тем, что многое из того, чего искал и желал я в жене своей, находил я в моей теще, а ее матери, и через самое то не совсем лишился тех душевных удовольствий, каких получения домогался я через женитьбу.

Я упоминал уже, что главнейшее мое желание состояло в том, чтоб через женитьбу нажить себе такого товарища, с которым мог бы я разделить все свои душевныя чувствования, все радости и утехи в жизни и которому мог бы я сообщить обо всем свои мысли, заботы и попечения и мог пользоваться его советами и утешениями. Одним словом, который бы брал во всем, относящемся до моей жизни, искреннее соучастие и помогал мне прямо носить бремя оной. А все сие и находил и такого себе товарища и нажил я в особе моей богоданной матери.

Она была так умна, что я мог разговаривать с нею обо всяких материях, а притом так любопытна во всех частях, что всегда слушивала меня с удовольствием, и я мог относиться к ней во всем и передавать на апробацию[1] ее все и все. Кроме сего, имела она довольную охоту к садам и находила в украшениях оных великое для себя удовольствие. К самым красотам натуры не была она совсем не чувствительною. А что всего лучше и всего для меня приятнее было, то любила и сама читать книги и слушать других,

[1] Латинское – на осмотр, на испытание и одобрение.

когда ей читали, и слушивала не только с любопытством, но и с желаемым вниманием. А как была, сверх того, очень хорошаго нрава и самого благороднаго и похвальнаго поведения и любви и почтения достойнаго характера, то и получил я в ней такого товарища, какого желала наиболее душа моя.

Я мог адресоваться к ней всегда и со всем, что ни относилось как до литературы и до наук, так и до художеств, а наконец, до самых садов и других частей сельскаго домоводства и ожидать от ней желаемаго одобрения или, когда в чем надобно было, искренняго совета. Получал ли я откуда и от кого ни есть новую какую-нибудь книжку, то было мне кому сообщить о том свою радость, было кому взять в ней соучастие, было мне с кем ее почитать и посудить об оной! Удалось ли мне когда самому сочинить или перевесть что-нибудь, то было кому то прочесть и у кого спросить, хорошо ли то или нет, и было кому чрез одобрение свое меня побуждать и поощрять к дальнейшим таким предприятиям. Вздумалось ли мне когда что разрисовать или что-нибудь нарисовать вновь, то было кому работу свою показать и ожидать от кого себе похвалы и одобрения. Случалось ли что-нибудь особое, новое, важное или любопытное услышать или узнать, то было к кому спешить о том разсказывать и с кем о том поговорить и посудачить.

В садах ли находил я себе что-нибудь в особливости приятное, меня занимающее и увеселяющее, то было кому сообщить радость и удовольствие свое и быть уверенным, что возьмется в них соучастие. Удалось ли мне когда что-нибудь в них вновь затеять, выдумать или сделать, то было кого звать и с кем ходить того смотреть и тем любоваться. Случалось ли дождаться либо всхода, либо разцветания какого-нибудь новаго, у нас не бывалаго и нам обоим еще не известнаго цветочнаго или какого иного произрастания, то было к кому мне бегивать и спешить сказать свое о том удовольствие и звать кого смотреть оное. А таким же образом и в прочих частях экономии сельской случалось ли мне что новое выдумать, или открыть, или увидеть, или сделать, или еще только затеять, то было с кем о том поговорить, подумать и посоветовать, или все показать и спросить о его мыслях, или с кем чему-нибудь хорошему, в особливости полезному, порадоваться и повеселиться.

Одним словом, был у меня человек, которому мог я все и все сообщать и который мог брать во всем относящемся до меня и как в приятных, так и в самых неприятных вещах и происшествиях живейшее и искреннейшее

соучастие. А сего с меня было и довольно: ибо сего только мне холостому и недоставало, сего только я добивался. Сие я и нашел в моей теще, расположившейся жить всегда неразлучно с нами и быть в доме моем до совершеннаго возраста жены моей полною хозяйкою. А все сие и помогло мне с великодушием сносить все примечаемые недостатки жены моей и не так тем огорчаться, как бы стал тогда, если б не случилось и человека, могущаго собою заменять оныя. А как жизнь ея, по особливому счастью для меня, для жены и самых детей моих, продлилась до самаго вечера дней моих и продолжается, к удовольствию нашему, и поныне, то и была причина быть мне женитьбою своею довольным и благодарить Бога, и мне оставалось только уметь пользоваться сим новым к себе благодеянием Божеским.

Но как письмо мое неприметно увеличилось, то дозвольте мне оное на сем месте прервать и сказать вам, что я есмь и прочая.

УПРАЖНЕНИЯ И ЕЗДА В ТАМБОВ

Письмо 118-е

Любезный приятель!

Между тем как я помянутым образом с женою своею развозил визиты и спознакомливался с ее родными и знакомыми, да и сам с нею малопомалу свыкался, не упускал я заниматься и деревенскою экономиею, равно как и литературою. Ко всему тому хотя я и гораздо уже меньше имел времени, нежели прежде, когда был я холостым и сидел наиболее дома; однако сделавшись и женатым и вошед в обширнейшую связь с множайшими людьми, не отставал я никак от прежних своих склонностей и охоты, но посвящал им все праздные часы и минуты, какия только мог я отрывать и находить от прочих моих упражнений.

В сельском домоводстве становился я час от часу более знающим; ибо, с одной стороны, прилежное читание иностранных и всех экономических книг, какия только мне попадались в руки, и замечания и выписки из оных всего того, что могло быть и у нас употребляемо, а с другой стороны, самая опытность и действительное упражнение во всех разных частях сельскаго домоводства, доставляло мне со всяким днем новыя о вещах понятия и побуждали предпринимать к усовершенствованию онаго разные опыты; а

все сие нечувствительно и вперило в меня уже и довольную охоту к экономии и к разным частям ее.

Но из всех сих ни которая не привязывала и не прилепляла меня к себе так сильно, как садоводство. Ибо как сады по существу своему давали пищу и уму и сердцу моему, и доставляли мне не только чувственныя и телесныя, но и самыя душевныя удовольствия; то всего более и прилежнее занимался я ими и чрез самое то сделался нечувствительно к ним охотником.

К сему побуждало меня наиболее то, что я не только видел уже изрядный успех во всех своих с садами делах и предприятиях, но начинал уже и пользоваться плодами трудов своих. Все посажденныя мною в первую осень и последующую затем весну деревья уже переболели, и в сей год начали уже порядочно рость, шпалеры получили уже свой вид и вошли в стрижку. Цветники великолепствовали уже множеством цветов. Питомник мой наполнен был уже довольным количеством маленьких всякаго рода плодовитых деревцов, ибо я не только всякой год сеял почки и сажал лесные пеньки из леса и прививал к ним прививки, но выдумал способ умножать количество сих запасных деревцов отдергиванием силою и сажанием на гряды тех молодых и маленьких отрослей, которыя выростают подле пней и главных стволов больших плодовитых дерев и кои я назвал отрывками. И как сих отрослей нашел я в садах моих великое множество, как подле яблоней, так подле слив и вишень, то и насадил я ими в питомнике своем целыя грядки и всем тем не только занимался с удовольствием особым, но действительно и веселился; ибо всякая самим собою выдуманная и произведенная безделушка меня радовала чрезвычайным образом и доставляла мне не одну, а многия приятныя минуты в жизни.

Но ничто так много меня в сей год не увеселяло, как новонасажденный сад мой. Я видел его уже принявшимся и вступившим в порядочный рост свой, а некоторыя деревцы пришли уже с цветом и плодом первым. Не могу изобразить, как много увеселяли меня сии первые начатки ожидаемаго впредь изобилия плодов и с каким удовольствием, и как часто хаживал я смотреть сии первые плоды, растущие на новопосажденных деревцах. И с какими приятными чувствиями испытывал я оныя с обеими семьянинками своими! По счастию, случилось так, что были все они хороших вкусов и величины довольной. Сие увеличивало удовольствие мое

более, ибо я, льстясь безсомненною надеждою, что и все таковы же будут, не мог тому довольно нарадоваться и тем навеселиться.

Но в осень сего года не удалось мне ничего почти в садах моих сделать или произвесть что-нибудь знаменитое. Случилась мне нечаянная отлучка от дома вдаль на довольно долгое время; а она мне в том и помешала. И как дело, подавшее к отлучке сей повод, имело по себе великие и на всю мою жизнь простиравшияся последствия, то за нужное нахожу разсказать об оной в некоторой подробности.

Как новая наша императрица, по вступлении своем на престол, принялась не одними словами, но и самым делом за поправление всех недостатков и злоупотреблений в своем государстве и не упускала из вида и внимания своего ничего, что только могло относиться и служить к поправлению онаго, то между прочим обратила она внимание свое и на леса и другия земли, принадлежащия казне и находящияся в разных местах государства.

Они находились в великом небрежении и многия из них захвачены соседственными дворянами во владение, а в других, что лежали их несметныя тысячи десятин впусте и никем и никогда с самаго начала света еще необработанными; но что и из сих соседственные дворяне много неправильно захватили в свое владение. И как восхотела она и в сем пункте и казне приобресть выгоду и всем подданным оказать милость и преподать средство к правильному приобретению себе помянутых и нужных для них земель и лесов государственных, чрез покупку оных из казны, то и повелела она для предварительного узнания, где и где такия земли и леса есть, сколько их и кем завлажено, и кому и кому они надобны, – издать строгий указ, чтоб все те, кои завладели государственными лесами и землями, неотменно бы объявили о себе в учрежденную особо и нарочно для того комиссию о засеках с точным показанием, кто и сколько именно где завладел казенными лесами и землями, и желает ли кто купить себе как оныя, так и из прочих впусте лежащих казенных земель и сколько именно.

Сей указ по особливости своей и по строгости предписания произвел великое волнение и колебание умов во всем государстве, ибо как написано было в оном: «Что ежели кто, имея у себя в завладении такия земли, не объявит, и после о том узнано будет, то у таковых описаны будут их деревни и половина их взята будет в казну, на государя, а другая отдана будет доносителю о утаившем, и продажи впредь никогда уже не учинит-

ся». А таких людей, у коих земли и леса были в завладении, находилось в государстве превеликое множество, то все сии и перетревожились тем до чрезвычайности.

К числу сих принадлежали и мы с дядею, Матвеем Петровичем. У обоих у нас находилась лучшая наша степная деревня, лежащая тогда в Шадском уезде за Тамбовом, точно в таких обстоятельствах. Людей у нас у обоих было там довольно, а купленной и крепостной земли так мало, что и на квас оной было недостаточно. У меня было ее по крепостям только 10 четвертей, а у дяди вовсе ничего не было; в распашке же у обоих нас было ее довольно. Ибо как подле самой нашей тамбовской тамошней деревни находилась какая-то пустая и великаго пространства степь, простиравшаяся в длину более нежели на 40, а в ширину около 30 верст; то и распахивали наши крестьяне вместе со многими и другими степь сию ежегодно, сколько кто был в силах, ибо вся она почиталась государственною и никому не принадлежавшею, и как к тому никто из нас не имел права, то и подходили мы все под указ вышеупомянутый.

Обстоятельство сие смущало нас обоих с дядею чрезвычайным образом и подавало повод ко многим и частым у нас с ним о том разговорам; и как оба мы боялись, чтоб не учинен был от кого-нибудь на нас донос, что мы владеем казенною землею и чтоб нам не потерять чрез то своей лучшей деревни, то почитали самою необходимостию то, чтоб нам подать о завладении своем в помянутую комиссию объявление. А поелику нам ни числа сей завладенной земли, ни положения мест, ни всех тамошних обстоятельств было неизвестно, ибо не только я никогда там еще не бывал, но и дяде моему за отдаленностию никогда еще там бывать не случалось, то для лучшаго узнания всех тамошних обстоятельств и положили мы с дядею, не медля нимало, туда на короткое время съездить.

Итак, собравшись в сей путь и снабдив себя всем нужным на дорогу, распрощались мы с своими родными и пустились в сей дальний путь с моим дядею, и, чтоб веселее нам было ехать, то согласились мы с ним ехать в одной коляске. Путешествие сие было для нас тем интереснее, что вся та страна, куда мы ехали, была мне еще совершенно не знакома и наши степи известны мне были до того только по одному имени, а видать их никогда еще не случалось.

Поелику домашним моим хотелось проводить нас до своей деревни, села Коростина, и там прожить все то время, покуда мы проездим, то рас-

положились мы в сей раз ехать чрез Тулу, а не прямою дорогою чрез Засеку. Но как в Туле не имели мы никакого дела, то в городе сем мы только что ночевали и его почти не видали, ибо поутру рано продолжали свой путь прямейшею дорогою на Епифань.

Не успели мы переехать реку *Шад* в селе *Куракине*, как и увидел я тут в первый раз степныя наши черныя и толиким плодородием одаренныя земли и те, почти оком необозреваемыя равнины, какими преисполнены наши степные уезды. Первый город, попавшийся нам на дороге, был Епифань.

Мы, не доехавши до оной, заезжали наперед в свою епифаньскую деревнишку и ночевали в оной. Сия лежала по сю сторону сего города верст за 12, на речке *Люториче*, и мы в ней также никогда еще не бывали. Селение сие нашли мы превеликое, но свое участие в оном только самое маленькое. У меня было только два двора, а и у дяди столько ж. Со всем тем по доброте тамошних земель, доставляла она нам довольно хлеба.

Переночевав в оной, приехали мы в помянутый город Епифань, который был тогда и показался мне маленьким и ничего не значущим степным городком, не стоющим никакого уважения. От него пробирались мы разными селами и деревнями прямо на *Ранибург*, месту, довольно известному в нашей истории и достопамятному тем, что принадлежало оно некогда князю *Меньшикову* и что была тут в старину земляная крепость, разбиваемая и закладываемая самим великим нашим государем Петром Первым; в новейшие же времена содержалась в сем замке несчастная фамилия герцога Брауншвейг-Люнебургскаго, *Антона-Ульриха*, под арестом.

Мне насказано было неведомо что о сем замке, но я нашел только маленькую и развалившуюся почти земляную крепость и внутри оной несколько каменных, развалившихся и раскрытых зданий наипрекраснейшей архитектуры, и подле сего замка на прекрасном положении места построенную нарочитой величины слободу или простое село с церковью посредине.

Нам случилось в сем месте обедать, а ночевать довелось в одном глухом месте посреди леса, где был один только прескверный постоялый дворишко, называемый *Хобот*. И как мы наслышались, что место сие было воровато, то расположились ночевать на лугу, неподалеку от двора сего, и тут едва было не лишились всех своих лошадей в ночь сию. Не успела она покрыть нас своим мраком, как и пожаловали к нам воры и начали было лошадей наших хватать; но, по счастию, услышано было то карауль-

щиком. Оный встревожил и разбудил нас всех, а сие и спасло лошадей наших. Воры, испужавшись нашего крика и наших ружей, из которых начали мы готовиться по них стрелять, оставили нас и ушли, а мы на другой день и доехали благополучно до города Козлова, который был почти лучшеньким из всех тамошних степных городов, но в сравнении с нынешним его состоянием, ничего тогда еще не значущим.

От сего места надлежало нам своротить в сторону. Неподалеку от сего города, в правой стороне от него находилась одна из принадлежащих жене и теще моей деревень, и мне хотелось в ней побывать и ее видеть.

Было это превеликое однодворческое село, называемое Ендовищем; но жена моя имела в нем только небольшое участие, а другою, таковою ж частию владел дядя ее и родной брат отца ее, Александр Григорьевич *Каверин*. И как сей имел тут дом и настоящее свое жилище, и мне нужно было познакомиться с столь близким родственником, то и пристали мы у него.

Он был нам очень рад и не отпустил нас от себя во весь последующий день. Я нашел его тут порядочно живущаго. Дом у него было изрядной и немалой, и семейство имел он превеликое. Было у него три сына и две дочери. Сам же он был женат уже на другой жене, и не очень еще старой, и имел достаток изрядный. Ласками и благоприятством своим привязал он меня к себе очень, и я не скучал бы пробыть у него хотя бы и долее, хотя и имел он тот скучный характер, что всем на свете был недоволен и на все про все жаловался.

Не преминул я также осмотреть и жениных крестьян и принять их в свою власть и распоряжение. Дворов и всех их было немного, и жили они хотя небогато, однако я деревенькою сею был очень доволен. Она кормила и поила до сего времени мою тещу и жену и была у них лучшенькою и хлебною, а случилась и мне очень кстати, потому что была на дороге от моей шадской или тамбовской деревни и могла всегда служить перепутьем.

Наконец, осмотрев все, что надобно было, и познакомившись с дядею, поехали ми далее и, возвратясь опять в Козлов, пустились чрез ту обширную и оком необозреваемую равнину, которая лежит позадь Козлова, орошается текущею чрез ее рекою, польным Воронежем и простирается до славнаго села, *Лысых гор*, и другой реки *Хмелевой*. Это была первая степь, которую случилось мне в жизни видеть и мы смотрели с особливым лю-

бопытством как на ее, так в особливости на старинный преогромный вал, который был сделан и насыпан в древности для заграждения им российских пределов от набегов татар и который, начинаясь от помянутой реки, польнаго *Воронежа*, продолжался до реки *Цны* верст на 60 и более и составлял порядочную линию; имел с наружной стороны двойной, хотя и не очень глубокий ров и кой-где выпуски, или реданты, а в иных местах – бастионы.

Город Тамбов, в который мы на другой день приехали, показался нам нарочито изрядным степным городом, хотя и имел одну только тогда длинную улицу, но церквей было в нем несколько, а лучшее здание составлял дом архиерейский, построенный на самом береге реки Цны, и довольно великолепно и замысловато. Был он со всеми своими церквами, оградою и башнями хотя деревянными, но мы обманулись и сочли его сперва каменным: так хорошо он был сделан и раскрашен.

Под сим городом, переехавши реку Цну, должны мы были проезжать славный Ценской лес, лежавший при берегах реки Цны и простиравшийся на несколько сот верст в длину, а в ширину неодинаково, где на 20, где на 30 и более и менее верст. И как он весь состоял из строельнаго соснового старинного леса, то и составлял тогда сущее сокровище государственное, и был тогда хоть и редок, но в состоянии еще довольно хорошем. Мы ехали чрез сей бор почти целыя сутки, ибо как почва под ним была песчаная и притом неровная, то принуждены будучи переезжать с одного песчаного холма на другой, не ехали, а тащились по пескам глубоким, и насилу к ночи доехали до села *Разсказ*, находившегося за сим лесом и подле самаго онаго.

Ночевавши в сем славном в тамошних окрестностях селе, пустились мы опять чрез преужасную и самую уже ту оком необозреваемую и ковылем поросшую степь, которая прикасалась одним боком к тамошней нашей деревне и впоследствии времени сделавшеюся очень славною и достопамятною. Почти целыя сутки принуждены мы были также чрез ее за дурнотою узких степных дорог ехать, и не прежде в деревню свою приехали, как уже перед вечером.

Мы нашли ее прямо степною деревнишкою, составленною не из дворов, а из хибарок, утопшею в навозе и наполовину раскрытою, и имели великий труд приискать себе где-нибудь получше крестьянскую избенку, где бы нам пристать было можно. Во всем селении не было ни одной поря-

дочной, а на господских наших дворах того меньше. Тут находились такия лачужки, в которыя не входить, а влезать надлежало. Словом, вся деревня сия была у нас хотя наилучшенькая, но за отдаленностию в превеликом до того небрежении и требовала во всех частях великаго себе поправления. Но как мы тогда не за тем туда приехали, а только для узнания о степи и жить там долго совсем не имели надобности, то и расположились мы в одном из крестьянских дворов и на другой же день приступили к своему делу.

Мы сели верхами на лошадей и с наилучшими и разумнейшими из крестьян поехали осматривать нашу степь. Ездили почти целый день, объездили множество мест, утомили глаза свои смотрением на необозримую ровную степь, усеянную только безчисленным множеством стогов сена, и не нашли и не узнали ничего, кроме только того, что видели повсюду степь, поросшую ковылем и с начала света никем еще не паханную и не обработанную. А косили только на ней траву приезжающие из разных мест и самых отдаленных селений разные люди без всякаго права и дележа, но где кому прежде захватить и округу себе окосить случалось.

Желание наше было узнать, покуда и до которых собственно мест простиралась дачная земля той округи, в которой деревня наша имела свое поселение, и с которых собственно мест начиналась самая степь, которую, как не состоящую ни у кого во владении, не могли мы инако почитать как казенною или государственною. Но самого сего никто из всех наших тамошних крестьян не знал и нам показать был не в состоянии.

Мы старались расспрашивать о том у некоторых из тамошних соседей, но и те столько же знали, сколько и мы и наши крестьяне. А все только твердили, что степь эта государева и что большая часть наших распашных земель распахана из оной; но до котораго места простиралась наша дачная земля, того никто из всех наших соседей, с которыми нам удавалось видеться, не знал и указать нам не мог. К вящему неудовольствию нашему, и соседей сих случилось быть тогда в домах очень мало, а потому хорошенько и расспросить о том было не у кого.

В сей неизвестности будучи, долго не знали мы и не могли сами с собою согласиться в том, что нам делать и как показать лучше. Но как при всем том то было всего достовернее, что у нас земли находилось вдесятеро больше, нежели сколько следовало нам по крепостям, и вся оная распахана вместе и черезполосно с соседями нашими из оной степи; то и

решились мы с дядею показать наобум, что завладели мы из сей государственной земли – я 100, а дядя 75 десятин и что желаем купить не только ее, но и сверх того, чтоб нам продано было – мне 500, а дяде 300 десятин. А чтоб продажа сия могла произведена быть сколько-нибудь для нас выгоднее, то, по особливому счастию, вздумалось нам в показании нашем и приурочить те места, где мы более завладели и где себе купить желаем. И как против самого нашего жила случился простирающийся далеко в степь превеликий и длинный буерак, с отрогами, известные под именами – ближняго, средняго и дальняго *Ложечнаго* и *Голой Яруги*; то свое завладение и приурочил я сими буераками, а дядя таким же образом приурочил свое завладение *Крестовою Яругою*, которую почел он для себя выгоднейшею.

Сие приурочивание, учиненное почти не нарочным образом, послужило нам потом в превеликую пользу и доставило нам великое преимущество пред другими соседями, которые в показаниях своих о завладенных ими землях сего не сделали; а без всякаго приурочивания упоминали только глухо, что они завладели столько и желают купить себе столько-то десятин. А что того хуже, то, жадничая захватить как можно более земли и льстясь надеждою, что продаваться она будет очень дешево, и не дороже, как по гривне за десятину, показывали несравненно множайшее число в завладении, нежели сколько они действительно завладели, а для покупки еще того множайшее количество, так что иные доходили даже до безстыдства и показывали в завладении у себя до несколько тысяч десятин, и тем не только все дело испортили, но и себя запутали в такие сети, из которых после не знали, как и выдраться.

Что касается до нас, то мы, не будучи к неправильным приобретениям так жадны, как они, и положив с самого начала иттить прямою дорогою и ничего на себя не наклепывать и ничего не утаивать, показали почти действительно столько, сколько было у нас в завладении, и положив сие на мере и пустились с дядею в обратный путь в свои домы.

Нас провели в сей раз до Тамбова иною уже дорогою, а именно чрез село *Коптево* и *Кузменки*, и избавили чрез то от песков сыпучих за селом Разсказами. Из Козлова же разсудили мы заехать опять в Ендовище, к дяде жены моей. Но как он в самое то время находился в жениной деревне, селе *Ярках*, верст за 30 оттуда; то желая с ним видеться и о землях степных посоветовать, расположились мы ехать к нему туда, и были им угощены

там еще более нежели в прежнем доме. Оба они с женою его, *Лукерьею Яковлевною*, были нам очень рады и продержали нас у себя более суток.

Со всем тем сей заезд сделал нам во всем нашем обратном путешествии великую разстройку; ибо как мы чрез то нарочито уже удалились от города Козлова, то и не советовали нам в него возвращаться обратно, а предлагали другую и прямейшую дорогу в Епифань через городок *Доброй*. И хотя сия дорога была нам вовсе не знакома; однако мы дали себя уговорить избрать оную и, переправившись под селом Ярком через реку *Воронеж*, пустились к Доброму. Но ведали бы, лучше сей кратчайший путь себе не избирали, ибо был он нам не только безпокойнее и затруднительнее, но и убыточнее.

Сперва будучи принуждены пробираться сквозь превеликий, густой, обширный бор и ехать в одном месте более версты по узкой, глубокой и водою наполненной дороге и изломали было всю свою коляску, а приехав в город Данков и переезжая тут реку Дон по высокому, но самому скверному узкому плетневому мосту, не только лишились одной из своих лошадей, но и сами настращались при том до чрезвычайности.

Лошадь сия была припряжная и на самой почти середине реки провалилась ногами сквозь мост и, начав биться, свалилась с моста и повисла так, что чуть было не стащила совсем за собою и коляску с нами и мы действительно полетели б прямо в Дон, если б не спасла нас расторопность кучера, который, увидя такую очевидную опасность, восхотел лучше пожертвовать лошадью, нежели нас подвергнуть бедствию, и для того, выхватив нож, перерезал постромки у свалившейся лошади и дал ей упасть совсем под мост и ушибиться хотя до смерти, но нас оставить с покоем на мосту.

Не могу и поныне забыть, как сильно я тогда испужался и как досадовал сам на себя, что послушался дяди и не вышел вон из коляски прежде еще въезда на мост: ибо на мосту, по узкости онаго, учинить сего было не можно, – и как, наконец, обрадовался и благодарил Бога, когда свезли нас кое-как уже с моста и я себя на противном береге реки увидел. Но не меньше моего настращался и сам мой дядя и заклялся впредь чрез сей городишко никогда не ездить, так чувствительна была ему потеря его лошади, ибо она случилась не моя, а ему принадлежавшая.

Из сего степного и в самом деле пакостного и ничего не значущего городка, пробрались мы прямо в епифаньскую нашу деревню, а из сей – в

Тулу. Из Тулы уговорил я дядю заехать в женину деревню, где я узнал, что найдем обеих моих боярынь, и старшую и молодую.

Как я в езде сей препроводил более месяца, то возвращение в дом и свидание с молодою моею женою было мне в особливости приятно, и я с неизъяснимым удовольствием ехал во всю дорогу из Тулы до села Коростина, или паче начал уже веселиться будущим свиданьем еще и до самаго приезда в Тулу. Обе семьянинки мои, которых мы нашли здоровыми, были возвращением нашим очень обрадованы и старались угостить спутника моего у себя как можно лучше. На другой день поехали мы все уже вместе в Дворяниново, где, не мешкав ничего, и отправили мы объявление свое в комиссию о засеках.

В Дворянинове нашел я у себя дом уже гораздо просторнейший и спокойнейший перед прежним. Внутреннее расположение комнат было в нем опять переделано, и употреблено к тому время моего отсутствия. Сие было ему уже третье и последнее превращение, и повод к тому подало то обстоятельство, что у нас не было ни передних сеней, ни теплого зала, и без них боялись мы, чтоб нам зимою не зябнуть. К тому ж и не было у нас ни одной большой комнаты, где б можно было нам с гостьми обедать. В бывшей до того зале хоть бы и сложить печь, но как она имела стеклянныя двери прямо на двор, то и мудрено б было ее нагревать.

Итак хотя мне и стоило труда придумать средство, чем бы тому всему пособить было можно, однако я выдумал, и оное состояло в том, что я в зале велел скласть печь, а стеклянныя на двор двери опять заделать и превратить по-прежнему в окошко, сделав только оное и оба другие побольше против прежняго. Чрез сие и получил я залу теплую и соединенную с прочими покоями теснее; а для входа в нее из сеней задних прорубили дверь. Для передних же сеней отделил я часть прежней нашей угловой и жилой комнаты и, отгородив оныя толстыми досками, превратил я самое то окно, под которым некогда висела моя колыбель, в надворную дверь. Из достальной же части сей старинной комнаты сделали мы ткацкую, а комнатку превратили в кладовую. А чрез все то и получили все надобности, и были у нас передние сени, зала, гостиная, спальня моя, спальня матушкина и девичья, и недоставало одного только кабинета для меня и детской комнаты.

Но сих последних у меня еще не было, а кабинетом служила мне, по нужде, уже самая гостиная комната. Тут были у меня книги и тут я писы-

вал и работал. Словом, чрез сие превращение нажили мы себе покой, и могли уже без нужды в хоромах своих жить, покуда построили себе новыя и просторнейшия. А чтоб потомки мои могли видеть, как расположен был у меня дом и прежде и после сего последняго превращения, то приобщил я для любопытства им при сем планы.

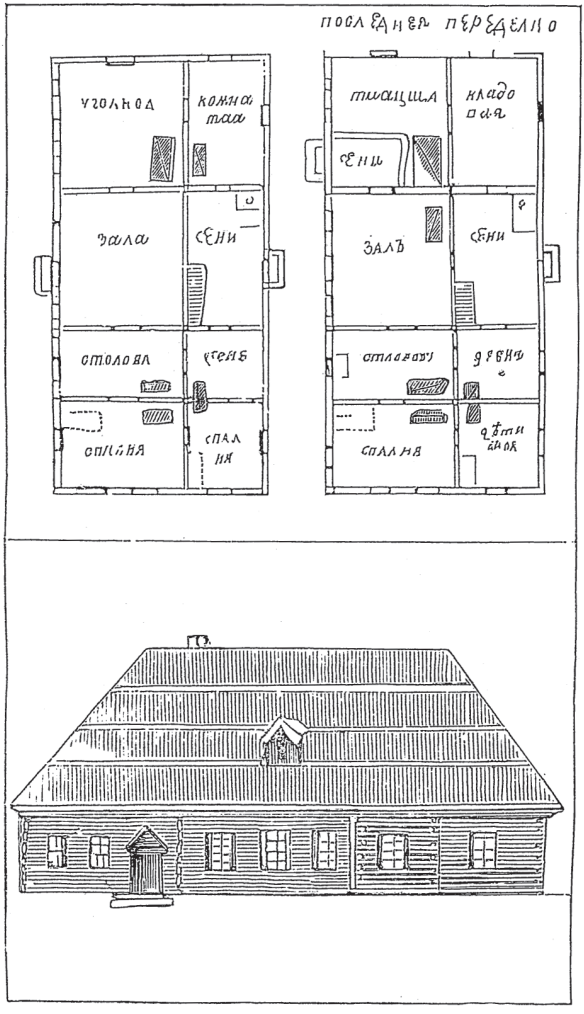
Всю сию переделку распорядил и велел я сделать без себя, почему и нашел я ее уже готовою и мне оставалось только вновь комнаты оправить и поприбрать, и всем тем поспешить, чтоб можно было мне в приближающийся день именин моих дать пир всем моим родным и знакомым и накормить их в новом своем и теплом уже зале. И как меня посетили в сей день новые мои родные и знакомцы, а приглашены были и старые, также и все ближние соседи, то и был у меня в сей день праздник уже несравненно знаменитейший и лучший, нежели во все предследующие пред тем годы, ибо были у меня в сие время уже хозяйки и во всем мог наблюдаем быть уже лучший порядок.

Сим образом окончил я свой 26-й год жизни, и в 27-й год вступил уже мужем женатым и в переменившимся уже совсем образе и роде жизни. Дом мой сделался уже не таков, как был прежде, но оживотворялся всякой день множайшими людьми, а окончилось и самое прежнее мое уединение. Ко мне начали уже приезжать чаще и множайшия гости, а и мы также нередко езжали по гостям, ибо было к кому ездить и кого у себя угощать. Кроме всего того, живали у нас всегда какия-нибудь знакомыя девушки для компании жене моей и помогали нам препровождать время, и мы были всегда с людьми и так, что я почти не помню, когда бы мы за стол садились только трое, а всегда у нас бывал кто-нибудь; а сие и придавало дому моему много живности.

Вскоре после именин моих и в том же еще октябре месяце перетревожены мы были одним редким и несчастным происшествием, случившимся у нас на погосте. Как приходский наш поп и много раз упоминаемый мною, отец Илларион, имел у себя многих злодеев, а сверх того, и славился богатством, котораго в самом деле нимало не имел; то и собралась целая ватага из его врагов и вздумала под видом разбойников разгромить дом его ночным временем, и самого его замучить и убить до смерти.

Злодейская партия сия и вломилась действительно в дом его под 24-е число сего месяца. Но, по особливому счастию, отца Илларионa не случилось тогда быть дома и с племянником его усыновленным, а была дома

одна только жена сего племянника его и наследника. И сия бедная принуждена была претерпеть от них сущее страдание. Ее измучили и изувечили сии бездельники, допытываясь денег, но которых вовсе в доме не было. Одной женщине удалось как-то выскочить из избы и, вскарабкавшись на кровлю, закричать: «Разбой! Разбой!» И как случилось сие с вечера и не очень поздно, так что все еще не спали; то несчастие восхотело, чтоб крик сей прежде всех услышал брат его родной, наш любезный и добродушный дьякон. «Ахти! – возопил он случившемуся у него тогда в гостях священнику из села Савинскаго. – Это воры разбивают, конечно, брата Ларивона! Побежим, батюшка, и поможем ему, бедному!»



И вмиг одевшись и схватив рогатину, побежал вместе с попом тем прямо чрез огород к двору поповскому. Уже подбегают они к нему близко; уже слышат визг и вопль его невестки; уже видят сквозь забор самых разбойников, бегавших с зажженною лучиною по двору; уже собирает он все свои силы, дабы с ожесточением напасть на злодеев, – как вдруг ружейный выстрел сквозь забор поражает его в самую грудь множеством свинцовых пуль и повергает безчувственным на землю, а у товарища его, попа, опаляет лицо от выстрела. Сие падение и смерть добродушнаго дьякона поражает всех

собравшихся страхом и ужасом и доставляет время и свободу разбойникам сскочить со двора и уехать.

Нельзя изобразить, как поражены и перепуганы мы были сим несчастным происшествием. Мы сами в то время еще не спали; и хотя погост от нас и более двух верст разстоянием, но крик слышен был и у нас так явственно, что мы сперва подумали, не соседа ли моего, генерала, разбивают разбойники. Наконец и самый ружейный выстрел был нам явственно слышен, но нам и в мысль не приходило, чтоб оный был так пагубен нашему дьякону, котораго всем нам было жаль до безконечности, ибо он был всеми нами очень любим за его добросердечие.

Чрез несколько недель после сего печальнаго происшествия получили мы известие и о другом таком же, но более до меня касающемся печальном происшествии, а именно: что Всемогущему угодно было прекратить дни меньшой моей сестры Марфы Тимофеевны *Травиной*. Она скончалась 18-го ноября сего года от самой той болезни, о которой я уже упоминал, и которая не допустила ее быть у меня на свадьбе, хотя ей того усердно хотелось. Мы положили было съездить и побывать у ней приближающейся зимою; но кончина ее переменила наше намерение и обратила мысли наши в другую сторону.

Итак, против всякаго чаяния и ожидания, лишился я одной из ближайших моих родственниц. Она была осьмью только годами меня старее и кончила жизнь свою на 34 году от рождения и в цветущих еще почти своих летах. Замужством своим она была не совсем счастлива. Ветреный, непостоянный и строптивый нрав ее мужа огорчал многие дни ее жизни желчию, и веселых дней имела она мало в жизни.

Она оставила после себя трех дочерей и одного сына, и хотя зять мой после женат был и на другой жене, но детей более уже не имел, кроме сих, оставшихся в сущем сиротстве после матери. Ко мне прислан был нарочной с известием о сей кончине, и я пролил не одну каплю слез о сей потере, которая была для меня тем чувствительнее, что сия сестра была одна только из ближайших моих родственниц, с которою мог я видаться чаще; но судьба и того мне не дозволила.

Достальное время сего года и как всю осень, так и начало зимы провели мы впрочем благополучно и без скуки. Я упоминал уже, что мы редко бывали одни и не только езжали сами кое-куда, но и к нам нередко приезжали гости. Всего же чаще видались мы и бывали вместе с теткою жены

моей, госпожею Арцыбашевою, и не только живали у ней, но и она у нас нередко гащивала по нескольку дней сряду. И как была она боярыня умная и любила всех нас безпритворно, то никогда нам с нею было не скучно; а что всего для меня приятнее было, то и она столь же охотно, как и теща моя, слушивала меня читающаго им какия-нибудь приятныя книги, и я мог с обеими ими с удовольствием провождать многие часы в приятных разговорах, приправляемых шутками и издевками, и с приятностию делить с ними свое время.

Но как письмо мое слишком увеличилось, то с окончанием истории 1764 года окончу я и оное и скажу вам, что я есмь и прочее.

1765
ЕЗДА В ЦИВИЛЬСК

Письмо 119-е

Любезный приятель!

Начало 1765-го года было в истории моей жизни тем достопамятно, что мы с оным начали собираться в дальнее путешествие.

Я упоминал уже в предследующем письме, что сперва намерение мое было съездить сею зимою к сестре моей в Кашин, но как нечаянная ея кончина намерение сие уничтожила, то стали мы помышлять о направлении путешествия своего в другую сторону – и либо во Псков к старшей сестре моей Прасковье Тимофеевне, либо на Низ в пределы древняго Казанского царства, где находился тогда один знаменитейший и ближний родственник жены моей, а именно родной ея дед и отец тещи моей, *Аврам Семенович Арцыбашев*.

Сей сединами покрытый и уже жизнь свою оканчивающий почтенный старец жил в одном из тамошних низовых городков, *Цивильске*, и владел деревнями второй жены своей, с которою имел он у себя многих взрослых детей. Теща же моя и умерший брат ея, а муж Матрены Васильевны, были от первой его жены, умершей в молодых еще летах.

С сим-то старичком хотелось нам видеться, и тем паче, что теща моя имела к нему безпредельное почтение, котораго он был и достоин, и езжала к нему на Низ почти ежегодно для свидания как с ним, так и с родною

его сестрою, такою ж старушкою, каков был он сам, и которая, по смерти второй жены его, жила с ним вместе и управляла его домом вместо хозяйки и тещу мою, оставшую от матери в младенчестве, воспитывала вместо матери, и потому была в особливости ею любима.

К восприятию путешествия сего на Низ в сию зиму побуждала нас наиболее престарелость сего толь близкаго родственника, а того паче собственное его и усердное желание нас видеть и меня узнать лично прежде своей кончины, ожидаемой им ежегодно. В женитьбе моей имел и он некоторое соучастие и теща моя никак бы не решилась выдать за меня дочь свою в таких молодых летах, если б не получила дозволения на то от сего почтеннаго старца, советовавшего ей нимало не раздумывать, а приступать скорее к делу, почему имел я и самый долг побывать у него и принесть ему за все его доброе обо мне мнение свою благодарность; а глубокая его старость побудила нас и поспешить сею ездою и предпринять ее в самую сию зиму, езду же во Псков, к сестре моей отложить до зимы предбудущей.

С нами вместе расположилась съездить туда к нему и помянутая тетка жены моей, а его невестка, Матрена Васильевна Арцыбашева. Как муж ее и старший из всех его сыновей, Андрей Аврамович с небольшим только за год до того умер и он не видал еще после смерти его и ее и детей ея, а своих внучат, то и хотелось ей к нему съездить и показать ему сих птенцов, оставшихся после отца еще в сущем младенчестве; а мы сотовариществу ее были и рады.

Как путешествие сие было не близкое и надлежало нам препроводить в оном почти всю зиму или, по крайней мере, месяца два, то начали мы готовиться к тому еще с начала зимы; а не успел установиться путь и наступить 1765-й год, как, дождавшись рождественскаго мясоеда и препроводив Святки у себя в доме, на третий день после Крещенья и пустились мы в сей вояж дальний.

Поелику путь наш лежал чрез Москву, то, приехав в оную, не преминули мы запастись всем нужным на дорогу, а сверх того, побывать у обоих дядьев моих – Матвея Петровича, приехавшаго в нее давно для обыкновеннаго зимованья в оной, и Тараса Ивановича Арсеньева, который меня женатаго еще и не видал и был посещением моим и показанием ему жены моей очень доволен.

Препроводив несколько дней в сем столичном городе, в котором был я тогда уже пятый раз по приезде в отставку, не стали мы долее медлить,

а пустились в свой путь далее по дороге володимирской; и как мы ехали компаниею и было с нами много людей и четыре повозки, а притом не имели никакой нужды надмеру ездою своею спешить; то ехать нам было не только не скучно, но так еще весело, что я и поныне еще не могу позабыть сего путешествия и, возвращаясь мыслями и воображениями своими в тогдашния времена, нередко и ныне еще утешаюсь приятностями онаго и *напоминанием* того, что нас тогда в особливости веселило.

Сии удовольствия происходили от разных причин и обстоятельств. Во-первых, ехать нам было очень хорошо и покойно. Мы не преминули снабдить себя теплыми и покойными зимними возками. В одном из них ехал я с женою, в другом – наши вдовушки с старшею девочкою тетки Матрены Васильевны, в третьем – меньшия ея дети с женщинами, а четвертая повозка была с поваром и ее сбруею и харчем, и мы ехали так тепло, что во всю дорогу не видали нужды.

Во-вторых, дороги во все путешествие были большия и многолюдныя и, к особливому нашему удовольствию, еще и гладкия и неизрытыя такими ухабами, как бывает то с тульскою дорогою, по которой едучи, не бываешь иногда ни единой минуты спокойным и сердце устает даже от безпрерывнаго замирания. А к вящему удовольствию нашему, и погоды случились спокойныя и самыя лучшия зимния и такия, которыя называл я умными, то есть не слишком холодныя и не слишком теплыя, и тихия.

В-третьих, квартиры находили мы себе всегда спокойныя, теплыя и добрыя и не нуждались ими во всю дорогу. И как становились мы всегда вместе и на одной квартире, то на всяком ночлеге был у нас власно как некакий пир. Тотчас заводились тут у нас чаи и кофей, а потом обеды и ужины. И как тетка моя была в особливости веселаго нрава и у меня безпрерывно были с нею шутки и издевки, то не успеем бывало приехать на квартиру, как и начнутся у нас смехи и хохотанья; а потом примемся либо играть в карты, либо в тавлеи, либо читать что-нибудь, ибо я не преминул и на дорогу запастись книгами, и я читывал их не только на квартирах, но и дорогою, лежучи в возке своем.

В-четвертых, в пропитании своем и в пище не имели мы ни малейшей нужды, ибо не только ехали чрез такия места, где все нужное доставать было можно, но не преминули и из домов своих запастись всею нужною для дороги провизиею. А чтоб меньше иметь хлопот с вареньем и приуготовленьем себе ужинов и обедов, то наварили однажды себе добрых вкус-

ных и хороших щей и наморозили их целую кадочку. А таким же образом запаслись мы многими начиненными, сваренными и замороженными желудками и сливками. Итак, всякий раз по приезде на квартиру нужно только было нарубить из кадочки несколько щей и в горшке или в кастрюле растаять и разогреть, а желудок для того ж положить в хозяйские щи, – как и получали мы уже вкусныя и сытныя два блюда, умалчивая о прочих, как то: о жареных, ветчине, окрошках, хлебенном и лакомствах, чем всем запаслись мы с избытком заблаговременно. Словом, дорога сия была нам тогда так сытна, что я не помню, когда б в иное время я так много и сытно едал, как в тогдашнее.

Наконец, в-пятых, и что всего для меня было приятнее, то на всякой версте встречались с зрением моим новые и до того невиданныя еще предметы. В стране сей никогда еще мне до того бывать не случалось, и потому все места были для меня новы и совсем незнакомы. И как нередко встречались с нами местоположения наипрекраснейшия, то я, как любитель красот натуры, не мог на них иногда довольно насмотреться и ими налюбоваться.

Мы ехали тогда чрез старинныя и славныя в истории нашей города – *Володимир* и *Муром*, также славную слободу *Вязники* и городок *Гороховец*, которые все не имели никакого сравнения с нашими бедными степными городами, и были их во всем лучше. А переехав подле славнаго и огромнаго села *Избылец* реку Оку и оставив Нижний Новгород влеве, спустились мы на славную нашу реку Волгу и ехали оною мимо Василя-Сурска и Кузьмодемьянска до самаго знаменитаго города *Чебоксара*, а от сего места повернули уже вправо и поехали в Цивильск.

Все помянутыя места и города привлекали на себя мое внимание и на многие из них не мог я довольно насмотреться. Но нигде не имел я столько удовольствия, как во время езды самою Волгою. Тут величественные и прямо пышные и великолепные ее нагорные берега, представляя собою всякую минуту новые переменные и друг пред другом красивейшие предметы, увеселяли несказанно весь мой дух и очаровывали собою зрение.

Я смотрел и не уставал ежеминутно смотреть на страшные утесы и скалы сих превысоких и крутых берегов ея, дивился и не мог надивиться никогда разнообразности сих громад, составленных из камней и глин разноцветных и увенчанных вверху, а нередко и при подошвах своих деревьями родов различных.

Во многих местах были они самыя огромныя, прежившия уже многие века и не столько растущия, как от престарелости уже висящия над безднами и пропастьми ужасными. В других казались еще молодыми и придающими собою берегам сим особливую красу и великолепие. Инде увенчивали они собою самые верхи сих исполинов ужасных, инде украшали уступы сих берегов красивых, а иныя, покрывая собою самые низы и острова прибрежные, носили на себе признаки насилия, делаемого им льдами; в каждую весну и половодь многие из них заливаются и покрываются совсем полою водою и у многих остаются одни только верхушки, водою непонятыя[1].

Ко всем сим разнообразным зрелищам присовокуплялись и другия, еще того приятнейшия. Все берега сии усеяны были множеством больших и малых селений, придающими им не только живость, но и вящее великолепие. Некоторыя из них, как, например, село Лысково и Работки были так велики, что походили на города самые, и как множество церквей с их колокольнями, так и целые почти леса из раскрашенных мачт струговых придавали им еще более красы. Во всех сих больших селах мы останавливались и либо обедывали, либо ночевали на прекрасных и спокойных квартирах и не имели нигде во все продолжение путешествия сего ни малейшей остановки и огорчения.

Наконец, 23-го генваря доехали мы до того места, куда ехали. Маленький то был, но изрядный низовый городок, составленный из нескольких каменных и изрядных церквей и множества деревянных небольших домиков, в числе которых было и довольно изрядных. Но дом деда жены моей отличался от всех как величиною своею, так и всем прочим, потому что он был дворянский, а не купеческий, как прочие.

Мы нашли старика и старушку, сестру его, нас нимало не ожидавших и потому более приезду нашему обрадовавшихся. Оба они не могли насмотреться на нас и не знали, где нас посадить и как угостить лучше. Старик был хотя при самом позднем вечере дней своих, но довольно еще в силах и довольно бодр, и не успел меня увидеть, как и полюбил уже. Это счастие имел я во всю жизнь мою, что меня все старики отменно любливали. Но не менее полюбил и я его и с самой первой минуты получил к нему почтение, котораго он как по разуму, так и по добродушию и благоприятству своему

[1] Не воспринятые.

был и достоин. Он был старинных служеб, служил в пехотном Ингерманландском полку и находился уже давно в отставке сперва майором, а потом, по случаю, что был в Саратове у дела, надворным советником.

Из всех многих детей его не было тогда при нем никого. Старший из сыновей, называвшийся *Васильем* и дослужившийся уже до полковничьяго чина, находился тогда в службе, а жена его жила за несколько сот верст от него за рекою Волгою в деревнях своих. А младшие оба, которых звали *Александром* и *Сергеем*, находились также в службе и оба были холостые и в отсутствии. Другая же дочь его, *Елизавета*, находившаяся замужем за тамошним дворянином господином *Гориным*, жила с мужем своим также не близко. Итак, не было никого с ним, кроме помянутой его сестры, Прасковьи Семеновны *Нелюбохтиной*, старушки добренькой и благоприятной.

Мы прогостили у милых и любезных старичков сих более месяца, и время сие провели довольно весело. Старики наши любимы были не только всеми городскими жителями, но и всеми соседственными дворянами, и потому бывал он редко без людей; а езжали и мы с ним кое-куда по гостям как в городе, так и по уезду и везде по нем принимались с особливою ласкою и благоприятством. Но никем мы так довольны не были, как господином *Аркатовым*, одним богатым и знаменитым тамошним дворянином. Он жил неподалеку от города, имел большой дом и, будучи старику нашему очень дружен, видался с ним всех прочих чаще и не один раз угощал нас у себя обедами.

Чрез несколько дней после приезда нашего восхотелось спутникам моим, а особливо теще моей, побывать у младшей сестры своей, помянутой госпожи *Гориной*, Елизаветы Аврамовны, и с нею повидаться. Обстоятельство, что, за нездоровьем мужа ее и другими случившимися препятствиями, не можно было ей самой к нам приехать, побудило нас всех самим к ним в деревню съездить. Они жили от Цивильска за несколько десятков верст разстоянием, и будучи нам очень рады, угощали нас наилучшим образом и продержали у себя более суток. Я нашел в хозяйке боярыню еще молодую и приятную, но, как уверяли меня, не слишком счастливую своим мужем, имевшим характер не из самолучших. Однако он обошелся со мною очень благоприятно и казалось, что также меня полюбил, а особливо за охоту мою к книгам, до которых и он был отчасти охотник.

Я имел удовольствие найтить оных у него довольное количество и, между прочим такия, которыя мне до того были неизвестны, и как не-

которыя из них любопытен я был очень прочесть, а особливо Фишерову историю Сибирскую и Крашенинниково описание нашей Камчатки, то, по изъявлении желания моего к тому, и ссудил он меня охотно ими для прочтения во время пребывания моего в Цивильске; а чрез то и получил я не только приятное для себя занятие в праздные часы, но и случай спознакомиться с сими восточными и знаменитыми частями нашего государства и получить об них понятие. И я читал их с такою жадностию и любопытством, что успел обе их прочесть и возвратить ему с моею благодарностью.

Впрочем, при сих разъездах по гостям имел я случаи насмотреться всем тамошним обыкновениям и обрядам, имеющим некоторую особливость от наших. Дома дворянские строились там почти все в два этажа или жила и везде принуждено были всходить в верхний и жилой этаж по крутым лестницам. И делалось сие, как уверяли меня, наиболее для предосторожности от разбойников, чтоб им не так было легко взбираться наверх и удобнее было от них обороняться. А в других домах, к удивлению моему, находил я на крыльцах по два претолстых улья пчел, поставленные по обеим сторонам входных дверей, и тут без всякой защиты зимующие, и не мог странному обыкновению сему довольно надивиться.

Впрочем, разъезжая сим образом по гостям, принужден я был везде терпеть превеликия к себе приступы с подносами и неотступныя убеждения и просьбы о выпоражнивании рюмок и стаканов вместе с прочими гостями. Сие обыкновение господствовало тогда еще очень сильно во всей тамошней стороне, и сие безпрерывное поднашивание разных напитков было мне всего досаднее. Будучи совсем не охотником к питью и не пивая никогда отроду крепких напитков, отговаривался я сколько мог от оных; но видя, что тем нимало не успевал, а производил только великое неудовольствие, принужден был наконец согласиться на то, чтоб мне, по крайней мере, подносили наряду с прочими, но не разные напитки, как им, но один только мед, который я сколько-нибудь, но мог еще пить и чрез то делать им превеликое удовольствие. Странные поистине люди!

Между тем как мы сим образом у стариков наших жили и вместе с ними по гостям разъезжали, отлучалась от нас помянутая тетка жены моей и ездила вместе с тещею моею за реку Волгу в гости к помянутой невестке стариковой, жене Василья Аврамовича. И как она жила не близко,

то препроводили они более недели в сем путешествии. В сие отсутствие их чуть было не подвергся я великому бедствию.

Однажды вздумалось как-то старикам нашим велеть истопить баню и уговорить меня сходить в оную. Я хотя никогда не любил и не охотник был до бани и хаживал в оныя по одному только разу в год, но тут не захотелось мне сделать неудовольствие любезному старику своему, а особливо старушке, уговаривавшей меня к тому усильно. Но что ж? Не успел я войтить в баню и несколько минут полежать на полке для потения, как голова моя пошла кругом, и я вмиг лишился ума и памяти и так, что меня безчувственнаго вынесли уже вон и насилу оттерли снегом: так скоро и сильно угорел я в оной!

Никогда ни прежде, ни после того не случалось мне так сильно угорать, и такой беды со мною! Я находился тогда на одну пядень от смерти. Ибо как то же самое воспоследовало и с человеком, бывшим со мною в бане, то никто о том не знал, не ведал, и обоим бы нам чисто умирать, если б, по особливому счастию, не случилось заглянуть в баню не нарочно еще одному человеку, и нас без чувств и без памяти лежащих увидеть. Все перестращены были неведомо как сим случаем, а я всех больше, и с того времени получил еще сильнейшее отвращение от бани.

Вскоре после того, и пред самым уже почти отъездом нашим из мест тамошних, подвергся было я другому и опаснейшему еще бедствию. Случилось сие в самые последние дни Масленицы, и ни то от того, что мы во всю оную безпрерывно ездили по гостям и ни одного дня не сидели дома, но перебывали почти у всех тамошних именитейших купцов и чиноначальников городских, и везде меня морили безпрестанно питьем меда, измучили неотступными о том просьбами, а что того хуже, то в иных местах насильно почти поили медом с подбавливанием в него тайно крепких напитков; ни то от того, что во всем тамошнем городе свирепствовала тогда опасная перевалка, и множество людей лежало больными горячкою, а некоторые и умирали, и весь воздух заражен был ядовитыми от больных испарениями; но как бы то и отчего бы ни было, но я в самый последний день Масленицы так занемог, что свалился с ног, и все не сомневались в том, что воспоследует со мною горячка.

Нельзя изобразить, как перетревожены были тем все мои дорожные товарищи. Время пришло ехать и отправляться в обратный путь, а я в самое оное занемог, и занемог так, что головы не поднимал, и все того и

ждали, что я слягу в постель. Жар превеликий жег меня немилосердно и все признаки были начинающейся горячки. Что было тогда им делать? На самых стариков была тогда забота превеликая. Как они, так и все не знали, что им тогда начать со мною; но я разрешил тотчас все их сумнительства, сказав им прямо, чтоб они везли меня скорее вон из сего города и что я не хочу никак долее в оном оставаться, и хоть дорогою б случилось и умереть, но везли б меня не отменно домой: так сильно испужался я сей болезни и так много опасался, чтоб не умереть тут, в чужой и дальней стороне.

Таким образом, хотя и опасно было меня везть больного в дорогу, но, видя столь усильное мое того хотенье, принуждены были спутницы мои на то согласиться, и на другой день Великаго поста, распрощавшись с добродушными старичками и положив меня в жару и изнеможении уже от болезни в возок, повезли меня из города обратно в свою сторону. Желание мое выехать скорее из сего опаснаго города было так велико, что я ждал не дождался, покуда из него выехали и перекрестился несколько раз, увидев себя уже вне онаго и в поле.

Но что ж воспоследовало? – Не успели мы несколько верст отъехать, как я, лежучи в жару и почти в безпамятстве, услышал вдруг стоявшаго за возком человека чхнувшаго. Как исстари у нас у всех затвержено, что чихание больному человеку полезно и всегда хорошим будто признаком бывает, то позавидовал я тогда чхнувшему человеку и стал желать, чтобы и со мною случилось то же. «Ну, если б так-то и мне случилось чхнуть, – мыслил и говорил я тогда сам себе, – как бы это хорошо было! Но вот ко мне чох не приходит».

В самую сию минуту попадись нечаянно мне на глаза одна торчавшая сбоку из под пуховика сенинка, и вдруг приди мысль и охота вытащить ее и поковырять концом оной у себя в носу и испытать, не могу ли я насильно возбудить в себе чихание. Ненарочной опыт сей мне и удался весьма счастливо: я чхнул и так обрадовался тому, что перекрестился и благодарил за то Бога. Потом повторил я оный еще раз, и до тех пор щекотал сенинкою в носу, покуда не чхнул вторично. Более сего не стал я сего делать. Показалось мне, что голова моя заболела от того еще более; итак, я перестал. Но как неописанно удивился и обрадовался я, когда по прошествии немногих минут после того, почувствовал я, что жар во мне приметно уменьшился, пульс не так крепко, часто и сильно бился, и мне как-то уже легче стало.

«Ах, батюшки мои! – возопил я сам в себе тогда в мыслях. – Уже не чихание ли произвело во мне сию скорую и удивительную перемену? Ей-ей! – продолжал я. – И чуть ли не от того? Чиханье производит во всей внутренности нашей особливаго рода *революцию* и власно как некакого рода удар и на полсекунды останавливает даже всю кровь в ее беге и движении. И почему знать, может быть, самая сия полусекундная остановка, по законам движения, делает уже великое уменьшение в скорости ея движения; а как от сей скорости движения оной происходит и жар самый, то натурально должен уже уменьшиться и оный некоторым градусом».

Сим образом заключал я, и чем более о том мыслил, тем вероятнейшею казалась мне моя догадка и побуждала меня повторить еще сей опыт. Я тотчас отыскал опять свою сенинку, и ну опять легохонько ковырять в ноздрях и щекотить ею внутренность оных. И старание мое было опять не тщетно. Я чхнул опять один раз, повторил сие, а потом опять перестал. От сего повторительного чихания жар мой еще того более уменьшился, и чрез несколько минут сделалось мне так легко, что я почти не чувствовал себе жара и тягости, и к превеликому удовольствию всех моих спутников, при приезде на ночлег, вышел из возка сам и был почти совершенно здоровым.

Я не преминул разсказать им о нечаянном своем опыте, и они дивились тому, но не хотели никак его уважить столько, сколько казался мне он уважения и особливаго внимания достойным. Он и действительно был таковым, и нечаянное происшествие сие, как могущее обратиться в пользу всему человеческому роду, достойно записано быть в летописях и истории медицинской.

В последующия потом времена не преминул я повторять сей опыт несметное множество раз как над собою, так и над многими другими, и всегда производил он наивожделеннейшее действие, и многократная опытность доказала мне, что нужно только не запускать болезни и не давать жару слишком увеличиваться, но захватывать его тогда, когда оный только что зачинается; и как скоро голова заболит и пульс станет скоро и сильно биться, то и надобно уже спешить производить в себе чихание и не более двух раз одним приемом, а повторять то минут через десять. Наконец узнал я, что и производить сие чихание всего удобнее и скорее можно свернутою трубочкою и с заверченным концом бумажкою. Ибо таковая, будучи всунута в ноздри и там излегка ворочаема, возбуждает зудение и производит чох.

Таким образом, нечаянная и напугавшая меня и всех нас моя болезнь вреда мне не причинила, а послужила поводом и случаем к открытию весьма важному и полезному.

Впрочем, обратное наше путешествие было нам хотя уже не таково сытно, как прежнее, по причине наступившаго Великаго поста и самой первой недели онаго, однако довольно весело и приятно. Дни были уже тогда более, погода теплее, дороги лучше, а и рыбы могли мы доставать себе повсюду довольно и дешевою притом ценою.

В селе Избыльце, на реке Оке, славящемся своими садами, накупили мы не только множество тамошних прекрасных и вкусных яблок, но и самых почек или яблоновых семян, которыя по приезде домой тотчас зарыл я в землю, а весною, посеяв, получил целую грядку почек, из которых многия, будучи разсажены по местам и выросши большими, довольствуют и веселят меня и поныне прекрасными вкусными своими плодами, ибо вышли от них многия оригинальныя и хорошия породы яблок.

В пригороде Вязниках случилось нам стоять на такой квартире, где делалися простые медные оклады к образам, продаваемые так дешево, и я с любопытством расспрашивал мастеров о всем производстве работы сей.

В другом из тамошних больших сел во время обеда удивил нас хозяин предложением своим, не угодно ли нам горчицы к приправливанию еств наших. «Очень хорошо, – сказали мы, когда есть у тебя так подавай!» – и любопытны были очень видеть, какая б такая была у него горчица. Но как удивились мы, когда подал он нам деревянную стамушку с натолченным мелко и просеянным стручковым диким перцем.– «Так это-то твоя горчица, – сказали мы, усмехнувшись. – Покорно благодарим за нее; но это кушай ты сам, ежели можешь, а мы к ней непривычны: она слишком горька и едка».

Сим образом ехали мы обратно в свои пределы и провели опять в путешествии сем более недели и доехали наконец до Москвы благополучно. Но я-таки не избежал от некотораго для себя огорчения во время езды сей.

На одной руке моей, и что всего досаднее, на самом наружном сгибе локтя сядь чирей, и в немногие дни так увеличился, что я от него ночи две вовсе спать не мог, а дорогою он меня неведомо как мучил и безпокоил. Болезни сей я хотя и часто подвержен был в моей молодости, но никогда не имел на себе такого страшного и мучительного чирья, котораго о величине можно было по тому судить, что стержень его, который вынут был из

оного по созрении, величиною был с орех простой. Но, по счастию, успел он созреть, прорваться и почти совсем зажить до шестого моего тогда приезда в Москву, где ожидало меня другое и весьма огорчившее меня происшествие.

Тут нашел я дядю своего, Матвея Петровича, лежащаго больным, и болезнь его была такого рода, что я не надеялся уже, чтоб он от ней выздоровел, но почитал ее почти за верное ведущею его ко гробу. Сие огорчило меня очень, ибо я любил искренно сего близкого родственника своего. Но он опечалил меня еще более, сказав, что между тем покуда я ездил в Цивильск, а именно февраля 10-го дня, преселился в царство мертвых и другой дядя мой, Тарас Иванович *Арсеньев*.

Сие известие поразило меня тем более, что я сего милаго и любезнаго своего родственника оставил при отъезде своем совершенно здоровым и в таких еще летах, что не можно было никак ожидать столь скоро его кончины. Но злая горячка не разбирает ни лет, ни здоровья, но низводит во гроб и старых и молодых, и крепких и слабых, и здоровых и нездоровых. Оставшая после его жена, Катерина Петровна, была в самое то время на сносях беременна, как он скончался, и кончина его произвела столь великое действие и имела столь великое на нее влияние, что она вскоре после того родила сына, у котораго на одной руке не было нескольких пальцев. Сей сын ее жив еще и поныне и весь свой век руку сию принужден носить в перчатке. Вот что могут производить жестокия печали во время беременности женщин.

Мы как ни спешили возвращением своим в дом, но за долг почли побывать у сей до крайности огорченной и лежавшей тогда еще от родов в постеле нашей родственницы, и нашли ее в жалком положении; она разсказывала нам со вздохами о кончине дяди и о несчастии, случившемся с ее новорожденным и единым только сыном, и брали в огорчении ее истинное соучастие.

Повидавшись с нею и исправив прочия надобности, какия имели в сем столичном городе, не стали мы долее в оном медлить, но поспешили окончить свое путешествие, и в 7-й день месяца марта возвратились в свой дом благополучно.

Но нас встретили и тут таким известием, которое огорчило нас вновь и очень много. Одной из приданых женщин, перевезенной с мужем ее, ткачем, к нам в деревню и женщине молодой и изрядной, вздумалось что-то

лишить самой себя жизни. Ее нашли удавленною на своем поясу, и никто не знал, да и после никогда не узнали, что б собственно побудило ее к такому пагубному предприятию: ибо не было ей ни от кого ни малейшей изгоны и она любима была не только мужем, но и всеми нами.

Сим образом кончили мы свое дальнее путешествие, а вместе с ним дозвольте мне кончить и письмо сие, достигшее уже давно до своей величины определенной, и сказать вам, что я есмь и прочая.

ПЕЧАЛЬНЫЯ ПРОИСШЕСТВИЯ

Письмо 120-е

Любезный приятель!

Тысяча семьсот шестьдесят пятый год был как-то почти весь для меня не очень счастлив, но знаменовался многими печальными и огорчительными для меня происшествиями. О трех из них я разсказал уже вам в письме предследующем, а о прочих разскажу в теперешнем.

Не успели мы, возвратясь домой, порядочно еще в доме осмотреться, как начали озабочивать нас появившияся в доме у нас горячки. Сия болезнь, мало-помалу размножаясь, усилилась наконец так, что произошла в доме у нас всеобщая перевалка, и я с каждым днем трепетал, чтоб не забралась она и к нам в хоромы и не добралась бы до самих нас, что наконец воспоследовало и действительно. Уже начали занемогать служившие при нас люди, уже лежали и они почти все и уже дошла наконец очередь и до нас.

Сам я однажды осовел и начал уже разгораться и верно бы слег так же, как и прочие, если б не помогло мне чихание. Ибо упомянутым в предследующем письме опытом своим не преминул я тотчас воспользоваться, как скоро почувствовал в себе первую головную боль, соединенную с жаром и скорым и сильным биением пульса. И к особливому удовольствию моему был оный и в сей раз столько же успешен, как и тогда: и жар и головная боль тотчас у меня миновала, как скоро принудил я себя раза два чхнуть. А сим образом целых три раза уничтожал я в себе жар и разрывал начинающуюся уже болезнь. И однажды она так было уже усилилась, что я слег было почти в постелю, однако несколько раз повторенное чихание не

допустило ее усилиться, и я благополучно-таки от ней отделался. А таким же образом оточхались от ней и все другие, которые могли только сие делать.

Но, к несчастию, было таких мало, и только двое – а именно моя только теща и слуга мой Аврам; а прочим как я ни указывал и как их ни старался уговаривать, чтоб они научились производить в себе чиханье, но не мог никак иметь в том успеха. Все они не могли или не хотели никак научиться, а от того и принуждены были вытерпливать и переносить тогдашнюю жестокую болезнь, и в числе их и самая жена моя.

Сия занемогла у нас на самое Вербное воскресенье, и как горячка была жестокая, то все мы, а особливо я и мать ея поражены были крайнею о том печалью. Одно только то подкрепляло нас и ободряло надеждою, что болезнь сия была хотя жестокая, но никто не умирал оною, но все вставали и выздоравливали от ней благополучно. А сие, к неописанному нашему удовольствию, воспоследовало тогда и с нею.

Я не могу и поныне позабыть того, как мне ее жаль было и как много обрадовался я и какое удовольствие ощущал тогда, как ей несколько полегчало и когда похотелось ей есть груш моченых. Мы принуждены были посылать всюду и искать оных, и, по счастию, привезли к нам их из села Каверина, где были они отысканы: и она не успела их наесться, то и начала власно как оживать и от своей болезни освобождаться. Со всем тем вся Святая неделя была у нас в сей год, по причине болезни жены моей, очень не весела, но мы рады были уже, что ей полегчало и миновала вся опасность, и сие услаждало уже сколько-нибудь наше бывшее до того огорчение.

Не успели мы сию невзгоду перенесть и болезни в доме моем с наступлением весны пресечься, и я только что начал приятностями обновившейся натуры веселиться, как получил вдруг из Москвы поразительное известие, что дядя мой, Матвей Петрович, очень болен, что нет никакой надежды к его выздоровлению и что желает он прежде кончины своей меня еще видеть – что было тогда делать?.. Я принужден был, оставя все, велеть запрягать лошадей и скакать в Москву, чтоб застать дядю живого. По счастию, и удалось мне приехать еще благовременно и застать его не только живым, но в состоянии еще говорить со мною.

Он лежал в доме шурина своего, Данилы Степановича *Павлова*, там, где он и до того был, и приездом моим был так обрадован, что встретил меня текущими из глаз его последними радостными слезами.

– Помилует тебя Бог! – сказал он, простирая слабыя руки свои для объятия меня. – Что ты меня, старого человека, не оставил и не отрекся при конце жизни моей сделать мне того удовольствия, чтоб тебя, друга моего, видеть и в последний раз с тобою проститься лично.

Я стал было на сие ему говорить, чтоб он так еще о своей жизни не отчаявался, но что еще не всей надежды мы лишены, и Бог, может быть, еще и помилует и его поднимет. Но он, пресекши речь мою, на сие сказал:

– Нет, мой друг, не для чего и вам и мне сею пустою надеждою льститься. Болезнь моя не такова, и я вижу и чувствую сам, что она оканчает жизнь мою и меня разлучит уже навек с вами, друзьями моими. Слабость и изнеможение мое час от часу уже увеличивается, и я того и смотрю, как испущу дух мой.

Он и действительно был тогда уже очень слаб и таял как воск. Его еще до меня исповедали и причастили и особоровали уже и маслом, и мы все видели, что жизнь его не могла уже продлиться долго. Он сам твердил то почти ежеминутно и мне говорил:

– Уже не уезжай, мой друг, отсюда, а подожди конца моего: он скоро будет. И тогда отвези труп мой в деревню и погреби его там, где покоятся прахи предков наших.

Я слушал слова сии с текущими из глаз ручьями слез горячих и обещал ему охотно все то исполнить, чего он от меня требовал. Наконец как стал я его спрашивать, не вздумает ли он еще чего-нибудь приказать мне, то, вздохнув, сказал он мне:

– Ничего больше, как только поручаю тебе, другу моему, обоих детей моих в родственную любовь и прошу о неоставлении их. Будь им вместо отца, люби их и не оставляй во всех нуждах и делом и советами своими.

– Хорошо! – сказал я на сие. – С моей стороны я готов сие делать, и вы в том не можете сомневаться, но стали б только они меня любить и советов моих слушать.

– И, как того не делать! – сказал он. – Они должны то делать и тебя, моего друга, любить и слушаться.

Потом подозвал меньшего сына своего, который тогда был при нем, и взяв его за руку сказал:

– Слушай Гаврило! Заклинаю тебя и брата твоего, – скажи это ему, когда приедет и ты его увидишь, – чтоб вы любили и почитали вот брата

вашего и во всем его слушались. Дурного он вам не присоветует никогда и обид от него вам ожидать не можно: не такой он человек.

– Конечно, конечно, – подхватил я, – и в этом пункте можете вы, дядюшка, быть спокойными.

Потом сказывал он мне, что жена его обещалась ему не брать у них седьмой своей указной части, что и сама она, сидючи подле его, подтвердила мне мановением рук своих. Я благодарил ее за сие и сам в себе подумал: «Смешно бы и было, если б ты и похотела сию часть взять себе, а не грешно б было и из своего имения уделить что-нибудь пасынкам своим. Племянники и наследники твои без того богаты и пребогаты!» Однако сего по скупому характеру ее и требовать было никак не можно.

На другой день моего приезда блеснул было маленький луч надежды, что дядя мой, может быть, еще оправится и встанет. Ему полегчало несколько и он попросил есть и, казалось, ел с довольным аппетитом. Сие побудило тотчас господ Павловых предложить, чтоб послать опять за лечившим его штаб-лекарем *Генишем*, и, как человек животолюбив, то не воспротивился тому и дядя. Одному мне только сего не хотелось, ибо я почитал его безнадежным и не думал, чтоб в состоянии уже было помочь ему какое-нибудь человеческое искусство. Однако как мне не хотелось в том спорить и итить против желания и самого дяди моего, к тому ж подумал я, чтоб несогласие мое не почли неблаговременною скупостию, то не воспротивился и я тому. И так тотчас отправлен был гонец за господином штаб-лекарем, котораго хозяева почитали не инако как наравне с Иппократом, так много уверены они были о его искусстве; почему, не успели завидеть его входящаго в двери, как бежали к нему навстречу и с радостию разсказывали о перемене, происшедшей с моим дядею, и просили приложить старание и употребить все искусство свое к подкреплению больного.

– Карашо, карашо, – сказал им на сие штаб-лекарь, – и спешил осязать пульс у больного, который был так уже слаб, что с трудом его ощупать было можно. – О, карош! карош! возопил он. – Перемена добра. Нада скорей дать ему микстурка для подкрепленья натур. Пожалуйт бумаг и перо, мой тотчас напишит.

Бумага тотчас подана была и он, усевшись с важною осанкою, нахватал целую страницу и, написав превеликий рецепт, сказал:

– Ну вот, пошлит скорей в Варварска аптек: там только есть эта вещи.

Вмиг по приказанию его было исполнено и гонец в Варварскую аптеку отправлен; ибо кто смеет воспротивиться предписаниям докторским! Между тем покуда слуге отсчитывали деньги и его отправляли, господин штаб-лекарь восхотел и хозяевам и нам всем сделать одолжение и продолжить присутствие свое у нас еще на несколько минут времени, а притом и не потребовать выпить у хозяина рюмку водки и закусить оную сыром и другими подаваемыми ему вещами. Наконец, посидев несколько минут и разсказав по-своему о новостях городских, поднялся он ехать и, взяв без всякого отрицания всовываемый ему в руки полуимпериал, распрощался с нами и ушел. Но я не преминул, вышедши вслед за ним, спросить у него по-немецки, что он о больном думает, и попросить его, чтоб он сказал мне мнение свое откровенно.

– Что иное сказать мне вам, – отвечал он мне, усмехнувшись, – кроме того, что он не доживет никак до сегодняшнего вечера и чрез несколько часов отправится в путь свой.

Остолбенел я, сие услышав и отворотясь от него с презрением как от безсовестнейшаго человека, не устыдившагося и при такой достоверности близкой кончины взять еще пять рублей за сей приезд, несмотря что ему за лечение его более ста рублей уже передавано было. «Негодный ты человек», – сказал я, смотря вслед ему, и плюнул. Но досада моя на него и негодование увеличилось еще несказанно больше, когда возвратился посыланный в аптеку человек и привез с собою превеликий штоф наболтанной из разных веществ микстуры. Я спешил скорее прочесть надпись о употреблении сего лекарства; но как же удивился, увидев, что предписывалось давать больному только чрез каждые два часа по одной столовой ложке и что заплачено за то 7 рублей.

– Ах ты сукин сын! – возопил я, сие увидев. – Есть ли в тебе Бог и хоть одна искра совести и стыда? Не бездельник ли ты и каналья сущий. Сам говоришь, что до вечера никак не доживет, а выписал столь дорогое лекарство и такое еще множество, что, принимая сим образом по ложке, на целый месяц его станет. За то ли платим мы вам так дорого и осыпаем вас золотом, чтоб вам нас таким явным и безстыдным образом грабить. Злодеи вы сущие!

Но досада моя увеличилась еще более, когда, дав первый прием лекарства сего умирающему почти моему дяде, узнали мы, что оно несносно было горько и так противно, что не только больному, но и здоровому его

ко рту принесть было не можно. И как дядя с превеликою нуждою первую ложку и даже с самым страданием принял, то не допустил я уже никак госпожу Павлову давать ему другую.

– Помилуйте! – говорил я ей. – Когда этот злодей не имеет никакого соболезнования и ни стыда ни совести, так хоть вы уже умилосердитесь над умирающим и не мучьте его без всякой пользы этим проклятым омегом, и дайте ему по крайней мере умереть спокойно.

– Да что ж нам с этим лекарством делать? – спросила она. – Ведь заплачены за него деньги.

– На голову ему, сукину сыну, вылить, – сказал я, – этому немчуре бессовестному, или насильно бы заставил его самого выпить, когда он такой нечестивец!.. Не прогневайтесь, сударыня, – продолжал я говорить, – что я вашего любимаго врача так ругаю: он истинно достоин того.

Тогда разсказал я ей то, что он мне о дяде сказывал. А предсказание его действительно и сбылось, и дядя мой в тот же еще день, и не дожив до вечера, скончался.

Сим образом лишился я и сего последняго моего ближняго родственника и пролил искреннюю горячую слезу о его потере. Каков он ни был, но я любил его чистосердечно и почитал, как должно почитать родного дядю. Он был хотя младший брат отцу моему и имел почти природную чахотку, от которой и умер, но прожил гораздо долее отца моего и достиг до глубокой почти старости.

Сей долговременной жизни причиною, может быть, была всегдашняя его воздержность. Во весь свой век не пивал он горячих и крепких напитков и не был ни однажды во всю жизнь свою пьяным, а и в прочем вел он себя очень умеренно и воздержно. Что касается до дарованиев его, то по тогдашнему веку был он довольно учен и умен и имел о многих вещах сведения. В особливости же сведущ он был в законоискусстве, что и произвело в нем уже несколько непомерную охоту к приказным делам и хлопотам. В сих находил он в последние дни своей жизни даже удовольствие и, живучи по зимам в Москве, не скучал почти ежедневно таскаться по коллегиям и по другим судебным местам. А такую же непомерную склонность имел он и к бережливости. Со всем тем оставил после себя детям невеликое богатство, и наличное число денег не простиралось даже и до тысячи рублей.

Как скоро испустил он свое последнее дыхание, то я в тот же час принял на себя попечение как о погребении его, так и об оставшем его сыне и бывших с ним в Москве пожитках.

Сии последние собрал я все и запечатал, а к перевезению тела его к себе в деревню сделал все нужныя распоряжения. А как кончина его воспоследовала мая 14-го дня, и в такое время, когда дни были уже теплые, то приуготовлением гроба и всего прочаго спешили мы денно и нощно и с такою ревностию, что чрез сутки могли мы вынесть тело в церковь, и, там отпев, закупорить и засмолить гроб и отправить его для погребения в деревню. И как для тогдашняго тепла нужно было поспешить и ездою самою, то отправился и сам я для препровождения онаго; а по привезении, нимало не медля, с обыкновенною церемониею и погреб его под церковью и рядом с покойною моею матерью, что приходилось под самым амвоном.

Все мои родные и все ближние соседи присутствовали при сем печальном обряде и вместе со мною проводили гроб его на место, где приготовлена и кирпичом выкладена была для его могила. И тамо покоится и поныне прах его в близком соседстве с прахом моей матери и прочих наших предков.

По окончании сего обряда первым своим делом почел я уведомить старшаго его сына о сем печальном происшествии, и до приезда его вступить в управление его деревнями; ибо младший его брат был еще очень молод и к тому еще неспособен. Сего взял я до того времени к себе и сожалел крайне, что он уже урос от того, чтоб можно было его чему-нибудь поучить, и стараниями своими сколько-нибудь наградить сделанное в воспитании его великое упущение. Однако ж что было только можно, то все я учинил и был ему сколько-нибудь полезен.

Пересказав вам о сем происшествии, разскажу теперь вкратце и о том, как проведено мною и прочее время сего года. И как не помню я, чтоб во все оное произошли со мною какия-нибудь важныя и особливаго примечания достойныя происшествия, то и скажу вообще, что прожил я все лето, осень и первую половину зимы сего года в мире, тишине и вожделенном благоденствии. И как по сделанной с самого младенчества моего привычке к трудолюбию и безпрерывной деятельности, не оставлял я того же и в сие лето и осень, то и были все дни и часы мои заняты разными и безпрерывными упражнениями, и так что я за ними и не видал, как протек или паче пролетел весь сей период времени.

Сии упражнения были почти такие же, как и в минувшее лето. То занимался я сельскою экономиею и садоводством, которое становилось мне час от часу милее и любезнее; то упражнялся в рисовании и малевании картин разных и украшал ими стены своего дома; то сотовариществовал столяру своему в производстве им разных работ и моих затей в действо; то занимался своими книгами и литературою, и либо читал, либо переводил, либо сочинял, либо переписывал что-нибудь. Когда же все сие сколько-нибудь утомляло, то для отдохновения ухаживал в сады или в рощи или в ближние и окружающие селение мое места, дабы там, на свободе и удалясь от всех дел и забот, свободнее можно было мне веселиться красотами и приятностями натуры, которая никогда мне не наскучивала, но всегда и со всяким днем предлагала мне новыя услуги.

Но сколько ни занимался я всеми сими упражнениями, однако не забывал и того, чтоб продолжать дружбу и знакомство свое как с старыми, так и с новыми своими знакомцами и родными. Мы езжали как к ним, так нередко и они нас посещали и пребывали у нас иногда суток по двое и по трое. И как при всех таких случаях были всегдашние поводы к гулянью по садам, то сие поощряло меня от часу более к приведению садов своих в лучшее совершенство. И как таких знакомых умножалось час от часу больше, для которых стоило что-нибудь затевать и предпринимать труды новые, то и не знал я почти в том усталости, но находил еще для себя наилучшее удовольствие в оных.

К числу сих новых знакомцев, с коими спознался я в течение сего лета, принадлежали в особливости три дома. Два из них были княжеские, а третий хотя дворянский, но лучше сих обоих княжеских. Из сих один был князя *Горчакова* и столько мне близкий, что если б хотеть, то можно б было хоть всякий день с живущими в нем видеться.

С сим князем, котораго звали Павлом Ивановичем и который владел того сельцом Котовым, имел я уже и до того некоторое, однако не гораздо близкое знакомство, и причиною тому было невеликое сходство наших характеров между собою. Но в сей год как-то сделалось у нас с ним знакомство короче и между обоими нашими домами возстановилось дружество и более потому, что оба мы с ним были люди не старые, и оба женаты недавно, и оба на молодых женах. Он был немногим чем меня постарее, да и женился года за два прежде меня. И как оба они с женою были люди среднего разбора и во всем не слишком дальноваты и княжеский титул только на себе

носили, а всего меньше были его достойны, то и можно нам было с ними знакомиться, и как в пословице говорится, водить хлеб-соль между собою.

Что касается до другого княжескаго дома, то был оный уже несколько сего подалее, и верст за 10 от моего жилища, а именно в селе Татарском. Им владел тогда князь Федор Федорович *Волконской*, человек также весьма добрый, безхитростный, но прямодушный и такой, с которым можно б было с удовольствием обходиться, если б, по особливому несчастию, не подвержен он был тому гнусному и постыдному пороку или слабости, которая столь многих умных людей делает иногда хуже скотов самых и презрительными пред лицем всего света.

Он был также еще не стар и нам почти ровесник и женат также недавно. Мы познакомились с ним по князе Горчакове, с которым он был знаком и к нему езжал часто. Тут мы увиделись с ним в первый раз, и сего было довольно. Оба они с женою нас полюбили, и тотчас сведена была между нами дружба, и условленось видаться колико можно чаще.

Со всем тем как ни довольны были мы дружеством и приязнию и ласками обеих сих княжеских фамилий, а особливо ласками обеих молодых княгинь, резвящихся и игравших всегда с моею женою, которая обеих их была моложе; однако частыя свидания с ними стали скоро мне уже несколько и скучноваты становиться, и тем паче, что мне не всегда с удовольствием можно было подлаживать людям, опьянившимся и забывавшим иногда самих себя, но я иногда и не рад бывал, наехавши князя Волконскаго в таком состоянии, и не знавал как от него и отделаться.

И как оба они были люди праздные, не меющие никаких занятий, но скучающие всегда временем и желавшие провождать его в безпрерывных съездах, свиданиях и компаниях и восхотевшие даже того, чтоб нам видеться ежедневно и в том друг с другом чередоваться: и один день провождать у князя Волконскаго, другой у князя Горчакова, а третий у меня, – мне ж сего ни достаток мой, ни склонности, ни прочия обстоятельства никак не дозволяли, то и отклонил я от себя такое предложение и оставил их одних переезжаться друг с другом и время свое провождать в сотовариществе с рюмками и бутылками и гаркающими людьми. А сам довольствовался свиданиями с ними изредка, а прочее время хотел лучше делить с своими книгами и другими и такими соседями, которых характеры подходили к моему сколько-нибудь ближе или по крайней мере не так много контрастировали, как их с моим характером.

К числу сих, и преимущественно пред всеми прочими, принадлежал новый мой знакомец, и сделавшийся потом хорошим моим приятелем и наилучшим моим соседом, Иван Григорьевич *Полонский*. Он жил верст с 14 от нас в сторону к Оке-реке, в деревне Зыбнике и был человек хотя достаточный, но очень добрый. Дом его и образ жизни почитался тогда наилучшим и знаменитейшим во всем нашем околотке, к тому ж и чин имел он хороший и довольно знаменитый. Служив многие годы в гвардии, отставлен он был из ней полковником, и приехал в сие место жить незадолго только до сего времени с своею женою, которую одну только он и имел, ибо детей у него не было, а был в живых только еще отец, но который жил не с ним, а особливым домом.

О сем соседе своем я наслышан был уже давно и давно мне с ним, так как и ему со мною, познакомиться хотелось, но до сего времени не было к тому случая. А в сей год спознакомились и увиделись мы с ним в первый раз в доме соседа моего, Александра Ивановича Ладыженскаго, и первая минута нашего свидания сделала нас между собой приятелями. С самой оной он полюбил меня, а я его, и мы столкнулись так хорошо, что были потом неразрывными между собою друзьями по самый конец его жизни.

Я нашел в нем человека, не только большой свет знающаго и в оном почти всю жизнь свою жившаго и многими знаниями одареннаго, но что всего для меня приятнее было, и охотника до книг и до чтения, и при всем том очень дружелюбнаго, ласковаго, добросердечнаго, в обхождении приятнаго и довольно веселаго человека.

Книг имел он у себя нарочитое собрание, а что всего удивительнее, то великое множество из них, писанных его рукою. Будучи смолоду великим писакою, любил он как-то в особливости упражняться в писании и не скучивал списывать целыя превеликия книги, – и я нашел у него собрание наилучших в тогдашнее время романов, списанных сим образом его рукою и переплетенных порядочно. А всего приятнее для меня было то, что можно было не только говорить и разсуждать с ним обо всем и обо всем с удовольствием, но было что у него и перенимать.

Препроводив всю жизнь свою в Петербурге и насмотревшись всего, жил он и в деревне порядочно; имел в доме приборы, какие были тогда в употреблении, лучшие; стол был у него хороший и весь образ жизни не столько деревенский, как городской, однако умеренный и порядочный. Самая жена его, женщина такая ж толстая, каков был и сам он, была, одна-

ко, боярыня хотя светская и модная и несколько напыщенная спесью и величавостью, но умная и к нам очень ласковая и благоприятная. И оба они полюбили как меня, так и тещу и жену мою так, что мы сделались скоро ими очень довольными и дом сей почитали наилучшим из всех прочих.

Начало сему знакомству учинил я, как младший, и, спознакомившись с ним в доме г. Ладыженскаго, решился к нему вскоре после того с женою и тещею моею съездить. Не могу и поныне позабыть тех минут, в которые въезжали мы к нему впервые на двор, и с какими чувствиями приближалась к крыльцу их жена моя, для которой, по молодости ее, было очень дико входить впервые в незнакомый и во всем пред нашим увышенный и преимущественный дом. Но как г. Полонский и жена его нас всех и при сем первом уже случае так обласкали, что мы сделались очарованными ими, то полюбила скоро их и сама жена моя и езжала к ним в дом охотно.

Мы пробыли тогда у них до самаго вечера, и г. Полонский не только старался угостить нас как можно лучше, но водил меня показывать мне и новозаведенный сад свой. И как я увидел, что сад сей заведен был у него превеликий и регулярный и что он так же, как и я, к садам был охотник, то сие меня еще более к нему привязало. Одного только мне всегда было жаль, что он, будучи очень дебёл, по тягости своей не мог так много везде ходить, как я, и не мог мне в сем случае делать сотоварищества. Однако сей недостаток заменял он довольно ласкою и дружеством своим ко мне и приятностию разговоров, а не менее и самою услужливостию нам при всех случаях, к чему побуждало его и самого наиболее то, что и он находил во мне лучшаго для себя и такого соседа, с которым можно было ему и поговорить и без скуки, а с удовольствием провождать свое время.

Не успели мы у него впервые побывать, как не замедлил и он отплатить нам за наш визит своим собственным. Мы старались угостить его также, сколько могли лучше, и оказываемое им всему виденному и найденному у меня в доме и в саду одобрение, привязало меня к нему еще больше, и с того времени начали мы переезжаться и видаться довольно часто. И как настал день моих именин, то был он у меня первейшим и лучшим гостем, чего он был и достоин, и не только у меня обедал, но и ночевал за позднотою времени. Что ж касается до нас, то мы ночевывали у него всякий раз, как к нему ни приезжали; а особливо в осеннее и зимнее время, и они никогда нас от себя не отпускали поздно, и были тем в особливости до-

вольны, что мы с ними приездами не считались, но бывали у них гораздо чаще, нежели они у нас, чего мы за тягостию их уже и не взыскивали.

Теперь, кстати к сему упомяну я вам и о прежнем своем приятеле и друге, Иване Тимофеевиче *Писареве*, котораго я, сколько мне помнится, около сего времени лишился. С сим человеком, с которым прежде сего был я так дружен, я с самаго того времени, как он поступил со мной не слишком чистосердечно, почти уже не видался или виделся только однажды в Москве, да и то только вскользь, потому что находился он тогда уже в жалком состоянии. Ибо вскоре после тогдашняго нашего свидания, при котором он против меня несколько погрешил, имел он несчастие помешаться несколько в уме своем.

Богу известно, от чего произошла с ним сия жалкая перемена. Некоторые говорили, что произошло сие будто от излишнего его читания книг священных и духовных; другие утверждали, что причиною тому был какой-то скитавшийся монах, с которым он имел несчастие спознакомиться и сдружиться и который сбил его с пути истиннаго и подал к тому повод, что он сбился и помешался несколько в уме, а особливо в заключениях и мыслях о вещах, касающихся до таинств и догматов веры, которое помешательство простиралось до того, что я, имев случай однажды видеть его в Москве и говорить с ним с час времени, ужаснулся даже, услышав от него совсем вздорныя и ни с чем несообразныя мысли. А такою ж галиматьею наполнил он и одно последнее письмо свое, писанное ко мне после того времени и хранившееся у меня долго. А сие и удалило меня от него еще более, так что я уже не имел ни малейшей охоты возобновлять с ним прежняго знакомства, но скоро потом услышал, что он и самую жизнь свою пресек несчастным образом, переезжая где-то реку на плоту, обернув голову свою в халат, бросился в воду и сам себя утопил.

Такой-то несчастный конец получил сей прежний мой приятель, и как он в лучшее его время искренно меня любил да и я к нему привержен был нелицемерным дружеством, то и поныне еще с некоторым сожалением вспоминаю о сем несчастном человеке.

Упомянув о новых своих знакомствах, возвращусь теперь паки к своим прочим упражнениям и скажу, что при всех сих разъездах по гостям не упускал я пещись и о своем домоводстве. В оном с каждым днем становился я более сведущим. С одной стороны, иностранныя экономическия сочинения, читаемыя мною прилежно, а с другой ежедневная во всем

практика и опытность доставляли мне множайшия от часу во всех частях сведения. И как я и все экономическия дела производил не слепо и не совсем по старинному шлендриану, но соединял с любопытными опытами, примечаниями и записками, то доставляли и они мне много приятных удовольствий.

Но ни которая часть меня так много не веселила, как относящаяся до садоводства. С садами своими я в течение сего лета имел много занятия и дела, и в летнее время почти не выходил из оных. Одно из наиглавнейших дел с ними было то, что я и всю достальную часть ближняго к дому сада превратил в регулярную, и разбив всю оную по плану разными косыми и прямыми дорожками в множество косяков и куртинок, некоторые из них засадил в осень сего года разными деревьями и кустарниками, а чего не успел в осень сего года, то оставил до предбудущаго. Новый же мой плодоносной сад приносил уже мне час от часу более удовольствия. В сей год было в нем уже более плодов и все шпалеры получили уже свой вид и были в хорошем состоянии.

Что ж касается до литературных моих упражнений, то и оными не оставлял я заниматься временно и посвящал им все праздныя мои минуты, а особливо в осеннее и зимнее время и длинныя вечера. В сии в особливости занимались мы чтением новых книг, которыми нас в множестве одолжил новый наш знакомец, Иван Григорьевич Полонский. И сколько приятных минут ни доставляли они и мне и моей теще, с которою мы, сидя вместе, читывали и не редко в том по несколько часов препровождали; со всем тем не в одном чтении и с сей стороны я упражнялся, но временно испытывал и в сей год силы и способности свои в сочинениях родов разных.

Иногда сочинял и писывал я что-нибудь экономическое, в другое время – что-нибудь сатирическое, а иногда углублялся в философическия и нравоучительныя сочинения. К первым принадлежали некоторыя мелочныя примечания и записки, послужившие мне потом материалами к другим и важнейшим сочинениям; ко вторым – некоторыя из тех писем, кои собраны, переписаны и переплетены у меня в особой книжке; и из числа сих было в особливости большое мое письмо о моде, сочиненное мною, как теперь помню, в жениной деревне Коростине, а к последним принадлежала Детская моя философия.

О сей книге я уже имел случай упомянуть, что я начал ее сочинять, будучи еще холостым; но как я тогда не окончил и самой еще первой части

оной, – она же отменно полюбилась всем моим родным и знакомым, которым я ее показывал и из ней кое-что прочитывал, – то сие побудило меня приняться за продолжение оной, к чему я и отрывал несколько времени в течение сего года.

В сих-то многоразличных упражнениях препроводил я и сей 1765-й год и имел и в течение онаго много счастливых минут и удовольствий. К числу сих последних принадлежало в особливости то, что я узнал, что с месяца августа жена моя сделалась беременною первым ребенком и что Всемогущему угодно было благословить ее и плодородием. Не могу изобразить, какия особыя чувствования имел я при первом узнании сей перемены, с женою моею происшедшей, и тогда когда она мне о том впервые сказала. Была она мне и до того уже довольно мила, а с сего времени сделалась милее и дороже, – и мысль, что я скоро буду отцом, растрогивала всю душу мою и наполняла ее некоторым особым ощущанием приятным.

Вот все, что мог я упомнить и сказать о происшествиях, случившихся со мною в течение 1765-го года. Но с сего времени впредь, может быть, история моя будет несколько основательнее и подробнее, потому что с началом будущаго 1766-го года начал я вести всем происшествиям, случившимся со мною, ежедневные записки, и продолжал оныя до самого почти нынешняго времени. Следовательно, из них, как из достовернейших источников, могу я почерпать уже более и разсказывать обо всем не по одной памяти, как прежде, но с лучшим обо всем основанием и достоверностию.

Между тем с окончанием сего года окончу я и сие письмо, и вкупе одиннадцатое собрание оных, и скажу вам, что я есмь ваш и прочее.

Конец

одиннадцатой части

Сочинена в феврале 1801 года, переписана в декабре 1805 года.

ЧАСТЬ XII

(Сочинена 1802, переписана 1805, в Дворянинове)

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ И ПО ЖЕНИТЬБЕ

1766–1769

МОЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Письмо 121-е

Любезный приятель!

Приступая теперь к описанию происшествий, бывших со мною в течение 1766-го года, скажу вам вообще, что сей год ознаменован был в жизни моей многими и довольно важными происшествиями. Имел я в оной много удовольствий, но посещен был и некоторыми неудовольствиями, огорчениями и печалями, из которых иныя были весьма для меня чувствительны. Не отлучался я хотя от дома ни в какия дальния и долговременныя отлучки, однако нельзя же сказать, что и сидел все дома и чтоб не было и отлучек и довольно иногда отдаленных. Сих так было много, что я, вздумав пересчитать при конце года из любопытства все те дни, в которые меня не было дома, удивился, насчитав их почти целую сотню, следовательно, целую почти треть года.

Произошло сие от того, что ни в который почти год мы так много по гостям не разъезжали, как в сей, и все оные дни провели мы в помянутых разъездах. А нельзя сказать, чтоб и у нас никого не бывало; но при помяну-

том счислении с таким же удивлением насчитал я почти столько же дней и таких, в которые к нам приезжали гости, и мы дома провели их с чужими и посторонними людьми.

Но как количество обоих их ни велико, однако не подумайте, чтоб столь многие разъезды по гостям и приезды к нам гостей отвлекли меня от домашней экономии и прочих дел. Ах нет, любезный приятель! Но год сей, напротив того, можно почесть деятельнейшим в моей жизни, и я не помню, чтоб когда-нибудь предпринимал я так много разных дел и занимался столь много разными упражнениями, как в течение сего года. Вы удивились бы истинно, если б разсказать вам, что и что и какие разные опыты предпринимал я в разсуждении хлебопашества и других частей домоводства и сколько навели мне хлопот и забот и одни огородныя и цветочныя произрастания!

Так случилось, что все знакомцы, друзья и соседи мои, власно как наперерыв друг перед другом, старались доставлять мне все, что кто только имел из семян и произрастений таких, каких у меня еще не находилось. А иные выписывая оныя и покупая дорогою ценою, не хотели даже сами у себя их садить и сеять, а присылали ко мне, будучи уверены, что у меня они лучше не пропадут, нежели у самих их. Такое предубеждение имели они о моем любопытстве и отменной обо всем старательности. И как количество их всех было превелико, все же они мне как новому и молодому экономy были совсем еще не знакомы и со всеми надлежало познакомливаться, узнавать их натуру и свойство, и как лучше их садить, сеять и размножать, то судите сами, сколько одни сии должны были меня занимать!.. Но зато доставили они мне несметное множество и удовольствий, и приятных минут в жизни. Когда же присовокупить к тому и то, что никак не отставал я и от литературы, как любимейшаго своего упражнения, но посвящал ей многие праздные часы и минуты, а сверх того, имел я много и совсем особых дел и занятий, то усмотрите сами, что я не всуе назвал его деятельнейшим.

Однако я пойду по порядку и, возвратясь к нити прежняго повествования, буду разсказывать вам, что за чем происходило.

Не успел сей год начаться, как небольшое, но очень нужное дельцо принудило меня съездить на короткое время в Москву и побывать уже восьмой раз в сем столичном нашем городе. Не нарочно случилось мне

узнать, что один старичок из живущих у нас в соседстве небогатых дворян продавал небольшую свою земляную дачку в Чернском уезде и в самом том месте, где я имел маленькую деревушку; и как была она очень малоземельна, то хотя и не было у меня наличных денег, но, напротив того, я сам нуждался ими, ибо и все доходы мои в тогдашние времена были еще очень-очень невелики, но мне не хотелось никак упустить сей земельки; но я, отыскав сего добраго старичка, уговорил его продать мне ее не за дорогую цену и с обожданием еще некотораго количества денег, и для сей-то земли и покупки ездил я тогда с старичком сим, котораго звали Василием Матвеевичем *Молчановым*, в Москву, ибо крепости писать нигде, кроме сего столичного города, было не можно.

Но кто б мог думать тогда, что сия малозначущая и кратковременная езда моя в Москву назначена была благодетельствующею мне моею судьбою для произведения мне, хотя еще отдаленной, но превеликой пользы, и пользы такой, которая бы имела на всю мою предбудущую жизнь и все мои обстоятельства наивеличайшее влияние. И мог ли я тогда думать и воображать, что возвращусь из поездки сей, по-видимому, хотя с одной только безделкою, но безделка сия послужит потом поводом и побуждением мне к такому предприятию, которое отдаленным образом положило первое основание не только всего поправления состояния и достатка моего, но и безчисленным счастливым и благополучным дням в жизни моей, и не только доставила мне весьма выгодное место, но и сделала имя мое всему государству с доброй и такой стороны известным, что я имел потом лестное и приятное удовольствие видеть, что весьма многие и именитые люди желали и искали случая меня видеть и узнать лично; заочно же и по одному имени меня весьма многие знали и почитали. – Ах, любезный приятель! Сколь мало знаем и в состоянии мы усматривать сокровенные пути и следы, которыми ведет нас Провидение для доставления нам чего-нибудь важнаго и им нам предназначаемаго, и сколь неприметны иногда нам те средства, которыя оно к тому употребляет!!!

Пример мой может служить сему ясным доказательством. Помянутая безделка, или паче средство, употребленное Промыслом Господним к положению основания к великим переменам и происшествиям в моей жизни, состояло не в чем ином, как в одной небольшой книжке, доставленной мне нечаянным образом в руки.

Благодетельной судьбе моей угодно было, чтоб однажды, идучи по площади, пред рядами в Москве находящейся, повстречался я не нарочно с одним человеком, носящим ее для продажи и получившим оную, может быть, от такого человека, которому она была совсем не по вкусу и не надобна, и чтоб по любопытству своему и охоте к книгам я на нее взглянул, вмиг полюбил, почел для себя очень нужною и в ту же минуту сторговал и купил себе оную.

Теперь не сумневаюсь, что вы очень любопытны узнать, какого бы рода была сия книга, которую я и поныне еще храню у себя как некаким важным монументом. – Она была экономическая и составляла I часть «Трудов» нашего Экономическаго общества и только что изданная тогда в свет и вышедшая в Петербурге из печати[1].

Я и поныне не могу еще довольно надивиться тому, как могла она так скоро прислана быть в Москву и попасться в продажу носящему и дойтить до рук моих. Не прежде как в самом сем году была она напечатана, а года сего не окончился еще и первый месяц, как я купил ее, и мы не только об ней, но и о учреждении самого Экономическаго общества не имели еще ни малейшаго слуха, знания и понятия.

---

[1] Вольное Экономическое Общество – старейшее из ученых сельскохозяйственных и экономических обществ в России. Учреждено в 1765 г. по типу английских экономических обществ. Инициатива его организации принадлежит группе передового дворянства, заинтересованного в развитии денежного хозяйства и промышленности России. Цель общества состояла в распространении среди помещиков полезных и нужных для земледелия, промышленности и ведения хозяйства знаний, в изучении положения русского земледелия и условий хозяйственной жизни страны, а также положения сельскохозяйственной техники в западноевропейских государствах. Оно ставило своей целью «общим трудом стараться о исправлении земледелия и домоустройства» (устав). Екатерина II взяла Общество под свое покровительство. Уже в 1765 г. она обратилась (анонимно) к нему с вопросом о том, что полезнее для земледелия, когда земля находится в единоличном или в общем родовом владении, то есть ставила вопрос о свободе и имуществе крестьянина. Позднее (в конце 1766 г.) она поставила определеннее этот вопрос, а Общество объявило конкурс на его решение. Было получено до 170 ответных сочинений на всех языках, и лучшим был признан ответ Беарде де Лабея (Beарde de l'Abaye), члена Дижонской академии, который решает вопрос так: крестьянин должен быть свободным и владеть землей, но освобождать крестьян надо постепенно. Этот ответ играл некоторую роль в екатерининских мечтаниях о раскрепощении крестьян. Деятельность Общества принимала различные направления в зависимости от социально-экономических отношений в стране и политики правительства. Специальные вопросы, которыми занималось Общество, были: вопрос о вывозе хлеба, вопрос о разведении картофеля в России, о способах улучшения обработки льна, вопросы животноводства. Работа была поставлена практически. Имелась сеть корреспондентов-практиков (среди них был и Болотов), работы которых печатались в «Трудах» Общества. Историю О-ва см.: Ходнев А. И., История императорского Вольного Экономического Общества с 1765 по 1865 гг. СПБ, 1865; Бекетов А. Н., Исторический очерк, Имп. В. Э. О. с 1865 по 1890 гг. СПБ, 1890.

Но как бы то ни было, но книжка сия и одним своим титулом ввергнула меня в превеликое любопытство. Многим другим неизвестно было, что такое Экономическое общество, и могла книжка сия показаться тарабарскою грамотою, а мне, начитавшемуся уже довольно иностранных экономических сочинений, было дело сие известное. И как о экономических обществах в иных землях и о всех их установлениях имел я уже довольное понятие, то, увидев из книжки сей, что и у нас такое ж учредилось, да еще и именитое и взятое самою императрицею в особое покровительство, вспрыгался я почти от радости и с превеликою жадностью и вниманием начал читать все, в ней напечатанное: и удовольствие мое усугубилось еще больше, когда увидел я, что и у нас по примеру иностранных, приглашались к сообщению обществу экономических своих замечаний все живущие в деревнях дворяне, равно как и другие всякого звания люди, и что для проложения им к тому удобнейшаго пути приложены было при конце сей книжки и 65 вопросов такого существа и о таких материях, о которых не мудрено и не трудно было всякому ответствовать, буде только кто сколько-нибудь о деревенской жизни и сельской экономии имел понятие, и сколько-нибудь умел писать и владеть пером.

Самое сие и побуждало меня более прилепляться к сему предложению в особливости. Я помышлял уже и едучи дорогою домой о том, не можно ли мне на сие требуемое соответствие отважиться; а как возвратился в дом, то не выходило сие у меня почти из ума, и тем паче, что я чувствовал сам себя довольно в силах к соответствованию на все оные вопросы.

Со всем тем прежде не отважился я никак пуститься на такое, у нас совсем еще необыкновенное дело, не повидавшись, не переговорив и не посоветовав о том наперед с другом и соседом моим, Иваном Григорьевичем Полонским. И как сей почтенный и меня искренно любивший сосед не только того не отсоветовал, но паче еще более меня к тому побуждал, давая совет, чтоб нимало и не мешкать, дабы другие в том меня не предупредили, то и приступил я тотчас к сему делу и расположился не только ответствовать на все заданныя от Общества вопросы, но приобщить к нашим земледельческим орудиям и рисунки.

Теперь признаюсь, что сколь знания мои, относящияся до сельскаго домоводства, ни были довольно еще обширны, но во многих пунктах был я все еще не совершенно сведущ, так что для объяснений оных принужден был брать прибежище к старику своему Фомичу, прикащику, и, призвав

его к себе, о многом расспрашивать и пересказываемое им брать себе в замечание.

Усачу сему было сие крайне приятно, и я и поныне не могу еще забыть, как он, стоючи в комнате моей у притолоки и спрятав обе руки свои в рукава овчиннаго своего тулупа так, как в муфту, с некаким особым и внутреннее удовольствие изъявляющим видом разсказывал мне, вопрошавшему его, что знал и ведал, и властно как гордился всеми сведениями своими.

Но как бы то ни было, но я в немногие дни сочинил все мои ответы и сочинил их так хорошо, что приятель мой, которому возил я их показывать, не только не выкинул из них ничего, но, расхвалив, советовал мне скорее переписывать и отсылать, что я и учинил, и делом сим так поспешил, что в начале месяца марта были они от меня в Петербург уже отправлены. По счастию, отъезжал около сего времени меньшой мой двоюродный брат Гаврила Матвеевич записываться на службу; почему и поручил я ему свое сочинение, прося, чтоб пакет сей отдать в Москве на почту.

Сие было первейшее начало переписки моей с Экономическим обществом и первое мое с ним заочное знакомство, которое послужило мне после того в толикую пользу. Я приложил к сочинению моему не только прекрасный и с отменною прилежностью выработанный рисунок, изображающий здешния земледельческия орудия, но приобщил еще и особое письмо с означением места, откуда оно отправлено и расположил все мое сочинение так, что необходимо должно было оно Экономическому обществу понравиться и вперить ему обо мне и о способностях и сведениях моих хорошее и выгодное мнение; а сие и воспоследовало действительно, как то вы сами после увидите.

Первым последствием от сего моего новаго дела было то, что сколько до сего я ни прилежал[1] к сельской экономии, но с сего времени охота моя увеличилась вдвое. Я властно как предчувствуя, что судьба предназначила меня быть со временем знаменитым экономическим писателем и что мне доведется писать много и обо многом, начал не только входить во все части сельской экономии с наивозможнейшим вникновением и прилежностию, и для удостоверения себя во всем предпринимать многоразличные опыты, но и все узнанное и примеченное записывать для себя в особую книжку,

[1] Увлекался, усердно работал.

назвав ее «Экономическим магазином», власно так, как бы предвидел, что некогда буду я и в печать издавать журнал под сим именем[1].

При сих экономических затеях и упражнениях ничто мне так не досаждало, как наша чрезполощина или то обстоятельство, что жил я в деревне не один, а с другими владельцами, и как полевая земля, так и все другия угодья были у нас в общем владении, и не в разделе, а пашенная земля разделена была подесятинно, и владение оною перемешано чрезвычайным образом.

Сие приносило с собою то досадное следствие, что мне и с собственными своими пашнями ничего особливаго предпринять было не можно, а с лугами и лесами и подавно, как с принадлежащими всем вообще, ничего особливаго, хотя бы и хотел, сделать было не можно. Словом, я связан был с сей стороны по рукам и по ногам и не только не знал, чем сему злу пособить, но и не предвидел и впредь никаких к тому способов. Ибо хотя я старался всячески преклонять важнейшаго совладельца и соседа своего, старика генерала, к разделу, когда не земли, так прочих угодьев, а особливо лесов наших так, как мы и разделили уже один заказ, называемый Шестунихою. Но сей престарелый старый воин всего меньше о том помышлял, и хотя наружно и казался быть на то согласным, но происходило то от сродного ему нечистосердечия и лукавства, и я легко мог усматривать, что у него сего раздела и на уме не было.

С сим престарелым, оригинальный характер имеющим родственником моим произошло около самаго сего времени одно странное, редкое и такое происшествие, которое всех нас своею особливостью удивило, и было власно как некаким предзнаменованием тому, что ему недолго жить осталось и что сей год будет ему в особливости бедственен.

В одну мартовскую ночь, когда всего меньше такого происшествия ожидать было можно, забрался жадный и голодный волк в его овчарню и похозяйствовал так хорошо над его овцами, что, целых три десятка их пе-

[1] «Экономический магазин, или Собрание всяких известий опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и для всяких нужных и небезполезных городским и деревенским жителям вещей в пользу российских домостроителей» издавался Болотовым с 1780 по 1789 г. и представлял собою сельскохозяйственную энциклопедию, выходившую выпусками при «Московских ведомостях». Материалы для него поставлял почти один Болотов, черпая их главным образом из иностранных экономических и сельскохозяйственных журналов, а частью и из своего богатого агрономического и хозяйственного опыта.

перезав, положил на месте, и сам после того успел благополучно скрыться и уйтить из деревни. Нас всех поразило такое необыкновенное происшествие и удивляло тем паче, что скотской его двор был внутри самого жила и почти под самыми окошками хозяина и в таком месте, куда бы, казалось, волку никоим образом отважиться и забраться было не можно.

В помянутых литературных упражнениях, а более всего в чтении разных, а особливо иностранных экономических книг, прошла вся достальная часть зимы, и у меня замечено было в мыслях столько новых дел для весны и лета, что я с нетерпеливостию дожидался вскрытия первой.

Наиболее занимался я тогда мыслями о лесах, ибо, начитавшись довольно в сочинениях иностранных о том, как с ними обходятся они, как делят на множество частей и рубят не без разбора, как у нас, а срубают ежегодно по части, и как метода сия мне очень полюбилась и казалась быть очень полезною, то хотелось мне неведомо как учинить то же и с своими лесами и рощами, состоящими в непосредственном моем владении; а всходствие того и разделив их на планах на множество разных частей, ожидал я с нетерпеливостию сошествия снега, чтоб раздел сей на части произвесть и в натуре, а потом чтоб первые части тотчас уже и вырубить; что я действительно и учинил. И как скоро снег сошел, то, разделив часть свою в Шестунихе на 30 частей, первую из них и вырубил; а таким же образом вырубил я части и в рощах своих здешней и калитинской.

Другое дело, которое я тотчас по вскрытии весны начал, состояло в снабдении ближняго сада своего какою-нибудь рубленою беседкою и в придании ему чрез то красы особой. Место под нее было у меня давно уже избрано и назначено. Оно было самое лучшее и то, где теперь красуется на горе мой «храм удовольствия», но тогда было оно пусто и далеко не таково просторно, как теперь. А беседка на сем месте срублена была самая та осмиугольная, которая цела еще и поныне, но стоит уже на ином месте и украшает собою всю нижнюю и наилучшую часть моего сада.

Не могу изобразить, сколь много забот, хлопот, но вкупе и удовольствиев произвела собою мне сия беседка. Я постарался после ее раскрасить и как можно лучше убрать по тогдашнему времени; а кстати, уже поправил и плотину сажелки, подле сего места находившейся, и сделав ее регулярною, усадил ее внизу в два ряда самыми теми лозами, которыя и поныне еще существуют и покрывают тению своею ту прекрасную сиделку, которая под плотиною находится перед фонтаном.

Но и, кроме сих, множество других и разных дел дожидалися уже вскрытия весны и сошествия снега; и не успела она вскрыться, как и начались безпрерывныя почти надворныя дела и упражнения разные. То сады, то поля, то рощи, то пруды, то другия части усадьбы занимали меня ежедневно, и не проходило ни одного дня, в который бы, находясь дома, не занимался я разными упражнениями, а вкупе не веселился красотами натуры. И сколь многия приятныя минуты и счастливыя часы не препровождены были в течение весны сей, и за все их обязан я наиболее своим садам и книгам.

Наконец 7-му числу мая назначено было доставить мне новое великое и до сего времени неизвестное удовольствие. Я упоминал вам в прежних моих письмах, что жена моя давно была уже беременна, а сего числа разрешилась она бременем, и я сделался отцом. Не могу вам довольно изобразить, какова была моя радость при рождении сего первенца из всех детей моих; с каким особым чувствием принимал я от всех поздравления и как приятно было мне, когда меня отцом называли.

Но сказать надобно и то, что удовольствие сие не даром мне досталось. Жена моя мучилась ровно трое суток сим первым ребенком и дошло до того, что мы все находились об ней в совершенном отчаянии и не думали никак ей в живых остаться. О, сколько вздохов и теплейших молитв не произнесено было мною к Небесам и с каким уничижением и усердием молился я Всемогущему! – Но с какою же живейшею благодарностию и поверг я себя и к стопам Его, когда достиг до ушей моих первый крик родившегося сына. Я не вспомнил себя от радости, и удовольствие мое было таково, что оное только чувствовать можно, изобразить же словами неудобно.

Перваго сего сына нашего назвали мы *Дмитрием*, и рождение его почитали столь важным, что не успел он родиться, как и разослали мы всех своих людей во все стороны извещать о сем, не только всем своим родным, но и ко всем своим знакомым, так как бы о каком важном происшествии. Многие из наших родных и друзей действительно тем интересовались и не преминули тотчас приехать к нам с своими поздравлениями.

Но никто не брал столько соучастия в сей радости, как тетка жены моей, Матрена Васильевна Арцыбашева, и любезный мой сосед и друг Иван Григорьевич Полонский. Оба они и давно уже назвались сами и обещались быть восприемниками от купели сего малютки, и 14-го числа

мая действительно нас тем одолжили. День сей был прямо для нас торжественный и все любившие нас более прочих удостоили нас в оный своим посещением; но за всю мою хлеб-соль и возможнейшее угощение чуть было меня шутя не уморили.

«Как это? – спросите вы. – И каким это образом?» – А вот как и по какому случаю. Всем моим друзьям и приятелям было как-то не совсем вероятно, чтоб я действительно ничего не пил и никогда, кроме одного случая в Ковнах, пьян не бывал, а все как-то думали они, что я притворничаю и взвожу на себя неправду, что будто бы мне пить никак было не можно.

Находясь в таких мыслях и желая в том удостовериться, сделали они против меня заговор и положили принудить меня неотменно напиться когда-нибудь пьяным. И как сей случай казался им к тому наиудобнейшим, то и сказано мне без всяких шуток от господина Полонскаго, что он действительно и никак крестить моего сына не пойдет, если я не дам обещание напиться при сем случае пьяным. Сперва почитая сие одною шуткою, отговаривался я, смеючись, но как увидел, что в самом деле того и неотменно от меня требуют, то и принужден был я дать сие обещание, а они не преминули постараться, чтоб обещание сие было и выполнено.

И не успел крестильный пир восприять своего начала, как и сделано было мне помянутое предложение.

Что было мне тогда делать? Хоть и не хотелось, но принужден был на то пуститься; и наслышавшись, будто бы человеку легче, если он напьется пьян каким-нибудь одним напитком, а не разными, просил их хотя сие мне дозволить. И как они на то согласились, то, избрав одно белое виноградное вино, и чередовался с ними, пьющими разные другие напитки. Но и оно так скоро меня опьянило, что я чрез несколько минут сделался совершенным дураком и шутом, начал всему смеяться, хохотать и врать околесную, сам не зная что, и смешить тем всех гостей, у меня бывших. Но сие все было еще сносно и хорошо; я хотя дурачился, хохотал, врал, но ничего не было дурного и оскорбительнаго, и может быть, и кончилось бы все сие ничем, если б не вздумалось гостям моим принудить меня выпить еще стакан аглицкаго пива.

Я отговаривался сколько мог, представляя им, что я не только пить, но не могу терпеть и его запаха; но все мои отговорки н упрашиванья не помогли, но еще пуще поощряли их настоять на то. Итак, принужден я

был сделать им и сие удовольствие, но пивцо сие меня уже и доконало. Не успел я его выпить, как и вздурилась во мне вся внутренная, произошла мучительная тоска и наконец такая страшная рвота, какую не производит никакое и рвотное; и как начинала она меня более 20-ти раз мучить и довела до самаго изнеможения, то не только перетревожились, но натрусились и перепугались и все мои гости и не знали уже сами, что со мною делать!

И с сего времени полно им меня принуждать делать в питье им компанию. Они увидели в самом деле, что мне пить не годилось, и стали меня всегда уже причислять к классу дам, чем я был и доволен. А случай сей хотя был мне и труден, но как самая рвота мне и помогла, то я скоро после того и поправился.

О происшествии сем упомянул я для того, что оно было единственное во всю мою жизнь, и потому в особливости достопамятно. Ибо хотя был я два раза пьян во все течение моей жизни, но умышленно и произвольно только сей один раз, а в первый случилось то нечаянно в польском городке Ковнах, как о том упоминал я в свое время.

Другою достопамятностию, случившеюся сею весною, можно почесть деланный мною тот славный опыт, который доказал, что овес несравненно лучше и выгоднее сеять гораздо мельче обыкновеннаго и что на хорошей земле урожай таковому может превосходить всякое вероятие; ибо у меня от посеянного в саду на грядке мелко и не глубже как на палец, овса действительно родилось от одного зерна 2197 зерен. Количество такое, которое всех нас удивило и подавало повод к заключению, что вперед будут у нас овсы лучше родиться против обыкновеннаго. Однако опытность и время доказало, что все сие великолепное открытие, по худобе наших полевых земель, не произвело мне ни малейшей пользы; но мы, несмотря на оное, остались при прежней методе, и овсы, при прежнем своем ничего не значущем урожае.

А столь же малую пользу произвели и все прочие деланные мною в сию весну опыты с разными хлебами, и вся польза состояла только в том, что я в сих занятиях с особливым удовольствием проводил свое время.

Не успел настать июнь месяц, как я обрадован был до чрезвычайности нечаянным и совсем неожиданным получением письма от Экономическаго общества из Петербурга. Как таких повсеместных почт тогда еще не было, какие учреждены у нас ныне, то письмо сие прислано было в каширскую воеводскую канцелярию, а оттуда с нарочным ко мне доставле-

но. Было оно благодарительное от имени всего Общества за присланное от меня сочинение, и в самом существе своем хотя ничего не значило, но для меня в тогдашнее время казалось неведомо как важным.

Я кичился тем, властно как великим каким приобретением, и поставлял себе то за великую честь, что сам президент того Общества и первая тогда знаменитейшая в государстве особа удостоила меня своею перепискою. Президентом сим был тогда у них граф *Орлов*, самый тот *Григорий Григорьевич*, который так меня любил в Кёнигсберге и который, сделавшись фаворитом государским, играл тогда знаменитейшую роль в России и без всякаго сумнения всего меньше обо мне думал и помнил. Но как для общества весьма нужны были корреспонденты, а особливо такие, как я, и надобно было повсюду их отыскивать и всячески их поощрять к дальнейшей с собою переписке, то им самим я был очень нужен; почему и не мудрено, что они тогда ко мне написали несколько строк и в оных, изъявив свое удовольствие о присылке моих ответов, изъявили желание свое о том, чтоб и впредь сообщаемо было от меня все мне известное.

Но как бы то ни было, но я получением письма сего был крайне доволен и по сродному всем любославию не преминул показывать его всем знакомым и незнакомым так, как бы сокровище какое.

Но не успел я еще от радости сей опомниться, как другое важное и также совсем нечаянно полученное известие и письмо, всю мою радость прервав, погрузило меня, напротив того, в печаль и огорчение превеликое. Пришли нарочные ходаки из Пскова и принесли мне такое известие, котораго неожидаемость привела меня даже в изумление и поразила как громовым ударом. Зять мой, господин *Неклюдов*, уведомлял меня, что Всемогущему угодно было прекратить век жены его, а моей старшей сестры Прасковьи Тимофеевны; и 19-е число марта был последний день ея жизни, а 26-го числа того ж месяца предано было и тело ее земле в их приходской церкви.

Не могу изобразить как жаль мне было сестры сей. Она была мне старшая, и я любил и почитал ее наравне с матерью и был ей в жизнь свою многим обязан, да и она любила меня отменно, и не одна слеза выкатилась у меня из глаз при узнании о ея кончине. Она была еще очень не стара, жила только 41 год и скончалась почти на ногах и в совершенной памяти, и сколько мог я судить, то смерти ее причиною была обструкция, сделавшаяся в правом боку и наконец прорвавшаяся.

Но как бы то ни было, но я чрез смерть ее лишился тогда и последней своей близкой и кровной родственницы, и остались только в живых дети от обеих сестер. От сей один только сын, а от меньшой сын и три дочери, из которых старшую, Надежду, взяла было к себе покойница сестра с тем, чтоб ее и выдать замуж с своим приданым, и как она по доброте ее нрава, характера и всего поведения любила ее как дочь родную, то осиротела тогда и сия бедняжка, и для ей удар сей был еще чувствительнее, нежели и для самого меня. Она принуждена была потом возвратиться в дом отца своего, женившегося уже на другой жене, и жить с молодою мачехою и меньшими сестрами.

Впрочем, достопамятен был сей месяц и некоторыми вещами, до экономии относящимися. Около самаго сего времени завел я у себя прекрасные цветы, пестрые ирисы, ездивши однажды в гости за Серпухов к тамошним родным жены моей, нашел я их в лесах тамошних и перенес их оттуда в цветники свои, чего они, по всей справедливости, были и достойны. Они и поныне еще украшают собою цветники мои и не посрамили бы и самые царские; а время и опыты научили меня как их удобнее и размножать можно.

Другое и важное экономическое предприятие, произведенное мною около сего времени, было перенесение хлебнаго гумна моего на то место, где оное ныне находится. До сего времени находилось оно по сю сторону прудов и прямо за воротами; овины были в такой близости от двора, что не один раз при горении оных подвергались мы опасности, чтоб от них не потерять всего дома. Итак, отчасти для избавления себя от сей опасности, а отчасти и для разширения новаго и большого сада своего тем местом, где было гумно и хлебник, а улицу тем, где стояли овины и были половни и сараи, перенес я все гумно и хлебник за пруды на полевую землю и назначил место как под гумно, так и для риги и молотильнаго сарая, котораго до сего времени у нас не было. И сие было первое распространение усадьбы моей за пруды и вершину.

Третье и того еще важнейшее дело состояло в подаче челобитной в межевую канцелярию о продаже мне земли в моей шадской деревне, что ныне лежит в Тамбовской губернии. О сей земле разсказывал уже я вам первейшие подробные обстоятельства недавно; но как она и покупка оной имеет великое влияние во многия происшествия жизни моей, и мне не-

редко об ней впереди говорить будет надобно, то и про теперешнюю подачу челобитной разскажу вам обстоятельнее.

Побудило меня к тому то обстоятельство, что в конце минувшаго года издан был тот славный Манифест о межеванье[1], который произвел во всем государстве толь великое потрясение и всех владельцев деревенских заставил так много мыслить, хлопотать и заботиться о всех своих земляных дачах и владениях. Повелено было размежевать все земли в государстве, и учреждены были межевыя канцелярии и конторы; составлен целый межевой корпус из землемеров и других чиновников, и как всем им поступать и что делать – предписаны формы и подробнейшие наставления в сочиненных для того и обнародованных межевых инструкциях.

Важность сего новаго дела была так велика, что у всех сельских и деревенских жителей объяты были все умы помышлениями и разговорами об оном. И как межевание сие долженствовало тотчас и начаться и около сего времени и действительно уже проводилось в Московской губернии и в уездах к оной принадлежащих, и в ближнем к нам городе Серпухове учреждена была межевая контора, то все начинали уже готовиться к оному и снабжать себя всеми нужными к тому сведениями и вещами.

Как помянутыя межевыя инструкции, а особливо канцелярская и конторская, составляли книгу, которою всякий запастись или, по крайней мере, прочесть старался, то легко можете заключить, что не преминул и я не только запастись оною, как скоро она вышла, но и несколько над нею по-

[1] Генеральное межевание – мера, предпринятая правительством для определения и укрепления границ земельных владений и выяснения земельных богатств и их распределения. Мера эта была проведена по требованию мелкого и среднего дворянства, обижаемого земельными магнатами. Она уничтожила остатки старого, неупорядоченного землевладения, споры о межах владений. В ней сказался и дух наступающего торгового капитализма, системы купли-продажи. Предложение о генеральном межевании было сделано еще в 1719 г. В.Н.Татищевым. В 1731 г. этот вопрос обострился, был издан особый указ, но межевание не произведено. В 1752 г. по предложению П. И. Шувалова вопрос стал разрабатываться, в 1754 г. учреждена особая комиссия и издана «Межевая инструкция», но до 1765 г. межевание не дало никаких результатов. Изданный в 1765 г. манифест был результатом работы специальной комиссии, выработавшей и особую инструкцию и правила, как производить межевание. Вопрос чересполосного владения решался только частично, главное было -- выяснение границ владений, земли межевали «не к именам владельцев, а к именам сел и деревень». Межевание производилось в чрезвычайном порядке, межевали даже в праздники. Помещики были всполошены, оно разрушало традиции, ломало многие старые границы – и межевание проходило со спорами, ссорами, стычками и даже убийствами, хотя спорщиков и строго наказывали – у них отбирали землю в казну. То, что Болотов так много места уделяет межеванию и принимает в нем горячее участие, говорит о том, что межевание очень близко затронуло интересы помещиков.

сидеть и поштудировать для узнания всего написанного в ней и для предварительнаго получения обо всем межевом деле надлежащаго понятия. А при сем-то случае увидел я, что не позабыты были никак и наши степные впусте лежащия земли, но их все велено было канцелярии московской распродать как завладевшим оными, так и другим охочим[1] людям.

Повеление сие сколько одних обрадовало, столько других опечалило и привело в задумчивость. Цена, назначенная сим землям, была совсем не такая, какой все ожидали, но вместо гривны за десятину, как все полагали и думали, определено и за самую впусте лежащую и никем не владеемую землю брать по 1 рублю за десятину, а с строевым лесом – по 3 рубля; а за завлаженную не иначе как тройную цену, то есть за пашенную и луговую по 3 рубля, а с лесом по 9-ти рублей. Цена, показавшаяся тогда всем чрезвычайною, хотя в самом деле была и она весьма малая и умеренная.

Но как бы то ни было, но все показавшие, из единой ненасытной жадности в завладении своем многия тысячи десятин, тогда ахнули и не знали, что делать. Доводилось иным платить по нескольку десятков тысяч, и хорошо, если кому было за что, и земли столько у них в завладении было, сколько ими показано. Но многие наклепывали на себя, чего не бывало, и долженствовали теперь платить многия тысячи понапрасну.

Точно сие случилось тогда с некоторыми из соседей моих в шадской, или тамбовской, деревне. Что ж касается до меня, то хотя и мне доводилось заплатить немалую и до несколька сот рублей простирающуюся сумму; но как она все еще была для меня сносная, то я радовался, по крайней мере, что поступил не по примеру жадных соседей моих и не навлек сам на себя несноснаго бремени, а напротив того, стал помышлять о том, как бы скорей воспользоваться сею государскою милостию и получить ту землю себе в покупку.

Худое состояние всех моих небольших деревнишек, крайняя малоземельность во всех оных и малое количество доходов, получаемых тогда и со всех их, которые в последний год простирались только до 480 рублей, суммы ничего почти не значущей, заставляли меня спешить помянутою покупкою, дабы чрез то хотя ту степную деревню снабдить довольным количеством земли и сделать ее доходнейшею. А о том же самом помышлял и брат мой Михаил Матвеевич, находившийся в сие время уже дома и в отставке.

[1] Желающим.

По особливому счастью, находился тогда при первом члене межевой канцелярии генерале *Штофельне*, один наш родственник, господин Арцыбашев, Афанасий Афанасьевич. И как он был в особливом у него кредите, то и хотелось нам воспользоваться сим в случае и чрез его основать сию покупку. Сие и удалось нам произвесть в действо. Мы списались о том с ним, и он уведомил нас, когда нам можно было подать о продаже нам сей земли челобитную. И сие-то прошение подали мы чрез его в сие время в межевую канцелярию, расположив оную сообразно с прежним нашим объявлением в комиссии о засеках.

Наконец, четвертою достопамятностию сего времени было то, что я, будучи ободрен благоволением, оказанным мне Экономическим обществом, и благосклонным принятием посланного моего к ним сочинения решился приступить к сочинению второго и от самого уже себя, и материю избрал к тому относящуюся до лесов и до рубки оных частями. Побудило меня к тому наиболее то, что я не только о лесах начитался в иностранных книгах и в особливости довольно, но предпринимал уже и некоторые опыты с ними, следовательно, мог составить некотораго рода систематическое и довольно полное сочинение о лесах и основать оное отчасти на теории, а отчасти на практике самой. И сие-то важное и, можно сказать, прямо полезное сочинение начато было мною в конце месяца июня.

Вот все, что происходило со мною в течение первой половины сего года, и вы согласитесь со мною в том, что период времени сей был довольно знаменит в моей жизни. Теперь следовало бы повествовать о том, что происходило со мною далее; но как письмо мое уже слишком увеличилось и мне давно пора бы его окончить, то дозвольте мне отложить то до письма последующаго, а между тем сказать вам, что я есмь и проч.

ХЛОПОТЫ

Письмо 122-е

Любезный приятель!

Вторая половина 1766-го года началась для меня небольшою отлучкою от дома, узнанием незнакомых мест и сведением новаго знакомства со многими до того неизвестными дворянами. Поводом ко всему тому и

к езде в Веневский уезд, где никогда еще не случалось мне бывать, была одна свадьба.

У тетки жены моей, да и у самой ей была одна родственница незамужняя из фамилии Арцыбашевых, по имени Надежда Афанасьевна. За сию девушку, довольно нам всем знакомую и всеми нами любимую, отыскался около сего времени жених из числа небогатых веневских дворян из фамилии *Кислинских*, а по имени Андрей Ефремович.

Как родители помянутой девушки, будучи также людьми небогатыми, весьма любили и почитали тетку жены моей и самую мою тещу, которой отец ея Афанасий Иванович доводился внучетный брат, то просили они всех нас помочь им в сем случае, и не только проводить невесту в помянутый уезд, но и быть на свадьбе сей с невестиной стороны мне отцом, а тетке Матрене Васильевне, матерью посаженными. Долг родства да и самой дружбы воспретил нам отказать им в сей просьбе, но мы паче с охотою готовы были оказать им сию услугу. Итак, мы все и целою компанией и ездили в то село, где жених имел свое жительство.

Оно лежало в Веневском уезде, и нам для квартирования до свадьбы отведен был особый дом господина *Бурцова*, а оттуда мы и отпускали невесту к алтарю. Как отец новобрачнаго был хотя небогатый дворянин, но добрый человек и самый старый драгун и добрый воин, то и свадьба сия была хотя непышная, но изрядная. Было гостей и народа довольно, ибо все соседственные дворяне его любили, и мы угощаемы были очень хорошо и так, что мы с удовольствием проводили те дни, которые у них пробыли.

И я имел удовольствие узнать при сем случае многих веневских дворян и свесть с ними знакомство, как то с господами: *Максимовым, Кислинским, Змеевыми, Крюковыми, Солнцевыми* и некоторыми другими. Но как жительство их было от меня не так близко, то и остались они только знакомцами, кроме новобрачного Андрея и брата его Ивана Ефремовича *Кислинских*, которые, сделавшись нам уже не чужими, продолжали и после с нами знакомство и дружбу.

Не успели мы с сей свадьбы возвратиться, как попали тотчас на другую. Старик, сосед мой, генерал отдавал падчерицу свою, а мою прежнюю невесту Елизавету Даниловну *Миткову*, за господина *Албычева*, молодого и очень хорошаго офицера из стоявшаго в Кашире полку, по имени Александра Андреяновича.

Свадьба сия была хотя к нам и ближе, но мы не имели в ней такого соучастия, как в прежней, и более потому, что свадьба сия была не церемониальная, а почти запросто по причине недомогания да и хотения старика хозяина. Со всем тем имел я при сем случае удовольствие узнать и полюбить новобрачного, который сделался потом мне приятелем, но, к сожалению, жил недолго, и вместо его был мне уже другом брат его родной, Алексей Андреянович Албычев, как о том упомянется впоследствии.

В конце сего месяца окончил я свое сочинение о *лесах*, и не успел сего великаго и в праздные часы, остающиеся от других моих упражнений, производимое дело кончить, как обрадован был опять присылкою ко мне из Экономическаго общества превеликаго пакета.

Я не знал, чтоб такое это было, но, распечатав, увидел, что было вновь напечатанная II часть «*Трудов*» Общества в прекрасном кожаном переплете, при письме от секретаря общества подполковника Андрея Андреевича *Нартова*, в котором писал он ко мне, что Общество, признав сочинение мое о Каширском уезде полезным и достойным напечатания, поместило оное во второй части «Трудов» своих и оную в знак благодарности ко мне посылает.

Сие было первое письмо, писанное ко мне от г. Нартова, который после сделался мне так полезным. Оно прислано было опять от генерала-прокурора князя *Вяземскаго* к Каширскому воеводе, а от сего с нарочным ко мне солдатом. Вот сколько околичностей требовалось тогда для таковых пересылок.

Теперь не в состоянии я никак описать вам того чувствования удовольствия, с каким разсматривал и читал я в первый еще раз напечатанное свое сочинение. Признаюсь, что для меня весьма приятна была та минута, в которую в первый раз увидел я свое имя напечатанным. Мысль, что сделается оно чрез то всему отечеству известным и некоторым образом останется безсмертным и увековечится, ласкало очень сильно моему самолюбию и вперяло уже некоторое особое о себе мнение. Я кичился тем и побуждался еще более мыслить о своем втором сочинении и о том, как бы его скорее переписать набело и отправить в Петербург. Что ж касается до помянутаго перваго, то было оно без всякой переправки напечатано, а приобщен был к нему и самый мой рисунок, выгравированный точь-в-точь и очень искусно.

Сколько доволен был я сим неожидаемым происшествием, столько же обрадованы были тем и обе мои семьянинки, а особливо моя теща. Но я не преминул тотчас свозить книжку сию для показания и прочтения и другу моему, Ивану Григорьевичу Полонскому. И сей в радости и удовольствии моем воспринимал искреннее соучастие и, поздравляя меня с сделанием имени и способностей моих известными, как друг, советовал мне продолжать переписку мою с Обществом и делаться ему чрез то от часу знакомее, говоря, что сие не только сделает мне честь, но и Экономическое общество, составленное из столь знаменитых людей, может быть, впредь к чему-нибудь мне пригодится. Что впоследствии времени и действительно воспоследовало...

Наступивший засим август месяц принес с собою опять одно важное происшествие в нашей фамилии.

Болезнь старика соседа моего, генерала, так усилилась, что угрожала пресечением его жизни, и как никто в том уже не сомневался, то прислали нам сказать, чтоб мы пришли с ним проститься. Мы тотчас и побежали туда и нашли его действительно в такой уже слабости и изнеможении, что спешили его не только исповедать и причастить, но и особоровать маслом и тем приготовить его совсем к отшествию на тот свет. Он и преселился туда на другой день после сего, то есть 3-го августа, действительно.

Я не могу сказать, чтоб мне сего престарелаго родственника моего слишком жаль было. Он поступками и характером своим не приобрел както от меня ни особой любви, ни почтения, а сомневаюсь, чтоб кто-нибудь иной любил его искренно. Странный, удивительный и даже оригинальный его характер приносил уже то с собою, и он был таков, что я сомневаюсь в том, чтобы он имел во всю жизнь свою у себя хотя одного искреннего друга. Однако не могу сказать, чтоб видел я от него что-нибудь и худое и имел причину за то его ненавидеть; а по всему тому и сожалел я о нем так, как сожалеть должно о пресечении жизни такого родственника, который чином своим делал честь нашей фамилии, а сверх того, был в оной и старший.

Как по смерти его не осталось уже никого из рода нашего старее меня, то я, сделавшись чрез то главою и начальником всего нашего маленькаго рода, взял на себя попечение о его погребении, а особливо потому, что сына его, котораго одного он только и имел, не было тогда дома, а находился он в службе и служил в гвардии капралом.

Мы созвали к сему случаю всех его ближних родственников и погребли его чин чином, и как надобно и непостыдно было для такого чиновника, и положили его под церковью рядом с покойною его первою и едва ли не от него жизнь потерявшую женою, против амвона несколько влево, выстлав могилу его, по обыкновению, кирпичом.

Прочее время сего месяца достопамятно было тем, что занимался я в оное деланием себе домашней деревянной астролябии с ромбами. Выделка сия была моя собственная и была очень удачная; мне удалось смастерить прекрасную и очень верную астролябию, в которой одна только стрелка была купленная, а прочее все было домашнее; и она так была удобна и неубыточна, что я, во время издавания мною «Экономическаго магазина», увековечил даже ее сообщением свету не только подробнаго описания, но даже самого рисунка оной. Приближающееся межеванье и хотение снять все свои земли предварительно на план и измерить аккуратно, было к труду сему мне побуждением.

Другое замечания достойное было то, что около сего времени у соседа моего, Александра Ивановича Ладыженскаго, родился тот второй сын его Иван, с которым ныне судьба довела меня жить в соседстве и в дружбе и коего приязнию я очень доволен. И как всех детей крестил у него уже я, то были сему его сыну восприемником вместе с женою г. Полонскаго, Анною Алексеевною.

Между тем как все сие происходило, во все праздное время занимался я переписыванием набело второго моего сочинения, назначенного для отсылки в Экономическое общество, и трудился над тем с такою прилежностью, что оное у меня к 2-му числу сентября и поспело. И так я и отправил оное в Москву с поехавшим туда, для своих нужд одним заводским немцем, и случилось сие в самый тот день, в который я за четыре года до сего приехал из службы жить в деревню.

Не успел я сие дело кончить, как новое происшествие обратило к себе все мои мысли и внимание. В Тарусской уезд прислан был уже землемер и начал межевать, а как в сем уезде находилась деревенька тещи моей, или паче принадлежащая всем нам, по названию Волнино, и была еще не межевана, а на ней почти прежде бывшее и так называемое Шуваловское межеванье остановилось, и потому очередь должна была очень скоро дойтить и до нашей деревни, то надобно было мне самому туда ехать, войтить во все обстоятельства, спознакомиться в первый раз с межеваньем и учи-

нить все нужное в пользу деревни нашей. Как деревня сия принадлежала хотя одной моей теще, но земляная дача была вообще у ней с невесткою ее, Матреною Васильевною, то обе они снабдили меня верющими письмами и поручили мне сие их общее дело в полную волю.

Мне и удалось начать и произвесть оное более нежели с вожделенным успехом, но и стоило оно мне немалых трудов и хлопот. Я, приехав туда и объехав всю дачу, нашел обстоятельства самыя скверныя. Дачка наша сама по себе хотя и не была еще межевана, но обмежеванными уже соседственными другими дачами была почти вся кругом окружена так, что оставался только малейший и не более как только сажен на десять длины клочок не пройденный межею и необмежеванного места. И сие-то узенькое место стоило только тогда пройтить новому землемеру.

Сие бы, впрочем, и хорошо, и нам бы меньше трудов стоило при межеванье, если б с тем другого и крайне досаднаго обстоятельства, а именно того, что дача наша была очень неполна и по измерению оказалось, что недоставало в ней точно целой половины против числа крепостей наших на оную. А что всего хуже, то никто из жителей тамошних не знал, куда она делась и по какому случаю ее так много убыло, и где бы нам ее при тогдашнем межеванье отыскивать было надобно?

Но сей последний вопрос не трудно было решить. Оставался только, как выше упомянуто, маленький промежуток недомежеванной земли с близлежащим селом Хомяковым. Итак, искать ли, или не искать, оставалось только в Хомяковской даче, ибо другия все были уже замежеваны и чрез рубеж перейтить было уже не можно. Но была ль или нет в Хомяковской даче примерная и излишняя земля, которою бы нашу дачу наполнить было можно, о том никто не знал и не ведал.

При таких смутных и дурных обстоятельствах долго не знал я, что мне делать, но наконец другого не нашел, как воспользоваться помянутыми маленькими воротцами, допускающими сколько-нибудь вход в постороннюю дачу, и, заспорив в оном месте, отхватить спором наобум из Хомяковской дачи такое количество, какое могло б достаточно быть для наполнения недостатка в нашей даче, и учинить сие прямо наудачу и в надежде, что авось-либо найдется там множество примерной земли и будет чем им с нами поделиться.

В сем намерении и старался уже я не упустить самаго того пункта времени, как землемер придет к нашей даче и к помянутым воротам. По осо-

бливому счастию, случилось так, что землемер сей был немец и человек очень добрый, по имени Христофор Егорович, а по прозванию господин *Унферцагт*. Он не успел меня увидеть, не успел узнать и услышать, что я говорю по-немецки и очень хорошо, как и полюбил уже меня и сделался мне приятелем, и потому и дал мне волю спорить и отводить заспоренное место, как я хочу. А сею благосклонностию воспользуясь, и заспорил я на помянутом месте и отхватил от хомяковских более 150 десятин земли и на большую часть с прекрасным строевым лесом. Сие последнее сделал я по той необходимости, что вся земля Хомяковской дачи, лежащая в смежности к сему месту, была под лесом.

Спор сей многим казался совсем нескладным, и не только кому иному, но и самим мужикам нашим, и я признаюсь, что и сам я был не лучшего об нем мнения. Однако, он удался, против чаяния всех, лучше, нежели кто мог думать и ожидать. Ибо как по измерению Хомяковской дачи оказалось в ней земли такое великое множество против крепостей в излишестве, что и за наполнением нашей, и за всем удовлетворением по закону оставалось еще много лишней, которую следовало отрезать на государя; то как стали нас потом по обыкновению мирить, то самая необходимость и опасение, чтоб не потерять множайшаго количества, принудила хомяковских со мною помириться и добровольно отдать мне все то количество, сколько я требовал и даже и с лесом. Но надобно сказать, что и я поступил в сем случае довольно к ним снисходительно и в уважении леса согласился взять земли гораздо меньше, нежели сколько б мне по законам получить было можно. Чем они, будучи довольны, подали тогда же обще со мною о том полюбовную сказку.

Нельзя изобразить, как удивились все наши тамошние мужики неожидаемому сему и толь скорому и легкому приобретению и сколь высокое мнение получили о моем искусстве. Но признаюсь, что и сам я очень был тем обрадован и доволен успехом, превзошедшим собственное мое ожидание; что ж касается до обеих владетельниц, тетки и моей тещи, то радость о том была их чрезмерная, и они превозносили меня до небес своими похвалами.

Но не успели хомяковские сего сделать, и я не имел еще времени землю сию принять в свое владение, как некакой злой дух подстрекнул их нарушить добрую веру и совесть и вздумать уступленный мне помянутый лес, котораго более 100 десятин было, срубить. Они, выждав меня оттуда

и в мое отсутствие нагнали множество народа, и ну рубить лес и возить в свою деревню.

Ко мне прискакали тотчас гонцы о том с известием, и я, досадуя на сих вероломных и недовольных моим снисхождением, поскакал тотчас в Серпухов в межевую контору и употребил все, что только мог, к снисканию себе защиты и удовлетворения по законам, и довел их наконец до того, что они раскаялись в своем глупом предприятии и просили меня уже из милости дело сие и просьбу на них оставить, и брались удовлетворить меня полюбовно всем, что мне было надобно; чем я был и доволен, и будучи сам не охотник до хлопот по приказным делам, охотно на то согласился и дело сие кончил с ними миролюбиво и с довольною для себя выгодою.

Со всем тем не без трудов и не без хлопот обошлось мне при производстве сего межевого дела. Я принужден был несколько раз ездить и в Тарусу, и в Серпухов и хлопотать с межевыми в межевой конторе и с городскими по воеводской канцелярии. Но на то и доставил мне сей случай в обоих сих местах много новаго знакомства.

В Тарусе случились тогда находиться при должностях дальние родственники тещи моей, Петр Михайлович *Недобров* и Петр Сергеевич *Селиверстов*, с которыми свел я при сем случае короткое знакомство, и у перваго при всех моих приездах в Тарусу я квартировал.

Кроме сих, к особливому удовольствию моему, не только спознакомился, но и свел даже дружбу с живущим неподалеку от Тарусы довольно зажиточным дворянином, Осипом Васильевичем *Гурьевым*, человеком добрым, любопытным, великим охотником до садов и до экономии и дальним моим и жениным родственником. Я давно уже, наслышавшись об нем, искал случая спознакомиться с сим домом короче, но до сего времени не было к сему удобного случая. А в сие время бывали мы несколько раз у него с межевщиками и с тарусскими господами и гащивали иногда у него дни по два, по случаю псовой охоты, к которой он был привержен и увеселял гостей своих нередко звериною ловлею, ездя с ними вместе на поле.

При напоминании о сем приходит мне на память и то, как было от сей проклятой охоты, чуть было я не сломил себе головы. С того времени, как маленького меня чуть было до смерти не убила лошадь при езде за зайцами, хотя и ненавидел я сию охоту, но тут не мог никак отговориться, чтоб не ехать вместе с хозяином и со всеми гостями на поле, и когда не для травли зайцев, так, по крайней мере, чтоб быть зрителем, как дру-

гие травить станут. Почему и выпросил себе лошадь посмирнее и поехал с тем, чтоб мне отнюдь не скакать, а быть только зрителем; но статочное ли дело? – Проклятая охота сия, кажется, и произведена на свет для того, чтоб людям, выходя из самих себя, терять ум и память и делаться хуже скотов безсмысленных!

Я сколько ни философствовал, едучи в сей раз на поле и как ни старался о том, чтоб поставили меня, как не имеющего у себя собак, где-нибудь в укромонном и таком местечке, где б мог я только быть издали зрителем их гоньбы и скаканья, но вся моя философия вспыхнула и исчезла как дым, как скоро увидел я пред собою зайца! – Проклятая скотина!..

На меня-таки и прямо под мою лошадь скоса и надобно было ему выскочить, как начали их везде по кустам их шарить. И тут единой секунды и единого воззрения на него довольно было к тому, чтоб лишить меня всего разсудка и довесть до того, что я, забыв себя и забыв все на свете и все опасности, забыв и то, что у меня не было ни собаки, ни пистолета и ничего, кроме одного прутика в руках, а закричав и завопив, как сумасшедший, бросился и поскакал без ума, без памяти вслед за побегшим от меня прочь зайцем и поскакал так, как родясь еще никогда не скакивал, и тем паче, что имел под собою и лошадь, издавна к тому приученную.

Но ежели б спросить меня тогда, зачем и с каким намерением поскакал я тогда за зайцем: поймать что ли я его хотел, но чем? Руками что ли, или лошадью хотел стоптать? То устыдился б я сам себя и захохотал бы своему безумию и не знал бы, что сказать. Равно как и теперь истинно не знаю и не понимаю, как в единый миг могла взойтить на меня такая блажь, что я без памяти поскакал, сам не зная куда и зачем и до тех пор скакал покуда прискакал к престрашной, преглубокой и такой крутой водороины, что, слетев в нее стремглав, в тот же бы миг отправился на тот свет, если б, по особливому счастию, приученая к таким случаям лошадь, прискакав к сей страшной рытвине, и не более как на пядень от нее вдруг не остановилась. И тогда только, увидев пред собою очевидную пагубу и бездну, опомнился я и, перекрестясь, сам своему безумию постыдился.

С того времени полно мне было ездить с ними на поле за охотой, и сколько они меня ни упрашивали, но я откланивался им и хотел охотнее оставаться дома и гулять по прекрасным его садам или заниматься разговорами с хозяйкою и ея дочерьми, которыя все были превеликия экономки и до всего охотницы.

Что касается до Серпухова, то там по сему же случаю и должен будучи иногда дни по три и более проживать, познакомился я не только с межевыми конторскими, но и с самыми городскими и полковыми, ибо тогда случилось тут стоять Черниговскому полку, в котором служил родственник наш Иван Афанасьевич *Арцыбашев*, у котораго я обыкновенно и квартировал в сии приезды.

Полковником был тогда в сем полку Иван Александрович *Заборовский*, а главными в межевой конторе гг. *Брянчанинов* и *Софонов*. У всех я их, равно как и у воеводы г. Дурнова и его товарища бывал и со всеми, при помощи помянутаго родственника моего, спознакомился и многих знакомство обратилось мне после в пользу.

В помянутых происшествиях прошел почти весь сентябрь месяц, но межевыя хлопоты и в оный еще не окончились, но мне досталось похлопотать и в октябре месяце и даже и в самом ноябре, и в сем последнем, ездивши в Серпухов, перебираться с великою опасностью чрез Оку, во время самого ее замерзания. И хотя хлопоты сии мне и понаскучили, но я получил от них сугубую пользу. Во-первых ту, что спознакомился короче со всем межеваньем и сделался по сей части уже более других знающим. Во-вторых, ту, что получил немалое себе приобретение и в особливости ту пользу, что мог всю вновь примежеванную к тарусской нашей деревне землю отдать актом на часть тетке Матрене Васильевне, а сам остался уже один владельцем в деревне Волниной. Примежеванной же лес мы наперед сообща продали на срубку, а тетка продала потом и всю часть свою, и купили у ней ее те же хомяковские жители, от которых она была отмежевана, чем и кончилось все сие дело ко взаимному и общему всех нас удовольствию.

Что касается до месяца октября, то оный ознаменовался наиболее возвращением из Петербурга в дом новаго соседа моего и сына умершаго генерала, Матвея Никитича. Я старался сколько мог преклонить его к себе в дружество, и успех имел в том нарочито изрядный. Он хотя и заимствовал несколько из характера отца своего, однако все был лучше, откровеннее и чистосердечнее и обходился со мною и братьями моими дружески и как добрым соседям надобно было, так что я не мог ни в чем на него тогда жаловаться. Сверх того, имел он и сам во мне нужду и надобность.

После покойника осталась вторая жена, а его мачеха, и с нею надлежало ему развестись и в наследстве разделаться. Но как он, по молодости

и неопытности своей, не мог сам войтить в сие дело, то и просил он меня войтить в оное и развести его с мачехою, на что я охотно и согласился, и мне посчастливилось развесть их так, что они с обеих сторон остались довольными. А мачехе его я так тем услужил, что она поступила далее и согласилась всю полученную ею на седьмую часть земляную дачу, кроме людей, продать нам с братьями за весьма сходную цену, и тем нас очень одолжила.

Не успел я сего важнаго дела в пользу соседа своего кончить, как, пользуясь его к себе доверием и благосклонностию, восхотел я его преклонить и к полюбовному разделу с нами всех наших лесов и отхожих пустошей, словом, всего, что только разделить было можно. Обстоятельство, что я имел у себя астролябию и при помощи оной мог аккуратнейшим образом все оныя снять на план, и, вычислив, сколько в них земли и всяких угодьев, расчислить и разрезать оныя наиточнейшим образом всем по числу дач, и уверение, что я ни в чем не сфальшивлю и во всем том разделе поступлю наичестнейшим образом, и побудило его как и обоих моих двоюродных братьев, Михайлу и Гаврилу Матвеевичей, на предложение и желание мое согласиться.

А как мне хотелось ковать железо, покуда было оно горячо, и пользуясь их согласием, учинить тому разделу и начало, то и согласились мы начать оной разделением того небольшого лесочка, который находится подле самой нашей деревни; вырос по крутому косогору высокого берега реки Скниги и известен был издревле под именем *Удерева*, и как лес в оном не везде был равен, то и положили мы оный весь наперед срубить и, разделив срубленный лес между собою, разделить потом и находящуюся под ним землю.

Все сие и произвели мы в течение октября месяца и прежде еще наступления именин моих. И не успели мы помянутым образом лесок сей весь сообща срубить и, лес разделив, развесть по дворам, как, обновив астролябию свою, и снял я тотчас место сие на план; а потом, расчислив, сколько из онаго каждому из нас доводилось по числу дач, разрезал на столько частей и предложил, чтоб для лучшаго безпристрастия кинуть жеребий, где кому достанется, что все и учинено было. Когда же мы получили чрез покупку всю седьмую часть от Софьи Ивановны, то пасынок ее поступил далее и согласился всю свою часть в Удереве променять нам на седьмую

часть из его Шестунихи, которую, по силе покупки, получить нам от него следовало, а чрез то и остался он отчужденным навек от Удерева, а мы разделили оное уже одни с братьями. По удачном же окончании сего раздела приступил я тотчас к сниманию на план и прочих наших лесных угодьев, а особливо в пустоше Шаховой.

Помянутый раздел Удерева был последним делом в 28-й год моей жизни, ибо в следующий затем день наступил уже мне 29-й год.

Я праздновал по обыкновению и в сей год свои именины и гостей было у меня довольно. Впрочем, сей день ознаменовался тремя достопамятными случайностями: во-первых, тем, что службу у нас и в церкви совершал в первый раз еще наш молодой поп Евграф, усыновленный племянник отца Иллариона, которому он и уступил при жизни своей место. Во-вторых, тем, что сделался у нас было в сей день пожар: загорелась было кухня, но мы ее удачно и скоро потушили. А в-третьих, наконец, что приезжал к нам в сей день в первый еще раз из Тарусы новый мой приятель, Осип Васильевич *Гурьев*, со всем своим семейством и прогостил у меня трое суток. Мы препроводили сей день довольно весело и все гости, кроме немногих, у меня ночевали.

Между тем как все сие происходило, свирепствовала в селении нашем сильная оспа и наконец зашла и к нам во двор, а в конце месяца октября заразила и нашего малютку. Болезнь его сперва озаботила, а потом и огорчила нас всех чрезвычайным образом; ибо мы вскоре и уже при самом начале болезни его увидели, что оспа его была дурная и опасная. Она и похитила у нас сего первенца к великому огорчению его матери. Я и сам хотя пожертвовал ему несколькими каплями слез, однако перенес сей случай с нарочитым твердодушием: философия моя помогла мне много в том, а надежда иметь вскоре опять удовольствие видеть у себя детей, ибо жена моя была опять беременна, помогла нам чрез короткое время и забыть сие несчастие, буде сие несчастием назвать можно. Мы погребли его в тот же день, подле алтаря с правой стороны и в самом том месте, где покоится прах и внуки моей *Екатерины*.

Всю достальную часть осени сего года, а отчасти и первые месяцы наставшей потом зимы проводил я на большую часть в разъездах отчасти по межевым делам в Серпухов и в Тарусу, отчасти по гостям и знакомым, а особливо новым, которых было в сей год довольно. Не упускал однако

я иметь попечение и о домашнем, и в праздное осеннее время занимался кое-каким мелким строением, помышляя уже вкупе и о новом доме, который затевал я в мыслях себе строить. Ветхость и мализна прежняго начинала мне уже несколько скучать. Итак, прожектирован был новому дому не только план, но я поступил и далее, и в праздные длинные осенние и зимние вечера смастерил и прекрасную разборную модель оному, устроив ее так хорошо, что все ей дивились и с любопытством разсматривали.

Занимался я также в осеннее время и своими садами; когда же наступившая стужа не дозволяла более время свое провождать на воздухе, а принуждала сидеть в тепле, тогда книги и литература была моим занятием. Я провождал время свое и провождал с удовольствием отчасти в чтении, отчасти в писании чего-нибудь. Сие последнее было издавна моим любимейшим и таким упражнением, которое мне после трудов почти отдохновением служило. В сей раз занимала меня наиболее моя «Детская философия», ибо как она всем читавшим ее в особливости нравилась и все превозносили ее похвалами, то сие побудило меня не только переписать ее набело, но приступить и к продолжению сего моего сочинения, в чем и препроводил я несколько времени.

Наконец наступление нашего деревенского праздника, Николина дня, отвлекло меня на несколько дней от моих литературных упражнений. Мне хотелось и в сей год поступить по примеру наших предков и отпраздновать оный не одному, а с приятелями моими и знакомыми; в особливости же хотелось мне в сей день поподчивать и угостить у себя тарусских межевых в благодарность за их к себе благосклонность. Они приезжали ко мне из Тарусы, взяв в проводники себе г. *Гурьева*, котораго опять имел я удовольствие видеть и угощать у себя в доме в соответствие его угощениям меня и всем оказанным ко мне ласкам. И как и кроме их было у меня и других гостей довольно, то провели мы сие время очень весело, и я заключил празднество сие небольшим фейерверком, которым снабдил меня из Серпухова дядя жены моей и мой друг Иван Афанасьевич *Арцыбашев*.

Сие было последнее сколько-нибудь достопамятное происшествие в сем годе, ознаменовавшимся толь многими происшествиями; а что воспоследовало после, о том предоставляю говорить в моих будущих письмах. Сие же сим окончив, скажу, что я есмь ваш и прочая.

РАЗДЕЛ БРАТЬЕВ
1767

Письмо 123-е

Любезный приятель!

Сколько изобилен был 1766-й год разными до меня касавшимися происшествиями, столько тощ и скуден был, напротив того, последующий за ним 1767-й год. В оный происходило столь мало важных и прямо до меня относящихся происшествий, что я мог бы его почти совсем миновать или на коротких только словах вам сказать, что я и его препроводил благополучно и живучи в милом сельском своем уединении и удалении от большого света так хорошо, что я и не видал почти как он протек, и если б не продолжаема была мною начатая с прошедшаго года ежедневная всем происшествиям записка, то не мог бы даже и вспомнить всех сколько-нибудь замечания достойнейших происшествий, случившихся в течение сего года как со мною, так и с моими домашними.

Не имел я себе никаких особливых и важных радостей и удовольствий во все продолжение оного, но не было и никаких особливых и важных огорчений и неприятностей таких, которыя бы могли нарушать то спокойствие дней моих, которым я безпрерывно почти наслаждался, и, наслаждаясь оным, ощущал в знатном градусе то истинное блаженство жизни, за которым толь многие гоняются, но толь немногие находят.

Помогало мне в том наиболее то, что я не переменял никак прежняго образа жизни и поведения своего, а продолжал жить по-прежнему. Не давал себя мучить ни любославию, ни властолюбию, ни самолюбию с корыстолюбием; а был и старался быть довольным тем, что имел, не роптал на судьбу, для чего не имел я множайшаго; не сетовал на то, для чего тысячи других людей были меня знатнее и богатее, но всего меньше о том помышляя, измерял паче счастие свое жребиями тех множайших еще людей, кои меня несравненно еще беднее и несчастнее!! Утешался тем, что я был еще в тысяче вещах их счастливее и при всем небогатстве своем не только наедался и высыпался не менее, как и самые богатейшие и знатнейшие люди, но духом несравненно еще их спокойнее и веселее был.

Я жил, не завидуя никому и ни в чем, не домогался ничего надмеру, а того паче с неправдою; обходился со всеми дружелюбно, просто, безхи-

тростно, чистосердечно, откровенно, ласково и снисходительно, и за то был всеми любим и почитаем добрым человеком, а сие для меня было всего дороже. И как я старался всегда и всем быть довольным, то и не терпел я ни в чем дальняго недостатка, и был с сей стороны уже счастлив.

Но сие счастие увеличивало еще несказанно привычка не сидеть никогда без дела и без всякаго упражнения, ибо безпрерывное занятие себя чем-нибудь любопытным и веселым, как, например, летом садами и увеселениями красотами и прелестьми натуры и предприниманием тысячи разных любопытных дел и упражнений, а осенью и зимою чтением, рисованием, писанием или деланием и мастерением чего-нибудь, доставляло мне несметное множество минут приятных и прямо счастливых, и я, не зная никогда скуки, вел самую счастливую и столь веселую деревенскую жизнь, что не желал никакой лучшей!

Вот краткое изображение истории сего года; а впрочем, наизнаменитейшим и прямо до меня относящимся происшествием было то, что в марте месяце сего года разрешилась жена моя вторично бременем, и в сей раз родила мне уже дочь и самую ту, которая многие годы утешала меня отменною ко мне своею ласкою и любовию, доставляла мне несметное множество минут приятных в жизни и была старшею из всех детей моих, достигших до возраста совершеннаго. Произошло сие в 27-й день помянутаго месяца, ввечеру, и мы назвали ее *Елизаветою*.

Я был ей столько же рад, как прежде и сыну и был весьма удален от того, чтоб, по примеру многих других отцов, досадовать или роптать на судьбу, для чего произвела она не сына, а дочь, но почитал все даянием Божеским, почему и хотел было также сделать и крестильный ее пир как можно лучшим; но бывшая в самое то время половодь и распутица не допустила почти никого к нам приехать и были только прежние кумовья: друг мой Иван Григорьевич Полонский и тетка Матрена Васильевна Арцыбашева, с которыми мы праздник сей и отпраздновали.

Другое было то, что я чуть было однажды не схлебнул горячки прежестокой. Случилось сие в октябре месяце и в начале моего 30-го года. Я три дня почти уже лежал, и все думали, что будет горячка, но я благополучно и в сей раз оточхался и отпился травами. Впрочем же, во все течение года сего был здоров, хотя был он крайне нездоровый.

Самое начало онаго ознаменовалось повсеместною перевалкою и все почти государство было больно кашлем, головною болью и ломом. Одна-

ко нельзя сказать, чтоб было много умирающих. От сей болезни не освободилась даже и жена моя, но отдала ей долг вместе с прочими.

Проводил я сей год наиболее в сотовариществе соседа своего и брата двоюроднаго, Михаила Матвеевича. Он в прошедшем еще году, испросив себе отставку от военной службы, приехал к нам жить в деревню и по приезде тотчас стал помышлять о том, как бы ему разделиться с меньшим своим братом Гаврилою Матвеевичем, собиравшимся только иттить в службу. Важное сие дело некому было иному произвесть, кроме меня. Покойный дядя мой, а их отец препоручил обоих их мне в попечение, и заклиная их слушать и почитать меня, как отца. Я и старался сколько мог долг сей выполнить; а как и они делали мне в сем случае доверие и оба о том просили, то охотно и приступил я к сему важному и для обоих их нужному делу.

Произвесть сие не таково было легко, как сперва казалось. Оба они были характеров не весьма хороших, а что того хуже, разных и несогласных. Оба корыстолюбивы, оба рьяны, горячи, вспыльчивы и неуступчивы. Оба завидливы, оба воспитанные просто, без малейшаго образования душ и просвещения, и потому не имеющие никаких благородных склонностей и правил. И как судя по сим их свойствам, я мог легко предвидеть, что в состоянии они будут о всякой мелочи спорить и браниться, ежели предварительно не употребить нужной к тому предосторожности, то я не упустил сего из виду и избрал к тому следующий особый путь.

Как одному из них надлежало оставаться в отцовском доме, а другому выходить вон и строиться на новом месте, и никто из них охотою на сие не шел, то присоветовал я им предать сей важный пункт жребию. Но прежде кидания онаго и покуда никто из них не будет еще знать, кому из них выходить вон, условились бы они и согласились во всем, что и что именно тому дать, кому по жребию достанется выходить на новое место и какия выгоды должен он получить пред остающимся в прежнем доме.

Цель моя при том была та, что как они еще не знали, кому выходить доведется, то будет каждый из них, определяя выгоды отходящему сам себе, прочить, следовательно, в назначении помянутых выгод поступать станет наибезпристрастнейшим образом. А таким же образом уговорил я их кидать жребий и обо всем прочем, о чем было только можно; но прежде кидания жеребья также все надвое справедливейшим образом разверстывать. А сия предосторожность и произвела мною желаемое и то, что они при посредстве моем и разверстались во всем, и уравняли все и даже са-

мые безделки и мелочи так хорошо, что оба остались и мною и жребием своим совершенно довольными.

Сей жеребий кидали они торжественно у меня в доме при всех случившихся у меня гостях; ибо случилось сие в самый день именин жены моей, 18-го марта. И как досталось в отцовском доме остаться меньшому, а старшему отходить и строиться на новом месте, то мы в тот же день по приглашению и ездили все в дом к новому хозяину для поздравления его с отцовским домом.

Теперь, не ходя далее, остановлюсь я на минуту и разскажу вам одно смешное происшествие, доказывающее, сколь нужна при разделах такая предосторожность, какую употребил я при разделе моих двоюродных братьев.

Они всем и всем, что разровнено и записано было на бумаге и предварительно обоими ими скреплено были довольны и ни о чем из всех важных вещей не было у них ни малейшаго спора. Но каким-то случаем упустили все мы одну, по-видимому, сущую безделку из примечания, или лучше сказать, все об ней совершенно позабыли. Безделка сия не иное что была, как маленький хмельник, находившийся в углу одного из садов их. Сей хмельник вышел как-то у всех нас из головы и мы совсем об нем позабыли, и потому в раздельной не сказали о том ни слова.

Но какую важность мог составлять бездельный и ничего незначущий хмельник сей? Не всего ли кажется легче можно было им его разделить и, размерив пополам, дать одному свою половину выкопать... Но статочное ли дело, и таковы ли были братцы и характеры их!.. Но безделка сия в состоянии была их не только разсорить, но так разгорячить и довесть до такого безпамятства и непростительного дурачества, что они не только разругались, но даже вцепились друг другу в волосы и ну друг друга таскать вповолочку на самом хмельнике этом в то время, когда старший по наступлении весны пришел в сад и стал половину хмеля себе выкапывать, а другой, которому показалось, что он берет много, стал ему спорить и не давать оного.

Вот до чего доводит людей, не имевших добраго воспитания и чуждых всякаго просвещения, пылкость страстей! Все произошло от того, что оба они были рьяны и неуступчивы, что не сказали наперед мне о том и не призвали меня для размерения бездельнаго хмельника сего. А по сему

судя, чего бы не могло произойтить между ними, если б не употреблено было мною помянутой предосторожности в других и важнейших вещах?

Я, услышав о том, и смеялся, и хохотал, и досадовал на обоих сих героев и не преминул гораздо потазать их обоих за такую непростительную глупость, которой они сами потом стыдились; но надобно сказать, что и повод к тому подал наиболее сам хмель. Оба они были смолоду с ним както знакомы, и едва не оба они были тогда на девятом взводе. Но как бы то ни было, но хмель сей и отмстил обоим им за сию сделанную ими на себе неблагопристойность. Оба они через несколько лет после того и во гроб пошли от излишней приверженности к сему произрастению.

Но я возвращусь к прежнему и скажу вам далее, что по случаю раздела сего получил и я себе небольшую выгоду.

Все то место, которое занимает ныне пятый из моих садов и так называемый Заовражный, или Марьинской, сад или все то место, которое истари называлось Клином и лежит в левой стороне дома моего за оврагом, дошло только в сие время посредством промена в мое владение. А до того времени было оно не мое, а большая часть онаго состояла во владении сих братьев моих, а маленькая часть книзу клином была у нас с ними общая. Но как одному из них надлежало вновь строить себе дом и за теснотою их усадьбы выйтить за Архаровскую вершину и поселиться по конец Удерева, которое место одно только к тому было способным, но в самом том месте за Архаровскою вершиною имел я молодую березовую рощу, насажденную покойною матерью моею на целой полудесятине, то и согласились мы сделать промен, и чтоб мне отдать им ту мою рощу под поселение двора, а им отдать мне свою рощу на клину, которой также была полдесятины. Но как их роща была старее моей, то положено было, чтоб им половину рощи своей срубить и воспользоваться лесом, что все мы и учинили, и с того времени и состоит сие место у меня во владении, но которым я только ныне начинаю прямо пользоваться, превращая его в сад особаго рода.

Впрочем, не успел сей раздел кончиться, как и начал Михайла Матвеевич на новом своем месте строиться и проворил так хорошо, что к осени поспел у него не только двор, но и самыя хоромы.

Сии построил он совсем новыя по сделанному мною плану, и были они изрядныя. А таким же образом помог я ему расположить и двор и сад пред домом, на уступе горы удеревской, и все мы имели удовольствие на Михайлов день в ноябре обедать у него в новом доме, как в день именин его.

Хотелось было нам очень и женить сего молодца в сие лето; но сие желание наше было безуспешно. Он хотя и не отрекался от женитьбы и сам знал, что ему жениться было надобно, но в выборе себе невесты был слишком уж разборчив. Все ему хотелось найтить невесту богатую и хорошую, но таковая как-то не отыскивалась, а на тех, которыя согласны были за него выйтить, ему не хотелось. Некоторыя приезжали даже к нам, чтоб ему себя показывать, но ему были они неугодны. Словом, сколько мы ему ни предлагали невест и невест очень хороших и для его выгодных, но он, по обыкновению всех женихов, более о себе и о достоинствах своих думал, нежели сколько надлежало, и потому слушать никого в сем пункте не хотел, а избрание невесты предоставлял собственному своему выбору и разсудку.

Что касается до меньшого его брата, то сей записывался в этот год в службу в Семеновский гвардейский полк, но службу нес очень мало, но то и дело отпрашивался в отпуски и приезжал жить вместе с нами в деревню.

Не таков, напротив того, был другой мой сосед, Матвей Никитич, сын умершаго генерала. Сей отправился еще с начала года продолжать свою гвардейскую службу в Петербурге и нес ее как надобно во все течение сего года. Деревню же свою при отъезде поручил мне в смотрение и управление, и мы с ним только что переписывались.

Еще весною сего года находился я в великом опасении о себе, чтоб не выбран я был в депутаты в комиссию для сочинения проекта новаго уложения.

Важное сие, громкое и славное дело основывалось в сей год и императрица наша нарочно для сего приезжала в Москву.

Повелено было во всех уездах всего государства выбрать к сему сочинению новых законов разумнейших и способнейших дворян депутатами и снабдить их от всего дворянства инструкциями, а для порядочнейшаго всего того производства выбрать наперед дворянам в каждом уезде себе предводителя. А по всему тому и опасался я, чтоб каширским господам дворянам не вздумалось в помянутыя депутаты выбрать меня как способнейшаго к тому и могущего лучше всех других исправить сию должность.

Место сие было хотя сопряженное с честию и такое, в которое многие ужасно добивалися, ласкаясь отчасти определенным жалованьем, а отчасти другими выгодами. Но мне как-то не хотелось войтить в сие дело.

Я власно как предвидел, что из всего сего великаго предприятия ничего не выйдет, что грома наделается много, людей оторвется от домов множество, денег на содержание их истратится бездна, вранья, крика и вздора будет много, а дела из всего того не выйдет никакого и все кончится ничем; а потому и не хотелось мне для сего разстаться с милою своею и столь для меня блаженною деревенскою жизнию.

И дабы в том лучше успеть, то не хотел я даже и показать себя господам каширским дворянам и умышленно на съезд их для сих выборов не поехал, а отозвался письменно, что мне приехать было не можно. И следствие оказало, что я поступил и благоразумно; ибо скоро услышали мы, что и самое начало сего великаго дела далеко не соответствовало премудрым намерениям нашей императрицы и что и самые выборы начались производимы быть везде по пристрастиям, что выбирали и назначали к тому не тех, которых бы выбрать к тому надлежало и которые к тому были способны и других достойнее, а тех, которым самим определиться в сие место хотелось, несмотря ни мало способны ли они к тому были или неспособны. Отчего собственно и вышел потом сущий и такой ералаш, что принуждено было все сие дело остановить и оставить до другого времени. И как у нас выбраны были в предводители г. Юшков, бывший некогда в Москве губернатором, а в депутаты некто г. *Маслов*, то и остался я спокойным и очень был рад, что сия буря меня миновала.

Все сие происходило весною в месяце апреле, а в июле имели мы еще некоторое дело с князем *Горчаковым*, занимавшее меня несколько дней сряду и мыслями и трудами, но окончавшееся также ничем.

Сему близкому нашему соседу и кёнигсбергскому еще моему знакомому случилось приехать в сие лето в соседственную к нам деревню свою Злобино вместе с женою своею и пробыть тут несколько дней. Как он с нами обослался и мы к нему не один раз ездили и принимаемы и угощаемы были очень ласково, да и сам он удостоил нас своим посещением, то при свиданиях сих дошел у нас с ним разговор о земляных наших дачах, перемешанных между собою, и о том, не можно ль бы нам было как-нибудь поразменяться оными? Ибо надобно знать, что князь сей имел в дачах наших небольшую частичку, купленную у господ Хотяинцовых, и как сия небольшая частичка, вышедшая из нашего рода, по какому-то приданству разбросана была по маленьким клочкам по всей нашей даче и была нам, как чирей на глазу, да и князю неспособна и еще более, нежели нам, то

и предложил он нам, не согласимся ли мы все сии его разбросанные по разным местам частички, измерив, взять себе, а ему толикое ж число намерить и отрезать к одному месту из соседственной к нему пустоши нашей Хмыровой.

Таковой промен хотя и был более выгоден ему, нежели нам, однако мы, поговоря между собою с братьями, на предложение его и согласились. Князь тем был очень доволен и просил меня и братьев моих, которых привозил я к нему для сего, съездить с ним и осмотреть и назначить то место, где бы ему отрезать землю сию к одному месту, что мы охотно и учинили; и объездив с ним верхами всю нашу пустошь Хмыровскую, с общаго согласия и назначили тот угол, где бы ему отрезать, а возвратясь к нему в дом и отобедав, стали счислять все его разбросанные клочки, которых набралось во всех пустошах и угодьях до 48 десятин с четвертою долею. Но как для точнейшаго намеривания такого же количества нужно было прилежащую к дачам его часть пустоши нашей Хмыровой снять на план, то и прошен я был князем принять на себя сей труд, на что охотно согласясь, оба последующие дни я над тем и трудился.

Но что ж из всего того вышло? Не успел я сию немалую-таки работу кончить, как и поехал с братьями моими к князю в безсомненной надежде, что дело сие мы в тот день кончим и что князь верно назначенную на плане отрезку апробует. Но князь хотя и апробовал оную, но вдруг удивил меня до чрезвычайности, сказав, что хотя он и охотно соглашается на сей промен, но не прежде к тому приступить намерен, решив с нами спор о его Неволочи.

Сие было так мною неожидаемо и составляло такую для меня задачу, что я от удивления онемел и не знал, что сказать ему на сие в ответ. Неволочь сия не имела никакого с сим променом соотношения, а это было совсем другое дело. Под сим названием находился в дачах княжих один старинный лес в смежстве с нашею пустошию Шаховою и совсем в другой стороне и за нашею церковью.

Никто не запомнит, чтоб принадлежал сей лес когда-нибудь нашим предками чтоб завлажен был у нас предками князей Горчаковых; а сколько память всех в живых находящихся людей достигала, то находился он всегда во владении князей Горчаковых. Но каким-то случаем удалось покойному дяде моему Матвею Петровичу открыть, по старинным выпискам и крепостям, что сей лес, по древним межевым признакам и живым

урочищам, долженствовал принадлежать нам, а не князьям Горчаковым и что описанные признаки и урочищи были еще так видимы и приметны, что не оставалось ни малейшаго сомнения, чтоб лес сей, лежащий между двух буераков и содержащий в себе десятин до 60, не принадлежал когда-нибудь к нашей пустоши Шаховой.

Помянутый дядя мой, увидев и узнав сие и будучи до приказных дел отменный охотник, вознамерился еще за несколько лет до кончины своей испытать, не можно ли оной нам получить опять во владение наше. И хотя и он ни от кого и ни под каким видом узнать не мог, по какому случаю и когда именно отошел он во владение князьям Горчаковым, однако, решившись показать наудачу, что оной лес предками князей Горчаковых насильно у нас завлажен, подал уже давно на отца сего князя о сем лесе исковую челобитную и старался всячески привлечь князя с собою в суд. Но как сему того не хотелось и он всячески от того отбывал, дядя же мой, будучи непомерно скуп, не хотел много тратиться и делу сему жертвовать многими убытками, то так сие при жизни стариков и осталось, и оба оставили сие дело решить нам, как их наследникам.

И о сем-то деле и Неволочи князь тогда упомянул и хотел, чтоб мы при случае предпринимаемаго тогда в землях с ним промена, оставили бы и сие якобы совсем пустое и предком нашим неправильно предприятое дело и отказались бы от нашего требования на его Неволочь.

Не могу изобразить, как удивил он меня сим своим и нами нимало не ожидаемым требованием. Дело сие было совсем другого рода и не только не имело ни малейшаго отношения к сему размену, но составляло и особливую важность.

Я хотя и не входил в оное по сие время, но от покойнаго дяди так много наслышан был об оном, и он так мне натвердил о всей справедливости нашей претензии, что и я уже никак не сомневался в том, что сей лес следует нам и что нам долго ли или коротко, а получить его себе, а особливо при приближающемся межевании будет легко и можно; а потому и отлагал дело сие только до межеванья, и как по всему сему дело сие не составляло такой безделки, которою бы пренебрегать и швыряться можно было, то странно было мне, что князь сочел нас уже столь глупыми и недальновидными, что возмечтал себе возможность убедить нас дело толикой важности оставить из единого к нему уважения и власно как бы в благодарность за промен в земле, который для самого его был несравненно выгоднее и

полезнее, нежели нам, или короче сказать, поводить нас за нос, как некаких дурачков, и после над самими нами ж посмеяться.

Я внутренно хохотал и досадовал на то, что его сиятельству вздумалось сыграть с нами такую комедию, и на предложение его ответствовал так, что он легко мог видеть, что он попал не на дурака, а что-нибудь-таки разумеющего; и поелику главная его цель была, под видом размена, уничтожить помянутое озабочивавшее самого его дело, и сие ему не удалось, то не восхотел он и размениваться уже с нами и землею, что и подало повод, что мы, не сделав ничего, и разстались с ним с некоторым неудовольствием.

Они были наизнаменитнейшие происшествия в течение сего года; что ж касается до экономических и достойнейших из них сколько-нибудь замечания дел, то состояли они только в том, что вычистил я один из старинных своих прудов, а именно верхний, ныне называемый банным, который от долготы времени весь заплыл илом; также построил молотильный сарай и ригу или избу сушильную. В полях же и садах предпринимал опять множество разных опытов.

В сих последних привел я в сей год в лучшее состояние пред прежним свой цветник, наполнив его множеством новых и лучших цветов, которых семенами снабдил меня друг мой, господин Полонский; а приводя час от часу в лучшее состояние свои здешние сады, не преминул несколько постараться о садах и в других моих деревнях: Калитине и Коростине, и бывая в обоих их в сие лето по нескольку раз, поправлял сады в них прививанием и разсадкою разных дерев. Словом, я и сей год занимался всеми частями сельскаго домоводства и все оныя старался столько приводить в лучшее состояние, сколько был в силах и сколько дозволяли мне обстоятельства.

Со всем тем нельзя сказать, чтоб попечение о экономии удерживало меня от выездов, но я и в сей год далеко был от того удален, чтоб сидеть запершись дома. Но, напротив того, редкая неделя проходила, чтоб мы куда не ездили или чтоб к нам кто не приезжал; а было несколько раз и довольно отдаленных и многие дни продолжавшихся отлучек от дома. А именно еще при начале сего года зимою ездил я с обоими братьями моими на короткое время для разных мелких надобностей в Москву, и это было уже в девятый раз, что я был в сей столице, и пробыв там несколько дней, употребил оные отчасти на исправление своих нужд и покупки, а отчасти

на разъезды по всем своим родным, друзьям и знакомым, случившимся тогда в Москве.

Бывал я также не один раз для межевых дел в Серпухове. Возил обеих моих старушек, тещу и тетку, в тарусскую деревню для показания им вновь приобретенной и примежеванной земли и для сделания распоряжений в ней. Был целых три раза в жениной деревне и в последний раз праздновал в ней праздник Покрова Богородицы. Также ездили мы под Каширу навещать милую и любезную мою старушку тетку, Матрену Ивановну Аникееву; а езжали мы также не один раз и за Оку-реку для свидания с нашими там живущими родными и знакомцами.

Количество сих последних умножилось в сей год довольно новыми, и я едва успевал делать им соответственные визиты. Что ж касается до прежних моих друзей и знакомцев, то дружба с ними продолжаема была далее и становилась от часу твердейшею.

Наконец присовокупить надобно и то, что, несмотря на все разнообразныя занятия и частыя отлучки от дома, не разставался я никак с литературою, но она и в сей год была моим главнейшим и любимейшим упражнением, которому посвящаемы были мною все праздные часы и минуты, а особливо в зимнее и осеннее время, в которое мысли не так развлекаемы были разнообразными предметами, как весною и летом.

Прочтено было и в сей год мною множество книг, а не гуляло и перо. Упражнение сего было троякое и состояло отчасти в переписываниях набело, отчасти в переводах, а отчасти в сочинениях. Набело переписывал я свою «Детскую философию» и некоторыя другия свои мелкия сочинения. Переводил славный Фильдингов роман «Амалия, или Образец супружеской любви», и как книга сия была нарочито велика и состояла из четырех частей, то трудился над переводом сим более трех месяцев. Но, к сожалению, сей труд сделался почти тщетным, ибо как оказалась она уже переведенною и напечатанною, то, подосадовав на то, потерял я охоту и к начатому переписыванию своего перевода, и он остался еще и доныне не выправленным и не переписанным.

Что ж касается до сочинений, то было оно экономическое и по порядку третье, назначенное для отсылки в Экономическое общество, и содержало в себе примечания о хлебопашестве и деланных мною опытах. Побуждало меня к сему сочинению то, что и второе мое сочинение о лесах удостоено было также обществом печати и я имел удовольствие получить от него и

IV часть «Трудов» их, в которой напечатана была первая половина сочинения моего. Книжка сия прислана была ко мне опять таким же образом при письме от Общества, подписанном президентом и обоими секретарями, но III и V часть принужден я был уже себе купить в Москве, из коих в последней напечатана была и вторая часть сочинения моего о лесах.

Наконец разскажу вам смешное, чем занимался я при конце сего года. Нередкое играние в карты с приезжающими к нам гостями, а особливо в зимние и осенние вечера, но играние не мотовское, а для единаго препровождения времени, побудило меня к одному особливому предприятию и в сем случае. Мне прискучила уже трисетная игра, которая была тогда единая в моде и которою все и все занимались, и по любопытству своему восхотелось и тут что-нибудь особливое затеять и выдумать.

Находилась в библиотеке моей одна немецкая книга, в которой описаны были разныя игры в карты, употребляемые в Европе, и, между прочим, такия, которыя у нас были еще совсем не известны, как, например, гишпанская реверсис, аглицкой виск, итальянская тароки. Со всеми сими восхотелось мне наших русских познакомить и переучить играть в оныя; и для того ну-ка я их переводить, и что для самого меня было непонятное, сам от себя дополнять и переделывать. Успех и соответствовал трудам моим и желанию.

Я переучил всех своих знакомцев играть в реверсис, и игра сия забавностию своею всем полюбилась. Таким же образом научил я их играть и в виск, хотя совсем не так, как она ныне играется, но и с некоторыми отменами. Но не так скоро и легко можно было мне сделать то же и с тароками. Ибо как прекрасная и веселая игра сия играется особыми картами и число оных гораздо более обыкновенных, и таких карт у нас не было, то сие обстоятельство и делало остановку. Однако затейливость моя помогла мне и в сем случае.

Я, достав себе несколько колод таких карт, которых задники были белыя, а не пестрыя, приделал сам к ним все недостающее число карт и украсил их столь прекрасными рисуночками, что не уповаю, чтоб и настоящие тароки были так хороши и красивы, как мои; а сделав сим образом совсем новыя карты, и переучил знакомых своих играть и в сию игру и она, как новостию своею, так и отменною забавностию, так всем полюбилась, что мы не один вечер препроводили, играя в нее в громких смехах и хохотаньях, и все ею были очень довольны.

Сим окончу я мое повествование о происшествиях в 1767-й год, а в будущем письме пойду далее и разскажу вам, что происходило со мною и в последующем за сим 30-м году моей жизни, а между тем, уверив вас о непременности моего к вам расположения, остаюсь и прочая.

1768 год

Письмо 124-е

Любезный приятель!

Приступая теперь к пересказыванию вам того, что происходило со мною в 1768-м году, скажу, что сей 30-й год жизни моей, а шестой по приезде в отставку, был паки изобилен разными и довольно важными происшествиями, относящимися как до меня лично, так и до фамилии моей, почему и расположился я разсказывать вам все и все по порядку течения времени. Итак, начиная с перваго месяца, скажу, что год сей встретили мы очень весело и не дома, а у тетки Матрены Васильевны *Арцыбашевой* в деревне ее Калединке. Как были мы не одни, а было еще несколько гостей, то все мы встретили его с веселием, разными играми, смехами и шутками. И могу сказать, что и все Святки в сию зиму провели мы отменно весело.

Из всех их не было ни одного дня, в который бы мы одни находились дома, но либо мы были в гостях, либо у нас гости и что ни день, то новыя, а вкупе новыя затеи и новый род увеселений, почему мы и не видали как и прошли оныя.

Не успели сии Святки пройтить, как и начал я готовиться к путешествию в Москву. В сей год требовала езды моей в сей столичный город не одна, а многия и важныя нужды.

Во-первых, по случаю бывшаго в сей год рекрутскаго набора, надобно было отвезть туда и поставить мне рекрута, ибо Москва была тогда нашим губернским городом.

Во-вторых, у тещи моей или паче у жены моей не окончен был еще совершенно раздел с ее дядею, а тещи моей деверем, Александром Григорьевичем *Кавериным*, братом покойнаго тестя моего.

Раздел сей хотя и был уже давно учинен, но по сие время был он домашний, а не утвержден судебным порядком, и самое сие надлежало сде-

лать и воспользоваться пребыванием помянутаго дяди жены моей тогда в Москве. О чем у нас с ним было и условленось.

А третья и важнейшая нужда была та, чтоб внесть в межевую канцелярию деньги за степную шадскую землю, которую наконец уже определено было нам продать и о которой я уведомлял вас прежде.

Сей покупки мы с братьями давно уже вожделели, и не успели услышать, что по поданному от нас давно уже прошению резолюция вышла, и землю продать нам велено, и что продажа землям уже началася, как и положили ехать в Москву и кончить сие дело, и 12-го генваря я туда и отправился.

В сей раз, который был уже десятый, прожил я в Москве целый месяц и сперва один, а потом подъехала ко мне и жена моя; ибо по разделу с дядею нужно было и ее присутствие для допроса в Вотчинной коллегии.

И так, как скоро отдав рекрута, довел я дело свое с дядею до конца, то и отписал к жене, чтоб она приехала для окончания и допроса, который и произведен был в старинной церкви *Николы Гостунскаго*, стоявшей в Кремле против самых приказов или предлинных и высоких палат, построенных в древности на самом ребре горы к Москве-реке, и в которых тогда все суды и приказы находились.

Помянутая же церковь в особливости достопамятна потому, что в оной издревле всех женщин и госпож секретари обыкновенно допрашивали, также и тем, что в оной обыкновенно бывали всем невестам и женихам смотры.

Дело сие совсем окончено было не прежде, как уже в начале февраля месяца, а до того времени успел я внесть в межевую канцелярию деньги за землю и получить на ее владенный указ, а помог тоже учинить и обоим моим братьям.

Итак, в сей год впервыя получили мы право к овладению помянутою землею и помянутым указом, служащим нам вместо крепости, велено было нам означенным в оном проданным количеством земли, мне 350, а братьям 250 десятин, владеть до прибытия в тамошние края землемеров спокойно, а по прибытии оных та земля долженствовала быть нам отмежевана.

При производстве всех сих трех дел, было мне хотя и не без хлопот, но оныя услаждены были, по крайней мере, не только вожделенным успехом, но и многими приятностьми. Все время пребывания моего в сей раз в Мо-

скве проводил я очень весело, и не было ни одного дня, который бы я весь препроводил один и вкупе на своей квартире.

Стояли мы в сей раз в доме у тетки моей, Катерины Петровны *Арсеньевой*, и как бывали и к ней частые приезды, да и сама она нередко выезжала со двора, разъезжая по своим родным и приятелям, то важывала и нас почти всегда с собою, а в другия времена ссужала нас своими лошадьми и каретою, для езды по нашим родным и приятелям, которых находилось-таки в Москве тогда довольно.

Все наши деревенские соседи и знакомцы находились тогда в Москве, со всеми ими мы по нескольку раз видались, с другом же нашим господином Полонским и очень часто; кроме того, бывали мы в доме почтеннаго и любезнаго старика Афанасья Левонтьевича *Офросимова*, зятя старушки Катерины Богдановны *Арцыбашевой*. Он был тогда главным судьею в судном приказе, и будучи стариком веселым, издевочным и очень умным, полюбил меня очень за мое любопытство и степенство.

Дом госпожи *Глебовской*, его свояченицы, также господина *Давыдова*, брата тетки Катерины Петровны, и дом прежняго знакомца моего господина *Павлова* были нередко нами посещаемы, и в сем последнем всегда вечера препровождали мы в танцах и резвостях. Ибо как дети у него учились танцовать и была небольшая музыка, то я и рад был сей оказии для возобновления старинной моей охоты к танцованию.

Сверх того, не было ни одного собора и достопамятнаго места, в котором бы мы с женою не побывали. Сию возила наиболее по всем сим местам любезная наша старушка тетка Матрена Ивановна, а я с моей стороны не оставил, чтоб не свозить ее в театр и дать ей о сих зрелищах понятие. На оном играна была тогда трагедия *Хорев*, и как она еще в первый раз отроду театр тогда видела, то не могла зрелищу сему насмотреться и довольно им налюбоваться. Словом, мы заездились и запраздновались в Москве так, что и не видали, как прошел весь мясоед и наступила Масленица; и как от сей и подавно ехать из Москвы было не можно, то препроводили мы и всю ее в Москве и, заговевшись и исправив все наши нужды, и поехали уже домой.

Тут нашли мы у себя небывалаго еще никогда у нас и незнакомаго мне, но родного гостя. Был то меньшой родной брат тещи моей, Сергей Аврамович *Арцыбашев*, приехавший за несколько дней до того к ней и нас уже с нею дожидавшийся. Ибо она во все сие время оставалась дома для малютки моей дочери.

Он заехал к нам едучи тогда из службы в отставку и к престарелому отцу своему на Низ, и я был ему очень рад и скоро с ним сдружился. Был он молодой и очень хороший человек и прожил тогда с нами несколько времени. Но, к сожалению, это было впервые и в последние, что я его видел, ибо он, уехав после того на Низ, там женился и там после того чрез несколько времени в цветущих летах своего возраста и умер.

Вскоре после возвращения нашего из Москвы снабдили мы себя первою еще каретою, купив ее за 50 рублей у друга нашего, господина *Полонскаго*. Несмотря на сию малую цену, была она еще изрядная, четвероместная, раззолоченная по тогдашнему обыкновению и обитая внутри алым трипом. О сем упомянул я для того, чтоб тем доказать, как карет тогда было еще мало, как они были дешевы, а деньги дороги, и как не ставил тогда никто еще в стыд себе ездить в четвероместных венских колясках.

Сосед мой г. *Ладыженский* купил себе карету еще того дешевле и, заплатив только 30 рублей за нее, наездился в ней довольно. Вот каковы были тогда времена!

Наступивший вскоре после того месяц март ознаменовался двумя происшествиями. И во-первых, нечаянным получением опять из Экономическаго общества претолстаго пакета с книжкою. Для меня присылка сия была тем неожидаемее, что я не думал, чтоб так скоро могло напечатано быть мое последнее сочинение, отправленное к ним в конце прошедшего года. Но сколь удивление мое было велико, когда, распечатав пакет, нашел в нем не только VII часть «*Трудов*» Общества, присланную ко мне при письме, но притом и согнутый кусок пергамента. «Ба, ба, ба! это что такое?» – сказал я и спешил скорее смотреть и читать оный.

Был то печатный диплом с большою восковою печатью, данный мне от Общества в удостоверение, что ему угодно было избрать и сделать меня своим сочленом, о чем я никогда не помышлял и чего всего меньше добивался. Но его собственный интерес был в том, чтоб умножить количество членов своих людьми, способными быть им сотрудниками. Таковыми избираниями в свои сочлены они людей власно как неволею уже заставливали трудиться и брать в трудах их соучастие.

Выдумка поистине особая и довольно замысловатая! Избираемый, поставляя то себе за особливую честь, готов был иногда за то надрывать силы свои в трудах и сочинениях, а за все то в награду пользовался одною только химерическою и такою честию, которая, как после оказалось, по

существу своему ничего не значила и не приносила никому ни в каких случаях ни малейшей пользы, хотя тогда о том совсем еще инако думали и почитали то неведомо чем.

В дипломах сих хотя и упоминалось, что избранный силою оного признается участником в «Трудах» и во всех членам Общества определенных и впредь определяемых правах и преимуществах, но если спросить, в чем же бы таком состояли сии права и преимущества, то на сие сказать бы ему было нечего, ибо их в самом действии никаких особых не было.

Сие впоследствии само собою и оказалось, и члены Экономическаго общества сделались в толь малом уважении в нашем отечестве, что каждый из них не только не помышлял о том, чтоб тем кичиться и величаться, но паче некоторым образом стыдился еще сим званием.

Оттого ли сие произошло, что члены сего полезнаго Общества с самого начала не удостоены от монархини каким-нибудь особым отличием или известною какою-нибудь выгоду приносящею привилегиею, а должны были довольствоваться тем единым пустым и ничего не значущим именем, что находятся будто под особым покровительством монархини, а в самом деле никаким таким покровительством не пользуясь; или оттого, что Общество, впоследствии времени, наделало уже слишком много членов и насовало в сословие свое всякого звания людей достойных того и не достойных или от иных каких причин – того уже я не знаю.

Но как бы то ни было, но меня происшествие тогда нарочито порадовало. Я хотя уже и тогда ясно видел все существо дела и усматривал довольно, что звание члена Экономическаго общества не составляло ни чина, ни придавало почести какой особливой, но веселился, по крайней мере, тем, что многия иныя совсем инако о сем думали, и были такия, которыя мне в том даже и завидовали, думая, что мне звание сие принесет неведомо какия пользы, в чем они некоторым образом и не обманулись; ибо хотя не тогда, а после оно мне очень пригодилось.

Не менее моего обрадовались сему и обе мои семьянинки, равно как и все более прочих нас любившие родные и приятели. Я не преминул им о сем сообщить, и все меня с получением диплома и помянутаго звания поздравляли и в удовольствии моем брали искреннее соучастие.

Другое происшествие было то, что в конце сего месяца возвратился в дом и сосед мой Матвей Никитич Болотов, выпросившись на несколько времени в отпуск. И как случилось, что в это время были и оба братья мои

в домах у себя, то и была тогда еще впервые почти вся наша фамилия налицо и в соединении; а что всего приятнее, то все мы, яко сочлены оной, находились тогда в совершенном между собою согласии и дружбе.

Завидное сие согласие и старался я всячески и колико мне только было можно поддерживать, и для самаго того нередко даже снисходил к некоторым слабостям и недостаткам их, и по пословице говоря, не всякое лыко в строку ставил, но иное и мимо глаз пущал. Но как все они были люди молодые, худо воспитанные и не только необработанные, но и необтесанные, составляли сущих неучей, а притом были и характеров еще разных и не весьма хороших, но со многими слабостьми соединенных, то трудно было мне очень с ними ладить и к ним прикраиваться. Со всем тем был, по крайней мере, тем доволен, что все они имели ко мне уважение и меня как старшего и начальника фамилии почитали.

Пользуясь как сим, так и частыми с ними свиданиями и начал было я с самаго начала прилагать старание о преклонении всех их к полюбовному между нами разделу всех наших земляных дач и угодий и так, как где наиспособнее было; и поелику они все с перваго начала объявили на то свое согласие, то и положили было мы начать с самых ближних полей, окружающих наше селение; и когда нельзя было, смешав все оныя, разделить на четверо, то и положили развестись, по крайней мере, к одним местам в каждом поле.

Всходствие того не успела весна вскрыться, как и взял я на себя труд исходить сам все поля, нарисовать положение всех десятин и клочков земли на бумаге, составить особые роды и специальнейшие всем полям планы, дабы тем удобнее было нам на бумаге разверстоваться к одним местам; но все труды мои обратились в ничто.

Уже хотели мы действительно, хотели мы начинать делить то поле, что за рекою и к погосту, как вдруг заспорь самый младший и упрямейший и едва ли не глупейший из сочленов наших, и тем самым и остановил на сей раз все сие дело к крайней моей досаде и огорчению.

Впрочем, с самым началом весны лишились ми одной престарелой женщины, носившей на себе нашу фамилию, а именно мачехи братьев моих и второй жены дяди Матвея Петровича. Будучи давно уже в параличе, жила она несколько лет без языка и скончалась наконец в апреле сего года в Москве, в доме брата своего г. Павлова, сделав пасынкам своим

только ту милость, что не взяла из имения их следующей ей по законам седьмой части.

Другое неприятное происшествие произошло в самое то же время и со мною и настращало меня чрезвычайно.

Однажды, при начале самой весны и когда в садах был еще замерзлый снег или так называемый наст, вышел я в сад и, ходючи по крепкому насту, осматривал все деревья и по обыкновению со всеми ими, как с знакомцами своими, здоровкался.

Тут увидел я что-то на одном суке, и как оный был так высок, что рукою мне его достать было не можно, то вспрыгнул я для достания его, но как опустился вниз, то подломись подо мною весь наст наподобие льда, и я от удара сего вдруг почувствовал, что в животе моем власно как что-нибудь оторвалось; и тотчас так заболел у меня правый бок подошкою, что я с нуждою дошел до хором и не знал что делать. И как боль сия не проходила и во весь последующий день, то перетрусился я впрах, думая, что я верно скачком своим что-нибудь повредил в груди моей, и боялся, чтоб не воспоследовало каких-нибудь вредных следствий. Но благодарить Бога, сего не исполнилось, а болезнь моя дни через три миновалась благополучно.

Как сосед мой Матвей Никитич с тем и приехал из полку в отпуск, чтоб ему жениться, и просил в том нашего вспоможения, то и старались мы с самаго начала приискать ему невесту и назначили к тому дочь соседки и родственницы нашей, госпожи *Иевской*, овдовевшей между тем временем. Но госпоже сей что-то не разсудилось отдать дочь свою за оного. Она отказала, и он приискал уже сам себе, или паче при вспоможении тетки своей, старушки *Варвары Матвеевны*, другую невесту из фамилии господ *Хотяинцовых* и в исходе апреля на ней и помолвил.

Мы очень тому были рады и я охотно согласился ему по желанию его помогать при сем случае как советами своими во всем, так и распоряжениями при свадьбе, которую и сыграли мы в мае месяце как водится и довольно церемониально и порядочно. Он пригласил к тому всех своих родных, и как всех гостей было довольно, то мы почти целую неделю в сие время были очень веселы.

Молодую нашу соседку звали *Анною Николаевною*. Она была дочь Николая Селиверстовича и Марины Афанасьевны *Хотяинцовых*, и девушка простая деревенская, небогатая, да и не имевшая никаких особливых до-

стоинств, а притом и не дородная. Но как мила была она жениху, то никому и нужды не было в том ему отсоветовать и тем паче, что и сам он не имел никаких дальних достоинств, кроме того, что он был генеральский сын.

Не успел жениться сей мой ближний сосед, как захотелось последовать примеру его и другому, то есть брату моему *Михайле Матвеевичу* и поспешить с сборами своими и тем паче, что имел он у себя уже дом и было куда привесть жену молодую. И как все известные здесь и предлагаемые невесты были не по его вкусу, то при случае отъезда брата своего *Гаврилы Матвеевича* в Петербург для несения настоящей службы, и пустился он для приискания себе невесты в Москву, говоря, что ему там тотчас найдут свахи.

Они и действительно ему тотчас нашли; но зато такова была и невеста и семейство. Отец ее был секретарем полицейским и произошел Бог знает из каких людей, и прозывался *Стахеевым*, мать же была сущая шлюха. А от таких людей можно ли требовать было хорошаго воспитания и дочери.

Сия была хотя и получше лицом новой нашей соседки, но всего меньше походила на московскую девушку и достоинств имела столь мало, что я не нахожу ни одного о котором стоило бы упомянуть. Словом, она была очень-очень не из дальних, а самая простая худо воспитанная девушка и притом и не слишком также богатая, и все ее приданое состояло в небольшой деревеньке в Тарусском уезде. Звали ее *Марьею Петровною*. И брат мой так обрадовался сей находке, что в один миг, и не дав нам знать, там в Москве на ней и помолвил.

Между тем как сие происходило подвержены мы были в деревне превеликой опасности от грозы.

Взошла однажды с западной стороны ужасная туча и громовой ужасный удар чуть было не попал в наши хоромы, и сажени на три или на четыре от них попал в стоявшую в саду и перед самыми окнами моей спальни большую грушу, и разгромил ее до самаго корня.

Мы насмерть были оным перепуганы, и я никогда еще не слыхивал в такой близости и столь сильнаго громового удара. Весь воздух вокруг хором и в самых оных наполнился серным запахом и поражение было столь сильное, что щепы и осколки летели даже чрез хоромы и находимы были на дворе.

Но каково сие происшествие для нас было ни страшно, но произвело две пользы. Первую ту, что я с того времени меньше стал бояться грозы, нежели сколько баивался до того времени. Вторую ту, что коренья сей громом раздробленной груши произвели от себя на другое же лето целый лесок молоденьких грушек.

Их выросло тут несколько сотен и все они росли в таком стеснении, что я принужден был их разсаживать, а чрез то и послужило место сие власно как магазином для всех моих нынешних груш, и все те, которыя и поныне насыщают и наслаждают вкус мой мелкими и с виду хотя совсем простыми и дикими, но по улежании очень вкусными грушками, и которых всякой год родится у меня множество, суть потомки сей раздробленной громом груши. На самом же том месте растет теперь та, которую назвал я, на память имени моей матери, *Мавринькою*, и которая недавно начала приносить грушки, сладостию и приятным своим запахом и вкусом превосходящия все прочия сорты груш, находящияся в садах моих.

Вскоре после сего воспоследовало и бракосочетание моего братца. Он возвратился из Москвы, невесту также привезли в наши пределы, и свадьба была у нас в Дворянинове июля 13-го дня, и при сей попечение обо всем должен был иметь опять я; и мы сыграли и сию свадьбу порядочным образом и как у добрых людей водится.

Людей и гостей было довольно, а как достали мы и музыку и было на бале довольно девушек и молодых госпож, ибо приглашены были к тому и все из моих родных и знакомых, то мы и на сей свадебке потанцовали и повеселились.

Одно только мне не нравилось, а именно новые мои сваты господин *Стахеев* с его женою и все семейство и родня новобрачной. Все обхождение и поведение их походило более на купеческую или паче на подьяческую руку, нежели на дворянскую стать; но сего переменить было уже не можно, но мы принуждены были оставаться довольными тем, что есть и утешаться тою мыслию, что они и не будут жить вместе с братом и с нами.

По окончании сего празднества, продолжавшагося несколько дней и всех обыкновенных при том визитов и контрвизитов, отправился я со всем моим семейством в ближний, но особливостию своею достопамятный вояж.

Давно уже не был я у многих моих знакомцев и родных как с своей стороны, так и с жениной, и весьма многим должен я был взаимным при-

ездом за их к себе посещение. И так, собравшись в сие время, поехали мы с тем, чтоб всех их объездить одним разом, и мы действительно были в целых 12-ти домах в Алексинском, Каширском и Тульском уездах и объездили множество верст, сделали превеликий круг и препроводили в том более двух недель времени.

По исполнении сего долга, провел я весь август месяц в домашней экономии, в уборке с полей хлеба и в самых свиданиях с новобрачными моими соседями. Новыми нашими родственницами и соседками были мы нарочито довольны. Обе ласкалися сколько они умели к жене моей и теще, и мы нередко съезжались вместе то у меня, то у Матвея Никитича, то у Михаила Матвеевича, и время свое провождали то в гулянье, то в играх и увеселениях деревенских, а иногда вместе с ними езжали и к своим соседям.

Наконец, по наступлении месяца сентября начали мы с братом Михаилом Матвеевичем собираться в дальнее путешествие, в нашу степную шадскую деревню; обоим нам была одинакая и ровная нужда. Надобно было ту землю, которая продана была нам из межевой канцелярии, означить, обмерить и взять в свое владение. И нам давно бы и даже с весны надлежало туда обоим ехать, но его сватовство и свадьба остановила и его и меня от сей езды, и мы отложили ее уже до осени, которую и почитали мы к тому и наудобнейшим еще временем.

И так как скоро поубрались мы сколько-нибудь с важнейшим хлебом и наступил сентябрь месяц, то и отправились мы с ним в сей путь, который описан мною в самое то же время с такою подробностию, что составилась из того целая книжка. И как случилось во время путешествия сего довольно и такого, о чем не излишним почитаю упомянуть и в истории моей, то учиню сие в письме последующем и нарочно к тому посвященном; а теперешнее сим окончав, скажу вам, что я есмь и проч.

ВТОРАЯ ЕЗДА В ТАМБОВСКУЮ ДЕРЕВНЮ

Письмо 125-е

Любезный приятель!

Обещав вам в предследующем письме сообщить теперь все достопамятное о путешествии нашем в шадскую нашу деревню и приступая к

краткому описанию сей вторичной езды моей туда, скажу, что отправились мы туда 7-го числа сентября месяца. Все домашния мои, провожали нас до Ченцовскаго завода, и тут, в доме любезной нашей старушки *Ивановны,* угощавшей всех нас чаем и чем только могла, распрощались мы с ними и поехали на своих лошадях с довольным числом людей и повозок.

Ехать расположились мы туда не чрез *Тулу*, а прямо из дома на Хотуш, Корники и Епифань, путем, с которым я после, по частой езде моей к дочери, гораздо короче познакомился; но тогда в первой раз еще ехал. Нам насказано было неведомо что о засеке и о речке *Осетре*; однако мы проехали и переехали их благополучно и приехали в епифанскую нашу деревню на третий день еще рано.

Едучи чрез часть Бобриковской волости и чрез село Каменку и деревню Смородину, нимало я себе тогда не воображал, что некогда будут места и селении сии состоять в моих повелениях и я с ними короче познакомлюсь, а тогда любовался я только огромностию сих жилищ и порядком поселения их.

В епифанской деревне мы тогда только что отдохнули и пробыли половину суток, но, не мешкая более, пустились далее и ехали в сей раз чрез Епифань и селения Красное, Архангельское, Дриски, Дивилки, Змеево, Рановы-верхи, Муравеино и городок Ранибург.

На сей дороге не случилось с нами ничего особливаго. Я любовался только прекрасными местоположениями сперва в городе Епифане и красивым его собором, а потом в селе Архангельском, принадлежавшем тогда вдове *Толстой*. Редко где можно найтить другое подобное сему и выгодное и красивое положение места.

Селение сие расположено низко, в преглубокой и широкой извившейся долине, по берегу протекающей по ней прекрасными и пышными изгибами реки Табалы, окруженной рощицами, и видно во всем пространстве и обширности своей, как на ладони, и противолежащей и превысокой горы, на верху которой, и власно как над деревнею, стоял господский дом и изрядная каменная церковь, окруженная сзади прекрасною и высокою дубовою рощею. Дорога, прошед сквозь рощу сию, идет подле самаго сего дома и церкви, и путешественник имеет удовольствие видеть пред собою глубоко внизу все селение и любоваться особливостию и красою положения места.

В селе Муравеине не мог я довольно надивиться несчетному почти множеству хлебных скирдов, которыми набиты были два хлебника. Многие из них были так стары, что совсем развалились и ни к чему уже не годны сделались. Любопытствуя узнать, кому б угодно было так хозяйствовать и чье было превеликое село сие, услышали мы, что принадлежало оно какому-то генералу князю *Щербатову*. В Ранибурге мы сей раз не останавливались и проехали оное мимо, и я только что взглянул на места, где некогда происходили важныя происшествия.

Из города Козлова поворачивали мы также вправо и заезжали в мою деревнишку. Тут были мы опять у дяди жены моей, Александра Григорьевича *Каверина*, и застали его почти на дороге отезжавшего в свою каширскую деревню. Написавши с ним к домашним своим письма и переночевав у своих мужиков, пустились мы далее и без всяких особливых происшествий приехали в Тамбов, а оттуда, пробравшись сквозь Ценской лес, а потом чрез Разсказовскую степь, доехали благополучно и до своей деревни.

Мы нашли ее в сей раз весьма в худом состоянии; от двухлетняго сряду неурожая хлеба, мужичонки наши, которые и без того не так, как другие добрые люди были, очень, очень поопустились. Все дворы были у них раскрыты, а навоз накоплен под самыя пелены бывших кровель.

Как ни время, ни обстоятельства не дозволяли мне еще велеть там построить какую-нибудь горенку для приезда, а было все еще прежнее развалившееся почти строение, то, расположившись в сей раз остановиться на моем господском дворе, принуждены уже мы были довольствоваться такою квартирою, какую нашли себе в избенке моего рябого и долговязаго прикащика.

Сию должность отправлял тогда послуживец и походный слуга мой *Яков*, определенный в оную почти с самаго моего приезда в отставку и более потому, что я на верность его мог смело полагаться, хотя, впрочем, был он и не весьма дальновидный и мудрый человек; и как по случаю бывшей тогда очень ветреной и холодной погоды и ту всю вынесло, то имели мы в сию ночь ночлег очень худой и неприятный.

Однако жилище наше и в последующие дни было только теплее, а не спокойнее; ибо таковою ей быть было не можно. Я не помню почти, чтоб я во все продолжение моей военной службы где-нибудь имел столь худую квартиру, и принужден был так долго в ней жить, как в тогдашней. Словом, она была такова, что я не за излишнее почел поместить здесь, для

любопытства, самое то описание оной, которое учинил я тогда, живучи в ней, в письме к одному приятелю. Вот оно:

«Квартира наша, – писал я – дальняго безпокойства нам не делает. О ежели б посмотрели вы, любезный приятель, какой великолепный вид имеет она снаружи!.. Со смеху б вы надселись. В наших местах овчарни почти лучше. Избушка с небольшим только в сажень, закопченная не только снутри, но и снаружи. Бревенья почти все согнили. Там дыра инде светится, в ином месте кошки лазают; двери вышиною немногим более аршина, да и та раскололась надвое, наполнена дырами и при всяком растворивании увеселяет слух наш музыкою, не то-то что приятною, а особливо необыкшему и нежный слух имеющему человеку.

Печь занимает собою большую часть избы, из худых не последняя; заслонка деревянная расколотая. Пол хоть воском натирай, так гладок, нет места, где бы аршинную скамью прямо поставить было можно. Вы можете из сего о равнине оного заключить, что я, по крайней мере, раз 50 днем спотыкаюсь. Вы знаете, что я охотник взад и вперед ходить по комнате и не могу долго сидеть. Здесь хоть тесно, но привычка к тому тянет, но лишь ступлю, как нога в яму, другая в другую. Одним словом, нельзя полу быть глаже. Хотя и позабыл еще то сказать, что грязи на нем с добрый вершок наросло и все маленькими кучками...

Стол у нас изрядный с пузушком, хотя, правду сказать, очень не велик и в случае обеда великое делает утеснение. Тарелка с противопоставленною тарелкою стыкается, а блюдцы станови в боки, не прогневайся! К несчастию, не установишь его прямо. Вот и теперь, как я сие пишу, все качается. Пузо его составляет у нас шкаф или хранилище, или как хочешь назови. Тут у нас чашки, тут у нас соль, чайник, сахар и вся прочая мелочь, ибо полочки не заживалось.

Стульца у нас ни одного не бывало, а и скамейка весьма в хилом состоянии находящаяся. Три раза уже ее чинили. Лишь хотят ее поднять, как ножки выпадывают. Две лавки награждают сей недостаток, хотя, правду сказать, заняты они у меня книгами и бумагами, ибо сесть нельзя, не только узки, но так высоки, что ногами с них до земли не достанешь.

Что еще осталось?.. Да... какая у нас прекрасная кровать. Я сплю, как хозяин, на конике, довольно широком, а брат, у котораго своя изба того хуже и который стоит вместе со мною, принужден иметь кровать переменную. Лишь только вечер, то изволь стол наш маршировать на другое ме-

сто, а скамейка подмащиваться к лавке. Скрыночки, ларчики и шкатулки наши служат подмостками. Поутру маршируют опять все вещи на прежния места, а постеля на постелю и составляй одну.

Что касается до света, то у нас ни светло, ни темно. Давно было приказано прорубить красное окошко. Оно у нас и есть, только жаль, что не велико, да вместо окончины натянута кожуринка какая-то на лучок, а таким же образом и маленькое окошечко в переднем угле кожуринкою заслонено.

Потолок наш таков, какого лучше требовать не можно. Ежели бы сметать всю ту крупную и черную дрянь, которая с него на постели и на все места навалится, то, думаю, что с добрый бы гарнец набралось.

Вот вам описание худой стороны нашего степного жилища. Описание же с доброй стороны будет короче. Ибо ежели почесть что хорошим, так одно то, что мы холода не терпим, а чаще безпокоит нас жар. Кроме сего, имеет она в себе еще то качество, что у нас здесь всякий вечер музыка, только танцовать некому. Какое это множество живет здесь музыкантов и какими разными голосами слух наш увеселяют! С непривычки можно бы скучать, однако мы уже привыкли. Впрочем, надобно знать, что их здесь два рода. Одни поют все басами, и сим мы не очень рады, иногда нас безпокоят уже слишком, а другие – дышкантами и альтами и друг с другом на перекличку. Я дозволяю им по воле забавляться и доволен тем, что они не летают, ибо признаюсь, что боюсь и не люблю сих гадких насекомых. Вы можете догадаться, что я говорю о сверчках и мухах, которым здесь род и изобилие, а особливо первых, во всех углах в запуски друг пред другом гаркающих.

Еще скажу вам, что имеет квартира наша в себе нечто особливое, служащее к увеселению нашему. Под печкою живут у нас два кролика: один беленькой, а другой пестрый, белое с черным. Какие это воры! И какие проворные зверьки! Всякую почти минуту выходят из-под печки в два отверстия и выманить их тотчас можно: лишь только кинь арбузных корок – превеликие охотники, но поймать не думай пожалуй. Ни однажды их еще не захватили, хотя всякой день о том стараемся. Самые плуты и очень смешны...

Вот какова была наша тогдашняя квартира; но привычка чего не делает. В немногие дни мы к ней привыкли и она нас не безпокоила.

В разсуждении стола мы были довольны, ибо был с нами повар и провизии всякой довольно. Брат мой жаловался только не один раз, что ему скучно, но то и не удивительно. Человек, не привыкши к упражнениям, скуку прогоняющим, подвержен всегда сему бремени их отягощающему. Но что касается до меня, то я не ощущаю и здесь скуки, ибо привыкнувши всегда в чем-нибудь упражняться, прогонял скуку и тут безпрерывными и разными упражнениями и занятиями, и когда не было никакого иного дела, то взятые с собою книги, перо и бумага не допускали меня никак чувствовать скуки».

Но я заговорился уже о постороннем, а о деле вам ничего еще не сказывал. Вы из прежняго моего письма знаете уже, что главным предметом езды нашей была купленная нами из межевой канцелярии земля и главное наше желание состояло в том, чтоб, намерив себе такое количество, сколько нам продано, оную обмерить и очертить так, чтоб никто нам уже не мешал владеть оною в силу указа.

Всходствие чего, не успели мы приехать и расположиться, как первейшее мое старание было узнать от своих, что думают и говорят о земле нашей тамошние соседи, которым нельзя не знать уже о нашей покупке. Вести, которыя при сем вопрошании я от всех услышал, были для меня совсем неожидаемы и весьма неприятны.

Уведомляли нас, во-первых, что все наши тамошние соседи дивятся, каким образом купили мы государеву землю там, где ее нет, ибо-де те урочищи[1] лежат внутри округи, тамошним жителям произведенной в дачу[2], и тут нет никакой пустопорожней государевой земли.

Во-вторых, что самыя те урочищи, где мне произведена продажа и некоторыя места я дикопорожжею и ковылом поростою землею назвал, все почти после того времени и после издания манифеста и вопреки оному, нагло завлажены не только тамошними помещиками, но и из других деревень жителями, и что осталось тут уже очень мало ковыльной земли, и которая еще есть, так и та вся небольшими клочками лежит внутри захваченных очерченных мест.

В-третьих, что самое то место в *Дальнем Ложечном*, где я вознамеривался завести себе и при будущем переводе из других деревень людей осо-

[1] Естественный межевой признак – речка, овражек, горка.

[2] Дача, дачная земля – данная по дележу или дарованная царем земельная собственность.

бую поселить деревеньку, одним нашим захвачено посторонним соседом, и он сделал тут последние годы *хутор*, и нас выгнал и вытеснил совсем.

В-четвертых, что самый сей сосед, по фамилии *Рахманов* и по имени Степан Миронович, очень силен, имел там две великия деревни и нас повсюду наглостию и многолюдством своим обижает, отнимает у всех насильно земли и луга, и что наши по малолюдству своему противиться ему не могут. Жалостный пример тогдашняго беднаго состояния нашего отечества, а особливо тамошних мест, где кто был сильнее, тот был и прав, и сила его за закон поставлялася.

Сии и подобныя тому другия обстоятельства, разсказываемые тогда мне умным человеком, моим прикащиком и другими людьми, привели меня в превеликое размышление. Я предвидел, что произойдут для меня великия хлопоты, повстречаются многия препятствия и что мне мудрено будет с соседями разделываться. К вящему несчастию, нашел я в доставленном мне в одном списке с выписи и окружной всей тамошней дачи, что о помянутых ложечных буераках, о коих я просил, было в ней упомянуто, и что они едва ли и в самом деле не внутри ли дачной земли и описанной округи были, и что я едва ли не сделал великой ошибки, назвав сие место государевою землею.

Все сие приводило меня в великое замешательство и смущение. Я не знал, как мне поступить и как за это дело приняться, и принужден был целый вечер читать и штудировать Межевую инструкцию, где многия сколько полезныя, столько и неполезныя для себя обстоятельства увидел. Наконец нашел я себе некоторое утешение в том, что велено таким владельцам, кои поселились в однодворческих селениях и имеют земли, купленные до запретительного в 1727 году указа, им то купленное число отмежевать безденежно, а сверх того, ежели останется по намере от однодворцев, намежевать и им земли по пропорции душ и взять с них деньги за распашную по тройной и за пустую по одинакой цене.

На сем пункте и на том обстоятельстве, что купчая моя стара и действительна, и основал я свою надежду, а недоумевал только, как мне исправить себе погрешность в межевой канцелярии, буде до того дойдет дело. Одно то только меня подкрепляло в надежде, что я самыми моими соседями утверждать стану, что сия земля государева дикая, ибо они равномерно показали, что владеют государевою дикою землею, а владение их вместе с моими.

Предположив все сие, начал я помышлять о том, каким бы образом поступить тогда, и положил употреблять и волчий рот и лисий хвост, то есть сколько можно добром убеждать здешних соседей, чтоб они мне дозволили где-нибудь взять к одному месту покупную землю, устрашая их всеми невыгодными для них в Межевой инструкции упомянутыми обстоятельствами, и что буде не согласятся добровольно меня удовольствовать, то я принужден буду поневоле навесть им превеликия хлопоты, и что необходимо будет большое следствие. С другой стороны, льстить бы им, что оставлю их с покоем, не возьму всех лучших угодий и землями кое-где обменяюсь и вместо их дам им свою, и все сие для того, чтоб мне где-нибудь можно было прильнуть к степи и к тому месту, где мне вздумается селение сделать.

Препроводив вечер и большую часть ночи в таковых размышлениях, возобновил я разговор мой о земле и в последующее утро с моим прикащиком и с другими начальниками и стариками. Прикащик мой был человек умный, кричать очень умел, но слова его были не очень связны, да и на деле был он далеко не таков, как на словах. Он не успел приметить мое недоумение, как в одобрение мое сказал: «Как не взять нам!.. Молчите сударь! Повидайтесь с *Соймоновым* да с *Иваном Силичем* и не трусьте только. Они все дрянь и трусы!»

Вот что говорил мой прикащик и сия умная голова! Подошел к тому же времени и прежний мой дворяниновский прикащик *Грибан*, живший уже тут у детей своих с некотораго времени по отставке, обросший тогда уже бородою, поседевший и одряхлевший так, что и узнать его не было способа. С ним я также начал о сем говорить, но толку столько ж; но чего было и требовать от них. Они не в состоянии были никак проникнуть во всю важность сего дела и потому судили обо всем по-своему.

Между тем как сие происходило ходил уже посыланный к господину *Тараковскому* сказывать о моем приезде. Это был самый ближний и в одном со мною селении живущий и самый тот сосед, котораго прикащик мой называл *Иваном Силичем*.

Сей человек был уже мне знаком. Я видел его в прежнюю мою там бытность. Но как он в сии годы несколько моих приобижал и однажды даже побил моего прикащика, следовательно, имел я причину быть им несколько недовольным, то и не знал я, как мне с ним в сей раз обойтиться, и по кратком размышлении положил не оказывать ему никакого неудовольствия, а подписать к нему лису, дабы можно было отобрать их мнения. По-

сыланной мой, возвратясь, сказывал, что он давно меня ждал и изъявлял радость свою о моем приезде и хотел сам заехать ко мне с поля.

Но не успели мы с братом, вышедши из своей конуры, несколько по деревне походить и осмотреть оную вскользь, возвратиться, как глядим – и наш Иван Силич в двери.

Я принял его с обыкновенною учтивостию, и он оказывал себя очень низким. Поговорив несколько о посторонних вещах, довел я нечувствительно речь до того, зачем я туда приехал. Сказываю ему, что я купил землю и намекаю, что надобно будет мне ее брать. Иван Силич мой тотчас в гору[1]: «Какая здесь земля?.. Здесь дикой земли вовсе нет. Земля здесь все наша дачная... Какую вы купили, мы не знаем... и почему дикою степью называете, мы не ведаем» и так далее.

Досадно мне было все сие слышать, однако я дал ему время выговорить все, чем они, по-видимому, меня встретить готовились. И погодив немного, сказал ему с холодною кровью, что мне все равно, дикая ли она или дачная, ибо мне все дадут и я свое получу верно. А не советовал бы им утверждать и называть ее дачною землею для того, что сие обратится им не гораздо в пользу, в разсуждении того, что у них у всех купчие недействительные, и они много чрез то потеряют. Одним словом, я начал вытверживать им все, что знал, к их устрашению, из Межевой инструкции.

И тогда мало-помалу начал мой Иван Силич становиться мягче, а я, приметив сие, стал более подпускать ласку и вытверживать, что я не такой человек, чтоб хотел вводить людей в замешательство и рад бы был, если б они развелись со мною полюбовно... А как он мне худой в сем случае успех предвозвещал, то я опять стал изображать ему опасности, которыя для них произойтить могут, если они со мною не разделаются, ибо я по силе указа должен буду тотчас объявить, кто тою проданною землею владеет и кто завладел ею уже после манифеста, и что с ними за то поступлено будет по узаконению.

Наконец спросил я его, почему ж бы они и сами называли ее дикою землею? Тут хотел было он запереться, но я обличил его и в устрашение сказал, будто я имею с их объявления и копию. Сим и другими тому подобными ухватками довел я наконец до того, что он стал обходиться со мною повереннее и быть ко мне гораздо снисходительнее.

[1] В смысле – на дыбы.

Я, унял его у себя тогда обедать, а после обеда возобновил опять разговор свой о земле, приискал все благоприятствующия мне, а им не приятныя места в Межевой инструкции, читал и толковал ему оныя; и как при сем случае приметил, что они инструкцию сию совсем еще почти не знали, то стал еще более всем возможным нагонять на него страх и опасение, и вскоре до того довел, что мой Иван Силич начал задумываться и смущаться, а наконец изъявлять некоторое согласие и на полюбовный развод и говорить, что, может быть, соседи и согласятся, а повидался б я с Афанасьем Федоровичем Соймоновым, ибо его земли там наиболее, и тужил, что других соседей не было тогда дома. Короче сказать, кончилось тем, что я усмотрел, что они сами не знают что делают и несколько потрушивают.

Посидевши у меня, стал г. Тараковский неотступно звать нас к себе. Мы согласились и поехали. Он угощал нас всячески, был очень снисходителен и долго нас не отпустил. Тут не говорили мы уже ничего о земле; но как нам надлежало ехать, то, к удивлению, подавал он мне сам случай видеться с г. Сомойновым и звал нас к себе наутрие обедать, сказывая, что будет и Соймонов, чему я очень был рад и быть к нему обещался.

Приехавши домой, услышал я, что он тотчас после нас поскакал к Соймонову. И не сомневался, что тут и мое дело имело участие и что у них будет происходить совет, а жалел только, что у Ивана Силича была уже излишняя чарка в голове. – Человек он был изрядный, не очень богат, вдовой, имел дочь и двух детей и все они так избалованы, что я прибил бы и их и самого отца; жил он по-степному, ни худо, ни хорошо, но домик по достатку своему имел изрядный.

Наутрие, прежде отъезда на обед к г. Тараковскому, разсудил я употребить ту предосторожность, чтобы объездить наперед и осмотреть самому всю землю и все положение мест, дабы тем надежнее мог я обо всем трактовать с господами соседями и не дать им себя в чем-нибудь обмануть. И потому, вставши поранее и севши с братом и прикащиком моим на лошадей, поехали мы осматривать землю и успели до обеда еще всю ее осмотреть и сделать все нужныя замечания.

Езда сия послужила мне в великую пользу и успокоила во многих сумнительствах, ибо я нашел совсем иное, нежели что себе воображал по сказкам мужичьим.

А именно: во-первых, то, что владения жителей деревни нашей, в том числе и моих, занимали обширныя и весьма великия поля, так что хотя б всем на души намежевать, так бы еще осталось.

Во-вторых, что ежели б счислить одну землю владения моего, разбросанную по разным местам, то почти ее одной слишком будет то число, сколько мною куплено.

В-третьих, что все те места, где мне надобно взять, почти все под моим владением, а посторонних мало.

В-четвертых, что кавыла еще много непаханнаго в самых тех местах, где мне взять можно и в моей черте и округах.

Одним словом, я усмотрел, что хотя б они мне и никакого удовольствия не сделали, так я и тою землею доволен буду, которою тогда владел.

Получив сие утешение, поехал я уже с веселейшим сердцем к дожидающемуся нас г. Тараковскому и жадничал увидеть славнаго их г. Соймонова и спознакомиться с ним. Однако он не бывал, отговорился болезнию. Досадно мне сие было, однако не долго думая, решился я в тот же день сам к нему ехать и подговорил с собою и г. Тараковскаго. Итак, отобедав у него одни, и прямо по-степному, все вместе туда и отправились.

Господин *Соймонов* жил в деревне Беляеве, версты с три от нас за рекою *Пандою*. Мы не успели приехать к реке, как увидели самого его идущего с людьми ловить рыбу. Итак, остановились его дожидаться. «Что то за Соймонов, – думал и говорил я сам себе, – посмотрим славнаго в здешнем околотке и богатаго человека».

Соймонов пришел и обошелся с нами без дальних церемоний, узнал моего брата, служившаго с ним в Польше. Потом спрашивал, куда мы? Мы отвечали, что к нему. Он зовет к себе и воротился с нами. И тогда увидел я, что славны бубны за горами, а как ближе – так лукошки.

Был он человек маленький, похож на курочку и очень-очень не из прытких. Домик у него был степной, покрытый соломою, состоял из горенки с комнаткою, и уборцы в нем по-середнему, хотя и видно было, что жил изрядно и видал, как люди живут.

Как скоро сели, то появилось первое степное подчиванье: водка и арбуз, и приказано было подать горячего, то есть чаю. Жена его была на рыбной ловле и не возвратилась с нами, а только поцеловалась на поле.

Вскоре разговор наш сделался общий и поознакомившись было сидеть нам весело, и мы все не молчали. Г. Соймонов был не глуп и можно

было с ним обходиться. Мы просидели у него до вечера, но говорили все о постороннем; но наконец довел я материю и о земле и, к удовольствию моему, услышал, что г. Соймонов и сам желает землями поразменяться.

Он был не храбрее Тараковскаго и предлагал даже сам, чтоб всем нам съездить в степь и назначивал даже к тому последующий день. Легко можно заключить, что я сему был очень рад.

Итак, разстались мы как добрые приятели, а познакомились между тем и с возвратившеюся домой и его женою. Она была барыня молоденькая, тутошная уроженка, одета как голанка и очень мудрено: в байковом платьице, очень короткой юбке, а того короче шушун; поворачивалась, как куколка, и была ему ровня и боярынька средняго класса.

Возвратившись домой и занявшись ввечеру писанием своего журнала, между тем как брат мой разговаривал с премудрою головою, моим прикащиком, услышал я нечто такое, что побудило меня до слез почти смеяться. И как сие может служить доказательством уму и разсудку моего долговязаго прикащика и грубому невежеству и глупости нашего подлаго народа, то разскажу вам сие смешное происшествие.

Разговор у них был тогда о скотском падеже, свирепствовавшем в тогдашнее время во всем тамошнем околотке и в том числе и в самом нашем селении; и прикащик мой божился ему тяжкою клятвою, что там недавно смерть коровью видели, и брат мой был так недальновиден, что ему в том и верил. Что ж касается до меня, то я, услышав сие, покатился со смеха и, перестав писать и захохотав, спросил:

– Какая ж она, эта смерть коровья?

– Право, сударь, видели, – отвечал сурьезно мой прикащик. – Андрос вез хлеб с поля, и она бежит-бежит по нашей роще и тотчас разсыпалась, как скоро Андрос ее увидел.

– Ха! ха! ха!

– Нет, сударь, что вы смеетесь? С девчонкою нашею встретилась, совсем-таки наткнулась на нее, перепугала ее насмерть.

– Того еще лучше! Да какая же она?

– Вся белая, от ног до головы. Бежит, бежит и очень резво!

– Да что ж она, человек что ли?

– Нет, сударь, а ноги у нее коровьи, а голова бычачья! – Вот ажно какая!

– Ну, ну, что далее?

– А что, сударь? Попытаться бы коров-то в землю от мора сажать.

– Как это? Ха! ха! ха!

– А вот как, сударь. Вырыл бы яму глубокую и туда бы их запер, и воду бы к ним из вершины пропустил, сделав внизу узенький проходец; а чтоб земля не обваливалась, подставил бы подпоры и сделал бы ясли, а перед дверьми натыкал бы пик, так бы смерть и накололась.

– Ха! ха! ха! Перестань, пожалуй, врать и говорить такую околесную, ты мне только писать мешаешь.

Вот какой премудрый разсудок имел мой прикащик, и удивительно ли, что он и жил в такой прекрасной и опрятной комнате, какова была наша квартира.

Сим окончу я сие письмо и, предоставив продолжение повествования моего письму последующему, между тем остаюсь ваш и прочая.

СТЕПНЫЯ ПРОИСШЕСТВИЯ

Письмо 126-е

Любезный приятель!

Повидавшись помянутым образом с обоими моими ближними соседями и условившись с ними ехать в поле, за нужное почел я прежде их ко мне приезда выправиться хорошенько, сколько земли у меня было действительно во владении господской и крестьянской, дабы знать, сколько в прибавок мне себе отмерять и взять надобно. Тут, по точной переписке и счислении, открылось для меня совсем странное неравенство, что крестьяне владели вдвое против моего и что в завладении всей было около 150 десятин.

Между тем пришел ко мне староста господина *Молчанова*, соседа деревенскаго ж, имеющаго вместе с нами владение, но отсутственнаго; и как мне и с ним надлежало разводиться, то рад я был сему случаю и говорил ему о том. Но что и чего можно было от мужика требовать: «Не смею без господина!» да и все тут, и что я ему ни говорил, но он ничего не понимал и понять не мог.

Не успел я помянутое счисление кончить, как увидели уже едущих к нам господина Соймонова с Тараковским. Меня сие очень удивило, ибо я

ждал их после обеда, а они приехали поутру и хотели было ехать в поле до обеда, но как был уже 12-й час, то унял я их обедать.

Обед наш был заезжий, однако по случившейся рыбе довольно изрядный, и мне было не стыдно. Отобедав и напившись чаю, поехали мы наконец на поле, взяв с собою и старосту Молчанова как участника немаловажнаго.

По приезде в те места, где по совету всех моих мне взять было других мест сходнее и выгоднее, стал я от них требовать и показывать место, где бы они мне отвели землю к одному месту и свои бы куски променяли. Г. Соймонов был почти посредником, ибо его земель тут не было. А как случились тут земли распаханные и завлаженные самовольно Тараковским, Молчановыми и некоторыми помещиками из села Трескина, то г. Тараковский не очень на предлагаемый обмен соглашался, а отводил другое и самое то место, где отрезал и захватил себе Рахманов, хотя меня отбоярить на самое спорное место, и чтоб я отнимал у Рахманова и с ним хлопотал и бранился.

Мне показалось сие очень удивительно. Я представлял требованию моему причины, слался на г. Соймонова в справедливости оных. Сей был моего мнения и брал мою сторону, ибо был человек не глупый и разсудительный. После чего поехали мы далее, ездили, останавливались во многих местах, говорили, кричали, бранились, но ничем не мог я г. Тараковскаго привесть в разсудок. Он наладил только все свое и более ничего, а потому и разъехались мы ничего почти не сделав, а только проездив целый день по полю.

Досадуя на глупое и совсем безразсудное упорство Тараковскаго с товарищи и предусматривая, что добром ничего сделать с ними было не можно, положил я, несмотря на них, вымерить и отрезать себе там, где мне хотелось, и те их пашни и земли, которыя случатся в моей округе, оставить в их владении, ибо силою отнять мне было не можно, а вместо их взять такое же число далее в степь, ибо другого делать не оставалось, а притом положил удаляться колико можно от Рахманова.

Сей побочный сосед был мне всех прочих страшнее. Все сказывали мне об нем, что подобного ему обидчика во всем свете не найдешь и что, будучи богат и людьми силен, ворочал он во всех тамошних местах, как чорт в болоте, и отнимал земли у всех, где бы какая ему ни полюбилась, и никто не мог найтить на него нигде ни суда, ни расправы. А по всему

тому и не хотелось мне иметь с ним дела, а оставлял их с ним ссориться и браниться как хотят.

Впрочем, во время помянутаго разъезжания по полям и смотря на них и на распашныя земли, не мог я надивиться завистливости и любостяжанию тамошняго народа и ужасному в распашке земель безпорядку. Всякий захватывал более и далее сколько мог, но как же?.. Очертив себе превеликую округу и распахав в ней лоскуток, считает, что вся округа уже его, и никто у него ее не трогай и в его округу не ходи, хотя бы он ее и в двадцать лет распахать был не в состоянии.

Такия очерченные округи были не только у всякого господина, но и у всякого мужика особыя. Но того было еще не довольно, что они сим образом все поле испестрили, и была тут и пашня, и покос, и кавыл, и яровое, и рожь и все вместе; но несмотря на всю строгость делаемаго законами запрещения, лезли все еще далее в степь, и где-таки кому вздумалось, там посреди степи и ну пахать, а чрез то и испещрена была сия ближняя степь ужасным образом.

Предприяв помянутое намерение, не стал я долее медлить, чтоб не жить там по-пустому, но, составив некоторый род межевой команды своей для ношения астролябии и прочей межевой сбруи, пустился с братом и прикащиком на сию работу.

Мы препроводили в сем измерении и снимании на план ситуации того места несколько дней сряду, и работа сия была мне в сей раз не только трудна, но крайне скучна и безпокойна. Во-первых оттого, что астролябия была у меня неправская и не совсем тогда еще исправленная, а люди все незнающие и необыкшие.

Во-вторых, что и погода власно, как нарочно, случись в те дни самая скверная, холодная, ветреная, перемешанная иногда с дождями и снегом, мглою и самым градом; что все работе межевой не только мешало, но иногда совсем ее останавливало.

В-третьих, оттого, что сперва был брат болен, а там и сам я целый день пострадал жестоким поносом, повредив желудок свой арбузами и тамошними дурными водами, и насилу от него отделался.

Наконец, в-четвертых, от сделавшейся нечаянно ошибки.

Однажды, записывая на абрисе ромбы, записал я градус 69, отдал я бумагу сию носить своему Бабаю, а он, не дав времени написанным цифрам засохнуть, согнул ее и так хорошо, что из числа 9 сделалось 2. И сия

безделка навела мне множество хлопот и сделала то, что труды целаго дня пропали по-пустому и я принужден был вновь перемеривать и везде искать ошибки и насилу-насилу открыл ее.

Но как бы то ни было, но я все желаемое кончил, земли довольное пространство положил на план и на оном все то количество, которое мне и брату моему было надобно, намерил и к отрезке назначил и оставалось отрезку сию произвесть в натуре. Но сие хотелось мне произвесть не одному и не тайком, а торжественно при посторонних людях, которых и положил я собрать, пригласив к тому же времени и моих соседей.

Сколько я сим делом ни поспешал, но неожиданное обстоятельство принудило меня оным на несколько дней поостановиться.

Лишь только хотел я посылать за соседями, как услышал, что их никого дома нет, что все они уехали к приехавшему в те пределы г. *Лунину* и не прежде возвратятся, как дни чрез три.

Этот Лунин был один из ближних тамошних соседей, человек знатный, находящийся еще в штатской службе, служивший в Вотчинной коллегии главным и притом очень богатый.

Все тамошние мелкие дворянчики веровали в него, как в идола, и не успели услышать о его приезде, как все к нему на поклон и поскакали, а как не приезжал еще и г. Рахманов, с которым мне хотелось также очень видеться и говорить, и прикащик ожидал его с часу на час и для того ко мне ехать не соглашался, то и решился я всех их дождаться и тогда уже с лучшим основанием приступить к делу.

Во все сие праздное время занимался я разными экономическими распоряжениями, размериванием своей усадьбы, назначением мест, где поселиться вновь переведенцам, которых хотел перевесть туда из других деревень, и в прочем тому подобном, и все сие помогло мне и сие время препроводить без дальней скуки.

В один вечер из сих дней имел я особливое удовольствие и обрадован был до чрезвычайности, но чем?.. О том надобно пересказать вам самыми теми словами, какими описывал я тогда происшествие сие моему приятелю:

«Угадайте, – говорил я в письме своем к нему, – какая бы это была радость! Об заклад ударюсь, что вы не отгадаете!.. Ежели думаете, что я землю получил, так совсем не то: о земле нет ни слуху, ни духу, ни послушания. Соседи мои не бывали и три дня еще не будут. Все ездят и празд-

нуют по гостям. Что ж бы такое?.. Вы не угадаете, хотя б прибавки еще, что радость моя была полная и удовольствие совершенное. Я имел вчера и сегодня то в руках, чего желал долгое время. Во мне совершилось или удовлетворилось одно желание, которым я уже давно мучился, то как же не радоваться?

Однако прошу не углубляться в мысли: сколько б вы не стали мыслить и думать, но вам никак не отгадать, а лучше разскажу вам все дело и заставлю и вас посмеяться.

Вчера легли мы с братом спать. Я поставил себе свечу в головы и читаю книгу; брат мой ворочается и поправляется, чтоб спокойнее заснуть; но вдруг как меня удивил! В единый миг скок-таки с постели и с одеялом своим и растянулся на полу! Что бы это такое над ним сделалось? Вы, думаю, дивитесь сему, но вы удивитесь еще более, когда скажу, что я вместо того, чтоб испужаться, сам ему последовал, сам также с постели вскочил в чем мать родила, бросил книгу и свечу и ну по горнице или по избушке своей прыгать и бегать.

«Господи! – скажете вы. – Не с ума ли вы оба сошли и не подеялось ли вам чего?»

Нет мой друг! Право нет. Мы оба в целом разуме были и так, как теперь, только по вас слово, сделались на минуту маленькими ребятками!

Кролики, сударь, жившие у нас под печкою, которых мы так усердно поймать хотели, но никак и никогда поймать не могли, вышли в сей раз из-под печки и удалились от своей лазейки. Брат, приметив сие, вскочил и одеялом своим заткнул им лазейку, а я, вскочив, бросился их ловить; и какое же удовольствие имел, когда, наконец, поймал одного из них, а именно беленькаго.

Я взял его за ушки, поднес к свечке, смотрел, гладил его, любовался и веселился сим прекрасным зверочком с целую четверть часа.

«О, вор, попался ты нам! – говорил я ему и повторял несколько раз. – Вот ужо мы тебя! Уж дадим тебе переполох! Перестанешь от нас бегать! Целых две недели мы тебя ловим!..»

Однако угрозы наши были ему неопасны; мы, налюбовавшись им досыта, дали ему опять свободу, и тогда с какою же радостию нырнул он в свою лазейку. А мы положили ловить чернаго, который гораздо был проворнее и смелее и, нырнув под одеяло, продрался. И я доволен был тем,

что он ушел, ибо тем подал мне случай другой раз подобным тому образом минуты две-три повеселиться.

Это было сегодня после обеда. Сижу я с попом, который у нас обедал, и говорю. И разсудите, сколь велико было во мне желание поймать сего плутишку, что сидит со мною посторонний человек, а, увидев его удалившагося от своей лазейки, вдруг как сумасшедший вскочил, бросился к печи и тулупом своим заткнул дырку и насилу-насилу поймал его за ножку. Чуть было не ускользнул, такой вор!

Поп мой, думаю, удивился моему поступку, но что мне до того нужды. Я взял-таки и налюбовался им еще того больше. Он был гораздо лучше белаго. Я посадил его на стол, держал долгое время, кормил его яблочками, и он у меня их кушал, а потом, наконец, дал я ему свободу, ибо как увеселил меня он, так хотелось мне и ему сделать освобождением удовольствие».

Теперь, продолжая мою историю, скажу, что около 28 сентября начали обстоятельства мои приближаться к окончанию. Соседи мои начали собираться и посыланные проведывать привезли известия, что приехал и Тараковский, и Соймонов, и, наконец, Рахманов.

Я не преминул к первому отправить тотчас моего прикащика для узнания вестей относительно до г. Лунина. Но сей привез мне известие, что Тараковский скачет опять к Лунину с своими крепостьми; что Лунин сам купил 1000 десятин, но дивится, как я сам хочу межевать; что Тараковский сам уже говорит, что он виноват пред государем и хочет также покупать землю, а наконец просит меня, чтоб я отрезкою земли помешкал еще дня три, покуда уедет Лунин.

Хорошо, думал я, однако это будет долго, а я повидаюсь между тем лучше с Рахмановым; и тотчас, запрегши лошадей, к нему с братом поехал. Но, заехав к живущему на дороге г. Соймонову, услышал, что слух о приезде Рахманова проврался и что он еще действительно не приезжал и никто точно не знает, когда он будет.

Сие переменило мои мысли и я, досадуя на такую проволочку, решился приступить к отрезке земли себе без них, а сам собою и, не долго думая, начать то с последующаго утра. Сие мы наутрие действительно и учинили. Но что ж! Не успели мы выехать с братом и с людьми начать проводить и назначать линии, как, гляжу, скачет ко мне мой староста и с ним какой-то господской человек изрядно одетый, и чей же? – г. Рахманова,

присланный от самого его сказать мне о своем приезде и звать меня к себе, чтоб поговорить о земле.

Что было мне тогда делать?.. Принужден был перестать межевать, ибо мне с ним необходимо надобно было видеться и положить на слове, где между нами меже быть, и согласится ли он так, как я назначил, чего, однако, я не надеялся, ибо отрезал из черты его очень много. По крайней мере, рад я был, что он наконец приехал и разрешит все мое сумнение.

Таким образом, отпустив человека и, сказав, что я буду, поскакал я искать брата и насилу его нашел в степи и поехал с ним домой, а отобедав, и отправились мы к сему нововыезжему.

Г. Рахманов жил от нас не близко и имел село превеликое, с однодворцами вместе, но я отроду такой дурной усадьбы и положения места не видывал, как сие.

Село это сидит в лощине по косогору и очень дурно и тесно, хотя прикрыто прекрасным по буграм лесом. Насилу-насилу мы въехали по грязи на гору к его хоромцам, построенным также на косогоре и в прескверном месте и не значущем ничего.

Г. *Рахманов* принял нас с надутою гордостию и пышностию; а хотя бы и не имел сего пристрастия, так бы толстый его корпус и взрачный стан придал бы ему пышность. Мы скоро дошли в разговорах до земли. Рахманов мой в гору и в гору ужасную! «Земля дачная, окруженная окружною и настоящая окружная у него, а дикой земли вовсе нет», да и только всего!

Но эта песенка была первая у всех тамошних господ; но я скоро усмотрел, что Рахманов был не дурак и что сосед сей важнее всех прочих. Он начал представлять резоны, и резоны его были справедливые, и никто еще из тамошних столь важно о сей окружной не говорил, как он. Знал же он и все то, что в инструкции о землях написано, и твердил, что здешния пустыя степи почтут примерными. Далее говорил он, что купить в ней было мне не можно и что он сам просил о продаже, но ему будто затем и не продано, что земля тут дачная, и он просил будто о продаже в другом месте.

Мы прокричали с ним добрые полчаса, и я нимало не уступал, но со всем тем привел он меня в великое сумнение; ошибка моя была мне очень явна и состояла в том, что при просьбе о земле в межевой канцелярии назвал я ее дикою и в дачах небывалою, почему она мне и продана.

Приведен будучи сим в великое замешательство, замолчал я на часок, чтоб подумать, какия бы при тогдашних обстоятельствах принять мне

лучшия меры. В единый миг пробег я мыслями все следствия, могущия произойти в разных случаях.

Помышлял о том, чем бы и как исправить свою ошибку в межевой, думал о испрошении для отмежевания мне проданной земли своекоштного землемера; помышлял о спорах, какие произойдут при сем случае и как тем еще более все дело испортить можно, и не усматривал ничего лучшаго, как избрать среднюю дорогу, а именно: чтоб об ошибке своей молчать, межевщика не брать, а владеть землею по-прежнему до прибытия землемеров и распахивать ее уже смелее. Но чтоб владеть до того времени спокойнее, то усматривал ту необходимость, что вести мне надобно себя посмирнее и стараться получить ласкою землю к одному месту, где б то ни было, хотя бы то и с некоторою уступкою было.

Не успел я все сие перемыслить, как г-н Рахманов, успокоившись от своего разгорячения и пыхов[1] и сделавшись смирнее и снисходительнее, сказал, что я дачу свою получу тогда, как межевать станут, а теперь владел бы я тем, что имею. Я обрадовался сему и, привязавшись, начал клеить свое дело. Ибо с сей минуты говорили мы уже все ласково и хорошо. Он уже соглашался, чтоб я брал и отводил землю. Но тут сделался вопрос, будет ли он моею межою доволен?

Чего я опасался, то и сделалось. Он был крайне тем недоволен, что я так близко к его хутору подъехал, и требовал неотменно по свою черту, самим им от единой жадности к захватыванию проведенной; ибо сие место было совсем не против его дачной земли, а против нашей, а он захватил только насильно у нас один лог, известный под названием *Дальнаго-Ложечнаго*, и, нашед тут родник и воду, поселил хутор.

Я видел ясно всю несправедливость и наглую только жадность к земле с его стороны, и потому хотя мне и весьма не хотелось ему сделать толь великой уступки и дать ему чрез то отбить меня совсем от помянутаго Дальнаго-Ложечнаго, которое именно мне продано, и где самому мне селение завесть хотелось; но видя, что мне с сим тузом, как с добрым мерином, не сладить, оказал себя сколько-нибудь склонным и на его предложение, и тогда и он, будучи доволен, хотел сам выехать и положить между нами межу.

Я был и сему уже рад, по крайней мере, была бы межа достоверная и мне где-нибудь распахивать бы уже смелее было можно; но горевал я

[1] Пых – пыл, спех, горячность.

только о том, что выезд сей назначал он не прежде как чрез 7 дней, и насилу убедил его обещать выехать чрез день после того времени.

Сим кончилось наше тогдашнее свидание и мы разстались, как уже добрые приятели.

Во время обратной нашей езды случилось с нами одно смешное происшествие, которое не излишним будет разсказать для того, чтоб дать случай вам посмеяться.

Едучи еще к г-ну Рахманову, видели мы преужасное стадо диких гусей, сидящее на ровном лугу при берегах реки Панды. Было их такое множество, какого я отроду не видывал, и безошибочно можно было сказать, что находилось их тут несколько десятков тысяч. Весь обширный луг казался от них не инако, как вспаханною землею, и как мы их вспугнули, то затмилось даже солнце от густоты их огромнаго стада. Нам хотелось хоть одного из них застрелить, и мы не один раз посылали бывшаго с нами братнина егеря-поляка, но они были так осторожны, что он не мог никак к ним подкрасться.

Но как поехали мы назад, то было уже так поздно, что не успели мы доехать до реки Панды, как совсем уже смерклось, и тогда увидели мы опять небольшое стадо гусей, слетевшее с поля и одного гуся отставшаго от них и бегущаго пешком.

– Ах! Конечно, это подстреленный! – закричал мой брат.

– Подстреленный, сударь! – говорил кучер.

– Право знать подстреленный – говорил прикащик, стоявший позади.

Словом, все утвердили, что так, и тотчас определили, чтоб ловить подстреленного гуся. И тогда я закричал: «Стой, стой!», а брат кричал: «Побегай, побегай Яков», и Яков побежал ловить гуся. Заходит ему вперед, гусь бегает... заходит ему вбок, он прочь бежит.

– Ох, ему одному не поймать, – закричал брат, – побегу-ка я к нему на помощь, двое скорее поймаем!

– Побеги братец! – говорю я, и братец мой полетел, а за ним ну-ка и я туда же для компании.

Уже мы ловить, уже бегать, то туда, то сюда, то вперед, то взад – не дается нам гусь; запыхались, замучились, не один раз в темноте спотыкались и падали, и насилу-насилу наконец поймали. Но что ж?.. Вместо мнимаго сокровища оказалось, что гусь был дворный и отнюдь не дикой!

Господи, какая была тогда досада на самих себя и как потом смеялись мы тому, что все мы четверо так грубо обманулись и все измучились попустому, а выиграл более всех наш кучер. Он просидел на козлах и разиня рот с нами не бегал.

Как по условию нашему надлежало мне целых двое суток дожидаться нашего съезда, и сие время еще долее продлилось по случаю заехавших к Рахманову гостей и его задержавших, то употребил я сие праздное и для брата моего очень скучное время на разныя экономическия распоряжения, а в достальное праздное время описывал положение и самую историю тамошних мест, между прочим же и на свидание с ближнем соседом своим, г-н Тараковским.

Сей удивил меня пременением[1] всех своих со мною поступок и, побывав у Лунина, вместо прежняго казоканья[2] сделался так смирен, как, овечка и так ласков, так снисходителен, так сговорчив и на все согласен, что я даже удивился, и будучи крайне тем доволен, ласкал себя приятною надеждою, что мы разведемся с ним и в земле порядочно и как надобно. Но за доставленное мне сие краткое удовольствие заплатил же он мне с лихвою другим своим со мною обращением, которое по особливости онаго и достойно того, чтоб я описал оное вам в подробности, и по примеру прежнему, теми же точно словами, как им описывал я происшествие сие тогда в письме к моему приятелю. Вот оно:

«Скажу вам, любезный друг, что я весь сегодняшний день принужден был просидеть под караулом и терпеть крайнюю скуку. Однако не ошибитесь в заключениях и не подумайте чего-нибудь действительно худого; нет, мой друг! А я был в гостях и таких гостях, где мне были еще чрезвычайно рады.

Но со всем тем сидеть мне было тут так весело, что принужден был употребить всю философическую терпеливость и искать от самой сей высокой и драгоценной науки себе утешения. Причиною тому было то, что хозяин того дома, где я сегодня обедал, впал в некоторый род энтузиастического исступления, или некоторый род болезни, которой, по примечаниям моим, здешние дворяне в особливости и часто подвержены бывают. Действие ее состоит в том, что человек приходит вдруг в некоторый род

[1] Изменением.

[2] Козокаться – упрямиться, сердиться.

исступления и начинает делать всякия неистовствы и присутствующих мучит разными образами.

К вящему несчастию, продолжилось сие исступление его до самого моего отъезда, в которое время весь дом его был встревожен, и досталось от него всем, кто тут ни был, и в том числе не освобожден был и я от некотораго рода мучения. Но что всего страннее, то мучения сии деланы были всем разныя и неодинакия. У иных принуждены были терпеть мучение ноги, у иных – руки, у иных – горло, а у иных – все тело. Мое же состояло в том, что он принимался несколько раз меня душить и однажды чуть было не задушил, так крепко притиснул меня своими руками. А сверх того, щеки мои и теперь еще саднеют от небритой и жестокой его бороды, которою колол он в них, как железною щеткою.

Если вы не догадываетесь, что вся сия аллегория значит, то для изъяснения загадки сей скажу вам, что все дело состояло в том, что хозяинушка наш был на подгуле с радости, видя у себя таких гостей, с которыми он, по уверениям стократным, в наисовершеннейшем дружестве жить желает, хотя в самом деле, может быть, ими и не гораздо доволен.

Был то не кто иной, как друг наш, г-н *Тараковский*. Будучи у меня в сие утро, не только не хотел никак остаться у меня обедать, но привязался к самим нам с братом с такими неотступными просьбами, чтоб ехать с ним обедать к нему и вместе с ним и его детьми расхлебать уху, которая у него самая свежая и только что из воды, что мы принуждены были на то согласиться и, севши на лошадей вместе с ним, к нему и поехали.

И тут-то не успели мы приехать, как он чарочка по чарочке и рюмочка по рюмочке, но наконец так приятель наш понабрался, что, севши обедать, не умел ни одного слова выговорить, а только бормотал халдейским[1] языком, котораго никто из нас не разумел.

И Боже мой! Какое представлялось мне тогда и после обеда во весь день зрелище! Ежели б можно, намалевал бы вам все на картинке для изображения всей гадкости сего порока, ибо пером изобразить того никак не можно; однако опишу вам хотя малую часть всего смешного и скучнаго для меня позорища.

Но прежде скажу вам несколько слов о его обеде. Хотя приехали мы уже в часу первом, однако принуждены были более часа его дожидаться.

[1] Халдейский – грубый, безстыжий, здесь – непонятный.

Сие было уже хорошим предвозвестием доброму и сытному обеду; ибо другого не оставалось заключить, что он, по множеству рыбы, еще не готов был. И в сие-то время прохаживались у него взад и вперед рюмки.

За какое счастие почитал я тогда для себя, что я не пью водки, а то бы, конечно, и я в такую болезнь впасть принужден был. Однако со всем тем принужден был компанию делать вишневкою, но и ту, по счастию, не принуждал он меня пить более того, сколько я сам выпью. Впрочем, самое лучшее до обеда состояло в том, что он поставил перед нас одно превеликое яблоко на стеклянном блюдечке прекраснейшаго вкуса.

Наконец, загремели тарелки и появилась сборщица в премудреном сарафане, ибо, надобно знать, что должность тафельдекера[1] и казначея, и кравчаго[2], и управителя, а, может быть, и самой хозяйки или еще что-нибудь и далее отправляла одна молодая и собою гладкая баба в мудреном верхнем одеянии. Она одета была, как водится, в юбке, в кокошнике и в рубахе с манжетами, но сверху надет белый суконный короткий сарафан с короткими рукавами по локоть и в стану столь широкий, что можно бы в него поместить еще одного человека. Сия казначея и поверенная особа собрала с превеликою проворностию, при вспоможении одной девки, на стол и поставила кушанья довольно. Но посмотрим, какия они были!

Первое блюдо содержало нарезанную ломтиками и облитую конопляным маслом редьку с присовокупленным к тому луком, нарезанным кружками. Второе имело в себе вяленых подлещиков с оголившимися почти ребрами. Третье – тертый горох, такой черный, как лучше требовать было не можно. Четвертое – вареную и изрезанную ломтиками репу. В сих четырех блюдах состояла вся первая и холодная перемена.

Горячее было того мудренее. Славная его рыба была величины огромной: самая большая из них была не меньше, как в целый вершок длиною. Нельзя сказать, чтоб не было рыбы многой, ста два-три находилось их в блюде и была бы ушица изрядная, если б не подсыпано было туда же просяной крупицы или пшена, и тем все дело не изгажено. Другое горячее блюдо содержало в себе вареные каким-то особливым образом грибы, а третье щи с сомом. Жаркое было на двух блюдах. На одном – жареные подлещики, которые были всего кушанья получше, а на другом – великое

[1] Немецкое – дословно: скатертник, накрывающий обеденный стол.

[2] Кравчий – тот, кто режет за столом жаркое, пироги.

множество давичних маленьких рыбок на сковороде, а всем тем и бить челом.

Хотя обед сей был и не лучше моего, но едва ли не гораздо хуже, однако я голоден не был, ибо, по благости Господней, был я во всю мою жизнь не приморщик[1] и мог наедаться всякого кушанья. Впрочем, сидело нас за столом шестеро: мы с братом, да хозяин, да тетка его, старушка старенькая, да две девушки, дочери хозяйския, ибо он был вдов и жены недавно лишился.

Не успели мы встать из-за стола и дамы наши в другой покой удалиться, как и начались объятия.

– Друг ты мой сердечный!.. Я вам сердечно рад... Ей-ей рад.

Тут последовал поцелуй, не гораздо мне приятный для вышеупомянутаго колонья бородою, и едва было не воспоследовавшим задушеньем.

– Сядем-ка сюда на кровать!.. Дунька .. а Дунька! Подай-ка нам сюда столик... подай арбуз!

Столик подали и арбуза нарезанного тарелку. Не успело сего воспоследовать, как вздумалось другу нашему нас повеселить и позабавить. Но если б позволяла благопристойность, то 20 раз поклонился б я ему, если б он сию забаву отставил, ибо она состояла в крике, свисте и пляске баб, девок, мужиков и всякаго вздора, до чего я такой охотник, что хоть бы вовек не видать. Но что было делать! Тогда принужден был терпеть и насильно забавляться, ибо, казалось, дурно оказывать хозяину неудовольствие, а особливо столь откровенно обходящемуся. Но сие бы я уже согласился кое-как терпеть, если б повторяемыя его объятия не прибавили к тому скуки. Я жался к углу на кровати и пятился от него от часу далее, дабы хотя мало поотдалиться от такого ласковаго человека, но старания мои были тщетны.

– Друг ты мой сердечный... поцелуемся-ка... люби меня, как я тебя!

– Хорошо, хорошо, – говорю ему, а сам норовлю далее, однако помогало сие мало. Но чем далее я отодвигался, тем ближе подвигался он ко мне и, погодя немного, опять за то ж.

– Друг ты мой задушевный!.. Пьян я, голубчик!.. Пьян! Скажи ты мне чистосердечно, пьян ли я?

– Пьян... пьян! – говорю ему.

[1] Привередливый, брезгливый, разборчивый в пище.

– Ну, сударик, поцелуемся же!..

Не было уже мочи терпеть далее сии поцелуи, и я не знал, что уже и делать. По счастию моему, певиц показалось ему как-то мало и потому, неудовольствуясь кричаньем и многократным приказываньем своей Дуньке посылать баб и девок, встал он сам, чтоб их повытаскать из комнатки.

Не успел я от него освободиться, как бегом с постели долой и сел себе на просторе в стуле. Тут думал я, что буду, по крайней мере, от него терпеть мученья меньше, что мне и удалось. Он, хотя и нередко ко мне подхаживал и по-прежнему и колол, и давил, и мучил, однако мне все не таково уж было, ибо показалось ему, что все худо пели и худо плясали, и надобно было самому ему подавать, шатаяся, тому примеры. А сие и удаляло его от меня на несколько минут времени.

Дочери его принуждены были так же делать компанию, и на большую он мне то и дело жаловался, что плясать не умеет; меньшая же была по его мыслям, ибо плясала так, как ему хотелось. Обе они были девушки изрядныя, но жалки без матери и воспитание очень худое имея. Большая была уже невеста и, по приказанию отца, принуждена была то и дело подносить гостям напитки, и тут-то дошло было у нас до разрыва столь тесного дружества нашего. Не выпил я всей рюмки вишневки.

– Друг ты мой сердечный! Выпей всю.

– Не хочу, воля твоя... не стану... хоть ты сердись, хоть бранись, а я знаю свою пропорцию и ни для кого ее не преступлю!

И тут то начал было он вздорить, и потому принужден я был еще немного выпить, чем, по счастию, и удовольствовался. И опять пошла у нас с ним и опять: «Поцелуемся мой друг!..» Насилу-насилу дождался я чаю; по счастию, был он хорош, и я напился его довольно. После чая вздумалось ему переменить явление. Не было, по мнению его, довольно еще плясано и пето.

– Где мой Ларка? Ларка, а Ларка... побегите за ним.

Ларка пришел.

– Ну-ка, брат, встряхнись хорошенько.

И подлинно уже встряхнулся. Задрожали даже окошки и зажужжало в ушах, а свистом своим едва меня не оглушил. Рад я, рад был, когда телепень[1] сей перестал. Но тут другое навязалось на меня горе. Привязался

[1] Болван, повеса.

ко мне Ванюшка-голубчик, любимый сынок моего друга сердечного! Пристала ко мне Кулюшка-голубка, любимая дочка приятеля верного! Один говорит: «Дядюшка, а дядюшка! Сделай мне козлика!», а другая туда ж за ним: «И мне такого ж!»

То-то были завидные дети! Боже! Всякого сохрани от таковых. Ванюшка был лет пяти или шести, одет в какую-то фуфайченку, без порток и во весь день то кривлялся, то кричал, то вешался на отца, то пялился на кровать, то валялся и кувыркался на оной. И все это куда как хорошо.

– Поди ко мне, Ванюшка! Ванюшка! Поди голубчик! Мошенник ты! Вор ты самый, – и ну его целовать.

Дочка Кулюшка была немного постарее и кривлялась еще лучше брата своего, а в вешанье ему не уступала. Везде шарят, везде лазают... все хватают. Растворили шкаф, сыскали сахарницу, раскрыли ее, и милый сынок закричал:

– Батя, а батя, я раскрыл.

– Ох, хорошо, сударик, сударик, возьми себе...

И сим-то любезным деткам попадись как-то на глаза репа.

– Батя, а батя, репа! – и тащат к нему оную.

– Подай, любезное дитятко, сюда!.. Нарезать что ли вам? Подайте нож.

Покуда подавали нож, покуда собирался он резать, покуда резал, ибо резанье происходило медленно, кусок на стол, а другой на пол, время между тем много прошло, и я минут десять был спокоен. Но вскоре после того началось новое мученье.

Приступили оба ко мне с просьбами: делай я им из репы козликов! Делай, да и только всего, не отстают от меня. Что ты изволишь? Не мог никак отделаться и принужден был вырезать им две лошадки и тем насилу-насилу от них отделаться. И как мне все сие слишком уже наскучило, то поднялся было я ехать. Но статочное ли дело? – Разве браниться? – Не успею я встать, как меня схватит и поцелуя три сряду:

– Братец, сиди!.. Сударик, посиди! Ну, что тебе дома?! Делать теперь нечего.

Что делать, принужден был опять садиться. Лучше посижу, думаю в себе, только освободил бы он меня от поцелуев своих. Наконец стало уже поздно становиться. Я не посмотрел ни на что и почти с бранью с ним разстался и насилу уговорил его отпустить себя.

Вот вам описание тогдашняго угощения и препровождения моего времени. Вы, зная меня, можете сами заключить, сколько весело мне было, будучи трезвым, сидеть между пьяных и с ними разговаривать. Признаюсь, что иногда со смеху помирал, смотря на все сие. Но, спасибо, на меня не досадовали, но как бы то ни было, но в праздныя минуты упражнялся я и тогда в деле, а именно чистил арбузную корку, крошил из ней и из репной кожи сухарики, а в самом деле между тем размышлял о слабостях человеческих и благодарил Бога, что Он сохранил меня от слабостей сему подобных».

Но я записался уже в сей раз и заговорился о безделках, так что и позабыл, что письмо мое давно уже превзошло свои пределы и мне его давно пора кончить и сказать вам, что я есмь, и прочее.

РАЗВОД С ЗЕМЛЕЮ

Письмо 127-е

Любезный приятель!

Наполнив последнее письмо мое все почти одними безделками, надобно же разсказать вам теперь и дело. Как г. Рахманов обещал выехать в поле в последующий день, то, проснувшись, радовался я, что была опять прекрасная погода, но страшился, не происходило ли в прошедший день подобного тому ж у г. Рахманова в доме, что было у г. Тараковскаго.

Известно было мне, что не только поехавшие к нему тогда гости любили также тешиться и забавляться, как г. Тараковский, но что и хозяин нередко впадал в болезнь тому подобную; и так за верное почти полагал, что ежели гости у него ночевали, то все они были тогда с похмелья, а потому и боялся, чтоб сие не удержало опять г. Рахманова от езды на поле.

И я во всем том нимало не обманулся. Посыланный к нему человек привез к нам известие, что все гости и тогда еще были у Рахманова и что накануне того дня была у них прямо веселая компания, так что и тогда еще лежали почти все в лежку от того, и г. Рахманов велел просить, чтоб я его в сем случае извинил, и обещал уже наверное выехать наутрие.

Не могу изобразить, как мне и брату моему было тогда на него досадно и как бранили мы тогда и его, и всех гостей его, и все их куликанье[1] и

[1] Пьянство.

бражничество. Уже жили мы целую почти неделю по-пустому и для одного сего Рахманова, и упускали чрез то наилучшее время к обратной езде в свои домы. Досада моя была так велика, что мне не хотелось ни за какое дело приняться, а потому, чтоб не так было скучно, то почти против хотения своего согласился в этот день опять ехать к приславшему нас звать к себе опять обедать г. Тараковскому, котораго нашли мы лежавшего даже в постели и насилу вставшаго от похмелья. Мы пробыли у него весь сей день, и тем охотнее, что он не был уже таковым, как в прошедший день, но в полном и совершенном своем разуме.

Наконец наступил и последующий важный и решительный день. Судьба восхотела сделать его, власно как нарочно, со всех сторон для нас трудным. Самая погода переменилась, и из прекрасной сделалась самою скверною, холодною, ветреною, пасмурною и ненастною.

Я остолбенел почти, увидев сие и услышав шум и свист ветра еще ночью при просыпании, ибо думал, что в сей день сия дурная погода к выезду на поле не допустит г. Рахманова. «Понесет ли его нелегкая! – думал и говорил брат мой, – этого бушму[1] и брюхана[2] в такую дурную погоду». Я сам был такого же мнения и не спешил нимало одеваться и готовиться к езде в поле. Но все мы в сей раз в заключениях своих обманулись. Г. Рахманов был на сей раз так честен, что сдержал свое слово, и несмотря на всю дурную погоду, выехал.

Сперва сказали было нам, что он вовсе не поедет; и сие так меня вздурило, что я, разбранив и разругав его заочно, положил сам собою все кончить и послал прикащика некоторыя недорезанныя черты дочерчивать, а сами расположились уже за непогодою в поле в сей день не ездить; но как же нас встревожили и удивили другие, прибежавшие сказать, что Рахманов уже со двора выехал и в степь отправился.

«Давай, давай скорей одеваться, – закричали мы, – седлай скорей лошадей!»

И как по дурной погоде и по короткости времени было тогда не до уборов, то сел я в тулупе, в каком ходил, на лошадь, надев на себя только фуфайку и сверху епанчу и укутавшись сколько мог лучше от стужи; а в таком же убранстве был и мой брат и слуга третий, с нами тогда только

[1] Бушма – брюква, толстая женщина, толстуха – здесь презрительно.
[2] Брюхан – толстопузый, пузан.

приехавший, ибо за короткостию времени и за отсутствием прикащика и взять множайших людей с собою было некогда и некого.

Теперь опишу я вам сие достопамятное наше с Рахмановым свидание и бывшую с сим алчным и гордым человеком разделку; и опишу все происходившее у нас подробнее для того, чтоб вы могли усмотреть всю дурноту характера сего человека, также после увидеть, как судьба восхотела его наказать за его ненасытство и за наглое нас, а особливо меня, притеснение, и удивиться тому, что он всеми тогдашними своими наглостями и стараниями присвоить себе беззаконным образом степь вместо мнимой себе пользы основывал только мне превеликую и совсем даже мною никогда не ожидаемую выгоду и заботился и трудился тогда, сам не зная о чем и для кого.

Однако как сие не прежде произошло, как по прошествии многих лет и уже после его смерти, и о сем услышите вы после, то теперь возвратимся со мною и поедем вместе горе свое мыкать в степь для разделки с гордопышным, алчным и наглым богачом.

Ветер был преужасный и притом резкий и весьма холодный, и погода пасмурная и самая дурная. Мы не успели выехать за рощу, как почувствовали всю его суровость, и раз 100 сказали с братом изрядное словцо г. Рахманову заочно, а с другой стороны, и спасибо говорили, что, по крайней мере, выехал. Но, как то ни было, но мы приехали наконец на спорное место, но тут не нашли еще никого, а увидели только вдали двух верховых.

Дождавшись оных к себе, усмотрели мы, что были то два однодворца, наперсники и любимцы г. Рахманова: оба моты, оба мошенники, оба врали и шутники и оба находящияся в милости у Рахманова и всегда его забавляющие. От них услышали мы, что Рахманов действительно выехал и находится уже в своем хуторе, построенном им года за два до того нагло в нашей Ложечной вершине, и что они отставали от него для ловли зайца. А тотчас после сего и приехал к нам человек от Рахманова звать нас к нему, куда мы тотчас и поехали.

Г. Рахманов выехал на свидание сие с великою помпою и штатом, в одноколке или паче колеснице, запряженной шестью дорогими лошадьми, а сверх того, была у него заводная верховая дорогая лошадь, убранная вся в золоте и гасах[1]. Сам он, дожидавшийся нас в избушке, убран был также в

[1] Гас – позумент, галун, серебряная и золотая тесьма.

мундире гвардейском и очень по-летнему. Впрочем, приметно было очень, что дело было с похмелья и он исковеркался и изломался.

Он принял нас с учтивостью и подчивал водкою и вишневкою, а сам для нас выпил чарку водки. И тогда представилось мне страшное и удивительное зрелище. Не успел он выпить, как начало его мутить и коверкать, и ровно так, как бы находился он в припадке. Дивился и не знал я, что о сем думать и тем паче, что продолжалось сие с добрую четверть часа. Наконец, кончилось тем, что его вырвало и он нам разрешил сию загадку, сказав, что сие всегда с ним бывает, как скоро он одну чарку после обеда или съев только один кусок хлеба выпьет, а не евши – хоть десять, так ничего.

После сего начал он нам разсказывать, кто у него были гости и как они с ним много пили.

– Поверите ли? – говорил он. – Иных так и волочили без памяти.

– Изрядная похвальба! – думал я сам в себе. – А ты небось друг, таков же был!

Поговоря кой о чем и обогревшись, согласились мы начинать свое дело. Он сел на своего коня, богато убранного, котораго пошедший дождь мочил тогда очень хорошо, и, одевшись в холодный плащ, поехал, последуем будучи множеством верховых людей; а мы в своем смиренном виде потащились также и выехали на спорное место.

Но прежде, нежели начну вам описывать все наше происхождение, разскажу вам, сколько нас было. У г. Рахманова при боце[1] был, во-первых, его вор прикащик, плут, какого более быть не можно. Во-вторых, человек шесть верховых лакеев; в-третьих, старосты со всех деревень с бородами; в-четвертых, наконец, оба помянутыя шуты, вертящиеся около его как дьяволы. С нашей же стороны был я только сам-третий, как выше упомянуто; ибо, по несчастию, не было со мною и моего прикащика, который далеко от того места чертил землю, и мне вскорости за ним послать было некогда и некого. По счастию, знал я уже сам все места и обстоятельства. Не успели мы таким образом выехать, как начался у нас тотчас спор. Он начал утверждать свою окружную, а я ее оспаривать; но что мне было с таким человеком сделать, который надут был своею силою, объят безпримерною завистью и который насильно хотел черное сделать белым.

[1] Сбоку.

– Это не дикая степь, а покос в нашей дачной окружной!

– Да и вот тебе на! – хотя мы, действительно, на некошеном ковыле и нимало на покос не похожем месте стояли; и мы что ни говорили, но все наши слова были как в стену бросаемый горох. Уже я чего и чего не делал: и досадовал, и смеялся, и кричал, и доводил доводами, но ничто не помогало. Одним словом, не говори ему ничего о покупке, а говори о полюбовном разводе. Купить здесь нельзя, да и только всего. Что ты изволишь? «Хорошо!» – говорю ему, а сам в себе думаю, быть хотя и уступить, но развестись бы только с сим бешеным и вздорным человеком.

Мы простояли на том месте и прокричали с полчаса целые. Ветер и дождь был сильный, и мы принуждены были стоять спиною от онаго, ибо прямо стоять возможности не было. Наконец, усмотрев я, что по-пустому кричать нечего, предложил, чтоб начать разводиться. «Хорошо! – сказал он. – Изволь показывать ваш отвод».

Тогда стал я показывать ему свои вехи и говорить, что для его хутора останется места еще довольно, но статочное ли дело, чтоб его ненасытным глазам показалось довольно. Одним словом, где было 100 сажен, тут без стыда и совести и насильно делал он только двадцать, и ты и не помышляй его уверить о противном. «Тесно», да и только всего; твердил только, что у него дачи много и спрашивал, сколько ее у меня? Как скоро упоминал я ему о покупке, он опять начинал беситься. Наконец, спрашиваю его, где ж бы был его отвод. Тогда велел он вести своему прикащику, и мы поехали за ним.

Он довел до своей черты, сделанной самовольно минувшею только весною, и которою чертою отхватил он несколько наших пашень. Я начал ему выговаривать об оных и изображать, что это первый пример в государстве, чтоб купленную уже и такую землю, за которую деньги заплачены, отнимать нахальством. Не успел я сего выговорить, как Рахманов мой вспыхнул как порох и заблевал огнем и пламенем. «Не хочу, сударь, отводить, когда так; что за межевщик, наставил себе вех! Великая диковинка! Посмотрю я на них! Отыму, сударь, по самое и Середнее-Ложечное! Поди проси на меня![1] ничего не сделаешь!»

И тут чуть было я всего дела не испортил, ибо сами разсудить можете, что такой случай всякаго разсердить мог. У меня закипело у самого тогда

[1] Судись со мной.

сердце, и я хотел было также вспыхнуть. Однако успел еще опамятоваться и взять прибежище к философическим правилам и средствами, которыми я из ней научился, тотчас потушил в себе огонь воспламенившийся. Между тем как он пыхал и вертелся на своей лошади и назад уже поехал, имел я время собрать свои мысли и принять лучшия меры.

Я молчал, покуда прошло все пламя, а потом начал ему говорить, что надлежало, дабы не оставить сего моего намерения втуне и не привесть себя в большие хлопоты, и насилу-насилу его уломал и преклонил к тому, чтоб он, по крайней мере, показал свой отвод; ибо ведал, что, когда поедем, то дело будет лучше и тихим образом можно будет разделаться, ибо я усматривал, что жаром и криком ничего с ним не сделаешь.

Отвод его, по счастию, был в том месте, по которое и я сперва уступить ему был намерен, буде до сего дело дойдет, то есть отводил он его прежнею чертою. По счастию, не продолжалось она далеко в степь, а брошена так.

По приезде к сему концу сделался опять спор, куда иттить далее. Моя линия и мнение клонилось гораздо вправо, а его алчные и ненасытные замыслы были, чтоб иттить прямо против черт, не удовольствуясь тем, что и без того находилось во владении его из сей степи тысяч до пяти или более десятин, которыя он без малейшаго права, а единой наглостию и усилием захватил и себе присвоил.

Хотелось ему захватить ее того более, отбить у нас все верховыя ложечного буерака и все места, годныя к поселению, и сделаться одному властелином всей обширной и оком необозреваемой степи; а потому и захватил он у нас все почти так называемые переды, или места против нашего селения в степи лежащия, и тем, буде б можно, преградить нам совершенно вход в оную степь и сделать дальнейшее распространение наших пашенных земель в оную невозможным.

И как до того допустить его никоим образом было не можно, то напало на меня тогда новое горе, и я не знал, как бы в том ему воспрепятствовать, а потому и начался было тут у нас с ним опять спор; однако я, не допуская его до жара, уговорил его ехать наперед моею линиею и, сказывая ему, что она скоро поворотится влево, поехал сам по оной, и, спасибо, поехал и он за мною, ибо я старался как можно удалить его от плута его прикащика, от котораго все зависело.

Доехавши до поворота, показываю я ему оный и говорю, что для его степи много еще останется; но тут-то было на меня опять горе. Ему ка-

залось мало, да и только всего. Алчность его была безпримерная и ненасытная. Проговоря и прокричав опять несколько времени на сем месте, вздумал я употребить хитрость и постараться довести его до конца моей линии, ибо заключал, что когда мы удалимся, то легко можно будет ему в пространном и оком необозреваемом поле обмануться, а мне места сии были уже более знакомы, ибо я побродил по оным и по плану все знал. И как линия моя была еще не прочерчена, а пробита одними колышками, то я, ведя, ведя его по оной, нечувствительно свернул немного вправо в том умысле, что если он хотя и далее просить будет влево, так немного будет убытка.

Не доезжая до конца, остановились мы у одного стога, которых множеством вся сия обширная степь была наполнена, и начали говорить, и ей! ей! с целый час мы тут прокричали и по большей части все о постороннем и ненадобном. Ветер, и гололедка, и снег, пошедший в то время, помог мне тогда много. Стужа его пронимала, каков он ни жирен был. Мы же, будучи в шубах, не озябли, а терпели только нужду наши лица.

Мое главное намерение было уговорить его ласкою, чтоб он взял по сие место, и я вымышлял все, чем только мог его к тому преклонить; но мешал и надоедал мне один только его прикащик, такой плут, что насильно называл некоторые указываемые вдали стога сена, принадлежащими будто бы соседям их караваевским однодворцам, хотя были они совсем не их; а я спорил в том, хотя в самом деле и сам не знал, чьи они были. Он представлял в свидетели караваевскаго однодворца, бывшаго тогда с нами; но, по моему счастию, не знал он и сам, чьи они, и принужден был в угождение Рахманову вывертываться неопределенными терминами. По счастью, подъехал ко мне мой прикащик; он подтвердил мои слова, и я тем много убедил Рахманова.

Наконец, калякая[1], все мы озябли. Шуты шутили и принуждали к совершению и окончанию нашего дела. Я предлагал то же; Рахманов озяб и поехал, наконец, влево, чтоб отвесть, покуда он в сию сторону взять хотел. Тут доехали мы до конца моей линии, которая была не близко; ибо я отвел его вправо далеко.

Он, минуя его, ехал далее, и я боялся уже, чтоб он далече не заехал. Но, по счастью моему, не успел он сажен пятидесяти от моего пункта отъе-

[1] Болтая.

хать, как попалась ему маленькая вершинка на глаза. Она показалась ему удобным местом, могущим служить между нами живым урочищем, и для того, остановясь тут, требовал он по сие место власно так, как бы он имел на всю степь сию наивеличайшее право.

Я разсмеялся тогда сам в себе его ошибке, ибо со всеми своими замыслами захватил он из моей округи не более десятин трех; почему и не имел я причины долго ему в том спорить, а почему и окончили мы сие дело, согласясь, чтоб провести от моего поворота на то место прямую линию и чтоб сия линия была между нами межою. Он приказал о том своему прикащику и был при том так снисходителен, что велел отпахать мне и землю, сколько ее моими было в захваченной им округе разодрано[1].

Таким образом развелся я с сим наглым, вздорным и безпокойным моим соседом и рад был, что остался от него спокоен, ибо на прочих и своих внутренних и черезполосных соседей я тогда мало уже смотрел. Все они казались мне тогда против его маловажными. К тому ж доволен я был тем, что мне работать более было не для чего, ибо измеренные и очерченные мои места остались все в своей силе.

По окончании сего и, помирившись, поехали мы как добрые приятели назад и, отъехавши немного, остановились у стога, чтоб погреться от самой погоды и от снега; после чего, распрощавшись, и поехали по домам: я в свою хижину, чтоб отогреться и помышлять уже о том, как бы скорее убираться и восвояси, а он на свой хутор, чтоб с торжеством возвратиться в свое село.

Но, о! сколь мало знал он тогда, что воспоследует впредь со всеми теми землями, которыя он тогда так жадно и нагло захватывал в свою власть и как судьба накажет детей его за все делаемыя им тогда наглости и насилия!!! Не стал бы он так много веселиться одержанным тогда, по мнению своему, надо мною верхом и так много торжествовать свою победу!

После сего не осталось мне другого дела, как собрать сотских, и десятских, и посторонних людей и, объявя, прочесть им свой указ для ведома, а потом повидаться с другом моим г-ном Тараковским и убираться в свой путь. Все сие и сделал я в наступивший после того день, и народу набралось ко мне толпа превеликая. Я, сыскав из них одного грамотнаго, заставил его читать указ, мне данный на проданную мне землю. Все они

[1] Разрознено.

сказали: «Хорошо, мы слышим и будем знать, и вы-де нам, пожалуйста, отдавайте луга в наймы».

Сие меня сколько-нибудь веселило. А как и г. Тараковский, с которым я в тот же день виделся, тоже говорил и на все был согласен и даже землями со мною променяться обещал, то удовольствие мое было еще совершеннее, так что я, кончив все дело, наутрие, что было 5-го числа октября, в путь свой и отправился с веселым духом.

Итак, вот какое окончание получило тогда сие дело. Признаюсь, что успех в оном был далеко не таков велик, каковым я ласкался и какого ожидал. Весь важный развод мой с Рахмановым ничего почти не значил, а утвердил только некоторым образом его во владении захваченным им сильно наилучшим и таким местом в степи тамошней, которое всего более было кстати к нам и в котором только и можно было заводить какие-нибудь хуторы и селения, ибо тут одна только была с водою помянутая вершина, называемая Дальним-Ложечным; а ее всю он себе и захапал и лишил нас через то впредь всех выгод.

Тут, как выше упомянуто, был сперва у меня хуторок, но он, согнав, сделал свой и большой хутор; а в последующее потом время, как упоминается впредь, населил тут и целую деревню, и хотя после и принужден был он ее свести, потерявши всю захваченную им из степи многочисленную землю, но черта, сделанная тогда между нами, служит и поныне еще межою между его владением и землями деревни нашей, и в честь ему можно сказать, что он с того времени никак и ни на шаг черту свою не переступал, а дрался только без памяти далее в степь; но там-то после и обжегся.

Таким образом, с его стороны остался я уже спокоен; но что касается до других и внутренних моих чересполосных соседей, не посмевших тогда и глаз своих показать, то сии мне более хлопот, досад и неудовольствий наделали, нежели я тогда от них думал и ожидал.

Они в последующее за сим время не только не захотели меня оставить спокойно владеть намеренною и очерченною мною себе степною дикою землею, хотя я их земель нимало не трогал и степи для них и без сего клочка осталось великое множество, но были так глупы и безсовестны, что самого меня еще утесняли, и всего меньше имея право распахивать вновь землю, вместо того чтоб по силе строгаго в манифесте повеления оставлять и завладенные до манифеста земли, они всякий год умножали оныя и надрывались друг перед другом захватыванием земли вновь в свое

владение; и были в сем случае так алчны и ненасытны, что не посовестились распахивать и раздирать землю в самой моей черте, и по оплошности и слабости моего прикащика так ее испестрили своими клочками, что я, приехавши через несколько лет после того, опять ажно ахнул и увидел, что все мои тогдашние труды, измерения и работа была по-пустому и не принесла мне ни малейшей пользы, а успокоила только всех их от Рахманова с потерянием наилучших выгод.

Но как бы то ни было, но тогда не можно было всего того никак предвидеть, а потому и поехал я в тех мыслях, что хотя успех имел я в том не совсем вожделенный, однако, что удалось мне сделать в пользу свою уже много, ибо думал, что черта моя так и останется и что я могу с землею сею делать все, что мне угодно.

Брат мой не менее моего был доволен и более моего был еще рад, что мы окончили сие дело. Его давно уже подмывало, и ему более еще моего хотелось ехать домой, и никто так много и часто о погодах не говорил, как он. Но правду сказать, сие одно и было почти за ним дело; ибо во всех описанных трудах и хлопотах моих был он мне весьма худым помощником и служил мне более в путешествии сем товарищем, нежели сотрудником. Но от него, по неспособностям его ни к чему, и требовать дальнейшаго было не можно.

Теперь следует разсказать вам о обратной нашей езде и о возвращении в дом; но как материи сей наберется на целое почти письмо, то я назначу к тому последующее, а теперешнее сим кончу, сказав вам, что я есмь и прочее.

ОБРАТНАЯ ЕЗДА В ДОМ

Письмо 128-е

Любезный приятель!

Таким образом, хотя не сделав себе никакой важной пользы, однако, что-нибудь произведя, отправились мы с братом домой и поспешили отъездом своим тем паче, что погода становилась уже дурна и появляющиеся уже часто морозы и снежок устрашили нас скорым настанием зимы. Итак, хотя и тогда лежал еще последний снежок и не сошел, но мы не стали уже

сошествия оного дожидаться, а пустились в путь свой, и чтоб теплее было ехать, то согласились ехать вместе в моей коляске.

Мы поехали до Тамбова совсем другою уже дорогою, отчасти для избежания песков в лесу Ценском, а отчасти для того, чтоб заехать к одному моему дальнему и не знакомому мне еще родственнику, живущему почти на самой дороге. Был он из фамилии *Бабиных*, и доводился он мне дядя внучатный, а звали его Михаилом Петровичем. Как мне никогда еще его видать не случалось, то хотелось мне к нему заехать и с ним познакомиться.

Едучи туда и переезжая поперек всю нашу степь, имел я досуг заняться мыслями о всех происшествиях, случившихся в сие мое в степной деревне пребывание, и вообще обо всей связи дел и происшествий, относящихся до покупной моей земли.

При сем разсматривании всего происходившаго усматривал я нечто особливое, а именно: что я во многих случаях делал многия и, повидимому, важныя ошибки; но что все сии ошибки обратились мне потом в особливую и великую пользу, и власно так, как бы мне их необходимо и нарочно делать надлежало. Сие принуждало меня признаваться, что было тут некакое невидимое руководство, управлявшее тайным образом моими делами, и обращающее все в мою пользу. И как все сие приписывал я никому иному, как Богу, Сему всегдашнему моему покровителю, то и возсылал духом из глубины сердца моего достойную Ему за то благодарность.

Теперь, прежде разсказывания о нашем заезде к моему родственнику, разскажу вам об одном зрелище, какое мне в жизнь мою случилось только однажды тогда видеть, и которым я не мог довольно налюбоваться.

Было оно натуральное, но прямо пышное, прекрасное и величественное. Во весь день ехали мы при мрачном небе, но ввечеру, пред самым приездом в дом к моему родственнику, и в самое то время, как проезжали мы его прекрасныя и высокия рощи, широкою между ними прогалиною, случилось небу, внизу подле горизонта, проясниться и выкатившемуся из-под верхних густых туч солнцу осветить вдруг снизу все мрачныя облака, укрывавшия тогда все небо, и представить их зрению власно как в горящем виде.

Сие и одно составило уже прямо величественное и великолепное зрелище. Но сего было еще не довольно; но в самое то же время случилось, что пошел густой снег крупными хлопьями, и как мы ехали прямо на за-

пад и против сияющаго солнца, то все сии снежинки представились нам не инако, как золотыми или как жар горящими, и весь идущий снег казался наивеликолепнейшим золотым или огненным дождем; и зрелище сие было столь редкое и удивительное, что я смотрел на оное даже с восхищением и не мог довольно на оное насмотреться.

Не успело солнце, опустившись за горизонт, лишить нас сего утешения, как и доехали мы уже до дома моего родственника. Он принял нас ласково, и узнав, кто мы таковы, был нам очень рад и не только унял ночевать, но не отпустил и на другой день без обеда.

Он жил тут весьма не худо, и так, как бы богатому и достаточному дворянину жить бы надобно было. Я удивился, нашед у него прекрасный дом, построенный и убранный порядочным образом и совсем не постепному. Усадьба его была преизобильная, крестьян множество, хлеба полно гумно, а и в скоте великое изобилие. Сам же он составлял некоторой отрывок прежних старых добрых людей, однако не отставал и от нынешняго света.

Он принял и угощал нас так, как дозволял ему его достаток, и мне всего приятнее было, что я наелся тут и впервые еще тем годом прекраснаго винограда. Жену имел он вторую и очень еще не старую, и она была также боярыня изрядная и ласковая.

На другой день до обеда водил он нас показывать нам вновь построенную пред воротами у себя церковь, и я не мог довольно надивиться прекрасному расположению и деревянной архитектуре, как внутренней, так и наружной.

Церковь сия имела не только снаружи изрядный и особливый вид, но и внутри украшена была с особливым и очень хорошим вкусом. А особливо полюбился мне иконостас, писанный мастером, доказывающим о себе, что имел вкус хороший.

Я хвалил все, что видел, и хвалил чистосердечно. А более всего нравилось мне то, что везде, как в доме так и в церкви, я видел все домашнее и свидетельствующее, что хозяин был великий охотник до художеств, чего хотя и не мог я ожидать с наружнаго вида.

Описав все достохвальное в разсуждении сего моего родственника, не могу умолчать и о некоторых пристрастиях, которым он был подвержен.

Сей старик заражен был особливою и удивительною страстию, состоящею в том, чтоб иметь у себя военных людей. Он удивил меня, призна-

ваясь, что находит в том величайшее увеселение и не тужит о том коште, котораго они стоют.

Выбравши семь человек наилучших людей, обмундировал он их в гусарское платье и не только снабдил их всем, что до гусара принадлежит, но, служа сам в кавалерии, и обучил их всей гусарской экзерциции. Одним словом, гусары его были в самой форме и на коне и отправляли порядочно службу: стояли у него на часах, ездили за ним в конвое, обучалися, стреляли и имели фрунт пред его окнами, также особливый построенный для себя кордегард и конюшню. По обеим сторонам крыльца поделаны были будки для часовых, а третья – у ворот.

Сии гусары приходили к нему репортовать, и он приказывал им, что надобно. Он не преминул и мне представить их во всей форме и приказал стрелять и экзерцироваться, и требовал моей апробации. Я принужден был сказать ему: «Хорошо», однако не упустил спросить: чего бы они все стоили? – Сие немного его посмутило. Утаить было нельзя, что стоили они многих денег, и он старался уже прикрыть шалость сию тем, что находит в том величайшее удовольствие, и для того убытком сим жертвует охотно.

Такую же суетность приметил я в нем и в другом случае. Он отдал людей учиться играть на трубах, чтоб всякий день в 12 часов играли они у него на колокольне вместо курантов, а по утрам и по вечерам протрубливали перед фрунтом его зарю. Я усмехнулся, услышав о том повествование, и хотя также сказал: «Хорошо», но думал совсем иное.

Но ничем он так меня не увеселил, как открыв шкаф и показав мне немалое число французских и немецких книг, принадлежащих его сыну, и дал мне дозволение все их пересмотреть. И я признаюсь, что в пересматривании их нашел я более для себя увеселения, нежели в смотрении на его гусар похвальных, ибо были книги сии весьма хорошия и достойныя примечания.

Итак, препроводив у него без мала сутки довольно весело, ибо был он человек умный и можно было с ним обо всем говорить, и распрощавшись с ним, поехали мы далее и на другой день доехали и до Тамбова.

Едучи через сей город, веселился я опять зрением на великолепное и красивое здание архиерейскаго дома и монастыря, но вкупе притом не мог без внутренней досады воспоминать о том, какими мерзостями сие святилище было наполнено. Я наслышался о том от помянутаго родственника и

от некоторых других людей и не мог сперва никак тому поверить, покуда не услышал о том подтверждения от других многих.

Боже мой! Какое мздоимство господствовало тогда в сем месте: всему положена была цена и установление. Желающий быть попом должен был неотменно принесть архиерею десять голов сахару, кусок какой-нибудь парчи и кой-чего другого, например, гданской водки или иного чего.

Все сии нужныя вещи и товары находились и продавались просителям в доме архиерейском и служили единственно для прикрывания воровства и тому, чтоб под видом приносов можно было обирать деньги. Келейник его продавал оныя и брал деньги, которыя потом отдавал архиерею, а товары брал назад для вторичной и принужденной продажи.

Всякому, посвящающемуся в попы, становилась поставка не менее как во 100, в дьяконы 80, в дьячки 40, в пономари 30 рублей, выключая то, что без десяти рублей келейник ни о ком архиерею не доказывал, а со всем тем от него все зависело. Одним словом, они совсем стыд потеряли, и безстыдство их выходило из пределов. С самых знакомых и таких, которых почитали себе друзьями, не совестился архиерей брать, и буде мало давали, то припрашивал.

Со всем тем бывшаго тогда архиерея хвалили еще за то, что он не таков зол был, как бывший до него *Пахомий*. Тогдашний, по крайней мере, не дрался, а отсылал винных молиться в церкви, а прежний был самый тиран и драчун, и об нем разсказывали мне один странный анекдот.

Случилось быть в его время в местечке Ранибурге одному богатому и ульев до 300 пчел имеющему попу и определенному туда самим Синодом. Архиерей, приехавши в епархию, тотчас об нем пронюхал и надобно было его притащить, надобно было помучить. К несчастью сего бедняка, вздумалось ему поупрямиться; он счел себя не под командою архиерейскою и не хотел по двум посылкам ехать и везть к нему свою ставленную. Архиерей велел притащить его силою и до тех пор его мучил плетьми и тиранил, покуда не вымучил из него 500 руб. и не разорил его до конца.

Но сего еще не довольно; но он на сии деньги сделал себе богатое платье и хвастал всему свету, что это платье упрямаго попа. А сим и подобным сему образом обходился он и с прочими своими подчиненными и тем помрачал всю славу, которой достоин был за основание и построение великолепнаго онаго архиерейскаго дома и монастыря, которым Тамбов украшался в особливости.

Но как говорится в пословице, что каков поп, таков и приход, то вследствие того не лучше архиерея были и гражданские начальники. Мне и об них разсказывали странныя и удивительныя дела, а особливо о бывшем до того воеводе *Коломнине*, который был такой мздоимец, что самая смерть не могла уменьшить в нем алчности его к деньгам.

Разсказывали, что в то время, когда лежал он уже при самой смерти болен, принесли к нему подписывать одну квитанцию, и он, не в состоянии уже будучи говорить, давал знак руками, что он без взятка подписать не велит, и до тех пор сего не сделал, покуда не положили ему на грудь рубля; и не успел он сего сделать и тот с квитанциею выттить, как закричали, что воевода умер.

Преемник его г. *Масалов* был еще лучше его. Сей, между прочим, употреблял следующия к обогащению своему средства. Как скоро приведут вора или разбойника, то, не ведя в канцелярию, призовет его к себе, расспросит его, откуда он, кто в тех деревнях богатые и заживные мужики и жители, и сих людей велит ему оговорить, обещая самого за то его освободить. Вор то и сделает, и воевода, призвав его к себе, и выпустит его другим крыльцом на волю, а тех бедных людей разорит и ограбит до основания.

К вящему несчастию, случилось в его бытность быть частым рекрутским наборам, подававшим ему наилучший случай воровать и наживаться, а особливо от однодворцев и дворцовых крестьян. Не успеет кто привесть рекрута, как, содрав с него хорошую кожурину и обобрав, отпускал его домой, а на место его другого представлять приказывал. И вот до какой крайности дошел он однажды от сего своего неистовства и какой славный оставил по себе пример дьявольской хитрости сих беззаконников и пиявиц.

В одном каком-то дворцовом большом селе случилось пасть жеребью на сына одного богатаго мужика, котораго жители того села и схватили. Отец, жалея сына, тотчас бросился к воеводе и просил, чтоб он его помиловал. Воевода говорит:

– Что дашь?

– Сто рублей, милостивый государь, только помилуй и избавь.

– Хорошо, – сказал воевода, – сын твой в солдатах не будет. Пойди с покоем!

Между тем мужики схваченнаго привозят в город, несмотря на все воеводские происки и употребленныя к отвращению того хитрости и сред-

ства. Отец, узнав о том, бежит опять, упадает к ногам воеводы и просит помилования.

– Хорошо, хорошо! – говорит воевода. – Я тебе уже сказал, что дело будет сделано, давай только сто рублей.

Мужик деньги из-за пазухи и воеводе в руки, а он тотчас и послал сыскать тех мужиков и приказывает привесть схваченнаго к себе. Мужики и отдатчики, будучи неглупы и зная уже примеры, к нему его не повели, а сказали напрямки, что воевода и так уже 10 человек у них выпустил и что им у воеводы делать нечего, а они представят его в присутственное место.

Воевода послал в другой, послал в третий раз, но мужики не ведут и не слушаются. Что оставалось ему делать? Но вот какую хитрость он выдумал. Призывает отца и говорит ему:

– Не бойся, я сделаю; поди к сыну и скажи ему, что когда приведут его в канцелярию и я стану его спрашивать, то не говорил бы он ничего, а как стану его бранить, то бранил бы он самого меня.

Сие действительно и сделалось. Как скоро привели в канцелярию рекрута и по обыкновению раздели, то не говорил он ничего, как скоро воевода начал спрашивать. И тогда воевода, будто разсердившись, закричал:

– Что ты, сукин сын, дурак что ли ты, что не говоришь?

А рекрут закричал сам:

– Сам ты што ли дурак, сукин сын, кривой воевода!

И тогда воевода вспыхнул, взбесился и возопил:

– Вон! вон! вон! Что это такое, какого это безумнаго привели, и где отдатчики? и ни с другого слова и не принимая никаких оправданий, ну-ка отдатчиков пороть плетьми и мучить, и таким образом рекрута освободил, отдатчиков перепорол и 100 рублей с отца сдул, и тем сделал странный образец, чему и поныне смеются и говорят, что некогда мужик ругал воеводу в присутствии, однако он того не взыскивал.

О бывшем же тогда, как я ехал, воеводе господине *Бабкине* хотя подобных дел было не слышно, а говорили только, что он охотник был ездить по богатым однодворцам Христа славить, и получал в подарок от них за то жеребят рублей в 150 и прочее тому подобное.

Вот какие шильничества[1] и дела происходили в тамошних степных уездах. Ни страха Божия, ни боязни, ни стыда, ни совести не было. Самыя

[1] Мошенничества.

присылаемыя для исследования их комиссии их не устрашали, и они боялись их покуда еще не бывали, а как пришлют, то было легче, ибо сало есть и подмазать есть чем, чтоб колесо катилось плавно и скрипело.

Но всего удивительнее то, что город сей и после, и по открытии даже наместничеств тем же самым был славен. Нигде таких безпорядков не происходило, нигде так часто губернаторы переменяемы не были и нигде столько следствий и комиссий не было, как в оном. Словом, он с сей стороны в особливости несчастен.

Но я удалился уже от нити своего повествования; теперь возвращаясь к оному, о дальнейшем путешествии своем вообще скажу, что оно было хорошо. Мы ехали благополучно, имели труда и безпокойств меньше, нежели мы думали, по случаю переменившейся погоды; не имели во все продолжение онаго никаких особых приключений. Ехали опять чрез Козлов, Ранибург, Епифань и Тулу и, наконец, 12-го октября, благополучно возвратились в свои домы, и были очень обрадованы, нашед всех своих домашних здоровыми и благополучными.

Сим образом кончилось наше дальнее путешествие, а вместе с оным окончу и я сие мое письмо, сказав вам, что я есмь и прочее.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ

Письмо 129-е

Любезный приятель!

Первейшее мое попечение по возвращении в дом было о перевозке достального заготовленнаго для строения новаго себе дома леса. Он сплавлен был уже давно с реки Угры, Окою к Серпухову и лежал тут на берегу. Отъезжая в степь, поручил я домашним моим как можно о перевозке его стараться, что ими и учинено было, и я застал уже самое малое количество онаго не перевезенным.

Сей-то остаток хотелось мне скорей перевезть, также и нанять для распилки онаго пильщиков и сею же осенью оный заложить, дабы весною тем ранее можно было начать строить. Все сие и успел я еще в том же октябре сделать: лес перевезли, пильщики наняты, и хоромы новые заложены были 21-го числа октября месяца.

Между тем покуда сие происходило, не преминул я объездить всех моих ближних соседей и со всеми ими по нескольку раз видаться, а 17-го числа сего месяца, как в день именин моих, посетили они меня и мы начали осенние вечера провождать в частых между собою свиданиях, и я был с сей стороны соседом своим, Матвеем Никитичем, в сие время доволен. Напротив того, все мы не таковы были довольны молодою женою брата Михаила Матвеевича. Она все что-то удалялась от нас и не хотела никак прикраиваться к обычаям и обыкновениям нашим; а мы того меньше к ее обычаям и дурным привычкам, происходившим от дурного и самого подьяческого воспитания. Словом, чрез короткое время увидели мы, что была она нам худая семьянинка, ибо все ея родные не стоили ничего и были прямо подьяческой, да и дурной еще породы.

Кроме сего, в конце сего месяца имел я удовольствие получить из Экономическаго общества книжку, содержащую в себе VIII часть «Трудов» онаго. Оно прислало мне оную как к своему уже сочлену и опять при письме от г. *Нартова*, в котором уведомлял он меня, что и оба последния посланныя от меня сочинения Обществом одобрены и определено их напечатать. Сие порадовало меня в особливости, ибо я, не получая долго никакого об них известия, начинал уже думать, что они Обществу не понравились. Сие же уведомление стало побуждать меня к продолжению трудов и сочинениев моих и далее вперед.

Последующий за сим ноябрь месяц ознаменовался более болезнию моей дочери. Бедненькая больна была сперва страшным и даже с кровавым извержением сопряженным и ее до самой крайности доведшим кашлем. Мы все отчаялись уже о ее жизни и почитали ее погибшею. Не могу вспомнить без содрогания, как чувствительна была нам тогда болезнь сия и, к несчастию, еще долговременная и как много она нас огорчала и озабочивала. Истинно не знаю, как она уже спаслась от оной; а не успела она от сего кашля несколько освободиться, как должна была переносить уже другую болезнь, называемою *лапухою*, но к неописанному обрадованию нашему избавилась она и от оной. Во-вторых, достопамятно было то, что около сего времени все наше государство гремело славою и занималось разговорами о проявившемся в Петербурге русском лекаре *Ерофеевиче*, вылечивающим всех с преудивительным успехом, так что возмечтали об нем уже и Бог знает что и почитали его уже сущим эскулапом.

Слава его через самое короткое время сделалась так громка, что обратились и поскакали к нему со всех сторон и краев России страждущие разными болезнями и многие действительно получали от него великое облегчение. Самый друг мой г. Полонский собирался к нему в сию зиму ехать и также полечиться от своей толстоты и водяной болезни, чувствуемой им у себя в ногах.

Словом, врач сей обожаем был почти всеми и составлял около сего времени феномен необыкновенный, и потому не за излишнее почел я поместить здесь некоторое ближайшее об нем известие и анекдоты, слышанные мною от очевидцев, а особливо от шадскаго соседа моего г. *Соймонова*, ездившего к нему с сестрою своею для лечения оной, и сделать сие для того, что легко статься может, что иных известий об нем не останется нигде. И вот что разсказывал мне об нем помянутый г. Соймонов:

«Ездил я, государь мой, лечиться с сестрою своею. Я был очень болен. Соседи мои могут засвидетельствовать, сколь я был слаб и в каком худом состоянии находился. Одышка превеликая, весь истончал, ничего не ел, одним словом, был при дверях смерти. Сестра моя была еще того слабее и хуже, а сверх того, свело у ней еще и ногу, и все лекари не могли ей ничем помочь.

Приехавши в Петербург, старался я квартиру нанять поближе к нему. Нельзя сказать, сколь много наполнено было то место больными постояльцами и сколь квартиры были дороги; ибо всякий старался быть ближе, потому что его замучили призываниями, а притом ему и недосужно было разъезжать, ибо он сам приготовлял все лекарствы. Я был налегке, со всем тем малая квартира моя стоила мне по 20 рублей на месяц; однако как я ни близко был, но не мог его к себе залучить, и принужден был кое-как сам до него добрести.

Живет он на Васильевском острову, во второй линии, в маленьком домике государевом, где он жил прежде уже шесть лет, как определенный лекарь при академии к малолетним. Пришедши к нему, нашел я его, сидящаго на маленькой скамеечке и упражняющагося в переливании лекарств из склянок в скляночки. Половина горницы завешена была холстиною. Там два ученика перебирали травы, ибо лечит он все ботаническими лекарствами: и капли, и порошки, и мази все у него из трав, и все сам делает, а травы рвут бабы около Петербурга, и он говорит, что их везде много.

Обо мне было к нему рекомендательное письмо от одного моего родственника, ему знакомаго. Сие письмо лежало у него на лавке еще не читанное, ибо он, действительно, грамоте не умеет. Он не старался его для того читать, что приятель мой, котораго я с письмом к нему посылал, ему обо мне уже сказывал. Я, пришед, говорю ему:

– Василий Ерофеич!

– Что?

– Получили ль вы письмо от моего брата?

– Да вот оно: я его еще не читал.

– Да ведь оно обо мне писано.

– Так сказывай же, чем ты болен!

Не успел я ему начать сказывать, как человек 20 начали также разсказывать ему свои болезни. А он все упражнялся в своей работе и ничего не говорил. Кой чорт! – думал я сам в себе. Но не успел я ему разсказать, как подает он мне скляночку с каплями.

– Вот эти капельки принимай по две чайных ложечки в красном вине, да поди вон туда, возьми травки, пей вместо чаю.

В самое то время закричал он ученикам:

– Дайте ему травы вместо чаю.

И они уже знали, какую давать. Вот все, что происходило тогда у нас с ним при первом свидании.

На сих каплях и на траве держал он меня две недели, и я должен был только сказывать ему о переменах, происходивших со мною. Капли очень горькия и слабительныя, действуют очень хорошо, трава же пить очень приятна и от удушья. От сего только мог я через неделю уже выходить, одеваться и обуваться в сапоги и повсюду ездить.

Я ходил к нему всякой день по два раза; потом дал он мне потовые порошки, беленькие и очень солоны. Я должен был принять их в бане в теплом духу и не успел принять, как преужасный пот сделался, отчего я власно как переродился. Наконец на отделку дал он мне декокта[1], так как полпиво[2], очень хорошо и чтоб пить в жажду, и сим образом в два месяца совсем меня вылечил».

[1] Врачебное снадобье.

[2] Полпиво – некрепкое пиво, брага.

К сестре же своей мог он насилу его дозваться. Он нашел в ней застаревшую лихорадку и сказал, что надобно выгнать ее наружу, что и сделал. Не успел он дать ей несколько лекарств, как ее трепать начало.

– Ну – говорил он – пускай повеселится!

После того дал порошок, и она тотчас пропала. Всего удивительнее было то, что он пульса вовсе не щупает, а схватил сестру его за руку и сказал:

– Ох! Как ты слаба, как тряпица.

Одним словом, надобно было только описать ему, чем кто болен, и того было довольно.

Еще сказывал мне г. Соймонов, что он действительно очень прост и самый подлец[1], не знающий никаких церемоний. «Мой государь» и то по-низовскому[2], да и только всего. Грамоте умеет только жена его, которая разбирает и записки; а как он от безпрестанной езды болен был, то она составляла капли.

Думать надлежало, что лечил он более китайскими лекарствами, полагая их по малой доле в здешния, из трав составляемыя, а подлость лечил здешними и все по памяти. Собою был он мужичок маленький и плешивенький, на голове не было почти волос, однако кудерки волосков в десяток, и те напудрены; ходил в офицерском зеленом мундире, ибо как он вылечил графа *Орлова*, котораго вылечкою он наиболее и прославился, то дан ему чин титулярнаго советника.

О происхождении разсказывал он сам, что он сибиряк, родом из Иркутска, из посадских; зашел в Китай с караваном и там, оставшись по охоте своей учиться лекарскому искусству, и был фельдшером. По возвращении своем оттуда отдан был в рекруты и, быв фельдшером, определился чрез *Бецкаго* к академии, от котораго также и от графа *Сиверса* рекомендован он был графу *Орлову.*

О лечении сего *Орлова* разсказывал он сам следующее. Лекаря и доктора находили в нем какия-то судороги и другия лихия болести, но как он призван был, то сказал он, что это все пустое, а только застарелая лихорадка; было также удушье, как и у г. Соймонова, и почти точно такая же болезнь.

---

[1] Из крепостных, подлец – человек низкого «подлого» звания, крепостной.

[2] По-простонародному.

Как спросили его, может ли он вылечить, то сказал он:

– Для чего! Только как лечить: по-китайски или по-русски?

Удивился граф сему вопросу и спрашивает:

– Что это значит?

– А то, мой государь. В Китае, ежели взяться лечить, то надобно вылечить, а ежели не вылечишь, завтра же повесят; а ежели лечить по-русскому, то делать частые приезды и выманивать более денег, а ты человек богатый и от тебя можно поживиться нашему брату лекарю.

Рад был граф, слыша, на каких кондициях он его лечить хочет. Тотчас послано было за братьями и согласились, чтоб граф дал себя лечить Ерофеичу тайком от докторов.

Сперва давал он ему те же капли и траву; но как по крепкой натуре его он тем не пронялся, то чтоб ее переломить, дал рвотнаго; и как его повычистило, то дал он опять каплей, и тут-то его уже прямо вынесло. Потом, положив его в постелю, велел лежать и дал ему потового, а сам велел две печи жарить и запер его в комнате заснувшаго. Проснувшись, лежал он как в морсу. Пот всю постель смочил, и он вскочил как встрепанный и тотчас в зеркало и не узнал сам себя; дивится и говорит, что он власно как переродился.

У Сиверса же вылечил он сына, бывшаго несколько лет в разслаблении. Одним словом, он делал дела знатныя, однако были и недовольные им; но он и сам говорит, что нет такого лекаря, который бы всех вылечивать мог, по крайней мере, лекарства его никому не вредят и болезни худшею не делают. Впрочем, наперед он ничего за труд не брал, а был доволен тем, что дадут, лечил же всякия болезни, какия бы они не были.

Вот что разсказывал мне о сем редком враче г. Соймонов; а теперь разскажу вам другую историю о вылеченной им удивительным образом одной госпоже в Петербурге.

Сия госпожа, будучи на сносех беременна и очень больна, впала в обморок. Доктор, лечивший ее, почел ее совершенно умершею, и как из прочих никто в том не сомневался, то, по обыкновению обмыв ее, одели и положили на стол, покуда гроб поспеет. По счастию, случилось приехать туда одному их родственнику.

Сей, возымев некоторое сумнение, уговорил хозяев послать за Ерофеичем, на что и доктор согласился, хотя посрамить его и над ним посмеяться. Ерофеича привезли. Он говорит, что, хотя и ему кажется она мертвою,

однако не полагается он на свое мнение, но хочет ближе и точнее дело исследовать, и для того просит, чтоб все вышли, и остался бы один муж, да доктор, да две женщины.

Сим велел он ее раздеть и потом щупал под левою мышкою, да против сердца и держал палец несколько времени. Наконец, говорит, что, хотя и кажется ему, что она еще жива, но хочет удостовериться в том еще одним опытом, и для того просил, чтоб обождали его до второго часа, а он съездит за потребными вещами. Доктор внутренне смеялся его словам и положил нарочно ждать второго часа.

Наконец приехал г-н Ерофеич. Он велел опять всем выттить и при докторе и муже обнажил все тело и положил на все брюхо пластырь; потом просил, чтоб дали ему верные часы, которые, положив, безпрестанно смотрел, и не успела настать та минута, которая ему была надобна, как тотчас пластырь скинул и увидев его действие, поздравлял мужа с неумершею еще женою.

Натурально, можно заключить, что муж обрадован был сим известием; но противное действие произвело оно в докторе. Сей бесился, сие слышав, и не мог утерпеть, чтоб не смеяться, слышав уверение Ерофеича, что она через полчаса им по рюмке водки поднесет. Однако тот, невзирая на то, приступил к своей операции.

Он обрезал все пузыри, натянутые пластырем, и оставил голое тело; потом, намазав другой пластырь, приложил и стал потом разговаривать с доктором. Но какой мудреный вопрос он ему предложил:

– Что, ваше превосходительство, – сказал он ему, – можно ли пустить кровь из желудка?

– Не знаю, – отвечал его превосходительство доктор, а сам разсмеялся. – У нас из желудка крови не пускают, да можно ли сему и статься.

– А вот посмотрите, мой государь, я ее пущу, – и вскоре потом пластырь с брюха принял, и тотчас кровь из тела пошла как бы из жилы.

Он дал ей столько течь, сколько было надобно, потом, приложив третий пластырь, ее унял.

И не успел сего сделать, как госпожа вдруг стала оказывать в себе знаки жизни и вскоре потом промолвила:

– Подайте пить.

– Вот, мой государь, не правду ли я говорил, что она нас станет подчивать?

Ибо как стал ее класть на постелю, то просил Ерофеич, чтоб пожаловала она хотя придержала поднос с рюмками, ибо он сие обещал. Вместо благодарности за то, обещает он, что она благополучно разрешится от своего бремени, что и сделалось.

Но представьте ж себе, каково было тогда доктору. Мало ежели сказать, что ему было стыдно, но он, безсомненно, проклинал тот час, в который ему ожидать сего времени вздумалось. Словом, Ерофеич перебесил всех лекарей и докторов и оставил по себе ту славу, что и поныне все государство пьет травник, составленный с его травами и называемый «Ерофеичем».

Теперь, возвращаясь к продолжению истории моей, скажу, что в том же еще ноябре месяце начали распространяться повсюду слухи о начинающейся у нас войне с турками, и о движении всех полков, и выступлении из обыкновенных их квартир в южныя провинции нашего государства. Сие власно как оживотворило паки все государство и сделалось всеобщею материею разговоров. Все начали не о чем ином говорить, как о войне с турками, поляками, а иные прибавили к тому, что и пруссаками, и каких, и каких слухов тогда не было, и чего, и чего не говорили.

Между тем услышали мы также и о великой отважности тогдашней монархини и приказании привить к себе оспу. Мы удивились тому, но вкупе и радовались, что операция сия кончилась благополучно[1]. А не успел наступить декабрь месяц, как многие полки действительно пошли большою тульскою дорогою, в близости нас идущею, а едущими генералами и другими знатными особами она, так сказать, запружена была.

Повсюду на станции велено было выставить обывательских лошадей, ибо обыкновенных почтовых оказалось уже слишком мало, и для лучшаго распоряжения оных приезжал даже на завод Ведминской и несколько времени тут жил и сам наш тогдашний каширский воевода г-н *Посевьев*. И как мне сего человека давно короче знать хотелось, то, при сем случае,

[1] В 1768 г. Екатерина II с целью пропагандировать оспопрививание, сделала прививку себе и сыну Павлу. Из Англии был выписан искусный доктор Димедаль, у которого из 6 тысяч подвергшихся оспопрививанию умер только трехлетний ребенок. Оспопрививание императрицы и наследника сопровождалось особым праздненством. Сенат одобрил эту меру предохранения. Примеру Екатерины последовало множество знати. Но в массы народа оспопрививание проникло с трудом: темнота и невежество были большим препятствием. Екатерине была привита натуральная оспа, новый способ – вакцинация коровьей оспой – стал известен только в 1769 г., когда он был применен Эдуардом Джемпером.

познакомился я с ним короче, и он несколько раз приезжал ко мне в дом и делил со мною время в дружеских и приятных разговорах.

Он был человек умный, сведущий о многом и любопытный. Итак, он рад был мне, а я ему, и тем паче, что мог от него ежедневно почти слышать не только все происходившее на большой дороге, но и все новыя вести.

Но никогда приезд его ко мне не был так для меня интересен, как в день храмового нашего праздника, 6-го декабря. Он не только умножил собою число всех бывших у меня в сей день и довольно многих гостей, но был еще первым и лучшим моим гостем. Тогда воеводы несравненно более уважались, нежели все нынешние судьи, исправники и городничие.

Он привез к нам в сей день множество новых вестей как о проходящих полках, так и делаемых повсюду страшных и великих приуготовлений к войне: о выступлении в поход уже всей армии; о удвоенном рекрутском наборе; о умножении лошадей на станциях, и до 140 на каждой; о назначении командирами армий князя *Голицына* и *Румянцева*; о изданном уже о войне манифесте; о посаждении турками нашего резидента в Едикуль; о происходившей в Польше действительной войне и кровопролитии, и прочая, и прочая. Словом, разных вестей тогда и сколько справедливых, столько же и ложных конца не было, и мы готовились каждый день к узнаванию чего-нибудь новаго.

Препроводив весело наш праздник в ежедневных свиданиях с своими соседями, зваными были 9-го числа и ездили к г-ну Полонскому на именины жены его. Торжество было пышное, собрание довольно многолюдное и увеселения разного рода.

Я наслушался и тут превеликому множеству новых вестей о тогдашних происшествиях, но не доволен только был бывшим тут одним гостем из соседей г-на Полонскаго. Всякий раз, как ни случалось ему подгулять, делался он неотвязным и имеющим дурную привычку бить все по рукам и дергать слушателя, и сей надоел мне тем до чрезвычайности.

Возвратившись домой, начал я около сего времени продолжать сочинение «Детской моей философии». Всеобщее одобрение первой ее части и похвала от всех ей приписываемая, побудила меня к начатию сочинения второй части сей книги.

Около половины сего месяца имел я у себя одного новаго и весьма приятнаго для меня гостя. Был то никогда еще не бывавший у меня г-н *Колюбакин*, Алексей Алексеевич.

Как он был человек довольно обращавшийся в свете, имеющий со многими знатными людьми связи и знакомства и притом знающий, любопытный и такой человек, с которым можно было обо всем говорить, то по предварительному уведомлению от него, что он ко мне будет, ожидал я его к себе уже несколько дней с великою нетерпеливостию и тем паче, что он обещал мне привезть Манифест о войне и многия другия любопытныя и важныя бумаги.

Поелику он мне был уже знаком, то рад я был ему очень и старался угостить его всячески. Он препроводил у меня весь тот день и ночевал, и мы не могли с ним довольно наговориться.

Он привез мне не только манифест, но и расписание всем армиям и приуготовлениям и насказал мне вестей с три короба; но ни которыя так не были интересны, как носящийся повсюду слух, что по случаю составления вновь прибавочных полков и целых корпусов и по недостатку довольнаго числа офицеров, нужных для командования оных, не только приглашают всех отставных штаб и обер-офицеров и определяют опять в службу с некоторыми для них выгодами, но что будто в случае недостатка хотят и всех отставных дворян пересматривать и годных еще к службе, когда добровольно не захотят, определять и неволею в оную.

Сей слух был для меня не только интересен, но и поразителен. У меня зашевелилось даже сердце при услышании сего, ибо как в сем случае легко могло дойтить и до меня, мне же, как привыкшему уже в деревне жить и вкусившему приятность и блаженство сей жизни, уже никак и ни для чего не хотелось уже с нею разстаться; то озабочивался я и очень много сим слухом, ибо натурально заключал, что по молодости, здоровью, достатку и знаниям моим весьма трудно мне будет от службы отделываться, а особливо если будет к тому некоторое принуждение. Но как слух сей был еще недостоверным, то я сим одним и мыслию, что, может быть, сие и неправда, сколько нибудь еще и утешался.

Гость сей недолго у меня пробыл, но, поспешая отъездом, не хотел даже дожидаться настоящаго обеда, так что мы принуждены были приготовить для его обед ранний, и отъезд сей случился очень кстати. Ибо не успел я его проводить со двора, как жена моя, бывшая уже давно на сносех, начала мучиться родами.

Я перетревожен был сим случаем до безконечности, и тем паче, что было сие против всякаго чаяния и ожидания, и все думали и считали, что

ей еще недели две или три носить надлежало, почему не случилось тогда даже и самой ея матери, а моей тещи дома. Но она без всякаго опасения, за несколько до сего дней, поехала к тетке Матрене Васильевне, у которой в самое сие время лежал сын в оспе, и находилась в Калединке.

Но как бы то ни было, но все в мнениях своих обманулись, и жена моя в 9-м часу вечера, к неописанному обрадованию моему, действительно разрешилась от своего бремени благополучно, произведя на свет и в сей раз мне сына.

Я не могу изобразить, как обрадовался я и как благодарил Бога, что даровал мне вместо умершаго, сего другого мальчишку. Мы назвали его Степаном, и как ни поздно было, но того ж часа отправили в Калединку нарочнаго с уведомлением о сем к его бабке, а поутру разосланы были и к другим нашим друзьям и соседям люди с извещением о том же.

Теща моя не успела о том услышать, как, обрадовавшись чрезвычайно, тот же час к нам полетела, а вместе с нею приехала любившая так много нас и тетка; а не преминули также и все соседи у нас перебывать и, по обыкновению, поздравить нас с новорожденным. Но я растревожен был на третий день сделавшимся в родильнице жестоким жаром и даже самым бредом.

Опасаясь, чтоб не произошла инфламация в матке и не лишила меня ее, не знал я что делать и чем сей бедной помогать; но спасибо, припарка ромашкою с молоком и некоторыя другия употребленныя вспомогательныя средства помогли и меня опять успокоили, а к особливому обрадованию моему полегчало и дочери и она стала оправляться.

Крестинами сего новорожденнаго мы не очень спешили, отчасти для того, что родильница все еще была нездорова, поправлялась очень худо, а наиболее желая дождаться мясоеда, и не прежде крестили как на другой день Рожества. Восприемниками от купели были прежние: друг мой Иван Григорьевич Полонский и тетка Матрена Васильевна, и мы и сей крестильный пир отправили как водится, и гостей у нас было-таки немало, и притом довольно весело.

Сим кончился почти 1768-й год, ибо в достальные немногие дни сего года не произошло ничего в особливости примечания достойнаго, кроме того, что я, по причине начинающейся войны, решился в первый еще раз отроду взять себе московския газеты и послал за оныя деньги в Москву. Но какая была разница между тогдашними газетами и нынешними, равно

как между тогдашнею и нынешнею ценою оным. Тогда они не более стоили пяти рублей с полтиною, но зато и газеты были – подлинно газеты.

Другое случившееся в сии дни было то, что я вновь перетревожен был помянутым слухом об отставных, который не только не уничтожался, но увеличивался так и насказываемо было столь много, что я почитал его уже совершенно верным; и того и смотрел, чтоб не приехали и ко мне с повесткою из города, чтоб ехать в Москву и явиться в Военную коллегию, так как говорили, будто уже многих в других, особливо степных уездах, выслали.

Но чего и чего тогда уже не говорили и не насказывали за верное. Ныне, читая записки о тогдашних слухах, не могу довольно надивиться тому, как хотелось людям выдумывать сущия небылицы и распускать в народ слухи, не имевшие ни малейшаго основания.

Третье было то, что я во все сии дни имел дело с приезжавшими ко мне из дальних степных деревень обозами и дураком моим шадским прикащиком, который насказал мне и Бог знает что о славе, какая будто носилась везде там о моем межеванье; а все было пустое.

Впрочем, не оставили мы, чтобы не видаться в сии дни кое с кем из соседей в их домах и с ними не препровождать Святок по старинным обрядам и обыкновениям, так как и окончил я сей год не у себя в доме, а у кума и друга своего Ивана Григорьевича, к которому заехал, бывши в гостях у *Товарова*, к которому я зван был на именины к его матери.

Сим образом окончился и 1768-й год, проведенный мною отчасти дома, а отчасти в путешествиях, но довольно хорошо и благополучно и в безпрерывных почти упражнениях.

Упражнения мои, как из вышеупомянутаго видно, были разныя и то экономическия, то литеральныя[1]. В разсуждении сих последних замечания достойно было то, что я много начинал сочинять вновь книг, но ни одной почти не сочинил и не кончил, а ежели что сделал, так описал и ранжировал всю свою библиотеку, но которая около сего времени была все еще очень и очень невелика, и число всех книг простиралось только до 660 книг. Какая разница пред нынешнею, и что значила она тогда и что нынешняя!

Наконец заметить надобно, что я никогда так долго не упражнялся в переплетании книг, как в сей год. Не только своих, но и чужих переплел

[1] Литературные.

множество, и в работе сей находил для себя превеликое удовольствие. Но каковы мои переплеты были, о том спрашивать нечего. Но говорится в пословице «на безлюдьи и сидни в честь», а так было тогда и со мною, и за неимением лучшаго и искуснейшаго переплетчика и то было уже хорошо. Люди и тем были довольны.

Наконец, вообще можно сказать, что я и сей год препроводил счастливо и так весело, что деревенская жизнь час от часу становилась мне приятнее и драгоценнее, и я так и состоянием своим был доволен, что не помышлял ни о каких чинах и достоинствах в свете.

А сим окончу я письмо сие, довольно уже увеличившееся, и, сказав вам, что я есмь ваш и прочая.

1769 г. РАЗНЫЯ ПРОИСШЕСТВИЯ

Письмо 130-е

Любезный приятель!

Начало 1769-го года достопамятно для нас было смертию двух особ, которыя мне были любезны. 6-го числа генваря кончила наконец долговременную свою жизнь старушка Варвара Матвеевна *Темирязева*, сестра покойного деда моего Никиты Матвеевича и самая та, от которой наслышался я о предке нашем Еремее Гавриловиче. Она жила более 90 лет. Старушка была добрая и мы все ее любили и почитали. А 12-го числа того же месяца умер внучетной брат мой, Дмитрий Иванович *Арцыбашев*, и сего мне еще более жаль было, нежели старушки.

Был он еще в самых цветущих летах своего века, но очень толст и тяжел, и водяная болезнь лишила его жизни. Как он был очень милый и добрый человек и нас любил, то и мы все любили его искренно и жалели о рановременной смерти его. Мы погребли его со слезами у приходской их церкви в селе Лушках, а удалось мне проститься с прахом и старушки бабки моей при погребении ее в селе Заглухине.

Проводили мы также с сожалением в начале сего месяца и друга моего, Ивана Григорьевича *Полонскаго*, в Петербург и желали, чтоб получил он от *Ерофеича* себе облегчение.

В конце же месяца сего перетревожены мы были умножившимися повсюду кругом нас смертоносными горячками, также свирепствующею повсюду оспою и крем. Как сами по себе, так и для детей своих мы так были сим перетревожены и озабочены, что помышляли уже о том, чтоб уехать жить в Коростино, и тем паче, что дочь моя около сего времени не только освободилась уже совсем от своей болезни, но начала уже и ходить сама о себе, что веселило нас до чрезвычайности, ибо дети были тогда нам в великую еще диковинку.

Впрочем, первый месяц сего года прошел в безпрерывных почти разъездах по гостям и угащивании у себя к нам приезжавших. Давно уже так много их не бывало и я тем был очень доволен, но довольнее еще уничтожившимся слухом об отставных и тем, что оной оказался ложным.

Напротив того, достопамятно было то, что при начале сего года сделалось было в Москве и везде такое оскудение соли, что продавали ее почти только фунтами, и цена ей была уже гривен по осьми, а в степях и слишком по 2 рубля пуд покупалась. Но, по счастию, продолжилось сие недолго: ее подвезли и цена возстановилась прежняя.

Степныя наши места не от одной сей дороговизны в соли стонали, но и от поставки провианта в Украину. Казна платила хотя и за провоз и за хлеб деньги, но несмотря на то обращалось сие в великое отягощение тамошним краям, по причине разных злоупотреблений и прижимок при том бывших, и потому никому не хотелось самому ехать туда, а сдавали подрядчикам и платили дорогою ценою.

Еще носилась около сего времени одна странная история не только о безчеловечии, но и о сущем варварстве одной нашей дворянской фамилии, жившей в здешнем уезде и делающей пятно всему дворянскому корпусу.

Сей господин отдавал одну девку в Москву учиться плесть кружева. Девка скоро переняла и плела очень хорошо; но как возвратилась домой, то отягощена была от господ уже слишком сею пустою и ничего не значущею работою и принуждена была всякий вечер по две свечи просиживать. Сие подало повод к тому, чтоб она ушла прочь в Москву и опять к мастерице своей; но ее отыскали и посадили в железы и в стуло[1] и заставили опять плесть.

[1] Железо – кандалы; стуло – обрубок, к которому приковывали колодников.

Через несколько времени освобождена она была по просьбе одного попа, который ручался в том, что она не уйдет. Но как девка сия была только 17-ти лет и опять трудами отягощена слишком, то отважилась она опять уйтить; но, по несчастию, опять отыскана и уже заклепана в кандалы наглухо, а сверх того, надета была на ее рогатка, и при всем том принуждена была работать в стуле, кандалах и рогатке[1], и днем плесть кружева, а ночевать в приворотней избе под караулом и ходить туда босая.

Сия строгость сделалась, наконец, ей несносною и довела ее до такого отчаяния, что она возложила сама на себя руки и зарезалась; но как горло не совсем было перерезано, то старались сохранить ее жизнь, но, разрубая топором заклепанную рогатку, еще более повредили, так что она целыя сутки была без памяти. Со всем тем не умерла она и тогда, но жила целый месяц и, хотя была в опасности, но кандалы с нее сняты не были, и она умерла наконец в них, ибо рана, начав подживать, завалила ей горло.

Вот какой зверский и постыдный пример жестокосердия человеческаго! И на то ль даны нам люди и подданные, чтоб поступать с ними так безчеловечно! И как дело сие было скрыто и концы с концами очень удачно сведены, то и остались господа без всякого за то наказания.

Мы содрогались, услышав историю сию и гнушались таким зверством и семейством сих извергов, так что не желали даже с сим домом иметь и знакомства никогда.

Далее записано у меня, что я в сей месяц крестил с тещею моею нынешняго нашего дьякона *Петра*, сына бывшаго тогда нашего попа *Евграфа*; также в исходе онаго выдумал и сам сделал прекрасный деревянный замóк с шестью колесами.

Замок сей был очень курьёзен. На колесах онаго, вертящихся кругом, изображены были литеры и из оных можно было чрез вертение набирать до 4000 разных слов и имен, но отпирало его только одно слово, и слово сие было «*фофон*». С того времени стали делать в Туле замки сего рода и железные, но все глупые и не столь замысловатые.

Наконец, 15-го числа сего месяца имел я удовольствие получить чрез Серпухов свои газеты, и как это было в первый раз, то я обрадовался им как бы какой превеликой находке. Но радость сия скоро превратилась в досаду, ибо как тогда не было еще такой порядочной почты по всем ме-

[1] Здесь железный ошейник.

стам, как ныне, то пересылка оных происходила не только медленно, но весьма неисправно, и я то и дело принужден был видеть посылаемых за ними в Серпухов людей, возвращающихся с пустыми руками и досадовать на почту и на газетиров.

Сколь ни мало было в генваре происшествий, достойных замечания, но февраль был еще того скуднее оными. В течение всего онаго не произошло почти ничего важнаго кроме того, что я нанял плотников рубить новый себе дом, да в конце онаго получил опять письмо из Экономическаго общества с IX-ою частию «Трудов» онаго, и имел удовольствие видеть в оной оба мои последния сочинения напечатанные.

Письмецо сие было самое коротенькое, но книги прислано было ко мне целых 13 экземпляров, власно как бы в награду за труды мои и чтоб мог я оныя раздарить моим знакомым. Награда сия была хотя слишком мала, но я по нужде был и оною доволен, и самым тем побуждался и далее заниматься подобными тому ж экономическими сочинениями.

Впрочем, имели мы удовольствие в течение сего месяца видеть ближайшаго моего соседа и двоюроднаго брата, Гаврилу Матвеевича, приехавшаго из Петербурга в дом свой, а напротив того, другого соседа, Матвея Никитича, проводили в Петербург на службу.

Наконец, как в исходе сего месяца случилось быть в сей год Масленице; то, по молодости своей и по охоте с малолетства к катанью, вздумалось мне порезвиться и сделать для катанья порядочную гору. Она сделана была деревенская, без всяких коштов.

Я велел на нижнем своем пруде расчистить лед и, избрав отлогий, но довольно высокий и крутой берег, в самом том месте, где ныне у меня известковыя ямы, улили весь оный и так, что гора была наипрекраснейшая. И мы закатались на ней впрах не только сами мужчины, но сотоварищество нам в том делали и самыя боярыни как наши, так и приезжавшия к нам в гости.

Самыя старушки, как, например, теща и тетка моя Матрена Васильевна, дозволили мне несколько раз скатить себя с горы на салазках. Словом, я не помню, чтобы когда-нибудь во всю жизнь мою я так весело Масленицу, а особливо последний день оной препроводил, как в сей раз. И как гостей у нас случилось много, то катались мы в сей день до самаго позднего вечера и даже при огнях, которыми гору свою мы осветили, и кончили оный прямо хорошо и весело.

С начала марта сделалась было у нас половодь: сошел весь снег и вскрылась было совсем весна. Явление сие было необыкновенное, однако продолжалось сие недолго и мы должны были опять покидать колесы и приниматься за прежние сани, и настоящая половодь не прежде была как под Благовещение.

В сей месяц начали плотники рубить мои хоромы, а я с людьми заготовлять каменья под фундамент под стены, которыя основаны были на толстых дубовых столбах.

Копали мы оные прямо против хором в вершине и вытаскивали оные к хоромам, при помощи ворота, по намощенному вкось чрез вершину из досок мосту, по которому втаскивалась особого рода плоская телега или почти род саней, нагруженных множеством камней.

Машину сию выдумали мы сами с столяром и она помогла нам очень много. И как каменьев нашли мы превеликое множество, лежащих в горе стеною, власно как складенною из тесаных камней, то с малым трудом наломали и натаскали их множество.

Были также подряжены и гвоздье, и какая дьявольская разница между ценами тогдашними и нынешними: тогда двутесные не дороже были 2-х рублей, а однотесные 80 копеек.

Еще достопамятно, что в течение сего месяца продал я в каширской деревне своей Бурцовой, приданой покойной моей бабки, наконец и самую землю брату Гавриле Матвеевичу. Итак, сия деревня совсем вышла из моего владения, ибо крестьяне переведены были уже давно в шадскую деревню.

Имели мы также удовольствие видеть опять и соседа нашего Матвея Никитича, возвратившагося совсем нечаянно из Петербурга, чрез что собрались мы опять все вместе, и вся фамилия наша находилась тогда в Дворянинове.

Что касается до упражнений моих, то во все последние зимние месяцы занимался я наиболее разрисовыванием красками печатных картинок, вырезанных из книг, и разрисовал их множество. Все они и поныне украшают мои стены, а иныя в эстампной и портретной книге.

Однако не гуляло и перо мое; работал я много и оным; но, кроме пиесы о тележке навозной, назначенной для Экономическаго общества, не сочинено мною ничего особливаго, но начинал я многое, а сделал мало.

Впрочем, занимался я также и переводами, и трагедия «Вольнодум» переведена в сие время.

Наконец в конце сего месяца огорчены мы были все, а особливо теща моя, печальным известием, что смерть похитила и третьяго ее брата, Александра, в цветущих еще летах, на Низу. И как старик отец ея, а жены моей дед, остался с одним только своим меньшим сыном, *Сергеем*, то приглашал он тещу мою, чтобы она к нему в Цивильск приехала жить, но чего, однако, нам да и самой ей не очень хотелось.

Начало весны провели мы весело и благополучно и видались почти всякой день с своими соседями, а особливо в Святую неделю, бывшую в сей год в исходе апреля, которая была для нас тем веселее, что у Матвея Никитича родила жена в оную перваго ему сына и были у него сборныя крестины, и по случаю сему и множество гостей, которые все перебывали и у нас. Вместе с другими крестил и я его сына с девушкою *Пестовою*, Марьею Михайловною.

Впрочем, не успела весна вскрыться, как принялся я опять за милые и любезные сады свои и всякий день занимался в них множеством работ и дел вешних. Мы садили и пересаживали разныя деревья, прививали прививки, сеяли разныя цветочныя и огородныя семена, чистили и прибирали все, а особливо цветники, до которых я в особливости был охотник.

В самую сию весну завел я наиболее все разные роды вишен, которыя и поныне сады мои наполняют некоторыя из них получил я от *Товарова* из Прончищева, а другия и самыя те алыя мелколистныя и плодородныя, из которых ныне в садах моих ростут целые лесочки, от Незнанскаго попа *Егора*.

Также в самую сию весну насажена из лип та короткая прекрасная крытая дорога в ближнем моем саду, подле ворот на улицу, которая и поныне увеселяет меня своею густотою и великостью. В течение прошедших с того времени 34-х лет разрослась и выросла она превеликою. В сие время имел я уже и планы садам моим, но далеко не такие совершенные, как ныне.

Кроме сего, имели мы в сие время с соседями своими небольшую сделку в разсуждении Удерева и лугов под Шестунихою и многими клочками, по согласию друг с другом, разменялись.

В начале мая убавилось опять наше деревенское близкое соседство одним человеком. Брат Гаврила Матвеевич поехал опять в Петербург на

службу, ибо как он ни старался, но ему не отсрочили. Мы же, оставшиеся, провели общими наш деревенский праздник отменно весело. Гостей у всех нас было множество, мы только и знали, что переходили с ними друг к другу.

В особливости же было у меня всем весело по причине круглых качелей, бывших у меня. Да и, кроме сего, во весь сей месяц как-то в особливости и так много у меня погостилось, что мы редкий день проводили без гостей или сами у кого чтоб не были.

Между тем хоромы мои продолжали строиться и с таким успехом, что в сей месяц успели их уже и покрыть, а мы между тем подвели под них и фундамент каменный.

Прочия ж упражнения мои в праздные часы состояли в срисовывании с натуры цветов разных, разцветающих у меня в садах и цветниках, которыя картинки и поныне у меня целы и украшают отчасти стены в моих хоромах.

Наидостойнейшим же происшествием сего времени было солнечное и очень видное затмение, случившееся 24-го мая. Я примечал оное с величайшим вниманием и имел случай приметить тогда в солнце шесть маленьких черных пятнушков, в разном положении между собою и подвинувшихся к вечеру совсем в другое место, что некоторым доказательством было тому, что солнце вертится вокруг своей оси.

В продолжение июня месяца занимался я наиболее строением: как старинный конский и скотский двор находился подле самых новых и уже плотниками отделанных хором и надлежало его перенесть куда-нибудь в иное место, то разсудилось мне перенесть его в рощу за вершину и на самое то место, где находятся теперь людские огороды.

Итак, надобно было вырубить ту часть рощи, и строение оное туда перевозить и ставить; пред хоромами ровнять и планировать место для назначаемого тут большого цветника, которая работа произведена одним садовником с ребятишками.

Изобретенная мною садовая о двух колесах тележка, употребляемая и поныне с особливою выгодою и пользою, в том им много поспешествовала. А как и хоромы осталось только внутри отделывать, то начинал я уже и о украшении внутренности оных помышлять и целых 7 дней употребил сам на намалевание одной большой картины наподобие тканого ковра, с историческими изображениями, каковыми хотелось мне обить и убрать

все стены моего зала, которая и поныне еще цела и украшает собою стену в зале и служит памятником тогдашних моих трудов и малеванья.

Между сими упражнениями не оставляли мы по-прежнему видаться с своими соседями и знакомцами, и как у себя их угощать, так и самим к ним ездить.

Бывший в начале месяца сего Троицын день провели мы очень весело, будучи в гостях у г. *Гурьева*, в Тарусском уезде. Собрание гостей было многочисленное. Добрые сии люди были всеми любимы, и никому по особому гостеприимству их не было у них скучно. Не могу и поныне позабыть, как были мы в сей день там веселы, как танцовали, бегали, резвились, гуляли по садам, по рощам и забавлялись разными деревенскими играми и как смеялись и хохотали при одном приключении, случившемся с бывшими там в гостях молодыми барышнями.

Случилось это на другой день праздника. Сыну и дочерям хозяйским вздумалось подговорить их иттить с ними погулять под гору на берег реки Оки, где имели они прекрасную рощу, и там на лодке по реке покататься. Они согласились на то охотно. Но не успели они приттить к реке и сесть в лодку, как вдруг поднялась превеликая буря с проливным дождем, и гуляющия подверглись от того превеликой опасности, а того более перестращались.

С превеликою нуждою и насилу-насилу удалось им привалить опять к берегу, и тогда, позабыв гулянье, спешили они домой; но как разстояние было не близкое и более версты, то все они бегучи не только перемучились и устали, но все с головы до ног от проливного и крупного дождя обмокли.

Мы, мужчины, с ними тогда не ходили, а оставались с хозяином дома, и сперва сами опасности их напугались, но после надселись со смеху, видя их бегущих без памяти домой и укрывающихся от дождя чем кому попало. Иная бежала в людской шляпе, другая в епанче, иная обвязав голову платком, иная чем попало и так далее. Смеху-то хохотанья конца истинно не было!

Вскоре засим должен я был съездить еще за Серпухов, в Малоярославецкий уезд, для межеванья. У тетки Матрены Васильевны Арцыбашевой была там деревня Новики, и как пришло туда межеванье и произошли споры от дач княгини *Дашковой*, то просила меня тетка съездить в сию деревню и взять сие межеванье под свою опеку. И как мне не хотелось

отказать ей в сей просьбе, то я туда и ездил, и учинил там все, что только было мне можно.

Насмотревшись и тут всего происходящего при межеванье и получая час от часу множайшее понятие об оном, предвидел я, сколь великая надобность для всякаго владельца была в том, чтоб знать наперед верно все количество владеемой им земли, дабы располагаясь по тому можно было так уже и поступать при межеванье.

А как такого ж межеванья скоро ожидали мы уже и у себя, а из всех из нас никто не знал, сколько у нас земли действительно во владении и пример ли в ней против дач будет или недостаток, то сие начинало меня уже очень озабочивать и побуждать мыслить о том, как бы мне всю дачу и земли свои предварительно вымерить и узнать точное количество земли в них.

Сие не инако можно было учинить, как чрез снятие всей дачи на план. К снятию же сему потребна была необходимо астролябия. Сию хотя и имел я у себя домашнюю, но как шадское измерение, при котором она употреблена была, доказало мне, что она весьма еще несовершенна и с нею только намучишься довольно, а дела не сделаешь, потому что она удобна была к сниманию на план одними только углами, причем малейшая неверность и неакуратность могла все дело портить, то и стал я думать и помышлять о том – нельзя ль бы смастерить себе иную, лучшую и надежнейшую, и такую, которая бы снабжена была и компасом, и которою бы можно было землю снимать и по румбам.

По счастию, мне и удалось придумать, как сие сделать и изобресть такого рода астролябию, которая по дешевизне своей и особому сложению достойна была особливаго замечания. Обрадуясь сей выдумке, приступил я тотчас к делу. И оба мы с замысловатым столяром своим были столь прилежны, что в немногие дни и смастерили себе такую астролябию, какой лучше требовать было не можно.

Вся она сделана была дома и вся и с штативом своим, кроме стрелки, не стоила мне ни копейки, а действовала так верно и так хорошо, что я не желал иметь лучшей и был ею очень доволен. Стрелкою к ней снабдил меня друг мой г. *Гурьев*, достав ее для меня от межевщиков.

Не успел я снабдить себя сим нужным инструментом, как приступил действительно к снятию всей своей дачи и разных частей ея на план и занимался тем во все праздное время, которое я имел в течение июня месяца; но время к тому и досуга имел не много.

Так случилось, что мне многие дни надлежало быть от дома в отлучке и заниматься премножеством межевых настоящих хлопот по просьбе такого человека, которому нельзя было в том отказать и которому и сам я за удовольствие поставлял помогать и жертвовать всеми приобретенными мною в сих делах знаниями и способностями, а именно:

Возвратился около самого сего времени друг и наилучший сосед мой, Иван Григорьевич *Полонский*, из Петербурга. Он ездил, как выше упомянуто, туда лечиться у *Ерофеича* и, вылечившись, приехал теперь назад и тотчас прислал ко мне с уведомлением.

Я тотчас полетел к сему любезному для меня человеку и обрадован был очень, нашед его несравненно в лучшем состоянии пред прежним.

Он показывал мне списанный нарочно портрет с сего славнаго врача и разсказывал множество всякой всячины об нем, и как вместе со мною съехались и многие другие его соседи и знакомцы, то весь тот день провели мы очень весело.

Не успел г. Полонский возвратиться в дом, как озабочен был досадными хлопотами; с одной стороны, приближалось к дачам его и начиналось почти межевание, при котором, по запуганности обстоятельств с дачами и землями его сопряженных, предусматривал он многия для себя и неприятныя хлопоты, при которых нужна была великая расторопность, да и практическое в межевых делах знание, в каком был ему недостаток; а с другой стороны, иныя необходимыя нужды и обстоятельства требовали его от дома отсутствия и принуждали немедленно ехать в Москву и потом еще и далее – в шуйския свои деревни.

Все сие так его стесняло, что он не знал, что делать, и другого не находил, как просить меня как своего друга помочь ему в сей нужде и принять все хлопоты по его межеванию на себя, и чтоб мне собою заменить его собственное присутствие. И как он был о знании и честности моей удостоверен, то вверял мне всю судьбу своих дач и хотел быть всем доволен, что я ни сделаю.

При таких обстоятельствах, как можно было мне не принять сего предложения и отговориться? Напротив того, я сам был еще рад, что имел случай услугами и трудами своими возблагодарить ему за всю его ко мне дружбу и благоприятство и доказать тем, сколь искренно и нелестно я люблю онаго, а желал только, чтоб в стараниях моих имел я успех вожделенный.

И подлинно, не успел я возвратиться к себе в дом, а г. Полонский уехать в Москву, как прислала жена его ко мне с просьбою, чтоб я приезжал как можно скорей к ней для межевания. Я и поскакал тотчас к ней верхом и вступил в порученное мне дело. Но, о сколько хлопот навело оно мне!..

Продолжилось оно с разными переездами более двух недель сряду. Несколько раз принужден я был к ней приезжать и, бросая все собственныя свои дела и нужды, проживать у ней иногда дни по два и по три и не только таскаться ежедневно с утра до вечера по полям, и по горам, и буеракам, но терпеть и скуку, и досаду, и самое безпокойство от жаров и солнца, а не один раз от бурь и проливных дождей, захватывавших нас в поле.

Но всего того было не довольно, но обстоятельства дач и земель его были действительно так спутаны и так сумнительны, что я принужден был употреблять все свое знание и все искусство, и наивозможнейшую расторопность и даже самыя иногда тончайшия хитрости к спасению его земель от захватывания посторонними и к недопущению до споров и тому подобного.

И как дело должен был иметь я не с одним, а со многими и разными владельцами, острившими на земли г. Полонскаго свои зубы, а притом с двумя хитрыми землемерами, то и принужден я был при многих случаях извиваться ужем и жабою, употреблять и волчий рот, и лисий хвост; не один раз вставать до света, трудиться над бумагами, черчением и вычислениями до полуночи; скакать без памяти из одного места в другое, разъезжать по всем знакомым и незнакомым соседним домам; бывать совсем в неприятных для меня компаниях и иных упрашивать, других уговаривать, иным предлагать умышленные советы и всех, кого надобно было, разными средствами наклонять к тому, что все сии хлопоты и труды не были тщетными; но мне удалось не только спасти все земли, находившияся во владении у г. Полонскаго, из коих он многия почитал за потерянные, но доставить ему еще некоторыя вновь во владение и тем превозойтить все его чаяния и ожидания, а при всем том и обоих землемеров, из коих один был г. *Хвощинский*, а другой г. *Рославлев*, сделать себе хорошими друзьями.

Все сии хлопоты так меня заняли, что я во все течение июня месяца, кроме обыкновенных хозяйственных дел, успел только разбить и основать большой цветник пред окнами новаго дома.

Наконец, ознаменовался сей месяц двумя печальными происшествиями, случившимися в течение онаго.

Первое была жалкая кончина одной недальней родственницы тещи моей, г-жи *Вяткиной*, сестры Ивана Афанасьевича *Арцыбашева*. Она была вдова и жила с своею дочерью, милою и любезною девушкою, бывшею уже невестою, в своей коломенской деревне и так была несчастна, что собственные ея люди под видом разбойников вломились к ней в дом и, истиранив зверски, убили ее и с дочерью безчеловечным образом, злясь на нее за то, что она к ним несколько строга была и которых нам очень жаль было.

А второе состояло в переселении в вечность нашей милой и любезной *Ивановны*, той доброй и услужливой старушки немки, живущей в Ченцове, которая так много любила нас и нами была любима, и играла при сватовстве моем ролю свахи. Она умерла от старости и болезни, и нам ее так жаль было, как родную. Обе мои семьянинки проводили ее на вечное жилище и оросили гроб ея своими слезами, а меня не случилось тогда дома.

Впрочем, замечу, что сему лету власно как назначено было быть мне училищем землемерию и межевым делам, ибо ни в который год я так много оным не занимался, как в сей.

Не успел я помянутыя межевые дела по дачам г. Полонскаго кончить, как, возвратясь домой, и сначала августа вместе с соседом своим Матвеем Никитичем принялся плотнее уже за снимание всей своей дачи на план.

Несколько дней сряду проходили мы с ним по обширным нашим полям и лесным угодьям и имели довольно труда, покуда обошли с инструментом по всей окружной меже.

При сей работе сколько был я доволен сотовариществом помянутаго соседа своего, разделявшего со мною все труды и безпокойства, столько досадовал на брата своего Михаила Матвеевича, не ходившего ни однажды с нами и покоившегося дома.

Я не успел еще всего обхода моего наложить на бумагу, как такие же хлопоты отвлекали меня в другую сторону.

Прискакали ко мне из каширской моей деревни Калитино, с извещением от живущей там старушки, нашей родственницы и соседки Марфы Маркеловны *Бакеевой*, о том, что межеванье настает, и с просьбою, чтоб не оставил я и их при сем случае.

И как дело сие касалось сколько до нее, столько ж и до самого меня, то, не долго думая и подхватя свою астролябию и всю межевую сбрую про запас, поскакал я туда на другой день поутру

Но, приехав, нахожу, что межевщик еще до наших дач не дошел, и как и вся дача сей деревни была небольшая, то и восхотел я сим случаем воспользоваться и для узнания, есть ли в нашем владении столько земли, сколько по дачам следует или оной более или менее; предпринял скорее всю оную вымерить.

Тотчас все нужное было приготовлено: вся межевая команда набрата и я, забрав вехи и инструмент, полетел в поле и давай скорее обходить; и не жалея трудов так поработал, что чрез несколько часов всю ее обошел.

Но какой же смех произошел при том. Не успел я начать обходить бок к дачам села Грызлова, как мужики сего села, пахавшие в то время за рекою землю, и увидев меня и мои вехи, также и моих людей, бывших в красных и синих камзолах и в шляпах, заключили, что это межевщик, который и в самом деле в тот день неподалеку от того места находился.

Итак, почитая меня действительно за межевщика и не видя при мне своих поверенных, пришли от того в превеликое замешательство и, не долго думая, ну-ка скорей выпрягать из сох лошадей и скакать в свое село для извещения о том своих сельских поверенных.

Сии, услышав о том, перетревожились того более. Они взбаламутили всех, и сами, повскакав на лошадей, ну-ка без памяти скакать и поспешать ко мне, а за ними и сами господа в одних даже халатах, и не до лошадей уже, а пешком бежать. Прибежали, прискакали и нашли совсем не то, и мне ажно стыдно и дурно было, что я их так без умысла перетревожил.

Как про запас взял я с собою и инструмент чертежный и бумаги, то, окончивши обход, спешил я положить оной на бумагу, и по связании фигуры скорее все количество исчислить; и как же ахнул и удивился, увидев, что в ней ровнехонько целой половины не доставало.

Что было тогда делать? Надлежало ее где-нибудь отыскивать, но где и каким образом? Сколько ни расспрашивал я у всех, не завладел ли кто в старину нашими землями, но никто не мог сказать мне ничего. Я к Маркеловне. Спрашиваю ее, но и та ни от кого, даже от предков своих о том не слыхала, а то же говорила как и прочие, что все землями владели спокойно и ни с кем споров не было.

Горе тогда было на меня превеликое. Думаю я, что ежели так оставить, то недостаток земли навек пропадет, и если ее отыскивать, то отыскивать при сем случае надобно, но у кого, того я сам не знал. Наконец решился на том, чтоб велеть заспорить со всеми наудачу, ибо думал, что если найдется

у кого примерная земля, то мы ее получим, а ежели не найдется, то так тому и быть, ибо ведал, что от того беды никакой не будет.

Предприяв сие намерение и распорядил я все дело так, как надобно, и дав всем поверенным наставление, где и каким образом заспорить и отводить, стал спокойно дожидаться межевщика, а между тем сделал другое дело.

В деревне сей было у меня два небольшия сада: один прадедовский, старый и совсем уже издыхающий, а другой молодой, вновь разводимой. В обоих их были тогда яблоки и другия плоды поспевшими. Итак, ну-ка я их обирать, ну-ка укладывать и отправлять к себе в дом в Дворяниново.

А между тем приближался и к нашим калитинским дачам межевщик, и я успел еще и с ним видеться и вместе с ним пройтить несколько линий к нам прикосновенных, ибо он межевал тогда не нас, а другия с нами смежныя дачи, такия места, где мне споры заводить было не можно. А как до нашей дачи дело еще не доходило, то, давши нужныя наставления, поспешал я домой, дабы вслед за своими домашними ехать в Алексинскую женину деревню, ибо между тем как все вышеупомянутое происходило и я двое сутки в Калитине пробыл, поехали они для некоторой надобности в Тулу с тем, чтоб оттуда проехать в Коростино, а и мне бы там с ними съехаться.

Но, приехавши домой, нашел я столько нужд и столько дел для исправления, что нельзя было никак в тот день ехать. Надобно было принять и прибрать высушенные орехи, которых в сей год родилось у нас превеликое множество; надобно было прибрать также великое множество посбитых, бывшею незадолго до того ужасною бурею, с яблоней яблок; надобно было поспешить снять достальные поспевшие яблоки, чтоб ветры не обили последних; надобно было отправить слугу, присыланного от г-жи *Полонской* с письмом от мужа ея ко мне, в котором сей друг приносил мне за труды и хлопоты мои безконечные благодарения; надобно было угощать еще приезжавших ко мне в гости с завода немцев и прочее тому подобное.

Итак, не прежде как с утра на другой день пустился я в свой путь и ехал с такою поспешностию, что застал еще своих не обедавших в Коростине. Они только что возвратились из Тулы и хотели было уже ко мне ехать, но я остановил их, ибо хотелось мне из тамошняго сада поснять все поспевшие яблоки, а между тем повидался я с тамошним неугомонным и

глухим соседом, господином *Колюбакиным*, Иваном Алексеевичем, и поговорить с ним полюбовную речь, и его пристыдить и усовестить в делаемых нам по тамошней деревне глупых притеснениях и обидах, к чему он был не редко наклонен, хотя, впрочем, был изрядный человек.

Наконец переломавши и там все дела, как лутошки, поехали мы обратно в милое и любезное мое Дворянниново и, завезя на дороге к матери, гостившую у нас около сего времени Авдотью Андреевну *Хотяинцову*, что ныне г-жа *Перхурова*, завернули на часок и в Калединку, в дом отсутственной тетки Матрены Васильевны, бывшей тогда в степной своей деревне.

Тут видел я также страшное поражение, учиненное последнею бурею в садах ея и не мог без сожаления смотреть на превеликия кучи наипрекраснейших плодов ея сада, обитых ветром. И возвратились наконец в свой дом накануне Успеньева дня, поспешая к сему дню, в который обещалась к нам быть и вместе с нами разговеться госпожа *Полонская*.

Сим кончу я сие письмо, а вкупе и 12-е собрание оных, и предоставив повествование о прочем дальнейшему продолжению моих писем, остаюсь ваш и прочая.

Конец
второй на десять части
Сочинена 1802, а переписана в 1805 году в декабре.

ЧАСТЬ XIII

(1802)

В ДВОРЯНИНОВЕ

(Начата октября 30, кончена ноября 5-го 1805)

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ ВООБЩЕ

1769–1770

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ

Письмо 131-е

Любезный приятель!

Как в предследующем моем письме я еще всю историю 1769-го года не докончил, и довел ее только до половины августа и остановился на том, что мы, возвратясь из Алексинской своей деревни в Дворяниново, собирались на Успеньев день угощать у себя обещавшую к нам быть и вместе с нами в сей день разговеться госпожу *Полонскую*; то, продолжая теперь с сего времени свою историю, скажу, что помянутая госпожа к нам действительно тогда и приезжала, и мы, возвратившись в сей день от обедни, нашли ее уже у себя вместе с приехавшим к нам совсем неожидаемо и господином *Гурьевым* с сыном.

Как она домашних моих с того времени еще не видала, как я у ней был и хлопотал так много по межеванию, то, увидевши их, первыя ее слова были об оном, и каких, и каких благодарений не насказала она им за меня. Истинно ажно было стыдно слушать все сие, и я ушел в другую комнату.

Препроводив с сими милыми и любезными нам гостями сей день очень весело, и проводив их от себя, принялся я на другой день за приятнейшее для меня упражнение, а именно за снимание яблок со всего моего новаго, молодого и мною вновь насажденнаго большого сада.

В оном родилось в сей год плодов уже довольно, и как они все поспели, то хотелось мне все их скорее снять и не допустить до того, чтоб обиты были они также ветром и бурею. И какое удовольствие было для меня видеть их в кучах, яко награду уже за труды и старания мои. Я не мог наглядеться и налюбоваться оными, а особливо наилучшими из них породами, каких было-таки довольно.

Другое мое занятие было в предпринимании одного опыта. На некоторых тюльпанах моих родились и убережены были в сей год семена в их капсюльках.

Нашед в книгах, что можно их сими семенами размножать, и хотя медленно, но иметь при том ту выгоду, что произойдут многие новые и оригинальные роды, восхотелось мне предпринять с ними сей опыт и посеять оные на особой грядочке. Сие я в сие время и учинил, и не раскаявался впоследствии в сем предприятии.

Я дожидался, правда, их целых 5 лет. Но зато имел удовольствие видеть не только превеликое множество у себя тюльпанов, но и действительно происшедшие от них многие новые и совсем оригинальные роды, из которых иные были очень хороши, и наградили меня с лихвой за долгое их ожидание и за все хлопоты, какия я имел с ними в сии годы, пересаживая их с места на место, и всякий год выкапывая и разбирая.

Впрочем, не успел я от прежних моих трудов и последних поездок моих еще хорошенько отдохнуть, как навязались на меня новые хлопоты. Прискакали без души звать меня опять на межеванье и я принужден был, опять оставя все, туда ехать. Но как история езды сей в подробности описана была мною тогда в письме к приятелю и описана так, что вы, читая ее, может быть, не однажды усмехнетесь, то и помещу я ее здесь точно теми словами, какими я ее тогда описывал.

«Скажите мне, – писал я тогда к своему приятелю, – не можете ли вы мне дать суд на нынешния обстоятельства?

Межевыя дела меня совсем замучили. Недавно принужден я был целую неделю и более за чужими делами прохлопотать и проволочиться. После того ездил в свою деревнишку, там снимал план, и исчислял, и хлопотал, а оттуда, приехав, не успел съездить в свое Коростино и после того мало-мальски с духом собраться, как вчера, гляжу, опять кто-то верхом на двор, и мне сказывают, что из Каверина староста приехал.

«Так! уже право так! – закричал я. – Это уже опять межеванье!» Я и не обманулся. Староста приходит и говорит, что межа до них дошла и что сделалось у них в одной пустоши сумнительство, и, кланяяся, просит, чтоб приехал к ним я и не оставил их в теперешней нужде. Что было мне делать! Дело это было совсем не мое. В этом *Каверине* не имею я никакого участия, а только имеет большое участие дядя родной жены моей, Александр Григорьевич Каверин.

Он просил меня, чтоб прислать к нему в Козлов, когда дойдет межеванье до них и хотел сам приехать. К нему давно уже и послали, но он еще не бывал. Подъемы тяжелые, а из Козлова не скоро-таки и доедешь. Итак, хоть дома крайние были недосуги, однако хотелось мне сделать ему в этом случае услугу и туда съездить и посмотреть, дабы не могло чего-нибудь проронено быть.

Таким образом, севши сегодня ранехонько в свою одноколочку, поскакал я туда. Туман был преужасный и холодновато. Чуть было дорогой не ошибся и не заблудился. Подъезжая к Балыматову, наехал я брата своего Михайла Матвеевича. Он также на белом своем коне ехал на межеванье и позади его поляк, с пипкою во рту.

– Что, брат, не затем ли и ты, зачем и я, едешь.

– Да, братец, Хвощинской присылал, чтоб я ехал в Волохово, для разбирательства нашего спора.

– Хорошо, братец! Поезжай и ломай дела, как лутошки, а я еду в Каверино за чужое хлопотать.

В самое то время гляжу, смотрю, скачет Раевскаго поверенный, самый тот, с которым мне по Каверину дело иметь надобно будет.

– Ты что, друг мой?

– Я, сударь, к вам было ехал, засвидетельствовать верющее письмо.

– Хорошо! Да где взять чернил и пера, здесь поле.

– Ну, сударь, так и быть.

Потом расспрашиваю я у него о тамошних обстоятельствах, он мне их сказывает, и я мог некоторым образом заключить, что у них на уме. Разставшись с ними, продолжал я свой путь и наконец доехал до Каверина. Староста дядин первый мне в глаза; сказывает мне, что межеванья у них сегодня не будет и что межевщик межует в другом месте.

– Хорошо, – говорю я, – так нам же лучше. Мы между тем объездим вашу землю и посмотрим рубежи. Ну, сказывай же мне, есть ли у тебя крепости и знаешь ли, сколько за вами дачи?

– Крепостей, сударь, у меня никаких нет, а и сколько дачи, где мне, сударь, знать, знает про то барин.

– Ну, слава Богу! – закричал я. – Когда ты не знаешь, а мне, постороннему человеку, подавно неизвестно. Поехать, знать, к Ивану Федоровичу. Он человек старый, давнишний здешний житель и помещик. Он знает.

– Хорошо, сударь, – говорит староста.

А другой мужик подхватил:

– Ну то-то, сударь, голова умная! тут-то толку-то добьетесь!

«Изрядная рекомендация», – думаю я сам в себе, –однако велел старосте за собою приходить на двор к Ивану Федоровичу и поехал.

Иван Федорович человек был мне знакомый, известный хлопотун и скороговор, мужичок маленький, старенький, рябенький, худенький, но со всем тем изо всех живущих тут господ Кавериных едва ли не богатейший и в дачах села сего наибольшее участие имеющий. Но Ивана моего Федоровича дома нет, он у соседа, однако побежали за ним. Бежит мой Иван Федорович и с ним сосед его, молодец Каверин же Михайла Федорович.

– Милостивый мой государь, милостивый государь, замучил я тебя! Много, много одолжен, чем отслужить? – и понес сим образом далее рассказы мне точить; а я будто для его приехал! Ну хорошо! Михайла Федорович тотчас откланялся, спешит ехать, гулять с какими-то товарищами под Зарайск, а что дома делается, до того нужды нет, а и мне не было нужды. Не успели мы остаться, как Иван мой Федорович хлопотать, суетиться.

– Малый! Малый! Яблок подай! Груш, дуль! Дурак, не тех яблок! Подай какого-нибудь наливца, столик сюда... тарелку... и так далее.

«Хорошо, – думаю я сам в себе, – дуль я у тебя поем, но я ведь еще не обедал, посмотрю, накормишь ли ты меня?» Правда, подают яблоки и до

обеда, а обедать еще и рано, девятый только час. Еще успеется, думаю в себе, а между тем поговорить что-нибудь.

– Ну, Иван Федорович, – говорю я ему. – Я не за тем приехал, а что у вас межеванье?

– Да, отец мой, межеванье! Вот плут, такой, сякой! Не мог ничего достать. Самый криводушник, этакой души не привидано. Я человек старый!.. Мы разбранились... я рожь сжал... ничего не знаю, – и сим образом занес чепуху преужасную.

«Что это такое? – думаю я сам в себе. – В этом толку не будет».

Однако вышло наружу такое обстоятельство, которое меня думать заставило, а именно: что он недавно с дядею Александром Григорьевичем в степной деревне поссорился ужасно и бранит его немилосердно. И так было мне дурно, что я к нему приехал. Однако дача у них общая и владение чрезполосное, и я принужден был о их ссоре позабыть, а добиваюсь только у него о наступающем межеванье. Но у Ивана моего Федоровича не то на уме. По старой привычке одно слово другое погоняет: тарата, тарата, тарата, а слушать нечего.

Нетерпеливость меня наконец взяла, говорю уже ему не путным образом:

– Пожалуй, оставь все постороннее, станем о деле говорить.

– Ну отец мой; ну отец мой!

– Ну! отец твой! Скажи-ка ты мне, где межевщик теперь?.. Когда будет межевать здесь?.. Виделся ли ты, сударь, с ним?.. Какой спор был у вас с Раевскими?.. Сколько у вас дачи?.. сколько пустошей?.. Есть ли окружная?

Эти вопросы затмили у него все понятие; он прежде говорил скоро, а тут удвоил еще слов поспешность. Татата, татата, татата и вышло наконец, что всего того он не знает и так как бы он не тутошный владелец был и межеванье от него еще за 100 верст было.

– Боже мой! – сказал я, – что это за владельцы?! Не знают сами своей дачи и ничего, одним словом, не ведают.

– Как это вам не стыдно! – продолжая, говорю я. – Люди вы старые, век изжили дома, а по сю пору дачи у вас невыписаны. Вот тот виноват, то сёсь виноват. Нет, – говорю я, – все вы виноваты; да, по крайней мере, изготовились ли вы к межеванью?.. Есть ли у вас поверенные? Даны ли им верющия письма? Поданы ли сказки?

– Нет.

– Так! Я уже знаю, что нет, да чего же вы ждете?

– Да на что мне повереннаго и верющее письмо? Я сам дома.

– Вот то-то хорошо, – говорю я ему, – сам по межам везде и таскайся.

– Да как его написать? Я не знаю.

– Вот так-то лучше скажи, – говорю я ему. – Так сыщи-ка лучше бумажки и садись, напиши, а я тебе буду сказывать и после засвидетельствую.

Между тем как мы с ним все сие говорили, пришел старик другого соседа, поверенный Андрея Ивановича Каверина. Тот не успел войтить, как мне в ноги.

– Сделай, батюшка, милость, избавь меня от увечья.

– Что такое? – спрашиваю я у него. Он опять мне в ноги, и опять сделай я над ним, бедным, милость, а то уже ему в бок несколько ударов досталось. Вышло наконец, чтоб написать ему сказку.

Поверите ль, истинно сжалился я на бедного старика, который по справедливости всех их тут был умнее, и говорю:

– Вот у меня сказка есть, списывайте с нее.

– Хорошо батюшка. Да кто нам ее напишет?

Я спрашиваю, нет ли какого писца? Однако не тут-то было. Что мне оставалось делать?

– Ох вы! вы, вы! – сказал я тогда и положил сам уже им написать сказку.

Насилу нашли бумаги, насилу перо, насилу чернила.

Между тем покуда я писал, принудил я хозяина своего одеваться и говорю, чтоб он ехал со мною в поле. Безпрекословно он тогда уже моему приказанию следовал, послал за лошадьми и сам стал одеваться.

Написав сказку, собрался хозяин мой писать верющее письмо. Я принужден был ему от слова до слова сказывать, и как бы то ни было, но наконец мы с ним написали, хотя, правду сказать, писец он не из прытких и много на то походит, как пословица лежит: «набродил как курица», но это не мешало. Надлежало тогда ехать в поле, и мы собирались... Между тем шел уже 12-й час, и был уже в исходе. Я еще все-таки не обедал, а у хозяина моего и на уме не было меня накормить, а согрел только для меня чаю и напоил.

«Что это такое? – думаю я, – неужели у нас все еще утро? Или он уже вечером почитает?» Со всем тем вижу я, что он меня вплотную отбояривает.

Разговорились про груши, он навязывает на меня груш. Тотчас их подали, тотчас велел завязать и велел моему малому отдать, власно как бы я уже совсем домой ехал, а того власно как бы и не слыхал, что я велел из одноколки своей лошадь выпречь и оседлать и что одноколка моя у него дома остается. Но у меня не то на уме было, а думаю, что у него, конечно, не готовлено обедать, что между тем, покуда мы будем ездить, обед у него изготовят, и для того вооружился уже терпением и не говорю ему ничего о обеде. Но послушайте, что наконец вышло. Однако разскажу вам наперед наше путешествие.

Иван мой Федорович сел на сераго коня, я – на своего старика иноходца, старик поверенный дядин за нами и слуги также и поехали себе из деревни. Не успели мы выехать за дворы на поле, как и начал путеводитель мой хвастать.

– Вот, отец мой! – говорит мне. – Посмотрите-ка на Каверинскую дачу, вот какая она! – и стал указывать во все стороны. – Это вот все она, это каверинское, это наше. Есть чем помянуть дедушку Илью Агафоновича, оставил по себе память; есть чем повеселиться, отец мой!

– Все это хорошо, – ответствую я ему, – все это изрядно; но оставим это, а поведите меня по рубежу и в те места, где к вам межеванье коснулось и где я слышал, что у вас сумнительное обстоятельство есть.

– Изволь, отец мой, изволь!

Но со всем изволением своим ведет меня совсем в другую сторону, и завел бы Бог знает куда, если б уже давичный старик не вступился и ему не сказал:

– Не туды, сударь, изволите вести.

– Да куда ж, да куда ж, б...кин сын? Поведи-же ты!

– Извольте, сударь; сюда, да вот туда ехать. Там надобно нам Андрею Тимофеевичу показать.

Рад я был сему старику и велел ему вести и стал уже у него обо всем расспрашивать, а Ивану Федоровичу дал уже волю, что хочет говорить. И тут-то, если б можно было все упомнить, что и каким образом он говорил, целую бы книгу можно б было написать, а со всем тем все такое, что до тогдашних обстоятельств нимало не касалось: все только любовался величи-

ною дачи, и всякое местечко указывал, что это все каверинское владение, и, ей-ей, раз 100 повторил он это.

– Вот, отец мой, есть чем полюбоваться! Что б...кин сын межевщик мне сделает! Посмотрит-ка он, пожалуй. Я его поведу, я ему покажу, любуйся себе, пожалуй, есть где прогуляться.

Нельзя было, чтоб мне, слыша все сие, несколько раз хохотать не приниматься, а особливо увидев, что он, при всем своем хвастовстве и знании рубежей, столько же их знал, сколько я, будучи посторонним человеком и приехавши в те места впервые отроду. Словом, он дивился сам даже, когда старик стал отводить свое владение и, при удивлении моем, для чего он не знает, искренно мне признался, что он сам там никогда не бывал.

Но как бы то ни было, но мы продолжали свой путь; а между тем старался я расспрашивать и из слов мужичьих выбирать и доходить сам до настоящаго порядка; и признаюсь, что для меня была это немалая коммиссия и насилу-насилу мог я добраться. Тогда-то уже пошел я как по лестнице и стал уже сам им все толковать и о собственных их дачах им порядок сказывать. Признались они все, что я так и дело говорю, и затвердили, что Сам Бог принес меня к ним для наставления, а без того б они этого ничего не знали.

Но тут оставалась для меня еще коммиссия, а именно: как бы им натолковать, коим образом им при межеванье поступить, чего не проронить и чего остерегаться; ибо самому мне при межеванье быть было не можно. Но дело сие превосходило всех их понятие, и я принужден был изыскивать новые роды изъяснениев, каким бы образом им все нужное в голову вложить.

О, сколько раз принужден я был при том смеяться, досадовать и сердиться; ибо начну говорить и толковать Ивану Федоровичу, но Иван Федорович не в ту сторону едет. Не зная ничего о нынешних межевых делах, бранит только межевщика, не хочет на его смотреть.

– Б...кин он сын, да где ему? Да кто у меня возьмет? – да и только всего.

– Ты ему говори «аз», а он твердит «буки» да «веди». Поговорю, поговорю, да брошу, начну говорить старику, начну дядину поверенному. Сии, по крайней мере, слушают, но будучи мужики не скоро понять могут. Горе меня берет. Примусь опять Ивану Федоровичу толковать, начну опять твердить прежнюю азбуку. Уже бранюсь, уже велю ему молчать, велю

только слушать и говорю уже прямо, что он все чепуху мелет, а слушал бы, что я говорю. И насилу-насилу помог мне Бог вложить им в разум все нужное и растолковать. И тогда-то имел я повод к чрезвычайному смеху, а вот какой: не успел мой Иван Федорович понять и увидеть, какия предосторожности им иметь надобно, как, покачав головою, сказал:

– Ну так не уеду же я никуда, а надобно мне самому при том быть.

– Ха, ха, ха! – закричал я сие услышав. – А разве ты лызу дать хотел? То-то бы право хорошо было.

Признался он мне, что то у него на уме было и что сие дурачество он действительно учинить хотел, однако давал мне клятву и обещание, чтоб быть при межеванье и никуда не отлучаться.

Между тем покуда мы сим образом ездили, начал уже день к вечеру приближаться, ибо мы объездили более 10 верст. Старик мой иноходец так бедный устал, что более иттить не мог и стал почти в пень останавливаться, да и самого меня голод гораздо пронимал. Воля их, а мне уже и ко двору хотелось, но Иван мой Федорович ведет далее: хочется ему, чтоб я и всю их дачу объехал. Но я, зная, что еще столько же будет ездить и что не объедешь и вплоть до самаго вечера, говорю ему, что уже почти 5 часов после полудни, а мне еще в Калитине для нужды быть надобно, и воля его, а домой пора ехать. Итак, что делать? Принужден он был поневоле домой ехать со мной. На дороге думаю я, что у него обед верно готов, а буде нет, то уже без стыда скажу, что я еще не обедал и есть хочу.

Как я думал, так и сделалось, и приготовленного обеда у него и в завете не раживалось. Вздурился ажно я, приехавши и узнав сие, и говорю ему уже почти с досадою.

– Воля твоя, Иван Федорович! Мне есть хочется, ты хоть не подчиваешь, а накорми меня, я еще не обедал.

– Ох, так, отец мой, так! Я знаю, что ты еще не кушал; но чем мне тебя, чем, отец мой, подчивать! Малый!.. а малый?!..

Малый пришел: малаго в рожу. Малый ушел. Он опять ко мне:

– Отец ты мой! Ох, чем мне тебя подчивать? Рыбы, вот я не ловил... Малый! Бестия малый! Хромая бестия! Хромая!

Малый другой пришел, малаго в щеку, малаго в другую; малый и тот бегу яся. Выступила хромая девчонка лет десяти, вся ощипанная, оборванная, телогрейка на ней с большой бабы, таскается по-земи.

– Бестия хромая! Где ты живешь? Вели грибов подать.

«Что это такое?» – думал я, и стоял в величайшем изумлении, ибо не знал, что думать. – «Позабыл ли он, что ныне не постный день, а четверг? Да как ему позабыть, неужли он сам не ест и ему ничего не готовили?» Однако положил, что он, конечно, позабыл, и стал выдумывать средство ему напомнить. И насилу довел до того, что он сам сказал, что сегодня четверг. И тогда-то началась новая комедия: опять кричанья, опять призывы малых, опять пощечины, опять кричанье, чтоб цыпленка закололи. Вздурился я, сие услышав, и не было во мне более терпения.

– Нет, Иван Федорович, воля твоя, мне есть хочется. Цыпленка твоего мне дожидаться некогда, ты меня чем-нибудь иным поскорее накорми.

– Да чем же, отец мой, мне тебя накормить?

– Ну, есть ли у тебя хлеб? – говорю ему.

– Есть, отец мой.

– Так дай же мне ты хлеба; да нет ли молока? Я до молока охотник, – хотя в самом деле я его очень мало ем.

Побежал мой Иван Федорович скорее подавать велеть. Но со всеми суетами принужден я был более часа дожидаться, покуда нам собрали обедать; но в чем бы вы думали между тем время проводили. В разговорах. Да в каких? – весьма в удивительных: Иван Федорович разсказывал мне свои несчастия, а именно о ветчине.

– Вот, отец мой! – говорил он. Век живи, век учись, какая беда со мною сделалась. Ветчины я доброй продал шесть пуд, а туш зимою превеликих множество, иныя в два, иныя в три пуда были, такия были чистыя и хорошия. Оставил, отец мой, про себя; но вот, плут, бездельник солил мало, а я велел ее под кровлю подле окошек повесить, опоздал соленьем, отец мой! Итак, все с кровли капало на ветчину, потом сняли ее, положили в анбар; я поехал в козловскую деревню и велел ее без себя по 3 копейки фунт распродать. Но посмотрим, черви по вершку в ней выросли и кто продавал, так ветчиной его прибили, и рад был по 3 полушки взять. Теперь стал вовсе без ветчины, а баранов для того не бью, что в две недели его не съем.

«Очень хорошо, – думаю я сам в себе, – хорош ты молодец, а еще славишься богатым; знать мне у тебя сытому быть; изрядная наперед об обеде рекомендация. Каков-то обед будет?»

Однако, каков он ни был, но я наелся досыта, ибо хотя мясного и духа не было, но, по счастию, были давичные грибы вареные, скоромные, о которых я заключал, что они постные, и я наелся их довольно. Сверх того,

успели еще сделать яичницу; итак, принужден я был иметь сегодня обед монашеской, все яичное и молочное. Отобедав, простился я с ним и поехал на часок в Калитино, а оттуда уже почти ночью приехал домой...

Вот история тогдашняго дня и вот какие старые хрычи и скряги поживались у нас тогда в соседстве. Со всем тем не думайте, чтоб он был бедный человек. Ах, нет! Дом у него был изрядный и достаток хоть бы куда. Ныне владеет сим имением сын его, который хотя несравненно его лучше, но все есть и в нем нечто наследственное от отца. Хлопотун и он превеликий, и при всей своей старости летает то и дело и в степь, и в Москву, как двадцатилетний, и экономиею своею нажил себе хороший достаток. Но сей, по крайней мере, знается с людьми и угощает далеко уже гостей не по-отцовскому. Мы сами к нему и он к нам ездит и нельзя сказать, чтоб мы приязнию его не были и довольны. Но правду сказать, что с того времени переменились во всем много все наши нравы и обычаи».

Сим окончу я сие письмо, ибо как разсказывать мне надобно тотчас и о другом несколько похожем на то путешествии, то отложу то до письма будущаго, а между тем остаюсь ваш и прочая.

(Писано октября 31-го, 1802).

ХЛОПОТЫ С МЕЖЕВАНЬЕМ

Письмо 132-е

Любезный приятель!

Утрудившись помянутою ездою, я еще и не отдохнул прямо от бывшаго безпокойства, как проснувшемуся мне на другой день сказывали, что из Новикова приехали опять за мною для межеванья.

– Господи! – думал я. – Опять межеванье, долго ли это будет! Таскают меня всюду и всюду, как повивальную бабку. Но что делать! Дело там теткино, она поручила мне его и просила очень, и я уже основал оное; итак, хоть не рад, а поедешь. Подавай сюда, мужик.

– Ну что, брат, за мною?

– За вами, государь.

И ну точить мне балы, городить чепуху сущую и насказал мне столько опасностей, что я за необходимое почел тотчас поспешать туда ехать и велел в тот же момент коляску и лошадей готовить. Сию не успели еще запречь, как в двери – Михайло Матвеевич и сказывает мне, что наутрие будут межевать Калитино мое.

– Не вправду ли, – говорю я, – и ах, какая беда! И за Серпухов скакать надобно, и тут оставить никак нельзя. Что делать?! Но правда ли братец?

– Мне так сказывали.

Однако, сем я пошлю и проведаю и удостоверюсь в том наперед совершенно. Рубашка к телу ближе кафтана; за чужими делами свое не упускать стать!

Итак, давай скорее за перо, давай писать к межевщику и спрашивать и ну посылать человека верхом и приказывать скакать без памяти.

Но как он ни поспешал, но не прежде ко мне возвратился, как уже после обеда; а мужику между тем велел я ехать домой и сказать, что ежели не будет своего межеванья, то я тотчас к ним туда отправлюсь. Посланный и действительно привез мне известие, что будет оно тут не прежде, как недели чрез две, и что братцу моему хорошохунько солгали. И так нечего долее медлить, запрягай опять лошадей и ступай!

Но что ж! Не успел я выехать и начать подъезжать к первой деревне, Ярославцовой, как где ни возьмись престрашная туча с грозою и проливным дождем. «Батюшки мои! Что делать? – говорю я почти без души, ибо был около сего времени превеликим еще в случае грозы трусом, да и ныне не могу еще почесть себя совершенным героем, а особливо не люблю быть во время оной в дороге. – Погоняй лошадей и спеши скорее скорее в деревню».

Не успели мы прискакать в Ярославцово и вбежать в первую избенку, какая ни попалась навстречу, как и началась потеха. И такая страшная гроза с проливным дождем, что я от страха закрыл даже все окны в избушке и сидел в духоте и в темноте, без ума, без памяти и только что крестился. Удар следовал за ударом, молния за молнией, а дождь лил такой, что впрах бы нас перемочил, если б мы не ускакали в деревню. Сим образом сидеть я, час, сидеть другой и ждать, чтоб туча прошла и гром угомонился; но туча не проходит, продлилась до самаго вечера.

Горе на меня превеликое. «Что делать? – говорю, – не доедешь и до Городни и по этакой грязи, а здесь в такой близости от дома как ночевать и

платить по-пустому за постои и корм лошадиной. Сем возвращусь домой и, переночевав спокойно, завтра как свет пущусь уже в дорогу».

Говорю то людям, они говорят то же, итак, ну-ка мы назад, домой! Нука скакать, чтоб застать ужин, и удивили впрах своих домашних не ожидаемым своим возвращением.

Но поутру, встав уже со светом вдруг и напившись только чаю, пустился я в свою дорогу. И как ехать большой дорогой было очень грязно, то в Серпухов не прежде приехал, как после полудня.

Тут жил в сие время некто г. *Дьяконов*, по имени Иван Григорьевич, бывший до того городским секретарем, но сделавшийся потом дворянином и по некоторым отношениям, а особливо по близкому родству его с славным Князевым, законодателем межевым и сочинителем Межевой инструкции, довольно всем известный и мне отчасти знакомый.

Как сей человек имел у себя в близости теткиных Новиков деревню, и мне с ним как с смежным с Новиками помещиком надлежало в землях разводиться и иметь дело, то нужно было мне с ним повидаться; но поздность времени убедила меня, сего не сделав, поспешить в тот же день доехать до Новиков, куда и доехал я часу в четвертом.

Тут нашел я обстоятельства совсем не ожидаемыя мною и, к досаде, узнал, что во мне не было уже никакой нужды, да и присылка была за мною почти по-пустому. Мужик нагородил мне совсем не то и поверенный теткин, осмотревшись, уже тужил, что послал и хотел посылать уже другого, чтоб я и не ездил.

Подосадовал я и подосадовал на сие очень; но как воротить того было уже не можно, то, забившись в такую даль, не хотелось мне ехать домой не сделав тут чего-нибудь; и потому, расспрося об обстоятельствах и нашед, что главные споры еще не разрешены, но находились уже гораздо в лучшем положении, предпринял я повидаться с *Дьяконовым* и поговорить о том, как нам с ним развестися.

Мне сказывали, что и сам он желал со мной видеться, и для того хотел меня ждать в Серпухове, чтоб вместе со мною ехать в деревню Неботово, где самый тот спор находился.

Горе на меня тогда напало, и я тужил уже, что к нему не заехал; но чтоб поправить дело, то вздумал того с момента послать к нему в Серпухов сказать, что я приехал и чтоб приезжал и он.

Посланный возвратился уже перед вечером и привез известие, что Дьяконов с утра уже поехал в свою деревню и там ночует.

Не знал я, что мне тогда было делать, ехать ли туда к нему в тот же вечер или ночевать в Новиках; но боясь, чтоб он наутрие опять не уехал, решился ехать к нему в тот же час с теткиным поверенным, и мы с ним туда и отправились.

Дорога была хотя недальная, но такая скверная, какой я отроду не видывал: кочка на кочке, калдобина на калдобине, и коляска моя только что хрустела и с боку на бок кланялась.

Сие нагнало на меня превеликую скуку; ибо кроме того, что я дурных дорог очень не любил, было уже и поздно. Солнце садилось уже за лес, а я ехал ночевать без зву к человеку, который был мне только вскользь знаком, и от котораго опасался такого же угощения, как и от господина Каверина, и подьяческая его природа наводила на меня сие опасение.

С великим трудом и насилу-насилу выбились мы из леса, но не успели подъехать к Неботову, как от повстречавшейся с нами бабы услышали вести, которыя меня еще более встревожили.

Сказывала она нам, что тут Дьяконова не только еще не было, но и никто не знал, когда он и будет.

В пень я стал, сие услышав, ибо ночь уже застигла, а назад возвращаться далеко, а притом по такой дороге, которую я тысячу раз проклинал. Однако полагая, что Дьяконов куда-нибудь заехал и ночевать туда будет, согласился я на предложение его повереннаго, чтоб остаться ночевать тут и расположиться в его хоромах.

Но не успели еще почти лошадей моих выпрячь, как гляжу, смотрю, скачет в коляске и мой Дьяконов с сыном. Рад я неведомо как ему и успокоился духом. Он благодарил меня за приезд и старался угостить совсем не по-каверински, а сколько мог наилучшим образом.

Мужик был он умный, знающий и умеющий с нами, дворянами, обращаться как надобно. Мы просидели с ним почти до полуночи и занимались разными разговорами, ибо с ним говорить было не скучно и обо всем можно. Наконец, поужинав, отвел он мне особливый покоец для ночлега, чем я был и доволен.

Но что ж? Не успел я в уединенной своей и спокойной комнаточке с закрытыми ставнями окошком уснуть, разоспаться, как в самую полночь взойди опять превеликая туча с престрашною грозою, проливным дождем

и вихрем. Сей последний, отхватив ставню от моего окна, ударил ее с такою силою об стену и произвел такой стук, что я вскочил ажно пробудившись.

Но разсудите, каким ужасом я поразился, когда в самое то время, как я лишь только очнулся и глаза продрал, ужасная молния осветила всю мою комнату, и в тот же почти миг престрашный громовой удар последовал за нею.

Могу сказать, что я прямо тогда испужался и сон ушел от меня далеко. Я укутался сколько мог под свой тулуп, чтоб не видать молнии; но она так была велика, что не можно было никак укрыться. Гром же гремел безпрерывно, удар следовал за ударом, а буря была такая, что я трепетал и боялся, чтобы вихром не опрокинула и всех высоких хором, где я находился.

Однако все сие благополучно кончилось, хотя и продлилось более двух часов, и я опять насилу-насилу уснул, чтоб досыпать оставшую часть ночи.

Я проснулся очень рано и хотя ночью и долго не спал, но имел ту привычку, что когда есть какая забота и дело, то никогда не засыпался. Итак, встав при восхождении солнца и видя, что все в доме еще спали, обулся сам и занялся читанием случившейся со мною в кармане книжки. Однако любопытство мое скоро все внимание мое обратило к другим предметам.

Увидел я, что на уступе печи в большой горнице накладено было несколько камней. Подивился я сему зрелищу, но удивление мое еще увеличилось, когда, подошед, нашел, что сии камушки принадлежали к редкостям натуральным и достойны были быть в наилучших натуральных кабинетах.

Могу признаться, что я никогда не уповал найтить такия вещи в таком доме и у такого человека. Но как бы то ни было, но я залюбовался ими впрах, чего они были и достойны.

Состояли они в разных окаменелостях и других игралищах натуры. Были тут, между прочим, и прорости кремневыя, и столь прекрасныя кристаллизации, каких мне до того и видать еще не случалось.

Но достопамятнее всех был камень, казавшийся составленным быть из слепившихся шмелиных вощин с такою точностию, что почесть его можно было окаменелым шмелиным сотом; ибо не только лунки, но даже и мед в них был виден.

Я неведомо как любовался зрением на сии чудеса натуры, и после спрашивал у хозяина, где Бог ему послал такия редкости, и, к удивлению,

услышал, что выкопаны они тут же в деревне из земли при случае копания пруда.

Между тем как хозяин вставал, одевался и поил меня чаем, располагал я в мыслях, что мне в тот день делать и предпринимать, и наконец положил, поговоря с Дьяконовым о спорах, взять на себя труд съездить к межевщику, находившемуся тогда в принадлежащем княгине Дашковой селе Троицком на Протве, дабы там не только поговорить с троицкими, не согласятся ли они на чем-нибудь помириться, но в особливости, чтоб посмотреть план и узнать точнее споры и количество земли в них.

Таким образом стали мы с Дьяконовым говорить о земле. Он требовал по своему отводу, не отыскивая уже своего недостатка, 100 десятин, но с троицкими что делать, мы не знали.

Наконец пришел поверенный *Протасова*, у котораго был еще небольшой спор с Дьяконовым. Я старался их помирить, и дошло до того, чтоб выехать самим посмотреть то место в натуре.

Мы тотчас туда и поехали, и там удалось мне спор сей разорвать уговорив обе стороны сделать другу другу некоторую уступку.

Рад я был, сделав такое хорошее начало и с охотою ехал в Троицкое, надеясь и там в чем-нибудь успеть.

Разстояние было хотя немалое, однако я успел приехать туда так рано, что застал межевщика еще у обедни. Я тотчас туда к нему, и с особливым удовольствием отслушал обедню.

Церковь была огромная, каменная и соответствовала довольно великолепию каменнаго дома или паче замка, выстроеннаго тут княгинею.

Сия знаменитая и во всем свете довольно известная особа имела тут дачи превеликия и украсила церковь великолепным иконостасом, и снабдила ученым и очень хорошим попом и певчими.

После обедни пошел я к межевщику, стоявшему тут в службе, где и начали мы с поверенными княгини говорить о разрешении спора. И тогда-то имел я случай видеть и надивиться тому, как знатность господ и мзда ослепляет людей и отдаляет их от делания справедливости.

Господин межевщик, который по имени назывался Иван Михайлович *Тихменев*, будучи, по-видимому, слишком княгинею задобрен, держал уже въявь ее сторону и был не межевщик, а ея поверенный.

Я просил его показать мне план и, взглянув на оный, тотчас увидел все обстоятельства, и, к немалому удивлению, усмотрел, что заспоренное

нами место было уже слишком велико, и, предвидя, что все оное им отдать будет несносно, приступил скорее к делу и требовал половины, и, взяв линейку, назначил им линию, покуда я хочу и сколько наугад для меня и слишком довольно быть казалось.

Как я не более того числа требовал сколько они сами за год до того отдавали, то рады были поверенные троицкие и соглашались почти на том положить, как межевщик, увидев, что в куске сем более надлежащего мне числа, сделал препятствие. Взял план, тотчас кусок сей вымерил и сказал, что им без управителя помириться не можно.

Вздурился я тогда, и если б можно, за криводушие и лесть его разбил бы сего негоднаго человека. Но что было делать, другого не оставалось, как согласоваться со временем и употребить там и лисий хвост, где волчьему рту действовать не можно.

Итак, начал я им толковать свою справедливость и будто я им еще уступку делаю; а с другой стороны, представлять собственную их опасность, буде дойдет дело до конторы и в требовании своем уже совсем несговорчивым сделался, ибо так и надлежало. Итак, отложили мир до приезда управителя и хотели тогда прислать с уведомлением.

Таким образом, приведя дело и тут на хорошую степень, поехал я назад в Неботово, ибо обещал быть к Дьяконову обедать. Тут разсказал я ему все и все, и, отобедав, поехали с ним вместе в Серпухов, ибо более желать мне было нечего.

Дьяконов был мною очень доволен и старался оказывать возможнейшее приятство, и всячески убедив заехать к нему и в Серпухове, разными угощениями задержал меня так долго, что я принужден был в Серпухове остаться ночевать и употребить достальное время на свидание с воеводою и другими моими знакомыми.

Возвратившись домой уже на другой день, получил от сей поездки себе те две выгоды, что, во-первых, услужил тем тетке, которая стараниeм моим и успехом сего дела была очень довольна; во-вторых, снискал дружбу от Дьяконова и его сына, который был тогда хотя еще мальчик лет шестнадцати, учившийся математике, но будучи после межевым судьей в Тамбовской межевой конторе, под именем Иванова, мне очень, очень пригодился.

Возвратясь в дом, нашел я своих хотя благополучными, но привез с собою для тещи своей неприятное известие, услышанное мною в Серпу-

хове, а именно, что родитель ее лишился наконец и старушки сестры своей родной и воспитательницы ея, Прасковьи Семеновны *Нелюбохтиной*, которую она да и все мы любили очень, и как она считала ее себе вместо матери, то огорчена она была очень сим известием.

Что касается до меня, то по приезде своем домой принялся я опять за прежние свои упражнения и дела, и днем занимался оными и смотрением, как клали в хоромах моих печи, а по вечерам, собравшись, все сматривали и наблюдали мы течение бывшей около сего времени небольшой кометы; а через два дни после того обрадован был опять получением из Экономическаго общества пакета с книжкою и письмом.

В сей раз прислана была ко мне X часть, так как к члену; но, читая приложенное письмо, удивился я деланным мне от Общества предложением, чтоб я взял на себя труд и решил бы заданную от Общества задачу.

Задача сия задана была им еще в минувшем году и состояла в том, чтоб написать наказ или наставление управителю или прикащику, коим образом управлять ему деревнями в небытность господина, и обещана была в награждение за лучшее сочинение медаль в 35 червонных; и я может бы, в то время и покусился испытать, не могу ли я того написать, но как срок присылки сочинений сих назначен был февраля 1-го числа 1769 года, я же книжку с объявлением получил уже поздно, и при самом уже истечении срока сего, то и отложил я о том попечение.

Ныне же писало ко мне Общество, что в минувший год оно желаемаго «наказа» ни от кого не получило, что я в то время мог предвидеть, ибо иностранным сей вопрос решить не было возможности, а надобно российскому; а из сих не надеялся я, чтоб сыскался кто охотник.

Итак, принуждено было Общество отсрочить еще на год и награждение удвоить. Но не надеясь, может быть, и в сей раз получить, приглашало меня к принятию сего труда на себя, изъясняясь, что оно довольно опытов видело о моей способности и знании в экономических делах.

Таковое предложение, щекотавшее несколько мое честолюбие, было мне тогда непротивно, так что я и тужил почти о том, что с целый год к ним ничего не посылал и не писал; и хотя сочинение таковое требовало многого думанья и попечения, и труда, однако будучи помянутым предложением к тому поощрен, я не только положил непременно к ним писать, но с самаго того дня начал помышлять и о плане сему сочинению.

Вскоре после сего, в бытность мою в гостях у соседа моего, Матвея Никитича, случилось мне слышать нечто не только удивительное, но совсем почти невероятное, а именно: о пропадании младенцев во время родов женщин.

Историю сию разсказывала одна его родственница, госпожа *Темирязева*, Татьяна Михайловна, которая жива еще и поныне, и уверяла за свято, что случилось сие недавно, а именно:

«У одной бабы муж по какой-то причине ушел, заворовался и убит. Жена его, оставшись брюхатою, все плакала, билась и кляла младенца во утробе, говоря, что он якобы на отцову голову зародился. Как наступило время родить, то видит она во сне, будто бы родила она сына и что пришла старуха и у ней его унесла. Проснувшись, удивилась она, увидев, что она действительно родила, но ребенка не было, и не могли его никак отыскать, но он сгиб и пропал».

Не мог я никак истории сей верить, и мне казалась она не только невероятною, но совсем нескладною и невозможною; но все уверяли меня, что таких случаев бывает очень много, а особливо приводили пример с одною знакомою им боярынею, с которою самою сие будто бы действительно случилось.

А помянутая госпожа Темирязева разсказывала историю еще того чуднее, о которой уверяла, что покойная свекровь ее помнила, а именно:

«У одного неподалеку от Тулы жившаго помещика пропало сим образом семь ребенков. Не успеет жена его собраться родить, как все заснут и сама она заснет также сном наикрепчайшим. И в самое то время она родит, и ребенок пропадет и куда денется, никто не знает.

Сей помещик, видя такое несчастие, не знал, наконец, что думать, ибо все о сем разное говорили и толковали; но как все почти единогласно утверждали, что происходит это от какого-нибудь волшебства, то положил он искать против того помощи от таких же колдунов.

В близости той деревни, где жила помянутая госпожа Темирязева, есть мельница; на сей мельнице был тогда мельник, отец тогдашняго мельника, весьма волшебством своим прославившийся. Одним словом, все почитали его наивеличайшим докою.

К сему-то мельнику предпринял помянутый господин свое прибежище в то время, как жена его восьмого ребенка родить собралась. Он приехал к нему сам и убедил его ехать к себе и быть при родах. Однако сей

мужик не стал дожидаться родов, все просьбы и старания того дворянина о удержании его при себе не имели успеха. Он сказал, что ему быть не для чего, а довольно, если исполнено будет все, что он прикажет.

Сии приказания его, данныя им самому господину втайне, состояли только в том, чтоб самому ему не отлучаться ни на пядень в то время, когда жена его рожать станет; что увидит он вышедшую в то время из-под кровати черную большую собаку, у которой бы он, поймав, отрубил обе передния лапы, и тогда будет все благополучно.

Ужаснулся дворянин, сие услышав, и тем более убеждать стал мужика остаться, представляя, что он может тогда сей собаки испужаться и она его повредить может. Однако мужик уверял, что она вреда не сделает ему никакого, а он бы только ее ловил и то сделал.

Что мужик говорил, то и сделалось. Как скоро госпожа собралась родить, то все разошлись и напал на всех сон. Муж наблюдал уже сие время и не отходил от жены ни пяди. Наконец заснула и самая жена его.

И в самое то время видит он превеликую черную собаку, вышедшую из-под кровати и прямо к нему идущую. Затрепетал он тогда от ужаса и не знал, что делать. Однако, собравшись с духом и призвав Бога в помощь, бросился он на нее, схватил и обрубил обе лапы, а потом выбросил собаку за окно.

Не успел он сего сделать, как жена его очнулась и тотчас родила благополучно сына. Радость тогда была неописанная сего дворянина. Он тотчас разбудил всех, созвал людей и крестьян и разсказал им все происхождение; показывал им лапы, которыя отрубил он у собаки, поил их всех на радости и в том препроводил всю ночь.

Примечания достойно было при том, что все люди пришли, а не было одной только старухи мамы. Господа спрашивали об ней, куда она девалась, но никто того не знал, и даже самые сыновья ее не ведали; но сие так до утра и оставили.

Поутру надобно было смотреть за окном собаку; но как все удивились, когда, пришед на то место, никакой собаки не нашли, а только одно окровавленное место; однако был кровавый след, по сему следу пошли ее искать: след шел прямо к пунке сына мамина.

Но какое было всех бывших при том удивление, когда в помянутой пунке, или клетке, вместо мнимой собаки нашли саму маму с обрубленными руками.

Таким образом открылось, что все прежние пропажи младенцев происходили при ней. Она сама в том призналась и сыскала всех семерых, которые были у ней высушены и спрятаны в коробке.

Как все сие весьма особливое было дело, то тотчас донесено было о том в городе; дело было исследовано, и сия старуха казнена в Туле, по обыкновениям тогдашняго времени, наимучительнейшею смертью: она была сперва колесована, а потом ее четвертовали».

Вот какую странную историю случилось мне тогда слышать. Я поместил ее здесь не для того, чтоб я ей верил, ибо она слишком невероятна и имеет весьма много признаков несправедливости; но для доказательства, какия нелепые басни носились еще у нас в народе, и что были люди, которые им верили и почитали за истину.

К окончанию августа месяца возвратился, наконец, и друг мой господин *Полонский*, и как он был около сего времени именинник, то по обыкновению своему сделал пир и пригласил на оный всех своих друзей и соседей, а в том числе и нас, и мы препроводили сей день у него очень весело.

Господин *Товаров* опять всех нас странными своими поступками до слез смеяться заставил. О благодарениях господина Полонскаго мне я уже и не упоминаю. Они были очень чувствительны, но немногословны, и он твердил только, что надобно благодарить сердцем, а не словами.

Что касается до происшествий, бывших со мною в течение последующаго за сим сентября месяца, то все они в особливой подробности описаны мною в особой книжке, образом современной истории, почему излишним было бы здесь и упоминать об оных; однако для связи с прочими упомяну только о достопамятнейших из оных, и то только вкратце.

Еще в самый первый день онаго прислали было за мною опять из Каверина, чтоб я ехал для межеванья; но я очень благодарен был, что и прежде, вступаясь в чужое спасенье, и сам измучился и всех людей и лошадей с голоду переморил и замучил. «Недосуг! – сказал я в сей раз уже напрямки им. – Недосуг мне ехать, пускай сами как хотят разбираются, а наставление от меня им уже дано...» Да и в самом деле ехать мне было крайне недосужно. Я должен был каждый час смотреть за печниками и другими людьми, отделывающими мои новыя хоромы. Как сею отделкою мы очень поспешали, то заняты были у всех руки и даже сам я находил множество себе дел; но мне более всех и хотелось уже скорее перейтить в оный. Однако как мы ни спешили, но продлилось сие почти до 20-го числа сего месяца.

Между тем были ко мне и из других мест присылки и приезды по межевым делам. В особливости же достопамятно было письмо, полученное мною из Москвы от кумушки и соседки моей *Натальи Ивановны*, которую как по фамилии назвать я не ведаю. По природе она была *Ладыженская*, но теперь Бог знает чем себя делала.

Сидючи лет 40 в девушках, будучи самовластною госпожею изрядного именьица, живучи с покоем в сельце своем Сенине и перебиравши лет 20 женихов, вышла наконец замуж за некоего г. *Трусова* и сделалась г-жею майоршею.

Но супружество сие что-то ей не понравилось, но пожив с год или менее в оном, вздумала она разсупружиться, а что всего смешнее, из боярыни сделаться опять девушкою.

Она от мужа ушла, жила в Москве своим домом и старалась весь свет уверить, что она не *Трусова*, а по-прежнему *Ладыженская* и не хотя никак и слышать о *Трусове*, и подписывалась даже везде и во всем *Ладыженскою*.

И от сей-то чудной дево-боярыни и г-жи *Трусо-Ладыженской* получил я письмо о межеванье; ибо как мы с нею были по землям соседи, то и просила она, чтоб развестись с нею полюбовно и не входить в споры. «Матушка ты моя! – ответствовал я ей, с радостью и превеликою готов, а не вели ты только своим здорить».

На другой день после сего увидел я приехавшаго опять ко мне из Новиков. «Ну, – сказал я, – конечно, опять за мною»; однако в сей раз я обманулся и не угадал. Был то самый теткин поверенный и ехал уже домой, окончавши наиудачнейшим образом все дело.

Господ троицких я в последний раз так нагонял, что не успел я уехать, как решились они отдать все и все, чего я ни требовал, и кончили тем все споры и дело. Я очень рад был, что услуга моя тетке сделалась чрез то совершенною.

В этот же день имел я и другое еще удовольствие. В саду у меня не были еще груши обиты; они в первый еще год родились сильны, и я веселился, отрезая их сам, и любовался великим множеством падающих и производящих на земле собою стук особый.

Сие увеселение усугубилось еще и тем, что при сем снимании находилось и все семейство мое. Все мы хотели тем веселиться, все упражнялись в подбирании сих приятных и любимых мною плодов сих.

Самая дочь моя делала нам в том сотоварищество, но какова мала ни была, но подбирала и суетилась тут же. И как веселился я тогда ею! Я смотрел с восхищением на сии ея младенческия старания и благодарил Бога, что имею уже у себя дочь, в которой приметна уже была некоторая частичка разума, подававшая надежду, что она не глупа будет.

Что касается до моего сына, то и он был тут же с своею кормилицею. Он был любезный ребенок. Мы звали его *Чопкою* и, любя все до крайности, не спускали почти с рук своих.

Вслед засим настало 3-е число сентября, день достопамятный в истории моей жизни: в оный за 7 лет до того приехал я из службы для жительства в деревню. И как сей день был мне очень памятен, то препроводил я и в сей год его с особыми и такими чувствиями, которыя достойны того, чтоб описать их и здесь так точно, как изображал я их тогда, на бумаге, в письме к приятелю.

«Сегодня минуло мне ровно семь лет, – говорил я, – как я живу уже в деревне своей, по удалении себя от света и из службы. Когда это прошло сие время! Боже мой! Как скоро течет человеческая жизнь! Как быстро текущая вода, уходит она вниз и назад не возвращается. Минута за минутою гонится, час за часом идет и день за днем следуют и не останавливаются ни на минуту.

Какия бы где происшествия ни происходили, но времени ни до чего дела нет ни для чего оно не остановится, но бежит, или паче летит, наискорейшим образом и спешит в неизмеримое море вечности.

Вот в какое короткое время и сколько лет прошло!.. Целых уже семь лет живу я в своей деревне!.. Когда они прошли? Истинно я их почти не видал.

Но что бы тому причиною было, что они мне так неприметны были?.. Несчастия ли какия или горести, или иное что тому подобное?.. Ах! нет, сего я не могу сказать. Я все сие время благополучно проводил и проводил так, как только могла желать душа моя.

Великий Боже! Какими щедротами Твоими были преисполнены сии дни мои! Какия многия и незаслуженныя милости Ты мне оказывал! Поистине, без радостных слез и без чувствия наинежнейшей благодарности всего вспомнить не могу. Довольно ли, что могу сказать, что все желания мои исполнялись и часто еще исполнение оных все мое чаяние превосходило, ибо что бы такое было еще не получено, чего желал я?

Всего более желал я получить спокойную жизнь и вырваться из уз большого света. И вот не только я ее получил, но семь уже лет ею наслаждался.

Еще желал я, чтоб был здоров, и вот, могу сказать, что сии семь лет я в вожделенном здоровье препроводил. Не благость ли сия Божеская, и не Его ли было покровительство? Ни однажды я болен не был, выключая небольшия припадки, кои за ничто почесть можно.

Еще желал я получить себе в жизни товарища, и вот я получил семейство, какого лучше желать не могу.

Желание богатства никогда мною не господствовало и я не мучился сею страстью, а единственно желал только иметь умеренной и такой достаток, чтоб мог без дальней нужды спокойную жизнь вести; я то теперь и с лихвою еще имею. Доходы мои хотя и не гораздо велики, но с меня их довольно, и нужды дальней, да и никакой я не видал, а впредь уповаю на щедроту того же Подателя.

Желание наследия, то есть детей, хотя во мне и было, ибо всякой человек натурально к тому склонен; но как обстоятельства касающияся до сего пункта мне довольно сведомы, то предавал я сей пункт на волю моего Создателя; однако вот имею ныне двух детей, дарованных его десницею. Дочери моей уже третий год, а сыну скоро год минет, и поверите ли, я более бы и не желал, если б только Всевышний соблаговолил их возрастить, а паче всего сделать хорошими детьми! Но что о сем пункте говорить, он в руце Господни всегда был и будет.

Таким образом все мои известныя желания совершились. Но, кроме сего, мало ли что я такого получил, чего не искал и что единственным дарованием Божеским сверх заслуг моих почитаю.

Одно сие, что я повсюду хорошее имя, без всякаго старания моего, получил довольно уже для меня. Везде меня хвалят, все любят и дружбы моей ищут. Многие хорошие люди стараются меня видеть и узнать... Чего это для меня стоит!

С другой стороны недуманно-негаданно и нечаянным почти образом сделался я не только во всем своем уезде, но во всем государстве известным человеком. Труды нескольких доставили мне славное имя и честь неожидаемую.

Одно славное и великое Общество, составленное из людей сколько знатных, столько и ученых, признало меня за достойнаго их сотоварищем

быть, и без всякаго моего искания, своим сочленом меня сделало и дипломом удостоило. Поистине обстоятельство сие важно и пункт примечания достойный в моей жизни.

Но что мне далее говорить? Одним словом, все дела и начинания мои имели успех и успех неожидаемый. Многажды я сам даже дивился, что из начинаемых мною дел выливалось совсем иное и гораздо лучшее, нежели я думал и себе представлял; не особливое ли сие Божеское благословение и не должно ли мне за то благодарить моего Создателя?..»

Вот что чувствовал и как говорил и мыслил я тогда, и как мыслил и во все течение моей жизни; но я возвращусь к нити моего повествования.

Через немногие дни после того случилось мне опять слышать нечто странное и удивительное, и такое, о чем для любопытства не за излишнее почел сообщить вам. Слышал я оное от старика попа нашего, почтеннаго и степеннаго отца *Иллариона*.

Бедняк сей находился тогда в горести и недоумении великом: будучи недавно совсем выжжен, не смел почти строиться вновь, и не смел для того, что товарищ его, наш другой поп, с которым была у него вечная и наследственная вражда и ссора, разглашал будто везде, что не успеет он построиться, как опять сожжен будет.

Я уговаривал, сколько мог его, чтоб он не смотрел на то, а если он в самом деле того опасается, то советовал ему построиться как возможно ближе к его двору, дабы в случае пожара и собственный его двор подвержен был опасности от сгорения. Но поп мой никак не соглашался на то, особливо не хотел отнюдь строиться на ином и новом месте, а того паче на улице.

Тогда любопытен я был узнать, что б тому была причина; но как же удивился, услышав от сего, впрочем, толико умнаго и почтеннаго старца такое, чего я всего меньше от него ожидал, а именно, что не хочет строиться на новом месте из опасения, чтоб товарищ его чего не наворожил на оном.

– Помилуй, батюшка! – захохотав, сказал я. – Как это возможно и как вам не стыдно так суеверничать? Вам бы еще нас отвращать от того надлежало, а вы сами что делаете!

– Так, – сказал он, – это я сам знаю; но что делать, когда неволя приводит к такой слабости и заставляет верить? Я уже видел над собою пример, довольно мне сие доказывающий.

Любопытен я был слышать, что б такое с ним случилось, и вот что рассказал он мне по моей о том просьбе.

– Случилось мне, милостивый государь, – говорил он, – однажды новыя ворота становить. Выкопавши под вереи ямы, не успели мы в тот день оныя поставить и отложили дело сие до другого дня. Но между тем люди добрые ночью спроворили и сыграли над воротами моими штуку. Не успели мы на другой день вереи поставить, ямы закопать и ворота отделать, как вдруг не хотела в оные иттить ни одна скотина: бегала кругом, ревела, а в ворота вогнать никоим образом ни одну было не можно.

– Господи помилуй! – говорим мы. – Что за диковинка и что за чудо? – Но сколько мы ни дивились, но скотина не шла, и мы не знали, что делать. Наконец один усердствующий мне бобыль вывел дело наружу и сказал мне, чтоб я, вырывши вереи, опять посмотрел бы, что закопано под ними. Сперва было я тому не поверил, однако, наконец, принужден был сделать по его совету. И что ж, думали вы, милостивый государь, мы нашли под ними?.. Зарытую человеческую кость.

– Это удивительно – сказал я, речь его прервавши, – но кто ж бы зарыл сию кость?

– Точно поп Иван, мой товарищ, – сказал он. – Кость вынули, вереи опять поставили и зарыли, и скотина наша пошла, как надобно.

Удивительна мне и невероятна была сия история; однако он уверял, что она была в самом деле, и присовокуплял к тому, что он для самаго того опасается и ныне на новом месте строиться, ибо слышал, что товарищ его послал к какой-то ведьме и что будто не одну уже ночь собаки его мечутся к тому месту, где он строиться был намерен.

Не знал я, что на все сие сказать тогда уже моему гостю, а почел за лучшее оставить его при его мыслях, а чудился только, что такие бредни и суеверия господствовали у нас еще в народе и что самые попы от них освобождены не были. Но как бы то ни было, но оба сии старика не только прожили весь свой век в вражде непримиримой, но и померли в оной.

Но чем же и кончилось все? Тем, что оба дома их перевелись совершенно, и неприятель его как ни семьянист был, но не осталось после его ни одного потомка, а все нынешние наши церковнослужители происходят от убитого, нашего добродушнаго и ни с кем не ссорившагося дьякона.

Еще случилось со мною около сего времени та неожидаемость, что отсутствующий ближний сосед мой, князь *Горчаков*, владелец Котовской,

препоручал мне деревню сию в смотрение и, предавая в полный произвол мой всех своих крестьян, просил меня убедительнейшим образом, чтоб их сечь, и бить, и наказывать, сколько мне угодно, за их шалости и проступки.

Но как все крестьяне его были самим им так избалованы, что не было и шва в них, и я предусматривал, что мне с ними всякий день доведется драться и хлопотать, а к сему я такой охотник был, что не хотел бы и с своими иметь никогда хлопот и ссор, сему подобных, то учтивым образом отклонил я от себя сии чужия хлопоты и благодарил его только за делаемое мне доверие, оставляя, впрочем, самому ему хлопотать с сими негодяями.

Но как письмо мое достигло уже до своих пределов, то окончив оное сим, скажу вам, что я есмь ваш и прочее.

(Октября 26–го дня 1805 г).

ОПИСАНИЕ НОВАГО ДОМА

Письмо 133-е

Любезный приятель!

Между тем как все упомянутое мною в последнем моем письме к вам происходило, производилась у меня в новопостроенном моем доме беспрерывно внутренняя работа, ибо как наступала уже осень, то хотелось мне скорее всю внутреннюю и необходимую на первый случай отделку кончить, чтоб успеть перейтить в оный жить до наступления стужи осенней.

Итак, клали мы в них печи, и везде, где было нужно, умазывали и законопачивали, и трудов и хлопот при всем том имели довольно. Но как бы то ни было, но мы успели к половине сентября все оныя кончить и довесть до того, что 19-го числа сего месяца могли уже и перейтить в оный.

Теперь, не ходя далее, дозвольте мне сказать вам несколько слов о сем моем новом доме.

Он был хотя несравненно более, и огромнее, и лучше хором моих старинных; однако не из самопышных и больших домов, а сообразный с тогдашними моими обстоятельствами и очень умеренным моим достатком, и

принадлежал к числу небольших дворянских домиков, и простых смиренных и не пышных обиталищ деревенских.

Вся величина его простиралась не более 30-ти аршин в длину, а 18 в ширину, а и вышина его была очень умеренная, ибо тогда не было еще в обыкновении драться слишком в высоту, и делать высокия внутренния комнаты; но взамен недостатка огромности старался я сделать его колико можно спокойнейшим и теплейшим.

И как строил и располагал его не архитектор, а сам я и так, как умел и сколько доставало моего знания и искусства, то без дальняго наблюдения архитектурных правил, которых строгое наблюдение нередко делает многие дома весьма безпокойными, старался я более о снабдении его всеми нужными потребностями, какие к спокойному обитанию деревенских домов необходимо надобны.

А всходствие того и расположил я его так, чтоб он сообразен был не столько с пышною городскою и богатых людей жизнью, сколько с деревенскою, простою и удаленною от всех пышностей и излишних затей и забобонов, заводящих многих из наших братьев, небогатых дворян, иногда в превеликие и совсем напрасные убытки.

Со всем тем и несмотря на его мализну, были в нем все нужныя в дворянских деревенских домах комнаты: были в нем лакейская, зала, гостиная, спальня, уборная, столовая, детская, девичья и для меня спокойный кабинет, а другой особый покоец и для моей тещи. А сверх того выгадал я местечко для буфета, гардеробца и довольно просторной кладовой, также двух сеней, задних и передних, с нужными местами; и все помянутыя комнаты связал между собою так, чтоб можно было в них и запросто спокойно жить, и иметь несколько комнат и для гостей всегда чистых и прибранных, а сверх того, была бы и та еще выгода, чтоб по малоимению дров, и для сбережения оных, в зимнее время залу не было б нужды и топить ежедневно, но она могла б оставаться и без топки во всю почти зиму; ибо комнаты расположены были так, что можно было и без ней обходиться.

Как расположение комнат в сем доме моем многим тогда в особливости нравилось, то для любопытства и опишу я оное немногими словами.

С крыльца, сделаннаго на одном краю дома, с лица, первый вход был в небольшия *сенцы*, снабденныя тремя выходами; одни двери из них были в сад, другия в *нужник*, а третьи в длинную и узкую прихожую, или *лакейскую*; чрез сию проход был прямо в довольно просторную залу, снабден-

ную особою печью и шестью окнами, и имеющую в боку у себя небольшой *буфетец*, а другия двери в *гостиную*.

Сия была хотя не весьма пространна, но довольно покойна, и из нея вход был в *спальню*, украшенную альковом и довольно просторную, так что и она могла служить другою гостиною; а другими дверьми и маленьким скрытым и коротким коридорцем связана она была с *столовою*, или паче сказать, *жилою* этою довольно просторною комнатою, в которой мы наиболее жили и имели свое ежедневное пребывание.

Как все помянутыя три комнаты, то есть, зала, гостиная и спальня были парадныя, то и содержаны они были во всегдашней чистоте и убранстве, и я постарался впоследствии времени снабдить их всеми нужными мебелями, и украсить сколько можно было лучше.

Таковую ж почти парадную комнату составляла и маленькая *уборная*, примыкающая боком к спальне и снабденная покойною лежанкою и также разными украшениями.

Самую столовую, или жилую нашу комнату, не преминул я также со временем прибрать и украсить особыми, самим мною на холсте писанными обоями, и более для того, что она в зимнее время служила нам вместо залы и была проходною из лакейской в гостиную.

Как окны из сей комнаты простирались на двор, то и была сопряжена с нею та выгода, что можно было из нее все происходящее на дворе видеть; а сверх того, как она с одной стороны связана была с моим *кабинетом*, а с другой – с просторною *девичьею*, из которой проход был в детскую и в нашу спальню, также выход в задние сени, а из сих в кладовую и на другое заднее крыльце, то сцепление сие для житья было в особливости спокойно.

Что касается до детской, то она расположена была на другом краю дома, и от ней отгорожена помянутая уборная, также маленькая *коморка*, служившая спальнею моей тещи.

Наиприятнейшею же из всех для меня комнатою был помянутый выше сего мой *кабинет*. Он был довольно просторен, светел, имел особую небольшую печку и оттого так тепел, что я всегда был им очень доволен, и никогда на стужу не жаловался; и как окна его простирались также на двор и были подле самаго передняго крыльца, то имел и я ту выгоду, что мог всегда видеть все происходящее на дворе, а сверх того, и довольно простора для помещения в нем всей моей тогдашней не весьма еще большой и многочисленной библиотеки.

Таково было расположение моего дома. Что ж касается до места, то избрал я под оный самое лучшее и наивыгоднейшее во всей моей усадьбе.

Было оно на самом верхнем ребре той крутой, высокой и прекрасной горы, под которою внизу излучиною и прекрасным изгибом протекала река *Скнига*.

Сия, образуя течением своим в сем месте огромное полукружие, катила струи свои чрез многие каменистые броды и производила тем всегда тихий и приятный шумок, а многими и гладкими своими плесами, помотами, также каменистыми осыпями своими, и покрытыми прекрасною зеленью берегами и по косине излучистой горы растущим лесочком, производила для глаз приятнейшее зрелище, которое делалось от того еще прелестнейшим, что внизу и вплоть подле реки за оною находилось собственное селение нашей деревни и крестьянские дворы, разбросанные в разных местах внизу и по холмам в приятном безпорядке, а за собою имели наши хлебныя поля, простирающияся от самой реки, вдоль отлогою и час от часу возвышающеюся отлогостию и косиною.

Что касается до горы, то была она тогда хотя наибезобразнейшая, но довольно крутая и сажен на 20 или более вертикально возвышенная, и при всем безобразии своем довольно способная к обделке, так что я с малым трудом мог после всю ее обработать и наихудшее и безобразнейшее во всей усадьбе место преобразить совсем и превратить в наилучшее и красивейшее.

На сей-то натурально прекрасной горе на самом почти средоточии помянутаго, рекою образуемаго полукружия избрал я место для моего нового дома; и оно было так высоко и в таком прекрасном и выгодном положении, что из окон дома моего видима была великая обширность мест, украшенная полями, лесами, рощами и вдали многими селениями и несколькими церквами, и вид был столь прекрасной, что я и поныне еще не могу красотами онаго довольно налюбоваться.

Несмотря на все сие, место сие было до того у предков моих совсем в пренебрежении. Они, имея как-то привычку и любя домами своими прятаться и строить их в таких местах, откуда бы им в окна, кроме двора своего, никуда было не видно, избрали и в здешнем селении под дом наихудшее и скучнейшее место; а сие занято было тогда огородом, овощником и скотскими дворами и челяднями.

Но я все оное сломал, и опроставши оное, воздвиг тут свои новыя хоромишки; и как случилось самое место тут косогористо, то под весь нагорный фас подвел из камня своего довольно высокий фундамент и чрез то придал дому своему из-под горы вид гораздо возвышеннейший, а все оставшее место перед ним на ребре горы обработал террасами и на верхнем довольно просторном расположил регулярный и красивый цветник и засадил его множеством разных цветов и цветущих кустарников.

Случившуюся же подле самых хором сбоку и на самой горе старинную небольшую сажелку обработал сколько можно было лучше, и бывший за оною старинный верхний сад соединил с нижним, бывшим издревле на косине горы, пред домом находящейся, и распространив сей последний, присоединил с ним и всю пустую часть горы сей и, со временем обработав все сие место, превратил в сад английской и, украсив оный со временем множеством вод и других садовых украшений, превратил в наилучшее из всей моей усадьбы.

Теперь не могу я довольно изобразить того, с каким удовольствием переходил я в сей новый дом и с каким усердием старался я все в оном учредить и располагать для своего в нем пребывания.

Несколько дней употреблено было на переноску всех вещей из старого домишка в сей новый и на устанавливание всех мебелей, книг и картин для украшения его комнат.

Наконец, как все было готово, то помянутаго 19-го сентября 1769-го года, и как теперь помню, под вечер, перешли мы с обыкновенными при таких случаях обрядами в оный, и в тот же вечер подняли образа из церкви и воздали Господу торжественное благодарение, отслужением всенощнаго бдения, освящением воды и окроплением оною всех комнат.

Удовольствие, с каким препроводил я первый сей вечер в новом своем теплом, светлом и спокойном кабинете, было неизобразимо. Я вошел в него как в рай и не мог всем и всем довольно налюбоваться.

Чувствия же душевныя, какия я при сем случае ощущал, не могу я никак изобразить довольно, а скажу только, что вся душа моя пылала тогда наичувствительнейшею благодарностью ко Творцу моему за то, что он помог мне, при всем моем малом достатке и в такое короткое время, соорудить себе такой спокойный и хороший дом, строение котораго воображал я себе власно, как некакою неудобьпереходимою и великою горою, и не надеялся великое дело сие совершить и в три года.

Но Всемогущему угодно было пособить мне перейтить гору сию с трудом очень сносным, и великое дело сие совершить в течение одного лета, и притом. с столь малым коштом, что я не могу и поныне еще тому надивиться, что он весь обошелся тогда так дешево.

Ибо хотя построен он был из прекраснаго толстаго сосноваго леса и покрыт был двойным тесом, имел 23 окна, две кафленыя и три кирпичныя расписныя печи, строен был наемными плотниками, но со всем тем, кроме мебелей, обошелся он тогда мне не более как в 540 рублей, которой суммы ныне мало б было на заплату за одну срубку такового дома, но чему причиной была тогдашняя всему дешевизна, а дороговизна денег.

Ныне же, если б строить точно такой же дом, то мало бы было и трех тысяч к тому, вот какая перемена произошла во всем с того времени.

Продолжая теперь мое повествование далее, скажу, что, переночевав наиспокойнейшим образом в сем новом своем доме, положили мы наутрие сделать, на первый случай, маленькое новоселье, ибо большое отлагали мы до приближающихся моих именин, и пригласить к себе на обед только ближних наших деревенских соседей, да духовенство.

Но как обрадовались мы, когда, возвратясь из церкви, куда мы как для случившагося тогда воскреснаго дня, так и для благодарения Богу ездили, нашли у себя приехавшаго к нам ненарочно друга моего г. *Полонскаго* с женою. Он совсем не знал еще о переходе нашем и был очень рад, что мог присутствием своим усовершенствовать к удовольствию нашему сей маленький и первый в новом доме праздник, а потому и провели мы сей день отменно весело.

Один только из ближних моих соседей, *Матвей Никитич*, причинил мне некоторое неудовольствие тем, что не хотел никак взять в праздничке сем с нами соучастие.

Сей человек напустил, около сего времени, на себя некакую блажь, засел себе как бирюк дома, и не хотел никуда и не только в даль, но и ко мне ездить, сколь часто мы его к себе ни приглашали.

Для меня, как делавшаго ему многия услуги и одолжения, а притом чистосердечно его любившаго, было сие в особливости прискорбно и тем паче, что я не мог никак добраться до истинной тому причины, и не знал, одичалости ли его и странному характеру то приписывать, или потаенной какой на меня злобе и неудовольствию, скрываемой с сродным ему лукавством.

Всего удивительнее было то, что жена его езжала к нам всегда и довольно часто, но он, напротив того, всегда, когда ни зывали мы с братом его к себе, отклонял езду свою под предлогом разных и явно выдумываемых невозможностей, препятствиев и недосугов, чему мы сперва не могли довольно надивиться, а после довольно насмеяться и в смехе не инако его называли, как *дюком*.

Как осень сего года была у нас безпорядочная, и погоды в сентябре и октябре были на большую часть самыя скверныя, мешающия заниматься всеми надворными работами, то, будучи принужден большую часть времени сидеть в тепле, занимался я в сие время разными литеральными и другими упражнениями.

Мое первое дело по переходе в новый дом было то, что я, засев в свой новый кабинет, начал сочинять помянутый «Наказ управителю», доставивший потом мне так много чести, и готовить его для отсылки в Экономическое общество. А между тем как было заготовлено уже у меня сочинение об удобрении земель, то, переписав набело, отправил я оное в Петербург.

С другой стороны, занимался я чтением присланных мне от г. Полонскаго и таких книг, каких мне до того читать не случалось. Он вскоре после перехода моего в новый дом уехал на зиму в Москву, и не успел туда приехать, как и прислал ко мне более 40 книг разных и доставил мне чрез то удовольствие превеликое; все оне были любопытныя и чтения достойныя.

Третье дело, которым я в своем новом доме занимался, состояло в превеликом гвазданье с картофелем, родившимся у нас в сей год в довольном множестве.

До сего не знали мы, как приготовлять из него самую белую муку, и я несколько дней занимался испытаниями, до сего пункта относящимися; и как все опыты мои были очень удачны, то и решился я описать все оные и, сочинив особое сочинение о том, доставить также со временем в Общество.

Кроме сего, пользуясь светлостью своего кабинета и довольным простором в нем, занимался я в праздное время и живописною работою, также и рисованием сухими красками, и мне в первый раз случилось нарисовать ими портрет с живого человека и нарочито похожий.

Максим мой, который ныне бородатым уже стариком, был тогда мальчиком лет 10-ти и прислуживал нам в хоромах. С него-то вздумалось мне списать портрет сухими красками, и как оный нарочито удался, то сие возродило во мне желание написать с него во всем его тогдашнем росте, масляными красками на доске, обрезную статуйку.

И дело сие удалось мне тогда сделать так удачно, что как статуйка сия поставлена была у меня в углу в лакейской, то многие из приезжавших ко мне гостей обманывались и, почитая ее живым мальчиком, кликали его и приказывали снимать с себя шубы и прочее, так много походил он на живого человека. Легко можно заключить, что мы в таких случаях не могли ошибкам таковым довольно насмеяться и налюбоваться статуйкою сею.

Наконец наступил октябрь месяц и с оным то 7-е число онаго, в которое я за 31 год до сего времени родился.

Я праздновал по обыкновению моему и в сей год сей день, втайне и душевно принося благодарения мои Господу за все Его милости и щедроты, оказанныя мне как во все прожитыя леты, так и в претекший последний год, и прося Его о покровительстве себя и в новый год моей жизни.

А как вскоре после того наступило и 17-е число, то есть день моих именин, и сей день назначен был как для торжествования онаго, так и настоящаго *новоселья* в моем новом доме, то приглашены были нами к сему дню все наши друзья, знакомцы и соседи, бывшие тогда в домах своих, и хотя многим из отдаленности за случившеюся тогда дурною погодою приехать было невозможно, однако гостей было довольно, и как все они были друзья и приятели и обходились с нами без дальних этикетов, то и провели мы с ними сей день и вечер очень весело и не оставили ни единой из всех деревенских забав, игр и увеселений, которыя бы не употребили для своего увеселения. А особливо увеселял нас собою сосед и кум мой господин *Ладыженский*; а был тут же и приехавший в наше соседство для межеванья г. межевщик *Лыков*, по имени Борис Сергеевич, с которым при сем случае я впервые познакомился и сдружился.

К умножению же моего удовольствия я в сей день получил из Экономическаго общества еще одну часть «Трудов» онаго, которая была XI по порядку.

Вскоре засим имел я удовольствие всех моих родных однофамильцев видеть опять собравшихся воедино.

Приехал к нам из Петербурга и меньшой мой двоюродный брат, *Гаврила Матвеевич*, отпущенный в отпуск по март месяц, и как он был человек молодой, нас искренно любил и жил всех прочих ближе, то мы и имели удовольствие видать его очень часто у себя и нередко не только провождающаго целые дни, но и почующаго.

Но не могли мы жаловаться с сей стороны и на старшего его брата, *Михайлу Матвеевича*. Оба они с женою посещали нас очень нередко, а наконец кое-как довели мы и четвертаго нашего деревенского соседа г. Дюка до того, что он стал к нам, хотя далеко не так часто как другие, ездить.

В особливости помогла много к тому случившаяся с ним болезнь, которая едва было не лишила его жизни. Он находился при самой крайности от опаснаго нарыва в горле, и мы хотя всячески старались ему помогать, но лишались и сами уже всей надежды к спасению его; но, по счастию, он прорвался, и чрез то спасся он от смерти. А как я во время болезни его всем, чем мог, ему помогал и посещал его почти всякой день, то в благодарность за то переменил и он несколько свое против нас поведение и стал к нам чаще ездить. Он в самое сие время был из службы отставлен с чином подпоручика.

Частыя сии посещения обоих моих братьев, также и сего родственника, а не менее и других ближних наших соседей, как то: гг. *Ладыженских* и *Иевских*, а в тогдашнее время и двух в Нарышкинской волости находившихся межевщиков, помянутаго *Лыкова* и товарища его г. *Сумарокова*, малого молодого и любезнаго; частыя свидания со всеми ими в домах наших и в Сенине, куда все мы также нередко езжали, вольное, непринужденное и дружеское между всеми упражнение и препровождение времени всякий раз в разных увеселительных играх и резвостях позволительных были поводом к тому, что мы всю осень сего года провели отменно весело и приятно, и я не помню, чтоб когда в иное время игрывал я так много в карты, как в сию осень и зиму.

Однако не подумайте, чтоб игры наши были азартныя или убыточныя. О, нет! от всех таковых были все мы весьма далеко удалены, а все наши игры были невинныя, забавныя, безденежныя и подающия повод только к смехам и шуткам.

Мы игрывали всего чаще в *тароки*, которую игру ввел я в употребление и сделал особыя для того карты и переучил всех играть в оную. Она

была очень веселая и всех нас чрезвычайно веселила и так всем полюбилась, что с особливою охотою садились за нее.

В доме же у Ладыженскаго наилучшая была игра в «*семь листов*» по полушке, до которой игры был он отменный охотник, а в удовольствие его игрывали и мы с ним в оную.

Кроме сего, нередко игрывали мы в *реверсит, трисет; виста* же и бостона тогда было еще неизвестно.

Когда же наиграемся какой игре досыта, тогда начинали играть в фанты, а иногда в самыя жмурки, и в том неприметно проводили длинные осенние и зимние вечера, и я так ко всем играм сим разохотился, что выдумывал даже совсем новыя и никем до того еще не употребляемыя карточные и другие игры.

Но за всем сим не отставал я нимало и от прежних своих и лучших занятий, но всякой раз, когда не было никого у нас и мы были дома, не давал ни одной минуты проходить тщетно, но по привычке своей всегда чем-нибудь занимался и либо читал что-нибудь, либо писал, либо рисовал и гваздался с красками.

В сем последнем упражнении занимался я всего более в сию осень и множайшия картины, писанныя масляными красками, имеющияся у меня в доме, были произведениями сего периода времени.

Впрочем, достопамятно, что в начале ноября месяца сего года чуть было я сам не занемог горячкою.

Произошло сие ни то от простуды при разъездах моих по гостям, ни то от других причин; но как бы то ни было, но сделавшийся великой жар с головною болью и сильным биением пульса предвозвещал настоящую горячку, но, по счастию, помогло мне и в сей раз принужденное чихание: я прибег к сему давно уже мне известному спасительному средству и употребление онаго прервало тотчас болезнь мою.

Еще достопамятно было то, что мы в конце сего месяца познакомились вновь с одною знаменитою нашею соседкою, г-жею генеральшею *Щербининою*.

Мы ездили к ней в Якшино, по ея приглашению, и были приемом и ласкою ея весьма довольны; но я возвратился от нея с печальным духом, ибо услышал от нея, как от псковской помещицы, о зяте моем г-не *Неклюдове* весьма неприятныя вести, а именно, что он лишился будто разума.

Сие огорчило меня чрезвычайно; я сожалел об нем искренно, а того больше о его малолетном сыне, моем племяннике, сделавшемся чрез то сущим сиротою.

Последний месяц 1769-го года был для меня как-то не весьма благоприятен: еще в самом начале онаго перетревожены были мы до чрезвычайности сделавшимся было у нас пожаром.

В черной горнице, построенной в самой близости подле хором, треснула как-то задняя стена печи, и хотя был тут и широкий запечек, засыпанный землею, но стена от печи загорелась; но, по счастию, усмотрели то довольно рано и успели бывшее уже пламя залить и не допустить огню взять силу.

Засим и по отпраздновании обыкновеннаго нашего Никольскаго праздника, препровожденнаго нами со множеством неожиданных гостей отменно весело и приятно, занемог было я опять, но уже не тем, а грудью.

Болезнь сия началась сперва небольшою болью в груди, но чрез немногие дни так усилилась, что я опасался, чтоб не сделалась в груди инфламация, или плерезия, которой и начальные признаки уже все были.

Произошло сие не то от простуды, не то от многаго около сего времени писания на столе низком и на креслах высоконьких... Поводом ко многому и натужному писанию сему было, во-первых, сделанное мне чрез приятеля моего, г-на *Колюбакина*, предложение, чтоб отдать в печать давничной мой перевод Зульцеров – «Разсуждение о делах естества».

Ему он очень полюбился и он, будучи в Москве, говорил там о том со многими и писал ко мне, чтоб я, переписав оный почище и покрупнее, присылал к нему.

Итак, сею-то перепискою я тогда занимался, и от безпрерывнаго нагибания грудь свою так натрудил, что принужден был работу и намерение сие оставить; а как между тем сочинение сие вместе с «Разговорами о красоте натуры» переведено было иными и в Петербурге уже печаталось, то и случилось сие кстати, ибо все труды мои пропали б тщетно.

Во-вторых, вздумалось мне около сего времени сочинить самому «Историю о святой войне», выбирая из разных имеющихся о том у меня немецких книг, и как я, начав ее, по обыкновенной моей нетерпеливости и над сею работою много трудился, то и сие для груди моей было также накладно.

Но от того ли, или от чего иного, но болезнь моя продлилась нарочито долго, и с некоторыми перемежками во весь почти декабрь месяц, почему и принужден я был все сие время сидеть почти дома, а давать боярыням только одним разъезжать по гостям и соседям, а сам препровождал уже дома кое в чем время.

И как писать мне было не можно, то занимался уже более читанием книг разных, однако не оставлял и начатой «Истории о святой войне», и будучи сам не в состоянии писать, диктовал ее одному из двух своих мальчиков, который сколько-нибудь писал получше.

Но, к сожалению, и сей труд мой был безполезный. Я хотя со временем и сочинил всю ее, но мне не удалось с нею ничего сделать, и одна часть оной у меня пропала, а другая в богородицкий пожар сгорела, следовательно и пропали все труды мои относительно до нее по-пустому.

Таковую ж неудачу имел я в сделанном мне предложении об отдании в печать и других моих сочинений, как то: «Детской философии», «Универсальной моей истории», «Нравоучительных сочинений» и перевода предики Иерусалимовой.

Приезжавший к нам о празднике один московский поп, родственник нашим попам, увидев оныя у меня, убедил меня просьбою, чтоб я вверил ему их для показания в Москве его родственникам, могущим поспешествовать их напечатанию; но все они только в Москву прокатались и ничего из того не вышло, да и выттить не могло.

Не имел я также успеха в желании моем повидаться с племянницами моими *Травиными*, живущими в Кашине с отцом своим.

Я посылал по наставшему зимнему пути нарочнаго даже человека в Кашин с письмами и с просьбою к зятю моему, чтоб он отпустил их ко мне к празднику Рожеству Христову погостить и повидаться, но сей упругой человек не согласился на то, а сказал, что он пришлет их после; итак, не мог я иметь и сего удовольствия.

Кроме сего, озабочивал нас около сего времени очень рекрутский многочисленный набор; ибо как в течение сего лета началась и горела уже в полном пламени первая турецкая война, то требовалось много рекрут и мы принуждены были оных давать и разставаться с наилучшими работниками, а сие много уменьшало удовольствие, которое имели мы, получая известия о победах и о взятии Хотина и Бендер. Кроме того, не радовала нас и чрезвычайная дешевизна хлебов, бывшая в сию зиму.

Далее озабочивало меня еще одно досадное обстоятельство: тетка жены моей, г-жа *Арцыбашева*, подбивала всячески тещу мою, чтоб обеим им съездить еще раз сею зимою в Цивильск к находящемуся еще в живых, но престарелому деду жены моей, Авраму Семеновичу *Арцыбашеву*. Но мне не хотелось никак отпустить тещу свою в такой дальний путь и для слабаго ее здоровья и по многим другим обстоятельствам, и я не знал, чем бы разрушить сие пустое предприятие.

Но, по счастию, полученное от старика сего письмо сделало то, чего не мог я сделать. Ибо как он их нимало к себе не звал, а жаловался только на крайний недород в тамошних местах хлеба, то отдумали они сами туда ехать и теща моя расположилась только съездить в Москву для свидания с одною приезжею из тамошних мест госпожою, в чем и я ей уже не воспрепятствовал.

Наконец настал у нас праздник Рожества Христова, но оный был для меня не очень весел, потому что грудная моя боль от прилежнаго питья разных лекарственных трав хотя и гораздо пооблегчилась, но около Рожества опять так возобновилась, что я не в состоянии был на праздник даже в церкви съездить, да и все первые дни Святок просидел и наиболее один дома; ибо боярыни мои разъезжали кой-куда по соседям. Один только меньшой мой двоюродной брат помогал мне провождать время.

И знаете ли в чем я упражнялся в сии святые вечера, в те дни, когда никого у нас не было? – Истинно в смешном: приди мне охота сочинять особаго рода, в стихах, разныя загадки, и я сочинил их с целый десяток, и довольно смешных и курьезных, и мне досадно и жаль, что они все у меня по разным случаям распропали.

Но как я ни был еще слаб, однако, услышав о приезде друга моего, г-на *Полонскаго*, из Москвы в деревню, восхотелось мне к нему съездить и с ним повидаться.

Он был нам чрезвычайно рад, надавал мне опять множество разных книг для читания и насказал нам множество новых вестей как о тогдашних военных происшествиях, так и об усилившихся в государстве нашем около сего времени разбоях.

Говорили, что в один сей год было более 170 дворянских домов и фамилий разбито и что между оными около 100 человек находилось из наследников, имевших в том соучастие.

Наконец, 30-го числа декабря проводили мы тещу свою, поехавшую в Москву на короткое время, и я остался один дома с детьми моими, ибо до Серпухова поехала с ней и жена моя с своею теткою, а я в последний день сего года почувствовал опять боль в груди, а сверх того, ввечеру подхватила меня и лихорадка самая; итак, окончил я сей год не очень хорошо.

Но как письмо мое довольно уже увеличилось, то сим окончу я и оное, сказав вам, что я есмь и прочее.

(Октября 27-го, 1805 г.).

НОВЫЙ 1770 ГОД

Письмо 134-е

Любезный приятель!

В конце предследующего к вам письма упомянул я, что я ввечеру последняго дня 1769-го года занемог лихорадкою.

Теперь, продолжая повествование мое далее и начиная разсказывать вам, что случилось со мною в течение 1770-го года, скажу, что помянутая болезнь моя была хотя неважная и непродолжительная и более меня настращавшая, нежели стоившая уважения, однако сделала то, что я первый день сего новаго года принужден был сделать для себя Великою пятницею; ибо как по всем признакам заключал я, что болезнь моя произведена переменою пищи и происходила от испорченнаго желудка, то, не запуская вдаль и не давая ей усилиться, спешил я употребить обыкновенное и известное мне в таких случаях лекарство, а именно: взять прибежище к наистрожайшей диете и говенью и чрез пост усмирить опять свой желудок, и для того во весь сей день ничего не ел, и день новаго года, посреди Святок, сделал Великим постом; а сверх того, старался я опять сколько можно чаще чрез чихание делать волнующейся во мне крови в скором движении ее остановки, а все сие и помогло мне очень много и при сем случае.

Жар и слабость во мне хотя и продолжалась во весь тот день, однако я рад тому был, что болезнь не увеличивалась и, час от часу уменьшаясь, в течение немногих дней совсем исчезла, так что к Крещенью сделался я опять здоровым совершенно.

Теперь, не ходя далее, разскажу вам, с какими чувствиями начал я сей новый год и в каких обстоятельствах находился я при наступлении онаго. Все сие можете вы яснее усмотреть из записки о том в журнале моем сего года, какия имел я обыкновение делать при начале каждаго года; она была следующая:

«В разсуждении самого себя, – писал я тогда, – могу сказать, что прежняя благополучная и спокойная жизнь, которою я, уже несколько лет живучи в деревне, наслаждался, по благости Господней, продолжалась без перемены и поныне. Весь минувший год проводил я по Его милости благополучно и вожделеннейшим образом; во всех житейских, как необходимых, так и побочных нуждах и потребностях не имел я никакого оскудения и недостатка, ибо что касается:

Во-первых, до здоровья, то благодарю моего Бога, во весь минувший год и уже несколько лет не был я подвержен никакой важной болезни; малыя же припадки, которыя кое-когда случались, по справедливости не стоили того, чтоб их назвать болезнями. Всемогущая десница сохранила меня от всех зол, могущих случиться.

Другая потребность в жизни нашей состоит в пище и питии. О! в разсуждении сего пункта и подавно невозможно мне ни в чем пожаловаться. Я доволен и предоволен был в том, и не только никогда не вставал голодным из-за стола своего, но жил и роскошнее еще, нежели надлежало. Зиждитель натуры снабдил меня с немалым избытком вещами к тому потребными; а что всего приятнее, то я 1000 раз имел утешение услаждать свой вкус такими вещами, кои заводимы, воспитываемы и возращаемы были собственными руками моими.

Третьею потребностью, по справедливости, можно почесть наше платье и одежду. В разсуждении сего пункта мне уже, конечно, молчать надобно, ибо я в том не только нужды не терпел, но паче много имел утешения, одеваяся в такие вещи, кои дома у меня, и что того еще важнее, отчасти стараниями, отчасти собственными трудами любезных моих помощниц деланы были.

Четвертою потребностью в жизни можно почесть наше пристанище и жилище. В сем пункте я также не жаловаться, но хвалить и благодарить моего Создателя должен. Его помощию созиждил я себе новый дом и такой, какого не чаял я никогда у себя иметь, хотя покой имел и до того, но теперь имею его еще больше и лучше.

Пятою потребностью – достаток ли почесть? Так я и в разсуждении сего пункта сказать могу, что и в том не имел я оскудения. Был я хотя не богат и доходы имел хотя небольшия, и они были хотя меньше прошлогодних, но я доволен был тем и нимало не помышлял о жалобах на то.

Шестою вещию, нужною в жизни человеческой, ежели почесть увеселения, то я оных имел столько, сколько, так сказать, желала душа моя. Всякий день приносил мне новыя увеселения и утехи. По благости Господней я никаких важных печалей и огорчений не имел, а маленькие вещицы, тревожущия иногда дух наш, можно ли считать чем-нибудь?

Седьмою вещию, если почесть обхождение или обращение с людьми, то и с сей стороны я ни в чем пожаловаться не могу; ибо что касается до посторонних, то, по благости Господней, все знающие меня продолжали меня по-прежнему любить и почитать, а сверх того, имел я несколько раз наиприятнейшее удовольствие слышать, что повсюду говорили обо мне не дурное, а хорошее и что многие вновь знакомства со мною искали или желали.

Кроме того, имел я удовольствие некоторым моим приятелям кое-чем услужить и обязать их более к себе дружбою; а не меньше того и тем был доволен, что некоторых неправо и безвинно на меня сердившихся, успокоил и обратил опять к себе в дружбу и теперь таких не имею.

В разсуждении ж ближайших к себе особ я совершенно был доволен. Богом дарованная мне мать, с одной, а жена, с другой стороны, оказывали мне все, чего я только мог требовать от родственников толь ближних. Любовь, почтение, услуги, взаимное угождение и нелицемерное дружество были вещи, коим видел я от них ежедневные опыты, и потому и сам не инако как взаимно их любить и почитать был должен.

Наконец последним пунктом если почесть наследие, то хотя сей пункт и всего меньше меня тревожить должен, но я и в разсуждении онаго был доволен. Дети, дарованныя мне от Всевышняго, были во весь минувший год здоровы и благополучны; как цветочки и молодыя произрастания, начинали они час от часу от земли подниматься.

Дочь моя, *Елизавета*, научилась уже ходить, а теперь учится и говорить; а сын, *Степан*, или как мы его обыкновенно называли Чоп наш, старается также у сестры своей перенимать ходить и, к удовольствию нашему, всех нас уже и он знает.

Оба они тысячу утех приносят нам, и тысячу раз заставляли себя брать на руки и целовать и смеяться невинным своим делишечкам. Выростут ли сии цветки и будут ли цвести, не знаю? Это в руце Божией! А излишнее бы было, если б хотеть за завесу будущей неизвестности и прежде времени чем-нибудь крушиться.

Обо всем том разсуждая, не знаю, чего бы мне желать более оставалось и о чем бы мог изъявить какое неудовольствие; но паче безпристрастно признаюсь, что я мал и недостоин тех милостей, которыми Творец меня удостоить соблаговолил, и будучи не в состоянии Его достойно за то возблагодарить, хвалю и превозношу только святое имя Его.

В разсуждении ж сотоварищей моих в жизни могу также сказать, что и оне многия причины имеют быть судьбою своею довольными. Единое только слабое и нездоровое состояние нашей общей с женою матери, яко той особы, которая поведением своим нас поневоле заставляет себя любить и почитать, делает нам многия иногда смутныя минуты. О малых же моих ребятишках ничего еще сказать не можно. Они находились в невиннейшем еще периоде своей жизни.

Вот в каком состоянии находились обстоятельства при начале сего года; что же воспоследует в течение его, того не знаю; но меня сие и не много тревожит.

Я знаю то, что все будет делаться по воле моего Создателя, а Он – мой Бог, Господь, а что всего утешительное, Отец благий и милостивый!»

Вот что и как чувствовал я в тогдашнее время; но теперь обращусь к продолжению своего повествования.

Сколь скучновата была мне первая половина Святок, по причине моего недомогания и отлучек моих домашних, столь весела, напротив того, вторая и остальная часть оных.

Все сии дни проводили мы с людьми и со множеством разных гостей, приезжавших со всех сторон к нам, ибо на другой день сего года возвратились к нам из Серпухова жена моя со своею теткою и привезли с собою и Наталью Петровну *Арцыбашеву*, не бывавшую у нас давно уже.

Приезжал к нам в сии дни и сосед наш котовской, князь Павел Иванович *Горчаков*, и многие другие обоего пола гости; и как много бывало и девиц и других молодых людей, то мы провели достальные Святки в разных играх, смехах и забавах отменно весело. А в пятый день возвратилась к нам и теща моя из Москвы, съездивши в сей путь благополучно.

Несмотря на всю кратковременность ея отлучки были мы ей очень рады. Она ездила в Москву и труд сей предпринимала единственно из любви к престарелому ее родителю и желая от приезжей из тамошних мест одной знакомой ей госпожи узнать и расспросить подробнее о всех обстоятельствах, касающихся до сего старца.

И мы не могли без огорчения слушать того, что она нам об нем, по возвращении своем, разсказывала; ибо не можно было, чтоб не сожалеть о сем добром и честном старике, претерпевшем тогда, так сказать, пред самым окончанием своей жизни толь многия горести и печали и такую великую во всех обстоятельствах своих перемену.

Всю молодость и лучшие свои леты препроводил он в вожделеннейшем состоянии, нажил многих достойных детей, получил достаток, был всеми любим и жил спокойно. Один сын был уже майором, другой – полковником, а и достальные два были уже офицерами; дочери его пристроены были к месту. Одним словом, все было хорошо.

Но как скоро состарился, то печали, равно как согласясь, на него напали. Прежде всего умер у него большой сын в лучшем цвете своей жизни. Это был муж Матрены Васильевны, но сей урон был еще несколько сносен; но в короткое время после того лишился он и другого сына, бывшаго в молодости своей уже полковником и одареннаго отменными достоинствами.

Многия другия хлопоты присовокупились к тому, и все сие в состоянии было тронуть его чувствительно; но он перенес и то, призвал в дом к себе и последних сыновей, чтоб, их поженив, ими при старости веселиться.

Но не успел женить третьяго и с ним год времени пожить, как и сей о корень, а к умножению огорчения его и жена, оставшаяся после онаго, сделалась негодною и только стыд и безчестие его фамилии наносящею.

Таким образом остался только один и последний сын; сего он также женил, но и тут была удача не велика. Жена была хотя постоянна, но не имела ни к мужу, ни к свекру почтения и с нею не могут сладить. И в семто состоянии находился он тогда.

Частые неурожаи хлеба, падежи скотские и другия несчастия присовокуплялись к тому и тревожили дух стариков еще более. Да и нам всем был он так жалок, что мы в последних письмах своих просили его и звали к себе, чтоб он, оставя все, приехал сюда к нам окончить жизнь свою спокойно и благополучно.

На другой день после Крещенья было у нас опять и в другой уже раз в сию зиму северное сияние, и в сей раз было оно некакого особаго рода.

Все небо покраснело так, как в случае зарева от большого пожара, и весь снег казался красноватым; но особливость при том была та, что в южной стороне небо было белее и так как бы поднималась заря, чему бы в самом деле надлежало на севере быть.

Мы со всеми случившимися тогда у меня многими гостьми выходили тогда смотреть сего особливаго феномена, которое называли тогда особым небесным знамением и народ простой все твердил, что сие было к войне кровавой, которая у нас тогда с турками и действительно продолжалась.

Вскоре за сим случилось у нас в доме одно особливое, странное и такое происшествие[1].

(Окт. 28-го дня 1805 г.).

НЕПРИЯТНАЯ КОММИССИЯ

Письмо 135-е

Любезный приятель!

Продолжая теперь мое повествование, далее скажу вам, что вскоре после описанного в последнем письме романическаго происшествия имел я весьма неприятную для себя, но необходимую коммиссию.

Меньшой мой двоюродный брат и ближайший мой сосед прибежал ко мне однажды и жаловался, что он не может никак сладить с братом своим в разсуждении отдачи рекрута; что он явную ему оказывает несправедливость и нарушает договор, бывший у него с ним о поставке рекрутов погодно и чередуясь друг с другом и просил меня, чтоб я, как старший и начальник всей нашей фамилии, вступился за него и погонял бы братца его за скверную его привычку опоражнивать уже слишком часто и непомерно рюмки и стаканы, чему он наиболее все зло приписывал; ибо когда он в целом уме и памяти, то все почти с ним сделать можно, но когда голо-

[1] Окончание письма (стр. 157–182 рукой), как заключающее в себе какую-то неладную семейную подробность, лет 30 тому назад уничтожено одною из госпож Болотовых. – Прим. редакции «Русской Старины».

ва его наполнится чадами бахусовых продуктов, то никто с ним не говори: сделается таким упрямым своенравным вздорливым, что ни в чем с ним сладить невозможно.

К сожалению, скверная и гнусная сия привычка его всем нам давно была уже известна, и я всегда и досадовал и искренно сожалел этакой слабости сего своего близкаго родственника, а особливо слыша неоднократно, что везде, где ни случалось ему бывать в гостях и натянуться досыта, делывал такие дурачествы и становился так мерзок, что служил всем посмешищем и предметом презрения. И как больно было мне очень слышать все сие о сем моем однофамильце и родственнике, то собирался я уже давно погонять и потазать его за то хорошенько, а особливо видя, что делываемыя ему дружеския о том напоминания нимало не действовали.

Итак, решился я наконец исполнить сей неприятный для меня долг и, пригласив его к себе, учтивым образом и не раздражая, так его нагонял и так растрогал, что как сначала он ни казокался, но наконец совсем опешил и онемел и, усовестившись, не только сделал все в разсуждении брата своего, чего требовала справедливость, но нарочитое долгое время после того был гораздо воздержнее прежняго, чему все мы и порадовались искренно.

Как между тем я от болезни моей оправился совершенно, то с половины генваря пустились было мы в большой разъезд по многим и разным гостям, в Алексинском и Тульском уезде живущим, и намерены были многие знакомые и дружеские нам домы объездить одним разом, так как мы то нередко делывали.

Но в сей раз не удалось нам своего намерения исполнить, ибо не успели мы приехать в Калединку, к тетке жены моей, г-же *Арцыбашевой*, как напали на меня многие с убедительнейшею просьбою о принятии на себя новой коммиссии и о вспоможении одной ея ближней соседке в крайней ея нужде.

Была то госпожа *Хотяинцова*, и не только ей недальняя родственница, но и нам по жене моей не чужая, и нужда, в которой нужно ей было мое вспоможение, была следующая.

Она имела у себя одну только дочь, девушку уже в сие время взрослую и очень изрядную; живучи почти с малолетства все по чужим домам и домам хорошим, навыкла она так всему светскому обращению, что мы все ее любили и с удовольствием принимали ее у себя, когда случалось им к нам

приезжать или оставаться гостить на несколько времени. У нас у самих нередко она, и особливо в малолетстве, по нескольку месяцев гащивала и мы всегда бывали ею довольны.

Сей девушке случилось попасться на глаза алексинскому городовому секретарю г. *Ферапонтову*, мужику уже вдовому, немолодому, дряхлому, очень неуклюжему во всем, но весьма достаточному и богатому.

Как была она недурна собою, а притом жива, умна и вертлява, то пленись дурачина сей ея пригожеством и, несмотря на всю неравность ни в летах, и во всем, вздумал за нее свататься и положил неотменно на ней жениться, если б только она пошла за него и ее отдали.

Девушка не хотела сначала о том и мыслить, но не так думала ея мать и ближайшие родственники, и как была она очень недостаточна и одинока, то почитали сие выгодною для нее партиею и убедили наконец и самую девушку склониться выттить за сего престарелаго адониса. И тогда дали они только что свое слово и назначили, чтоб чрез день после онаго, быть в доме у г-жи Хотяинцевой сговору.

Но как не имела она из мужчин никого у себя ближнего родного, а с женихом хотели быть многие знаменитые люди, то и убедили все меня принять на себя все гостеприимныя при сем случае хлопоты и распоряжения и отправлять при сем сборном сговоре в доме ея должность хозяина.

По любви их к нам и взаимно нашей к ним я охотно на то и согласился; но сговор сей чуть было не стал мне очень дорого.

Будучи принужден переезжать несколько раз из дома в дом и для скорости в санках-пошевенках и притом в домашних хлопотах выходить нередко с открытою головою на двор, простудил я оную и чуть было не нажил долговременной головной болезни. Это было первое, а во-вторых, подвергся было крайней опасности и чуть было при одном случае не убился до смерти.

Случилось это в доме г-на *Селиверстова*, у котораго нам надобно было тогда побывать. Я, приехавши к нему и переступя с крыльца в сени, по пологости и скользкости в них, так хорошо осклизнулся, что не мог устоять на ногах, но полетев стремглав, попал самым виском об острую железную скобу в притолке дверной и убился так, что она даже вспухла.

Но великая была милость Господня, что удар попал не в самое опаснейшее в виске место, но на пол вершка от онаго, а притом был негораздо

силен. Словом, Всемогущий сохранил меня явно в сем случае от превеликаго бедствия и опасности.

Но все сие, однако, не помешало мне исправить свою коммиссию; мы сговорили, как надобно, нашу *Авдотью Андреевну*, и угостили всех приезжавших гостей безпостыдно, и я при сем случае имел удовольствие познакомиться и даже сдружиться с бывшим тогда в Алексине воеводою г. *Тиличеевым* и многими другими, до того мне не знакомыми людьми.

Не успели мы сего дела кончить, как нажитая вновь головная болезнь прогнала меня опять восвояси. Я поспешал возвратиться в дом для вспомогания себе, чем знали, и спасибо продолжалась она не очень долго, и становление ног в тепловатую воду с брошенною в нее солью освободило меня совершенно от оной.

Вскоре засим обрадованы были приездом к нам старшей племянницы моей *Травиной*, Надежды Андреевны, из Кашина. Отец ея сдержал наконец свое слово и данное нам обещание, но отпустил из трех ее только одну, но зато с дозволением остаться у нас гостить надолго, чем мы в особливости были довольны.

Девушка сия была уже совершеннаго возраста и прелюбезная; она представляла собою совершенный портрет покойной моей родительницы, а своей бабки и, будучи на нее очень похожа, имела притом нрав изящный и такия качества и свойства, что заставливала всех любить себя и почитать.

Как у отца ея было их три дочери, то покойная старшая моя сестра взяла было ее к себе и хотела ее там у себя пристроить к месту и выдать замуж; но как кончина ея до того не допустила, то возвратилась она к отцу в дом, женившемуся между тем на другой жене, и бедняжка сия рада была, что она удалилась от своей мачехи и отпущена была к нам для житья.

Таким образом получили мы в сие время четвертаго себе семьянина, и были тем и сообществом ея очень довольны. Она делала не только боярыням моим, но иногда и самому мне компанию, ибо была охотница читать книги и можно было с нею говорить обо многом; и как она была ко мне очень ласкова и всех нас любила искренно, то и мы все любили ее, как бы дочь свою родную.

Теперь разскажу я вам, любезный приятель, одно смешное приключение, случившееся со мною вскоре после приезда к нам помянутой племянницы и заставлю, может быть, вас раза два усмехнуться.

Жил от нас неподалеку и верст только за 10 один очень небогатый дворянин, человек еще молодой, но всеми нами любимый и почитаемый. Как был он очень искателен и ко всем нам езжал очень часто и с своею женою, то и принимали мы его всегда как бы родного и были ласкою и приязнью его очень довольны, и я в соответствие ему и своим благоприятством крестил у него всегда детей с женою г-на Полонскаго.

У сего хотя недостаточнаго, но добрейшаго и любезнаго нашего соседа родилась около сего времени еще одна дочь. И как ее опять мне с г-жою Полонскою крестить надлежало, то убедительно званы мы были все на сии крестины к г-ну *Рудневу*.

Боярыням моим, не помню, что-то такое помешало сделать ему приездом своим удовольствие, но мне как надлежало необходимо ехать, то и полетел я в *Полозово*.

Сперва предлагали было мне люди, чтоб ехать нам туда в городовых санях, в каких в сии времена обыкновенно все еще езжали, когда куда надобно было налегке ехать, и представляли, что парами для сделавшагося от бывшей незадолго до того великой оттепели просова ехать никак было не можно; но как я только что освободился тогда от своей болезни и никуда еще после того времени не выезжал, то боясь, чтоб опять не простудиться, опровергнул я все их предложения и велел готовить возок, в котором мы обыкновенно все езжали и который был довольно просторный и теплый, и мое счастье было, что я сие вздумал.

Итак, отправился я себе в сей путь. Дорога была в самом деле очень просовиста, однако ехать все было можно; со всем тем боясь, чтоб в вершине за селом Бузуковым не обгрязнуть, решился я ехать от сего села до хотунской дороги большою дорогою, и ехал еще впервые отроду сим прогалком.

Но не успели мы на помянутую хотунскую дорогу взъехать, как понесло нас так швырять, что я начал уже и проклинать оную тысячу раз. Этакой проклятой дурной дороги отроду я не видывал. Таки ухаб на ухабе и рытвина за рытвиною, и одна вдоль, другая поперек, третья накось, и то в ту сторону, то в другую, и я принужден был в просторном возке своем только что из края в край и из угла в угол попрыгивать и покачиваться.

Но мог ли я себе тогда вообразить, что самую сию, тогда проклинаемую дорогу я чрез несколько часов после того любить и благословлять стану?

Как бы то ни было, но наконец, своротив с сей дороги вправо, приехал я в Полозово. Хозяин был мне очень рад, а особливо потому, что многих гостей не будет, а вскоре после меня приехали и Полонские, привезя с собою и брата г-жи Полонской, Николая Алексеевича *Ладыженскаго*, чему в особливости я рад был, ибо с сим человеком мне весьма было нескучно; и мы заговорились с ним как с сведущим человеком впрах о тогдашних политических и военных происшествиях и набольшую часть времени своего в сих разговорах проводили.

Между тем происходили крестины, и после оных – крестильный обед. После онаго посидели мы еще несколько и все было хорошо, но скоро начали мы несколько тревожиться.

Время приближалось уже к разъезду по домам, а мы за разговорами того и не видали, что погода на дворе сильно переменилась и начинала несть ужасная вьюга и мятель. «Как быть? – говорим мы между собою. – Не лучше ли нам посидеть с полчаса еще времени, авось либо поутихнет». Все согласились на то; однако мятель не унималась, но несла час от часу еще пуще прежняго. «Что делать? – говорим мы наконец: знать не переждать нам этой погоды, а ехать время, вечер уже почти наступает». – «Конечно так!» – сказали все, ибо всем нам было известно, что по мализне дома хозяйскаго и по всем другим обстоятельствам ночевать нам тут никак было не можно, да были мы и не унимаемы.

Итак, распрощавшись с хозяином, сели мы и поехали; но что ж тогда воспоследовало с нами? На дворе казалось нам худо, а как выехали в поле, так и хуже того. Одним словом, такая ужасная мятель, что ни зги было не видно.

«Эх! – думал я тогда и говорил сам себе. – Как это нам ехать? И что это за беда! Если б можно было, то не из чего бы не поехал, но готов бы тут как-нибудь ночевать».

Не успели мы несколько десятков сажен от двора отъехать, как не видно было нам ничего ни вперед, ни назад. Возок г. Полонскаго, ехавший впереди, пропал у нас из глаз, а назади не видно было уже и деревни. Мысль, чтоб не заблудиться и не попасть куда в вершину, начинала меня уже безпокоить.

Я прикликал человека, стоявшаго позади возка, и говорил ему: «Не лучше ли нам воротиться?», но он говорил: «Доедем, сударь, не для чего ворочаться». Но мы с ним еще говорили, как поглядим, форейтор наш,

умный мой человек Бабай, который и тогда был еще очень невелик, уже в другую сторону проскакал, уже видим подле себя кусты, которых прежде вовсе не было. «Ба! – закричал я тогда: куда это вы меня завезли, не туда!» Кучер, котораго я за ревом ветра насилу докликался, признался, что ошиблись и бранил Бабая, хотя сам не умнее или еще глупее его был.

Кучером случился тогда быть у меня умной мой человек *Антон Артамонович*, человек очень недальновидный, и разсудка самаго темнаго и короткаго. Но как бы то ни было, но меня сие уже и гораздо трогало.

Мятель несла от часу сильнее и занесла меня и в возке уже совсем, а мы добрым порядком уже своротили в целик и ехали, сами не зная куды. Я уже охал, горевал и боялся, чтоб не заблудиться. О! сколько раз желал я уже тогда, чтоб попасть на упомянутую прежде сего прескверную хотунскую дорогу, уже и она мне сделалась тогда мила до чрезвычайности, но что наконец и удалось нам по желанию.

Нельзя изобразить, как обрадовался я, когда мы взобрались на оную, ибо утешал себя, по крайней мере, тем, что, несмотря на всю жестокую мятель, нам дорогу сию за превеликими ея рытвинами, ухабами и буграми потерять будет не можно. Людцы мои не успели на нее взъехать, как и поскакали что ни есть мочи, жестокость вьюги их к тому побуждала; и я как ни боялся по худым дорогам ездить, и как возок мой с бока на бок ни качался и ни попрыгивал, однако я, сжав сердце, уже молчал и дал волю скакать, как хотят.

Но не успели мы с версту сим образом отскакать, как новое явление глазам моим представилось: лошади остановились и не знаю что-то в упряжке нашей испортилось и требовало поправления. Кучер мой полез с козел, чтоб поправить, но бултых на землю.

Я удивился сему случаю, но удивление мое еще увеличилось, когда увидел, что он и встать почти не может. Я подозвал его к себе, спрашиваю: туда ли мы едем и не ушибся ли он; но гляжу, смотрю – у слуги моего язык почти не ворочается... «Слава Богу! – воскликнул тогда я. – Одно к одному! Изрядно ты, дружок, накушался, да и очень кстати на теперешную погоду смотря». Одним словом, слуга мой был *пьян* и не мог взойтить сам на козлы. Я кликал другого, стоявшаго на запятках и приказывал помочь ему сесть, но гляжу, смотрю – и тот немногим чем лучше кучера. «Ну то-то право, хорошо! – воскликнул я. – Оба пьяны!» И Господи, какою досадою

воспылал тогда я и на них и на кума своего, господина *Руднева*, и как проклинал то глупое обыкновение, чтоб поить людей гостиных!

Со всем тем дело на шутку не походило. Находился я тогда в чистом поле, в котором от мятели на сажень было ничего не видно, время было позднее и почти сумерки, а людцы мои пьяные... Одна была надежда на дурную дорогу, и как был я тогда рад уже оной! Я позабыл тогда про всю опасность, чтоб не простудиться: раскрыл одно окно и не спускал уже глаз и с оной.

Казалось мне, что они и с ней собьются. Как туда ехали, казалась одна дорога, а тут проявилось их много: иная вкось, иная впоперек, иная рядом, и все такия ж большия, и Бог их знает, откуда они взялись, или в темноте мне так казались.

Трясусь я, смотря на сие, опасаясь, чтоб они с прямой не сбились. Чего я опасался, то и сделалось. Отскакавши версты с две, услышал я, что ворчит мой пьяный кучер, что не туда мы едем и что проехали дорогу и надлежало бы ехать влево.

Не успел я сего услышать, как, испугавшись, начал кричать, чтоб остановились; но слуги мои не слышат, а скачут во всю пору. Я кричать, еще кричать во все горло, но крик мой за ужасным свистом и шумом ветра до них не доходил.

Нечего мне было уже желать, высунул из окошка голову и кричу, что есть мочи; но знать мятель и вьюга была хороша, что и тогда позади стоявший человек не мог ничего услышать, но, по счастью, свалилась с меня шапка и ее подхватил ветер и понес по снегу.

Сего не можно уже было стоявшему позади не увидеть. Он насилу докликался кучеру, а кучер – форейтору, чтоб остановиться. Рад я неведомо как был, что остановились и не тужил уже нимало о том, что шапка моя и снаружи и снутри обвалилась об снег, но спрашиваю кучера, туда ли мы едем.

– Нет... нет... не туда... не туда, – ворчал он.

– Да куда ж? – спрашиваю я.

– Я сам не знаю куда!

– Да где ж настоящая-то дорога?

– Вон... вон... там... вон там проехали... надобно бы влево ехать, но мы теперь свернем и поедем туда!

Я подозвал стоящаго на запятках, тот также сомневался и говорил, чтоб своротить.

– Да, кланяюсь я, вам, – говорил я им, – нужно нам только в целик съехать, так мы уже и пропали, а мне кажется, что мы по той едем.

Как и в самом деле я имел причину заключать, что мы едем где надобно, во-первых, потому, что я с самаго начала езды нашей приметил ветр, откуда он тогда дул, что почитаю всегда лучшею и надежною приметою, и видел тогда, что он к нам с той же стороны дул, как мы прежде ехали.

Во-вторых, боялся я сдаваться влево, а хотелось мне более вправо, ибо по известному мне положению места надлежало вправе быть неподалеку волостной деревни Балыматовой, а влеве лежали пространныя и обширныя поля и не находилось далече никакого жила, и там бы мы могли скорее всего запутаться.

Итак, несмотря на все представления пьяного моего кучера, что мы заедем Бог знает куда, велел я ехать тою дорогою, на которой мы находились, думая, по крайней мере, что сия большая дорога куда-нибудь нас приведет.

Итак, после окончания сего совета поскакали мы опять. Отскакавши несколько, захотелось мне спросить, что не видать ли каких признаков; но кликать, кликать, но не докличусь я никак своего *Абрама*. Уже я и голову, сняв наперед шапку, чтоб опять не уронить, высовывал, и кричал, но Абрам мой не слышит.

«Господи, что за диковинка! – думаю я. – Уже тут ли он?» Кличу кучера и, докликавшись, спрашиваю:

– Тут ли Абрашка?

– Нету! нету его! – говорит мой Фалалеюшка кучер, оглянувшись.

– Да где ж он делся?

– Не знаю!

– Да что ж ты скачешь?

– Ин постоять?

– Ну, ин постой, – сказал я тогда, не могши утерпеть, чтоб при всей своей досаде не разсмеяться; и горе меня и смех пронимал.

Однако дело на шутку не походило. Человек пропал и его не видать было, и как я раздосадован ни был, но мне жаль было его и я боялся, чтоб он, пьяный, не мог замерзнуть, и потому решился было тут стоять и его до-

жидаться. Но, по счастию, скоро увидели мы, что он бежит и нас догоняет, но на дороге то и дело, что стремглав падает.

– За чем таким отстал! – спрашиваю я.

– Да рукавицу свою уронил.

– Да поднял ли ты ее? – спросил я, увидев, что он одну руку греет дыханием.

– Где, сударь, как понесло ветром, я гнал, гнал и не мог догнать!

– Да как же? – говорю, – она пропадет!

– Так и быть! – ответствовал он, где ее уже искать? Далече; я насилу и вас, сударь, догнал.

– Вижу я, – говорил я и велел ехать далее.

Не успели мы еще отъехать несколько, как опять что-то в упряжке испортилось и кучер мой лезет опять с козел. Я кричу, чтоб он сидел, но никак сударь, он слишком усерден, знай себе лезет. Но схождение его таково ж было неудачно, как и прежде: баробкался, баробкался, погляжу, полетел чрез голову.

Тут началось новое карабканье, чтоб встать; но не скоро то дело сделалось: где-то встали мы на коленки, где-то встали подниматься на ноги, а между тем с молодца скочила кругленькая его шапка, и ее, как шарик, понесло ветром в сторону по насту.

Уже отнесло ее сажен на 10, а он не мог еще собраться за нею побежать; насилу-насилу я его за нею протурил, и тут-то истинная была комедия!..

Довольно, я не мог утерпеть, чтоб не хохотать и не смеяться: Антон мой за шапку – шапка от него; он хочет ухватить – вместо того чрез голову, покуда встанет, покуда опять за нею побежит, а шапку опять ветер несет да несет, и она опять от него сажени на три удаляется. Насилу-насилу догнал он ее; но лишь только хотел ухватить, как опять чебурах, яко прославися, и истинно раз пять он сим образом падал и насилу уже как-то Бог помог ему ее ухватить.

– Экая злодейка! – мурчал он и побрел по снегу к нам, а я подхватил и сказал:

– Экая злодейка-рюмка, каких бед ты нам начудотворила; садись-ка, садись и ступай далее.

По счастью нашему пронесло тогда снежную больную тучу и небо прояснилось на несколько минут, и мятель сколько-нибудь стала помень-

ше. Я говорю по счастию, потому что мы тогда увидели себя вблизи подле деревни Балыматовой и узнали, что мы с дороги настоящей не сбились.

Но вскоре понесла опять ужасная мятель, но я уже не боялся, надеясь, что уже недалече до большой московской дороги, которую потерять уже было не можно, а ежеминутно только ожидал, что возок мой полетит набок; ибо на всю дурноту дороги и ухабы несмотря, мы скакали, как по самой хорошей.

Наконец доехали мы благополучно до московской дороги. Но тут было на меня опять горе: не знал, я куда ехать, ибо от того места можно было тремя дорогами домой ехать; но прямо не было ни слединки, направо чрез Бузуково хорошо бы, но от села сего была до нас дорожка самая малая и очень блудливая, полевая и о чем перегальне версты на три простирающемся, не мог я без ужаса вспомнить.

Наконец пришло мне в голову, чтоб ехать совсем в другую сторону, то есть влево и на заводы. Сюда было хотя гораздо далее, но, по крайней мере, думал я, что там прудами и чрез заводы мы ошибиться не можем, а какова не мера, так можем где-нибудь на заводе и ночевать.

Кучер мой так был умен, что, позабыв, куда ехать: направо ли, налево ли, и без моего приказания велел ехать налево. «Умница дорогой! – кричал я тогда. – Уже и того не помнишь, в которой стороне дом? Однако ступай, ступай уже туда! Итак, поехали мы на завод; дорога была чрезвычайно гладка и я сидел в возке, сжавши свое сердце, ибо от скорой езды того и смотрел, что меня опрокинут.

Уже в сумерки самыя глубокия приехали мы на Ведьмино. Тогда жалки мне стали мои люди; все обмерзли, как Эолы и для того хотел было заехать на часок к знакомому немцу, чтоб их обогреть. Однако как показалось мне, что поутихло, то раздумал и поехал далее. Но не успели мы въехать в Саламыково, как оборвалось, так сказать, небо, и то-то можно было сказать, что ни зги тогда не видать было. «Нет, нет, – кричал я, – некуда далее ехать! Заезжай к прикащику саламыковскому». Итак, заехали мы греться. Прикащик мне рад, тотчас греть для меня чай и обогрел оным и прежде не отпустил, покуда не прояснилось опять и мятель бить вовсе перестала.

Я неведомо как радовался тогда тому, что с покоем доеду до дома. Однако и тут на дороге потеряли было мы совсем и кучера своего. Никто не видал в темноте, как он свалился у нас с козел, и форейтор знай себе ска-

чет. Насилу-насилу докричались, чтоб остановился и подождал, покуда придет наше дитятко и усядется на прежнее место.

После сего доехали мы уже до дома благополучно, а сим образом и кончился сей достопамятный вояж мой, в которой, на все досады несмотря, я ни однажды не сердился, ибо зная, что все сердце мое тогда не помогло бы, а только меня обезпокоило, не дал ему волю, а смеялся только глупости людей своих, отлагая наказание за то до следующаго дня; но по благодушию моему они и от того избавились, а я только покричал, побранился и потазал их, валяющихся у ног моих и просивших прощения.

Но как письмо мое достигло до своих пределов, то, остановясь на сем месте, скажу, что я есмь и прочее.

(Октяб. 29-го дня 1805).

СВАДЬБА Г-ЖИ ХОТЯИНЦОВОЙ

Письмо 136-е

Любезный приятель!

Между тем, как я помянутым образом путешествовал, заезжала к моим домашним из Москвы наша *Авдотья Андреевна* с матерью и, посидев немного, уехали домой.

Мне сказывали боярыни мои, что нельзя человеку быть более в радостях, как была сговоренная сия тогда девушка, а единственно оттого, что накупила себе на жениховы денежки нарядов более нежели на полторы тысячи. Вот что может производить в молодых людях суетность и чрезмерная приверженность к нарядам и уборам!

Пробыли они у нас в сей раз так мало потому, что спешили приехать домой; ибо как положено было у них свадьбе быть в тот же еще мясоед, а шла тогда уже пестрая неделя и оставалось очень немного дней, то спешили они, чтоб воспользоваться сколько-нибудь оными и успеть сделать к свадьбе все нужныя приуготовления.

Мы не только приглашены, но усильно упрошены были быть на оной, и я должен был опять готовиться играть на ней знаменитейшую с их сто-

роны ролю. Почему на другой же день принуждены и мы были отправляться в Калединку, а потом и далее на свадьбу.

Я уже горевал, чтоб не было опять такой же негодной погоды и не успел проснуться, как первое мое слово было, какова погода? Сказывают мне, что есть мятель. «Так! – возопил я. – Давно уже не было!» и горюю, как ехать. Но, по счастию, стало утихать и до обеда еще проведрилось и возстановилась прекрасная и тихая погода. Рад я тому неведомо как был и соглашался уже охотно ехать. Итак, отобедав дома и сев со всеми моими госпожами в возок, поехали мы туда, и как не застали никого в Калединке, то проехали прямо в дом к невесте в ее *Мухановку*.

Там нашли мы полны горницы боярынь и все они заняты были работою, все шили и готовили приданое. Наши взяли тотчас в том же соучастие и засим, просидев у них долго, возвратились мы ночевать в Калединку уже ночью.

Наутрие не успели мы встать, как сказывают нам, что жених приехал. Он заехал к нам уже от невесты для соглашения о том, где быть венчанью и прочему.

Условились, чтоб венчаться им в ближайшем оттуда селе *Березовки*, чем в особливости были довольны все наши барышни, ибо чрез то могли и они все церемонию сию видеть. И как свадьбе положено было быть наутрие, а ввечеру сего дня надлежало отпускать в город к жениху приданое, то, проводив жениха и отобедав, спешили мы ехать для отпуска онаго в Мухановку.

Но сколь удивление наше было велико, когда мы, приехав туда, нашли странную комедию и обеих хозяек в превеликой ссоре. Дочка не знаю что-то неугодное молвила своей матушке, а матушка вспылила и на дочку оборвалась-таки совсем: мечет, и рвет и проклинает ее в тартарары.

Мы все стали в пень и не знали, что делать; время было уже гораздо за полдень, надобно было еще много убирать и укладывать, а вместо того хозяйки вздумали здорить и браниться. Мы говорить, чтоб они все сие оставили и что теперь не такое время, но у хозяюшек наших ушей нет. Одна пыхает, и взад и вперед ходит и дуется, а другая и в ус не дует. Досадно нам сие ужасно было всем, но пособить не знали чем. То возьмусь я, то тетка жены моей, то моя теща обеих их уговаривать, но они никого не слушают. Наконец говорю я, зачем же мы приехали и что нам делать, не лучше ли подать лошадей и домой ехать?

Сим несколько мы их устрашили, однако не могли они скоро усмириться и не ладили до тех пор, как приехал брат тетки жены моей, Василии Васильевич *Арсеньев* с женою. Тогда-то, по увещанию моему, старуха мать поутихла и тогда только начали убирать, укладывать и отпускать приданое, что все порядочно и произведено было в действо.

Приданое отправили мы на трех цуках в возках и на двух санях и уже в самыя сумерки. Сами же, посидев тут несколько, поехали ночевать в Калединку, ибо оная была только версты две от Мухановки.

Наутрие 7-го числа февраля, как в день назначенный для свадьбы, начали мы уже с самаго утра готовиться и собираться, и я с г. Арсеньевым имел дружеский спор о том, кому из нас обоих быть отцом посаженным у невесты: он упирал на меня, а мне хотелось, чтобы он был.

Итак, принимались мы раз пять спорить и кончили тем, что согласились кинуть жеребий или помериться. Итак, досталось ему, чему я очень был рад, равно как предчувствуя, что после тем буду более еще доволен.

Пообедавши дома, поехали мы все в Мухановку, и там товарищ мой г. Арсеньев заспорил было опять и не хотел принять на себя коммиссии быть отцом посаженным; но как приступили к нему как к старейшему против меня о том все с просьбою и сама невеста просила его о том убедительнейшим образом и даже со слезами, то согласился он наконец взять на себя сию ролю.

Не успели мы сего кончить, а боярышни убрать невесту, как перед вечером прискакал к нам алексинский подьячий с известием, что жених с поездом к церкви уже отправился и велел нас просить, чтоб и мы приезжали скорее и невеста подписала обыкновенный обыск.

Тут напало на нас с господином Арсеньевым новое горе по обстоятельству, что брак сей был для нас несколько сумнительным; жениху случалось когда-то с невестою нашею крестить и они были кумовья между собою, а потому ни один поп не отваживался венчать их.

Жених принужден был для сего ездить нарочно к архиерею в Коломну просить разрешения, и архиерей по просьбе его хотя и дозволил, однако указа не дал, а было только письмо от секретаря консисторскаго; в обыске же было сказано глухо, что никакого родства противнаго правилам святых отцов не было, и надлежало оной не только жениху и невесте подписать, но засвидетельствовать и всему поезду, следовательно, и нам; но нам сего учинить не хотелось, потому люди мы были посторонние и нам не

хотелось ввязываться в дело, которое могло возыметь какия-нибудь последствия. Итак, согласились мы упорствовать до самой крайности и подписаться разве тогда, как будет требовать того уже самая необходимость.

Изготовившись совсем, поехали мы все к церкви, которая была их приходская, и приехали к ней почти уже ночью. Жених с поездом своим нас тут давно уже дожидался, а сие и послужило очень много в нашу пользу, ибо за поздним временем шуметь и спорить было некогда и мы нашли попа уже в облачении, который при нас тотчас и вышел и начал свое священнодействие.

Нам сказывали, что поп сей хотел было дать тягу и то-то бы удивил, если б сие сделал, ибо свадьба бы тем разорвалась или принуждено б было отложить ее до Фоминой недели.

Он, сочтя время, что свадьба скоро будет, и пред самым тем сел в сани и куда-то поскакал уже, но, по счастию, попался в глаза женихову поезду. Воевода алексинский, бывший тут предводителем, тотчас его остановил и, посадя к нему на сани своего человека, привез к церкви, и не знаю уже, как-то они его уговорили, чтоб обвенчал, но как бы то ни было, но при нас никакого спора не было и мы очень рады и довольны были тем, что избавились от подписки.

Церковь и весь погост набит был смотрителями. Село сие было монастырское и думать надобно, что в церкви у них никогда еще такой свадьбы не бывало, почему и собрался весь народ для смотрения сей церемонии; а немало было и дворянства в церкви.

С жениховой стороны был помянутый воевода *Тиличеев* и с ним еще господа: *Корсаков, Селиверстов, Безсонов* и еще некоторые; а с нашей – мы с г. *Арсеньевым* и множество боярынь, отчасти бывших в поезде и провожавших невесту, отчасти приехавших смотреть, ибо как разстояние было не велико от Мухановки и Калединки, то ездили к церкви смотреть и все девушки и девицы. Одним словом, свадьба была великолепная.

Ночь уже совершенная наступила, как окончилось венчанье и для того зажжены были факелы и поехали с оными. Ехать нам до Алексина верст 15 или более, и мы принуждены были ездою своею несколько поспешать, чтоб не опоздать слишком.

Мы увидели город Алексин за несколько верст; зарево от зажженных огней, которыми он освещен был, видно было уже издалека. Чем ближе мы подъезжали, тем светлее было нам ехать, и я признаюсь, что любовался

сим родом неубыточной иллюминации, состоящей в едином зажигании разстановленных по дороге смоляных бочек.

Дом женихов можно было почесть наилучшим во всем этом недавно выгоревшем городе и нас встретили с валторнами.

Мы нашли уже тут, по обыкновению, все в готовности и сели тотчас за стол. Принимал молодых некто бригадир *Веригин*, который, будучи у жениха отцом посаженным, и играл при столе первую ролю при обыкновенных свадебных обрядах.

Отужинавши, пошли мы, по обыкновению, за сахары, и тут, выпив по чашке кофею, распрощались с невестою и боярыни увели ее от нас; а вскоре после того, проводив туда и жениха и пожелав ему счастливой ночи, поехали мы тотчас прочь.

Для ночевания назначена была нам заблаговременно квартира в доме городского офицера *Золотова*, и хотя ехать до него было очень недалече, однако мы все впрах настращались.

Проклятая речка и ужасно крутая вершина Мордовка, которую нам переезжать надлежало, была тому причиною. Съезд был очень дурен, к тому ж дорога так осклизла, что людям держать возки никак было не можно и повозки катились, как некованныя.

К вящему несчастью дорога была коса к буераку и потому возки наши чуть было не извалились в самую пропасть и мы все впрах перекричались. Со всем тем переправились мы благополучно и, приехав к Золотову, расположились тут ночевать, нашед тут уже и мать невестину, приехавшую после нас из Мухановки.

Сколь порядочное было свадьбы нашей начало, столь, напротив того, окончание оной соединено было с некоторыми замешательствами. Во весь последующий день все как-то у нас не ладилось. Поутру приезжал к нам, по обыкновению, молодой благодарить тещу и звать всех нас к себе обедать.

Мы, дождавшись перваго часа, и поехали себе благополучно, но крайне удивились, не нашед в доме у молодых никого с жениховой стороны.

Жена товарища моего, г. *Арсеньева*, будучи боярынею умною, но в таких случаях очень щекотливою и с наровою и игравшая роль матери посаженной, сочла то великою обидою и презрением ее и всей нашей стороны.

Но подлинною причиною было то, что госпожа бригадирша Веригина, как знаменитейшая с жениховой стороны дама, изволила занемочь и не

хотела на княжой пир ехать; а для ей не поехал и ее супруг, а для сего не ехал и воевода, и как чрез то весь свадебный пир разстроивался, то молодой принужден был ехать еще к ним и упрашивать убедительно, и насилу уговорил. Они приехали все, кроме одной бригадирши.

Г-жа Арсеньева не могла утерпеть, чтоб не изъявить чувствительности своей жене воеводской, как второй даме, но тем дела не поправила, а подала повод к дальнейшим дамским сплетням и к тому, что и воеводша делала ей некоторые выговоры.

Со всем тем обед происходил порядочно, но после обеда бригадир ушел от нас, ни с кем не простившись, а за ним принужден был ехать и воевода.

Однако сей опять возвратился и переезжал во весь день взад и вперед, то домой, то опять к нам и так было во весь день как-то не очень весело, и мы затевали сами скоро после того ехать и велели уже подавать лошадей. Но молодые и воевода упросили нас остаться ночевать и мы хотя долго отговаривались, но наконец согласились, а не успели мы остаться, как и начались у нас танцы.

Случившийся тут какой-то капельмейстер играл на скрипке, и мы с воеводшею и прочими танцовали, и протанцовали часу до десятаго. Однако я танцовал не гораздо много по причине, что отвлекало меня нечто другое и любопытнейшее.

Я нашел тут одного офицера, приехавшаго только что из главной армии в отставку, и я с ним наиболее занимался и говорил об армии и военных тогдашних происшествиях и обстоятельствах.

Напоследок имела наша сторона опять некоторое неудовольствие. Воевода не стал тут ужинать, но поехал домой для больной своей тетки, госпожи бригадирши, а с ним и все гости. Итак, остались мы почти одни, отужинали почти запросто и, переночевав в доме у молодых, на другой день ранехонько возвратились восвояси.

Сим образом кончили мы сие дело и сыграли тогда свадебку. Возвратясь же в Калединку и поездив кое-где тут по гостям, в середу возвратились в свой дом и успели захватить еще кончик Масленицы и препроводили достальную часть оной с друзьями и соседями своими очень весело.

Что касается до наших новобрачных, то жили они довольно хорошо и *Авдотья* наша *Андреевна* благоприятствовала нам и по замужестве также,

как и прежде, и нам не один раз случалось бывать у них в доме и ею, как уже хозяйкою, быть угощиваемым.

Но жизнь мужа ея, которому пособила она поопростать свои сундуки и карманы, недолго продолжилась. Чрез немногия годы после того он, по дряхлости своей, кончил жизнь, а жена его, слюбившись с некаким г. *Перхуровым*, вышла за онаго замуж; но сим вторым супружеством была не очень счастлива.

Наконец, как муж ее был племянником г. *Кашкину*, то это время, когда был сей тульским наместником, случилось и ей в Туле играть знаменитую ролю, и мы сами пользовались при сем случае ее благоприятством и дружбою. Но по смерти г. Кашкина лишилась скоро она и своего второго мужа и сделалась опять свободною, живет и поныне в своей Мухановке бездетною вдовою.

Возвращаясь теперь к повести моей скажу, что весь последующий за сим Великий пост и достальную часть нашей зимы провели мы нарочито хорошо и благополучно, и важных происшествий с нами почти никаких не было.

По обыкновению своему все мы в первую неделю говели, а потом начались у нас опять кое-куда разъезды и с друзьями и приятелями нашими свидании. Из сих в особливости достопамятно было свидание с живущим в Федешеве генералом Иваном Алистарховичем *Кислинским*.

Сей человек знаком был мне отчасти еще по Пруссии, где он в Мемеле был комендантом, а как он жил в соседне с г. *Крюковым* и сестрою тетки жены моей, то нередко случай доводил видать нам жену его с дочерьми в сем доме, у которых всегдашнею ласкою, оказываемою к моей теще и жене, были мы всегда довольны.

Но со всем тем до сего времени не было у нас с его домом короткого знакомства, а в сей раз случившаяся небольшая нам до него нуждица побудила нас к нему ехать и подала повод к сведению с ним ближайшаго знакомства.

Нуждица помянутая была особаго рода: в самом близком соседстве у него была у нас жены моей деревенька, общая с разными другими помещиками, и в ней купленное у одной госпожи давно, и прежде еще женитьбы моей, одно усадебное место, но не получено было на нее порядочной купчей, а было только своеручное письмо. А как помянутому господину Кислинскому случилось незадолго до того купить у оной госпожи всю ее

часть, то опасались мы, чтоб не вышло у нас с ним о помянутой усадебной земле, на которой сидел у нас уже крестьянский двор, каких-нибудь неприятностей, и мы все очень тем озабочивались и решились съездить к нему и, признавшись откровенно в неимении еще купчей, поговорить с ним о сем смутном обстоятельстве.

Г. Кислинский принял нас очень ласково и благоприятно и поступил в разсуждении онаго дела так, как только можно было требовать от умнаго, честнаго и добраго человека, и уничтожил все наше сомнение искренним уверением нас, что он никакой претензии на нас иметь не будет и обезпечил нас с сей стороны совершенно, чем мы очень были довольны. И с сего времени началось у нас с его домом ближайшее и то знакомство, которое после обратилось не только в дружество, но и родство самое, как о том упомяну я в свое время.

Впрочем, с началом Великаго поста проводили мы ближайшаго нашего соседа и меньшого нашего двоюроднаго брата опять на службу в Петербург, и он поехал с тем намерением, чтобы ему иттить в выпуск, чего, однако, мы ему не советовали.

Таким же образом поехал было в Петербург и другой наш сосед, *Матвей Никитич*, но, доехав до Москвы, раздумал и возвратился назад.

Между тем во все праздное время не преставал я продолжать заниматься литературою, и как к писанию сделал я уже привычку и час от часу находил в том более удовольствия, то и в сие время многие дни и часы употребил на сие упражнение.

Я переписал и отослал в Петербург шестое свое экономическое сочинение – «О картофеле и делании из него муки», продолжал сочинять «Наказ управителю», собрал и умножил знатным числом некоторыя сочиненныя до того нравоучительныя правила и составил из них особую книжку, а другую под именем «Театра куриозностей» составил из разных записок о всяких известных мне хитростях и любопытных вещицах и старался всем тем укомплектовать мою библиотеку и довесть ее до 700 книг, в которое число недоставало только немногих.

Впрочем, достопамятно, что около сего времени получил я первоначальную мысль о написании систематической книги «О благополучии человеческой жизни», от которой мысли впоследствии времени и имел мой «Путеводитель» свое происхождение.

С другой стороны, занимался я цветочными произрастениями. Охота моя до них увеличивалась с каждым годом, и как многия из них содержались у меня в зимнее время в горшках и некоторыя были мне не коротко еще известны, то доставляли и они мне не одну приятную минуту, а особливо при своем разцветании, котораго иногда дожидался я с великою нетерпеливостию и получал при том удовольствие превеликое.

Но не прошел пост сей и без некоторых неприятностей. С одной стороны, напугала было нас моя теща, занемогши вдруг весьма сильно и так, что мы даже боялись, чтоб ее не лишиться; но, по счастию, продолжалось сие недолго, и мы успели помочь ей кровопусканием и разными другими средствами.

С другой стороны, досталось и мне на свой пай помучиться несколько дней сряду наижесточайшею зубною болезнию.

Болезни сей подвержен я был издавна и почти с самаго малолетства и редкий год проходил, чтоб она меня не посетила, но в сей раз она прямо, так сказать, вздурилась.

Все употребляемыя до того и мне известныя средства не хотели помогать нимало и я, не зная, наконец, что с ними делать, и, находясь от нестерпимой боли в самой крайности, согласился на совет, чтоб послать на Ченцовский завод к одной старухе, о которой меня давно уже уверяли, что она лечит зубную болезнь и отменно хорошо; но она удивила меня, сказав посланному, что для леченья надобно ей видеть месяц, а как тогда было туманно, то говорила она, что надобно мне будет помучиться еще дни два, покуда прояснится и небо будет чисто. Признаюсь, что такого рода лечения я до того еще и не слыхивал, а особливо дивился тому, что она хотела лечить меня заочно; но, по счастию, сделавшаяся в щеке опухоль и прорвавшийся на деснах нарыв, пресек на сей раз мое страдание.

Наконец с приближающимся окончанием поста приближалось уже и окончание нашей зимы, бывшей в сей год очень дурною и непостоянною. Уже начиналися мало-помалу тали от прогревания солнца и появлялися первые герольды и превозвестники весны, то есть вешния птицы. И как для меня время сие наиприятнейшее во всем годе и я чувствую всегда отменную при том приятность, то и в сей год не упустил я воспользоваться теми приятными и восхитительными для меня минутами, какия может доставлять нам то блаженное искусство любоваться красотами и приятностями натуры, которому научился я уже так давно и в бытность свою

еще в Пруссии и которому обязан я безчисленными приятными минутами в жизни.

Итак, как скоро только можно было выходить в сад и на прекрасной горе моей посещать все обнажающиеся от снега холмики и бугорки, как спешил я уже на оные, приветствовал их всеми ласками, разговаривал мысленно и изустно с приближающеюся и наступающею уже весною, воображал себе все будущия ея разнообразныя прелести и утешался ими мысленно и душевно так, как бы уже существующими уже действительно, и продолжал утешать себя сими невинными увеселениями почти ежедневно.

Когда же наступила у нас половодь, бывшая в сей год у нас в последний день месяца марта, то утешениям моим конца не было. Я по нескольку раз в день выбегал на ребро прекрасной горы своей любоваться милою и любезною своею *Скнигою*-рекою.

Ни в которое время в году не бывает она так хороша и зрения достойна, как в сие половодное, а особливо когда случится быть половоди большой и дружной и такой, какая была у нас в сей год.

Превеликое разлитие вод ее и получение вида реки большой и быстрой; сплывание разнообразных, и где больших, где малых икр, или льдин, ея; сливание оных на местах мелких и узких; страшный шум, делаемый продирающеюся сквозь оныя водою; составляющиеся чрез то огромныя заводи и пруды, и паки вдруг уничтожающиеся от прорвания ледяного оплота; быстрое несение сих икр вниз по прорвавшейся воде; бегание ребятишек по берегам вслед оных и произносящих радостныя восклицания; ловление другими и старейшими людьми рыбы; радость и всеобщая суета прибрежных жителей, видимая с горы... представляли для глаз такие предметы, которым довольно насмотреться и коими довольно налюбоваться, а особливо в красный и ясный день невозможно. В сие время одни брызги, производимыя продирающеюся сквозь стеснившияся икры водою, представляют уже преузорочное для глаз зрелище!

Как с сею половодью окончился у нас и Великий пост и наступила у нас и весна и Святая неделя, то предоставив дальнейшее повествование о том, как мы ее проводили, письму будущему, теперешнее сим кончу, сказав вам, что я есмь и прочая.

(Октяб. 30-го дня 1805).

СВЯТАЯ НЕДЕЛЯ

Письмо 137-е

Любезный приятель!

День Пасхи праздновали мы, по старинному обыкновению, и так, как праздновали его наши предки.

Продолжавшаяся еще половодь и сделавшаяся от сошедшаго уже совсем снега повсеместная ростополь сколь многие не предполагала нам препоны к езде к своей приходской церкви, однако мы, все оные не уважив, и хотя с превеликим трудом и кое-как и кой на чем, поехали накануне еще сего дня в село наше и, переехав по сделанной на скорую руку на Гвоздевке гати, доехали еще туда засветло и, по старинному обыкновению, ночевав, хоть и с безпокойством, в доме у попа, отслушали заутреню вместе со всем народом, а потом и обедню; но от церкви переезжали уже реку в деревне, хотя вода была так еще глубока, что доставала по самыя дроги нашей коляски.

Отобедав с одними попами и отдохнув, провели мы сей день хотя одни, ибо никто из деревенских соседей к нам не приехал, но довольно весело.

Сперва уселись было мы со всею семьею играть в *кадриль*, но прекраснейшая погода выгнала нас скоро из хором. День случился тогда самый ясный и погода теплая и самая вешняя. Снегу почти нигде было уже не видно, и одни только вершины кое-где белелись. Напротив того, натура хотя и не начинала еще облекаться в зеленую свою одежду, и весна господствовала только в комнатах, однако, несмотря на то, все места представлялись уже очам в ином и приятнейшем виде.

Поля, имеющия сокрытую в недрах своих всю надежду земледельца, являли остаток прежней зелени своей и веселили сердце поселянина. Они, взирая на оныя, радовались духом, видя, по своему наречию, «корешок довольно надежный».

Любитель садов имел и мог уже находить тысячу предметов, ему увеселение доставляющих. Сие я довольно испытал собственною своею опытностью.

Как еще ни грязно было в садах, но не мог я утерпеть, чтоб все их не обегать и не посетить все любимейшия места в них. Они едва освободились только тогда от зимняго своего белаго покрывала и все, так сказать,

наперерыв друг перед другом призывали меня к себе и требовали, чтоб я каждое из них посетил и осмотрел, все ли целы, все ли здоровы и все ли благополучно перенесли всю минувшую суровость зимы жестокой.

Инде встречали собою зрение мое яблони и груши и веселили уже некоторыми признаками будущаго их в сей год изобилия цвета, а, может быть, и плодов самих. В другом месте должен я был пробираться к грядкам, имеющим в себе что-нибудь сокрытое. Я веселился, находя их в добром и надежном состоянии.

Одни только гвоздички, сии нежныя и чужеземныя произрастения, представились мне в несчастном и печальном виде. Хищные земляные зверьки похитили у них все их листья и повредили так, что они от того погибнуть были должны.

Напротив того, тюльпанные грядочки и места увеселяли собою дух и зрение мое. Сии ранния и прекрасныя произрастения, несмотря на всю еще суровость тогдашняго воздуха и невзирая на то, что никакая еще травка не начинала оживать, стремились уже вон, равно как изъявляя свое мужество и презрение всей будущей еще стужи и морозов.

Все они вылезли уже тогда из земли, сокрывающей в недрах своих луковицы их и коренья, и, свернувшись еще листочками своими, либо желтелись, либо краснелись.

Я не мог смотреть на них без удовольствия особливаго и обойтись без того, чтоб их, по обыкновению своему, не приласкать и с новым появлением на свет не приветствовать.

В других местах призывали меня к себе *розены* и *грецкие орехи*. Старание садовника раскутало их от духоты и освободило от зимняго покрова и защиты. Казалось, что все они веселились, начиная дышать опять свободным воздухом на просторе.

Инде звала меня к себе скороспешная *сиринга*, для утешения зрения моего своими раздувающимися уже почками, а в другом месте прекрасные первенцы весны и цветущие уже ягодки очаровывали собою мое зрение и заставляли веселиться. Одним словом, все уже начинало власно как помышлять о будущем своем великолепии и все производило любителю натуры садов и уединения приятное увеселение.

С другой стороны, по случаю тогдашняго праздника, весь народ казался погруженным в некоторый особый и невинный род веселия и удовольствия.

Там виден был старец, вышедший из своей хижины, в которой препроводил он всю зиму, как в заточении, бояся показаться на стужу. Он стоял, опершись на костыль свой, и глотал свежий и приятный воздух в себя и им власно как оживотворялся.

Инде играла молодость между собою и невинными утехами забавлялась. Повсюду видимы были небольшия кучки и круговинки[1] и малых и взрослых, катающих яйца или бьющияся ими. Самые такие, которые пережили уже большую половину века своего и приближались уже к старости, делали сообщество с ними и занимались с малолетними делом, которое не иным чем, как невинною игрушкою почесть можно.

У меня перед окнами была целая толпа сих веселящихся. Я велел для лучшаго увеселения их сделать им особливаго рода лунку[2], чем они крайне были довольны.

Самыя боярыни наши не могли усидеть сей день в хоромах, но вышли и в первый еще раз посетили сады мои, или места в них обсохшия.

Беседка моя на горе начинала уже быть обитаемою и лишаться пустоты своей, а ввечеру принуждены мы были кое-как сделать для них проход к круглым моим качелям в саду, и мы с ними обновили сие лето, покачавшись на оных.

С сего же дня начали мы и ужинать не при наемном свете, но еще засветло. Казалось, что и сие сопряжено было с некаким особым удовольствием.

Сим образом провели мы сей первый день Святой недели, хотя одни и без гостей, но довольно весело; из прочих же дней не было ни одного, в который бы не было кого у нас или мы у кого; и когда за распутицею не можно было никуда вдаль ездить, то переходили и переезжали мы из дома в дом своей деревни и употребляли все роды забав для удовольствия и увеселения своего.

Во вторник были у нас, по старинному обыкновению, образа и весь двор наполнен был народом, ибо тогда было еще обыкновение, что с образами хаживали не по утрам одним, а во весь день, и образа даже ночевали вне церкви и где случится, и народа всегда следовала превеликая толпа за оными; и как они в господских домах долго и по целому дню пребывали,

[1] Круговина, круговинка – кружок, сидящие в кружок.

[2] Лунка – ямка, в которую вкатывают мяч или шар; здесь – желобок, по которому катают яйца на Пасху.

то после угощения всех сих годичных гостей производимы были на дворах разныя игры и в разных местах катания яиц. И день таковой обыкновенно бывал очень весел.

В середу же были они у моего брата *Михаила Матвеевича*, и всех нас угощал он у себя, а в четверг происходило все сие у *Матвея Никитича*, и мы все были у него и также веселились; а в пятницу ездили мы с братом в Сенино, к Александру Ивановичу *Ладыженскому*, верхами, ибо ни на чем ином ездить еще было не можно, и вода так была еще велика, что мы с трудом и верхами переезжали; а оттуда проводил он нас до нашей деревни, и у нас во всех домах дня два праздновал; а сим образом нечувствительно и с удовольствием и провели мы всю сию неделю.

Между тем как мы сим образом время свое в праздности и одних увеселениях и забавах препровождали, натура была не такова нерадива, но, действуя и работая каждую минуту, в немногие сии дни произвела великую во всем перемену. Вся земля не только уже обсохла, но начинала уже и одеваться зеленью, во всех произрастениях начинал уже сильно действовать сок. Многия из них готовились уже распуститься и одевать себя листом, и как сие время было высочайшее и наиудобнейшее для вешней садки в садах, то по увеличивающейся с каждым годом охоте моей к садам горел я уже нетерпеливостию и вожделением, чтоб скорей прошли гулящие дни и можно было приняться за вешния работы и не упустить сего нужного, по весьма краткаго периода времени, тщетно.

И потому не успела пройтить и кончиться Святая неделя, как и принялся я за мои сады и как за чищение, охоливание и прибирание всего в них, так и за посадку в них разных дерев и кустарников, и занимался тем не только ежедневно, но почти всякий час и с такою ревностью, что не желал уже, чтоб в сие время кто-нибудь ко мне приезжал и отрывал меня от работ сих, почему ни в которое время так мало ни бывал я рад оным, как в сие; а того досаднее были мне случающиеся иногда в такие времена необходимыя отлучки от дома и разъезды по гостям.

В сих упражнениях и безпрерывных почти садовых работах препроводил я всю Фомину неделю и не отлучался почти никуда от дома, а отказывая напрямки всем призывавшим меня к себе.

Сие случилось в особливости с кумом моим г. Ладыженским; сему вздумалось прислать звать меня к себе в понедельник еще обедать. Присланный нашел меня в саду и только что разработавшего и не успел мне

посольства своего проговорить, как, захохотав, возопил я: «Статошное ли это дело, братец! Такое ли теперь время, чтоб разъезжать? Гуляют теперь одни только лежебоки и тунеядцы, а экономам теперь на минуту отлучаться некогда. Поклонись, братец, Александру Ивановичу и скажи, что ей-ей-де, батюшка, мне невозможно и недосуг, да ты и сам, мой друг, видишь, что я по самую шею занят делами и я ни для кого теперь не отлучусь от дома».

А сим образом отбояривал я нередко без дальних церемониалов и других; но никто мне так досаден не бывал, как наши госпожи боярыни, когда случалось, что они в нужныя такия времена подзывали куда-нибудь ехать в гости, и когда недоставало способов отклонить чем-нибудь таковыя езды и неблаговременные отлучки, а принуждено против хотения и для сделания им единственно удовольствия, бросая и покидая все, с ними ехать.

В субботу или в последний день сей недели, между прочими делами, имел я удовольствие обновить в первый раз новопостроенную в саду у меня и самую ту осьмиугольную беседку, которая и поныне еще, хотя уже на другом месте, существует.

Она поспела около сего времени совсем, и обновление маленькаго сего увеселительнаго храмика состояло в уединенном чтении в ней «Платоновой богословии», которая книга мне в особливости тогда полюбилась; вкупе с сим соединил я и увеселение себя тогдашними красотами натуры, которая час от часу становилась уже прелестнее.

Приятности весны умножались уже с каждым часом, все начинало уже тогда развертываться. *Смородина* была уже зеленехонька, в цветнике цвели уже самые ранние луковочные цветы, *звезды*; они цвели у меня еще в первый раз и я никогда их до того не видывал, и какая была для меня радость, когда я их нечаянно цветущие увидел.

Прекрасные маленькие голубые *гиацинтики*, цветки весьма любимые мною, готовы были также к разцветанию и вместе с прочими, также вылезающими из земли цветочными произрастениями, меня увеселяли; а погода случилась тогда такая хорошая и приятная, что я в сей день по нескольку раз посещал каждое место и не мог приятным вешним воздухом довольно надышаться и препроводил весь сей день на воздухе.

Но в последующий за сим день, напротив того, занят я был совсем другого рода и важнейшими суетами. Положено было у нас, чтоб в сей

день, по приглашению тетки жены моей, ехать в Калединку, но вдруг получаем мы известие, что будет к нам к вечеру г-н *Полонский*.

Сие нас остановило, а не успели мы, съездивши к обедне, отобедать, как сказывают нам, что едет карета. Мы не сомневались, что был то г-н Полонский, однако в том обманулись. Это были наши алексинские молодые, приехавшие к нам с свадебным визитом. Гостей сих мы давно уже дожидались и они насилу-насилу собрались к нам приехать. Они обрадовали нас своим приездом, но вкупе навлекли и хлопоты; ибо как они еще не обедали, то принуждены мы были суетиться о том, чтоб их скорее накормить.

Они сказывали нам, что вместе с ними хотел было к нам быть и алексинский воеводский товарищ, г-н *Солнцев*, человек мне совсем незнакомый, но о котором сказывали они мне, что он, наслышавшись много обо мне и читая сочинения моего книги, несказанное желание имеет со мною познакомиться и просил их, чтоб они меня с ним познакомили. Признаюсь, что сие приятно было мне слышать, ибо сие щекотило некоторым образом мое самолюбие и я таковому гостю очень бы был рад.

По накормлении моих гостей и посидев с ними, повел было я г-на *Ферапонтова* в свой сад для показания ему всех достопамятностей в оном; но не успели мы с ним в сад войтить, как, гляжу бежит ко мне от соседа моего Матвея Никитича слуга его *Самойла*.

– Что такое и зачем? – спросил я.

– Матвей-де Никитич приказал кланяться и донесть вам о своей радости, что Бог даровал ему сына.

– Слава, слава Богу! – возопил, обрадуясь, сие услышав. – Вот новая отрасль маленькой нашей фамилии; радуюсь душевно и дай Бог ему вырость великим. – Но как, братец, его назвали?

– Не знаю, – ответствует мне слуга. – Но дитя очень худ и приказали вас просить, чтоб пожаловали как можно скорее для принятия его от купели, послали уже и за попом давно.

Сие привело меня в превеликое нестроение; не хотелось мне оставить и просьбы родственника сего втуне и тем паче, что хотелось мне его тем обязать и одолжить, но нельзя было и гостя не бывалаго оставить. Но что делать, думаю я, что на меня не прогневается, а это нужда законная. Итак, говорю слуге, что буду, а прибежал бы он мне сказать, как поп придет.

Не успел я его отпустить и продолжал еще безпокоиться о том мыслями, как приходят ко мне в сад обоих братьев моих старосты требовать резолюцию о наемной их земле с несколькими человеками наемщиков.

Я, занят будучи иным делом, говорю им, что мне теперь не время с ними хлопотать и чтоб шли они к Михайлу Матвеевичу.

– Мы были уже у него, – ответствовали они мне. – Но братец занемог и очень болен и прислал нас к вам.

– Вот еще новость! – воскликнул я – давно ли он занемог?

– Со вчерашняго дня, и болен очень.

Что было тогда делать, принужден был прохлопотать и с ними несколько времени; но едва только я кончил сие дело, как прибегает без души опять Самойла и говорит, чтоб я пожаловал скорее, что поп уже пришел и дитя очень худ.

Что тогда оставалось делать? Я принужден был просить гостя своего, чтоб на мне не взыскал, что я на короткое время отлучуся, и как он сам меня к тому побуждал, то побежал я благим матом туда.

Я нашел там и действительно всех в великой горести и печали и дитя почти умершее, и как все было уже готово, то мы и начали его крестить с дочерью г-жи *Темирязевой, Прасковьей Васильевной*, случившеюся тогда у них в доме. Но я могу сказать, что крестины сии были со грехом пополам и я истинно не знаю, живого или мертваго ребенка мы тогда крестили.

По крайней мере, не видал я ни одного признака жизни, а говорили только, что он изредка будто рыгал, а дыхания не было; но когда в холодную воду его погрузили, то скончалось оно совершенно, не могши перенесть такого удара и поп совершил уже дальнейший обряд и миропомазание по единому уверению, что жилки будто бы еще бились, однако сего было вовсе неприметно, и дитя было мертво.

Таким образом фамилия и род наш умножился было в сей день новою отраслью, но и опять оной лишился. Мы тогда несчастье сие по молодости лет отцовых нимало не уважили.

Но мог ли я тогда вообразить себе, что отрасль сия была гораздо важнее, и что она была самая последняя на суку, поколение сего дома составляющего, и что с ребенком сим пресеклось все мужское поколение сего стариннаго и знаменитейшаго дома нашей фамилии, и все стяжание онаго перейдет со временем в посторонний и другой род и фамилию.

Произошло несчастье сие от того, что мать повредила себя, ездивши за три дни до того на тряских дрожках к Михайле Матвеевичу, и к тому ж пристала к ней жестокая горячка и она сама находилась тогда в такой опасности, что мы опасались о ея жизни.

Гости у нас в сей раз не ночевали, а поехали в Молино, и мы, проводив их, спешили навестить наших болящих; боярыни поехали навещать бедную родильницу, а мы с *Надеждою Андреевною*, моею племянницею, пошли навещать Михайлу Матвеевича, и нашли его действительно очень больным и не шутя занемогшим, и, по всем признакам, горячкою. Итак, оба наши соседственные домы посещены были тогда печалями.

Что же касается до г-на Полонского, то он к нам в сей день не бывал и мы прождали его напрасно.

Наутрие не стали мы уже далее отлагать езды своей в Калединку, но после обеда в путь сей отправились боярыни – все в коляске, а я, для лучшаго простора, в одноколке. Мы взяли в сей раз с собою и малютку дочь нашу *Елизавету*, которая в сие время уже все почти говорила, и это был первым ее выезд из родительскаго дома в гости.

Чтоб не скучно было мне ехать, то вздумал я дорогою делать дело, которое исполнить давно собирался, а именно вымерить наиточнейшим образом разстояние между моею деревнею и Калединкою, в которую мы так часто езжали; что я и исполнил и нашел, что она гораздо от нас далее, нежели мы думали. Мы полагали не более 18, а оказалось ровно 24 версты.

Образ измерения сего изобретен был самим мною, и как он самый легкий, неубыточный и удобный для всякого и без малейшей остановки в езде может в летнее время производим быть в действо, то и упомяну я об оном обстоятельнее.

Все дело состояло в том, что я вымерял обод задняго колеса моей одноколки вершками, и на число сие разделил число вершков в четверти версте; вышедшее из сего деления число означало, сколько раз долженствовало колесо мое обернуться в четверти версты, и как оно было 60, то, посадив мальчика за одно со мною, велел безпрестанно смотреть на колесо и, считая каждое обращение его, насчитывать 60 раз и тогда закричать раз, дабы я мог услышать и заметить разы сии ножом на палочке зарубкою; а чтобы удобнее ему было считать, то к одной спице того колеса привязан

был клочок красненького суконца, и как 4 зарезанных мною зарубки составляли версту, то и мог я видеть где каждая верста начиналась и оканчивалась и места сии замечать в уме своем.

Род измерения сего так мне полюбился, что я после того многия разстояния сим образом вымерял и измерял помянутым образом колесо у моей кареты, которое обращается еще медленнее и не более 55 раз в четверти версты, а вместо зарезывания на палочке загибал каждый раз на рогаточке, нарезанной из карты, какие употреблялись при играии в трисет. Для удобнейшаго же считания можно приделывать к колесу и пружинку, которая бы при каждом обращении щелкала.

В Калединке пробыли мы в сей раз не более одних суток, но, оставив тещу мою там, возвратились обратно.

Не успел я приехать, как мое первое попечение было распроведать о состоянии больных наших; но бедным им нимало не легчало, а становилось час от часу хуже. Оба они больны были жестокими горячками, свирепствовавшими тогда над многими в нашей деревне.

Обстоятельство сие меня очень смущало и огорчало и тем паче, что болезни сии были прилипчивыми; следовательно, и частыя посещения больных могли быть бедственны и опасны.

Однако, несмотря на то, я отваживался несколько раз посещать оных и в разсуждении брата моего очень боялся, чтоб он не умер; ибо скоро дошло до того, что принуждено было его исповедать и причастить, а наконец, сделался так труден, что особоровали его и маслом.

Но, по счастию, превозмогла еще болезнь его молодость и натура. Чрез несколько дней ему полегчало и он от болезни своей освободился, а выздоровела также и несчастная родильница.

К усугублению огорчений моих, в сие время получил я, вскоре по приезде моем из Калединки, еще одно печальное известие о кончине внучатного дяди моего, Захарья Федоровича *Каверина*.

Добрый и искренно мною любимый и почитаемый родственник, заслуживающий по добродушию своему лучшую участь, нежели какую он имел: препроводил всю свою жизнь в военной службе, дослужился наконец до полковничьяго ранга и, получив отставку, ехал уже в небогатый свой домишко и разогнанную безпутною и безпримерно злою женою его деревнишку провожать вечер дней своих в сельском уединении.

Но смерть пресекла дни его во время путешествия сего власно, как желая свободить его от тех безчисленных досад и огорчений, какия он мог бы иметь, живучи в деревне.

Но как бы то ни было, но как он меня искренно и много любил, то я очень сожалел о потерянии сего своего родственника, котораго праху желаю и поныне ненарушимого покоя.

Наконец и сам я подвержен был около сего времени двум опасностям: во-первых, чуть было сам не занемог горячкою и от того настрадался очень, но, по счастию, удалось мне опять чиханием не допустить болезнь до усиления, а прервать ее в самом начале.

Во-вторых, чуть было не выколол себе глаза, от чего спасла меня невидимо Всемогущая десница моего Бога.

Случилось сие в один день, когда производились у меня в саду многия работы: я, бегая для осматривания оных то в то место, то в другое, набежал однажды на конец небольшого, но остраго и сухого древеснаго сука так хорошо, что он воткнулся даже мне в лицо повыше брови и на палец только шириною от глаза.

Итак, не легко ль бы я мог потерять глаз, если б не отвратил сего несчастия от меня благодетельный и пекущийся о благе моем Промысл Господень? О, как благодарил я за то моего Бога!

Но письмо мое достигло до обыкновенной своей величины; итак, прервав на сем месте свое повествование, скажу вам, что я есмь и прочая.

(Октяб. 31-го дня 1805).

ВЕСНА

Письмо 138-е

Любезный приятель!

С месяцем маем наступила у нас весна совершенная, и как мы были все около сего времени совершенно здоровы, то, пользуясь хорошею и приятною вешнею погодою и частыми свиданиями с друзьями своими и соседями, провели мы всю первую половину сего месяца очень весело.

Я почти во все время сие не выходил из сада и занимался тысячами разных дел, сколько таких, коих требовала самая необходимость, а не менее происходящих от разных затей и новых каких-нибудь выдумок и предприятий, относящихся до украшения садов моих.

Наиглавнейшим из сих было приготовление места под фонтан, который чрезвычайно хотелось мне поблизости хором своих сделать. Но как назначал я место под него на берегу, подле самой находящейся пред домом на горе сажелки, то хотелось мне сделать к нему от дома спокойный и красивый вход и сделать бассейн его из дома видимым; но как для сего надобно было разрывать многоглинистый высокий берег, то и занимались мы несколько дней сею работою, которая кроме сего доставила мне и другое удовольствие.

Мы нашли в сей глине великое множество разноцветных и особых камушков, которыми я так прельщался, что набрал их целую коллекцию и сделался в сем случае натуралистом.

Но ничто так много не доставило мне удовольствия, как один выкопанный тут круглый кремень, в котором по расколочении его нашли мы пророс, или столь прекрасную кристаллизацию, что незнающим можно было почесть камушки сии гранеными брильянтами, на какие они и действительно походили.

Мы все не могли довольно налюбоваться ясности, чистоте, регулярности натуральных граней и самой игре сих блестящих камушков и начудиться сей игре натуры.

И как наковыряли мы и из внутренней пустоты кроме сего несколько десятков и из них некоторые были довольно крупны, а иные мелки, а из живущих на заводах у нас немцев случилось быть одному золотых дел мастером, то из любопытства и для достопамятности велел я из них сделать перстень, и оный был так хорош, что жена моя могла носить на себе оный, и мне очень было его жаль, когда чрез несколько лет после сего бездельники украли его у нас вместе с ларчиком.

Впрочем, до фонтанов я был такой охотник, и нетерпеливость моя видеть скорее у себя какой-нибудь была так велика, что мне вздумалось даже из единой, так сказать, резвости, между тем покуда помянутое место под порядочный фонтан готовили, смастерить себе маленький, миниатюрный и ничего мне не стоивший.

И как предпринял я сие в такое время, когда боярыни мои ездили в гости и употребил к тому не более двух часов, то не можно изобразить, сколь великий сюрприз сделал я им, моим хозяйкам и тетке жены моей, случившейся тогда быть вместе с ними.

Они не могли довольно налюбоваться им и надивиться моей выдумке и тому, что я успел в такое короткое время смастерить сию игрушку, в особливости же утешалась им моя племянница, и мы нередко сиживали вместе с нею и любовались хотя тонким, но нарочито высоким и прекрасным биением онаго.

Но не менее утешались им и все гости, бывшие у нас 9-го мая, как в день вешняго деревенского нашего праздника.

Сих против чаяния и ожидания моего съехалось со всех сторон и набралось такое множество, что я не мог поместить даже всех в моем зале, и принуждено было приготовить другой стол в побочной комнате, и как погода случилась тогда самая благоприятная, и они почти все у меня ночевали, то день и вечер и последующее даже утро препроводили мы отменно весело и занимались не только разными увеселительными играми, но и гуляньями в садах моих и качаньем на качелях в оном, и все разъехались от меня не инако, как с великим удовольствием.

Вскоре после сего случилась мне от дома моего отлучка и езда на несколько дней в такия места, где никогда еще мне бывать не случалось.

Имели мы одного, хотя не близкаго родственника жены моей, живущаго в калужских окрестностях, а именно г. *Карпова* Петра Михайловича.

Как он был человек не старый, очень затейливый и любопытный и к нам всегда очень ласкался, да и был у нас в последний раз о празднике, изъявляя при том усердное желание, чтоб и мы у него когда-нибудь побывали, то и решились мы к нему съездить, а особливо при случившейся тогда езды соседа нашего г. *Ладыженскаго* в тамошния места, для богомолья в *Калужку* к тамошнему явленному образу.

Сему образу хотелось давно и самим боярыням моим помолиться; и так было сие и с сей стороны кстати, к тому же убеждал нас к сему путешествию г. Ладыженский, хотевший ехать вместе с нами.

Мы отправились в сей путь 22-го числа мая, и как время сие было наилучшее и приятнейшее во всем годе и ехали мы целою компаниею и на дороге заезжали кое-куда в гости, то провели мы в езде сей хотя более недели, но без скуки и приятно.

Первый наш заезд был в Калединку. Тут застали мы еще обед, а после обеда хотели было ехать, но тетка убедила нас остаться ночевать и отпраздновать с нею вместе случившийся наутрие Троицын день.

Итак, мы тут ночевали, были в Никитине у обедни и, отобедав, на другой день поехали далее, и как ехать надобно нам было чрез Алексин, то намерены мы были в сей день ехать ночевать в городе сем у новаго нашего родни г. *Ферапонтова*.

Он был нам очень рад и старался угостить всячески; и как приехали мы к нему еще довольно рано, то и имел я случай познакомиться тут с помянутым г. *Солнцевым*. Он прибежал к нам тотчас, как скоро узнал о нашем приезде, и мы подружились с ним с перваго взгляда и провели несколько часов в приятных разговорах. Он был очень хороший, любопытный и такой человек, с которым не скучно было быть вместе.

Намерение наше было в следующий день отправиться, как свет, в путь свой далее; но не то сделалось, что думали: воспоследовала нечаянная и досадная остановка. Мы приказываем запрягать лошадей, а нам сказывают, что некого и что лошади наши все пропали.

– Как! – закричал я, встревожась чрезвычайно. – И куда они делись?

– Стерегли их ночью в лесу, – говорят мне, – и они отчего-то шарахнулись и Бог знает, куда брызнули все; не осталось ни одной.

– Ах какая беда! – возопил я. – Чтоб не распропали они еще у нас, и что нам тогда будет делать?

– Может быть и найдут, – отвечали мне, – побежали и поскакали повсюду искать их, авось-либо и отыщут.

Со всем тем горе тогда настало на всех нас, и мы не знали что делать; но, по счастию, около полудни их нечаянно нашли и привели к нам; а мы между тем отслушали обедню и принуждены были у г. Ферапонтова остаться обедать, и после обеда ходили смотреть построенную им каменную церковь и на колокольне часы, а после того не стали мы уже медлить, но, переехав под городом на пароме реку Оку, отправились в свой путь.

Мы ехали весь день и спешили, желая доехать в тот же день до г. *Карпова*, но за преужасными дурными горами не могли никак поспеть, а принуждены были ночевать на поле в колясках.

Поутру поехали мы далее и приехали к г. *Карпову* еще очень рано, однако его не застали дома, он только что уехал в Калугу; но, по счастию, жена его была дома и послала тотчас за ним.

Он возвратился к нам уже после обеда и был приездом нашим очень обрадован и старался нас всячески угостить.

Как с охотником до садов проговорили мы с ним наиболее об них, равно как и о других материях, и провели день сей без скуки, а на другой – спешили мы съездить в Калужку и Калугу и поехали туда так рано, что застали еще обедню.

Отслушав оную и отслужив свои молебны, пообедали мы подорожному в колясках и поехали из сего более славнаго, нежели знаменитаго села в Калугу.

Город сей, который я до того еще не видывал, показался мне и тогда довольно уже изрядным, и находилось в нем довольно каменных домов и ряды изрядные; но в сравнении с нынешним его состоянием был он тогда ничего не значащим.

Мы, искупив в рядах, что было нам надобно, зашли в девичий монастырь к одной родственнице нашей, г-же *Ходыревой*, с которою теще моей хотелось видеться и, просидев у нее до вечерень, поехали обратно в *Сварожню*, к г. Карпову, ночевать; ибо от него до Калуги было только 12 верст разстоянием, почему и успели мы приехать еще в сумерки.

Ввечеру сделал г. Карпов для нас потеху, и палил из своих пушек и кидал из мортир гранаты, и мы вечер сей провели очень весело.

В последующий день положили мы пуститься в обратный путь и отпросились у г. Карпова очень рано поутру. Он снабдил меня разными семенами и горшком с виноградом, и я приязнию его и ласкою был очень доволен.

Мы обедали на дороге в славных *Кошурских горах*, при берегах реки Оки, а к вечеру и довольно еще рано доехали до Алексина, так что я успел еще побывать у г. *Солнцева* и просидеть у него несколько часов.

Ночевали же мы опять у г. Ферапонтова, а на другой день поехали мы уже прямо большою серпуховскою дорогою; в свою деревню возвратились благополучно и довольно еще рано.

Не успел я сим образом путешествие свое кончить, как необходимость заставила меня, оставив и сады и все прочее, садиться за стол и приниматься за другое и важнейшее дело.

Мне насказали столько о приближающемся со всех сторон к нам межеванье, что я начал опасаться, чтоб не застигло оное меня не совсем еще к нему приготовившимся.

И как общее и действительное количество земли в наших дачах было мне еще не известно, то озабочивался я очень тем, что у меня не вся еще дача положена была на план и на оном измерена; в минувшее лето хотя обошел я и всю ее вокруг с инструментом, но как-то не успел я тогда положить все обходы мои на план, да и не знал, сомкнется ли он еще или нет.

Итак, ну-ка я приниматься скорей за бумагу, циркули и карандаши и оканчивать сие дело; ну-ка сидеть и трудиться над тем наитщательнейшим образом и не вставая с места, и трудиться так, что я в тот же день сие дело кончил и имел неописанное удовольствие видеть, что план мой сомкнулся наивожделеннейшим образом и через самое то оказалось, что самодельщина моя, домашняя астролябия, была хорошохонька и могла служить вместо лучшей аглицкой, чем я чрезвычайно был доволен.

Теперь осталось только огромный план сей разбить по обыкновению в треугольники и оные для узнания количества всей земли, измерить и исчислить; но сие сделать было не безделка, и я как ни трудился над тем, но в один день не мог того никак сделать, но принужден был сидеть над тем целых два дня.

Когда же дошло дело до общаго сложения площадей всех треугольников, то не могу изобразить, с какими разными и безпокойными душевными движениями производил я сие последнее дело.

Неописанная нетерпеливость мучила меня узнать: пример ли будет в нашей даче или недостаток? С коликим вожделением желал я последняго или, по крайней мере, того, чтоб дача была полная, с толиким страхом и боязнию опасался перваго; ибо известное то было дело, что при тогдашнем межеванье все дачи, имевшия примеры, подвергались безчисленным бедствиям и опасностям и сопряжены бывали с безконечными хлопотами, а напротив того, все имеющия недостатки – выигрывали. Словом, пример был мне так страшен, что я даже боялся и помыслить об оном.

Но увы! Чего я опасался, то и свершилось. Последняя черта черкнута, дело кончено, и роковой удар воспоследствовал и поразил меня так, что закипела во мне вся кровь, вострепеталось сердце и я остолбенел от изумления! Холодный пот прошиб даже все тело мое, и я несколько секунд не мог опомниться и собраться с духом.

Словом, оказалось, что дача наша была не только полная, но было в ней и множество еще примерной земли, и число оной простиралось даже до 400 десятин, количество, не составлявшее безделки, но весьма по не-

великости и всей дачи и чрезвычайно важное и такое, что в случае потерянния всего сего примера, могли б мы потерпеть неописанный убыток и во всем нашем хозяйстве страшную разстройку и даже разорение.

Что было тогда делать? Истинно несколько минут или паче часов, не знал я, что делать, как быть и что при таком обстоятельстве предпринимать лучше!

Наконец, по многом думании и гадании, остановился я на том, чтоб, во-первых, сокрыть важное сие открытие, буде б можно, во глубине одного только своего сердца; но как сего было никак нельзя сделать, то открыть тайну сию одним только разве моим деревенским соседям, как главнейшим в даче нашей соучастникам, да и тем не инако, как взяв наперед с них клятву, чтоб они никому того не сказывали, но сохранили б тайну эту в сердцах своих за свято.

Во-вторых, выдумывать заблаговременно все удобовозможные способы к удержанию за собой и спасению сего толь важнаго излишества земли и употреблять оные, смотря по будущим обстоятельствам межеванья, и так, как оныя требовать будут.

Вообще же всем сим приближающимся межеванием нимало не шутить, но, уважая оное по достоинству, иметь бдительное за всеми происшествиями око и сообразно с оными располагать всегда и свои меры.

Положив сие за нужное и необходимое, почел я приготовить сколько-нибудь к тому ж и обоих моих соседей, то есть брата своего Михаилу Матвеевича и Матвея Никитича, ибо третий наш сосед находился тогда в Петербурге.

И для того на другой же день после того пригласил я их обоих к себе и, затворившись с ними в своем кабинете для тайной с ними конференции, стал показывать им свой план и исчисление, и как они, любопытствуя, спросили:

– Что по оному выходит?

То сказал я им:

– Что, братцы, дело наше очень худо! Но я вам прежде не скажу, покуда вы не дадите мне святейшей клятвы никому того ни под каким видом не сказывать, что вы теперь услышите, и не давать и даже вида никакого, а всего паче не проговариваться о том перед людьми своими. Собственная наша общая всех нас польза необходимо того требует.

– Очень хорошо! – сказали они, удивившись такому преддверию. – Мы готовы в том поклясться и как вам угодно побожиться; но что ж бы такое было?

– А вот то, мои друзья, что предстоит нам при межевании превеликая опасность, чтоб не потерять нам превеликое множество земли! Дача наша не только полна, но вот, посмотрите, сколько в ней еще излишней земли и примера.

Сказав сие, показал я им смету и исчисление. Они ахнули, оное увидев, и говорили, что они никак того не ожидали и не поверили б, если б кто иной им о том стал сказывать.

– Но как нам быть? – спросили они потом. – И что делать?

– А то, – отвечал я им, – чтоб знать о сем надобно одним только нам, а от прочих скрывать то наизвозможнейшим образом, а напротив того, везде давать тон и твердить, что во всех наших дачах и пустошах недостаток еще великий. А между тем при всем будущем межеванье не дремать и не сморкать нос левою рукою, а употреблять все средства, какия только можно, к сохранению и удержанию своего примера. Но сие, пожалуйте, предоставьте уже мне, как более вас все межевыя дела ведающему; я верно не премину учинить все, что только возможно будет, и не упущу ничего из примечания, а вы мне только помогайте распроведываниями своими и делайте то, что я вам приказывать когда стану.

– Очень хорошо, братец, – сказали они мне, – мы готовы все то делать, что вы нам приказывать станете, и охотно вам во всем помогать, а постарайтесь только, пожалуйста.

Сим и подобным сему образом говорили мы на сем тайном между собою совете, и я, взяв с них клятву и настроив в чем было надобно, отпустил их от себя; но признаюсь, что не совсем был доволен тем, что они далеко не так важно вступились в сие дело, как того я от них ожидал, и, по малому сведению своему, межевых дел далеко не так уважали, как было надобно.

Но не успел настать последующий за сим день, как, гляжу, бегут они ко мне сообщать разные дошедшие до них уже межевые слухи; они разсказывали мне, что все наши соседи, по дошедшим до них слухам, грызут на земли наши зубы и хотят отхватывать у нас ее со всех сторон. Волостные, сказывают, ждут не дождутся межевщика, говорили они мне, и только и твердят, что хотят везде и со всеми спорить и отхватывать.

С другой стороны, сказывают, *Хитров* грызет зубы на наше *Щиголево*, а князь *Горчаков* на сих днях сам прискакал сюда для межеванья, и говорят, что и в ус не дует о том, чтоб уступить нам Неволочь, но говорит и твердит что-то о *Хмырове* нашем и будто не следует нам эта пустошь; а и прочие соседи, сказывают, также мурзятся[1].

Выслушав все сие от них, говорю я им:

– Вот видите, братцы, сами, какая страшная туча поднимается на нас, буде все то правда; однако страшен сон, да милостив Бог, и не все то перенять, что по реке плывет. Многое из сего, может быть, и неправда, однако и презирать совсем все слухи таковые не годится, и я благодарю вас за сообщение мне оных; а впрочем, поглядим-посмотрим, иному-то, может, и не удастся ничего сделать, а чтоб не наплясался и сам от кого-нибудь; шеи же и мы своей не протянем самопроизвольно!

Сим и подобным сему образом ободрял тогда я их, а сам в себе не то думаю; но слухи сии более меня тревожили и смущали, нежели могли они приметить. Словом, межеванье так меня озабочивало, что с сего времени у меня с ума почти не сходило, и я помышлял о нем более, нежели о чем прочем, и чисто за ним не шли и сады мои на ум мне.

Со всем тем как межеванье меня ни занимало, но мне предлежало другое еще и также необходимое дело: не окончен был еще сочиняемый мною «Наказ управителю» по желанию Экономическаго общества, и надобно было поспешить окончанием его, дабы успеть переписать его набело и послать в Петербург так, чтобы он туда мог приттить до наступления еще августа месяца.

Итак, по окончании помянутаго дела, принялся я за сие, и все остающееся мне от садов праздное время стал употреблять на оное.

В прибавок к сему навязались тогда на меня еще новыя и совсем посторонния хлопоты.

В Харьковской губернии и во всем тамошнем краю был тогда губернатором некто Евдоким Алексеевич *Щербинин*, самый тот, котораго с женою мы за несколько времени до сего познакомились и к ней, верст 12 от нас отстоящую деревню Якшино ездили.

Сему украшенному орденами вельможе и весьма доброму человеку, наслышавшемуся обо мне от жены своей, вздумалось препоручить мне

[1] От мурза – татарский князь. Мурзиться – злиться, сердиться.

сию деревню свою в смотрение и просить меня о принятии на себя труда иметь об ней попечение. О сем писал он ко мне уже за несколько пред сим временем, и как я тогда попримолк, то около сего времени получил я от него вторичное письмо, наполненное мне похвалами и убедительнейшими о том просьбами.

Что было тогда делать? С одной стороны, льстило сие моему самолюбию и было очень непротивно, а с другой – весьма мне не хотелось ввязываться в чужия дела и хлопоты, а особливо в тогдашнее время, когда и у самого все часы заняты были делами и недосугами многими.

Однако, подумав о том несколько и разсудив, что услугу оказать знатному такому человеку не худо и что, может быть, и сам он мне вперед годится, решился на желание его согласиться и вступил в сие надзирание над его деревнею. И как оное требовало, чтоб временно я лично езжал в сие селение и там входил во все домашния распоряжения, то в последующие времена я не один раз и бывал в сей деревне и занимался разными хлопотами, и г. Щербинин был стараниями моими очень доволен и, приезжая однажды сюда, благодарил меня очень за мои труды и полюбил меня много; но бременем сим отягощен был я не очень долго. Но смерть похитила у нас сего добраго генерала и почтения достойнаго вельможи, и ему не удалось ничем взаимно мне за хлопоты и труды мои услужить, и вся польза, полученная мною от него, состояла в том, что в бытность свою здесь поделился он со мною присланными тогда к нему из Харькова прививочными яблоневыми черенками, и я завел у себя сию породу украинских яблок; и как они получены были из Харькова, то и назвал их *харьковскими*, хотя, впрочем, называются они в торговле *титовскими*, а в *Туле – палцыгскими*.

С наступлением месяца июня имел я удовольствие видеть и вторую мою работу вчерне оконченною и «Наказ...» мой сочиненным, также обнять брата моего *Гаврилу Матвеевича*, возвратившегося из Петербурга. Я очень был рад, что подъехал он к сему времени и межеванью, и ласкался надеждою получить от него себе какое-нибудь вспоможение; ибо он был хотя моложе прочих, но рачительнее, проворнее и осмысленнее, нежели они оба. Я не преминул сообщить ему также свою тайну и взять с него также клятву о неоткрывании оной никому, и он дал мне ее охотно.

Не успело сего произойтить, как и коснулось уже дач моих межеванье, однако не здешних, а Калитинских, в Каширском уезде, и я принужден

был несколько недель ездить туда почти ежедневно и хлопотать по межеванью.

Ибо как межеванье никогда не приходило так дружно, чтоб вдруг началось и вдруг бы одним разом и окончилось, а ко всякой даче сперва по нескольку раз прикасалось только бочком, при обмежевании дач смежных и соседственных, и по окончании всех тех и нередко чрез долгое время после того доходила, наконец, и до ней очередь, и она обмежевывалась совершенно. То подобное тому случилось и с сею моею дачею: несколько раз межеванье оной начиналось и опять пресекалось, то есть при обмежевывании соседственных дач.

И как по известному мне в даче моей великому недостатку необходимость заставляла меня связать ее со всеми соседственными дачами спорами, то принужден был я всякий раз, когда ни прикасалось к моей даче межеванье, туда без души скакать, терпеть труды и безпокойствы, провожать на ветре и на жару многие дни и часы, и нередко в тщетном и всего досаднейшем пустом чего-нибудь ожидании; а потом хлопотать с соседями и межевщиками, заводить против воли и хотения со всеми соседями и единственно для того споры, что не откроется ли где в соседственных дачах примерная земля и недостаток мой не мог ли б награжден быть из оных, и в намерении, чтоб в противном случае от всех своих споров отказаться и оные паки уничтожить.

Извиняться в том пред соседьми необходимостью производить споры сии, нимало с ними не ссорясь и не браняся, а шутя и смеяся с ними и с межевщиком, который случился тогда быть человек очень добрый и мне знакомый, а именно самый тот г-н *Хвощинский*, с которым я имел уже дело и который был после в Тамбове губернским прокурором и мне всегда благоприятствовал.

И как межевщик сей давал во всем мне совершенную волю, и я делал, что хотел, то, проводив в сих разъездах, спорах и разных межевых хлопотах весь почти июнь месяц, отстал от всех других почти дел и впрах измучился.

Но чем бы, выдумали, награжден я был за все сии многочисленныя хлопоты и труды? – ничем иным, как только неизреченною досадою на самого себя, что я был, при всей бдительности своей, так неосторожен, что при сем случае, не узнав брода сунулся в воду, и всем тем дело свое испортил, или, по крайней мере, все хлопоты и труды свои потерял по-пустому.

Ибо действительно вышло наконец, что я все сии споры предпринимал по-пустому и без всякой для себя пользы, почему и принужден был все оные опять оставить и уничтожить, а остаться при границах прежняго своего владения и при всем своем оказавшемся недостатке.

Причиною всему тому была не столько ошибка моя, сколько одно особое обстоятельство, которое мне было в точности не известно и в заключениях моих о котором я ужасно как обманулся, да и не обмануться не мог никак по случайному стечению всего в сем деле.

Я вам в прежних моих письмах упоминал, что дача сия была у меня еще в прошлом году измерена, снята инструментом на план и аккуратно исчислена, и я не наугад заключал о своем недостатке, а казалось с достоверностью совершенною; ибо по крепостям моим следовало нам с соседкою *Марфою Маркеловною*, иметь земли на 100 четвертей, а ее и половины столько не было.

Но дача сия была как-то в старину разделена на две половины, и одна половина следовала нам, а другая другим двум гг. *Бакеевым*, Тихону Васильевичу и Силе Борисьевичу. Половинами сими и владели мы розно, да и писаны они в писцовых книгах половинами; итак, что иное можно было заключать, что и их половина была точно такая ж, как и наша, а особливо, когда при обходе своей половины, ибо их измеривать мне было не можно, видел я по глазомеру, что и у них столь же земли во владении, сколько у нас было.

Но что ж вышло? Не успел межевщик всю дачу нашу обмежевать, как по обыкновению стал требовать, чтоб все мы подавали ему о количестве следуемой нам по крепостям земли сведения...

Я тотчас свое приготовил, но как долженствовало его сообщить с таким же и от других господ Бакеевых, то посылаю я к поверенным их сказывать, чтоб они сведение писали или приносили ко мне свои крепости для написания оного.

Но как я вздурился от досады, когда они, явясь ко мне, сказывают, что им писать сведения своего не с чего; что у них крепостей нет, что они у их господ в Москве, что они много уже раз о присылке их к господам писали, но они все еще к ним их не присылали.

Господи, как мне тогда досадно было на сих господ их! Я хотя за верное полагал, что и по их крепостям надобно и в другой половине дачи столько

же быть сколько у нас, то есть 100 четвертей; однако надлежало в том удостовериться крепостями.

– Да что ж они там думают и спят? – закричал я. – И по сю пору прислать не могут, а кажется, Тихон Васильевич и сам еще сенатский секретарь и знает как это надобно!

– «Бог их знает!» – ответствовали поверенные мне.

Но как крепости их были необходимо надобны и надобны вскоре, то другого не нашел я, как написать письмо о том к Тихону Васильевичу и велеть послать оное к нему с нарочным человеком в Москву.

Но вообразите себе, что изволил господин сей написать в ответ о том к своим поверенным! Он предписывал только им, чтоб они ни в какие споры и ни с кем не входили (хотя сие было уже слишком поздно, ибо споры все были сделаны), о себе же говорил, что он ни с кем ссориться не хочет, а крепости-де привезет с собою мать его, которая нынешним летом в деревню будет.

Господи! Как я тогда взбешен был и как мысленно ругал г. Бакеева, не разсудившаго нимало того, что межевщику не ждать же было стать приезда его матушки, которая, Бог знает, когда еще с Москвы съедет, и до тех пор дела своего не делать.

Побранив и поругав его в мыслях, думал я, что другого не оставалось мне тогда делать, как, севши в коляску, скакать самому в Серпухов в межевую контору и там, из имеющихся в ней списках с писцовых книг выправиться самому, сколько четвертей в другой половине сельца Калитина, которая была у них во владении, дабы, удостоверившись в том, можно было смело и без крепостей подать сведение. Итак, не долго думая, велел я запречь лошадей и в Серпухов поехал.

Но не помню, чтоб когда-нибудь езда мне была так скучна, досадна и во всем неудачна, как в сие время; и первое было уже то, что я, за прибылою в реке Оке водою, с превеликим трудом чрез ее переправился и чуть было не перепортил всех лошадей своих, взводя на паром оных: так худа и опасна была пристань.

Далее, как в Серпухове надлежало мне дни два или три пробыть, то, приехав туда, не знал я где пристать; приставали мы в иное время всегда в женском монастыре у старушки, родственницы нашей, *Катерины Богдановны*; но в сей раз не хотелось мне ее собою отяготить и обезпокоить,

но и в другом месте я и не смел стать, боясь, чтоб она за то не осердилась, да и не знал где. Итак, пристал против хотения своего у ней. Я не застал старухи дома: у них в монастыре был тогда праздник, Иванов день, и она была в гостях у своей соседки. «Ну, то-то, право хорошо! – воскликнул я тогда, о сем услышав. – Я и позабыл, что сегодня праздник и что не найду никого ни в канцелярии городской, ни в межевой конторе, в которых обоих местах надобно было мне тогда побывать. И зачем это я сегодня сюда поехал? Но так уж и быть, когда переменить того не можно!

Повидавшись со старухою, пошел я наперед в канцелярию воеводскую и не нашел в ней ни собаки: один только часовой со шпагою да пьяный подьячий, спящий на лавке.

Видя, что тут выправляться о надобном мне деле и толку искать было не у кого, пошел я далее в межевую контору и думаю, что и там не лучшая будет удача. Однако я в сем мнении очень обманулся, и тут счастье послужило мне уже больше, почти ж все к неудовольствию одному. Я застал тут двух подьячих, но из которых один был самый тот, котораго б мне иском искать было надобно, ибо у сего самого и были те писцовыя книги на руках, в которых мне о Калитинской даче справиться надлежало. Обласкавшись с ним, говорю я ему:

– Не можно ли справиться с писцовою книгою об одной дачке?

– Для чего, и извольте! – сказал он и тотчас достал из сундука книгу и приискал мне по алфавиту Калитинскую дачу.

Но вообразите, сколь велико было изумление и смущение мое, а вкупе досада и неудовольствие мое, когда я тут против всякаго чаяния и ожидания увидел, что в помянутой другой половине сельца Калитина написано было не 100, а только 40 четвертей земли дачной! Я обомлел даже от сей неожидаемости и не хотел даже верить глазам своим.

«Боже мой! – возопил я потом сам в себе. – Что это такое? И какая ужасная ошибка, по незнанию сего, мною сделана! Теперь вижу я, что все мои хлопоты и труды деланы были тщетно и споры затеваемы и производимы были совсем по-пустому. Посему вижу я, что дача наша вообще полная и что нет в ней никакого недостатка, и вся недостающая земля не у чужих, а по всему видимому у внутренних соседей моих во владении находится. И мне, если хотеть, то у них ее отыскивать надобно и просить для сего на свой кошт землемера; но чего это будет стоить и не обойдется ли

она мне в куплю? А к тому ж, Богу известно, каким образом вошла она им во владение, и как никогда у нас с ними ни споров, ни челобитья не было, а владели и мы и они издревле спокойно, то почему знать, не сделано ли было между предками нашими, как ближними между собою родными, какой сделки или полюбовнаго между собою раздела и уравнения, а недаром ни от кого не было на них просьбы?»

Мысль сия казалось мне от часу вероятнейшею и побудила меня наконец воскликнуть: «А, когда так, то к чему мне нарушать покой праха моих предков и разрушать то, что они сделали и, может быть, клятвами то утвердили. Нет! Нет! Да не будет сего никогда! Лучше, хотя со стыдом, откажусь от всех споров и останусь опять при владении прежнем, нежели предприму что-нибудь во вред моим родственникам недальным и почтенным».

Сим образом говоря сам с собою в мыслях, и тем много досаду и смущение свое уменьшив, стал я далее выправляться о количестве дачной земли пустоши *Ермаковой*, ввернувшейся в средину нашей Дворяниновской дачи, принадлежащей соседу моему князю *Горчакову* Павлу Ивановичу, и при снимании и измерении наших дач само по себе измерившейся.

Пустошь сия мализною своею и известным уже мне наличным в ней числом земли наводила на меня сумнение, и я боялся, чтоб не было в ней недостатка и не претерпеть бы нам чего от оной в случае спора от Котовских, а посему и хотелось мне об ней также выправиться.

Но в какое изумление привела она и меня, когда, приискав ее, увидел я, что в ней надлежало быть земли действительно гораздо больше, нежели сколько по исчислению моему оказалось.

«Ахти! – говорил я сам в себе. – Вот и тут беда и открытие неприятное! Но о сем надобно мне помолчать и сокрыть тайну сию в одном своем сердце до поры до времени».

Получив так мало утехи в межевой конторе, и с опечаленным духом прошел я из оной к воеводе, и как он был знаком и мне был рад, то просидел я у него всю оставшую почти часть того дня.

Он жаловался мне, что его безвинно сменяют и переводят в Клин, и я изъявлял искреннее о том мое сожаление.

Наконец говорю я ему о своем деле и нужде, которая состояла в том, что нельзя ли ему освободить и отдать мне на росписку одного крестьянина моего, попавшегося по одному бездельному случаю под караул и со-

держащегося в его канцелярии; но он мне сказал, что сего им сделать не можно, а отошлют они его в Каширу и что там уж его на росписку отдадут и выпустят.

«Вот какая беда! И тут неудача! – говорил я сам в себе... Но нет, постой, пойду и повидаюсь с *Дьяконовым*; он мне знаком и дружен, и, будучи секретарем, делает, что хочет. Авось-либо он для меня это сделает». Воевода унимать меня ужинать, но я не туда. «Недосуг, батюшка, – говорю, – есть еще кой-какия нуждицы исправить».

Итак, распрощавшись с ним, и пошел от него, зашел в ряды, купил что было мне надобно и бегом почти побежал на ту сторону за Нару, к Дьяконову, для того, что было уже поздно и мне чтоб успеть приттить в монастырь прежде, нежели запрут оный.

Но иттить было неблизко, даль такая ужасная, а грязь и топь того больше. Насилу-насилу дошел до него, но не досада ли новая! Сказывают мне, что его дома нет. «Фу, какая пропасть! – говорю я. – Куда ни сунься, везде неудача! День же такой случись!.. Но нечего делать, иттить в монастырь и поспешать, покуда не заперли, а то и ночевать будет негде».

Однако я пришел довольно еще рано и нашел старуху, с готовым и накрытым уже столом, меня дожидающуюся. Я извинялся ей, что заставил ее себя ждать, но она, любя меня, мне то охотно отпустила.

Чтоб не обременить и не обезпокоить ее, то спать расположился я на дворе в своей коляске; но надобно ж было и тут произойтить еще одной досаде. Людцов моих догадало поставить коляску очень близко и подле самых лошадей наших, и сии проклятыя не дали мне во всю ночь спать: то и дело надобно было им тереться о коляску и меня будить. «О, проклятыя! – говорил и твердил я, просыпаясь раз десять. – На ту пору и вас здесь взгомозило». А услышав, что бьют на колокольне часы, и их ругнул, говоря: «Вот и вы еще тут же и власно как в запуски с лошадьми спать мне не давать согласились!» Словом, давно уже я такой безпокойной ночи не имел.

Проводив, или прождав кое-как ее, спешил я поутру ехать домой, но добродушная, милая и почтенная старушка, хозяйка моя, не хотела никак отпустить меня без завтрака, и я нехотя принужден был на то согласиться.

Приехавши же к реке, нашел я превеликую толпу народа и карет, телег и кибиток несметное множество. «Что такое?» – спрашиваю я, и мне

сказывают, что канат порвался, и затем остановка сделалась. «Господи! – говорил я. – Надобно ж и тут еще чему-нибудь быть!» И горе напало на меня превеликое; но как жданье на перевозе всего скучнее, то, увидев, что стоит почтовый паром, велел перевезть себя на оном, и приехал домой еще довольно рано.

Тут недолго медля, но в тот же еще день, потужив еще раз о тщетности своих хлопот и трудов, написал я общее сведение и отослал к поверенным в Калитино с нарочным, приказав им оное межевщику подать, и когда будет, по обыкновению, преклонять их к прекращению споров, охотно от них отказаться и, все их уничтожа, объявить, что мы желаем остаться при прежнем своем владении как спокойные дети отечества.

Не успел я сим образом сжить с рук своих калитинское свое межеванье и получив от него единственно ту пользу, что послужило оно мне хорошим межевым училищем, как принялся за другое давно начатое, но неоконченное дело, меня дожидавшееся, а именно: за переписывание набело сочиненнаго «*Наказа* для прикащика и управителя, каким образом управлять ему в небытность господина деревнями».

И как оный против чаяния вылился довольно велик и престранен, а предписано было, чтоб он помещен был не более как на шести листах бумаги, то принужден я был переписывать его как можно мельче, и имел немалый труд для умещения его в предписанные пределы и, приобщив к нему нужныя формы и таблицы для разных экономических записок, подписал вместо имени одним избранным из Священнаго Писания приличным к содержанию его стишком, а имя свое, написав на особой цидулке и запечатав оное в особом маленьком конвертце с надписанием на оном такого же девиза, спустил наконец сей корабль на воду 24-го числа месяца июня, то есть отправил оный в Москву к другу моему г. *Полонскому*, дабы он препроводил его далее по почте в Петербург, и остался в ожидании, что от него воспоследует, не заботясь слишком много о том, будет ли признан он лучшим изо всех или не будет, и удостоюсь ли я за то обещанного награждения или нет.

В сих обстоятельствах и происшествиях прошел весь июнь месяц, и как сей пункт времени приличен и к прерыванию сего моего нарочито увеличившагося письма, то покончу я оное, сказав вам, что я есмь и прочая.

(Ноября 1 дня 1805).

НЕПРИЯТНОСТИ

Письмо 139-е

Любезный приятель!

Теперь, продолжая мое повествование, дошел я до наидостопамятнейшаго периода времени во всей тогдашней моей первой деревенской жизни, а именно до того месяца июля 1770-го года, в который началось межеванье, и мы размежевывались с волостными или с деревнями, принадлежащими гг. *Нарышкиным, Льву и Александру Александровичам*; и как межеванье сие, по разным своим обстоятельствам и происшествиям, достойно подробнаго описания как для любопытнаго сведения вам, а более в пользу и в память моим потомкам, до которых сие дойтить может, то и разскажу я обо всем происходившем хотя не в такой подробности, как описал я в тогдашнем моем журнале, однако так, что можно будет получить о том довольное понятие.

Со всем тем как размежовка сия началась и производилась с нами уже в последних числах сего месяца, то наперед вкратце перескажу вам, что случилось в оной до того времени.

Месяц сей с самаго начала своего был как-то для меня неприятен и преисполнен некоторыми досадами и неприятностями. Еще в самый первый день онаго произошла у меня с семьянинками моими хотя небольшая и ничего не значащая, но крайне для меня неприятная размолвка.

Случилось это в самый обед. Не успели мы сесть за стол, как и начали они делать по домашним делам некоторыя взыскания и говорить: для чего по сю пору еще того, для чего другого было не сделано.

К таковым и на большую часть пустым и неосновательным взыскиваниям на мне сделана уже ими была за несколько времени равно как небольшая привычка. Однако я не много на то смотрел, хотя признаюсь, что они меня всегда трогали; но в сей раз показались они мне как-то досаднее, нежели в иное время.

Я не мог утерпеть, чтоб не промолвить нескольких слов, кои сочтены колкими, и за них разсерженность, и весь почти день провожден в слезах и безмолвии.

Мне было сие очень удивительно, ибо я далеко не столь великую проступку сделал, чтоб могла она их гораздо тронуть. Однако я жалел уже,

что и говорил; ибо мир и сладчайший покой и единодушие, каким мы всегда наслаждались, не столь мне неприятен был, чтоб похотел я нарушать его для причин столь маловажных.

Но как пособить тому было уже не можно, то возымел уже прибежище к терпению и хотел, чтоб все сие утихло само собою; а чтоб дать волю утихать сердцу, ушел после обеда в поле для точнейшаго осматривания одного оврага, или вершины, наводящей на меня при будущем межеванье великое сумнение, и который назывался *Грибовским* оврагом и разделял землю нашу в Хмыровской пустоши с волостною. И чтоб лучше обо всем потолковать, то пригласил иттить с собою и моих ближних соседей и обошел с ними всю оную пустошь.

Не успел я к не совсем еще успокоившимся боярыням моим возвратиться, как новое происшествие встревожило дух мой. Приходит ко мне прикащик г. *Казаринова* из Болотова, приехавший только из Тулы, и сказывает от него, чтоб я по алексинской моей деревне имел предосторожность...

«Ба, что это такое? – возопил я. – Не новыя ли какия там произошли проказы и не сделалось ли опять чего досаднаго?» Я расспрашивал человека, но не мог ничего узнать более.

Сие встревожило меня очень и тем паче, что я не знал, чего бы собственно и для него опасаться. Посоветуя о том с домашними, другого не нашли мы, как послать того же часа туда человека с известием и приказанием, чтоб остерегались сами, не ведая чего.

Между тем как сие происходило и сосед мой *Матвей Никитич* еще у меня находился, сказывают нам, что к нему указ из Каширы прислан и что солдат у его ворот дожидается.

«Слава Богу, – закричали мы. – Это, конечно, указ о твоей отставке и произведении в чин; поздравляем тебя, голубчик, побегай домой поскорее и сообщи нам известие!»

Он не сомневался и сам в том и тотчас побежал. Но что ж вылилось? Солдат пришел от него ко мне, и пакет был не к нему, а ко мне из Экономическаго общества с книжкою.

Но как я удивился, когда по распечатании увидел в нем не XII часть, которой я давно ожидал, а XIII с приложенным письмом, которым уведомляли меня, что посланныя мною в собрание сочинения о картофеле

апробованы и печатаются уже в XIV части, а о XII уже и не знал: не то она ко мне послана, не то нет, не то пропала.

Легко можно заключить, что присылка сия произвела во мне хотя не такую радость, как в первый раз, однако все была радостна и приятна; но помянутое замешательство не допустило мне удовольствие от того прямо чувствовать.

Однако в последующий день, хотя с трудом и некоторым для себя насилием, удалось всю бурю сию утишить и к вечеру возстановить опять прежний мир, согласие и спокойствие, чем и был я очень доволен.

Еще не успело после сего и двух дней пройтить, как новое происшествие всех нас огорчило и перетревожило. Все мы, встав, начали было сей день препровождать очень весело, как вдруг видим, что идет по двору чей-то чужой человек.

Надежда Андреевна, племянница моя, первая узнав, что был то их человек, воскликнула: «Ах, это наш человек из Кашина!» и власно, как предчувствуя предстоящую себе печаль, смутилась чрезвычайно, и не зная, что принесет ей сия неожидаемая присылка, бледнела и немела вся.

Она и имела к тому справедливую причину, хотя оной еще и не знала; ибо человек сей привез ей печальное известие, что отец ея, а мой зять Андрей Федорович Травин лишился жизни.

Нельзя изобразить, сколь много тронуло и как сильно поразило ее сие нечаянное и весьма горестное для нее известие. Облившись слезами, упала она без памяти и находилась почти весь день безчувственною.

Все наши утешения, все уговаривания и все, что мы ни говорили, не имело ни малаго действия. Она не слушала и не принимала ничего, не хотела ни пить, ни есть, и утопала только в слезах и воздыханиях.

Можно сказать, что известие сие и нас всех много перетревожило. Хотя по персональности нам и не очень было его жаль, потому что был он для них худой отец; однако сколь ни худо было сим несчастным детям при нем и сколь ни мало могли они от него какого добра надеяться, но без него обстоятельства для них сделались и того еще хуже.

Осталось тогда после его их три девки и все невесты, да брат по 13-му году; а сверх того, имели они на руках у себя его вторую жену и весьма недоброхотную для себя мачеху. Из сродников же ближе меня никого у них не было, но и я, будучи в такой отдаленности, что мог тогда с ними сделать?

Со всем тем видел я, что по всем обстоятельствам должен был тогда я иметь об них главную опеку и попечение; а сие самое и приводило меня в крайнее нестроение, и тем паче, что все соседи и тамошние их родные писали ко мне, чтоб я немедленно туда ехал защищать их от мачехи и оказывать им во всем свое вспоможение.

Я сам знал, что требовала того от меня самая необходимость, и конечно бы немедленно и поехал, если б, с другой стороны, не удерживали меня известныя межевыя обстоятельства; ибо при таких сумнительствах и при приближающемся столь скоро межеваньи можно ль было мне на час отлучиться?

Итак, все сие смущало меня чрезвычайно; а как, с другой стороны, и Надежде Андреевне, как старшей тогда из всех детей, необходимо надлежало тогда ехать скорее в свой дом для принятия на себя хозяйства, то не понимал я, как мне отпустить ее одну домой; а если б дожидаться ей до того, покуда минует межеванье, так было б сие очень долго.

Итак, по всему тому, не знали мы, что тогда делать, и весь тот день провели в смутных о том размышлениях и разговорах. Наконец положили, чтоб наутрие мне съездить к межевщику и осведомиться от него обстоятельнее, когда и скоро ли он нас межевать станет, и буде еще нескоро, то б ехать мне скорее в Кашин.

Итак, в последующий день, встав и одевшись поранее, поскакал я на Ведминский завод, где тогда межевщик наш имел главное свое пребывание.

Был то помянутый г. *Лыков*, молодец, любивший погулять, попить, повеселиться, а притом любивший набивать карман, и искусство сие разумевший довольно. Он занимался тогда формальным межеванием Нарышкинской волости и, начиная от Дурнева, обошел уже большую половину оной.

Я нашел его едва только проснувшимся и начал с ним тотчас о том говорить; но он не сказал мне ни того, ни сего, потому что он сам не знал, скоро ли он дойдет до смежства волостной земли с нами; а говорил только, что мне тогда никак нельзя отлучиться от дома и, что легко статься может, что недели чрез полторы он и до нас дойдет.

Услышав все сие и приехав домой, стал я с домашними моими думать, как быть и что делать. Препятствие, не дозволяющее мне отлучиться, было очевидно и неопровергаемо, и потому советовали и разсуждали мы более

о том. тогда ли нам отправлять Надежду Андреевну или ей меня дожидаться. Наконец положили, что отправить ее тогда ж и как можно скорее; а чтоб не одной ей ехать, то теща моя восприяла на себя труд проводить и отвезть ее туда, чем и был я крайне доволен.

Таким образом, собравши как могли скорее в путь и снабдив всем нужным, отправили мы обеих путешественниц сих в Кашин и лишились собеседницы своей, которою мы были очень довольны, да и она так было к нам привыкла и нас полюбила, что при отъезде не могла здешних мест без пролития слез оставить.

По отъезде их и оставшись только с женою, принялся я до наступления межеванья опять за прежние свои садовыя и литературныя упражнения; ибо по сделанной привычке не мог пробыть и одного часа без дела, а ходил либо в сады и там что-нибудь затевал, предпринимал и делал, либо садился за стол и в кабинете своем что-нибудь читал, или писал на бумаге. Но частые и безпрерывные почти приезды к нам около сего времени гостей делали мне в том великую остановку.

В сие время случилось мне видеть одного из знаменитейших соседей моих, а именно живущаго в смежном с дачами нашими селе Домнине г-на *Хитрова*, Николая Александровича. С сим человеком хотелось мне свести давно уже знакомство, но как жена у него была барыня светская, гордая, чиновная и особливаго характера, то боярыни наши как-то не охотно хотели между собою знакомиться и дружиться; почему и в сей раз не поехали к брату моему Михайлу Матвеевичу, у котораго Хитровым случилось быть и куда приглашены были и мы, а принужден был я иттить один уже туда обедать.

Я нашел в Хитрове человека очень хорошаго, разумнаго и охотника до экономии, и мы все время проговорили с ним не умолкая и разстались, полюбив друг друга. Я звал было его к себе, но он отговорился невозможностью.

Впрочем, во время сего свидания случилось у нас смешное происшествие. Взойди после обеда престрашная туча с громом и молниею. Хитрова жена чрезвычайно боялась грома, я также был не смельчак в разсуждении сего пункта; но при всем своем страхе не мог утерпеть, чтоб не смеяться, смотря на г-жу Хитрову и на странныя ее восклицания и крики при каждом разе, когда сверкала молния и гремел гром.

Что касается до предметов наших разговоров, то наиболее говорили мы о межеванье, к обоим нам уже скорыми шагами приближающемся.

Он был также землями своими смежен с волостными и сказывал нам, что слыша, что волостные везде, где ни межевались, производили со всеми соседями превеликие споры и у всех и дельно и недельно, а более наглевшим образом отхватывали себе земли, боялся и он также, чтоб они и у него не отхватили спорами чего-нибудь, так как они уже хвалились заблаговременно.

Все таковые слухи были для нас очень неприятны: мы заключали из того наверное, что межевщик ими очень позадобрен и что делают они все сие не по его ли наущению и позволению; ибо известное то было дело, что межевщики во всех таковых спорах находили свои интересы и пользовались от обеих сторон прибытками. Г-н *Лыков* же был нам с сей стороны очень подозрителен, ибо был он прямо на таковскую руку.

Впрочем, рад я очень был, от г-на Хитрова услышав, что он с нами спорить никак был не намерен, также что спорныя наши с князем Горчаковым урочищи есть упомянутыя и в его крепостях.

Что касается до сего другого и знаменитейшаго нашего соседа и давнишнего соперника, князя *Горчакова*, владельца сельца Злобина, то был он в сие время уже генералом и особа гордая, надменная и некакого страннаго характера.

Он прикосновен был дачами своими к нашим дачам в двух местах, а сверх того имел еще маленькое участие и в самых наших Дворяниновских дачах.

И как еще у отца его с покойным дядею моим *Матвеем Петровичем* было одно, многие годы продолжавшееся и по сие время еще нерешенное судное дело об одном куске принадлежащаго ему стариннаго леса, называемого *Неволочью*, в разсуждении которой покойный дядя отыскал как-то неоспоримыя почти доказательствы по живым урочищам, что оный принадлежать должен нам, и дело сие продлилось и не решено было единственно за чрезвычайною скупостью моего дяди; то князь, сын его и тогдашний владелец Неволочи, опасаясь опять возобновления сего дела, которое бы смертию дяди моего поостановилось и замолкло, и не сомневаясь в том, что мы будем спорить, нарочно для сего сам с Москвы съехал и жил в сие время уже давно в своем Злобине и на досуге вымышлял всякаго рода способы, чем бы нас повредить при межеванье, а паче всего острил

зубы на соседственную к нему нашу пустошь Хмырово и, как молва носилась, грозился как-то у нас ее отнять.

Со всем тем как он мне был знаком по службе и по Кёнигсбергу и был мне далеко не так страшен, как волостные, то хотелось мне с ним видеться; но как унизить себя пред ним и к нему ехать без приглашения не хотелось, то искал я случая увидеться с ним в общей нашей приходской церкви, что мне и удалось и еще в прошедшем месяце июне. И как свидание сие было у нас странное и отчасти достопамятное, то и опишу я оное так, как описал в тот же день в тогдашнем моем журнале.

Было сие 6-го июня, что я, услышав, что он будет к обедне, восхотел и сам туда же съездить не столько для богомолья, сколько для того, чтоб видеться с князем, будущим моим по межеванью соперником.

Признаюсь, что нетерпеливо хотел я видеть, как он со мною обойдется, а притом повеселиться непомерною его спесью и напыщением. Я действительно и ездил, и его превосходительство и княжеское сиятельство увидеть удостоился, и могу прямо сказать, что он прямой князь, бо все в нем замешано было на гордости и превозношении.

Уже и первое самое было то, что ему, по всему видимому, нас хорошенько у церкви проторить себя и ждать заставить; он соблаговолил не прежде как в 12-м уже часу возыметь свой великолепный выезд из сельца Злобина.

Собравшийся к церкви народ ждал, ждал, но наконец, наскучив, стал уже расходиться по домам. Брат Михаила Матвеевич, который, не спроса броду сунулся в воду, прождал его также часа два и, наскучив, уехал в Савинское к обедне.

Но меня он не обманул. Я, заключая наперед, что он рано не приедет и что, может быть, из пышности захочет нарочно нас проторить, поехал хотя в обыкновенное время, но, заехав к Матвею Никитичу, просидел у него до самаго того времени, как увидели едущего его по полю, а тогда поехал уже и я. Итак, князь был уже в церкви, как мы приехали.

Он стоял, напыщенный спесью, на моем месте; был до сего горд, был горд, а тогда уже из рук вон! Я стал позади его, и хотя он довольно мог слышать, что я позади его стою, однако он стоял, как столб вкопанной, и во всю обедню не только назад, но и на сторону не оборотился. Итак, мы с ним и не здоровкались.

Досадно мне сие неведомо как было, и я внутренно хохотал такой глупой надменности, и нарочно вопреки тому делая, не задирал его и ему не кланялся, а хотел видеть, что воспоследует далее.

Наконец, выходит поп с антидором; князь не пошел к нему и я также. Итак, не видались мы и тут с ним. И как казалось мне, то не хотелось ему и вовсе со мною видеться, ибо как скоро отошла обедня и молебен, то пошел его сиятельство прикладываться к иконам, дабы я между тем вышел из церкви.

Однако я не таков был глуп, а остался ждать, покуда совершит он свою набожную церемонию, которую производил он с такою важностью, что во время оной не взглянул ни однажды на народ и на меня. Но как кончилось сие, то необходимо надобно было уже нам видеться и ему иттить мимо меня.

Я поклонился ему по старинному нашему знакомству, а он первым словом спросил меня, ездил ли я в Петербург? Удивил он меня сим вопросом, ибо я такого страннаго нимало не ожидал.

– Нет, – сказал я ему, – у меня и на уме не бывало.

– Мне сказали – подхватил он, – да кто ж это ездил, Ладыженский что ли?

– Да, – сказал я. – Ладыженский ездил, и он вам небось сказывал.

После сего первого явления, спросил он меня:

– Что ты так худ стал?

– Никак! – говорю я. – А все таков же!

Третий вопрос был следующий:

– Где ты был, как я приехал? Мне сказали, что тебя не было дома.

– Да, – сказал я, – я ездил кой-куда на сих днях.

Сим весь разговор наш в церкви тогда кончился. Он остался с попом беседовать и брать просфиры, а мы вышли и остановились на крыльце. Он, вышедши, начал аллегорию говорить о нищих и расспрашивать чьи они, а я, увидев, что сошла между тем и княгиня, жена его, подошел к ней, по старинному знакомству, поцеловаться, ибо тогда обыкновение еще было целоваться.

Она по добродушию своему обошлась со мною очень ласково, спросила, все ли мы здоровы и благополучны и как увеселяемся деревенскою жизнью, и прочее, и я на все ответствовал таким же ласковым и благоприятным тоном.

Между тем с нетерпеливостию ожидал я, не пригласит ли меня князь к себе, однако у него и на уме того не было; а я тому был и рад, ибо в таком случае принужден бы я был к нему ехать. Таким образом кончилось наше свидание. Князь с помпою поехал домой, а мы также.

Далее, и кстати, разскажу вам еще об одном своем соседе, с которым я около сего же времени случайно познакомился. Был то живущим в деревне Дубачине г. *Селиванов*, по имени, Алексей Федорович.

О сем человеке наслышался я уже издавна, что он был мудраго и особаго характера, чрезвычайный охотник до собак, до птиц всякаго рода, имел весь дом наполненный ими и вел странную и уединенную жизнь. Ныне давно уже хотелось из единого любопытства его видеть, ибо, впрочем, как он ни к кому не езжал, то не лестно было и его знакомство. Но около сего времени, как случилось в селении у него стоять межевщику Хвощинскому, и мне надобно было у него побывать, то согласились мы с ним к сему чудаку сходить.

И что ж нашли мы у него? Вся передняя и довольно просторная комната наполнена была у него разного рода собаками: были тут борзыя, были лягавыя и разных других родов, и большия и малыя.

Все они подняли такой лай, от всех их была такая вонь, что мы принуждены были почти заткнуть свои уши и ноздри при прохождении сквозь сию комнату, боясь, чтоб не оглушить себя и не задохнуться.

За сею следовала другая, столь же просторная, но ничем не лучшая. Сия вся загромождена была несметным множеством клеток: иныя из них висели в окошках и в таком множестве, что затемняли собою всю комнату; другими унизаны были все стены; третьи висели с потолка; а иныя и крупнейшия помещены были в углах и в простенках, на полу и подле стен, и во всех их такое множество и малых и больших птиц, и производили они пением и щекотанием своим такой гром и шум, что не можно было слышать голоса говорящаго вблизи человека. А как и сии животныя не производили от себя благовония приятнаго, то не мог я, чтоб не пожать плечми и не подивиться человеку, провождающему жизнь в таковом многочисленном сообществе разных животных и обоняя всякий день ужасное зловоние, от них происходящее.

В самых комнатах хозяйских ничем почти было не лучше: они все были закоптелыя, мрачныя и наискучнейшия; а согласовались с тем и все приборы.

Сам хозяин был уже немолодых лет и жил также не весьма прибористо. Он принял нас ласково, угощал нас кофеем, но кофеем таким, какого хуже я отроду не пивал; а все сие в совокуплении своем имело столь мало прелестей, что мы рады-рады были, когда вырвались из сей вонючей и вредной атмосферы на чистый надворный воздух и, говоря между собою, не могли довольно надивиться образу жизни сего, впрочем, довольно достаточнаго человека, но о котором г. Хвощинский сказал такое слово, которое мне очень полюбилось; а именно он, говоря о г. Селиванове, сказал, «что, братец, у него ничего нет, да и самого его нет».

Но не сим, а совсем другим образом угостил у себя я сего любезнаго и добраго землемера, посетившего меня чрез несколько дней после того.

От меня совсем с другими мыслями он поехал, и могу сказать, что он мне не только тогда, но и многие годы спустя, когда случалось видать мне его в Тамбове, оказывал, как бы родной какой, всевозможныя ласки и благоприятствы.

Тогда же обязал он меня очень поданием мне многих искренних и дружеских советов в разсуждении приближающагося к нам межевания, и наставлениями как поступить при оном, ибо ему я во многом открылся.

От г. *Лыкова* же советовал он мне брать возможнейшия осторожности и всего меньше верить всем его ласкам, наружным благоприятствам и лебезенью; но не так отзывался о помощнике его, второклассном землемере г. *Сумарокове,* котораго хвалил он мне и говорил, что он малый добрый, знающий честь и благородство, и все сие, как нам после самая опытность доказала, была точная правда.

Наконец, скажу вам об одной смешной, но полезной выдумке, которую случилось мне около сего времени сделать.

Родилась у меня в сей год озимая пшеница очень хороша; но как посеяна она была близко подле усадьбы, то напади на нее воробьи и в таком множестве, что мы не знали, что делать и как их отогнать, ибо и стреляли, и чего не делали, но ничто не помогало: остервенились, проклятыя, и вред причиняли великий, и тогда выдумал я оное средство, а именно:

Я смастерил чучелы, похожия очень на живых летущих ястребов, сшив их из тряпиц и картузной бумаги и раскрасив под натуру. Сии чучелы поцепил я на длинных шнурах и распетлял между двух высоких тычин, так что они вид имели летения, и дал им в приделанныя когти по живому привязанному воробью; и как чучелы сии безпрерывно над пшеницею

колебалися ветром и казались летящими, то сие так устрашило воробьев, что ни один из них не посмел показать и глаза, и нам удалось сим образом спасти свою пшеницу.

Как вскоре засим и началось уже наше межеванье, то хотя бы и следовало мне приступить теперь к описанию всех происшествий, при том бывших, но как без предварительного уведомления, в каких обстоятельствах находились в сие время наши дачи, многое будет для вас темно и непонятно, то дозвольте мне наперед изъяснить вам оныя.

Обстоятельства наших земель были так спутаны и находились в таких замешательствах, что я со всем моим в межевых делах приобретенным знанием часто, при размышлениях об них, сам не знал, к чему пристать своими мыслями и которое из многих намерений выбрать и принять лучше и полезнее для желаемаго удержания оных за собою во всей целости.

Ибо как устрашал меня не один оказавшийся великой пример, но и во многих местах спутанныя и недовольно ясно в прежних писцовых книгах описанныя живыя урочищи и приметы, могущия послужить соседственным спорщикам в великую пользу, а нам во вред; то зная, что при тогдашнем межеванье весьма важны были и живыя урочищи и могли многим помогать приобретать себе земли, то, не полагаясь во многом на собственное свое знание, советовал о многих сумнительствах и с господами знакомыми себе межевщиками. Но как и их советы и мнения не о всех были одинакие и одни толковали так, а иные инако, так что иногда приходил я оттого еще в пущее замешательство мыслей. Наиглавнейшее состояло в следующем:

Все наши земли состояли, по несчастию, не из одной, а из осьми разных дач и пустошей, которыя хотя и были между собою смежны, но собственных границ между оными и того, до котораго места простиралась одна и с котораго собственно начиналась другая, того не только я, но и никто из престарелых здешних старожилов не знал в точности, а знали только вообще места, где которая лежала.

Но как все оныя сообщить в одну дачу никоим образом было не можно, потому что не во всех их равное число владельцев находилось, а в иных было их более, а в других менее, а все таковыя законами повелевалось не сообщать воедино, а размежевывать порознь; то и не знал я, где показывать им внутренния границы, да и идучи по окружной меже не видал, где показывать им началы и где окончания.

Собственная дача сельца нашего *Дворянинова* лежала на реке Скниге, по обеим оной сторонам, и была сама по себе очень невелика, и половина оной лежала по течению сей реки вправо или к востоку, а другая – по левую сторону, или к западу, и окружена была она отчасти своими, отчасти посторонними землями.

С западной и северной стороны окружала ее сперва церковная земля, а потом земля смежнаго сельца Котова. За нею и с восточной стороны примыкала к ней пустошь наша Хмырово, а за сею – волостная земля г-д Нарышкиных.

С южной же стороны и за рекою Скнигою и Гвоздевкою примыкала к ней пустошь наша Гвоздево, а за сею на запад земля деревни Трухиной или Болотовой.

Владельцев в сей даче было тогда пятеро: четверо нас да князь *Горчаков*, имевший в ней маленькую частичку... И в разсуждении собственно сей дачи не ожидал и почти не опасался я споров, ибо с волостными разграничивала нас на большую часть одна писцовая Яблоновская вершина, а с косовскими – писцовая же речка Трудавец. Однако как были прогалки и не по живым урочищам, то могли споры заводить с нами и те и другие.

Вторую дачу составляла помянутая пустошь *Хмырово*, простирающаяся от Дворяниновской земли в северную сторону далече, и даже до самой речки *Трешни* и за оную, и содержала в себе земли довольное множество.

Она окружена была со всех почти сторон землями чужими, и примыкала к ней сперва земля деревни Котовой, потом земля деревни Злобиной, самой той, где находился тогда владелец ее, горделивой мой князь *Горчаков*.

Далее за сею и за речкою Трешнею, приткнулась к ней концом земля деревни *Городни*, а за сею, и на великое пространство и даже до Дворяниновской земли, прилегала к ней боком земля волостная, отделяющаяся от ней отчасти живым писцовым урочищем, называемым *Грибовским* оврагом, отчасти полевою межою.

В разсуждении сей пустоши опасался я уже более споров как от волостных, так и от князя Горчакова по Злобину. Сколько слухи до нас доходили, то грозились волостные отхватить от нас бо льшую часть пустоши, утверждая, что будто бы Грибовской верх не тот, который мы называем, а другая вершина в этой же пустоши, по несчастию, находившаяся, и такое же точно положение имевшая, но лежавшая только ближе к Злобину.

Князь также твердил и хотел нас совсем из пустоши выгнать. А как владельцы в сей пустоши были самые те же, как и в Дворяниновской, и посему должна она была совокуплена быть с нею, то и наводило сумнение на меня то обстоятельство, что, в случае спора, могла и Дворяниновская дача подвергнуться опасности.

Третью дачу составляла пустошь *Гвоздево*, лежащая за речкою Гвоздевкою и прилегающая внутренними боками к земле Дворяниновке, Болотовской и пустоши *Голенинки*, а наружным боком к волостной земле и к речке Скниге или паче к заводскому Елкинскому пруду.

В сей пустоши находилось уже шесть владельцев и, кроме нас и князя, имел еще небольшое участие некто *Казаринов*, что после во владение досталось г-ну *Огаркову*, а потому и должна была она отмежевана быть особо.

В разсуждении сей пустоши, казалось бы, и не было причины опасаться мне споров, ибо она вся почти окружена была живыми писцовыми урочищами, а где не было их, там была видима еще старинная межа с прежними межевыми ямами; а сверх того, по сей пустоши имели мы на волостных законную претензию.

Помянутый их Елкинский заводской пруд запружен был на общей у нас с ними земле, и они за берег наш плачивали нам в старину по 100 рублей денег ежегодно; но как завод перевелся, то платить перестали, а пруд все остался существующим. Итак, можно было и нам с ними еще о пруде законно спорить, почему и был я с сей стороны почти спокоен.

Четвертую дачную землю составляла пустошь *Голенинка*, лежавшая за пустошью Гвоздевою в углу к волостной земле и прилегающая одним боком к ней, а другим – к дачной земле деревни нашей Болотовой, а третьим – к лежащей за ними нашей пустоши Щиголевой.

В сей пустоши хотя я и братья мои владения не имели, а имел только некоторое участие Матвей Никитич, главные же владельцы были *Казаринов* и *Ладыженские*, однако как и она связана была с нашими землями, то надобно было и об ней хлопотать.

Пятую дачную землю составляла помянутая и самая отдаленнейшая от нас пустошь *Щиголева*, лежащая по конец всех наших земель и боком к землям села Домнина, г-на *Хитрова*, а прочими боками своими примыкала к землям нашим деревни Болотовки и пустоши Шаховой, но где она с ними разграничивалась, того никто не знал и не ведал.

В сей пустоши владельцами были мы да *Ладыженские*; Казаринова же и князя не было. И как она нигде живых урочищ не имела и бок ее к Домнину был описан так двоесмысленно и неясно, что я как огня опасался спора от Хитрова и готовился уже уступить ему десятин 20, ежели б он заспорил.

Шестую дачную землю составляла прикосновенная к ней пустошь *Шахова*. Сия проклятая пустошь наводила на меня более всех сумнения и была главнейшим предметом всех моих стараний, вымыслов и забот.

Она лежала боком отчасти к Домнинской, а более к земле князя *Горчакова*, отделенной от ней речкою Язовкою. И как самое верховье сей речки было сумнительное, то от самаго того и произошел, лет за 15 до того, у дяди моего с князем Горчаковым спор и исковое челобитье о лесе его, называемом *Неволочью*, находящемся в верховье сей речки и прилегающем к сей пустоши и обширностью десятин до 60 простирающемся.

Сей спор, о котором упоминал я вам уже и прежде, не можно нам было никак оставить, ибо описанныя в писцовых книгах живыя урочищи и старинныя межевыя ямы, доныне еще видимыя, гласили явно и почти неоспоримо в нашу пользу.

Почему, хотя б мне, при открытом великом в землях наших примере, и не весьма хотелось сей спор при межеванье возобновлять и производить, дабы не приумножить тем еще большее количество излишней земли, которую и без того не знал я как сохранить; но принуждала меня к тому самая необходимость, ибо братья мои и слышать о том не хотели, чтоб от сего спора отстать и даже сердились на меня при едином намекании моем о том стороною.

Седьмую дачную землю составляла небольшая пустошь *Воронцова*, прилегающая к помянутой Шаховой одним боком, а другим – к землям князя Горчакова, деревни Матюшиной, третьим – к пустоши Ермаковой, принадлежавшей котовским с соседом моим Матвеем Никитичем, а четвертым – к землям деревни Болотовой.

Но как пустошь сия, отделенная от чужих земель хотя неоспоримыми живыми урочищами, принадлежала только тем же владельцам, как и Шахова, а именно нам и Казаринову, то и должна была по законам соединена быть с оною воедино.

Наконец, осьмою дачною землею была земля деревни нашей *Трухиной* или *Болотовой*, в которой было шесть помещиков, а именно: четверо

нас, Болотовых, да *Казаринов*, да *Ладыженские* и которыя земли лежали посреди всех наших дач, между Дворяниновскою, Гвоздевскою, Голенинскою, Щиголевскою, Шаховскою, Воронцовскою и Ермаковскою землею. Но, по всей ее окружности, неизвестно было мне, где находились ея точные пределы, а столько же мало знали о том и все наши старожилы.

Кроме сих 8-ми больших дачных земель, имели мы еще маленький клочок отхожаго Гвоздевскаго луга, лежащаго за нашею церковью подле речки Язовки и совсем от наших земель отделенную.

Вот в каких обстоятельствах находились наши земли. Я тысячу раз благодарил сам себя, что я все оныя снял и положил на план заблаговременно, с аккуратнейшею внутреннею ситуациею, и чрез то приведен был в состояние заблаговременно и на плане там внутренние границы и смежности всем оным землям назначить, где по разсмотрению моему было приличнее.

Что ж касается до помянутаго примера, оказавшагося при измерении на плане во всей даче или землях наших вообще, то намерен я был расчислить оный по пропорции четвертной дачи на все оныя земли и пустоши, дабы никому не было обидно, и все получили б в оном участие.

Но не так воспоследовало, как я думал и, заблаговременно располагая, на плане своем назначивал.

Но о сем разскажу я вам вперед в свое время; а теперь, как письмо сие уже увеличилось слишком, то дозвольте мне оное кончить и сказать вам, что я есмь и прочая.

(Ноября 5 дня 1805 года).

МЕЖЕВАНЬЕ

Письмо 140-е

Любезный приятель!

Приступая теперь, наконец, к описанию происходившаго межеванья, скажу, что начальное было только по прикосновенности, а не формальное наше, ибо формально межевалась тогда Нарышкина волость, а не мы, следовательно, и коснулось оно в сей раз до нас одним только боком.

Приблизилось оно к нам при обходе волости со стороны от Квакина, и волостные должны были размежевываться с пустошами нашими: Голенинкою и Гвоздевою, а потом с Дворяниновскою и Хмыровскою дачею... и дошло собственно до нас еще в конце июля месяца, а именно 22-го числа онаго.

Межевал нас с волостью помянутый землемер г. *Лыков*, человек, казавшийся по наружности очень добрым, к нам ласковым, дружелюбным и благоприятным; но как после оказалось, был он лукавый, скрытый, корыстолюбивый, безчестный и негодный человек.

Как мы с ним сделались давно и тогда еще знакомы, как он был далеко еще от нас, и он к нам очень часто езжал, и мы его во все это время поили и кормили, как добрую свинью, и всячески угощать и всем и всем служить ему старались, то и не ожидали мы никак, чтоб он посягнул на нас каким-нибудь злодейством и неправдами, и тем паче, что он всегда прикрывал себя непроницаемою личиною притворства и наружною к нам ласкою, благоприятством и усердием, и умел сие так хорошо делать, что я хотя и знал, что он угощен был досыта волостными, но побожиться бы за него был готов, что он никак не в состоянии, забыв честь совсем и все благородство, из бездельной корысти продать нас волостным и поступить с нами так бездельнически, как поступил он при тогдашнем случае.

Мы хотя всячески к нему ласкались и всегда старались ему всем, чем могли, прислуживать, однако как он за день до начала межеванья был именинником, то, не сомневаясь, что он в сей день сделает для нас обед и всех нас к себе позовет, изготовили было ему приличные к сему дню и добрые подарки.

Однако он сего не сделал, и не допустила его до того либо скупость, ибо жил он очень скупо, либо совесть, ибо в самое то время ковали они с волостными начальниками и поверенными злые против нас ковы и составляли всевозможнейшие ухищрения и замыслы ко вреду нашему. А посему и остались все наши подарки дома; что было и очень кстати, потому что они пропали б по-пустому и ничего бы в пользу нашу не подействовали.

Между тем как мы званья от межевщика дожидались, услышали мы, что волостные мужики все ходили около нашего Гвоздевского заказного леса, отыскивая какия-то ямы, посматривали места, где им иттить отводом при межеванье.

Досадно нам сие всем было, и мы послали того часа людей, чтоб их стараться изловить, как бы неприятельских подзорщиков и шпионов, а после обеда и сами туда с братьями поехали.

Не успели мы туда приехать, как сказывают нам, что поймали волостного мужика с нарубленным воровски в нашем заказе лесом.

– О! о! – закричали тогда мои братья. – Вот мы ему ужо дадим!

А я себе на уме:

– Не таково, не таково строго!

И в самом деле не знал, что с ними делать.

Ко мне как к главному всей нашей стороны начальнику представили его как пленника, и он только и знал, что валялся у меня у ног и просил помилования; что и было у меня на уме сделать, ибо я хотя и мог бы тогда поступить с ним, как с вором, и его не только жестоко наказать, но после отослать и в город, но, как я и в прочее время не такой был драчун и забияка, а тогда и подавно не хотелось мне раздражать волостных и тем более подавать на себя повода ко вражде, разсудил я его только постращать, будто бы хотим его сечь, а после отсылать связаннаго в город, а, наконец, оказал будто ему милость и, пожалев старости его, отпустил безо всего и не сделав ему никакого оскорбления.

Итак, 21-го еще числа июля, как накануне того дня, в который началось самое межеванье с нами, получил я от повереннаго моего, ходившаго всякий день при межевщике, уведомление, что межевщик уже подошел очень близко к нашей даче и наутрие будет межевать волость с Хитровым.

Сие нас всех перетревожило, ибо можно было заключить, что в этот день дойдет уже и до нашей земли. Итак, поднялись у нас сборы, хлопоты и кричанья: «Давай скорее лошадей! Готовь скорее есть! Собирайтесь все! Посылай работных! Вели везть столбы!» и так далее.

Мы все, Болотовы, будучи тогда дома, согласились выехать на межу: Матвей Никитич со мною на одноколке, а братья в своей, ибо тогда ни дрожек, ни линеек в употреблении еще не было.

Отобедав дома, поехали мы тотчас за Квакинский лес к *Пахомову*, где межа остановилась. Мы увидели уже издалека вехи и народ, однако его еще не было, а нашли мы тут г. *Хитрова*. Он вывез несколько возов столбов, и белых и черных, и окружен был народом. Волостные также его очень тревожили, похваляясь везде, что отхватят от него десятин тысячу, и он не знал, что с ними и делать.

Мы прождали межевщика часа полтора или более; он все пировал у волостного управителя, но, наконец, выехал и он и начал межевать.

Все ожидали, что будет тогда спор с Хитровым, однако против чаяния всех, пошли безспорно по старому владению, чем Хитров чрезвычайно был доволен, а, может быть, имел и причину радоваться.

Я, видя сие, сказал сам себе: «Вот со мною, проклятые, сим образом не разведутся! Но что делать? Так и быть!»

Подумав сим образом, пошли мы с братьями наперед к тому месту, где у нас с ними межа начнется, и стали их дожидаться, думая безсомненно, что они тотчас начнут с нами спор.

Но, по счастью, все поверенные и начальные люди волостные были пьяненьки и немного поспутались; а я умел воспользоваться сим случаем и отвесть их от зачатия спора в том месте, где мне было б очень худо, а для них полезно, и которое они немного прозевали.

По крайней мере, я был рад тому, что они первую линию протянули с нами безспорно. Тут, думаю я, что они начнут спор, однако, гляжу, идут они в другую и третью линию безспорно да и так еще, что несколько и из своего владения уступали.

Не могу изобразить, как доволен я был и как обрадовался было я толь благому началу, но радость моя продлилась недолго.

Уже на третьем пункте они остановились и, поставив веху совсем в нашем владении и далеко от рубежа, хотели было уже начинать спор. Но тут где ни возьмись дождь и пошел пресильный; а как самое то время и оба поверенные волостные что-то между собою не поладили и побранились, то и стали они просить межевщика, чтоб в тот день более не межевать и, остановив межеванье, дать им время одуматься, обещая, что они так, конечно, не пойдут, как они веху поставили.

Я не знал тогда, послушаться ли их просьбы или убеждать межевщика, чтоб он продолжал межевать далее. Однако, подумав, что, может быть, они одумаются, хотя было это и нестаточное дело, согласился на то, чтоб тут перестать.

Итак, прошли мы с ними в сей день только три линии и с полверсты, межуя еще только пустошь Голенкину с волостью, и межеванье отложено до понедельника, то есть до 26-го числа июля.

Я звал межевщика к себе, и он согласился ехать и, посидев у меня, заезжал к Матвею Никитичу, и мы оба старались его употчивать как можно

лучше и поили, как свинью; и между прочим проговаривали опять о береге прудовом, но он по прежнему обыкновению тянул все в сторону волостных и не входил нимало во все мои неоспоримыя и справедливыя доказательствы... Я досадовал тогда на сие внутренне и за особое несчастие себе поставлял, что получили мы в нем такого межевщика негодяя.

В последующее затем воскресенье, как накануне того дня, в который надлежало начинаться опять межеванью, вздумалось нашим боярыням всем, собравшись гурьбою, съездить к межевщиковой жене в Ченцово, где они тогда стояли, в гости, ибо она давно их к себе приглашала. Они уговорили меня ехать вместе с ними.

Самого межевщика мы не застали дома, он уехал в Саламыково к тамошнему прикащику пить; но жена его была дома, а скоро приехал и он, ибо она за ним тотчас послала. По лукавству своему притворился он, будто бы очень рад нашему посещению, а в самом деле желал лучше, чтобы мы к нему не приезжали.

Но как бы то ни было, однако он первым словом начал мне сказывать радостное известие, что накануне сего дня был в Ченцовской половине у волостных сход, что говорили на нем, как со мною разводиться, читали писцовыя книги и положили, чтоб со мною не спорить до самой реки Скниги.

Извещение сие обрадовало меня чрезвычайно, почему и сидел у него я уже повеселее; а вскоре после того подошел туда же и ченцовский надзиратель и поверенный беззубый *Лобанов*.

Тот также мне намекнул, что они авось-либо как-нибудь добредут до Скниги безспорно. Итак, я внутренно веселился сему отзыву и радовался, что Бог на разум их наставил: ибо для меня великая б была подмога, если б они со мною хотя б в одном месте не спорили. Напротив того, о саламыковском прикащике и поверенном другой половины сказывал мне межевщик, что сей неотменно со мною в пустоши Хмыровой спорить хочет.

И как сей спор был мне уже давно предсказан, то я о сем уже и не так тужил, ведая, что от сего прикащика как злого и пренегоднейшаго человека ничего добраго ожидать было не можно, и потому почитал сей спор уже необходимым.

Таким образом, находясь между страхом и надеждою, приехал я домой уже поздно, и сообща товарищам моим помянутое радостное извещение, обрадовал их тем чрезвычайно.

Уверение сие почитал я столь справедливым и достоверным, что как в последующий день начали мы собираться ехать на межу, то не велел я брать с собою и столбов черных, а повезти одни белые в надежде, что станут проезжать межи сохами, велел взять с собою и оныя.

Но прежде приступления к описанию самого межевания волостных с нами, разскажу вам обо сне, какой я в ночь сию видел. «Мне снилось, что я вижу у себя множество серебряных денег и, удивляясь новости и гладкости их, стал их обтирать и вдруг увидел, что они были фальшивы и натертые только ртутью». Проснувшись, удивился я сему сновидению и признаюсь, что поразился оным немало, ибо снам я хотя и никогда не верил и мало об них помышлял, однако было у меня как-то издавна примечено, что всегда, когда ни видывал я во сне деньги, последовали вскоре за тем и всего чаще в самый тот же еще день происшествия какие-нибудь важныя и неприятныя.

А в сей раз, желая лучше в том удостовериться, приискал еще в одной немецкой обо снах книжке деньги и увидел, что и тут сказано, что серебряные значут важныя и серьезныя дела, подумал, сам с собою говоря: «Вот какое вранье! Каким быть важным делам, когда волостные не хотят спорить!»

Однако последствие доказало, что сон мой сбылся наиточнейшим образом и не только в разсуждении виденных денег, но и самой фальшивости оных, как все то окажется в свое время.

Теперь, начиная повествовать о собственном межеванье волостных с нами, скажу, что не успели мы подъехать к Шестунихе нашей, как пастухи сказывали нам, что волостные прикащики с мужиками разъезжали во все то утро около Шестунихи и осматривали места в наших дачах. Известие сие привело меня в великое сомнение. «Кой же чорт, – говорили мы между собой, – уж не передумали ли они опять и не хотят ли начинать споры?» Товарищи мои в том почти уже не сумневались, а я сам хотя и был между страхом и надеждою, однако сумнительныя мысли пошли тотчас в голову.

Незнание, как они поведут, и опасение, чтоб не повели они в сумнительных мне местах так, чтоб несправедливый их отвод имел некоторое сходство с писцовыми книгами и чтоб мы не подверглись через то опасности потерять великое количество земли, и так, как бы повел я, будучи на их месте, меня очень тревожило.

В особливости же наводило на меня то обстоятельство сомнение, что в Гвоздевской нашей пустоши находились многии и разныя вершины, называющияся ныне совсем уже не так, как назывались некоторыя и порубежныя в древния времена. И как им можно было выбирать из них любыя и называть прежними названиями, то боялся я, чтоб они не выбрали такой, которая мне была опасна.

Сверх того, упоминалась в писцовых книгах одна порубежная дорожка, которой в натуре никакой не было, и я опасался, чтоб не назвали они ею большую проезжую дорогу, идущую от Елкина через всю Гвоздевскую пустошь и чтоб чрез то, с видом вероятности, не отхватили они у нас множества земли.

Словом, я находил столь многия и опасныя сумнительствы, что полагал уже предварительно в мыслях, чтоб в случае, ежели заведут они гденибудь опасный спор, то лучше уступать им иногда по небольшому количеству десятин, нежели допускать до большого спора.

Чем ближе подъезжали мы к сборному месту, тем более увеличивалось мое сумнение; волостные мужики шатались везде по нашим землям и, наконец, наехали и самого надзирателя их, ездящяго и осматривающаго положения мест.

«Здорово! Здорово!» – говорили ему, а у самих не то на уме, и говорим между собою: «Вот лихая болесть его уже носит. Знать уж, конечно, дурное на уме, а то ему ездить бы тут было не для чего».

Приехавши на сборное место, нашли мы толпу народа, но межевщика еще и в появе не было. Но первое огорчительное зрелище представилось в черных столбах, привезенных волостными вместо ожидаемых белых.

Наши тотчас сие уже пронюхали, и брат Гаврила Матвеевич с горестию ко мне прибежал и говорит: «Братец! Ведь черные, а не белые столбы проклятые-то привезли? Знать хотят спорить!»

– Ну что ж делать? – сказал я ему. – Унять не можно.

Итак, готовились мы уже к спору, о котором не было сумнения, ибо нашли мы волостных мужиков совсем в другом расположении, нежели мы чаяли.

Со всем тем не преминул я употребить все свое красноречие, чтоб их уговорить. Я представлял им смирное и согласное до сего времени соседство; ласкал и обещал им и впредь оное: грозил вечною ссорою, ежели они ныне против всей справедливости нас обижать похотят; приступал к ним

непутным делом; выбирал самых стариков и говорил им следующим образом: «Ну, мой друг! Ты уже в гроб смотришь, тебе уже немного жить остается! Скажи по совести и как тебе пред Богом явиться: владели ли вы когда-нибудь в сем месте? И были ли когда-нибудь у нас с вами споры?»

Нечего было тогда сим говорить: они признавались, что никогда не владели, и что никогда ни ссор, ни споров не было и что мною довольны, равно как и предками нашими. «Ну для чего же, – подхватил я, – вы теперь на задор идете и ссору начинать хотите, которой никогда не бывало; для чего делаете вы вечную вражду, которой мы никогда не желали и ныне не желаем? Я ли к вам во владение вступаю? Я ли вас обижать хочу? И не вы ли сами, не зная для чего, против всей правды и невинно нас обижать предпринимаете?»

Сим и подобным сему образом старался я уговаривать, но они были глухи и подобны нечувствительным пням. Я сие ведал и потому не для того и говорил, чтоб их убедить надеялся, но хотел пристыдить их совесть, что и подлинно производило ожидаемое действие.

Старики бранили молодых, что от них все сии затеи, а они никогда не хотели браниться и извинялись тем, что не их была воля. Тогда, оставя их, приступал я к их отводчикам, которые были самые плуты и выбраны к тому, как удальцы из всей волости,

«Скажите, пожалуйте, – говорил я им, – почему вы взяли к себе в голову и почему утверждаете, что это ваша земля? Не видите ли писцовых ям, которыя по нашей меже и поныне целы, кто их копал? Мы ли или межевщик? И когда мы у вас завлаживали?»

Нечего им было говорить, и они предъявляли один только и крайне смешной предлог, состоящий в том: для чего-де прежний межевщик не прямо, а все кривулинами шел?

Нельзя было, чтоб сему их глупому оправданию не смеяться, и для того, смеючись, говорил я с горести: «Для чего ты, мой друг, тогда не родился и межевщику не сказал: для чего ты не сделаешь циркуля и всю нашу волость кружком и яичком не очертишь?»

Одним словом, они были немы и наполнены только завистью и злостью.

Между тем как сие происходило, подъехали волостные прикащики. Тут начался у нас разговор совсем о другой материи. Им нажаловались мужики о бывшем в лесу с пойманным мужиком происшествии, также о

бывшей накануне того дня на Хмыровском поле сумятицы, поводом к которой было следующее.

Между тем как мы накануне сего дня ездили с боярынями в Ченцово к межевщику, братья мои оставались дома. Не знаю, как-то проведали они, что у нас за дворами по Хмыровскому и Яблоновскому полю ходят волостные мужики и осматривают и меряют землю.

Они, воспылав досадою, бросились туда и гонялись за мужиками, а вскоре засим прибежал и Матвей Никитич, имея при себе человек с 30; и дошло было до драки, однако ничего не было, хотя с обоих сторон множество народу с дубьем уже сбежалось.

Мужики волостные нажаловались, что наши сняли будто с одного шляпу, а я в Шестунихе, сняв с мужика рубашку, водил будто по всему лесу; и наглость их так была велика, что они в глаза упрекали сею, по мнению их, дурною поступкою.

Досадно мне тогда чрезвычайно было, что сии бездельники за мою же добродетель меня же бранят, почему и говорил: «Жаль же мне, что я так был великодушен и пойманного мужика в лесу с накраденным моим лесом не выпорол, пускай же бы они говорили».

Потом разсказал я прикащикам порядок всего происшествия, но сии господа были с мужиками одного почти помета, а особливо саламыковский, который подал тогда мне повод еще к вящей на него досаде и наияснейшим образом дал о себе знать, что он был наивеличайший плут и бездельник; а вот каким образом сие происходило.

Между тем как мы о помянутых происшествиях считались, брат мой, Гаврило Матвеевич, по молодости и пылкости своей, разгорячившись и грозя мужикам, проболтнул: «Посмотрю-ка я, как-то волостные ко мне на дачу с сего времени толкнутся, и дурак я буду, ежели не укокошу кого-нибудь, кто мне попадется в руки!»

Прикащик саламыковский, прислушав сие и будучи самая ехидна, подхватил сие слово и тотчас начал являть понятым: «Слушайте, господа понятые! – говорил он. – Вот господин хочет убить до смерти человека, было бы вам это известно!»

Досадно мне сие чрезвычайно было; однако я с минуту времени молчал и дал время ему пораззеваться[1] и тем наказал Гаврилу Матвеевича за неосторожность, который в самом деле чрезвычайно вструсился.

[1] Накричаться.

Наконец, не мог я более вытерпеть и сносить поношение, которое делал такой бездельник моему толь близкому родственнику. Я вступился и напустил сам на прикащика. «Из чего ты это заключил, – с превеликим сердцем сказал я сему ябеднику – что он хочет убить до смерти человека? И как ты смеешь трогать так благородного человека?.. Что такое значит укокошить? Еще я не знаю, почему бы это значило убить? Кокошить, кокошить: на это надобен еще лексикон, и разве по-твоему это значит убиение? А по-моему это ничего не значит, и слово совсем не русское».

Дурно было тогда прикащику, ибо нашла коса на камень, и он, видя неминучую, тотчас сплыл и перестал о сем говорить. Однако я с сего времени получил весьма худое о сем негодном и даже опасном человеке мнение.

Вскоре засим приехал наш и межевщик и спрашивает у меня, какова погода? Я ответствовал ему с горестию, что она дурная, и что хотят спорить.

– Как это, братец? – подхватил он речь. – Они не хотели спорить.

– Ну, хотели ли или не хотели вчера, – говорю я, – а теперь хотят!..

Я ожидал, что межевщику будет сие досадно и что он не преминет их уговаривать. Однако весьма в том обманулся, у него того и на уме не было.

По подлой душе своей, раболепствуя уже слишком волостным, не посмел он им сказать и единаго словечка, а поспешал снимать скорее румб[1], приказывая им ставить веху и продолжать далее.

Досадно мне тогда до чрезвычайности было на межевщика, ибо сие доказало мне, что вчерашние его слова были только один обман, выдуманный наиглупейшим образом, власно как бы насмех нам, и я так на него тогда в духе злился, что растерзал бы его, если б было можно, за такую подлость.

Итак, первая волвенка положена была в кузов[2]. Я объявил с своей стороны на неправильный их отвод спор, и оный вкратце записали и пошли по их отводу.

Нелегкая занесла их чрезвычайно далеко в сторону левую: они нацелили прямо на наш заказ Шестуниху и пошли чрез кустарник, прорубая просеку.

---

[1] Румб – одно из 32-х направлений компаса.

[2] Волвенка, волвянка – гриб, «первая волвенка в кузов» – пословица, в смысле «начало положено».

По окончании первой линии, думал я, что они свернут вправо в вершину, но не тут-то было: они продолжали иттить прямо и все на нашу Шестуниху.

Удивился я сей неожидаемости и несоообразному ни с чем их отводу; но, усматривая вкупе, что у них на уме было заспорить и захватить к себе и наш заказ, смутился от того духом. Но скрыв смущение свое и досаду во глубине сердца своего, а приняв спокойный вид, подступил я к межевщику и дружески прошу его и прошу усиленно, не можно ли ему уговорить их, чтоб они моего леса не заспорили.

Но от сего подлеца и бездельника не было, как от козла, ни шерсти, ни молока; он не отворил и рта и не сказал им и единаго слова.

Сие взбесило меня еще более; я ругнул его мысленно, но все сие нимало не пособляло. Со всем тем питался я тогда еще надеждою, что они повернут вправо и прямо в Голенинскую вершину, подле Шестунихи, и думал, что они леса не захватят, и предпринимал уже в мыслях уступить им в сем случае все захваченное ими и довольно обширное место. Но скоро увидел, что и сия моя надежда была пустая; они уткнулись прямо в средину леса и хотели иттить сквозь оный.

Таковая безстыдная и глупая наглость вздурила и смутила меня еще больше и не знаю как-то очень чувствительно, когда сим образом, против всей справедливости и без малейшаго резона, отхватывают родную землю.

Будучи в великом нестроении и в крайнем безпокойствии духа, не знал я, что при сей совершенной неожидаемости делать; однако остановил я их при входе в Шестуниху и просил, чтоб в полевой записке записать, что на том месте земля пустоши Голенинки кончилась и началась – пустоши Гвоздевой.

Между тем как все сие записывали пришел мне в голову один хороший аргумент для опровержения их отвода, а именно, что по писцовым книгам земля пустоши Гвоздевой должна начало прикосновенности своей к Соломенной волости иметь по речке; а они сделали ее тогда в лесу и на ровном месте, что совсем не согласно было с писцовыми книгами.

Обрадовался я сему чрезвычайно, и на сердце у меня несколько повеселело. Однако не говорил я им ничего, боясь, чтоб они погрешность свою не исправили; но дал только обиняками знать, что они начали изрядно путаться.

Сие несколько их смутило. Прикащик то и дело уезжал от нас вперед и уговаривал отводчиков, чтоб они повернули вправо; однако Сам Бог ожесточил сердца их и хотел, чтоб они еще больше путались. Никто из них не хотел слушать советов прикащика, но они, закуся бороды[1], лезли от часу далее влево.

Что касается до меня, то я, записав, что это писцовый лес и называется Шестуниха, и принудив противников моих то же объявить, дал им волю вести далее и боялся только, чтоб они внутри Шестунихи не свернули вправо косою просекою.

Наконец пришли мы в средину леса, и я ожидал, куда они поведут. По счастию, как-то не потрафили они поставить веху там, где, может быть, хотели, и чрез то потеряли боковую просеку и не знали, куда уже из леса выйтить.

Посовавшись туда и сюда, не знали они, что делать, и повели уже прямо просекою тою, которая шла чрез Шестуниху; и как тут пришлось им иттить по отвершку[2], то остановил я их тотчас и требовал, чтоб их спросили, какой это отвершек; и как сим вопросом я их смутил, то одному из поверенных их вздумалось тогда подступить впервые ко мне и сказать, чтоб я сам ничего не говорил, а предоставил бы говорить моим поверенным.

Сего я давно и заблаговременно дожидался и для того наперед уже о том с межевщиком условился, чтоб он мне не возбранял говорить, сказывая ему, что в противном случае я сам запишусь, и он принужден был поневоле говорить мне дозволить. Почему окрысился я тотчас на их повереннаго и принудил его молчать. Наконец, не зная как ему назвать сей отвершек, назвал он его отвершком из речки Гороховки.

Удивился и обрадовался я, сие услышав, ибо через то они сами себя спутали ужасно и весь свой отвод тем испортили. И потому, сказав и записав только, что этот отвершек из речки не Гороховки, а из Гвоздевки, а речка Гороховка с своим отвершком осталась далеко позади, дал им волю иттить далее.

Сим образом в другой раз спутались они изрядным образом, и другая для меня опасность миновалась благополучно.

---

[1] Заупрямившись.

[2] Отвержек, отвершек – ответвление оврага, овражек.

Но оставалось еще великое для меня сомнение, чтоб они, дошед сим отвершком до речки Гвоздевки, не пошли бы вверх оною и далее в Медвецкий враг[1], и ожидал с нетерпеливостию, что наконец выйдет.

Вышедши из Шестунихи, не преминул я велеть в полевой записке записать, что они отвод свой ведут чрез самое то место, где в древности сидело сельцо Гвоздево, и что я свидетельствуюсь в том находящимися по обоим сторонам того отвершка погребными и овинными ямами, кои и поныне видны, и что сие ясно несправедливость их отвода доказывало.

Сие их опять смутило, и обстоятельство, что я всякий шаг оспариваю, заставило их более думать. Но краткость времени и замешательство мыслей произвели то, что они вместо того, чтоб каким-нибудь образом погрешность свою исправить, путались от часу больше. И вместо того, чтоб как я опасался, иттить им речкою вверх вправо, они ударились прямо чрез ее и на поле.

«Слава Богу! – воскликнул я тогда сам в себе. – Путайтесь, друзья мои; когда путаться, так уж путаться! Писцовая межа чрез речку никогда не переходила. На что этого лучше?»

Со всем тем все еще я опасался, чтоб они не пришли на Казюмин верх, а оттуда на Савин и не назвали б первый писцовым Медведкиным, а второй – отъезжим верхом. Однако, не говоря им ни слова, сделал только оговорку об речке Гвоздевке и дал им волю иттить, куда хотят.

Их дернула опять нелегкая с поля влево и опять к речке Гвоздевке. И тогда отлегнуло у меня на сердце, ибо миновалась и последняя моя опасность, и я видел, что, несмотря на все их умничанье и злодейские замыслы и многократные, может быть, советы с самим межевщиком, спутались они наивожделеннейшим образом и так, как лучше требовать было невозможно. Довольно, что я смеялся уже над ними, и не только я, но и все; да и сами они признавались, что очень изрядно спутались.

Дошед вторично до речки Гвоздевки, стали мы с межевщиком полудневать. К нам вынесли из двора пирог круглый и кое-каких напитков, и мы поели себе, между тем покуда они последнюю линию устанавливали, и прикащики взад и вперед поскакивали и умничали.

Поевши, мы пошли вниз речкою Гвоздевкою так, как они вели до самой реки Скниги, и вышли на Скнигу ниже пруда и бучила.

[1] Овраг.

Тогда-то уже подхватил я ловким мастерством соперников моих и в великом торжестве начал над ними насмехаться, как всему их глупому и ни с чем не сообразному отводу, так в особливости тому, что они забрели в такое место, которое не можно уже им отбить от меня никоим образом.

После чего записал я в полевую записку предлинное объявление о найме ими нашего берега и прочем. И как сие всего более доказало всю глупость и несообразность ни с чем их отвода, то усмотрели они сами, что сделали очень дурно.

Но как пособить тому было уже не можно, то, собираясь в кучки, перешептывали между собою и винили друг друга; а особливо ел себе руки злодей – саламыковский прикащик, что он поступил так глупо и позабыл про свою среднюю порубежную дорожку, которая не выходила у него из ума, хотя в самом деле ничего не значила.

Между тем как все сие тут на горке происходило, вышли все наши боярыни за гумно Матвея Никитича смотреть на нашу толпу народа; и как день тогда оканчивался, то положили на сем месте межевание того дня кончить.

Я, как ни зол был на межевщика, но как с сим бездельником браниться не можно, то звал его к себе; но он не поехал, а, сказав нам, чтоб мы наутрие выезжали поранее, чтоб успеть до обеда обойтить по нашему отводу, обещал быть к нам обедать, с чем мы тогда и разстались.

Мы заехали с межи к Матвею Никитичу и нашли тут всех наших боярынь, ожидающих нас с нетерпеливостию. Мы сообщили им известие о бывшем нашем споре, и о наглости и безумстве волостных и вместе с ними смеялись.

Но, правду сказать, что было то хотя и весело, что они спутались и чрез то подали нам лучший способ их оспорить, однако все еще неизвестно было, как дело кончится, а известный мне пример не переставал меня тревожить.

Ввечеру хотелось мне с превеликою нетерпеливостию узнать, сколько было земли в заспоренном волостными месте, и как я все румбы и меру линий записывал для себя, то прежде не лег спать, покуда не наложил сего спора на своем плане и не исчислил; и тогда со вздохом увидел я, что они у нас в сей день до 260 десятин и почти всю Гвоздевскую пустошь отхватили своим спором.

Поутру на другой день выехали мы уже ранее; однако принуждены были межевщика долго ждать; в сей день надлежало по порядку отводить нам свой отвод, начиная с того места, где начался первый спор.

Если б не измерена была и не известна мне наша дача и не ведал я о своем примере, то легко бы мог впасть в искушение и с досады на волостных заспорить и у них земли столько же или еще больше, и тем испортить все дело и наделать такие же глупости.

Но я, ведая обстоятельства, оставил все такие замыслы с покоем, а повел по меже и границам тогдашняго владения и довольствовался только утверждением отвода своего всеми писцовыми живыми урочищами и ямами, и делая везде, где нужно было, пространные, в доказательство своей правды, а неправды волостных, оговорки.

Словом, я производил отвод сей так порядочно и доказывал все так хорошо, что все бывшие тут понятые люди видели ясно мою справедливость, да и сами волостные не знали уже, что говорить против правды.

Они хотя и делали кое-где возражения, но возражения их были самыя бедныя и пустыя. Саламыковский же змей скрежетал зубами и уехал с досады прочь, не хотя видеть правды, которая была неопровергаема. Словом, мы везде и так много писали, что межевщик даже скучил[1]; а подьячий признался, что он нигде таких споров не видывал. «Но, что делать? – говорил я. – Не я тому причиною, а волостные, а шеи протянуть мне им не хочется».

Словом, за многим писанием не прежде мы отвод свой кончили и примкнули ко вчерашнему пункту подле бучила, как часа с три уже за полдни. Тут сделалась у нас изрядная комедия: бездельник саламыковский прикащик по ябедничеству своему вздумал было исправить сделанные в предследующий день ошибки и погрешности, соединяя все забытыя им и отдаленныя места в один пункт, и занес было такую нескладную ахинею, что не только мы все, но и сам межевщик не мог утерпеть, чтоб не захохотать и не поднять его на смех. «Ха! ха! ха! – закричали мы все. – Что это такое ты, брат, вздумал? Это уже всего нескладнее; и упустя время, в лес по малину не ходят».

Нечего тогда было делать сему негодному человеку, он, вздохнув, только говорил: «О, средняя порубежная дорожка! Ты с ума меня нейдешь; но быть уже так, когда дело испорчено».

[1] Заскучал.

Сказав сие, спешил он перейтить скорее реку Скнигу и поставить на той стороне белый столб.

Мы не знали, не станут ли они тут спорить, но он уверял, что до Дворяниновского верха, за моим двором и садом, пойдет безспорно по прежнему владению, как и действительно провел одну линию вверх порубежным Яблоновским верхом безспорно.

Ему хотелось иттить далее, но как давно пора была обедать, и мы видели, что проехала к нам и межевщица, то, перестав межевать, поехали мы с межевщиком ко мне обедать.

Мы застали боярынь у себя уже в собрании, но они уже давно пообедали и сели с нами только для компании.

Не успели мы отобедать, как пошел пресильный дождь, а посему и принуждены были отложить дальнейшее межевание до утрева.

Я просил межевщика, чтоб он у меня ночевал, и как он на то согласился, то провели мы весь остаток того дня в разных забавах и старались угостить межевщика всячески.

Но сего подлеца ничем было удобрить не можно, но от волости слишком был задобрен, и по всему видимому милостыня была довольно велика.

Поутру, в последующий день спешил межевщик ехать на межу, чтоб успеть до обеда что-нибудь сделать и поспешить к обеду к брату Михаиле Матвеевичу, который пригласил и нас всех с ним вместе.

Таким образом, поехали мы все, собравшись на то место, где остановились, что было подле Елкинской мельницы. Прикащик заводской уже тут давно нас дожидался, и вся межевая команда была в собрании. Тут, при самом начале, опять сделался было у нас с волостными, коих алчности и по понаровке[1] межевщика, пустой хотя, но крайне досадный спор о том, как иттить порубежною вершиною: протоком ли или берегом? И мы прокричали и проговорили о том с час времени и насилу сладили и пошли безспорными линиями до самой почти нашей Дворяниновской вершины.

Но с самой сей или еще немного не доходя до оной и начал саламыковский поверенный объявлять и записывать свой спор, который нам давно уже был от него предвозвещен.

И как оного мы ожидали, то, не удивляясь тому, дали волю ему писать, что хотел; но удивился я, услышав упоминание его о том, будто бы от го-

[1] Понаровка – попустительство, поблажки.

спод Нарышкиных было на нас в завладении тут землею челобитие, чего никогда не бывало, и он лгал безстыднейшим образом. Кроме сего, смутило меня еще одно также совсем неожидаемое явление и обстоятельство. Как по записании им спора стал межевщик по обыкновению спрашивать всех понятых, знают ли они чья та земля? То один из них, старичишка пренегодный, выдавшись, сказал: «Не знаем, сударь, чья, а слыхали мы только, что тут где-то есть Грибовский враг».

Слово сие поразило меня, как громовым ударом, и испужало чрезвычайно, ибо я тотчас мог догадаться, что молвлено сие слово не случайно и не просто, но что произошло сие от новаго и потаеннаго какого-нибудь злодейского кова[1], сделаннаго против меня нашими злодеями.

Ибо как было то совсем ненатурально, чтоб постороннему и живущему в отдаленных местах старичишке знать, какие у нас тут есть овраги, и упоминать о Грибовском, когда никто еще об оном не говорил и не спрашивал, то другого не оставалось заключать, что бездельный старичишка сей был от противников наших втайне подкуплен и настроен к тому, чтоб он подтвердил своим показанием тогда, когда речь дойдет о Грибовском враге.

А как сей Грибовский и далече еще от сего места отстоящий и порубежный у нас с волостными враг был для нас великой важности, и я тотчас мог предусматривать, что на уме у них есть назвать сим именем какую-нибудь другую вершину или овраг.

И как мне довольно было известно, какую великую важность составляют при таких случаях объявления глупых и нередко мошенниками подкупаемых понятых и что законами велено на показании их утверждаться, то бездельный старичишка сей сделался мне очень страшным.

Но, по особливому счастию для нас, проболтался он помянутым образом о том преждевременно, а сие и испортило все дело и разрушило все злодея моего замыслы и ковы. Ибо все тогда, догадываясь, также как и я, что тут кроются блохи[2], на старика закричали, что он не то говорит, о чем спрашивают, а тем самым и сбили мужика сего долой с пахвей[3], и он принужден был сказать то же, что сказали другие, то есть что он того, чья сия земля, не знает.

---

[1] Злого умысла, коварного намерения.

[2] Подвохи.

[3] Пахва – хвы – нахвостник – ремень от седла. В него продевается хвост лошади, чтобы седло не съехало коню на шею; сбить с пахвей – сбить с толку, с панталыку.

Как между тем время обедать давно уже настало, и к нам хозяйка Михаилы Матвеевича не однажды присылала уже зватых, то мы, по записании спора, не стали долее медлить и поехали обедать, а после обеда, спеша домежевать Хмырово, не стал межевщик долго сидеть, к тому ж и нам хотелось скорее видеть судьбу и сомнение свое разрешенными. Итак, поехали мы опять межевать.

Мы нашли заводского прикащика уже на месте, и он во сие время вымышлял и советовал с плутами мужиками, где бы им лучше вести.

Однако со всем тем Бог спутал их и в сем месте, и они сделали ошибку, разстроившую все их затеи.

Все сумнительные обстоятельства сего спора и все то, что можно б было им в свою пользу употребить, было мне довольно известно. Я знал, что можно им было спор сей сделать очень имоверным[1] и основательным, а потому он меня более всего и тревожил.

К тому ж, по несчастию, в границах пустоши Хмыровской, на самом том Грибовском враге, были уже и в старину, при прежних межеваньях споры; но тогда спорили только о верховьи онаго, называя Грибовским верхом один вышедший из него отвершек. И если б вздумали волостные и в сей раз сделать то же, то нам тогда хоть добровольно пришлось бы отдавать им десятин 40 наилучшей земли.

Но, по счастию моему, такого малого количества для алчных глаз моих соперников было слишком мало; они не могли быть тем довольны, а им захотелось получить земли более и отнять у меня две трети, или почти всю пустошь Хмыровскую, а для того и вздумали они Грибовским оврагом назвать совсем другую и такую вершину, которая никогда им не бывала.

Почему и повели они прямо на верховье той вершины, но чрез самое то и спутались; ибо они того не знали, что, идучи тут, перережут они совсем пустошь нашу Хмыровскую и коснутся Горчаковской Злобинской земли. Что они действительно и сделали и тем меня чрезвычайно обрадовали, ибо я никак себе не воображал, чтоб могли они сделать такую непростительную ошибку и такой проступок, который мог все их дело испортить.

Таким образом, дождавшись, как они опасное для меня место, а именно вышеупомянутый сумнительный отвершек миновали, и увидев, что взошли они на дорогу и к границам Злобинской земли, остановил я тот-

[1] Правдопобным, вероятным.

час их, сказав, что влеве[1] пошла уже не моя земля, и для того спросили б у волостных, чья она, и записали б.

Сего возражения соперник мой нимало не предвидел и не ожидал и, спутавшись, не знал, что сказать.

Но как незнание его, которым он извинился, не могло быть принято, и я принуждал неотступно сказать, чья земля, то сколько ни вилял, но принужден был, наконец, сказать, что это земля князя Горчакова.

Тогда, разсмеявшись, сказал я, что более сего я не требую и не желаю: извольте записать, что эта земля князя Горчакова, сельца Злобина, с которою волость никогда и смежною не бывала.

Ошибка сия была в самом деле столь грубая и чрезвычайная, что мне дорого бы ее купить надлежало, ибо она могла служить мне великим аргументом для опровержения их спора.

Я приметил, что даже и самому межевщику было то очень нелюбо, а злодея моего все сие так смутило и все мысли его привело в замешательство, что он, вместо того чтоб погрешность свою стараться скорее чем-нибудь исправить, он, пошедши с сего места вдоль дорогою и смежном с Горчаковскою землею, дело свое тем еще более испортил; что мне было и на руку, ибо я боялся, чтоб он с самого того места, где я его смутил, не повернул вправо.

Таким образом, прошед сажен со 100 и поровнявшись против находящейся вправо вершинки, которую хотелось ему назвать и сделать Грибовским врагом, повернул прямо в нее.

Приближаясь к оной, трепетал я духом, чтоб не спросили понятых, какая это вершина, и вышеупомянутый сумнительный старичишка приводил меня в ужас; и сомнение мое увеличилось еще более, как увидел я, что злодей мой неведомо как домогался того, чтоб спросили понятых, какая это вершина.

Но, по моему счастию, или, может быть, так Бог захотел, межевщик, будучи тогда не в духе и недовольным, ему сказал: «Чего, братец, спрашивать, почему им знать?» – а злодей мой, по счастию, не стал и усиливать.

Итак, мы благополучно и прошли ее начало, записав только обосторонние объявления, а именно: что по словам волостного повереннаго на-

[1] По левой стороне.

зывалась она Грибовским врагом, а по нашим, что она так никогда не называлась.

Дошедши сею вершиною до речки Трешни, надлежало нам тут спор кончить, потому что за рекою Трешнею в гору хотел он иттить безспорно и примкнуть к починному пункту и белому столбу.

Тут имел я причину сам заспорить у них клок земли, но подумав и побоявшись своего примера, сие намерение оставил и записал только одно объявление, их удивившее, согласился иттить безспорно, и тем тогда сие и кончилось.

Как случилось окончанию сему быть еще довольно рано, но для нашего отвода время в тот день недоставало, то вздумали мы проехать в Сенино к г-ну *Ладыженскому*, зная, что поехали туда и все наши боярыни, которые, желая видеть, как межуют, выезжали после обеда к нам на межу и, посмотрев, проехали в Сенино.

Как вздумали, так и сделали, и приехавши к г-ну Ладыженскому, успели еще просидеть и прорезвиться целый вечер; и как хозяин не отпустил нас без ужина, то возвратились домой уже ночью, и межевщик ночевал у Михаилы Матвеевича.

В последующий день хотели было мы окончить свое межеванье с волостными, ибо оставалось только пройтить наш отвод по спорному месту, однако сего не сделалось.

Пошедший сильно дождь согнал нас с межи, куда было мы и выехали уже, а по стекшимся обстоятельствам продлилась остановка сия до самаго последняго числа июля месяца.

Наконец, настало 31-е число июля, день достопамятный окончанием нашего межеванья с волостью и бывшими в оной происшествиями.

Я приготовил уже изрядныя рацеи, которыя бы мне говорить в опровержение отвода волостных и в утверждение своего собственнаго, и с нетерпеливостию дожидался межевщика и с ним вкупе моих злодеев, и насилу-насилу, наконец, они выехали.

Злодей мой находился тут же, напоен злобою, от которой трясся у него ажно подбородок. Истинно, я такого злого человека отроду моего не видывал.

Не успели мы начать межевать, как злодей мой и начал извергать свой яд и опровергать наш отвод ложными своими документами. Но как при

сем случае нашла коса на камень, то не осталось ни одно слово его паки без опровержения.

Сие подало повод опять ко многому писанию, которое межевщику так уже наскучило, что он уходил вперед и нас оставлял и не слушал.

В сих спорах и взаимных друг друга опровержениях дошли мы благополучно до настоящаго нашего порубежнаго Грибовского врага.

По приближении к сему проклятому и сумнительному врагу, трепетал я духом, не зная, что последует в оном. Ожидаемое вопрошание об оном понятых меня крайне тревожило.

Подозревая, что злодей мой одного из них, а именно помянутаго старичишку, подкупил, опасался я, чтоб сей негодяй не сказал, что это не Грибовский враг; и опасение мое было так велико, что я принужден был употребить репрессалии[1] и хитрость против хитрости, а именно: я велел заблаговременно и поутру еще в тот день людям своим из-под руки уговорить понятых, чтоб они сказали об овраге сем самую сущую правду и польстили бы волостным.

Люди, которым поручена была сия коммиссия, поступили еще далее; они, потчивая возможнейшим образом понятых вином и пирогами, обещали тайно тому от меня награждения, кто из них скажет, что это подлинно Грибовский враг, так как он и действительно был оным.

Вот какия бывают обстоятельства! Принуждено было неведомо как домогаться того, чтоб только правду сказали! Но как бы то ни было, но, по счастию моему, нашлись из них такие, которые нам услугу сию учинить и обещали. Мне пересказано было тотчас сие, и я хотя радовался тому, однако, не будучи еще совершенно в том удостоверен, колебался духом.

Итак, находился я тогда между страхом и надеждою, когда пришли мы в Грибовский овраг. Нас тотчас стали спрашивать, что это за вершина и, записавши спорные наши объявления, стали, по обыкновению, допрашивать о том и понятых.

Злодей мой, как сатана, уже тут вертелся и домогался всячески, чтоб сие допрашивание было предпринято. Видно было по всему, что надежда его на старичишку была безсомненна; однако, по счастию моему, а может быть, Богу было так угодно, попался он сам в тот ров, который для меня ископал. Ибо не успели спросить о том понятых, как тотчас один из них, выступая, сказал, что он знает подлинно, что это настоящий Грибовский враг.

[1] Употребить репрессалии – ответить тем же.

Я думаю, жесточайший громовой удар не устрашил бы так моих злодеев и не привел бы их в такое смятенье и замешательство, как сие, против всякаго их чаяния, выговоренное слово. Они всего меньше сего ожидали. Напротив того, злодей мой, как самая сатана, кивал и махал своему старичишке, напоминая ему, чтоб он сказал по обещанию.

Но не чудное ли сплетение обстоятельств?.. Сей подкупленный им старичишка, по счастию моему, был глух и не слыхал, о чем тут речь идет и чего спрашивают, и потому ничего тогда не сказал; а тот, который мне в пользу сказал, случился быть такой, который в самом деле знал, что это Грибовский враг, потому что ему случилось однажды целую ночь проблудить в нем с одним волостным мужиком, о чем проведал я уже после.

Итак, нечаянное сие объявление произвело тотчас во всем собрании великую тревогу. Ехидна моя помертвела вся от злости со всем своим змеинским прибором. Они возопили все во множестве голосов, как сумасшедшие: «Как это? Как?.. Почему ему знать? Борис Сергеевич! Борис Сергеевич! Что это такое?» и т.д.

Господин межевщик, будучи злодеем моим совсем обольщен и для бездельной корысти променивая своего брата дворянина на мужика, был всегдашним их покровителем.

Он находился тогда, как вышеупомянутое произошло, в небольшом от нас отдалении, ибо, оставив нас писать, что мы хотим, ушел от нас прочь, сел на роспуски[1] и играл с своею собакою. Но крик и вопль моих злодеев скоро достиг до его ушей, и при тогдашнем-то случае более всего и явно доказал уже он нам, сколь много держал он сторону волостных и какую подлую он имел душу.

Он не успел услышать, что один понятой называет Грибовским врагом, как, сломя голову, бросился к нам в кучу и заревел: «Ба, ба, ба! Кто это называет? Кто? Чей такой и откуда? Становитесь все рядом, и сказывай всякий по порядку, знает ли или нет».

Я смотрел на все сие с крайним удивлением и не могу изобразить то изумление, каким поразил меня сей его поступок.

Вся кровь во мне воспылала от досады и негодования. Я того и смотрел и полагал уже почти за достоверное, что они собьют моего честного понятого, да и нельзя было инако и думать; ибо не только межевщик, но и

[1] Дроги.

прикащики со всеми своими подьячими кричали, и вопили, и приступали к понятому и хотели его, так сказать, без соли съесть.

Однако, по счастию моему, ничего они ему не сделали: мужик стал твердо в том, что это Грибовский враг и говорил, что он чрез него езжал и знает подлинно; а на него смотря, принужден был и подкупленный волостными старичишка молчать и неведением отговориться.

Итак, всеми неправдами и кое-как слова понятого записали, и я в немалом уже удовольствии шел далее оканчивать свой отвод, который и успели мы еще до захождения солнечнаго кончить.

И тогда межевщик был так безстыден, что и после такого поступка поехал ночевать к Михаиле Матвеевичу, а я спешил домой, чтоб возблагодарить понятого за услугу и отпустил его от себя довольным.

Сим образом кончилась тогда размежовка наша с волостными, и хотя они в обоих своих отводах спутались чрезвычайно и мне удалось порядочным образом все их показания оспорить и опровергнуть, но как все дело было еще сим далеко не кончено, а оставалось ожидать, как меня с ним посудят в межевой конторе, то не мог еще я ничего заключить о предбудущем.

Но паче, зная о своем великом примере и о том, что легко могла контора все мои доказательства и не уважить и, буде захочет, учинить все в пользу волостных, все еще опасался, чтоб не лишиться нам всей нашей примерной земли, и тем паче, что волостные в обоих местах почти точно такое число десятин у нас отвели своими спорными отводами, сколько было у нас излишних.

Но что воспоследовало, о том узнаете вы из последующаго за сим впредь моего повествования в свое время. А между тем как сие мое письмо уже слишком увеличилось и давно превзошло обыкновенные свои пределы да и все теперешнее 13-е собрание оных достигло до своей пропорции и величины, то, предоставив повествование о дальнейших происшествиях предбудущему времени, сие, с дозволения вашего, теперь кончу, сказав, что я есмь навсегда ваш и прочая.

Конец

тринадцатой части

Сочинена и писана прямо набело дней в 10 и более, в 1805 году.

ЧАСТЬ XIV

Сочинена 1807, начата ноября.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ ВООБЩЕ, А В ОСОБЛИВОСТИ Ж БЫВШАГО МЕЖЕВАНЬЯ
1770–1771

ПРОДОЛЖЕНИЕ МЕЖЕВАНИЯ

Письмо 141-е

Любезный приятель!

Описав в предследующих письмах начало нашего межеванья и всех происшествий, бывших при отмежевании дач и земель наших от Нарышкинской Соломенной волости, приступлю я теперь к описанию продолжения онаго.

Оное далеко еще тем не кончилось, о чем упоминаемо было в моем последнем письме, но главнейшее дело было еще впереди, и до нашей собственной дачи межеванье еще и не доходило; а оно коснулось только еще до нас побочным образом, при случае обхода кругом всей помянутой волости, и как обход сей самым тем и кончился, то и следовало уже межевщику приниматься за нас и обходить наши земли, к чему он и располагал приступить, нимало не медля.

Спор, произведенный волостными, сколь ни был нагл и несправедлив и с какими погрешностьми с их стороны он сопряжен ни был, но наводил на меня великое сумнение и тревожил дух мой чрезвычайно.

Превеликий пример, имеющийся во всей нашей даче вообще, и великая опасность, могущая последовать от того для нас в случае, если окажется во всей волости недостаток, устрашал меня сильно и заставливал безпрестанно помышлять о том, нет ли какого еще способа от зла, угрожающего нам, избежать и спасти нашу примерную землю.

При многократных размышлениях о том другого средства я не находил, кроме того, чтоб испытать воспользоваться тем обстоятельством, что не во всех наших дачных землях и пустошах владельцы были одни и те же, но в иных было их больше, а в других меньше, а притом и владения имели они не во всех, в разсуждении пропорции, единоправное количество.

И как, по силе межевых узаконений, долженствовало все наши пустоши и деревенския дачи, по причине помянутаого неравного числа владельцев, размежевать и обходить каждую особо, а не соединить их всех в одну дачу и округу, то и помышлял я в то время, когда станут обходить из наших дач и пустошей каждую порознь, сим случаем воспользоваться.

И поелику показание границы между оными зависеть будет собственно от меня, ибо в натуре их никаких не было, и они никому из всех наших жителей были неизвестны, и я мог их назначать, где мне заблагоразсудится, то и располагался я всем тем дачам и пустошам, кои прикосновенны собственно к землям волостным, границы задния отводить и назначать так, чтоб количество земли в тех особенных дачках и пустошах было гораздо меньше, нежели сколько надлежало в них быть по писцовым книгам, следовательно, оказался б в них недостаток или, по крайней мере, не было бы в них ни примера, ни недостатка; а всю примерную землю замышлял я включить в задния и с волостною землею несмежныя пустоши, ибо сим одним средством, если б только оно удалось, можно было спасти все примерныя земли.

Но вопрос был, удастся ли мне сие сделать и не воспрепятствуют ли мне в том соперники волостные?

Известно мне было то довольно, что им всего легче сие учинить, если они будут осторожны и не прозевают; ибо им стоило только объявить, что я землю перепускаю из пустоши в пустошь, как и подверглись бы они все общему измерению и вся моя затея разрушилась чрез то совершенно. И я не сомневался, что задаренный от них межевщик сделать сие их надоумит, если б и сами они не догадались, а сие и заставило меня со страхом и трепетом ожидать начало собственнаго нашего межеванья.

Сие и воспоследовало гораздо скорее, нежели я желал и ожидал; ибо как помянутый волостной спор все мои мысли разстроил, то и хотелось уже мне, чтоб начало сего межеванья не так скоро воспоследовало, дабы я мог иметь сколько-нибудь времени сообразиться с мыслями, где границы пустошам, согласно с помянутым намерением, показывать и отводить, и успеть отводчикам своим назначить и самые пункты, где им становить вехи.

Но на ту беду межевщик наш сделался уже слишком ревностен и усерден, и вместо того чтоб взять отдохновение, он не хотел медлить и одного дня, и если б после дня, в который волостное межеванье кончилось, не случилось бы воскресенью и празднику Происхождению Честных Древ, то он на другой же бы день к тому приступил, и за праздниками только отсрочил до понедельника, или 2-го августа.

Итак, имели мы один только день отдыха и свободный, но день такой, в который, по случаю праздника, мне ничего сделать было не можно да и некогда.

Сей день был и кроме того, достопамятен тем, что в оный нечаянным и принужденным почти образом началось порядочным образом наше знакомство с соседом моим, господином *Хитровым*, Николаем Александровичем.

Сей любезный человек давно уже желал со мною познакомиться и подружиться короче, а не меньше того и я того же самого желал, а тогда и самыя межевыя обстоятельства требовали того, чтоб мне постараться свести с ним дружбы, дабы, по крайней мере, хотя тем отвратить спор с дачами села его Домнина, о котором также был слух, немало меня смущавший; ибо по причине примерной земли все споры, где бы они не случились, были для меня страшны. Но как бы то ни было, но сей день сдружил меня с ним сам собою.

Господину Хитрову случилось приехать к брату моему Михаиле Матвеевичу, а как и я тут же был, то сие вторичное свидание и познакомило нас с ним более и произвело то, что он сам назвался иттить ко мне вместе с бывшими тут же межевщиками.

Не могу забыть, как он, вошедши ко мне в залу, сказал: «Ну, теперь могу себя ласкать дружеством и знакомством такого любезнаго соседа». А я уверял его, что он не обманывается, и был внутренне сам рад сему новому и для меня нужному знакомству.

Он уверял меня о своей искренней и нелицемерной дружбе и ко мне приверженности, а я делал такия же ему уверения и взаимныя обещания искать его к себе любви и делаться ей достойным, в чем мы и сдержали даваемыя друг другу обещания; ибо с того времени по самую смерть любили мы друг друга и были между собою хорошими приятелями.

Тогда же в особливости было мне приятно то, что он при случае повестки, делаемой от межевщика, что он в последующий день нас с ним размежевывать станет, неоднократныя делал уверения, что у нас не будет никакого спора и что мы разойдемся полюбовно, по старому владению, а мне того одного только и хотелось.

Но не в таком лестном виде были дела с другой стороны, или в разсуждении другого моего соседа, его превосходительства князя *Горчакова*.

С ним я также, в сей день будучи у обедни, виделся и ласкался было надеждою, что мы и с ним о чем-нибудь поговорим, но в надежде своей очень обманулся. Он не удостоил меня ни одним словечком, а я и не заикнулся также, «сошлись два лука, и оба туги».

Кроме сего, обрадованы мы были в сей день возвращением домашних моих из Серпухова, с которыми возвратилась из Кашина и теща моя, а с нею приехала ко мне и племянница моя *Любовь Андреевна*.

Наутрие должно было начаться формальному межеванию нашей деревни. Я, вставши поутру, спешил заставать межевщика, ночевавшего у Михаилы Матвеевича; однако сей господин был не слишком поворотлив, и за ним всегда поспеть было можно. Меня захватил еще гость, г. *Лихарев*, приезжавший ко мне поутру горевать о своем межеванье и просил совета; но я, проводив и его, успел еще застать межевщика, не уехавшаго на межу, и вместе с ним туда поехал, где нашли мы все межевое собрание в готовности и, между прочим, и самого господина Хитрова, нас тут дожидающимся.

Не успели мы сойтить с своих дрожек и лошадей и поздороваться со всеми тут бывшими дворянами, как межевщик и спешил приступить к делу. Но при первом его слове произошло тут такое происшествие, которое и поныне не знаю чему приписать, простоте ли или умышленности землемера, или действию судьбы, пекущейся об нас и распоряжающей все в нашу пользу?

Но как бы то ни было, но происшествие было странное, удивительное и всего меньше нами ожидаемое и состояло в том, что землемер на первом шаге сделал непростительную погрешность и в деле своем грубую ошибку.

Словом, он стал делать совсем не то, что ему, по всем межевым узаконениям и предписаниям, делать бы начинало.

Всей команде межевой назначено было собраться на том пункте, где волостная земля к нам впервые прикоснулась, и именно на смежности трех земель: волостной, нашей и домнинской, принадлежащей г. Хитрову.

При сделанном вопросе, какия из наших земель тут начинаются, приурочили мы в сем пункте смежство обоих наших пустошей, Щиголевой и Голенинки. А как сии пустоши принадлежали разным владельцам, то по законам межевым и по порядку, везде наблюдаемому, следовало ему начать с сего пункта отмежевать пустошь Голенинскую, как связавшуюся спором с волостью, от всех прочих наших пустошей, поелику мы далеко не все в сей пустоши имели участие; но он вместо того предпринимал размежевать нас с Хитровым и иттить совсем в противную сторону, кругом пустоши Щиголевой.

Признаюсь, что я хотел тотчас усмотреть сию погрешность, но как она служила мне в пользу, то я не почел себе за долг помянуть об оной или остеречь его, ибо бывшие тут поверенные волостные того и смотрели, чтоб я чего не схитрил. Однако со всею своею хитростию ничего они тогда не сделали, и мы, пользуясь сею ошибкою, и пошли тогда благополучно занимать всю нашу дачу в одну округу, и они таскались с нами, не говоря ни одного слова.

Размежовка нас с г. Хитровым шла с вожделеннейшим успехом, ибо делающияся между отводчиками и людьми нашими небольшия несогласицы старались мы наперерыв друг перед другом прекращать уступками. И всего смешнее было то, что г. Хитров боялся меня и чтоб я у него чего не заспорил, а я того еще более боялся и чтоб он не произвел спора, а потому и расходились мы везде хорошохонько и без всякого спора.

Как поровнялись мы против самого села Домнина, то г. Хитров, увидев, что жена межевщикова с моею невесткою приехали уже к нему в село, стал нас всех приглашать к себе обедать, на что мы охотно согласились. Итак, я со всеми своими дворяниновскими соседями и обедал еще в первый раз у сего нашего знаменитаго соседа.

После обеда застиг нас превеличайший дождь и помешал было ехать межевать; однако мы, переждав оный, поехали и успели в тот же еще день домежевать весь прикосновенный бок с Хитровым и дойтить до спорнаго пункта с князем Горчаковым.

Тут хотелось было мне остановиться и подумать, спорить или нет; но как было уже поздно и межевщик спешил иттить далее, то принуждены мы были, не думая долго, записать с князем Горчаковым известный и старинный наш спор, при котором случае не могли мы довольно насмеяться глупой записке возражения от княжова повереннаго.

Записыванием сего с обеих сторон спора продлилось время так долго, что при окончании оной наступила уже совершенная ночь. Тогда г. Хитров стал нас всех уговаривать, чтоб поехали ночевать поблизости к нему, на что мы все охотно и согласились, ибо домой ехать было далеко.

Ввечеру разговаривали мы о записанном мною споре, и г. Хитров расспрашивал меня об обстоятельствах онаго, и как я ему все разсказал, то почитал он дело наше справедливым и желал, чтоб мы получили искомое. А поелику спор сей был особливаго примечания достоин, то хотя в предследующих письмах и упомянул я об оном в некоторой подробности, но в пользу потомков моих почитаю за нужное объяснить оное здесь обстоятельнее.

Сей спор наш с князем Горчаковым был о куске земли, величиною десятин в пятьдесят и одним лесом поросшем месте, лежащем между нашею пустошью Шаховою, его деревнею Матюшиною и Алексинским уездом.

Положением своим было место сие между двух верховьев одной маленькой речки и составляло, так сказать, остров. Речка Язва, составляющая исстари границу между нашими дачами и княжими, в верховье своем проистекала из двух буераков или вершин, и самое сие обстоятельство было поводом и основанием всего спора.

Мы называли одно из помянутых верховьев речкою *Язвою*, а княжие называли другое, а, к несчастию, из обоих течение воды было ровное и можно было и то, и другое почесть верховьем.

Лет за 20 до того времени назад не было о сей речке никакого спора, мы владели по ту вершину, которую называли княжие речкою Язвою, и владением своим были довольны. Но я не знаю, каким-то нечаянным случаем попался дяде моему, покойному *Матвею Петровичу*, список с Алексинскаго городового рубежа, идущаго через и пересекающаго оба помянутыя отвершка.

Читая оный, вдруг увидел он, что там речкою Язвою названа совсем не та вершина, которую тогда все называли, а другая гораздо далее, первая же названа *Шаховским верхом*. Из сего за верное заключил он, что всем

островом между обоими сими вершинами, конечно, князья Горчаковы у нас завладели, и, не долго думая, подал исковую челобитную.

Князь, отец нынешняго, будучи человек богатый и притом сам деловец[1] находил средство убегать от суда, а дядя мой хотя и очень жарко начал и довел до того, что князь принужден был все пашни, находящияся на том острове, кинуть, однако, будучи чрезвычайно скуп, не мог долгое время продолжать сие дело с желаемым успехом и оставил нам оканчивать сии хлопоты и претензию, которая справедлива ль или нет, о том Сам Бог ведает.

Правду сказать, дело сие остановил князь более своей хитростию, а именно: он, видя что ему от суда не отбегать, подал вдруг на нас супротивную исковую челобитную, якобы мы у него таким же образом насильно завладели в пустоши Хмыровой, и чрез то дядя мой его в Каширу, а он его в Москву к суду требовал, что и причиною тому было, что дядя мой, дело свое бросив, положил ждать межевания.

Но о, как бы мы счастливы были, если б он в то время употребил все нужныя усилия к окончанию сего дела! Тогда мог бы он получить все желаемое, а при межеванье повстречалось с нами уже гораздо более затруднений.

Но как бы то ни было, но он умер, не окончав сего дела, а мы, последуя ему, ожидали с покоем межеванья; и как оное настало, то и следовало нам оное оканчивать и возвращать все наши протори[2] и убытки.

Признаюсь, что почитал сие дело до того безсомнительным и не много озабочивался сим спором; но, получив об оном свое сведение, стал инако уже числе земли думать.

Выступление из границ своего владения было для нас делом весьма опасным и предосудительным, а, с другой стороны, спор княжий и его на нас челобитье казалось мне страшнее медведя.

Я легко мог заключить, что если он всходствие своего челобитья заспорит в Хмырове и если в сельце его Злобине явится недостаток, в чем я по малой обширности его дачи почти не сомневался, то принуждены мы будем недостаток сей не только из своей примерной земли наполнить, но заплатить еще ему и завладенныя деньги. Для самаго того и хотел и не

[1] Делец, «оборотистый человек».

[2] Траты, особенно – судебные издержки.

хотел я спорить; но как помянутым образом спор был уже мною записан, то принужден был вступить в дело.

Разговорившись с Хитровым, к немалому удовольствию моему, услышал я, что и в его крепостях обе первыя вершины таким же образом названы *Шаховыми верхами*, а третья – речкою *Язвою*, как мы их называли. И как мне крайне восхотелось крепости сии видеть, то и просил я г. Хитрова показать мне оныя, и он был так ко мне благосклонен, что тотчас, отыскав, мне ее отдал.

Состояла она в выписи с городской межи; и как она была формальная, с надлежащею скрепою, то бумажку сию почитал я крайне для себя важною и потому, что у меня была только копия, а самой выписи мы не имели.

Со всем тем как сделалась между нами маленькая в разсуждении положения мест разногласица, а господину Хитрову оное не так коротко было известно, как мне, то положили мы с ним, чтоб наутрие, встав пораньше, вместе все сии места объездить и осмотреть в натуре, дабы нам после не разбиться в словах, ибо он намерен был тоже верховье называть речкою *Язвою*, которое я утверждал.

Итак, в следующий день встали мы с ним ранехонько, и, одевшись, поехали только трое, он да я, да староста его, верхами рекогносцировать места, которыя завоевать мне хотелось. Но лишь только начали мы подъезжать к лесу на спорном месте, известному под названием *Неволочи*, как против всякаго чаяния увидели на той стороне речки Язвы и самого сиятельнаго князя, разъезжающего таким же образом в препровождении своих гусар и места сии осматривающаго.

Посмеявшись тому, что мой спор так рано его превосходительство поднял, не знали мы, что делать: далее ли к нему ехать или остановиться; но как, несколько постояв и покружившись на одном месте, стал чрез речку переезжать к нам, то разсудили мы за лучшее вернуться домой и послали на спорное место только старосту, сказать, буде князь спросит, что это ездил г. Хитров для показания, которыя десятины сеять, что и действительно было.

Возвратившись в Домнино, будили мы спавшаго еще землемера и спешили скорее ехать на межу, сказывая, что князь уже на меже и нас дожидается. Но со всем нашим поспешением мы не прежде, как чрез три часа выехали, ибо хозяйка вздумала нас еще накормить, и мы порядочно поо-

бедали; что и случилось весьма кстати, ибо без того было бы нам тошно, лихо.

Наевшись и напившись досыта, поехали мы, наконец, на межу и на самое то место, где в навечерии того дня записан был мною спор, то есть у перваго Шахова верха. Тут надлежало мне начинать отводить мой спорный отвод, а княжим разводиться по алексинскому рубежу с домнинским. Но поверенные княжие не смели без повеления его ничего делать, а поскакали тотчас за ним.

Он находился тогда посреди своей Неволочи, где, как мы после увидели, была для его сиятельства разбита палатка; и мы вскоре после того увидели самого его к нам с пышностью едущаго.

Межевщик никогда еще его не видывал, и потому, желая оказать ему как генералу почтение, подбежал было к нему с своим нижайшим поклоном; но как увидел, что князь не только не сошел с своего коня, но стал обходиться с ним чрезвычайно гордо, то, перестав его уважать, приступил к своему делу.

Князь недолго мешкал, но опрокинулся на меня и стал мне гордо выговаривать, для чего я завожу спор. Выговор его для меня был весьма чувствителен, но я, скрепив сердце, ответствовал ему учтиво и дружелюбным образом, говоря, что делаю сие против своего хотения и по самой необходимости и более потому, что в деле сем я не один участник и что, сверх того, не можно нам отстать от сего давничнаго спора в разсуждении волостных, заспоривших у самих нас множество земли.

Долго мы тут с ним проговорили и, наконец, не согласись ни в чем, пошли далее. Мы все шли пешком, а князь ехал подле нас верхом и разводился сам с Хитровым; по пришествии ж к настоящей речке Язовке ужаснулся он, услышав, что и домнинские и татарские, согласно со мною, назвали ту речку *Язовкою*, чего он никак не ожидал.

Я написал тут превеликую в подтверждение моего спора и показания оговорку, а он ответствовал против того сам. Туг распрощались мы с Хитровым, который по причине, что его земля осталась позади, от нас отстал, а я повел свой отряд кругом Неволочи.

Пришедши к самому устью, где обе вершины стекаются и откуда речка Язва вниз была уже безспорная, начал князь много говорить к утверждению, что его речка имеет более течения; также приговаривал, чтоб я ска-

зал, какая земля была налеве, и говорил, что она не Шаховская, а какая – то он знает, но теперь говорить еще о том не хочет.

Я догадывался к чему сие клонилось, однако не имел причины принуждать его далее объясняться, ибо оттого произошла б для меня великая опасность; но паче радовался духом, что князь умничанием и молчанием своим упускал наилучший к произведению замысла своего случай.

Дело состояло в следующем: домогаясь узнать, отчего бы в наших дачах, а особливо в самых сих местах, был бы у нас пример, добирался я понемногу из старинных писем, что в тех местах, где мы тогда называли *пустошь Шахово*, были в старину еще некакие пустоши, а именно пустошь *Малаховская*, пустошь *Красная*, пустошь *Малая Неволочка*, пустошь *Котел* и еще некоторыя; но думать надобно, что они предками и стариками нашими во время писцов утаены и все включены в одну пустошь Шахово.

Обстоятельство сие было мне потому известно, что при бывшем спустя лет с 50 после писцов межеванье пустоши *Ермаковой*, принадлежавшей князьям Горчаковым, прикосновенной одним боком к пустоши нашей *Воронцовой*, предки сих же князей Горчаковых, бывшие всегда нашими неприятелями, объявили, что та наша пустошь не Воронцова, а пустошь Малаховка и другия, о которых-де от их и челобитье к государю имеется.

В подтверждение сего служило и то, что старики наши, в прикрытие своей утайки, при бывшем три года после писца отказчике[1], велели ему написать в пустошах *Шахове, Воронцове* и *Гвоздеве* поверстнаго леса две версты вдоль и на версту поперек, котораго в писцовых книгах совсем не упоминалось, и как думать надобно, то они после с князьями Горчаковыми каким-нибудь домашним образом разделались и оною утаенною землею поделились, и может быть, при тогдашнем же случае дошла до их рук спорная Неволочь.

Всему тому служили и тогдашния слова княжие подтверждением, ибо он упоминал о какой-то домашней сделке и о сих пустошах, только не называя оных и не приказывая и мужикам говорить, что все приводило меня в немалое безпокойство, и я как сначала, так и тогда не рад был, что связался с ним спором.

Между тем как сие происходило, переменилась погода и пошел сильный дождь, но мы принуждены были продолжать межеванье, ибо князь

[1] Отказчик – чиновник, вводящий на основании указа во владение.

присутствием своим связывал нас по рукам и по ногам. Все мы перемокли, все устали впрах, ибо не можно было при нем ни сесть, ни отдохнуть, ни посмеяться, ни побалагурить по обыкновению.

Самому межевщику присутствие его было крайне неприятно; он злился на него за непомерную гордость и пошептом[1] проклинал его всячески. Со всем тем нечего было делать, князь не отставал от нас ни на минуту, и ходил, и мок с нами вместе.

Смешно было только то, что он дивился мне и всем нам, как мы, не евши, так долго терпим, не ведая того, что мы уже пообедали. Но как бы то ни было, но он целый день, не евши и не пивши, с нами пробыл и отзывался, что сей день ему так труден, что хотя б было то и под Бендерами[2], а мы только взглядывали друг на друга и улыбались.

По окончании нашего спорнаго отвода пошли мы с ним вниз по течению речки межеваться безспорно. Но как стал я назначать конец пустоши Шаховой и начало пустоши Воронцовой, то он оспорил и говорил, что Воронцово начинается еще далее.

Сие меня встревожило. Холодный пот оросил чело мое, и в груди встрепетало сердце: ибо я того и смотрел и ждал, что он возобновит показания своих предков и станет называть те пропавшия пустоши; и для того, подходя к сумнительной для меня Воронцовской вершине, попросил тихонько межевщика, чтоб он тут сделал межеванью в тот день окончание и перестал межевать, и межевщик в сем случае был так ко мне благосклонен, что охотно желание мое выполнил и межевать перестал; а сие и принудило нас разъехаться и не допустило князя до замышляемого им объяснения.

Как межеванье наше было на несколько дней отсрочено, то наутрие, проводив приезжавшаго ко мне и у меня ночевавшаго гостя и отпустив тещу свою в Дятлово, где у госпожи *Иевской* начиналось свадебное дело, принялся за циркуль и транспортир и начал все оспоренное мною место по запискам своим всех линий и румбов накладывать на план и по исчислению нашел, что было в нем 55 десятин, а в последующий за сим 5-й день августа положил я на досуге объездить всю внутренность наших дач, дабы можно было заблаговременно назначить границы пустошам и позаметить для себя нужныя места.

---

[1] Про себя, шопотом.

[2] Бой под Бендерами, в турецкую войну.

На другой день после сего был у нас известный праздник Преображения Господня, и я, будучи у обедни, имел случай видеть опять соперника моего князя, который казался мне час от часу горделивейшим и не удостоил меня ни единым словом.

По возвращении домой имел я неожидаемое удовольствие узнать от заезжавшего ко мне второклассного землемера г. *Сумарокова*, Александра Никифоровича, что наутрие начнется у нас опять межеванье, но что уже не г. *Лыков*, а он будет домежевывать дачу нашу.

Сия неожидаемость обрадовала меня чрезвычайно, ибо как землемер сей был малый очень добрый и мне дружен, то готов я был с ним ехать всюду межеваться, поелику не он, а я мог быть всему главною пружиною.

Со всем тем не был я в сей день освобожден от забот и безпокойства и имел важную причину четырех вещей опасаться: во-первых, чтоб князь не объявил возражения о пустошах и не назвал бы Воронцовскую вершину Малаховскою; во-вторых, боялся я чрезвычайно, чтоб по пустоши Ермаковской, которую в сей день межевать надлежало, котовские не завели со мною спора, и боялся более потому, что в сей пустоши был у меня снят план, и мне по измерению оной известно было, что в ней десятин около сорока недоставало, следовательно, боялся я, чтоб в случае произведенного от них спора не принуждено нам было заблаговременно с ними мириться и им сей недостаток из своих дач наполнять.

В-третьих, устрашали меня живущие при церкви нашей и церковною землею владеющие бездельники бобылишки[1]. Сии, не зная ничего, не ведая, приняли намерение спорить со мною и с пустошью Ермаковскою. Слухи о том доходили до меня верные, и мне сказывали, что они осматривали уже и места и хотели неотменно спорить.

Спор от самих их собственно был мне не страшен, потому что в церковной земле был излишек; но я для того сих споров боялся, что они, связавшись со мною и с пустошью Ермаковскою, свяжут и меня с оной, и я принужден буду наполнять Ермаковскую пустошь или, по крайней мере, уйдет в нее весь пример церковной земли, который хотелось мне сберечь для наполнения им великаго недостатка нашего отхожаго[2] луга, находившагося за церковью.

---

[1] Бобыль – безземельный крестьянин, бедняк, бездомный, безприютный человек, батрак.

[2] Отхожие земли – особые, не входящие в надел.

В-четвертых, и всего более, страшился я княжова спора по пустоши Хмыровой, о которой я нимало не сумневался, но считал за верное, что он воспоследует, потому что от князя имелась на нас в подаче о том исковая челобитная.

К тому ж я его задрал, а сверх того, имел он и потому наивеличайший резон спорить, что по глазомеру не сомневался в том, что в прикосновенной к сей пустоши даче сельца его Злобина будет недостаток.

Вот коликих опасностей должен я был в один день страшиться; а предварял о том некоторым образом и межевщика, и просил о вспоможении, в нужном случае, а между тем, однако, заготовлял замечания о том, что говорить на меже и чем защищаться, утешаясь, по крайней мере, тем, что межевщика имел по сердцу, в которой надежде и не обманулся. Межеванье, против всякаго чаяния моего, происходило в сей день с таким вожделенным успехом, какого я и воображать себе не отважился.

Первое, что меня обрадовало, было то, что мы, приехавши на межу, увидели, что тут самого князя не было, и услышали, что его и не будет.

Я очень тому рад был, ибо глупаго его повереннаго я не боялся, а опасался только, не дана ли ему письменная инструкция; однако, по счастию, и того не было.

Увидев сие, спешил я, чтоб скорее иттить и миновать помянутую сумнительную вершину, и мы прошли ее благополучно; итак, страх мой о Малаховской пустоши исчез, и опасность миновала совершенно.

Потом стали мы разводиться с котовскими по пустоши Ермаковской. Тут употреблял я все, что мог к тому, чтоб они не заспорили; и для того в уравнении земли и рубежа немного хлопотал, но делал им везде маленькия уступочки, чем котовские мои соседи были и довольны, боясь, по счастию моему, сами того, чтоб я у них не заспорил, ибо думали, что у них великий пример будет.

К тому ж я заблаговременно употребил хитрость и приласкался чрез письма ко владельцу их, князю Павлу Ивановичу, так что его удачно усыпил, и он не велел нигде спорить. Сим образом избежал я благополучно и сей второй опасности.

Подходя потом к церковной земле, приметил я, что бобыли хотят нас встречать своим спором.

Сие меня встревожило, и я принужден был поспешить как можно скорее провесть межевщика мимо сего опаснаго места и загородить оставшия

ворота[1], и, по счастию, мне и удалось произвесть сие желаемым образом. Поверенный бобыль был мужик не проворный, прозевал удобнейший к тому случай и стал, упустя время, подавать сказку.

При сем случае сделал мне межевщик великое одолжение, промедлив приниманием сказки, под видом сумнительства, и не хотя будто иметь с ними дело до тех пор, покуда дошли уже до церковной земли.

Тогда мне было уже легче: к тому ж, обрадовался я, узнав, что бобыли не со мною, а только с ермаковскими хотели спорить; но, по счастию, ни того, ни другого спора не было, и мы размежевались и с церковною землею хорошохонько.

Таким образом, миновала благополучно и третья опасность, и остался один князь-генерал, котораго я как огня боялся.

Сердце во мне встрепетало, когда мы, размежевавшись с котовскими везде безспорно, приближались ко злобинской земле, где спора ожидал я безсомненно. И я так был в том удостоверен, что вознамеривался уже заблаговременно, в случае ежели князь заспорит, подумавши, отказаться от Неволочи.

Между тем как мы, подходя к сему месту, размежевывались безспорно с котовскими, имел я неожидаемую досаду от котовскаго повереннаго, который так был глуп, как скотина, и мы с ним о самых безделицах, об уравнении межи прокричали неведомо сколько.

Наконец дошли мы до Хмыровской пустоши и примкнули к черному столбу, поставленному волостными в том месте, где, как прежде я упоминал, сделали они наивеличайшую погрешность и пересекли совсем спором нашу дачу.

Тут опять мне посчастливилось чрезвычайно. Злодей мой прикащик волостной сам уже осмотрелся, что он сделал дурно, и для того хотел было опять какие-то тут делать каверзы, и мне было бы то очень досадно, но, по счастию моему, его тогда с нами не было, и ему было недосужно: видно, что Сам Бог начал меня от него защищать.

Итак, мы без него благополучно ту важную межу и прикосновенность котовской земли утвердили и, черные столбы выкинув, поставили белые.

Миновав сие важное место, приткнулись тотчас мы ко злобинской земле. Я надеялся застать тут самого князя; однако возрадовался, увидя,

[1] Фигуральное выражение: закрыть последнюю лазейку.

что его нет, а того более примечая, что у них никаких приуготовлений к спору не было. А твердили они только, что князь приказывал ничего своего не уступать.

Со всем тем сделалось было помешательство. Время клонилось уже к самому вечеру, и солнце было на закате. Поверенные злобинские просили межевщика, чтоб он отложил межеванье до другого дня; но как мне тогда каждая минута была дорога, и мне хотелось ковать железо, покуда оно было горячо, то есть межеваться без князя, то шепнул я межевщику, знающему довольно мою нужду и надобность, чтоб он не переставал, а спешил бы как можно домежевать оставшуюся дистанцию.

Как сказано, так и сделано! Межевщик мой не пошел, а полетел, а я, чтоб меньше было остановки и чтоб заслепить глаза злобинским, начал везде делать уступки: где на борозду, где на пол-осьминника, и межу, и ямы клал все, своей земле, не жалея оной.

Злобинские мои тем так были довольны, что надавали мне тысячи благословений, а я сам в себе думал и говорил: «Не спорьте только, друзья мои, а я за безделицей рад не стоять, теряйте только большое».

Межевщик мой только усмехался, видя мое проворство, уловку и желаемую удачу, а я с каждою минутою власно как на вершок прирастал. Но едва было едва не разрушилась вся моя лестная надежда. Вдруг заговорили, что сам князь едет! «Экое горе! – вскричал я тогда сам в себе. – Что бы ему еще немного погодить». А уже немного оставалось, однако было еще довольно места, где спорить. «Быть так, – думал я сам себе, – брошу ему безделицу, если немного заспорит, а избегу только спора». Но не то сделалось, что я думал и чего ожидал. День сей на то пошел, чтоб мне быть в совершенном удовольствии.

Князь мой не только чтоб затевать и начинать спор, но будучи в сей раз совершенным агнцем, в одном месте сам, без просьбы, хороший лоскут земли мне прибавил, и мы развелись с ним, как водою разлились.

Признаюсь, что я сам себе не верил и не понимал, откуда бы происходило такое его смирение, а для меня – неожидаемое благополучие и удача, и благодарил только Всевышняго, что Он, против чаяния моего, избавил меня от наиопаснейшаго во всем межеваньи для меня обстоятельства. Таким образом, затворивши ворота со всех сторон в свою дачу и окончив межевать уже ночью, в полном удовольствии поехал я домой с межевальщиком ужинать.

С князем распрощались мы как приятели, и я надавал ему тысячи благословений; а, правду сказать, имел к тому и причину.

Глазомер мой меня не обманул, и в его Злобинской даче, как я после узнал, действительно десятин около 50 недоставало, которыми принуждены б были мы не только поплатиться, но и заплатить завладенныя деньги.

Доискиваясь причины тому, для чего он не спорил, услышал манием[1] я, что он сперва и хотел было спорить, но, увидев, что волостные большую часть Хмыровской пустоши к себе прихватили спором, заключил, что ему уже не осталось тут спорить.

Итак, волостные помогли мне в том своим спором, и из мнимаго худа, по особливому распоряжению благодетельных нам судеб, вышло для нас неожидаемое и великое добро, как вы после о том обстоятельнее услышите.

Таким образом, приехав домой, привез я домашним моим радостное известие о благоприятном и, сверх всякаго чаяния, удачном разводе со всеми нашими соседями.

И как мы нашли тут и семейства моих деревенских соседей и ближних родственников, нас с межи дожидавшихся, то все они обрадованы были тем до безконечности и все наперерыв благодарили межевщика за оказанное нам с его стороны вспоможение. И как товарищи мои не менее были довольны и мною, и всеми моими об общей даче стараниями, то благодарили они и меня, и не могли довольно выхвалить всего моего проворства и уловок, признаваясь, что без меня принуждены б были они пить горькую чашу и что они при всем межевании сем были только свидетелями и ничего, собственно, сами не делали и ничему хорошему успеху не поспешествовали.

А не менее и я рад был, что имел случай им всем услужить. Итак, ужин в сей день был у нас очень веселый, и день сей был прямо достопамятным для всех соучастников в наших дачах.

Но как письмо достигло уже своих пределов, то дозвольте мне теперь на сем месте остановиться и сказать вам, что я есмь ваш и прочая.

(Ноября 19-го, 1807)

[1] Невзначай.

ПРИЗЫВ МЕНЯ В КАШИН

Письмо 142-е

Любезный приятель!

Описав в предыдущем письме межевание наших дач, или паче обойдение вокруг оных и отделение их от посторонних владений, скажу теперь вам, что сим межевание наше далеко еще не кончилось, но предлежали нам еще многия хлопоты и в разсуждении онаго заботы.

Кроме того, что оставалась еще маленькая луговая отделенная дачка, лежащая за церковью не обойденною и неотмежеванною, самыя разныя наши пустоши внутри дачи не были еще разрезаны и отделены друг от друга.

Произошло сие, как я вам уже упоминал, от погрешности межевщика или паче от того, что ему хотелось скорее нашу дачу обойтить кругом, дабы по положении на план можно было по исчислению узнать, сколько у нас всей земли вообще было, и, с тем сообразуясь, принимать меры и к примирению нас с волостными, которым он, будучи ими задарен, толико благоприятствовал.

Может быть, думал он устрашить нас огромностию дачи и великостию числа сей земли и чрез то удобнее преклонить нас к уступке волостным заспоренной земли.

Однако попал он не на таких людей, которые бы слепо дали ему водить себя за нос, но которые разумели и сами сколь-нибудь все межевыя дела и уставы. И потому, продолжая об ошибке его молчать и приняв вид, будто бы я совсем оной не приметил, ожидал я, – что, по окончании помянутаго обхода кругом нашей дачи, он предпримет и нашу ли внутренность будет размежевывать или обратится куда в иную сторону.

По надлежащему надлежало бы ему приступать к первому и стараться как можно скорее ошибку свою исправить, чего и надлежало тогда ожидать.

Но, как удивился я, услышав, что межевание опять на несколько дней отсрочивалось и что г. Лыков разъезжал только по гостям, давал себя везде угощать и потчивать, а не предпринимал ни того, ни другого и ни сам не межевал, ни своего помощника, помянутаго второклассnаго землемера г. Сумарокова, не заставливал.

Более 10 дней продолжалось такое его бездействие, и мы, находясь в безпрерывном ожидании, не знали, что о том и думать и заключать, и внутренно досадовали на межевщика за сию почти непростительную медленность. Более же всех была она мне чувствительна, ибо домашния мои обстоятельства привлекали меня в другое место и требовали неотменно скораго отсутствия моего от дома.

Племянница моя, *Травина*, прислала ко мне около сего времени нарочнаго человека из Кашина с уведомлением, что мачеха их приехала уже в Кашин и неведомо как просила, чтоб я поспешил к ним своим приездом для сделки с нею, в разсуждении следуемой ей к получению указанной части из имения умершаго моего зятя, а их отца, и которую часть племянницам моим у ней купить хотелось.

Итак, надлежало мне неотменно туда съездить; но как можно мне было отлучиться при тогдашних обстоятельствах и при неоконченном еще межевании и отъехать в самый критический момент времени?

Признаюсь, что призыв сей меня очень смущал, будучи весьма неблагоприятным. Но мы не успели еще собраться духом, как глядим, смотрим, прискакал другой гонец из Кашина, и племянница всеми святыми умоляла меня, чтоб я поспешил как можно скорее своим приездом.

Она писала ко мне, что мачеха их была у них в доме, что несет пыль непомилованную[1] и не хочет никак продавать им своей части, и дала им сроку только на 10 дней до моего приезда, и что самое сие побудило ее послать ко мне еще нарочнаго и просить, чтоб я поспешил к ним для Самого Бога.

Что мне было тогда делать? Могу сказать, что находился я в крайнем замешательстве и проклинал межевщиков, гуляющих столь долго и нас недомежевающих.

Со всем тем ехать мне было еще никак не можно, ибо предстоящее и ожидаемое всякой день размежевание пустошей так было важно, что без себя оставить и препоручить оное никому было никоим образом не можно.

В сей крайности другого не оставалось мне, как в тот же день приниматься за перо и писать в Кашин письма, и я занимался тем почти целую ночь, ибо писать надобно было ко многим.

[1] Несет немилосердную чепуху.

К племянницам своим писал я, что всячески постараюсь скорее в путь отправиться, и что, может быть, в неделю все свои дела кончу и к ним выеду.

К мачехе их писал наиубедительнейшее письмо, чтоб взяла терпение и меня подождала; а ко всем их милостивцам и соседям писал также с убедительною просьбою, чтоб они в случае, если мачеха меня не дождется, не оставили их своим вспоможением.

Но не одно сие меня еще удерживало, но было и другое обстоятельство, меня останавливавшее. Случилось так, что около самого сего времени надобно было приехавшей ко мне с тещею моею из Кашина средней племяннице моей, *Любови Андреевне*, занемочь у меня горячкою и находиться от ней в самой опасности; а сверх того, случилось и других больных в доме моем множество, так что не осталось ни одной почти девки в самых хоромах здоровою, а много и людей было больными, и я трепетал духом, боясь, чтоб не занемочь и самому при таких повальных болезнях.

Итак, отправив в Кашин письма, расположился я ожидать продолжения межеванья, доколе только будет можно, а между тем чтоб не терять празднаго времени по-пустому, употребить все оное в пользу.

И как в дачах наших не вся еще внутренняя ситуация была у меня снята на план, а сие было крайне нужно, то, во-первых, принялся я за сие нужное дело и препроводил в том несколько дней сряду.

Во-вторых, как межеванье долженствовало скоро дойтить и до села Тулеина, в котором я вместе с другими владельцами имел наивеличайшее участие, а количество наличной земли в сем селе не было мне еще известно, то решился я и ее снять предварительно на план и, измерив, узнать, полная ли в ней дача или есть лишек или недостаток.

И какая досада была для меня, когда, сняв сию дачку на план, измерив, увидел, что и в ней около 50-ти десятин оказывалось примеру.

«Боже мой! – говорил я сам себе. – Куда ни кинь, так клин; надобно ж и тут случиться излишку, и предстоят также опасности!»

Мне сие тем было неприятнее, что доходили до меня слухи, что и по сей деревне некоторые из соседей замышляли производить ссоры.

Итак, стал я бояться, чтоб не потерять и тут сей примерной земли и почитал и для сего межеванья присутствие мое необходимо нужным; а сие прибавило мне еще более горя.

В-третьих, как спор с волостными не выходил у меня ни на минуту из ума, и чем более я об нем помышлял, тем опаснейшим он мне казался, то пришло мне на мысль, не могло ль бы мне в сем опасном случае послужить сколько-нибудь в пользу, если я отнесусь об оном письменно к самому их господину и, представив всю наглость и явную несправедливость его отводчиков и поверенных, а свою справедливость, попрошу о собственном разсмотрении сего дела, и приказания оставить нас, как добрых и всегда мирно с его волостными живших соседей, в покое?

Мысль сия показалась мне хотя сначала и странною и намерение не обещающее хорошаго и вернаго успеха, однако как она мне нравилась, то восхотелось мне предпринять сие дело хотя наудачу и в том мнении, что если б оно и не удалось мне по желанию, так, по крайней мере, ничего худшаго от того воспоследовать не может.

Итак, подумав и погадав о том дни два, решился я наконец к сему делу приступить, и более для того, чтоб после самому на себя не досадовать, для чего я не испытал сего сделать. «Почему знать, – говорил я сам себе. – Может быть, и удастся, и ежели б удалось, то как бы хорошо; а ежели и не удастся, так беда не велика! Пропадут толико мои труды да потеряю я гривны две-три за письмо, заплаченные на почте». Но не успел я приступить к делу, как явились затруднения, едва было не уничтожившие все мое намерение, а именно сделался вопрос, как писать к такому большому боярину, каким был тогда у нас господин *Нарышкин*?

Никогда не имел еще случая с такими большими господами и вельможами переписываться, а особливо о таком критическом деле, каково было мое!

Словом, я не знал, как и приступить к тому. Однако, подумавши, отважился написать, как умел и как Бог на разум наставил, но признаюсь, что запинался тем несколько дней сряду и отер не одну каплю пота с чела своего, вымышляя, как бы написать убедительнее и лучше, а при том и не унижая себя пред ним слишком.

Я изобразил ему в возможной краткости, но наияснейшим образом все дело, и не только приобщил краткую выписку из всех наших крепостей и документов, но для лучшаго объяснения всего дела сочинил и маленький примерной планец всем местоположениям и, приложив оное, убедительнейшим образом просил о разсмотрении сего дела и о возможном к нам снисхождении.

Словом, я употребил к тому все свое знание и искусство, и по изготовлении всего отправил оное в Петербург по почте.

Но ведал бы, сего лучше и не делал! Последствие оказало, что труды мои были совсем тщетны и хотя я и поныне не знаю, удостоил ли сей господин письмо мое прочтением или нет, но то, по крайней мере, мне известно, что не только я не получил никакого на то ответа, но и к начальникам волостным не было ничего о том писано.

Итак, думать было можно, что вельможа сей почел себя слишком увышенным пред такими дворянами, каких составляли мы, чтоб удостоить просьбы их какого-нибудь внимания.

Признаюсь, что тщетное ожидание мое и неудача была тогда мне несколько чувствительна и досадна; но как я почти и предвидел, что воспоследует сие, а не другое, то скоро в том и утешился, а стал уже пристальнее помышлять о употреблении всех возможных средств к своему защищению и к уничтожению всех затей моих противников.

Кроме сего, как времени в промежутке сем было много свободнаго, то по привычке своей не терять из онаго ни одного часа по-пустому, занимался я еще несколько дней особливым делом, а именно:

Мне пришла однажды мысль отведать сочинить некоторый род экономическаго журнала. Обстоятельство, что мне известно было множество экономических вещиц, о которых не безполезно было сообщить своим согражданам, и что не можно было никак сообщить все их в Экономическое общество, побуждало меня и в тогдашнее уже время испытать, не можно ли сообщить их соотечественникам моим образом журнала, какия многия издаются в землях чуждых.

И как мысль сия мне отменно полюбилась, то я того ж часа приступил к первому опыту и, занимаясь тем несколько часов, успел написать первые два листочка, и что всего страннее, то тогда ж еще придал сим листкам название «Сельскаго жителя», власно как предчувствуя, что некогда доведется мне в самом деле издавать журнал такой под сим именем и чрез него сделаться всему отечеству своему известным и полезным.

Но как тогда все предприятие сие было пустое и производимое для единого препровождения времени, то при сих двух первых листках, которые и поныне у меня целы и тогда мне очень нравились, все дело и осталось, и я за разными другими упражнениями и не продолжал онаго далее.

Кроме сего, успел я в сие время и еще одно дельце сделать. В садах моих поспели около сего времени яблоки и груши, коих в сей год родилось довольно; итак, не упустил я и сего из вида, но в превеликом удовольствии препроводил дни два в снимании оных и в прибирании к месту.

Но и за всем сим оставалось еще довольно времени к свиданию с соседями и к препровождению целых дней в сообществе и собеседовании с оными.

Нам удалось в сие время побывать у нового своего приятеля и дружелюбнаго соседа г. *Хитрова*, и угощать и самого его у себя и чрез то увеличить наше знакомство; а приезжали к нам многие и другие гости. А сверх того, удалось мне не только видеть, но и целый день просидеть и с соперником моим генералом князем Горчаковым.

Случилось сие в Сенине у соседа моего, г. *Ладыженскаго*. Он звал нас к себе к празднику Фрола и Лавра, и как услышал я, что будет у него и сей князь, то и поехал я к нему тем охотнее, что мне давно хотелось быть с ним где-нибудь вместе и посмотреть, как он со мною в компании обойдется и станет ли говорить что о межевании или нет.

Таким образом ехал я туда с крайнею нетерпеливостью и, наконец, сподобился видеть его сиятельство и вместе с ним обедать.

Мы провели с ним весь день, против всякаго чаяния моего, как приятели, в безпрерывных и приятных разговорах. Он охотник был разсказывать военныя дела и бывшия с ним происшествия, а я любил оныя слушать.

Итак, говорили мы все о войне, и хотя ждал я с нетерпеливостью, не начнет ли он говорить о нашем межеванье и споре; однако, к крайнему удивлению моему, не упомянул он о том ни единым словом и мы разстались с ним дружелюбно, но не говоря о том ничего.

А, по крайней мере, наслышался я от него о множестве неизвестных мне обстоятельств войны тогдашней, и свидание сие, а может быть, и мое снисходительное и дружелюбное с ним обращение помогло много и к последовавшему после того примирению и полюбовной с ним в разсуждении спора нашего сделке, о чем перескажу вам впредь в свое время.

По отъезде князя проехали мы с женою из Сенина в Дятлово, к госпоже *Иевской*, Дарье Семеновне, и ее сестре, и нашли там тещу мою и обеих хозяек в превеликих суетах.

У них заводилась тогда свадьба. За старшую дочь госпожи Иевской сватался жених, и на тех днях надлежало быть сговору. И как теща моя

была ей близкая родственница, то и помогала она им в приуготовлениях, обыкновенных в таковых случаях.

Наконец, по долговременном и нетерпеливом ожидании, проснулось опять наше межеванье, и нам учинена повестка, чтоб все собрались 20-го числа августа на наш погост.

Я не знал, что начнет межевщик межевать: наши ли разрезывать пустоши, ермаковскую ли, иль церковную землю, или иную какую?

Но как удивился я, когда г. *Лыков*, приехав туда, объявил, что станет в тот день межевать совсем не наши земли, а дачу деревни Матюшиной, принадлежащей князю Горчакову, и тотчас туда и поехал.

Досадно было мне, что пустоши наши оставались и тогда в забвении; но как переменить того было не можно и настоять на то не было причины, то хотя до матюшинского межеванья и не было мне никакой нужды, но, надеясь, что там будет и Хитров, как смежный владелец и я могу с ним видеться, вздумал и сам туда же ехать.

Мы нашли там самого князя, нас дожидавшегося, а вскоре после того приехал и г. *Хитров* и началось межеванье.

Тут имел я случай видеть, что и у господина Лыкова есть голос и где ему надобно, там умел и уговаривать и отвращать споры.

И тогда мы, усмехавшись, говорили между собою: «Вот это знать не с волостными, как у нас. Там язык прилип к гортани, а здесь и велеречие проявилось».

У князя было два спора, с татарскими и савинскими, и мы за ними проваландались, не евши и не пивши, почти до вечера.

Наконец, наскучив, поехали домой, оставив князя хлопотать с савинскими. И я, видя что межеванье наших пустошей откладывалось в долгой ящик, приехав домой, стал уже помышлять о езде своей в Кашин и приказывать делать все нужныя к тому приготовления.

Наутрие сделалась ненастная погода, почему и думал я, что в сей день межеванья не будет. Однако в том обманулся и после обеда услышал, что межевщик выехал на межу. И как знал я, что он в сей день прикоснется к церковной земле, а мне была тут в разсуждении отхожего нашего луга нуждица, то выехал и я на межу.

Я нашел опять князя, размежевающагося с котовскими и савинскими и дошел вместе с ними до церковной земли, где произошло нечто смеш-

ное. Наши попы подрались было с ермаковскими и был у них превеликий шум и о самой безделке.

Мы приехали уже поздно домой и завезли с собою межевщика. Тут нашли мы тетку жены моей, госпожу *Арцыбашеву*, приехавшую к нам, чтоб вместе ехать на сговор к госпоже *Иевской*, которая и ей была родня.

День к сему назначен был следующий; но как случившееся в оной проливное ненастье не допустило жениха в тот день приехать, то отложен был сговор до другого дни, в которой мы, собравшись, туда и поехали.

Езда сия была хотя не дальная, но мы имели труда и безпокойств множество. Причиною тому было то, что от бывших в те дни сильных дождей вода на речке нашей так разлилась, как в половодь, и в обыкновенных местах переехать ее было никак не можно, почему и принуждены мы были объезжать кругом на Елкинский завод и ехать самою пропастною грязью на Савинское.

Между тем не одно сие меня безпокоило и озабочивало, но и то, что я не знал, не будет ли в сей день опять межеванья, и для того послал на завод спросить о том землемера. Посланный догнал меня на дороге, едущаго в Дятлово, и сказал, что в сей день будут межевать церковную землю и пустошь Ермакову.

Сие известие привело меня в великое замешательство. Я не знал, на сговор ли мне ехать или остаться для межеванья: и то и другое было нужно. Там не было никого из мужчин, кроме меня, кому бы быть главою и предводителем, а и тут без себя не хотелось мне оставить и потерять землю, которую бы мне получить было можно.

Обстоятельство сие было следующее: к церковной земле прикасались с одной стороны наш отхожий луг, а с другой – пустошь Ермакова. В обеих сих прикосновенных дачках, по измерению моему, был великий недостаток, а в церковной земле десятин десяток лишних.

Итак, хотелось мне, чтоб сим излишком наполнить сколько было можно наш луг, и я боялся, чтоб не упустить его в Ермаково, итак надобно было мне спроворить, чтоб у Ермакова с церковною землею спора не было, а связаться бы спором с нею нам только.

В сем случае и можно было мне получить весь излишек, который и действительно произошел от того, что церковники и бобыли исстари наш луг мало-помалу распахивали и чрез то его чрезвычайно уменьшили.

К тому ж и попы уже соглашались оный мне добровольно отдать, и более для того, чтоб не было в церковной земле никакого примера и бобылем не было никакого предлога оставаться жить на оной, и они охотнее стали б проситься на переселение их в другия казенныя земли и селения по примеру прочих.

Но как всему тому ермаковские спором своим могли сделать помешательство, то для самого того и нужно было мне неотменно быть при сем межеванье; но я долго не знал, что мне делать, продолжать ли свой путь в Дятлово или воротиться к межеванью?

Наконец, решился я последовать гласу дружества и родства и ехать к госпоже *Иевской*, а на погост послал человека, снабдив его нужными наставлениями, и доволен был после, что сие сделал; ибо межеванья церковной земли в тот день не было, а обмежевали только Ермаковскую пустошь, и к удовольствию моему безспорно.

В Дятлове нашел я всех занимающихся приготовлениями к сговору, но жениха еще не было, и его только ждали ежеминутно. Сделавшаяся от дождей превеликая грязь, и по речкам и ручьям везде сущее половодье, наводило на нас опасение, что он не будет.

Однако он преодолел все трудности и к нам в надлежащее время приехал; с ним были две его сестры и еще из соседей и приятелей его некто господин *Недобров*, по имени Александр Иванович.

Мы встретили и приняли их с обыкновенными учтивостями, и жених, котораго я еще в первый раз видел, показался мне человеком смирным, не из далеких, и принадлежащим к роду людей средних; но и девушка-невеста была ему по плечу и не из бойких, и потому была ровня.

Он был степной и имеющий изрядный достаточек дворянин из фамилии *Челюскиных*. Но как бы то ни было, но мы, посидев и поговорив немного, приступили к делу, и его с *Изоею Семеновною* оговорили.

Теперь разскажу я вам нечто смешное, случившееся тогда со мною.

Как время между сговором и ужином продлилось нарочито долго, то долг повелевал мне занимать гостей наших во все сие время разговорами.

Итак, адресовался я сперва к жениху; но как он был молодец неговорливой, то, оставя его беседовать по обыкновению с его невестою, обратился я к его товарищу, господину Недоброву, но в сем нашел уже истиннаго бирюка.

Отроду своего не видывал я такого несловоохотливаго человека и признаюсь, что сил моих уже недоставало приискивать средства к заведению его в разговор. О чем ни начну говорить, он не ответствует. Я начну о войне тогдашней: он слушает так, как бы был не русский и никакого участия в том не имел. Поговорю, поговорю и увидев, что он не внимает, перестану, и начну другую материю. Зачинаю говорить о экономии деревенской; но он и сие так слушает, как бы был совсем не деревенской житель и как бы ни до чего ему нужды не было. «Боже мой! – думал я сам в себе. – Что за диковина? До чего ж бы он был охотник? – Молчи, начну о приказных делах, авось-либо он их любит». Но не тут то было, ему они и в голову не лезли и он вовсе и в речь об них не вступал. «Ну, вот тебе на! – думал я. – Но это куда уже ни шло, о сем говорить и сам я охотник по-середнему».

Итак, погодя немного, вздумал я завесть речь о псовой охоте, хотя сам не разумел ни аза в глаза в разсуждении оной и всего меньше способен был брать соучастие в сих премудрых разговорах. Но оказалось, что он и до ней охотником не бывал. «Господи! – думаю я. – О чем же таком мне говорить с сим удальцом?.. Молчи, начну о лошадях, хотя сам ничего о сей материи не знаю, будучи до них совсем не охотником». Но он и тут только отмалчивался. Я об садах, он сопит только... Я о том, я о другом, но не тут то было, молчит мой товарищ да и только всего. Наконец нечего мне было иного делать, как таким же образом замолчать, что я действительно и сделал, и мы истинно просидели часа два не говоря ни слова. Но? по счастию моему, скоро накрыли на стол и мы пошли за него садиться.

После ужина поднялись было они ехать, но вдруг очутилась у нас против всякаго чаяния музыка и довольно еще изрядная: она была г-жи *Казариновой*, жившей в той же деревне. И ах, как мне тогда было жаль, что некому было танцовать со мною!

Я звать гостей, но сохрани нас Господи! Статочное ли дело, чтоб нам на то пуститься. Я звать барынь и барышень, но те с одним со мною не пошли; итак, поплясали мы только немного и потом разстались. Они поехали ночевать к помянутой соседке, а мы остались у хозяек.

Как в следующий день дошла уже очередь до церковной земли и она должна была межеваться, то, вставши ранёхонько, спешил я туда ехать и не остался с гостями обедать и по вчерашнему играть опять в молчанку, но сам себе говорил: «Бог с вами, государи мои! Ликуйте одни как хотите, а мне не до вас, а спешить надобно на межу!»

Я застал межевщика у себя в деревне, расположившагося обедать у моего соседа. Итак, отобедавши все вместе и поговорив о том, как бы лучше размежеваться нам с церковною землею, поехали мы на межу.

Тут при помощи землемера удалось мне окончить сие дело так, как только желать было можно. Попы согласились отдать весь пример в наш луг, а мы согласились променять им весь свой луг, который им был более кстати, нежели нам, и взять вместо его следующее количество пахатной земли в другом месте, а именно подле Трудавца и в смежности к нашим дачам.

И как надлежало о сем, по обыкновению, подать нам всем от себя к межевщику полюбовную сказку, то была она тотчас написана и приготовлена, и как нами, так и попами, а что всего важнее, и самыми бобылями подписана; и поелику сим все дело сие и утвержденным сделалось, то попроворил я, чтоб нам земля сия тогда же была и отмежевана и тем все дело сие формально было окончено.

Бобыли, увидев, что отмежевывается нам земли гораздо более, нежели как они думали, схватились, но сие было уже поздно, и делать им было уже нечего, почему так все и осталось.

И я могу сказать, что мне и в мысль не приходило, чтоб дело сие могло так скоро и удачно кончиться. А потому, будучи тем чрезвычайно доволен, нимало о том не тужил, что набегавшие тучками дожди нас несколько раз мочить принимались.

Таким образом окончил я благополучно и сие дельце, удерживавшее меня вместе с прочими от езды в Кашин. Я зазвал тогда межевщика с межи к себе, и мы приехали домой еще засветло. Подле ворот дожидалась и встретила меня другая радость, и сей день назначен был к тому, чтоб иметь мне удовольствие!

Стоял солдат из Каширы и подавал мне пакет запечатанный. Я тотчас догадался, что был он из Экономическаго общества, и в том не обманулся. Это была XIV часть «Трудов» онаго, которое Общество, по обыкновению, ко мне прислало.

Я любопытен был очень видеть, что в письме было написано, и, раздернувши пакет, нашел, что писано было ко мне, что я в посылаемой книге найду оба мои сочинения «О картофеле» напечатанныя, за которыя, поблагодарив, выхваляли господа члены мое усердие и труды в экономии и, побуждая впредь писать и трудиться, ласкали обещанием, что Общество меня за то, конечно, возблагодарит.

Все сие было, натурально, мне весьма приятно; но как далее уведомляемо было, что сочинение мое «О удобрении земель» еще в комитете и не апробовано; то сим последним извещением произвели они во мне маленькое и всем сочинителям свойственное неудовольствие. Ибо я, обманываясь тогда в заключении, что, конечно, оно не одобрится, готовился предварительно уже терпеть от того досаду, почему, смущаясь воображением, сим себя утешая, говорил: «Ну! что ж, беда невелика! Одобрится хорошо, а не одобрится, так можно и плюнуть. Трудов моих было довольно, а благодарности существительной еще очень мало; можно и перестать писать, ежели до чего дойдет дело».

В последующий за сим день межевалась Котовская дача, и как мне там делать было нечего, то я в сей день на межу и не ездил, а провел оный в доме, досадуя на межевщиков, что они пустошами нашими так долго медлят и об них власно как позабыли. Но я обманулся в своем мнении.

На другой день приезжает ко мне помянутый второклассный землемер, г. *Сумароков*, и удивил извещением, что г. Лыков уехал межевать Новашану, а в тутошних местах все поручил окончить ему, но что он не под каким видом не вступит в размежевание наших пустошей, ибо надобно знать, что г. Лыков погрешность свою, наконец, усмотрел и не знал уже, как приступить к сему делу и поправить оное.

Сие повергло меня в новую заботу и безпокойство. Я видел, что размежовки сей мнедолго не дождаться, а в Кашин ездою неотменно поспешить надобно, и потому не знал, что делать.

Г. Сумароков советовал мне ехать, обещая без меня не межевать и дожидаться моего приезда, а и о Лыкове уверял, что он без меня межевать не станет.

Итак, хотя и не хотелось, но принужден я был следовать сему совету и пуститься на отвагу; а просил только сего добродушного землемера о неоставлении меня по Тулеинской даче своим вспоможением, ибо боялся, чтоб мне не лишиться там моей примерной земли, что весьма легко могло стать по причине недостатка в тамошней церковной земле, которою завладели савинские; и землемер дал мне обещание исполнить все возможное, в чем по добродушию своему и сдержал слово.

Итак, решился я через два дня после того отправиться в путь и начал в оный тогда же собираться. Но тут долго не знал я, одному ли туда ехать или, как прежде думали, взять с собою и жену мою. Но как, с одной сто-

роны, от продолжавшихся тогда частых дождей дорога сделалась чрезвычайно грязной и в большом экипаже ехать было трудно, а с другой, по умножившимся в доме у меня болезням, не было ни одной здоровой девки, которую бы ей с собой взять можно, а сверх того, и племянница моя все еще была больна; но, к удовольствию моему, и сочли все брать мне жену с собой за невозможное, и я решился ехать уже один и налегке в путь свой.

В сих суетах получил я еще новую заботу. Приехал нарочной гонец из Шацкой нашей деревни с уведомлением, что и там межевщик приближается и чтоб я и туда ехал.

Сие навалило на меня новое горе; однако, как езжать туда никоим образом было не можно, и к тому ж и звали не слишком усильно, а сверх того, ехал туда и без того брат мой Гаврила Матвеевич, то препоручил я ему сию коммиссию, и на случай приезда землемера дал нужныя во всем наставления, а другое такое ж наставление и письменную, так сказать, *инструкцию* оставил соседу своему Матвею Никитичу в разсуждении размежовки наших пустошей, на случай, если паче чаяния, межевщик захочет без меня межевать наши пустоши.

И распорядив сим образом все свои дела, не стал долее медлить, но, распрощавшись со своими домашними и предав все свои дела в произвол судьбы, в предпринимаемый путь и отправился.

Сие путешествие мое и все, случившееся со мною во время сей езды в Кашин опишу я вам в последующих письмах, а теперешнее, как довольно увеличившееся, окончу уверением, что я есмь ваш и прочая.

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКВУ

Письмо 143-е

Любезный приятель!

Вознамерившись описать вам в сем письме путешествие свое в Кашин, предприятое тогда еще в первый раз в летнее время, начну тем, что как дорога от Москвы до Кашина в тогдашнее время для путешествующих не совсем была безопасна, но бывали иногда от бездельников в разных местах шалости, грабежи и разбои, то, отъезжая в сей путь, не пре-

минул я запастись множайшими людьми и нужным для всякаго случая оружием.

Всех нас было пятеро: я, да двое слуг, да два повозчика, ибо отправлялся я на двух повозках. Для себя избрал я маленькую дорожную и самую легкую покоевую коляску, а другая повозка была с нашею дорожною провизиею, и самая та, на которой приехал ко мне из Кашина посланный. Чтоб придать обоим моим слугам некоторый вид военных людей, то одел я их в красные камзолы с рукавами и синими обшлагами и воротниками и препоясал замшевыми портупеями, с привешенными на бедрах их старинными палашами. В сем одеянии походили они уже несколько когда не на полевых, так, по крайней мере, гарнизонных солдат и могли глупыми и незнающими людьми почитаемы быть таковыми. Кроме сего, не преминули мы запастись ружьями и пистолетами и наделать к ним несколько патронов с пулями.

В путь сей отправился я 28-го числа августа после обеда и, отъезжая, готовился заблаговременно к чувствованию скуки и досад многих. Ничто и поныне для меня так не скучно и не досадно, как путешествовать по грязной и трудной дороге, а тогда точно и была такая.

Бывшие до того частые дожди и продолжавшиеся по нескольку дней сряду ненастья произвели и на малых дорогах везде грязь превеликую; а чего должно было ожидать на большой тульской в Москву дороге, которой, как известно, нет многолюднее во всем государстве нашем.

В ожидании своем я и не обманулся. Не успели мы в деревне Ярославцове взъехать на сию большую дорогу, как и возчувствовали всю дурноту оной.

Она была чрезвычайно грязна и так дурна, что мы с трудом могли ехать, поспешить же никак было не можно. Итак, далее не могли мы никак в сей день доехать, как до большого села Липец, и были довольны, по крайней мере, тем, что нас не мочило сверху, ибо погода начинала понемногу переменяться и облака понемногу соединялись уже в густыя тучки.

Чтоб не допустить себя мучить скуке при медленной и безпокойной езде грязною дорогой расположился я уже с самаго начала, для меньшаго чувствования оной, возыметь прибежище к любимому моему и толь нужному для человеков искусству увеселяться красотами натуры и положением мест, и занимать себя колико можно такими мыслями, которыя могли б не допускать меня чувствовать скуку.

Всходствие чего и учинил тому тотчас начало, как скоро начала скука и досада ко мне появляться, и употребил для прогнания оной помышления о самой сей дороге.

Я привел себе на память все, что я некогда читал о всех происшествиях, бывших в прежния времена в местах тутошних; переселялся помышлениями в века протекшие и углубляясь в воображения различныя, говорил с самою сею дорогою, или паче сам с собою примерно следующим образом:

«О путь!.. Путь великий и знаменитый! Сколь многия века существуешь ты уже здесь и сколь многия сотни тысяч людей видел ты едущих и идущих? Сколь безчисленными тяжкими повозками были обременяемы и коликим множеством колес были разсекаемы мягкие хребты твои! Колико претерпеваешь ты и ныне еще от них ежедневно!.. Какия глубокия язвы и раны видны на тебе повсюду произведенныя! О, как велик и широк ты! И сколь многими людьми посещаешься ты в нынешния времена ежедневно!..

Но были некогда времена, в которыя не было здесь и самой малейшей тропинки, но свистел только от ветров высокий бурьян, по местам сим в глуши и дичи растущий. Единый только топот от быстрых коней претерпевал ты временем от татар, набегавших нередко на отечество наше и разорявших оное до самых тех мест, где протекает Ока, сия река многоводная и служившая так долго защитою бедному отечеству нашему от сих народов варварских и диких.

Коль много зла претерпевали предки наши, живущие в местах сих от сих грабителей жестоких! Может быть, не один раз видел ты их на себе посекаемых острием мечей их и слышал стон и вой увлекаемых ими в плен жен и девиц с собою, и орошаем был слезами текущими из очей их.

Вот селение, сидящее на тебе, которое и поныне служит памятником, что некогда были в местах сих окопы, носившие звание городков, в которых живали люди, отваживающиеся переселяться за Оку и в коих одних находили они некоторое спасение себе от набегов разорителей сих.

Вон там и поныне еще видны остатки древних окопов и высоких валов, ограждавших маленькия селения их и те высокие курганы, на которых станавливали стражи для примечания татар и благовременнаго давания всем жителям знать, чтоб они и сами скорее сбегались и скот свой сгоняли в окопы сии и тут вооружались для отпора врагам и разорителям сим.

Может быть, не один раз проливаема была самая кровь предков наших на самых тех местах, где ты лежишь теперь, путь широкой, и хребты твои напояемы были оною. Не тщетно и поныне селения здесь называются «городнями». По всему видимому живали здесь люди от самой уже древности, и многие роды их переменились с того времени, как здесь первые обитатели жить начали».

Сим или подобным сему образом говорил я сам с собою, проезжая деревню Городню, на большой дороге сидящую. Большой и широкой овраг, посреди котораго протекает тут речка Городенка, подавала мне повод к мыслям, что в тогдашния времена, может быть, и он, будучи крутоберегим, служил некоторою преградою татарам, и тем паче, что за ним видимые и поныне еще леса были, может быть, тут и в древности и при том обширные и непроходимые, а в промежутках между ими на полях находились оные окопы на высоких и крутых берегах оврага сего.

Самые сии леса, мимо которых проезжал я далее, подавали мне повод к помышлениям, что и они, может быть, некогда служили наилучшим и надежнейшим убежищем предкам нашим от татар при набегах их.

«Может быть, – говорил я, – не один раз живали они по нескольку дней и недель в глубоких оврагах, посреди лесов сих находящихся, скрываясь со страхом и трепетом от губителей их и дожидаясь обратнаго их отшествия!»

Обращаясь опять к дороге и беседуя в мыслях с нею, говорил я:

Да и тогда, когда ты существовать здесь начала, как невелика ты была, доколе в новейшия времена не сограждена была Тула. С того времени, может быть, сделалась ты сколько-нибудь более, когда начал существовать сей город и служить защитою от татар.

И с того времени сколько войск и сколько раз проходило здесь по тебе и конных и пеших, сколько раз стенала ты от тяжести огнедышащих орудий, везомых по тебе? Сколь много раз и сколь многие путешествовали по тебе здесь взад и вперед древние обладатели сих мест и праотцы владельцев нынешних! Сколько раз видала ты ехавших по себе самых князей и государей, владевших отечеством нашим!

Не один раз, может быть, летел по тебе какой-нибудь удельной князь с дружиною своею вслед других товарищей своих, поспешавших на войну, или для обороны отечества от татар, приближавшихся к местам сим.

Легко статься может, что и ближнее ко мне и на тебе сидящее селение Ярославцово название сие получило в древности от какого-нибудь владетельнаго князя Ярослава, с которым что-нибудь особливое в сем месте случилось.

Не один раз, может быть, и самые праотцы и предки собственнаго моего рода езжали по тебе и сматривали также на все места сии и положения оных. Но взирал ли-то кто из них на вас, милыя места, с такими ж чувствиями и помышлениями, как я теперь?!.

В сих и подобных сему размышлениях упражняясь и не видал я, как приближались мы к помянутому селу Липецам, получившему, может быть, название сие оттого, что некогда стоял тут огромный липовой лес, косою времени потребленный.

Тут открылись вдруг дальновидныя положения мест и представилось взорам моим множество новых и прелестных предметов, привлекавших наперерыв мое внимание к себе.

Широкой и огромной дол и синеющиеся за ним вдали леса, видимые с высоты холма того, где мы тогда ехали, преисполнили сердце мое некаким удовольствием, а сребристая многоводная Ока, извивающаяся величественно вдоль по оному и катящая вниз струи свои, освещаемыя местами вечерним солнцем, восхищали зрение.

Многие высокие холмы и возвышенные бугры, увенчанные лесочками, вместе с полями хлебными разных видов испещряли все нагорные и высокие берега величественной реки сей и кривизнами и мысами своими, выдающимися вдали друг из-за друга, придавали местоположениям сим еще более красоты; несколько селений, видимых на них вдали и сельские в них храмы увеличивали великолепие оных, а особливо белеющиеся вдали храмы и здания города Серпухова.

Никогда, никогда не проезжал я места сии, не утешаясь красотою оных, и никогда не мог налюбоваться ими довольно. Наконец и самое село то, в которое мы тогда ночевать поспешали, подало мне повод к размышлениям различным.

При самом даже въезде в него повстречавшийся с зрением обширный сад, окруженный несколькими рядами престарелых берез и других высоких дерев, и обнесенный решетчатою оградою, предвещал нечто величественное впереди; а представившийся вскоре потом зрению нашему каменный сельский храм и прямое насаждение лип стригомых, ведущее к

каменному едва приметному дому, и воздвигнутое насупротив онаго чрез дорогу обширное здание с некакою башенкою над собою, вмещавшее в себе конский завод, увеселяло зрение наше.

Принадлежало обширное село сие тогда еще графам *Головкиным*, бывшим некогда толь знаменитыми вельможами в отечестве нашем, и помянутый дом воздвигнут был тут для спокойнаго пребывания их при приездах в село сие; но все находилось уже и тогда в приметном упадке, клонящемся к запустению.

И самый храм, при въезде в село стоящий и лучшую красу ему придающий, не имел дальнаго великолепия, и достопамятен был тем только, что из среды служителей его произошел тот из первосвященников наших, который так славился уже и тогда отменным красноречием своим и, нося на себе имя славнейшаго из древних мудрецов, делал собою красу всему духовенству нашему.

Всегда, когда ни случалось мне проезжать мимо храма сего и взглядывать на хижины, стоящия подле онаго, не проходило без того, чтоб не сказал я сам себе: «Вот здесь, вот в сих местах и хижине, подобной сим, родился тот великий муж, который и поныне так славен умом, красноречием и великостию сана своего!..»

Шум от блеяния овец, и разные крики, и мычание бегающего по улице и вбежавшего только в село с полей многочисленнаго скота, и призывание нас жителями онаго наперерыв друг пред другом к ночеванию у себя пресек все умственныя разглагольствия мои, и я спешил приказывать избрать где-нибудь избу получше для ночлега своего.

Будучи до садов охотником и ведая, что все почти жители села сего были таковыми ж и что многие из них торговали прививными и почковыми яблонками и получали себе на том довольные прибытки, не мог я довольно наговориться о том с хозяином того двора, где мы ночевать остановились, и я наслышался от него обо многом до того мне не известном.

А всего более слушал с удовольствием разсказы его о господском тутошнем саде, расположенном за домом по горе, о красоте онаго, о многих прудах и сажелках, находящихся в оном, также о разных беседках и самом гроте, сделанном в нем, где граф, живая в сем селе иногда по нескольку недель, нередко брал себе отдохновение, – и, слушая сие, жалел, что не удалось мне все сие никогда видеть.

Наутрие, встав довольно рано и спустившись тут с известной высокой горы, продолжали мы путь свой по низкому, ровному и гладкому берегу реки к городу Серпухову.

Тут внизу не было тогда еще того селения, которое находится ныне, а украшался берег реки обширною и прекрасною рощею из дерев высоких, которой ныне и следов почти неприметно, а единые только пни свидетельствуют о существовании оной тут во времена прежния.

Подъезжая к переправе чрез Оку нашли мы величественную реку сию от бывших до того дождей так наводнившеюся, что все пристани и помосты водою были поломаны и плавали по оной, и переправа сделалась от того труднейшею.

Тогда не было еще чрез ее того плывучего моста, который ныне толико облегчает всем переезд чрез оную и за который все мы должны благодарить Великую Екатерину, повелевшую существовать всегда оному.

Колико веков до того прошло, а никому из обладателей России не приходило на мысль или паче не удавалось произвесть сие нужное дело и облагодетельствовать тем толь многия тысячи путешествователей всегдашних.

Как переправляться иначе было нам не можно, как на пароме, а сим за повреждением пристаней к берегу подъезжать было не можно; то принуждены мы были дожидаться, покуда перевозчики их опять помостят, и вооружиться до того времени терпением.

Чтоб ожидание сие сделать для себя менее чувствительным, то занялся я опять многоразличными помышлениями, относящимися более до реки, передо мною быстрые свои струи катящей.

Я воображал себе опять те древния времена, когда широкая и многоводная сия река служила вместо стены и наилучшею оградою и оплотом отечеству нашему от набегов татарских. «О! сколько раз, – говорил я сам в себе, – доходили сии грабители до берегов сих и паивали здесь струями сими лошадей своих! Сколько раз трепетала Москва от набегов сих, и прибрежные заречные жители со страхом и трепетом сматривали на шатры и станы их, разбиваемые на сих низких и ровных местах поемных. И поныне видимы еще неподалеку отсюда превеликие холмы и бугры, насыпанные ими на могилах умиравших начальников и вельмож их, и останутся навек памятниками тогдашняго бедственнаго состояния России».

Далее, увидя плывущие струга, говорил я: «Сколько громад таковых и колико сокровищ принесла ты, река многоводная, и приносишь и поныне по хребтам своим из одних мест в другия, отдаленныя отсюда, и доставляешь ими пищу и снеди целым миллионам народа. Но были времена, в которыя едва ли и лодочка какая плавала по тебе, и ты многия сотни лет текла здесь, никем будучи невидима и непосещаема.

Сколь многия тысячи людей питаешь ты рыбами и поишь струями своими, и сколько, напротив того, и погубляешь ты смертных в полыньях, при вешних страшных разлитиях твоих и при других случаях; у сколь многих жен похитила ты мужей, а у отцов – детей их! И поныне не проходит еще года, в который бы не погибало множество людей в тебе, а то же безсомненно будет случаться и в грядущия времена».

Таковыми и подобными сим размышлениями занимался я во все время, покуда приготовляли пристани, и мы переправлялись потом чрез реку сию.

Все сие задержало нас так долго, что мы не могли далее в сие утро уехать как до Серпухова, и тут принуждены были остановиться обедать и кормить лошадей своих.

Вид стариннаго города сего и разных в нем зданий подал мне также поводы к размышлениям особым.

При самом уже въезде в оный любовался я величественным видом монастыря Высоцкаго, представшим взору моему посреди широкаго отверстия между двух густых и высоких лесов, украшавших собою холм сей уже многия столетия и видевших праотцов наших.

Не менее того утешался я красивостию другого такого ж сограждения, за рекою Нарою, под большим сосновым бором предками воздвигнутаго, и дивился усердию и особливой охоте древних россиян к созиданию сих памятников набожности их.

Первый из них и поныне еще разрушающая все рука времени пощадила от разрушения; в нем и поныне еще обитают черноризцы, посвятившие жизнь свою возсыланию безпрерывных молений ко Творцу всех тварей.

Множество других храмов, возвышающихся высоко сверх кровов других домов, служили таковыми ж памятниками приверженности к вере как древних, так и нынешних жителей сего города.

Весь он, будучи построен по изгибистому и неровному косогору, представлял некоторый род красивого амфитеатра, и белеющиеся в разных ме-

стах остроконечные верхи колоколен с блестящими их златыми крестами придавали ему отменную красу.

Со всем тем внутренность его далеко несообразна была с наружною красотою. –Ежели сравнить тогдашния его кривыя, дурныя, грязныя и крайне безпокойныя улицы с нынешними широкими, ровными и прямыми и тогдашния на большую часть мизерныя хижины обитателей с нынешними, уже гораздо лучшими и порядочнейшими, то можно сказать, что ныне не походит он сам на себя, а особливо верхнею и проезжею частью онаго.

Тогда проезд чрез оный был самый безпокойный, надлежало спускаться под гору и ехать низом, и подле самых стен старинной каменной крепости, построенной на крутом мысу высокого холма, окруженнаго глубоким буераком и речкою Серпейкою.

Навислыя уже от ветхости и грозящия ежеминутным падением, производили страх и трепет в проезжающих мимо оных; множество вывалившихся из стен огромных камней лежали разбросанные по косине крутой горы сей, и многие подле самой дороги, и казалось, что в каждую минуту готовы таковые ж, скатившись с горы, раздробить проезжих.

Со всем тем никогда не проезжал я мимо сей твердыни древней без особливых чувствований. Служила она незабвенным памятником искусству древних при созидании городов своих, и я не мог довольно надивиться тому, с каким искусством умели предки наши сограждать высокия башни и стены твердынь своих из каменьев диких и величины огромной и связывать их так крепко раствором известковым.

Самое избирание мест к тому и замысловатое укрепление кривых входов в них не менее меня удивляло.

Со всем тем как тесны и малы они тогда были! Не более как немногия сотни людей могли в них жить и помещаться, и что могло значить такое малое количество? Рука времени разрушила уже и тогда наполовину всю твердыню сию и угловыя башни имели уже столь великие разселины, что угрожали ежеминутно падением.

Но сие было и не удивительно: более 200 лет тогда уже минуло с того времени, как воздвигнуты были сии стены и башни при славном нашем царе Иоанне Васильевиче.

Но древность города сего простиралась гораздо далее; более нежели за 400 лет до того упоминаемо уже в летописях о его существовании, и два

раза был он разоряем и опустошаем до основания: в первый раз от татар, а другой от литовцев, и было время, что был сей город столицею и местопребыванием одного старинного российского князя, по имени *Владимира Андреевича Донского*, по прозванию *Храброго*.

Было сие за 300 лет до того, и в самое сие время основан был и помянутый монастырь Высоцкой, славным у нас в древности святым мужем *Сергием* чудотворцем, который призыван был нарочно для основания онаго сим князем, и оставил тут ученика своего, *Афанасия*, игумном первым.

Кроме сего, и другой предмет привлекал к себе мое внимание тогда, подъезжая к крепости сей, надлежало проезжать мимо фабрик парусинных, которыми сей город в особливости славился. Было их тут семь, и более 600 человек занимались денно и ночно в приуготовлении сих тканей, толико нужных для морских ополчений не только наших, но и чуждых народов.

Превеликое множество вырабатывается и сотыкается их на 160-ти станах ежегодно, и знатная часть из них отправляется в иностранныя государствы, и на всех морях и океанах и во всех частях света, и даже в отдаленных краях Америки влекут они плывучие громады по хребтам морей синих и белеются на оных.

Помышляя обо всем том с особым удовольствием, смотрел я на безчисленное множество мотов пряжи, сушимой при белении оной на сограждениях особых, и помышлял о том, сколь многим городским и уездным жителям доставляли фабрики сии пропитание.

Не успели мы, покормив лошадей, выехать из сего города, как, переезжая пространныя равнины, окружающия оный, преселился я опять мыслями во времена протекшия и с особливым вниманием смотрел на равнины сии, видевшия некогда всю почти Россию на себе.

Я воображал себе то, что происходило тут за 170 лет до того времени и с удовольствием вспоминал, как славный наш царь Годунов, будучи обманут ложными слухами о нашествии и приближении татар, имел тут в собрании более 200 тысяч воинства российскаго для отпора от них и защиты отечества; и присутствуя сам, с пышностию и особым великолепием принимал послов татарских, приезжавших к нему с поздравлением и потом несколько дней сряду все войско угощал на равнинах сих в шатрах пиршествами на посуде драгоценной и приличным достоинству и пышности его образом, и сделал чрез то поля сии навек достопамятными.

Я воображал себе, как испещрены были поля сии тогда повсюду кущами и шатрами и усеяны несметным множеством народа; как курились повсюду днем дымы голубые и по ночам светились огни ясные, и как толпился повсюду народ и воины веков прежних, и какой гул раздавался всюду от движения криков и разглагольствия их...

Сим и подобным сему образом занимаясь разными мыслями и увеселяясь повсюду встречающимися новыми видами и красотами натуры, продолжали мы свое путешествие по дурной и от часу хуже становящейся дороге и доехали еще довольно рано до знаменитого села *Лопасны*.

Тут принуждены мы были переправляться чрез протекающую сквозь его и того же имени реку на скверном плотишке.

Сделавшееся от дождей великое наводнение в сей реке, разорвало бывший до того тут плавучий мост, и как она была тогда не только велика, но и чрезвычайно быстра, то имели мы много труда и даже самую опасность при переправе на плоту.

Со всем тем, переправившись на плоту кое-как, могли бы мы ехать еще далее; но как при проезде чрез большое и чрезвычайно грязное село сие испортились под харчевою повозкою моею колеса, то принуждены мы были остановиться тут ночевать и под повозку купить новыя колеса, которых, по счастию, нашли мы множество продаваемых, ибо село сие даже славилось деланием и продажею колес.

В нем находился и тогда уже огромный каменный дом, придававший, вместе с каменною церковью, селу сему красу немалую. В особливости же любовался я красивыми сажелками и прудами, обсаженными стриженными березками, которыя и поныне украшают село сие, принадлежащее одному из любимцев Екатерины Великой, пользовавшегося всех прочих короче ее к себе любовью.

Переночевав в сем селе, в последующий день встали мы очень рано, но поспешить ездою никоим образом было не можно: дорога была так дурна и тяжела, что я никогда еще таковою ее не видывал.

Бывшая до того от ненастья страшная грязь от переменившейся погоды начала густеть, но от самаго того дорога сделалась еще хуже. Колесы с трудом могли вертеться и из одной колесовины попадать то и дело в другую глубочайшую, и я принужден был к утешению себя употреблять всю свою философию.

К вящему несчастию, захрамела у нас одна лошадь и мы с трудом доехали до знаменитого села *Молодей*, которое далеко не имело еще тогда таких украшений, какия имеет ныне, и не принадлежало еще господину *Кроткому*, сему славному экономy и по особому странному случаю вдруг разбогатевшему человеку.

Проехав сие село и стараясь дотащиться кормить лошадей до *Кутузова*, не ехали, а с ноги на ногу брели мы чрез ославившееся в древности и между сими селениями обширное *Юшенское* поле.

Сие хотя не было уже тогда таково страшно, каково бывало оно в старину нашим предкам, проезжавшим оное всегда со страхом и трепетом, но пустота места, находящияся по сторонам вблизи густые леса и мысль, что в притекшие времена не один раз обагрялись места сии и самая дорога невинною человеческою кровию, проливаемой разбойниками, не дававшими почти никому проезда, и что не один раз лишался тут отец своего сына, а жена любимаго мужа, производила в душе некое особое чувствие, вливающее и тогда некоторый ужас и опасение, хотя расчищенныя поля и поселенная посреди деревня давно уже сделали сии места безопасными.

Отдохнув и выкормив лошадей в Кутузове и пустившись далее, имели мы много труда, покуда доехали до знаменитого села *Пахры*, переименованного после *Подольском*.

Никому тогда не приходило еще и в мысли, что некогда и чрез немногие годы после того будет село сие городом, но вид онаго и тогда был немногим чем хуже нынешняго и настоящий вид города едва ли ему скоро получить можно!

Тут принуждены мы были опять с превеликим страхом переправляться на плоту чрез реку, чрез сие селение текущую, довольно великую и такое ж имя на себе носящую. Такого спокойнаго плавучего моста на ней тогда еще не было, как ныне, и все проезжие должны были переезжать на плоту и от всегдашняго пьянства перевозчиков подвергаться иногда великой опасности.

Стоящий на берегу кабак поглощал все получаемыя ими за перевоз деньги, и был всему злу причиною. Сами мы нашли перевозчиков мертвопьяными и настрадались, переезжая с ними сию довольно широкую реку.

По счастию, помог нам много при том один севский купец, съехавшийся с нами в Кутузове и кормивший лошадей вместе. И как он вместе с нами потащился, то и услужил нам, показав и объездную дорогу от Пахры

до Молодец, которая была гораздо лучше большой и не так грязна, как оная.

Самое сие помогло к тому, что до селения сего доехали мы довольно еще рано и, не захотев тут останавливаться, отважились пуститься до деревни *Битец*.

Но отвага сия была неблаговременна и я раскаялся в том скоро, ибо разстояние между обоими сими селениями было немалое; и как мы оное должны были переезжать большою дорогою, то нашли мы ее в сем месте столь дурною, что принуждены были тащиться шагом.

Между тем день неприметно приходил к окончанию и мы посреди пути сего обмеркли; а как повсюду была молва, что около сих мест бывают от воров и шалости, да и положение мест было к тому удобно, то начали мы несколько уже и потрушивать и стараться поспешать как можно. Я то и дело понукал своего кучера, чтоб понуждал он лошадей напрягать все силы их к езде скорейшей; но самое сие и наделало нам много вреда.

Привыкнув к своим, хотя недорогим, но крепким лошадям и надеяся на них, и не помышлял я того, что не таковы были другия, бывшия с нами и самыя те, которыя присланы были с человеком, приехавшим звать меня из Кашина, и что они по нежности своей такого усильного труда перенесть были не в состоянии, и узнал, но уже поздно, что они от надсаду так разбились, что по приезде нашем в Битцы уже ночью, мы не могли их стащить с места.

В скверной сей деревнишке, славящейся издавна обманчивою меною лошадей, производимою жителями с проезжими, не успели мы расположиться, как и явились к нам хитрецы и обманщики и начали производить свое гнусное рукомесло.

Мы притворились, будто ничего не знаем о их плутнях, и дали им волю делать что хотят, дабы тем более посмеяться.

Обманы сии производили они хотя многоразличными образами, но наиболее следующим: один притворяется быть должником, а другой взыскивающим с него долг свой и отнимающим у него за то с великою суровостью лошадь.

Притворный должник, охая и плача, прибегает к проезжим, жалуется им на свое несчастье и тужит, что принужденным находится разстаться с своим животом, то есть доброю своею и надежною лошадью, и готов бы ее лучше иному кому, а не своему гонителю доставить в руки.

Таковою уловкою убеждает он незнающих проезжих к жалости и к тому, чтоб они с ним поменялись лошадью и ему что-нибудь придали, и сим образом въявь почти их обманывают и променивают им негоднейшую лошадь на хорошую и получают еще множество денег впридачу.

И сколько смешных историй не бывает в сей негодной деревнишке. Часто случалось, что иная проезжая боярынька от сожаления, видя утесняемаго и даже биемаго мнимаго должника, или льстясь получить лучшую себе лошадь, закладывала и свое платье и другия вещи, для получение взаймы для придачи такому обманщику, и после усматривала, что была обманута въявь, и вместо доброй лошади получила пренегоднейшую тварь.

А точно таким образом вознамерились было они и нас обманывать и выменять у нас приставших лошадей; но мы, посмеявшись внутренно их пронырствам и уловкам, кончили тем, что самих их одурачили, объявя, что нам все плутни их известны, и чтоб они убиралися скорее со двора.

Особливаго примечания было достойно, что в промысле сем упражнялись наиболее не тутошние жители, а приезжие издалека и проживающие тут нарочно для сего долгое время, и что продолжалось сие многие годы, покуда селение сие слишком уже тем ославилось. Тогда, оставив, переехали они совсем в другия места, на большой же дороге лежащия, где никто об них еще не ведал, и не престают и поныне еще таким же образом обманывать неосторожных и зажиточных проезжих.

Выкормив лошадей и дав им гораздо отдохнуть, продолжали мы в следующее утро путь свои далее и выехали из селения сего не рано, а дождавшись уже света.

Опасность от воров, гнездившихся в сих местах, внушила нам сию предосторожность. К тому ж как разстояние оттуда до Москвы было уже не велико, то и надеялись приехать еще очень рано, однако в том изрядно обманулись.

Дорога чем ближе была к Москве, тем становилась хуже, а лошади мои от часу слабее, и нам в езде в сей день была такая неудача, какой со мною никогда еще не случалось. Одна лошадь хромала и не могла вовсе почти иттить, а другая так разбилась, что стала в пень, и мы, часа два стоючи в грязи, не могли ее с места сдвинуть.

Признаться надобно, что минуты сии были для меня очень неприятны и я, позабыв тогда всю свою философию и все утешительныя размышления, мучился только досадою и прискорбием душевным.

Однако попавший мне на глаза и тогда еще стоявший четырехугольный невысокий столб с находящимися на нем на чугунных, в него вставленных, досках надписьми, служивший памятником бывшим в старину в Москве стрелецким бунтам и означавшим место, где они, казненные, были зарыты, обратил все мое внимание к себе, и преселив мысли мои в тогдашния смутныя времена, подал повод к размышлениям многим и особым.

Наконец показалась нам Москва, сия древняя столица и обиталище наших государей, и величественным и торжественным видом своим привлекла все мое внимание к себе.

Утро случилось тогда ясное, и я, по всегдашнему обыкновению своему, не мог зрением на безчисленный сонм высоких башен и блестящих куполов и глав храмных довольно налюбоваться.

Признаюсь, что вид великаго города сего с сей стороны мне в особливости всегда приятен и едва ли не самый лучший. Душа, при воззрении на таковое обширное обиталище безчисленнаго множества смертных, чувствует нечто особливое, и в каком бы расположении до того ни была, но вдруг поражается им сильно и охотно вдается в размышления различныя.

А всходствие того и я, как ни раздосадован был дурнотою дороги, но не мог преминуть, чтоб при первом и лучшем узрении сего великаго обиталища не велеть остановиться и до тех пор стоял, покуда глаза мои насытились зрением, а мысли и душа напоились удовольствием довольным.

Вскоре после того при подъезде к селению, известному под именем *Разстани*, занимался я паки помышлениями о том, чем место сие было достопамятно и от чего получило название сие.

Две дороги из Москвы расходились в сем месте в разныя стороны: одна на Каширу, другая в Серпухов; обе были большия, обе многолюдныя, и до сего места обыкновенно провожаемы бывали отъезжающия вдаль родственники и друзья московскими жителями.

«О, сколько нежных и от искренняго сердца проистекающих слез, – говорил я сам себе, – пролито на сих местах чувствительными и любящими друг друга душами! Сколько вздохов испущено из сердец и сколько людей видели друзей своих в последний раз и разставались с ними навек в местах здешних!

Не один раз, может быть, иную чадолюбивую мать, отпускавшую единороднаго сына своего на службу или на войну, в обмороке и в слезах утопающую, отвозили из мест сих обратно в Москву.

Не один раз, может быть, иная, выданная в замужство в отдаленныя места и отъезжая туда, разставалась здесь в последний раз с милыми родными своими и орошала землю слезами, из глаз ея текущими; и не один раз разставались здесь и любовники счастливые и несчастные, и провожали зрением милых друзей своих, покуда холмы сии скрывали повозки их от зрения оных!..»

Чем ближе подъезжали мы потом к городу, тем видимыя окрестности и места подавали мне множайшия поводы к размышлениям и побуждали не один раз самому себе говорить:

«О, чего и чего не происходило в древния и претекшия времена на полях, путях и холмах сих и сколь многим происшествиям были вы, все видимые мною места, свидетелями безмолвными! Не один раз все вы обременяемы были безчисленными ополчениями народов чуждых и своих, и по холмам сим раздавался гул от шума, производимого ими и безчисленными конями их!

Не один раз видели вы на себе несметныя орды татар самых, приходивших из стран дальних и приводивших праотцов жителей мест сих в страх и ужас.

Не один раз влекомы были самые обладатели града сего в плен к себе варварами сими, и со вздохами и слезами взирали в последний раз на любезную родину свою!

Сколько раз происходили на самых сих местах битвы и сражения страшныя, и земля сия обагряема и напояема была кровию праотцов наших и народов, чуждых и иноплеменных!

Колико прахов и сотлевающих костей лежат сокрытыми в недрах ваших, живших некогда людей и на местах сих жертвовавших жизнию за отечество!

Колико погибших в несчастныя времена, когда свирепствовала язва в местах здешних.

Сколько раз езжали цари и государи наши в самыя древния времена и новейшия, по местам сим и по самой дороге этой взад и вперед, бывая в любимом ими обиталище сельском, отстоящем отсюда вблизи, и достопамятным навек рождением в нем нашего Петра Великаго.

Колико раз тешились они на полях сих звериною и птичьею ловлею; сколько раз проезжал по местам сим оный великий и безпримерный монарх, преобразивший так чудно Россию и сделавший ее известною во всем

свете; утешался он некогда, как во время юности своей входил с сей стороны и по самому путю сему с триумфом в Москву, овладев Азовом и ведя с собою пленными врагов предков своих!..»

В сих и подобных сему размышлениях и не видал я, как доехали мы до самой заставы и въехали наконец в Москву.

Но как письмо мое достигло до своих пределов, то дозвольте мне повествование о дальнейшем моем путешествии предоставить письму будущему, а теперешнее кончить, сказав вам, что я есмь ваш и прочее.

(Ноябр. 23-го, 1807 г.).

ПРЕБЫВАНИЕ В МОСКВЕ И ЕЗДА В КАШИН

Письмо 144-е

Любезный приятель!

В предследовавшем письме описал я вам путешествие мое от дома до Москвы. Отпустите мне, если наскучил и отяготел я вас своими разглагольствиями. А теперь опишу вам пребывание мое в Москве и езду дальнейшую, но стану пересказывать уже все короче.

Как в Москве не располагался я в сей раз долго медлить, то, приехав в оную, спешил я поправить скорее все надобности, какия имел, дабы скорее отправиться в дальнейший путь.

Квартира для меня была в ней новая и готовая. Друг мой г. *Полонский* взял с меня клятву, чтоб, будучи в Москве, нигде инде не останавливаться как в его доме; однако я пристал наперед мимоездом и на часок в доме соседа моего Матвея Никитича, бывшем при самом въезде в Москву, и, одевшись тут, велел повозкам своим ехать прямо в дом к г. Полонскому, а сам, желая скорее исправить свои нужды, пошел пешком в город и ряды.

Идучи чрез Кремль, сей древний замок, в коем живали наши древние цари и государи, и проходя чрез самое древнее обиталище их, не мог, чтобы, остановясь, не полюбоваться несколько минут старинною и особенною архитектурою, тогдашним временам свойственною, а при том вообразив себе все происходившее в сих местах во времена предков наших, нельзя было, чтоб вздохнув, самому себе не сказать: «Боже мой! Чего и

чего не происходило в сих местах, и каким и каким происшествиям и даже самым страшным и ужасным сценам не были здания сии некогда свидетелями?..»

Тысячи мыслей толпились тогда вдруг в моей голове из всех тех, какия имел при читании истории времен притекших о всех происшествиях, бывших в древности в России, и некое содрогание потрясало тогда всю мою душу и производило в ней чувствования особыя и такия, которыя изобразить трудно.

Поровнявшись с славною нашею Ивановскою колокольнею, возвышающею златую главу свою так много выше прочих, увидел я часть разломанного древняго огромнаго здания, где отправлялись все наши суды и расправы.

«А! – возопил я тогда внутренно в душе моей. – Это место назначается для новаго чуда в свете, для здания такого, которое было бы наиславнейшее в свете и прямо достойным великих обитателей своих!»

И как время ни было для меня тогда коротко и драгоценно, но я не мог никак утерпеть, чтоб не зайтить на самое опростанное место и посмотреть, подлинно ли оно так хорошо и красиво, как о том молва носилась; и могу сказать, что красота и пышность сего места превзошла все мое воображение.

Как вся замоскворецкая часть сего великаго города видима была оттуда, как на ладони, то место сие казалось оттуда как бы вдвое выше, нежели каково было оно в натуре и я не мог как им, так и видом протекающею мимо его Москвы-реки довольно налюбоваться и признавал, что для замышляемого созидания тут обиталища государей не можно было избрать лучшаго места.

«Но, ах! – воскликнул я далее. – Совершится ли оно когда-нибудь и увидим ли мы его здесь существующим! Для здания такого многаго времени, трудов и иждивения потребно и не будет ли во всем том недостатка?»

В тогдашнее время делалась только модель сему дворцу, но и сия стоила многих тысяч, и я власно как предчувствовал, что из всего великаго предприятия сего наконец ничего не выйдет.

Прошед Ивановскую площадь, наполненную всегда множеством карет и народа, спешил я итти в ряды, где, накупив что мне было надобно, спешил я забежать в книжную лавку, бывшую тогда у Воскресенских ворот и спросить, нет ли в ней XII части «Трудов» нашего Экономическаго

общества; ибо как часть сия как-то не была ко мне прислана, то хотелось мне иметь ее у себя отчасти для выполнения моего собрания, отчасти для узнания, нет ли в ней чего-нибудь особливаго.

Услышав, что она есть, обрадовался я чрезвычайно, и как она была ни мала, а цена за нее довольно велика, но я с превеликою охотою заплатил все требуемое и спешил потом на Поварскую к г. Полонскому, котораго и застал я с женою, только что вставших и одевающихся.

Оба они были мне очень рады и, отведя мне особую комнату для квартирования, не менее радовались и тому, что сделавшаяся нечаянная в продолжение пути моего остановка воспрепятствовала мне в тот же день, по желанию моему, в дальнейший путь отправиться.

Остановка сия произошла от лошадей, или паче от коновала, призванного для сделания вспоможения оным. В особливости озабочивала меня одна из оных, которая совсем уже легла и не вставала с места, и господин врач сих животных предписал нам дать ей в тот день покой и отнюдь в оный не ездить.

Итак, принужден я был все достальное время того дня пробыть в Москве, и время сие провождено было очень весело.

У господина Полонскаго жили тогда тут с ними вместе обе его свояченицы и родная его племянница. Все сии девушки учились тогда танцовать и играть на фортопианах, и оба учители приезжали при мне и учили оных; а ввечеру надсадил нас со смеху один живописец, делавший разныя проказы и дававший волю над собою шутить и балагурить; а к ужину приезжала еще одна девушка, госпожа *Софонова*, и мы просидели и просмеялись очень долго, но зато ночь была мне не весьма спокойна.

Мне всю ее не дали уснуть досадныя блохи: их было такое множество в отведенном мне покое, что как я ни крепок и как меня они всегда очень мало безпокоят, но в сей раз дали себя прямо узнать и почувствовать, и я отроду нигде и никогда такого пропастнаго множества их не видал.

В последующий день, что было сентября 1-го числа, как я ни старался ранее выехать, но не прежде мог сие учинить, как уже после обеда.

Остановил меня все коновал лечением моей лошади, но со всем его врачеванием принужден я был оставить ее попраздновать в Москве, а продолжал путь на пяти оставших.

Отправляясь в сие путешествие, хотя и запасся я обыкновенным своим дорожным упражнением, то есть книгами, но в сей раз была со мною

такая, которую мне нетерпеливо прочесть хотелось, а именно вновь купленная в Москве экономическая.

Желалось мне прочесть ее наиболее для того скорей, что в ней находился «Наказ», сочиненный управителю господином *Вульфом*, и прочтение сего наказа было для меня потому в особливости интересно, что за несколько до сего времени послан был от меня такой же наказ, сочиненный по поводу учиненного всем, с обещанием награждения за лучшее золотою медалью, приглашения, и котораго о судьбе я был еще не известен.

Итак, не успел я из Москвы выехать, как принялся тотчас за него и, к удовольствию своему, увидел, что г. Вульф в «Наказе» своем схватывал одни только верхушки и что мой был несравненно его лучше и превосходнее.

Сие начинало льстить меня надеждою, что авось-либо мой удостоится обещаннаго награждения, а сие натурально и веселило меня некоторым образом.

Как о дороге от Москвы до Кашина носилась повсюду молва не очень хорошая, и все говорили, что она не смирна, то не только ехали мы с осторожностию, посматривая всюду и всюду по сторонам и вперед, но и желали иметь каких-нибудь и спутников; а сие желание наше и совершилось.

Не успели мы выехать из Москвы, как и съехались с одною боярынею, госпожею *Селиверстовою*, едущею также в Кашин. Я было очень рад был сему сотовариществу, ибо признаюсь, что весьма не люблю ездить по дорогам, на коих всякую минуту находишься в опасности от нападения разбойников.

Но госпоже сей что-то не угодно было с нами съютиться, но она то отставала от нас назади, то нас объезжала и опереживала, а вместе с нами ехать долго никак не хотела, но я был и тому уже рад.

Как погода тогда установилась изрядная и ехать можно было открывшись, то, едучи сим путем еще впервые летом, с любопытством смотрел я на все местоположения, и хотя были они совсем отменныя от наших открытых мест, и наиболее ровныя и лесистыя, но, будучи не без естественных и им свойственных красот, увеселяли довольное мое зрение.

Во многих местах, а в особливости поблизости Москвы, наезжали мы отчасти на саженныя, отчасти прорубленныя сквозь леса аллеи, ведущия к домам великолепным загородным; а в других наезжали целыя рощицы,

составленныя из дерев стриженых, что удивляло и веселило меня в особливости.

Первое селение, повстречавшееся с нами на сей дороге, была деревня *Лихоборы*, разстоянием от Москвы верст с восемь. Она сидела на небольшой речке, которую переезжали мы в брод по песчанаму дну, и была довольно изрядная.

Отъехавши от оной несколько верст прекрасною, ровною и гладкою дорогою, видели мы вблизости от дороги, в левой стороне, огромной дом с великолепным позади регулярным садом. Стриженыя дороги и шпалеры, видимыя вдали в соединении с домом, представляли для глаз прекрасное зрелище, и я любовался оным довольно.

Проехавши сие место, скоро приехали мы во второе селение на дороге, небольшую деревеньку, называемую *Лупихи*, имевшую в названии своем нечто подозрительное.

Она отстояла верст 7 от Лихобор и дорога до ней была изрядная и наиболее все полями. Неподалеку от сей видели мы в левой стороне другое село какого-то знатнаго господина, окруженное прелестным местоположением, которым я не мог довольно налюбоваться.

Сперва представился зрению моему длинный и широкий водоем, похожий более на прекрасное озерко, каким я сперва и почел, нежели на пруд. С левой и дальней от нас стороны окружен он был прекрасною рощею, сидящею на таком низком положении места, что она казалась выросшею из воды сего прекраснаго водоема. Самые берега покрыты были зеленью травянистою, а в роще видны были повсюду прекрасныя лужайки, разбросанныя между густых кулиг древесных.

Я, едучи вдоль сего искусством произведеннаго озера, не спускал глаз с него и с находящейся за ним помянутой прекрасной рощи, которую не успели мы миновать, как при конце оной увидели знатное село *Виноградово*, с великолепным и огромным каменным домом, который месту сему придавал еще более красы и пышности.

Кроме сего, в окрестностях сего села случилось мне впервые еще видеть межи между десятинами, поделанныя столь широкими, что на них в телегах ездить можно было.

Я удивился тогда сей странной экономии и не знал, что бы это значило, но после увидел, что и у многих знатных и богатых господ вводима была сия излишность в употребление.

Вскоре после того и отъехав версты 4 от прежней, приехали мы в третью и небольшую деревнишку на дороге; а за нею, проехав уже в сумерки еще одну маленькую деревушку, поспели ночевать в село *Хлебниково*, куда и успели благовременно еще доехать.

Село сие, составляющее пятое селение на сей дороге, сидело на реке Клязьме, текущею отсюда в Володимирскую провинцию и имевшей тут свое верховье.

Селение сие находилось по ту сторону сей реки, выстроено на ровном и низком месте, было нарочито велико и принадлежало графам Шереметевым.

Ночевав в сем селе, наутрие продолжали мы свой путь далее и ехали более уже бугристыми и неровными местами чрез деревеньки Капустино, Еремино, Шолохово, Сухарево, Хорево и Черную.

Все они были маленькия и не заслуживающия никакого внимание. Одно только Еремино удивило меня особливым и до того никогда еще не виданным предметом.

Будучи квадратно построенною, имела она внутри себя порядочный четвероугольный редут. Я никак не мог догадаться сначала, что б это значило, и был так любопытен, что нарочно, вышед из коляски, пошел смотреть оный.

Но каким поразился я удивлением, нашед во внутренности оного одну только воду и узнав, что сей четырехугольный высокий вал составлялся единственно из земли, выкопанной в сем месте при копании сего пруда совсем на ровном месте.

Тогда было сие для меня очень удивительно, но после, видя, что за Москвою и многия другия селения, за недостатком родников, речек и ручьев, имеют обыкновение снабжать себя сим образом водою, престал тому удивляться.

Проехавши верст с 20, приехали мы в большое село *Игнатово*, в котором обыкновенно все проезжие останавливаются либо обедать, либо ночевать; но как нам показалось кормить лошадей еще рано, то продолжали мы путь свой далее и доехали кормить до небольшой и почти разоренной деревнишки *Подосинки*.

Как погода была тогда наивожделеннейшая и лучшая для уборки с полей хлебов, то весь народ был в поле, и мы нашли в деревне сей все дворы запертые и насилу могли достать купить себе, что было надобно.

Выкормивши лошадей, пустились мы далее, и как дорога была гориста, то принуждены мы были то с горы спускаться, то подниматься опять на гору, и чем более приближались мы к городу Дмитрову, тем местоположения были гористее, выше и тем прекраснее.

Все горы и поля покрыты были богатою жатвою, а по сторонам всюду и всюду видны были между гор и на них селы и деревни; но на самой дороге было только одно селение – знаменитая деревня *Свистуха*, славная тем, что позади оной находилась прекрутейшая и превысокая гора, с которой не инако как с трудом спускаться было можно. Была она тут по случаю протекающей между гор и очень низко тут изрядной речки, чрез которую был немалой мост.

На берегу сей речки наехали мы товарищей или спутников своих, кормящих тут своих лошадей; а переехавши мост принуждены мы были на такую ж высокую гору подниматься.

До города Дмитрова было еще от сего места верст 9 и езда была все горами, с горы на гору, и мы то взъезжали на высочайшия места, с которых во все стороны было далеко видно, то опускались в глубокие вертепы и долины. Однако дорога проложена была везде по местам хорошим, и взъезды и съезды были отлогие и спокойные.

Сверх того, и ехать чрез сии места было отменно весело: повсюду по сторонам видно было множество сел и деревень, и на всяком почти шагу представлялись взорам новые виды и прекрасныя положения мест, так что безпрестанно можно было любоваться. Наконец, взъехав на одну гору, увидели мы и самый город Дмитров, к которому принадлежали все сии окрестности.

Город сей принадлежал и тогда к губернии Московской и отстоял от Москвы 62 версты. Он имел положение свое посреди глубокой, ровной и обширной долины, окруженной вдали высокими горами.

Окружностью своею казался он не гораздо велик, но имел довольно жила и церквей около 10, из которых некоторыя были каменныя и довольно изрядныя. Из прочих же зданий мало было в нем каменных хороших и знаменитых, а большая часть была деревянныя, очень, очень посредственныя, ограждающия узкия, не слишком порядочныя и по причине низкого положения очень грязныя улицы. Две реки, *Яхрома* и *Нетека*, стекаются в сем месте и протекают чрез сей город.

Кроме сего, видна была в правой стороне старинная и построенная при подошве довольно высокой горы земляная и довольно просторная крепостца; также находился тут и мужеской Борисоглебский монастырь, окруженный каменною оградою.

Как город сей принадлежал к числу старинных российских городов и основан был слишком за 600 лет до того времени, то, подъезжая, взирал я с особливым любопытством на все окрестности его, и на реку, текущую чрез сию равнину и, вспомнив все, что мне о сем городе из истории было известно, с некаким чувствием сам себе говорил:

«Вон, тамо, и верно в сем месте расположено было и стояло некогда войско несчастнаго изгнанца из Киева, великаго князя *Георгия*, сына *Владимира Мономаха*, и тамо-то, находясь с супругою своею на брегах сей реки Яхромы, обрадован он был рождением сына своего *Димитрия*, и в достопамятность происшествия сего дал он повеление о построении в этом месте сего города и назвал оный его именем.

Вот! – далее говорил я. – И ты, селение, ныне так маловажное, было некогда обиталищем и даже столицею некоторых князей российских, из коих иные даже великими назывались! И ты претерпело также многия беды и напасти и видело многия несчастия.

Не успело ты еще так сказать обострожиться, как первый владелец твой, рожденный на сих местах, владычествуя над тобою, принужден уже был вести войну с враждебным *Святославом*, князем Черниговским, и видеть все сие свое обиталище от него выжженным.

Лет со 100 после того славной Батый, князь татарской, при нашествии своем на Россию разорил тебя наряду с прочими городами, а чрез 50 лет после того *Дюдень*, другой татарский князь и нечестивец, опустошил и разорил тебя до основания; а за 150 лет до сего претерпели жители твои толикое зло от поветрия морового, что целых два года все храмы твои были без службы Божественной.

Вот сколько несчастий претерпел и ты в древности, но зато с того времени был уже ты во всегдашнем покое и оставалось тебе только богатеть и процветать с каждым годом от часу более...»

И в самом деле город сей как ни мал был, но довольно славился своими промыслами и торгами и находилось в оном множество фабрик и заводов.

Из первых в особливости знамениты были мишурные и позументный, коих количество в городе и уезде простиралось до 100; а из заводов в особливости славился заведенной за три года до того в сельце Вербильцове фарфоровый английским купцом *Гарнером*, которой после сделался так знаменит, что делаемая на оном посуда в доброте малым чем уступала саксонской и во всей России вошла в употребление.

Кроме промыслов и торговли разными продуктами, в особливости славился сей город произведением великаго множеству репчатого лука, которым засаживались превеликие огороды и производилась немалая торговля.

Впрочем, разсказывали мне жители, что находились в нем многие купцы, имеющие великой капитал, простирающийся до несколько десятков тысяч, чего бы по невзрачности и необширности сего города, не имеющего в себе и 2 тысяч жителей, и ожидать было не можно.

Как в сей город приехали мы еще очень рано, то не хотелось мне в нем остановиться ночевать; почему, искупивши, что нам было надобно, и снабдив себя овсом, продолжали мы свой путь далее, спеша доехать ночевать до села *Орудьева*, отстоящаго от Дмитрова верст десять.

На дороге до сего села не было ни одного жила, кроме одной деревушки в стороне, до котораго места езда была все дмитровским долом или болотом, простирающимся в длину на несколько десятков верст, и дорога была песчана и наполнена множеством гатей.

На сие достопамятное место не мог я смотреть без сожаления, что оно не осушено было лучше тогдашняго, ибо хотя на нем и росла трава, однако худо; а могло бы все сие обширное место превращено быть в наипрекраснейшие и величайшие луга и приносить государю гораздо более дохода, ибо оное и при нынешнем худом своем состоянии отдавалось из казны в наем за 2000 рублей ежегодно.

Поровняясь против помянутой в стороне лежащей деревушки, поднялись мы на гору и поехали опять высокими местами. Однако дорога все еще была песчана и не такова весела, как прежде.

Мы принуждены были ехать все перелесками, покуда приехали наконец в село Орудьево, к которому мы по отлогой горе спустились.

Мы приехали в него уже ночью, и для того остановились тут ночевать. Я проводил весь вечер в разговорах с хозяином о экономических матери-

ях, и слышал многие недостатки в тамошней экономии, которые могли с малым трудом исправлены быть.

Ночевавши в помянутом селе, отправились мы 3-го числа далее. Дорога и местоположения становились от часу отменнее; сперва ехали мы чрез обширное болото по мостам и гатям, при конце котораго находился монастырь, а там горами и песками, и все уже более лесом.

Первое селение наехали мы, отъехавши верст шесть, это была деревня *Жуково*, ничем не знаменитая.

Отсюда ехали мы все большим лесом, где дорога была хотя ровная, но песчана, а местами мостиста и грязна даже до деревни *Васиной*, отстоящей 7 верст от Жуковой.

Сей переезд был очень скучен, а притом и не безопасен: ворам было тут наиудобнейшее место водиться, да и самая деревня сия окружена была лесом, которым и после надобно было верст 5 ехать; однако в сей раз не видали мы никого, как ни посматривали по всем сторонам, проезжая сумнительный лес сей.

Тут доехали мы до границ Кашинскаго уезда, который отделялся от Дмитровскаго рекою *Дубною*, на берегу которой в Кашинском уже уезде сидела немалая деревня *Вотря*, где приткнулся углом и Суздальской уезд.

Хотя было еще несколько рановато, однако мы, переправившись тут на плоту чрез помянутую реку, остановились кормить лошадей и обедать, и я тут чуть было не покинул хромавшую кашинскую лошадь.

После обеда продолжали мы свой путь далее и ехали все безпрерывным лесом. Деревень на дороге было хотя немало, но все они были малозначащия и сидящия посреди леса и только маленькия поля кругом себя имеющия. Почему и перескажу я одни только их названия; они были следующие: Ростовцы, Гнилиша, Григорьево, Росаденки, Карачуново, Сотское и село Квашнино.

В сем последнем остановились мы ночевать; оно было небольшое и недавно пред тем опустошенное пожаром и тогда вновь строившееся.

Я принужден был тут ночевать в коляске по причине, что на квартире моей, равно как и во всех дворах, было преужасное и такое множество прусских мелких тараканов, что они везде и везде ползали как мухи, а я к ним естественное имею отвращение.

Как позади сей деревни надлежало нам проезжать сквозь длинный и большой лес и ехать наиопаснейшим местом из всей дороги, то заблаговременно помышляли мы о некоторых предосторожностях и ночевали тут с немалым опасением, а ночью и сделалась у нас тревога, которая перестращала было всех нас чрезвычайно, но кончилась смехом.

К нам пристань один замосковский мужик, едущий также в Кашин с оброком к господину. Ночуя тут, спал он подле моей коляски и тележенки своей, на улице. Тут пропади у него его лошадь.

Боже мой, какое поднял он оханье и туженье, когда, проснувшись, не увидел своей лошади. «Их, братцы! – закричал он вскочив без памяти. – У меня увели лошадь!» И тотчас бросился ее искать.

Мы сами подумали, что сбездельничали сие тутошние жители, но скоро узнали, что мы напрасно их в мыслях похлопали.

Лошадь нашлась. Она, сорвавшись, пошла добывать себе лучшаго корма и кушала в поповом огороде капусту. Какая это была радость у мужика, когда он нашел ее, и какими словами не приголюбливал он оную.

Дождавшись света, зарядив свое ружье и пистолеты, приготовив пули и все нужное к обороне, пустились мы в помянутый лес, называемый *Башаринской*, о котором и о бываемых в нем шалостях по всей дороге слух носился.

Сперва проехали мы версты за две от Квашнина сидящую на дороге деревеньку Смёнки, а потом пустились уже в лес, простирающийся в длину более нежели на 14 верст, и действительно опасной и самой способной для воров.

Дорога шла безпрерывным лесом и все изгибами и кривизнами; почему и ехали мы не без опасности, и то и дело кругом озираясь и во все стороны поглядывая и примечая.

Но как случилась она тогда хороша и везде так спора, что мы могли бежать на рысях, то в час времени и переехали мы более половины онаго не видав ничего; но тут повстречайся с нами прохожий и нас догадало его спросить, нет ли чего впереди, и смирно ли в лесу.

«Бог-ста знает, – отвечал он нам, – какие-то люди шатаются, но, может быть, и добрые, кто их знает! А не худо быть вам и осторожными».

Все мы изменились в лице, сие услышав, и едва имели столько духа, чтоб спросить еще: а далеко ли он их видел и сколько их?

«Видел-ста я их недалеко, отсюда с версту только, а сколько их, не считал; человек пять-шесть мне показалось, а может-ста, и более их было!»

Сие перетревожило нас еще того более. Все спутники мои, не бывавшие отроду ни в каких опасностях, перетрусились впрах и до того, что едва дух переводили и слово могли вымолвить.

Я старался всячески их ободрять говоря, что, может быть, то и не воры, а так какие-нибудь люди, а хотя бы были то и действительно воры, так верно, увидя нас и оружие наше, почтут нас людьми военными и не отважутся никак напасть на нас; к тому ж нас и не так мало, чтоб им со всеми нами скоро сладить можно было, а нужно только нам окрыситься и не струсить и не обробеть против их.

Сими и подобными сему уговариваниями ободрил и подкрепил я их сколько-нибудь, а между тем на всякий случай и распорядил, что кому делать и предпринимать в случае нападения.

Кучеру приказал я ударить тогда по лошадям и стараться не допускать схватить их, и в нужном случае кидать ворам в глаза, сухой песок, приготовленный нарочно для того в шляпе, полную горсть для ослепления оных.

Одному из слуг велел по них вместе со мною стрелять и по выстреле бить их прикладом; другому рубить палашом по рукам их, а заднему велел обороняться рогатиною, для того запасенною, и так далее.

Распорядив сим образом все и призвав Бога в помощь, пустились мы вперед, и не успели с версту от того места отъехать, как и действительно увидели в некотором разстоянии от нас впереди нескольких людей, шатающих подле леса и переходящих отчасти дорогу.

В тогдашнем страхе почли мы их наверное недобрыми людьми, и не успели их зазрить, как, ободрив вновь людей и подъезжая еще к ним, выстрелил я из одного из пистолетов своих, чтоб дать ворам знать, что едем мы не с голыми и пустыми руками, и тотчас потом зарядил его опять с пулею; а из людей велел одному приготовить и держать в руках свое ружье, а другому – обнажить палаш свой и, в сей позиции подъезжая к ним, кучеру приударить по лошадям.

И тогда, не знаю уже, вид ли наш, или количество людей, или выстрел учиненный мною заблаговременно, или приготовленное оружие удержало бездельников сих в пределах и власно как оковало.

Все они стояли подле леса, опершись ни то на дубины, ни то на рогатины свои, и смотрели только на нас мимо их скачущих, и ни один из них не осмелился и пошевелиться; а мы, проскакав мимо их и более ничего уже не видав, скоро после того и доехали до находящейся позади леса сего и при конце оного деревни *Башариной*, которая была довольно велика; однако мы ее проехали и, отъехав еще версты две, остановились кормить лошадей в селе Белгородке, ибо для находящихся впереди песков нам, не кормя лошадей, далее ехать не хотелось. Тут собрались мы наконец с духом и радовались, что удачно спаслись от опасности, нам угрожавшей.

Помянутое село *Белгородок* сидит на самом уже береге славной и великой нашей реки *Волги*, в самом том месте, где с сей стороны втекает в нее речка *Хотша*.

Само по себе село сие никакого примечания не достойно, но поблизости его находится какого-то господина другое село, с каменною церковью и огромным господским домом.

Помянутая церковь стояла на самом берегу реки Волги и, имея вокруг себя прекрасную каменную ограду, делала великолепный вид и казалась издали быть городом, или каким прекрасным монастырем.

Выкормив лошадей и пообедав сами, переправились мы под сим селом чрез речку Хотшу на плоту. От бывшего паводка и наводнения реки Волги была и она вдесятеро больше против обыкновеннаго, и мы не без труда чрез нее переправились.

Езда от помянутаго села была уже вдоль по берегу Волги, бором и лесами, довольно гориста и чрезвычайно песчана и тяжела.

Сими глубокими песками принуждено нам было ехать около 15-ти верст до того места, где нам через Волгу перебираться долженствовало, и на сей дороге наезжали мы многия на берегу оной сидящия деревни, как то: деревня Никулино, Растрятино, Ляушкино.

Но как ни дурна была дорога, но мы к перевозу приехали еще довольно рано, и надеялись убраться далеко за Волгу; однако в надежде своей обманулись.

Мы не застали парома на тутошнем береге, а был он на сопротивном, и перевозчики не скоро к нам его перевели; мы сколько ни кричали, но принуждены были часа три дожидаться и не прежде переехали, как уже в сумерки, да и то, по счастию, помог нам в том кашинский воеводский товарищ г. *Копылов*.

Ему случилось в самое то время ехать с той стороны для осматривания дорог и он принудил перевозчиков себя перевесть. Итак, мы с ним тут съехались вместе.

Он, увидел меня, подослал тотчас спросить, кто таков я, и, услышав, узнал, что я самый тот, котораго в Кашине давно дожидаются; и как ему хотелось со мною поговорить, то взошел он со мною на паром и мы с ним тотчас познакомились.

Человек был он уже немолодой, а притом простой и добрый; итак, не трудно было к нему прикроиться и с ним сладить.

Я не преминул с ним переговорить обо всем нужном, относящемся до того дела, за которым я в Кашин ехал, и он был так добродушен, что вызвался сам мне все разсказывать.

Он уведомил меня, что мачеха племянниц моих находится еще в Кашине и с нетерпеливостию меня дожидается, и советовал всячески уговаривать ее продать свою седьмую часть, обещая торговать ее сам, буде она нам продавать ее не станет.

Я был очень рад, что попался мне на первой встрече нужный и такой человек, который мне впредь может очень пригодиться, и сия встреча предвещала мне нечто хорошее.

Распрощавшись с сим господином, пустились мы на пароме чрез Волгу: она от бывшаго наводнения была еще очень велика и так быстра, что паром снесло далеко вниз, ибо он ходил тут не на канате, а на гребле. По счастию, был тогда небольшой ветерок сверху и волнения не было, а потому и переезжать было не опасно.

Не успел я переехать чрез реку, как, гляжу, другая коляска мне навстречу, и в ней одна госпожа, едущая на перевоз. Это была госпожа *Попова*, Татьяна Матвеевна, родственница покойнаго моего зятя.

Сия также, подослав спросить обо мне, желала со мною видеться и говорить; итак, познакомился я и с оною, и мы поговорили с нею несколько.

Все меня незнаючи знали, а я никого не знал и не ведал. Все меня просили, чтоб я не оставил моих племянниц, а меня и без того долг тем обязывал. Однако обеими встречами сими был я очень доволен.

Как переправились мы чрез Волгу в самые почти уже сумерки, то некуда было ехать далее, но мы принуждены были расположиться ночевать тут же на берегу, в находящемся тут славном селе *Медведицком*, называющемся сим именем потому, что сидело при устье реки *Медведицы*.

Сия глубокая и немалая река протекала сквозь Кашинский уезд и впадала подле самого села сего в Волгу. Самое село и находящийся в нем господский дом и многия знатныя деревянныя здания представляли с реки вид очень хороший. Мы наехали тут множество стругов, идущих вверх с ядрами, а иные с железом.

Как в минувшую ночь тараканы принудили меня спать на дворе и проводить ночь безпокойно, то тут употребил я осторожность и велел поискать для себя такой квартиры, где бы не было сих досадных насекомых.

Однако сие скорее сказать, нежели сделать было можно. Все люди мои принуждены были долго по всем дворам бегать и везде находили и тут превеликое их множество, и насилу-насилу нашли; и хотя я и долго принужден был стоять и дожидаться, но зато и получил квартиру очень хорошую, у богатого мужика, бывшаго во время Семилетней войны с купцами в Пруссии и живущаго тут в белой избе и очень изрядно. Итак, спал я в сию ночь спокойно.

Ночевавши в селе Медведицком, встали мы ранее обыкновеннаго и спешили окончить свое путешествие, ибо оставалось уже сделать один только переезд до дома моих племянниц.

Мы располагались было ехать вдоль по реке Медведице, но хозяин нам отсоветовал, а говорил, чтоб мы ехали лучше большою дорогою; которому совету мы и последовали и своротили уже на 16-й версте влево.

Тут надлежало нам ехать мимо одной деревни, где жил один мой старинный знакомец, спослуживец однополчанин и бывший мой капитан, Иван Федорович *Коржавин*.

Мне восхотелось к нему заехать и с ним повидаться, и как был он мне чрезвычайно рад, то просидел я у него часа полтора, напился чаю и наговорился с ним досыта обо всякой всячине.

Напоминание претекших времен и того, как мы с ним вместе служили и горе мыкали, было наиглавнейшим предметом наших разговоров. А как был он и племянницам моим дружен и живал с покойным зятем моим всегда в дружбе, то поговорили мы и о их обстоятельствах и он охотно соглашался, по просьбе моей, и с своей стороны помогать в чем будет возможно.

Разставшись с ним, ехали мы уже недолго, и наконец имели удовольствие приехать в село Веденское, где жили мои племянницы, благополучно.

Но как письмо мое нарочито уже увеличилось, то о дальнейшем разскажу вам в письме будущем, а теперешнее окончив, скажу, что я есмь ваш и прочая.

ХЛОПОТЫ ПО ДЕЛУ ПЛЕМЯННИЦ

Письмо 145-е

Любезный приятель!

Теперь по порядку надобно мне вам разсказать о пребывании моем в кашинских пределах и обо всем, там происходившем.

Приехав в дом моих племянниц, не нашли мы никого из хозяев дома. Сам большой, или паче малолетной, хозяин находился в городе Бежецке у учителя, а из племянниц моих большая, как хозяйка, поехала в бежецкую их деревню, а меньшая – в лежащее неподалеку село Зобкино к госпоже *Калычовой*, лучшей приятельнице и покровительнице моих племянниц, боярыне очень почтенной и добродушной.

Но, по счастию и равно как нарочно, случилось в тот день и незадолго предо мною, приехать к ним в дом одной старинной моей знакомке – *Лукерье Михайловне*, бедненькой, но крайне веселаго и шутливаго нрава старушке дворянке, живавшей часто у моих племянниц в доме для компании, и как не однажды и меня она в прежнюю бытность в Кашине до слез от смеха доводила, то была она мне очень знакома и я, обрадовавшись, ее увидев, закричал:

– Ах! друг ты мой сердечный, Лукерья Михайловна! Как я рад, что вижу тебя в живых и в добром здоровье! Все ли ты хорошо поживаешь и все ли еще всего на свете боишься?

– Слава, слава Богу, батюшка! – ответствовала крайне мне обрадовавшаяся старуха. – Насилу-насилу мы тебя, друга моего вернаго, винограда зеленаго, дождалися. Но чур, слышишь, чур, не стращать меня опять попрежнему!

– Добро, добро, – подхватил я, – это увидим, а ежели и постращаем немножко, то как быть... Но скажи-ка ты мне, куда ты хозяек-ка подевала?

– Вот тотчас, тотчас, батюшка, одна приедет, я уже послала за нею, а и другая не замедлится. Сядьте-ко, батюшка, небось ты устал с дороги, а вы, девушки, готовьте чай скорее.

– Хорошо, хорошо! – отвечал я. – А ты скажи-ка мне, друг мой, Лукерья Михайловна, не было ли опять с тобой какой бедушки?

– О! как не быть, – подхватила она, – с ума было недавно, батюшка, рехнулась, такая на меня напасть случилась. И что уж говорить, беды такой со мною от роду не бывало!

– А что ж такое, моя милая, нельзя ли нам сообщить?

– Чего, батюшка! Однажды как гостила я здесь и спала, помстись мне в полночь самую, что вон в церкви здешней будто благовестят к заутрени. Я-таки, не долго думая, вскочила и натянув на себя платьишко, черк к церкви, такая окаянная, не разбуди на ту пору никого, а одна, одинехонько по старой своей привычке. Вы знаете, отец мой, что я, грешница, люблю ходить к заутреням и молиться.

– Это не худое дело, Лукерья Михайловна! – сказал я.

– Так, батюшка, но слушайте-ка, что случись со мною... Прихожу к церкви, вхожу под колокольню, нахожу дверь в церкви незапертую, отворяю ее и вхожу в трапезу и дверь затворяю за собою хорошохонько; но вдруг не вижу никого в церкви и ни одной свечи, горящей пред образами, а покажись мне только в северныя двери огонек горящий в олтаре... Думаю: «А, что, конечно, пономарь пришел только еще один, и там свечки зажигает. Итак, успокоившись тем, стала я, батюшка, по обыкновению святым образам, хоть в темноте, молиться. Но как никто из олтаря не выходил, и не слышно было никакого шума и шороха, то приди мне в голову закричать: «*Кто в церкви?*»

Я удивилась, что никто мне не ответствовал, но, подумав, что пономарь узнав меня по голосу, нарочно притаился и надо мною шутит: кричу в другой раз: «Слышь, кто в церкви?» – Но как и на сие никто не отвечал, то стала тогда находить на меня уже оторопь.

Вы знаете, батюшка, что я всего на свете боюсь, однако я имела столько еще духа, что закричала еще раз и того еще громче: «Кто в церкви?» Но как и на сие не было ни ответа, и ни слуху, ни духу, ни послушания, то мороз подрал меня уже по коже.

Однако я все-таки еще думаю, что бездельник пономаришка надо мною издевается, как то иногда за ним и важивалось, и закричала опять: «*Ну что ж такое, право? Шутите ли вы что ли надо мною? И что ж это за шутка?*» и в досаде пошла сама, чтоб заглянуть в северныя двери в олтарь.

Но что ж, батюшка, как я вдруг тогда оторопела, когда, поравнявшись против дверей, увидела, что вместо показавшагося мне огня был то светящий прямо в волковое олтарное окно месяц, которому при закате онаго случилось приттить прямо против онаго, и увидела, что в олтаре никого не было.

Все члены мои тогда во мне вострепетали, а в голову, по пугливости моей, полезло и Господи что! Мне вообразились тогда и мертвецы-то, и все и все на свете; и тогда, не долго думая, бросилась я благим матом бежать из церкви в темную трапезу.

Но что ж, батюшка, надобно ж было на ту беду второпях бежать мне так близко подле входа в трапезу, что зацепись я, окаянная, платьем своим за высунувшийся конец одной низкой и очень лепко стоящей у стены полки с наставленными на ней мужицкими образами. Я обмерла тогда, испужалась и мне помстилось тогда, что ухватил меня либо мертвец, либо дух какой.

Итак, не долго думая, ров-таки я, что было мочи, и сорвала тем со стены всю полку, и они загремели, упадая наземь. Это перестращало меня еще того более и вообразись мне и Бог знает что.

Я, одурев даже от страха и испуга и в безпамятстве завопив: «Ай! ай! ай!», бросилась в трапезу искать дверей, но второпях не могла в темноте найти оных и стала шаркать руками по стенам. И вообрази себе, отец мой, как в трапезе все стены установлены были сплошь на полках образами, то, шаркая по оным в темноте, сорвала я еще одну полку, и образа полетели

с превеликим стуком, один за другим, на пол, и один из них попади мне в голову, а другой в спину.

Сие доканало меня совершенно, ибо как мне и в ум тогда не приходило, чтоб были то образа, а воображалось, что меня ловят, хватают и бьют, то я до того закричалась: «Ай! ай! ай! Христос воскрес! Свят, свят, свят!» и до того настрадалась, что без памяти упала на пол и не помню уже ничего, как прибежал в церковь услышавший мой крик поп с пономарем и нашли меня безгласною, лежащую на полу, и как меня вытащили на улицу, и привели в память.

Вот, батюшка, какое было на меня безгодье, а всему причиною был этот пономаришка: позабудь как-то проклятый запереть дверь замком, а затворил только так, выходя из церкви, оную.

Легко можете себе вообразить, что я никак не мог слушать сей повести не надседаясь со смеха до слез.

– Ну! нечего сказать, – говорил я. – Претерпела же ты, друг мой, Лукерья Михайловна, уж прямо претерпела бедушку; но жаль, что не случилось на ту пору меня в церкви, а то бы еще в добавок ухнул и тем тебя еще более испужал!

– Чего добраго, и ой-то хорошо, – отвечала она, – но вот наша и хозяйка.

И подлинно мы в самое то время увидели въезжающую на двор карету и удивились, увидя выходящих из ней не одну, но обеих моих племянниц; ибо так случилось, что возвратилась и старшая из них, *Надежда Андреевна*, из Бежецка и обе оне уже ехали домой и с посланным повстречались на дороге.

Свидание мое с племянницами было такое, какое никакому живописцу на картине изобразить не можно. Нелицемерная их обеих ко мне любовь, а особливо меньшой, которая меня почти не знала, была неописанна.

Оне не верили почти сами себе, что я у них, и прыгали, так сказать, с радости, думая, что избавились они уже тогда от всех бед и напастей. Ласковость и услужливость их была чрезвычайна и я не в состоянии никак изобразить оную.

Мы провели весь остаток того дня в безпрерывных разговорах; оне расспрашивали меня, а я их обо всем до их обстоятельств относящемся; после чего ходили мы прогуливаться в сад и рощу, а ввечеру приготовлена

была для меня баня, хотя я до ней нимало не был охотник и хаживал очень редко.

Как обстоятельства их были таковы, что мне к делу не инако можно было приступить, как посоветовав наперед с тутошними наилучшими и им благоприятствующими соседями, а из сих всех важней был некто господин *Баклановский*, по имени Алексей Семенович, дворянин по тамошнему месту знаменитый и бывший умершему зятю моему двоюродным братом, то сожалел я, услышав, что его не было в то время дома, и он куда-то отъехал. А мне наиболее и хотелось с ним наперед видеться и посоветовать, какия меры принимать нам лучше в разсуждении пребывающей тогда в городе Кашине их мачехи... Однако мы не преминули в тот же день послать об нем проведать; а поехала на несколько дней куда-то и помянутая ближняя соседка и лучшая благодетельница их, госпожа *Калычова*.

Расположившись дожидаться их возвращения, последующий день употребил я на разное: во-первых, побывал в церкви, посетил гробы обоих моих толь близких родственников, сестры родной и ея мужа, и заставил возслать о душах их обыкновенныя ко Творцу всех тварей моления.

Присутствуя при сем, не мог я воздержаться от слез и вздохов и занимался печальными помышлениями о рановременной смерти сестры моей и о неизвестности дления нашей жизни. «Увы! – говорил я сам себе в мыслях. – Кто б мог думать, чтоб столько уже лет сотлевал в сем месте прах того человека, который был ко мне так близок и любил меня так много; воображал ли я себе в последнюю мою здесь бытность, что я при будущем и теперешнем сюда приезде найду сестру мою уже во гробе сотлевающею? Но ах! знаю ли я и о себе что-нибудь: может быть, и сам я уже очень близок к таковой же участи и земля готовится принять и меня уже в свои недра!»

В сих и подобных сему размышлениях возвратившись в дом и не хотя ни минуты терять времени понапрасну, принялся я тотчас за дела и стал разсматривать крепости, счислять дачи и переписывать людей и все их недвижимое имение, дабы получить о том понятие, я занимался тем до самой ночи.

Между тем возвратился и посыланной к г. *Баклановскому* с известием, что он дома и велел нас звать к себе. Я обрадовался тому очень, но вкупе не весьма доволен был перепадающими слухами, подававшими повод к некоторым сумнительствам на сего господина; однако я по обыкновению своему решился смотреть, что скажет время.

Таким образом, поутру на другой день начали мы собираться к г. *Баклановскому*. Как он мне был еще незнаком, то не знал я, как лучше мне к нему ехать, к обеду ли или после обеда?

Жил он от дому племянниц моих не очень близко и более 20 верст, и как к обеду ехать к нему, как к незнакомому человеку, казалось мне дурно, а и в самой ночи не очень ладно, то за лучшее почли мы ехать к нему ни к обеду, ни к ночи, а поранее, дома позавтракав, чтоб в нужном случае можно было в тот же день и домой возвратиться.

Едучи к нему, не мог я довольно налюбоваться красотой и положением мест в сей части Кашинскаго уезда. Места сии были совсем от наших отменныя и столь ровныя, что ровней их быть было не можно: не было ни одной горки, ни одного холма, ни одной лощины и вершины. Земля же была повсюду хлебородная, покрытая богатою жатвою.

Сел, и деревень и господских домов видно было повсюду множество такое, что все обширное протяжение всего пространнаго и горизонтальнаго поля казалось ими усеяно. Одне только рощицы скрывали некоторыя от зрения; но и те, будучи прекраснейшия отъемныя и равно как нарочно насеянныя и насажденныя, придавали только местам сим наивящую красоту и великолепие.

Каждая деревня, из коих ни одна не походила на наши, имела поля свои особые и кругом огороженные, и в виду и близости у себя две или три деревеньки.

Селения сии были хотя небольшия, но довольно хорошия и прибористо построенныя, и в каждой почти выкопанной посреди прудок, снабжающий оную водою. Словом, все походило на некакой натуральный красивый сад или парк английской, и я во всю дорогу не мог довольно налюбоваться и навеселиться.

Как мы ни спешили, но приехали в Белеутово или то селение, где жил г. *Баклановский*, не гораздо уже рано. Я нашел тут все противное моему ожиданию и воображению.

Г. Баклановскаго казалось мне, что я негде видал, но не имел случая знать, а ему также лицо мое было знакомо. И как был он человек весьма хороших свойств, здраваго разума и охотник до наук и художеств, то мы скоро друг с другом сладили и сдружились. Он был мне очень рад и ни под каким видом не отпустил нас от себя в тот день, а особливо для того, что в последующий день был у него годовой праздник.

Итак, оставшись у него ночевать, провели мы всю оставшуюся часть дня и весь вечер в безпрерывных разговорах о материях разных.

Сии между такими людьми, как мы, были неисчерпаемы и г. Баклановский, любя говорить, особливо по вечерам, не переставал ни на минуту; а мне то было и кстати.

Я не уступал ему в том нимало и рад был, что сей случай не только познакомил меня с ним короче, но и подал ему повод даже полюбить меня и получить весьма хорошее обо мне мнение.

Таким образом праздновали мы в последующий день у г. *Баклановскаго* его праздник, и я имел случай видеть тут многих кашинских дворян и с некоторыми из них познакомиться.

Мы ездили с хозяином, как уже с приятелем, вместе к обедне в село Кожино, где было множество господ и госпож, и между прочими и сослуживец мой г. *Коржавин*, и гостей у господина Баклановскаго было множество, более 30-ти человек сидело нас за столом, и я имел счастье всем им как-то полюбиться.

После обеда хотели было мы ехать домой, но полюбивший меня г. Баклановский не отпускал, а уговаривал, чтоб остаться и в тот день у него ночевать; а как и мне хотелось с ним о нашем деле поболее поговорить, то и согласился я на то охотно, а с нами вместе остался ночевать и г. Коржавин, и нам было очень нескучно.

В последующий день поехали мы уже рано домой. Между тем возвратился посыланный в Кашин для проведывания о мачехе, с которою нам надлежало иметь дело, и привез известие, что она находится в Кашине, и тем очень довольна что я приехал скоро; также сказывали нам, что возвратилась домой и госпожа *Калычова*.

Услышав о сем, согласились мы тотчас к ней ехать и тем паче, что мне хотелось очень видеть сию госпожу, о которой наслышался я от племянниц моих так много хорошаго.

Катерина Федоровна приняла меня очень ласково и приятно, а и взрослый, но холостой еще сын ее, котораго звали *Федором Андреевичем*, обошелся со мною очень хорошо.

Я нашел тут дом совсем отменный от дома г. Баклановскаго и обхождение совсем другого рода. Вместо того, что там было все более подеревенски и без дальних затей и церемониалов, тут, напротив того, все было по-московски, все прибористо, щеголевато и хорошо и все порядки и

обхождения совсем инаково, нежели в том угле, где жил г. Баклановский и где все было смешано еще несколько с стариною.

Сама госпожа была уже лет за 60, но приятнейшая, добронравная и почтенная старушка. Она знала меня уже отчасти, ибо я видал ее в прежнюю мою бытность в Кашине; но в сей раз имел я как-то особливое счастье ей понравиться и она была мною очень довольна и обходилась со мною как родная.

Сына ея я до сего времени еще не знал, но мы спознакомились и сдружились с ним также скоро. Он был малый молодой, учившийся, умевший по-французски и охотник до поэзии и наук свободных.

Он пригласил меня в свои комнаты, которыя он имел особыя, где говорили мы с ним по-французски и он читал мне даже с восторгом некоторыя из стихотворений славнаго французского сатирика *Боало*, в которых находил он отменный вкус. Я не преминул сделать ему об них некоторыя замечания и дал знать, что они мне довольно знакомы.

Препроводив несколько времени в том, играли мы потом с ним в билиард, который имел он в своих комнатах. В сию любимую мною игру не играл я уже около 10 лет и с самого отъезда из Кёнигсберга, ибо тогда редко где они в домах бывали, и, к удовольствию моему, узнал, что и не совсем еще ее позабыл. Словом, мы провели с ним несколько часов довольно приятно.

Госпожа Калычова не отпустила нас никак без ужина; итак, возвратились мы домой уже ночью, где нашли приехавшаго из Бежецка и настоящаго хозяина, то есть моего племянника.

Мне нетерпеливо хотелось видеть сего будущаго моего воспитанника и ученика, и он неведомо как рад был, меня увидев.

Таким образом сдружился я с обоими домами, которым надлежало помогать мне в предпринимаемом деле. Я не преминул поговорить с ними обо всем; но как мы все не знали точнаго намерения мачехи, то и не могли ничего положить, а назначили день, в который бы нам всем съехаться и пригласить к переговорам мачеху.

В последующий день, во ожидании срочнаго и будучи одни дома, на досуге экзаменовал я моего племянника. Мальчик он был еще небольшой, имел понятия не совсем острыя, однако и не совсем тупыя и способности весьма средственныя. В Бежецке начал было он учиться по-немецки, но я нашел, что знал он еще очень мало.

Наконец настал срочный и тот день в которой решилась судьба моей коммиссии, или в которой имели мы переговор с мачехой моих племянниц.

Было сие 11-го числа сентября месяца. Мы пригласили всех к себе обедать, и прежде всех приехала мачеха с одною из своих родственниц, потом госпожа *Калычова* с сыном, там г. *Баклановский* с женою и сыном; а пообедавши, мы и приступили в делу.

Переговоры продолжались долго, и мачеха была боярыня хотя и не из бойких, но долго не могли мы ничего успеть.

К нам подъехал и г. Коржавин и старался также помогать нам уговаривать нашу упрямицу, сколько было в его силах, и мы не прежде как чрез несколько часов насилу ее уговорили, чтоб она согласилась всю свою часть и претензию племяннику и племянницам моим продать и взять за все деньги, и довольно умеренное количество и не более как 950 рублей, но с тем, чтоб и пошлины были наши.

Сим образом дело наше получило свое основание, и мы положили свидеться еще в последующий день у г. Баклановскаго и условиться о сделке.

Окончав сие по желанию, унимали мы было мачеху у себя ночевать; но как она не согласилась, то и разъехались все, кроме г. Коржавина, с которым, переночевавши и на другой день отобедав, поехали мы все в Белеутово, чтоб видеть опять там мачеху.

Г. *Баклановский* был нам рад и мы хотя нашли у него мачеху, но в сей день обстоятельства не дозволили нам трактовать о нашем деле, и мы принуждены были отложить то до последующаго утра и остаться опять ночевать у него.

Тут имели мы с ним опять множество разговоров, а особливо в его башне. Он, будучи женат на дочери придворнаго садовника, иностранца, имел у себя прекрасный регулярный сад со множеством разных произрастений, и в нем превысокую башню о множестве этажей, составляющую некоторой род китайской пагоды.

В сие-то любимое свое убежище завел он нас с г. Коржавиным, и мы не могли с ним довольно наговориться и я налюбоваться дальновидностью с высоты сего высокого здания, и видимыми с него многими прекрасными окрестностями. А в таких же приятных разговорах провели мы и весь вечер.

Наутрие был у нас с ним в кабинете его общий совет о том, на каком основании оставить мне своих племянниц, в разсуждении их домоводства, а с мачехою условились мы съехаться чрез день после того в Кашине для написания записи.

При отъезде подарил мне г. Баклановский несколько эстампов и семян садовых, каких у меня не было, и ссудил некоторыми книгами на подержание. А не успели мы приехать домой, как узнали, что была присылка за нами от госпожи Калычовой, к которой мы, пообедав дома, тотчас и поехали.

Госпожа Калычова была очень довольна нашим послушанием и приездом. У ней нашли мы целое собрание. Был у ней меньшой ее зять г. *Барков*, с ея дочерью Анною, также и приехавшая с Москвы старшая ея дочь, г-жа *Змеева*, и еще некто г. *Фаминцын*.

Препроводив весь сей день у ней с удовольствием и отужинав, хотели было мы ехать домой, но страшная гроза, остановив, принудила нас остаться у ней ночевать; и как я спал в комнате ея сына и опять имел с ним множество разговоров, то сей случай познакомил нас еще больше, и он меня очень полюбил.

Как наутрие случилось быть празднику Воздвижения Честнаго Креста, то старушка не отпустила никак нас от себя без обеда. Мы отправили в сие утро меньшую племянницу мою в Углич для занимания денег, ибо своих у них не было, а после обеда приезжал к нам кашинский секретарь, и мы переговорили с ним о записи.

Я очень рад был, услышав от него, что нам все свое дело можно было скоро и легко кончить в Угличе; итак, возвратились мы домой уже ввечеру и с удовольствием.

Поутру в следующий день, взяв малолетнаго племянника своего, поехал я очень рано с ним в Кашин, ибо в сей день условились мы с г. Баклановским съехаться туда и писать записи.

Город сей случилось мне в сей раз впервые еще видеть. Он показался мне не очень велик, а городком средственным, построенным на высоких неровных и кривых местах по обеим сторонам нарочитой величины речки Кашенки, протекающей сквозь сей город кривыми изгибами и верст за 7 от города впадающей в реку Волгу.

Со всем тем церквей и монастырей было в нем довольно. Первых насчитал я – каменных и деревянных 25, а последних 3. Но все они были не

весьма великолепны. Самые соборы, из которых в одном мне быть случилось, ничего дальняго не имели, кроме только, что в одном хранимы были мощи древней княгини тверской *Анны*, жены князя *Михаила*, лишеннаго за 450 лет до того в Орде жизни.

Что касается до прочих зданий, то не было тогда никаких отменно знаменитых, но все простыя, выстроенныя по горам и косогорам и по кривым и дурным улицам.

Впрочем, не было тогда в сем городе ни фабрик, ни других каких отменных заведений, кроме того, что славился он во всей России белилами, с отменным искусством тут делаемыми и по всей России разводимыми и которыя почитались наилучшими.

Кроме сего, славны были и кашинския так называемыя *беседки* или калачи особливаго и такого устроения, какого нигде в других местах нет; и я не мог довольно надивиться, как хочется людям при печении оных иметь столь многия труды, потребныя к сплетению такого множества мелких витушок или плетешков, которыми вся плоская их поверхность сверху укладывается. Разсказывали мне, будто они имеют то удивительное свойство, что они не черствеют; однако я худо тому верил, как совсем не натуральной вещи.

Мы приехали прямо в так называемый *Каблуков* монастырь и отслушали в нем обедню, а между тем подъехал и г. Баклановский с г. Коржавиным, и мы вместе с ними пошли в воеводскую канцелярию, куда вызывали и мачеху, но она не поехала никак.

Итак, вместе с воеводским товарищем обедали мы у игумена *Феодосия*, где написав черную запись, ездили уже после обеда сами к упрямой мачехе, и рады были, что наконец она ее апробовала.

Но тут было на нас другое горе. Не могли мы никак отыскать подьячего, у котораго на руках была гербовая бумага, и принуждены отложить то до последующаго утра. И как г. Баклановский пригласил нас ехать к нему ночевать, а наперед заехать в Дмитровский монастырь к строителю *Кесарию*, который был ему отменно дружен, то мы туда и поехали, но гости сии были мне очень неприятны.

Была у них тут по своей вере изрядная попойка, и как принуждали неотступно и меня брать в том соучастие то, ненавидя душевно сие гнусное и старинное обыкновение, не рад был, что и попался в сию компанию и насилу-насилу товарищей своих оттуда вызвал.

Переночевав опять вместе с г. Коржавиным в Белеутове, ездили мы на другой день вторично в Кашин и насилу кончили первое наше дело с мачехою, и написали крепостную запись в залог верности данного ею слова совершить купчую как скоро будет можно. Непостоянство нрава сей госпожи и неизвестность, скоро ли сыщем мы занять деньги, нас к тому принудило.

Последнее обстоятельство наводило на меня особую заботу и я боялся, чтоб оно не задержало меня долее, нежели сколько я хотел, в пределах кашинских. Но, по счастию, возвратившаяся из Углича племянница моя обрадовала нас уведомлением, что она деньги занять нашла, и оныя ей верно обещаны.

И как тогда оставалось только совершить купчую и для сего съездить с мачехою в сей провинциальный город, то и приступили мы к ней о том с просьбою; а поелику и самой ей хотелось скорей кончить сие дело и получить в руки деньги, то согласилась и она без дальняго замедления туда вместе с нами отправиться.

Итак, собравшись и поехали мы в сие недальнее путешествие. Ибо город сей отстоял от Кашина не далее как на 40 верст.

Оный случилось мне тогда также в первый раз еще видеть, и он несмотря на всю свою древность, показался мне немногим чем лучше Кашина. Он сидел на самом берегу славной нашей реки Волги, на ровном месте и окружен с одной стороны густою высокою рощею и был довольно обширен.

Я насчитал в нем более 25 церквей и несколько монастырей; но что такое составлял он в сие время против того, что был он в древности, когда окружность его простиралась до 24 верст, а вдоль и поперек его не менее 5 верст, и когда было церквей более 150 и одних монахов более 2000 человек, а число жителей простиралось до 30 тысяч, вместо того что в сие время было их с небольшим только 5 тысяч человек!

Ведая отчасти из истории обо всем, что происходило в древния времена с сим городом, не мог я, чтоб при подъезжании к нему не заняться разными об нем помышлениями и мысленными разглагольствиями с самим собою.

«И здесь, – говорил я, – обитало некогда великое множество смертных; и сие место было так долгое время обиталищем многих друг за другом следовавших удельных князей российских, из коих иные счастливую,

а другие несчастную жизнь провожали. Владельцы и государи сии были хотя небольшия, но имели также свои дворы и также своих приближенных и вельможей!

И сие обиталище толь многих тысяч народа ее спаслось от хищных и злодейских рук литовцев, разорявших за 200 лет до сего столь чувствительно отечество наше! Не пощадили они и сие несчастное место, и кровь предков лилась ручьями и обагрила всю землю в обиталище сем! Всех жителей истребили они мечом своим почти до единаго и домы их превратили в пепел.

В сие-то место сослан был некогда несчастный и последний остаток нашего древняго царскаго дома, и тут, коварством славнаго *Годунова*, стремившагося тогда на престол Российскаго Царства, в жертву принесен властолюбию его несчастный младенец, имевший только 7 лет от своего рождения.

Посреди белаго дня, по предательству мамки, поражен он был сообщниками тайных дел его ножом в горло и безжалостно умерщвлен, к неописанному прискорбию царицы, матери его, вместе с ним сосланной и здесь жившей.

И здесь орошаема была земля слезами матери сей сугубо несчастной и раздавался стон и вопль от граждан, долженствовавших терпеть наказание за чужия вины и беззакония и, разставаясь с милою родиною своею, переселяться в отдаленныя страны сибирския!

О времена! Времена и нравы! Как много переменились с того времени, и какое спокойствие водворяется ныне в милом отечестве нашем вместо прежних смутных и безпокойных времен».

В сих и подобных сему размышлениях въехали мы в так называемую *Псарню*, или знаменитую слободу, отдельную от города рекою Волгою, а переправившись тут чрез реку сию, и в самой город.

Пребывание наше в оном не продолжалось более двух суток, ибо как нужно было только совершить купчую, то и кончили мы дело сие скоро, и вручив деньги мачехе, и разделались с нею совершенно.

Окончив благополучно сие главное дело, стал я поспешать своим возвращением назад в Веденское, и за поспешностию сею не имел времени и осмотреть все достопамятности, находящияся в сем городе, а паче всего находящийся и поныне еще в целости тот маленький о двух жилах каменный со сводами домик, где жил несчастный царевич *Дмитрий* с своею ма-

терью и о коем разсказывали мне, что стены в нем расписаны живописными священными изображениями; и мне очень жаль было, что не удалось видеть самолично сего знаменитаго монумента древности.

О нетленном же теле сего невинно убиеннаго царевича сказывали мне, что оно многие годы спустя после того и во дни уже царя *Василья Ивановича Шуйскаго* перенесено из тутошней придворной церкви в московский Архангельский собор.

Таким же образом не удалось мне побывать и в соборе и видеть там находящияся мощи князя *Романа*, жившаго тут без мала за 500 лет до того времени; и я едва успел взглянуть на высокий земляной вал, составлявший некогда самую тут крепость и довольно еще и тогда видимой. Мне показался он сажен в 5 вышиною, а ров, видимый еще и поныне, 2 сажен; но пространство всей крепости простиралось с небольшим только на полверсты окружением.

Но кроме сего находился в сем городе и другой вал, которым окружен весь нынешний город, простирающийся верст на 5 в окружении и примыкающий обоими концами своими к реке Волге.

По возвращении своем в село Веденское и по успокоении с сей стороны моих племянниц, приступил я к разным хозяйственным распоряжениям.

Я входил во все подробности сколько было можно, и, препроводив в том несколько дней, не стал долее мешкать; но поспешая возвращением восвояси, объездил с племянницами своими всех их приятелей и соседей, и поручив их покровительству оных, и распрощавшись с ними, пустился в обратный путь, взяв с собою и малолетнаго их брата для воспитания и обучения его всему, чему научить я был в состоянии.

Племянницы мои, при безчисленных благодарениях за труд, предприятой для них и за оказанное им вспоможение, провожали нас на несколько верст и, разставаясь с слезами, обещали приехать к нам по наступлении зимы.

Описанием обратнаго моего путешествия не буду уже обременять вас, любезный приятель, а коротко только скажу, что езда наша в сей раз была благоуспешная, спокойнее и лучше.

Погоде случилось быть тогда прекрасной и мы, не видав никакой нужды и не претерпев никакого зла и остановки, доехали в немногие дни до Москвы; а и тут пробыв самое короткое время, повидавшись с другом

моим г. *Полонским*, искупивши все, что было нужно в деревню, пустились мы далее, и в начале октября, и за несколько еще дней до своих именин, к которым мне домой поспеть хотелось, приехал благополучно в свою деревню и обрадовал своих домашних, дожидавшихся меня уже давно с нетерпеливостию.

Но как письмо мое получило уже свойственную себе величину, то, окончив на сем пункте и оное и, сказав вам, что я есмь всегда относительно к вам тем же, остаюсь ваш и прочая.

(Дек. 10-го, 1807).

КАЛИТИНСКОЕ ДЕЛО

Письмо 146-е

Любезный приятель!

Описав вам в предследовавших трех письмах всю езду мою в кашинские пределы, пойду теперь далее и буду разсказывать, что происходило со мною далее в достальное время сего года.

К особому удовольствию моему, при возвращении своем в дом нашел я всех домашних своих здоровыми, а в числе их и самую племянницу мою, выздоровевшую от болезни; а что всего приятнее для меня было, и межевыя дела в хорошем положении.

Межевание в отсутствие мое хотя и продолжалось, но межевали все не наши, а прочия, неподалеку от нас лежащия, селения и дачи; а между прочим и дачу деревни моей Тулеиной, в разсуждении которой с удовольствием услышал я, что обмежевана она безспорно, и вся примерная в ней земля не подверглась чрез то опасности. Что ж касается до наших пустошей, то до них в отсутствие мое не касались, и оне все еще оставались неразмежеванными.

Как вскоре после приезда моего наступил день моего рождения и именин, и мне наступил 33-й год от рождения, то последний праздновал я по обыкновению приглашением к себе всех наших друзей и соседей и сделаньем для них деревенскаго пира; и было их в сей раз довольное количество в собрании.

Отпраздновав сей праздник, принялся я за сады свои и старался все оставшееся осеннее время употребить в пользу произведением в них коекаких делишек, сколько могли мне дозволять погоды; но наступившие вскоре после того морозы положили предел и сим осенним трудам моим и обратили внимание мое к другим и важнейшим предметам.

Поелику морозы и осенния непогоды сделали и продолжению межевания остановку, то господа землемеры, по обыкновению своему, принялись за сочинение обмежеванным землям планов и за исчисление всех оных, а потом за примирение всех споривших между собою; а по сему порядку скоро дошло дело и до меня, хотя и не по тутошним дачам, а по калитинской, по которой, как я вам уже пересказывал прежде, связался, по несчастию, я с соседями спором, и которыя до сего времени еще решены не были.

Сие обстоятельство подает мне повод разсказать вам об одном сколько досадном, столько, с другой стороны, и смешном происшествии, случившемся со мною.

Я уже упоминал вам, что споры, заведенные мною, были по калитинской даче по случаю ошибки и мнении о количестве числа четвертей в наших дачах, неудачны и таковы, что я раскаявался, но уже поздно, что я завел оные.

Вместо многаго и заверно полагаемаго недостатка в нашей даче, оказывалось, что в ней дача была полная или имеющая еще несколько излишка и что по сему другого не оставалось кроме того, чтоб мне от споров отказаться.

Сие и советовал мне тамошний межевщик г. *Хвощинский*. Он, прислав в конце октября ко мне нарочнаго с письмом, предлагал мне, чтоб я прислал сказку, и чрез оную отказался от своего спора и более потому, что у всех тех владельцев, с которыми я заспорил, оказались в дачах недостатки, следовательно, к получению мне земли не было ни малейшей надежды. Но как мне самому хотелось видеться и поговорить с межевщиком, то и расположился я к нему в начале ноября сам съездить.

Квартировал он тогда в Малом Грызлове, и я, приехав к нему, застал у него против чаяния моего множество народа и между прочими обоих господ *Милоховых* и г. *Руднева*, а вскоре потом приехал и Михайла Алексеевич *Пестов*, главный мой по спорам соперник.

Признаюсь, что, едучи к межевщику, было у меня и то и сё на уме. Я давно уже тужил в раскаявался, что ошибкою и без всякой пользы и на свою голову наделал споров, однако утешался тем, что проступок сей учинил нечаянно и совсем невинным образом. Со всем тем явившийся у всех соседей недостаток озабочивал и безпокоил меня много.

В даче Калитинской по исчислению моему хотя не было большого примера, однако все опасался я, чтоб межевщики не намерили десятин 5 или 6 лишних, в котором случае примера сего мне необходимо лишиться было должно.

Правда, убыток сей был не велик, однако как он собственно от моей невинной погрешности происходил, то стыд был для меня важнее всего, а при том не хотелось мне невинным образом ввесть в то же и соседку свою и соучастницу в дачах, *Марфу Маркеловну*. А потому, едучи дорогою, и находился я между страхом и надеждою и наперед уже полагал, чтоб в случае нужды уступить хотя своих родных несколько десятин, а не довесть соседку свою до убытка; однако не знаю я еще, сколько межевщиками найдено у меня примера и узнать сие хотелось мне очень.

Межевщик был мне рад по обыкновению, ибо могу сказать, что все они были ко мне как-то благоприятны. Он принял от меня приготовленную и уже дома написанную отрицательную сказку и был тем очень доволен, а особливо потому, что я учинил тем предпринимаемому им миротворению хорошее начало.

Со всем тем досадно было мне, что при людях не можно было мне у него спросить, сколько земли по их исчислению нашлось в Калитинской даче, а притом и страшился и спросить о том, боясь услышать противное.

Посидев немного, приступил он к миротворению всех нас, спорщиков, ибо он для того в сей день всех поверенных и созвал, чтоб их мирить; а буде тут не помирятся, то везти бы их с собою в тот же день в Серпуховскую контору, дабы она их мирила прежде обыкновеннаго суда.

Сперва начал он стараться разорвать спор у глебовских с полозовскими. В обеих сих дачах были недостатки, однако г. Пестов, как владелец глебовской, не хотел никак оставить своего спора и требовал от полозовских половину заспореннаго им места, а сии не имели причины ему давать.

Итак, проговорили они очень долго и ничего не сделали, и г. Пестов доказал о себе, что он в разсуждении разделки был самый негодный и несговорчивый человек.

Потом дошло дело до моего с ним спора. Межевщик встретил его тем, что я жертвую ему своим спором и просил, чтоб и он велел подписать мою сказку, уверяя, что у нас у обоих оказалось равномерно недостатка по четыре десятины.

Услышав о сем, нимало мною не ожидаемом недостатке, не знал я, что думать и вправду ли межевщик то говорил или нарочно, ибо я думал, что у меня пример будет; но как говорил он сие важным и не шутливым образом, то заключил я, что он, может быть, благоприятствуя мне, так мало в даче моей вычислил и понатянул немного, что, как известно, и учинить им всегда было можно.

Но как бы то ни было, но на сердце у меня тогда отлегнуло и я, по пословице говоря, не много уже г. Пестова страшился, который недостатком своим будучи надмен, хотел нас всех пожрать и требованиями своими неведомо как кичился.

Мне он заблаговременно сказал, что нельзя ему никак, не взяв ничего, со мною помириться, и требовал от меня по меньшей мере 20 десятин.

Удивился я сему смешному и нелепому требованию, и будучи уже удостоверен, что он и в конторе от меня ничего не получит, не много ему кланялся.

Межевщик сколько мог убеждал его просьбою, чтоб он старика (так называл он меня) не таскал в Серпухов, уверяя, что он меня по-пустому свозит; но Михайло мой Алексеевич не туда, а в гору, а только и твердит: «Дай 20 или по крайней мере 10 десятин». Наконец по долговременном уговаривании, сказал: «Ну вот, последнее слово, по две десятины на брата, то есть 6 десятин, и теперь не говори мне никто более».

Досадно мне было неведомо как, видя такого упругаго и несговорчиваго человека, но нечего было делать, и я принужден уже был отмалчиваться.

Наконец, как мне межевщик стал говорить, не могу ли я сделать ему хоть маленькой какой уступочки, то решился было я дать ему из своей собственной земли две десятины, если б только он избавил меня от езды в Серпухов, куда мне, как приехавшему туда на один час, без денег, без мундира, без постели и рубахи, ехать очень не хотелось.

Но статочное ли дело! Г. Пестов не туда, и сколько межевщик не уверял и не уговаривал его, но он не хотел и слушать, а твердил только свои 6 десятин.

Видя сие, сказал я наконец: «Когда так и когда ехать мне необходимо в Серпухов, так там не дам тебе и ничего». «Дельно, – подхватил межевщик, – и он сам станет о том после тужить».

После чего, улуча свободную минуту, спросил я у межевщика тихонько, подлинно ли недостает в даче моей 4 десятины, и как он меня уверил, что действительно так, то и не стал я более говорить и решился сделать им компанию и ехать с ним в Серпухов, ибо признаюсь, что мне тогда и отдаваемых 2 десятин очень жаль было.

Итак, пообедав все вместе у межевщика, отправились мы во град Серпухов превеликою ватагою, и ехать нам было очень не скучно.

Сидели мы почти все вместе в коляске Пестова и безпрерывно разговаривали и чему-нибудь смеялись. Мысль, что ехали мы тогда, как говорят об однодворцах и новогородцах, на одной повозке судиться и рядиться, в особливости развеселила дух мой.

Я внутренно тому хохотал и смеялся, но въявь не хотя сему упрямцу и честолюбцу покоряться, ничего более о земле говорить не начинал.

Напротив того, г. Пестов не один раз мне повторял: «Эй, воротись, в Серпухове и половину примеру дашь!», но я, будучи уже о действительности недостатка уверен, смеялся только сему его требованию и в ответ ему либо вовсе ничего не говорил, либо отвечал: «Ну, так уже и быть, братец, отдавать так отдавать, и когда поехали так уже ехать, и что уже о том говорить».

Наконец приехали мы уже в Серпухов и как было уже очень поздно, то насилу нашли квартиру и стали все вместе на простом постоялом дворе. Как вечера тогда были уже длинные и осенние, то скучно нам было, и мы не знали, в чем препроводить нам время. Карт с нами не было, а сверх того, хотя бы и можно было выдумать что-нибудь для прогнания скуки, но я внутренно сердился и досадовал на г. Пестова, а чрез то скучно было и всем. Наконец, не стерпя более сам скуки, вздумал я им предложить играть в кидалку – игру, в которую мы часто иногда дома игрывали и которая была очень забавна. На полу, подле одной стены, начерчивалось мелом два полукружия, одно маленькое и такое, чтоб в оном могла только улечься маленькая табакерка, и в оном изображалось число 9, а другое кругом оного поболее. Сие последнее разделялось поперечными чертами на 8 отделений; и в оных изображались мелом числы следующие порядком, начиная от стены: 8, 6, 4, 2, 1, 3, 5, 7.

После чего каждой игрок клал по условию на тарелку или в какое судно по сколько-нибудь денег в общую сумму или банк, например по гривне, и все по порядку, отступя несколько шагов на другой край комнаты, кидали в сии полукружия по очереди медным пятаком, и буде кто попадал в оныя, то и брал из банка столько копеек, на каком числе ляжет пятак; а буде кто не попадал, или попадал, но пятак отпрыгивал и выкатывался вон, такой ничего не брал и не приставлял. Буде же кто так был счастлив, что попадал в число 9 и пятак лег весь или на большую часть в сем маленьком полукружке, то сей брал весь банк.

Когда же в продолжение игры, за безпрерывным выбиранием из него, оставалось денег уже мало и кидавший попадал в число множайшее, например, оставалось бы только 2 копейки, а он попал в 6 или 8, то сколько выходило лишних, столько он сам приставлял в банк, например, 4 или 6; а самое сие и делало игру сию забавною и составляло душу оной.

Итак, тотчас отыскан был мел, начерчены на полу круги и цифры и началось дело. Скоро игра сия полюбилась всем чрезвычайно, и мы, оставя все досады, проиграли весь вечер и были очень веселы. Потом, когда на то пошло, то сысканы были и карты. Сии достал нам где-то хозяин; но как были они не карты, а картишки, то сделался вопрос, как и во что играть? Для иной игры они не годились, иную не все знали, в иную не все хотели; итак, и в сем случае должен был я что-нибудь выдумывать и предлагать и я, не долго думая, сказал: «Молчите, ребята, станем-ка играть так, как люди не играют. Вот колода, пускай она лежит опрокинутою, а мы, поставив по сколько-нибудь в ставку денег, станем по очереди вскрывать по одной карте, и кому случится вскрыть червонную кралю, тот и бери все деньги, а кто вскроет какую-нибудь из прочих червей, тот приставь копейку». «Ладно!» – закричали все, и давай играть. Итак, было и тут довольно смеха, а всего более насмешило нас то, что хозяин, стоючи подле нас и смотря на игру нашу, вдруг захохотавши, сказал: «Экая-ста игра, прямая-ста Акулинка!»

Название сие червонной крали нам очень полюбилось, мы начали сами тому хохотать и прозвали ее и сами *Акулиною* и проиграли и в сию игру долго и насмеялись довольно.

Наконец, дошло дело уже и до ужина. Сей был у нас странной, без тарелок и без вилок, а резали и брали все руками. По счастию, случилось с Пестовым жареное мясо, а без того были б мы все голодны.

Поужинавши, стали мы помышлять о том, на чем бы нам спать. Постеля была у одного только межевщика, а у нас у всех ничего не было. Соломы в городе взять было негде; нечего было иного делать: купили сена и настлали нам епанчи, а постелю мы все себе в головы; итак, по самому походному обыкновению изряднехонько ночь повалкой на полу и проспали.

Поутру, одевшись, начали мы опять говорить о земле, и не ходя еще в контору мириться. Сперва мирился г. Пестов с полозовскими помещиками, г. *Рудневым* и *Милоховыми*, и сии насилу-насилу уклоняли и упросили его, чтоб он спор свой, учиненной в их даче, покинул и остался при прежнем мнении. Потом стал он со мною говорить; но как он от своего требования не отступал, то я и говорить более почел за излишнее; итак, пошли мы все в контору.

Судей тогда никого не случилось в городе, и сам главный из них – г. *Брянчанинов* уехал в Москву; итак, привел нас межевщик к секретарю *Маркову* сему доброму и праводушному старичку, о котором я давно много хорошаго наслышался.

И подлинно я не мог довольно налюбоваться его характером. Он говорил правду как резал, и как дошло до моего дела, то он без дальних околичностей г. Пестову сказал: «И не говори сударь про это, а изволь-ка писать сказку; здесь тебе ничего не дадут, а вы останетесь при прежнем владении».

Нечего было тогда г. Пестову делать, и он принужден был согласиться и мы все внутренно смеялись, что он остался в стыде и не умел брать двух десятин, которыя я ему давал было, а мое торжество было велико. Я вырос так сказать на вершок и не мог скрыть удовольствия своего о моей победе, ибо дело кончилось гораздо лучше, нежели я себе воображать мог.

Таким образом окончив сие дело, сходил я в ряды и в монастырь повидаться с старушкою, почтенною нашею знакомкою, а потом, пообедав, поехали мы опять все вместе в Грызлово; и я возвратился домой уже поздно, проездив в Серпухов, по крайней мере, не по-пустому и не даром.

Возвратившись домой, принялся я за обыкновенные свои осенния литературныя упражнения, и занялся около сего времени сочинением специальной российской карты Китайскому государству; но выпавший 5-го числа ноября снег и наставшая зима отвлекла меня от оных и подала повод опять к разъездам и к свиданиям с друзьями нашими и соседями и к разным с ними занятиям, а особливо в длинные тогдашние вечера.

Как оба межевщика наши жили все еще на заводе и к нам езжали очень часто, то для них собирались обыкновенно и все наши соседи друг к другу; и как все мы были на большую часть люди не старые, то всегда съезды и компании наши были приятны и мы вечера провожали очень весело.

Мы обыкновенно принимались тотчас за карты и играли то в ту, то в другую игру, и как игрывали мы более для увеселения, то которая из них была веселее и подавала нам более поводов к смехам, та для нас была и приятнее; когда же наскучивали карты, то принимались мы играть в фанты.

Относительно до сих придумал и ввел в употребление я также много новостей и все для того, чтоб были они забавнее и веселее; когда ж случалось приезжать к нам и девушкам с молодыми боярынями, то должна была иногда и скрипица моя подавать им повод к плясанию, а иногда и к танцам, и так далее.

В сих приятных и почти ежедневных сельских занятиях и невинных увеселениях и не видали мы, как прошло несколько дней вновь наставшей зимы, а вскоре засим завелись у нас в соседстве опять свадебныя дела.

У живущаго неподалеку от нас, в деревне Средней Городни, незажиточного дворянина и жены моей дальнаго родственника, г. *Лихарева*, по имени Алексея Игнатьевича, была дочь на возрасте; за нее сватался также небогатый и молодой дворянин из фамилии *Волосатовых*. И как партия оказывалась сходная, и они решили девушку за него отдать, то, по назначении дня к сговору, приглашены мы были как ближние родственники на оный и упрашиваемы помочь им в сем случае всем возможным, на что мы охотно и согласились.

Но, о! Далась нам сия свадебка! Было тут много всякой всячины, почему не за излишнее почитаю разсказать об ней подробно.

Как сговор назначен был в самый Михайлов день, то есть 8-го ноября, то вместо того, чтоб праздновать сей день у брата Михаила Матвеевича на именинах, поехал я с женою своею к г. Лихареву.

Нам надлежало поспешать туда к обеду, однако мы, как знали, дома порядочно позавтракали, ибо сговором продолжалось дело до самаго почти вечера, и мы обедали почти уже при огне. Впрочем, и сговор сей нам был уже не очень приятен.

Жених был человек молодой, служивший в гвардии капралом, и самый сущий гвардионец, или, прямее сказать, удалой молодец. Гвардия

наша как-то редко производила тогда хороших людей, и нравы у молодых более портила, нежели исправляла. Словом, он мне с самаго начала не очень показался. И самые первые его и предводителей его, из коих один другого был удалее, поступки не предвещали мне ничего хорошаго.

С ним было товарищей двое: один некто г. *Нечаев*, по имени Фома Иванович, человек не молодой, простой, не дальних замыслов, отставной драгунский офицер; а другой истинно не знаю кто такой, а только знаю, что был того еще старее, того еще простее, того незамысловатее и беднее, в овчинной шубе, покрытой зеленым солдатским сукном. Вот вся его свита, сторона и предводители, и от таких людей можно ль ожидать чего хорошаго и порядочнаго.

С нашей же стороны было-таки изрядное собрание. Был я с женою, был *Ладыженский* с женой, была еще одна госпожа, свояченица хозяйская, и у нас все было, как водится, к сговору приготовлено, но все пошло как-то неладно.

Жених приехал не вовремя и очень еще рано, так что невеста не начинала еще и одеваться; итак, принужден он был несколько часов дожидаться.

В сие время не могли мы никак усадить жениха. Будучи очень зябок, стоял он все у печи и шалберил[1] совсем некстати и так, как жениху в таком случае нимало не пристало. Разговоры же и поступки его с нареченным тестем были мне очень удивительны.

Однако, как бы то ни было, наконец сговорили мы их и обедали потом порядочно и как водится. Но удивительно было только то, что жених ничем не дарил невесту, да и вовсе на нее не смотрел и ничего с нею не говорил, одним словом, и не походило на то, чтоб он жених был.

После стало было нам таково ж скучно, как и до обеда; говорить было не с кем, а вместо музыки догадало г. Нечаева заставить бывшаго тут попа пропеть что-нибудь; а тот, будучи тому рад, и ну орать с картавым своим сыном, а г. Ладыженский им подтягивать.

Признаюсь, что сего рода увеселения в компаниях совсем для меня неприличными и всего скучнейшими казались, а особливо некстати было петь на сговоре. Итак, я, удалившись, в скуке сидел подле печки и грелся, между тем, как ходили рюмки. Однако все сие шло-таки так и сяк, но наконец жених все подгадил.

[1] От шаль – дурь, дурить, бить баклуши, бездельничать.

Вышедши в другую половину, снесло их с нареченным тестем, и они начали говорить о рядной[1] и о подписке оной. Жених не хотел подписывать прежде, покуда не женится, а тесть тем был недоволен. Итак, слово за слово и дошло у них до крупнаго.

Мы также, человек по человеку, собрались туда же, и вскоре крупный разговор сделался общим. Я, как ни был в таких случаях молчалив, однако не мог вытерпеть, чтоб тут же не вмешаться, а особливо когда жених, оставив всю благопристойность в сем случае, врал нелепую и хотел сделать всех нас несмыслями, а одного себя умным.

Итак, принуждены мы были ему доказывать, что мы не пешки и что и он на нас не на дураков напал. Сей вздор продолжался более часа и доходило до хорошей брани, и, наконец, разстались ни на чем и не очень гладко, так что мы и не знали, что последует после.

Проводив жениха, спешили мы ехать домой и досадовали, что помянутый вздор продержал нас до ночи. Ехать нам было хотя недалеко, но очень дурно, а притом было чрезвычайно холодно и морозно.

Мы приехали на санях, и как должны мы были при переезде через реку Трешню спускаться с прескверной и крутой горы и через самую ее перебираться на скверном и безпокойном переезде, то, по случаю беременности моей жены, озабочивался я очень ее положением и боялся, чтоб она себя не повредила; однако мы переправились и доехали до самой деревни благополучно.

Тут разсудилось нам заехать на вечер к имениннику; но как сказали нам, что нет никого дома, и хозяевы со всеми гостьми своими уехали к Матвею Никитичу, то проехали и мы туда и там заменили в скуде[2] проведенный день провождением вечера очень весело в разных играх и увеселениях, где, наконец, мы и ужинали.

Превеликая стужа, соединенная с ужасною мятелью, принудила нас оба последующие дни проводить дома, а меня заняли продолжением перевода «Путешествия в Китай», г. *Нейгофа*, взятого уже за несколько до сего времени. Между тем собирались мы ехать на помянутую свадьбу, которой положено было быть скоро.

Сия свадьба приближалась к нам, как гора некая, и я могу сказать, что никогда не езжал я с такою неохотою, как сей раз, не для того, что были

[1] О рядной записи – перечне приданого.

[2] Скудно, грустно, невесело, неприятно.

они люди небогатые, но для того, что жених-то казался быть безпутным, а и о самом тесте не знали мы как судить, и потому другого и ожидать было не можно, кроме вздора и безпутицы, а к тому ж и крайняя дурнота погоды умножала до того смущение, что помышляли мы уже о том, чтоб отказаться. Но приехавшая к нам невестина мать и со слезами нас для Самого Бога просящая, чтоб ее в сем случае не оставить, принудила нас согласиться на ее просьбу, и не только дать слово самим наутрие ехать для провождения невесты к церкви, но и дать ей в тот же еще день, для отвоза приданого, людей и женщину, долженствующую отправлять при том должность так называемой *барской барыни*.

Таким образом, в последующий день надлежало нам на свадьбу сию ехать. Погода была в сей день наисквернейшая: превеликая мятель соединена была с жестокою стужею и с сильным ветром; словом, такая, какой хуже быть не можно и в какую выбитые со двора не ездят. Истинно, как говорится, рубль бы от души дал, чтоб только не ездить; но как миновать было никак не можно, то с самаго утра начали мы собираться в сей путь и горевали с женою, как быть и как ехать.

Мы приехали часу в одиннадцатом в Городню и нашли уже там приглашеннаго к тому же г-на *Ладыженскаго*, упражнявшегося с хозяином в считании денег.

На сговоре условлено было, чтоб отец дал некоторую сумму наличных денег, и тут встречен я был неприятным известием, что бедняк г. *Лихарев* как ни метался всюду и всюду для отыскания помянутых денег, но не мог никак отыскать всего количества, и что недоставало еще 60 рублей в ту сумму, которую нам с собою взять надлежало по договору.

Обстоятельство сие было для меня тем неприятнее и сумнительнее, что всем нам было известно то, что жених именно отзывался, что он ни в полушке более 20-ти рублей в долг не поверит.

Итак, предвидел я и не сумневался, что в церкви произойдет сумятица, а потому и не хотелось мне крайне ехать, и я действительно не поехал бы, если б было можно. Но как приданое было уж услано и не ехать никак было не можно, то с общаго совета положили мы приготовить и взять в недостающем числе от отца вексель в той надежде, что, по крайней мере, уговорим жениха, когда не тестю, то нам поверить.

Итак, сыскав перо и бумагу, посадили мы господина *Руднева* за стол и велели писать вексель.

Между тем как сие происходило, подъехала к нам приглашенная к тому ж хозяином г-жа *Звягина* с сыном.

Госпожу сию звали Анною Игнатьевною, и мне хотя случалось ее несколько раз видеть, но знакомства с нею не было, а сына ея я в первый раз еще тогда видел. Его звали *Егором Ивановичем*, и был он человек молодой, гвардейский офицер и малый добрый.

Рад я неведомо как был сему приумножению нашей компании, а особливо, что с нами была почтенная и такая боярыня, которая умела говорить и в нужном случае требования уважить. С сыном же ея мы тотчас познакомились и сочлись еще роднею, а именно, что жене моей доводился он правнучатый брат. Но сдружило нас не столько сие, как то, что мы нравами были несколько между собою сходны.

Приезд сей госпожи был мне и по другим двум обстоятельствам приятен, во-первых, что привезла она с собою еще 25 рублей денег, и хозяин, прыгаючи почти от радости, сообщил нам о том известие; и как недоставало тогда только 15-ти рублей, ибо в 20-ти рублях хотел жених уже верить, то и думали все мы, что неужели будет он так безсовестен, что нам всем и в 15-ти рублях не поверит.

Во-вторых, и что всего для меня было приятнее, то жена моя могла тогда от сей трудной, безпокойной, и по тогдашнему дурному пути, ей в разсуждении беременности ея небезопасной поездки избавиться, ибо было тогда и кроме ей кому с нами ехать, на что после некоторых затруднений все были и согласны и ей остаться дозволили.

Между тем приближалось время уже к вечеру и мы, пообедав тут, спешили ехать; но со всем тем не могли прежде отправиться, как уже в сумерки, так что не успели еще доехать до большой дороги, как совсем уже смерклось.

Теперь разсудите, каково было нам ехать темною ночью и по самой скверной дороге. Со всем тем ехать нам было не скучно: все мы четверо, то есть я, г. *Звягин*, *Руднев* и г. *Ладыженский* сели в один возок, а невеста с госпожами ехала в другом, и как говорится в пословице, что на людях и смерть красна, то было тогда то же и с нами.

Езда была как ни безпокойна, но как с нами был г. Ладыженский, то шутливый и веселый его нрав нас всех и заставливал безпрерывно хохотать и смеяться и чрез то менее чувствовать неприятности, с путешествием сим сопряженныя.

Езда наша продолжалась большою тульскою дорогою на немалое разстояние, ибо положено было венчать в оном волостном селе Егорье, неподалеку от Азаровки находящемся, куда едучи, как ни старались мы спешить, но не прежде могли приехать, как уже очень поздно, и часу в десятом вечера.

Первая наша забота была, чтоб узнать, тут ли и приехал ли жених. И как нам сказали, что он давно уже тут и нас у попа в доме дожидается, то, имея нужду с ним прежде переговорить, пошли мы к нему; и тогда началась такая комедия, какой я во всю жизнь не видал и не уповал видеть и которую изобразить точно перо мое далеко не в состоянии.

Господина жениха застали мы в переднем углу спящаго, и по разбужении ломающагося, вихляющагося и, как казалось, о нескором нашем приезде в крайнем неудовольствии находящагося.

Свита его состояла из двух только человек: один был молодчик молоденький, г. *Хрущов*, Федор Гаврилович, а другой прежний стариченца г. *Барщов*. Первый из них, порядочным образом раздевшись, спал и стал при нас только одеваться, а второго сначала мы и не видали.

Поздоровавшись, начали мы тот час говорить, чтоб приступить к делу; но не успели сказать, что деньги не все, и что мы в 35-ти рублях произвели вексель, как жених наш в гору, и предчувствие мое совершилось во всей мере.

Он не только в 35-ти рублях, но ни в одной полушке не хотел нареченному своему тестю верить. Мы так, мы сяк, но он не туда. Наконец дошло до того, что он и векселю тестеву в 20-ти рублях не хотел верить, а требовал от Ладыженскаго, чтоб он дал ему вексель на себя, а мы бы засвидетельствовали и поручились.

Мы говорили, чтоб он и в 15-ти рублях поверил, но не тут-то было. Он не хотел никак верить. Мы все уже ручались в том и хотели дать ему вексель на себя, но он ничему не верил, такая шаль неслыханная и дуралей неизобразимый!

Как ни у кого из нас денег не случилось и помянутых 15-ти рублей взять было негде, то при таком неслыханном жениховском упрямстве и неверии другого не оставалось, как ехать от церкви с невестою прочь; но мы не успели о том промолвить, как глядим, начал поп собираться ехать.

Досадно нам тогда неведомо как было, и поелику нам в самом деле прочь ехать не хотелось, то хотя и озлились мы на жениха нашего за его

неуважение ко всем нам и глупейшее неверие, однако положили еще раз испытать и употребить к уговариванию его все усилия.

Но что мы ни говорили и хоть часа два с ним провозились, но не могли ничего сделать. Поговорим и побраним его, да и пойдем к боярыням, сидящим у дьячка, горевать и ругать заочно жениха; а между тем другой ругал его в глаза, но он не смотрел и на то нимало, был как сущий столб и нимало на все наши убеждения не склонялся.

Наконец, как мы уже хотели совсем ехать и стали требовать назад приданого, то насилу-насилу изволил он согласиться поверить до последующаго дня и то одному только г. Звягину под строжайший вексель.

Что было делать? Принужден был тот писать оный. Но того было еще не довольно, и он требовал, чтоб все мы в поручительстве подписались. Досадно было нам все сие чрезвычайно, и мы назло ему сего уже не сделали и его не послушались.

Таким образом, уговорив нашего быка, велели мы принесть деньги. Большая половина была их медных, однако он не только без счету не хотел принимать, но и считать никому не поверил, кроме самого себя.

Итак, начал их считать, а мы между тем досадовали и только его бранили, ибо и засим считаньем принуждены были долгое время еще мешкать.

Наконец, увидел он, что дурно и что дурачество его уже из границ выходило, не стал более считать и поверил под поручительством нашим и, запечатав мешки, отдал слуге, а сам, по требованию нашему, подписал рядную.

Я находился при сем в превеликом страхе, чтоб он не испортил рядной и не написал в ней чего ненадобнаго, ибо писал он не то, что ему сказывали, а на всяком слове долго думал.

Но как бы то ни было, но наконец подписал, и мы были рады, что дело кончено, и повели раба Божия к боярыням, чтоб повидаться с невестою или послушать новых ругательств, что и случилось в самом деле.

Госпожа Звягина, будучи боярыня хват, подлинно его отхватала: слова «бестия», «с... сын» и другия тому подобныя принужден он был слышать в глаза ему говоренныя. Но как бы то ни было, но мы пошли, наконец, в церковь, и рады были, что приходило дело к окончанию, и вся комедия кончилась.

Однако все мы в том крайне обманулись и нимало того не думали, что оставалось нам еще одну и самую лучшую сцену видеть.

Уже поставили их рядом, уже начал священник священный обряд, уже обручили их кольцами и уже надлежало им становиться на подножье, как вдруг жених наш начал что-то бормотать об рядной.

Не был ли он глупец самый величайший! Сам он ее подписал и при самом при нем взяли мы ее к себе, как водится; но тут вдруг встрянулся он ее и говорил, для чего она не у него?

Мы, примечая его бормотанье, взглядывали только друг на друга и шептали от превеликаго удивленья.

– Батюшки мои! – говорил я своим товарищам. – Не новое ли какое дурачество он затевает, и что это такое?

Г. Ладыженский, как старший из всех нас, подошед ко мне, шептал мне:

– Уйду я с рядною в алтарь, пускай же он меня там ищет.

Мы ответствовали ему:

– Уйди и спрячься.

Но мы еще сим образом между собою шутили, как между тем жених поднял уже сущий мятеж и кричал попу, чтоб он венчать переставал и что он более венчаться не хочет.

Теперь вообразите себе, любезный приятель, каково нам было видеть и слышать сие новое, странное, неслыханное и глупое явление; все мы захохотали во все горло и от смеха не знали, что говорить. Однако скоро смех наш миновался. Жених наш сделался совершенным уже скотом и требовал, чтоб мы неотменно отдали рядную ему.

– Что это такое? – говорили мы ему. – Что ты затеваешь, и слыханное ли это дело, чтоб рядной быть у тебя? На что ж она писана и на что ж и подписывал ты ее, чтоб не быть ей у твоего нареченнаго тестя?

Но что мы не говорили, ничто не помогало. Жених ревел, как бык, и никому под лад не давался. Мы его уверять, что это так не водится во всем свете, что рядная остается в роде, но он и не помышлял нам в том верить, но кинул свечу и не хотел без того венчаться.

И тут-то произошла сущая комедия. Мы все разсердились чрезвычайным образом и кричали, бранили, ругали его, как негоднаго человека; поп вструсился: ну ризы с себя скидывать долой, ну тащить стихарь с дьякона, а немного погодя ну опять надевать, опять совать ему свечу в руки. Тот не берет, а кричит и вопит. Поп опять ризы долой; и одним словом, это была не свадьба, а комическое зрелище, достойное представлено быть на театре.

Долго сие и истинно с час почти продолжалось, и мы так разсердились, что вышли из пределов.

Госпожа Звягина едва в обморок от крика не упала, и насилу успели ей принесть воды; невеста обливалась слезами, я расхрабрился и приступил к жениху уже непутным делом. Но все не помогало: это был пень, не имеющий стыда ни в одном глазе.

Наконец другого нам не оставалось, как взять невесту за руку и вести из церкви вон. И как с нею мы к сей крайности приступили, то тогда-то уже насилу-насилу товарищи его уговорили, дурака.

Но более убедило его, как я думаю, то, что мне вздумалось ему грозить, что он не только нам всем безчестье заплатит, но и приданое все по подписанной рядной, и столько, сколько написано в ней, отдаст.

Итак, согласился, наконец, наш жених, да и нас всех его свита упросила, чтоб мы гнев свой преложили на милость и дело бы окончили.

Мы послушались как бы нехотя и дозволили венчать, ругая между тем его немилосердным образом; и он во все продолжение венчанья только плакал, и слезы текли у него из глаз ручьями.

Однако и тут делал он разныя дурачества И, во-первых, ставши на подножье, невесте сказал: «Да если б я это ведал, так хотя бы за тобою пять тысяч, так бы тебя не взял».

И можно ли чему глупее быть сего?

Во-вторых, как стали перепоем поить, то вдруг жених наш не стал выпивать достального и говорил: «Разве вы меня подавить хотите?»

Но как бы то ни было, но наконец обвенчали.

Мы были так злы на него, что если б только можно было, то кинули б невесту и, навязав ему ее на шею, все уехали; но как нельзя было того сделать, то поехали все к нему в твердом немерении, чтоб отнюдь у него не ночевать, а ехать прочь, чего ради и выпросили себе квартиру в доме г. Хрущова, который тут был.

Приехав в домик к жениху, нашли мы изрядный во всем порядок и такой, какого мы никогда не ожидали. Стол был у него, по обыкновению, уже готов, и нас встретили, как надобно; жених наш был как бы в воду опущенный и ничего не говорил.

Поужинавши кое-как и по отведении бракосочетавшихся по обыкновению в браутскамеру[1], стали собираться ехать; но как было уже очень

[1] Немецкое – спальня.

поздно, то вдруг, желая скорее покоя, переменили мнение и остались ночевать тут.

Мы, мужчины, ушли, выпросив себе постели, в людскую избу, а боярыни ночевали в хоромах. Правда, ночлег нам был не то что хорош; спали мы все на неровном полу повалкою, но от такой свадьбы можно ль было ожидать лучшаго, когда и на хороших нередко по служивому ночуют.

В последующий день, то есть на княжой пир, недуманно-негаданно было у нас новое явление. Жених наш власно как переродился, сделался совсем не тот и человек, не только как человек, но еще и изрядный, и мы все им сделались довольны. Таков сделался учтив, таков ласков, таков весел, что лучше желать и требовать было не можно, на что смотря и вся компания была очень весела и радостна.

Все не только у него остались обедать, но многие, по неотступной просьбе молодых хозяев, и еще ночевать ночь.

Княжой пир происходил как водится, и все были довольны. Одним словом, как накануне было слишком ненастно и смутно, так наутрие слишком ведрено и ясно, и веселости до того простирались, что и до обеда уже, по деревенскому обыкновению, была скачка и пляска.

Меня унимали также хозяева и приехавший туда же тесть и теща ночевать у них еще ночь. Но я спешил домой для ожидаемых к себе гостей, весьма драгоценных и любезных, и не мог желания всех выполнить.

Итак, распрощавшись со всеми, а особливо с г-жею Звягиною и ея сыном, с которым мы в особливости при сем случае сдружились, поехал я домой.

Сим-то образом сыграли мы сию свадьбу, которая странностию своею была так для меня достопамятна, что и поныне, проезжая большою тульскою дорогою неподалеку от сей деревни в виду, в левой стороне подле Руднева находящейся, не могу никак, чтоб не вспомнить оной и, напомнивши все бывшее, не посмеяться.

Женившийся жив и поныне, но я его почти ни однажды после того времени не видал, а слышу только, что и вся жизнь его была не то-то что хороша и похвальна.

Но я заговорился уже, и мне пора давно перестать и сказать вам, что я есмь ваш и прочая.

(Декабря 12-го дня 1807 года).

ПРИЕЗД ДОРОГИХ ГОСТЕЙ И ПОЛУЧЕНИЕ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

Письмо 147-е

Любезный приятель!

При конце последняго моего письма упомянул я, что я с свадьбы поспешал домой в ожидании к себе драгоценных и любезных гостей. Теперь разскажу вам, кто таковы они были.

Во время отсутствия моего и езды в Кашин, случилось теще моей нечаянная из дома отлучка. Отец ея, а дед родной жены моей, Аврам Семенович *Арцыбашев* писал из Цивильска к ней и к невестке своей, *Матрене Васильевне*, что как дни его приближаются к окончанию, а здешнее имение не совсем было утверждено его внуку, сыну помянутой госпожи *Арцыбашевой*, и ему хотелось прежде кончины своей в здешние места приехать и дело сие сделать, то предлагал он ей, чтоб она сама к нему в Цивильск за ним приехала и пригласила б с собой и родственника их, Ивана Афанасьевича *Арцыбашева*, а буде б можно было и дочь свою, а мою тещу; а сия охотно на то и согласилась.

Итак, все они тогда и отправились в сей дальний низовой путь и, взяв с собою старика, благополучно около самого сего времени возвратились, но за Окою-рекою, не ставшею еще тогда, принуждены были прожить несколько дней в Серпуховском уезде у помянутаго нашего родственника. И как в последнюю стужу стала и Ока, и мы услышали, что чрез ее начали ездить, то и ждали мы их к себе ежедневно, и я, приехав домой, действительно уже и нашел их у себя в доме приехавшими.

Не могу изобразить, как обрадован я был приездом к нам сих гостей любезных. Почтенному старичку сему, который так ласково и благополучно угощал меня у себя в Цивильске, никогда еще в доме у меня быть не случалось, и я в особливости был рад его приезду и старался угостить его всячески.

Несмотря на всю свою глубокую старость, был он нарочито еще в силах и довольно крепок, чем мы в особливости были довольны; и как он во все пребывание свое в пределах тутошних располагал жить не у нас в доме, а у своей невестки и внучат в Калединке, то и просили мы его погостить у нас, по крайней мере, несколько дней, в которые старались мы

доставить ему возможнейшия удовольствия, а потом проводили его сами до Калединки и там несколько дней пробыли.

По возвращении домой, несмотря на испортившийся по случаю превеликой оттепели путь, предлежала мне другая дорога.

Возвратился около сего времени из Москвы друг мой, г. *Полонский*, и надобно было у него побывать.

Я ездил к нему один, ибо за дурнотою дороги жену взять было никак не можно.

Осень у нас в сей год была самая дурная и непостоянная. Напавший снег от оттепелей и дождей опять сошел, и мы принуждены были опять таскаться на колесах; после чего последовали опять морозы, опять выпал снег и опять сходил, и такая безпорядица продолжалась во весь ноябрь месяц, и все езды кое-куды, а особливо в Калединку были нам крайне отяготительны.

Во все сие время не произошло со мною ничего особливаго. Я занимался более своими литературными упражнениями, а 27-го числа сего месяца случилось со мною нечто смешное и забавное, о чем вскользь упомянуть почитаю за излишнее.

В сей день поутру сидел я в своем кабинете и занимался переводом, как вдруг вижу, что приехал на двор гость парою и в негоднейших санишках; к удивлению моему остановился он посреди двора и, сошед с саней, шел к хоромам пешком в кирейке[1], подбитой овчиною, покрытой красным солдатским сукном и перепоясанной офицерскою шпагою.

Вышедши в лакейскую, не мог я узнать, кто б такое это был, но как он бормотал, что едет на завод и далее к г. Полонскому и разсудил мимоездом ко мне заехать, то покажись мне, что был то один несколько знакомый мне родственник г. Ладыженскаго, я и принял его, как должно было. Но как привел его в столовую, то увидел, что был то не он, а человек совсем мне незнакомый.

Стал я в пень и не знал, что мне делать, и как с ним обойтиться, ибо, принявши его как знакомаго, совестно мне было его спросить, кто он таков. Между тем бормотал и говорил он так, как бы надобно какому неотесанному немцу, и все поступки его были совсем странные, что меня еще более удивило.

[1] Лисий тулупчик, крытый сукном.

Не успел он сесть, как требовал, чтоб лошадям его дали овса и подделали под санки его подделки[1]. Усмехнулся я сему требованию и говорю: «Хорошо, все это будет сделано!», а между тем горя нетерпеливостью узнать, кто б это был таков.

По счастию, известил он меня сам уже о том, кто он таков, а именно, что зовут его *Андреем Михайловичем*, что прозывается он г. *Пушкин*; что брат он Николаю Михайловичу; что сей отнял у него его лакея и что теперь ездит он по всему миру крещеному на чужих лошадях, на чужом коште и в чужом платье, одним словом, был сущий волокита[2], и проживал где день, где два и везде служил вместо шутика.

«Хорош, хорош!» – говорил я сам себе, сие услышав, и будучи до таких людей не охотником, был я ему не очень рад и спешил как бы скорее его от себя спровадить, и для того велел скорее уж накрывать на стол; но как подъехала к обеду г-жа *Ладыженская*, Авдотья Александровна, то началась у нас тогда сущая комедия.

Я до того нимало и не знал, что госпожа сия имела искусство с сим родом людей особливым образом и так обходиться, что всякому должно со смеху надседаться; итак, тотчас и начала она над ним шутить и шпынять с таким искусством, что я замучился, делая себе принуждение, чтоб при госте не хохотать, и принужден был уходить вон, чтоб нахохотаться по воле.

Наконец, гостю моему мой прием и угощение так полюбилось, что захотелось ему и ночевать у нас. Но как мне сего не гораздо хотелось, то великаго труда стоило уговорить его продолжить свое путешествие к г. Полонскому, и я принужден был дать ему проводника до Зыбинки, а неведомо как рад был, сжив с рук такого неожиданного друга и приятеля.

Вскоре после того при начавшемся декабре приближался наш годовой праздник. Мы затевали было праздновать его порядочным образом, и я нарочно было прибрал свой кабинет к сему времени и расписал в нем обои и печку; но так случилось, что из соседей и приятелей наших никому почти быть было не можно: иные были в отлучке, иной сам был именинник, иной болен.

Итак, думали мы, что будет у нас только помянутый почтенный старичок, дед жены моей с его невесткою, Матреною Васильевною; но против

[1] Исправили полозья.

[2] Бродяга, скиталец.

чаяния и в самый праздник наехало и набралось столько гостей, что нам их и за столом усадить было негде, и досталось даже другой горнице; и мы весь сей день провели весело, и многие гости у нас даже и ночевали и провели и другой день у нас в разных увеселительных упражнениях.

А на вечер все мы ездили к соседу моему *Матвею Никитичу*, куда при нас подъехал и родственник его, Василий Панфилович *Хвощинский*, который не успел меня увидеть, как при всем обществе начал поздравлять меня с получением золотой медали в награждение за лучшее сочинение пред всеми прочими «Наказ для управителя...», уверяя, что он читал о том сам публикацию в газетах.

Легко можно заключить, что известие сие меня крайне обрадовало и тем больше, чем было неожидаемее; ибо я так мало надеялся, что перестал уже и ждать, а менее думал, чтоб публиковано было о том в газетах.

Все соседи и гости, случившиеся тогда тут, поздравляли меня с сею оказанною мне честию, и я принимал с тем большим удовольствием сии поздравления, что утешала меня та мысль, что сей случай сделает имя мое всему государству известным и спознакомит со всем ученым светом.

Отпраздновав помянутый праздник, все последующие потом дни проводил я по привычке моей в безпрерывных и разных упражнениях, сколько мне разъезды по гостям и угащивание у себя часто приезжавших гостей дозволяло.

Я занимался наиболее в сие время отчасти в разном рисовании, отчасти в разных выдумках вещиц, служащих к увеселению.

Частое свидание с соседями и всегдашнее провождение с ними времени в разных играх подавало мне к тому повод, и все шло хорошо, весело и приятно; как вдруг в половине сего месяца поражены мы были нечаянно таким известием, которое всех нас и огорчило, и озаботило, и заставило позабыть на время все наши забавы и удовольствия.

Привез оное нам сосед наш г. *Хитров*, и состояло оно в том, что в старушке Москве нашей было нездорово и что, оказывается, моровая язва[1].

[1] Чума в России была довольно частой гостьей. Начиная с XI в., с чумы 1090 г., когда в Киеве погибло за две недели 7000 человек, эпидемия периодически повторялась, принимая иногда грандиозные размеры, как чума 1351 г. Эпидемия чумы 1769–1771 гг., которую описывает Болотов, впервые появилась в окрестностях местечка Фокшаны близ Рущука, где были расположены русские войска. Армия понесла от эпидемии огромные потери и принуждена была прекращать свои действия. Отсюда чума прокатилась и по другим странам (Польша), проникла во внутренние области России (в конце

Сие было еще самое первое известие о сем ужасном несчастии, которому после сего вскоре подверглась вся столица.

Сказывал он нам сие хотя не совсем за достоверное и почитал более сам сие за одно враки; но как за несколько времени уже носились слухи, что язва, или так тогда называемая чума давно уже свирепствовала в Киеве, и что, распространяясь час от часу, более, дошла уже и до Севска, то судили мы, что весьма легко дойтить заразе и до Москвы и быть кем-нибудь туда завезенной. Сверх того, и приезжие из Москвы сказывали и разглашали повсюду, что в оной все едят чеснок и оный при себе в предосторожность от поветрия носят.

Как несчастия сего тогда никто еще не испытывал и о чуме сей никто прямого понятия не имел, и зло сие всеми воображаемо было несравненно величайшим и пагубнейшим, то помянутое известие смутило всех нас чрезвычайно, погрузило дух наш в уныние и преисполнило сумнительствами и опасением.

Все мы твердили только, что если в Москве язва действительно оказалась или окажется, то верно не замедлит посетить и нас, и мы, живучи, почти на большой дороге, всего легче можем также подвергнуться сему несчастию; а сие и нагоняло на нас предварительно страх и ужас. И наше счастие еще было, что известие сие было не совсем еще тогда достоверно, и мы льстились надеждою, что, может быть, то еще и неправда.

Таким образом, хотя известие сие сначала нас чрезвычайно напугало, но несовершенная достоверность онаго скоро нас опять поуспокоила, и мы в надежде, что то неправда, скоро все сие и позабыли.

1770 г.) со стороны Брянска, Севска и в особенности свирепствовала в Москве, где в разгар эпидемии в день умирало до 1000 человек. Эпидемия нарушила ход экономической жизни страны, уменьшила государственные доходы, а действующая армия требовала безперебойного снабжения. Правительство принимало строгие меры для уменьшения эпидемии: карантины, дезинфекции, изоляции больных, закрытие бань, трактиров, причем для окуривания и закрытия мертвых употребляли каторжных, а потом и фабричных за плату по 6 копеек в день. В чумных областях набора рекрутов не производилось. Фабричных больных развозили по подмосковным монастырям или запирали на фабриках, где они вымирали почти поголовно. Но несмотря на все меры, в Москве был очень большой людской обмен: помещики везли себе из деревень продукты, из армии и в армию ехали курьеры, тянулись обозы продовольствия и транспорты раненых. Население, боясь карантинов, отобрания имущества больных, укрывало и больных, и их вещи и способствовало распространению эпидемии. Больные разбегались, прятались и разносили болезнь. Паника населения перед эпидемией вызвала бунты, которые жестоко подавлялись. Описание одного из таких бунтов и дает Болотов. Его описание правдиво, хотя он и передает его со слов других. Но его разсказ совпадает с показаниями свидетелей и очевидцев.

Сверх того, чрез день после того особливое и радостное для меня происшествие обратило все мысли мои на другое. Сей день был одним из достопамятнейших в моей жизни. В оный получил я посланную ко мне из Экономическаго общества большую золотую медаль, которую присуждено мне было дать за мое сочинение: «Наказ для управителя, как ему управлять в небытность господина деревнями».

Как она была еще первая из полученных мною и притом с вырезанием на ней моего имени, то не могу изобразить, как много я и все мое семейство оною было обрадовано и сколь много все мы ее вдоль и поперек пересматривали и о изображениях на ней разсуждали.

Была она довольно велика, составлена из 35-ти червонцев, ибо обещанное награждение разделено было между двумя решившими задачу сию единоправно хорошо: мне и господину *Рычкову*[1].

Что ж касается до изображения, то на одной стороне был грудной портрет *императрицы Екатерины*, как основательницы Экономическаго общества, а на другой изображено было самое сие общество в виде женщины, сидящей на снопах под пальмовым деревом и увенчанной венком из цветов и колосьев. В одной руке держала она Меркурьев жезл, а в другой, распростертой на середину медали, венок, сплетенный из колосьев, с крупною надписью вверху над ним «*ЗА ТРУДЫ ВОЗДАЯНИЕ*», а внизу «*Анд. Тим. Болотову октября 9 дня 1770 году*»; вдали же видно было вспахано поле с человеком, пашущим оное плугом.

Впрочем, сделана она была из самаго чистого золота 93 пробы, была весом в 28 1/2 золотников; стемпель же вырезан высокою и хорошею работою г. Гассом.

По всем сим обстоятельствам медаль сия была для меня вещь весьма достопамятная и такая, которая не только мне, но и всему моему роду и потомкам некоторую честь приносить может. Она уже и тогда наделала во всем уезде нашем много шума, весь уезд знал уже о том из публикации в газетах; и как дело сие было совсем новое и до того никому еще медалей

[1] Рычков Петр Иванович (1712–1777) – историк, экономист и географ, один из наиболее ценных и плодовитых корреспондентов Вольного Экономического Общества, в «Трудах» которого он напечатал много своих статей. Считался знатоком экономики и «коммерции» Оренбургского края (отзыв комиссии о коммерции). Лучшая работа Рычкова – «Описание Илецкой соли, с подробным планом Илецкой защиты» – первое описание Илецких соляных разработок. Его «Записки о Пугачевском бунте» использовал Пушкин в «Истории Пугачевского бунта».

не давалось, то натурально все обманывались в разсуждении награждения сего чрезвычайно и почитали оное несравненно величайшим и важнейшим, нежели каково оно в самом деле было, и потому везде и везде были о том разговоры, а знакомые и приятели мои друг пред другом наперерыв поздравляли меня с оным.

Что ж касается до моих подданных, то я не могу довольно изобразить того удовольствия, которое я имел, видя всех их безпритворную о том радость. Всякий из них нарочно приходил ко мне, поздравлял меня с получением, по их наречию, государевой милости и просил, чтоб показать им сию ими никогда не виданную вещь, и желал, чтоб я получил еще более; из посторонних же дворян не было и без завистников.

Таким образом, по милости Господней, получил я награждение, которое в ученом свете приносило мне великую честь, а не менее приобрело и всеобщую похвалу; а всего важнее было то, что чрез сей случай сделалось имя мое во всем государстве известным и как после я услышал, то было в то время, когда она мне определена, разговариваемо обо мне и за столом у великаго князя.

Впрочем, при пересылке медали сей ко мне, произошло смешное происшествие. Поручена была пересылка оной тогдашнему генералу-прокурору князю *Вяземскому*, Александру Алексеевичу, как сочлену нашего Общества. Сей поручил прокурору своему, Ивану Ивановичу *Вердеревскому*, переслать ее к нашему воеводе, Степану Степановичу *Посевьеву*. Сей, посылая пакет с письмом и с ящичком, в котором была она вделана, к сему воеводе, надписал на оном, что тут находится медаль. Сие подало повод видевшим оный пакет думать, что медаль сия прислана к нашему воеводе, которые и принялись его с тем поздравлять; почему, отправляя ко мне пакет Общества с нарочным, и писал он ко мне смеючись о сем происшествии и благодаря, что он моими трудами несколько времени пользовался, поздравлял меня с получением оной.

Кроме сего, был помянутый день достопамятен для меня и тем, что в оный ввечеру приведена было одна вновь мною выдуманная и несколько времени делаемая увеселительная игра к окончанию, чего я с превеликою нетерпеливостью дожидался.

Мы не преминули тотчас же испытать, и как она оказалась очень забавною и всем понравилась в особливости, то и сие доставило мне много удовольствия.

Новая игра сия состояла из осьмиугольнаго равносторонняго ящичка, имевшаго в ширину 14, а в вышину с небольшим 2 вершка; в каждой из сих 8 сторон сделано было по 4 домика или конурки, по величине шарика, в сей игре употребляемаго, шириною в вершок или меньше и почти квадратные, так что кругом всего ящика было 32 таковых домика сделано.

На половине из сих домиков, сделанных сверху закрытыми, написаны были вверху спереди нумера одни по красной земле желтою, а другие по черному грунту белою краскою. Первые означали выигрыши, а вторые – проигрыши, а прочие 16 домиков пустые, и ни выигрыша, ни проигрыша не доставляющие.

Для соблюдения между ими равновесия перемешаны они наилучшим образом так, что подле выигрышного находился всегда пустой, а подле его – проигрышной, а там опять пустой и так далее; а при том так, чтоб не приходилось никогда двух больших выигрышей сряду, а всех было 8 выигрышей, начиная с 1 по 8, и 8 проигрышей.

Наиглавнейшая цель состояла в выдумании особаго средства видать и попадать в домики сии небольшим и пропорциональным против их шариком, но так, чтобы выигрыши и проигрыши не зависели ни от уменья игрока, ни от проворства и замысловатости его, но единственно от удачи и счастия. Сие было для меня наиглавнейшим затруднением, однако мне удалось придумать прекрасное и всем желаниям моим соответствующее средство, а именно:

Я сделал посреди ящичка сего круглое и, как жернов на веретене, так лежащую дощечку, чтоб ее, ухватив за ручку, можно было завертеть и чтоб положенный в то время на середину оной шарик мог скатиться вмиг с ней и попасть в которой-нибудь из помянутых домиков. Но чтоб он сильно мог ею быть брошен, то оставил в центре довольную и такую пустоту, в которую бы полагаемой шарик мог просторно уместиться; достальное место разгородил я образом звезды на 8 равных частей маленькими на ребро приклеенными дощечками, а к одному месту приделал к краю маленькую резную ручку с распростертым указательным пальцем, простирающимся почти вплоть по самые домики, дабы ручка сия при переставании окружного вертения дощечки могла какой-нибудь домик указывать.

Все сие и произвело успех вожделенный, ибо когда, схватя либо за сию ручку, либо за которую-нибудь из дощечек, вернешь посильнее сей кружок, то он вертится очень скоро и сильно; а когда в сие время на сре-

дину его в помянутое отверстие положишь шарик, то оный тотчас концом которой-нибудь перегородки зацепливался и бросаем был кружком в помянутыя конурки как бы рукою.

В игру сию можно было играть многоразличным образом, и не только двум рука на руку, но трем, четырем и более человекам, на партии, на призы, и в банки, и в фанты или службы, и к чему ее ни употреби, она ко всему была способна.

Ежели играют в нее двое рука на руку в деньги, то платят они друг другу выигрыши и проигрыши. Ежели играют многие, то вертят по порядку и всякий выигрыши свои получает от последующаго за ним, а тот от другого, равно как и проигрыши тем же платят.

При игрании в банк, становят все игроки по сколько-нибудь денег на блюдечко, а потом вертят по порядку и разыгрывают оный и проигравшие приставляют, а выигравшие берут; или становит один из игроков банк, а прочие все вертят и либо от него берут, или ему платят, сколько кому доводиться будет.

Кроме сего, для играния рука на руку в партии сделаны были сверху домиков, ко всякой из 8-ми сторон, по нескольку дырочек со втыкаемыми в них 4 крупненькими и 10 поменьше колочками, дабы сими можно было каждому при вертении и попадании в домики свои числы сими колочками маркировать, и кто прежде наберет 50, тот и выигрывал.

Для играния же в службы означены все домики другими цифрами, начиная с 1 по 32 или по 24, из которых каждому нумеру присвоена в написанной нарочно для того книжке особая служба, и у кого при вертении против котораго нумера ручка остановится, тот и должен исправлять ту службу.

Кроме сего, можно было и еще кое-как играть в сию игру, и она могла употребляема быть на все про все, и как при всем том все зависело от счастия и никому ни малейшаго чего схитрить было не можно, то и назвал я ее *санмалисом*, что значило безхитростною или *правдивкою*.

Нельзя изобразить, как она сначала всем полюбилась и как много раз принимались мы в нее играть при наших съездах для препровождения времени.

Я распестрил и расписал ее разными красками и для спокойнейшаго в нее играния сделан был особый четвероугольный стол, в которой ящик сей вставливался и покрывался потом сверху столовою доскою шахматною, и она цела у меня еще и поныне.

Изобретение сей новой забавной игры было весьма подстать тогдашнему времени, о котором вообще сказать можно, что было оно такое, какого веселее не было еще никогда в Дворянинове и едва ли когда-нибудь и впредь будет.

Находилось нас четыре дома в сем маленьком селении, и хозяева во всех их были люди молодые, семьянистые и жившие друг с другом в совершенном согласии и обхождение между собою имевшие прямо простое, без всяких чинов и дальних затей; а потому и одни они с семействами своими и моим семейством в собрании могли уже составлять довольное общество.

Но кроме их было тогда много и посторонних, бравших в съездах, времяпрепровождениях и всегдашних невинных забавах и увеселениях наших всегдашнее и частое соучастие.

Кроме г. *Ладыженскаго* с своею семьею и г. *Руднева*, езжавших к нам нередко, бывали очень часто у нас и оба землемера, живших все еще на заводе, из которых один был женатый; а наконец, и самый *Хитров*, нередко бывал у нас и у моих соседей, умалчивая о доме тетки жены моей, г-жи *Арцыбашевой*, приезжавшей к нам очень часто и у нас по нескольку дней гостившей.

И как при каждом съезде не теряли мы почти ни одной минуты времени, но принимались тотчас за разныя забавы и играние, то в веселыя карточныя, то в иныя игры, сопряженныя с резвостями и смехами и хохотаньем, то и бывали всегда наши съезды отменно веселы и забавны и мы так к играм сим, особливо карточным, привыкли, что истинно снились оне нам даже во сне и нам уже скучно без них было.

При таких частых съездах и всегдашних забавах и увеселениях и не видали мы, как прошел почти весь последний месяц сего года и первая наша зима, ибо в сей год имели мы их две или более.

Помянутый установившийся порядочный зимний путь не успел несколько недель или паче дней постоять, как южные ветры намчали к нам опять такое тепло с многократными и сильными дождями, что около Рожества Христова сошел дочиста весь наш снег и не только обнажилась дочиста вся наша земля, но сделалась даже самая половодь и повсюду такая грязь, что мы принуждены были приниматься за колесы и на самый праздник Рожества Христова ездили к церкви в колясках и каретах, а на третий день после Рожества прошла от того даже самая Ока-река и разлилась под

часовню самым большим разливом: происшествие до того никогда не бывалое и почти неслыханное.

Сей безпорядок в натуре какое помешательство ни делал нам в наших свиданиях, однако мы не переставали и в самое дурнейшее время и непогоды продолжать наши съезды и увеселения, а особливо при наступлении Святок.

В сии не проходило истинно ни одного дня, в которой не было бы у нас то в том, то в другом доме съезда, и чтоб везде, по пословице говоря, пир не стоял горою. Словом, мы впрах тогда зарезвились и завеселились, равно как предчувствуя, что вскоре засим настанут времена горестныя и печальныя.

Как в самом конце сего месяца и года настала у нас опять стужа, налетели снега, и возстановилась опять зима, то в самый последний день сего года поехал я со всем своим семейством в Калединку, чтоб вместе с теткою и любезным нашим старичком и, так сказать, всего семейства нашего патриархом начать препровождать новый год. С нами вместе согласился туда же ехать и сосед наш *Матвей Никитич* с женою.

Мы приехали туда уже в сумерки, и как случилось нам хозяев не застать дома, ездивших также к соседям в гости, то во ожидании приезда их, напившись чаю, принялись мы и тут за обыкновенныя наши резвости и забавы и провели не только до хозяев, но и по возвращении оных домой, весь вечер очень весело, а особливо занимаясь нововыдуманною мною игрою в карты, соединенною с службами.

Но самый конец года сего настращал было меня очень. За час до ужина как мы перестали играть в фанты, и дети уселись играть в *реверенс*, заболела у меня вдруг и чрезвычайно голова. Сие меня встревожило очень и до того, что я даже несколько и трухнул, по причине, что дом теткин наполнен был тогда больными, а что того хуже, то и в самых хоромах находились больные, и мы были в том же покое, где лежала больная дочь ея.

Сего обстоятельства я, едучи к ним, крайне боялся, и потому не успела начать болеть у меня голова, как, не долго думая, принялся я тотчас к обыкновенному своему и почти надежному в таких случаях вспомогательному средству, а именно: к принуждению себя невольно посредством щекотания, производимом в носу свернутою бумажкою, чиханью, что и помогло мне очень скоро.

Сим образом окончили мы 1770-й год, год по многим отношениям весьма достопамятный и особливаго замечания достойный.

Ибо, во-первых, достопамятен он был самыми редкими и странными явлениями и происшествиями в натуре. Во все течение лета происходили у нас странныя погоды, соединенныя с вредными упадающими на хлеб туманами и росами, отчего и урожай оным в сей год был очень плох; а осенью, как выше упомянуто, зима у нас наставала несколько раз, и даже дошло до того что в декабре сошел весь снег и на самый праздник Рожества Христова взломало уже в некоторых местах Оку-реку, что наделало не только великое помешательство и остановку во всех транспортах, но погноило и перепортило все и мяса и причинило безконечные убытки.

Во-вторых, достопамятен он был важными и великими происшествиями в свете. У нас продолжалась тогда война с турками, и самый сей год ознаменовался неслыханными и невероятными почти победами над ними на сухом пути и на море.

В самый оный разбит их визирь с многочисленною армией графом *Румянцевым* при Кагуле; взяты у них, по жестокой и кровопролитной осаде, Бендеры – *Паниным*, а графом *Орловым* разбит и сожжен весь их флот в Архипелаге при Чесме. Одним словом, мы изумили и удивили тогда весь свет своими победами и возвели себя на самую вышнюю степень славы и величия.

А с другой стороны, достопамятен он был приездом к нам брата короля прусскаго, славнаго принца *Гейнриха*, который, будучи в Москве, равно как сглазил бедную сию старушку: ибо с самого того времени и начали в ней свирепствовать жестокия болезни и внедрилось в Москву моровое поветрие, которое свирепствовало уже во всей силе в Киеве и в других местах нашего отечества и нагоняло на всех на нас неописанный страх и ужас и тем очень много уменьшали наши радости о победах.

В-третьих, достопамятен сей год был и относительно до самого меня многими важными происшествиями, как то: описанным выше сего межеваньем всех владениев моих в Каширском уезде и бывшими при том многими хлопотами и волокитами.

Во-вторых кончиною зятя моего г-на *Травина* и восприятием над оставшими детьми его опекунства, которое хотя и не было такое формальное, какие ввелись у нас после того в обыкновение, но все занимало и озабочивало меня много.

В-третьих, ездою моею в Кашин и привезением сына его к себе для воспитания и обучения.

В-четвертых, многими болезнями и перевалками, бывшими в моем доме, но от которых собственно мы, благодаря Промыслу Господню, избавились.

В-пятых, прославлением имени моего во всем государстве чрез удачное решение заданной задачи и получение за то золотой медали, которые тогда были в великой еще диковинке.

В-шестых, многими выдумками и изобретениями моими, в течение сего года учиненными, и многими другими обстоятельствами.

Впрочем, по благости Господней, препроводил я сей год со всеми ближними родными моими в совершенном здоровье и во всяком благополучии. Все мы были здоровы, веселы, покойны, всем довольны; а более сего, чего можно было желать в свете лучшаго?

Дети мои час от часу возрастали и подавали с каждым годом лучшую о себе надежду. Дочь моя *Елизавета* вступила уже тогда на четвертый год, умела уже все говорить и была милым и любезным ребенком; а и сыну моему Степану пошел уже третий год, он умел уже ходить и в состоянии был доставлять нам тысячи удовольствий и утех невинных.

Сим окончу я сие мое письмо и скажу, что я есмь ваш и прочее.

(Декабря 15-го дня 1807).

1771 ГОД

Письмо 148-е

Любезный приятель!

Начиная описывать вам в сем письме наш несчастный 1771-й год, скажу прежде всего, что при начале онаго я со всем моим семейством находился, по особливой милости Господней к нам, в вожделенном благополучии.

Все мы были здоровы, всем довольны и веселы и ничего нам не доставало к благополучию нашему, а оставалось только уметь оным поль-

зоваться и его чувствовать: искусство, которое, к сожалению, не всякий смертный знает и которое всего важнее и драгоценнее в свете.

Год сей начали мы препровождать, как я прежде упоминал, в Калединке, находясь вместе со всеми тогда ближними родными в доме у тетки *Матрены Васильевны*, и у обедни в сей день были в селе Никитине, где я имел случай спознакомиться с господином *Шеншиным*, владельцем сего села, который зазвал нас всех к себе на перепутье.

Отобедавши же дома смолвились мы, старейшие, съездить в Хотманово к старинному моему по Москве знакомцу г. *Давыдову*, где нашли и многих других людей, и с ними провели весь день до самаго почти ужина.

Но мне сей день был не очень весел по причине, что не с кем было тут и ни о чем разумном говорить, а упражнялись господа в премудрых разговорах о псах смердящих.

Хозяин, будучи до них и до звериной ловли смертельный охотник и нашед такого же в г. Шеншине, не переставал ни на минуту об них об одних говорить, и в том в одном провели все время.

Каково ж при таких ораторах быть было мне, ненавидящему духом сию охоту, и не находящем в разговоре о сем предмете ни малейшаго удовольствия, и не могущему как тогда, так и во всю жизнь довольно надивиться тому, как господа сии могут находить столько предметов или, паче сказать, сущих ничего не значащих безделиц, и не только никакого внимания, но и самого слушания не достойных вещей к пересказыванию друг другу, и тому, с каким удивительным вниманием и примечанием другие говорящаго слушают.

Не один раз, смотря на таких говорунов, с душевным соболезнованием говаривал я сам себе: «О, когда б господа сии хотя бы десятою долею такого внимания удостаивали разговоры о вещах важных и до существеннаго благополучия их относящихся! Но нет! К таковым не льнет у них ухо, а тотчас появляется скука и зевота. И удивительное прямо дело, как прилеплены многие к сей охоте и как всего жаднее к разговорам об ней и ненасытны в оных! Истинно, если б последовать и верить системе Пифагоровой, так можно бы почесть, что души их находились прежде либо в зайцах, либо в собаках и по смерти их переселились в телеса господ сих».

Как нас уняли было ужинать, то было бы мне еще скучнее провожать длинной вечер в едином безмолвии и в слушании таких премудростей, для меня непостижимых; но, по счастию, прислали к нам из Калединки нароч-

наго с уведомлением, что приехал к тетке еще один интересной и никогда еще у ней не бывалой гость, и сие принудило нас тотчас ехать туда, где и удалось мне, по крайней мере, вечер сего для провесть весело, в разных играх и разговорах, но лучших уже пред теми, с приезжим незнакомцем.

Гость сей был самый ближний наш родственник, и сын родного брата деда жены моей, следовательно, ей внучетной, а теще моей, двоюродной брат.

Был он из той же фамилии *Арцыбашевых*, по имени *Николай Григорьевич*, и как ему никогда еще у нас тут бывать не случалось и я в первой еще раз его видел, то все мы приезду его были очень рады, а я всех больше, потому что нашел в нем человека хотя молодого, но знающаго немецкий язык, охотника до наук и художеств и при том отменно любопытнаго.

С таким человеком недолго было мне сдруживаться. Мы проговорили с ним весь вечер о книгах и о прочем, и разговоры о том заняли нас так много, что мы, и легши спать, продолжали оные и почти всю ночь не спали; ибо ему хотелось весьма многое знать и он многие знакомые мне вещицы не только слушал с отменным вниманием, но даже записывал у себя в записной книжке.

Другое удовольствие мое в сей день было то, что я был опять совершенно здоров и не чувствовал более ни малейшей головной боли; и помогло мне и в сей раз удивительно чихание.

А всего приятнее для меня и для всех нас было то, что, по уверению г. *Шеншина*, моровое поветрие в Киеве начало утихать или паче утихло уже совсем, а до Мценска, как нам прежде сказывали, никогда и не доходило.

О, как радовали нас тогда все такие утешительные слухи и с какою готовностью и охотою мы всем им верили, и сколь, напротив того, огорчали нас тому противные, которых, к несчастию, случалось нам иногда уже гораздо более слышать, нежели первых.

В последующий день, возвращаясь домой и едучи чрез Ченцово, вздумали мы заехать к одному знакомому немцу, приехавшему на самых тех днях из Москвы; но ведали бы – лучше и не заезжали.

Он смутил нас огорчительным известием, что в Москве действительно уже язва началась в гошпитале и что скоро ни в Москву впускать, ни из Москвы никого выпускать не станут; что весь гошпиталь обставлен караулами и знатные все начали из Москвы разъезжаться.

Как сие было еще первое достоверное о внедрившейся в Москву чуме известие, нами тогда полученное, то смутило и огорчило оно нас до чрезвычайности и тем паче, что я собирался посылать в Москву с обозом и не знал тогда, что делать, и ни то посылать, ни то нет; а племянницы мои, собиравшияся уже в обратной путь и долженствующия неминуемо ехать чрез Москву, с ума даже сходили от огорчения.

Но как все еще нам тому не хотелось совсем верить, то, услышав, что также на тех днях возвратился из Москвы ездивший опять туда сосед и друг мой г. *Полонский*, то и положили мы нарочно к нему для достовернейшаго узнания обо всем съездить и у него расспросить обстоятельнее.

Итак, проводив заехавшаго к нам из Калединки новаго моего знакомца и родственника от себя, поехали мы все к г. Полонскому; но, увы! не обрадовал и он нас, а только пуще еще огорчил подтверждением и с своей стороны помянутаго нами слышаннаго известия.

Он разсказывал нам, что чума оказалась действительно в гошпитале и еще в одном доме в Лефортовой слободе, от одного приезжаго из армии в отставку офицера, умершаго тут от ней с обоими своими слугами и лечившим его лекарем.

Далее сказывал он нам, что как гошпиталь тотчас окружен был кордоном и не стали ни в него, ни из него никого, пускать, а к императрице тотчас отправлен с известием о том нарочной фурьер, и все это сделалось гласно, то происшествие сие всю Москву крайне перетревожило, и что все знатные и к должностям непривязанные люди тотчас ускакали из Москвы и разъехались по деревням.

Первый учинил сие граф Петр Борисьевич *Шереметев*, прочие же все ухватились за чеснок и деготь и оные при себе носили и нюхали, а первый и ели во всех естваx.

Он показывал нам тогдашние московские ароматнички, сделанные наподобие черепаховых наперников, в которых в одном конце вставлена скляночка, наполненная чистым дегтем, а в другом – толченый чеснок, и сказывал, что вся Москва тогда говорила, что от вещиц таковых зависит жизнь каждаго; а потому и бросились все их покупать и мастеровые не успевали для всех их заготовлять. Но, увы! когда б они действительно так важны и спасительны были и люди не так много на такие безделицы полагались!

Другою и самою спасительною вещию почитался славной в старину уксус, так называемый «четырех разбойников». Проворные и догадливые французы не преминули тотчас всклепать на себя, что они умеют сей уксус составлять, и тотчас начали продавать оный и обирать множество денег за самой простой виноградной уксус; а на их век и дураков, вдающихся в явной обман, в Москве было очень много.

Со всем тем как известием сим ни настращал нас г. Полонский, но, с другой стороны, и поутешил тем, что как зло сие еще не распространилось, а к недопущению того употребляются все предосторожности, то при наступлении тогдашней стужи и морозов надеются все, что она поукротится и не дойдет ни до какого далекого несчастия, а сие и ободрило нас несколько.

Но не успели мы возвратиться домой и несколько поуспокоиться духом, как принесло к нам савинскаго попа с святою водою, и сей возмутил опять весь дух наш до чрезвычайности, сказав, что он, будучи на тех днях в Серпухове, наверное слышал, что поветрие моровое есть уже в Боровске и что из сего города выезд и въезд в него запрещен.

Холодной пот прошиб из чела моего при услышании сего известия и я, вздохнув, сам себе сказал: «Боже Великий, что это будет, ежели сие правда? Боровск от нас очень недалеко и за Серпуховом тут и есть!» Но как дня чрез два услышали мы, что это совсем соврано и неправда, то опять успокоились духом и бранили только выдумщиков, распускающих такие ложные слухи.

Чрез день после того отправились все племянницы мои опять восвояси и мы проводили их в сей путь, пожелав, чтоб они Москву проехали благополучно. Я снабдил их всеми нужными наставлениями, как им одним жить и что наблюдать более, отпустил, одарив всех их платками и другими вещами.

Вскоре после сего случилось нечто относящееся до нашего межеванья и нечто такое, что нас сперва было обрадовало, а потом опять смутило и огорчило.

Как спор у нас с волостными не был еще разрешен и не делано было и самаго перваго приступа к начальному обыкновенному миротворению, и господа межевщики все сие время занимались сочинением планов, исчислением оных и собиранием ото всех сведений о числе дач, и все сие

около сего времени было кончено, то любопытны мы чрезвычайно были знать, сколько во всей волости земли в натуре и пример ли у них против писцовых дач или недостаток оказывается?

В самое сие время однажды поутру присылает ко мне сосед мой, *Матвей Никитич*, и сообщает приятнейшее для меня известие, что у волостных нашлось 16 тысяч десятин примеру и что был на заводе управитель их *Апурин* и приказал, чтоб они не доходили до конторы, а со всеми полюбовно помирились.

Я обрадовался было сему чрезвычайно, но радость сия продолжалась недолго; в тот же еще день приехал к нам межевщик и разрушил всю нашу радость обстоятельнейшим извещением, что в волости нашлось действительно земли 17 640 десятин, но не примерной, а всей наличной.

Я ахнул, сие услышав, ибо никак не воображал, чтоб в волости было так мало земли наличной, а думал, что у них по меньшей мере тысячам 40 десятин быть надобно.

Но как при вопросе о их примере извинился межевщик незнанием и сказал только, что будто он слышал, что по крепостям не более им следует, как 12 000, то сие опять меня несколько поободрило и я опять остался на несколько дней между страхом и надеждою.

А как он то же подтвердил, бывши у нас опять чрез несколько дней, и присовокуплял, что не подают они все еще сведения, а сказывали ему, что пахатной земли выбрали они только до 9000 десятин, и так, чаятельно, будет у них примеру десятин тысячи 3; сверх того, уверял он меня, что не показано у них в крепостях никаких поверстных лесов, то все сие меня радовало, а неприятно было мне слышать, что для подавание сведения прислан от управителя опять прежний мой недруг *Щепотев*.

Вслед засим обрадован я был полученным известием от племянника моего г. *Неклюдова*, из псковских пределов. Жена его, находившаяся тогда в деревне, прислала ко мне полтора четверика настоящей аглицкой ржи, выписанной ими нарочно из Англии для завода и уведомляла, что муж ея находился тогда в Петербурге и служил в провиантском штате в команде у г. *Хомутова*.

Но сколько обрадован я был сим известием и получением сей давно мною желаемой ржи, столь же много и растревожен и перестращен был в тот же день нечаянным происшествием, случившимся у нас в деревне.

К брату моему *Михайле Матвеевичу* приехал на тех днях тесть его, г. *Стахеев*, из Москвы, и не успел приехать, как занемогши тут, чрез самое короткое время и умер.

Я ахнул, о сем услышав; ибо тотчас возымел подозрение, не захватил ли он в Москве страшной болезни, ибо в тогдашнее время все наводило опасение, и все такия скорыя смерти приводили в сомнение.

Словом, меня так много сей случай настращал, что я усумнился даже идти навещать огорченных тем его детей и не знал, как бы увернуться, чтоб не быть и при погребении онаго.

Но, по счастию, приехали к нам наши калединские родные с старичком почтенным, собравшиеся съездить за Серпухов к родственнику нашему, *Ивану Афанасьевичу*; и как они стали подзывать и меня ехать вместе с собою, то хотя мне и не весьма хотелось в сии дальние и скучные гости ехать, но для избежания от присутствия при погребении Стахеева охотно на то согласился.

Итак, 19-го сего месяца пустились мы в сие недальнее путешествие, которое двумя происшествиями было несколько примечания достойным.

Во-первых, тем, что я, будучи в Серпухове и ночуя в монастыре у почтенной старушки Катерины Богдановны, не мог довольно налюбоваться обхождением ее и разговорами у ней с старичком, дедом жены моей.

Оба они были на краю гроба, оба были с малолетства знакомы и жили, как родственники, во всякое время в дружбе и приязни, но обоих их отдаленность мест и обстоятельства разлучили на долгое время, так что они несколько десятков лет не видались; а тогда, при глубочайшей старости увидевшись, не могли довольно между собою наговориться и мило было смотреть на все оказываемыя ими друг другу ласки и, несмотря на всю старость, их шутки и издевки.

Второе происшествие состояло в крайне неудачном и досадном обратном путешествии из гостей сих домой.

Находясь в деревне г. *Арцыбашева*, в Воскресенках, положили мы ехать назад уже не чрез Серпухов, а пробраться прямо лесами на Лужки и Пущино и заехать к живущим тут родственникам нашим той же фамилии Арцыбашевых; ибо старичку нашему, находясь в пределах здешних, у всех побывать хотелось.

Итак, отправившись оттуда, имели мы много труда, покуда доехали и до Лужок. Ехать принуждены мы были все перелесками, узкими дорогами

и почти самым целиком. Но как бы то ни было, но до Лужков доехали, и тут у обрадованной хозяйки ночевали. Но как в последующий день поехали оттуда в Пущино обедать, то и началось наше горе.

Где ни возьмись буря и мятель, и такая скверная погода, какая случается очень редко; но как переезд был тут недальний, то и думали мы, что до Пущина как-нибудь доедем, а там располагались обедать и ночевать у хозяйки.

Но не то сделалось! В Пущино как-нибудь мы, таки доехали, но тут вдруг сказывают нам, что хозяйки нет дома и что она уехала в Серпухов и пробудет там несколько дней.

Господи! Какая была тогда для нас досада. Тут остаться было не можно, у хозяйки все было заперто и ничего не было, да без нее и не хотелось нам тут и оставаться, но вопрос был: как быть и куда ехать обедать? Ибо чтоб ехать до моего, верст за 15 оттуда отстоящаго дома и в такую страшную и дурную зимнюю погоду в такую даль пуститься, о том и мыслить было не можно. Долго мы о сем думали и не знали что делать. Наконец предложил я, чтоб заехать к живущему верст 5 или меньше оттуда другу моему г. *Полонскому*. Но как старичку нашему не был он знаком, а тетке никак заезжать к нему не хотелось по причине, что жена его была ей както не по вкусу, то долго останавливало нас сие. Но наконец, при преувеличивающейся час от часу более мятели, принуждены они были на то согласиться.

Но сей путь был хотя недальний, но дался нам так, что мы его долго помнили. Дорога была туда самая маленькая полями и вся занесена так мятелью, что ее едва можно было видеть. Люди наши, позахватившие в Пущино несколько в лоб, где их по усердию знакомцы попотчивали, все перезябли не на живот, а насмерть и едва было не потеряли совсем и след дорожный.

К вящему несчастию, надлежало нам проезжать сквозь экономическую деревню Балково и пробираться тесным и наполовину сугробами занесенным проулком. Тут попали мы в такую трущобу и тесноту, что нас сломали было совершенно.

Возок наш, в котором мы ехали, был почти совсем на боку. В нем переколотили все стекла, а у кучера голову было оторвало, так хорошо прижаты мы были к плетню, за который мы, им зацепив, принуждены были совсем остановиться.

Что было делать? Мы принуждены были с теткою Матреною Васильевною, боявшеюся и без того крайне всего дурного в пути и без памяти тогда кричавшею, кое-как выдираться и вылезать из возка и впрах перемокли и иззябли. И насилу-насилу возок свой кое-как высвободили и до Зыбинки, где жил г. Полонский, доехали; но и тут учинилась было с нами беда.

Как стали отворять ворота, то вихрь отхвати половину щита воротного и оным так хватило в наш возок, что посыпались и достальныя стеклы, а стоявшаго позади камердинера моего, Бабая, чуть было до смерти им не задавило.

Но за то гостеприимные и приездом нашим обрадованные хозяева обогрели, накормили и успокоили нас совершенно. Они не отпустили уже никак нас в тот день от себя, и мы все остальное время сего дня и вечер провели с удовольствием.

Возвратившись домой и проводив от себя любезных своих гостей, принялся я за новое и давно уже замышляемое сочинение одной экономической пиесы для отсылки в Экономическое общество.

Начитавшись в немецких книгах о так называемом копельном хозяйстве при разделении полей на многия части в мекленбургских областях и прельщаясь тем, давно уже помышлял я о том, не можно ли и у нас подражать их примеру и разделять на таком же основании поля на 7 участков или полей. И как я при размышлении и делаемых сметах чем более дело сие разсматривал, тем множайшия усматривал пользы, могущия от того проистекать, то решился я изобразить все мысли мои о том на бумаге и представить на разсмотрение Обществу.

Успех в сочинении сем превзошел мое чаяние и ожидание и пиеса вылилась так хорошо, что я ею не мог довольно налюбоваться; а произошло только нечто странное, удивительное и такое при сочинении оной, что я и поныне не могу забыть того.

Однажды, как сочиняя оную, сидел я в своем кабинете и исписал уже первую страницу 11-го листа, как вдруг приехали ко мне гости.

Я, оставив все как писал на своем столе, вышел в лакейскую их встречать и, проводив в спальню к боярыням, побежал опять в свой кабинет для прибрания бумаг и чтоб начеркнуть новую попавшуюся мне в самое то время мысль на оной.

Но что ж? Я глядь, ан помянутаго последняго и наполовину исписанного листа на столе уже не было. Я смотреть не завалился ли он куда? Я искать под столом и под креслами, я искать по всему полу, я рыть все бумаги на столе, я смотреть не завалился он как между оных, – но его нигде не отыскивалось.

«Господи! – говорю. – Да куда ж он делся? Не утащил ли кто?» Я спрашивать, не входил ли кто без меня в кабинет? Но как все меня свято и клятвенно уверяли, что никто и ни одна душа не входила да и некогда было и входить, поелику мое отсутствие не продолжалось более двух или трех минут, то сие дивило меня еще более.

Словом, я не понимал, куда он делся, и не мог чтоб не продолжать искать его; но мы хоть целыя сутки всюду и всюду его искали, но не могли никак отыскать, и лист мой сгнил да пропал, и я принужден был уже вновь его писать. И, по счастию, случилось так, что я мог все опять припомнить и написать почти слово в слово с пропавшим, о котором и поныне не знаю, куда он делся.

Около сего же времени случилась со мною та неожидаемость, что владелец лежащей неподалеку от меня в соседстве деревни Якшиной генерал *Щербинин*, бывший тогда губернатором в Харькове, навалил на меня смотрение за сею его деревнею.

Я получил тогда от него письмо с наиубедительнейшею о том просьбою, и как мне ни не хотелось, но не мог от того отговориться и принужден был удовольствовать его желание.

Впрочем, занимался я еще около сего времени особливаго рода упражнением.

Наслышавшись от помянутаго выше сего молодого нашего родственника, г. *Арцыбашева*, охотника до наук и художеств, как шлифуются всякаго рода каменья, восхотелось мне по данному мне от него рисунку смастерить себе шлифовальный домашний станок и испытать сие дело.

Я и произвел все с желаемым успехом и, достав трепела и наждаку, испытывал на свинцовых и оловянных вертящихся кругах шлифовать пестрые кремешки и другие находимые мною хорошенькие камушки, и имел в том успех вожделенной, а удовольствия от того премногое множество.

В сих упражнениях прошел весь первой месяц сего года; при наступлении ж второго настала у нас в сей год Масленица, но сию случилось

мне проводить как-то отменно невесело. Причиною тому был наиболее г. *Арцыбашев*, к которому ездили мы за Серпухов в гости.

Как он был всеми нами любим за его услужливость и благоприятство, и во многих случаях неоставления; был же он таких лет, что ему давно б, давно пора жениться, и старушка мать его того только и желала и о том одном и помышляла, то приди охота тетке нашей, *Матрене Васильевне*, сватать за него одну невесту и прилагать все возможнейшия старания к убеждению его жениться

Она советовала о том с нами, также с своим свекром, как главою и начальником всей фамилии *Арцыбашевых*; и как все одобрили ея намерение и невесте в самое то время случилось быть в селе Луковицах у брата моей тетки, то и положено было немедля приступить к делу.

Для самаго того и поехали мы все в Калединку, а за женихом послали нарочнаго и писали к нему, чтоб он поспешил приехать к нам туда как можно скорей.

Но несмотря на все наши усильныя о том просьбы, он как-то слишком позамедлился и принудил нас несколько дней тщетно и с великим нетерпением его дожидаться; а самое сие и подало повод к тому, что я принужден был все лучшие дни Масленицы нашей прожить без всякаго дела и почти в уединении и в скуке с одними стариками, а притом по одному особливому случаю иметь некоторую досаду и неудовольствие, а именно:

Во время сего нашего пребывания в Калединке принесло туда в гости г-на *Хвощинскаго*, Василья Панфиловича. Сей знакомец наш имел тогда ссору и какое-то дело с другим и также нам знакомым дворянином г-м *Крюковым*, Степаном Александровичем, отцом и нынешнего друга моего *Александра Степановича*, и ему по делу сему нужно было для чего-то особливаго письменное свидетельство в том, что он целый год дома был и в Москву не ездил.

Свидетельство сие было у него заготовлено и ему хотелось, чтоб я подписал оное. Но как обстоятельство сие не было мне достоверно известно, а более сумнительно, к тому ж оба они были мне равные знакомцы и приятели и мне подписанием моим не хотелось, во-первых, утвердить не совсем мне достоверное дело, а сверх того, не хотелось подать повода и Крюкову меня ругать и бранить, да и многим другим произвесть неудовольствие; то, будучи просьбами убеждаем, не знал я, что мне делать, и долго находился власно как в тисках; но наконец решился повиноваться

гласу истины и благоразумия и просить его, чтоб он меня от таковой подписки уволил, на что он наконец, хотя с некоторым неудовольствием на меня, и согласился, но мне правда и честь была дороже его досады.

Что ж касается до нашего сватовства, то было оно неудачно. Жених наш хотя наконец и приехал и мы ездили все с ним смотреть невесту, и хотя сия была согласна за него выттить и была для его выгодная партия, да и он говорил, что и ему она непротивна; но со всем тем дело наше не сладилось, и все больше от неревностнаго хотения жениха жениться или паче оттого, что Провидению Господню неугодно было, чтоб он когда-нибудь был женат; как и действительно он хотя и дожил потом до глубокой старости, но умер неженатым и все имение его досталось в чужие руки.

Мы подосадовали тогда на него, но принуждены были ни с чем возвратиться назад и я рад был, что удалось мне поспеть хотя к самому последнему дню Масленицы. Но и тут другая также неприятность помешала мне сей день препроводить так весело, как хотелось.

При возвращении домой и едучи чрез Ченцовский завод и мимо квартиры межевщика *Сумарокова*, вздумалось мне заехать к нему и спросить: не знает ли он, сколько волостные действительно в поданном сведении своем показали дачной земли?

И как же срезал он меня, и каким смущением взволновал всю душу мою, сказав, что показали они, что следует им по крепостям слишком 18 000 десятин и что им за всеми их спорами недостает еще более 1000 десятин.

Я ахнул, сие услышав, и холодной пот проник из всего тела моего; ибо известие сие было для меня совсем неожидаемо, а все мы думали и за верное полагали до того, что у них много будет примерной земли: а тут вдруг проявился недостаток и столь еще великий.

Я не понимал, откуда б он взялся, и хотя не сомневался почти, что они прилгали, но со всем тем тревожило меня сие обстоятельство гораздо и гораздо, потому что угрожало потерею весьма многаго количества земли.

Но как нечего было делать, то оставалось только дожидаться последующаго за тем четверга, в которой день назначено было всем поверенным явиться к межевщику для обыкновеннаго миротворения. А посему, хотя и старался я в заговены кое-чем себя развеселить, но недостаток волостной не выходил у меня с ума и смущал все мои мысли и помышления, и все мои увеселения напоял желчью.

Наконец наступил помянутой страшной для меня четверг, в которой надлежало и нам приехать к *Лыкову* на завод и подать о числе дач своих сведение.

Признаюсь, что приближение дня сего тревожило меня очень: мысль, что он будет решительной, приводила меня в смущение; в особливости же долго не знал я, как лучше подать сведение, и показать ли в нем свой сумнительной поверстной лес или не показывать. Но наконец, для услышанного недавно известия о недостатке в волости земли, за необходимое почел оной наудачу показать.

Итак, собравшись с соседями, поехали мы все вместе на завод к г-ну *Лыкову* как старшему землемеру, долженствовавшему мирить нас.

Мы наверное полагали, что будет тут множество дворян, но в том обманулись. Из сих самых не было никого, а была только превеликая толпа глупых и ничего не смыслящих поверенных, сущих глухих тетеревей.

Мы пробыли тут весь день и ничего не сделали. Межевщик был человек непроворной и вялой, и все дело шло не так, как в людях. Словом, дошло до того, что я принужден был вступиться в чужое спасенье и вместо его быть миротворителем, и мне действительно удалось многих преклонить к миролюбивейшим мыслям.

Что ж касается до нас, то не имели мы дела, потому что волостные еще сведения своего о земле не подавали. Сие меня сначало удивило, но после обрадовался я, услышав, что у них есть примерец, что сведение они хотя и подали, но как в оном наврали много излишняго, то межевщиком было не принято, а он велел переписать и показать правду, а чрез то и пошло наше дело еще в отсрочку.

Возвратясь с успокоенным опять несколько духом домой, продолжали мы достальные дни первой недели говеть и молиться Богу. По наступлении же субботы не знали мы, к какому попу иттить нам на дух.

Прежняго нашего духовника, добраго и почтеннаго отца *Иллариона* уже не было, он отошел к своим предкам, и у нас попом был усыновленный им племянник его *Евграф*; и хотя сей был и молод еще, но мы решились наконец идти к нему на дух.

По исправлении сего долга христианскаго принялся я за переписывание набело сочиненной мною экономической пиесы и за шлифование на станке своих камней. В сих упражнениях и в угощениях многих при-

езжавших к нам около сего времени гостей и собственных кой-куда разъездах проводил я несколько дней сряду.

Между тем имел я неописанное удовольствие от получения одной давно желаемой книги, а именно *Цынкова* «Экономическаго Лексикона». Посылаемый в Москву человек привез мне ее и некоторыя другие.

Не могу изобразить, как обрадован я был оною и с каким рвением ее пересматривал и какое удовольствие имел, находя в оной безконечное множество разных вещей, весьма нужных для сведения моего при тогдашних обстоятельствах, и книга сия впоследствии времени мне очень пригодилась.

Отъезд обоих братьев моих в Москву в последний день сего месяца подал мне случай отослать с ними на почту помянутую сочиненную мною пиесу «О разделении полей» в Экономическое общество. Сочинение сие хотя мне и очень нравилось, и все читавшие оное хвалили, но не знал я, каково оно покажется Экономическому обществу, от котораго давно уже дожидался присылки 15-й части и не очень доволен был тем, что они ее ко мне не присылали.

В сих разных препровождениях времени и не видал я, как протек и весь февраль месяц и наступил март, котораго я, по причине приближавшагося с каждым днем разрешения жены моей от бремени, с обыкновенным смущением дожидался.

Но как письмо мое довольно уже велико, то, предоставив повествование о сем весьма для меня достопамятном марте месяце письму будущему, сим сие кончу и скажу, что есмь ваш и проч.

(Декабря 17-го дня 1807).

РОЖДЕНИЕ СЫНА И СПОРЫ ПО МЕЖЕВАНИЮ

Письмо 149-е

Любезный приятель!

В теперешнем письме опишу я вам одно из достопамятнейших происшествий в своей жизни, а именно рождение моего сына Павла, чрез котораго благоугодно было Всемогущему доставить мне безчисленное множе-

ство удовольствий в жизни, и за одарение которым всегда благодарил и не перестаю и поныне благодарить моего Господа, и почитаю то особенною его к себе милостию.

Случилось сие в начале марта месяца. Жена моя уже 5-го числа онаго почувствовала в себе близкое приближение разрешения своего от бремени; и как матери ея, а моей теще восхотелось около самого сего времени съездить в Калединку для свидания с старичком, ея родителем, с которым она давно не видалась, и она за час только до того от нас уехала, то обстоятельство сие увеличило несказанно мое смущение и то крайнее безпокойство духа, каковым обыкновенно страдал я всякий раз при таких критических минутах времени.

Я не знал, что мне тогда с женою делать, если она прежде ея возвращения родить соберется; тогда не было еще нигде в городах иностранных и искусных повивальных бабок, которыя ныне введены в обыкновение, и наши братья сельские дворяне не заботились о выписывании и привозе оных к себе в домы и терянии на них по нескольку сот рублей денег, а по примеру своих предков довольствовались и пробавлялись своими домашними и какия у кого случались бабками; следовательно, и положиться было не на кого.

Несмотря на то, жена уговорила меня на последующий день съездить к другу нашему г. *Полонскому*, с которым я, по вторичном его возвращении из Москвы, еще не видался.

Я не хотел было никак на то отважиться, чтоб отъехать от ней в такое опасное время; но как она уверила меня, что по всем признакам родит она не прежде, как разве ввечеру того дня, и я могу к тому времени возвратиться, то и решился я на отвагу в сей недальний путь пуститься. И как меня во время бытности там власно как что подмывало, то и сократил я возможнейшим образом мое пребывание и приехал домой еще рано до вечера.

Между тем жена моя час от часу все более жаловалась на обыкновенные в таких случаях припадки, что смущало и меня от часу больше, и тем паче, что не возвращалась еще из Калединки и теща моя; но, по счастию, в сумерки приехала и она.

Теперь опишу я все происшествия при сих родах точно теми словами, какими описал я все сие достопамятное происшествие тогда в журнале того года:

«Мы поужинали, – писал я тогда, – прежде обыкновеннаго времени, дабы дать покой домашним и произвесть желаемую тишину во всем доме, и имели много трудов скрыть от всех приближение родов жены моей.

Не успели мы лечь спать, как жена моя и начала чувствовать обыкновенныя муки, кои продолжались долго и привели нас в великое смущение.

Я препроводил все сие время, власно как на величайшей каторге, и прямо можно сказать, находился между сном и бдением и страдая наивеличайшим безпокойством душевным.

Наконец, в самую полночь или несколько за полночь, на 7-е число, обрадовал нас Всевышний благополучным разрешением жены моей от бремени. Она родила мне сына, котораго положили назвать по имени святого того дня *Павлом*.

Достопамятно, что в самое время рождения его случилось редкое явление в натуре, а именно *северное сияние*. Началось и составлялось оно в самую ту минуту и сделалось довольно велико.

Я, будучи тогда в неописанной радости и увидев оное вышедши на крыльцо, счел сие хорошим предзнаменованием и сам себе в восхищении сказал:

«Смотри, пожалуй, какой случай: уже не просияет ли и сын мой, ежели жив будет, чем-нибудь на Севере? Но ах, – продолжал я сам себе говорить, – я бы всего более желал, чтоб был он добродетелен и любил бы своего Создателя! Вот первое, чего я желаю новорожденному моему сыну, ведая довольно, что когда сие будет, то будет он благополучен!»

Сими точно словами описал я в дневном журнале того года сие происшествие и тогдашнее мое разсуждение и желание, и ах, как хорошо сие после и совершилось в свое время!

Впрочем, для любопытнаго сведения потомкам его замечу я здесь, что родился он в деревне нашей Дворяниновой в хоромах посреди самой нашей спальни и на том самом месте, где в нынешних хоромах дверь из нашей гостиной в спальню; что при рождении оного была теща моя *Марья Аврамовна* да принимавшая его бабка *Алена Никитична*, жена бывшаго в прежние времена дядьки моего *Артамона*, да немка, Ивановнина дочь *Алена*, а после я.

Таким образом, по благости Господней, получил я тогда себе еще сына. И сколь много рождением онаго я и ни был обрадован, но дух мой рас-

положен был так, что я в журнале своем к вышеупомянутым словам присовокупил следующия слова: «Будет ли он жив, того не знаю, равно как и желать и не желать того не могу довольно; это зависит от воли Господней, и он пусть делает, что ему будет благоугодно!»

Все последующие за сим дни провели мы в безпрерывных угощениях приезжающих по обыкновению к жене моей на родины для одарения новорожденнаго серебром и золотом.

И было всех их довольно много, ибо, кроме наших родных калединских, дедушки и тетушки и здешних, приезжали к нам дядя жены моей, Александр Григорьевич *Каверин*, с женою, г. *Полонский* с женою, г. *Ладыженский* с женою и г-жа *Ферапонтова* с матерью.

Но крестить его за разными обстоятельствами как-то поумедлили, и крещен он не прежде как 20-го числа, следовательно, без мала чрез две недели после рождения.

Восприемниками от купели были во-первых, мои прежние кумовья, друг мой г. Полонский и тетка жены моей Матрена Васильевна *Арцыбашева*, во-вторых, старейшие из всех тогда в жизни пребывающих родных наших, прадед его, любезный наш старичок Авраам Семенович *Арцыбашев*, и бабка его, дочь сего почтенного старца, а моя теща *Мария Аврамовна*; крестили же его в доме посреди нашей гостиной.

Сей крестильный пир случился тогда у нас на самое Вербное, но гостей было как-то немного, и кроме кумовьев, был только г. *Ладыженский* с женою, землемер *Сумароков* и брат *Гаврила Матвеевич*.

Между тем достопамятно было, что в течение помянутых двух недель произошли в доме моем и со мною некоторыя замечания достойныя происшествия.

Во-первых, в пятый день после рождения сына моего имел я удовольствие получить из Петербурга и ту XV часть «Трудов» Общества, которой я так давно дожидался и в получении которой уже совсем было отчаявался.

В оной нашел я сочинение мое «О удобрении земель» также напечатанным, которое было уже осьмое из происшедших до того времени от меня.

Во-вторых, что на другой день после сего получил я с газетами поэму «Любовь», которою господину неизвестному сочинителю угодно было одарить нас всех, получающих газеты, и для меня было сие тем приятнее,

что она власно как предвозвещала, что новорожденный сын мой будет всеми знающими его любим. А в следующий за тем день, то есть 14-го марта, произошло у меня в доме одно весьма редкое происшествие.

Одному из петухов наших вздумалось войтить не в свое дело и снести яйцо; и как яйца сего рода случалось мне тогда еще впервые видеть, то не могли мы оному довольно надивиться.

Оно было нарочито велико, но не совсем кругло, а продолговато, и к одному концу узко и совсем почти остро, и загнувшись немного в сторону, как будто винтиком. Что касается до скорлупы, то была она несколько потонее обыкновенной и не так бела, а немного красновата. Я не преминул его тогда же свесить и нашел, что весу в нем было с четвертью золотник.

В-третьих, достопамятно было то, что в промежутке сего времени происходило у нас по межевым делам миротворение с князем *Горчаковым* по спору о его Неволочи. Самого князя при том не случилось, а имели мы дело с его поверенным, который был изрядный и не глупый малый.

Он протестовал против нас, да почти и дельно, в неправильном показании поверстного леса; но как при съезде нашем и межевщику предложил я, что если князю жаль своей Неволочи и не хочет разстаться с своим лесом, то не угодно ли ему с нами поменяться и вместо ей выттить совсем из нашего владения и дач и уступить нам тот маленький участок, который он в них имеет.

Сие предложение повереннаго княжова неожидаемостию своею так поразило, что он даже тому обрадовался и казался быть на то очень согласным, но отдавал нам только не всю часть, а половину оной; но как мы на то не соглашались, то отправил он нарочнаго с известием о том в Москву к князю, и отложено дело сие было до получения от него ответа.

Итак, дело сие получило гораздо лучшее начало, нежели какого я ожидал, и я мог уже ласкаться надеждою, что мы с князем разделаемся миролюбно.

Напротив того, волостные опять растревожили мой дух подачею такого сведения, в котором написано было их дачной земли так много, что надлежало явиться у них недостатку, толико для нас бедственному и опасному.

Четвертое было то, что при случае посылки около сего времени в Москву отправил я целую партию таких книг из моей библиотеки, в которых не было мне дальней надобности, для промены оных на иныя лучшия,

новейшия и мне надобнейшия. Знакомство, сведенное с тогдашним книгопродавцем *Ридигером*, подало мне к тому повод, а дело сие и получило успех вожделенный.

Наконец, замечания достойно, что в самый день крестин моего сына родилась во мне превеликая охота к хмелеводству, о которой части до того я всего меньше помышлял; а тогда, читая поутру одно новейшее датское экономическое сочинение, нашел в нем описание новаго хмелеводства, так им прельстился, что положил непременно к оному приступить, как скоро настанет весна; и не только сделал сие действительно, но получив чрез то след к новым и дальнейшим выдумкам, так сию часть разработал, что в состоянии был потом писать о хмелеводстве в Экономическое общество и наделал сочинением сим множество в государстве шума и славы, и выдумке моей подражания. Но я возвращусь к тому времени, на котором я остановился, то есть к крестинам моего сына.

Окрестив его на Вербное, принялись мы опять за наши межевыя дела, и как поверенный княжий получил уже от господина своего ответ и князь почти на все, кроме небольшой прибавки, соглашался, ибо мы, ведая, что ему и не можно было всей части своей за Наволочь отдать, предлагали ему 12 десятин для прирезания из наших дач к его Злобину, а он требовал 25, то по поводу сему и было у нас для трактования о сем деле собрание.

Я собрал к себе всех наших старост и поверенных и пригласил к тому же и соседа своего Матвея Никитича; начал с ними совещаться, как бы нам разделаться лучше с князем, и как поверенный его требовал уже 20 десятин и никак не хотел брать меньше, то мы, поговорив и посоветовав между собою, и согласились наконец сие количество князю к Злобинской его земле из своей прирезать, а он уступил бы нам все свои разбросанные по нашим дачам клочки и участки, которых набиралось втрое более против количества сего.

Итак, дело сие положили мы совсем уже на мере и почти кончили, как вдруг сказали мне, что в самое то время возвратился с Москвы и брат мой Михайла Матвеевич.

Обрадовавшись сему, послал я тотчас к нему звать его к себе, оканчивать вместе с ним сие дело, ибо ведая упорный и дурной его нрав, хотел, чтоб он лично имел в том участие. Он тотчас к нам и явился. Но не успели мы ему пересказать всего дела и начать переговоры, как Михайла наш

Матвеевич в гору, и не зная ни уха ни рыла, и так сказать, ни аза в глаза, спорил и не хотел никак на помянутых условиях мириться.

Мы с Матвеем Никитичем так, мы сяк, но не тут-то было; несет себе чепуху и нелепицу, и окончанному почти совсем делу, ни дай ни внеси, делал остановку и помешательство.

Господи! Как мне тогда на него досадно было и более потому, что спорить был он мастер и охотник, и более получать ему очень хотелось; а как к делу, так мы с ним за дверью и тогда хлопочи и убычься я один, а он в стороне. А для самого того и старался я его всячески уговаривать; но как он никак не давался под лад, то нечего было делать, принуждены были наконец отказать и отпустить ни с чем повереннаго. Не могу вспомнить как досадно было мне сие его неблаговременное нехотение и с каким прискорбием приступили к сей необходимости.

Я разбранился почти с ним по отпуске повереннаго и так был недоволен, что бросил бы, если б можно было, все сие дело и оставил бы сего глупаго упрямца одного хлопотать. Но как для собственнаго своего участия в сем деле не мог я сего сделать, да и ведал, что он в состоянии был только спакостить и испортить все оное, а поправлять и ответствовать я же должен буду, то принялся я вновь его, и непутным уже делом, уговаривать; и насилу-насилу уломали мы его, и государик наш склонился. И тогда ну-ка мы посылать скорее за поверенным и звать его обратно, и, по счастию, догнали его скоро и он возвратился.

Итак, положили мы на слове, ударили по рукам и условились написать черновую полюбовную о сем соглашении сказку, и чтоб послать ее на разсмотрение к князю, которую в тот же час и начеркал я, как мне разсудилось лучше, и оную в тот же день в Москву к князю и отправили.

Достальные дни Страстной недели и самое Благовещенье, случившееся тогда в Великую пятницу, провели мы дома, и я во все сии дни занимался особым делом.

Из Москвы привезли ко мне множество, вымененных на старыя, новых книг; и как многия из них были без переплету, то по недостатку переплетчика принялся я сам их складывать и переплетать, сколько умелось, дабы их спокойнее читать было можно, и занялся тем во все сие праздное время.

Между тем приближался и праздник Пасхи. Сему случилось в сей год быть 27-го марта, и была тогда у нас не только совершенная еще зима, и

путь нимало еще не трогался, но в самую ночь под сей великий праздник была такая мятель, что поехавшие ночью к заутрени проплутали и, вместо церкви, иной проскакал в Болотово, иной попал в Трудавец, что случилось и с моими соседями, не похотевшими так, как мы, подражать нашим предкам и всю ночь препроводить на погосте, ночуя у попа в доме. Мятель сия продолжалась и во весь первый день Пасхи. Однако мы провели его и всю неделю нарочито весело.

Но она была бы нам еще веселее, если б привезенныя, или паче страшныя, вести не возобновили прежних наших горестных чувствований и не наполнили сердца наши вновь страхом и ужасом. Ибо приезжие рассказывали нам уже за достоверное, что в Москве моровая язва открылась уже совершенно и начинает усиливаться; что вымерла уже вся суконная фабрика у Каменнаго моста и что язва в других местах города открылась; что сие принудило все бывшее в Москве дворянство уезжать с великим поспешением из города и разъезжаться по деревням своим, что все дороги были наполнены экипажами оных.

Нельзя довольно изобразить, как перетревожены мы были всеми сими известиями. Мы горевали при свиданиях наших, твердили только наперерыв друг перед другом: «Ах, Великий Боже! Что с нами бедными будет, когда пагубное сие зло распространится и до нас? Куда нам тогда деваться и что делать?»

Со всем тем сделавшаяся вскоре после того половодь и вскоре за нею наступившая весна, заняв мысли наши множеством вешних дел, поуспокоила опять несколько сердца наши.

Я препроводил весь апрель месяц в многоразличных хозяйственных делах и упражнениях; более же всего занимали меня сады мои. В них завел я тогда впервые хмельники новоманерные, а нижний свой сад начал обрабатывать разными уступами и усаживать оные плодовитыми деревьями и кустарниками. А между тем не оставлял видаться и с соседями своими и разъезжать временно по гостям, из которых недальних разъездов был один несколько примечания достоин.

Тетка наша, г-жа *Арцыбашева*, жившая до того в маленьком и тесном домике, расположилась с началом сей весны начать строить себе порядочный и большой дом.

План оному был у нас с ней давно уже сделан, и как приготовлены были и все потребные к тому материалы, то просила она меня, чтоб я к

ней приехал и помог разбить и заложить дом сей, а кстати бы и сад ее, и превратить в регулярный.

Просьбы сей нельзя было никак не послушать, и как случилось сие при самом начале весны и в такое время, когда не можно было ни на чем ехать, то желая ей услужить, решился я ехать к ней даже верхом. Но сия езда не только меня впрах измучила, но чуть было не повергла меня в болезнь самую.

Измучившись и от верховой езды, какой никогда почти столь дальней не имел, и уставши впрах при разбивании дома и сада, а того паче будучи принужден за темнотою ночевать у ней на дворе, не то оттого, не то простудившись, получил я порядочную и довольно сильную лихорадку, и с трудом уже возвратился домой, и тут насилу чрез несколько дней оправился и от ней освободился.

Наконец 23-го числа сего месяца кончили мы и спорное дело свое по Неволочи с князем Горчаковым. Посланная к нему черная наша сказка привезена была уже обратно с некоторою переправкою. Он не соглашался никак взять меньше 25-ти десятин, а мы сколько ни упирались и сколько ни говорили между собою, но наконец, желая кончить сие дело и выжить его из своего внутренняго соседства, согласились уже и сие число дать и, ударив по рукам, переписали и подписали сказку и подали ее в сей день межевщику; чем все сие дело благополучно и с немалою для нас выгодою и кончено.

В последний же день сего месяца распрощались мы с сожалением с приехавшим к нам проститься второклассным землемером господином *Сумароковым*, отъезжавшим совсем от сих мест.

Нам было его как искренняго приятеля нашего очень жаль, ибо на него мы во многом полагали надежду, а на товарища его, господина *Лыкова*, худо надеялись.

Сей вскоре после сего и подтвердил нам поступками своими не весьма выгодное о себе мнение. Не успел настать май месяц, как он и предпринял мирить нас с волостными и назначил к тому 5-е число сего месяца, что случилось тогда на самое Вознесение. И как день сей был для нас по всем происшествиям в оный весьма достопамятным, то, заимствуя из своего тогдашняго журнала, и опишу я все происхождение сего миротворения подробнее.

Итак, не успел настать оный день, как, побывав в церкви и отобедав дома, собравшись и поехали все мы, дворяниновские помещики, к межевщику, в Саламыковский завод, где он имел свою квартиру.

Как случилось сему дню быть крайне ненастному, то, едучи туда, от проливного и холодного дождя так мы перемокли и иззябли, что принуждены были заехать в Ченцове к одной нам знакомой немке обогреваться.

У межевщика нашли мы обоих поверенных от волости; один из них с половины Александра Александровича был прежний ченцовский, так называемый надзиратель, *Лобанов*, а другой, с половины Льва Александровича, совсем новый, некий московский житель, служивший в конюшенной канцелярии, по имени Никандра Савич, а по прозвищу *Пестов*.

Сему человеку поручено было от Нарышкина разводиться с соседями. Я его тогда еще в первый раз видел, и он показался мне знающим человеком, а притом самым иезуитом, и удалее еще прежняго их повереннаго *Щепотева*.

Сперва мирили волостных с ходыкинскими и агаринскими, а потом дошло дело и до нас.

Межевщик развернул наш план и показал все свое исчисление, дабы уверить нас в верности онаго; а потом для удостоверения нас в подлинности показаннаго в сведении волостном количества дачной их земли приказал им предъявить подлинную писцовую книгу, данную волости от стариннаго и общаго писца князя *Булата Мещерскаго* за собственным подписанием онаго. Как в оной все волостные 44 деревни и превеликое множество пустошей описаны были особенно и во всей подробности, то составилась из того толстая и превеликая книга, переплетенная в порядочный старинный переплет.

«Ну вот, государи мои, – сказал нам межевщик, – извольте смотреть сами и хоть всю ее читайте от доски до доски или сверьте общую показанную на конце сумму и число всей пашенной земли и угодьев с сведением, поданным от волостных. Вот вам и сведение их».

Что оставалось тогда нам делать? Казалось, что межевщик сделал со своей стороны все, чего от него могли мы только требовать. И как о том, чтоб всю книгу читать, по величине ее и помыслить было не можно, то я, взяв сведение и сравнив оное с общею суммою и количеством земли, означенным при конце книги, которое место у них было приискано и замечено, увидел, что в сведении не прибавлено было ничего. И как было

оно так велико, что выходило действительно в волостной земле 2 тысяч земли недостатка, что при разсмотрении оном сердце во мне в таком было волнении, что хотело равно как выскочить.

При таких обстоятельствах не знал я, что сказать, когда спросил меня межевщик, что я теперь думаю? Ибо могло ль притти мне и в мысль тогда, что под всею сею наружной услужливостью скрывалось адское коварство и криводушие сего толь много нами обласканнаго и столь дружески с нами обходившагося бездельника землемера?

Мог ли я подумать, что по милости его предлагаема мне была тогда совершенная пасть[1] и сущая отрава, долженствующая произвесть нам вред и убыток весьма чувствительный, и от котораго спасла нас потом уже сама невидимая десница благодетельствующего нам Промысла Господня, как о том после в свое время упомянется. А тогда нельзя было никак и подумать и малейшаго возыметь подозрения, что скрывался тут какой-нибудь обман; но я по праводушию своему и попал, по пословице говоря, как сом в вершу, и, поверив всему тому, не знал, что сказать межевщику, вопрошающему меня.

Сей же криводушник, возложив на себя тогда личину дружества и желая еще более смутить и оглумить[2] меня в тогдашнем замешательстве, схватил меня за руку и, отведя в другую комнату, стал, как добрый, советовать мне не допускать спора нашего отнюдь до конторы, а помириться как-нибудь с волостными.

– Сами вы знаете, – говорил он мне, – можно ли вам с таким большим примером, какой в ваших дачах оказывается, показываться в контору. Не легко ли вы там всего его лишиться можете? И не лучше ли здесь хоть отдать им, проклятым, сколько-нибудь да помириться?

– То так, батюшка! – отвечал я ему. – Но мы не совсем ведь еще размежеваны, и пустоши не разрезаны, и почему знать, может быть, в прикосновенных к волости землях столько примера и не окажется, сколько вы теперь во всей вообще вычислили?

Бездельник сей усмехнулся, сие услышав и подхватив речь мою, сказал:

– Да неужели думаете вы, чтоб они так глупы были и допустили вас перепустить из пустоши в пустошь землю? Нет, братец! Эту штуку они

[1] Западня, ловушка.

[2] Осмеять, ошеломить.

очень знают и их трудно будет обмануть. Впрочем, воля ваша, а мой сгад[1], чем скорей к миру, тем лучше.

Что оставалось тогда на сие говорить? Я не сомневался нимало, что сам же он во всем и надоумит и наставит, и другого не находил, как прикраивать себя к обстоятельствам времени и его как друга и приятеля просить, чтоб, по крайней мере, помог он нам по силе и возможности своей при сем миротворении и уговорил волостных взять с нас колико можно меньше.

– О, в этом можете вы, – сказал он мне, – совершенно на меня положиться, и я по ласке и дружбе вашей ко мне все употреблю, что только мне будет возможно.

И действительно, начав потом нас мирить и услышав, что поверенные полезли в гору и требовали всего заспореннаго места, стал их, как добрый, всячески уговаривать, чтоб помирились они с нами на условиях каких-нибудь сходнейших.

Мы прокричали и проговорили тогда с ними истинно часа три и не прежде как по многом прении и уговаривании межевщиком и их, и нас, наконец, согласились на том, чтоб пожертвовать им и дать на каждую половину по 30 десятин: Пестову – из пустоши нашей Хмыровой, подле речки Трешни, а ченцовскому надзирателю – из пустоши Гвоздевой за Елкинским заводом.

Пожертвование сие сколь ни было нам прискорбно, больно и чувствительно, но мы тогда радовались еще, что волостные согласились взять в сравнении с 400 десятинами количество ничего почти не значащее; а притом утешало нас несколько и то, что и землю сию предлагали мы им в местах самых худших из всех наших дач и ничего почти не стоющую, а особливо лежащую в отдаленности от нас, за речкою Трешнею, не только голую глину, но изрытую всю столь многими водороинами, что мы называли место сие «Воробьевскими горами» и никогда почти хлеба на ней за всегдашним неурожаем не севали. И потому спешили уже сами, чтоб скорее написать полюбовныя сказки.

Сие, может бы, и учинили мы тогда же и помирились совершенно, если б не восхотелось ченцовскому поверенному увидеть весь отдаваемый ему нами клок земли наперед в натуре и не вздумалось ему подбить

[1] По моему мнению.

к тому же и Пестова, и потому просить землемера отложить то дело до утрева.

Не могу изобразить, как досаден был мне тогда сей щербатый надзиратель ченцовский и с каким неудовольствием поехали мы домой, будучи принуждены дать им слово выехать на последующий день на поле и согласиться показать им всю отдаваемую им землю в натуре.

Но, ах! Как часто досадуем мы на то, чему бы надлежало нам радоваться! Из последствия оказалось, что самая сия нечаянная остановка произошла не по слепому случаю, а по устроению благодетельствующих нам судеб и для нашей же пользы и выгоды, как о том упомянется после в свое время.

Итак, по условию, на другой день и выехали мы поутру в поле, но не нашед еще никого, принуждены были дожидаться долгое время и, наскучив тщетным ожиданием, посылали проведывать; и как посланный привез нам известие, что межевщик будет после обеда и нам тогда даст знать, то мы, хотя и подосадовали, но поехали и сами домой обедать. Но и после обеда несколько часов прождали мы присылки, и насилу-насилу прислали они нам сказать, что поехали. Тогда, нимало не медля, бросившись на лошадей, поскакали и мы на Гвоздевское поле за Елкинский завод.

Я встретил их против так называемого Савина-верха и упросил ченцовского надзирателя, чтоб он согласился на их половину взять наиболее земли тут, около Савина-верха, а подле б пруда немного, на что он и согласился.

После сего приехали мы к плотине и начали говорить о пруде. Мы прокричали и проторговались тут часа три, и нельзя было безсовестнее быть волостных и повереннаго их, помянутаго надзирателя ченцовскаго.

До сего времени почитал я его добрым, смирным, простым и прямодушным человеком, почему и оказывал ему всегда благоприятство, когда случалось ему бывать у меня с немцами; но тогда узнал я, что он самый негодный и глупый человек и что ничего нет хуже, как иметь с глупым человеком дело.

Они недовольны были тем, что мы, будучи самою необходимостью принуждаемы, уступали им самый родной берег реки, за который сами они нам в старину оброк плачивали, но хотели загородить у нас и весь выгон и отбить нас даже от бучила, нужнаго нам для ловления рыбы; и

насилу-насилу могли дураков усовестить, и, наконец, положили на мере, покуда им взять, и назначили место.

Но тут случилось новое помешательство! Негодяй щербатый, или паче беззубый, поверенный их сказал, что он, хотя и соглашается так взять, но без управителя своего не смеет, а отпишет наперед к нему в Москву и спросится.

Господи! Как мне тогда на сего негодяя было досадно! Но как нечего было делать, и мы все тем провели время до самаго вечера, и в Хмырово ехать было некогда, то принуждены были отложить прочее до утрева, а всех их против хотения зазвать к себе и стараться еще всячески угостить, дабы при том можно было еще обо всем поговорить, что мы и не преминули учинить.

Главнейшее наше старание было о том, чтоб уговорить саламыковскаго повереннаго, Пестова, взять от нас меньше 30-ти десятин или, по крайней мере, взять сие число за речкою Трешнею на упомянутой выше сего Воробьевой горе, и учинить сие стоило нам великаго труда.

К несчастию, мешал нам и при сем случае умница мой братец Михайла Матвеевич. Нагнав в голову себе совсем неблаговременно множество лишняго виннаго чада, забарабошил[1] он у нас опять совсем некстати и только кричал: «Не даю ничего, а еду сам в Петербург, еду к господам Нарышкиным!» Мы так, мы сяк уговаривать его, но не тут-то было, несет только вздор и околесную и никак под лад не давался: я, да я! да и только всего!

Господи, как досаден тогда мне был этот человек! Наконец, как мы истощили уже все силы и не могли никак его уломать, то принужден я был решиться, несмотря на него, продолжать свое дело и согласиться на 30-ти десятинах, и был доволен уже тем, что он соглашался взять наши Воробьевы горы, а достальное, буде чего в них недостанет, по сю сторону речки Трешни.

С ченцовским поверенным же условились мы, чтоб наутрие то место подле Елкинского пруда, которое мы ему отдавали, наперед снять на план и вымерить, дабы ему о том основательнее можно было своего управителя уведомить. И как межевщик обещал прислать для сего измерения ученика, то на том мы в сей день и разстались.

[1] Нести вздор, суетиться, молоть чепуху.

Итак, поутру на другой день поехал я к соседу своему Матвею Никитичу, чтоб, позавтракав с ним вместе, ехать для помянутаго измерения, а между тем послали и за Михайлою Матвеевичем, который и пришел, но, по несчастью, хвативши опять рюмку-другую лишнюю. Боже мой, как рвался я тогда досадою на него и как ругал и бранил его в душе моей, что он и в таком важном случае, когда люди дело делают, не мог себя никак повоздержать от проклятой своей привычки.

Со всем тем хотя он и побарабошил, но требования его были уже совсем иныя. Он говорил только, что поедет в Петербург просить Нарышкиных из милости, и требовал от нас, чтоб мы ему всю ту землю отдали, которую отдаем теперь Нарышкиным и которую хотел он выхлопотать. Услышав сие, не мог я, чтоб внутренно не смеяться тому, ведая суетность слов его и будучи удостоверен в том, что ничему тому не бывать, соглашался подписать и руками и ногами обещание свое отдать ему землю, если он ее выхлопочет; но теперь бы только он приступил бы вместе с нами к миру и не мешал бы делу.

Полученное известие, что ученик приехал, окончило сие наше прение, и мы, поехав туда, нашли там и самого ченцовскаго надзирателя, восхотевшего было опять каверзить и требовать новой прибавки. Но мы не соглашались уже прибавлять ни на волос и принудили его остаться на вчерашнем и приступить к делу, которое и заняло нас довольно времени; по окончании же онаго, желая скорей сделать всему делу конец и какоенибудь решение, поехали мы к межевщику.

Но там нашли мы новое замешательство: дурневские мужики, которым отдаваемая нами в Хмырове земля долженствовала достаться, без нас приступили к своему поверенному Пестову и насказали ему неведомо что о наших Воробьевых горах, говоря, что эта земля ни к чему не годная и что им она даром не надобна. Сим сбили они Пестова с пахвей и произвели то, что он переменил свое слово и требовал все 30 десятин по сю сторону Трешни.

Боже мой, как это было для нас досадно: на сей стороне дать нам никак не хотелось, а пособить было нечем. Словом, мы вздумали было уже все дело бросать и иттить в контору.

Но вдруг вздумалось мне сказать ему две вещи: во-первых, что брал бы он любое, либо 30 десятин с Воробьевскими горами, либо 20 десятин по сю сторону речки; во-вторых, что если пойдем мы в контору, то в случае

если станут резать, то отрежем все к ченцовской половине, а на их половину не достанется ничего.

Сие слово заставило его задуматься и сделать сговорнейшим. Межевщик старался его всячески уговорить и посоветовал послать за дурневскими мужиками, коих и принуждены мы были ждать до вечера.

Между тем хотелось мне и с ченцовскими переговорить и положить также на слова. Но как *Лобанов,* от нас отставши, заехал в гости, и хоть за ним посылали, но приехал не скоро, то провели мы сие время в посторонних разговорах. Пестов был не глуп и можно было с ним говорить обо всем.

В сих разговорах нечувствительно дошли мы до садов, и как я приметил, что был он превеликий до них охотник, но ничего не знал, то, пользуясь сим случаем, начал я ему точить балы и все, что знал, ему разсказывать. Сим удалось мне его так очаровать, что он был чрезвычайно доволен и рад был проговорить со мною о том неведомо сколько, если б приехавшие мужики и Лобанов не помешали.

Тут начался у нас опять торг и крик, но Пестов держал уже, очевидно, мою сторону и сам убеждал мужиков и, подозвав, показывал им на плане то место. Мы проговорили очень долго и, наконец, насилу-насилу ударили по рукам, и я втер им в руки свои Воробьевы горы и был тем доволен.

Окончивши с ним, начал я с Лобановым дело. Сему не хотелось нам дать сколько тем, а сколько-нибудь выворотить за пруд; но сего учинить не было никакой возможности. Он был упрям, как чорт, и безсмыслен, как скот, и ничего с ним сделать было не можно.

До самой ночи мы прокричали и ничего еще не положили. Но, наконец, принуждены мы были согласиться и сему дать 30 десятин, и он обещал писать о том к управителю.

Разставшись на сем, приехали мы домой уже ночью; и как хотелось мне железо ковать, покуда оно было еще горячо, то поутру спешил я написать скорее с саламыковским поверенным полюбовную сказку и послать ее на завод.

Они там прибавили кое-что и велели переписать и, подписавши, к ним прислать; а мы сие тотчас и сделали, а межевщик, получа ее, вместе с поверенным и поехал тогда в Москву и повез ее с собою.

Сим-то образом кончилось тогда наше миротворение; однако не думайте, чтоб на том осталось. Нет, любезный приятель! происходило еще

много совсем неожидаемаго и страннаго, о чем разскажу я вам в свое время; а теперь дозвольте мне сие слишком увеличившееся письмо кончить и сказать, что я есмь и прочая.

(Декабря 19-го дня 1807).

ДОМАШНИЯ ДЕЛА

Письмо 150-е

Любезный приятель!

Продолжая мое повествование, скажу вам, что на другой день после помянутаго соглашения с волостными в разсуждении их спора, случилось быть нашему вешнему годовому празднику, в который и посетили меня кое-кто из наших соседей.

И день сей достопамятен был тем, что сосед и кум мой г. *Ладыженский*, будучи у меня с старшим своим сыном *Никитою*, оставил его жить у меня и кой-чему учиться, а особливо арифметике и рисованию, чему я уже за несколько времени учинил с ним начало. Ибо как мальчик сей был от натуры не глуп и понятен, то хотелось мне тут услужить своему соседу, а притом и самому ему занятиями своими доставить какую-нибудь пользу.

Итак, с сего времени начал он у меня жить и вместе с племянником моим кой-чему учиться. В сем же последнем далеко не находил я тех способностей, какия желал, чтоб в нем были.

Последующие за сим достальные дни месяца мая провел я наиболее в разных садовых занятиях и работах, и сады мои в сию весну получили много кой-каких обновок и приходили час от часу в лучшее состояние. Слава об них распространялась всюду и всюду.

Между тем не оставлял я видаться с соседями и разъезжать сам кой-куда по гостям; но особливаго и примечания достойного во весь сей месяц ничего не произошло, кроме того, что у соседа моего Матвея Никитича в конце сего месяца родилась дочь его Федосья, самая та, которая, оставшись из всех его детей в живых, ныне моей соседкою и владеет всем отцовским имением.

Как всех его детей крестил я, то был и сей его дочери восприемником вместе с дочерью господина Хвощинского, *Ольгою Васильевною*, а сам он с тещей хозяина был первым кумом.

Вскоре засим наступил месяц июнь, в который в Москве так уже усилилась язва, что из опасения, чтоб она не распространилась всюду, принуждено было помышлять о недопускании выезжать из оной всех. Однако предприятие сие было уж слишком поздно, и многие уже успели развесть зло сие во многие другия места.

Но что касается до тех мест, где мы жили, то не было еще в окрестностях наших ни малейшаго слуха об оной, а потому и были мы еще спокойны, а смущались только одними слухами о Москве.

Я с моей стороны всю первую половину сего месяца провел безвыходно почти в садах моих и занимался в них, кроме других разных дел, в особливости вновь насажденным своим хмелем и разноманерными перениями[1] онаго.

Также не было дня, в который бы не испытывал я составлять из разных цветов разных домашних красок. И как мне иные из них очень удавались, то и чувствовал от того превеликое для себя удовольствие. Напротив того, вторую половину сего месяца занимался более межевыми хлопотами и разделами земли, а именно:

Во-первых, надлежало нам всем, дворяниновским владельцам, разделить между собою всю отмежеванную нам церковную землю вместо отхожего нашего луга. Для сего надлежало мне снять ее всю аккуратнее на план и, расчислив, сколько кому доводилось, кидать с соседями жеребий и потом в натуре ее разрезать; что все и произвел я 14-го числа надлежащим порядком.

Во-вторых, уступленная нами князю Горчакову земля не была еще, согласно с нашею полюбовною сказкою, отрезана; итак, дошло наконец дело и до ней, и господин межевщик насилу-насилу собрался кончить сие дело и утвердить межу в Шахове, уничтожа наш деланный спор в Неволочи. Сие произведено было 15-го числа сего месяца.

В-третьих, надобно нам было всю доставшуюся нам часть князя Горчакова, или все находившиеся во владении его разные разбросанные клочки принять во владение и их все, измерив, разверстать и разделить между собою.

[1] Цветениями.

Самое и сие должен был не кто иной, как я же производить, и соседи мои помогли мне в том очень мало. Всякой из них любил только брать да спорить, а дело делать был не в состоянии; итак, я и засим принужден был несколько дней пропластаться.

Вскоре после того таковая ж надобность потребовала побывать мне в нашем Каверине за Вашаною. Находилось и там десятин около 40 примежеванной к нам от других владельцев земли, которая не была еще разделена между нами, разными владельцами.

И как никто из них не умел и не мог дела сего произвесть так порядочно и основательно, как я, то просили они меня принять сей труд на себя; и я принужден был туда для сего ездить, пробыть там несколько дней, бродить по полю с своим домашним инструментом и иметь довольно-таки хлопот по сему делу: ибо некоторым из них хотелось неправильно получить более, нежели сколько им следовало, или взять часть свою на любках, а не по жеребью.

Итак, надобно было самому мне к ним разъезжать и их к справедливейшему разделу уговаривать, в чем мне наконец и удалось.

Наградою же за сей труд послужило мне только то, что я увеличил знакомство с домом г. *Кислинскаго* и соседа его г. *Крюкова*, Степана Александровича, ибо по делу сему принужден я был бывать у них по нескольку раз.

А не успел я, возвратившись из сего маленькаго путешествия домой, еще отдохнуть, как другая такая ж надобность принуждала меня съездить в Калитино.

Туда приехал, наконец, давно нами ожидаемой внутренний сосед наш Тихон Васильевич *Бакеев*. С сим надлежало нам поразделаться несколько с землею.

Явившийся в так называемой половине его против дач великий излишек, а в нашей половине великий недостаток, побуждал нас с *Марфою Маркеловною* требовать от него, чтоб он с нами, не входя в судебные дела, поуровнялся землями и нам сколько-нибудь своего излишка отдал.

И как он был человек умной и разсудительной, то, увидев справедливость нашего требования, не оказал он и сам дальнаго от полюбовной сделки отвращения, а просил только нас добром, чтоб мы сколько-нибудь были против его снисходительны; а самое сие убедило и нас не гнаться за всем его великим излишком, а довольными остаться тем, что он усту-

пил нам остров между двух вершин, состоящий десятинах в 15-ти или несколько более, чем и кончили мы миролюбно и сие дело.

Окончавши сие дело и проводив приезжавших ко мне около сего времени многих и разных гостей, лишь только принялся было я за свои садовыя и другия дела, как, гляжу опять кашинский мужик на двор с письмами от племянниц моих и от господина *Баклановскаго*. Все они уведомляли меня, что и там дошло до них межеванье, и просили меня, чтоб я к ним для онаго приехал.

«Нет, нет, матушки мои, – сказал я, прочитав сии письма: у самого еще собственное межеванье на руках, так не можно мне никак отлучиться; оно поважнее гораздо вашего! У вас дело обойдется, может быть, и без споров дальных, а мое дело находится еще в критическом положении и кончится еще Бог знает чем».

Ибо в самом деле с того времени, как межевщик взял у нас сказку, ничего по оному не происходило, и мы не знали даже и того, подписали ли ее волостные или нет; и межевщик хотя часто у нас по прежнему обыкновению бывал, но ничего не сказывал, да и не заводил никогда и речи о межеванье, и мы не знали, чтоб тому было причиною, а сами расспрашивать о том не почитали за нужное.

Пустоши же наши и тогда все еще оставались неразмежеванными, и господин межевщик и не помышлял о том, отлагая, может быть, дело сие до того времени, как кончим мы мир свой с волостными совершенно.

При таких обстоятельствах не стал я долго медлить, но в тот же еще день, написав письма в Кашин, уведомлял племянниц своих, что мне при тогдашних сумнительных обстоятельствах от дома отлучиться никак не можно; ибо, кроме межеванья, и самое опасение от моровой язвы, о которой час от часу распространялись более слухи, и удерживало меня дома и не дозволяло никак отлучиться от онаго, умалчивая о том, что мне и чрез Москву в такое опасное время ехать ни для чего в свете не хотелось, ибо собственная жизнь дороже мне была всех тамошних их межеваньев, которое и в самом деле не сопряжено было ни с какою опасностию, ибо самим им в споры входить не было никакой причины, а не слышно было, чтоб кто и из посторонних хотел заводить с ними о землях споры.

Сверх того, имели они у себя из людей своих одного малаго, весьма умнаго и приказные дела очень знающаго, и на котораго можно было смело положиться и надеяться, что он ничего не упустит, и так, чтоб они меня

не ожидали, а межевались бы сами, как их Бог на разум наставит; человека же их не преминул я снабдить всеми нужными для всякаго случая наставлениями, а сверх того, просил убедительнейше и знакомца своего, а их дядю, г. *Баклановскаго*, о неоставлении их в нужном случае советами и приказаниями своими.

По отправлении обратно сего приезжавшаго и Москву далеко кругом уже объезжавшаго мужика, принялся я за прежния свои садовыя и кабинетныя упражнения.

Они составляли в сие время наиболее в писании некотораго рода экономическаго журнала или записок обо всем, что мне относительно до экономии новаго чрез опыты узнать и в полезности чего удостовериться случилось. И как к запискам сим приобщал я всегда, где надобно было, и рисуночки, то и составились впоследствии времени из того три прекрасныя книжки, которыя целы у меня еще и поныне и хранятся в библиотеке моей под заглавием «Плоды празднаго времени!»

В сих безпрерывных занятиях и не видал я, как прошел весь июнь и начался июль месяц. Сенокосное время, которое, по причине занятия всех людей покосом, отвлекло меня несколько от садов, но зато давало более свободы разъезжать по гостям.

Впрочем, при самом начале месяца сего обрадован я был присылкою опять ко мне, чрез нарочнаго солдата из Каширы, XVI-й части «Трудов» нашего Общества, и имел удовольствие видеть в сей части и увенчанный «Наказ...» мой, напечатанный вместе с таковым же, сочиненным господином *Рычковым*, моим в награждении соучастником, ибо обещанное награждение разделено нам с ним пополам.

Сей хотелось мне давно уже видеть и потому и дожидался я сей части с нетерпением и очень доволен был, увидев, что «Наказ...» господина *Рычкова* далеко отстал от моего своею полезностию.

Весь июль месяц провели мы хорошо и благополучно и на большую часть с людьми. Редкий день проходил, в которой не было б у меня гостей или мы куда не ездили.

То было и дело, что либо тот гость на двор, то другой, или самим надобно было ехать к кому-нибудь из друзей наших и соседей, и не только вблизи, но и в самую даль, например, за Оку или за Алексин. Словом, давно не было у нас так гостисто, как в сие время.

В особливости же часто езжали мы в Калединку для свидания с почтенным старичком нашим, жившим у своих внучат и провождающим время свое более в молитвах и уединении.

Однако нередко таскали мы и его кой-куда с собою, а по некоторым надобностям ездил он в сие время и в Москву и, несмотря на всю явную опасность, возвратился к нам благополучно.

Между тем маленький новорожденный мой сын продолжал жить, но был как-то не очень здоров в сие время, и мы не чаяли ему быть даже и живому; прочия же дети час от часу возрастали и я обоими ими не мог довольно налюбоваться, а особливо своею большою дочерью, которая делалась милым и любезным ребенком.

Впрочем, в течение сего месяца занимался я обыкновенными окулационными прививками. У меня был уже изрядный питомник и я не только в оном прививал множество прививков, но ездил даже в свое Калитино и, принявшись пристальнее и за тамошний сад, бывший в сие лето со множеством плодов, прививал яблони.

Что касается до межевых дел, то они и в течение сего месяца почивали, а получил я только известие из шадской, или тамбовской, деревни о прибытии и в тамошния места землемера, от котораго должна была зависеть участь покупной моей дикой земли.

Ко мне прислали оттуда с известием сим нарочнаго. Сие меня хотя и озаботило несколько, однако обстоятельства были таковы, что мне не было еще причины поспешать туда своею ездою. Наступивший потом месяц август провели мы весь таким же почти образом, как и июль и все были довольно еще спокойны.

Слухи о моровом поветрии хотя н продолжались, однако мы, попривыкнув уже их слышать, не слишком ими уже тревожились и тем паче, что вблизи нас не было еще нигде и следов сего несчастия.

Итак, продолжали мы спокойно провождать дни свои в занятиях экономических и в свиданиях с своими родными, друзьями и знакомцами, разъезжали без всякаго опасения всюду и всюду.

Я занимался около сего времени прежними литературными упражнениями, а как между тем поспели в садах моих яблоки, которых в сей год было довольно, то в конце сего месяца занялся я собиранием оных и укладыванием их по по́лкам в особых чуланах, сделанных нарочно для

сего на чердаке, и занятие сие было для меня, как охотника до садов, в особливости приятное.

Посреди самаго сего занятия встревожен я был нечаянным приглашением нас к езде нарочито дальней.

Самому тому нашему родственнику г. *Арцыбашеву*, Ивану Афанасьевичу, котораго в прошедшую зиму хотелось было нам всем женить и с которым мы ездили в Луковицы смотреть невесту, но дело наше тогда не состоялось и кончилось ничем, вздумалось около сего времени самому уже свататься за другую невесту из фамилии господ *Назарьевых*.

Некто из знакомых его, г. *Воронин*, живший за Каширою в соседстве невестина отца, был основателем сего дела и приглашал нашего Ивана Афанасьевича приехать к нему для смотрения сей невесты; а как ему одному ехать не хотелось, то и просил он, во-первых, почтеннаго нашего старичка с Матреною Васильевною, а потом и нас всех, чтоб с ним туда съездить.

Мне весьма было не хотелось в такой дальний путь тащиться и в такое время на несколько дней отлучаться от дома, но нельзя было не удовлетворить просьбы и желания стариков наших и не согласиться с ними ехать; итак, принужден уже я был поспешить обиранием своих поспевших яблок и, кончивши сие дело, пуститься с ними в путь.

Мы поехали сперва в Серпухов и, повидавшись там опять с почтенною старушкою в монастыре, продолжали путь свой в Воскресенки, где жил наш жених с матерью, и как до сего места было не близко, то приехали туда уже на закате солнца.

Хозяева нам были очень рады; но вдруг услышали мы нечто такое, что привело нас в великое нестроение и ровно как предвозвещало, что и в сей раз не бывать пути ни в чем, и мы едва не по-пустому проездили.

Хозяин сказывал нам, что за час только до нашего приезда получил он письма из Москвы, по которым необходимо надобно ему тот час для самой крайней нужды ехать в Москву.

Господи! Как нам сие тогда досадно было! Мы, заехавши в такую даль, не знали, что тогда делать: назад ехать нам не хотелось, а жить там и дожидаться его возвращения того более. Положили уговаривать его, чтоб он отложил свою езду в Москву, а особливо в такое сумнительное и опасное время, какое тогда было, но он никак не соглашался.

Мы провели весь вечер в совещаниях, но ничего не сделали; наконец, по наступлении другого дня, видя непреоборимое его хотение, несмотря

на все опасности, ехать в Москву, дали на то согласие, а сами, расположились ехать уже без него к господину *Воронину* и его там уже дожидаться.

Но при самом уже нашем отъезде вдруг переменилось все дело: мать его начала плакать, мы его тем упрекать, он осердился и вдруг переменил мысли, вознамерился съездить в Серпухов и там об Москве спросить и ехать потом с нами.

Обрадовавшись сему, согласились мы уже охотно пробыть у него весь тот день и ночевать еще ночь в Воскресенках; а он, съездивши в Серпухов, узнал, что езда в Москву не только была бы сопряжена с крайней опасностью, но по обстоятельствам дела совсем пустая и напрасная. «Вот! – сказали мы. – Не нашим ли сталось и не правду ли мы говорили?»

Итак, наутрие отправились мы уже очень рано в свое путешествие, желая одним днем поспеть к господину *Воронину,* но ехать нам было не близко.

Мы продолжали свой путь по берегу Оки-реки и, покормив в Прилуках лошадей, приехали еще не поздно в *Каширу*; тут, переправившись на пароме чрез Оку, продолжали свой путь далее и не прежде к г. Воронину приехали, как уже ночью.

В последующий день ездили мы в дом к г. *Назарьеву* смотреть невесту, и девушка сия нам всем полюбилась чрезвычайно; но как, возвратившись к нашему хозяину, стали спрашивать жениха, то не могли добиться от него никакого толку и заключили, что чуть ли не расположен он вовсе ни на ком не жениться.

Сие было нам всем крайне досадно, ибо нам очень хотелось, чтоб сия девушка была в нашем семействе и за ним; всходствии чего принялись мы вновь его уговаривать и насилу добились до того, что он согласился на то, чтоб послали к невесте в дом спрашивать, какого они об нас мнения и понравились ли мы им. Всходствии того, заготовили мы письмо для отсылки онаго наутрие с человеком и провели весь тот вечер с спокойнейшим духом и в разговорах наиболее о сем деле.

Тут особливаго замечания достойно было то, что как мне вздумалось на досуге и для единаго любопытства загадать о успехе нашего сватовства геомантическим пунктированием, то, к удивлению, выходило все дурное и не предвещало никакого добраго успеха. Мы подивились и посмеялись только тому и положили ожидать, что окажет время, и после увидели, что *геомантия* моя не солгала, а сказала слишком правду.

Отправленный человек с письмом, возвратившись, привез нам такой ответ, который не знали мы чем почесть: отказом ли или приказом; объявлено, что женихом все были довольны, но желали ведать о его достатке.

Тут жених наш пошел в гору и ни для кого не хотел объявить, сколько у него денег, а оттого и произошла всему делу остановка.

Не могу и поныне без смеха и досады вспомнить тогдашняго настроения нашего, и как мы несколько часов провели в разных совещаниях между собою, и как говорили мы, отделяясь то по два, то по три в кучки, то все опять совокупно.

Наконец присудили послать звать невестина отца к себе обедать. Он к нам и приезжал, но сколько ни было и тогда говорено, ничего не сделано, ибо, с одной стороны, хотелось многое знать, а с другой – были слишком упрямы.

Из всего того предусматривал я уже наперед, что делу никакому не бывать и что сбудется предсказание моего пунктирования, которое удивительным образом не один, а много раз сказывало в таких случаях правду. А сие и свершилось действительно: все наши переговоры не решили ничего и дело, к особливому огорчению нашему, не получило никакого основания.

Мы с женою в тот же день, отстав от прочих, положили заехать к почтенной и любезной старушке тетке моей, госпоже *Аникеевой*, имевшей жилище свое оттуда неподалеку, которая была нам чрезвычайно рада и последний раз угощала нас тогда у себя в своей жизни.

Переночевав у ней, пустились мы уже прямо домой и, съехавшись с нашими товарищами, ночевали еще у г. *Воронина*, и потом возвратились благополучно в свое Дворяниново, досадуя только на то, что, по пословице говоря, «ездили ни по что, привезли ничего» и что имели хотя много трудов и безпокойств, а того более досад, но всеми ими ничего не сделали, и господин *Арцыбашев* остался неженатым.

Вот все, что происходило в течение августа сего месяца, который был последний для нас мирный и покойный, ибо последующий за сим был самый тот, в который началось уже то крайне смутное время, которое опишу я в последующих за сим письмах; а теперешнее сим окончив, скажу вам, что я есмь ваш и прочее.

Конец
четырнадцатой части
(Декаб. 20 1807).

ЧАСТЬ XV

Сочинена в 1807 году, а переписана в 1809-м

В ДВОРЯНИНОВЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ ВООБЩЕ, А В ОСОБЕННОСТИ О БЫВШИХ ПРОИСШЕСТВИЯХ В НЕЩАСТНОЕ ВРЕМЯ МОРОВОГО ПОВЕТРИЯ

1771–1773

БЕДСТВИЯ В МОСКВЕ

Письмо 151-е

Любезный приятель!

Ну, мой друг! Теперь дошел я до того несчастнаго времени, в которое не только мы, но почти все отечество наше поражено было неизреченным смущением, горестью и печалью.

Я упоминал вам в моих прежних письмах, что пагубный подарок Оттоманской Порты, который до того известен нам был под именем моровой язвы, а тогда впервые чумою начал называться, внедрился более нежели за год в южные пределы нашего отечества и свирепствовал уже давно и довольно сильно в Киеве и в других пограничных местах к Молдавии, из которой зло переселилось к нам, и где подвержена была оному и вся вою-

ющая тогда еще против турков наша армия и претерпевала от него очень много.

По неизбежному сообщению оной с Россией и по всегдашней езде оттуда и туда людей, не можно было никак не допустить того, чтоб не вкралась она и в наши пределы. Какия ни употребляемы были к тому предосторожности и сколько ни наделано было везде карантинов, но всеми ими ничего не сделано и, может быть, более оттого, что как бедствие сие было для нас совсем ново и очень давно в России небывалое, то и не знали еще, как с ним лучше обходиться и как предпринимать против него надлежащия меры. А самое сие распространило зло сие далее и допустило достигнуть ему до Москвы самой.

О сей упоминал уже я вам, что зло сие оказалось в ней еще в ноябре минувшаго 1770-го года, и как нигде не могло оно быть так бедственно и опасно, как в сем столичном великом городе, простирающем коммуникацию свою всюду и всюду и имеющем непосредственное сообщение со всеми краями государства, то удивительно ли, что в ней распространилось зло сие чрез несколько времени и по разным другим не только городам, но и селениям самым.

Поспешествовало весьма много к тому и то, что, по новости сего бедствия и неопытности еще совершенной, сначала менее оное уважали, сколько б надобно, и по неблаговременной политике далее оное утаеваемо было, нежели сколько б надлежало; а потому хотя и принимали некоторыя меры к утушению сего зла и недопущению его распространиться, но меры сии были слишком еще слабы и далеко к тому недостаточны; а оттого и произошло, что зло сие, внедрившись однажды, не только не утихло, но час от часу в Москве увеличивалось более, как о том упоминал я, говоря о фабрике суконной, о которой носилась молва, что оная еще зимою вся вымерла.

Но как, несмотря на то, долгое время еще не был возбранен ни въезд в Москву, ни выезд из оной, а все, имеющие надобности в оной, во всю весну и лето невозбранно в нее езжали, и из ней не только они, но и все, коим только не хотелось быть в Москве, без всякой остановки из оной выезжали и всюду и всюду разъезжались, то натурально многие из сих разъезжавшихся, когда не сами выезжали уже заразившимися, так вывозили с собою многия вещи, зараженныя этим ядом, и такия, от которых могли заражаться в уездах и в других местах и самые люди. И Москву не пре-

жде вздумали запереть, как тогда, когда было уже слишком поздно и когда зло сие сделалось в Москве повсеместным и начало свирепствовать уже в полной мере; а когда яд сей развезен был всюду и всюду, тогда начали употреблять хотя уже и строгость и поделали множество везде застав и карантинов, но все то помогло уже мало.

Сия важная и непростительная проступка тогдашняго правительства нашего и произвела то, что все, живущие в деревнях и уездах, во всю сию весну и лето жили спустя рукава и до самаго сентября месяца всего меньше о благовременном предпринимании всех нужных предосторожностей помышляли, а чрез самое то допустили внедриться сему злу от приходящих и приезжающих с Москвы и в селениях многих.

Все сие разсказываю я вам из собственной опытности, ибо и о самим себе могу сказать то же самое, что говорил теперь о других. До нас хотя и доходили от времени до времени слухи о увеличивающейся в Москве заразе, но как, по пословице говоря, рубили тогда еще не нашу тысячу, то и не было нам дальнаго горя, и более потому, что почитали себя от Москвы слишком отдаленными, и, увидев, что зло сие не так-то скоро распространяется, как мы сначала себе воображали, думали, что к нам оно и вовсе не дойдет.

Далее полагали и не один раз говаривали мы, что ежели б зло сие и начало к нам приближаться, так успеть можно куда-нибудь и уехать далее; например, если нельзя будет в какую-нибудь из ближайших деревень, так хотя бы в самую степную козловскую, или шадскую.

Таковыми-то помышлениями занимались и сим-то образом старались мы сами себя ободрять и утешать во всю последнюю половину августа месяца, в которую слухи о Москве стали становиться час от часу страшнее и ужаснее. Но, как у нас не только вблизи, но и в самом Серпухове зла сего еще не было, то все-таки жили мы себе в прежнем спокойствии духа и продолжали прежние свои разъезды и свидания друг с другом.

Но не успел наступить сентябрь месяц, как вдруг одним утром поражен и в неописанный страх и ужас приведен я был известием, что мор едва ли не внедрился в самое наше Тулеино. Мне сказывали, что в сей деревне, отстоящей от нас только версты за четыре, один мужик, принадлежащий князю Горчакову, скоропостижно умер, а другой, пришедший из Москвы, при смерти болен.

Господи! Как вострепетало тогда во мне сердце, как я сие услышал, и как поразительно было нам всем известие о столь близкой уже к нам опасности, а особливо, что чума завелась уже в такой деревне, с которою имели мы необходимое всякий день сообщение и откуда к нам и от нас туда всякий день и денно и нощно ходили и езжали люди. Мы не инако тогда думали и полагали, что Тулеино наше в немногие дни вымрет все, до единого человека, а между тем, того и смотри, что дело дойдет до нас и мы такому ж бедствию подвергнемся.

Все сие сгоняло нас то и дело в кучки и побуждало к совещаниям о том, что нам при таких опасных обстоятельствах делать, как себя спасать и какия брать предосторожности? И тогда не один раз приходила мысль, чтоб не совершилось и вправду того, о чем мы шутя говорили, и чтоб не заставила неволя нас и действительно оставить дом и все милое и немилое и бежать куда зря для спасения своей жизни!

Словом, мысли о сем не выходили у нас у всех ни на минуту из головы, и мы погрузились в такое уныние и смущение, какого изобразить не можно, и надобно признаться, что дружный переход из прежняго спокойнаго в такое неизреченное смутное расположение духа было для нас очень трудно. Все наши дела и обыкновенныя занятия сделались вдруг не милы, ничего не хотелось делать и ни о чем даже и мыслить.

Самые сады мои лишились в глазах моих всех своих прелестей и меня по-прежнему утешать не хотели. У меня начали было заниматься в них опять осенними работами и продолжать обработывать нижний мой сад уступами и сходами. И я и поныне забыть того не могу, как, вышедши тогда для смотрения сих работ и севши на краю одного уступа, подле прекрасной моей березы на горе, стоящей пред самыми окнами, и пригорюнившись, сам себе, вздыхая, говорил:

«Ах! Уж продолжать ли мне сии дела? И есть ли для кого и для чего предпринимать все оныя и так много хлопотать и трудиться? Чрез несколько недель, но что я говорю, может быть чрез немногие только дни опустеет все наше селение, и проклятая чума, внедрившись и к нам, перерубит и здесь всех жителей от мала до велика и не останется никого из всех ныне живущих здесь. И тогда что будет не только с садом, но и со всем селением и домом сим? Не должны ли будут все сии места на несколько лет запустеть и все мои заведения и труды уничтожиться и погибнуть?

Может быть, и после многие годы не захочет никто на сих несчастных и опасных местах жить, и они впадут в самое запустение и останутся одни только сии бугорки и уступы признаками бывших тут некогда украшений; да и кому достанется все сие, и кто местами сими владеть будет, о том единому Богу только известно!

Кто знает, что с самими нами произойдет? Мы такие же люди, как и прочие, и таким же образом заразиться и помереть все без остатка можем, как бывало то и, может быть, не один раз в старину при случае моровых бывших у нас поветрий.

Ах! Не будут ли некогда потомки наши и на сии места и все здешния земляныя мои работы и поделанные уступы с такими ж чувствиями смотреть, с какими смотрим мы в пустошах наших на видимые еще и поныне остатки плотин от бывших в селениях прудов и самыя даже гряды, бывшия на огородах и овинныя и погребныя ямы жителей, некогда тут живших и войнами и поветриями истребленных. Не легко ли то же и с сим местом и селением случиться может? И почему знать, может быть, время сие гораздо ближе к нам, нежели мы думаем и воображаем? Заразиться и умереть очень недолго, и тогда прости все и все. Не взмилится и самое лучшее и драгоценнейшее».

Сими и подобными сему горестными и почти отчаянными размышлениями занимался я действительно не только в тот день, но не один раз и в последующий за сим.

О чуме все мы имели тогда еще очень темное и не совсем правильное понятие и воображали ее себе несравненно опаснейшею, нежели какова была она в самом деле. Мы не инако думали, что везде, где она ни заведется, не оставит она в живых ни одного уже человека, ибо такое мнение имели все о поветриях моровых, бывших в древния времена в России; а сие более всего нас изумляло, устрашало и приводило в отчаяние.

Со всем тем как мы ни перепуганы были помянутым известием, но в тот день мы ничего еще особливаго не предпринимали, и я имел еще столько духа, чтоб в ободрение других сказать, что Бог знает, правда ли еще то и так ли подлинно все нам говорят, а надобно наперед хорошенько распроведать о том.

И действительно, наутрие послали в деревню сию нарочнаго и велели обо всем порядочно расспросить и разведать в подробность; и какое неописанное удовольствие почувствовали и как обрадованы были все мы,

как посланный, возвратившись, засвято уверял нас, что из всего того, что мы слышали, и половина неправда и что чумы там вовсе еще нет, а случившееся далеко не таково страшно и опасно.

Он разсказывал нам, что мужик хотя и умер действительно скоропостижно, но он был больной и дряхлый и давно уже не работал; а другой больной мужик вовсе и в Москве не бывал, а был только в подмосковной и болен ногами и не опасною болезнью.

– Вот, сударыни! – воскликнул я, прибежавши к своим домашним и сказывая им сие радостное известие. – Не правда ли моя, что, может быть, все дело и не так, как теперь и оказалось. Народ наш любит ко всему прилыгать и прибавлять.

Но не успели мы, так сказать, перевести дух и успокоиться опять несколько, как в тот же еще самый день поражает меня другое и того еще страшнейшее известие. Сказывают мне, что мор есть уже и в Нижней Городне и что мужик да две бабы, ни горя, ни боля, в ней померли.

Как ни страшно и ни поразительно было для нас сие новое известие, но мы испужались уже гораздо меньше и тотчас сказали:

– Но, Бог знает, правда ли и точно ли так? Не прибавляют ли и тут что-нибудь, как по тулеинскому делу? Надобно и о сем узнать короче и распроведать.

А по самому сему слух сей и не в состоянии был нас остановить в предпринимаемой в сей день езде, ибо госпожи наши расположились в сей день ехать в село Савинское, где поднимали тогда на церковь крест, и им сию церемонию хотелось видеть; а я с *Михаилом Матвеевичем* расположился съездить к другу моему, господину *Полонскому*, у котораго мы тогда и были. А по возвращении оттуда имел я удовольствие узнать, что и последнее известие о Городне не совсем было справедливо; но происшествия, случившиеся там, были такого рода, что опасности никакой от того не предвиделось. Все сие случилось 3-го и 4-го числа сентября месяца.

Успокоившись от сего испуга и напраснаго еще страха, принялись мы за прежние дела и упражнения: и как около сего времени поспели и все яблоки в садах и сим был отменно хороший род в сие лето, то приступил я с спокойным духом к сниманию оных с дерев и убиранию к месту. А кончив сие дело, съездил я с родными своими в *Калединку* для празднования там праздника их, Рождества Богородицы, в котором праздновании и разъездах там по разным гостям и провели мы несколько дней и не прежде

домой возвратились, как 11-го числа; да и к сему принудило меня то, что я, будучи в Калединке, несколько занемог, а приехавши в дом, совсем было разнемогся; но, по счастию, жар и все прочее прошло очень скоро.

С сего времени по самый почти конец сего месяца не произошло, собственно, у нас ничего почти особливаго; и хотя слухи о распространяющемся час от часу моровом поветрии продолжались, но мы, будучи помянутыми двумя происшествиями несколько подкрепляемы, не так много их уважали и не слишком давали им себя смущать, но продолжали разъезжать, как и в спокойныя времена, почти ежедневно по гостям или угощать у себя к нам приезжающих.

Но, при случае одного такого выезда, перетрощены[1] мы были однажды чрезвычайно, а именно: в один день приезжает к нам гость, некто г. *Карпов*, и, побывши у нас сутки, расположился съездить от меня к господину *Полонскому* и подговорил съездить туда же вместе с ним и мою тещу.

Но что ж! Случись в самое то время, как они были у господина Полонского, приезжает к нему прямо из Москвы и уже из зараженнаго чумою дома его теща, ускакавшая без памяти из сего города. Наши крайне были тем перепуганы, ибо в тогдашнее время все приезжие с Москвы были для всех крайне опасны, и, будучи не рады, что туда заехали, спешили как возможно скорее оттуда уехать.

Признаюсь, что неприятно было и мне, что им и людям нашим случилось вместе быть с приезжими из Москвы. Но как испужался я, когда на другой день после того, проводив от себя господина Карпова, услышал я, что теща моя стала жаловаться, что у ней вдруг заболела очень нога, покраснела, горела и сделалась на ней страшная инфламация[2].

«Ах, батюшки! – возопил я сам в себе, будучи в душе своей крайне встревожен. – Уж не моровая ли это язва и не смертоносный ли нарыв хочет это делаться? Уже не захватила ль она подарка сего в Зыбинке от ускакавшей из Москвы тещи г. Полонскаго? Уже не сидела ли она подле сей приезжей и, может быть, уже заразившейся чумою, и не пристала ли она к ней уже от сей гостьи? О, Господи! Что тогда с нами, бедными, будет, ведь и мы все заразимся от ней и погибнуть будем должны».

Словом, я перетревожен был тем неизобразимым образом, и хотя, приняв наружный спокойный вид, я и ободрял ее, говоря, что это ничего

[1] Перепуганы; искаженное от «стращать».

[2] Инфламация – воспаление.

не значит и что, конечно, она ногу свою как-нибудь простудила и хочет быть это рожа; но на уме у меня было совсем не то, а трепетали во мне даже все члены.

К вящему же смятению моему пришли к нам в самый тот день с повесткою из города и с строгим приказанием, чтоб везде в деревнях, на всех въездах и выездах, становили заставы и брали возможнейшия предосторожности от размножавшейся повсюду моровой язвы.

Посыланные сии сказывали нам, что все уезды разделены на многие участки и что в участки сии определены из живущих в них дворян так называемые *частные смотрители*, и им накрепко приказано за всеми селениями, в их частях находящимися, иметь наиприлежнейшее смотрение и всегда их осматривать; и в случае несчастия употреблять все предосторожности и принимать нужныя меры, и что повод к сделанию всех таковых распоряжений подало то, что в Москве, за выездом из ней всех знатных и самого главнаго начальника, господствует почти совершенное безначалие и что народ разбегается в разныя стороны и разносит с собою уже страшным образом увеличившуюся язву, от которой всякий день помирает множество народа. И так-де нужно, чтоб всех разбегающихся всюду и всюду людей никуда не пускали или, хватая, запирали в особыя места и держали их, как в карантинах.

Теперь представьте себе, любезный приятель, каково было мне, встревоженному и без того болезнью моей тещи, слышать сие вышеупомянутое. Признаюсь, что минуты сии были для меня тяжелы очень и день сей преисполнен множеством трудов, забот, смущений и безпокойств; ибо как опасность сделалась тогда уже достоверною, то нечего было долго думать, а надобно было для собственной своей безопасности поспешить исполнением повелеваемого.

Итак, я, созвавши своих деревенских соседей, ну-ка вместе с ними сам ходить по всем въездам и выездам в нашем селении, и одни, при себе, заставливать наглухо загораживать и заглушать, а на необходимейших становить из людей и крестьян наших заставы и учреждать строгие караулы с неугасимыми огнями и приказывать накрепко никаких посторонних и незнакомых людей в селение не впускать, а из знакомых приезжих окуривать и не давать им воли останавливаться; а провожать их поскорее из селения вон.

Не успели мы все сие кончить, как вдруг 21-го числа сего месяца поражены неописанным образом все мы были страшным известием о случившемся в Москве великом несчастии и бывшем в оной страшном мятеже, возмущении и убивстве архиерея московскаго.

Господи! Как перетревожил и смутил всех нас тогда слух о сем печальном происшествии! Нам случилось тогда быть всем вместе, как мы сие известие услышали, и нас оно так всех поразило, что мы остолбенели и не могли долго ни одного слова промолвить, а только друг на друга взглядывали и насилу-насилу собрались с духом и начали разсуждать и говорить о сем предмете. И чего, и чего не придумали мы тогда о могущих произойти от того печальных и бедственных следствиях!

Поводом к несчастному происшествию сему и обстоятельства онаго было, сколько нам тогда по разносившимся слухам и по письму одного самовидца, имевшаго в сем бедствии личное соучастие, было известно следующее.

Как скоро язва в Москве так сильно начала усиливаться, что не можно уже было удержать ее в пределах, какия предосторожности и старания к тому употребляемы ни были, и чума взяла верх над всеми полагаемыми ей препонами, то сие так всех живущих в ней устрашило, что всякий, кто только мог, стал помышлять о спасении себя бегством и действительно уезжал и уходил из сего несчастнаго города, а особливо, узнав, что не было к тому и дальняго препятствия. Ибо, сначала хотя и учреждены были при всех въездах и выездах строгия заставы, не выпускавшия никого из Москвы, но сие продолжалось только до того времени, покуда имел сам главнокомандующий тогда Москвою, старичок фельдмаршал, граф Петр Семенович *Салтыков* в ней свое пребывание и находились также и все военныя команды в городе.

Но как для увеличивающейся с каждым днем опасности принуждены были и все почти последния вывесть из города в лагерь, да и сам главнокомандующий уехал в свою подмосковную деревню, то ослабела сама по себе как полиция, так и прочия власти, и Москва поверглась в такое состояние, которое походило почти на безначалие, и очумленная общим и повсеместным несчастием глупая чернь делала что хотела, ибо ни смотреть за нею, ни действия ее наблюдать было некому, а всякому нужно было только о самом себе помышлять.

При таковом критическом положении, когда из господ и дворян никого почти в Москве не было и в домах их находились оставшие только холопы, и те голодные, раскольники же и чернь негодовали на учреждение карантинов, запечатание торговых бань, непогребение мертвых при церквах и на прочия комиссиею учрежденныя распоряжения, которыя были не по их глупому вкусу.

Не оставили и попы с своей стороны делать злу сему возможнейшее споспешествование, будучи движимы корыстолюбием и желая от народа обогатиться. Нимало не из благочестия и истиннаго усердия, а единственно из корысти учреждали они по приходам своим ежедневные крестные ходы и делали сие без всякого от начальства своего дозволения. Но как народ от сих скопищ при ходах еще пуще заражался, ибо мешались тут больные, и зараженные, и здоровые, то попы, увидев, наконец, что они от доходов при сих богомолиях, заражаясь от других, и сами стали помирать, как то им от архиерея было предсказано, сии хождения со крестами бросили.

Но праздность, корыстолюбие и проклятое суеверие прибегло к другому вымыслу. Надобно было бездельникам выдумать чудо и распустить по всей Москве слух, что не вся надежда еще потеряна, а есть еще способ избавиться от чумы чрез поклонение одной иконе.

Орудием к тому были двое: один гвардейскаго Семеновскаго полку солдат, *Савелий Бяков*, а другой фабричный *Илья Афанасьев*.

Бездельники сии, при вспоможении одного попа от церкви Всех Святых, что на Кулишке, выдумали чудо, которое, хотя ни с величеством Божиим, ни с верою здравою, ниже с разумом было согласно, но которому, однако, при тогдашних обстоятельствах глупая, безразсудная и легковерная чернь в состоянии была поверить. А именно, на Варварских воротах, в Китай-городе, стоял издревле большой образ Богоматери, называемой «Боголюбской»; и помянутый поп разгласил везде, будто бы оный фабричный пересказывал ему, что он видел во сне сию Богоматерь, вещающую ему так: «Тридцать лет прошло, как у ея образа, на Варварских воротах, не только никто и никогда не пел молебна, но ниже пред образом поставлена была свеча, то за сие хотел Христос послать на город Москву каменный дождь, но она упросила, чтоб вместо онаго быть только трехмесячному мору».

Как ни груба и ни глупа была сия баснь и как ни легко можно было всякому усмотреть, что выдумана она самым невеждою и глупцом, однако не только чернь, но и купцы тому поверили, а особливо женщины, по известному и отменному их усердию к Богоматери и приверженности ко всем суевериям, слушали с отменным благоговением разсказы фабричнаго, сидящаго у Варварских ворот и обирающаго деньги с провозглашением: «Порадейте, православныя, Богоматери на всемирную свечу!»

И взапуски друг перед другом старались изъявить свою набожность служением сему образу молебнов и всенощных; и сие делала не только чернь, но и самое купечество.

А жадные к корысти попы, оставив свои приходы и церковныя требы, собирались туда с налоями и производили сущее торжище, а не богомолие; ибо всякий, для спасения живота своего, не жалел ничего, а давал все, что мог, добиваясь только службы, или подавал подаяние. От сего, натурально, долженствовало произойти то следствие, что во все часы дня и ночи подле ворот сих находилась превеликая толпа народа; а денежных приношений накидано было от него целый сундук, тут же подле образа стоявший.

А как ничто тогда не было так вредно и опасно, как таковыя скопища народныя, поелику чрез самое то и от прикосновения людей друг к другу чума наиболее и размножалась, то полиция московская, как ни слаба была уже тогда в своем действии и как много ни занималась единым только выволакиванием крючьями из домов зачумелых и погибших от заразы, вываживанием их за город и зарыванием в большия ямы, но не упустила и помянутаго стечения народного у Варварских ворот из вида, но сначала всячески старалась разгонять народ. Но как мало в том успевала по чрезмерной и даже слепой приверженности народа к образу и возлагания им на него всей надежды, то разсудила дать о том знать бывшему тогда в Москве архиерею и предложить ему, чтоб он поспешествовал к тому с своей стороны снятием с ворот и удалением куда-нибудь помянутаго образа.

Первенствующим архиереем был тогда в Москве *Амвросий*, муж отличных достоинств, обширных знаний и жития добродетельного. Сей, по причине оказавшейся в Чудове монастыре (где он имел обыкновенное свое пребывание) заразы, высылая больных вон, сидел сам тогда из предосторожности взаперти; но, узнав о помянутом вредном стечении народа у Варварских ворот, долгом своим почел пресечь сие позорище.

Намерение его было удалить оттуда служащих молебны и всенощныя попов, а образ Богоматери перенесть во вновь построенную тут же у ворот императрицею церковь Кира Иоанна, потому что, по причине приставленной к образу лестницы и множества превеликаго молящихся, не было в Варварския ворота ни прохода, ни проезда; а собранныя тут деньги употребить на богоугодныя дела, а всего ближе отдать в Воспитательный дом, в коем был он опекуном.

Вследствие чего и посланы были люди для призыва тех попов в консисторию; но они, разлакомившись прибытками и узнав, зачем их призывают, не только отреклись туда иттить, но еще угрожали присланным побить их каменьями. Сие хотя раздражило архиерея, но он, как благоразумный муж, укротив свой гнев, за лучшее признал посоветовать о том, как бы поступить лучше в таком щекотливом случае, с некоторым начальником воинских команд и испросить у него для вспоможения себе небольшую воинскую команду.

Опасение, чтоб не обратить на себя простолюдинов и глупую чернь, произвело у них такое по сему делу решение, чтоб оставить до времени снятие и перенесение иконы, а к собранным у Варварских ворот деньгам, дабы они фабричными не были расхищены, приложить только консисторскую печать; а дабы учинить сие безопаснее, то и дано было обещание прислать на вспоможение небольшую воинскую команду из Великолуцкого полку.

Итак, 15 сентября, в 5 часов пополудни, пришла в Чудов монастырь помянутая команда, состоящая в шести солдатах и одном унтер-офицере. И как наступил вечер, то, в надеянии, что народ разошелся уже по домам, и отправилась оная команда с двумя консисторскими подьячими и консисторскою печатью, взяв с собою и того самого попа, разглашателя о чуде и который в тот день допрашиван был по сему предмету в консистории.

Но прежде, нежели команда сия пришла к воротам Варварским, городской плац-майор был о том уже, и как видно от самого того попа, с которым он делился сборами денежными, предуведомлен. И сей бездельник, зараженный корыстолюбием, жалея собранныя деньги, поспешил до прихода еще их приложить сам печать свою к сундуку с деньгами, а народу разгласил, что ввечеру сам архиерей будет к воротам брать икону и захватывать себе все собранныя деньги.

Сим произвел он во всех тут бывших для богомолий многих людях великий ропот и негодование и, видя их наклонность к недопущению до

того, вооружил всех кузнецов у Варварских ворот, в их кузнях находившихся, и ожидал с ними и другими людьми уже в готовности вступить с посыльными в самый бой.

Итак, когда пришла команда консисторская, то нашла она тут уже превеликую толпу вооруженного всякой всячиною народа, и консисторский подьячий едва только хотел приложить печать к сундукам, как вдруг некто закричал: «Бейте их!» И вместе с сим словом бросилось на команду множество людей и начали бить и солдат, и подьячих. И как сии, натурально, стали обороняться, то и произошла от сего в один миг страшная драка, соединенная с воплем и криком превеликим, что «грабят икону Богоматери и бьют защищающих ее»; а сие и воспламенило в один миг пламя мятежа и народного возмущения.

Вопль и крик разливался по всем улицам, как вода; во всех ближних приходских церквах ударили в колокола в набат, а потом на Спасских воротах и, наконец, и по всем приходским церквам и во всем городе; а сие и произвело всеобщую тревогу и возмущение всего народа, который со всех сторон бежал к Варварским воротам с дубинами, кольями, топорами и другими орудиями.

Таковое смятение натурально нагнало на всех людей, составляющих лучшую и умнейшую часть города, страх и ужас; но никто так тем перетревожен не был, как упомянутый архиерей. Сей, как предчувствуя приближающуюся к нему его страдальческую кончину, толико поражен был известием, полученным о сем мятеже, что от смущения не знал что делать.

Некто из консисторских чиновников, бывший тогда с ним вместе и все несчастное происшествие с ним видевший и сам в оном некоторое участие имевший, описывает оное в письме к приятелю своему следующими словами:

«О таковом смятении и бунте услышав, владыка немедленно поехал из Чудова со мною и в моей карете к Михаилу Григорьевичу *Собакину*[1], в надежде там переночевать, яко у холостого человека. Мы застали его больного в постели и от набатов в великий страх пришедшаго.

Мы принуждены были его оставить. Совет положили оттуда ехать к господину Еропкину[2], но как только выехали мы со двора от господина

[1] Собакин М. Г. – тайный советник, сенатор, член коллегии иностранных дел, умер в 1773 г.
[2] Еропкин П. Дм. – генерал, московский главнокомандующий в 1786–1790 гг.

Собакина, то приказал он мне везти себя в Донской монастырь. Ни просьбы, ни представления мои не могли успеть, чтоб туда, то есть в Донской монастырь, не ехать.

Ехав по улице ночью, какое мы видели зрелище! Народ бежал повсюду толпами и кричал только: «Грабят Боголюбскую Богоматерь!» – все, даже до ребенка, были вооружены! Все, как сумасшедшие, в чем стояли, в том и бежали, куда стремление к убивству и грабительству влекло их.

В 10 часов приехали мы в Донской монастырь. В ожидании конца начавшемуся в городе смятению, я и не воображал, чтоб на Чудов было нападение. Но владыкин дух все сие предвещал; нрав народа был ему известен.

В тот же вечер обратившаяся от Варварских ворот чернь устремилась ночью на Чудов монастырь и, разломав ворота, искала везде архиерея, грозя убить его.

Все, что ни встречалось их глазам, было похищаемо, разоряемо и до основания истребляемо. Верхния и нижния архиерейския кельи, те, где я с братом имел квартиру, экономския и консисторския, и все монашеския кельи и казенная палата, что в оной ни было, были разграблены.

Окна, двери, печи и все мебели разбиты и разломаны; картины, иконы, портреты и даже в самой домовой архиерейской церкви с престола одеяние, сосуды, утварь и самый антиминс[1] в лоскутки изорваны и ногами потоптаны были от такого народа, который по усердию будто за икону вооружился. Тому же жребию подвержены были наши библиотеки и бумаги.

В то время жил в Чудове, для излечения болезни, приехавший архимандрит Воскресенского монастыря, Никон, младший брат архиерея. Чернь, нашед его и почитая архиереем, не только совсем ограбила и хотя до смерти не убила, но так настращала, что он от страха в уме помешался и вскоре умер.

Наконец, какое было зрелище, когда разбиты были чудовские погреба, внаем *Птицыну* и другим отдаваемые, с французской водкой, разными

[1] Антиминс (греч. – вместо и лат. престол) – четырехугольный плат из шелковой или льняной материи с зашитыми частицами мощей, на котором совершается литургия. На антиминсах изображается положение во гроб Иисуса Христа после снятия с Креста, орудия Его казни, и четыре евангелиста. На антиминсе есть подпись епископа, который его освящал, а также указано, где, когда и для какого храма состоялось это освящение.

Антиминс – неотъемлемая часть престола, без которой нельзя совершать литургию. Антиминс разворачивается в определенный момент богослужения, по окончании которого свертывается особым образом и хранится в специальном плате – илитоне...

винами и аглицким пивом. Не только мужчины, но и женщины приходили тут пить и грабить.

Одним словом, целыя сутки граблен и расхищаем был Чудов монастырь, и никто никакой помощи дать не мог. Где тогда были полицейские офицеры с командами их? Где полк Великолуцкий для защищения оставленнаго города? Где, напоследок, градодержатели?

Из чего заключить можно, что город оставлен и брошен был без всякаго призрения. Из знатных бояр находился один только *Еропкин* в городе, и того убийцы искали, чтоб умертвить. Прочие же разъехались все по деревням.

Федор Иванович Мамонов[1], приехав на гауптвахту, просил хотя десяти солдат, с коими мог бы всех выгнать из Чудова, но капитан отозвался неимением на то указа. Итак, до тех пор дрался в Чудове, пока и сам почти до смерти прибит был каменьем.

О сем происшествии сведали мы на другой день, то есть 16-го числа, чрез посланнаго в Чудов одного служителя из Донскаго монастыря.

В таковом случае не оставалось нам иного делать, как поскорей удалиться из города. Мы бы тотчас уехали, но без билета никто из города выпускаем не был.

Владыка приказал мне немедленно дать знать о сих горестных обстоятельствах письменно господину *Еропкину* с таким представлением: что посыланная с общего их согласия к Варварским воротам для известнаго дела команда от приставленных у Варварских ворот батальонных солдат разбита; что устремившаяся ночью на Чудов чернь все разбила и одни только остались стены; что оная же чернь, хотя везде искала его убить, но особливым Божиим Провидением он в чем стоял спасся, и что угрозы разсвирепевшей черни принуждают его искать убежища вне города.

Окончание письма состояло в просьбе, чтоб дан был ему билет для свободнаго из города выпуска; чтобы Чудов монастырь с чудотворцем и оставшею братиею принял он в свое призрение и чтоб о таковом плачевном состоянии благоволил в Санкт-Петербург представить.

Вместо билета прислан был от господина *Еропкина* конной гвардии офицер с приказанием, чтобы владыка поскорей выехал из Донскаго монастыря и чтоб переоделся, дабы его не узнали.

---

[1] Дмитриев-Мамонов Ф. Ив. (1727–1805) – начальник бригады (бригадир – чин между полковником и генералом).

Сказав сие, офицер побежал от нас, дав знать, что он ожидать будет в конце сада князя *Трубецкого* и оттуда велит проводить на Хорошево в Воскресенский монастырь, куда имел намерение владыка уехать.

Между тем как владыка переодевался и покуда сыскали платье, заложили кибитку и делали к пути приготовления, услышали мы шум, крик и пальбу около Донскаго монастыря. Чернь, отбив карантины, и Данилов монастырь, и другие карантинные дома, спешила к Донскому монастырю.

Каким образом сведала она о нашем здесь убежище, о том не известно и по сие время. Не то посланный поутру в Чудов монастырь для разведывания служитель разгласил неосторожно, не то монастырские слуги донские разсказали; последнее вероятнее.

Уже была подвезена кибитка, в которую лишь только владыка, переодевшись в простое поповское платье, сесть и поехать с монастыря (успел), как вдруг начали убийцы ломать монастырския со всех сторон ворота. Страх и отчаяние всех нас тут постигло.

Все, кто ни был в монастыре, искали себе спасения. Владыка с Никольским архимандритом *Епифанием* пошел прямо в большую церковь, где пели обедню; разсеявшаяся по монастырю чернь, состоявшая из дворовых людей, фабричных и разночинцев, имея в руках рогатины и топоры и всякия убивственные орудия, искали архиерея, кто им ни попадался, били, домогаясь узнать, где скрылся архиерей.

Что владыка со мною и в моей карете из Чудова уехал, сие видели многие, а тут увидели ее на дворе Донскаго монастыря и узнали. Один из подьячих архиерейской канцелярии, тут же бывший, объявил о моей карете. Кучер и лакеи никак не сказали, хотя их смертно били, чтоб они об архиерее и обо мне объявили.

Наконец, сведали они, что архиерей в церкви, а я скрылся в бане, ибо мой малый, посадя меня тут, сам ушел и попался ворам в руки; а при мне в то время сидели в бане двое монастырских слуг, кои и топили баню.

Злодеи, ворвавшись в церковь, ожидали конца обедни. Страдалец из алтаря увидел, что народ с оружием и дрекольми вошел в церковь, и, узнав, что его ищут, исповедался у служившаго священника и приобщился Святых Таин, а потом пошел на хоры, позади иконостаса.

Между тем как злодеи, не ожидая конца обедни, ворвались в алтарь и искали там владыку, одна из них партия нашла меня в бане. Боже мой! В каком тогда находился я отчаянии жизни моей! Поднятые на меня смерт-

ные удары отражены были часами и табакерками, при мне тогда находившимися.

Просил я их о нечинении мне зла. Вдвое того просили, не знаю еще какие сторонние, называя меня по имени и приписывая мне имя *добраго* и *честнаго* человека, в числе коих был и помянутый подьячий наш, *Красной*.

Меня потащили из бани, и встретившаяся другая злодейская партия лишила бы меня жизни, хотя две и получил от них контузии, если б первые мои злодеи не приняли меня под свое покровительство и защищение. Таково-то действие золота и серебра.

Едва взошел я с ними на церковную паперть, как вдруг воспоследовала с нами, провожаемая из церкви с криком и шумом радостным, покойного страдальца роковая встреча.

Злодеи мои, закричав: «Вот он! Вот он!» бросили меня полумертваго. Представь себе, любезный друг, что со мною в таком горестном приключении происходило!

Сидя еще в бане, приуготовлял я себя к смерти и спокойно ожидал убийцов, радуясь, что достигну мученическаго венца; а тут уповал, что неминуемо потащат меня вместе с владыкою из монастыря. Но Божеское Провидение сохранило меня цела и невредима.

В древния времена церковь служила убежищем и для самых винных и порочнейших людей. В нынешнее же время архиерей и пастырь вытащен был от своих овец на убиение! Вот плоды просвещеннаго века.

Но что я медлю и не приступаю к повествованию той жесточайшей для меня в жизни минуты, в которую я услышал, что владыка убит до смерти.

Злодеи, вменяя за грех осквернить монастырь, а паче церковь кровью, вывели страдальца в задния монастырския ворота, где колокольня, и у самой рогатки сначала делали ему несколько вопросов, а потом мученическим образом до тех пор били и терзали его, пока уже увидели умирающа.

Спустя четверть часа и скончался новый московский мученик, и тело, избитое и обагренное кровью, лежало на распутии день и ночь целую, пока синодальной конторы члены, чрез полицейскую команду, заблагоразсудили поднять.

Вот точная трагедия, коей был я сам зрителем.

Пролив неповинную кровь, убийцы, из коих, как наиглавнейший, был дворовый человек полковника Александра *Раевскаго*, по имени *Василий*

Андреев, и целовальник, московской купец *Иван Дмитриев* (кои оба потом на том же месте казнены виселицею), со многими другими побежали в город производить дальнейшие неистовства; а я, чрез час после убивства владыки, уехал в Черную Грязь к князю Матвею Дмитриевичу *Кантемиру*, где и брат мой находился».

Сии были точныя слова сего свидетеля и очевидца сей трагедии. Какой собственно был он человек и к кому сие писал, до сведения моего не дошло. Почему, оставя сие, буду продолжать историю московскаго мятежа далее так, как носившаяся тогда молва о том повествовала.

Помянутым тираническим убивством совсем невиннаго святителя все богомерзкое скопище злодеев сих нимало не удовольствовалось и не усмирилось; но, остервенившись однажды уже, разсеялось оно толпами по всем улицам городским и начали грабить и производить всякого рода наглости и буянства.

Они провели весь тот день в сих безчиниях, мерзких и безчеловечных. Самая наступившая потом ночь не могла укротить их бешенства и зверства; но злодейския скопища их умыслили зверство свое и буянство простирать наутрие далее: перебить всех докторов и лекарей и всех, какие были еще, начальников, а потом разграбить Кремль и все в нем находящееся; а особливо расхитить сокровища, которые они в Успенском и других соборах найтить надеялись.

Соблазняло и поджигало к тому их наиболее то известное им обстоятельство, что Москва находилась тогда в совершенном почти безначалии. Главные командиры все разъехались по подмосковным своим деревням; а и самых воинских команд было очень мало, ибо все прочие выведены были за город, в лагерь, для безопасности.

Что ж касается до полицейской команды, то они ее, для малочисленности оной, не уважали и думали, что ей со всем их великим множеством никак сладить не можно. А по всему сему и возмечтали зверские злодеи сии, что им ничто не в состоянии будет воспрепятствовать произвесть злодейское свое намерение в действо.

В сем расположении злодейских своих сердец и умов смолвились они наутрие сбежаться со всех сторон на большую торговую площадь, между Кремлем и рядами находящуюся. И не успело наступить утро последующаго бедственнаго и кровопролитнаго дня, как и повалили со всех сторон превеликия толпы беснующаго народа в Китай-город.

Уже наполнилась вся площадь и все улицы между рядами безчисленным множеством онаго; уже многия сотни или паче тысячи бездельников сих бегали и бродили по Кремлю самому и допивали остаточныя вины, отыскиваемыя в погребах, там находящихся; уже все храмы и ряды, с безчисленными сокровищами и товаров несметным множеством, подвержены были явной ежеминутной опасности от расхищения, и наивеличайшее бедствие висело уже власно как на волосе над всею Москвою, как невидимая десница Всемогущаго удержала еще бедственный и роковой удар сей и по безконечной благости своей пощадила еще сию древнюю столицу обладателей наших, употребив к отвращению того совсем неожидаемое и, по-видимому, ничего почти не значащее, но такое средство, которое возымело тогда успех, превзошедший всякое чаяние и ожидание.

Сыскался в недрах Москвы один усердный россиянин и истинный сын отечества своего, восхотевший жертвовать всеми силами и самою даже жизнью своею для спасения великаго города сего от бедствия величайшаго.

Был то отставной и никакой уже должности на себе не имевший, престарелый и мало до того народу известный, а того менее славный генерал по фамилии *Еропкин*, а по имени, достойному вечнаго незабвения, *Петр Дмитриевич*.

Благодетельствующий еще в Москве Промысл Господень удержал его стечением разных обстоятельств на сие время и, власно как нарочно, для прославления его в Москве и не допустил ему выехать из ней вместе с прочими.

Сей не успел услышать о происшедшем мятеже подле Варварских ворот и потом о убиении архиерея, как, ведая, что нет никого из начальников московских, кому б о усмирении мятежа старание приложить было можно, и предусматривая, что остервеневшийся народ при одном том не останется, а простpет наглости свои далее, решился вступить самопроизвольно, хотя совсем не в свое, но крайне нужное тогда дело, и принять главное начальство над всеми находившимися в Москве немногими военными командами, и неусыпно трудился во всю ночь не только собранием всех их, колико ему то учинить было возможно, в Кремль, но, желая хотя сей спасти от наглости и расхищения народнаго, успел сделать и все нужныя распоряжения к недопущению народа ворваться в оный.

Четыре входа было тогда в сию древнюю цитадель и известны под четырьмя воротами: *Спасскими, Никольскими, Вознесенскими* и *Боровиц-*

кими; но из всех одни только Вознесенския оказались способными к заграждению оных затворами и железными опускными решетками; прочия ж долговременная безопасность, в коей сия столица находилась, сделала к тому неспособными.

Итак, по сделанному господином Еропкиным распоряжению, помянутыя Вознесенския ворота тотчас были наглухо заперты и заграждены; а во всех прочих, кои запереть не было возможности, поставлены были пушки со многочисленными командами людей военных, собранных им кое-как и призванных из-за города.

Сим не только возбранен был вход вне Кремля находившимся мятежникам, но и все случившиеся внутри Кремля злодеи захвачены и переловлены.

По учинении сего престарелый генерал, увидев страшное множество скопившагося на торговой площади народа и слыша крик и вопль их, чтобы иттить на пролом в Кремль для расхищения онаго, отважился выехать верхом к ним, и разъезжая между ними, усовещивать и всячески уговаривать народ, чтоб он успокоился и не простирал безчиния своего далее.

– Полно, полно, друзья мои! – говорил он им. – Что это вы затеяли? Опомнитесь, пожалуйте, и подумайте, такое ли время теперь, чтоб помышлять о таких наглостях и безчиниях. Смерть и без того у нас у всех перед глазами, и гнев Господень и без того нас поражает, и надобно ли гневить Его еще более злодеяниями такими?

Но все сии и множество других убеждений, которыми он бунтующую чернь уговорить и укротить старался, не имели ни малейшаго успеха. Множайшие не хотели нимало внимать убеждениям и словам его, и злейшие из мятежников кричали только ему: «Убирайся-ка, убирайся, старик, сам скорее прочь отсюда, а то и самого тебя стащим с лошади. Слышишь! Не твое дело, и ты ступай прочь отсюда.

Нечего было тогда делать сему престарелому мужу, как действительно удалиться опять в Кремль к своим командам; но по достижении до оных, не оставил он еще кричать и убеждать их всячески, говоря, чтоб они отходили прочь и не отваживались никак ломиться к воротам, сказывая им прямо, что буде не послушаются, то он по дуракам велит стрелять.

Но они не хотели тому никак верить. И как по приближавшимся к Спасским воротам велел он выстрелить, для единаго устрашения, одними пыжами и направив выше голов, и они увидели, что никто из них не

был ни убит, ни ранен, то, возмечтав себе, что не берет их никакая пуля и пушка и что Сама Богоматерь защищает и охраняет их, с великим воплем бросились и повалили прямо к воротам.

Но несчастные того не знали, что тут готовы были уже и иныя пушки, заряженныя ядрами и картечами; и как из сих посыпались на них сии последния, а первыя целыя улицы между ими делать начали, перехватывая кого надвое, кого поперек и у кого руку, у кого ногу или голову отрывая, то увидели, но уже поздно, что с ними никак шутить были не намерены.

И как таковая неожидаемая встреча была им весьма неприятна, и все злейшие заводчики, бежавшие впереди, почти наповал были побиты, и ядра, попадая в стремившуюся народную толпу и достигая до самой улицы Ильинки, одним выстрелом по нескольку десятков умерщвляли, то сие бывших назади так устрашило, что все бросились назад и разбежались в разныя стороны, кто куда скорее успеть мог.

А сие самое, по особливому счастию, и положило конец всей этой трагической сцене; ибо не успели все находившиеся перед прочими воротами толпы услышать пальбу и вопли раненых и увидеть бегущий прочь народ, как и сами начали разбегаться врознь, и на короткое время не видно было нигде во всей Москве ни малейшей кучки и скопища народнаго, и полиции оставалось только ловить и вытаскивать из винных погребов тех, кои в них пьющие были заперты.

О сем-то страшном происшествии достиг до нас помянутый, 21-го числа сентября, первый слух, поразивший всех нас неизреченным образом.

Но как письмо мое уже слишком увеличилось, то дозвольте мне на сем месте остановиться и кончить оное уверением, что я есмь и прочее.

(Декабря 23-го дня 1807 года).

ПРЕКРАЩЕНИЕ ЧУМЫ

Письмо 152-е

Любезный приятель!

Описав вам в последнем пред сим письме московский бунт и возмущение, в дополнение к тому скажу теперь, что хотя собственно мятеж по-

мянутым насильственным средством и совершенно был разрушен и прекращен, но язва там нимало не прекратилась, но продолжала по-прежнему или еще более свирепствовать над несчастною Москвою и повергла оную в положение, достойное величайшаго сожаления. Превеликое множество жителей похищаемо было ею ежедневно и доходило до того, что недоставало сил к вытаскиванию из домов и выволакиванию оных за город и зарыванию.

Люди употребляемы были к тому из колодников и назначенных к отсылке на каторгу; и все они обшиты были кругом в черное смоляное и особое одеяние, в котором прорезаны были только отверстия для глаз, рта и ноздрей, и от самого того, несмотря, хотя имели они ежедневно дело с умирающими чумою, многие действительно спаслись от оной и остались живы.

Что ж касается до прочих, заражающихся язвою людей, то немногим только удавалось спастись от смерти; но множайшие в самое короткое время погибали, и превеликое множество домов опустело совершенно, потому что все бывшие в них люди вымерли до единаго.

И особливо еще милость Господня была та, что чума сия не составляла собственнаго и такого морового поветрия, которым заражен был самый воздух и был губителен для всех, но размножалась наиболее от прикосновения до тел, до платья и до других вещей, бывших на зараженных и умерших чумою; а потому и заражались наиболее от пренебрежения и упущения нужных предосторожностей и излишней неблаговременной отваги. Из тех же, которые употребляли все нужные предосторожности и береглись от всякаго к сумнительным вещам прикосновения, очень немногие заражались, а множайшие оставались целыми и невредимыми.

Но жаль, что в истине сей и возможности спастись тем от чумы простой народ не скоро мог удостовериться и до тех пор наиболее и заражался, покуда не перестал иметь небрежение и стал более употреблять предосторожностей.

Со всем тем чума продолжалась и после помянутаго несчастнаго происшествия нарочито еще долго, и народу в Москве погибло очень много.

Господин *Еропкин* награжден был тотчас за ревность и усердие свое от монархини. Она, как скоро услышала о деяниях его, как из признательности почтила его первейшим российским орденом.

Впрочем, пример его побудил и других из наших первейших вельмож к последованию оному. Отобралось их несколько человек, и в числе их сам ближайший фаворит и тогдашний любимец ея граф Орлов, и предложил монархине, что они хотят ехать в Москву и, подвергая жизнь свою опасности, употреблять там старание и все, что только могут, к прерванию чумы, к остановлению действий ея и к сохранению оставшагося народа.

Императрица охотно и дозволила им сие и довольна была очень, что из самых близких к ней людей сыскались такие патриоты.

Они и действительно приехали в Москву, жили в ней несколько времени, употребляли все, что только было им возможно. Жили в императорском, огромном Головинском дворце, бывшем за Немецкою слободою, и имели несчастие видеть оной при себе, от топления камина, загоревшийся и весь оной в немногие часы превратившийся в пепел.

Но помогли ль они чем-нибудь несчастной Москве и поспешествовали ль с своей стороны чем к прерыванию чумы, о том как-то ничего не было слышно; а начала она уже сама собой, при наступлении зимы, сперва мало-помалу утихать, а потом вдруг, к неописанному обрадованию всех, пресеклась.

Между тем как все сие в столице нашей происходило, мы в деревнях своих жили по-прежнему в мире, тишине и спокойствии и во весь помянутый сентябрь месяц не переставали разъезжать друг к другу по гостям и заниматься обыкновенными своими упражнениями. Ибо доходящие до нас о Москве слухи, хотя и часто нагоняли на нас страх и ужас и немало нас озабочивали, но великая разность была между слухами о происходившем в дали и происшествиями близкими. Сии не прежде начали нас прямо тревожить, как с начала месяца октября.

Первейшее, весьма поразившее нас известие услышали мы еще 27 сентября от нашего молодого приходского тогда попа *Евграфа*, приходившаго к нам делать извет[1] на товарища своего, престарелаго попа *Ивана*, и сказывал, что в Злобине убежавшая от чумы и съехавшая с Москвы племянница князя *Горчакова*, занемогши, очень скоро и сомнительно умерла; и что помянутой товарищ его не только ходил причащать ее, но и похоронил при церкви тайно и так, что никто о том не знал и не ведал и что, по всему видимому, умерла она чумою.

[1] Делать извет – делать донос, наговаривать, приносить жалобу.

Господи! Как поразились мы все сим нечаянным и страшным известием. Деревня сия была под боком у нас, и тулеинским моим всякий день мимо ей на работу ко мне ходить надлежало. И так не долженствовало ли страшиться, что зло сие там распространится и дойдет скоро до нас. А не менее нагонял на нас страх уже и погост самый.

Не могу изобразить, как досадовал я тогда на старика попа нашего и проклинал ненасытную алчность к корысти сего негоднаго человека. Натурально должно было заключать, что похоронил он чумою умершую княжую племянницу не инако, как за великую плату. Итак, корыстолюбию своему жертвовал не только собственною своею жизнью, но и благом всего своего прихода; ибо через самое то язва могла всего скорее и удобнее распространиться по всем окружным селениям.

Я послал к нему тотчас сказать, чтоб он перестал бездельничать и умирающих чумою таскать к церкви и хоронить на погосте, как то и запрещено уже было и от начальства; и что в случае, ежели не уймется, я донесу о том архиерею, и он за то пострадает.

Но поп и не подумал уважать сии угрозы, но продолжал и далее свое пагубное ремесло и, к превеликому удивлению, спасся от чумы, несмотря, что со многими чумными имел дело и не только, внося в церковь, их отпевал, но и погребал лично.

Сие нас так настращало, что мы на праздник Покрова не осмелились ехать к обедне к своей церкви, боясь и близко быть к тому месту, где погребены были чумные; а не велели и людям своим никому ходить туда, а ездили к обедне уже в Ченцово. А на заставах своих велели наистрожайшим образом, чтоб курение было безпрерывное и чтоб все, входящие в деревню, были наитщательнейшим образом окуриваны. А чрез день после того, с общего согласия, решились, подняв образа, обойтить с ними и со всеми жителями всю нашу деревню и помолиться хорошенько Богу о том, чтоб Он нас помиловал и деревню нашу сохранил от заразы; что и учинили мы октября 3-го числа.

Происшествие сие было трогательное и чувствительное. За образами послано было несколько людей. По приближению же к селению встречены они были нами со всеми обоего пола жителями, от мала до велика, и все мы провожали их при обходе с ними вокруг всего нашего селения.

При конце ж обхода сего остановились мы на току гумна брата моего Михаила Матвеевича, на том почти месте, где оный и поныне у сына его,

подле пруда. Тут молебствовали мы и по водосвятии приносили с коленопреклонением наитеплейшия моления наши ко Всевышнему, и я не думаю, чтоб когда-нибудь маливались мы с таким искренним усердием, как в тогдашнее время.

По окончании сего и поставив образа в доме у брата, зазвал я всех к себе и угостил обедом, а потом проводили мы святые образа таким же образом из деревни.

Не успели мы сего священнодействия кончить, как на другой день, при случае поминок братина тестя, г. *Стахеева*, перетревожены мы были впрах известием, что чума окружила нас уже со всех почти сторон и в самой близости, а именно, что была она уже в Липецах, во Двориках, в Якшине, в Городне, в Злобине и на заводе Ведминском. Все сие услышали мы вдруг и одним разом, и я не в силах изобразить, как много устрашило нас сие известие.

Ужас проник все наши кости и устрашение было так велико, что не взмилися нам ни дом, ни все прочее, и мы, поговоря с семейством своим, положили, не долго думая, оставя все, ускакать в Алексинскую свою деревню, в село Коростино, в которой стороне не было еще ничего и о чуме было еще не слышно.

Намерение сие было так твердо, что мы в последующий за сим день начали к отъезду своему туда действительно собираться и укладывать на воз; провизию и прочее, что нам взять о собою необходимо было нужно.

Но что ж воспоследовало? – Уже укладены были все повозки и уже положили мы наутрие, с светом, вдруг в сие путешествие и бегство пуститься и разстаться с своим домом; как вдруг в тот же день ввечеру приезжает к нам из Коростина человек и сказывает, что там у самих нас умер один старик скоропостижно и что чума и в тамошних окрестностях неподалеку от нас оказывается, в особливости же, что оказалась она в Малахове, откуда к соседу моему, господину *Колюбакину*, ежедневно ходят люди на работу.

Известие сие поразило нас как громовым ударом. Мы все онемели оное услышав, стали в пень и не знали что делать и ехать ли туда уже, или не ездить, ибо боялись, чтоб бежавши от волка не попасть на медведя.

В сей нерешимости и недоумении собрались мы поутру в следующий день и, учинив общий совет, решились, возложить всю свою надежду и упование на Господа, остаться в своем доме и никуда не воспринимать бег-

ства; ибо заключили, что от руки Его не можем нигде скрыться и убежать, если Ему угодно будет излить на нас гнев Свой.

Не успели мы сего измерения воспринять и приказать выбирать опять все из повозок, как увидели идущего к нам неожидаемаго гостя.

Был то неподалеку от нас живущий дворянин, господин *Постельников*, ехавший тогда из Каширы. Он привез ко мне от воеводы нашего бывшую у него книжку и еще пакет из Вольнаго Экономическаго Общества.

Я думал, что была то книжка; но, вместо того, распечатавши, нашел, что был то ящичек с медалью, с письмом ко мне от Общества, которым, благодарило оно меня за сообщенное им сочинение мое о разделении полей; уведомляло, что комитетом удостоено оно печати и что, по силе устава, посылает ко мне в награждение за то медаль.

Сия была точно такая ж, как и прежняя, но только серебряная и цены очень небольшой и неважной, а потому и был я оною не весьма обрадован; а признаюсь, что дожидался было за труды мои какого-нибудь лучшаго и существительнейшаго награждения.

И сего было еще недовольно; но Общество возлагало еще на меня в том же письме коммиссию, которую не так-то легко можно было выполнить, а именно: чтоб я сочинил одно сочинение для отсылки в Академию, а от ней в иностранное государство к сочинителям и издателям энциклопедии, в котором содержалось бы всеобщее описание российскаго хлебопашества и всего хозяйства, о чем поминутно издатели нашу Академию, а сия наше Общество просила; и как сие не нашло никого кроме меня к тому способнейшаго, то и возлагало оно на меня сей труд и предписывало еще и самые пределы и величину сему сочинению.

Признаюсь, что препоручение сие, при таковом малом и ничего не значащем награждении за прежнее мое сочинение, было мне весьма неприятно. Для препоручаемаго сочинения потребно было не только множество труда, но нужно было и гораздо обширнейшее обо всем сведение, нежели какое имел я, о домоводстве и хлебопашестве во всем государстве. Дальней же побудительной причины к принятию на себя так великаго и важнаго труда никакой не было и оно, кроме ничего не значащей благодарности, ничего не обещавало. Итак, вместо удовольствия о присылке медали, чувствовал я только досаду, и находился в нерешимости что делать.

Сперва в досаде вздумал было я, под предлогом тогдашних смутных обстоятельств, да и незнания своего обо всем государстве, от сего дела от-

казаться; но подумав поболее и поразсудив, находил я, что будет сие для меня дурно и непохвально; а потому и положил еще раз пожертвовать Обществу своими трудами и посмотреть что будет, всходствие того на досуге приняться за сие дело.

А в последующий за сим день рождения моего и приступил действительно к сей работе, которую, как ни была она для меня трудна и велика и как дух мой в тогдашнее время ни был то и дело смущаем и обезпокоиван слухами о размножающемся час от часу более везде и везде моровом поветрии, но в течение двух недель совершенно кончил и, переписав набело, отправил по почте в Петербург в Общество.

Но труд сей был совсем тщетный и я не получил за него не только никакого вознаграждения, но ниже благодарности, и не имел даже удовольствия видеть его напечатанным; да и не знаю совершенно и поныне, что с сочинением моим воспоследовало.

С сего времени и по самый день моих именин просидели мы, от страха окружающей нас со всех сторон чумы, дома и никуда не ездили. И вся достопамятность, случившаяся в течение сего времени, была та, что меньшой мой двоюродный брат *Гаврила Матвеевич*, не столько служивший, как более только слонявшийся в гвардейской службе, получив прапорщичий чин, приехал в отставку и с сего времени стал уже жить всегда в деревне.

Едучи из Петербурга, объехал он Москву в дальнем разстоянии, без того настращал бы и он нас своим приездом.

Все наши разъезды сделались около сего времени уже очень опасными, ибо везде легко можно было повстречаться с какими-нибудь зачумевшими людьми или наехать на дороге что-нибудь с умыслу брошенное и лежащее от людей зачумленных и опасных; ибо в черный народ внедрилось тогда самое адское суеверие и предразсудок пагубный: что если хотят, чтоб чума где пресеклась, то надобно что-нибудь зачумленное кинуть на дороге, и тогда если кто поднимет и принесет домой, то там и сделается вновь чума, а в прежнем месте пресечется.

А сие действительно многие и делали и нам самим: неоднократно случалось наезжать лежащую на дороге либо шапку, либо шляпу, либо иныя какия вещи из одежды, но от которых мы, как от огня, уже бежали и всегда объезжать их старались.

Но сколь ни опасно было в сие время разъезжать, но я столько любим был и уважаем моими родными, друзьями и соседями, что ко дню моих

именин, несмотря на всю опасность, съехались ко мне-таки довольно гостей, и я день сей, против чаяния, провел с милыми и любезными людьми в удовольствии совершенном.

Был у меня почтенный старичок, дед жены моей, была тетка ея с детьми своими, был друг мой г. *Полонский* с женою, был родственник мой Дмитрий Максимович *Бакеев*, был г. *Ладыженский* с женою, был г. *Руднев* и, наконец, наши деревенские соседи.

Угощение сие было тем для меня приятнейшим, что я не знал и въявь всем говорил, что не в последний ли раз их угощаю, и велит ли Бог кому дожить до сего дня в будущий год... Гости мои не только пробыли у меня до самаго вечера, но все и ночевали, а некоторые не прежде, как на третий день, после обеда, от нас разъехались.

Таким образом пошел мне 34-й год от моего рождения, о котором я всего меньше тогда знал, проживу ли весь оный и не похитит ли меня чума наряду с прочими.

Мы остались тогда по разъезде гостей в совершенном страхе и отчаянии, ибо услышали, что и, кроме вышеупомянутых селений оказалась чума и в других местах. Нам сказали, что зачумело уже и Тешилово, Шепилово, Коптево, другая Городня, Карцово, Шебачеево и некоторыя другия, также очень близкия к нам селения.

О Злобине же сделалось известно, что и кроме умершей княжой племянницы, померли и все женщины, ходившия за нею и многие другие люди, и что жители сего селения всех зачумевших согнали в избу, в некотором отдалении от деревни, подле мельницы находившуюся, и там всех их для умирания заперли и что старичишка, негодяй поп наш, хоронил при церкви и там умиравших.

Все сие продолжалось до тех пор, пока все они перемерли, и как здоровые жители были так благоразумны, что помянутую избу потом сожгли со всем оставшим после умерших платьем, то тем самым и избавились от смерти и чума в селении их не распространилась далее.

О достальной половине сего месяца замечу я только то, что мы всю ее провели в величайшем от чумы страхе и опасении и никуда почти не ездили, кроме того, что съездили однажды в Калединку и там, у тетки, в первый раз гостили в ее новых хоромах, поспевших уже к сему времени и построенных по моему плану, и что 28-го числа, у соседа моего, Матвея Никитича, умер сын его *Степан*, мальчик бывший уже по третьему году,

который был в фамилии нашей важнее, нежели мы тогда воображали; да и можно ли было нам воображать, что он был последний в роде сего дома и что с ним пресечется все мужеское поколение онаго, и поместье сие перейдет в чужую и другую фамилию.

И самый ноябрь месяц провели мы таким же почти образом, сидючи наиболее дома и находясь в таком же почти страхе и опасении от чумы, а хотя кое-куда и ездили, но очень редко.

С яблоками своими, которых, как я упоминал, родилось в сей год много, не знал я что делать. О посылке их для продажи в Москву и помыслить было не можно. Если б покупали там и по рублю яблоко, так не можно б было на то отважиться.

А как деньги, а особливо медныя всех прочих вещей были тогда опаснее, то для самого того не отваживались мы никак посылать их и по деревням для продажи. Дома же у нас никто не покупал. Итак, принуждены мы были сберегать их кое-как уже дома, а из слабых испытывали делать сидр, но успех в том имели невеликой.

Впрочем, как месяц сей был осенний и такой, в котором не было уже никаких садовых надворных работ, и принужден я был более сидеть в тепле и искать домашних упражнений: издавна же наилучшим упражнением в сие скучное время было у меня писание и сочинение чего-нибудь, то и в сей год в особливости занимался я в сие время оным и успел написать много кой-чего в течение сего месяца. А именно, разохотившись писать в Экономическое общество, заготовил я для отсылки туда целых три пиесы.

Первая была вообще «О садах и заведении оных», а особливо о посадке дерев. Другое было небольшое, «О истреблении костеря из пшеницы», а третье и знаменитейшее из всех – о новом своем «хмелеводстве», с рисунками, которое вылилось так велико, что я принужден был разорвать его натрое. Кроме того, занимался я продолжением сочинения давно уже начатой второй части «Детской философии», и успел сию часть кончить и начать переписывать.

Всеми сими сочинениями занимался я обыкновенно только в утреннее время, вставая задолго до света и продолжая дело сие до обеда и покуда еще голоден, а после обеда занимался я более чтением исторических, экономических и духовных книг; а по вечерам опять либо писал, либо что-нибудь читывал, а особливо в те дни, когда случалось у нас бывать ста-

ричку, деду жены моей, для котораго наилучшая была у нас забава, когда читывал я ему что-нибудь хорошенькое и полезное.

Кроме сего достопамятно, что и в течение сего месяца, по неотступной и несколько раз повторяемой просьбе господина *Щербинина*, принужден я был принять деревню его Якшино в свое смотрение и в оную, несмотря на всю опасность, ездить выбирать там прикащика и старосту и делать разныя распоряжения.

Наконец, памятен мне сей месяц одним смешным и вкупе крайне досадным происшествием, случившимся в нашей фамилии.

Случилось сие в самую середину сего месяца, как, сидючи однажды под окном своим, увидел я бегущую к себе двором тещу брата моего Михаила Матвеевича, и по прибежании ко мне в кабинет, упавшую к моим ногам и на полу растянувшуюся.

Поразился я таковым явлением и не зная, чтоб это значило, поднимая, спрашивал ее о причине, но она только вопияла: «Помилуй, батюшка, защити бедную меня от зятя. Бестия, прибил моего слугу и меня самую со двора гонит!..»

Удивился я сему случаю и тотчас догадавшись, что всему тому была причиною излишняя рюмка, выпитая моим братцем, а может быть, и самою сею его малорослою тещею, до чего была она также, по подьяческой своей природе, охотница, побежал тотчас к нему и нашел там превеличайшую сумятицу и ссору совершенную, не только братца своего начал всячески тазать и бранить, но и развел их, уведя боярынь к себе в дом и оставив его одного пьяного колобродить.

Наутрие, приходивши опять к нему, до того довел я его своими уговариваниями и даже просьбами, со слезами, о том, чтоб он употреблял менее горячих напитков, что он дал мне в том клятвенное обещание и пришел ко мне просить у тещи и жены своей прощения; что и преподало мне способ к прекращению между ими ссоры и к возстановлению в семействе их опять спокойствия.

Между тем в конце сего месяца обрадованы мы были до безконечности известием, что в Москве поветрие начинало мало-помалу ослабевать и утихало уже приметным образом.

Нашлись также тогда везде списки о умерших в ней, во все летние месяцы, чумою, и по оным погубила она в месяце апреле 744, в мае – 857, в июне – 1099, в июле – 1708, в августе – 7268, в сентябре – 21 401, в октябре

– 17 561. Всего по ноябрь месяц 50 632 человека. А деревень в одном Московском уезде заразилось 216, умалчивая о прочих уездах и провинциях. А сколько народу померло в Москве в ноябре и всего всех везде, было нам неизвестно, а думать надобно, что чума в сей раз похитила у нас около 100 тысяч человек, когда не более.

Начало декабря ознаменовалось двумя особенными, относящимися до меня происшествиями: во-первых, тем, что я крайне обрадован был известием, что в частные смотрители выбран не я, а сосед мой г. *Ладыженский* и г. *Пущин*; ибо, признаться надобно, что я очень боялся, чтоб в хлопотливую и, по тогдашним обстоятельствам, крайне опасную должность не выбрали меня. Во-вторых, что я в один день был до чрезвычайности испуган одним происшествием. Случилось сие в 4-й день месяца декабря.

У соседа моего, господина Ладыженскаго, была в сей день дочь его Варвара именинницею и он звал нас к себе обедать. Как за чумою мы давно уже никуда не ездили и засиделись дома, то, хотя и опасно еще несколько было ехать мимо зачумленной деревни Злобиной, но мы, предприяв оную кругом объехать полями, решились в Сенино съездить.

В Злобине хотя и неслышно было ничего с того времени, как они сожгли избу со всеми зачумелыми вещами у мельницы, однако, как известно было нам, что, тогда было обыкновение там, где была чума, стараться ее скрывать и утаивать, а там, где ее не было, на себя ее склёпывать и прилыгать, дабы тем отогнать посторонних, которые все тогда были опасны и сумнительны, от проезжания чрез деревни, то и не знали мы, и в Злобине за верное пресеклась ли в нем чума или еще продолжалась; а потому и не преминули употребить всех нужных предосторожностей и как сами у себя и у людей, ехавших с нами, все наружные и обнаженные наши члены вытерли уксусом, так и на дорогу взяли с собою уксуса для нюхания. При подъезжании же к Злобину велели взять гораздо далее вправо и объезжать вдали вокруг сию деревню. По счастию, было поле сие тогда под озимями и по положению места объезд сей учинить было можно. Но не успели мы при сем объезде поровняться с деревнею сею, как, глядим, бегут из деревни два мужика и прямо к нам.

Господи! Как мы перетревожились все тогда при приближении оных. Я велел людям кричать и махать руками, чтоб они к нам не приближались, а кучера то и дело понукал ехать скорее, чтоб удалиться от бегущих; но сего учинить мы никак не могли.

Они бежали к нам наперехват и мы не инако заключили, что они хотят нас ругать и браниться, для чего мы по зеленям их ездим, и принялись за нюхание своего уксуса и, стараясь выехать из-под ветра, готовились слушать их брани; но вместо того как стали их самих ругать и бранить, услышав от них, что они были определенные караульщики и для самого того к нам бежали, дабы сказать, чтоб мы и близко к их деревне не подъезжали, а объезжали бы оную далее. «Да разве вы слепы? – кричали мы. – Что мы то и делаем, и зачем вас несла нелегкая к нам? Ступайте-ка и убирайтесь прочь от нас и оставьте нас с покоем!»

Между тем, как люди наши сим образом с ними, не далее как только шагов на десять от нас стоявшими, говорили, сердце у нас у всех было совсем не на своем месте, а так от страха трепетало, что хотело выскочить. Не могу без смеха теперь вспомнить о том, как мы, сидючи тогда в карете, обтирали у себя и лицо и руки уксусом и укрывались всячески в карете, чтоб чума не могла нанесена быть от них на нас ветром.

Но как бы то ни было, но мы проехали, прогостили весь тот день в Сенине и возвратились тем же путем и домой благополучно. Но не успели мы приехать, как вдруг сделалось мне дурно, и так дурно и не по себе, как никогда почти со мною не бывало. После чего вскоре почувствовал я в себе ознобь, а потом ужасный жар.

Неожидаемость сия впрах меня напугала, ибо, как известно было нам что и с заражающимися чумою сначала такие же происшествия бывают, то что иное оставалось тогда заключать, как не то, что, конечно, и ко мне чума от помянутых мужиков каким-нибудь образом прильнула; и как я в том почти уже и не сомневался, то посудите, каково мне тогда было.

Одна мысль о том поражала меня неописанным образом! Словом, я впал в такое смущение духа и дружное изнеможение телесное, что не в силах был иттить за стол ужинать; а как спать стали ложиться, то без дальних околичностей жене своей сказал, чтоб она в сей день со мною не ложилась, но оставила меня одного, ибо еще неизвестно, чем болезнь моя откроется и не чума ли еще самая. Итак, в сем случае мне не хочется, чтоб и они от меня заразились.

Что было тогда ей делать? Она хотя говорила, что тому статься не можно, чтоб я зачумел, и что я напрасно сие думаю; однако я настоял, чтоб она для всякаго случая и из одной предосторожности оставила меня одного.

И она принуждена была сие сделать. А я ну-ка приниматься за свое обыкновенное в таких случаях лекарство, ну-ка принуждать себя то и дело к чиханию и сим в немногия минуты так жар в себе уменьшил, что мог уже спокойно заснуть; а наутрие, кроме оставшейся слабости в членах и сделавшагося, может быть, от повреждения желудка, превеликаго поноса, совсем опять по-прежнему здоров сделался, что успокоило дух во мне и во всех моих родных, не менее моего сим случаем перестрашенных.

Таким образом удостоверившись, что то была не чума, и слыша притом со всех сторон уверения, что в Злобине давно уже нет никаких больных, да и во всех окрестностях наших чума утихла и пресеклась, могли мы отважиться наступающий в самое сие время наш годовой праздник праздновать по прежнему обыкновению.

Мы осмелились быть у обедни уже в своей церкви и, как во всех наших трех домах много было приезжих родных и приятелей и мы из дома в дом со всеми гостьми переезжали и взаимно всех угощать старались, то и пропраздновали мы несколько дней сряду и проведя оные, а особливо вечера, в разных играх очень весело.

Причем некотораго замечания достойно, что я в самое сие время изобрел простое и самое удобное средство, никому еще до того не известное, к составлению так называемаго картезианскаго чертенка из воска, которым физическим экспериментом в последующее время я так много веселился, а иногда употреблял его в пользу, и что сама фигурка подала нам тогда повод к особливому смеху.

Случилось сие утром одного из тогдашних праздничных дней, при случае пришедших ко мне на поклон нескольких человек из духовенства от нашей церкви и других соседственных. Были в числе их и попы, и дьяконы, и дьячки, были люди умные, были и со всякою всячинкою. Как все они, дожидаясь угощения водкою, у меня сидели, то приди мне охота порезвиться и удивить их своею нововыдуманною фигуркою. Итак, важным и не шуточным тоном говорю я им:

– А со мною, отцы святые, какая случилась диковинка. На сих днях ловили у меня в прудах подо льдом рыб к празднику, и как вытащили невод, то увидели между рыбою нечто чернеющееся и ворочающееся. Они почли сперва водяным тараканом, но скоро увидя, что был то совсем не таракан, а некая чудная, необыкновенная и удивительная вещица, имеющая точное подобие маленького черного человечка, или паче чертенка, с страшными

глазами и превеликими горбами спереди и сзади, все мы удивились и не знали, что это такое и что с ним делать. Наконец, решился я посадить его скорей опять в воду в ведро, а из него в стеклянную банку, наполненную водою, и, чтоб не ушел, завязал сверху накрепко пузырем. Он и теперь у меня цел и жив и поглядите какой!

Сказав сие, пошел я в свой кабинет, вынул банку мою с фигуркою и, показав ее всем им, с крайним любопытством на нее смотрящим, спросил:

– Ну, видите?

– Видим! Видим! – ответствовали. – Живой, истинно, с ногами и движется!

Тогда, восхотев их еще более удивить, сказал я:

– Да посмотрите-ка, какой еще послушливый, что прикажешь, то и делает!

После сего начал я будто фигурке говорить и приказывать:

– Ну, чертенок, ступай книзу... ниже... ниже... на самое дно... стань на колени... ну, стой так... ну, пошел опять кверху... ну, остановись на середине... ну, далее кверху... ну, опять вниз!

Как фигурка все то и делала, что я говорил, то зрители мои смотрели на все сие, разинувши рот, и не знали, что им обо всем том думать, а только твердили:

– Господи помилуй!

А были из них некоторые такие, которые, как мне после сами сознавались, сочли его действительно чертенком и читали «Да воскреснет Бог» и прочие молитвы, кои почитали они удобными к поруганию бесов, и дивились, что он нимало их заклинаний не боялся. А то, что происходило все сие от единаго только неприметного давления моего ладонью пузыря, которым горло банки было завязано, никому из них и в мысль не приходило. Я не мог довольно нахохотаться тогдашнему их изумлению, но не менее удивлял и увеселял фигуркою сею и других многих.

Вскоре засим надобно мне было съездить самому в город Алексин, где в сей год производился набор рекрутской, ибо в Москве и в Туле, за чумою, дела сего производить было не можно. Итак все мы отдавали рекрутов своих в Алексине, которой городок от самого того и начал поправляться.

В сию езду имел я случай многих из алексинских дворян видеть, а с некоторыми из них и познакомиться. В особливости же доволен я был, спознакомившись с одним алексинским старичком дворянином, с которым мне уже давно спознакомиться хотелось. Был то г. *Змеев*, Александр Аврамович, принадлежавший к числу хотя оригинальных, но таких людей, которые славились умом и ученостью. Словом, он почитался тогда умнейшим, любопытнейшим и ученейшим человеком, хотя все сие было и весьма в тесных пределах.

Но как бы то ни было, но он был мне чрезвычайно рад, когда я нарочно к нему заехал, и как он, имел случай читать некоторыя мои сочинения, сам вожделел давно со мною познакомиться, то, сдружась с ним в один миг, и не могли мы с ним довольно наговориться, и те сутки, которые пробыл я у него, были для меня очень веселы.

Он был также охотник писать и вел всему, происходившему с ним, домашний исторический журнал, хотя далеко не такой обстоятельной, какой был у меня в тогдашнее время; но он и летами был меня гораздо старее и притом и здоровьем уже слаб.

К празднику Рожества Христова хотя и хотелось мне возвратиться домой, но никак было не можно, а принужден был провесть его и первые дни Святок в Калединке и в разъездах по гостям и местам тамошним, а в Дворянниново свое не прежде возвратился, как пред наступлением новаго года.

Тут, приехавши, нашел я опять присланный ко мне из Петербурга пакет с книгою из Экономическаго общества. Это была уже XVII часть «Трудов» онаго, в которой напечатана была мне похвала и первое отделение сочинения моего о разделении полей.

Сие меня опять сколько-нибудь порадовало, хотя к таковым, ничего не значущим благоволениям я уже и попривык и они много уже потеряли цены своей. Однако все мне было непротивно, что меня Общество не забывает и я прихожу у него час от часу в множайшее уважение.

Последние дни сего года провели мы весело, в безпрерывных почти сообществах с своими ближними соседями и занимаясь с ними в обыкновенных наших сельских увеселениях.

Сим образом провели мы, по многим отношениям, достопамятнейший на свете и незабвенный 1771-й год и благодарили Бога, что, по благо-

дати Его, остались живы и здоровы и не претерпели даже никакого вреда и убытка.

Сим окончу я мое письмо и в заключение скажу, что я есмь ваш и прочая.

(Декабря 30-го, 1807).

1772 ГОД

Письмо 153-е

Любезный приятель!

Предпринимая теперь описывать происшествия, случившияся со мною в течение 1772-го года, начну сообщением вам тех чувствований, с какими начал я провожать сей новой год, и разскажу об них самыми теми словами, какими записал я их тогда в журнале сего года. Они были следующия:

«Чтоб записать, в каком состоянии были мы при начале сего года, то скажу, что, по благости всемогущаго Творца, был я со всею своею семьею совершенно здоров и всем доволен. В благополучии, которым я, живучи в деревне, столь многие годы наслаждаюсь, не претерпел я в минувшем году никакой перемены. От самой наиужасной опасности, в которой находились мы по случаю бывшаго морового поветрия, всемогущая Десница сохранила нас со всеми нашими людьми целыми и невредимыми, а впрочем, не знаю, чего б мне недоставало.

Здоров я был во весь год, платья имел с ношу, а хлеба с душу, люди добрые знали; а что всего лучше, то не имел я ни с кем ссоры и вражды, не нажил ни одного себе неприятеля. Приятелей же и знакомых число приумножилось. Все, знающие меня, любили и, по милости Создателя моего ко мне, носил я повсюду имя добраго человека. Итак, чего хотеть мне было более? Умалчивая о том, что, по сочинениям моим, имя мое и во всем государстве делалось час от часу знакомее и, ежели осмелюсь сказать, славнее.

В сих утешительных помышлениях начиная и сей год, предаю себя совершенно во власть моего Господа и не забочусь о том, что со мною в

наступающий год воспоследует. Он пускай управляет всем и будет распоряжателем моих дел, обстоятельств и приключений.

Дети мои час от часу поднимались. Дочь *Елизавета* у меня уже все порядочно говорила и был такой ребенок, которым были мы очень довольны, потому что был ребенок смирной, послушной и понятливостию своею подающий о себе хорошую надежду.

Сын *Степан* научился также говорить, хотя еще несовершенно; сей рос как-то тих, угрюм и невесел. Напротив того, маленькой *Павел* с самаго младенчества был весел и резов, и хотя ему нет еще года, но им мы веселимся. Но все они состоят в руце Господней, Он и твори с ними, что Ему угодно».

Вот с какими мыслями и в каком расположении духа начал я провождать сей год, и по самой первой день онаго имел удовольствие, чрез присланных от племянниц моих, из Кашина людей, что и они там все от чумы спаслись благополучно.

Впрочем, достопамятно было нам начало сего года и тем, что к нам в первой еще раз пришел превеликой обоз с наилучшим хлебом из нашей шадской деревни. Но мы находились в превеликом недоумении, не зная что с ним делать, ибо чума в Москве, где надлежало его продавать, хотя и утихла, но все посылать туда обоз было опасно.

Но, как бы то ни было, но мы наконец решились пуститься на Божью волю и отважились послать оной в Москву; но как обозные возвратились и привезли к нам кучу медных денег, то каких и каких предосторожностей ни употребляли мы с оными!

Истинно, с целой воз сожгли мы можжевельника, окуривая и перекуривая всех мужиков и людей, ездивших с оным, а деньги, ну-ка их мыть сперва в воде, а потом в уксусе; но, по счастию, не произошло уже от них никакого бедствия.

Впрочем, во весь первый месяц сего года не произошло ничего особливаго. Мы провели его по-прежнему отчасти в разных разъездах по гостям и угащивании оных у себя, а отчасти в домашних упражнениях.

Я занимался во весь оной рисованием особого рода. Мне восхотелось обить всю столовую или паче жилую свою комнату холстинными рисованными обоями и раскрасить оныя новым манером, по самому тонкому левкасу, жидкими и на большую часть прозрачными красками, и имел в

том успех довольной. Обои сии и поныне еще целы и самыя те, коими обита внутренность храма нагорного в саду.

Занимаясь сим веселым и для меня и в особливости приятным упражнением в дневные часы, не давал я и ночным пролетать праздно; но как были тогда самые длинные вечера, то во все оные, равно как и в ранние утренние часы занимался я продолжением сочиняемой мною «Детской философии» и писал в сие время третью часть оной, а вторую переписывал.

Кроме сего, написал еще и экономическое сочинение «О навозе» для отсылки в Общество. Далее произошло около сего времени из небытия в бытие начало того моего сочинения, которое из всех моих можно почесть наиважнейшим и полезнейшим, а именно той книги, которая после напечатана под заглавием «Путеводитель к истинному счастию».

В разсуждении сей книги особливаго замечания достойно то, что произошла она на свет совсем нечаянным и ненарочным почти образом: не делано было мною к тому никаких предварительных приуготовлений и планов; не сочинено никаких эскизов; не помышляемо собственно нимало о том, какою ей и сколь великою быть. Но мне так в один день и не нарочно вздумалось написать что-нибудь о счастии, – я сел и намахал первое и начальное разсуждение.

Оно мне понравилось; а как на ту пору случилось приехать к нам и у нас несколько дней пробыть деду жены моей, *Аврааму Семеновичу*, то, как теперь помню, одним утром сидючи с ним в своем кабинете, читал я ему сие сочиненьице, желая видеть, каково оно ему покажется. И как оное и ему полюбилось, то сие и побудило меня проложить сие дело и изображать на бумаге дальнейшие мои мысли о сем предмете. Однако и тогда еще никак я себе не воображал, чтоб от сего малаго и ничего не значущаго начала произошла такая большая книга, и чтоб от сего семечка, посеянного без дальняго замысла и почти не нарочно, произросло со временем большое и прекрасное дерево, приносящее весьма многие и полезные плоды.

А таковыя, ненарочныя и без всякого предварительного обдумывания и приуготовления предпринимаемыя дела, сколько мне заметить случилось, и всегда удавались мне несравненно лучше и были успешнее тех, которыя предпринимал я по сделанному наперед плану и по обдуманным прожектам, из коих большая часть оставались без всякаго выполнения; и сие было нечто особливое и необыкновенное в разсуждении меня и дел, мною производимых.

Месяц февраль достопамятен был только тем, что мы проводили любезнаго нашего старичка *Авраама Семеновича*, деда жены моей, отъезжающего опять восвояси.

Все мы как ни уговаривали его остаться и кончить дни свои в наших пределах, посреди ближних, прямо любящих и почитающих его родных, и как ни представляли ему, что здесь и спокойнее, и беззаботнее, и приятнее будет ему проживать поздния сумерки дней своих, но он никак на то не согласился; но, привыкнув к житью в своих низовых местах, восхотел неотменно опять туда ехать и там кончить свои дни, преисполненные безчисленными горестями и печалями.

Итак, 29-го числа сего месяца распрощались мы с сим любезным, добрым и почтенным старичком. И как все мы нимало в том не сомневались, что мы его более никогда уже не увидим и тогда в последний раз с ним говорили, то сцена, бывшая при нашем с ним прощании, была прямо жалкая и такая, которую я описать никак не могу. Никого из всех нас, его родных, не было, кто не обливался бы слезами. Я сам, как ни крепок в таких случаях, но не мог никак унять слез, текущих из глаз моих.

А март месяц соделался только тем несколько достопамятен, что в начале онаго, а именно 4-го числа, родилась у брата моего, Михаила Матвеевича, та дочь его *Александра*, которая осталась в живых для играния роли своей на театре света, но которая игра не принесла ни ей, ни родным ея ни малейшей чести и не один раз подавала повод сожалеть о том, что она и существует в свете; но, по счастию, помрачилась ею фамилия не наша, а *Бегичевых*.

Что касается до меня, то я в последние зимние дни кончил третью часть экономических моих записок, собранных и переплетенных под заглавием «Плоды празднаго времени», но которые сею частью тогда и кончились.

Начало наступившей в конце марта месяца у нас весны ознаменовали мы разделом между собою нашего *Удерева*. Ближний сей и подле самой деревни нашей находившийся лесок, по разным обстоятельствам, не совсем еще разделен и нужно было еще разделить в нем некоторыя места.

И как мне за свою часть хотелось приняться и всю ее почистить и оправить, то и убедил я соседей своих в окончательному его разделению; что и произвели мы 30-го числа сего месяца; и я, кончив оной и сочинив план, и принялся за свою часть так прилежно, что препроводили там несколько

дней безвыходно, со всеми своими дворовыми людьми, и надеялся произвесть тем себе неведомо сколько пользы; но последствие времени доказано, что не все то совершается, что мы себе иногда наверное воображаем и нередко происходит противное ожиданиям нашим.

Пасха была у нас в сей год в половине апреля, и оная достопамятна сделалась досадою и неудовольствием, которое я имел в первый самый день сих праздников на меньшого своего двоюроднаго брата *Гаврилу Матвеевича*, разсердившаго меня на себя чувствительным образом.

В сем молодом человеке, на котораго сначала я всех более надеялся, ибо он казался сколько-нибудь поумнее прочих, к особливому сожалению моему, характер открывался час от часу худший, – и чем более он возрастал, тем становился дурнейшим.

Будучи с самаго малолетства воспитан с великим небрежением и очень худо, и привыкнув смаленьку допивать остатки из рюмочек, наследовал он от отца своего все дурное в нем бывшее, а из хороших его свойств ничего. А как и гвардия, в которой он служил, нимало его не поправила, а испортила еще более, то не успел он начать приходить в лета, как и оказались в нем свойства завистливаго, своенравнаго, вздорнаго, вспыльчиваго, упрямаго, лукаваго, ненавистнаго, корыстолюбиваго, враждебнаго и такого человека, с которым трудно было ладить.

Покуда, он был молод, до тех пор имел он ко мне должное почтение и уважение, и я им был доволен, и он следовал во всем моим советам. Но как сие людям его, находящим в том свои интересы, когда господа между собою ссорятся, было неприятно, а они охотнее хотели видеть его самовластным и ни от кого ни в чем не зависимым, дабы самим им управлять им было можно, то не успел он подняться на ноги, как и начали они малопомалу его к тому приготовлять и всякими бездельническими выдумками и клеветами впивать в него на меня злобу; и вскоре действительно до того довели, что он со мною разсорился.

Я, не зная всего, а примечая только за несколько времени некоторую отмену в поведении сего молодого человека против меня, дивился только тому и, ведая, что я не подал и не подавал в досаде на себя ни малейшей причины, не понимал, за что бы он, по-видимому, на меня дулся; но в помянутой праздник доказал он всем себя прямо.

Случилось сие при разговоре о пастухах и дело стало на них. Ему по заведенной давно уже очереди следовало в сей год становить опять сво-

их пастухов; но он вдруг и несправедливейшим образом запировал, и не только не хотел ставить оных, но будучи всех нас моложе и прямо еще молокососом, вздумал всеми нами играть, над нами насмехаться, нас нимало не уважать, а становить самого себя из всех первым и все сие сопрягать с невежливостью и такою грубостью, какой все мы от него нимало не ожидали.

Не могу изобразить, как мне все сие было досадно, а особенно, когда из нескольких слов, проговоренных им в неистовстве, я мог заключить, что я кем-то ему был оклеветован и ему то обо мне внушено, чего у меня никогда и на уме не было.

Словом, я так был им в сей день раздражен, что не хотел впредь с ним, как с негодным и неблагодарственным человеком, иметь никакого дела, а презревши, оставить его собственному произволу, хотя то было мне очень больно.

Но, по счастью, ссоришка сия продлилась недолго, но на той же неделе кончилась. Не успела сойтить с него дурь, как увидел он, что поступил против меня и против всех крайне дурно и глупо, и начал сам уже к нам забегать и стараться опять с нами поладить; на что мы хотя тотчас и согласились, но худое мнение, вперенное (в) нас о себе, не мог уже он истребить из нас до самаго конца своей жизни.

Не успела вскрыться весна и настать май месяц, как принялся я за снимание на план нашего Шаховскаго леса, которым положили мы учинить начало нашему разделению лесов. И как нужно было с согласия всех назначить лесу сему границы, то сотовариществовал мне в сем деле сосед мой Матвей Никитич, как имеющий величайшее в нем соучастие; а в последующий за сим июнь месяц мы лес сей и разделили.

О котором разделе замечу я только то, что хотя бы мне за труды и хлопоты мои и можно б было требовать того преимущества, чтоб взять на свою часть где мне лучше разсудится; но я того никак не сделал, но, сняв лес на план и разбив его с одного назначеннаго в средине пункта в треугольники и вычислив все оные аккуратнейшим образом и назначив одно место, с котораго бы начать делить, предложил, чтоб всем нам кинуть жребий и чтоб назначил нам оной, кому из нас намеривать первую, следующую ему по препорции четвертной его дачи часть, кому подле его другому, кому третьему и так далее, дабы дело сие было самое безгрешное и никто не мог иметь на другого ни малейшаго неудовольствия.

А сие мы и учинили действительно. И как первый жребий выскочил мой, то я первый сам себе, несмотря, что было то в самом худшем месте, и намерил, а после отрезал при всех и в натуре, которой раздел между нами существует и доныне.

Кроме сего, услужил я в сию весну брату Михаилу Матвеевичу разбитием ему его нижняго нагорнаго сада пред хоромами, которой он в ту же весну по назначенным мною чертам и засадил.

Впрочем, в конце мая удивлены мы были полученным из шадской нашей деревни, чрез нарочнаго ходока, известием, что г. *Пашков* хочет межеваться и отхватить себе всю тамошнюю степь, называя ее своею. Сие впервые мы тогда еще услышали и не понимали, по какому праву он присвоивал себе такое великое пространство дикой казенной земли.

Месяц июнь ознаменовался, кроме того, новым знакомством, сведенным с господином *Темешовым*, Алексеем Ионовичем. Он был тогда еще малой молодой и холостой, и ему с братом досталось по родству каким-то образом соседственная и самая ближняя ко мне деревня Котово во владение. И как он тут в сию весну жил, то сей случай и познакомил нас с ним и я его ласкою и приязнью к себе был очень доволен.

В конце же сего месяца ездил я в одни дальния гости. Теща моя имела одного недальнаго родственника, живущаго в Коломенском уезде и далеко за Серпуховым. И как ей хотелось его видеть, а и мне с ним познакомиться, то и согласились мы туда вместе с нею и Иваном Афанасьевичем *Арцыбашевым* съездить.

Итак, побывав в Серпухове и у сего последняго в Воскресенках, и ездили мы в деревню к помянутому знаменитому нашему родственнику по имени Николаю Леонтьевичу *Воронину* и были ласкою и угощением его очень довольны. Мы взяли у него и самой праздник Петров день, и он так мне всем своим поведением и качествами полюбился, что я сожалел, что жил он от нас так далеко и что не можно было с ним видеться часто.

В половине июля, по долговременном ожидании, встревожены мы были, наконец, повесткою от межевщика, чтоб приезжать к нему для миротворения с волостными.

Он стоял в сие время в селе Яковлеве, которое было от нас хотя не близко, но мы не преминули к нему с соседями ехать. Однако в сей раз езда наша была еще тщетная. Дела никакого не было и мы возвратились с тем же, с чем поехали.

Кроме сего, ничего в течение сего месяца не происходило. Я провел его в разных домашних делах и упражнениях, из коих достопамятнейшим было нарисование портрета *Петра Великаго*, с Минервою, корпусными красками, украшающаго и поныне мои стены, и сделание на горе, пониже плотины сажелочной, колокольной водяной игры, собственнаго своего и довольно замысловатого изобретения, которая нас несколько лет веселила. А, наконец, занимался я несколько дней сниманием на план лугов наших для предпринимаемого раздела оных.

Напротив того, месяц август ознаменовался уже кой-какими особенными происшествиями, из которых первое было то, что сосед мой Матвей Никитич обрадован был получением прапорщичьяго чина. Известие о том получил он, будучи у меня, и в самое то время, когда увеселял я его вовсю своею колокольною игрою и пальбою из маленьких, приделанных к ней, пушечек. А на другой день происходила в доме у меня помолвка соседа и новаго знакомца моего, господина *Темешова*.

Сей молодой человек сватался тогда на одной дворянской, живущей в Каширском уезде девушке, госпоже *Срезневой*; и с обеих сторон условленось было, чтоб съехаться им ко мне в дом и посмотреть друг друга, и потом помолвить.

Итак, 3-го числа августа госпожа Срезнева и приехала к нам с своею дочерью, сыном и двоюродным своим братом Андреем Ивановичем *Щепотевым*.

Мне они хотя и не были до того времени знакомы, но я с удовольствием их принял и дал тотчас знать о том г. *Темешову*, который и не преминул тотчас приехать ко мне с дядею своим князь Петром Ивановичем *Горчаковым*.

Они, посидев, посмотрев и поговорив несколько между собою, поручили мне коммиссию, спросить в другой комнате невестину мать о ея мнении.

Я нашел госпожу *Срезневу* в превеликом замешательстве, недоумении и нерешимости. Жених как-то ей и всем им не совсем нравился, и она долго не знала что делать. Наконец, по увещанию г. Щепотева, положилась она на власть Божию и велела мне сказать, чтоб они начинали, по обыкновению, говорить о своем желании.

Но что ж произошло! Между тем как я пошел к ним и все мы начали между собою втайне, и также в другой комнате, говорить о том как быть

сей церемонии, взбунтовался сын госпожи Срезневой и стал делать матери противоречия. Меня вызвали тогда в лакейскую с извещением о том, и я, побежав к ним, нашел всех, бывших с невестиной стороны, в превеликом безпорядке, разстройке и несогласии. Досадуя на сие, принужден я был вмешаться в их разговор, и часа через два насилу уговорил их, чтобы приступить к делу.

Итак, под вечер уже началось у нас дело. Князь *Горчаков* начал говорить г. *Щепотеву*, а тот г-же *Срезневой*, и началось дело и воспоследовала так называемая помолвка и обыкновенныя поздравления, а потом переговоры о том, когда быть формальному сговору и свадьбе. Все сие продлилось очень долго, но было как-то все не очень ладно и согласно.

Наконец, по назначении, чтоб сговору быть чрез три недели, после того разъехались мои гости: жених поехал в Котово, а г-жа Срезнева с своими так же домой, ибо, как я ни унимал остаться у себя ночевать, но она не согласилась.

Но не успел я их проводить и выттить прогуляться в сад, как гляжу, бежит ко мне человек Настасьи Григорьевны *Срезневой*, вернувшийся с дороги, с просьбою от ней ко мне, чтоб я попросил г. *Темешова* приехать к ней чрез день после того со мною, и не отъезжал бы по намерению своему в путь. «Хорошо, мой друг! – сказал я. – Я пошлю сей же час к Алексею Ивановичу с письмецом о том».

Но как сей на мою цидулку отписал, что ему никак учинить того не можно, а он согласен не в воскресенье, а наутрие со мною к ней съездить, то за необходимое я почел поутру, на другой день, ранехонько, с предварительным известием о том отправить нарочнаго. Но что ж воспоследовало?

Не успел последующий день настать и сосед мой ко мне приехать, как и полетели мы с ним в деревню г-жи *Срезневой*, которая была от нас-таки неблизко; и как удивились мы, как подъезжая к ее дому, увидели карету г-жи Срезневой, едущую к нам навстречу. «Что за диковинка и что это значит?! – говорили мы между собою. – Уже не хотела ли она куда-нибудь дать тягу?» Но как нельзя было ей, увидев нас, не остановиться и вместе с нами не возвратиться в дом, то приняла она нас как надобно. Но как мы, посидев, начали говорить, то услышали неожидаемое и такое, чему мы еще более удивились, а именно: что она срок сговора переменяет и делает его неопределенным, предлагая, что ей необходимо надобно еще съездить

повидаться и посоветовать с какими-то родственниками и что тогда уже она даст знать.

Услышав сие, я тотчас догадался, что это был формальной отказ, а г. Темешов, как был ни прыток, но того не понял; но вздумал сам политическим образом отказывать, а чрез то, против всякаго чаяния, и расплылось все наше дело.

Возвращаясь к себе в дом, проговорили мы с ним во всю дорогу о сем деле и я довел товарища своего до того, что он мне во всем открылся и наговорил о себе столько, что я ажно содрогался.

Узнав, что был он человек совсем особаго и такого рода, с которым связываться ни одному человеку не можно, а потому я почитал г-жу Срезневу счастливою, что она не попала за сего человека, ибо девушка сия была очень хорошая, и он по характеру своему казался совсем не стоящий такой невесты.

Вскоре после сего получил я из чернской своей деревнишки с нарочным уведомление, что туда приехал межевщик на соседственную к нам дикую казенную землю, и что мне неотменно туда приехать надобно. И обстоятельства были таковы, что я принужден был, бросив все, скакать туда вместе с соседями моими, гг. *Молчановыми*, имевшими в тамошней деревне равное со мною во владении соучастие.

Итак, согласившись ехать вместе 12-го августа, отправились мы в сей путь, и не успели нескольких десятков верст отъехать, как в тот же еще день случилось с нами одно смешное, особое и такое происшествие, которое достойно некотораго замечания. Оно было следующее.

Подъезжая к Тулице, встретилось с нами несколько телег, набитых пьяными мужиками, похожими на бурлаков. Они орали песни во все горло, кричали и скакали, сколько было у лошадей силы, и мимо нас проехали.

Мы, сидючи с г. *Молчановым* в одной коляске, подивились еще и не понимали, какие бы это люди были: не то купцы, не то мужики, не то разбойники. Все были велички и толстяки, все в кожанах, в красных рубахах и все с виду как бурлаки.

Я, смотря на них, и подумал еще: «Ахти, уже не воры ли это какие?» Однако как не до нас было дело, то, повстречавшись с ними, и проехали мы мимо и продолжали путь свой.

Но не успели мы, проехав Тулицу, миновать стоявшую тут тогда заставу, как увидели бегущаго за нами с заставы солдата и кричащаго, чтоб мы остановились.

Удивились мы сему и хотя не знали, чтоб это значило, но велели остановиться и его подождать. Солдат, добежав, просил нас именем поручика, чтоб мы немного погодили, говоря, что какой-то купец ехал и обронил деньги, а другой какой-то человек ехал верхом и оныя деньги поднял и отдал нашим людям.

Странно нам сие показалось и тем паче, что мы, едучи впереди, ничего того не видали и, не понимая, что б это значило, спрашивали у людей; но они говорили, что ничего этого не знают. Однако согласились мы обождать и солдат побежал назад.

Между тем приставал я к своим людям и принуждал сказать, не было ли в самом деле какого происшествия? И, к удивлению своему, скоро открылось, что в самом деле было, а именно: что за нами случилось ехать человеку, знакомому нашим людям и неподалеку от того места живущаго дворянина, г. *Хвощинскаго*, человеку, которой, подняв оброненныя купцом деньги, кинул нашим людям по знакомству, и они их приняли и спрятали, и у одного из них были они в кармане. Я велел их себе показать и увидел кожаной кошелек, набитой серебряными деньгами, которых, по-видимому, было рублей до пятидесяти.

Тогда начали мы советовать, что с ними делать? – Людцы наши все единогласно говорили, что нам не для чего ждать, а должно ехать. Г. *Молчанов* был того же мнения и принуждал деньги схоронить под хомут, завернув во что-нибудь. Но мне одному казалось это дело безчестным и подлым, и что долг христианский повелевает возвратить сии деньги хозяину; почему и стал я в том так твердо, что все, сколько ни говорили, но не могли меня в том переспорить.

Между тем увидели мы идущую к нам целую толпу народа. Был то поручик и превеликое множество народа, окружающаго того верхового человека, которой, по отдачи нашим денег, нарочно от нас отстал.

Вопль, крик и превеликой шум слышан был уже издалека, и вся эта шайка шла на нас; а человек г. *Хвощинскаго*, притворясь, будто совсем нас не знает, кричал уже издалека: «Милостивые господа! Вот пристают ко мне, не знаю, не ведаю из чего. Говорят, будто бы я поднял сколько-то де-

нег и отдал вашим людям, а я не знаю ничего, не ведаю, ни вас, ни людей ваших не знаю и никаких денег не поднимал и не отдавал».

На сие, понимая, что это значит, ответствовал я молчанием, покуда пришел поручик. Сей, приступив тотчас к нам и разсказав все слышанное, стал учтивым образом просить нас, чтобы мы это дело изследовали.

И тогда обступило нас множество народа, ибо обронили деньги самые те бурлаки и люди, о которых упоминал я выше и которые, побросав свои телеги, вернулись верхами и, валяясь в ногах, то *Молчанова*, то меня просили оказать им милость.

Я, опасаясь, чтоб не произошло какого худого следствия, не открывая им, что мне все дело уже известно, говорил человеку *Хвощинского*, чтоб он признался, буде поднял и сказал бы, которому из людей наших он их отдал. Но как он твердо в том стоял, что не поднимал, а те бедняки не могли именно показать, которому из людей наших он отдал, а обыскивать нас было не можно, то легко могли б деньги сии пропасть, если б я захотел; но то-то было и дело, что мне того и чужой грех на душу взять не хотелось.

Долго это продлилось и нельзя было никак не умилосердиться и не сжалиться на их просьбы. С них соскочил тогда и хмель весь. Однако, чтоб отвести от себя подозрение, уговаривал я человека, чтоб сказал правду, и доволен бы был 5-ю рублями, которые дают они ему охотно сами. И насилу-насилу мог его уговорить! Итак, взял он тайком от моего человека деньги и, спросив, сколько их было, и условившись о перейме, отдал их.

Денег по счету оказалось 38 рублей, и они сами ему дали 5 рублей, чем дело сие и кончилось. Люди мои получили от человека один рубль, а он был доволен тем, что ему 4 рубля Бог дал.

Кроме сего, во все путешествие сие ничего с нами не случилось особливаго. Мы доехали до деревни своей благополучно, и как межевщика еще не было, то принялся я тотчас за снятие на план всей нашей тамошней дачи и по исчислению узнав, что в ней было около 125 десятин недостатка, нетерпеливо хотел видеть межевщика, которой, наконец, к нам и приезжал.

Но как он присылан был только для измерения одной, недалеко от нас находящейся казенной земли, а до нас ему дела не было, то, поговорив с ним, другого нам не оставалось, как ехать обратно домой, куда чрез несколько дней и возвратились мы благополучно.

Вскоре после сего происшествия имели мы некоторую неприятность в доме, по случаю тяжких, удивительных и почти ненатуральных болезней

многих людей, и как тому же злу подверглась кормилица меньшого моего сына, то принуждены мы были его от ней отнять. А вскоре засим имели мы неожидаемое удовольствие видеть у себя обеих племянниц моих, *Надежду* и *Анну* Андреевен, приехавших к нам из Кашина для свидания.

В первых числах сентября, по случаю великаго урожая в сей год орехов, пришла мне мысль завесть у себя, за вершиною, на клину регулярной сад, составленной из одного орешника, на тот конец, чтоб тут можно было орехам до тех пор давать вызревать, покуда они сами начали бы вываливаться.

И как я во всех таких случаях бывал очень нетерпелив, то не успел сего вздумать, как захотелось мне затею сию и выполнить. Я тотчас начал все сие место, измерив, разбивать, по тогдашней склонности и охоте к регулярным садам, на разныя косыя и прямыя куртины и назначать, где быть алейкам и дорожкам, коих назначил я превеликое множество. А по учинении сего тотчас и велел все сие место окапывать рвом, чрез что и получил тогда заовражной мой сад первое свое основание.

Но все мое тогдашнее предприятие было неудачно и вышло наконец из сего места совсем иное, нежели я тогда себе воображал.

Я хотя и засадил его в ту же осень сплошным почти орешником, употребив к тому несколько тысяч кустов, но как кустарник сей очень неприимчив, а я пожалел его весь по корень срезать, то он весь почти у меня на другой же год засох и не уцелело из них и 100 кустов; почему место сие было опять предано на многие годы запустению и заросло березами и всякою дрянью, покуда, наконец, многие годы спустя, принявшись опять за оное, мало-помалу основал я тут плодовитой сад, оставив некоторыя части в натуральной дикости, в каком состоянии находится он и поныне; и из посаженных тогда ореховых кустов не осталось и нескольких десятков, а место их заступили яблони и вишни, полюбившие отменно сие место. Со всем тем все оное и поныне еще не доведено до желаемаго совершенства

Племянницы мои прогостили тогда у нас только две недели, и в половине сентября опять от нас поехали и оставили меня в превеликих хлопотах и разстройке мыслей; ибо в самое сие время получил я из шадской своей деревни досаднейшее известие, что межевщик в тамошния места действительно приехал и межевать собирается.

Я хотя не знал, какой бы это был межевщик – казенной ли, или своекоштной, но как всякой был мне важен, в разсуждении покупной моей

там земли и мне необходимо при сем случае быть там было надобно, то поелику и здесь межевыя дела были еще не окончены, а сверх того, и другия многия были нужды и обстоятельства, удерживающия меня дома, то горевал я о том, как быть и не знал что делать.

Но как без езды туда никак обойтиться было не можно и надлежало еще всячески спешить, то желал я, что хотя б поехали со мною туда братья мои и мне бы не так было скучно. Но я должен был и с сей стороны иметь досаду. При предложении о том, один из них напрямки сказал, что у него строение и ему ехать нельзя, а другой хотя было и согласился и дал слово, но умнице жене его не захотелось с ним разстаться. Итак, послушавшись ее, прислал и тот с отказом, несмотря, что обоим им была такая ж нужда, как и мне, ибо у них была также покупная земля.

Итак, и с сей стороны была только одна досада; но как переменить было нечем, то, сняв скорее с садов своих последние яблоки и дав лежебокам соседям моим нужныя наставления, что им, в случае размежевки пустошей на них делать и какия брать предосторожности, и проводив племянниц своих, отъезжавших в самое сие время, в сей вторичной путь в тамбовские пределы 13-го сентября и отправился.

Но как письмо мое уже увеличилось, то дозвольте мне на сем пункте теперь остановиться и описание сего вторичнаго путешествия моего предоставить письму будущему, а между тем сказать вам, что я есмь и прочая.

(Генваря 22-го дня 1808 года).

ВТОРИЧНАЯ ЕЗДА МОЯ В ШАДСК

Письмо 154-е

Любезный приятель!

Обещав в последнем письме моем описать вторичное мое путешествие в шадскую мою деревню, скажу, что сия езда моя далеко не была так достопамятна, как прочия, в разныя времена туда предпринимаемыя; но не только длилась недолго, но и не сопряжена была ни с какими особливыми и важными обстоятельствами и происшествиями.

Со всем тем найдется и в ней что-нибудь занимательное. Я опишу вам ее так, как описывал я ее тогда в письмах к моей теще, сократив только некоторыя места из оных.

«Вы знаете, – писал я к ней по приезде своем в Тулу 14-го сентября, – что я для дурной дороги и грязи отменил ехать прямою дорогою на Корники, а решился ехать чрез Тулу. Итак, в сем городе и пишу я и вам сие, где насилу мог отбиться и отделаться от известных тульских кузнецов, шлесарей и ружейных мастеров.

Не успел истинно, приехав сегодня поутру, выйти из коляски и стать на постоялом дворе, как целая толпа их, равно как дожидавшаяся, окружила меня и всю избу наполнила. У иного набита была пазуха полна всякими безделушками; у другого был целый кулек с ними под мышкою; иной спрашивал, не изволю ли я того, другой – не изволю ли купить другого и так далее. И я не знал, кого слушать и кому отвечать.

В один миг превратилась квартира моя в настоящую лавку. Весь стол и часть лавок укладена уже была разными железными товарами и блестящими безделушками. Инде раскладены были пистолеты, инде кортики, инде разномерные замки, чернильницы, выдвижные безмены, ружейныя марки, ногторезы, ножички и прочий такой вздор. Словом, никогда я такого множества разных мелочей вдруг не видывал, как в сей раз, не поверите ли? Хотя не намерен был ничего купить, но не мог никак от них отделаться. Многия вещи прельстили меня, и я принужден был купить маленький пистолет, перник, чернильницу и замочек и за все заплатил 2 рубля, но насилу-насилу сжил их с своих рук.

Теперь, слава Богу, все они ушли, но не думаю, чтоб они оставили меня с покоем. Верно знаю, что побывают еще несколько человек; однако более меня не обманут: не смотря ничего, буду отказывать.

Теперь разскажу вам о своем вчерашнем путешествии. Распрощавшись с вами и отправившись в путь, имел я первую встречу, не доехав до Ченцова. Немка *Яковлевна*, идущая к нам, завидев меня и узнав, по усердию своему к нашему дому, не могла утерпеть, чтоб со мною не проститься, и перешла даже по воде через реку к нам, чтобы распрощаться.

Езда наша в сей день была благополучна; коляска моя оказалась спокойнейшею, нежели я думал. Таково ажно хорошо и покойно в ней ехать! Один тот только недостаток, что коротенька, а то лучше желать не можно.

Но и этот недостаток был сносный, хотя, правда, не однажды я желал, чтоб ноги мои были на вершок короче, – но так уже и быть!

Другое безпокойство имели мы от преужасной пыли, несомой прямо к нам навстречу. Закрывшись сидеть было душно, а раскрывшись – пыль набивалась в рот и в глаза, и скоро дошло до того, что у меня даже глаза заболели, а о людях наших и говорить уже нечего.

О! Желал бы я, чтобы вы видели вчера, каков был наш *Тимофей*! Истинно не лучше арапа. Так-таки черен от пыли, что одни зубы только белелись. Уже он, бедняк, совался-совался, но нигде не находил лучшаго места. Садился напереди, садился назади, но везде было равно и везде худо.

Впрочем, дорога была нам очень не скучна... Ехала нас изрядная ватага; было четыре повозки и семь человек, кроме нас. Ежеминутно встречалось с нами превеликое множество жнецов и баб, идущих обратно из степей большими ватагами и поющих песни, а по счастию, угомонились несколько и больные мои зубы.

Александр Андреич, мой дорожной товарищ, помогал мне прогонять скуку, и я рад, что его взял с собою, все-таки не таково скучно! Что-нибудь молвишь, и то давай сюда!

В разсуждение его не позабыл я употребить предосторожность, чтоб ему не быть без дела. Для него взял я с собою «Жилблаза» и заставил его дорогою читать вслух. Хотелось мне, чтоб он, прочитав всю сию книгу, научился читать проворнее и лучше и помнить, что читает. Для сего и заставливал я его, прочитавши каждый период, мне материю на коротких словах пересказывать.

Но тут-то не мог довольно надивиться тупости его разума: так туп, так туп, что больше быть не можно. Поверите ли, что не успевал трех строк прочесть, как уже и забывал, что в них содержалось. Я сердечно сожалел о сем непроворстве его разума и помогал ему сколько можно в том, и, может быть, дальнейшее упражнение поможет несколько, и он будет попроворнее.

Сим образом провожая время, приехали мы уже в сумерки ночевать в Сулему. Но думали ли бы вы, чтоб я в сей деревнишке мог препроводить сей вечер в приятной компании с одним гостем, знакомым мне человеком?

Въезжая в деревню, увидели мы стоящую на выезде коляску, и я удивился, что Тимофей мой, подошедши к ней, кланялся, как знакомым лю-

дям. «Кто б такой это был?» – думал я; но скоро узнал, что был то г. *Казаринов*.

Обрадовался я сей встрече и тотчас пошел к нему, а он ко мне. Итак, мы с ним очень долго, и весь вечер просидели и проговорили. Он насказал мне множество новых вестей и на большую часть неприятных. Все носившиеся слухи о разрыве мирного конгресса[1] и о новой войне со шведами были основательны, и он спрашивал меня, есть ли у меня готовые рекруты? Но всего более смутило и потревожило меня то, что в Воронеже едва ли нет еще морового поветрия, а мне в самую ту сторону надобно ехать. Но воля Господня да будет с нами!

Распрощавшись с Казариновым, расположился я спать для опыта в своей коляске и, к удовольствию своему, проспал без дальней нужды и беспокойства. Сегодня встали мы ранехонько и приехали в Тулу вместе почти с солнцем. Теперь завтракаем мы здесь и всем нужным запасаемся».

15-го числа писал я к ней:

«Слава Богу, теперь пишу я к вам из епифановской своей деревни, в которую мы сей только час приехали и где мы кормим лошадей, отдыхаем и запасаемся провизией и фуражом.

Но прежде описания езды своей до сего места, скажу вам, что прежде отъезда из Тулы случилось с нами два происшествия, одно приятное и веселое, а другое крайне досадное. Приятное состояло в том, что против всякаго моего чаяния, посланный на рынок человек притащил с собою пойманнаго беглеца нашего *Степана Лахмыта*.

Удивился я, его увидев, и закричал:

– Что это брат? Отчего ты от нас ушел? И какая тебе была изгона[2]?

– Что, сударь! Котовские сказали мне, что вы хотите отдать меня на поселение, а я, испужавщись того, и ушел и ждал, покуда ушлют поселенных, тогда хотел сам приттить.

Что мне с сим бездельником было делать? Драться не хотелось; другого не оставалось, как, обстригши для безопасности[3], чтоб опять не ушел, взять его с собою.

---

[1] Речь, вероятно, идет о Фокшанском конгрессе летом (1772), где были начаты, но вскоре прерваны переговоры с турками о мире.

[2] Изгона, изгони – обида, насилие.

[3] Это считалось позором; на стриженых и безбородых простой народ смотрел как на отступников от старых обычаев и православия, как неопасных, провинившихся людей.

Как вздумано, так и сделано. Я, достав ножницы, ну его стричь, и голову и бороду, крест-накрест. Но сей бездельник вздумал еще со мною договариваться, чтоб я не брал его с собою в Шадск, что он туда отнюдь не хочет, а рад умереть в Дворянинове; однако было бы смешно, если бы я его послушал.

Что касается до другого и досаднаго происшествия, то состояло оно в неумеренном, безстыдном и безсовестном требовании хозяйки нашей за пребывание в доме ея нескольких часов.

Требование ее было так велико, что она вздурила даже меня, каков я ни терпелив, и я не инако, как с превеликою досадою разстался с нею, заклявшись вперед не становиться на квартиры, не договорившись наперед о заплате за постой.

Но досада сия была не одна в тот день. Ввечеру имел я опять новую: застигла нас ночь в степи и в безводном совсем месте. Сделалось вдруг так темно, что ни зги было не видно и мы принуждены были почти ощупью тащиться и спешить доехать до какой-нибудь деревни, где бы нам ночевать было можно; но никакая не попадалась нам на глаза.

Мы спрашивали у всех, с кем ни встречались, далеко ли село; но сии ровно как сговорились увеличивать мою досаду и сказывали все разное. Один сказывал: верст с 8, а другой, с которым повстречались мы, отъехав еще несколько, сказал, что с 15 верст.

«Тьфу, какая пропасть! – в досаде говорил я. – Чем бы уменьшаться, а вопреки тому все прибавляется!»

И поверите ли, человек 20 мы спрашивали, и ни один не сказал правды.

Наконец, въехали мы в какую-то реку и стали в пень, ибо за темнотою не видно было нигде въезда, и насилу-насилу, наконец, доехали мы до села Каменки и тут ночевали, дав в сей день лошадям своим добрый трезвон, и бедныя принуждены были целых 50 верст бежать без отдыха. А сегодня, продолжая свой путь, опять имели приключение неприятное.

Надобно нам было переезжать одну нарочитой величины реку по мосту, но мост таков был узок, что одно колесо коляски моей хорошенько с него сползло и коляска, повиснув набок, чуть было не полетела совсем в реку.

Не могу изобразить, как настращал меня сей случай. До сего боялся я мостов, а теперь еще больше бояться их буду. Я, не вспомнив сам себя и выскочив без памяти, кричал, чтоб выпрягли скорее лошадей и пере-

таскивали коляску на себе чрез сей проклятый мост, и насилу-насилу мы перебрались через оный».

16-го числа писал я следующее:

«Выкормивши лошадей в епифановской своей деревне и запасшись курицами, овсом и всем нужным, спешили мы ехать далее. В тот же еще день добрались до города Епифани, но и в сей раз не обошлось без досаднаго происшествия.

Зашаталась у нас вдруг одна из коренных лошадей в коляске и чуть было не упала совсем. Мы впрах перепугались и не знали, что делать, и рады неведомо как были, что она, отдохнув несколько минут, поправилась и нас кое-как довезла до Епифани.

В сем степном городке хотелось было мне кое-что купить, но ничего не нашли, а с нуждою отыскали купить несколько меду и чесноку, который нужен нам был для лечения ящура у лошадей наших.

Переночевавши в сем городе, поехали мы из него до света и очень рано. Но не успели выехать, как в темноте ошиблись дорогою и поскакали по Скопинской, и не прежде схватились и ошибку свою узнали, как отъехав уже верст с восемь.

По счастию, повстречался с нами один мужик и сей вразумил уже нас, что мы едем не туда и далеко сбились влево. Что было тогда делать?.. Принуждены были его нанимать, чтоб он провел уже нас кой-какими дорожками до села Богучалок, чрез которое нам ехать надлежало.

Большое село сие сидит на реке Таболе, и я, приехав в него, не мог довольно налюбоваться красотою положения онаго и всего места. Оно принадлежало князьям *Прозоровским*, имеет в себе господский дом, церковь, множество прудов и хорошие мосты.

Однако мы тут не остановились, а доехали до села Молоденок, принадлежащего графам *Разумовским*, и тут, переправившись с трудом через речку по скверному мосту, кормили лошадей.

– Тут видел я одну, достойную замечания, вещицу: на хозяине были лапти, каких я никогда еще не видывал, сделанныя не из лык, а из дерева. Выдумка сия мне полюбилась, и тем паче, что он носил их более года. Они сделаны были осиновыя и головашка выдолблена с бока и дыра после заделана.

Выехавши из села сего, нашел я на дороге две, примечания достойныя, вещи: прекрасную и превеликой обширности дубовую рощу, молодую

подчищенную, частую, прямую и столь прелестную, что я не мог ею довольно налюбоваться и ехал чрез нее с особым удовольствием. Она могла почесться сущей редкостью в степных тамошних местах и казалась быть сеяною. Во-вторых, наехали мы целое поле, засеянное коноплею, что было для нас также зрелищем необыкновенным.

Ночевать приехали мы в село Змеево и уже в сумерки. Село сие было нарочито велико, принадлежит разным господам и имеет в себе хотя обширный, но наполненный столь скверною водою, пруд, что людям нашим, напившись оной, служила она сущим рвотным. Дурнота оной происходила более от того, что пруд сей запружен был одним навозом.

Со всем тем ночлег сей был нам, против чаяния, довольно весел. Не успели мы остановиться, как показался на той стороне, за прудом, превеликий хор крестьянок, идущий из дворов к стоящим на улице просторной круглым качелям.

Шли они, предводимыя дочерью одного тутошнего владельца и при громе воспевающих веселых песен. Вскоре за ними вышел и отец ея, и вокальная музыка сия и качания на качелях продолжались до самой глубокой ночи.

С другой стороны, забавлял нас целовальник, сидевший в прескверном кабачишке[1], против нас стоявшем. Сей, сидючи в пустой хижине своей, во всю почти ночь проорал фабричныя песни, и наконец, до того дошло, что я уже не рад был его усердию, ибо за песнями его не могли мы и заснуть скоро.

В сем месте напало на меня небольшое горе. У товарища моего заболела от чего-то голова, и я боялся, чтоб он у меня не занемог; но, по счастию, припадок сей миновался скоро. Впрочем, сообществом его был я час от часу довольнее, и он «Жилблаза» моего так полюбил, что читал его с охотою, и не успеем мы остановиться, как гребется он сам за книгу и говорит: «Что-то наш Жилблаз делает, пора мне с ним повидаться».

17-го числа писал я:

«Наутрие, встав рано и проехав еще ночью Рановы Верхи и славное и любимое мною село Муравеино, приехали мы кормить лошадей и обедать в село Никольское, находящееся уже недалеко от Ранибурга, или, по тамошнему наречию, *Анбура*.

[1] Во времена, описываемые Болотовым, целовальниками называли продавцов в винных лавках. Продавцы клялись не разбавлять водку и в подтверждение клятвы целовали крест.

Тут не нарочно остановились мы подле двора священника сего села, человека добраго и на нашу руку. Я тотчас с ним спознакомился, и рюмка водки свела у нас с ним в один миг дружбу. Поп мой сделался тотчас разсыпным, несет ко мне и хлеб, и квас, и тарелку яблок, а всего лучше, достал мне к чаю молоко.

Я попотчевал его чашкою пунша, и поп мой был тем крайне доволен; звал меня погулять в свой сад, который был у него изрядный, и как на одной яблоне были еще прекрасныя зимовыя яблоки, то стряс их для меня несколько. Словом, не поп, а друг задушевный; а мне такой друг на дороге был и надобен. Теперь отдыхает он от излишней рюмочки, а без того не имел бы я времени сего написать. Не знаю, увидимся ли мы с ним или нет».

18-го сентября писал я следующее:

«Знаете ли, откуда я сие пишу? За 20 верст уже от Козлова, сидючи в харчевне, довольно изрядной и называемой *Хобот*. Тут кормим мы лошадей, и я теперь только с товарищем моим пообедал.

Обед у нас был в сей раз нимало не похожий на дорожный: горячая ветчина, яйца всмятку, окрошка, щи белыя с говядиной и цыпленком и такия, что лучше требовать не можно, и наконец, битое говяжье мясо на сковороде с уксусом. Не довольно ли кушанья? Право, хоть бы и деткам нашим, а особливо в таком месте, где, кроме одной избы, ничего нет. Но, по счастию, так случилось, что харчевня сия все имела. Мы могли достать и к чаю молоко и все прочее, а для десерта была у нас спелая брусника, куманика[1] и хороший арбуз. Вот как мы прохладно едем.

Но и в самом деле можно сказать, что по сие время дорога нам была очень весела; не знаю, какова впредь будет. Я опишу вам все происшествия.

Встаем мы очень рано, и я, не просыпаясь и не вставая, так и еду, покуда разсвенет; разве когда прошибутся дорогою, так проснешься посмеяться над дураком нашим проводником. То-то сущий фалалей и годился бы по нужде в шуты и дураки.

Как разсвенет, беру я книгу и читаю себе дорогою, лежа в коляске. По счастию, читать без нужды можно; остановившись кормить, одеваемся, и Тимофей наш проворит тотчас чаем. Не было еще дня, чтоб я онаго досыта

[1] Ежевика.

с сливками не напивался и табаку не накурился. Комаренок принимается тотчас за таган, варит похлебку из курицы, которыми не позабыли запастись мы из Епифани, также яйца и прочее.

Между тем как варят и приуготовляют нам обед, принимаюсь я за свою дорожную канцелярию. Чернильница у меня при боце и весь прибор письменный. Чернильницу повешу на рукоятку к коляске, сам сяду, опустя ноги в дверцы, подушки на колени и на них «Китайскую историю»[1] и начинаю тотчас записывать в журнал свое путешествие и, записав, продолжаю переводить «Китайскую историю».

Как поспеет обед, садимся мы с товарищем своим на циновке и наедаемся досыта; после того напиваемся квасу, и, полакомившись чем-нибудь, продолжаю я писать, а товарищ мой читает своего «Жилблаза» до тех пор, покуда запрягут лошадей. Тогда канцелярия моя опять прячется, я сажусь в коляску и беру в руки читать книгу.

Дорогою провождаем мы время в чтении, в разговорах и в лакомстве арбузами, орехами и кренделями, а когда устанем сидеть, то пройдемся. Приехавши на ночлег, становимся опять подле двора, и Комаренок принимается за прежнее свое дело – варить нам похлебку и прочее, а я, ежели светло, опять за канцелярию.

Отужинав, ложимся мы спать, и как рано я засыпать не привык, то подают мне в коляску свечку, и я разговариваю часа полтора с книгою, покуда ужинают люди и станут спать ложиться. Тогда возьмут от меня свечку, и мы засыпаем и спим, покуда часовой нам не закричит и предвозвестит, что приближается утро.

Знаете ли, о каком часовом я говорю? Из взятых в Епифани живых петухов один повадился кричать. Мы тем очень довольны и нарочно его не бьем. Как скоро он закричит, то встают люди, и мы запрягаем лошадей и продолжаем путь свой.

Вот краткое описание нашего путешествия. Не довольно ли оно приятно? А прекраснейшая погода и гладчайшая дорога придавала ему еще более приятности.

О самой же езде нашей от Никольскаго до сего места скажу только, что мы вчера в Ранибург приехали еще довольно рано и искупив все нужное, хотели было ехать далее, но раздумали; а переехав тут реку Рясу, остано-

[1] «Путешествие в Китай» – соч. Нейгофа, пер. с немецкого А. Т. Болотова.

вились ночевать, а сегодня ранехонько уже встали и продолжали до сего места свой путь наипрекраснейшею дорогою, обсаженною по обеим сторонам молодыми деревцами, оплетенными плетешками. Сие случалось мне еще впервые видеть и я не мог тем довольно налюбоваться и желал, чтоб деревцы сии все принялись и уцелели, но к чему была худая надежда».

19-го сентября писал я из Лысых гор:

«Вот мы уже и в славном однодворческом селе Лысых Горах, и переехал уже половину той большой и оком необозреваемой степи, которая находится между Козловом и Тамбовом.

Отправившись вчера из Хобота, приехали мы в Козлов так рано, что мне не хотелось тут ночевать; а полюбовавшись вновь строющимися тут каменными церквами и домами, пустились мы далее и успели еще приехать ночевать на польный Воронеж, где, вместо прежней пустоты, нашли уже селение нарочито увеличившееся, а сегодня поспели сюда кормить лошадей еще довольно рано и не было на сем пути с нами ничего особливаго».

20-го числа писал я уже из своей шадской деревни следующее:

«Слава Богу! Вот пишу сие к вам, сидючи за столом и в своей шадской деревне. По благости Господней, часа за два до сего приехали мы уже сюда благополучно. Но прежде повествования о здешнем пребывании разскажу наперед достальное о путешествии нашем.

Вчера, выкормивши лошадей в селе Лысых Горах, выехали мы из него довольно рано. Как подле самого его надлежало въезжать на превысокую гору, то взошел я на нее пешком и, окинув с ней оком все сие огромное село, сидящее внизу вдоль реки, сквозь его текущей, не мог я смотреть без досады на глупое строение живущих в нем однодворцев.

Представьте себе селение, состоящее из 4 тысяч душ и имеющее в себе 4 церкви. Все домы в них крыты дранью, жители все вольные, никакой работы господской не отправляющие, владеющие многими тысячами десятин земли и живущие в совершенной свободе. Не остается ли по сему всему заключить, что сему селу надобно быть прекраснейшему и походить более на городок, нежели на деревню; но вместо того оно ни к чему годное, и нет в нем ни улицы порядочной, ни одного двора хорошенькаго.

Правда, место занимает оно собою весьма обширное и дворов бездна; но как бы вы думали сидели дворы сии и каковы бы они были? Там двор, здесь другой, инде дворов пять в кучке, инде десяток. Те туда глядят, сии

сюда, иной назад, другой наперед, иной боком, иной исковерканный стоит и ни одного из них живого нет. Избушка стоит, как балдырь, правда, покрыта дранью, но только и всего.

Дворы их истинно грех и назвать дворами. Обнесены кой-каким плетнишком и нет ни одного почти сарайчика, ни одной клетки, да и плетни – иной исковерканной, иной на боку, иной избоченяся стоит и так далее.

Взирая на все сие и крайне негодуя, сам себе я говорил: «О талалаи! Талалаи негодные! Некому вас перепороть, чтоб вы были умнее, и строились и жили бы порядочнее. Хлеба стоит у вас скирдов целыя тысячи, а живете вы так худо, так бедно, так безпорядочно! Вот следствия и плоды безначалия, мнимаго блаженства и драгоценной свободы. Одни только кабаки и карманы откупщиков наполняются вашими избытками, вашими деньгами, а отечеству один только стыд вы собою причиняете».

В Тамбов приехали мы еще довольно рано и, искупив нужное, пустились далее и поехали уже не чрез Пески и Разсказы, а большою дорогою, вдоль реки Цны, на Коптево, и в сумерки приехали ночевать в большое однодворческое село Кузменки.

Тут опять имели мы с сими талалаями досаду. Ничего у них недостанет; живут не люди, а Бог знает что, – только занимают лучшие места в государстве.

Сегодня встали мы хотя до свету, но переезд утренний был невелик; надлежало перебираться чрез множество мостов и переправ, и в одном месте сидеть бы нам в грязи, если б один мужик нас не избавил.

Мы наехали сего бедняка, сидящаго в грязи совсем с телегою и ожидающаго света. Он говорил нам: «Пожалуйте, не ездите, будете и вы также сидеть, а объезжайте; вон там есть мост». Итак, мы благополучно топь сию и объехали.

Кормить и обедать остановились мы в однодворческом селе Коптеве, последнем уже селении к нашей деревне, и насилу-насилу выпросились к одному однодворцу в избу погреться, ибо утро было очень холодно. Один не пустил на двор сказав, что он со двора идет, другой также закарячился было, но как-то наконец согласился; но зато и получили мы квартиру добрую.

Однодворец сей жил как маленькой дворянчик. Светличка была у него беленькая и сам в синем суконном тулупе. Я тотчас вступил с ним в разговор, и какой нечаянной и благополучной случай привел меня на сей

двор. Однодворец был человек надобной, грамотник и делец по тамошнему селу. Я ему тотчас рюмку водки, поить его своим пуншем, сажать с собою за стол. Однодворец мой растаял, друг сердечной. Я заводить речь стороною о здешних обстоятельствах. Он все знает все здешния места ему известны; разсказывает мне то, болтает другое; я, выведывая, не открываюсь: он сдуру, что с дубу говорит, что отроду помнит, и насказал мне много такого, чего б мне иском не доискаться, не только о многих здешних обстоятельствах, но и о самих пустых и порожних землях и межеванье.

Разставшись с ним в превеликом удовольствии, поехали мы далее, и перебравшись чрез нашу огромную и оком необозреваемую степь, приехали мы в свою деревню часа еще за три до вечера и не нашли никого дома. Все были на поле – и прикащик и староста; ибо в самое сие время молотили горох на пашнях».

Вот описание моего путешествия в шадскую мою деревню; а теперь извлеку из ежедневнаго журнала моего все, относящееся до моего тамошнего пребывания. Я писал оной также образом писем к моей теще, – и вот первое, написанное в тот же еще вечер:

«Покуда прикащик и староста придет, вечерком теперь не имея никакого дела, начну по крайней мере что-нибудь врать.

Въехавши давича в деревню и прежде всего в новую мою слободу, населенную переведенцами из других деревень: Бурцовой, епифанской и козловской, которую я еще не видал, повеселился я, увидев ее в нарочитом уже порядке. Деревня моя стала как иная и получила гораздо лучший вид перед прежним. Самая избушка, в которой мне надлежало жить, была уже иная и с красненьким окошечком, но, правду сказать, немногим чем прежней лучше. По несчастию, встретила она нас дымом. Прикащица надымила ее, грев на что-то воду; но мы рады были, добравшись до покоя.

Хороша, хороша дорога, но одна пыль нам надоела. Надобно ж было случиться так, что во всю дорогу ветер был один и нес ее прямо в глаза наши. Все перечернились и все перепачкались, и сколь ни малый я охотник ходить в баню, но теперь сходил бы, если б была хорошенькая.

Как в избу за дымом войтить было не можно, а делать другого было нечего, то пошел я на гумно и порадовался, нашед его, набитое все хлебом. Бог пожаловал урожай хороший и хлеба всякаго было много; и можно было сказать, что двор мой господской не красен был углами, а красен пирогами.

Оттуда пошли мы с товарищем моим по дворам крестьянским и все их осмотрели. Переведенцы поставили домики себе изрядные и дворы их были несравненно лучше старинных степных наших олухов. Но вот пришел прикащик и надобно заняться с ним разговорами».

21 сентября поутру:

«Вчера с прикащиком проговорил я до полуночи, следственно писать было некогда; а теперь, как опять свободной промежуток времени случился, то опять принимаюсь за перо.

Ну, матушка! Поездка моя сюда чуть ли не выливается по-пустому, и чуть ли не струсил мой трус прикащик и не проволочил меня понапрасну. Межевщика нет здесь еще и в появе, да так хорошо, что никто точно и не знает, где он находится. Говорят только, что не очень далеко и верст за 80 стоит отсюда. Но какой он? зачем и по какому случаю, и будет ли к нам? – обо всем том никто и ничего не знает.

Рахманов межеваньем грозил напрасно; ничего не бывало! Где ему межеваться? Хотят все своровать и утаить степь – так до межеванья ли? Вместо того говорят, что вчера хотел ехать обратно к Москве и в свои деревни. Для меня известие сие было очень досадно. С ним-то и хотелось повидаться, а теперь без него что можно сделать?

О *Пашкове* также нет ни слуху, ни духу, ни послушания, а здешние дворянчики не знают, что и делать. Все только условились и говорят, что дикой степи здесь и не бывало.

Вот все обстоятельства. Я не знаю, что делать и предпринимать; однако послал проведать, не здесь ли еще Рахманов; а еще хочу послать искать межевщика и повидаюсь по крайней мере с ним и узнаю обстоятельства, а потому стану помышлять какия брать меры. Также хочется мне повидаться и с тамбовским межевщиком и узнать подробнее о дикой степи».

В тот же день ввечеру:

«Сегодняшний день провел я там, где не думал и с тем, с кем нимало не помышлял. Давича не успел я перестать писать, как посыланной к Рахманову в двери и сказывает, что Рахманов еще не уехал, а здесь и велел мне кланяться, а что едет сегодня и ему готовят уже лошадей.

Обрадовался я, сие услышав. Скорей, скорей вели готовить есть и приготовлять коляску и лошадей, а мне уберите-ка скорей волосы и давайте одеваться, надобно спешить и заставать как можно. Как вздумано так и сделано. Тотчас вскипел обед, тотчас подвиты волосы и напудрена

голова. Скакать я к *Рахманову*, скакать и на дороге думать, что мне с ним говорить.

Взяв о собою про запас инструкцию межевую, в которой давича поутру нашел неизвестное мне до того и некоторым образом полезное для здешняго места узаконение и обстоятельство, которое я тотчас поймал и оно показало мне след, как с здешнею землею мне сделаться.

Подъезжая к *Рахманову*, вижу, что коляска у дверей; но, по счастию, еще не запряжена. Гости, заехавшие, его остановили. Рахманов вышел меня встречать, обходится великою лисою, ласково, снисходительно, дружески; но в самом деле с скрываемым, но мною проницаемым лукавством. Но как я удивился, вошед в горницу и увидев, что они хотели было только садиться за стол обедать и что кушанье уже поставлено.

Рахманов изъявляет свою радость, что я приехал к обеду. «Добро! – думаю я, – есть у меня и свой кусок».

– Обедал-де, государь, обедал!

– Эк, братец, как ты такой, для чего не ко мне приехал обедать?

– Так тому и быть! – ответствую; но принужден был сесть с ним за стол.

Во время стола вижу, что Рахманов был уже несколько подгулёхом. Гости у него были друзья его задушевные: разсказовской монастырский управитель с подьячим, его единомышленниками, с которыми вместе ворует или обижает он людей добрых.

Таким образом, сели мы за стол и они начали есть, а я смотрел сидя молча; но не думайте, что мне это молчание было скучно. Не за столом я сидел, а в комедии и смотрел на театр дурачеств. То-то бы хотел, если б можно было описать или изобразить на картине все то, что я видел.

За столом сидело нас 9 человек: в большом месте сам хозяин, в пышном калмыцком белом и голом тулупе, разворотя толстое брюхо, с растрепанными волосами и с раздувшеюся немного, как видно, от излишних рюмок рожею.

Подле его по левую руку – я, а по правую – монастырской управитель в алом китайском тулупе и в черном барском камзоле, на котором были стеклянныя пуговочки, столько же блистающие, сколь блистательны были славныя его дела при управлении огромными монастырскими селами и деревнями.

«Хорош ты гусь, – думал я, – но какого-то мнения мужички о тебе? А с виду кажешься детина изрядной».

Подле его сидел человек, которой, по наружному виду и платью походил на него и также на дворянина в байковом камзоле и вместо холада (?) в синей епанче. Волосы были также у него растрепаны, как у перваго, и оба они с Рахмановым обходились очень фамильярно и дружески; почему, не зная сперва, кто они, подумал я, что были это какие-нибудь соседи, его приятели. Но как удивился, узнав после, что другой-то человек был управительской подьячий.

«Ну! – сказал я тогда. – Видно по всему, что эти собачки одну сметану лижут – не даром так запанибрата обходятся».

Но я заговорился, описывая сего; надобно описать еще прочих, честную нашу компанию составлявших.

Подле его сидел какой-то старичишка с превеликими взлизами на голове, в набойчетом замаранном холадишке и подпоясанной подпояскою. Сказывали мне, что это какой-то тутошний житель, над которым г. *Рахманов* подшучивает. Однако тут он не шутил и во весь обед промолчал.

Подле сего старичишка сидел какой-то еще рыжий мужичина, ни дворянин, ни однодворец, но Бог знает что, приехавший с управителем и похожий на сторожа его. Эта также была безгласная особа.

Вот три бока стола я описал, теперь остался четвертой. За ним сидело трое: два однодворца матарыги, сквернавцы, шуты и Бог знает что, фавориты и наперсники г. *Рахманова*. Оба они мне были известныя особы и я упоминал об них при описании моей первой поездки. Один назывался *Кутуков*, а другой какой-то *Юдушка* матарыга; один в овчинной замаранной и скверной шубейке, в маркитантской рубахе и самой сквернавец, а другой в красненьком балахончике. Наконец, третий и последний человек был поп его села и детинка молоденькой. Вот все особы, сидевшия за столом.

Господин хозяин взял на себя труд раздавать кушанье и я имел счастие видеть тут новую моду раздавать рыбу руками, вместо вилок. Только что пыхтел, засучивал рукава тулупа и каждый кусок благословлял таким благословением, которое пересказать благопристойность запрещает; ибо надобно знать, что хозяин мой великой охотник до сквернословия и видно, что он сей риторике гораздо поучен. Уже и управитель говорил ему: «Знать, вы очень поучены этой грамотке. Таки со всяким словом то ж, да то ж опять; ажно с стороны дурно».

Между тем как он раздавал, между тем как то и дело подчивал управителя и выхвалял свою рыбу, которую я, однако, не отведывал; между тем покуда сам всякаго кушанья с чесноком до поту лица объедался, были любимцы его не без дела.

Они изволили говорить и шутить друг с другом, но как же? Только что врали самую наинегоднейшую скверность и такую несли блажь, что достойны были выгнаты быть из-за стола. Со всем тем г. Рахманову было то приятно и они его тем веселили.

Насилу-насилу дождался я, покуда все они наелись и встали. После обеда ищу я случая зачать с Рахмановым говорить о земле, но, по несчастию, зашли бабы просить о невестах своим детям. Он принялся разбирать письма и стряпчему своему велел записывать кого за кого отдавать. В этом прошло много времени.

Потом начал он драть черныя письма. Истинно передрал он более двух дестей и весь пол бумагами усыпал. Это было опять для меня новое зрелище. Наконец окончилось сие и уехал управитель, и я остался один. Понемногу-понемногу доводить я разговор о земле, отбирать от него изподтиха и высматривать его мысли и вот что узнал:

Пашков межевщика действительно поднял, то есть взял на свой кошт; но межевать ему нынешнею осенью не можно. Другой также сосед, г. *Коновницын*, взял того же межевщика *Заборовскаго,* и что сей скоро межеваться будет. Что сам он, *Рахманов*, степь хочет утаивать и утверждать, что ей нет, и сказывал, что он, по незнанию, и сам подал доношение и об ней объявив, хотел купить; но после, как стали требовать деньги, то ему не захотелось заплатить и он одумался и подал доношение, будто прежде подавал ошибкою и что эта земля не казенная пустая, а дачная; следовательно ему теперь никак уже не можно называть ее казенною, а он должен ее не инако называть, как дачною.

Далее говорил он мне, что я пропаду, ежели назову дикою степью, – а я сам себе на уме: «Добро! Эти грозы слышали мы давно», а ему говорю: «Не лучше ль бы было и всем назвать дикою землею», и доказываю ему сие резонами.

Так случилось, что сии резоны были ему неизвестны. Хвать он себя за бороду и говорит: «Ну, жалко мне, что я это сделал, а впрямь бы лучше было показать ее дикою степью; но теперь переменить нечем». Таким об-

разом, как он сперва ни пыхтел, но после смирнее стал говорить. Наконец, надобно было ему уже ехать. Я, видя, что у нас с ним будет большое дело и что нам с ним добром не развестись, распрощался с ним и поехал.

На дороге заехал я к г. *Соймонову*, чтобы господам сим вложить в голову мои резоны, по которым для всех их лучше было объявить дикую степь. Соймонов мне рад и я нашел в нем все, что хотел. Он сказал мне радостную весть, что не только он, но и многие другие в том согласны, чтоб показать дикую степь, а мне сие всего лучше и надобнее.

Между тем как я туда ездил, приезжал ко мне сосед мой, но не застал дома. Как ехал я в сумерки домой, гляжу, – выслал он человека звать меня к себе; но я, досадуя на сего бездельнаго и негоднаго соседа, за его обиды отказал и не поехал за поздним временем».

22-го сентября ввечеру:

«В сегодняшний день думал я пробыть дома, но не так сделалось. Напившись чаю, отправлял я обыкновенную свою аудиенцию, то есть говорил с приходящими ко мне на поклон с яйцами своими и чужими мужиками. Не успел я их отправить, как шлет г. *Тараковский* звать меня к себе обедать. Не хотелось было мне очень к нему ехать, а лучше б гораздо я отобедал дома, но не мог отговориться. Однако велел подать жареную яичную кишку и кусок ветчины и перехватил несколько, ведая, что там не скоро дождешься обеда.

Позавтракавши, пошли мы с моим товарищем туда. Г. Тараковский рад. Я на него досадую, но притворяюсь. Хотелось мне распроведать о его мыслях и посмотреть у него выпись, с которой копию позабыл я дома. Ну ему точить пешки! Ну говорить о межеванье, ну, сказывать примеры! Сбил совсем с пути, привел в нестроение и довел до того, что и сей талалай едва ли уже и сам не переменил мыслей и не хочет назвать степь дикою землею. Все сие происходило до обеда. Обед был по обыкновению поздной, и чем позднее, тем хуже. Правда, наелся я досыта, но не гораздо с аппетитом, ибо не было ничего хорошаго, а все изготовлено дурно.

После обеда продолжали говорить о земле и делали примерное исчисление, сколько б, например, у коей нашей Палдинской округи было примерной земли, и нашли безделицу – 51 тысячу десятин, и все сие ужасное множество распашной земли хотят сии молодцы украсть и утаить у государя.

Вот каковы здешние жители; но ведь всего этого мало, а надобно еще столько ж действительно дикой степи и пустой земли прихватить и назвать своею! Не знаю истинно, чем все это дело кончится!

Просидев у него почти до вечера, пришли мы домой. Я ждал, ждал, чтоб напоил он нас чаем, но как не дождался, то сказал своему товарищу, пришедши. «Сем-ко, брат, Александр Андреевич, сами своего напьемся; а наперед съездим на поле и посмотрим землю», откуда мы сей только час возвратились.

Я ажно ахнул, увидев, сколько земли было здешними жителями, после первого всего сюда приезда, распахано. Куда девалась вся ближняя наша степь и ковыльныя земли? Из всего, очерченнаго мною, весьма обширнаго, кавылом поросшаго места, не осталось уже ни клочка; а все для нас алчных и ненасытных людей земли было мало!»

Сентября 23-го ввечеру:

«Вчера ввечеру, после написания вышеписаннаго, так было я занемог, что и сам испужался и всех перестращал. Вдруг заболел у меня, не знаю, не ведаю отчего, живот, и заболел так, как никогда не болел. Такой рез и такое сделалось ворчанье, что изобразить не можно. Все наши перетрусились до крайности и не знали, что делать.

Умница прикащик мой говорил, что это *чемер* и учил меня ломать спину на палке. Я следую его совету, но не помогает. Настилают на стол ужинать; но мне не еда на ум идет, а оханье. Наконец, каким-то образом вспомнил я об уксусе и ну-ка его пить, смешавши пополам с водою, и насилу-насилу живот мой угомонился и я заснул.

Сегодня, как в воскресной день, расположился я ехать к обедне в здешнюю церковь, где надеялся увидеть здешних господ дворян и с некоторыми из них познакомиться, в чем и не обманулся. Я увидел гг. *Дурова, Колемина, Левашова* и с ними ознакомился и сдружился.

Как главная моя цель была растолковать им о земле, то старался я довести речи до оной. Спасибо, они сами скоро довели до ней речь. Итак, мы говорить о том еще в церкви. Господа сии, бывшие зараженными противными мнениями и имея головы свои набитыя дачною землею, разинули рот, как я начал говорить и им толковать. Все они ко мне пристали. Я делаю нарочно вид, будто спешу домой. Они унимают меня еще, чтоб поговорить.

Г. *Колемин*, тутошний житель, зовет меня и прочих к себе. Я будто нехотя соглашаюсь, заезжаю, продолжаю говорить, растверживаю глупцам, что они на свою голову хотят врать нелепицу. Изображаю им, как это всем полезно будет, если они станут согласно со мною говорить и всю нашу округу обведут дикою землею.

Олухи мои растаяли; признаваясь, говорят: «Так! Истинно так! Нельзя быть того лучше» и переменяют свое мнение, и, видя опасность, в какую бы они себя ввергли, соглашаются на мое предложение и стоят уже в том твердо. Рад я был, что заставил всех их плясать по своей дудке. Разстаюсь с ними. Все зовут меня к себе, но я еду домой, надеясь сытней наесться. И подлинно, обедаю дома спокойнее и лучше.

После обеда приходит ко мне один из наших приходских попов. Я, ведая, какое влияние имеют здешние попы на жителей тутошних, постарался вперить и в него такия же мысли. Поп мой понимает еще лучше их все дело, хочет растолковать и раствердить им оное и сожалел, что уехал *Сабуров* и со мною не видался.

Вечер проводил я в разговорах со своими мужиками о том, как бы отводить лучше нам землю и показывать границы дикой земли. Итак, хотя я проездил сюда и тщетно, но, по крайней мере, удалось мне сделать то, что я переменил у всех мысли и дело свое поставил на лучшей ноге.

Завтра хочется мне пригласить к себе нескольких из наилучших однодворцев и, растолковав им то же, преклонить на свою сторону, а особливо обиженных от *Рахманова*.

Впрочем, мне захотелось уже и домой; и думаю, дней через пять, ежели исправлюсь, отсюда выехать, ибо делать нечего и жить по-пустому не хочется».

Сентября 26 дня, вечером:

«Разные обстоятельства не допустили меня во все сии три дни приняться за перо; но теперь разскажу я вдруг о всех происшествиях, случившихся в оные.

В понедельник с утра разослал я людей искать и звать к себе однодворцев и между тем поджидал посланнаго искать межевщика, которой, возвратясь, привез мне неожидаемое известие, что он межевщика нашел и что оной велел меня звать к себе во вторник поутру и обещал меня дожидаться. Обрадовавшись сему случаю, перестал я помышлять о домаш-

ней поездке. Не знаю, что-то скажет межевщик, и не принуждено ли будет остаться тут на всю осень.

Однодворцев своих сколько я ни ждал, но не мог никак к обеду дождаться; а после обеда притащили ко мне двух. Я принялся за ту же песню и равномерно и их убаил и согласил на свою сторону.

Немного погодя, смотрю, едет ко мне Иван Силич, г. *Тараковский*, и застал у меня однодворцев. Мы с ним сидеть, пить чай, говорить о земле, о другом, – и Силич мой на все согласен. Между тем присылает *Соймонов* человека звать меня к себе. Я отказываю, но вдруг переменяю мысли. Восхотелось мне помирить с ним Силича и прекратить их самую пустую ссору. С согласия Тараковскаго, еду к нему верхом; говорю с ним обо всем; заезжаю от него к Силичу, нахожу его более виноватым, нежели Соймонова, но его ж упружнейшим и несклоннейшим к миру. Итак, не сделав ничего и плюнув, возвращаюсь домой.

Наутрие, позавтракав, отправляюсь я к межевщику, отысканному за рекою *Вороною*. Ехали, ехали и ошиблись дорогою, заехали в такой лес, что ни взад, ни вперед. Насилу-насилу выдрались, насилу переехали кое-как Ворону, по узкой плотине одной преогромной мельницы. Наконец, приезжаем к межевщику – его нет дома. Сказывают нам, что уехал с *Сатиным* на охоту.

Господи! Как мне было сие досадно! Нечего делать! Говорю: «Становись на двор к мужику; станем стоять и дожидаться возвращения», а того не знаем, что межевщик совсем на охоту не ехал, а меня дожидается у Сатина в доме. И то-то, что я послал туда проведать. Гляжу, притащили ко мне межевщика. Межевщик мне рад; человек очень изрядной, по фамилии г. *Нестеров*. Мы вступили с ним тотчас в разговор. Сказывает мне, что ему прежде половины будущаго лета не можно никоим образом к нам быть межевать и что я приехал по-пустому. Впрочем, узнал я, что наше дело не таково опасно, как я думал.

Будучи сим доволен, думаю: «Теперь нечего мне жить – ступай домой!» еду в свою деревню уже ночью, заезжаю в гости к господину *Дурову* в Лопатине. Дуров человек изрядной, рад мне был чрезвычайно. Мы условились с ним обо всем и разстались дружески; и я возвращаюсь домой».

Сентября 28 дня:

«Знаете ли? Я пишу сие, собираясь уже совсем ехать домой, к вам, моим родным! Нет! Полно здесь жить; скучно стало и сегодня выеду не-

пременно. Оба последние пред сим дни провел я в хозяйственных хлопотах, разбирательствах, распоряжениях, счетах и пр. Я иду заниматься тем же и теперь, между тем как уже укладывают все повозки и хотят запрягать лошадей».

———————

Сим образом кончилось мое в сей раз в шадской моей деревне пребывание. Я действительно в тот же день выехал; но о сем обратном путешествии я не буду занимать вас подробным повествованием, а скажу только вкратце, что поехали мы уже чрез Разсказы и Тамбов, а из Козлова заезжали в свою козловскую деревню, где, отдохнув, и без всяких дальних приключений и безпокойств 5-го числа октября мы возвратились благополучно в любезное свое Дворяниново. А сим окончив и сие слишком увеличившееся письмо, остаюсь, сказав вам, что я есмь ваш и прочая.

(Декабря 4-го дня 1808 года).

МЕЖЕВАНЬЕ

Письмо 155-е

Любезный приятель!

Таким образом, препроводив более трех недель в своем путешествии и отлучке от дома, возвратился я опять в любезное свое жилище октября 5-го дня ввечеру. Я нашел домашних своих всех здоровыми, и как они столь скоро возвращения моего никак не ожидали, то нечаянной приезд мой обрадовал их чрезвычайно и тем паче, что без меня и около самого сего времени прислан был к нам новой межевщик для поверки наших дач и окончания недоконченнаго.

Приезд его перетревожил насмерть моих соседей и они, по малознанию своему в межевых делах, не знали, что хотят, и перетрусились до безконечности. По счастию, некоторыя домашния его обстоятельства воспрепятствовали ему, ровно как нарочно, до приезда моего межевать и они только в первой раз выехали в тот день, как я приехал. Брат *Михайло Матвеевич* был у него вожатым, у котораго он стал и на квартиру. Я не

преминул с ним того ж вечера видеться и обо всем переговорить, или, по крайней мере, с ним познакомиться.

Он был господин *Чаплин* и человек совсем мне не знакомый; однако я надеялся, что буду иметь его на своей руке, по причине, что был он зять знакомцу и приятелю моему и родственнику Матвея Никитича, Василья Панфиловича *Хвощинскаго*. Со всем тем в сей первой раз показался он мне что-то угрюмым и мешковатым.

Не могу изобразить, как обрадовались оба соседа мои столь благовременному и всего меньше ими ожидаемому возвращению моему. Они прыгали почти от радости и тотчас свалили на меня все хлопоты, так что я не имел времени и отдохнуть с дороги, но принужден был на другой же день ехать с межевщиком на межу.

План нашим дачам что-то не сходился и ему велено было поверить все линии, и он шел по всем межникам противными румбами и поверил в сей день безспорной рубеж между Домнинскою дачею и Матюшинскою.

Межевщик и во весь сей день казался мне угрюмым и нахмуренным; но как он работал только сие утро, а после обеда поехал к родне своему г. *Хвощинскому,* то я, разставшись с ним, принялся тотчас за скопировку своего плана, чтоб на нем разрезать самому все наши пустоши и просить потом межевщика о размежевании оных.

В последующий день вдруг занемогла у нас мать жены моей и перетревожила нас ужасным образом. Сделался ужасный жар и мы боялись чтоб не сделалась горячка. К вящему смущению приезжали к нам в сей день разные гости и насказали множество новых вестей и на большую часть неприятных.

Более всего перетревожил меня слух, что спрашивают будто бы всех отставных опять в службу и что будет с 50 душ рекрут. «Сохрани Господи, – думал я сам себе, – ежели дойдет до того, чтоб мне опять служить в военной службе!» Я так уже от ней отвык и так привык к мирной, спокойной и блаженной деревенской жизни, что ни для чего не хотел бы с нею опять разстаться. Случилось сие в самый день моего рождения.

На другой день после сего возвратился наш межевщик и тотчас нас вытурил на межу. Мы поверяли в сей день прикосновенность нашу к Домнинским дачам и прошли от Матюшина до Болотова.

Наутрие, что было 9-го октября, были мы опять на меже и дошли до самого того места, где прикоснулась к нам волостная земля и где началось

прежнее межеванье. Тут межевщик мой как-то переменился и сделался изрядным человеком и совсем на нашу руку. Я тому обрадовался неведомо как, и он был ко мне так благосклонен, что дал мне, на весь последующий день, время для предварительнаго и приватнаго назначения всех меж между нашими пустошами и так, как мне заблагоразсудится, обещав пройтить потом по всем местам формальною межею.

Одолжение сие было для меня весьма чувствительно. Я соответствовал тому достодолжною благодарностию, и употребив весь последующий день на сие важное и нужное дело, не жалея своих трудов и безпокойств, с тем сопряженных. Я пробродил с поверенными и отводчиками нашими весь тот день по лесам и по буеракам и насмерть перемучился и перезяб, и принужден был обедать в Болотове у мужика своего, *Евтея*, и насилу-насилу все сделал, что было надобно; а ввечеру не успел приехать домой, как прислали за мной, чтоб я шел к Михайле Матвеевичу, ибо туда приехал новой волостной межевщик, г. *Золотухин*.

Итак, вместо отдохновения, ходил я еще туда и успел с сим новым и незнакомым мне человеком познакомиться. Он показался мне очень добрым и я имел счастие ему полюбиться и приобресть к себе его нелицемерную дружбу. С ним был тут и волостной поверенной, Никандр *Пестов*, половины Льва Александровича *Нарышкина* и самой тот, с которым поданы были от нас прежнему межевщику *Лыкову* полюбовныя мировыя сказки.

Наконец настал тот достопамятный и с толиким вожделением, столь давно уже ожидаемый день, в которой надлежало решиться судьбе пустошей наших и быть им друг от друга отрезанным. Было сие в 11-й день октября 1772-го года.

Межевщик, по любви и дружбе своей ко мне, сделал нам все, что хотелось и отмежевал нашу *Шаховскую* и соединенную с нею *Воронцовскую* пустошь, по собственному моему назначению, безспорно, кругом формальною межею. Во мне трепетала душа, чтоб во время сей отмежевки не помешали нам волостные, а особливо Ченцовской половины своим спором и объявлением, что мы в оныя излишнюю землю перепускаем, как то и действительно было. Но по особливому нашему счастию, поверенных их в сей день на меже не было и мы без них, что хотели, то и делали, – и мне удалось десятин со 100 спрятать в карман из нашего примера, или перепустить их в сию пустошь.

Не могу изобразить, как обрадован я был сим неожидаемым хорошим успехом и как много все мы дивились тому, что волостных поверенных при том не было. Но скоро узнали, что причиною тому было то, что до Пестова, как помирившегося с нами, дело сие уже не касалось, а у Ченцовских и самое в сие время был праздник и они все пьянствовали и пили.

Узнав сие и видя благосклонность к себе нашего межевщика, просили мы его, чтоб поспешил он разрезанием и достальных наших пустошей и постарался ковать железо, покуда оно не простыло, или воспользовался пьянством и бражничеством волостных поверенных.

Он учинил и в сем случае возможнейшее нам удовольствие, а дабы одолжение его было нам прочнее и мы могли обезопасены быть вперед от оглядок и претензий волостных, для чего без их поверенных межевали, поступил он далее, и в наступивший другой день сделал и для собственнаго своего оправдания и для пользы нашей, в силу закона, волостным поверенным формальную о явке на межу не только одну, но троекратную повестку. Но повестки сии сделаны были так поздно и так скоро одна после другой, что пьянствующим волостным ченцовским поверенным никак не можно было успеть явиться в надлежащее время на межу.

А как в силу законов, в случае неявки их по трикратной повестке можно было межевать и без них, то мы не упустили воспользоваться сим случаем; и не только в безсомненной надежде, что они не будут, выехали на межу очень рано, но, начав межевать, не межевали, а свойственнее сказать, летали все на лошадях по межам.

Я не преминул сделать все нужныя к тому распоряжения, и все они произведены были с такою точностию и с таким от всех проворством и исправностию, что мы в один сей день сработали с межевщиком столько, сколько при обыкновенном межеванье не могли б исполнить и целые три дни.

Словом, мы обмежевать успели не только пустошь Щиголеву и Голенинку и всю Болотовскую дачу формальною вокруг землею, но отрезать и самую Гвоздевскую, спором с волостною землею связанную пустошь от Болотовской и Дворяниновской, и я смастерил так хорошо, что в обеих смежных с волостною землею наших дачах осталось только полное и следующее в них по писцовым книгам число земли, а вся наша примеренная земля благополучно и невозвратно улетела в задния наши пустоши.

Таковой неожидаемой и удачной успех преисполнил всех нас неизобразимою радостию. Со всех нас свалила ровно как гора с плеч превеликая, и для нас не были уже тогда страшны споры волостные, а особливо ченцовской половины. Пьяные поверенные их хотя и явились на межу, но тогда, когда мы уже совершенно все кончили и делать им и говорить было нечего, ибо они и не видали, где мы клали межи, да и не могли проникнуть самого дела.

Итак, в разсуждении их не могли мы уже опасаться ничего и уже смеялись их спору и тому, что они не умели брать, когда давали им 30 десятин. Что касается до обещанных других 30-ти десятин на половину *Льва Александровича*, то хотя тогда нам уже и оных очень жаль было; но как подана была об них уже полюбовная сказка, то казалось, что пособить тому не было возможности; но когда пойдет все наудачу, так удается и совсем почти неожидаемое.

Каким-то нечаянным случаем чрез подьячего межевщикова узнали мы, что сказка сия находится между бумагами, сданными им от Лыкова; и как сданы были им все дела и бумаги без описи, то была еще возможность и выручить нам ее для уничтожения, ежели мы попроворим.

Сие мы и учинить не преминули, нимало в том не совестясь и не поставляя то себе в грех в разсуждении, что тем мы не иное что сделали, как уничтожили дело, произведенное волостными наихитрейшим и бездельническим обманом, и мы ничего иного не сделали, как спасли свою землю, неправильно и плутовски было от нас похищенную. Ибо по неосторожности межевщика Лыкова, проболтавшагося при отъезде своем в одном постороннем, к нам дружеском доме, узнали мы, что в воздаяние всех наших ласк и услуг, оказыванных сему человеку, он поступил с нами наибезсовестнейшим образом и сокрыл от нас тайну, известную одному только ему, да волостным поверенным. А именно: что в писцовых их книгах, в валовом перечне всех их дач, сделана ужасная ошибка и что ежели все их разные пустоши и дачи счислить поодиночке, то выходило совсем не то число, сколько в валовом перечне или итоге показано, но гораздо меньше и так, что у них в волости, вместо объявляемого великаго недостатка, был еще страшный и до нескольких тысяч десятин простирающийся пример; а посему все их споры были не дельные и для самих их еще бедственные и опасные.

Не могу изобразить, как чувствительно мне было криводушие Лыкова, когда узнал я сие обстоятельство и как досадовал я на сего лицемера. Но как получил я вышеупомянутой успех в размежевании пустошей и уничтожении самой сказки, которую мы, достав в свои руки, в тысячу клочков разорвали, то отлегнуло у меня на сердце и я радовался, что мог отсмеять им сию насмешку надо мною; ибо Лыков, пересказывая о том, издевался, что он провел меня со всею моею мнимою мудростию.

Но я возвращусь к своему повествованию. Удачное окончание нашего межеванья и оказанное мною при том проворство и расторопность удивило всех моих соседей, участвовавших в сем деле, и произвело то, что приносили они мне за то тысячу благодарений, а все мы изъявляли такия же господину *Чаплину,* оказавшему нам в сем случае такое одолжение, какого только от родного ожидать можно было.

Во весь последующий за обоими помянутыми, крайне для нас достопамятными днями, провел я время свое вместо отдохновения в переписывании набело сочинения моего «О хмелеводстве» для отсылки в Экономическое общество; а на другой день после сего пригласил к себе обоих межевщиков, и *Золотухина* и *Чаплина*, обедать, и угостил их как можно лучше. От меня пошли мы все к Михаилу Матвеевичу и, у него проведя весь вечер, ужинали. Сей день познакомил и сдружил меня еще более с обоими межевщиками. Оба они полюбили меня искренно и обещали служить нам всеми образами и помирить нас с волостными.

Вскоре засим настал день моих именин. Я праздновал его по обыкновению и спокойнейшим духом, и одолжен был приездом к себе многих из своих родных, друзей и соседей. Мне пошел с сего времени 35-й год моей жизни.

Чрез три дни после сего приехал в Котово друг наш г. *Темешов* и тотчас прислал звать меня к себе. У него продолжалось все еще сватовство за госпожу Срезневу и доходило дело уже и до сговору. Он, ласкаясь по обыкновению своему ко мне, убеждал меня просьбою, чтоб ехал с ними на сговор сей, на что принужден я был почти против хотения и согласиться.

Ветреность, непостоянство и чудной характер сего человека не подавали охоты ввязываться в его дела и сплетни; но, по счастию, и против всякаго чаяния, избавился я от сей поездки; дело обошлось и без меня.

К нему приехали родные, князья *Мосальские* и другие, и я сделался лишним, и он так был безсовестен, что, несмотря на все свои просьбы и

убеждения, уехал на сговор, совсем мне не сказавшись, тем меня он удивил до чрезвычайности; но я, вместо досады за то, только смеялся и рад еще был, что от того избавился; а последствие и доказало, что для меня было сие еще и хорошо. Ибо не успело пройтить несколько дней после сговора, как молодец наш, заставливавший нас всеми поступками и деяниями своими всегда хохотать и ему, как некакому шутнику, смеяться, опять наделавши каких-то проказ, с невестою своею разладил и дело у них скоро после того и разошлось навсегда и он женился через несколько времени совсем на другой девушке за Тулою, а потому и рад я был, что тогда на сговоре не был.

Вскоре засим болезнь жены моей, страдавшей уже давно от истерики и матки, побудила нас, по совету тетки ее, г-жи *Арцыбашевой*, съездить в Тулу полечиться у лекаря, ей знакомаго. Итак, мы туда вместе с нею ездили, спознакомились с г. *Ульманом*, – так сей лекарь прозывался, и он снабдил жену мою несколькими лекарствами, от которых и было ей несколько легче. Было сие в конце уже октября месяца.

Месяц ноябрь ознаменовался несколькими достопамятными происшествиями. Первые дни онаго провели мы в безпрерывных разъездах по гостям, родным и друзьям нашим, а не успели возвратиться домой, как прислал ко мне межевщик с известием, что он отъезжает уже совсем в Серпухов, в межевую контору.

Мы распрощались с сим добродушным человеком и в благодарность за все его одолжения подарили его изрядною лошадкою, а подьячих его – деньгами. За ним присылан был из конторы поручик Степан Степанович *Волков*, с которым я при сем случае познакомился и которой был после мне хорошим приятелем.

8-е число сего месяца праздновали мы на именинах у *Михаила Матвеевича*, у котораго было множество гостей, из коих многие, и в числе их друг мой, г. *Полонской*, ночевал у меня. А 10-е число сего месяца в особливости достопямятно было тем, что во мне родилась вдруг охота продолжать давно начатое мною философическое и нравоучительное сочинение «О благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению онаго»; и я так к сочинению сему прилепился, что провел в оном все праздное время сего месяца, какое только оставалось от разъездов по гостям, и трудился в том столь прилежно, что в 20 дней, препровожденных прямо

в философических занятиях, несмотря на всю величину сей книги, я ее к декабрю всю кончил.

Она была впоследствии времени напечатана под именем «Путеводителя к счастию», и как сделалась она чрез то многим людям существительно полезною, то и можно почесть сей месяц, в отношении ко мне, прямо философическим и наидостопамятнейшим в моей жизни.

Напротив того, в декабре не произошло почти ничего в особливости замечательнаго, кроме того, что я в первых числах онаго по особливому случаю принужден был с племянником своим *Травиным* ездить в Каширу.

По некоторому вексельному делу отца его, вознадобилось правительству взять с него, как с малолетнаго, сказку, о чем писано было из Кашина в Каширу, а в сию и требован он был от меня. Итак, мы с ним туда ездили и дело сие сделали, а я имел случай при том быть несколько раз у благоприятствующаго мне воеводы г. *Посевьева* и дружеским его со мною обхождением воспользоваться.

Впрочем, не преминул я и в сей месяц, как в зимний и для студирования удобнейший, заниматься по привычке своей литературой или чтением книг, также и сочинением новой книжки, в пользу молодых детей назначенной.

Обе девушки, дочери тетки нашей, госпожи *Арцыбашевой*, гостили в сие время у нас, и я, пользуясь сим случаем, учил обеих их арифметике. В праздное же время занимался переписыванием набело вновь сочиненную мною книгу «О благополучии человеческом».

Сим окончу я сие письмо и, сказав, что желаю вам всех благ, остаюсь ваш и проч.

(Декабря 4-го дня 1808 года).

1773 ГОД

Письмо 156-е

Любезный приятель!

Таким образом дожил я до 1773-го года, который был для меня по многим отношениям весьма достопамятным.

Но прежде описания происшествий, в течение онаго бывших, надобно мне упомянуть вам в коротких словах о том, в каких обстоятельствах находился я при начале сего года, что и учиню почти теми самыми словами, какими записано было то в тогдашних моих записках.

Находился я в сие время в своей деревне – в любезном своем Дворянинове, где по милости Господней продолжал я препровождать благополучнейшую жизнь в свете. По крайней мере, таковою почитать ее имел я причину.

Правда, благополучие мое далеко не в том состояло, в чем большая часть людей его полагает; но не я уже тому виноват, что люди в том обманываются и в том его ищут и полагают, в чем оно никогда состоять не может. Что касается до моего благополучия, то я потому себя благополучным почитал, что, во-первых, по милости Создателя своего, находился я в совершенном здоровье, не имел ни в чем недостатка, был сыт, одет, тепел, весел и любим многими. Чего мне хотеть было больше?

Правда, достаток мой был не так велик, чтоб мог я почитать себя богатым, и воле Господа моего угодно было наделить меня весьма-весьма умеренным; но, по счастию, я желанием множайшаго достатка никогда не мучился, а был жребием своим совершенно доволен, а потому и был довольно и предовольно богат уже для себя.

По крайней мере, знал и всегда помнил я, что есть многие миллионы людей, во всем подобных мне созданий, несравненно меня убожее и недостаточнее и пред которыми, если б хотел, мог бы я почитать себя великим богачом. Без мала 600 человек обоего пола равных мне тварей состояло в моих повелениях: все они на меня работали, и трудами своими и потом меня кормить, поить, одевать, обогревать, успокоивать и тысячу увеселений мне приносить старались. Не великая ли то была для меня выгода и не должен ли я был благодарить за то Бога?

Денег хотя и не лежало у меня несколько сот или тысяч, но, по крайней мере, не имел я в них и недостатка и никогда еще не тужил, что их у меня мало: с нужду мою всегда становилось их еще слишком. По крайней мере, имел я то утешение, что никому не был должен и не мучился совестью, что они снисканы неправдою.

Жил я хотя и не в великолепном замке и не в каменных палатах, но, по крайней мере, не мучился и не безпокоился мыслями о том, для чего у меня такого нет, и радовался и увеселялся еще тем, что по благости Го-

сподней имел хотя простой, но изрядной деревенской и всеми нужным спокойствами снабденной домик, в котором стужа никогда еще нас не обезпокоивала, а из комнат стояло всегда несколько и излишних и порожних.

Кабинета моего, в котором наиболее я жил, не можно было покойнее быть и в наилучшем замке. Печка у меня была такая тепленькая и хотя кирпичная, но собственными трудами прекрасно и со вкусом расписанная; света довольно, сидеть было на чем и, по крайней мере, не мучился я угаром и освобожден был от досады, для чего топили не по термометру. Сверх того, имел я в нем множество вещей, приносящих мне увеселение.

Сад был у меня изрядной и для меня наиприятнейший. Положение мест, жилище мое окружающих, наипрекраснейшее и прочее и прочее.

Слуг, лакеев, камердинеров, официантов, управителей и дворецких хотя у меня не было многочисленных, но, по крайней мере, в нужных услужниках не было недостатка: было кому подать, было кому принять, было кого послать, было кому сшить, сковать, есть сварить и сделать что надобно, и в люди посылать не доходило почти никогда нужды. Чего хотеть более?

Цугов и экипажей драгоценных, также гайдуков, гусаров и скороходов хотя у меня не было, но, по крайне мере, никогда не хаживал я от нужды пешком, а было на чем и в чем всюду выехать; и хотя выезды мои и экипажи и не так были великолепны, как у прочих, но я в те же ворота всюду езживал и меня не хуже людей принимали.

Знатным достоинством, чинами и титлами хотя и не мог я величаться, но, спасибо, тем никогда и не прельщался, да и не искал того. По крайней мере, по милости Господней имел также чин, с которым не стыдно было мне никуда показаться: что нужды было в том, что я не генерал и не превосходительной! По крайней мере, был я хотя маленьким человеком, капитаном, но то знал, что меня почитали честным, добрым и хорошим человеком, а сего знания для меня не было приятнее. Сверх того, пользовался еще тем особливым счастием, что меня все знакомые любили, и хвалили и знакомые, и незнакомые. По милости Бога моего имя мое и без моего искания сделалось многим известно и были люди, желавшие усердно меня видеть и узнать.

Платье носил я хотя не драгоценное, не блистал хотя золотом и серебром и не ослеплял людей алмазами, но они мне были и ненадобны. По

крайней мере, не выезжал никуда в заплатах, а каково мое платье ни было, но везде принимали меня ласково и приятно и никто еще меня за платье не презирал, а и дома никогда еще я босым и нагим не ходил. Чего мне было хотеть более?

Всегдашних компаний я хотя и не имел, на балы, оперы, комедии и маскарады ездить и ими забавляться хотя и не имел случая, но, по счастию, мог я спокойно и весело и без них провождать свое время. По милости Господней имел я дома семейство такое, которым я доволен был: жена, милыя дети, теща, которую я за мать себе почитал, племянник, у меня живущий, могли уже всегда помогать мне провождать время.

Соседей, хотя не много, но, по крайней мере, они были и все нас любившие. Друзей и приятелей также было несколько, с которыми мог я съезжаться и веселиться; а сверх того, любезная библиотека могла во всякое время избавлять меня от скуки, а бумага и перо быть во всякое время наилучшими моими собеседниками; а когда не знал я совсем скуки, то чего мне было хотеть более?

Наконец, и что всего дороже, наслаждался я наидрагоценнейшею свободою, вставал когда хотел, делал что угодно и ложился спать когда хотелось. Кроме того, не имел я нужды ни к кому ездить или ходить на поклон, ни раболепствовать, ни лукавить и не лицемерить. Одним словом, жил на воле и был господином собственных своих поступков и боялся только Бога да моего государя.

А что всего для меня было приятнее, то не имел никаких себе известных недругов и злодеев. Ни с кем не находился я в ссоре и вражде, но со всеми жил мирно и согласно, а потому не имел причины бояться тайных своих злодеев и неприятелей, тем наипаче, что всегда полагался на власть моего Бога и на Его обо мне попечение искренно, а не одними словами.

Вот краткое изображение того благополучия, которым я при наступлении сего достопамятнаго года наслаждался. Что ж касается до ближайших и подробнейших обстоятельств, то они состояли в следующем.

Семейство мое в сие время состояло в следующих, милых мне особах: во-первых, матери жены моей, которую почитал я вкупе и своею и имел к тому причину; во-вторых, жены моей, далее дочери *Елизаветы*, которой шел уже шестой год и которую начинали мы уже учить грамоте. Она была ребенок такой, который не только нам, но и всем знакомым был любезен.

Она находилась еще в самой начинающейся только развертываться и разцветать юности и подавала о себе великую надежду.

В-четвертых, сыне большом, *Степане*, которому пошел пятый год, мальчике, хотя нравом и свойствами своими весьма отменном от сестры и несколько угрюмом и нелюдимом, но подававшем о себе также не худую надежду.

В-пятых, в сыне моем меньшом *Павле*. Сему шел только другой год, и потому он еще валялся в колыбели и не умел еще говорить. Со всем тем ребенок был милый и любезный.

Шестым сотоварищем нашим был племянник мой *Травин*, сын покойной сестры моей. Он жил у меня по сиротству и малолетству и кой-чему учился.

Что касается до прочих и не столь близких моих родственников, то были они следующие: во-первых, два брата моих двоюродных, *Михаил* и *Гавриил Матвеевичи Болотовы*. Оба они жили со мною в одной деревне и оба меня любили. Последний хотя в минувшем году мне и досадил, но я отпустил ему то в разсуждении молодости и возстановил опять пресекшееся было дружество. Сей был еще холост, а первый женат. Сообществом с ними не мог я много пользоваться: оба они были люди простые, оба неучи, и более об них сказать мне нечего.

В-третьих, родная тетка жены моей, *Матрена Васильевна Арцыбашева*, живущая от нас верст за 30. Сей дом считали мы ближним и всех прочих дружественнейшим, и ласки и дружество ея было нам и выгодно и полезно. У ней росли две дочери, бывшия уже девочками изрядными и которыя нередко гащивали у нас по нескольку недель сряду; сын же ее был еще невелик.

В-четвертых, родственник мой *Матвей Никитич Болотов*, живший в одной со мной деревне. Сего по ласке и дружеству его ко мне считал я ближайшим своим родственником, но жалел, что был он несколько особливаго и нелюдимаго нрава и характера, не любил выезжать, но в соседстве был я им очень доволен.

Вот почти вся моя ближняя родня; а впрочем, хотя я и имел родственников, но живущих далеко, как то: племянника во Пскове, трех племянниц в Кашине, тетку под Каширою, другую на Протве или паче в Москве, деда жены моей с детьми его в Цивильске, дядю ее в Козлове и некоторые другие.

Что касается до прочих обстоятельств, то приказных дел никаких я не имел, кроме межевого дела с волостными, которое все еще меня несколько безпокоило. Кроме сего, смущало меня то, что жена моя с некотораго времени сделалась больна маткою и ею очень страдала.

Что касается до моих упражнений, то, привыкнув издавна к трудолюбию, безпрерывно занимался я литературою и науками, но не столько упражнялся в чтении книг, как в письме и сочинениях. Новой год застал меня в следующих работах: во-первых, старался я оканчивать перевод «Китайской истории» или Нейгофово путешествие в сие государство. Книгу сию начал я давно переводить и в сие время труд сей приходил к окончанию, хотя, к сожалению, остался он совсем тщетным.

Во-вторых, продолжал я сочинять начатую недавно полезную книжку, не имевшую еще титула и долженствовавшую содержать в себе краткое руководство ко всем нужнейшим знаниям. Книга такая, которую давно собирался я сочинить; но пред окончанием минувшаго года нечаянной случай подал мне повод к начатию оной.

Тетка жены моей, г-жа *Арцыбашева*, отъезжая в степную свою деревню и оставив обеих своих дочерей у нас, просила меня, чтоб я подал им хотя малое понятие о законе. Я, согласясь с охотою на то, хотел было сперва растолковывать им *Платонов катихизис*, как единственную, имеющуюся у нас богословическую книгу о законе; но не успел начать, как нашел в том великия неудобствы.

Я находил тут многия пропущенныя вещи, о которых человеку молодому необходимо знать нужно, а сие и побудило меня приступить к другому роду истолкования. Я положил пересказать им на словах все нужнейшия вещи, что им о Боге, о свете и о человеке знать надобно, и пошел своим порядком. Сделанный опыт и мне и им полюбился. Я продолжал всякой день ввечеру им кое-что сказывать и сделал, так сказать, у себя маленькую аудиторию и слушателями моими были помянутыя обе девушки и мой племянник.

Но как материи накопилось уже нарочито много, то, опасаясь, чтоб они не позабыли, вздумал я сделать для них небольшую книжку, расположенную вопросами и ответами, в которой бы все то означено и вкратце изъяснено было, что я им разсказывал.

Но не успел я сей труд начать, как по примеру нечаянных предприятий, начал он удаваться гораздо лучше, нежели я думал, и побудил меня

приложить к сочинению сей книжки прилежнейшее старание и сделать из ней что-нибудь нужное и совершенное. Сию-то книжку, начатую около 15-го декабря 1722-го года, которую назвал я после «Кунсткамерою душевною», продолжал я сочинять по утрам до света, как в праздное и тихое время и при начале сего года, и писал уже о устроении животных.

В-третьих, занимался я обучением помянутых девушек арифметике, которой долг и услугу хотел я им также оказать. Что касается до моего племянника, то он вместе с сыном г. Ладыженскаго, проживавшем также у меня, чертил геометрию.

Сии были главныя мои занятия. Что касается до прочих начатых дел, то было их много. Во-первых, начато переписывание набело сочиненной недавно мною книги «О благополучии человеческом», о которой не за излишнее нахожу, как нечто в особенности достопамятное заметить, что при сочинении оной часто рождались сами собою в голове моей такия мысли, каких до того никак я не имел, и что нередко приводило самого меня в превеликое удивление. Впрочем книгу сию можно почесть плодом кёнигсбергскаго учения моего философии крузианской, которую и полагал я ей в основание; многое же писал из собственной своей опытности. Во-вторых, начата была перепискою набело вторая часть моей «Детской философии». В-третьих учинено начало переводу, или паче сочинению второй части «Истории святой войны»; в-четвертых, еще некоторыя другия мелочи.

Что касается до экономических моих трудов и сочинений по долгу звания моего, яко члена Экономическаго общества, которыя сочинения сделали имя мое во всем государстве известным и отчасти славным, то отправлено было в Петербург четыре сочинения, а именно: одно, содержащее в себе описание нашего хлебопашества; второе о истреблении костеря из пшеницы; третье о хмелеводстве, а четвертое, и недавно посланное, о употреблении навоза в степных местах. Но на все сии сочинения не было еще получено ответа.

Сии-то были обстоятельства наиглавнейшия, в которых застиг меня 1773-й год. Теперь приступлю к описанию происшествий, случившихся в течение онаго.

Первым примечания достойным происшествием почесть можно новое знакомство, начатое с домом генерал-майора Ивана Ивановича *Раевскаго*, живущаго в Любиже. С сим человеком давно уже хотелось мне спознаться, по причине, что был он мне по деревням сосед; но мне как-то на поклон

к нему ехать не хотелось, а ему и подавно не можно было, и дело зависело от того, что мы нигде не имели случая с ним свидеться, а при начале сего года оказался к тому наиудобнейший.

У господина *Руднева* родилась дочь *Елизавета*. Я крестил обыкновенно у него детей с госпожой *Полонскою*; но как ее не было, то звал он в кумы жену помянутаго генерала, *Прасковью Михайловну*.

Итак, 3-го числа генваря крестил я у него с нею и познакомился. Видел также и ея мать, госпожу *Кропотову*, муж же ея находился в Петербурге. Они обошлись со мною довольно хорошо и так, что я ласкался надеждою, что у нас с ними возстановится знакомство. Однако сего не воспоследовало: разныя обстоятельства и отлучка от дому причиною тому были, что нам не удалось после и видеться, а муж ея и умер, со мною не видавшись.

В самое то ж время и поутру самого того ж числа случилось еще одно происшествие. Вдруг сказано было мне, что у меня в доме появились опять горячки, по-видимому, прилипчивыя, и что человек пять вдруг заболели и лежали оными. Сие меня неведомо как перетревожило, и тем наипаче, что все больные лежали в задней людской горнице и что занемогли некоторыя и девки, живущия у нас в хоромах. Такое близкое соседство натурально привело меня в безпокойство превеликое.

Года за два перед сим терпели мы уже сие наказание, а несчастным моровым годом были и того более перепуганы, почему необходимость заставляла стараться как можно скорее употребить все предосторожности.

Итак, велел я того часа всех больных оттуда вывесть, очистить для них особую избу на скотном дворе и приставить к ним в надзиратели особаго человека. Заднюю же горницу, где они лежали, велел я тотчас перестать топить и выморозить, чтоб переменился воздух и вышли все прилипчивые пары, а здоровых людей перевесть в другую избу, приказав притом накрепко всем, чтоб с больными не иметь сообщения и как можно их убегать. В хоромах же тотчас началось курение уксусом.

В наступивший после того день, равно как нарочно для умножения моей опасности от прилипчивых болезней, был и со мною особливой случай.

Не то ездивши к г. *Руднему* в открытых санях, не то от другого чего, однако заболела у меня голова, стал показываться жар и сильное и частое биение пульса. При опасении давничнем горячки трогало меня сие очень, а особливо в разсуждении появившихся в доме болезней.

Однако я недолго медлил, а тотчас приступил к новому моему предохранительному в таких случаях средству, которым я уже много раз себе помогал, а именно, сверня бумажку и щекоча ею в носу, принужил себя чихнуть и повторил сие раза два. И мне удалось и в сей раз тем себе помочь; удары, произведенные чиханием во всей крови, в состоянии были остановить скорость ея движения и уменьшить чрез то начинающийся жар, а чрез то и боль головная уничтожилась.

Таким образом, имел я вновь случай удостовериться в полезности сего, мною нечаянно примеченнаго, весьма полезного врачебного способа и сожалел вновь, что многие не хотят и не стараются приучить себя к такому принужденному чиханию.

Теперь надобно мне заметить одну учиненную мною около сего времени выдумку. Печь в моем кабинете была кирпичная и складенная фигурно и довольно хорошо. Я сначала белил ее все мелом на молоке и по нему расписывал сперва красным сандалом[1] раковинами и картушами[2], но как она замаралась, то выбелили ее около сего времени вновь, и мне вздумалось расписать ее разными красками и разбросанными по всей печи цветочками. Чрез сие получила она еще лучший вид; а в сие время нечаянно вздумалось мне полощить ее зубом, и я увидел, что сим средством можно и на всю ее навесть лоск и придать ей тем красы еще больше. Она стала как фарфоровая и так хороша, что не уступала почти кафленой[3]. Краски распускал я на обыкновенной камедной[4] воде.

Впрочем, как около сего времени Святки начали проходить, то принялись мы за прежния упражнения и начали возобновлять малые свои философические разговоры, и более потому, что в сие время гостила у нас дочь госпожи *Иевской, Елизавета Семеновна*.

Сия, наслышавшись от моих учениц о наших разговорах, желала охотно и сама оных послушать. Для меня было сие очень приятно и материя в сей вечер случилась по порядку очень важная. Я изъяснял детям причину и намерения, для котораго свет создан и начальныя и важнейшия понятия о воплощении и искуплении Христовом; однако гостья наша что-то не весьма охотно слушала.

---

[1] Сандал – дерево из рода крушины, идет на краску.

[2] Картуш – виньетка.

[3] Кафленная – кафельная.

[4] Растительный клей.

Не ходя далее, надобно мне упомянуть слова два и о святочных наших в сей год упражнениях. Святки препроводили мы не гораздо весело. С деревенскими соседями как-то редко видались, а посторонних никого дома не было, а в иные дома для оспы ездить было не можно. Итак, сидели мы почти все Святки дома и играли одни только дети.

Что касается до меня, то поспешая привесть к окончанию перевод «Китайской истории», по вечерам и в праздное время упражнялся в оном. Однако и, кроме того, сделал нечто на память сим Святкам, а именно: в праздное время выдумал вновь несколько загадок, свойственных обыкновенным святочным занятиям. Для памяти, и что они в сие время и в Дворянинове родились, разсудил я их и здесь поместить. Они были следующия:

1. Живу я на свете очень давно, все хожу, все брожу, никогда не устаю, и то и дело, что старею да молодею.

2. Плоска я, пестра, собою пригожа, иных увеселяю, других обогащаю, а третьих разоряю.

3. Днем я дурна, ни к чему не гожусь, ночью прекрасна, алмаза ясней.

4. Плоска я, вонюча, в темноте люблю жить.

5. Сидеть не умею, ходить не могу, а бегать и соваться слишком остер.

6. Сплету себе кружок, сяду в уголок, сижу посижу, гостей подожду, пожалует кто, я цап его царап.

7. К чему я живая, и мертвая на то ж.

8. Черен, проворен и очень хитер; лазать и прыгать я слишком горазд; за 100 шагов безделица мне, я и за 1000 своих разом сигну.

9. Состареться, как я, всякий бы хотел, а жить, сколько я, не желает никто.

10. Копьями утыкан я смело хожу; злодей нападет я с места нейду; тронь меня, пожалуй, сам берегись.

11. В каменной одежде без ног я хожу.

12. Смерть перед ним – не трусит ее; чем бы бежать, он с места нейдет и только что ногами потаптывает.

13. Во все время в году слушаюсь всех, в одно время буяню, не гляжу на крик; но хвост подымя, сломя голову бегу и делаю досаду и вред иногда.

14. В лесу живучи, на зверя похож, лазить умею, а бегать не скор; живыми питаюсь, а живу не на земле; люди не любят, да я их люблю.

15. На войне не бывали, а лучше татар, увидев злодея, врознь не бежим. Хоть нечем нам драться, так вдруг закричим и, вместе сбежавшись, составим кружок. Всяк у нас за брата готов умереть и тем иногда отбиваемся.

Вот загадки, выдуманные в сии Святки. Я ласкаюсь, что они имеют на себе печать натуральности, ибо первая значит луну, 2 – карту, 3 – гнилушку, 4 – клопа, 5 – рыбу, 6 – паука, 7 – овчину, 8 – блоху, 9 – гриб, 10 – ежа, 11 – раковину, 12 – овец, 13 – корову, 14 – вошь, а 15, наконец, стадо свиней.

К Крещенью собрались мы опять все, ибо накануне сего дня возвратилась из Москвы жена моя, ездившая на самое короткое время в оную для покупок в сотовариществе *Марьи Семеновны*, сестры госпожи *Иевской*.

Ввечеру сего дня виделся я с соседом своим, *Матвеем Никитичем*, и поразился, увидев его в прежалком положении и в великой перемене состояния его здоровья. Уже за несколько времени до сего начал он что-то хиреть и все жаловаться на нездоровье. Болезнь, состоящая, как казалось, в изможданющей лихорадке, так его и довольно скоро изнурила, что остались только кости да кожа, и жизнь его висела как на ниточке.

Безпутная в молодости жизнь, а особливо во время гвардейской его в Петербурге службы, а потом проклятые мужицкие долги, в которые он по неумеренности расходов запутался, и наконец, самое непреодолимое упрямство ввергнуло его в сию болезнь; а говорят, что много поспешествовало к тому и то, что он, просясь в отставку и желая показать на себе вид больного человека, выпил по совету какого-то бездельника великое количество масла конопнаго, ибо с самого того времени он и начал уже хиреть и чувствовать себя нездоровым. Я взирал на него с чувствительным сожалением и чудился, что он, при всей своей немощи, затевал еще ехать в Москву для продажи двора своего. Я не знал, как он в состоянии будет ехать и ему того не советовал.

На другой день после Крещенья встревожены мы были опять новым подтверждением, чтоб иметь опасность и повсюду возжечь огни и поставить караулы. Оказавшаяся где-то в Воронежской губернии и в низовых городах язва была тому причиною. А к вящему устрашению услышали мы, что в лежащей верст за 30 отсюда деревне Селюме, на большой дороге к Туле, трое из проходящих лопатников скоропостижно умерли, и что для самаго сего деревня сия тотчас была заметана, да и мы принуждены были поставить вновь караулы.

В тот же день случилось у нас в доме одно странное происшествие. Водка, которую обыкновенно пред обедом пивала теща моя, будучи чистою, вдруг сделалась мутна и солона, а отчего – того найтить и открыть было не можно. Как в таких случаях человек склонен ко всяким подозрениям, то не освободились и мы от того: легко можно было заключить, что водке самой собою соленою сделаться никак было не можно, и надобно кому-нибудь быть, кто б в нее сию соль положил.

Также заключали мы, что соли сей нельзя быть простой, а какой-нибудь наговорной, или того хуже, отравленной каким-нибудь ядом. Известность, что подлость наша склонна к таким бездельничествам и такими наговорными вещами имеет обыкновение людей портить, или к милости преклонять, приводило нас в пущее сумнение. Я сам, каков ни тверд в таких случаях и как мало ни верил таким вздорам, однако встревожился и тем паче, что сия соленая водка попала, мимо тещи моей, бывшей у нас в гостях, *Марье Семеновне Шелимовой*. Она первая сие приметила и приведена была тем в превеликую трусость, даже до того, что принуждена была съесть ложку меду.

Я не мог оставить сего дела без исследования и принужден был употребить при том даже строгость против тех, на которых было некоторое подозрение; однако отыскать того никак не мог, да и льститься тем было не можно, ибо кто решится сам на себя сказать и признаться в таком проклятом деле.

Со всем тем думали мы, что произошло это от проклятой в челядинцах наших друг к другу ненависти, и радовались по меньшей мере тому, что открылось сие зло благовременно и что теща моя сей водки не пила. Итак, если подлинно скрывалось в том какое зло, то благодарили Бога, отвлекшаго от нас сию опасность.

В последующий день имел я, наконец, давно желаемое удовольствие видеть перевод «Китайской истории» приведенный к окончанию. Признаюсь, что работа сия была долговременная и немалых трудов мне стоившая.

Я начал книгу сию переводить года за три до сего времени и насилу в сие время ее кончил. Правда, хотя я и не всегда за нею сидел, и раза три-четыре работа сия надолго перерывалась, однако ж нельзя сказать, чтоб и скоро ее перевесть было можно. Книга в самом деле великовата и я дивился, что имел столько терпения и мог сие великое предприятие привесть к

окончанию. После сего потребно было еще много времени к переписке ее набело, чтоб можно было отдать в печать, как то мне сделать хотелось; но как для самого себя было сие уже слишком трудно, то помышлял я комиссию сию возложить на одного из моих мальчиков, писцов, хотя писали они не очень еще хорошо и исправно.

В сей день, продолжая обыкновенные мои с детьми вечерние философические разговоры, начал я им преподавать понятие о душе человеческой и о внутренних в ней происшествиях, или учить излегка телематологии, и сия материя, к удовольствию моему, казалась им приятна и они ее изряднёхонько понимали.

Нимало почти не уменьшившаяся болезнь жены моей принудила нас около сего времени послать нарочнаго к лекарю опять за лекарствами; но лекарь сей сначала показался нам весьма добрым и честным человеком, оказался наконец самым негодяем и безсовестнейшею тварью. Он старался только вытеблить[1] от нас колико можно более денег, а жене моей не только лекарствами своими не произвел ни малейшей пользы, но болезнь ея и едва ли не умышленно увеличил еще более из единой алчности к корысти и доставил нам бездельническими поступками своими столько досад, что мы раскаявались в том, что с ним связались.

Сей случай увеличил во мне прежнее невыгодное о лекарях наших мнение и подал вновь повод к жалению, что в отечестве нашем врачебная часть была в великом еще несовершенстве и сопряжена с великими недостатками. В тогдашнее время была сия часть несравненно еще в худшем состоянии. Монархи наши не прилагали еще столь много старания о усовершенствовании сей части. Тогда не было и десятой доли сих необходимо нужных людей против нынешняго.

Но, ах! Произошла ли какая существительная польза народу от того, что количество сих людей умножилось вдесятеро перед прежним?

Что пользы от того, что не только столицы набиты докторами и лекарями, но нет ни одного губернскаго города, где б не было и докторов, и лекарей, и операторов, и акушеров, и повивальных бабок, и управ врачебных; и нет ни одного уезднаго города, в котором бы не было лекаря и которых бы всех не содержали мы на своем коште и жалованье, – когда и ныне множество больных помирает так же, как и прежде, без всякаго при-

[1] Вытеблить – вырвать.

зора и подавания им помощи от сих докторов и лекарей; когда и ныне все они, несмотря, что мы их поим, кормим и содержим на наших трудовых денежках, помышляют только о том, как бы нас грабить и карманы свои набивать нашими деньгами, а о истинном помогании нам всего меньше радеют и помышляют!

Что пользы от всего того, когда и ныне в случае постигшей какой болезни и самый дворянин не дозовется к себе лекаря, не имея столько достатка, чтоб ему за приезд и за самое иногда ничто заплатить ему рублей 10 или 25 или еще более! А о подлом народе и говорить уже нечего.

Когда самим нам так отяготительны и дороги становятся их приезды, когда мы за каждое мановение рук их должны платить рублями, а при всем том получать от них очень-очень мало пользы, то чего можно надеяться от них нашей подлости и какого вспоможения ожидать себе от сих корыстолюбцев, не имеющих ни совести, ни сожаления, а помышляющих только о набивании достатками нашими своих карманов?

Истинно! Та польза еще не велика для государства, что все сии господа уездные врачи рыскают безпрерывно по уездам для вырезывания тел убитых, или опившихся, или скоропостижно умерших несчастливцев.

Но, с другой стороны, нельзя нам и обвинять правительство нерадением об нас. Оно, с своей стороны, учинило все, что нужно, и о пользе нашей прилагает наивозможнейшее старание; а вольно самим нам перепортить сей, толико нужный нам народ, и из добрых людей переделать всех бездельниками и негодяями.

Если б сами мы были б осторожнее, не платили б им за сущее иногда ничто бумажками целыми, не насыпали б карманов их за самый малый и ничего не значащий труд полными горстями денег, а платили б умереннее и оценивая дела, труды и старания их лучше, то не были бы и они так избалованы и не сделались такими алчными корыстолюбцами, каковыми они ныне, а получше бы исправляли свою должность. И тогда верно бы не перешло такое множество наших дворянских вотчин и деревень в руки господ докторов и медиков!

Но я удалился уже от порядка своего дела и время возвратиться к оному.

Желание мое издать перевод моей «Китайской истории» в печать и боязнь, что б кто иной не перевел оную и не напечатал, было столь велико, что я, подумав-погадав и не надеясь на своих писцов, решился пуститься

сам на весь труд, с переписыванием набело столь огромной книги сопряженной; и желая поспешить сим предприятием, оставил даже начатое переписывание книги своей «О благополучии»[1], а принялся около половины генваря за сие многотрудное дело, несмотря что не имел еще тогда ни малейшаго понятия о всех обстоятельствах, сопряженных с печатанием книг, и о всех бываемых при том многочисленных затруднениях, и забыв совершенно, что я не имел еще к тому ни малейшаго следа.

Но как бы то ни было, но я пустился на сию работу. Но увы! Сколь знаем мы о распоряжениях, делаемых со всеми нашими делами и предприятиями Промыслом Господним, и сколь часто обманываемся мы в предполагаемых надеждах и заключениях наших! Пример сей книги доказал мне то в последствии времени довольно ясно.

Всего того не совершилось нимало, что я об ней тогда думал и мечтал. Всю ее хотя я в разныя времена и переписал, хотя употребил к тому трудов и множество, но всем им назначено было остаться тщетными и переводу моему не быть напечатанному, а оный, переплетенный в трех частях, стоит и теперь в моей библиотеке в манускрипте и истлевает, покрытый пылью. Меня захватили другия дела и упражнения, а между тем издано в печать другое, и гораздо новейшее и совершеннейшее описание Китайскаго государства, кем-то иным переведенное; и я, узнав о том, с прискорбием принужден был поставить свой перевод для вечнаго отдохновения в библиотеку.

Однако около сего ж времени перетревожены мы были двумя обстоятельствами. Во-первых, что ходил солдат с повесткою, чтоб все поверенные являлись в Серпухов для прикладывания рук к межевщику *Лыкову*. Сей повестки хотя мы и дожидались, но не от него, и дивились, зачем спрашивал нас Лыков, и опасались, чтоб не отданы мы были опять в руки сему нечестивцу.

Во-вторых, встревожил нас слух, что не только в окрестностях была, но и в самое наше селение вкралась уже оспа, болезнь, которой мы тем более опасались, что все дети мои не лежали еще оною. Кроме сего, и прежде упомянутыя горячки в доме моем все еще продолжались и не хотели никак пресечься, как мы о том ни старались. Но, по крайней мере, рад я тому был, что никто из них не умирал, а все опять выздоравливали.

[1] Полное название – «О благополучии человеческом».

Между тем, как гостьи и ученицы мои столько уже арифметики от меня научились, сколько нужно знать из ней женщинам, то, продолжая по-прежнему наши философические разговоры, восхотелось мне старшей из них преподать некоторое понятие и о географии, науке толико для всех нужной и необходимой.

Не удовольствуясь показыванием всего в атласах, вздумал я, для лучшаго и удобнейшаго впечатления в памяти ея фигур и положения всех земель и вод, употребить особое средство, а именно: заставить самое ее иллюминировать все четыре части света на ландкартах русских и случившихся у меня неразрисованными, а чрез самое то познакомить ее несколько с употреблением красок и кистей.

И как успех имел я в том вожделенной, то хотелось было мне и далее и далее продолжать старания о впечатлении в младой ум ея множайших понятий и знаний, нужных молодым людям; но вдруг все наше с толиким успехом начатое и продолжаемое учение разрушилось и пресеклось. Получено известие, что мать их возвратилась из степной деревни, и мы принуждены были отпустить их к ней в присланном за ними возке; а вслед за ними и сами в Калединку поехали.

А как письмо мое достигло до обыкновенных своих пределов, то дозвольте мне на сем месте оное, прервав, кончить, сказав вам, что я есмь, и прочая.

(Декабря 6-го дня 1808 года).

ПЕРЕПИСКА С НАРТОВЫМ

Письмо 157-е

Любезный приятель!

По возвращении моем из Калединки, где я три дня пробыл, обрадован я был получением давно уже ожидаемаго письма и книги из Экономическаго общества, и как пакет был толст, то думал я, что с книжкою прислана ко мне медаль; однако в том обманулся: была то XVIII часть «Трудов» Общества, которая у меня пропала и о чем я писал в Общество и вместе с нею новая, XX часть.

При обеих их приложено было письмо от секретаря общества, г. *Нартова*, которое заставило меня несколько думать. В оном уведомлял он меня, что сочинение мое «О хмелеводстве» отдано в комитет на разсмотрение и что все мои (?) похвальны принимаются всегда Обществом с удовольствием, и присовокуплял к тому, что как он по должности своей имеет переписку со всеми отсутственными членами о делах экономических, то просит, чтоб я впредь с ним начал переписку.

Сие самое заставило меня думать, ибо я не знал, о какой он переписке упоминает: о приватной ли и пространной, или чтоб только адресовать письма мои на его имя, а не к собранию вообще, как я до того времени писал. Итак, чтоб соответствовать его желанию, то спешил я написать хотя коротенькое какое сочинение и отправить оное в Общество при письме, к нему уже адресованном.

К сему употребил я описание о выдуманной мною и той рабочей тележке, которую я уже за несколько времени до того с отменною выгодою пользовался при моих земляных и садовых работах и которая оказалась так способна и хороша и нужна в доме, что мы с того времени и доныне все такими тележками пользуемся и на разныя домашния нужды употребляем. Сию-то тележку, описав и приобщив к описанию рисунок, послал я в сей раз при письме к *Нартову*. И с сего времени началась у нас с ним первая переписка.

А самое сие вскоре побудило меня из всей переписки моей с Обществом составить особую книжку и вносить в нее все пересылаемые от меня в Общество и к *Нартову* и от него ко мне письма; которым трудом и занимался я в конце генваря месяца, которой сделался несколько достопамятным тем, что в самой последний день сего месяца родился у брата, Михаила Матвеевича, сын *Василий*, которой остановился было в живых и был уже лет 12-ти и мальчик добренькой, подававший о себе хорошую надежду. Но Провидению не угодно было оставить его в числе живущих: он умер, находясь у нас в доме, в начавшихся только разцветать отроческих летах. Мы окропили гроб его своими слезами и, любя его искренно и о воспитании и учении его стараясь, сожалели чувствительно, что злая чахотка его у нас похитила.

Начало месяца февраля было для нас не очень весело. Множество больных и час от часу умножающееся количество оных нагоняло на нас

великой страх. Было у нас их около сего времени человек более 15-ти и две избы набиты ими полны.

Я сам того и смотрел, чтоб не занемочь, и как мы не знали, чем сие зло перервать, то восприяли прибежище свое к богомолию, поднимали образ к себе из Савинскаго и едва ли когда-нибудь с таким усердием молились Господу всем двором, как в сие время.

По отправлении последней моей пиесы в Экономическое общество напала на меня охота продолжать еще далее свои экономические сочинения и я, зачав тотчас новое, занимался оным при начале февраля и было оно «О искусственном удобрении земель», которое после, вместе с прежними моими сочинениями, и удостоено было печати.

Во второй день сего месяца проводил я родственника и соседа своего *Матвея Никитича* в Москву, изнуреннаго до того болезненным своим состоянием, что я отчаявался уже сам в жизни. Будучи многим людям, хотя небольшими суммами, должен, хотелось ему со всеми ими расплатиться и продать для сего свой московской дом. С превеликим трудом отправился он в путь сей и я, прощаясь с ним, боялся, чтоб не в последнее то было.

В последующий день увеличился страх мой еще более оттого, что в сей день у самого меня болела голова чрезвычайно и я весь день немоществовал.

Скрывая то от домашних, старался я всячески перемогаться, и как в самый сей день была повестка из Серпухова по межевым делам, то сие перетревожило меня еще более.

Я, за верное почти полагая, что слягу, боялся, чтоб сие не помешало мне кончить межевое дело и чтоб болезнь не случилась в самую нужную пору, и для того положил ехать хоть чрез силу в Серпухов и узнать тамошния обстоятельства; но частое чихание помогло мне и в сей раз, и к вечеру сделалось мне гораздо лучше и свободнее.

Итак, в последующий день поехал я в Серпухов к межевщику. Он принял меня очень ласково и так приятно, как мог я от него только требовать. Я препроводил с ним весь день в сотовариществе полковника *Полуектова* и славнаго межевщика *Ланга*; а ввечеру ездили мы вместе к сему Лангу, а потом были у межевщика *Караулова*. Одним словом, весь вечер до полуночи провели мы в питье и гулянии, по их обыкновению.

Я хотя мерзил таковыми беседами, но принужден был против хотения делать им сколько мог сотоварищество и получил чрез то ту пользу,

что спознакомился со многими межевщиками, а особливо с конторским межевым секретарем *Селижаровым*, которой меня как-то отменно полюбил.

Я имел тут случай говорить кое-что из наук, а самое сие и подало всем им обо мне хорошее мнение и послужило мне потом в пользу, и некоторые из них, а особливо секретарь Селижаров и весьма мне пригодился после.

Межевщик так был мною доволен, что не отпустил меня на квартиру и я принужден был ночевать у него; а поутру говорили мы с ним о межеванье и я нашел, что дела наши были на хорошей ноге и казалось, что по дружескому обхождению со мною межевщика, не имел я причины ни малейшаго зла опасаться.

Весь оставшийся еще небольшой лишек и пример в наших дачах хотел он пустить в неудобную землю и сделать так, чтоб волостным с моей стороны совсем нечем было поживиться, и притом обещал уговорить их, чтоб они помирились со мною на старом владении. Но на все сие не мог я еще положиться, а положил ожидать всего от времени.

Из Серпухова проехал я тогда прямо рекою за Тарусу, к родственнику и приятелю нашему г. *Гурьеву*, у котораго тогда находились мои домашния; и как была у нас около сего времени Масленица, то, возвратясь оттуда, проездили мы всю сию неделю с ними по гостям, по родным, друзьям и приятелям нашим, и насилу удалось нам в последний день сей недели провесть дома.

Во все сие время не произошло ничего чрезвычайного, кроме того, что меньшому моему двоюродному брату, *Гавриле Матвеевичу,* вздумалось посмотреть приватно внуку одного соседа нашего, г. *Селиванова*, девушку *Онучину*; но как она ему не полюбилась, то и не приступил к сватовству, и Промысл Господень, располагающий нашими жребиями, отвлек его от сей затеваемой им женитьбы.

Еще было для меня то радостно, что болезни в доме моем, по благости Господней, так вдруг уменьшились, что не было ни одного уже более больного, а приписывали то действию усердному нашему молению Господа.

Препроводив первую неделю Великаго поста в обыкновенном говенье и моленье, на второй имел я одно особое дело.

19-го числа февраля приезжали ко мне неожидаемые гости, дочь г. *Змеева*, Александра Аврамовича, с мужем своим, г. *Лабынцовым*.

Сего человека имел я тогда впервые случай видеть и он мне полюбился, а жена его была родная племянница соседки нашей, г-жи *Ладыженской*, и имела с нею о разделе деревень приказное дело.

В то время, как была она малолетна, то обидел как-то при разделе ее сосед мой г. *Ладыженский*, а муж ея тетки, и захватив несколько людей лишних, владел ими более 10 лет несправедливо.

Итак, приехали они просить его, чтоб он с ними развелся, а ко мне заехали с просьбою, чтоб я постарался их помирить, о чем привезли от старика отца ея просительное ко мне письмо.

Я хотя и не надеялся, чтоб мог успеть в своей просьбе и старании, но по долгу христианскому охотно принял на себя сию коммиссию и, призвав Господа в помощь, поехал с ними на другой день к г. *Ладыженскому*.

Достопамятен и приятен был для меня день сей; ибо, против всякаго чаяния, помог мне Бог разными представлениями преклонить моего, много меня любящаго соседа к произведению добродетели.

Не могу забыть, сколь радостна была для меня минута их примирения. Слезами радости обмочилось все лицо мое и я неведомо как доволен был г. *Ладыженским* и мог сказать, что в этот день имел я паки случай видеть, какое неоцененное, приятное и неописанное увеселение приносит производство всякой добродетели.

Я благодарил Бога, что удостоил Он меня быть маленьким при том орудием и веселился духом, что произвел при помощи Божеской хорошее дело. Но, ах! Как легко можно в людях обмануться и сколь скоро могут произойтить совсем неожидаемыя нами следствия.

Нечаянной случай не допустил меня дождаться окончания сего важнаго дела. В самую нужнейшую пору прислали ко мне вдруг гонца с просьбою, чтоб я ехал скорее к возвратившемуся из Москвы и более еще ослабевшему родственнику моему, *Матвею Никитичу,* и спешил как можно, чтоб застать его живым, ибо его так схватило, что послали уже за попом.

Легко можно заключить, что сие понудило меня спешить начатым делом; но самое сие и помогло мне скорее их примирить: Александр Иванович согласился на все; итак, ударили по рукам, после чего не стал я долее медлить, а поскакал в Дворяниново.

Соседа моего застал я едва уже в живых и при самых почти дверях гроба. Во все сие время он так истончал, что остались в нем одни кости да кожа, и немилосердая чахотка гнала его очевидно во гроб. Однако пред

приездом моим ему несколько полегчало. Он просил меня, чтоб я сделал милость и дал ему совет, как ему поступить с малыми и ненадежными еще детьми своими и с остающеюся после его молодою женою?

Любя сию, хотелось ему сделать ей что-нибудь в пользу, на случай, ежели не останутся две маленькия еще дочери его в живых, и чтоб имение его не досталось в сем случае законным наследникам его, господам *Темирязевым*. Я не знал, что ему на сие отвечать, ибо встречались тут две противныя друг другу должности и мне хотелось, чтоб дело сие меня миновало.

Не успел я возвратиться в свой дом, как поутру на другой день приехали ко мне опять вчерашние гости с неожидаемым уведомлением, что миротворение мое опять рушилось и что причиною тому была уже самая родная тетка гостьи моей и жена г. *Ладыженскаго*. Она, по отъезде моем, расплакалась и начала так тазать мужа своего за то, что он отдал мужиков, неправильно отнятых, что он рушил данное свое слово – и дело не состоялось.

Прискорбен был для меня сей случай, хотя к тому не подал я ни малейшей причины. Но что мне было делать? Я с моей стороны исполнил долг и более сего не можно было от меня ничего требовать.

В последующий за сим день был *Матвей Никитич* так слаб, что соборовали его маслом. Печальная сия процессия производилась при всех нас, его родных и соседях, и мы не могли без чувствительнаго сожаления смотреть на сего, жизнь свою оканчивающаго молодого человека.

Он был хотя очень слаб, но имел еще столько силы, что мог сидеть; но с сего времени начал он уже час от часу худеть и к концу своему приближаться. Я посещал его всякой день и делал ему последний долг в жизни своим сотовариществом.

Между тем в праздные часы продолжал я заниматься экономическими сочинениями и, видевшись с соседом своим, г. *Ладыженским* и его женою, старался было всячески преклонить их на лучшие мысли; но все труды мои были тщетны. Они заупрямились, принялись тягаться и защищать свое неправое приобретение.

Что касается до болезни *Матвея Никитича*, то она час от часу усиливалась и довела его до того, что он так истончал, что я отроду моего так исхудавшаго человека не видывал. Это был сущий скелет и можно было все устроение костей человеческих в нем видеть, ибо они обтянуты были одною только кожею.

Наконец, 28-го числа февраля, случившийся тогда в четверг третьей недели Великаго поста, ввечеру, часу в девятом, преселился он из сей кратковременной жизни в вечную и отошел к своим предкам.

Можно сказать, что сей день был достопамятен во всем нашем роде и фамилии *Болотовых*; ибо кончиною его прервалось вдруг целое поколение, продолжавшееся около 200 лет, и чрез самое то целая половина всех здешних дач вышла в другой род.

Прискорбен был для меня сей случай. Я виделся с ним в самой последний день его жизни и разставался с ним часа за три до кончины, прощался с ним в тех мыслях, что его более не увижу, ибо нас звали тогда по межевым делам в Серпухов. Он был в совершенной памяти и говорил по самую последнюю минуту.

В последующий день, бывшим первым в марте, поехали мы с братом *Михаилом Матвеевичем* в Серпухов к межевщику. Сей, поймав нас на дороге, затащил к себе на квартиру. Итак, стояли мы опять у него.

Но езда наша была опять по-пустому. Из волостных поверенных не было никого и мириться было не с кем. Однако сказывал он мне, что виделся с ними в Москве и уговорил почти, чтоб они с нами помирились. Всходствие чего и велел он нам подать сказки, что мы при прежних границах своего владения остаемся; каковыя сказки в неизвестности о будущем мы тогда и подали.

3-го числа марта происходила у нас печальная процессия погребения *Матвея Никитича*. Его погребли при нашей церкви снаружи, против алтаря, в правую сторону сажени 3 или 4 от гроба Петра Даниловича *Стахеева*.

Таким образом лишились и схоронили мы одного из наших товарищей, нашего единовременника, соседа, родственника и приятеля; и как он был последний Кирилловского поколения, то не излишним я почел описать здесь вкратце его кратковременную жизнь, дабы потомки нашей фамилии, да и его собственной, прешедшей в иной род, о том ведали.

Он родился в 1745 году, в то время, когда отец его, *Никита Матвеевич Болотов*, был подполковником в Киевском пехотном полку и находился у ревизии на Белеозере.

Смолоду был он ребенок, подающий о себе великую надежду. Отец его, не жалея труда и убытков, обучил его по-немецки и по-французски, и будучи потом полковником в Троицком полку, имел к тому вожделенной случай.

Могу сказать, что он около 13-тилетняго возраста был завидной ребенок и я сам, видев его около сего времени, завидовал, что он обеими сими языками лучше говорил, нежели я. Со всем тем прочее воспитание его было не очень хорошо.

Отец его был нрава премудренаго, слишком своенравен и характера страннаго, почему и его воспитывал слишком строго и как-то не на людях, отчего и сделался он уже с самаго младенчества дик. А как он удалился в отставку и женился на другой жене, то и подавно воспитание сыну его было дурное.

К вящему несчастию, отдал он его доучиваться в Московский университет и без всякаго за ним присмотра. Тут живучи, имел он случай научиться многому худому, а доброму ничего; и как сие было в самое опасное время его лет и возраста, то нравственность его получила великое себе повреждение.

После того взял его отец к себе и тут подержав, несколько времени в безлюдьи и в загнаньи, записал его потом в гвардию, сию тогда развратницу молодых людей, и отправил его в Петербург, не препоручив, также из своенравия, никому из своих приятелей.

Мы не могли тогда довольно надивиться поступкам сего старика и совершенному нерадению его о своем сыне, которой у него один только и был. Он так мало об нем старался, как бы вовсе ему отец не был.

Сие было причиною, что он и в гвардейской службе не имел никакого успеха, и как будучи воспитан на безлюдьи и там от всех бегал и удалялся, то и был от всех презираем и забвен.

Наконец умер отец, и он сделался после его наследником. Тогда, вырвавшись, как птичка из клетки и получив достаток в руки, пустился он во все шалости. К вящему несчастию, отпросился он на год домой.

Я старался сколько мог тогда поставить его на путь истинной, но не имел в том успеха, и все мое благоприятство, ласки и дружество к нему не помогло нимало. К несчастию, попался он в когти двум своим двоюродным братцам, гг. *Елагиным*.

Сии, будучи люди молодые и не слишком усердные последователи добродетелям, наставили его на все доброе. Первое их дело было отвлечь его совсем от меня, и как сие им удалось, то ввели они его во все пороки, молодым людям свойственные. Он впал в пьянство, мотовство и распут-

ство и производил в доме такия дела, о которых я, не хотя посрамить его памяти, умолчать должен.

Сим образом развратившись, поехал он опять в Петербург продолжать свою прежнюю безпорядочную жизнь. Легко можно заключить, что там все сие производило худыя следствия.

Он познакомился и сдружился с такими ж негодяями, которые довели его наконец до совершенной пагубы. Он впал в превеликие долги и шалости и за все то бит был не на живот, а на смерть.

Я старался, сколько мог, увещевать его письмами и, наконец, имел удовольствие привесть его в чувство; но, ах! сие было уже поздно. С братцами своими хотя и перестал он знаться, узнав их ложное дружество, но потеряннаго здоровья и нажитых долгов возвратить было уже не можно.

Обременен будучи долгами и имея в теле много повреждения и основания болезням, приехал он опять домой, отпросясь опять в отпуск. Тут вздумал он жениться и начать порядочную жизнь. Женитьба его была скоропостижная. Он выбрал сам себе невесту и, не долго думая, женился, равно как предвидя, что долгое сватовство ему не принесет пользы и хорошия невесты за него не пойдут, но мы и тому были уже рады, желая только, чтоб он женился.

Со времени женитьбы сделался он ко мне уже несколько более прилепленным и начал жить уже порядочно. Но как он слишком уже одолжал, а жену взял ни с чем, то не можно было ему из долгов выкарабкаться и он запутался в них еще более. Сие привело его в величайшую задумчивость и побудило его, наконец, иттить в отставку.

Он отбился всякими неправдами от службы и, не знаю доподлинно, а сказывали, будто сделал он при том ту великую и прежде мною упомянутую уже глупость, что, желая показаться на смотр больным, подражая глупому мужицкому обыкновению, выпил целой стакан конопнаго масла, и от того так помертвел, что можно было считать его в тот час полумертвым. И от сего самого дня и от сей ли причины или от побоев, начал он чахнуть и чах во все время своего в деревне, после отставки, жительства; даже до того, покуда, наконец, прошедшею осенью подхватила его злая чахотка и довела до гроба.

Вот, какие были плоды развратной и безпорядочной жизни! Пример, могущий послужить в пользу молодым людям.

Теперь опишу, каков он был собою. Росту был он средняго, собою худощав, лицо имел продолговатое, волосы русые и лоб взлизистой, и отменен был от всех тем, что нос имел отменно велик; говорил немного картаво, в обхождении не очень ласков, но с друзьями приятен; молчалив, шутлив и притом лукав. С чужими очень застенчив и бегал всех.

Что касается до его нравственности, то был он человек доброй души. Неправды никакой мы от него не видали; впрочем, в доме своеобычлив и самонравен слишком. Охоту имел только до лошадей, и то пустую и убыточную, а не полезную.

Книги не брал никогда в руки, и все употребленные к обучению его языкам и прочему труды и кошты пропали тщетно, так как пропадают они и в разсуждении многих других, обучавшихся в молодости.

Экономию вел он мудреную и странную. Казалось, что он ко всему прилежал, но все как-то шло в тук: всю свою жизнь провел он в нужде и недостатке. Все ему как-то было тесно, все жался в угол и ни к кому не любил ездить.

Кто приезжал к нему, принимал ласково, а сам разве с превеликою неволею куда выезжал. Одним словом, был сущий бирюк, и этот был главнейший его порок, ибо от прочих, наконец, он отвык и в последние годы вел порядочную жизнь. Прежния свои шалости покинул, не пил уже ничего и не безпутствовал; но все сие было уже поздно.

Со мною жил он в последние годы очень дружно и могу сказать, что почитал меня себе истинным другом и во всем меня слушался и повиновался. Почему ту честь должен я ему отдать, что я соседом сим был очень и очень доволен и имел в нем такого, какого лучше желать не мог. То только было худо, что он редко ко мне хаживал, а в прочем во всем, а особливо при разделах земли был я им совершенно доволен.

Он полагался во всем на меня и был в чистосердечии и праводушии моем так уверен, что за несколько дней пред концом жизни своей поручил мне жену свою и двух малолетных своих дочерей в опеку и просил быть их отцом.

А чтоб обезпечить и жену и детей своих в разсуждении остающегося после его имения, то, желая сделать жене своей добро, написал он вексель в нескольких тысячах на имя серпуховского купца *Плотникова* и, вручив мне его, просил, чтоб я упросил помянутаго купца адресовать его на имя остающейся жены его, с полученною якобы от ней уплатою и потом про-

тестовал бы его по форме, но хранил бы у себя оной как священный залог, покуда дети его будут живы, и чтоб не инако выдал его в руки жены его, как в случае смерти обеих дочерей его. Которое обещание я и выполнил совершенно.

И как впоследствии времени ни старалась жена его у меня сей вексель вытеблить, и как невинным совсем образом ни претерпевал я от ней за то заочно ругательство и повсеместныя на меня жалобы и самыя даже проклятия и нехотение даже иттить на гроб мой, когда умру, и как ни угрожала она мне, что будет на меня просить правление и наместника, но я в совести своей был совершенно чист и прав, поелику вексель сей нимало ко мне самому не шел и мне никогда не мог послужить в пользу и я не инако как с сим условием согласился вмешаться в сие дело, и по тому самому не хотел никак принять от него даримой им мне пустоши Голенинки, но не хотя обидеть сирот его, совершенно от того отказался.

Почему и не смотрел я нимало на все помянутыя ея дурачествы и женское легкомыслие, а смеяся только ея глупостям, сам делал то, что повелевал мне долг и, сохраняя у себя вексель, некакой священной залог, не допустил мать сию, вышедшую за другого потом мужа, разорить и по-миру пустить родную дочь свою, а сохранил для сей отцовское ея имение, которым пользуется она и владеет и поныне. Другой своей сестры лишилась она еще в младенчестве, а ругавшей меня умнице, матушке ея, не удалось наругаться над моим гробом, ибо я и поныне еще по милости Господней жив, а она давно уже сотлевает в недрах земли хладной; но да почиет прах ея с миром в оной.

Вот краткое описание жизни моего родственника и соседа и я могу сказать, что мне было его очень жаль и что не мог я с ним без пролития слез разстаться. В самое теперешнее время, когда сие пишу, возобновляющееся во мне напоминание о том, как мы с ним жили и как он ко мне ласкался, меня любил и почитал, производит в душе моей некое нежное и прискорбное об нем сожаление и пожелание, чтоб прах его почил с миром, а дух его был блажен в селениях небесных.

Теперь, кончив сие печальное повествование, обращаюсь я к другим предметам.

Не успели мы схоронить сего любезнаго моего соседа, как на третий день после того, а именно 5-го числа марта встревожен был весь дух мой

полученным из Петербурга письмом от г. *Нартова*, секретаря Экономического общества.

Сей незнакомый мне совсем, но заочно меня полюбивший человек уведомлял меня, что он имел случай рекомендовать меня князю Сергию Васильевичу *Гагарину*, сенатору и кавалеру и нашего Общества члену, который, также полюбив меня заочно, по одним моим сочинениям, хотел со мною познакомиться и просил его, чтоб он меня с ним познакомил, обещая, что если со мной познакомится и я соглашусь помогать ему смотрением моим над порученными ему от государыни ея волостьми, то он вы́ходит мне от монархини чин и достаточное жалованье.

Г. *Нартов*, из любви своей ко мне, убеждал меня при том в письме своем всеми образами и просил, чтоб я уведомил его, какия имею я о том мысли.

Признаюсь, что письмо сие произвело во всей душе моей наивеличайшую тревогу, и день сей был весьма достопамятный в моей жизни.

Предлагался мне чин и жалованье, а при том еще рекомендация тогдашней императрице нашей, следовательно, честь, знаменитость и богатство, до того нимало меня не прельщавшия; но требовалось, чтоб я переменил свое состояние, покинул свой дом и спокойную, свободную, драгоценную деревенскую жизнь, какою тогда, по благости Господней, наслаждался, и, лишась вольности, отдал себя в неволю, запутал себя в труды и должности и пошел опять в пространное житейское море, оставив свое любезное уединение. Цена поистине великая и требующая по всей справедливости великаго разсмотрения!

Я не знал тогда что делать и находился в великом замешательстве и разстройке мыслей. С одной стороны, льстил меня чин, знать и жалованье, но, с другой – устрашали хлопоты, неволье и жаленье о тогдашнем драгоценном для меня состоянии.

Я колебался мыслями и не знал что делать, что предпринять и к чему приступить; наконец, родилась во мне мысль, что приходит сие не случайно и не само собою, поелику я о сем не имел даже никогда и малейшаго помышления, а не только сего искал и домогался; а потому догадывался и не сомневался в том, что тут есть действие Промысла и содействие Того, Кому давно поручена жизнь моя в полное владение и распоряжение, то есть милостиваго и всещедраго моего Бога, Небеснаго Отца и покрови-

теля, оказавшаго мне в жизнь мою безчисленные опыты Своего обо мне попечения и старания.

Вспомнив сие, успокоился я духом, и сердце мое наполнилось чувствиями живейшей благодарности к Нему, а посему и передавал я дело сие на Его святую волю и просил только, чтоб Он мне сказал, куда мне иттить и что делать.

Но не одним сим сей день для меня достопамятен. Произошло в оный и другое, также примечания достойное, происшествие. В самую почти ту же минуту получил я известие, что приехал в Якшино г. *Щербинин* и хотел со мною видеться.

Таким образом, ездил я в сей день к нему и имел случай спознакомиться с сим знатным человеком, бывшим тогда губернатором в Харькове, и имел счастие ему очень полюбиться. До сего времени он знал меня по одному только слуху и имени, а теперь узнал лично, и могу сказать, что я обращением его со мною и ласкою был чрезвычайно доволен и льстился надеждою, что он мне когда-нибудь при случае сгодится.

Как я не знал в точности обстоятельств и того, под какими волостями князю *Гагарину* поручено смотреть и где сии лежат волости, а надлежало в непродолжительном времени что-нибудь писать в Петербург к г. *Нартову*[1], то положил я в последующий день съездить к другу моему г. *Полонскому* и с ним о том посоветовать и слышать о том его мнение.

Сей приятель мой не успел прочесть письма, как пришел в восторг с радости, что со мною сие совершается. Его первое слово было то, что он сам молебен отпоет, если сие сделается, и говорил мне, чтоб я отнюдь сего случая не выпускал из рук; что счастие само меня ищет; что у князя Гагарина не имеется никаких иных волостей, кроме Богородицкой и Бобри-

[1] НАРТОВ Андрей Андреевич (1737–1813) – государственный деятель, писатель и переводчик, действительный тайный советник, президент Берг-коллегии, почетный член Академии Наук, президент Российской академии (1796). Сын А. К. Нартова. Его имя, как члена Вольного Экономического Общества, встречается в числе основателей последнего; причем с самого основания общества А. А. Нартов был первым его секретарем (с 15-го июля 1765 г. по ноябрь 1778 г., а затем с декабря 1787 г. по генварь 1797 г.), а с генваря 1797 г. по день смерти, то есть до 2-го апреля 1813 г. был его президентом.

Российский естествоиспытатель, один из основоположников лесоводства в России. Впервые установил (1765) принцип размещения древесных пород в зависимости от топографии местности и почвенно-грунтовых условий. Содействовал развитию горного дела в стране. Печатал в журналах стихи, оды, многочисленные переводы, в т. ч. Лессинга, Лесажа; перевел на русский язык «Историю» Геродота, «Минералогию» И. Г. Лемана, «Металлургию» Д. Скополи и др.

ковской, лежащих неподалеку за Тулою; что управительское в сей волости место лучше всякаго воеводства и чрезвычайно выгодно.

Одним словом, он насказал мне столько выгод, что если б я не философския имел мысли, так бы имел причину почитать себя чрезвычайно счастливым. Но я только усматривал из того час от часу больше начинающуюся ко мне особливую Божескую милость и благодарил сего великаго моего благодетеля.

Все сие побуждало меня час от часу охотнее приступить к предлагаемому, и как в самое то время и равно как нарочно случился у меня и человек из Кашина, отправляющийся в Москву, то не стал я долее медлить и написал письмо к *Нартову* в ответ. Сие письмо удалось мне написать, не знаю как сказать, ни то хорошо, ни то худо. Я писал его почти не своею головою и так, как люди не пишут.

Сперва благодарил я *Нартова* за его к себе одолжение, потом сделал приветствие князю, которые оба пункта удались мне как лучше желать не можно. Последующия засим строки были особаго, весьма важнаго и такого содержания, которыя, как думал я, будут Нартовым не ожидаемы. В них, открывая ему свои мысли, писал я прямо как практическому философу надобно. Я изображал ему в коротких словах всю драгоценность тогдашняго своего образа жизни, изъяснял, сколь трудно мне разстаться с оною, и, наконец, заключил тем, что я предлагаемую должность не инако соглашусь принять, как только в таком случае, если сия волость недалеко лежит от моей деревни, если я не принужден буду совсем бросить свой дом и если мне дастся хорошее жалованье, и сие для того, чтоб я тем меньше мог помышлять о неправедных прибытках; ибо сей пункт был для меня страшен. В противном случае, что охотнее хочу я остаться в прежнем своем незнакомом угле, чине и достатке.

К сему письму приложил я случившияся тогда и равно как нарочно к тому переписанныя сочинения: одно о *садах*, а другое о некоторых деревенских *лекарствах*; также одну безделушку, относящуюся до натуральных редкостей, которую случилось мне нечаянно найти минувшим летом в вершине подле своего дома; ибо сего хотелось г. *Нартову*, как охотнику до таких вещей и собиравшему у себя кабинет натуральный.

Сие письмо отправив я в Москву с кашинским человеком, стал дожидаться, что оно произведет и что воспоследует далее. Потом ездил я

вторично к г. *Щербинину* и свел с ним более дружбу. Он меня так полюбил, что насилу отпустил, продержав меня у себя до самаго вечера.

При таких многих и сряду друг за другом в короткое время случившихся происшествиях не мог я тогдашнему периоду времени довольно надивиться и почитал оный в особливости примечания достойным.

Сперва случилось миротворение г. *Ладыженскаго*, там кончина и погребение родственника и соседа моего, потом межевыя дела, там помянутое письмо и важное предложение; вместе с тем знакомство с г. *Щербининым*.

Но того было еще не довольно, но к тому присовокупилось еще, что в последующий затем день, то есть 9-го марта, получил я, против всякаго ожидания, от племянника моего родного из Пскова известие, что было для меня очень радостно; а 10-го числа ездил в Серпухов и при сем случае свел дружбу с купцом *Плотниковым*, которая для меня была также интересна.

Потом приехала к г. *Щербинину* его жена, и мы приглашены были к ним. Она не менее благоприятствовала моим домашним, и как вскоре после того случилось жене моей быть именинницею, то одолжила нас генеральша сия в сей день своим посещением с сыном и прочими детьми своими, с которыми мы также при сем случае спознакомились. А вслед засим получил брат мой *Гаврила Матвеевич* отставку и прапорщичий чин, и я радовался и благодарил Бога, что все члены нашей фамилии были уже офицерами. Итак, происходили одно происшествие за другим, и все были довольно важныя.

Достальное время сего месяца препроводил я в переписывании набело и переправлении книги моей «О благополучии человеческом» и в продолжении сочинения другой, названной «Душевною кунсткамерою».

День Пасхи случился в сей год очень рано и в самый последний день марта месяца, и вкупе в самую половодь и распутицу. Сие принудило нас во всю Святую неделю сидеть дома и вместо разъездов заниматься домашними упражнениями. Мое состояло в переделывании одного разсуждения в моей книге «О благополучии» и я в самое сие время писал материю весьма важную, а именно о способах и руководстве к побеждению страстей и исправлению нашему, и могу сказать, что мне случилось в сие время выдумать много важнаго и полезнаго, а особливо в разсуждении нравоучения практическаго и сделать открытия преполезныя для рода человеческаго, почему и считаю я период сего времени, или первую половину апреля месяца весьма достопамятною в моей жизни.

Открытие мое состояло наиболее в сравнении порядка исправления и побеждения страстей с действительною войною, и я, к великому удовольствию и удивлению, нашел, что все обстоятельства вещественной войны могут весьма изрядно приравнены быть к таким же обстоятельствам войны духовной. Словом, я сим разсуждением, занимающим почти целую половину второй части сей книги, был сам очень доволен и почитал ее полезнейшею из всей книги.

Как со вскрытием весны начались и все садовыя и другия домашния необходимо нужныя работы, то переменился чрез то во многом и весь порядок моих упражнений. Мне не можно было уже никак сидеть, запершись по-прежнему в хоромах, и заниматься одними моими книгами, пером и чернилами; но я большую часть времени стал препровождать в моих любезных садах и заниматься в них сотнями разных дел вешних, а особливо садкою разных плодовитых дерев.

В сию весну в особливости занимался я усадкою всей моей прекрасной горы разными плодовитыми деревьями и кустарниками и придал ей чрез то гораздо лучший вид перед прежним. Все сии деревья украшают ее и поныне и утешают меня ежегодно множеством разных плодов своих.

В сих упражнениях, обращавшихся для меня не столько в труд, как в увеселение, и не видал я, как прошли две первыя трети месяца апреля; а между тем не выходили у меня из головы мысли о сделанном мне предложении и моем отзыве, и я со дня на день поджидал на письмо мое от г. Нартова ответа.

Оной и не укоснел ко мне приттить; но о сем и содержании его перескажу вам в письме последующем, а теперешнее сим кончу, сказав вам, что я есмь и прочая.

(Декабря 8-го дня 1808 года).

ПРИГЛАШЕНИЕ В МОСКВУ

Письмо 158-е

Любезный приятель!

Двадцать первое число апреля был тот день, в который исполнилось мое нетерпеливое желание и я получил на посланный мной в Петербург

отзыв ответное письмо г. *Нартова*. Воевода наш прислал его ко мне с нарочным из Каширы.

Легко можно заключить, что каков я ни был, но распечатывал его не без сильных душевных движений. От частого помышления о сделанном мне предложении и о всех выгодах, какия я иметь буду, если то совершится, и которыя натурально воображением были увеличиваемы, произошло то, что я начал уже некоторым образом и желать, чтоб оно исполнилось, и желал довольно сильно; а напротив того, не хотел, чтоб произошло что-либо противное моему ожиданию. Итак, начинал его читать почти со страхом и трепетом, или, по крайней мере, с сильным потрясением душевным, но скоро все сумнительствы мои рушились. Содержание письма сего было для тайных моих вожделений удовлетворительно и произвело во всей внутренности души моей удовольствие неизобразимое.

Г. Нартов ответствовал мне так, как мое философическое письмо требовало и как надлежало. Он наполнил письмо свое ласками и изъявлениями хорошаго своего характера и принудил меня еще более себя полюбить. О деле же моем уведомлял он меня, что он с князем *Гагариным* виделся и обо всем с ним говорил, и что князь был всем доволен и на все согласен, и что осталось мне только с ним видеться и познакомиться лично. А поелику в самое то время князь отправился в Москву и повез с собою письмо от него, *Нартова*, ко мне, то ехал бы я в Москву и с ним там повидался. О волости же, куда я назначаюсь, хотя и не упоминал он именно, а писал только, что она лежит недалеко от меня и что перемена моего состояния меня не перетревожит.

Далее уведомлял он меня о посланных моих вновь сочиненьицах, что он предложил их публично Обществу, и буде пиесу мою о некоторых домашних лекарствах Общество определит напечатать, то меня уведомит.

Что ж касается до посланной ему от меня безделки, состоящей в маленьком камешке, то недуманно-негаданно пошел он в честь. Г. *Нартов* был им очень доволен и просил меня, чтоб я прислал их более, и что это был *трохит*, или колесный камень, составляющий самую редкость в натуре; также чтоб я прислал и кремниевых прорастей с хрусталями, о которых упоминал я в письме своем, что у меня их есть несколько.

Но при сем одном он не остался, а прислал еще ко мне в подарок перевода своего нужную мне книжку, а именно «Минералогию» г. *Лемана*, и чем побудил меня еще более к собиранию редкостей.

Признаюсь, что письмо сие доставило мне много удовольствия, а не менее радовались тому и обе мои семьянинки, ибо оное явно доказывало, что дело мое начинало клеиться понемногу.

Я не преминул сообщить его и другу моему г. *Полонскому*, и сей обрадовался тому равномерно и почитал уже определение меня к месту несомненным. А что назначалось мне не иное какое место, чего я опасался, как управительское в Богородицке, то догадывались и заключали мы потому, что перепадали нам слухи, что и там каким-то образом носилась уже молва, что мне быть управителем.

И как по всему тому езда в Москву сделалась уже необходимостью, то г. *Полонский* и все друзья мои, родные и приятели, желавшие мне благополучия, и протуривали[1] меня туда неукоснительно. Но мне как-то не хотелось слишком поспешать сею ездою, дабы тем не подать вида, что я сам на то навязываюсь; а почитал за лучшее подождать, не будет ли князь *Гагарин* сам ко мне писать и не пришлет ли ко мне письма *Нартова*, с ним отправленнаго, или, по крайней мере, отправиться в Москву, отпраздновав свой деревенский вешний годовой праздник.

В сем расположении мыслей и начал я спокойным образом продолжать прежния свои упражнения. Сад и кабинет разделяли все мое время, и я работал руками и духом. К тому присовокупилось еще и третье упражнение, а именно собирание натуралий, или редкостей натуры; ибо как г. *Нартов* просил меня, чтоб переслать к нему более полезных камней, то хотелось мне самому поискать в наших местностях как их, так и других редкостей натуры и тем услужить сему моему незнакомому приятелю и благодетелю.

Счастие и поблагоприятствовало мне в сем случае и более, нежели я желать мог. Люди мои не успели узнать о моем хотении, как наперерыв друг пред другом старались искать всего того, что было примечания достойным, и приносить ко мне напоказ, желая мне доставить удовольствие; и могу сказать, что я был ими в сем случае очень доволен. Не успел я им сказать, что мне всякие хорошенькие камешки надобны, как отовсюду они ко мне и полетели, и приносили их ко мне не только большие, но и самые малые ребятишки, и я не однажды имел наисладчайшее и невинное удовольствие, находя между ими вещицы, особливое примечание заслуживающия.

[1] Протуривать, протурить – прогнать, отправить, отправлять.

Но ни который день не доставил мне такого удовольствия, как 30 апреля. В сей день нашел я то истинное сокровище, которое после сделалось толико славно и обратилось в пользу безчисленному множеству людей всякаго рода. Но тогда не имел еще я о том ни малейшаго понятия и никак не мог вообразить себе, чтоб вышла из того такая важная и надобная вещь.

Были то каменья или плоския плитки особливаго сложения и сросшияся, равно как из бисера или множества мельчайших кругленьких беленьких камешков с дырочками посреди; почему и прозвал я их тогда каменьями *бисерными*. Таких камешков, какой послал я к *Нартову*, не мог я никак более отыскать. Он был прямо удивительный: кругленький, продолговатый и составленный равно как из сложенных друг с другом наипорядочнейшим образом столбочком колесец, и притом так регулярно, что казалось, что штучка сия походила более на выточенную руками человеческими, нежели на произведенную натурою.

Все старания наши к отысканию таковых же были тщетны, а сей нашли мне в минувшем году нечаянно в вершине сада моего ребятишки и, ведая мое любопытство, ко мне принесли.

Итак, мне было очень жаль, (что) не отыскивались множайшие; но помянутыя бисерные каменья поутешили меня в том несколько. В некоторых из них находил я точно такие же кругленькие колесцы и камешки, как был и тот, но вросшие только внутрь оных, либо прямо, либо вкось и так, что их от плиток сих никак отделить было не можно.

Сие заставило меня заключать, что плиткам сим, без всякого сомнения, надобно быть одинакового существа и происхождения с помянутыми *трохитами*. И к сему заключению еще побудило меня то, что я по прилежнейшем оных разсматривании находил, что и все помянутыя бисерники были не иное что, как начатки таковых же колесец, но только очень маленькие и сросшиеся в общее тело, плитку составляющее.

Сие возбудило любопытство во мне к узнанию, нет ли чего писаннаго в минералогических книгах и в натуральном лексиконе и о сих, равно как и о *трохитах*; и какое же удовольствие было мое, когда я в натуральном лексиконе нашел особую статью о трохитах, в которой упоминалось, что это окаменелость раковинных морских животных и что найдены они однажды в Италии и узнано, что они имеют способность помогать от камня в почках. Обо всем том упомянуто было хотя вкратце и немногими слова-

ми, но для меня было и сего довольно. Я воскликнул тогда в превеликом удовольствии душевном: «Ба! ба! ба! За ними еще вот что есть, и они не только сложением своим удивительны, но еще и лекарственны от важной болезни!»

А удовольствие мое еще увеличилось, когда, читая «Минералогию», нашел и удостоверился в том, что найденныя мною плитки точно такого же существа, составляют такия же окаменелости и известны в минералогии под именем *энкритов*.

По узнанию всего того вскипело во мне желание узнать из опытности, действительно ли то правда, что об них вскользь упомянуто было в натуральном лексиконе; но как к тому и потребен был человек, страдавший каменной болезнью, над которым бы тот опыт учинить было можно, то озабочивался я тем, где бы в деревнях отыскать мне такого больного.

Но не прямо ли удивительное случилось тогда со мною происшествие и не доказывает ли оно, что если Промыслу Господню угодно когда открыть что-нибудь в особливости полезное человеческому роду, так оный покажет к тому и путь и распорядит все к тому потребное. Ибо, как бы вы, любезный приятель, думали? Не успел я помянутым образом сии каменья найтить, узнать о их натуре и врачебных качествах и возжелать сыскать больного, над которым желаемый мною опыт учинить было можно, как в тот же самый день и отыскался таковой точно.

Приезжает к нам соседка, жена умершаго недавно моего родственника. Я разсказываю ей между прочим о своей находке, показываю ей каменья и изъявляю помянутое желание о найдении больного, страждущего каменною болезнью; а она не успела о сем услышать, как воскликнула:

– Ах, батюшка мой, да у меня в дому лежит теперь малый молодой и при самой уже смерти и точно от сей болезни; давеча уже исповедали его и причастили. Не попробовать ли нам над ним и не одолжите ли вы меня кусочком сего камешка?

Обрадовался я, сие услышав, и сказал ей:

– Хорошо, матушка, о камешке ни слова, но вот вопрос: каким образом лечить нам им вашего больного? В книге той, где нашел я об нем упоминание, не сказано о том ни слова, и Бог знает, как нам с ним поступать?

Сие остановило на минуту и ее и меня; однако мы стали думать о том и советовать, и я другого не находил, как испытать, не растолчется ли он в

иготе[1] и не можно ли составить из него порошок, удобный к приниманию внутрь. Сие мы тот же час испытали. Тотчас отколот был кусок от плитки и положен в иготь, и я удивился, увидев, что толокся он очень хорошо и что в короткое время можно было чрез толчение, просевание и трение в ступке превратить его в мельчайший порошок.

Но тут сделался опять вопрос, сколько бы его и в чем дать больному? Подумавши о сем, положили мы дать ему размешанный в воде и с добрую чайную ложечку вверх, или с драхму весом. Итак, снабдив соседку мою сим порошком, просил я уведомить меня о успехе нашего опыта. И какое же удовольствие имел я, когда в последующее утро прислала она ко мне человека, просящего с восхищением, чтоб дал я еще того же лекарства, и сказывающего, что порошок мой произвел действие чрезвычайное, что больному полегчало, что не успел он его принять, как чрез самое короткое время выгнал он с кровью два камешка, в горошину величиною.

Рад я неведомо как был сему случаю и благодарил судьбу, что она доставляет мне во всякое время случай ко многим полезным опытам.

Повторение употребления сего лекарства так хорошо действовало, что больной получил совершенное облегчение и на третий день в состоянии был приттить ко мне для изъявления своей благодарности, что я избавил его от неминуемой почти смерти.

Вот первый случай, познакомивший меня с чрезвычайной полезностию сего целебного камня.

Теперь было бы слишком пространно, если б хотеть мне разсказывать вам дальнейшую историю о сем камне; о всех безчисленных опытах, им в разныя времена предпринимаемых; о вожделеннейшем успехе оных; о удивительных и совершенно нечаянных открытиях многих и других целебных его способностях и силах, а коротко скажу, что многие, не сотни, а тысячи людей получили и получают и поныне от него пользу и не от одной каменной болезни, но и от других многих; ибо впоследствии времени открылось, что он также великое облегчение производит от грыжи, от животных болей, от стеснения в груди, при случае поднимающейся диафрагмы, от чувствуемой боли в окрестностях сердца, от простого и кроваваго поноса, от колики, изгаги[2], разных кровотечений и прочее; и что, на-

[1] Иготь – ручная ступка.

[2] Изгага – изжога.

конец, оказалось, что он и к заживлению свежих ран имеет чрезвычайную способность.

Словом, из безчисленных опытов сделалось нам известно, что полезность его так велика, что, судя по оной, можно почитать его наравне с золотом. Наконец, что доставил он в жизнь мою мне безчисленное множество минут приятных, и я имел повод к особливому благодарению Промысла Господня за то, что одарил он здешнюю мою усадьбу и прекрасную гору, на которой имею я жительство, великим и таким множеством сих целебных каменьев, что и поныне не имеем мы в них недостатка, хотя ежегодно расходится его у нас порошком по нескольку фунтов, раздаваемаго больным от разных болезней, и что святой воле Его угодно было употребить меня орудием к открытию сего полезного лекарства и преподать мне после случай спознакомить с сим камнем и полезностию его и все любезное мое отечество, и быть тому причиною, что многие и другие и в разных местах государства нашли таковые же каменья и производят ими пользу.

Но я заговорился уже о побочностях и теперь возвращусь к прежнему моему предмету.

В сих и подобных сему упражнениях препроводил я все достальные дни месяца апреля и успел разных окаменелостей набрать столько, что в состоянии был я отправить их после целый коробок к г. *Нартову*.

С наступлением месяца мая начал я уже пристальнее помышлять о московской поездке, и хотя от князя *Гагарина* не было еще никакого слуха, но я почитал езду свою тем необходимейшею, что в Москве побывать мне и для других нужд было надобно.

Итак, предполагая отправиться в сей путь непосредственно после нашего праздника, за нужное находил я побывать до того времени в Серпухове и повидаться еще раз с межевщиком, узнать об обстоятельствах нашего дела и можно ли мне будет отлучиться в Москву. К сему побуждало меня наиболее то, что по слухам, поверенные и управители Нарышкинской волости приезжали из Москвы и со многими помирились, а мне не давано было о том ничего знать, что меня не только удивляло, но несколько и тревожило. Обо всем том хотелось мне расспросить и распроведать. Брат *Гаврила Матвеевич* согласился съездить со мною в сей раз вместе. Итак, назначили мы к тому мая 1-е число и туда ездили.

Езда наша имела успех вожделенной. Мы застали межевщика нашего т. *Золотухина* дома, с ним виделись и обо всем переговорили. Удоволь-

ствие наше было великое, когда услышал я, что дела наши находятся в хорошем положении и что мне от волостных нет никакой опасности.

Они открылись уже сами межевщику, что у них писцовой дачи очень мало и в писцовых книгах есть ошибка, и потому не было ни малейшаго сомнения в том, чтоб они не помирились. Впрочем, межевщик давал мне волю отлучиться куда хочу и просил сделать его своим прикащиком или поручить ему свое дело.

Приятно было мне его к себе благоприятство и я желал, чтоб было оно нелестное. Я открыл ему причину, для которой хочу ехать в Москву и он советовал не упускать сего случая. Итак, в полном удовольствии разстались мы с ним и поехали домой.

Но сей день назначен был к доставлению мне и другого еще удовольствия. Не успели мы выехать из Серпухова, как повстречались с волостным ченцовским поверенным; был он уже не прежний беззубой *Лобанов*, а другой, из волостных подьячих, именем *Иван Александров*.

Я остановил его, чтоб поговорить с ним о нашем мире, и как обрадовался, увидев, что он к миру был очень склонен и хотел помириться с нами на прежних границах, а просил только прудовой берег и столько на нем места, сколько надобно было для положения на нем рубежа, на что и нам склониться очень было можно. Коротко, мы условились уже с ним, чтоб в последующий день прислать поверенных и подать мировую сказку, и поехали домой с полным удовольствием, льстясь скорым уже и вожделенным окончанием сего толь долговременнаго, скучнаго и хлопотливаго дела.

По приезде своем, на другой день опечален я был несколько болезнию моего большого сына *Степана*, занемогшего горячкою, и как думать надобно, от простуды.

Между тем продолжал я упражняться в прежних своих делах, а особливо в переписке набело книги моей «О благополучии», и спешил тем всячески, чтоб успеть переписать первую часть до отъезда моего в Москву. Однако не так сделалось, как я думал. Промыслу Господню угодно было призвать меня в столицу сию гораздо прежде, нежели я думал, а именно: еще в самую ночь под 3-е число мая видел я некакой странный, но такой сон, из котораго мог заключить, что в тот день едва ли не получу я письма какого-нибудь важнаго.

Снам хотя я всего меньше склонен был верить, но примечания достойно, что уже несколько раз сряду, в тот самый день, в который получать

мне из Экономическаго общества какое письмо или книгу, видал я особливыя и странныя сновидения, по которым равно как предугадывал, что в тот день или вскоре я что-нибудь, а верно получу. Таким точно образом видел я и в сию ночь, не помню что-то особливое, и, проснувшись, тогда же подумал: «Не получу ли я то письмо от Нартова, которое вручил он князю Гагарину?» Со всем тем день прошел, а присылки никакой не было, почему перестал я о том почти и думать, а перед вечером только пришло мне опять все сие на мысль, и произойди какое чудное и удивительное происшествие!

Во мне родилась вдруг мысль о том, чрез кого бы можно было князю переслать ко мне письмо от Нартова. Не знаком ли разве ему, говорил я себе, по какому-нибудь случаю *Хитров*? Не увидит ли его он и не отдаст ли ему письма? И что ж? Не успел я получить сию мысль, как в самую ту минуту сказывают мне, что от Хитрова человек приехал и привез ко мне письмо, адресованное на мое имя.

Поразился я чрезвычайным удивлением таковою нечаянностию и не знал, от кого бы сие письмо было. Но как увеличилось удивление мое, когда увидел я, что было оно от самого князя *Гагарина*, с приложением письма Нартова. Легко можно заключить, что оба письма читал я с великим любопытством.

Князь писал ко мне в коротких терминах, что посылает ко мне письмо Нартова, что имеет нужду со мною видеться и просит, чтоб я приехал к нему в Москву прежде половины месяца мая или бы в исходе сего месяца приехал прямо в Бобрики, где он со мною о чем надобно переговорит. Напротив того, г. Нартов объяснялся уже более и писал ко мне, что князь отзывался ему, что если я соглашусь быть управителем, то определено будет мне по 600 рублей жалованья, да содержание все государево, а сверх того, выпросит он мне и чин.

Легко можно заключить, что все сие в состоянии было меня встревожить и побудить спешить московскою своею ездою. Натурально, восхотелось мне видеться с ним охотнее в Москве, нежели в Бобриках, почему все сие убеждало меня оставлять и праздник непразднованный, и все, а ехать в Москву.

Друг мой г. *Полонской* не успел услышать о сем, как убеждал меня, или, лучше сказать, гнал в Москву, и все знакомые предлагали мне и домы свои, и кареты для услуг, а были и такие, которые и подольщались ко мне

и просили о неоставлении их, если я получу управительское место в Бобриках.

Таким образом принужден я был согласиться оставить все свои дела и упражнения и ехать в Москву. Брат *Гаврила Матвеевич*, имея также нужду быть в оной, согласился ехать вместе со мною и быть моим товарищем, что для меня было и приятно.

Мы выехали с ним из дома 5-го числа после обеда и спешили, чтоб нам ночевать за Серпуховым.

В сем городе зашел я к купцу и новому знакомому своему *Плотникову*, чтоб променять медныя деньги на ассигнации.

Избавившись от сего груза и выкормив лошадей, поехали мы пред вечером из города и успели приехать ночевать в Московку, где против всякаго чаяния встретился я с г-жою *Щербининою*, едущею в Москву из деревни. Сия встреча принудила меня одеваться, к ней иттить и с ней видеться. Расспросив о московских обстоятельствах и переночевав тут, пустились мы далее и, продолжая путь во весь последующий день, приехали в Москву 7-го числа, около обеда.

Как с самаго несчастнаго времени не бывал я еще в сем столичном городе, претерпевшем толь много зла, то, въезжая в оный, не мог я, чтоб не чувствовать некотораго еще страха и опасения. Многие дома стояли еще пустыми с разломанными между окон простенками, и зрелище сие приводило еще всю душу мою в содрогание, несмотря, хотя уже не было никакой опасности от язвы.

Для стояния предлагаемы мне были многие домы, но я решился наконец для лучшей свободности стать на дворе брата Михаила Матвеевича, доставшемся ему после тестя, и после был тем очень доволен, узнав, что сие место было всех прочих ближе ко двору князя Гагарина.

Мое первое попечение было о том, чтоб снабдить себя новым платьем, дабы недурно было показаться к князю. Сосед и друг мой г. *Руднев*, случившийся тогда в Москве, прибежал того момента к нам и сотовариществовал нам, как мы собрались иттить в ряды.

Мы искупили в сей день все нужнейшее к мундиру и экипажу и проехали оттуда в каретный ряд и купили две кареты: одну я для себя, четвероместную, какая для нас в деревне была надобна, а другую купил брат Гаврила Матвеевич для себя, двухместную. Портной тотчас был сыскан, и велено было, чтоб все поспело к четвергу.

Наутрие, то есть 8-го числа, что было ввечеру и в самый день Отдания Пасхи[1], убравшись, поехали мы с братом к г. *Хитрову*. С сим соседом и любящим меня приятелем хотелось мне прежде всего видеться и расспросить, каким образом дошло ко мне чрез него письмо княжое и не знает ли он чего о моем деле?

Он рад был моему приезду и пенял, для чего я не у него пристал; о письме же первое его было слово. Он спрашивал, получил ли я его, а я спрашивал, каким образом оно к нему попало в руки?

Тогда разсказал он мне все происшествие, и я, услышав, дивился вновь действию Промысла Господня и напомнил справедливость пословицы, что когда Бог пристанет, так и пастыря приставит.

Князю Гагарину, не знаю почему, знаком был бригадир Николай Григорьевич *Наумов*, приятель и родственник г. Хитрова, и каким-то образом дошел у них разговор обо мне. Г. Наумов меня однажды только видел, но знал довольно по Хитрове и по моим сочинениям. Он не преминул сказать князю обо мне хорошее словцо, и князь возложил на него коммиссию, чтоб он доставил к нему меня, и вручил ему ко мне письмо, а Наумов передал его Хитрову и попросил о доставлении его ко мне колико можно скорее; а у Хитрова, равно как нарочно, случилось в деревню его посылка, и он тотчас с сими ездоками и послал его ко мне.

Таким образом, говорил г. *Хитров*, надобно г. *Наумову* представить меня к князю, а сам он хотел меня отвезть к Наумову.

Рад я был сему случаю и благодарил приятеля моего за его ко мне дружбу, а Бога за снискание мне и случая к появлению к столь знатному человеку.

Хитров не отпустил меня в тот день без того, чтоб я у него не отобедал, и брался наутрие ехать со мною к г. Наумову.

Итак, последующий за сим день, что случилось на самый наш деревенский праздник, Николин день, ездил я и к Наумову, и к князю и видался впервые с сим нашим вельможею. Происшествие сего достопамятнаго дня было следующее.

Поутру, собравшись, поехал я прежде всего к *Хитрову*. Он только что встал, как я приехал; однако, тотчас одевшись, поехал со мною к г. *Наумову*. Сей принял меня очень ласково и, того момента одевшись, повез меня к князю.

[1] Праздник Отдания Пасхи – канун Вознесения.

На дороге сказывал он мне, что князь хочет просить меня съездить с ним в Бобрики. Он выхваливал неведомо как предлагаемое мне место и советовал отнюдь не отбиваться, если станут определять меня туда в управители. Я слушал его со вниманием и досадовал крайне, что стук от кареты, едущей по мостовой, мешал мне разслушивать все слова г. *Наумова*, разговаривающаго со мною очень тихо.

Приехав в дом князя, нашли мы его в саду, в пышной и огромной галерее, занимающагося отправлением в Бобрики архитектора.

Князь принял меня довольно приятно и, посадив, спрашивал, получил ли я письмо от него и от *Нартова*? Потом сделал мне такое предложение, какого я всего меньше от него ожидал, а именно: не соглашусь ли я съездить с ним в Бобрики и не возьму ли на себя труд сочинить всей тамошней волости камеральное описание?[1]

Сим неожидаемым запросом он так меня смутил, что я не знал, что ему на оный ответствовать; но скоро одумавшись и собравшись с мыслями, сказал, что для меня труд сей не велик и я готов услужить тем его сиятельству, хотя и в самом деле у меня и так и сяк на уме становиться стало.

Г. *Наумов*, посидев немного, поехал и оставил меня с князем; а вскоре засим отправил князь и архитектора, сказывая ему, чтоб он ехал и дожидался нас там, вскоре за ним вслед туда быть имеющих. После того повел меня он в свой прекрасный и по правилам Ленотра[2] расположенный регулярный сад, и тут-то начались у нас с ним разговоры.

Он, испытывая, расспрашивал меня о разных экономических материях и наконец изъяснялся, что хочет он определить меня в управители в Богородицкую волость, если мне тамошнее место полюбится и он узнает меня короче. Сказывал притом, что тамошний управитель г. *Опухтин* просился в отставку и что у него человек со 100 просится на его место, но ему хочется определить надежнаго и такого человека, который бы ко всем

[1] Камеральный – имеющий отношение к финансовому управлению.

[2] Регуля́рный парк (или сад; также францу́зский или геометри́ческий парк; иногда также «сад в регулярном стиле») – парк, имеющий геометрически правильную планировку, обычно с выраженной симметричностью и регулярностью композиции. Характеризуется прямыми аллеями, являющимися осями симметрии, цветниками, партерами и бассейнами правильной формы, стрижкой деревьев и кустарников с приданием посадкам разнообразных геометрических форм. Устройство парков в регулярном стиле достигло наивысшего пика во Франции в эпоху барокко (XVII–XVIII века), примером чего являются сады Версаля, созданные для Людовика XIV ландшафтным архитектором Андре Ленотром.

экономическим упражнениям был охотник, и что он не нашел уже иного средства им отказывать, как объявлением, что Опухтин в отставку иттить отдумал. А теперь подлинно и сам он об нем в точности не знает.

Сим хотя и успокоил он мои мысли, однако последния слова оставили меня в некотором недоумении.

Сим образом проходили и проговорили мы с ним тут целое утро, и, по счастию, никто нам не помешал и, сколько можно было приметить и по его обращению со мною заключить, был он мною доволен, ибо обходился со мною очень фамильярно и совсем не гордо, а просто.

Наконец, приметив, что ему надобно было ехать со двора, стал я откланиваться. Тогда спросил он меня, долго ли я в Москве пробуду, и, услышав, что не долее как до воскресенья, просил он меня, чтоб я приехал к нему в субботу после обеда, в которое время он будет дома.

Сим кончилось наше первое свидание с князем, и я хотя узнал, что назначаюсь я не в другое какое место, а в Богородицк, однако остался все в несовершенной еще достоверности, или, лучше сказать, в неизвестности самой. Требовалось только, чтоб я ехал туда и сделал описание, а, впрочем, зависеть будет все от того, пойдет ли или не пойдет тамошний управитель в отставку, что все можно было толковать двояким образом и почесть придворною политикою.

Как тогда был уже час 12-й, то вздумалось мне заехать к старику г. *Офросимову* и поздравить его с получением генеральскаго чина и повидаться с сими любезными и нам очень дружественными стариками. Я застал их съезжающих почти со двора. Они, не зная о моем приезде в Москву, удивились, меня увидев, были мне очень рады, а услышав, что предлагается мне богородицкое управительство, сделались еще того приятнее и ласковее. Они просили и молили Бога, чтоб сие совершилось и желали мне тысячу благополучий.

Причиною тому было, что некоторыя деревни их лежали в самом соседстве с Бобриковскою волостью и что я могу быть им полезен по деревням оным. Впрочем, сожалели они, что необходимость заставляла их ехать со двора и что они не могут угостить меня обедом. Таким образом, проводив их со двора, поехал я домой обедать, и как после обеда нечего было делать, то согласились мы с братом ехать гулять в Головинской дворцовой сад, в котором в тот день было публичное гулянье. В сем саде

давно уже мне хотелось быть, а сверх того, не бывал я никогда на гулянье московском и мне хотелось и оное видеть.

Мы отправились туда, и не зная времени, в которое съезжаются, приехали еще очень рано и так, что карета наша была еще первая. Итак, имели мы довольно свободного времени вы́ходить весь сад и осмотреть все места в оном находящияся. Мы исходили его вдоль и поперек и не оставили, так сказать, ни одного закоулочка. Многия вещи в нем мне весьма полюбились, а особливо еловыя высокия шпалеры и стриженныя большия и малыя пирамидки.

Наилучшим из всех мест была средняя дорога в саду, а не менее прельщали меня и стриженныя липы, пруды и сажелки, которых находилось в нем множество.

Я не мог всеми сими новыми для меня предметами довольно налюбоваться и, по охоте своей к садам, не скучал и два и три раза побывать в одном месте.

Между тем настало время съезда, и тогда в один почти миг наполнился он множеством народа. И какое видимо было тут великолепие, какое убранство, какое щегольство и какое множество дам и госпож благородных! Все аллеи сделались ими наполнены и можно было тут всю Москву разом видеть. Я любовался, дивился и смеялся нашим обыкновениям, и все сие было для меня новым и утешным зрелищем.

Наконец стал приближаться вечер и я принужден был спешить возвращением на квартиру, которая от сего места удалена была верст на семь, ибо дом братнин был на Козьем болоте.

Мы поехали; но сколько я дивился всему в саду, но выехав, должен был удивляться еще больше; ибо хотя и без того было уже в саду превеликое множество народа, но во всю дорогу встречалось еще с нами безчисленное множество карет, туда едущих. Казалось, что вся Москва поднялась тогда в Головинской сад и я всего меньше надеялся найтить тут такое великое множество благородных, какое я в сей день в сем столичном городе видел и какого я до того никогда не имел еще случая в одном месте видеть.

Последующий за сим день определили мы весь препроводить в рядах и искупать себе, что было надобно, или, лучше сказать, платить Москве пошлину. Мы поехали с самаго утра в оные и занялись покупками, так что и обедали в трактире.

Между тем искали уже меня от г. *Офросимова* звать к нему обедать, но мы тогда уже отобедали как нас нашли. Со всем тем за долг я себе почел у него побывать и потому, возвратившись ранее, нежели думал, на квартиру, поехал я к ним и нашел старика в саду в беседке.

В сие вешнее и наилучшее в году время у всех московских жителей наилучшее было пребывание в садах. Итак, все оставшее время проводил я у сего любезнаго и почтеннаго старика в безпрерывных разных и важных с ним разговорах и спознакомился тогда с большим его сыном, *Михайлом Афанасьевичем*.

В сем доме видел я три новыя и до того мною невиданныя вещи, а именно: новомодную карету с круглыми стеклами, американской хлеб, подобной ячменю и горизонтальные часы новаго изобретения, стоящие 270 рублей.

В субботу, то есть 11-го числа, был тот день, которой назначен мне от князя быть у него после обеда; почему, съездив поутру в ряды и купив еще, что было надобно, и между прочим еще себе маленькую карету для легкой езды, поехал я после обеда к сему знатному вельможе. Но мне сказали, что он не возвратился еще из своей подмосковной, а будет разве к вечеру.

Тогда не знал я, куда мне ехать, и, подумав, расположился побывать у стараго моего знакомца и кёнигсбергскаго товарища Якова Демидовича *Дьяконова*, о котором знал я, что он находился тогда в Москве.

Сей человек, коего двор насилу я мог отыскать, был мне чрезвычайно рад. Я увиделся с ним как с родным и узнал от него о судьбе всех прочих моих кёнигсбергских знакомцев, друзьях и товарищах, и порадовался, услышав, что все, находящияся из них в Москве, меня еще не позабыли и заочно все еще любили.

Он сказал мне, где их можно было и найтить, и я, просидев у него целой день и переговорив обо всем, распрощался и поехал опять к князю; но как и тогда еще его не было дома, то решился я ехать искать доктора *Вельяминова*, одного из помянутых знакомцев; но, по несчастию, и того не застал дома. Итак, проездил я весь день по-пустому.

Наутрие, то есть 12-го мая, положил я ехать к князю Гагарину уже поутру, не сомневаясь, что найду его непременно дома. Он и подлинно был, но в то время еще спал, как я приехал. Почему решился я теми праздными минутами покуда он встанет, воспользоваться и заехать к помянутому доктору, недалеко от него жившему.

Петр Дмитриевич, так назывался сей мой старинной знакомец, был мне очень рад. Я оставил его в Кёнигсберге еще студентом, учившимся в тамошнем университете медицине, и дивился, как много он с того времени раздородничал и как разбогател. Он имел уже порядочной дом, жил как надобно и сделался уже ученым человеком.

Я нашел у него то, чего никак не ожидал, а именно: драгоценное собрание раковин или кокилий. Зрелище сие было для меня новое и наиприятнейшее в свете. Я, взирая на толь великую многоразличность и чудное устроение оных, не мог утерпеть, чтоб не воскликнуть: «Великий Боже! Коль чудны дела Твои и коль премудро творение рук Твоих!»

Также видел я тут окаменелой гриб, представляющий настоящую большую сыроежку. Но досадно было мне, что минуты были коротки и я не мог долго любоваться сим пленяющим зрелищем, также взглянуть на его большой гербариум, или травник, которой мне показать он собирался.

Человек, посланной к князю, уже возвратился с известием, что он встал. Почему надлежало мне к нему поспешать, дабы кто-нибудь не помешал нам с ним говорить о нашем деле.

Итак, я, распрощавшись с моим знакомцем, и поехал, не воображая себе нимало, что я тогда разставался с ним навеки; ибо вскоре после того узнал я, что он кончил жизнь свою.

Князь принял меня как уже знакомаго человека и довольно ласково. Я нашел его в саду, несмотря на всю случившуюся тогда стужу, он гулял. Он повел меня опять по саду, показывал все, что ни имел в оном так, как знающему во всем силу эконому. Но стужа нас скоро прогнала в палаты.

Тогда впервые еще я был у него в оных. Они были княжеския и непостыдныя, и все соответствовало в них знатному его достоинству и богатству. Мы продолжали тут прежние свои разговоры и, по счастию, находились опять двое, и никто нам не мешал.

Он показывал иностранныя семена трав и дарил меня несколькими из оных. А мне удалось прельстить его разсказыванием о новой моей экономии с хмелем и довесть до того, что он просил меня сильно о записке и рисунке, как делать из него беседки. Одним словом, мы ознакомились с ним уже гораздо и обходились просто, так что я им был очень доволен.

В разсуждение моего определения говорено было мало, а только утверждено, чтоб мне ехать туда и поспеть к 20-му числу тогдашняго ж месяца.

Наконец хотелось мне еще сколько-нибудь выведать и для того вздумал я, прощаясь с ним, спросить его, долго ли он меня там продержит?

Тогда видно было, что он сего вопроса не ожидал, и потому, смутясь, ответствовал мне, что это состоять будет в моей воле. «Дней пять или шесть, – говорил он, но тотчас запнувшись, повторил. – Да что о том говорить! То-то там узнаем, пойдет ли *Опухтин* в отставку, и тогда я вам уже и скажу».

С сим разстался я тогда с князем, оставшись опять в неизвестности; но, правду сказать, дальнейшаго изъяснения и требовать от него было не можно. Я доволен был и тем и положил к 20-му числу поспешить в Бобрики.

Возвратясь на квартиру и пообедав, принялся я за письмо. Не было еще от меня ответствовано г. *Нартову* на оба его последния письма. Я медлил для того, чтоб уведомить его вкупе и о последствиях и успехе его рекомендации, почему привез с собою и все окаменелости, чтоб отправить к нему из Москвы по почте.

Я написал к нему длинное письмо, благодарил его за письма и книжку, уведомлял о посланных каменьях, описывал целебную силу бисернаго камня, котораго несколько штук также к нему послал, и, наконец, уведомлял о происшествиях, бывших у меня с князем, и кончил препоручением себя в дальнейшее его благоприятство.

Что ж касается до каменьев, то послал я к нему все лучшенькие, какие у меня были, как кремниевые проросли, так и прочие, и наклал ими ящик в целый пуд весом.

Как время мне еще осталось, то вздумал я и другое дело сделать, а именно, написать краткую записку о хмелеводстве, желаемую князем, и доказать ему тем мое усердие и готовность к услугам и успел начеркать вчерне в тот же еще вечер.

Поутру на другой день прежде всего принялся я за переписку набело моей записки; я присовокупил к ней на особом листе рисунки столь хорошие, сколько мог без циркуля и линейки, а одним пером начертить их в скорости.

Сию записку разсудил я послать с человеком, а сам пошел в ряды искупать последния покупки, потом отослал письмо на почту, а после обеда ездил к *Хитрову* благодарить, но не застал дома.

Между тем дожидались мы из деревни лошадей для своей кареты, но как их еще не было, а нам надлежало поспешать, то в прибавок к своим наняли мы еще пару лошадей и успели еще в тот же день из Москвы перед вечером выехать.

Сим окончу я мое письмо, превзошедшее уже свои пределы, и, пожелав вам всего добраго, скажу, что я есмь и прочая.

(Декабря 9-го дня 1808 года).

ЕЗДА В БОБРИКИ

Письмо 159-е

Любезный приятель!

Таким образом, кончив свои дела, отправились мы из Москвы и поехали опять в свое жилище с превеликим обозом; ибо вместо прежних трех повозок было с нами три кареты, коляска и две кибитки, так что весь наш кортеж походил с наружного вида на княжеский, а в самом деле был очень смешной. Все наши кареты и коляски запряжены были попарно, и на всех сидели только кучера, а лакеев позади их был только один-одинехонек. По счастию, стояла тогда сухая погода, и ехать было нам хорошо.

Подробным описанием сего нашего кратковременнаго путешествия не хочу вас никак обременять, а скажу только, что никогда в дороге не чувствовал я столько удовольствия, как в сей раз; однако не думайте, чтоб производило оное свидание и переговоры с князем и лестныя какие-либо надежды. О нет! Радоваться слишком мне не было еще причины, а удовольствие доставляла мне купленная мною в сей раз в Москве новая книга, славная поэма господина Битобе «Иосиф»[1].

Сию-то книгу читал я, лежучи спокойно на перинах, в большой новокупленной своей карете; и как вся она наполнена трогательными сценами, то по чувствительности своей не мог я читать ее, не утирая множества раз текущих из глаз моих слез, душевным удовольствием производимых.

[1] Поль-Иеремия Битобе – автор поэмы «Иосиф» (1763), французский поэт (1732–1808). Поэма в прозе «Иосиф» пользовалась в свое время большим успехом.

Мы провели в сем пути не более полутора суток и приехали 15-го числа мая около-полден благополучно в свое любезное Дворянниново. Тут, как легко можно заключить, все домашния мои ожидали меня с великим нетерпением и, встречая нас, думали услышать от нас целыя горы вестей радостных. Но, узнав все, принуждены были и они также умерить свои лестныя надежды и вооружиться терпением в ожидании, что произойдет от моей дальнейшей езды в Бобрики.

Я застал у себя детей не очень здоровых. Сын мой *Степан*, котораго я оставил больным в горячке, выздоровел; напротив того, дочь лежала в сильной сыпи, а маленькой сын мой *Павел* был при смерти почти болен жестоким кашлем. Самый племянник мой был также нездоров и лежал сыпью болен.

Но меня все сие не весьма перетревожило. Предав однажды всю жизнь свою и все обстоятельства до ней относящияся в полную волю, покровительство и распоряжение моему Богу, мог я очень способно сохранить душевное спокойствие в надежде и уповании на Его покровительство и в удостоверении, что Он ничему без святых Своих причин произойтить не попустит.

Поелику мне, в разсуждении приближающагося уже срока, назначеннаго к приезду в Бобрики, никак не можно было пробыть долго дома, ибо оставалось всего только 5 дней; то, судя, что доведется мне пробыть в доме не более дней двух или трех, спешил я делать в доме все нужныя и распоряжения и приказания на случай моей вторичной отлучки от дома и думал воспользоваться к тому теми остающимися немногими днями; но не то вышло, что я думал, а мне предназначено было сделать еще одно дело, от котораго могли проистечь небезважныя следствия.

Еще в самой тот же день прислан был человек от г-жи *Щербининой* с просьбою, чтоб приехать нам к ней наутрие обедать, и мне как ни было недосужно, но не можно было ей в том никак отказать. Итак, ездили мы к ней и употребили целый день на езду сию и нашли у ней опять немалое собрание.

У г-жи Щербининой был тогда зять ее, г. *Наумов*, с дочерью и братом, и еще некто молодой человек *Коробьин*. Был также тут и сын ея, *Андрей Евдокимович*, бывший мне отчасти знакомым. А из госпож была наша родственница г-жа *Арцыбашева* из Лушков и г-жа *Ладыженская*.

С помянутыми мужчинами скоро у нас речь зашла о науках. Все они случились быть люди ученые или полуученые, или такие, которые в состоянии были говорить о науках. Они окружили меня и неведомо как любопытствовали узнать обо всем мои мнения.

Все они заражены были волтеризмом и вольфианскою философиею, которой пагубныя следствия видел я паки в примере сына г-жи *Щербининой*, впадшего в глубочайшую ипохондрию, и произошло сие по милости французских учителей и воспитателей.

Сей достойной молодой человек был мне крайне жалок. Я сожалел об нем как об родном брате, и увидев причину его несчастия, вздумал испытать, не могу ли я вывесть его из прежних мыслей.

По случаю упомянул я о новой, крузианской философии и приписывал ей похвалы, какой она была достойна. Они все и не слыхивали об ней и были чрезвычайно любопытны узнать оную. Г. *Коробьин* только презирал ее, будучи слишком прилеплен к волтерианизму. Напротив того, г. *Наумов* был снисходительнее и всех лучше.

Мы много и долго с ними говорили; наконец, несмотря на все, удалось мне г. *Щербинина* так заохотить, что при отъезде просил он меня неотступно прислать к нему философию сию на посмотрение.

Не менее удалось мне прельстить и зятя г-жи Щербининой выдумкою своею о разделении земли на семь полей. Сей принудил меня обещать прислать к нему экономическия книги, в которых сочинение мое о том было напечатано. Итак, разстались мы, сделавшись довольно, знакомыми.

Поутру на другой день почел я за долг сдержать свое обещание и послать к г. Щербинину на показ весь философический курс г. *Крузия*.

Но тем одним я не удовольствовался; но как приметил в нем великое желание узнать, каким образом можно нам преодолевать свои страсти, что было лучшайшим пунктом новой философии, и что самое убедило его просить меня о присылке философии, то пришло мне в голову что философия поможет ему мало по причине, что была слишком высока и тонка и ему, не учась оной и не разумея в тонкость немецкаго ученаго языка, понять ее никак будет не можно, то вздумал я, ровно как чем побужден будучи, послать к нему вновь сочиненную мною книгу «О благополучии человеческом», сколько ее тогда было переписано.

Знал я, что она тем господам, а может быть, и ему не покажется по причине противных их системе мыслей, однако отважился сие сделать в

надежде, что, может быть, Всевышний тронет сердце сего погибающаго человека и книга моя приведет его на лучшия мысли.

Правда, я мог опасаться, чтоб не подняли они меня и философию мою на смех; однако разсуждая, что воля Бога моего и Ему угодное дело важнее их насмешек, не раздумал сего сделать. Зятя же г-жи *Щербининой* удовольствовал я также посланием экономической своей книги. И желание их получить сии книги было так велико, что в то время как я писал уже к *Щербинину* письмо, явился от них человек с просьбою о выполнении моего обещания.

Не успел я помянутым образом книги мои отправить в Якшино и, побежавши в сад, посеять семена, полученныя от князя, как приехал к нам родной дядя жены моей, г. *Каверин*, случившийся тогда быть в своей здешней деревне.

Приезд его произвел мне новое помешательство в делах и распоряжениях домашних; однако я ему был рад и, угостив его обедом, водил его по садам своим и по всей усадьбе и утешил всеми новыми своими выдумками, а особливо хмелевыми затеями и игрушками, которыми был он чрезвычайно доволен и расхвалил оныя впрах. Камушек мой и открывшияся от него другия полезности также его прельстил и побудил выпросить себе значок онаго для приискания ему подобных.

Он пробыл у нас весь почти сей день, а как наутрие надлежало уже мне отправляться в свой путь, то я и сего дня почти вовсе не видал.

Итак, 18-е число мая был тот день, в которой отправился я из дома своего в Бобриковскую волость узнавать, так сказать, свою судьбину, или искать счастия.

Как в самой тот же день надлежало домашним моим ехать в Калединку, то согласился я им сотовариществовать и заехать к тетке.

Мы приехали к ней к обеду, а после онаго я хотя и хотел продолжать свой путь, но меня уговорили остаться у них ночевать.

Но на другой день поутру, отслушавши заутреню и распрощавшись со всеми родными своими, желавшими мне всякаго блага, отправился я в путь.

На дороге повстречался я с сестрою теткиною, г-жею Крюковою, а потом с приятелем моим, г. *Товаровым*. Они, узнав обо всем, благословляли путешествие мое и желали мне возможнейшаго успеха.

Выехал я из Калединки так рано, что успел еще приехать кормить лошадей в Тулу, а ночевать – в село Куракино. В Туле случилось мне в сей раз видеть мещанское гульбище и довольно изрядное, ибо как был тогда самой Троицын день, то превеликое множество людей обоего пола в лучших нарядах собралось на берег обширнаго пруда в Чулковой слободе и разгуливали в рощице. Там поставлено было множество палаток и мне сказывали, что гульбище бывает в сей день весьма многонародное; только я не мог без досады смотреть на вымазанныя уже слишком много и размалеванныя румянами лица и испакощенныя тем изрядныя рожицы,

Переночевав в селе Куракине и встав до света, приехали мы в последующий день кормить лошадей в большое и регулярно построенное село Каменку, принадлежащее уже к Бобриковской волости. Не могу изобразить, с каким чувствием въезжал я в пределы сей волости. Неизвестность, буду ли я или не буду в сих славных волостях управителем и увеличу ли в них свое благополучие или потеряю то, которым до того наслаждался, было причиною тому. Однако я предавал все на власть моего Творца и Бога, пекущагося обо мне во все дни живота моего и надеялся несомненно, что Он меня не оставит и сделает то, что для меня лучше и Ему будет угоднее.

Остановившись в Каменке, употребил я небольшую политику и не велел сказывать людям о себе, кто я таков и куда еду, а сам старался кое о чем мужиков повыспросить. Однако важнаго ничего узнать не мог.

О князе сказали мне, что он еще не приезжал в Бобрики. Итак, отдохнув тут немного, проехал я прямо в свою епифанскую деревнишку, верст за 12 оттуда отстоявшую, в намерении дожидаться там прибытия княжова.

Не успел я в помянутую деревню приехать, как слух о причине приезда моего разнесся тотчас по всему тамошнему соседству и многие из крестьян, принадлежащих брату моему и тетке, г-же *Арсеньевой*, также и из соседственной деревни Арсеньевой начали приходить ко мне и изъявлять радость свою и желание, чтоб был я управителем, и ничего еще не видев, приносили ко мне приносы, иной блюдо меду, иной курицу, иной блюдо яиц.

– Государи мои! – говорил я им, удивившись. – Что это вы затеяли, я еще не управитель и не знаю еще буду ли я им, или нет, и что могу я вам сделать?

– Нет, ничего, государь! – говорили они. – А только просим нас не оставить, когда ты будешь оным.

Всему тому я смеялся и был доволен их усердием, думая, что сия встреча была недурна для меня.

Ночевав в деревне своей, поутру на другой день отправил я человека в Бобрики проведать о приезде князя и чтоб наказать о присылке ко мне, когда он приедет. А сам, принявшись за перо, стал между тем делать прожект описанию волостей и препроводил в том все утро.

Посланной, возвратясь, привез известие, что князь еще не бывал, но что его ждут с часу на час. Итак, принужден я был расположиться жить и дожидаться его в своей деревне.

Весь день прошел, а присылки не было. Наконец настал и другой день; однако не присылали.

«Что за диковинка, что князь не едет так долго?» – думал я, и после обеда решился послать опять туда нарочнаго; ибо хотя и обещали прислать ко мне с известием, но как не присылали, то боялся я, чтоб не вышли тут какие-нибудь плутни и бездельничествы от тамошних начальников.

Между тем продолжал я жить в черной, дымной и жаркой избе, наполненной миллионами мух. Таковая жизнь хотя бы и могла мне скоро наскучить, но привычка к упражнениям не допустила меня чувствовать и малейшей скуки. Я запасся книгами, бумагою и чернилами и было в чем хотя бы целой месяц упражняться. Итак, занимал я себя литературою, и то почитаюсь книг, то попишусь, отведывая, не можно ли чего-нибудь наперед заготовить, или по крайней мере расположиться, каким образом и чем начать описание волостям и какой сделать к тому приступ.

Но не успел я сего начать, как скоро оказалась сущая к тому еще невозможность, ибо я не имел о волостях сих ни малейшаго еще понятия и никакого еще сведения, и мне нужно еще было получить оное и выправиться обо всех принадлежностях.

Итак, оставив сие и находя приятнейшее упражнение в письме, принялся за другое и начал писать четвертую часть экономических своих записок под титулом «Плоды празднаго времени», которых первыя три части переплели мне в последнюю мою в Москве бытность прекрасно и так, что красота самого сего переплета возбуждала во мне желание продолжать сию книгу и тем паче, что первыя три части многим полюбились. И как взяты были со мною все нужные к тому записки, то в немногие часы и написал я три нумера.

Между тем возвратился и посыланной из Бобрик, с известием, что князь еще не бывал, но что ждут приезда его с часу на час, потому что прислал он уже солдата сказать о себе, что он в тот день будет и что солдат поехал уже за *Опухтиным*. Обрадовался я, сие услышав и за верное полагал, что в последующий день быть мне в Бобриках.

Несмотря на то, вздумал я нарядить с вечера человека и приказал в последующий день со светом вдруг ехать и проведать о князе. Сам же, встав поутру, начал совсем собираться и дожидался только посланного. Но посланной, возвратившись, сказал, что князь все еще не бывал и что *Опухтин*, приезжавший туда ночью, опять поехал назад в Богородицк.

Удивился я этому чрезвычайно, но нечего было делать, принужден был опять осесться, вооружиться терпением и дожидаться присылки, которую верно обещали.

Итак, принялся я опять за прежния упражнения и написал еще несколько статей в свою книгу. Наконец настал обед, но присылки все еще не было. Что делать? Уже мне и скучновато стало становиться. «Будет ли, не будет дело, – думаю и говорю я сам себе, – а я проживаю здесь попустому время». Что касается до людей моих, то им, привыкнувшим также ко всегдашнему упражнению, было уже и очень скучно. Они помогали уже навоз возить и накладывать мужикам и я дивился, как привычка может сделаться ко всему: привыкнув работать, они уже и скучали, быв без всякаго дела.

По счастию, день и погода случилась очень хорошая и такая, что в избе сидеть очень скучно. Но куда иттить и что делать?

Пошел ходить на реку, пошел в сад моего мужика – там полежал, инде посидел... нет, скучно без дела. Пошел учить хозяина, как хмель разводить, а потом на поле смотреть хлебов и делать опыты унавоживания земли пеплом из овинов. Велел два воза при себе вывезть и разметать по земле под рожь и под гречиху.

Оттуда прошел смотреть каменьев, о которых мне сказывали, что есть в вершине превеликие и мне хотелось видеть, не годны ли они будут к бобриковскому строению дворца на крыльцы. В сих разгуливаньях проводил я все послеполуденное время и, возвратясь на квартиру, испытывал натуру тех каменьев спиртами, кои со мною были и которыми делал я тутошним землям и глинам неоднократные опыты; и тем кончил сей день, но о князе не было еще никакого слуха.

Наконец поутру в следующий день, что было уже 24-го мая, еще до вставания моего, приезжал из Бобриков мужик с известием, что князь приехал и уже ночью. Итак, убравшись, поехал я, наконец, в славное село Бобрики, оставив багаж у себя в деревне.

Приехав в Бобрики, застал я князя, слушающего молебен при закладывании тамошняго огромного дворца. Он принял меня довольно ласково и просил, чтоб присутствовал я с ним при закладке дворца. Господин *Опухтин* находился уже тут и так, как управитель, делал все нужныя распоряжения.

По совершении водосвятия пошли мы закладывать дворец. Для князя высечен был особой камень, с надписью года, и он положил его, обмазав принесенною ему на блюде известью. Мы все архитектором прошены были последовать его примеру и каждой из нас принужден был положить камень и, взяв лопаточкою известь, бросить на оной и потом три раза ударить молотком о камень.

Как вышли мы изо рвов, то приносимы были князю поздравления, и каменщики и народ прокричали три раза «ура» После того пригласил нас князь в поставленной пред квартирою его шатер, где потчевал водкою, вишневкою и маслом от голландских, содержимых тут коров.

В сие время приехал к нам некто из тутошних соседственных дворян, *Киреевский*, отставной майор и ему незнакомый человек.

Во все время до обеда упражнялись мы в разных разговорах и ходили около тех мест, где быть строению. Потом угощал нас всех князь обедом в том небольшом деревянном домике, которой построен был тут на горе для жительства тутошнему управителю и архитектору и где тогда расположился и сам князь квартировать, а после обеда пошли мы опять прохаживаться.

Между тем примечал я все поступки г-на *Опухтина*, дабы усмотреть из них что-нибудь, могущее объяснить мне, что со мною воспоследует, и находил, что нимало еще не пахло его переменою.

Он был человек расторопной и должность свою прямо отправляющий, так что князь был им не инако как доволен, а притом казался он в наиспокойнейшем состоянии духа. Со мною, как с незнакомым себе человеком, обходился он очень холодно и не удостоивал меня ни единым почти словом. Из всего сего не предвещал я себе ничего хорошаго и смотря на все сие не весьма с спокойным духом, наверное почти заключал, что

из дела моего ничего не выйдет. Однако хотелось мне слышать, что князь говорить станет.

Между тем, однако, досадно было мне, что лошади мои весь день стояли без корма. Князь с десять раз мимо их прошел, но и не помыслил о том, чтоб велеть мне отвесть квартиру и приказать дать лошадям моим корму, и сие не знал я чему приписывать.

Князь обходился, впрочем, со мною очень ласково и благоприятно, советовался обо всем со мною, обращался и говорил фамильярно, но о деле нашем не упоминаемо было ни единым словом.

После обеда звал он меня ехать с ним прогуливаться и кое-что осматривать, а между тем, найдя удобной случай, шепнул мне, что он с *Опухтиным* еще не говорил, а говорить будет и мне скажет. «Хорошо! – думал я сам в себе. – Но по всему вижу, что ничему не бывать и что я проездил по-пустому».

Как жар понемногу посвалил, то поехали мы все прогуливаться на линейке *Опухтина*. Сперва ездили мы осматривать, где ломали каменья, а потом проехали на славное *Иван-озеро*.

Тут не мог я довольно надивиться, что сие толь во всем свете славное Иван-озеро составляло не иное что, как маленькую лужу или прудок с десятину пространством; но деланные во времена Петра Великаго из онаго в обе стороны каналы и каменные шлюзы, делали его уже примечания достойным. Я не мог зрением на сию древность довольно налюбоваться и для меня прогулка сия была очень весела.

Возвратившись в Бобрики, отстоящие от Иван-озера верст с 10, собирались иттить опять гулять и ловить рыбу в пруде, выкопанном на горе, а лошади мои все-таки стояли невыпряженныя и без корма.

Сие привело меня в недоумение. Я не знал, тут ли мне ночевать или ехать назад в свою деревню, и ходил уже гулять в мыслях, оставляя князя разговаривать с *Опухтиным* о будущих учреждениях, с которым он так говорил, как с имеющим быть еще долгое время управителем.

Итак, я уже более удалялся и разговаривал с *Киреевским*, которой был человек неглупой; но зачем он тогда приезжал, не знаю.

Перед вечером, наконец, спросил меня князь, долго ли я пробуду в своей деревне и далеко ли она? Я ему сказал, что собственно сам я не имею никакой нужды, а приехал к нему по его велению.

– Очень хорошо, сударь! – сказал он. – Так пожалуйте ж ко мне в понедельник в Богородицк. Там мы разсмотрим планы, чтоб нам можно было сделать описание.

Сие предложение смутило меня еще более. «Изрядное это и право изрядное будет дело, – думал я, – поезжай я в деревню свою и живи опять два дни в скуке и в темноте, а лучше я здесь останусь», и потому сказал князю, что мне в деревне своей делать нечего и я лучше здесь где-нибудь к мужику пристану и пробуду это время.

– Очень хорошо! – сказал он. – Так, пожалуйте, здесь ночуйте. Со всем тем о лошадях и о квартире мне опять позабыто.

«Что это за поступок?» – думал я и велел слуге пристать где-нибудь к мужику и купить лошадям корма, а другого послать за оставшим в деревне моей экипажем.

По наступлении вечера стал я откланиваться, но князь удержал меня вместе ужинать. «Это хорошо-таки, – думал я, – но не ночевать бы мне на голой лавке у мужика, это-то будет не слишком хорошо».

Со всем тем я отужинал и хотел иттить, но тогда сказали мне, что тут для меня комната сыскана и постеля приготовлена. Сие меня несколько порадовало, и таким образом расположился я тут ночевать. Но, о! Далась мне эта ночка, долго была она мне памятна.

Комнатка случилась какая-то маленькая, задняя и походившая более на конуру; кровать короткая, жар ужасной, духота несносная, мух с три пропасти, а сверх всего того, безпокойныя мысли! Но как бы ни было, но я ночевал и препроводил сей день в надежде и сумнении. С одной стороны, по всему сомневался я в том, чтоб могло воспоследовать мне определение, а с другой, князь не сказывал еще мне ничего еще решительнаго и достовернаго, а только перед вечером, во время прогуливания, отведя меня к стороне и приметя, может быть, мое неудовольствие, сказал: «Вы, пожалуйте, будьте уверены, что кроме вас на сем месте никто не будет, если г. *Опухтин* пойдет в отставку», что можно было толковать и так и сяк. Однако я уже заехал и хотя тужил, что по-пустому поехал, но делать было уже нечего.

Поутру на другой день пошли мы опять ходить и весь день проходили, проговорили и проездили опять по местам разным. Я во все сие время примечал и разсматривал князя и находил в нем чудной и странной характер.

Казалось мне, что был он человек очень добродушной, неспесивой, однако не слишком далекаго и остраго разума, а притом в мыслях и предприятиях не слишком основательным. Сии замечания объясняли мне уже очень многое и я не стал уже его поступкам удивляться.

Я обедал и ночевал опять у него; но и в сей день не говорил он об определении меня ни слова, хотя я час от часу более примечал, что у *Опухтина* и на уме не было иттить в отставку, а неволею его столкнуть князю никоим образом было не можно, да и не было и повода и причины к тому; ибо, во-первых, оказал он ему очень многия услуги, и князь был бы неблагодарным, если б восхотел ему сделать некое неудовольствие; во-вторых, у князя, по доброте его души, не было столько и отваги, чтоб сие сделать.

Одним словом, я сам в мыслях от князя того не требовал, и мне досадно было бы, если б он для меня сделал сему достойному человеку какое неудовольствие, который нес свою должность прямо исправно и рачительно и ничего дурного не сделал.

Со всем тем не прошел и сей день без особливаго происшествия. Князь удивил меня опять неведомо как одним странным предложением, а именно, не соглашусь ли я с ним ехать в деревню его Плавскую Сергиевское для компании?

Смешно мне это очень показалось! «И сюда-то, государь мой, – думал я тогда сам в себе, – я по-пустому поехал, а туда зачем таким ехать, истинно уже не ведаю. И так я недели две прогулял, а то еще недели три проездить по пустякам не знаю из какой благодати!»

В таковых помышлениях вздумал я от него отмолчаться, и, спросив, долго ли он проездит, не сказал ни слова, и чрез то принудил догадываться, что я туда ехать не намерен. По счастию, он не стал более меня к тому принуждать, а то была бы для меня новая и великая коммиссия.

В воскресенье, то есть в самые заговины, поехали мы наконец в Богородицк, и заезжали обедать к *Полунину*, Федору Ивановичу, особе особливаго примечания достойной.

Он жил как небогатой дворянин, в своей изрядной деревушке, почитался великим экономом; но в самом деле был хитрый, пронырливый, лукавый, лицемерный льстец и корыстолюбец и, происходя из низкаго рода, умел правдами и неправдами нажить себе именьице и подбился разсказами своими князю в любовь и благоволение.

Тогда приезжал он нарочно в Бобрики звать князя к себе на перепутье и угощал его и всех нас всячески, водил по своему саду и заговорил всех нас своими баснями.

По приезде в Богородицк, который мне впервые тогда видеть и узнать случилось, обходили и осмотрели мы также все места. Князю надлежало тогда и тут закладывать маленький дворец и церковь, и он показывал мне все сделанныя к тому приготовления.

Сим занялись мы почти до самаго ужина, и я даже устал ходючи с князем, и как уже не предусматривал в замечании всего дальней надобности, то мне все сие начало уже и прискучивать, и я стал уже помышлять о том, как бы скорей убираться домой, видя, что толку никакого нет и не будет.

План волости Богородицкой, для смотрения котораго я более в Богородицк ехал, был огромный и так велик, что мне не было и способа и места его разсматривать; к тому ж никто меня к сему и не побуждал.

Мы видели его лежащим в превеликом выдолбленном бревне, в магазине, и князь не сказал мне ни слова, а мне и подавно не было нужды самому набиваться на труд, великую мне задержку учинить могущий. Между тем ждал я, что мне князь скажет, и готовился уже проситься домой, но, по счастию, князь и сам не замедлил.

Ввечеру, выждав свободное время, сказал он мне: «Пойдем-ка, сударь, походим!»

Я тотчас догадался, зачем он меня зовет, и не сомневался, что хотелось ему со мною поговорить наедине, в чем и не обманулся.

Он, отведя меня от дома опухтинскаго, где он остановился, на несколько десятков сажен на лужок подле насаженной березками главной от колокольни аллеи, и видя, что мы были одни, начал со мною объясняться.

– Говорил я, – сказал он мне, – с *Опухтиным* и спрашивал его, но он отдумал иттить в отставку и намерен побыть еще года два при своей должности для оплаты долгов своих; а вы видите сами, что мне по неволе отставить не можно: он так много трудился в приведении волостей сих в порядок, и мне совестно сделать ему какое-либо неудовольствие.

Кровь во мне взволновалась вся при услышании сих слов. Я хотя и предвидел все сие и к отказу сему готовился, однако дух мой не мог никак, чтоб не смутиться несколько в сию решительную и критическую минуту.

Со всем тем я имел столько еще над собою власти, что, не подав ему ни малейшаго знака неудовольствия и не сказав на сие ничего, дал ему волю продолжать далее свою речь.

– Со всем тем, – продолжал он, – будьте вы уверены и поверьте мне как честному человеку, что как скоро он пойдет в отставку, то никого иного сюда не определю, кроме вас.

Услышав сие, поклонился я ему и начал объясняться, говоря, что я сего места не искал и не просил и нимало не добиваюсь того, чтоб для меня сделано было г. Опухтину какое неудовольствие и он против хотения был бы отрешен от своего места.

– Нет, ваше сиятельство! – продолжал я. – В таковом бы случае я и сам не согласился бы иттить на сие место, ибо вы могли бы то же и со мною сделать; а я с охотою возвращусь в прежнее свое уединение, где до того времени был доволен своим жребием, да и впредь надеюсь быть довольным.

Приятно было весьма князю сие услышать, и сколько смущался он до того, по доброте души своей не зная, как мне сказать отказ, о котором заключал, что будет мне натурально неприятен, столько обрадовался, вдруг услышав такой мой отзыв.

Он похвалил образ и расположение моих мыслей и совестился неведомо как, что навлек на меня труды и хлопоты по-пустому, и не находил довольно слов к изъяснению мне о том своего сожаления. Но я тотчас пресек сие, сказав:

– Что касается до сего, то, пожалуйте, ваше сиятельство, тем не безпокойтесь; труд сей был не велик и для меня ничего не значащий; к тому ж езда сия доставила мне случай взглянуть на свою епифанскую деревнишку; следовательно, была не совсем пустая и для меня неотяготительна.

Князь был и сим отзывом моим, как казалось, очень доволен, но вдруг потом предложил мне еще вопрос, меня крайне удививший. Он сказал, что ищет он купить еще для государыни в степных местах деревню душ в тысячу. Итак, ежели найдет, то не соглашусь ли я туда ехать осматривать и над тою бы я мог получить дирекцию.

Смутился я вновь, сие услышав, и воскликнул в духе сам в себе: «Вот то-то, право, хорошо, и не горчица ли сущая после ужина?» И, не долго думая, сказал ему на то отказ совершенный, говоря прямо, что я нимало

не намерен не только по пустякам ехать осматривать, но и быть там управителем.

Он удивился, услышав мой отказ, и спрашивал тому о причине; и тутто я имел случай объяснить ему то, какого сорта я человек и сколь мало помышлял о таких делах и вещах. Да и в самом деле, правление тысячью душами было бы для меня уже слишком низко и постыдно и нимало некстати. Все его убедительные причины, которыми начал было он меня стараться убаивать[1] и к тому преклонять, опроверг я очень скоро и не хотел о том и слышать. Наконец, начал он говорить о описании волости. Тогда предложил я ему, каким образом намерен было я был оное учинить, но как тогда делать мне уже нечего, так уволил бы он меня домой.

Совестно было уже ему, да и не можно меня удерживать, и он принужден был на отъезд мой согласиться. Со всем тем описание волостям, сочиненное мною, иметь ему весьма хотелось и как я показал ему прожект оному, то он так им прельстился, что стал просить меня, не могу ли я оное сочинить дома и не дам ли ему записки о том, что мне для объяснения всего к тому знать потребно.

«Хорошо! – сказал я. – Ежели мне когда дозволит время, так испытаю ему сделать сию услугу и не премину доставить к нему записку о том, что мне знать для того нужно», чем он весьма был и доволен, хотя в самом деле на уме у меня было совсем не то; но я всего меньше намерен был предпринимать сей труд в пользу других и по-пустому. Сим тогдашний разговор наш и кончился.

Теперь разскажу вам смешной поступок г. *Опухтина*. Сей не успел узнать, что у нас с князем было кончено, как тотчас перевернулся бесом и из прежняго хладнокровного человека сделался ко мне ласковым и благоприятным.

До того не имел он об лошадях моих никакого попечения, а тогда вздумал мне выговаривать, для чего я стал на особую квартиру и убеждал просьбою как гостя, чтоб я к нему переехал, но я не хотел ни под каким видом на то согласиться и довел до того, что он сказал о том даже князю; а тогда и князь стал говорить и, упустя время, вздумал спрашивать, не покупаю ли уже я овес и сено?

Усмехнулся я тогда и не сказал на сие ни слова, и видно было, что князю было тогда очень совестно. Итак, принужден я был в удовольствие

[1] Убаивать – уговаривать; отбаить – отговорить.

князя экипажу своему велеть переехать и вместе с ними ужинал и ночевал.

Как *Опухтин* жил тогда в тесном флигеле, то для ночлега отвели мне особый маленькой покой в новопостроенном только и не совсем еще отделанном доме.

Тут, лежучи в уединении, имел я довольно досуга и времени размышлять обо всем случившемся со мною, и размышления сии, соединенныя с духом не весьма спокойным, не допустили меня долго заснуть; а поутру, проснувшись, не стал я уже долго медлить, но, распрощавшись с князем, поехал домой.

Сим образом кончилось мое дело и я ездил, по пословице говоря, прямо «за семь верст киселя есть» и потерял время множество понапрасну и не сделал ничего. Но как я по философическим своим тогдашним мыслям не делал из всего дела сего дальней важности, да и не имел слишком сильного желания к сему чину и месту, то снес я сию неудачу очень с спокойным духом.

У меня свалилась равно как превеликая гора со плеч и я поехал назад еще с спокойнейшим духом, нежели с каковым туда ехал.

А много помогло к тому и то, что я, будучи и в Бобриках и в Богородицке, имел случай насмотреться, что должность управительская тут была не такова спокойна, каковою я ее себе сначала воображал; но по случаю производимых тут великих и многих строений и других обстоятельств, сопряжена была с безчисленными трудами, заботами и хлопотами, кои показались мне так велики, что я ясно видел, что в случае определения меня тогда к сему месту, вышло б жалованье мне прямо боком и я, лишившись не только свободы, но и всех любимых моих упражнений, скоро бы всем тем наскучил и легко мог бы раскаяться, что променял драгоценную свою свободу на неволю, с безчисленными хлопотами сопряженную. Со всем тем нельзя не признаться, что сколь я ни великодушествовал, но не мог избавиться от некоторых смущающих временно меня мыслей.

Обстоятельство, что слух о поездке моей во всех наших окрестностях распространился, что все полагали за верное, что я возвращусь не инако как уже управителем и что, приехав ни с чем и равно как осмеянным, подам повод к разным суждениям и переговорам, а завистникам к самым насмешкам и прочее, смущали и тревожили мысли мои еще чувствительнее и более, нежели самая неудача. И мне потребно было прямо философи-

ческое расположение духа к вооружению себя спокойно переносить все такие пересуды и толки.

Обстоятельным описанием моего обратнаго путешествия обременять вас почитаю совсем за излишнее, а только вкратце скажу, что, выехав из Богородицка, поехал я уже прямо большою дорогою чрез Дедилов в Тулу и далее, и что во время сего двудневнаго путешествия не случилось со мною ничего особливаго, кроме того, что я во время онаго и сидючи один в своей маленькой карете имел еще более времени и досугу размышлять обо всем происходившем в последние дни и вообще обо всем этом деле, и что чем более я об нем помышлял, тем чуднее, удивительнее и непостижимее мне все происшествие сие казалось.

Привыкнув уже издавна верить и не сумневаться в том, что все делается и происходит с нами по смотрению, велению и распоряжению Промысла Господня, хотя и не сомневался я, что и тогда все сие происходило по воле моего Бога; но не мог никак понять, для чего бы все сие так тогда случилось со мною, и не мог всему тому довольно надивиться и не инако относил то, как к неиспытанным и неисповедимым об нас судьбам Господним, и утешал себя наиглавнейше тем, что неизвестно еще было, но к пользе ли еще моей все так, а не инак делалось, и что сего всего скорее от благости Господней ожидати надлежало.

А последствия и оказали, что я в заключениях таковых нимало тогда не ошибался, ибо, ах! сколь мало знал я тогда все то, что долженствовало произойтить после и чему надлежало еще предследовать прежде, нежели совершится то, что Провидению угодно было учинить наконец со мною.

Но письмо мое достигло уже до своих пределов, и мне пора его кончить и сказать, что я есмь ваш и прочая.

(Декабря 10-го дня 1808 года).

РАЗГАДКА МОЕЙ НЕУДАЧИ

Письмо 160-е

Любезный приятель!

Таким образом обрушились вдруг все воздушные замки, строимые до того в мыслях мною и всеми родными и приятелями моими, и исчезли

как тень все наши лестныя надежды. Я не знал, как мне показаться будет к моим домашним и как сообщить им такое известие, о котором был я совершенно удостоверен, что будет оно им не весьма приятно и радостно. Подумавши о сем, другого не находил, как при возвращении принять на себя веселый вид и обратить все дело в смех и шутку. Как вздумалось, так я и сделал.

Я возвратился домой на другой день по выезде из Богородицка. Было сие в исходе уже мая и 28-го числа онаго. Я застал против всякаго чаяния в доме у себя множество гостей, и все были одни боярыни, и между ими многия такия, которыя никогда еще у нас до того не бывали. Сие было для меня не весьма приятно и тем более побуждало принять на себя веселую личину.

Все родныя мои, услышав о приезде моем, выбежали меня встречать, и радость у них написана была на глазах, когда увидели они, что я возвратился с веселым, а не унылым духом. Но радость сия продолжалась недолго.

Не успели они, обступив меня, начать наперерыв друг перед другом спрашивать и говорить:

– Ну? Что? Что? И сметь ли поздравить с...

– Конечно, конечно! – засмеявшись, говорил я им в ответ. – С благополучным возвращением в Дворянниново!

Сие слово составило для них новую загадку. Все они опять воскликнули:

– Это мы знаем и поздравляем; но там-то что? Ель или сосна?

– Этого я уже ничего не знаю, – отвечал я им, – но у вас только спрошу, видали ли вы, как маленькия дети пускают на воздух мыльные пузыри, такие прекрасные, разноцветные, и как на них галятся[1] и ими веселятся?

– Как не видать, – подхватили они, – но это к чему и что за вопрос?

– А к тому, – сказал я, – что и со мною случилось нечто тому подобное, и я также галился и веселился, смотря на пузырек воздушный, а может быть, и вы также, и пузырек этот наконец треснул, и все наши прекрасные призраки исчезли... и не осталось ничего.

Сие слово осадило их всех. Они вдруг замолкли, задумались и не знали, что говорить далее. Но, видя, что я смеюсь и хохочу, опять несколько ободрились и спросили:

[1] Галиться – здесь: глазеть, пялить глаза, дивиться, любоваться.

– Ну что, право, полно шутить, а скажи-ка нам без издевки и сущую правду и успокой наши мысли.

– Желал бы душевно, – сказал я, – но, ну, если это не можно! Ну, если я нимало не лгу и не шучу, и мне иного сказать вам нечего, кроме того, что ездил ни почто, привез ничего!

– Как? Как? – воскликнули они все. – Неужели вправду ничего?

– Конечно! – сказал я. – Но чему тому и дивиться? Не с теми ли мыслями я и поехал туда, что вряд ли чему бывать, а это и свершилось действительно. Опухтин в отставку не пошел, и дело тем кончилось. Я принужден был, несолоно похлебав, ехать домой и питаться пустою надеждою, что, верно, определен буду тогда, когда ему захочется иттить в отставку; а его, я думаю, и сам сатана оттуда не вытурит никогда, и чорт ли велит ему разстаться добровольно с таким прекрасным, знаменитым и прибыточным местом.

Услышав сие все ближния мои родные повесили голову, а тетка наша, г-жа *Арцыбашева*, с чувствительною досадою сказала:

– Да князь-то что ж? Зачем же он призывал-то тебя и волочил ни за что ни про что в такую даль?

– Лихая знать его болесть там давила! – подхватила огорченная жена моя. – А убытков-та, убытков сколько нам доставил? Видно, сам он негодной человек!

– Нет, матушка, не брани ты князя. Об нем я прямо скажу, что он наидобрейший человек и я истинно даже полюбил его за его добродушие и оказанную его ко мне ласку и благоприятство.

– Но умилосердись! – подхватила тетка. – Хорош, хорош, а сотворил такую глупость! Как же бы ему наперед не узнать, пойдет ли Опухтин или не пойдет в отставку? И зачем, ни дай ни вынеси, отрывать человека от дома, волочить и в Москву и в такую даль и оставить наконец безо всего и почти в стыде и обиде, и есть в нем только ум и хоть на волос разсудка?

– Об этом я вам не могу ничего сказать, – отвечал я, – а только знаю, что дело не состоялось и что вышел изо всего один только пустяк совершенной. А как все это и по каким обстоятельствам и отчего произошло, всего того не знаю и не понимаю и всему только сам удивляюсь; а все это знает только Тот, кто нашими жребиями и делами распоряжает. Но что о том более говорить; видно, что святой Его воле для каких-нибудь Его святых и неизвестных нам причин было не угодно, чтоб делу сему так кон-

читься, как нам хотелось, и нам не остается в сем случае ничего говорить. Его святая воля да буди во всем с нами! А славу Богу, что вы видите меня опять здесь. Я истинно нимало о том не сокрушаюсь, а рад еще, что избавился от безчисленных хлопот и не потерял еще своей драгоценной свободы и возвратился опять в милое и любезное свое уединение. Бог с ними там и совсем! А скажите-ка мне лучше, что у вас здесь все ли здорово, хорошо и что наши маленькия дети?

– Ах! – подхватила на сие жена моя. – И у нас-то, батюшка, не слишком хорошо. *Степан* наш лежит болен сыпью в Сенине, куда увезла его к себе *Авдотья Александровна*; ты знаешь, как она его любит. А любезной твой *Пай* (так обыкновенно называли мы меньшого нашего сына) едва жив и чуть ли ему не отправляться на тот свет, к своему старшему брату; а что того еще хуже, то проклятая воспа вошла уже и к нам во двор.

– Ну, вот, это-то нехорошо и прямо нехорошо! – сказал я, поразившись сим неприятным известием. – Но что ж! – подхватил я опять ободрившись. – И в том да будет воля Господня; мы все в Его власти и что Ему угодно, то пускай и совершается! А пойдем-ка мы лучше к гостям нашим, – ибо все сие говорили мы в нашей столовой, куда я прошел, чтоб с дороги сколько-нибудь оправиться.

Сказав сие и протурив их к гостям, стал я оправляться и обтираться от пыли, чтоб не показаться чучелою и пошел потом вслед за ними. Но с гостями сими едва успел я раскланяться, ибо они в самое то время собирались уже ехать, чему я и весьма был рад, ибо мне нужно было с дороги отдохновение.

Но недолго удалось мне попользоваться сим отдохновением и месяц сей ровно как назначен был к тому, чтоб мне в оной сначала и до конца находиться в безпрерывных волокитах; ибо (не успел) настать последующий день, как прислала к нам г-жа *Щербинина* сказать, что она отъезжает в свои псковския деревни и желает, чтоб мы приехали к ней проститься.

Итак, принуждены мы были к ней ехать, и я тем охотнее туда ехал, что желалось мне узнать, что произвела моя посланная к ним книга.

Мы заехали в Сенино и, взяв с собою г-жу *Ладыженскую* и приехав в Якшино, нашли там многих и других наших родных и знакомых, живущих при брегах Оки-реки. Но, к сожалению, самого сына г-жи Щербининой я уже не застал при ней.

Но как обрадован я был, когда она, возвращая мне все мои книги, вручила мне от него письмо, в котором он, приписывая книге моей неведомо сколько похвал, уверял, что она ему так полюбилась, что желал бы даже списать для себя оную.

Легко можно заключить, что сие было для меня очень приятно. Это было еще в первой раз, что отдавал я книгу сию читать в люди и когда б имела она и всегда такое счастие, как при сем случае!

Человек, обожавший даже Вольтера и зараженный его мыслями, ее читал и, несмотря, что в ней были прямо противныя вольтерским мысли, так ее полюбил, что в письме своем признавался мне, что она очень хороша, возбуждает чрезвычайно любопытство и все наставления весьма полезны и что для самого того он и просит, чтоб дать ему ее списать, когда кончу.

Сего было уже довольно и предовольно для меня и нечто такое, чего я нимало не ожидал, а думал, что гг. вольтеристы ее не инако как поднимут на смех.

Таким образом распрощались мы с г-жею *Щербининою*, не воображая себе нимало, что то было в последний раз и что мы ее более не увидим. Она поручила мне многия коммиссии, которыя обещал я ей выполнить. Она поехала тогда в псковския свои деревни, а мы возвратились домой.

Сим кончился тогда наш май, котораго, приятнейшаго месяца, я в сей год почти и не видал. Князь проволочил меня во весь оной и я был все в езде и в отлучках; а тогда остепенившись, опять к удовольствию моему, в доме принялся я за прежния свои упражнения. Сады давно уже ожидали моего к себе возвращения. Тысячи дел встречались в них со мною и мне оставалось только успевать их производить и исправлять все упущенное.

В праздные же часы и минуты принялся я продолжать переписывать набело книгу мою «О благополучии» и спешил окончить первую часть, которой оставалось уже немного.

Между тем не позабыл я и об обещании, данном князю *Гагарину*. Я упоминал. уже, что ему хотя и совестно было навязывать на меня труд, к описанию волостей потребной, однако просил меня убедительно, чтоб я взял на себя сей труд хотя дома и прислал бы к нему записку о справках, какия к тому надобны,

Сие я ему тогда обещал, хотя не зная сам исполню ли то или нет; ибо у меня прошла уже охота вплетаться в сие дело и добиваться сего места, которое вышло у меня совсем уже из головы и нимало меня не безпокоило.

Однако, думая, что князь может годиться мне когда-нибудь впредь и что обмануть мне его дурно, решился пожертвовать ему немногим трудом.

Итак, сев, намахал целых 96 вопросов или пунктов, на которые мне нужны были объяснения и отправил в Тулу для пересылки к нему при письме, предавая впрочем на произвол их, станут ли они объяснять мне помянутыя вопросы или нет.

Теперь признаюсь, что при сочинении сих вопросов употребил я небольшую политику и расположил их так, чтоб они доставили г. *Опухтину* доброй кусок работы и навели ему столько хлопот и затруднений, что потерял бы он охоту загребать жар чужими руками. Ибо, по всей справедливости, описание волостям сочинять надлежало б ему, как обо всех обстоятельствах и о состоянии волостей сведущему человеку. Словом, я употребил хитрость против хитрости и она мне и удалась.

Опухтин, как я после узнал, прочитав вопросы мои, так труда, сопряженного с объяснением их, испужался, что и не подумал приступить к оному и положил их, несмотря на всевеликое желание князя, в долгой ящик, в котором они благополучно и истлели; а я чрез то избавился от труда превеликаго и совсем для меня безполезнаго. Не сомневаясь, что при читании оных, благословлял он меня изрядными клятвами, но я с моей стороны доволен был тем, что данное свое обещание выполнил, а от дальнейшаго труда удачно отделался.

Теперь, кстати, разскажу вам и о истинных причинах как призыва моего, так и тщетной волокиты и неудачи, которыя сделались мне после и не прежде, как по прошествии нескольких лет известными. Всему тому был главною ж единственною причиною сей г. *Опухтин*, и вот каким образом все происходило.

Сей хитрой и, с одной стороны, сколько умной и проворной, столько, с другой, крайне любочестивой и корыстолюбивой человек, имел тогда еще очень маленькой чин и достаток небольшой, когда сделался князю знакомым и определен был к управлению сими обширными и в большом безпорядке бывшими волостями, по соединении оных вместе и по вручении их от покойной императрицы в особенное ведомство и дирекцию князю *Гагарину*.

Будучи бойким, умным и проворным человеком умел он скоро подбиться князю в милость и, воспользовавшись отменною добротою его

сердца и слабостью прочаго его душевнаго характера, довесть до того, что князь вверился ему во всем и был всем поведением его доволен.

И как обе волости хотелось князю привесть в лучший порядок и всем им чрез порядочное разселение придать иной лучший и блестящий вид, то и действительно трудился г. *Опухтин* при сем разселении оных и приведении в лучший порядок и состояние очень много и тем доказал князю и трудолюбие свое и усердность.

Однако он не позабыл при том и себя, и за все труды и старания свои заставлял князя платить себе очень дорого. Не удовольствуясь тем, что по хитрости своей не разоряя нимало мужиков и не наживаясь собственно ничем от них, а другими и сокровенными стезями и путями, – как то: плутовскою отдачею в наймы многих тысяч десятин излишней земли, введением множества разорительных кабаков и прочими такими тайными уловками набил себе туго карманы, – довел он слабаго и добродушнаго князя до того, что он, выпрашивая ему от императрицы чин за чином, доставил ему наконец даже чин полковничий, а сверх того, убедил его выпросить ему от государыни 10 тысяч рублей денег на 10 лет взаймы без процентов, что все равно было как подарить оными.

Но всего того было еще для сего алчнаго честолюбца недовольно. Но как узнал он, что императрице угодно было приказать воздвигнуть в обеих волостях сих, по собственным ея планам, многия и важныя каменныя здания и все нужныя приуготовления были к тому сделаны, то ведая, сколь много князю он при сем случае будет необходимо нужен и надобен, вздумал воспользоваться сим случаем и чрез князя вытеблить себе еще какую-нибудь знаменитую выгоду. И как по причине недавно полученнаго чина прямо о том князя просить было бы ему уже совестно да и слишком нагло, то решился он иттить другим путем и достигнуть до того коварством, чего не можно было получить прямыми средствами.

И как князь находился тогда в Петербурге и получал от государыни планы для помянутых строений, то в самой сей критической пункт времени и отписал он к князю, что он более служить не намерен и просит о увольнении себя от должности, хотя в самом деле в отставку иттить у него и на уме не было, а сделал он сие единственно для того, чтоб добродушнаго князя пугнуть и побудить тем выхлопотать для себя еще либо чин, либо иную какую важную выгоду, ибо не сомневался в том, что князь будет его

убеждать просьбою, чтоб он остался и в подкрепление просьбы своей то неотменно сделает.

Но не то воспоследовало, что он думал и чего ожидал. Князя сие действительно впрах перетревожило и он не знал как быть и что делать, и может быть, и учинил бы что-нибудь ему в новую пользу, если б, по несчастию *Опухтина*, сама судьба не привела его, в самую сию разстройку мыслей, в собрание нашего Экономическаго общества и не побудила изъявить г. *Нартову* и всем членам своего нестроения в разсуждении просьбы г. Опухтина о его увольнении. Нартов и все члены не успели услышать, что он горюет и не знает, где бы отыскать достойнаго и способнаго на его место человека, как все начали ему предлагать и наперерыв друг пред другом расхваливать меня. И как и самому князю я по сочинениям моим был известен, то и прилепился он ко мне и, успокоившись мыслями, по самому тому и велел ко мне писать, а *Опухтину* дал знать, что он оставляет дело его до его приезда в Бобрики.

Вот причина, для которой я выписан был в Москву. Князю хотелось меня видеть и лично узнать, гожусь ли я к сему месту; и как он нашел во мне все нужныя к тому способности, но не хотелось ему и с Опухтиным, как с опытным и известным ему уже человеком, в такой критической пункт времени разстаться, а по доброте сердца своего не хотелось Опухтина и неволею отставить и сделать ему неудовольствие; то самое сие и побудило его велеть мне приехать в Бобрики, где не успел г. *Опухтин* увидеть, что на его место готов уже и другой, ничем его не худший, а может быть, еще и способнейший и честнейший человек, как вдруг перевернулся бесом и вместо просьбы о увольнении стал убедительнейшим образом князя упрашивать, чтоб он оставил его еще года на два, будто бы для того, чтоб успеть ему расплатиться с своими долгами, которых на нем и не было, или и были, но происшедшие от покупки себе многих деревень. А сим-то образом князь, по доброте души своей, его и принужден был оставить и отпустить меня ни с чем и что исполнил он не инако, как с истинным сожалением и угрызением совести. И вот истинная всему происшествию со мною причина! Но я удалился уже от нити своей истории. Теперь возвращусь к оной.

Таким образом, оселся я дома и могу безпристрастно сказать, что с удовольствием; ибо как та святая истина была мне довольно сведома, что никогда нам не известно, где можно найтить и где потерять, то и немного

помышлял я о минувшем деле и очень скоро все прошедшее позабыл и сожаления не имел ни на волос; да и можно ли сожалеть о том, к чему не гораздо велико было и желание.

Остепенившись дома, не стал я терять времени, но приступил к столь давно уже предпринимаемому разделу обмежеванной тогда уже совсем пустоши нашей Шаховой. Она была у нас общая у всех и мы давно уже располагались разделить ее по дачам. И как наступало тогда время пахания паровой земли, то и спешил я разделить оную.

Работы и трудов имел я и при сем случае довольно и несколько дней сряду принужден был препроводить в поле и всякой день работать до усталости, а сверх того еще по межевым делам и в Серпухов раза два попустому съездить. Наконец дошло дело до раздела. Сперва разделили мы по особым специальным и аккуратнейшим образом сочиненным мною планам, и дабы не было никому пред другим обидно, то положили во всем кидать жеребий, которой мы 12-го числа июня и кидали, а 13-го числа разрезали все в натуре наисправедливейшим образом.

Между тем и дома было у меня дело. Я принялся за свою сажелку на горе перед домом и начал ее отделывать. Тут вздумалось мне поисправить старинной колодезь и окласть его камнем, а сие подало повод и к обделанию всего этого места. И могу сказать, что я веселился всякой день сею работою и находил в том новое средство к умножению своего благополучия.

По разделении Шаховской пустоши убежден я был соседями своими к разделению таким же образом и пустоши Щиголевой, которое дело и начали 18-го числа разделением наперед земли паровой, а потом начали и прочее снимать на план; но та беда, что не одно было дело, а надобно было хлопотать по межевым делам в Серпухове.

Итак, 15-го числа ездил я опять в Серпухов к межевщику и опять попустому: волостных поверенных не было и мы проволочились понапрасну. Другое помешательство было то, что мне необходимо надобно было побывать в Алексине, где нужно мне было исправить два дела, и во-первых, отдать на поселение человека, а во-вторых, протестовать вексель покойного *Матвея Никитича*, хранимой мною в залоге. Итак, проездил я и туда три дни, но 21-го числа взял я уже отдохновение. Безпрестанныя езды так меня обезпокоили, что нужда была и в покое.

Отдохновение мое состояло не в праздности, а в письменных упражнениях. Это уже издавна составляло мое отдохновение и могу сказать, что

я всегда отдыхаю, когда пишу. Работа моя тогда состояла в начале переписывания второй части сочинения моего «О благополучии», котораго первую половину имел я уже удовольствие видеть в прекрасном переплете, а сие самое и побудило меня спешить переписыванием второй части.

Ввечеру сего дня получил я опять зазывную грамоту из Серпухова, то есть письмо от межевщика, чтоб я приехал мириться с волостными. Итак, 22-го числа полетел я опять туда и, заехав к другу моему г. *Полонскому* и переночевав у него, приехал наутрие в Серпухов.

Но езда моя и в сей раз была по-пустому. Межевщика не застал я дома за отъездом в уезд для межеванья, а виделся только с поверенным Нарышкина, *Пестовым*.

Сей требовал от меня отдачи, в силу поданных полюбовных наших сказок, 30 десятин земли; но я притворился, будто забыл, как там написано было, да и не знал где она, и говорил, чтоб он отыскал ее; а сверх того, намекал ему, что не дойдет ли дело подать ему сведение о землях волостных подробное по всем пустошам так, как по законам межевым следует. Сими словами смутил я его до чрезвычайности и оставил в великом недоумении.

Возвратившись домой, ополчился я на средния липовыя шпалеры, в верхнем саду моем находящияся. Как они разрослись и не пользу, а тот вред производили, что все купцы от сада моего по причине их бегали, то вздумалось мне пособить сему злу подчисткою оных снизу и вырублением из них всех мелочей. Чрез самое то сделал я их прозрачными и произвел впервые тот вид, какой дорога сия имеет ныне.

25-го числа принялся я опять за домашнюю свою межевую работу и снимал план с нашей пустоши Щиголевой для предпринимаемаго раздела и принужден был также и за нею провесть целый день в работе.

В последующий за сим день, а именно 26-го июня, имели мы наконец столь давно вожделенное удовольствие кончить наше межевое спорное дело с волостными и кое уже как с ними помириться. Происходило сие в Серпухове, куда мы опять для него ездили. Мы нашли там повереннаго саламыковского г. *Пестова* в превеликих хлопотах и весьма озабоченным по случаю пропажи полюбовной нашей сказки. Они с межевщиком с ног сбились, ее доискиваясь, и перерыли все бумаги, переходившия из рук в руки и от одного межевщика к другому, и сказывали мне свое о том удивление.

Я притворился, будто ничего об ней не знаю, и удивляюсь с ними тому равномерно, но говорил, что без ней никак мириться не хочу, а по открывшимся вновь обстоятельствам и оказавшимся в волостях уже примере, а не недостатке, не намерен уже давать ни одного шага земли своей г. Пестову.

Сперва считал он сие издевкою и думал, что я шучу, но, увидев, что я говорю то не шутя, смутился до безконечности и не знал, наконец, что делать; а особливо когда при сделавшейся у нас с ним о том небольшой размолвке стал я настоятельно требовать, чтоб он подал сведение о землях своих справедливое, а не такое плутовское, какое подано от него прежде и пользуясь которым успел он обидеть столь многих добрых людей и отнять несправедливейшим образом у них земли, и грозил, если он не помирится со мною ни на чем, а на старом владении, подать о том извет в межевую контору. Сие его так устрашило, что сколько он ни прыгал и ни гневался на то, что не является сказка, и сколько ни твердил, что пропажа сия не может остаться без следствия, однако принужден был наконец остаться и при помощи межевщика меня же наиубедительнейшим образом просить, чтоб я когда не все 30 десятин, на которых мы было помирились, так хотя б сколько-нибудь ему земли дал, дабы не было имени, что он помирился с нами на старом владении.

Убеждал он меня к тому наиболее тем, что он успел уже донесть *Льву Александровичу* (Нарышкину) о примирении с нами с некоторым приобретением; следовательно, ему, как его подкомандующему, будет явная беда, если сделается сие инако, и чтоб я сделал сие из единого великодушия к нему.

Я долго не хотел было и на сие согласиться, но как начал он просить меня, почти кланяясь мне в ноги, да и межевщик стал убеждать нас своею просьбою, то мы, смолвившись с братьями для скорейшаго окончания всего дела, во избежание дальнейших хлопот, и решились пожертвовать десятью десятинами самой негоднейшей земли на наших Воробьевых горах и сим бездельникам ее бросить, чем, наконец, он был уже и доволен и с превеликою радостью подписал вновь написанную о том полюбовную сказку; чем тогда все наше межевое с ним дело и окончилось, и мы все с торжеством возвратились восвояси.

Не успели мы сего кончить, как по приезде своем домой приступили к разделу пустоши нашей Щиголевой и, кинув жребий, 28-го числа раз-

резали и оную по числу наших дач на разныя руки и тем совершили и сие великое дело.

Последующий за сим день был достопамятен тем, что против всякаго чаяния лишились мы в оный одного своего и всеми нами любимого соседа, Алексея Ивановича *Руднева*, жившаго в деревне Полозове. Никто не ожидал столь рановременной смерти сего молодого человека. Умер он от самой безделицы. Ездив молиться Богу в Троицкий Сергиев монастырь и будучи навеселе, стал выходить из коляски и зашиб как-то немного ногу, к чему прикинулся антонов огонь, а от него и умер он, страдав более трех недель мучительнейшим образом, оставив по себе жену и малых детей с долгом 300 рублей и прямо в жалостнейшем положении. Мы узнали обо всем том вместе с его кончиною и сожалели крайне, что не знали того прежде, а то можно бы было чем-нибудь и помочь.

На Петров день положили было мы ехать в гости в Тарусский уезд к приятелю нашему, Осипу Васильевичу *Гурьеву*, подзывавшему уже нас давно к себе к сему времени, дабы вкупе побывать и на ярмонке в Тарусе, в это время бываемой; но остановило нас то, что надобно было побывать у приехавшаго в Котово соседа и приятеля нашего, Алексея Ионовича Темешова с молодою его женою; ибо он наконец женился не на Срезневой, а на г-же *Лопатиной,* доводившейся нам несколько в сватовстве, потому что родная ея сестра была за родным дядею жены моей.

Итак, мы ездили после обеда к нему, а в Тарусу отправились мы уже в следующее последнее число июня рано и успели приехать к г-ну Гурьеву к обеду. Мы взяли туда с собою и обоих старших детей наших, ибо к сему времени выздоровел и сын наш *Степан* от своей сыпи, и мы в первый еще раз повезли его с собою в люди; но увы! сколь мало знали мы тогда, что сие было и впервые, и впоследние.

По особливому дружеству к нашему дому были нам хозяева чрезвычайно рады и старались угостить нас всевозможнейшим образом, и я могу сказать, что всегда езжал и бывал я у них с особливым удовольствием.

В сей раз нашли мы у них бригадира *Рославлева* и познакомились с оным. После обеда ездили все боярыни и девицы на ярмонку в Тарусу, и г. *Гурьев* не отпустил нас не только в тот, но и во весь последующий день, и мы возвратились уже домой уже не прежде, как 2-го числа июля.

Со всем тем поездка сия была нам не совсем счастлива, и было с нами целых три беды в продолжение оной. Во-первых, во время езды барынь на

ярмонку в Тарусу по одному бездельному случаю перестращались они там насмерть, и как жена моя была в то время беременна, то боялся я, чтоб не было от того каких-нибудь худых следствий. Сам я, будучи там, занемог было прежестоким и таким поносом, какого я никогда еще не имел, и насилу освободился от него с помощию мушкатнаго ореха. А в-третьих, и всего паче, разнемогся бывший с нами сын наш *Степан* жаром так сильно, что, приехавши домой, слег в постелю и не вставал уже с оной.

По продолжавшемуся и час от часу увеличивающемуся жару скоро увидели мы, что он заразился оспою, которая проклятая болезнь уже с некотораго времени свирепствовала в доме нашем и двух ребятишек уже похитила. Но как иные и выздоравливали, то сначала мы и не весьма тем перестращались; но как в третий день начала высыпать и оказалась чрезвычайно сильною, то сие перетревожило всех нас до крайности, а особливо как вскоре после того оказались и все обыкновенные признаки дурной и опасной оспы. Не могу изобразить, как всем нам ребенка сего жаль было и с каким чувствительным состраданием смотрели мы на него во все немногие дни наимучительнейшего его страдания. Оспа сделалась на нем слитная, и он не мог никак перенести сей мучительной болезни. Смерть похитила у нас и его при самом еще расцветании его отроческих лет. Ему шел тогда уже пятый год. Мы все любили его очень и оросили гроб его горячими слезами.

Со всем тем я перенес сей несчастный случай мужественнее всех прочих наших родных и гораздо с меньшим огорчением, нежели все прочие. Мне случилось в самые дни его болезни переписывать набело вторую половину книги моей «О благополучии» и писать ровно как нарочно самое то место, где я трактовал о утешениях в несчастных случаях и средствах, которыми нам свои печали и прискорбия уменьшать можно; и могу сказать, что, имея тогда случай и производить их в самой практике, воспользовался я ими очень много и они действительно помогли мне перенесть сию печаль с довольным твердодушием.

Схоронив сего милаго и любезнаго ребенка подле его старшаго брата, такого же малютки, не успели мы еще от сей печали несколько отдохнуть, как готовилась для нас уже и другая.

На Ильин день восхотелось нам съездить всем на деревенскую ярмонку в село Миротино за заводом. Никогда мы на сих ярмонках не бывали

и боярыням моим восхотелось ее видеть. Итак, мы поехали туда, взяв с собою и старшую дочь нашу.

Во время пребывания нашего там, застигшая прежестокая гроза с пресильным дождем перестращала и обезпокоила нас чрезвычайно. Но как поехали мы домой, то воспоследовало еще худшее.

На дороге сей занемоги таким же образом, как брат, и дочь наша, так что мы насилу ее, бедняжку, привезли домой.

Сделался и в ней жар превеликой и как мы не сомневались, что и она по всему видимому начинала разгораться к оспе, то, будучи уже настращены, вострепетали об ней все духом.

Сей нам и того более было жаль. Она была уже двумя годами старее брата и утешала нас много своим милым и любезным характером.

Жар, час от часу увеличиваясь, сделался так велик, что бедняжка страдала прежестокими конвульсиями.

Мы обезпамятели, сие увидев, но, по счастию, вздумалось мне броситься в лечебныя книги и я нашел в них, что конвульсии сии не опасны и более добро, нежели зло предвозвещают. Сие ободрило всех нас несколько.

Нам присоветовали положить ее на медвежину, уверяя, что сие будто помогает к лучшему высыпанию оспы. Со всем тем во все то время, покуда не начала высыпать оспа, находились мы в страхе и недоумении неизобразимом, и не прежде несколько успокоились духом и ободрились, как увидели, что оспа оказывалась редкая и имеющая все признаки доброй. Тогда вдруг перешли мы из печали в неописанную радость и удовольствие. Мы говорили только: «Слава, слава Богу!» и слезы радости текли у нас у всех, и у меня и первого из глаз. Я не мог довольно возблагодарить за то Господа. Она действительно была против всякаго чаяния редка и хороша. Однако, покуда не начала она подсыхать, находились мы еще все в некотором опасении.

А не успела сия беда миновать и оспа благополучно начала с нее сходить, как та же болезнь постигла и меньшого сына моего *Павла*.

Сие ввергло опять всех нас, а более всех меня в великое озабочение и безпокойство.

Малютку сего любил я как-то отменно с самого его младенчества и он был мне мил до чрезвычайности; и потому сколько я ни философствовал и как ни старался подкреплять себя надеждою на Бога и предавать Ему во

власть сего ребенка, но мысль, что могу лишиться и сего милаго ребенка и последняго сына, тревожила мой дух и безпокоила очень. Но, по счастию, продлилось сие недолго и в первые дни его горения не предвидели уже мы дальней опасности. А как стала высыпать и она оказалась не только очень редкою, но и со всеми признаками оспы хорошей и безопасной, то мы не вспомнили себя от радости и не знали, какое благодарение воздать Всемогущему за то, что Он утешил всех нас таковою легкою болезнию сего птенца любезнаго.

Она и подлинно была так легка, что он перенес ее почти играючи, катаясь по своей колыбели и твердил только, что это *дядины гам* (то есть собаки) его так искусали.

Все сие продлилось долго и мы засим и не видали, как прошел весь июль месяц и почти вся первая половина августа. За болезнями сими детей наших принуждены мы были все время сие сидеть дома и как по сему случаю имел я много свободнаго времени, то успел в оное не только кончить перепискою всю книгу мою «О благополучии», но разохотившись в том, переписать набело и всю третью часть моей «Детской философии», которую имел я у себя в разныя времена сочиненную и начать самую четвертую; и занимался трудом сим иногда в хоромах, а иногда, от духоты в них, на свободном воздухе в саду, сидючи в тени и в прохладе в прекрасных своих полубеседках, посреди сада находившихся и из стриженных липок составленных; а между тем продолжались у меня кое-какие и делишки в садах, но немногия по причине, что время было рабочее и люди нужны были на покосе.

Но не успел я в разсуждении болезни детей своих обезпечиться и, видя их выздоравливающих, успокоиться духом, как вдруг опять весь дух мой встревожен и приведен был в превеликое смущение и безпокойство.

Прискакали ко мне нарочно посланные из шадской моей деревни с письмами и от прикащика и от некоторых из моих тамошних соседей и знакомых. Все они писали ко мне, что г. *Пашков* действительно уже межевщика своекоштнаго привез и хочет всю нашу обширную степь замежевать за собою, и все просили Христом и Богом, чтоб я поспешил скорее к ним приехать и помочь им в сем критическом деле, за которое они по необыкновению своему не знают как и приняться.

Все сие меня не только перетревожило, но и чрезвычайно удивило.

Не понимал я, почему такому вознамеривается *Пашков* замежевать за собою всю необятно большую и обширную степь нашу. И как наверное заключал, что надобно быть тут какому-нибудь особому плутовству, и ведая из опытности все мытарства и хитрости межевщиков, и что могут они сделать, также и совершенную неопытность и самое даже невежество всех своих тамошних соседей, имел причину опасаться, чтоб они действительно чего-нибудь там не напроказили, и потому за необходимое и сам признал стараться поспешать туда как можно скорее своим приездом.

Итак, не долго думая и бросив и сады свои, и плоды в них, и все литературныя свои упражнения, ну-ка я скорее укладываться и опять в дальний путь свой убираться.

Я приглашал было и обоих братьев своих ехать с собою как соучастников во владениях тамошних; но как они поленились и стали то тем, то другим отговариваться, то, не долго думая, решился я ехать туда один и взял только в сотоварищество свое опять моего племянника, *Александра Андреевича Травина*, и, распрощавшись со своими домашними, 13-го числа августа в сей путь и отправился.

Но как письмо мое достигло уже до своих пределов, то о сей третичной и в особливости достопамятной своей езде предоставляю повествование будущим и последующим за сим письмам; а между тем окончив сим сие 15-е собрание оных, скажу вам, что я есмь ваш и прочее.

(Декабря 11, 1808 году).

Конец
пятнадцатой части
Окончена перепискою декабря 15 дня 1809 года.

ЧАСТЬ XVI

(Сочинена в декабре 1808, перепискою начата в конце 1809, а кончена февраля 8-го 1810, в Дворянинове)

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ ВООБЩЕ, А В ОСОБЕННОСТИ О ТРЕТИЧНОЙ МОЕЙ ЕЗДЕ В ШАДСКУЮ ДЕРЕВНЮ И О БЫВШЕМ ТАМ ПЕРВОМ МЕЖЕВАНЬЕ

1773–1774

МЕЖЕВАНЬЕ

Письмо 161-е

Любезный приятель!

Приступая теперь к описанию моей третьей езды в шадскую мою деревню, что ныне тамбовская, и достопамятнаго моего там в сей раз пребывания, скажу, что в путь сей отправился я из дома своего 13 августа 1773 года и в сотовариществе опять одного только моего племянника, Александра Андреевича Травина.

Обстоятельным описанием сего путешествия моего туда не нахожу за нужное вас обременять, ибо во все продолжение онаго не случилось с нами ничего особливаго и такого, о чем стоило бы труда разсказывать, а коротко только скажу, что ехали мы опять чрез Тулу, Епифань, Ранибург,

Козлов и Тамбов. А от сего города поехал я уже не на Кузменки и Коптево, а прямо чрез *Бор* и Пески на село Разсказово, где хотелось мне видеться с тамошним управителем и поговорить с ним об общем нашем тогдашнем деле и предпринимаемом господином *Пашковым* своекоштном межеванье. Ибо к степи нашей, которую сей ненасытной наян всю себе присвоить и замежевать хотел, прилегали и земли помянутаго огромного дворцового села, и я надеялся получить от него какое-нибудь объяснение тому, почему такому г. Пашков всю оную огромную степь себе присвоивал, поелику я еще о том ничего не ведал.

Но, по несчастию, господина управителя сего не нашел я дома. Он был где-то в отлучке, и потому заезд мой в сие место был по-пустому.

Отужинав тут у знакомаго мне подьячего и узнав от него, хотя не что иное, как только то, что межеванье еще не начиналось, а скоро начнется, и переночевав в сем месте, поспешил в свою деревню, куда в следующий день, случившийся в 20-е число августа, и прибыл.

Тут я нашел не только своих, но и всех соседей в превеличайшей тревоге, недоумении и безпокойствии; межевщик действительно уже в тамошния места приехал и по обыкновению, собирал уже от всех сказки и поверенныя письма. И как для всех тамошних жителей дело сие было совсем новое и они о межевых делах не имели ни малейшаго понятия, то все они впрах перетрусились и, нечаянностию сею будучи впрах и крайне перетревожены, не знали что и делать.

При таковых обстоятельствах с неописанным вожделением и нетерпеливостью ожидали они меня, как города, ибо, будучи о сведениях моих по межевым делам известны, надеялись, что я один в состоянии буду всех их защитить, или, по крайней мере, наставить их во всем нужном. А потому легко можно заключить, что все они, услышав о приезде моем в самую нужнейшую пору, крайне обрадовались.

Наилучшим, разумнейшим, добрейшим и зажиточнейшим из всех тамошних и в сие время в домах бывших соседей, был некто господин *Сабуров*, по имени *Иван Яковлевич*, – человек, котораго мне еще не случилось видеть, которой жил в соседственной к нам деревне Калиновке и о котором насказано мне было столько добра, что я с вожделением хотел его видеть и с ним познакомиться. И как сказано мне было, что и он с нетерпеливостью меня и с часу на час ждал и всякой день присылал обо мне

проведывать, то мое первое дело было послать к нему с уведомлением о моем приезде.

Господин *Сабуров* не успел услышать, как, обрадовавшись до чрезвычайности, в тот же час ко мне прискакал. Я нашел в нем нарочито уже пожилого и действительно, хотя простодушнаго, но столь добраго человека, что мы в один миг друг друга полюбили и сделались добрыми приятелями или паче друзьями.

Вскоре после его прилетел ко мне и господин *Тараковский*, а вслед за ним из Трескина господин *Казначеев*, а там господин *Беляев* из Беляевки. Итак, в один почти час собралось нас пять человек.

Все они не успели со мною поздоровкаться, как и начали друг пред другом наперерыв изъяснять мне всю опасность тогдашняго положения всей нашей округи и боязнь, чтоб *Пашков*, взятым им на свой кошт землемером, не отхватил и не замежевал за собою действительно всей тамошней степи, прилегающей боком ко всей нашей округе, и которою все селы и деревни нашей округи довольствовались как распахивая оную, так и кося на ней ковыль для сена.

Я удивлялся всему тому и, ободряя их, говорил, что сему быть не можно, ежели мы все между собою будем согласны и употребим все нужные к отвращению того способы и возьмем предварительно благоразумныя меры.

Но каким поразился я удивлением, когда, при вопросе, чтоб такое помышляли все наши господа соседи при сем делать, услышал я, что у всех тамошних жителей то только одно на уме, чтоб не допускать до того насилием и чтоб, собравшись всем опять таким же скопом и заговором, какой они уже однажды против Пашкова с успехом употребляли, не допускать его и в сей раз до наглости и своевольства.

– Помилуйте! – воскликнул я. – Разве хотят они тем не только все дело испортить, но и самих себя вплести в безконечныя хлопоты и самыя беды и напасти! Но о каком вы упоминаете скопе и заговоре, бывшем уже однажды?

– Ах! – сказали они. – Так вы поэтому еще о сем не знаете, и вот мы вам разскажем о сем славном деле.

Любопытен я был очень сие слышать и просил их о том; и тогда господин Сабуров разсказал мне следующую историю.

– Вы знаете, – сказал он, – что вся сия огромная степь издревле почиталась дикою и никому не принадлежащею; и как в нее никто не вступался, то потому самому и распахивали мы и все наши к ней прикосновенные соседи из ней столько земли, сколько кто мог; а достальной ковыль кашивали также не только мы, но и приезжающие из других и даже отдаленных верст за двадцать и за тридцать мест обыватели, и всякой косил там, где кому хотелось и где удалось кому обкосить себе округу для косьбы сена.

– Это я знаю, – сказал я, – и давно слышал, но что далее?»

– Сим образом, – продолжал господин *Сабуров,* – пользовались все близлежащия селы и деревни этою степью издревле безданно-безпошлинно и до тех пор, покуда не принесла нелегкая Пашкова на его маленькой и ничего не значущий хуторок, посреди сей степи на речке Ржаксе для скотоводства заведенный. До того времени никто об нем почти и не слыхивал, а жил он себе в своей Гагаршине верст за сто отсюда. И в хуторишке его здешнем не было ни пашни и ничего, а только несколько скота; а тогда, побывавши сам на оном и видно прельстившись степью, вздумал вдруг всю ее назвать своею.

– Это смешно! сказал я.

– Но как бы вам ни казалось это смешным, – подхватил господин *Сабуров,* – но он не только ее назвал своею, но и действительно стал ее с сего времени себе присвоивать; и не успело в последующий год настать покосное время, как, нарядив множество людей казаками и снабдив их оружием, выслал их на сию степь и велел всех косящих ее из разных сел и деревень косцов гнать с ней долой, говоря, что вся эта степь его, и что буде кто хочет косить на ней траву, то платили бы ему с каждой косы по четверти рубля.

– Прекрасно! – удивившись, сказал я. – Но, пожалуйте, когда это было: прежде или после издания о размежевании земель манифеста?

– Где твой манифест! – подхватил г. *Сабуров*; а гораздо после и несколько лет спустя после издания онаго.

– И того еще лучше! – сказал я. – Но что далее?

– Далее то, что как из всех косящих никто не имел на степь сию права, а особливо из жителей, приехавших издалека, то они, не долго думая, и согласились дать ему с косы по четверти рубля, и он им сколько хотели косить и дал; а смотря на них, дураки и наши соседи то же сделали и он со всех содрал изрядную кожуринку.

– Это дурно! – сказал я. – И весьма жаль, что они это сделали. А им бы совсем не то сделать надлежало, а, собравшись всем, заявить формально в городе на него, что он в противность манифеста захватывает то во владение, чем он не владел до манифеста. А сего, я думаю, никто и не подумал сделать!

– Кому это было делать и затевать! Все разсеялись по своим норам и довольны были, что остались с сеном. Да и никому не пришло сего и в голову, по незнанию совсем межевых законов.

– То-то и дело – сказал я. – Но что далее?

– А то, что так тогда этот год и прошел; а не успело наступить опять покосное время, и вся степь по-прежнему наполнилась множеством народа, как появились опять его вооруженные казаки и опять начали сгонять всех и требовать с косы уже по полтине.

– Так!.. И вот последствия от первой неосторожности. Ему нужно было разлакомиться, как и пошло далее. И диковинка еще, что он не более требовал.

– Ах! Это и вышло действительно; ибо как и в этот год все косившие сено ему требуемое число заплатили, поелику всем цена сия казалась еще сносною и все хотели только с ним развязаться и не остаться без сена, то он, содрав и в сей раз кожуринку, еще лучше первой, и разлакомившись тем еще более, на третий год, поступив таким же образом, стал требовать уже по рублю с косы каждой.

– Так!.. Он не дурак и сам о себе, а на дураков только напал. Ну что ж, и заплатили по рублю?

– Нечего было делать, помялись, помялись, но как стал он действительно гнать, угрожая даже оружием, ибо в сей раз вывезены были у него даже и пушки, то решились, наконец, заплатить ему и по рублю, дабы только от него отвязаться и косить спокойно сено.

– Это уже совсем плохо было сделано; ибо тем самым и дали ему повод к присвоению себе навеки этой степи и получить на нее некоторое право.

– Что делать! Кому было спорить и кому стоять! Весь народ состоял из сущаго сброда и людей без всякого начальства и без права. Со всем тем содрание сей третьей кожурины со всех нас и посторонних сделалось уже всем чувствительно. Все начали уже о том говорить и толковать и все бо-

яться, чтоб он, увеличивая сим образом с года на год цену, не довел ее и до пяти рублей и больше.

– Они и не погрешали в том, и это могло бы скорее всего случиться; но мне удивительно, что я от своих о том ни слова не слыхал, и они мне на сие не жаловались.

– Да как им и жаловаться, когда с них никогда ничего не было и требовано, и они по-прежнему косили себе, где хотели, безданно-безпошлинно.

– Это удивительно! Но почему же так?

– Как почему? Потому что он знал, что у вас земля купленная и что вы имеете законное право ею пользоваться, а потому ваших он и не трогал. Он не дурак! Но самое сие некоторым из наших и открыло глаза, ибо как они, завидуя вашим, о том им говорили, а ваши сказали: «Вольно-де вам, дуракам, платить. Степь казенная и вольно Пашкову ее называть своею. Никто еще не знает, почему он ее своею называет, а теперь сами вы подали ему на себя о́сел, и поглядите как он с вас драть станет». А сие и наставило на ум и взбудоражило всех наших. «В самом деле, – начали они говорить, – ведь степь казенная, и мы еще не знаем, почему Пашков ее называет своею, за что же нам ему платить? С Болотовых не берет он ни копейки, и не требует, а это и доказывает, что она ему не крепка и присвоение сумнительно». А не успели распространиться в народе такия судаченья, как мало-помалу смолвились и согласились все в последующий год сделать скоп и заговор и не только ему не давать ничего, но ежели станет сгонять, то всем стать заодно грудью и гнать с степи и самых требователей; что они действительно и сделали. И, смолвившись, все стали грудью и, угрожая обиральщиков самих перерезать косами, такой на них самих страх нагнали, что они принуждены были, не солоно хлебав, уехать, и более не показывались; а весь народ в это лето и косил степь безданно-безпошлинно.

– Браво! И давно бы, а того лучше с самого начала так-то бы поступить надлежало. Но что ж после?

– А то, что и в прочие после того немногие годы не смели они уже выезжать, и степью опять начали все владеть по-прежнему и называть ее все уже казенною.

– Но почему ж он теперь, – спросил я далее, – вздумал ее за собою отмежевывать?

– Чорт его знает! Твердит только, что она его. Нас всех называет грачами, несмыслями и, насмехаясь, говорит посмотрит он, как они будут

каркать и как не допустят отмежевать ему ее. Словом, он всех нас почитает ни за что и говорит наверное, что он всю ее отмежует за собою.

– Это еще Бог знает! И каково случится карканье, не зазвенело бы и у самого его оно в ушах. Это еще посмотрим.

– О, дай Бог, чтоб хотя вы нам помогли. На нас надеяться не можно. Мы все ни уха ни рыла не знаем, и теперь вся у нас надежда на вас одних. Вам дела такия из опытности уже знакомы.

– То так, государи мои! Я готов употребить все, что могу и не премину верно это сделать. Со всем тем не могу довольно надивиться поступкам господина Пашкова. Нельзя, кажется, статься, чтоб он только сдура, по одной только наглости и не имея никакого права и следа, вздумал степь сию не только присвоять себе, но и взять межевщика на свой кошт для отмежеванья оной. Это-то меня удивляет и кажется совсем ненатуральным делом; а надобно верно чему-нибудь быть, и уже не имеет ли он в самом деле какого права к называнию ее своею? Попросту нельзя ему никак этого делать.

– Ах, отец мой! – сказал г. *Сабуров*. – Вы чуть ли не отгадали. Скажу вам, что слух о скором приезде землемера побудил меня кое-кого расспрашивать о том да и полазукать по канцеляриям и по другим местам с тем, не попадется ли мне где какая-нибудь бумага и не услышу ли от кого чего-нибудь, относящагося до сего дела; и Бог помог мне не только узнать всю историю о сей степи, но и достать некоторыя бумаги, которыя могут служить к объяснению.

– Ах, батюшки мои! – подхватил я. – Так покажите ж мне, ради Бога, их, чтоб я судить по оным мог, как мне поступить при предстоящем межеванье и какия принять лучшия меры.

– Что, отец мой, я руки себе ажно ем, что не взял их с собою; но как пожалуете ко мне, то все вам их покажу.

– Завтра же, батюшка, явлюсь я у вас. Я очень любопытен и горю нетерпеливостью их видеть. А между тем как время для нас очень дорого и драгоценна каждая минута, то для скорейшаго преподания мне некотораго понятия, нельзя ли вам и теперь, хоть по памяти, разсказать мне, что вы узнали?

– С удовольствием готов, отец мой, и вот что: степь сия была действительно казенная и дикая, а *Пашков* присвояет ее себе подлинно не совсем без причины. Отец его покойной – самой тот, которой доносил государю

Петру I на князя *Гагарина* и от котораго сей и погиб, получив в награду за то те знатныя вотчины, которыя называются и по ныне «*Гагаршиною*», и где *Пашков* ныне живет, – был в Воронеже губернатором. В это время жил в соседственной со мною деревне Лукине однодворец, по имени *Лука Черной*. Был он из воров вор и конокрад славной. Каким-то образом попадись он по воровским делам своим в воронежскую тюрьму. Сидючи в ней долгое время и не зная как от заслуженного наказания избавиться, нашел он как-то след к губернатору и прельстил его обещанием, что он, в случае если освободит его из тюрьмы, то продаст он ему за безделку несколько земли в своей отчизне, а сверх того, доставит ему след к получению земли и гораздо более. Губернатор дал себя соблазнить сему бездельнику. Он выпустил его действительно без наказания, а сей и продал ему несколько четвертей из своей дачи, а сверх того, расхвалил ему всю сию степь, с которою земля его была смежна, и поджег его чтоб он выпросил из сей казенной земли себе несколько. А *Пашков* и выпросил себе как-то действительно тысячу четвертей из оной. И как надобно было ее себе отказывать, то пошли он для сего отказа какого-то вахмистра, своего подкомандующаго, а сей, приехав, и описал в отказных книгах безсовестнейшим образом всю сию огромную и несколько десятков тысяч десятин содержащую степь, – и что ж еще, отец мой! – приурочь ее даже кругом живыми урочищами и между прочим по нашей побочине такими, которыя и теперь отчасти в наших дачах. А сие-то нас всего более и тревожит, и мы боимся, чтоб он не только не отхватил по сим урочищам всю степь себе, но и множество пахатных земель наших.

Нельзя изобразить, с каким любопытством и с разными душевными движениями слушал я сию повесть и как изумила она меня своим окончанием. Я принужден был воскликнуть:

– Вот, сударь, ажно как это! Всего этого я не знал и мне и в голову всего этого не приходило, а теперь вижу, что всё это не составляет безделки, и дело наше не так-то маловажно, каковым я его почитал, а подвержено действительно великому сумнительству; самому мне наведет оно множество хлопот, и при всем том боюсь, чтобы и мои все старания не были тщетны. Однако посмотрим! Дайте-ка мне все самому увидеть и разсмотреть, и тогда судить можем уже основательнее и лучше. А между тем как мне довольно известны все плутни и уловки межевщиков и я боюсь, чтоб межевщик этот чего бы не схитрил без нас и прежде, нежели мы к от-

пору приготовимся, то скажите мне, где находится он и когда, и с котораго места, и где думает начинать межевать?

На сей вопрос все гости мои не могли ничего иного сказать, что межевщик на хуторе *Пашкова*, а сам он еще не приезжал из Гагаршины; но когда и где он начнет межевать, о том они ничего наверное не знают, и думают, что очень скоро.

– Хорошо же, государи мои, – сказал я, – что я успел подоспеть сюда заблаговременно; но как нам ни одной минуты терять не надобно, то начнем теперь же тем, что как нас всех соучастников в этой степи и даче очень много, всем же нам нельзя никак быть без предводителя одного, которому бы все уже повиновались, то не изволите ли с общего согласия когонибудь к тому назначить?

Неожидаемое сие предложение заставило всех думать. Они хотя и одобрили оное, но не знали, кого бы лучше в начальники назначить. И как мне быть оным не хотелось, то, не допуская их до дальних размышлений, сказал им:

– Не знаю, государи мои, как вы, а мне кажется не для чего долго думать; а вот *Иван Яковлевич* и летами, и чином всех нас старее и достоинствами заслуживает предпочтен быть всем прочим. Не согласитесь ли ему сделать эту честь?

Все, одобрив сии мысли, закричали:

– Очень, очень хорошо! И мы все на то согласны и просим Ивана Яковлевича принять на себя сие начальство, а вас, чтоб вы были ему помощником и по знанию вашему всему делу производителем.

–Очень хорошо! – сказал я. – Ежели вам угодно, то я беру на себя сию коммиссию, и рад во всем помогать Ивану Яковлевичу, и не сомневаюсь, что и он не откажется от предлагаемаго начальства, которое ему, как почтенному человеку, приличнее всех прочих.

– Что делать, – сказал на сие господин *Сабуров*. – Хоть не рад, а готов. Но вы, батюшка, *Андрей Тимофеевич*, помогайте уж мне. Я прямо о себе скажу, что ничего не знаю и не смыслю.

Итак, сим выбором и назначением начальника, или паче диктатора, во всей нашей республике и кончился у нас сей первой день моего приезда. Мы условились наутрие съехаться опять как для совета, так и для езды, буде успеем, в степь для осмотрения всей оной лично.

Всходствие чего с самаго утра ж поехал я на другой день к г. *Сабурову*, и едучи мимо г. *Тараковскаго*, заехал за ним. Тут застал я господ *Колемина*, *Левашова* и *Ржавитинова*, а вскоре приехал к нам туда ж и наш диктатор, г. *Сабуров*. Мы приступили тотчас к совещанию, и на сем первом совете доложили, чтоб для предосторожности и недопущения межевщика что-нибудь без нас сделать, иметь бы нам в степи всегда наблюдателем одного из наших соседей офицерскаго ранга и чтоб сменять его всякой день другим; и, не долго думая, назначили быть первым дежурным г. *Колемина*. И как он охотно на себя сию коммиссию принял, то в тот же час его в степь и отправить, препоручив наблюдать и примечать, что происходить будет и тотчас нас уведомить, если какое движение у наших неприятелей окажется.

Сделав сие и отложив собственную езду свою в степь в сей день за холодом, доехали мы с г. *Сабуровым* к г. *Соймонову,* где нашли и его брата. Тут, досидев и поговорив обо всем, поехал я обедать к г. Сабурову и нашел у него изрядный домик и семейство, хотя небольшое, состоящее в его жене и племяннице, но ласковое и приятное. Все они были мне очень рады и старались угостить всячески. После обеда предложил он мне все свои письменные документы, и я, прочитав оные, нашел их столь важными, что выпросил их с собою домой, дабы на свободе получше обо всем подумать и собраться с мыслями. Между тем был у нас у обоих, как главных начальников, опять тайной совет обо всем, что нам делать надлежало, и как положили мы ждать повестки от нашего форпостнаго офицера, то, просидев у него до самаго вечера, возвратился я домой.

Тут принялся я тотчас за прилежнейшее разсматривание всех документов, и признаться должен, что они меня весьма смутили. Чем более я вникал в содержание оных, тем сумнительнейшим казалось положение нашего дела. Оказывалось, что Пашков действительно имел право к присвоению себе всей нашей степи, и хотя откащиком употреблено явное плутовство и вместо 1000, данных Пашкову четвертей, объехана, описана и живыми урочищами приурочена им округа, содержащая в себе до 50 тысяч десятин, следовательно, в 25 раз более против даннаго ему количества и хотя бездельник сей в отказных своих книгах и написал, что он помянутыя 1000 четвертей измерил и в десятины положил, но опровергнуть его отказ было ничем не можно и делать было нечего.

Известная мне важность живых урочищ, почитаемых во всем межевании ненарушимою святостью, устрашала меня всего более и лишали всей надежды. Холодной пот прошиб даже меня, когда усмотрел я все сии трудности и невозможности, и долго был я в превеликом сумнении и нерешимости; но наконец, схватив межевую инструкцию, ну-ка я ее читать и приискивать все места, где упоминаемо было о землях, даванных в прежния времена из диких поль, и приспособливать оныя к нашему делу. И как неописанно и даже до восторга обрадован я был, когда вдруг в ней нашел один пункт, не только для меня утешительной, но подававший мне, так сказать, в руки к разсечению нашего гордиева узла или верное средство к разрушению вышепомянутаго плутовства и к уничтожению всего мнимаго законнаго на всю степь права г. *Пашкова*.

Важный и достопамятный пункт сей, которой назначал я фундаментальным основанием всему предпринимаемому нами спору, и долженствовавший помогать нам к преоборонию *Пашкова*, был следующаго содержания:

«Все произведенныя из диких поль дачи безденежно не далее утверждать, как только те, которыя даны до 1714 года, а если которыя по спорам окажутся произведенными после онаго года по 1736 год, таковыя хотя и намеривать то число, сколько именно произведено в дачу, а если числа не написано, то по живым урочищам; а ежели ни числа, ни живых урочищ не назначено, то по препорции ревизских душ, однако о всех таковых землях без утверждения еще оных собирая ведомости, представлять в межевую экспедицию на разсмотрение».

Признаюсь, что пункт сей был мне до того совсем не известен, или мною при читании инструкции не замечен по достоинству, ибо не доходило до того надобности, но тогда кинулся он мне в глаза; и как из него усматривал я, что был некогда 22-летний период времени, в которой запрещено было давать из диких поль земли, но, несмотря на то, многие их каким-то неправильным и незаконным образом себе доставали, и самое сие плутовство сим пунктом было разрушаемо, то кинулся я в помянутыя Пашковы документы для отыскания года, в которой даны были ему помянутыя 1000 четвертей; и какое же удовольствие мое было, когда увидел я 1732-й год и что земля сия принадлежала точно к числу таких, о каких упоминалось в помянутом пункте; я вспрыгнул почти от радости и сам себе воскликнул:

«Слава, слава Богу! Теперь не страшен ты мне, господин *Пашков*, и вся дачка-то твоя сумнительна еще и тебе не надежна; а живыя твои урочищи, на которыя ты, как думать надобно, опираешься и всю свою наиглавнейшую надежду возлагаешь, ничего не значут. Сказано ясно, что они в таком только случае действительными быть могут, когда число дачи не написано, а у тебя, молодца, число сие именно означено, Итак, если и дадут тебе, так не более двух тысяч десятин, а не всю степь, и сей тебе, как своих ушей, не видать. Нужно только, чтоб чрез споры вывесть все плутовство наружу и не допустить тебя схитрить и вновь сплутовать что-нибудь».

Словом, с меня как превеликая гора с плеч тогда свалила, и обрадование мое было столь велико, что я почти не уснул во всю достальную часть ночи, или спал, но очень мало; и, проснувшись раным-ранехонько, стал размышлять о том, как бы лучше расположить мне это дело и основать сей важной спор, от котораго долженствовала зависеть судьба всей этой степи.

По всему заключал я, что, имея пред собою противника весьма хитраго и могущественнаго по своему великому богатству, надлежало поступить не только умеючи, но употребить и все нужныя осторожности к тому, чтоб при произведении спора не связать с ним и всю нашу округу, о которой по выписям известно было, что и в ней был примерец, десятин до несколько тысяч простирающийся, и что дачной земли и во всей нашей округе было только 7000, а владение простиралось на несколько десятков верст и, по всему вероятию, тысяч до 30 или более десятин. Итак, весьма нужно было, чтоб не подвергнуть и ее никак измерению, что необходимо воспоследовать должно, если свяжется она спором с землею казенною, или с Пашковою. Словом, пункт сей был весьма щекотливой, и надобно было поступить весьма умеючи, чтоб степь сделать казенною, а самим отыграться без всякой опасности.

Несколько часов занимался я о сем размышлением, а потом, схватя бумагу, стал предварительно сочинять спор, какой бы мне записать при межеванье, и занялся тем все утро 22-го августа. И как удалось мне написать объявление наше довольно изрядное и такое, которое, как казалось, для *Пашкова* не весьма будет вкусно и его гораздо и гораздо поспутает, то хотелось мне повидаться с г. *Сабуровым*, сообщить ему свою радость, ободрить надеждою и показать ему написанное и посоветовать обо всем

нужном, а всего паче о том, как бы нам всем стать заодно, быть единодушными и единогласными и до времени молчать и никому о том ничего не сказывать, дабы Пашков намерения моего не узнал и не употребил бы какой хитрости.

Но не успел я отобедать, как прискакал ко мне человек от г. *Сабурова* с уведомлением, что дежурной сегодня офицер, капитан *Ржавитинов*, дал ему с учрежденного нами форпоста знать, что *Пашков* в тот день имеет прибыть с великою свитою на свой хутор и чтоб мы высылали поверенных с запасными на всякой случай людьми.

Сей случай произвел тогда первую тревогу по моем приезде, а до того было их уже несколько, которыми всеми тамошние жители по необыкновенности своей настращены были чрезвычайно; но и в сей раз разосланы были от нас обоих, как от главнокомандующих, гонцы по всем селам и деревням, и тотчас началась повсюду скачка и гоньба. А как мне кстати и без того ехать надлежало к г. *Сабурову*, то я и сам, севши на лошадь и заехав за *Тараковским*, вместе с ним в Калиновку и приехал.

Тут у всех у нас троих, как у некоего триумвирата, держан был тотчас опять совет с затворенными дверями. Я сообщил им свое открытие, рассказал все дело и прочел им написанной прожект тому, как бы нам удобнее было *Пашкова* отбоярить и себя защитить. Они возрадовались тому также и, одобряя в полной мере все мною написанное, только и твердили, что сам ангел принес меня к ним на крылышках.

После того советовали мы о том, как бы нам лучше расположить свой отвод, и поелику нам всем точное положение мест вдоль всей на несколько верст простирающейся побочины и упоминаемыя в выписях и отказных книгах живыя урочищи не коротко, а мне и совершенно были неизвестны, и мне непременно нужно было видеть их самолично, дабы сообразно с ними расположить свои и меры, то условились мы наутрие ехать вместе оныя осматривать, буде на межу не поедем. Сим кончился сей день, и мы разстались с тем, чтоб дожидаться вторичной присылки от форпостнаго офицера; однако оной не было, и господин *Пашков* в тот день еще не приезжал.

Наутрие, не имея никакого с форпоста известия, готовился я ехать в степь, хотя с досадою, что погода была холодная и очень дурная, но как переменить было нечем, а требовала необходимость, то, оседлав лошадей,

поехал я к г. *Сабурову*; но едва отъехал с версту, как увидел пред собою толпу народа и нашел целое сонмище тамошнего дворянства, на дороге съехавшагося. Иной ехал на межу, не зная не ведая где она, другой с поля, иной ко мне, иной к г. *Сабурову*, и все, съехавшись в одно место, шумели, гомели и кричали.

Были тут гг. *Дуров, Колемин, Смирнов, Беляев, Сабуров* и многие другие, мною еще впервые тогда виденные. Все они неведомо как рады были, что я к ним, как больше всех смысливший, подъехал и мог разрешить их споры, пустыя трусости и сомнительство, а особливо преклонить на другия мысли бунтующего несколько г. *Дурова*. Поговорив тут с полчаса и прозябнув, отложили мы езду свою в степь, а стали думать о том, куда бы нам в тепло убраться. Я звал всех к себе, а г. Сабуров также, и к сему согласились ехать все гурьбою.

Тут держан был у нас полной и большой совет, и было много говорено и толковано. Наиглавнейшая нужда настояла в том, чтоб быть между всеми нами единодушию и совершенному согласию и порядку, и мне удалось наконец убедить всех к возстановлению оного своими представлениями.

Между тем получено было с форпоста известие, что *Пашков* еще не приезжал и что нам ехать туда еще незачем. Сие побудило всех разъехаться опять по домам, но меня не отпустил никак г. *Сабуров*. Я принужден был остаться у него обедать, и как после обеда обещали быть к нему и гг. *Соймоновы*, то дождался я и их, и в разговорах с ними и с *Казначеевым*, приехавшим туда ж с женою, препроводил я весь день в приятной компании и возвратился домой при захождении уже солнца.

Как и в последующий за сим день не было никакого и ниоткуда слуха, и за случившимся ненастьем никуда ехать было не можно, то пробыл я весь день дома без дела и занимаясь кое-чем от скуки. А то же самое проливное ненастье, продолжавшееся и на другой день, удержало меня от езды к церкви по случаю бывшаго тогда воскреснаго дня, но о чем после жалел, поелику там было великое собрание дворян, желавших меня видеть. А как после обеда несколько, попроведрилось, то ездил я к *Соймоновым* и проводил там с ними и бывшими у них гг. *Сабуровыми* остаток сего дня.

На другой день после сего, поутру, прислал ко мне г. *Сабуров* звать меня к себе обедать и для слушания новых вестей. Я любопытен был очень оныя слышать и тотчас к нему с племянником своим и поехал. Но вести

были самыя пустыя и состояли в слухе, якобы г. *Пашков* уже раскаявается в том, что взял на свой кошт землемера. Но как он на хутор свой еще не приезжал и не было даже и слуха, когда его пришествие воспоследует, то вздумали мы после обеда съездить на ближнюю степь посмотреть некоторые живыя урочища, где затевали мы завесть спор.

Поздновато уже было, как мы собрались, однако поехали. Но можно ли было в такое короткое время такую бездну и такое пространство ужасное объехать? Мы не успели и десятой доли того объездить, что хотели, и обмеркли на степи, едучи мимо нашего форпоста, вздумали мы, как главные предводители, заехать оной посмотреть. Он походил на действительной форпост издали. Стояла тут офицерская палатка и множество народа, с телегами и лошадьми, находилось подле оной. Иные стояли пешие, иные на лошадях, иные на кургане, в некотором разстоянии от них находящемся. Не успели они нас завидеть, как и сделалась у них тревога, ибо им не видно было, кто б такой это был, а видны только были верховыя лошади и наши дрожки с народом.

Все они перетрусились впрах, сочтя нас неприятелями, каковыми почитали тогда всех пашковских. Иные поселись уже на лошадей, чтоб искать спасения, если что не по их будет, или скакать к нам давать знать. Мила нам была осторожность; но самого форпостнаго офицера тут не было. В сей день очередной и наряженной изволил облениться, и мы положили сделать ему за то выговор и протурить в последующий день.

С форпоста проехали мы ко мне в деревню и приехали уже в глухую ночь. Г. *Сабуров* заехал ко мне и просидел с час времени. После его настращал было меня товарищ мой, занемогши лихорадкою и пролежав всю ночь в жару. Произошло сие оттого, что он, поохотясь ехать с нами, попростудился.

27-го числа прошел было слух, что г. *Пашков* уехал в Воронеж; но слух сей был пустой, ибо под вечер получили мы другое и давно уже ожидаемое известие с форпоста, что г. Пашков действительно уже наконец на свой хутор прибыть изволил.

Но как письмо мое достигло до своих пределов, то дозвольте мне на сем пункте остановиться и, кончив оное, сказать вам, что я есмь и прочая.

(Декабря 19-го дня 1808 года).

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Письмо 162-е

Любезный приятель!

Достоверное известие, полученное о приезде г. *Пашкова* на его хутор, долженствовало произвесть опять тревогу во всех селениях наших. Мы разослали опять по всем местам гонцов, и повсюду началась паки скачка и гоньба. Ввечеру приехал ко мне г. *Тараковский* с уведомлением, что был у него солдат от межевщика, посланной за понятыми, и что ему велено было заехать к нам и сказать о приезде Пашкова. Итак, начали мы с часу на час ожидать повестки об межеванье и удвоили караул свой на форпосте для лучшей предосторожности.

28-го числа поутру, когда я еще спал, прислал ко мне г. *Сабуров* человека с письмом, в котором изображал великое сомнение и незнание что делать. «Уже не ехать ли нам самим к *Пашкову*» – говорил он в письме своем, и звал к себе для совета. «Ох вы трусы, трусы!» – возопил я и, тотчас одевшись, к нему поехал. На дороге видел я повсюду скачку и ристание сбирающихся на форпост разных людей и дворян. Один из них, а именно г. *Соймонов*, завидев мою коляску, тотчас остановился и прислал ко мне человека спрашивать, куда я еду? Я сказал ему куда, и г. Соймонов поехал вслед за мною.

Приехав к г. *Сабурову*, нашли мы уже присланнаго от межевщика солдата с повесткою, что межеванье будет либо того ж числа, или 30 августа, и начнется с речки Лесного-Тамбова с Разсказовскими дачами. Тогда отлегнуло у нас немного на сердце потому что межеванье не с того места начнется, где мы опасались, а верст за 30 от нас. А как при том сказано было, что в тот день межеванья не будет, то отложили мы ехать на межу, а учинив трое совет, предприняли учинить то, чего требовали тогдашния обстоятельства.

Между прочим, из совета сего произошла изрядная шутка, а именно: досадно было нам, что владельцы и дворяне, живущие в отдаленнейшем в нашей округе селе *Курдюках*, не имели с нами сообщества и до того времени глаз своих не показывали. А как к землям их долженствовало дойтить прежде всех межеванье, то восхотелось нам их пугнуть, и мы согласились послать к ним призывную грамоту. Коммиссия сочинить ее поручена была

мне. Я и подлинно намахал от всех нас ко всем им письмо, могущее привесть их в превеликую трусость. Сие письмо отправили мы со случившимся из соседственной к Курдюкам деревни прикащиком. После чего г. *Соймонов*, распрощавшись с нами и пригласив нас наутрие к себе обедать для именин его сына, поехал домой, а я остался обедать у г. *Сабурова*.

Мы едва встали из-за стола, как прискакала к нам целая толпа тутошних дворян, проездившая по-пустому на форпост, и между прочими незнакомой мне еще человек, господин подполковник *Свитин*. С ними проговорили мы долго и провели в том весь тот день почти до вечера и, условившись видеться опять наутрие в церкви, разъехались по домам, подтвердив на форпосте иметь крепчайшее смотрение.

29-го числа, как в праздничной и табельной день, не можно было быть межеванью, то ездил я в село Трескино к обедне. Там нашел я великое собрание господ и госпож, с которыми был у нас опять совет, что делать и выезжать ли в сей день на ночь на межу, или нет? И положили чтоб ехать, хотя и перепали слухи, что межеванья и в последующий день для праздника Александра Невскаго не будет. Я и многие другие поехали между тем обедать на именины к г. *Соймонову*.

У него было изрядное собрание и обед сборной; а после обеда началось гулянье и, по тамошнему обыкновению, по собрании дворовых и крестьянских баб в нарядном убранстве, скачка и пляска. Сие продлилось до самой ночи, и г. Соймонов так разгулялся, что сделался неотвязчивым человеком.

Между тем увидели мы после обеда скачущих мимо себя многих дворян. Мы тотчас догадались, что были то господа курдюковские, едущие к нам по нашей призывной грамоте, и кликали их к себе, Тут, к удивлению моему, увидел я, что господа сии были люди очень изрядные, особливо майор *Стаханов* и поручик *Паульской*.

Сколько приметить было можно, то зазывная наша грамота была им несколько чувствительна; однако я умел скоро уничтожить их неудовольствие, представив им великую необходимость их приезда и ту опасность, какой они себя подвергали, не приобщаясь к нашему обществу и совету.

Оба помянутыя господа были люди такие, которые могли в один миг понять все дело. Итак, соделались мы тотчас добрыми друзьями, и они пробыли у нас до самаго разъезда; а я возвратился домой уже около полуночи.

30-го августа был, наконец, тот день, в которой надлежало нам собираться всем на межу. Некоторые не хотели было ехать в такую даль и на чужую землю; но я убедил всех представлениями, что как они межевания никогда еще не видывали, то хотя начнут и не у нас межевать, но не худо им посмотреть и познакомиться предварительно с обрядами межеванья.

Итак, определили мы всем ехать и назначили для генеральнаго *рандеву*, или сборным местом один, находящийся посреди степи, превеликой курган, называемой *Красным*, куда после полудня все и со всех сторон и собрались. Г. Сабуров заехал ко мне и мы поехали вместе.

Приехавши к кургану, нашли мы тут уже великое множество народа. Большая часть дворян и поверенные все находились уже тут. Кибиток и повозок было превеликое множество. Один из офицеров отправлен был еще до нас для проведывания о межевщике в пашковской хутор; итак, стали мы его возвращения дожидаться.

Как между тем прошло часа два времени, то провели мы их в разных разговорах, взошли на курган, подчивали друг друга водкою и ели арбузы, чрез самое сие и сделали мы сей курган навек достопамятным, назвав его «*арбузным*».

Как все сие происходило, то повстречалось со мною тут одно досадное обстоятельство. Все бывшие тут в собрании многие дворяне, а того множайшие поверенные других отсутственных господ были с мнениями и намерениями моими согласны, а колобродил только один, а именно умной человек, или паче безсмысленный глупец, прикащик господина *Рахманова*, котораго самого, по особливому для нас счастью, в то время в сих деревнях не случилось. Этот глупец, наливши себе лоб, только и твердил, что он не пустит межевщика иттить по земле государя его боярина и не отступится от ней.

Сколько ни старался я приводить его в разсудок лучший, но все не успевало. К вящему несчастию, определен был на подмогу к нему человек господина *Сатина*, бывавший при межеванье. Сей вздумал также предо мною умничать и доводить до того, чтоб все ему в глаза смотрели. Оба сии господа смущали неведомо как народ и развращали мысли, а особливо у незнающих и не имеющих здраваго разсудка людей. Отчего, к превеликой досаде моей, и начинались раздоры и разныя мнения и толки.

Я видел необходимость, что мне надобно было их усмирить и опять успокоить; но мне стоило сие толь многих трудов, что я от крика даже

осип и нажил себе кашель. Но доволен, по крайней мере, был тем, что несколько опять их разными представлениями и уговариваниями поуспокоил.

Между тем возвратился посыланной на хутор и привез известие, что межевщик совсем готов и едет на межу; чего ради послали мы еще подзорщиков смотреть, как выедет и куда поедет. Между тем, балагуря между собою, выбрали мы еще несколько начальников: иного пожаловали в майоры, иного в адъютанты, иного в обозные, иного в квартермистры, иного в сержанты и поручили каждому свойственныя должности. Обозной должен был иметь начальство над обозом и становить его на станциях вагенбургом. Квартермистр должен был ассигновать и отводить под стан место и стараться о снабжении всего нашего войска провизиею и фуражом и всеми нужными потребностями и так далее.

Не успели мы окончить сего распоряжения, как прискакал к нам посыланной с известием, что межевщик уже выехал. Тут тотчас закричали мы: «Лошадей!» и началась великая суета. Одни ловили лошадей, другие их седлали, третьи запрягали повозки и так далее. Приятно было смотреть на сей безпорядок! Все происходило так, как бы при получении известия о приближении неприятеля. Всяк суетился, бегал без души и спешил скорее исправиться.

Наконец, тронулись и поехали мы с места. Человек 30 поверенных, верхами, по четыре человека в ряд, ехали перед нами впереди. За ними мы с господином *Сабуровым*, как главные начальники, за нами прочие дворяне, а за ними слуги. И какой это был длинной ряд колясок, кибиток и телег! Мы уже с версту отъехали, а последний конец еще подле кургана находился, и казалось, что едет народа несколько сот человек.

Приехав к так называемым *Ближним озеркам*, куда, как сказали нам, поехал межевщик, не нашли мы онаго в сем месте и услышали, что он проехал далее и будет дело свое начинать в другом месте. Тогда поскакали и мы вслед за оным и спешили тем паче, что наступал уже вечер, а ехать надобно было верст с 15. Но как мы ни спешили, однако обмеркли на дороге и принуждены были ехать в темноте.

Подъезжая к тому месту, где расположился межевщик ночевать, увидели мы повсюду горящие огни и шум от ночующаго разного народа; межевать хотели начинать с реки Лесного-Тамбова и внутри самых дач и владений села Разсказова, дворцового и села Спасскаго, монастырского

или экономическаго ведомства крестьян. Сии, услышавши о приезде сих незваных гостей в средину владения своего, собрались великими ватагами и готовились поднимать гвалт и бить, как скоро межевать станут, и для того ночевали в близости с дубьем и дреколием и дожидались только дня.

Услышавши сие, многие из наших начинали тревожиться и опасаться, чтобы при таком случае и нам со стороны не досталось. Но как мы были люди посторонние, а притом и самих нас была изрядная кучка и человек около двух сот, то скоро я всех успокоил и уговорил, представляя, что хотя б и драка сделалась, так нам следовало бы не допускать до того.

Со всем тем остановились мы немного одаль и от межевщика, и от волостных мужиков, и сделав порядочной вагенбург, разбили посреди онаго палатку, привезенную с собой, и множество расклали огней, чем всему нашему табору придали такой величественной вид, что все приезжавшие после стан наш почитали межевщиковым.

Расположившись сим образом, согласились мы иттить к межевщику. Мы застали его уже раздевавшагося и хотевшагося ложиться спать. Итак, поговорив немного, раскланялись мы с ним и оставили его с покоем.

Межевщик показался мне изрядным и таким старичком, каким мне его описывали уже прежде. Чин имел он капитанский и звали его *Иваном Петровичем Петровым*. Экипаж его был очень незнатен и состоял в простенькой кибитчонке, да и весь обоз его был слишком невелик и состоял только в нескольких телегах с межевыми столбами.

Возвратившись, нашли мы уже палатку разбитою и стол на земле, покрытой и установленной множеством кушаньев. Всякой тащил, что с собою привез и становил на стол или паче на распростертую по земле скатерть. Итак, хотя была тогда пятница, и день постный, но наставили рыбы и всего прочаго такое множество, что и есть было некому, хотя нас была и изрядная компания.

После ужина напомнили мы свою военную службу и, приравнивая ее к тогдашним обстоятельствам, сделали кругом огонька кружок, как прежде сего на войнах бывало и делывали, и начали разговаривать и разозвались так хорошо, что истинно часа два проговорили и прохохотали и никому сон и на ум не шел. Наконец разошлись мы по своим экипажам, а иные в палатку спать. И сия была первая ночь, которую проводили мы в поле.

Проснувшись поутру очень рано и подосадуя, что позабыли все взять с собою прибор с чаем, оделись мы и пошли все к господину землемеру. Он окружен уже был множеством народа и разсматривал крепости разсказовских и спасских мужиков. Мы вмешались тотчас в разговор, и я скоро мог приметить, что межевщик был человек очень мякенькой и что слишком уже явно держал сторону *Пашкова*. Но как не до меня было дело, то ничего еще не говорил. После чего повел его поверенной господина Пашкова на начинной пункт и самое то место, где разграничивались владения разсказовских с спасскими.

Как крестьяне обеих казенных сих волостей были люди, межеванья никогда еще в глаза не видавшие и притом все ничего не знающие, то начался с самого начала превеликой уже вздор. Они начали спорить, но без толку и без порядка, и, по обыкновению наших крестьян, с мужицкою своею надменностию, криком, воплем и угрозами.

Мы все были тогда только зрителями, и толпа превеликая народа окружала землемера. Долго сие продолжалось и продлилось бы еще и долее, если б не начал и я мало-помалу вмешиваться в разговоры и толковать мужикам дело. Любо было сие межевщику и тем паче, что он и сам не слишком был далек и знающ в своей должности, а непротивно также и *Рыбину* – так назывался поверенной г. *Пашкова*, – ибо сам он не изволил на межу удвинуться, а поручил все дело сему своему служителю, которой был малой хотя не глупой, но не из самых же прытких и бойких. А как и самой межевщиков подьячий был также не из далеких, то и нетрудно было мне не только вкрасться им в кредит, но в один миг почти довести до того, что и межевщик, и *Рыбин*, и подьячий стали меня уважать и даже слушаться, и я сделался первейшею особою, обратившею внимание всего народа на себя.

А не успело сего воспоследовать, и всем присутствующим знание мое в межевых делах сделалось видимо, как поверенные обеих оных волостей и привязались уже ко мне и просили, чтоб я их, бедных, не оставил и дал наставление, что им делать.

Тогда отчасти из сожаления, отчасти с досады на начальников и управителей их, оставивших бедняков сих без всякой защиты и предавших в руки неприятелей, а к тому ж некоторым образом и для собственной своей пользы, вздумал и решился я разрушить те злые ковы, которые на них были кованы.

Я легко мог видеть, что дело тут пахло плутовством и мошенничеством. Разсказовской управитель вместо того, чтоб быть ему самому на меже, и как заключать было и можно, по согласию с *Пашковым*, уехал нарочно в сие время куда-то прочь и выбрал к межеванью сему двух совсем незнающих мужиков, и был даже так безсовестен, что и не снабдил их полною и по обыкновенной узаконенной форме написанною доверенностию, а только представил их при сообщении из своей канцелярии и дав им приказы, нимало с здравым разсудком не согласные; знающаго же грамотнаго человека или подьячаго ни одного с ним не приставил. Все сие, как думать надобно, на тот конец было сделано, чтоб межевщику можно было их, как не имевших указных доверенностей, сослать с межи, а самому без них отмежевать землю господину *Пашкову* и утвердить безспорными столбами.

Все сие действительно бы и воспоследовало, если б при том не случилось меня и не сделано б было от меня помешательства. *Рыбин* сколько ни старался убедить к тому межевщика и сколько сей Пашкову ни раболепствовал, однако дурно было ему такое противное законам дело сделать при толь многих дворянах и штаб- и обер-офицерах, а особливо при мне, как знающем межевыя дела человеке и говорившем вслух, что это дурно, нехорошо и никак не годится.

Итак, принужден он был почти против хотения своего принять от разсказовских спор и начать писать обыкновенную полевую записку со вношением в нее с обеих спорящих сторон объявлений. Тут, к превеликому удовольствию, приметил я, что не только подьячий, но и сам господин землемер в письме был не слишком расторопен: мяк, мяк, мяк, а толку не было. Сам Рыбин не слишком быстёр был в сказывании, что писать. Итак, не писали, а марали только бумагу и принуждено было переписывать опять все набело.

Но как бы то ни было, однако дело взяло было свое начало и пошло своим порядком; но вдруг где ни возьмись целая толпа разсказовских бородачей, пришедших за тем, чтоб взять горлом. В один миг сделался тогда превеликой шум, все ударили в голоса, и неизвестно было кого слушать.

Межевщику и *Рыбину* то было и надобно. Он разсердился на них и стал их всех прогонять; велел чернить полевую записку, сердился, кричал и говорил, что он их не принимает без верующих писем и требовал сказки. Но тут догадай нелегкая старосту разсказовского сказать, что у них сказка есть, но он ему ее не подаст.

Не успел он сего выговорить, как встань беда и не ляжь. «Давай, давай скорей столбы! Вот я их проучу», – закричал межевщик и сам ярился и бесился. Все тогда принуждены были от него разсеяться; а разсказовские мужики, закусив губы, и проч. совсем пошли действительно в намерении приударить в колья, как скоро они межевать начнут.

Увидел я тогда, что дело доходило подлинно до дурного, и как мне не хотелось, чтоб дошло до гвалта и побоища, и чтоб не сделалась тем межеванью остановка, то пошел я ворочать, уговаривать и увещевать сих глупцов безумных. Но не успел шага два-три отойтить, как поймал меня *Рыбин* за полу и умиленнейшим образом просил, чтоб я их не замал и не учил. «Что вам, сударь, дела! – говорил он. – Не замайте, сударь, их, пускай себе, что хотят, то делают».

Разсмеялся я сему прошению и тотчас, перевернувшись, самого его уверил, что я для его же пользы в это дело мешаюсь, и что если не уговорить мужиков, то они и его, и межевщика сгонят с поля и чтоб еще не побили.

«Мужики, – говорил я ему, – глупы; их нужно разсердить, а после и не уймешь. Итак, добраго из того ничего не выйдет. Разве тебе хочется, чтоб межеванье ваше рушилось?.. А когда нет, так надобно дураков как-нибудь убаить, и пускай они врут, что хотят, чего тебе их спора бояться. Они хоть сто раз называй эту землю своею, но речки-то и этого живого урочища не снесут, а оно-то и важно: по оному вы всю ее получить можете и на споры их нимало не посмотрят».

Сим я Рыбина не только успокоил, но и побудил еще просить меня с поклонами, чтоб я постарался уговорить мужиков. А я, догнав их, и употребил действительно все, что мог к усмирению его (?) и приведению на оныя мысли.

– Дураки, – говорил я им. – Что это вы делаете и даровое ли затеваете? Я знаю, что у вас на уме и куда вы и зачем идете; но из драки и битья ничего добраго не выйдет и вы тем себе ничего не пособите, а все дело только испортите. Вас, дураков, пересекут за то плетьми и кнутьями, а межевщику дадут из города команду, а тогда не посмотрят на вас и отмежуют и вы землю потеряете.

Сии и подобные тому слова поостановили сих дураков.

– Но что ж нам делать? – сказали они. – Видишь он какой! Ни слов наших, ни речей не принимает, а гонит только прочь и хочет нартом взять, да и не говори еще – бесится.

– Ну, это вы его разсердили, – сказал я – вам бы не надлежало так вопить и кричать. Этого при межеваньях не водится, а говорить тихо, порядочно и учтиво, а стараться бы только о том, чтоб приняли и записали ваш спор и чтоб не белые клейменые, а черные столбы становили, которые ничего еще не значут.

Сими словами поуспокоил я их несколько и довел до того, что сами они стали меня просить, чтоб я уговорил межевщика принять от них спор, и буде бы можно сделать им милость, и помог им, не знающим в этом случае, и вместо их сказывал бы, что писать и как бы это сделать.

– Ну, этого мне нельзя сделать, друзья мои! Межевщика уговорить я готов, но вместо вас спор записывать и говорить, как можно мне, постороннему человеку?

– Да как же нам быть? А сами мы не умеем и не знаем, как и приняться за это дело.

– Разве попросите, – сказал я, – вы сами межевщика о том, и он мне, вместо вас, говорить позволит.

– Хорошо, хорошо, батюшка, –подхватили они, – постарайтесь же об нас.

Итак, по успокоения сих, осталось мне преклонить гнев одного только межевщика на милость, все еще ярящагося и вопиющаго, чтоб давали скорее белый столб и лопатки. Но и сего мне не великаго труда стоило убедить ко всему, чего мне хотелось. Я подбежал к нему и самым дружеским образом сказал ему в полголоса:

– Помилуйте, Иван Петрович! что это вы хотите делать и какой себя опасности подвергаете?

– А что такое? – спросил он.

– Как что? У дураков-та непутное на уме: у них человек с полтораста приготовлено с дубьём и дреколием, лежат вон там, в яруге, и они пошли за ними, чтоб бить вас не на живот, а на смерть, и мне истинно вас жаль, вижу что вы очень доброй человек.

– Что вы говорите? Не вправду ли? – воскликнул, испужавшийся и затрепетавший от страха межевщик.

– Ей-ей! – сказал я. – И мы сей только час это узнали, и я для того и поспешил вам это сказать.

– Помилует вас за то! – подхватил он. – Вы меня очень обязали. Но, ох, как же быть и что мне делать?.. Как-нибудь надобно бы уговорить и

успокоить глупцов этих. Они сдуру, что сглупу, готовы на все отважиться... Уж не можете ли вы, – продолжал он, – как-нибудь их усовестить и усмирить? Вы бы меня тем очень одолжили.

– Я уже им и говорил, – сказал я, – но они несут чертовщину и кричат только: «Как! Не хочет от нас принять спора! Да мы ведь сами государевы!» Да и в самом деле, батюшка Иван Петрович, как можно вам не допустить их до спора? Ведь они не владельческия, а казенныя, и присланы к вам при сообщении.

– Чорт их побери! – подхватил межевщик. – Пускай себе спорят. Скажите, батюшка, им, что я согласен уже принять спор от них.

С сим и пошел я опять к мужикам, и поговорив с ними еще несколько и возвратясь опять к межевщику, со смехом сказал:

– Дело почти сделано, а стало за безделицею: нет у них ни одного грамотника, а сами не умеют, и не смешно ли? Просят меня, чтобы я им сколько-нибудь в этом помог, а мне кстати ли в чужое дело мешаться?

– Пожалуй, пожалуй! – подхватил межевщик. – Какая нужда!.. Скажите, батюшка, им, что я и на то согласен. Пропади они совсем.

Как мне сего только и хотелось, то, пошедши опять к мужикам и поговорив с ними, привел я с собою поверенных и лучших из них и, помирив их с межевщиком, возстановил благополучно опять тишину, и начатое дело начало продолжаться, но с тем уже различием, что и я, как миротворитель, имел в том соучастие и взял уже вольность указывать подьячему и сказывать, что писать.

Сей, по подьяческому своему высокоумию, не хотел было меня слушаться, а стал слишком и не кстати умничать и городить сущий вздор; но я скоро до того довел, что сам *Рыбин* стал его и межевщика просить, чтоб он дозволил мне сказывать, что ему писать в объявлении разсказовских. Да не только сие, но самыя и свои слова инако и как мне хотелось переворачивать дозволил.

Мило и приятно всем нашим чрезвычайно сие было, а того милее, как они увидели, что я самому межевщику стал указывать и давать советы, как лучше межевать, какие лучше делать признаки; обращался с астролябиею, как знающий человек, и что межевщик во всем меня слушался. Все хвалили меня и вся толпа народа обо мне одном говорить начала и твердить, что не межевщику, а мне бы межевать надлежало. Одним словом, сей один час ввел меня в превеликой кредит всей нашей округи и не только дворянам,

но и крестьянам, и не только своим, но и посторонним. Все возложили на меня надежду, все твердили, что если б не я, то быть бы тут чухе, и все уверились и перестали обо мне иметь сомнительство, какое многие, сами не зная почему, все-таки еще имели.

Признаюсь, что для меня сей день был очень приятен, и ему нельзя было и не быть таким, потому что он очень много льстил моему самолюбию. И я надеюсь, что мне простительно будет, когда признаюсь в том, что слуху моему было очень приятно слышать, что самые не знающие совсем меня посторонние люди твердили: «О, серенький-то барин востёр!» (так называли они меня потому, что был тогда на мне сверх мундира серенькой сюртук) «Нечего говорить, востёр, всех-ста он их вострее, да и самого-то межевщика умней. Ну, кабы не он, быть бы тут чему-нибудь и такой каши, что и не расхлебали бы, а разсказовским не видать бы, как ушей, своей земельки. Помилует его Бог! И Сам Христос его сюда принес!» и так далее.

Между тем как все сие происходило, солнце продолжало свое течение и подвигалось уже к полудню. Всем нам уже и есть захотелось. Итак, записав, как водится, самой простой и обыкновенной спор и дождавшись, как межевщик начал уже черные столбы становить и линии две-три отошел, возвратились мы к своему стану с радостью, что помогли разсказовским и заставили пашковских выпрягать лошадей своих из сох, которыя было они для прорезывания межи совсем было приготовили. В стану своем нашли уже мы разостланныя скатерти и множество и печенаго, и варенаго, и жаренаго, и питейнаго словом, стол всем изобилием преисполненной. Нас обедала превеликая тогда компания, а именно: я, г. *Сабуров*, г. *Соймонов*, г. *Стаханов*, г. *Паульской*, г. *Колемин*, г. *Ржавитинов*, г. *Тараковский*, г. *Смирнов*, г. *Свитин*, г. *Беляев*, г. *Кордюков*, г. *Дуров*, г. *Левашов* и многие другие, из коих некоторые подъехали к нам уже того утра. Мир, согласие, единодушие, дружба, ласковость и взаимное друг друга подчивание и угощение господствовало тогда между нами и делали нам ествы еще вкуснейшими, и могу сказать, что было нам тогда очень весело и нескучно.

После обеда учинили мы общий совет о том, что нам делать? И как можно было наверное полагать, что межа до наших границ все будет спорная и в тот день далеко не дойдет, а последующий день был воскресной, то положили мы ехать домой и, заехав опять к межевщику посмотреть, как он межует, собираться опять всем в воскресенье к вечеру на своей границе.

Определив сие, велели мы того же часа запрягать лошадей, и поехали в путь. Межевщика нашли мы уже несколько линий отошедшего и услышали от него, что он и в последующий день после обеда межевать станет.

Сие озаботило было нас несколько, и обстоятельство сие было тем для нас досаднее, что нам хотелось в этот день попраздновать на именинах у господина *Сабурова*; ибо как в самое сие воскресенье была именинницею жена его, то звал он нас к себе. Однако, подумав-погадав и видя медлительность и нерасторопность межевщика, понадеялись, что в последующий день межевщик, по непроворству своему, до наших границ, отстоящих оттуда более нежели на 10 верст, никак еще не дойдет, положили ехать домой и более для того, что мне хотелось вечерком посидеть и заготовить для будущаго спора хорошую эпистолу.

У меня была уже и заготовлена изрядная пиеса для внесения в полевую записку, но она не годилась по той причине, что я, ходючи с межевщиком и обходясь с поверенным *Рыбиным* ласково и дружелюбно, по счастью, довел его стороною до того, что он проболтался и сказал нам наперед, куда он подле наших дач вести был намерен, и я в один миг догадался, что он из следуемаго ему по отказным книгам отвода намерен был великую часть степи выпустить, и как обстоятельство сие было мною совсем не ожидаемо, то сие и заставило меня думать и помышлять о том, чтоб дать спору моему совсем другой оборот и сообразить его с намерением г. *Пашкова*.

Таким образом поехали мы с *Иваном Яковлевичем* и некоторыми другими домой, а прочие остались ночевать опять в степи отчасти при межевщике, отчасти на границах наших дач в новоназначенном от нас новом сборном месте, чему мы были и рады, ибо могли им поручить иметь все нужные предосторожности и на случай каких-либо неожидаемостей дать им наставление, что им делать.

Но не успели мы нескольких верст отъехать, как я и раскаялся уже, что поехал, ибо застигла нас на дороге темная ночь, а ехать было еще очень далеко. Но как бы то ни было, но мы хотя почти ощупью, но до дома часа через два ночи доехали. Со всем тем не преминул я приняться тотчас за дело, и того ж момента начал писать свою эпистолию и прежде не лег спать, покуда ее не окончил.

Но как письмо мое достигло уже до своих пределов, то дозвольте мне оное, на сем месте перервав, сказать вам, что я есмь ваш и прочее.

(Декабря 20-го дня 1808 года).

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Письмо 163-е

Любезный приятель!

Предпринимая теперь описывать наш славной спор, имевший столь многочисленныя и важныя последствия, за нужное нахожу сказать вам наперед несколько слов о положении и обстоятельствах той обширной степи, о которой начиналось тогда спорное межевое дело, дабы чрез то могли вам тем понятнее быть те меры, какия употреблены были тогда мною к недопущению г. *Пашкова* незаконным образом и с легким трудом всем сим обширным местом к предосуждению моему и всех моих соседей, имевших в так называемой Пандинской округе жительство и во владении землями оной общее соучастие.

Обширная и более продолговатая, нежели круглая степь сия лежала тогда между Шадским и Тамбовским уездом и разграничивала собою оба сии уезда. В длину простиралась она от юга к северу более, нежели на 40 верст, а в ширину от востока к западу верст на 25 или более.

Вся она во внутренности своей была почти безводная, ибо в средине только оной протекала небольшая речка *Ржакса*, самая та, на которой у Пашкова заведен был маленькой хуторок для скотоводства. Но что касается до краев оной, то оные не совсем были безводны, а находилось оных довольно отчасти в речках, протекающих вдоль ее пределов, отчасти в буераках или, так там называемых, *яругах*, имеющих истоки свои из внутренности оной и впадающих в разныя реки, в соседственных дачах находящияся.

Что касается до сих соседственных дач, то с северной стороны прилегали к ней распашные земли огромнаго дворцового села Разсказова, и тут протекала вдоль края ее помянутая речка Лесной-Тамбов; но владение крестьян сего села простиралось гораздо далее за сию речку во внутренность степи. А как *Пашков* по самую сию речку хотел отмежевать себе степь сию, поелику она упомянута и приурочена была, то сие и подало повод к описанному мною уже спору между разсказовскими и Пашковым.

С восточной стороны прилегала к сей степи длинною побочиною своею вся наша Пандинская округа, которое имя носила она потому, что большая часть сел и деревень, в ней находящихся, имели поселение свое при

брегах нарочитой величины реки *Панды*, протекающей вдоль сей округи по самой средине оной.

Тут, во-первых, прилегали к ней распашныя земли большой деревни Караваеной; подле сих прилегали земли деревни Мельничнаго-Поселка, принадлежащей одному *Рахманову*. За сими прилегали к ней земли нашей деревни Болотовки, совокупно с деревнею Беляевкою и отчасти села Трескина, принадлежащих многим и разным владельцам, а особливо *Тараковскому, Молчанову, Беляеву, Казначеевым* и другим нескольким. А за сими прилегали к ней земли деревни Калиновки, где жил помянутой г. Сабуров с несколькими другими владельцами.

Во всю сию длинную побочину не было ни одной речки, текущей вдоль оной, кроме находящейся в нижнем конце и называвшейся *Паникою*; напротив того, поперек пересекалась она многими буераками или яругами с их отростками, из которых наиглавнейшею была речка Караваенка, на устье которой поселена была деревня *Караваино*. А напротив селения нашей деревни Болотовки простиралась далеко в степь яруга или буерак *Ложечный* с разными его отростками или боковыми вершинами.

С южной стороны прилегали к ней владения разных сел и деревень того ж Шадскаго, а более уже и Тамбовскаго уезда, поселившиеся на речке Ржаксе и других некоторых. А с западной стороны прилегала во всю ее побочину к ней другая ж такая же обширная дикая степь, Тамбовскаго уезда, лежащая за речкою *Осиновкою*, и, наконец, владения помянутаго экономическаго села Спасскаго.

Как точных границ ни которыя из смежных с сею степью владельческих дач не имели, потому что в сих местах не было в древности никогда никаких ни писцов и писцовых книг, а земли раздаваны были разным людям с означением только числа четвертей и с приурочиваниями весьма темными, необстоятельными и крайне недостаточными, то и произошло от того, что при размножившемся со временем количестве жителей, все они, не имея землям своим формальных ограничивающих их межей, владения свои распространяли с каждым годом от часу далее со всех сторон во внутренность сей степи, почитаемой тогда всеми казенною, дикопоросшею и никому не принадлежащею землею, и ближния места в ней распахивая и заселяя хуторами и деревнями, а дальния захватывая под свои покосы.

Но ни с которой стороны так много сии владения распространены в нее не были, как с стороны северной разсказовскими и спасскими жите-

лями, и с стороны восточной жителями нашей Пандинской округи. Из сих никем так много земли во владение под пашню и покосы не было захвачено, как господином *Рахмановым* против деревни его Мельничнаго-Поселка, лежавшей между нашею Болотовкою и деревнею Каравайною, так что число одних сих захваченных усильством сим алчным и наглым обидчиком простиралось до несколька тысяч десятин.

В таковом положении находилась сия степь до самаго того времени, в которое началось у нас государственное межеванье; и как за год до того публикован был строгой указ, чтоб все прикосновенные к государственным землям и захватившие из них какое-либо количество во владение неотменно объявляли с показанием, сколько ими завлажено и сколько они сверх того из ней себе купить от казны пожелают, то множайшие из владельцев нашей округи, в том числе и я, и объявили, как о завладении из степи сей нескольких сот десятин, так предъявили желания свои и к покупке еще множайшаго числа, считая всю степь сию не инако, как казенною, ибо тогда о даче, произведенной из ней Пашкову, и плутовском его отказе всей оной за собою никому и ничего не было известно.

Но как изданным о межевании манифестом цена всем завладенным и продажным землям объявлена была против чаяния всех высокая, то и купили из ней землю только очень немногие; множайшие же, за неимением денег, или не хотя жертвовать на то многими суммами, оселись и, вздумав называть все завлаженныя ими земли своими и говорить, что тут никаких пустых и дикопоросших земель не имеется, продолжали не только в противность манифеста по-прежнему владеть ими, но, несмотря на все строгия запрещения, и после уже изданнаго манифеста продолжать час от часу больше оныя распахивать ежегодно; что и продолжалось до самаго того времени, как явился Пашков со взятым на свой кошт землемером для отмежевания всей оной по плутовским своим отказным книгам за собою.

Но как черта, описанная в сих его отказных книгах, обжимала не только чрезвычайную обширность и пространство места, но будучи приурочена живыми урочищами, а именно: с разсказовской стороны помянутою речкою Лесным-Тамбовом, а с нашей стороны самым верховьем реки Панды и от онаго на устье Вершинки, впадающей в речку Караваенку, и от сего места прямо на верховье речки Паники и оною вниз, и по всему сему долженствовала пресечь и отхватить многия тысячи десятин, действительно распаханных владельцами нашей округи, во владение Пашкова, тогда все

наши владельцы увидели ясно свою ошибку и всю неправильность присвоения себе земель, ими завлаженных, и по справедливости стали опасаться, чтоб не лишиться всех оных при сем межевании.

При таковых обстоятельствах, по мнению моему, иного средства к спасению оных не оставалось, как в разрушении помянутаго плутовского Пашковскаго отказа объявлением всей этой степи казенною землею и доведении чрез заведенной спор сей до того, чтоб Пашкову велено было в силу помянутаго мною пункта намерить не более, как только 1200 четвертей, а вся степь осталась бы казенною и всем можно б было и впредь пользоваться оною, а желающим и купить из ней из казны сколько кому угодно.

Самое сие и старался я всем нашим соседям внушить и хотя мне стоило то многаго труда, но, по крайней мере, достиг я наконец до желаемаго и довел до того, что все они признали сами сущую необходимость к названию и утверждению всей этой степи казенною, и всходствие того и положили все стоять в том и называть ее казенною всем единодушно и единогласно.

Но сего было еще не довольно, а предлежали мне и кроме того еще два пункта, крайне меня озабочивающие, или паче два дела, к произведению которых в действо предусматривал я великия и почти непреоборимыя затруднения.

Первое состояло в том, что как к изобличению неправильности и плутовства отказа Пашковскаго помогло бы много и то, если б поверенной его при отводе наделал болтунов и перепутался в живых, упоминаемых в отказных книгах, урочищах, то нужно бы было каким-нибудь образом завесть его в таковой лабиринт и ошибки; но чего я не смел и надеяться, ибо воображал, что поверенной его неотменно будет при отводе соображаться с отказными своими книгами, и трудно будет его спутать.

Второе же было и того еще важнее и сумнительнее и состояло в том, что как всеобщая всей нашей округи польза требовала, чтоб при сем межевании не связать нам никак и наших земель спорами с сею казенною землею, ибо в сем случае подпала бы и вся наша округа измерению и могла б всей своей примерной земли, простирающейся до нескольких тысяч десятин, лишиться; то для избавления себя от того и спасения всей нашей примерной земли другого средства я не находил, кроме того, чтоб пожертвовать всем тем и, может быть, небольшим количеством владеемой нами

земли, которой *Пашков* захватит отводом своим в свою округу, и не только всю ее называть казенною землею, но даже и свою, вплоть подле его черты находящуюся, и всходствие того говорить везде, где бы он ни повел, что направо и налево не наша и не его, а государева земля.

Сим одним можно было нам отбыть от измерения нашей дачи. А если б после и дошло до того, чтоб велено было нам показать, покуда же простирается казенная земля и где границы нашей, то думал я, что можно тогда будет, тут же и отступя хоть несколько сажен от черты его отвода, показать границы наши. Но как можно было мне ласкаться надеждою уговорить всех толь многих соучастников в нашем владении к тому, чтоб они говорили со мною заодно, отклепывались от своей земли и называли ее казенною, а особливо самих хозяев тех пашен, чрез которые Пашкову поверенному отвод свой вести случится?

Сие-то меня смущало и обезоруживало всего более. Я никак не смел тем ласкаться, а паче имел причину бояться, чтоб самые те владельцы не наделали пакостей от неблаговременного жаления своей земли объявлением, что она их, не испортили б всего дела.

Но против всякаго моего чаяния в обоих сих важных, смущавших меня пунктах помогла мне самая случайность или паче невидимое действие Промысла Господня, определявшего жребий сим землям не по нашим ожиданиям и мыслям, а по судьбам Своим неисповедимым.

В разсуждении перваго пункта помогло мне то, что нечаянным образом, как я в предследующем письме упоминал, проболтался мне сам Рыбин и сказал такое слово, котораго бы мне ни за какие деньги не купить и которым, преподал он мне сам, так сказать, петлю для возложения ее на него. Дело состояло в следующем.

Как я, обходясь с ним умышленно очень ласково и дружелюбно и принимая вид будто я желаю сам им отмежеваться со всем успехом, спросил его: куда же он, дошед до верховья речки Лесного-Тамбова, поведет далее? То сообразно с своими отказными книгами сказал он, что на вершины или верховье реки Панды. Этого я и ожидал. Но каким поразился я удивлением, когда он вслед засим примолвил, что она-де очень от того места близка и не более-де версты или двух.

«Ба, ба, ба! – воскликнул я сам в себе, сие услышав. – Это что-то особливое и не похожее на дело! Верховья реки Панды мне известны, и они не так близки, как он говорит, а очень далеко и не ближе верст двадцати от

того места. Ах, батюшки мои! – продолжал я сам в себе помышлять. – Уж не думает ли он все то ужасное количество земли, которое лежит между верховьями речки Лесного-Тамбова и реки Панды из своего обвода выпустить и верховьями Панды назвать верховья речки Караваенки, которая точно, по словам его, не далее отдалена от того места, как версты на две или на три и лежит прямо против оного? То-то бы право хорошо! Уж бы сел я ему тогда на шею и всего бы удобнее мог его спутать и завесть в лабиринт».

Все сие кинулось мне в ту же минуту в мысли; почему, не сказав ему на то ни слова, замолчал и скоро после того, разставшись с ним, для самого того более и спешил ехать домой, чтоб заготовить заблаговременно на бумаге то, что тогда говорить, если он действительно сделает такую важную и столь для нас полезную ошибку.

Что касается до второго несравненно важнейшаго, смущавшаго меня пункта, то недуманно-негаданно помогло мне много все случившееся при споре с разсказовскими; ибо как все наши поверенные и дворяне увидели мое знание и искусство, то, возымев весьма выгодное обо мне мнение, удостоверились в том, что все, что ни буду я делать, будет основано не на пустяках, а сущем деле. А сие, как из последствия окажется, и помогло мне убедить и уговорить их ко всему, что мне хотелось, и произвесть то, чего никто не мог ожидать и что удивило самого меня до чрезвычайности.

Вот все, что хотелось мне разсказать предварительно для лучшаго вам разумения всего последующаго, а теперь возвращусь к порядку моего повествования.

Возвратившись помянутым образом домой и написав все нужное на случай Рыбиной ошибки, поехал я на другой день, что случилось быть 12 сентября, к г. *Сабурову* к жене его на именины. Он был мне чрезвычайно рад, ибо могу сказать, что он меня очень полюбил и обходился со мною как бы с близким своим родственником или лучшим другом. Вскоре после меня приехали к нему и господа *Соймоновы* с женами, также и господин *Дуров* с женою.

Все они были уже моими приятелями, а особливо доволен я был старшим братом господина Соймонова, *Юрьем Федоровичем*, человеком почтенным и разумным. Он обходился со мною не как полковник, но как низший меня чином, чем заставливал меня еще более себя любить и почитать.

Сему человеку восхотел я сделать учтивость и показать заготовленной мною спор и требовал об нем его мнения. Он расхвалил его впрах и дивился особливому туру или пути, какой я спору выбрал, признаваясь, что он особого рода и притом не только надежный и безсомненный, но и такой, о котором Пашкову и в мысль не придет, и что я иду против его таким путем, с котораго ему сбить меня будет очень трудно.

После обеда не стал я долго медлить, но, напившись кофея, спешил ехать в лагерь в намерении мимоездом осмотреть все течение речки Караваенки и все впадающия в нее вершины, дабы тем лучше можно было расположить свой спор и отводы.

Для самого того, приехавши домой, оставил я свою коляску, велел ей ехать за собою, а сам, сев на лошадь верхом, поскакал с одним поверенным к Караваину. Но на ту беду случись подо мною лошаденка ни к чему не годная, и как день склонялся к вечеру, то, не доскакав еще до Караваина, поставил ее в пень. Но тут по приказанию моему дожидались уже меня караваинские однодворцы с переменными лошадьми. Я пересел на другую и велел себя вести снизу до самого верховья речки Караваенки и показать мне все ее отвершки и положение их.

Осмотрев и заметив в мыслях все, что мне было надобно, спешил я добираться до лагеря нашего, куда прискакав нашел уже я превеликое собрание господ дворян. Все они нас дожидались и у них были разныя мнения и толки. Иные надеялись на меня, как на каменную стену, другие сомневались, а поверенной господина *Рахманова* все нес околесную и по глупости своей помышлял только о драке и, как я после проведал, заготовил уже множество людей и возмутил к тому же и многих однодворцев деревни Караваиной, до которой тогда до первой доходило дело.

Приезд мой оживотворил все общество и прогнал все их недоверки, трусости и сомнительства. По счастию, подоспел к нам и г. *Сабуров*. Сему, более всех прочих усердствующему пользе общей, человеку не взмилились гости и компания: он оставил и жену, и гостей у ней, а сам поспешил вслед за мною, ведая, что присутствие наше очень нужно, ибо мы боялись, чтоб межевщик не дошел уже до приезда нашего до того места, где находился наш лагерь. Однако мы приехали благовременно, и межевщик, по полученным известиям, находился от нас еще в нескольких верстах.

Со всем тем как мы в том сомневаться уже не могли, что он в последующий день к обеду к тому месту прибудет, где мы расположились ста-

ном, как на границах нашего владения, и что мы должны будем иметь с ним первую стычку или словесное сражение; то заблагоразсудил я созвать генеральной военной совет и решить наконец все сомнительства, объявив им весь план и порядок моего намерения, о котором я до того времени никому, кроме вернейших особ, не сказывал из опасения, чтоб бездельниками не перенесены были неприятелю слухи. Адъютант наш долженствовал собрать того момента всех поверенных и самых владельцев в кружок для выслушания моего намерения и приказов. Смешно и приятно было видеть, как я стоял тогда, как главной предводитель, посреди, окруженной человеками 20-ю дворян и превеликим множеством поверенных прикащиков, однодворцев и мужиков. Все хотели охотно слышать о чем говорено будет; все обращали свои взоры на меня и все протягивали уши, чтоб не пропустить ни одного слова. Мы смеялись неоднократно после и сравнивали весь свой поход, которой прозвали мы Рыбинским, с войною Троянскою, а себя – с греческими царями, а поверенных, с их наперсниками и лучшими – вельможами и воинами.

Господин *Сабуров*, представлял тогда особу царя *Агамемнона*, а я *Улисса*, а другие – других греческих царей, смотря по свойству, качествам, летам и достоинствам, ибо все мы были между собою равные владельцы, но качества имели не одинакия. Были тут люди острые и скоро все понять и разобрать могущие; находились иные, которые были не столь острозрительны и понятливы, а третьи и тех простее. А не было и в таких недостатка, которые простотою своею иногда в досаду, а иногда в смех нас приводили. К сему роду принадлежали несколько человек из стариков.

Но никто нам так не был смешон, а иногда досаден, как один старый муж, и летами и чином своим всех прочих превосходящий, а поступками всех смехотворней. Был то господин надворной советник *Свитин*, в разсуждении котораго никто не мог надивиться, как он мог, будучи несколько лет воеводою, править целым городом и уездом. Не могу истинно довольно насмеяться, как вспомню его поступки.

Он был из самых старинных людей, не очень богатый и не тутошний житель, а живущий неподалеку от Пашкова и ему знакомой, туда же для межеванья приехавший, потому что он имел участок в деревне Караваиной. Но характера был столь смешного, что не можно было не надседаться со смеха, слышав его разсуждения.

По несчастью случись, что он и в самом жительстве своем неведомо сколько раз обижен был г. Пашковым. А как он и тут от него же и, к несчастью, еще первый претерпевать был должен зло, то не было истинно часа, чтоб он его не ругал и не проклинал всеми клятвами, какими только клясть можно, однако так, что сам бы господин Пашков на то не осердился, как бы и в самом деле его в глаза ругал, а он его считал шутиком и играл им, как дурачком. Да и в самом деле нельзя было и сердиться, ибо он был очень смешон, и в один миг у него и дружба с ним, и брань, и лады, и сердце, и гнев, и опять смех. Вот какого разбора человек случился тогда быть в нашем обществе; но было несколько человек и других, которые не многим чем лучше его были. Но мне время возвратиться к своему повествованию.

Собрав вокруг себя всех в кружок, сделал я всем военачальникам и рядовым наперед изрядное предисловие, чтоб возбудить их тем к единодушной и мужественной против неприятеля обороне, а особливо уговаривал их к тому, чтоб они все на меня положились, поручили б мне все дело, слушались бы моих повелений и безсомненны б были, что я их не обману, а сделаю всему обществу услугу. Предуготовив их сим образом, стал я всем им вслух читать, что я говорить и предпринимать намерен, толкуя им каждое слово и сказывая именно для чего что говорить и делать хочу.

Все выслушали намерение мое и написанной спор с величайшим вниманием, и по окончании чтения, понимающие начали выхвалять и благодарить меня за мое старание, будучи мною очень довольными. Прочие же также хвалили и благодарили меня, хотя и половины дела не могли понять, а только заключали, что я, по мнению их, хитрое и далеко все их мысли превосходящее дело (?)...

Одним словом, предприятие сие возымело желаемое действие и мне столь много помогло, что переменило в один миг мнение самых злейших и об одной только драке помышляющих противников. Все стали уже на меня полагаться и вверять мне судьбу своей округи и всех своих жительств, и оставалось мало таких, которые имели б еще недоверие, и я радовался и благодарил Бога, что мне вздумалось сие сделать, ибо без сего вылились бы превеликия беды и куралесица преужасная.

По распущении сего последняго нашего военного совета, начались у военачальников, поставивших станы свои по разным местам, подчиванья

и угощенья друг друга. Всякой звал других к своей коляске и подчивал водкою и другими напитками, какие у кого случились. Между тем приуготовляемы были у всех ужины, и на множестве раскладенных огнях варены были каши и другие ествы. Мы разсудили за благо собрать их все вместе и составить общий ужин или пикник.

И какое это приятное собрание сидело тогда кругом разостланных на траве скатертей, и какой веселой, вкусной и всем изобилием преисполненной ужин был тогда у нас! Какое множество ествы, какое множество напитков! Всего у нас было довольно, и мы наелись так, как бы на сборном каком и праздничном ужине. Звездами испещренный свод неба составлял тогда наши палаты, а несколько возжженных свеч освещали наш стол. Смехи, шутки и невинныя издевки услаждали нашу пищу, а согласие между всеми и новая дружба делали ее еще сладчайшею. Одним словом, мы сборищем своим так были довольны, что никому не хотелось расходиться и брать покой, и хотя была тогда глухая уже ночь, но мы согласились проводить еще несколько времени в продолжение наших разговоров, и полегшись кругом раскладеннаго и самими нами возжигаемаго и поправляемаго огонька, и провели время в разговорах и смехах истинно до полуночи.

По счастию, случился один из наших товарищей, а именно господин *Паульской*, великой шутник и издевочник и такой человек, которой рожден был к тому, чтоб увеселять компанию разными смешными разсказами и прибаутками, которыя к нему чрезвычайно и пристали, хотя он был и прямо разумной человек. И какое множество не насказал он нам тогда такого, чему мы все со смеху надседались.

Наконец, тем не удовольствуясь, стали мы всякой по очереди говорить, и всякой должен был разсказать что-нибудь смешное и увеселить собрание, что не только нам, но и самым людям нашим было приятно, которые, поужинав вместе со множеством мужиков и поверенных, окружили наше сборище и до тех пор никто обо сне не помышлял, покуда не разошлись мы по своим походным квартирам.

Сим кончился сей день, а вместе с ним кончу я и письмо мое, сказав, что я есмь и прочее.

(Декабря 20-го дня 1808 года).

СПОР
1773

Письмо 164-е

Любезный приятель!

По наступлении последующаго дня, начались у нас подчивания друг друга чаем и взаимными поздравлениями с добрым утром. Но у меня, как у главнаго предводителя, не то было на уме, а я спешил воспользоваться остальным еще свободным временем до сражения и употребить оное на рекогносцирование или осматривание еще одной вершины и некоторых мест, по которым, как думал я, поведет межевщика наш неприятель. И для того, сев на лучшую лошадь, какая могла найтиться во всем стане, и взяв с собою человек пять наилучших поверенных, пустился в степь для обозревания мест.

Не успели мы несколько отъехать, как наехали на одного верхового мужика. Мы тотчас стали подозревать – не из лазутчиков ли он Пашковых, каковых тогда везде несколько человек шаталось под видом искания пропавших лошадей, и для того поскакали тотчас к нему и приказывали остановиться.

– Что за мужик? – закричали мы. – И зачем здесь?

Бедной мужик так испужался, что не знал, что говорить и делать.

– Я, родимой, спасской, ищу лошадей! Пропали, кормилец, две лошадки!

– Нет, плут, – закричали мы, – не спасской ты, а пашкова! Хочешь ли, как мы в плети?

Мужик, думая, что мы его вправду бить хотим, задрожал от страха и клялся и божился нам, что он не пашкова, а спасской и нам союзник и просил помиловать.

– Постой же, мой друг! – сказали мы. – Когда ты спасской, то сказывай нам, в каком месте ты в Спасском живешь, как тебя и твоих соседей зовут, и так далее, и сказывай скорее, не запинаясь?» И как со мною были однодворцы, знающие спасских мужиков, то по ответам его уверились мы наконец, что он действительно был спасской, и оставили его с покоем.

Осмотревши так называемую Дёминскую вершину, о которой думали, что ее соперник наш станет называть речкою Караваенкою, возвратился я

в наш лагерь и начал делать реестр и список всем поверенным в ожидании межевщика и покуда у нас было свободное время.

Никто из нас не сомневался в том, что до обеда нам не будет никакого дела, потому что межевщик ночевал от нас еще за несколько верст. Также все мы полагали за верное, что спору нашему надобно быть в самом том месте, где мы стояли тогда своим лагерем подле озерок, из которых вытекала речка Лесной-Тамбов, и которыя озерки разделяли наше владение с разсказовскими. Однако все мы в своем мнении сильно обманулись, и я не успел возвратиться и начать делать помянутой реестр, как показался нам межевщик уже в виду, и мы в самое то время увидели скачущаго к нам на подводе солдата с понятыми.

Смутился я тогда и не знал, что это значит, и как его тотчас ко мне, как к главному начальнику, представили, то удивился я еще более, услышав, что прислан он к нам с понятыми для повестки, чтоб мы и поверенной господина Рахманова тотчас явились, потому что пришла его владения земля, а при том угрожаемо было, что если не явится, то без него межевать будут. «Кой чорт? – сказал я тогда сам в себе. – Что это значит? Там владения *Рахманова* еще и в завете не раживалось и откуда они его там взяли? Да к чему такая непомерная уже строгость и угрозы? Ведь он не слеп и нас видит, к чему посылать с понятыми!»

Признаюсь, что досадна была мне сия межевщикова поступка. Однако некогда было тогда долго разтабарывать. Я, схватив лошадь, какая первая попалась, и поскакал во всю прыть к межевщику, боясь, чтоб они чего не напроказничали. Прочие господа последовали за мною, и мы все в один миг очутились у него.

Мы нашли господина землемера нас уже дожидающагося и я первой, подошед к нему, подал ему свою сказку. Он удивился, что я подаю сказку, хотя моя деревня отстояла еще верст за 20 от того места, и моего владения тут и в завете еще не важывалось, и начал было барабошить. Но не тут-то было, чтоб выторговать тем что-нибудь. Дело было наперед смечено и чем убеждать приготовлено.

Ему и поверенному господина Пашкова и на ум того не приходило, что мы хотим спорить целою округою, а не поодиночке, и они не инако думали, что каждой из нас только за свое владение ответствовать будет, и потому надеялись нас сбить с пути, думая: дураки дескать они, перепутаются и переплетутся между собой, а мы-де что хотим из них и сделаем.

Однако сей счет делали они без хозяина, и смешно было смотреть, как межевщик и поверенной остолбенели, увидев целую толпу дворян и поверенных, подающих одним разом все свои сказки, из которых в каждой написано было то же, что в другой, и услышав от всех согласной крик, что у нас у всех дача одна и чрезполосное владение, и потому мы не поодиночке, а все вместе ответствовать будем. Так все от меня было настроено!

В пень стал тогда межевщик и не знал что делать и кому отвечать наперед и у кого принимать сказки. Он озирался только на все стороны и боялся, чтоб его не прибили. Долго он сперва барабошил. Но статочное ли дело! Сколько людей, столько голосов и все одно и то же говорили, а я всех пуще. Нечего было делать, принужден был перестать умничать и принимать сказки. Сперва стал было он их читать и смотреть по форме ли они написаны? Но я ему тотчас сказал, что разве он на этом месте дневать хочет, так бы читал и разсматривал, а в противном случае оставил бы лучше сей безполезной труд и поверил бы, что форма верно наблюдена и все сказки писаны, как надобно (ибо надобно знать, что я предварительно о том постарался и все они были у меня пересмотрены, и которыя не так были написаны -- переправлены). Нечего было тогда делать межевщику, принужден был принимать, не читая, и сбирать в кучу. И смех истинно! Целую кипу связали из оных и подьячий не знал, куда с ними и деваться. Долго сие продлилось, однако наконец кончилось, и надобно было начинать дело.

– Ну, что такое? – начал я тогда говорить. – И зачем вы нас сюда призвали?

– Да вот, сударь, – отвечал межевщик. – Поверенной господина Пашкова объявляет, что влеве начинается земля вас, шадских помещиков, и именно господина *Рахманова,* и что это писцовыя вершины речки Лесного-Тамбова.

– Вранье, батюшка! – ответствовал я, удивившись. – Владения нашего тут еще не раживалось, да и вершины речки Лесного-Тамбова далеко еще впереди, а не тут.

Со всем тем был для меня сей случай неожидаемой, ибо я не инако думал, что он пойдет до самаго верховья, а он, бездельник, далеко не дошедши до онаго, а пришед до одного отвершка, назвал его вершинами. Однако, не долго думая, тотчас я расположил в мыслях, что делать и как в сем случае поступить.

Как владения нашего тут в самом деле не было и продолжалось все еще разсказовское, то разсудил я поступить при сем политическим и неутральным почти образом. По счастию, было мне время выдумать порядочное объявление, потому что для вписывания в полевой журнал одних имен наших и поверенных потребно было с полчаса времени. Приготовившись сим образом, начал я тихо, порядочно, степенно и слово за словом диктовать подьячему и с таким порядком, что сам поверенной Пашкова быть тем доволен и хвалил меня, что я умно пишу и порядочно и что ни на ту, ни на другую сторону не преклоняюсь. Но бедненькой не знал, что я его тогда только по губам мазал и что нарочно только для того не оскорбительно для его говорил, чтоб тем лучше скрыть будущее мое и прямое намерение.

Объявление мое состояло в немногих только словах, а именно, что верховье речки Лесного-Тамбова еще впереди и земля налеве не наша, а владеют ею разсказовские, а какая она и какого уезда и казенная ли или дачная, того будто бы не знаем. Сие самое и понравилось господину Рыбину; но он скоро стал мысли свои переменять, как я, кончивши записку, поздравил его, смеючись, что он первой и изрядной болтун и ошибку сделал. Он не понимал, правда, что я под сим словом разумел, однако начинал меня побаиваться. Но мы еще с ним были ладны.

Как все сие продлилось долго и время настало уже обедать, то стали мы звать межевщика к себе в гости обедать и тем паче, что видели мы, что господин *Пашков* морил его и всех голодом. Долго он отнекивался, боясь прогневать г. Пашкова, но я скоро нашел средство его убедить, говоря ему при поверенном, чтоб он взял его с собою, так не будет ему и сомнения в том, что он с нами говорить будет. Стыдно и дурно было тогда межевщику и *Рыбину*; итак, принужден он был ехать с нами в наш лагерь.

Приехавши туда, начали мы к нему подлещаться и старались угостить его наилучшим образом; по счастию, было чем поподчивать, покормить и попоить: всего было наварено и настряпано. Старичок наш был тем чрезвычайно доволен и обращался с нами очень ласково, а особливо со мною. Мы разговорились с ним о Богородицке, которую волость он межевал, и о князе *Гагарине* и об управителе г. *Опухтине*, и свели дружбу. Одним словом, удовольствовали его, как надобно.

После обеда отозвал он меня к стороне и стал уговаривать, чтоб я поступил с г. Пашковым миролюбно и развелся порядочно. Коммиссия была

тогда для меня от него отделаться. Будучи, с одной стороны, к миролюбию склонен, а с другой – предвидя сущую невозможность полюбовнаго развода, не находил я почти слов к соответствованию ему. Однако мне удалось оставить его в хорошем о себе мнении и в надежде, тем наиболее, что я, не обещая ничего, твердил только, что посмотрю, как-то поведет *Рыбин*, и если будет сходно, то для чего не развестись, дело не уйдет еще, хотя и спор будет.

Сим и сему подобным убаял я его так, что он сам взялся и обещал склонять и уговаривать Рыбина, чтоб он не таково далеко заходил в наши земли; а мне то-то было и надобно.

Таким образом начало дело понемногу клеиться. Межевщик, возвратившись с нами к астролябии, не преминул отозвать *Рыбина* к стороне и переговорить с ним наедине. «Хорошо! – думал я. – Пускай переговорят, авось-либо на нашей улице будет праздник». Рыбин в самом деле повеселее сделался. Однако сия радость его недолго продлилась. Туча висела уже над его головою, и не то бы он заговорил, если б знал, что у меня лежит в кармане на его шею заготовленное.

Но как бы то ни было, но надлежало начинать дело, и Рыбину начинать вести отвод свой далее. Я очень любопытен был видеть, куда он с того места поведет. И как мне положение тамошних мест было несколько знакомо, то удивился я, что он поставил веху и стал вешить линию прямо степью, так что оною линиею ему ни на вершину Панды, и ни на речку Караваенку приттить было не можно.

Видел я, что он путался и сам не знал, куда вел, но молчу и смотрю, что будет и куда пойдет далее. Уже идем мы версту, идем другую, а он все ведет и все молчит. Но, наконец, стал он приближаться уже и к нашим дачам и дело становится не очень для нас ладно. Время было начинать и нам свой спор, но я жду, чтоб разсказовские окончили свое владение. Но сии глупцы всего меньше о том помышляли. Сдуру, что с дубу, рады были тому, что их владение влеве еще простиралось и готовы были б и все называть своим, если б только никто ничего не говорил.

Увидев, что они готовы были зайтить сим образом и в наши дачи, стал я помышлять, как бы их уже и остановить. И как опасность стала становиться час от часу более, то стал я им уже тихонько говорить, что пора им окончить свое владение. Но беды мои были с ними: не слушались, окаян-

ные! Я так и сяк, но не туда едут. Попалась дуракам какая-то дорожка и твердили только сдуру: вот немного еще, вот до дорожки.

– Дураки такие-сякие, – говорю им. – Что вам попалась за дорожка? Переставайте, я вам сказываю, а то беды себе наделаете и все дело испортите так, что и поправить будет не можно, но тогда и у меня уже не спрашивайтесь.

И как они и сего не уважали, а все шли да шли далее, то, подошед опять к поверенному их, сказал:

– Слышишь ли, пошел останавливай межевщика и скажи, что земля ваша кончилась, а впереди отнюдь не называй нашею, а скажи, не знаю какая. Слышишь ли, пошел!

– Добро, добро! Ин пора – ответствует мне.

Но пора, пора, а сам ни по ногу, боится и приступить к межевщику; а цепь волокли да волокли, и межевщик подвигался да подвигался. Горе меня тогда взяло. Я моргаю, я сую разсказовских поверенных, но они, по несчастию моему, случились сущие мешки, и неповоротни, таки ни маленького провора в них не было.

Наконец, не пронялся я и вздумал отважиться наудачу сам остановить межевщика, и подошедши вдруг, начал говорить, что в том месте разсказовская земля кончилась и кликал разсказовских, крича на них, что они молчат и зевают, а сам трясся и боялся, чтоб они сдуру, окаянные, не заспорили. Но, по счастию, был я у них более в кредите, нежели сам думал. Послушались и подтвердили, что так, хотя в самом деле владение их еще далее по степи простиралось, но они не погнались уже и стали в том, что земля их кончилась, и что начинается уже Божья да государева.

«Ладно, – думал я. – Дело идет стройно. Оканчивайте-ка, Иван Петрович, их дачу и отпускайте их, сказал я межевщику, а там посмотрим, что будет».

Между тем как сие происходило, *Рыбин* находился впереди и метался, как угорелая кошка, устанавливая вехи. Он приметил уже сам, что не туда и в такую степь забрел, где кроме неба и ковыля ничего было не видно, и не знал, как бы уже пособить себе и податься вправо. Почему и рад был, что мы остановились и начали записывать объявление разсказовских, и, пользуясь сим случаем, перенес вехи и сделал великой поворот вправо, подаваясь к речке Караваенке.

Я тотчас сие усмотрел и был тем доволен, ибо то-то было мне и надобно; однако молчу и не говорю ничего, но даю время опять записать новой румб, чтоб он у меня от сей новой линии не отвертелся и, услышав мой спор, не повернул влево.

Как разсказовское дело было уже кончено и надлежало нам говорить, то спросил я только *Рыбина*, куда он теперь повернул? Он тотчас сказал, что ему следует теперь иттить на вершину Пандинскую, и он идет туда.

– Очень хорошо! – сказал я. – Я прошу милости записать, что он идет на вершину Пандинскую.

Межевщик хотя бы и не имел права сего сделать, но тотчас велел записать.

– Прикажите ему подписаться – говорю я далее. Рыбин тотчас и подписался, не предвидя нимало, что у меня на уме тогда было. Но не успел он подписаться, как, обратясь к межевщику, я сказал:

– Ну, дозвольте ж теперь и мне словца два вымолвить!

– Очень хорошо – сказал межевщик.

Тогда, обратясь ко всем своим товарищам и поверенным, закричал я:

– Господа! Пожалуйте поприступите!

Все наши уже знали, что будет, и ждали того, как неведомо чего, улыбаясь друг с другом, видя мои ухватки, и в один миг сделали вокруг межевщика и всех нас превеликой круг. Тогда вытащил я из кармана свою епистолию и, сказав подьячему: «Изволь-ка, батюшка, в журнал свой записывать все, что я ни буду тебе сказывать», начал из ней внятно, громко и не спеша, а слово за словом, читать или так хлестать, что в один миг межевщик с лица сступись, подьячий взбесился, а Рыбин помертвел почти. Да инако и нельзя было, потому что всякое слово было тут молотком прибито и притом всего меньше было ими ожидаемо, ибо им и в мысль того не приходило, что я стану сам утверждать их дачу, о котором по сие время ничего еще не говорил, а хотя и слышали, что мы хотим назвать степь государевою, но думали, что мы назовем попросту и без затей, и потому надеялись без всякаго труда победить нас своею окружною и отказами. Но сие было у меня давно смечено, и дело расположено совсем инако и так, как им и в голову не приходило, скрыто же под такою непроницаемою завесою, что они не могли ни малейшаго проникнуть и что у меня на уме догадаться, и прежде не узнавали, покуда уже было в полевую записку вписано.

Могу сказать, что сия уловка и проворство мне всего более и помогло. Всходствие чего и при тогдашнем случае я всего далее был от того удален, чтоб опровергать их дачу и говорить, чтоб у них тут дачи не было, но сам утверждал, что им дача дана и отказы были; но утверждение мое так расположил, что оное в состоянии было опровергнуть всю дачу.

А именно я на первом сем пункте сказал, что земля эта действительно та, которая Пашкову отведена, но что отвод сей был незаконной и несправедливой; что дача произведена ему в запрещенное время и в такой год, когда никому государственных земель в дачу производить было не велено; что Пашков был тогда сам губернатором; что отведена земля сия ему его подкомандующим, и отведено ее вдесятеро больше, нежели сколько ему дано и следовало, и так, как ему, Пашкову, хотелось. Одним словом, что учинена была при том явная несправедливость в предосуждение казеннаго интереса.

Далее, что поверенной *Рыбин* ведет теперь не туда, но этой земли великое еще множество упускает неведомо для чего и наваливает на нас, а мы ею никогда не владели и не владеем, а пользуется ею Бог знает кто; что приезжают на нее из дальних мест разные люди и косят траву, где ни попало, и в один год здесь, а в другой инде. Что г. *Пашков* этою землею до издания высочайшаго о размежевании земель манифеста не владел, а после манифеста насильственным образом себе много присвоил; а ныне, упуская множество оной земли, конечно, хочет прихватить вместо ее казенную, которая находится впереди и нами завлажена и о покупке которой мы желания свои предъявили, а некоторые из нас и купили из казны, да и прочие купить желают; и что мы, опасаясь того, о сем объявляем, а после покажем, где он и покуда до манифеста владел и сколько захватил после издания онаго в противность самого манифеста и не уважая высочайшаго повеления, и так далее.

Как все сие было ими не предвидимо, то каждое слово приводило межевщика и *Рыбина* в нестроение и замешательство. Они так смялись, что не знали, что делать. *Рыбин* то мертвел, то синел и стоял повеся голову, а межевщик сколько ни барабошил и сколько ни усиливался не принимать моего спора, но нечего было ему делать – не на такие зубы напал!

Истинно, раз с 10 он останавливался и не хотел более писать, говоря, что это не следует писать, что это дело судное и прочее. Но я на каждое его одно слово три своих, и представлю ему такие резоны, что ему нельзя

было не принять. А паче всего убеждал я его тем, что мы спор и все сие объявляем для сохранения казеннаго интереса и как верноподданные, и что ему, как казенному чиновнику, самому есть долг о том пещися, и что по самому сему как можно ему объявления нашего не принимать.

Сим и подобным сему образом убаивал я его, а когда слишком он уже забарабошивал, то я и сам на него ополчался иногда с самыми угрозами, а когда, ровно как на смех поднимая, восклицал: «Как это возможно, чтоб вы у меня сего спора не приняли! Разве вы иностранец какой и не такой же подданный государю, как мы, и наших законов не знаете?» А сим образом, употребляя когда лисий хвост, когда волчий рот, и преодолевал я все его нехотение.

Наконец, вздумали было они с Рыбиным сказать, для чего все это один только я говорю, а прочие все молчат и ничего не говорят. «А разве это вам надобно, чтоб они говорили?» – сказал я и тотчас всем нашим закричал, чтоб они говорили. Не успел я сего вымолвить, как все в один миг приударили в голоса, все завопили закричали, что они все то же самое говорят и утверждают и согласием своим все и каждое мое слово подтверждают. Нечего было тогда межевщику делать. Взбесился он и сердился и не понимал, как это так у нас согласно, и что я ни скажу, так все за то умереть готовы и не только свои, но и посторонние в голоса и то же подтверждали и кричали только, чтоб господин межевщик изволил приказать писать все, что я ни буду говорить.

– Боже мой! – закричал он. – Что это за диковинка? Можно ль было сие думать и сего ожидать? Да долго ли, скажите пожалуйте, этого будет? Это целая Библия!

– Как быть! – отвечал я. – Библия ли не Библия да надобна.

Что касается до пьяницы подьячего, так этот своим мурчаньем и ворчаньем мне, как горькая редька, надоел. Однако я сносил уже сие с терпением и давал ему волю мурчать, а только бы писал.

Рыбин же, стоя и головою только покачивая, говорил: «Ой, ой, ой, ой, ой, ой!» Но я себе на уме: что ты ни думай, но твое до тебя доходит, а мы делаем что надобно. Да и подлинно он в такое замешательство и нестроение приведен был, что на все мои объявления и слова не мог найтить ни одного слова, но приступал только к землемеру с просьбою, чтобы он от меня ничего не принимал; но я его так загонял, что он на него опрокидывался, говоря, что ему того не принять никак не можно.

Но как бы то ни было, однако, дело по желанию моему кончилось и записано было в полевой журнал все, что душе моей было угодно, хотя, правду сказать, я сам уже устал сказывая, что писать. Но зато и узел был завязан такой, что господин *Пашков* не в силах был развязать оной. А на г. *Рыбина* надета была такая уздечка, что он с того времени принужден был плясать по моей дудке и прыгать, как я велю и прикажу.

Более всего смяло и пужало их то, что я в предосторожность, чтоб не могли они сшильничать и в полевой записке чего переменить, согласил всех своих товарищей приложить к записке сей лично свои руки, а потом заставил уже прикладывать поверенных, а потом все листы мы перемети-ли и я своею рукою по листам скрепил.

Итак, кроме великаго числа поверенных, одних благородных людей более 20-ти человек оной своими подписками утвердили. А все сие до того землемера довело, что он тогда публично сказал, что нечего теперь господину *Пашкову* делать и что он счастлив будет, если у него и всего не отымут.

Одним словом, спор сей был мастерской и столь важной, что во всех наших увеличил вдесятеро больше то хорошее мнение, которое все они до того времени обо мне возымели. Уши мои не успевали тогда выслушивать похвалы и благодарения, от всех мне приносимыя. «Батюшка ты наш, – твердили только все, – и Сам Бог тебя к нам принес!» Но ничто мне так не было чувствительно и приятно, как то, что многие, в том числе и самые противники, до того доведены были, что от радости плакали и твердили только: «Помилует его Бог! Кабы не он, ну пропали бы мы и нечего б де-лать!»

Но мне время возвратиться к продолжению повествования.

После сего происшествия немного уже мы в тот день межевали, ибо спор мой и прикладывание рук продолжилось так долго, что не успели мы сажен 300 отойтить, как стало смеркаться, и притом всходить такая туча, что всякой должен был искать себе убежища. Итак, спешили мы скорее окончить. И тогда в один миг пролился такой дождь, что не осталось на нас сухой почти нитки и более оттого, что лагерь наш для воды остался на том же месте, где мы прежде ночевали, и в него не могли мы скоро доехать.

К вящему несчастию, не привезена была тогда еще и палатка. Итак, покуда привезли ее, покуда поставили, до тех (пор) благополучно мы все обмокли. Но как говорится в пословице, что на людях и смерть красна,

то и мы невзгоду сию перенесли с терпением и шутили только друг над другом, а особливо будучи все от хорошаго успеха в удовольствии. Но за претерпение от дождя отдохнули мы уже ввечеру, осушились и обогрелись при раскладенных огнях и, поужинав опять с удовольствием, провели ночь с покоем.

Что касается до межевщика, то сей бедняк в досаде, горести и замешательстве, вместе с поверенным *Рыбиным*, принуждены были от дождя спасения себе искать у стога и провели ночь в великом безпокойстве и сомнении.

Сим кончился сей достопамятной день, и случившаяся при начале сего межеванья с нами помянутая буря с пресильным дождем была равно как предвозвестницею, что начатое наше дело с Пашковым впоследствии своем будет бурное и со многими безпокойствами и с безчисленными хлопотами сопряженное. Но тогда и на ум не приходило нам сие заметить, а мы считали сие случайным натуральным происшествием.

С сим окончу я и сие мое письмо и скажу, что я есмь ваш и прочее.

(Декабря 21-го дня 1808 года).

НОВОЕ ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО РЫБИНА

Письмо 165-е

Любезный приятель!

Описав вам в предследующем письме первой достопамятной день нашего межеванья, пойду теперь далее и разскажу, что происходило во второй.

Не сомневался я нимало, что в ночь под сие число у межевщика с Рыбиным происходить будут многия совещания и разныя выдумки, и в том не обманулся. Но как им будущие мои намерения были неизвестны, и оба они, по счастию, были люди не очень хитрые, то и не имел я причины опасаться от них многаго. Однако, видя уже от них злоковарный поиск, взял предосторожность и взбудоражил всех наших еще до света, чтоб поспеть на межу, как можно ранее и не дать времени межевщику что-нибудь схитрить и предосудительное сделать.

Итак, приехали мы к тому месту, где кончили, очень рано и прежде еще межевщика и увидели *Рыбина*, разъезжающего по степи и приискивающего вновь места, куда ему вести отвод свой. Я безсомненно думал, что он держаться будет вчерашняго своего намерения и поведет нас на верховье речки Караваенки и назовет ее вершиною Пандинскою; и догадка моя подтвердилась, когда увидел я, что он с того места, где мы остановились, сделал поворот еще вправо, нацелив на верховье речки Караваенки. Почему и начали мы в сей день межевать спокойнейшим образом, и я помышлял только о том, как бы оспорить оную речку и выбрать приличное место для приурочивания стариннаго Сухотинскаго отвода. В сих помышлениях едем мы да едем с межевщиком и смотрим, куда выведет нас *Рыбин*. Но сколь мало я тогда знал, что готовился и делался тогда новой злоковарный поиск и такое новое помешательство, которое я всего меньше мог предвидеть, ибо после узнал я, что Рыбин с господином межевщиком провели минувшую ночь далеко не столь спокойно, как мы, и я в прошедший день их так загонял и в такой завел лабиринт замешательств, что они во всю ночь почти не спали, а все думали, советовали и помышляли о том, как быть, что делать и чем исправить и полечить испорченное мною их дело? Но, по счастию нашему, не было из всех их ни одного такого остряка, которой мог бы в сем случае сделать разумной переворот и поправить как-нибудь дело. Результатом или следствием всех их размышлений и советов было новое, но такое предприятие, которое вместо того, чтоб дело, по их мнению, исправить, оное еще более испортило, а именно.

Не знаю кто-то из них присоветовал им лучше уже признаться в том, что они много своей дачи выпустили и не пошли на Панду, и иттить уже на речку Караваенку и назвать ее Караваенкою, а не Пандою, как они хотели прежде. Ибо они могли уже предусматривать, что я не премину их в том оспорить, и потому, боясь, чтоб им не спутаться еще более, Рыбин, встав еще до света, ездил осматривать речку Караваенку и приискивал отвершек при устье оной, при котором бы перевесть ему чрез сию речку всходствие выписи. И дело было бы еще несколько ладно, если б не сделал он и тут еще новой ошибки и погрешности. На объезде его попадись ему на глаза тут несколько курганов, и нелегкая догадала его восхотеть ими воспользоваться и привесть сперва отвод свой на них и назвать их писцовыми и упомянутыми в отказных его книгах, а от них уже повернуть на помянутое устье.

Всего того я не знал и не ведал и всего меньше подозревал, что у него переменено уже намерение. Почему не могу изобразить, сколь в великую разстройку мыслей пришел я, как вдруг линия окончилась на курганах и *Рыбин* стал записывать, что сии четыре кургана писцовые и что он с сего места идет на речку Караваенку. «Ба! – воскликнул я тогда. – Что это такое? Это что-то новое и неожидаемое!» Все товарищи мои онемели и пришли в великое смятение и трусость. Они приступали ко мне, как к единой своей надежде и опоре, и шептали, спрашивая, как быть и что делать? Но мне не до того было, чтоб им отвечать; а занят был множеством мыслей и, поразившись таким неожидаемым случаем, недолго мешкал и давно уже помышлял о том, как бы из сего сумнительного обстоятельства выдраться и обратить собственное оружие *Рыбина* против самого его и его не только более еще спутать, но накинуть на него новой о́сел. И как я в таких случаях скор, то в один миг было у меня все придумано и расположено как быть и что делать, и я спешил уже иттить записывать против Рыбина, что надобно. Чего ради, не внимая спрашивающих меня наперерыв друг пред другом наших союзников, продирался сквозь толпу, говоря только: «Пожалуйте не безпокойтесь! Все это ничего и для нас же еще лучше!» И продравшись с астролябией, выслушал, что Рыбин написал, и потом дал знак, чтоб все замолчали, не шумели и не мешали мне говорить, что надобно. Вмиг тогда сделалось безмолвие и тишина совершенная. И я думаю, что ратники военачальнику своему не бывают так послушны, как были тогда все мои союзники. Не успел я вымолвить слова, как все онемели и в один миг обступили кругом, и, сделавши опять круг, протянули уши слушать, что я говорить стану.

Я опроверг тогда его показание и сказал, что курганы сии отнюдь не писцовые, а простые, каковыми вся тамошняя степь наполнена; что отвода *Сухотина* никогда на сие место не было; что Рыбин, видя изобличенную мною его несправедливость и упущение земли, теперь сам в том признается и тем справедливость нашего объявления доказывает; что вчера вел он сюда и называл находящуюся впереди речку не *Караваенкою*, а *Пандою*, а теперь по нашему уже показанию называет ее Караваенкою, дабы тем прикрыть свою несправедливость, но что сие уже поздно и так далее.

Все сие смутило вновь *Рыбина* и привело в такую разстройку, что он не знал, что делать и не мог вымолвить ни слова. Он охал только и качал головою, видя, что ему со мною не сладить и что все им затеваемое я в

один (миг) разрушаю и обращая в вящее зло, привожу самого его в сущее замешательство. И как смятение его было слишком очевидно, то нельзя довольно изобразить, как радовались тогда все наши, и с каким восхищением поднимали его на смех и приступали к нему, говоря: «Ну-ка, ну-ка! господин Рыбин, ступай-ка, куда теперь поведешь, куда поплывешь?» и так далее... Горе тогда было бедному Рыбину. Он мялся, вертелся и, прикрывая стыд свой смехом, твердил только: «Что с вами, господами, делать? Не дадут-таки на синь порох опереться. Куда ни поди, так все не так!»

Между тем приступал к нему межевщик и говорил, чтобы он продолжал отвод свой и вел далее. Я хотя уже предвидел, что он поведет не на верховое речки Караваенки, а хватит влево, в наши земли, и приведет на которой-нибудь из впадающих в Караваенку с левой стороны отвершков; но как их было много, то не знал, на которой он поведет, и боялся, чтоб он, окаянной, не выбрал к тому самой дальний и не прихватил бы чрез то в отвод свой множество караваенских пашен. Страх мой был и не без основания. Рыбин в самом деле стал вешить линию очень далеко влево и так, что я не мог уже никак сомневаться, что он пойдет на отвершек дальний и захватит множество пашен, к великому вреду и предосуждению караваенских жителей. Досадно мне сие неведомо как было и новое смущение на меня напало. Хотелось мне как-нибудь его от пашен отвести, дабы чрез то не связать спором нашей дачи с его отводом и чрез то не подвергнуть всей оной опасности, что составляло наиважнейший для меня пункт; но я не находил почти способа.

Не в меньшее смятение пришли и товарищи мои, а всех более караваенские жители. Сии трепетали уже от страха, чтоб не потерять всех своих пашен, и приступали ко мне без умолку, говоря:

– Куда же он, батюшка, идет? Ведь вот тут уже близехонько наши пашни – погубит он нас!

– Молчите, ради Бога – говорил я им, – дайте время, я его тотчас спутаю, а теперь мне его унять не можно. Разберите сами, ведь мне не сказать же ему: не ходи туда, это наши пашни! Он ведь тому и рад будет и нарочно еще в них пойдет.

Что касается до прочих господ, то сии приступали ко мне, говоря:

– Пора, пора называть государевою землею!

Досадно мне тогда было, что они, трусили, говорили, сами не зная что, и смотрели только на настоящее, а предбудущее забывали.

– Пожалуйте, – говорил я им, – дайте мне волю, я уже знаю, когда назвать, а то не устать сказать, да после будет хуже. Надобно всякое дело делать с разсмотрением.

Сим отбоярил я их и заставил молчать до тех пор, покуда мы, идучи за Рыбиным, миновали первой и самой крайний отвершек, которой миновать мне для того хотелось, чтоб мог он для самих нас после служить в пользу, и нам можно б было на него отвод свой вывесть, чего господа наши не предусматривали, для которой причины и дал я ему, Рыбину, волю вести, как он хочет. Но, чтоб лучше предуготовить для себя что надобно и чтоб удобнее принудить Рыбина повернуть от пашен прочь, употребил я хитрость, а именно притворился, будто я крайне досадую, что Рыбин далеко ведет, и в пыхах подошед к межевщику, сказал ему: «Вот, Иван Петрович, вы говорите и просите, чтоб нам развестись полюбовно, но смотрите, можно ли с таким человеком разводиться? Ну куда его дьявол ведет? И можно ли будет потом сладить, когда он сам дело час от часу портит и так делает, что нельзя будет после и мириться». Сим убаял я межевщика и довел до того, что он сам стал на Рыбина сердиться и досадовать, что он забирает далеко в левую сторону. А сие было мне и надобно, ибо я нарочно и старался клеить все дело так, чтоб межевщик безпрестанно надеялся и не сомневался в том, что мы помиримся, и для того сам помогал бы нам, не знаючи, в нашем деле. «Так, так, – отвечал он мне, – вижу я сам, что он дурно делает, но что мне с ним делать? Не слушает. Вот и теперь вон где чорт его носит!»

Ибо надобно знать, что Рыбин в то время находился верхом впереди и устанавливал вехи.

Предуготовив сим образом межевщика и поравняясь против помянутаго надобного мне отвершка, судил я, что уже время начинать играть давно приготовленную нами, и межевщиком и Рыбиным всего меньше предвиденную и ожидаемую, комедию. «Стой! – закричал я и, подбежав к межевщику, сурьезным видом начал говорить. – Господин землемер, я прошу вас на сем месте остановиться и принять от нас объявление».

Удивился тогда землемер и не знал, что это значит, однако принужден был остановиться и спрашивал нас, что мы объявить хотим? Но я просил, чтоб он наперед записал на сем месте по линии меру и означил бы сие место в натуре пунктом и признаком, а потом мы уже и скажем что на-

добно. Все сие было для него неразрешимою загадкою, но нечего было ему делать, принужден был исполнить по нашему требованию.

И тогда, собрав опять круг, начал я говорить и вписывать в полевую записку, «что на сем месте старинной отвод *Сухотина* с левой стороны вышел и нынешний Рыбина несправедливой отвод пресекает, и что, следовательно, на сем месте упускаемая им земля в левой стороне кончилась, а впереди направо и налево начинается государственная дикопоросшая и за отводом *Сухотина* оставшаяся земля, которую ныне Рыбин отводом своим прихватывает; и потому основательность вчерашняго нашего сомнения теперь оказалась сама собою».

В сих немногих словах состояло все наше объявление; но сколь их было немного, столь, напротив того, составляли они великую важность и такой завязали узел, которой *Рыбин* со всею своею хитростью развязать далеко был не в состоянии и которой для г. *Пашкова* был всего предосудительнее и вреднее. Межевщик онемел, сие услышав, но помочь ему было не можно. Он кликал и кричал, чтоб ехал скорей Рыбин, а сей, приехав, помертвел, узнав о нашем объявлении. Он так спутался и в такое пришел смятение, что не знал, что говорить; а межевщик, отозвав его к стороне, вслух начал его тазать. «Дурно, дурно! – говорил он ему. – Что ты теперь наделал? Куда ты забрел? Куда занесла тебя нелегкая? Чем теперь пособишь? Ведь я тебе говорил: не захватывай много! И вот до чего ты теперь довел!» и так далее.

Сие *Рыбина* еще пуще смутило, и как он в таких случаях был очень труслив и нерасторопен, а притом увидел над собою великую беду и всему делу своему наивеличайший и опаснейший подрыв, то, без памяти схватя веху, жалостным образом мне сказал: «Ну, сударь, так я поверну и поведу туда, куда сами вы прикажете», – и хотел сделать на самом том месте поворот. «Нет, нет! – закричали мы тогда все. – Веди, куда ты вел, и не снимай вех. Теперь тебе уже можно поворачивать, когда мы тебе сказали. Линия-то твоя записана, и ты отойди хотя сажень, и тогда поворачивай, а теперь мы тебе не дадим». Он стал было спорить, но я, увидев, что он со страху хочет сворачивать вкруто вправо и привесть на самой тот отвершек, которой я для себя назначил, стал усиливаться и довел до того, что он, отошед еще сажен со сто, и тогда повернул уже на первой отвершек, какой ему тут вблизи первой повстречался.

Сим образом удалось мне не допустить его до пашен, на сей стороне Караваенки находившихся, и достичь до желаемаго мною намерения. Он пришел к речке Караваенке подле отвершка, но версты с три или более выше того места, где я сначала думал и боялся, что он выйдет. Однако я и тут оспорил и записал, что это не писцовое устье вершинки, впадающей в речку Караваенку, а писцовое находится еще выше и осталось у нас позади.

Заведя его в сие место, не имел я уже причины опасаться, что он прихватит много наших пашен за речкою, потому что с сего места, идучи вперед до самой речки Паники, не долженствовало ему захватывать ни единой вершинки; а когда бы он захотел иттить прямо чрез поля, то принужден бы уже был переходить множество находящихся впереди вершин и буераков, что совсем не согласно было бы с его отказными книгами. Итак, отлегнуло тогда у меня на сердце, и я, смеючись, говорил уже ему, чтоб он вел куда хочет, и хотя бы все поля прихватывал. Но он сам признавался, что ему для буераков и оврагов прямо иттить нельзя, но должен поворачивать вкруто направо и все их обходить.

Однако сколь много он ни повернул, но нельзя было ему миновать, чтоб не захватить нескольких пашен караваенских и большую часть их стогов и сенокосов. И тут-то смешно было и мило слышать, как самые хозяева отпирались от своих стогов и пашен с хлебом. Не успел он перейтить речку, как и пошли уже по пашне караваенского однодворца, которой сам тут был поверенным. Так случилось, что межевщик у самого его стал спрашивать: «Чье это просо?» Но он говорил, что не знает, что земля эта казенная, а кто ее пахал и сеял – не знает, не ведает. У другого насеяна была репа. Все пошли по ней и начали дергать. Хозяин был тут же, вздыхал только и нам шептал, что репа его, а межевщику вслух и от пашни, и от репы отпирался. Третьего горох подвержен был такому ж жребию, но он ни слова не сказал, но сам еще толочил и рвал, как бы не свой. Вот какое удивительное было согласие и сколь великое моим советам последование!

Признаюсь, что я был тем неведомо как доволен и не мог довольно налюбоваться тому, как все усердствовали и как единодушно за одно стояли и межевщику только и говорили, чтоб он изволил у самих стогов и пашен спрашивать, чьи они. Бесился тогда межевщик, а *Рыбин*, едучи верхом, только пожимал плечами и, охая, говорил: «Боже мой! Кто этова

чаял и кто мог предвидеть? От своей-ста земли отпираются! Слыханная ли беда!» – «Но добро, друг мой! – думал я сам в себе тогда. – И поневоле волосы вянут, когда за них тянут. Нужда велит и свое называть чужим, когда, малое потеряв, большое сохранить можно».

Таким образом вел Рыбин нас не малое разстояние, и мы твердили только одно да одно, а именно: что направо и налево государева земля. Наконец случилось г. *Рыбину,* или показалось, что прихватывает наших земель мало, и для того догадало его повернуть влево. Я молчал и дал ему волю, а внутренно только радовался, видя что, сделав сей поворот, зайдет он непременно в находящийся впереди буерак и чрез то попадется мне в новую петлю. Как я думал, так и сделалось. Он забрел благополучно в верховье одного буерака, и я, будучи тому рад, опять закричал: «Стой! Извольте господин землемер записать сию вершинку, которая служит достоверным и новым доказательством, что *Рыбин* не по тому месту ведет, где был отвод *Сухотина*, которой никакой вершинки не переходил». Досадно тогда неведомо как было межевщику, но нечего было делать, принужден был записать и сам признаться, что эта вершина, хотя помертвевший и великую свою погрешность усмотревший *Рыбин* и старался всеми образами утвердить, что это так, только лощинка. Но можно ль было нас ему переспорить? Мы въявь уже ему хохотали и тем в такое смятение и замешательство привели, что он не знал что делать и принужден был признаться, что ошибся.

Мы нашли на сем месте стан свой уже расположенный, и для того уговорили межевщика, чтоб на сем месте обедать. Покуда варили есть, покуда приготовляли и стряпали, началась в обществе нашем изрядная уже комедия. Старичок наш, господин подполковник *Свитин*, мало-помалу начинал сердиться, для чего дозволили мы и пустили межевщика иттить чрез его пашни и сенокос? Смешно было и утешно смотреть на сего милого старика. Тогда, когда шли, ничего он не говорил, а когда миновало все, то начал твердить и сердиться, но сердиться так, что всякий ему только что смеялся. Нашлись тотчас скалозубы, которые начали его подтруниватьи пуще задорить. Другие же, напротив того, уверяли, что так необходимо было надобно. Сперва досадно было самому мне, что он сердится, и для того, отозвав его к стороне, привел тотчас его в разсудок и до того довел, что он сам признавался, что не пустить было не можно, и благодарил еще меня, что так сделал. Но не успел я от него отстать, как в один

миг начинал он опять тужить и досадовать и врать такую чепуху, что со смеху каждому надседаться надлежало. «Ну, зачем, зачем, – говорил он, – нелегкая его сюда занесла, этого проклятаго Рыбина? Изволь себе смотреть!.. Дали мошеннику волю, а он и чорт знает куда готов был завесть!» – «Да умилосердись, Василий Кузьмич! – говорили мы ему. – Каким же бы образом не пустить его можно было?» – «Да, да! – ответствовал он, от часу разгорячаясь более. – Каким образом!.. Я бы-таки не пустил, не пустил-таки бы. Пошел прочь, сказал бы ему.Пошел к чорту! Пошел к сатане! Пошел к дьяволу! Пошел к нелегкой болести и с боярином-то своим, жидом, окаёмом таким же плутом, каков ты сам! Вам мало, сказал бы я, с плешивым-то боярином твоим всего света будет! Возьмите себе весь свет, возьмите солнце, возьмите месяц, звезды и небеса-та себе во владение!.. А то вот, вот куда занесла их сатана, куда занесла нелегкая!..» и так далее. И когда он сим образом разгорячится, то никто уже с ним не говори и не представляй никаких резонов. «Да умилосердись, одни ли твои пашни? – говорили мы. – Твоих и двух десятин не отошло, но для чего же другие все молчат?» – «Да, да! – опрокидываясь он на нас, подхватывал. – Хорошо тому молчать и хи, хи, хи, хи, хи! У кого ничего не отошло, а у меня, бедного, все сенокосы отъехали» (хотя в самом деле ничего не бывало, а и у него стожка два только отошло, но ему в сердцах уже так казалось). Одним словом, нечего было нам с ним более говорить. Мы со смеху только надседались его сердцу и удивительным размашкам. Да не только мы, но и все мужики смеялись уже его глупости и безразсудку. Но что же! Иногда сердится, сердится, да и сам захохочет с нами, и тогда у нас миры и лады. Коротко, он сделался у нас шутиком и комедиантом и увеселял чрезвычайным образом всю нашу компанию.

По изготовлении кушанья, не преминули мы пригласить межевщика и убедить опять просьбою, чтоб он с нами обедал, ведая, что у него, кроме ржавой ветчины, ничего иного не было. После обеда, как надлежало начинать межевать, то нашли мы *Рыбина* в таком замешательстве, что я, пользуясь сим случаем, мог из него то делать, что мне было угодно, и он был у меня как рыбка на удочке: куда потяну туда и шел. Довольно ли, что я его до того довел, что он отвод свой располагал по моему хотению. Скажу ему: «Слушай, *Рыбин*, веху ты эту не так поставил, отнеси ее вправо». Он, бедняк, и велит ее перенесть. «Нет, мало, – скажу ему, – бери еще вправо, относи далее!» Он то и делает, а как скоро начнет говорить: «Довольно, су-

дарь, довольно!», так тотчас скажу: «Нет, мало! И если еще не перенесешь, так тебе же хуже будет, ведь ты ведаешь, что на тебе о сел, так берегись. Я тебе сказываю: чем далее возьмешь ты влево, тем хуже после для тебя будет». Сим и подобным сему приведу его в такой страх, что опять послушается и перенесет веху и потом честью просит, говоря, что «полно», и я послушаюсь и скажу: «Ну! ну!» Слыхано ли когда такое межеванье? Он спорной отвод делал, а я ему указывал.

Сим образом продолжали мы иттить без дальних остановок. И наше счастие было, что никаких остановок не было, и что успели мы сим образом в один день пройтить множество верст и миновать почти всю нашу землю, и что *Рыбин* не имел времени видеться со своим господином и рассказать ему обо всем происходившем, а то бы, верно, что-нибудь другое вышло. Все небольшия остановки делались только тогда, как случалось линии переходить какую-нибудь дорогу и межевщику по долгу его надлежало их записывать. Но тут опять выходило смешное. У кого он из наших жителей ни начинал об них спрашивать, но никто не хотел ему сказывать: осторожность всех наших так была велика, что они без меня не хотели ничего ему сказывать и лучше хотели отзываться незнанием, нежели проболтаться. Межевщика сие неведомо как бесило: «Боже мой! – восклицал только он. – Что это за народ, о чем ни спросишь, ничего не знают! Ну, просите сюда Андрея Тимофеевича!» Но ко мне и без его призыва во всех таких случаях прибегали тотчас многие и сказывали, что межевщик остановился и спрашивает, какая дорога и что прикажу я ему сказать? Мила мне была таковая всех их на меня надежда, и я смеялся, что они доводили ее уже до чрезвычайности, и, смеючись, приказывал им сказывать какая, или сам, подъехав и у них же спросив, удовлетворял межевщика. Несколько раз случилось сие происшествие, и усердие всех наших было так велико, что во всякое время человек пять и без приказания моего шли, они ехали подле межевщика и примечали все его движения. И не успевал он где на минуту остановиться, как вмиг прибегали ко мне, едущему стороною, и сказывали: «Андрей Тимофеевич! Андрей Тимофеевич! Межевщик остановился, извольте, сударь, посмотреть».

Под вечер, наконец, дошло дело и до пашен, принадлежащих деревне нашей Болотовке. *Рыбин* хотя бы и усердно хотел их обойтить, но ему нельзя было, чтоб не перейтить несколько оных, ибо без того не можно б было ему попасть на верховья речки Паники. Соседи мои последовали

примеру прочих и отреклись от своих; но как скоро дошло до моих собственных, то я не находил причины от них отрекаться, но, остановив межевщика, не обинуяся сказал, что эти пашни мои, распаханные в прошлом году из государственной проданной мне земли, которая земля до того времени лежала впусте и не была ни у кого во владении и мне в 1766 году продана, и для владения оного дан мне владенной указ.

Рыбин обрадовался было сперва, что я назвал своею, но, услышав мое объявление и увидя, что я самое сие в доказательство приводил, что эта земля государственная и не была никогда у *Пашкова* во владении и что все мое объявление подтвердили и засвидетельствовали письменно все наши соседи, и господа и поверенные, пришел в новое замешательство и нестроение, а я чрез то получил то, чего желал, а именно: что моя покупная земля не могла уже после сего пропасть и продажа уничтожиться и что мне ею и впредь, несмотря на сие межеванье, владеть продолжать можно.

После сего начали мы мало-помалу приближаться к речке Панике, о которой я неведомо как безпокоился мыслями, ибо сколь удобно было мне прочие живыя урочища перепутать, столь не удобно, напротив того, спутать сию речку. Уже я неоднократно об ней размышлял, но предусматривал от часу более путаницы и замешательства и не расположился еще в мыслях, что с нею подлинно сделать. Я советовал о том с прочими, но никто не знал, что делать; иной говорил то, иной другое, но все советы ни к чему не годились и приводили только меня в вящее замешательство. Польза наша требовала, чтоб ее уничтожить и сказать, что не эта речка Паника. Но необходимость требовала, чтоб была где-нибудь другая речка Паника, на которую бы нам свой отвод привесть можно было, и чтоб нововыдуманная нами речка согласовалась с прочими писцовыми живыми урочищами; но способной к тому вершины нигде я не находил. Правда, речка сия раздвоилась в своем верховье и была в правой стороне великая вершина, впадающая в сию речку, которую по нужде и думал я назвать ее верховьем; но, по несчастью, сие верховье было несравненно короче настоящаго и потому отвод наш мог бы подвержен быть некоторому сомнительству; а посему и не знал я что делать и к чему приступить лучше.

В сих обстоятельствах взошли мы линиею на курган, неподалеку от обеих сих верховьев находящийся. Тут пришло мне в мысль испытать, не могу ли я *Рыбина* соблазнить и добром убедить к тому, чтоб он шел на конец той вершины, которую я вздумал назвать речкою Паникою; и для

того, увидя, что он с кургана повернул налево и на настоящую Панику, стал ему говорить: «Слушай, *Рыбин*, хочется ли тебе наконец белые столбы ставить и чтоб я перестал спорить и дал тебе далее межевать, как ты хочешь формальною межою?» – «Как, сударь, не хотеть! – отвечал он. – Я бы молебен отслужил, если б только дозволили». – «Когда так, – сказал я далее. – Так пойди не на эту, а вон на ту вершину, так я тебе там и дозволю поставить белой столб, и речка будет безспорною. А здесь, сказываю тебе наперед, что опять будет спор». Обрадовался Рыбин, сие услышав, и как черные столбы и безпрестанной спор ему наскучил, и ему чрезвычайно хотелось белых, то задумался он и едва было едва не согласился. Но както не посмел учинить сего без воли своего господина, и для того упросил межевщика, чтоб на сем месте межу в тот день кончить, а между тем хотел съездить на хутор к *Пашкову* и спросить и надеялся, что он прикажет. «Очень хорошо! – сказал я. – Так поезжай же, не пожалует ли сюда и сам *Петр Егорович*? Дело бы, может бы, лучше было».

Таким образом кончился сей достопамятной день и мы ночевали в расположенном неподалеку от межевщика стане, подле верховья речки Паники. Тут между тем, покуда готовили нам ужин, была у нас опять превеликая комедия с господином *Свитиным*. Он во весь день не преставал сердиться и ворчать; и гнев, и веселье находило на него голоменами. Но ввечеру скалозубы его так раззадорили, что гнев его был уже преужасный и простирался до того, что доставалось и самому мне от него на лапу. Он, ругая всех, не щадил и меня. Да, спасибо, никто не сердился, да и сердиться на такого человека было не можно. Долго мы над ним хохотали; но наконец вздумалось мне с ним сыграть комедию. Я притворился, будто мне ворчанье его досадно и будто я разсердился. Ну-ка я давать на него окрики, а потом, разсердясь будто, пошел прочь и не хотел более иметь никакого дела, а говорил, чтоб он с сего времени сам что знал, то делал и защищал всех. Не успел я сего сделать и отойтить, как приступили к нему скалозубы: «Ну, что ты теперь, *Василий Кузмич*, наделал? – говорили они ему. – И каких бед накутил? Ну, что нам делать, когда Андрей Тимофеевич отступится и от нас уедет? Пропадешь ты, а с тобою вместе и все мы» и так далее. Сперва всё сие его не трогало, но ночью раскаялся наш старик и вздумал меня просить о прощении и уговаривать, чтоб я ему вину отпустил и перестал сердиться, хотя я никогда и не начинал того. И то-то было смешно смотреть, как была у нас мировая и как обрадовался он, услышав,

что я его будто прощаю. Он обнимал меня, целовал в голову и в глаза, и называл неведомо чем, и давал клятвы и обещания быть с того времени спокойным. Однако, обещание сие не более получаса продолжалось, но тотчас взошла на него опять ипохондрия и он пылал уже гневом и досадою на меня и на всё в свете.

Но теперь дозвольте с окончанием повествования о сем кончить и письмо сие, а дальнейшее предоставить письму последующему, и сказать вам, что я есмь и прочее.

(Декабря 22-го дня 1808 года).

РОДИВОН ЧЕРНОЙ

Письмо 166-е

Любезный приятель!

Приступая теперь к описыванию происшествий третьяго дня нашего межеванья, случившагося в 4-е число сентября, начну тем, что мы не сомневались в том, что *Рыбин* уговорит *Пашкова* выехать к нам самому или, по крайней мере, велит вести на помянутую мною вершинку. Однако мы в обоих сих ожиданиях обманулись. Рыбин, возвратившись поутру с хутора, сказал нам, что, вместо всего нами ожидаемаго, боярин его только прибил за то, для чего он, увидев, что мы свою землю называем государевою, не вел он своего отвода по самые дворы наши, говоря: пускай же бы они всю свою землю называли государевою. Сего, как выше упомянуто, боялся я и сам неведомо как и в отвращение всего того и принужден был употреблять тогда и волчий рот, и лисий хвост, и не только дивился, но и благодарил Бога, что не пришло сего ни *Рыбину*, ни межевщику в голову, и что бы им легко можно было сделать. Однако дело сие и вся опасность благополучно и, к крайнему моему удовольствию, миновалась и весь гнев *Пашкова* был уже поздний и тщетной: отрезанный от хлеба ломоть приставить было уже не можно и случай был упущен. Мы смеялись уже тому тогда и радовались, что так сделалось и что Рыбин дал себя мне поводить, как рыбку на удочке. А то в самом деле было б нам тошно лихо, если бы догадался он и повел далее влево к нашим деревням. Мы принуждены б

были называть и родныя наши земли государевою землею, или, по крайней мере, связать свою дачу с его спором, и претерпели бы от того ужасное зло и убыток. А тогда удалось нам откататься, как лисице от охотников и собак, не потеряв более 50 или 60 десятин пашни, но о которых никто и не охнул. Сей случай доказал тогда всем нашим, сколь великое, хитрое и преполезное для всех дело я сделал. Боже мой! Сколь многия приносимы мне были тогда благодарения и сколь многими осыпали меня все похвалами! Куда и к кому я ни обращался, всякой благословлял только меня и желал, чтоб дал мне Бог здоровье и прочее.

Признаюсь, что приятно было мне все сие слышать и что чувствовал я от того то неоцененное удовольствие, которое может иметь человек, делая добро людям.

Но я пойду далее. Господин Пашков, услышав, что всему неудачному его межеванью был не кто иной, как только один я причиною, досадовал на меня чрезвычайно и не смога в рога, вздумал мне мстить такою местью, которой я только смеялся, а именно: он велел поверенному своему внесть в полевую записку возражение на меня, что я вышеупомянутую землю распахал будто бы в его дачах и без всякаго канцелярскаго отвода. Межевщик по простоте своей за сие и уцепился; но я в один миг все их замыслы в ничто обратил, записав, что мне канцелярскаго отвода было и не надобно, но что мне по силе указа велено самому взять во владение и владеть до прибытия землемеров. Итак, возражение Пашкова сделалось одним только пустословием, и мы тому только смеялись.

Поболтавши сим образом немного, начали мы межевать. Рыбин повел на свою вершину и извинялся, что ему так неотменно приказал господин его. И спасибо, что он не велел иттить, куда я требовал. После увидел я, что для меня было бы хуже, если б он туда пошел. Но тогда, не предвидев будущаго, чувствовал я некоторую досаду и положил, что ни будет, а речку наудачу оспорить, и помышлял уже о том, что сказать, когда придем к речке.

Как разстояние от кургана до верховья речки Паники было не велико, то дошли мы скоро до онаго. Пришедши туда, дал я, по обыкновению моему, волю Рыбину говорить и называть все, как хочет, а сам не говорил до времени ни одного слова. Сие место было пограничным трем дачам, то есть нашей, Пашковской и тамбовца *Луки Чернаго*, и я не сомневался, что Рыбин, назвав сию речку *Паникою*, скажет, что с сего места начинается

направо и налево земля *Чернаго*, и что он повернет отвод свой вправо на Козьи-рожки, так как сказано в отказных книгах. Но сколь я удивился, услышав от него совсем противное, а именно: он, назвав сие место верховьем речки Паники, объявил только о правой стороне, что тут начинается земля *Родивона Чернаго*, но которую продал он его помещику, и что он с сего места поведет вниз по речке Панике по полюбовному с ним, *Черным*, разводу и по силе купчей, а влево-де за речкою земля шадских помещиков. Оба сии обстоятельства были мною непредвидимы, и я чрезвычайно обрадовался, увидев, что он самым тем новой великой и для нас весьма полезной болтун и погрешность сделал; ибо чрез то подал мне сам на себя оружие и легчайший способ связать и купленную им у *Чернаго* землю с нашим спором, а потом испортить отвод и Черновской дачи, которой меня всего более безпокоил, ибо он назвал левую сторону неправильно и, вместо того, чтоб назвать землею *Чернаго*, назвал нашею.

После Рыбина надлежало говорить самому помещику той земли, а именно *Родивону Черному*, но сего фалалея и глупца вовсе тут и в завете не важывалось. Господин *Пашков*, обалахтав сего бедняка и дурака безсовестнейшим на свете образом и имея намерение вместо купленных пяти только четвертей отрезать из его дачи несколько тысяч десятин, и, принудив его пьянаго подписать купчую, в которой сам он не знал, что написано, держал его у себя на хуторе под крылышком, и боясь, чтоб он чего на меже не наболтал на свою шею и не врал, поил его без просыпу с тем намерением, чтоб ему не можно было быть на меже и чтоб ему, *Пашкову*, можно было отрезать сколько хочет и тем, так сказать, плутовским образом похитить множество впусте лежащей земли. Все сие он верно бы и учинил, если б, по его несчастию, не было тут меня как такого человека, которой мог и на то пошел, чтоб все его плутовские замыслы разрушить.

Я в один миг мог все сие предусмотреть и что на уме было у П*ашкова* – догадаться. Но как болтун, учиненный Рыбиным, вспомоществовал мне много к разрушению их замысла, то хотя бы и имел я право требовать, чтоб призван был сам *Черной*, но, боясь, чтоб он не опроверг Рыбина объявления, с умысла ничего не говорил, но дал волю межевщику делать что хочет. Сей же, ведая замыслы и намерения господина *Пашкова,* сделал вид, будто послал солдата за *Черным*, а в полевой записке велел для объявления его оставить место и требовал, чтоб мы свое объявляли.

Объявление наше привело межевщика и Рыбина в новое бешенство. Оно состояло в коротких словах, а именно, что это не речка Паника и что земля направе не *Чернаго*, а налеве не шадских помещиков, а по обеим сторонам казенная дикопоросшая. Речка же Паника находится в отдалении, а сия вершина безымянная, и как называется, не знаем.

Сие незнание всего досаднее было межевщику. Он досадовал, сердился, ярился, но нечего было делать. Он созвал понятых, спрашивал у них, как сия речка называется, но, по счастию нашему, и понятые сказали, что не знают, и отговорились отдаленностью своих жительств. О некоторых из них сказывали нам, что они действительно знали, что сия вершина Паникою называется, но с досады на *Пашкова*, что он их всех поморил с голоду и не давал им ни куска хлеба, не хотели в угодность ему сказывать, а держали лучше нашу сторону.

Все сие еще больше межевщика раздражило; но сколько он ни гневался, но гнев его был в руце Божией и ничего он им не сделал, но принужден был, все сие записав, иттить опять черными спорными столбами. Мы дали ему волю беситься, как он хочет, и дивиться сему непостижимому незнанию и следовали за ним, не говоря ни слова.

Но скоро сделалась было у нас опять тревога. Отошед с версту, попадись Рыбину на глаза за речкою из наших селений какой-то мужик, накладывающий хлеб на телегу: нелегкая его принесла в самое то время туда. Мы хотя накрепко приказывали, чтоб никто на поле не шатался, и посылали нарочных сгонять работающих земледельцев; но сей мужик знать того не ведал и по незнанию приехал. Но как то ни было, но Рыбин, усмотрев сего мужика, подступил к межевщику и стал говорить: «Вот, Иван Петрович, теперь никто и ни один человек не знает, как зовут сию речку, а ежели б запросто спросить, так всякой скажет, что это Паника. Например, вон изволите видеть мужика на той стороне, ежели б и его приказали спросить, так и он верно бы сказал, что это, Паника». Флатирующий въявь *Пашкову*, межевщик тотчас сие слово поймал и сержанту закричал: «Слушай, сержант! Садись скорей на лошадь и поезжай к этому мужику и спроси его, как зовут сию речку и скажи истину. Не позабудь же спросить, чей он, из какой деревни и его имя, и подай мне репорт». По счастию, случилось сие подле одного пункта и мы все лежали тут на траве и слышали сие приказание. Меня тотчас сие тронуло. Я боялся, чтоб мужик в самом деле не проболтался, и досадовал неведомо как на межевщика, что он слишком уже

и въявь похлебствовал Пашкову и, раболепствуя его поверенному, хотел делать то, что делать и законы не велят. Однако дал ему волю окончить свое приказание. Но как скоро сержант в самом деле стал садиться на лошадь, как, лежучи, начал я говорить дружеским образом межевщику: «Не лучше ли это оставить, Иван Петрович! Ведь это пустое будет, и только принудит меня сделать такое объявление, которое самим вам будет дурно и не вкусно. Я сожалея вас говорю». Товарищи мои подхватили мои слова и заревели все, что это противно законам... Бедной межевщик так тогда вструсился, что того момента отменил свое намерение и не велел ездить. Он хорошо сделал, что и не послал, а то бы я того момента на самого бы его протестовал и ему было бы дурно.

Таким образом кончилось сие дело, и господину Рыбину не удалось над нами подхимистить. Но я не думаю, чтоб он много и успел, ибо поверенные наши не успели услышать начала сего дела, как и без приказания нашего спроворили делом и далеко еще прежде сержанта услали двух верховых кругом к мужику, чтоб его остеречь. Сии, приехавши и спросив у мужика, как речку зовут, ну-ка бедняка плетьми за то, на что он ее *Паникою* называет и зачем принесло его теперь за хлебом. Бедному мужику ни за что, ни про что попалось в спину, и он стремглав поскакал с поля. Мы всего сего происшествия не знали не ведали, и после уже, узнав, не могли довольно всему усердию и проворству своих надивиться и их за то расхвалить.

Отошедши две версты с половиною вниз по речке и поровняясь против впадающей с противной стороны в сию речку вершины, остановил Рыбин межевщика и объявил, что с того места в левой стороне начинается земля *Чернаго*. Меня тотчас тогда остановили, бывшего впереди, наши лазутчики, и я, прибежав и услышав сие новое и мною всего меньше ожидаемое объявление, пришел в превеликое замешательство и не знал, как поступить при сем случае. Но чтоб выиграть несколько времени на размышление, вздумал теперь воспользоваться отсутствием *Чернаго* и сказал межевщику, что я прежде о сей земле ничего не скажу, покуда не явится сам *Черной*, как объявленной помещик той земли, и не объявит сам об ней. Я удивился, увидя, что сие межевщику было досадно. Он, несмотря на сие, принуждал нас объявлять и спешил иттить далее. Но чем больше он усиливался, тем более стал и я противоборствовать, возымея подозрение, что у них кроется под тем какое-нибудь злое намерение. Итак, дошло у нас

скоро дело до превеликаго спора. Он хотел иттить и иттить без *Чернаго*, а мы не хотели и принуждали, чтоб он послал за ним. «Я уже послал, – говорил он. – Но что мне делать, когда он не едет? Мне не ждать же его здесь?!» – «Конечно, ждать! – говорю я. – Вам без него иттить не можно, если по одной повестке не будет, пошлите другую с понятыми, пошлите третью, и он должен быть». – «Но, ну, как болен! Ну, как его дома нет!» – говорил он.

«Это еще не известно – отвечал я, – может быть, не болен, может быть, и дома. Да хотя б и болен, так повереннаго присылай; что он за боярин?» Видит межевщик, что дурно и что мы стоим крепко, и не зная уже, чем нас преодолеть, стал говорить, что ему на межу и явиться не можно. «Да для чего ж такого?» – спросил я. «Он подал мне объявление, – сказал межевщик, что на межу он выехать опасается». – «Очень хорошо! – сказал я. – Это новое нечто и неслыханное! Да кого он опасается? Разве нас, так мы его не съедим. Да пожалуйте-ка покажите, что это за объявление?» Межевщик тотчас велел подать. Вздурился я, оное увидев и нашед в нем новое и неожидаемое шильничество, а именно, чтоб не допустить *Родивона Чернаго* на межу, выдумали они с Пашковым вот какое плутовское дело: написали сами объявление, будто какой-то дьявол однодворец сказывал Черному, что грозятся застрелить его люди *Ивана Яковлевича Сабурова* и господина *Масалова*, а потому, чтоб не поставили ему в вину, если он не скоро на межу явится, и напоив пьяным, велели Черному подписаться и берегли его до сего времени. «Очень хорошо! – с превеликим сердцем начал я говорить. – Да есть ли закон принимать такия неосновательныя объявления и притом писать их самому вашему подьячему? Мне кажется, и закона на это нет и это уже явное мытарство! Не прогневайтесь, господин землемер! Это не годится и дурно! И теперь вижу я, что нарочно его сокрыть хотят!.. Так сказываю, что готов здесь неделю жить, а с места без Черного не пойду! Да к тому ж и он в объявлении пишет, что он явится, но только не скоро; так извольте-ка послать, а мы уже возьмем труд его подождать и не поскучим». Нечего тогда было межевщику делать, хоть не хотелось, но принужден был посылать солдата и остановиться на том месте обедать. И досада его на нас так была велика, что он не пошел к нам и обедать, как ни старались мы его уговаривать.

Как стан наш находился от того места с полверсты и мы боялись, чтоб межевщик без нас чего не наделал, то обед наш в сей день был скоропо-

стижной; однако мы пообедали как надобно, ибо хотя случился тогда и постной день, но у нас всего было наварено и всего настряпано довольно и рыбы великое множество. Во время обеда имели мы свой последний совет о том, что нам делать. И как мне самое то место показалось очень кстати, где Рыбин остановился, чтоб назвать сие место *Долгою Яругою,* то и разсудили за благо в сем месте спор свой кончить и дать ему иттить далее белыми столбами. Я представил причины моим товарищам, и все были согласны, тем паче что многим, а особливо отдаленным господам, полевая наша жизнь уже наскучила и они давно уже желали, чтоб я развязал и распустил всех по домам, а особливо их, не имеющих дела.

Таким образом, с общего согласия положили мы на сем месте спор наш кончить; однако, как мне необходимо надобен был Черной, дабы он подтвердил объявление Рыбина, то разсудил я за благо скрыть сие намерение до тех пор, пока не будет Черной. И как я очень боялся, что они усилятся и шильническим образом доведут до того, что он не явится и что можно будет и по закону иттить и без него, а особливо приметив, что, при посылке за Черным солдата, приготовляем был уже подьячим репорт от него для подачи по приезде, и написано было, что он не застал его дома, то, не надеясь силою взять, вздумал воспользоваться сокрытием своего намерения и употребить вместо прежняго волчьяго рта лисий хвост и достичь по крайней мере чрез то до своего намерения.

Всходствие чего, возвратившись к межевщику и к астролябии, не даю я нимало знать, что у меня на уме, но вместо того, подошед к Рыбину, говорю: «Что ж Рыбин, Чернаго-то?» – «Да послали, сударь, да не бывал еще солдат; да где ему быть! Я слышал, что он куда-то далеко уехал». – «Что ты ни говори, – сказал я, – но я прежде с места не пойду, покуда не приедет Черной, и готов хоть целую неделю здесь жить». Между тем пырь посыланной солдат и, по счастию нашему, так, что наши прежде его увидели и о Черном спросили; и он, не ведая ничего, проболтался и сказал, что он застал его дома и что он поехал на хутор к Пашкову. Мы тотчас сие подхватили и разрушили коварные их замыслы, ибо с репортом к солдату хоть и бежали уже навстречу, но всунуть ему его в руки при наших было не можно. Досадно сие было очень межевщику; однако он стал вновь усиливаться, чтоб, не дождавшись Чернаго, иттить далее. Вижу я, что дело дурно и потому тотчас, переменя голос, Рыбину говорю:

«Слушай, Рыбин! Хочешь ли на этом месте белой столб поставить и чтоб мы от тебя отвязались?» – «Как, батюшка, не хотеть, – отвечал он. – Я бы Ивану Великому молебен отслужил, если б это сделалось». И начал мне кланяться: «Пожалуйте, сударь, поезжайте. Право пора домой вам; оставьте нас одних». – «Ну, когда хочешь, – сказал я, – так сейчас родился бы у меня здесь Черной, а без того я не сделаю». Не успел я сего вымолвить, как обрадовался наш Рыбин. «Да сдержите ли вы свое слово, сударь?» – «Конечно, сдержу уж, и даю тебе верное в том слово!» – «Да как же, сударь, вы это сделаете?» – «Уж я знаю как, – говорю ему, – не твое уже то дело. Я сделаю и от моей воли зависит, хочу ли я, или не хочу, чтоб ты белыми столбами отсюда пошел. Ежели велю, так будет, а не захочу – так не бывать».

Стал тогда в пень Рыбин и не только Рыбин, но и сам межевщик, ибо оба они намерения моего не могли проникнуть, которое состояло в том, чтоб их польстить только, дав поставить столба два-три белых, а потом опять испортить и довесть до того, чтоб сии столбы не возымели никакого действия. Но как бы то ни было, но мне удалось чрез сей маневр достичь до своего намерения. Межевщик и Рыбин и верили мне, и не верили; однако принуждены были поверить. И тогда смешно было смотреть, как межевщик засуетился, чтоб как можно скорей достать *Чернаго*. «Посылай, посылай скорее не только солдата, но самого сержанта». И не только сержанта, но и самого подьячего хотел уже посылать и приказывал всеми образами его искать и привесть. Вот как умел я довесть их до того, что они плясали по моей дудке!

Итак, расположились мы ею дожидаться и полеглись на горке на траве. К нам подъехал тут сын господина *Масалова*, и все мы начали друг друга подчивать арбузами, которые за нами продавцы и возили. Истинно, арбузов с 15 мы тогда поели. Всякой хотел подчивать своим и купить на свой кошт для общества, и мы весь пригорок усыпали семенами и корками.

Часа два или более прождали мы тут и пробалагурили. Наконец сказали нам, что господин *Черной* шествует. Я очень любопытен был видеть сего зверя, виновника толь многих зол. «И подлинно Черной!» – воскликнул я, его увидев. И не ошиблись те, которые мне его описывали. Мужичина превеликой, пьяной, разбрюзглой и черной, и не только не походил на дворянина, но ниже на однодворца. И досадовал я, и смеялся, и сожа-

лел, смотря на сего чучелу и видя пред собою простейшаго и глупейшаго человека, прямо достойнаго потомка вора и плута *Луки Чернаго*.

Все встречали его разными насмешками и скалозубничеством, и толпа народа в один миг его окружила. Но я молчал и говорил только в мыслях самому себе: «Боже мой! и этакому глупцу и негодяю хочется таким же образом, как и *Пашкову*, обхватить и обовладеть несколькими тысячами десятин в наилучшем самом месте из всей этой степи, вместо данного конокраду и вору, предку его, самого малого количества, пользуясь мошенническим отводом родни его, *Сухотина*! И с этаким мерзавцем имеет Пашков дело и его всячески обалахтать и всею его землею завладеть старается!» Сим образом помышляя, спешил я приступить и начинать свое дело.

Межевщик тотчас начал спрашивать: его ли на левой стороне начинается земля и так ли объявил Рыбин? Черной, не зная ни уха ни рыла, ухал только, мычал: «Што? Што?» и начал врать нелепую и совсем не то сказывать, о чем его спрашивали. У него затвержена была только наизусть данная предку его от *Сухотина* такая ж мошенническая окружная, и он твердил только: «Моя земля с такого-то урочища по такое-то, и с такого по такое». Рыбин стоял уже у него под бочком и подхватывал каждое слово. Я вижу сие, и как мне хотелось, чтоб Черной сказал точно то же, что Рыбин объявил, следовательно, попались бы оба они в петлю, то дал я ему волю убаивать Черного, и сам еще нарочно подтакивал. Одним словом, долго сие продолжалось, но кончилось тем, что Черный подписался под таким же точно объявлением, какое было и Рыбина; а равномерно вписано было и оставленное прежде в полевой записке место.

Как все по желанию моему кончилось, то погладил я старика по головке и, потрепав по плечу, сказал: «Жаль мне тебя, *Родивон Лукич*, но нечего делать! Не я уже тому виноват, а ты сам, что дал себя обмануть и обалахтать таким людям, которые Бога не боятся, и обалахтали тебя так, что пропадешь ты, как червь капустной. На них, мой друг, жалуйся, а не на нас. А я уже по необходимости делаю». Каков ни пьян был старик, однако слезы покатились у него из глаз при сем моем слове, и он, рыдая, сказал: «Чуть ли не до того доходит, батюшка!»

Я хотел было более поговорить, но Рыбин, подступя ко мне, умиленнейшим образом говорил: «Что ж, батюшка, сдержите ли свое слово?» – «Изволь! – сказал я. – Я тебе докажу, что я честной человек, я как умею дело испортить, так опять и починить!» и пошел к межевщику. Весь на-

род усердно хотел слышать, что я буду говорить, и в один миг составился превеликой круг окрест меня. Тогда я, по обыкновению моему, установившись, как на кафедре, посреди, начал степеннейшим образом подьячему диктовать мое объявление, и как мне нужна была лежащая на противном береге вершина, то просил я межевщика; чтоб он снял наперед румб, на какой простирается оная. Межевщик с охотою меня послушал. И тогда, записав румб, сказал я, «что направо и налево по оную вершину казенная земля кончилась и начинается обведенная в 1722-м году тем же вахмистром *Сухотиным* бывшему тамбовцу *Луке Черному* земля, которая никогда и до издания высочайшаго о размежевании земель манифеста не состояла ни у его, ни у сына его *Родивона Чернаго* во владении и поныне поросла ковылем и лежит впусте».

Легко можно всякому усмотреть, что все сие короткое, но весьма важное объявление свинчено было на шурупах и составлено так, что хотя я и не назвал ее казенною, но в один миг можно было ее обратить и сделать казенною или, лучше, что само она сама собою сделается казенною по тому же пункту Межевой инструкции. Однако всего того ни межевщик, ни поверенной Пашкова усмотреть и скрытой в объявлении моем хитрости проникнуть не могли, но были объявлением моим чрезвычайно довольны, веселились пустяками и хваля меня, что я сдержал свое слово, как честной человек, и что им можно теперь тут белой столб поставить. «Становите себе, – говорил я, – а нам, шадским помещикам, теперь более делать нечего. Мы дело свое кончили, ибо теперь пришел Тамбовской уезд и как хотят тамбовские, а нам более дела нет.

Сим образом кончился наш (спор), и мы, подписавшись, все распрощались с межевщиком, и я распустил всех своих до поры до времени по домам, приказав только, чтоб были они готовыми, когда востребуются и понадобятся опять. Тут началось у нас прощанье и целованье: всякой приносил мне тысячу благодарений и спешил домой. Что касается до Рыбина, то был он чрезвычайно доволен и прыгал с радости, становя белой столб заклейменной и выкапывая яму. А я сам в себе только думал: долго ли то твоя продлится радость и уцелеют ли твои столбики?

Как были тогда почти сумерки, то хотел было и я ехать домой, но г. *Масалов* и друг мой *Иван Яковлевич Сабуров*, имевший сам подле господина Масалова в Тамбовском уезде, неподалеку оттуда деревню, убеждали меня просьбою, чтоб я сделал одолжение и поехал бы ночевать с ними в

оную деревню к г. Масалову и посоветовал бы со стариком и дал наставление, как им быть и что делать, когда межевщик дойдет в последующий день до их земли. Как мне и самому хотелось видеться и познакомиться с старым *Масаловым* и услужить и приятелю моему господину *Сабурову*, а сверх того, в свою деревню ехать было далеко, то охотно я согласился на их просьбу и поехал с ними в Лукино (так называлась их деревня).

У нас начались и дорогою уже советы, и как я увидел, что г. *Сабурову* очень жаль было, что Пашков на пять четвертей отрезывал более двух тысяч десятин и он все еще сомневался в том, что они ему, по уверению моему, не достанутся и что белые его столбы действовать будут мало, потому что все сии две тысячи десятин связаны еще с нашим спором, то хотел я его утешить и сказал, что ежели он хочет, то можно завтра же все дело испортить и заставить их иттить опять черными столбами. Нужно только им, тамбовским обывателям, поступить благоразумно и как надобно. Уцепился тогда и г. Сабуров, и Масалов за меня: скажи я им, как бы им сие дело сделать и как поступить? Почему и начал я еще дорогою вымышлять план сему делу и придумывать все нужное.

Между тем и уже ночью приехали мы к г. Масалову. Сей почтенной и мне до того еще не знакомой человек, бывший некогда тамбовским воеводою, наслышавшись уже довольно обо мне и желавший нетерпеливо меня видеть, рад мне был неведомо как и старался угостить наилучшим образом. Весь вечер проговорили мы и просоветовали, и положили на том, чтоб им по примеру нашему собрать как можно скорей несколько человек тамбовских соседственных дворян и, поутру выехав к межевщику на межу и не допуская еще до своей земли, остановить и назвать то место государевою землею, следовательно, дополнить то, что я в своем объявлении умышленно и для того не дополнил, чтоб не привязать себя и шадских помещиков к тому делу. Расположив все, что надобно, и разослав всюду и всюду людей для созывания дворян, ужинали мы у г. Масалова и ночевали с сыном его в палатке, потому что и они имели тут дом не настоящий, а хуторной.

В последующий день, что было 5 сентября, написал я им поутру, что говорить на меже, и дав полное обо всем наставление, проводил их до самого почти межевщика и, подъезжая, пустил одних воевать, а сам кругом да около доехал степью домой, чтоб не подать вида, что и сей спор происходит от меня. Я не сомневался, что все сделано будет, как надобно, и потому спокойно возвратился домой, и едучи мимо двора господина *Тараковскаго*,

заехал к нему. На дороге встретилась со мною жена г. Сабурова, едущая к нему в Лукино и любопытно желавшая знать, что у нас происходило и теперь происходит. Я разсказал ей в коротких словах, что мы по Шадскому уезду окончили дело свое очень удачно и благополучно, а теперь поехали спорить тамбовские, и что муж ее, г. Сабуров, как уже насмотревшийся на межеванье, ими там предводительствует и теперь спорит, и что я надеюсь на него, что он дела не испортит, поелику я дал ему все нужныя о том, как поступить, наставления. С чем мы с нею и разстались.

Не успел я, приехавши домой, отобедать, как приехали ко мне разсказовские доверенные с просьбою о наставления их, что им делать. Слово за слово, и вдруг сказывают они мне, что они были в сей день на меже. Тогда, любопытствуя очень, спрашивал я у них, что они там видели и не знают ли, что сделалось? И как удивился, что спора межевщик не принял и что они, не останавливаясь, пошли далее белыми столбами, не понимал, что это значило, и обезпокоившись мыслями, с нетерпеливостью дожидался оттуда известия. Однако в тот день не было оттуда ни слуха, ни духа, ни послушания. Итак, пробыл я сей день и ночевал дома. В доследующий день не успел я проснуться, как сказали мне, что дожидается меня староста *Ивана Яковлевича Сабурова*. Я велел тотчас его кликнуть. И каким удивлением поразился, когда он вошел с превеликим унынием и стал говорить мне следующее: «Что, батюшка, без вас все худо! Не успели вы отъехать, как у нас и пошла белиберда!» – «Что такое?» – спросил я его с поспешностью. «Что, батюшка! – сказал он, – Пашков-то выезжал ведь сам и с боярином и Бог знает, имел какую ссору; чуть было не заколол его кортиком, и барин насилу ускакал. Теперь не знает он, что и делать. Послал к вам, батюшка, просить милости, чтоб вы к нему пожаловали и помогли бы ему в его нужде. Они перетрусились все и Бог знает как и не знают теперь что и делать. Но нечего говорить и сами худо наделали». – «Что такое? – спросил я с торопостью. – Разскажи мне для Бога, как происходило все дело и что они там наделали?» Тогда сей весьма неглупой и сам при том бывший мужик разсказал мне все происходившее.

Но как любопытное повествование о том не так коротко, чтоб могло в пределы сего письма уместиться, то дозвольте мне оное предоставить письму будущему, а сие на сем месте пресечь и сказать вам, что я есмь ваш и прочее.

(Декабря 23-го дня 1808 года).

ССОРА НА МЕЖЕ

Письмо 167-е

Любезный приятель!

В предследующем письме обещал я вам разсказать о происшествиях, случившихся на меже с г. *Сабуровым*, я как не сомневаюсь, что вы столько же любопытны о том слышать, как был тогда и я, а сверх того, история о том довольно занимательна и любопытна, а притом произвела по себе следствия весьма важныя и всего меньше мною ожидаемыя и касающияся до всего тогдашняго нашего межеванья, то и разскажу я вам ее во всей подробности.

Господин *Сабуров*, разставшись со мною, как я упомянул в моем предследущем письме, поехал к межевщику в сотовариществе только двух человек тамбовских дворян, а именно: подпоручика *Давыдова* и поручика *Масалова*, сына старикова, ибо множайших в скорости собрать было некогда. Самому же неглупому старику, отцу последняго, по некоторому смешному обстоятельству выехать было не можно. Будучи в Тамбове воеводою, попался он не знаю в какую-то большую беду, от которой, находясь потом в отставке, не мог иным отделаться, как объявив себя умершим, которое обстоятельство причиною тому было, что ему нельзя было никуда показать глаз, а особливо тогда к межевщику, поелику дело сие Пашкову было известно. Таким образом, свита г. *Сабурова* была очень мала и, к вящему несчастию, далеко не столь согласная и единодушная, как было наше общество. Правда, хотя после и подъехали к нему человека еще два, но и те не лучше были первых, а все люда ничего не знающие, неопытные и нужной к спорам смелости и отваги не имеющие. Но как бы то ни было, но г. *Сабуров* застал межевщика еще очень благовременно и, по наставлению моему, его остановил и стал объявлять, что он межует государеву землю, а не *Чернаго,* и предлагать, чтоб он не утверждал ее Пашкову белыми столбами, а принял бы от него спор. Все сие учинено порядочно; но что ж воспоследовало далее!

Межевщик, услышав такое неожидаемое объявление и новое себе препятствие, неведомо как взбесился и, по обыкновению своему, стал усиливаться и спора не принимать, а объявлять то, что он межует по купчей и спора принять не хочет. Но можно ль бы ему было не принять, если б по-

ступлено было благоразумно и если б тут я, а не г. Сабуров, быть случился. Он бы у меня сам напрыгался, оттого что он межевал тогда без самого владельца, *Чернаго*, котораго, по примеру вчерашнему, держали на хуторе и поили, как свинью, а без него как хотели межевали. Во-вторых, сел бы я ему на шею тем, для чего он тут межевал без призыва соседственных дач обывателей и, так сказать, воровски. Одним словом, я бы его, государя нашего, проучил, если б мне при том быть случилось, и они бы меня не провели; но г. *Сабуров* был не такого характера: он был человек простой и имел самое доброе сердце и хорошую душу, но нужной остроты разума и осторожности он не имел и потому дал себя сим бездельникам в глазах обмануть и на бобы провесть, а именно.

Как межевщик увидел, что он стал усиливаться и продолжать спорить, то перетрусились они с Рыбиным, и увидя, что дело дурно, стакнулись и подпустили к нему лесть. Они начали умиленнейшим образом просить г. *Сабурова*, чтоб он им не мешал и не спорил; а особливо лукавой Рыбин, перевернувшись лисицею и самою сатаною, обалахтывал его, говоря: «Помилуйте, батюшка *Иван Яковлевич*, не спорьте здесь! Что вам, сударь? Ведь это не ваша земля. Допустите только меня до речки Ржаксы, а там зачнется ваша, и я с вами разведусь, как вам угодно, и отступлю от Станового-Липяга сажен с двести в правую сторону, и возьмите весь его в вашу дачу».

Теперь надобно знать, что такое *Становой-Липяг*? Это была находящаяся впереди и лежащая за речкою Ржаксою, большая вершина, поросшая лесом, и место очень удобное. До сего Липяга приурочена была дача протопоповская, в которой вместе с прочими владельцами имел селение и г. *Сабуров*. И как место сие было очень удобное и лежало близко подле поселка Сабурова, то хотелось и самому ему оной к себе поприбрать.

Самое сие обстоятельство и причиною тому было, что помянутое обещание Рыбина тотчас поколебало твердость духа г. Сабурова. Он польстился на сие лестное и ухищренное обещание и, по добродушию своему, всего меньше мог опасаться и предусмотреть, что это был один только обман и сплетенная сеть на самого его. Словом, он, по несчастию, поверил *Рыбину* и межевщику, и тем паче, что сей последний обещал сам впереди о полюбовном разводе стараться и ручался в верности данного Рыбиным слова и обещания. Коротко, г. *Сабуров* смутился и не знал, что делать. Стал советоваться с своими товарищами, но они первые ему сказали, что

они в спор не хотят мешаться и не подпишутся, а когда хочет спорить, так спорил бы один. Итак, стал г. *Сабуров*, как рак на мели, что более и принудило его дать себя убедить просьбам Рыбина и межевщика и самого подьячего. Он сказал: «Ну, добро, Рыбин, уже для тебя и жалея твою старость, не буду говорить, сдержи только свое обещание». – «Изволь, батюшка, изволь, только допусти нас до речки Ржаксы».

Как скоро дело сие кончилось, то Рыбин, получив свободу и опасаясь, чтоб чего еще не произошло, стал всеми образами спешить дойтить до речки Ржаксы белыми столбами и тем перерезать поперек весь пространной промежуток между речками Паникою и Ржаксою безспорною линиею. Но не успел он дойтить до речки Ржаксы и перейтить на тот берег, как снял с себя личину и другим голосом заговорил. Вместо того, чтоб ему Становой-Липяг оставить влево, то есть в дачах г. *Сабурова*, и отступить от него по обещанию сажен с 200 вправо, он поставил веху сажен с 200 от Липяга влево и не только весь Липяг, но десятин со 100 и Сабуровской земли к себе прихватывать начал.

Тогда открылись очи у г. *Сабурова*. Но разсудите сами, каково было тогда ему, когда увидел он себя таким злодейским образом обманутым и в глазах проведенным!.. Смутился он неописанным образом и спрашивал Рыбина: «Что ж это такое, господин Рыбин, так ли было твое обещание и так ли ты вести хотел?» – «Мне инако, сударь, не можно, – смеючись уже и ругательским образом ответствовал ему Рыбин, – мне *Петр Егорович* так приказал и по купчей так иттить следует, и я на волос нарушить ее не могу, воля ваша».

Вздурился тогда г. *Сабуров* и не знал что делать. Он к межевщику. Межевщик молчит и говорит: «Я не знаю... не мое дело... как хотят ведут». Сие еще пуще привело в досаду г. Сабурова. И тогда увидел он ясно, что все они были бездельники, а он обманут, и принужден был стыдиться всех, кто с ним тогда ни был. Он встрянулся, но уже поздно, что лучше бы ему было моему совету следовать и либо уже вовсе не спорить, либо спорить, но уже не отставать и ничего не слушать. Тогда раскаялся уже он, но пособить было нечем: дело сделано, межа сохами проехана и погрешность была уже невозвратная... Он досадовал сам на себя, но все уже тщетно. Рыбин только смеялся и радовался удачному своему бездельничеству и отомщал за поклоны свои изрядным образом.

Но как бы то ни было, но г. *Сабуров* принужден был проглотить сию горькую пилюлю и, позабыв то, помышлять о предбудущем и думать о том – как быть, что далее делать? Чем отгонять его от себя и от своих дач, и как бы не связать дачи своей спором с Пашковою и тем не подвергнуть ее великой опасности, потому что он сам имел дачку маленькую, а владел также земли великим множеством, которой мог всей лишиться, как скоро связалась бы его дача спором с Пашковою. Все сие приводило его в превеликое замешательство. Ему оставалось только два средства: либо согласиться на отвод Рыбина и потерять Липяг и захватываемыя десятин 100 за Липягом, либо спорить. Но оба сии средства были неудобны: Липяга потерять не хотелось, а и спорить для вышеупомянутых причин было невозможно.

Находясь в превеликом недоумении о том, вспомнил он мой совет и то, что я ему, равно как предугадывая сей случай, приказывал и именно: что если *Рыбин* станет прихватывать Липяг и его землю, то вернейшим бы и надежнейшим средством было назвать как Липяг, так и часть земли государевою землею, и тем точно таким же образом отбоярить Пашкова от своей дачи, как мы по Шадскому уезду его столь благополучно отбоярили. Вспомнив сей совет, положил он следовать (ему) и, тем ободрясь, сказал Рыбину: «Когда так, то не дам же тебе над собою насмеяться. Господин землемер, он ведет неправильно. Здесь направо и налево государева земля! Не извольте межевать!»

Сие вновь встревожило и межевщика, и Рыбина. Увидя они, что дурно и что смеялись рановато, принуждены были говорить опять иным голосом. Тут проявился и у межевщика голос, и стал и он преклонять к полюбовному разводу. Но увидя, что не соглашались, стакнувшись с Рыбиным, остановился на том месте обедать и под видом, якобы Рыбин сам собою не отваживается развестись полюбовно, хотел о том доложить боярину и от него истребовать повеление, отправил его к Пашкову на хутор.

Сие подало г. *Сабурову* опять некоторой луч надежды к получению Липяга. Проклятой этот Липяг не шел, по несчастию, у него из ума и он желал его, как некоего непривиданного сокровища, хотя в самом деле он ничего почти не стоил. Между тем покуда ездил Рыбин, обедали они, и он, по добросердечию своему, не помня оказаннаго ему от межевщика зла, угощал еще его наилучшим образом и обходился как с честным и добродушным человеком. Но сколь худо заплатил он ему за сию хлеб-соль и до-

бросердечие! Сколь много обманулся г. Сабуров в своей надежде и сколь бездельническим образом обманут был вновь сей честной и любезной человек.

Часа три принуждены они были ожидать возвращения Рыбина. Наконец, приехал сей бездельник и все, любопытствуя, спрашивали его, какие он привез с собою вести? Он не сказывал ничего, а объявил только, что *Петр Егорович* сам изволит прибыть тотчас на межу. Сие известие перетревожило тогда всех, ибо это было еще в первый раз, что господин *Пашков* выехал на межу.

Тотчас после того показался он действительно, съезжающий с горы на великолепной одноколке в препровождении многих людей и случившихся также у него гостей: полковника *Сухотина* с сыном и г. *Лихарева*. Пришествие его было очень пышное и надменное. Он не хотел почти ни на кого смотреть, и межевщик, как раб, пред ним раболепствовал. Слово за слово, дошло дело скоро до разговора с г. Сабуровым о земле. Г. *Сабуров* стоял в том, что это государева земля, и говорил Пашкову, чтобы он шел вправо, вверх речки Ржаксы, до другой вершины, где, сказывал он, лежит *Чернаго* дача. Долго они проговорили и о пустом проспорили, и дело не хотело клеиться. Все сие приводило Пашкова в великое сердце. Он пылал на г. Сабурова гневом и кипел злобою, однако принужден был скрывать свой гнев. И как спор г. *Сабурова* был ему очень опасен и он боялся, как огня, государевой земли, то и нехотя принужден был делаться низким, и увидя, что горлом не взять, употреблять ласку. Однако и сие не хотело ему помогать. И когда бы, когда б продлилось сие долее и не поколебалась твердость г. Сабурова! Но сей день равно как назначен был к тому, чтоб сему честному человеку быть бездельниками обманутым и попадаться в разставленныя ему сети. Сие произошло таким образом.

Пашков, увидя, что дело не клеилось, не знал что делать и для того, отозвав Рыбина к стороне, начал с ним как с верным и всегдашним своим секретарем и наперсником советоваться. Сей бездельник тотчас шепнул ему, что сделать, и он, послушавши его, тотчас переменил голос, начал с Сабуровым дружелюбно говорить и делать вид, будто хочет с ним развестись полюбовно и скорее решить дело. Он уступал ему уже всю землю по Липяг, он уступал ему уже и половину самого Липяга; но как *Сабуров* на то не соглашался, то подольстись он и выведи его из ума, говоря следующим образом: «Ну, *Иван Яковлевич*, когда уже инак не можно, то быть мне

уже иттить на другую вершинку. Но скажи ж мне, пожалуй, когда я туда пойду, так как же ты назовешь там землю на правую сторону?» Господин Сабуров тотчас сказал: «Я назову землею *Луки Чернаго*». – «А по левую как же?» – спросил Пашков далее. Тогда бы надлежало г. Сабурову остеречься и не вдруг верить миролюбивым словам Пашкова и не все болтать, что на уме было. Но сей простодушной и добросердечной человек всего меньше ожидал от него коварства и бездельничества, и, по простодушию своему, думал, что Пашков в самом деле хочет с ним разводиться и потому без всякаго опасения сказал, что налево назову-де я уже своею землею. Сего самого слова и добивался от него Пашков, и не успел он его выговорить, как кипящий злобою Пашков вспыхнул и сделал то, чего ни один честный человек не сделает, а именно: он заревел тогда и начал межевщику на г. Сабурова являть, что он не честный человек, а мошенник, и сперва называл сие место государевою землею, а теперь хочет называть своею, когда он туда пойдет; следовательно, он торгует государевою землею, и просил межевщика, чтоб он записал сие в полевую записку.

Теперь посудите, каково было слышать сие господину *Сабурову*, и сколь в великое смятение не долженствовало ему приттить, увидевши, что он сделал новый и всего уже худший поступок. Оное было и подлинно так велико, что я его описать не в состоянии. Он стал тогда в пень и так Пашковым смят был, что не мог промолвить ни единаго слова себе в оправдание; но думая, что он попался тогда в превеликую беду и напасть, не знал что делать и говорить. Одним словом, он сделался пред ним безсловесен, а сей, приметив его трусость, сел на нем, так сказать верхом и поехал. Он разгорячился уже неведомо как и думая, что тогда одержал уже он совершенную победу и г. Сабурову с ним нечего делать, до того дошел, что начал его ругать всеми негоднейшими браньми и оскорбительнейшими ругательствами и, так сказать, мешал как его, так и бывших с ним с грязью и делал негоднейшими людьми на свете.

При таких обстоятельствах еще счастие было, что не случилось тогда на господине Сабурове ни шпаги, ни кортика, а то бы он, будучи сам вспыльчивой и горячий человек, верно бы не снес таких несносных ругательств, какими он тогда его, а говоря на общее лицо, и всех нас жаловал, и г. Пашков дорого заплатил бы за сию свою дерзость. Но как он был совсем безоружен, притом не имел никакой подпоры и подкрепления и свиту очень малую и ненадежную, то нечего было ему делать. Кровь хотя и в нем

кипела огнем и пламенем, но он принужден был, закуся губы, стоять безмолвно и дать Пашкову, как индейскому петуху, ерошиться и храбриться. Сей же, видя такое безмолвие, еще более пыхтеть и храбровать начал и даже до того дошел, что, называя вновь наиобиднейшими именованиями, стал звать его за куст на поединок и, хватаясь за свой кортик, до половины обнажал оной.

Вот какия дела происходили у них на меже и вот какое было межеванье! Но что ж бы думали вы делал тогда межевщик? Не думаете ли, чтоб он (стал), по долгу своему, уговаривать их и отводить от начинающейся ссоры? – Всего меньше! Но он, напротив того, поджигал еще более Пашкова, говоря и жалуясь на г. Сабурова, что он и прежде уже и давича мешал ему межевать и спорил. Сие приводило Пашкова еще в пущее бешенство и ярость. Он приказывал тогда записывать все сие в журнал; но подьячий-мошенник с межевщиком давно уже сплетали на Сабурова петлю и писали неведомо какую нелепицу и прибавляли то, чего Сабуров и не говаривал. Когда же увидели они, что дело доходило до худого, то, вместо того чтобы унимать, они старались только схватить с места астролябию и тем дать лучший повод и свободу к ссоре.

Но едва хотели они сие сделать, как образумился г. *Сабуров* из своего замешательства и смущения и, не имея более надежды, как на одну астролябию, которая, по мнению его, представляла тогда зерцало и делала то место присутственным, в котором Пашков не мог с ним сделать ничего худого, остановил межевщика. «Нет, господин землемер, – говорил он, – не снимайте астролябии! Это негодится! Вы видите, что начинается ссора!» Межевщик его и послушался. Но сие не в состоянии было остановить Пашкова: он продолжал ругать его более и вышел сам почти из себя. И как г. Сабуров на вызов его ему ответствовал, что они тогда не в Польше, чтоб им рубиться, то глупость ли не глупость Пашкова, до того в бешенстве дойди, что закричал: «Когда так, так их в колья!»

Сие слово тотчас всю сцену переменило. Г. *Сабуров*, услышав сие, испужался и стал опасаться, чтоб их в самом деле не прибили. Что касается до его товарищей, то они давно уже пуще зайцев перетрусились и не знали что делать; но вместо того, чтоб вступиться за г. Сабурова, все от него отщетились. Ни один из них не сказал ни слова, но все метались без памяти: велели запрягать скорей лошадей и подавать дрожки. Иной бежал в ку-

сты, иной передавался к свите Пашковой к своим знакомым, думая там найтить лучшее спасение, и так далее.

Вот какой страх нагнал на них взбесившийся тогда и прямо сам себя непомнивший *Пашков*. Коротко, г. *Сабуров* остался один и как рак на мели, и увидев, что все хотят бежать, принужден был и сам помышлять о том же: одному ему нечего было делать. Межевщик стал было говорить: «Постойте, постойте, подпишитесь!» – «Нечего нам стоять, – отвечал г. Сабуров, – не до стоянья дело и не до подписок! Нас хотят бить и нам жизнь наша дороже! Делайте себе что хотите, и межуйте, как вам угодно: вольно вам писать что хотели. И когда вы нашего спора не принимаете, так слушайте только вы, господа понятые! Мы называем это государевою землею и было бы вам сие известно, а мы отсюда бежим».

Тогда захохотал Пашков: «Ха! ха! ха! ха! Господа понятые! Уж прямо господа!» Но г-ну Сабурову с товарищами его не до того было, чтоб сие слушать. Он бежал уже к отъезжающим его товарищам и спешил убраться с ними. Дай-ка Бог ноги! Скачи, скачи, покуда целы и пока бока не переломаны!.. И пыль поднялась от них только столбом.

Не успели они все поскакать, как услышали позади себя на межевом стане превеликой вопль и крик: «Лови! Лови!» – кричал без памяти Пашков. – «Бей, лови, тащи его, кривого, сюда. Аркан ему на шею, тащи его, сюда!» Все люди его бросились тогда по кустам; но не только они, но и сам Пашков, как безумной, бежал в кусты с вооруженными своими лакеями. Наши бедняки не инако думали, что это за ними погоня и потому без памяти скакали и убирались до двора, боясь и назад оглянуться. Однако страх их был пустой: это была не погоня за ними, а еще того хуже. Какой-то окаянной скажи Пашкову, будто бы сам старик *Масалов*, которой от природы был крив, находился в кустах и не смел показываться, хотя ничего того не бывало, и он его-то велел и приказывал тащить к себе на аркане. Сие одно довольно доказывает, до какого безпутства доходил в сердцах *Пашков*.

Сим кончилось тогдашнее известие, ибо они, уехавши, не знали что после их там происходило, почему и присланной мужик ничего о том не ведал, а сказывал только при окончании, что г. *Сабуров* насмерть перестращался и находится в превеликом теперь замешательстве и робости и что он, прискакав к *Масалову*, того момента послал его старосту за мною и велел как можно просить меня, чтоб я к ним приехал и, буде можно, чем-нибудь пособил бы.

Теперь не могу изобразить, в какое замешательство привело меня сие известие. Я несколько раз перерывал его повествование и сердился, и досадовал, и смеялся, и дивился я всему сему происшествию: сердился на *Пашкова*, на *Рыбина* и межевщика; досадовал на *Сабурова*, что он был так плох и нерасторопен и не послушался моих советов, и дал себя провесть и обмануть; смеялся всему сему происшествию и их трусости непомерной и дивился раболепству межевщикову. Но как бы то ни было, но мне некогда было долго раздабарывать. Натурально, хотелось мне как можно скорее подать помощь утесненному моему приятелю и подкрепить их в такой беде и опасности. Я кричал, чтоб скорей запрягали мне лошадей в дрожки и меня одевали, и того момента стал вымышлять средство, чем бы помочь моему другу и как бы, хотя несколько, полечить испорченное его дело. Другого я не находил, как приступить к самой крайности и подать ему на межевщика и *Пашкова* челобитную с прописанием, что они межуют себе государеву землю, и тем остановить межеванье. Итак, покуда запрягали лошадей, покуда меня одевали, до тех пор успел я намахать половину челобитной, а другую половину положил там дописать, ибо туда надлежало мне поспешать, и тем паче, что было уже не рано, а ехать было верст 15 или более.

Подъезжая к окрестностям того места, где накануне того дня происходили описанныя выше сего чудеса, и которое мне с дороги было видно, с любопытством смотрел я нет ли кого там и не тут ли межевщик. Однако на том месте не видно было никого, а, напротив того, увидели мы на горе по конец уже Липяга кучу народа и потому заключили, что межевщик уже там. Сие побудило меня поспешать еще более.

По приезде нашем в Лукино, к Сабурову поселку, прежде всех увидели мы двух поверенных, и именно г. *Сабурова* и *Масалова*, сбирающихся иттить на межу. «Что вы это? Куда идете?» – спросил я. «Да на межу, батюшка! – отвечали они. – Была за вами посылка, мы ходили, нас согнали опять, сказали, что не надобны; а теперь прислали другую. Солдат только теперь проехал к Масалову». – «Да что вы там позабыли? – сказал я. – Вчера вы были ненадобны, а сегодня понадобились». – «Да, сударь! – отвечали они. – Вчера без нас шли подле нашей и по нашей земле, и мы были ненадобны, и называли ее землею *Чернаго*; а теперь, как нас миновали, так стали спрашивать. Зачем нам туда иттить: теперь пришла земля казенная,

а они ее нам жалуют и нашею называют». – «Постойте, – сказал я, – и не ходите, а дайте мне наперед съездить и с вашими господами повидаться».

Сказав сие, поскакал я во всю прыть к *Масалову*, котораго селение было версты две от Сабурова поселка. Не успел я из поселка выехать, как увидел едущаго солдата. Поровняясь с ним, спрашиваю: «Куда?» – «Да вот, сударь, к господину Масалову с повесткою!» – «С какою?» – спрашиваю его далее, совсем будто ничего не зная. Солдат тотчас мне приказ свой подал. В нем написано было, чтоб г. *Сабуров* сам выезжал бы на межу, или, по крайней мере, высылал бы повереннаго. Прочитав его и покачав головою, отдал я его солдату, сказав: «Поезжай, мой друг! Не мое дело, как хотят». – «Да куда это вы, ваше благородие, изволите ехать?» – «Далеко, братец! На Ворону звали меня в гости, так еду туда обедать».

Сказав сие, поскакал я во всю пору, стараясь уехать из виду у солдата и приехать прежде его к *Масалову*. Подъезжая, соскочил я с дрожек и велел лошадям и людям, как можно скорее, уезжать за двор, чтоб солдат не приметил, что я тут, а сам, вбежав в горницу, говорю: «Здравствуйте! Здравствуйте! Однако спрячьте меня, чтоб солдат не видал», и сам, говоря сие, хохочу. Как их тут было целое сборище, а именно: г. *Масалов* с женою и сыном, г. *Сабуров* с женою, г. *Давыдов* и *Мордвинов*, то удивились они моему поступку и не знали, что это значит. Однако мне некогда было раздабарывать с ними, а я упросил их, чтоб дозволили они мне войтить в их спальню и туда б все перешли и двери затворили, говоря, что к ним едет теперь солдат с повесткою и понятыми и что я уже скажу им, что теперь сделать, только не хочу, чтоб это солдат видел.

Рады они мне тогда и Бог знает как были, и тем паче, что все они находились в превеликой трусости и сомнительствах, не ведая, что делать. Они стали было мне разсказывать вчерашнюю историю, но я им сказал: «Пожалуйте, не теряйте времени на пересказывание; я все уже и без того знаю, а посоветуем лучше о том, ехать ли вам на межу или нет. Скажите мне, какие имеете вы теперь намерения?» – «Что, батюшка, – отвечали они, – мы сами не знаем, ни то нам ехать, ни то не ехать на межу, а послать поверенных». – «Зачем ехать, – сказал я. – Ни того, ни другого». – «Да как же, батюшка, быть?» – «Так и быть, – ответствую им, – что надобно испорченное дело как можно лечить, а полечить иным нечем, как этот узел завязать более и спутать все межеванье. Одним словом, надобно господина межевщика пугнуть и пугнуть так, чтоб он позабыл такие сплетни

делать, а посидел бы в углу; а мы между тем имели бы время одуматься и что лучше предпринять получили свободу». – «Да как это сделать, батюшка?» – «А вот как: на межу вы не ездите, да и поверенных не посылайте, а пошлите к межевщику, вот я вам напишу объявление, так он и задумается и не будет знать сам, что ему делать». Не успел я сего вымолвить, как солдат и приехал. Тогда просил я скорее бумаги и чернил и велел солдата поудержать в передней, покуда я напишу объявление, и подтвердить всем, чтоб никто обо мне не сказывал.

Рады были неведомо как господа, что я приехал к ним благовременно. Они оживотворились моим присутствием и начали с солдатом иным уже голосом говорить. Они сказали ему, что они на межу не едут и поверенных не посылают, а для чего – о том пошлют с ним теперь репорт, потому что он словами пересказать не может и для того подождал бы он немного.

Между тем как они с ним в передней раздабарывали, производил я, запершись в спальне, странное, совсем необыкновенное и смешное, затеянное мною еще дорогою, дело. И именно, я начеркал на межевщика *протест*, или, лучше сказать, сплетал на него *о́сел*, ибо иным пугнуть его было нечем. Я написал от имени г. *Сабурова* не к межевщику, а к межевым делам объявление. И как сия бумажка была великой важности и там после произвела великой гром, имела великое действие и прославилась, то сообщу вам содержание оной от слова до слова.

«К межевым делам господина капитана и землемера Петрова от майора Ивана Яковлева сына Сабурова.

Объявление.

Призываюсь я сего числа чрез присланнаго солдата на межу; а как я вчерашняго числа, будучи на меже, чинил господину землемеру вместе с прочими бывшими со мною господами дворянами некоторыя, касающияся до пользы высочайшаго *Ея Императорского Величества* интереса, *объявления*, но господин землемер оныя, дружа и наровя господину *Пашкову*, от меня не принял, но, напротив того, по призыву его, землемера, приехавший на межу господин Пашков сам не только меня при нем разругал всякими бранными и непотребными словами, но в противность законам вызывал на поединок и хватался за кортик и хотел бить кольями. А господин землемер не только его от того не унимал, но сам еще поощрял к запальчивости более; что видя и опасаясь, чтобы нас не прибили, принуждены мы были спасаться бегством. Для которой причины я и сего дня

выехать на межу опасаюсь, а повереннаго на сей час не имею, и для того не поставлено б мне было в вину, что я не являюсь на межу».

Вот какого содержания была сия бумажка. Легко можно разсудить, что это был формальной протест, или сущий о сел на господина землемера, которой мог бы его погубить, если б он его принял. Но я знал, что он его не примет и не для того и делал сие, чтоб погубить сего бедняка; а мне хотелось его только постращать немножко и им поиграть. Короче, мне хотелось отыграть им вчерашнюю шутку.

Объявление мое тотчас было переписано другою рукою и тотчас подписано господином Сабуровым и втерто в руки солдату. «Поезжай, голубчик, – сказали ему все, – и отдай сию бумажку господину землемеру». Отпустя его, послали мы тотчас шпиона смотреть и примечать, что будет и что произведет сия бумажка, и стали сами дожидаться последствия.

Между тем как сие происходило, межевщик, стоя на меже, нетерпеливо дожидался г. *Сабурова*, ибо без него ему иттить далее было не можно. Причиною тому было то, что *Черной*, испужавшись сделавшейся ссоры и раскаявшись, что он, послушав Пашкова, вплелся в спор и назвал Сабурову землю своею, не хотел вести далее, но вышел на находящуюся по коней Станового-Липяга дорожку, отказался и сказал, что теперь земля его кончилась, и какая пришла он не знает, и уехал, а остался один Рыбин; *Рыбин* же говорил, что начинается влево земля г. Сабурова. Итак, надобен был *Сабуров*; почему и ждал он с нетерпеливостью солдата и твердил, что г. Сабуров, конечно, на него разсердился, что не едет.

Но в какой ужас и смятение приведен он был, как солдат, приехавший, подал ему объявление. Он, прочитав оное и видя беду, над собою висящую, взбеленился, вспрыгался и, опрокинувшись на солдата, завопил: «Проклятой человек! На что ты это принимал?.. На что брал?.. Что ты теперь сделал?.. Каких бед начудил?» – «Как мне, сударь, не принять? – ответствовал солдат. – Мне дали и сказали, что это репорт, и что я того словами пересказать не могу». – «Дьявол тебя побери, – закричал опять межевщик: и с бумагою-то сею! Ведал бы ты, какая беда тут написана! С больной-ста головы взворачивают на здоровую! Я хотел им всем и Пашкову-то с ними кланяться! И волён Бог да они, а мне живот мой дороже. Подавай, подавай скорей подводу! Поезжай, поезжай, проклятой человек, опять! Брось им эту окаянную бумагу! Пропади она, проклятая! Возьми с собою понятых

и как можно отдавай и назад не привози, прах ее побери!.. Экая беда! Экая беда! Вот какова шутка-ка!»

Прогнав солдата обратно, опрокинулся он на Рыбина. «Ну, *Василий Еремеич*, – сказал он ему, – хороши вы с боярином-та! Сами попали в петлю да и меня туда же тащат!.. Что вы теперь наделали? Куда ты меня теперь поведешь?.. Не знаешь ли, что я теперь в пень совсем стал. И мне с места иттить не можно?.. Кланяюсь я вам! Спасибо, спасибо!» и так далее.

Между тем дожидались мы, что будет, и нетерпеливо хотели слышать, что скажет и с чем приехал опять солдат. Однако я, опять не разсудив за благо показываться, но слушал из другого покоя. Он, приехавши, стал назад отдавать объявление; но как те, по научению моему, не хотели принимать, то, не говоря ни слова, положил он бумагу на стуло. Те хотели было втереть ее опять ему в руки, но он пятился от ней, как от огня, и твердил только: «Нет, нет, милостивые государи, на мне голова-то одна! Не беру, не беру, воля ваша, как хотите! Сам господин землемер ее, как огня, боится, воля ваша!» Тогда велел я им присланным понятым заявить, что они посылали такое-то и такое-то объявление и оно не принято, а они на межу сами ехать боятся.

С сим отпустили мы солдата, довольствуясь тем, что напугали землемера. Сей бедняк, не дождавшись никого, не знал что делать. Пошел бы он далее, но нельзя было: никто не сказывал, какая земля впереди, все отпирались, а другие прямо говорили: «Вить вам, сударь, сказано, что государева, чего вам больше?» А как самое сие связало межевщика так, что он не мог ни назад, ни вперед иттить, то принужден он был стоять тут от утра до вечера и галанить, и все сие время проводил в ругательствах и напусках на Рыбина за то, что он завел его в сущий лабиринт, из котораго не знал он как и выдраться.

Между тем находился я в Лукине и праздновал у господина *Масалова*, а потом поехали в гости к господину *Давыдову* и там сидели и дожидались почти до сумерок в ожидании с межи новых вестей. Наконец, приехали к нам понятые с известием, что межевщик, не добившись ни от кого о земле толку, и дождавшись до вечера, не зная что делать, принужден был распустить понятых до понедельника и велел им привозить с собою старожилов, вознамериваясь межевать уже с посторонними; но я смеялся тому, ведая, что это вздор и пустое.

Сим образом кончилась сия комедия, и тогда все наши узнали, сколь важна была моя бумажка, стали ее беречь, как неведомо какую хартию, и дивились тому, какое произвела она великое действие и как в состоянии была остановить в один миг межевщика. Тогда начались вновь мне благодарения и похвалы, а потом стали все разъезжаться по домам. Я не знал, где мне ночевать, ибо домой ехать было уже поздно: г. *Сабуров* тащил меня к себе, а г. *Давыдов* просил, чтоб я ему сделал одолжение и ночевал у него. Долго о сем продолжался спор, но я, судя, что мне покойнее будет у Давыдова, остался у него ночевать.

В последующий день, что было в субботу, вставши рано, заехал я к *Сабурову* и спешил ехать домой, ибо делать мне было более нечего. Но г. *Сабуров* не отпустил меня необедавшаго и тем паче, что после обеда хотел вместе со мною и сам ехать в наши края и в настоящий свой дом, в Калиновку. Итак, пообедавши, возвратились мы в свои деревни и я в свою мурью, где достальное время проводил в своих домашних делах и вкупе в удовольствии, что удалось мне услужить своему другу и успокоить его дух, растревоженный было так сильно господином Пашковым.

Как в наставший за сим воскресный день случился вкупе и праздник Рожества Богородицы, то поехал я к обедне в приходскую свою церковь село Трескино. Тут нашел я превеликое собрание господ и, между прочим, незнакомаго мне человека, *Федора Васильевича Соймонова*. Г. Сабуров был тут же и зазвал меня к себе обедать, куда и господин Соймонов поехал. Легко можно заключить, что как в церкви, так и тут ни о чем более не говорили, как о лукинском происшествии, ибо слух о том и о славном отсмеянии Пашкову за его озорничество и наглость чрез произведенную в межеванье разстройку и остановку разнесся уже повсюду.

После обеда был у нас с г. Сабуровым совет о его межеванье. Нам хотелось очень знать, что происходит на хуторе у Пашкова. Но как, кого, и зачем туда послать? Это была для нас коммиссия, и мы долго о том думали и размышляли. Наконец, вздумал я отправить туда своего прикащика под тем видом, будто я, ничего о происходившем не зная, послал осведомиться, где межа кончилась и когда начнут опять межевать, и сие тотчас было и сделано. Но сего посланного принуждены мы были дожидаться назад до самой полуночи, и я опасался уже, чтобы его там не прибили. Наконец, он приехал и привез известие, что он и межевщика, и самого *Пашкова* видел, но что ему ни того, ни сего не сказали; что оба они находятся в превеликом

сумраке и крайне невеселы; что Пашков спрашивал его, много ли захвачено моих собственных пашен и далеко ли они? Что велел тотчас подать себе дрожки и куда-то поехал; а межевщик только сказал, что межа там остановилась, где остановилась, и что он завтра межевать станет.

Сие известие побудило г. *Сабурова* в тот же еще день ехать опять в свое Лукино и просить и меня, чтоб и я поутру приехал опять туда же к нему, и выехал на межу, чтоб помочь поверенному его записать порядочнее спор; ибо я разсудил за благо присоветовать ему поверенных выслать и велеть только о государевой земле заспорить таким образом, как мы заспорили, и я принужден был дать просьбе моего друга себя убедить и на то согласиться.

Таким образом, переночевав дома, отправился я в последующий день, поутру как свет, в *Лукино*, чтоб присутствовать при споре или паче, чтоб быть оному инструментом. Г. *Сабуров* меня уже дожидался, и у него было уже собрание. Господа *Давыдов, Масалов* и *Мордвинов* были уже тут и хотели со мною ехать. Мы тотчас отправились на межу, покинув г. Сабурова, как оглашенного, дома. Однако на меже еще никого не было, кроме одного солдата и сбиравшихся понятых. Все ждали с часу на час межевщика, однако пришествия его еще не было. Мы прождали по пустому до половины дня и прозябли. Я склонил тогда товарищей моих ехать обедать и обогреваться к г. Сабурову; а чтоб нам не прозевать межевщика, то разставили мы верховую почту в виду друг у друга, дабы в один миг могло до нас долететь известие. Г. Сабуров нас уже дожидался с приготовленным обедом. Тут услышал я, что ко мне в деревню послал г. Пашков людей звать меня к себе. «О, о! – думал я тогда. – Дошла и до меня надобность! Но пускай, – говорю, – поездят, благо меня теперь дома нет; что я у него позабыл, чтобы мне к нему ехать?»

Пообедавши у г. Сабурова, выехали мы опять в поле; но межевщика все еще не было. Мы ждать час, ждать другой, но межевщика нет и не показывается. А бедняк, узнав, что я тут, и ведая уже, каков я, так смутился, что не смел уже и глаз показать, и совсем ехать раздумал, а мы между тем дрогни да дрогни. День случился быть тогда ветреной и холодной; впрах все перезябли и наконец дошло до того, что мы принуждены были велеть раскласть огонь и около его греться. Это была первая нужда да и последняя! Долго не могли мы никого дождаться. Наконец, увидели мы едущаго к себе верхом Пашкова лакея. Он прислан был ко мне звать меня к нему

на хутор. «О, о! – думал я. – Эк их там пронимает, и вот как вознадобился им и Андрей Тимофеевич, и теперь батюшка, такой-сякой, пожалуйте». Со всем тем смутился я тогда и не знал, что делать: ехать мне к нему и хотелось, и не хотелось. Однако положил поупрямиться и отсмеять ему шутку, а потому и сказал слуге: «Кланяйся, мой друг, *Петру Егоровичу* и скажи, что я к нему ехать опасаюсь. Я слышал, что он будучи и на меже людей было переколоть и перебить хотел, а сверх того, всех нас ругал всеми ругательствами, так к нему ехать и подавно мне опасно. Там, верно, он прибить может, да и суда не найдешь, и тем паче, что я ему, может быть, более всех надосадил. Нечего мне у него делать». С сим ответом поскакал слуга, как не солоно хлебав, и повез к нему нос в четверти в три за то, что он над нами изволил тешиться.

По отъезде его и услышав, что в тот день межеванья не будет, не стали мы долее медлить, но поехали ночевать к г. Сабурову. Я остался у него, а товарищ мой г. *Тараковский*, приезжавший в Лукино вместе со мною для компании, поехал к г. *Давыдову*.

Не успели мы обогреться, как сказывают нам, что приехал Рыбин от Пашкова ко мне. «Во, во, во! – воскликнул я. – Эх их там и уже не путным мастерством пронимает. Видно, что и очень-очень оказалась нуждица в Андрее Тимофеевиче! Посылай-ка его! Зачем таким». Рыбин вошел и с превеликою уничиженностью стал мне кланяться от Пашкова и просить, чтоб я к нему завтра приехал и пожаловал помирил его с г. Сабуровым, сказывая притом, что господин его отдает все на мою волю, и как я велю, так и сделает, только б сделал одолжение и к нему приехал; и уверял при том именем его, что он никогда меня не бранивал и никак не помышлял оскорбить имени моего и так далее.

Мило мне и приятно было, что довел я *Пашкова* до такого уничижения. И как мне самому хотелось Сабурова с ним, буде можно, помирить, да и г. *Сабуров* был к тому согласен, у котораго все еще его Становой-Липяг не выходил из головы, и он все еще льстился поприбрать его к себе в руки; то переговорив и посоветовав с ним, и дал я слово, что в последующий день к нему буду, не преминув, однако, погонять и потазать *Рыбина* гораздо и гораздо за бездельнической поступок его с господином Сабуровым и сказать, что так добрые люди не делают, и задал ему изрядную потовую.

Теперь извините меня, что я перерву повествование мое опять в любопытном для вас месте. Причиною тому то, что письмо мое превзошло уже

и так свои пределы, а история свидания моего с Пашковым не так коротка, чтоб ее на двух словах пересказать бегло можно. Итак, пресекая сие письмо, скажу вам, что я есмь ваш и прочее.

(Декабря 24-го дня 1808 года).

ОКОНЧАНИЕ МЕЖЕВАНЬЯ И НАША ПОБЕДА

Письмо 168-е

Любезный приятель!

Таким образом в последующий день надлежало мне ехать в гости к нашему общему сопернику и неприятелю, г. *Пашкову*, и представлять собою некоторым образом вид посла, отправляющагося на мирный конгресс или переговоры. Как послы в таких случаях ездят обыкновенно с возможным великолепием, то всходствие того помышлял и я о подобном тому, и чтоб мне было не стыдно показаться к высокомерному Пашкову, и для того старался г. *Сабуров* собрать меня в сей путь как можно лучше. Он снарядил свою карету цугом и с двумя верховыми, а равномерно убрался и я как можно лучше. Трое людей стояло у меня на запятках; одним словом не упущено было ничего, чем только можно было придать более осанки и важнаго вида.

Не успел я выехать и доехать до Станового-Липяга, как повстречалась со мною межевая команда с инструментом, подьячим и учеником. «Куда это?» – спросил я. «Внутреннюю-де ситуацию снимать», – отвечали мне. «С Богом, с Богом!» – сказал я, и поехал далее. Подъезжая к хутору, увидел я превеликой зеленой шатер, окруженной сделанным из сена высоким валом и стоящий как бы посреди сенного редута и крепостцы. В сем шатре имел г. *Пашков* свое пребывание. Однако тогда я его тут не застал, а сказали мне, что он находится в избе, куда, не долго думая, и велел я своей карете ехать.

Было тогда хотя очень уже не рано, но я нашел там господина Пашкова еще умывающагося из серебра и на серебре. «Изрядная политика, – думал я сам в себе, – это для того, чтобы оказать свою пышность и высокомерие и меня не встретить. Но хорошо, мой друг, – думал я далее, – что-то

далее будет, а это мы тебе простим». Посадив меня, продолжал он при мне холиться и умываться. Где-то умылся, где-то вытерся, где-то плешь свою пудрою насыпал. Между тем временем прошло более часа, в продолжение котораго были у нас с ним прямо министерские разговоры, все о постороннем. Он выражал все, как ему тут жить безпокойно, как нигде; как жене его нельзя войтить в избу для множества обитающих в ней лягушек, которых она боится; как надоела ему стужа и так далее. А я поддакивал ему только и, смеючись, дивился, для чего он тут дома не строит, и соответствовал всем его словам, как надлежало. Видит он, что я не олух, а сам о себе, и начал мало-помалу обходиться со мною вежливее и учтивее и извиняться, что он меня никогда не бранивал и ни одним словом не оскорблял заочно и так далее. «Вот так-то, – думал я, – поскладывай-ка спесь свою пашковскую и говори получше». И тогда ответствовал я ему на извинения его героическим духом и как надлежало, и учтивым образом вставливал ему изрядныя очки за его пышность, высокомерие и презирание всех нас, и довел до того, что он мало-помалу уже передо мною и пашевать начал.

В сие время подошел к нам межевщик и еще родственник его, г. *Лихарев*, *Александр Венедиктович*, наш каширской помещик. Сей, как мой земляк, тотчас свел со мною знакомство и обошелся изрядно, а наконец приумножил наше сборище и г. Рыбин, как главная и весьма важная тут особа, ибо я примечал уже, что он был всех их умнее и более всех дело смыслил. И тогда дошел у нас скоро разговор до нашего дела.

Но сколь удивление мое было велико, когда я услышал, что г. *Пашков* старался более преклонить меня к тому, чтоб помирился с ним я по нашему делу, а о *Сабурове* почти ни слова, которое, однако, мне нужней было своего. Долго у нас с ним продолжался разговор, и было бы слишком пространно, если б весь его описывать. Мы говорили, кричали, спорили, ладили, разлаживали, упрекали друг друга, толковали инструкцию, старались один другого вывести из ума и тому подобное, но наконец вылилось не на чем; ибо я, приметив, что у него и на уме не было с Сабуровым мириться и, по предположению моему, выкидывать белые без согласия его поставленные столбы, стал всеми образами стараться городить ему пешки об опасностях, в какия зашел он своим межеваньем, и довел его до того, что он впал в великое сомнение и того более стал усиливаться и убеждать меня просьбою, чтобы я с ним развелся. «Для чего не развестись, я всем сердцем готов, – говорю ему, – но один ли я? Много владельцев». – «Нет,

нет, от одного тебя зависит» – говорил он. А я говорю: «Никак, а мне надобно со всеми согласиться и иметь к тому время». Одним словом, как этот пункт был очень нежной и по существу своему крайне важной, то и отделался я от него тем, что уверял его, что я усердно хочу помириться и буду склонять своих соседей. «Мы наперед, – говорил я ему, – поездим и посмотрим, покуда нам взять, а между тем положил бы межевщик на план обойденное уже место».

Сим образом отвалил я от себя сие щекотливое дело и сократил разговор об нем колико можно, желая выиграть время для миротворения его с Сабуровым. Мне неотменно хотелось, чтоб наперед он с ним либо помирился, либо пошел далее межевать; а ему хотелось, не окончив тут, помириться наперед с нами, следовательно, нас обмануть бы и провесть за нос. Однако не на такого соперника он напал, а имел дело с ним такой, которой мог проникнуть в дальновидность его коварных замыслов и от них остеречься; но паче сам его до того довел, что он действительно поверил, что я хочу с ним помириться, хотя в самом деле мне и на ум того не приходило; да и как можно было помышлять о том по объявлении столь торжественным образом всей степи государевою; и льзя ли было иметь дело с такою алчною, ненасытною, корыстолюбивою и бездельническую душу имеющею особою, каков был г. *Пашков* и каким себя оказал въявь при последнем случае с *Сабуровым*. Итак, условились мы с ним, чтоб дать мне дни на четыре, то есть до понедельника, время согласиться со своими соседями, а межевщик до тех пор не межевал бы, а тогда бы дать ему о нашем намерении знать, хотя в самом деле на уме у меня было совсем не то; а мне хотелось выиграть сие время, чтобы успеть нам с соседями объездить и осмотреть места и согласиться между собою, где отводить нам свой отвод, или показать пределы казенной земли, ибо я наверное полагал, что скоро до того дойдет дело.

Но как бы то ни было, но г. *Пашков*, льстясь сею лестною для алчности своей надеждою, стал с сего времени обходиться со мною очень ласково. Я хотел было ехать, видя, что приезд мой был тщетной, но он меня не отпустил, а зазвал к себе в шатер. Тут увидел я его жену, которая показалась мне боярыней изрядною. Там посидев, стал было я опять домой ехать подниматься, но он не отпустил, а просил, чтоб я у него отобедал. Обед был для меня нарядной, сервиз серебряной и музыка. «Добро! – думал я. – Всем сим ты меня не убаишь, и как ты ни ласкайся, как ни говори, что со

мною горы бриллиантовые делить готов, однако всему тому не поверю и в обман тебе истинно не дамся». За обедом говорено было и смешное, и шуточное, и мы обходились с ним не как соперники, а как бы давно знакомые приятели; чем бы мы, может быть, с ним и были, если б не связал нас спор и межеванье, ибо я прикраился бы скоро к его характеру.

Между прочим, достопамятен был один случай: как ели мы жаркое и я взял кусок баранины, то извинялся он, что бараны нехороши, и шуткою будто сказал, что я и тех его лишить хочу. «Бог знает! – подхватил я того момента, схватя в руки ломоть черного хлеба: ни то я вас баранов, ни то вы сего насущного хлеба нас лишить хотите! Об этом надобно судить кому-нибудь иному, а не нам с вами». Следовательно, каково от него кликнулось, таково от меня и отозвалось. В другой раз подлетел было он ко мне после обеда с такою же шуточкою, и именно: как мы встали из-за стола, то сказал он: «Вот так-то мы теперь Андрея Тимофеевича накормили и напоили, и наша хлеб-соль его не попустит!» – «Милости прошу пожаловать ко мне, – подхватил я в ту ж минуту, – я человек хотя заезжий, но право два раза вас накормить и напоить буду в состоянии, и тем взаимным образом отплатить сию хлеб-соль».

Наконец, надобно было нам разставаться. При окончании сего свидания нашего завел я опять речь о *Сабурове*, но он опять то же, и как я стал далее говорить, то он вспыхнул. Досадно мне неведомо как было, что он, будучи кругом виноват, да еще и пыхает. Но как я не затем приехал, чтоб браниться, то не хотел его дразнить, и потому всякой раз, как он вспыхнет, я тотчас с водою и опять сие поломя погашу, а немного погодя опять подожгу. Он опять вспыхнет, но я опять потушу. Итак, поиграв-поиграв им, разстался я с ним, сделав вид будто разстаюсь с великим неудовольствием, и поехал к Сабурову.

Тут дожидались меня все, как города, но я привез им худое известие, а именно: что на мир с Пашковым им надеяться нечего; что онаго у него и на уме нет; что старается он только провесть и обмануть; что удвоили бы они теперь свою осторожность и готовились бы делать новой и порядочной спор о государевой земле, подле которой межа остановилась, и так далее. Сим встревожил я их всех. Тотчас учинен был у них совет, наняты поверенные, учреждены форпосты и поставлены караулы. А я, распрощавшись с г. Сабуровым, поехал домой в свою Болотовку, и тем кончился сей день.

В последующий день дописал я челобитную, какую бы подать г. Сабурову в городе, а потом хотелось мне повидаться с господами *Соймоновыми* и разсказать им все бывшия происшествия и о езде своей к Пашкову. Они прислали за мною дрожки, и я поехал к ним обедать. Будучи мне очень рады, продержали они меня у себя весь день и посмеялись вместе со мною нашему старику г. *Свитину*, которой в сей день надсадил нас со смеху, прислав ко мне такое письмо, которое я не мог читать, не хохотав до слез. Впрочем, при свидании сем с господами Соймоновыми согласились мы, чтоб на сих днях, пользуясь свободным временем, ехать нам вместе для осмотра мест, где нам свой отвод вести. Также говорили, что не худо бы нам повидаться с своим межевщиком *Нестеровым* и осведомиться, когда он нас и каким образом межевать станет. Мы хотели было в степь на другой же день ехать, но отложили потому, что г. *Дуров* случился быть именинником и всех нас звал к себе в гости.

Таким образом, отправив 12-го числа прикащика в степь для измерения шагами некоторых нужных для меня мест, поехал я праздновать к г. *Дурову*. Между тем присылал ко мне Сабуров с известием, что у них межеванья нет, что межевщик уехал с Пашковым в гости к *Сухотину* и что сам он вздумал, пользуясь сим случаем, съездить к Новохоперскую крепость к опекунским межевщикам, и стараться взять находящуюся подле Лукина государеву землю себе в оброк, и спрашивал у меня совета и дозволения. Я дозволил ему тогда отлучиться; но не успел к г. *Дурову* приехать, как гляжу, и г. *Сабуров* за нами на двор, приехавший с нами лично поговорить и посоветовать. Хлопоты и суеты сего попечительнаго человека так изнурили, что он даже похудел, и его почти узнать не было возможности. Мы советовали, что не худо ему съездить, и проводили с Богом, а сами положили также непременно в следующий день ехать в степь, чего ради, возвратившись домой, посылали кой-куда за повереными и велели как свет съезжаться ко мне.

Таким образом, 13-го сентября имели мы сие путешествие. Господа *Соймонов, Дуров, Беляев, Свитин*, и *Тараковский* приехали ко мне и от меня поехали в степь. Проездили весь день и натыкали по стогам тычки, по которым бы нам вести свой отвод, когда велят нам отводить казенную землю. Около обеда наехали мы Пашковых людей с межевым, подьячим и командою, снимающих внутреннюю ситуацию с вершинки. Они, увидев нас целую толпу, испужались, чтоб мы не отбили у них астролябии,

чего у нас не было и на уме, и ударились в бегство. Проездив за сим до самой ночи, возвратились мы домой. Между тем возвратился посыланной от меня к межевщику *Нестерову,* обмежевывающему в тамошних окрестностях все государственныя земли, и привез известие, что он находится не слишком далеко и велел мне приезжать к нему на тех днях. Итак, положил я наутрие к нему и ехать.

Отправившись в сей путь, разсудилось мне заехать к г. *Масалову* в его настоящий дом, мимо котораго почти мне ехать надлежало. Он был мне очень рад, не отпустил без обеда и дал в проводники своего сына, чем я был весьма доволен. С сим сотоварищем приехали мы уже под вечер к *Якову Николаевичу Нестерову*. Сей человек, будучи мне уже знакомым, принял меня и угостил дружески, и мы проговорили с ним до полуночи. Я разсказал ему обо всем нашем межеванье и происшествиях; и он все мои поступки не только одобрил, но и расхвалил впрах, говоря, что теперь пропал Пашков и что ему нет никакого уже спасения. Впрочем, на вопрос о наших землях сказал, что он к нам межевать не скоро еще будет, да без особаго указа и не пойдет. А когда и придет, так межевать будет по нашему отводу казенную землю, а не по душам; во внутренность же нашу входить не будет ему никакой надобности и он не может; итак, были б мы только сами умны и отводили б так, чтоб в нашей даче не более было, как по 15-ти десятин на душу.

Переговоря обо всем, что было надобно, и ночевав у него, поутру на другой день отправились мы домой. Я принужден был заехать опять к *Масалову*, и поспели к нему к обеду, которой не менее был мне рад, как и накануне. Отобедав, поехал я домой и находился в размышлении, не зная, что с нашим межеваньем воспоследует далее, чем оно кончится и где начнет межевщик тогда межевать.

По приближении к нашим поселкам и поровняясь против двора г. Сабурова, нашел я человека, меня уже дожидающагося. Он звал меня к госпоже Сабуровой в гости, и я, заехав, услышал странное, а именно: что г. *Пашков* без меня на хутор возвратился и присылал ко мне своего *Рыбина*, которой двое суток меня повсюду ищет и не находя мечется по всем селениям, как угорелая кошка. «Что я им так вознадобился?» – спросил я. «Не знаю, – отвечала г-жа Сабурова, – только мы все сказали об вас, что не знаем, где вы находитесь; иной сказывал ему, что вы поехали с обедни, другой уверял, что вы в ту, а третий в иную деревню поехали; итак, он оба

сии дни вас искал и не находил. Был у меня и спрашивал о *Иване Яковлевиче*. Я сказала, что он поехал в гости». – «О, о! – удивляясь всему тому, воскликнул я. – Вот как их там пронимает! Прислали и сюда уже! Таковото мы их проучили!»

Услышав все сие, спешил я скорее домой, чтоб более о сем расспросить моего прикащика. Но не успел поровняться против двора г. *Тараковскаго*, как сей мой сосед бежит ко мне к коляске. «Что, батюшка! кричит он мне, – у меня сей только час межевщик был, ищет везде вас и не найдет, поехал теперь к *Соймонову*». Сие меня еще более удивило, и я, захохотав, сказал: «Не путем видно уже их пронимает, что, не удовольствуясь присылкою повереннаго, уже и самого межевщика ко мне протурили. Знать, что прямо нуждица до меня; но как же быть мне? Не пожалуешь ли ты, братец, мне верховой лошадки, так бы я коляску отпустил домой, а сам в сию же минуту заехал к Соймонову и там послушал, что за причина и за чем таким прислан межевщик к нам». – «Изволь, изволь, батюшка!» – сказал г. *Тараковский* и людям своим закричал: «Подавайте скорей и седлайте лошадь!» Вмиг один все это поспело, и я, отпустив коляску домой, поскакал сам к *Соймонову,* несмотря, что были тогда уже сумерки.

Прискакав туда и не застав межевщика, спрашиваю, где он? «К вамде поехал, а здесь только повернулся и ничего почти не говорил; сердит что-то и сумрачен и спросил только об вас. Мы сказали, что вы ездите все уговариваете дворян к миру и поехали в Курдюки. Что делать, солгали на вас». – «Экая беда! – сказал я. – Я сюда, а он ко мне; да как же я не повстречался с ним?» Нечего было долее мне тут медлить, ну-ка я опять назад и спешить домой. Но на дороге услышал, что он проехал к г. *Сабурову*, и удивился, что он туда поехал, ведая, что дома одна только жена. Однако, не разсудил вслед за ним ехать, потому что была уже ночь, а проехал домой.

По приезде моем, сказывал мне прикащик, что *Рыбин* приезжал неоднократно без меня и ему не давал покоя. Все уговаривал, чтоб мы помирились и именем господина своего сулил одному мне 2000 десятин земли, если я отстану от прочих и с ним помирюсь. Странное предложение! Не думал ли он и во мне найтить такого же легковернаго, так сказать, олуха, каковым по простодушию своему сделался г. *Сабуров* на меже, поверив словам сего бездельника, или не сочел ли и меня таким же бездельником, каков был самый г. *Пашков*? Но я доволен был прикащиком моим, что он

ему сказал, что я никогда мошенником не бывал и бездельником не захочу ни для чего на свете сделаться.

Не успел я раздеться, как гляжу, скачет ко мне человек от г-жи *Сабуровой*. – «Батюшка, не оставь в нужде, и приезжай защищать от межевщика! Приехал межевщик и боярыня не знает, что с ним делать и говорить». Нечего было делать, принужден был одеваться и ехать в Калиновку, хотя была тогда уже глухая ночь. Прискакавши туда на присланных лошадях, нашел я г-жу *Сабурову* в разговорах с межевщиком. Была она боярыня разумная и не уступала межевщику ни на волос, и сама, как надобно, защищала честь мужа своего и упрекала межевщика учиненною мужу ее обидою. Нельзя довольно изобразить, как рада она и межевщик моему приезду. Тогда начали мы с ним говорить полюбовную речь и как сей случай был к тому удобен, то на первой встрече тотчас я его, друга, подцепил и стал, как душе угодно, его гонять и журить за все его несправедливыя и с летами его нимало не сообразныя дела. Он отдувался уже, отдувался, но как был кругом виноват, то не знал, что делать и говорить, – так загонял я сего старика. Наконец, начал я его спрашивать, зачем он приехал и какая ему до меня нужда? «Нужда моя та, – отвечал межевщик, – что третьяго дня получил я из межевой канцелярии указ, что если у меня здесь дела нет, то ехал бы я межевать к князю *Гагарину*, в другое место. Итак, прислал меня *Петр Егорович* отобрать от вас последнее мнение: помиритесь ли вы с ним или нет?» Говоря далее, сказывал он мне, что г. Пашков уступает нам, сколько мы хотим, и требует только того, чтоб мы с ним помирились.

Усмехнулся я, все сие услышав, и, не долго думая, заключил, что все сие явная выдумка и сущий обман и коварство, отвечал тотчас ему: «Очень хорошо! Для чего не помириться и если даст сколько мы похотим и сколько отведем, и назовет это не нашею, а государевою землею, каковою она в самом деле есть, так мы готовы помириться». – «Нет, – отвечал он, – а *Петр Егорович* требует, чтоб вы назвали своею». – «Кланяюсь! – отвечал я ему. – Мы не маленькие ребята, чтоб дали сами на себя петлю на шею наложить, сняв наперед ее с него. Скажите *Петру Егоровичу,* что поздно-де, батюшка, сие вздумал, а надлежало бы вам поранее о том подумать и прежде начинания всего дела с нами повидаться и не с высокомерием, а дружески обо всем поговорить и посоветовать; и тогда, может быть, могло б что-нибудь и иное и ему угоднейшее выттить. А теперь, когда дело зашло уже так далеко, когда земля сия нами торжественно при понятых и столь многочисленных сви-

детелях объявлена казенною и засвидетельствована нашими подписками, то можно ли с здравым разсудком требовать от нас того, чтоб мы все с ума сошли и сделали то, что ни с каким благоразумием несходно и несогласно. Сами вы то сказать можете, ежели похотите быть безпристрастными. Итак, извольте сказать, сударь, *Петру Егоровичу*, что этому быть не можно, что мошенниками мы никогда не бывали и не будем и казенную землю своею никак не назовем». – «А когда так, – сказал мне на сие откровенно межевщик, – так сказываю вам, что Петр Егорович не намерен более межеваться, а бросает все сам и едет завтра же отсюда и хочет дожидаться уже Генеральнаго межеванья, ибо теперь будет ему дурной выигрыш. Он тужит и жизнь свою проклинает, что и взял теперь меня межевать, да и я могу и о себе прямо сказать, что весьма тому не рад, и если б знал, что здесь то-то будет, что было, то бы десяти тысяч не взял, чтоб сюда иттить межевать. Кланяюсь я вам. Оставайтесь, государи мои, с Богом, нечего с вами, такими тузами, делать! Наш брат хоть сюда и не езди! Видишь вы какие».

Любо было мне и приятно сие слышать, и я, засмеявшись, в превеликом удовольствии сказал: «Когда так, так-так! Мы и от всего не прочь. Покидать, так покидать, за чем же стало? Но скажите мне, на что ж бы это?» – «Как на что? – смеючись, отвечал межевщик. – Полно вам нас проводить. Ведь вы сами знаете межевую инструкцию и то, что не можно и опасно ему сделать себя прикосновенным к государевой земле, в котором случае, хотя бы и со всеми полюбовно развелся, так прибыли будет мало: всю у него лишнюю отрежут и дадут только писцовую дачу». – «Да, – сказал я, – это так, но это я давно знал, и дивился, что г. Пашков давно сего не провидел. Теперь, в самом деле, полезнее будет для него, когда он покинет межеваться и перестанет домогаться овладеть неправильно такою великою громадою, какова степь наша».

Сим кончилось у нас тогда с межевщиком дело. Он, отужинав тут, с превеликим неудовольствием поехал, распрощавшись с нами и объявив, что он в последующий день и сам поедет прочь, бросив все межеванье неоконченным.

Проводив его, сказал я госпоже *Сабуровой*: «Вот, матушка, что произвела написанная мною в Лукине бумажка и езда моя и свидание с Пашковым! Это мои слова его на ум и на разум наставили; а теперь поздравляю вас, сударыня, с столь неожидаемым скорым и благополучным окончанием дела и с полученною над Пашковым совершенною победою. Теперь

останемся мы опять от него в покое и будем по-прежнему владеть нашими землями до поры до времени с покоем». У госпожи *Сабуровой* ушки, так сказать, смеялись и при всем моем с межевщиком разговоре; а тогда не находила она слов к изъяснению своей радости и удовольствия, и проводила меня от себя, поехавшаго уже около полуночи домой, осыпая меня за все и все своими благодарениями.

Наутрие пронюхивал я, что на хуторе воспоследует, и вчерашний мой с межевщиком разговор какое произведет следствие. Оно было такое, какого я ожидал от онаго. *Пашков*, услышав, что мы мириться и вместе с ним казенную землю воровать не хотим, бросил межеванье и сам уехал; а межевщик последовал за ним, распустя наперед всех понятых и, сказав, что межеванья до весны не будет.

Не успело сего воспоследовать, как слух о том возгремел в один миг во всех наших селениях и округах, и начались везде восклицания радости и торжество о получении над неприятелем нашим столь славной победы. Всякой, радуясь и смеючись, о Пашкове говорили: «Эк, брат, взял! Эк много намежевал! Уплетайся-ка со стыдом в Гагаршину свою, а здесь нечего выторговать!» А я едва успевал слышать от всех похвалы и благодарения: всяк превозносил меня похвалами и не знал, какими словами меня благодарить. Господа *Соймоновы* прислали тотчас за мною, и мы, вместе повеселившись с ними, положили ждать г. *Сабурова* и тогда общий совет сделать, что нам теперь предпринимать и какия предосторожности брать от г. *Пашкова*.

Вот каким образом кончилось наше тогдашнее межеванье. Признаюсь, что я всего меньше ожидал столь хорошаго и удачнаго успеха и всего меньше думал, чтоб сие межеванье так скоро кончилось, но безсомненно думал, что он станет-таки продолжать межевать и обойдет и достальную часть южнаго и весь западной длинный бок степи, хотя со спорными кругом столбами, и велит нам потом, по обыкновению, свой отвод делать, а там либо все бросит, либо дело потянет в проволочку, и потому готовился уже прожить тут всю осень. Но тогда удовольствие мое было неизобразимо, и тем паче, что я сделался уже развязанным и мог ехать опять в свое любезное Дворяниново. Оставалось только обождать возвращения г. Сабурова и сделания последняго и общаго со всеми жителями совета.

Как г. *Сабуров* не мог еще дни чрез три возвратиться, то, чтоб не потерять в праздности напрасно времени, вздумал я в сии дни снять на план

всю усадьбу и все выгоны нашей деревни, дабы можно было после, с согласия наших соседей, нам между собою поразверстаться, и трудился над тем дни три, и к удивлению, по исчислению сделаннаго плана, нашел, что в одном выгоне нашей деревни было 330 десятин, а она была еще самая маленькая.

Между тем как я в сей работе упражнялся, приезжал ко мне старичок наш, г. *Свитин*, и опять подал повод к смеху над ним и хохотанью. Привозил к нему такой же глупец, Рахманова прикащик, свои отказныя книги и ввел старика ими в новыя и безчисленные сумнительствы, для изъяснения которых он ко мне и прилетел. Но как обрадовался он, услышав от меня, что *Пашков* уехал и что мы победили. Ни с другого слова, перекрестясь обеими руками, старик в землю, и потом ну прыгать и веселиться, а меня обнимать и целовать, и в глаза, и в лоб, и в щеки. «Помилует тебя Бог! – только и твердил. – Ты нас защитил и помиловал». И не знал, как изобразить свою радость. Я уже хохотал, хохотал да и стал.

Наконец 19-го сентября, ввечеру, возвратился и г. *Сабуров* и тотчас прислал за мною. О радости и удовольствии сего добродушнаго человека, и о приносимых мне похвалах и благодарениях я говорить уже оставляю: они были чрезвычайны, и тем паче, что езда его в Новохоперскую крепость была безуспешна, и он проездил по-пустому. Будучи опять в последующий день у него для угощения меня обедом, назначили мы 22-е число сего месяца для генеральнаго собрания всем дворянам, поверенным, старостам и прикащикам для держания последняго общего совета и назначили к тому сборным местом нашу приходскую церковь, почему от нас, как от главных начальников, и разосланы были повсюду гонцы с повестками.

Итак, по наступлении назначеннаго дня, поехал я к церкви, где и нашел уже превеликое собрание дворян, старост, прикащиков и поверенных и народа превеликое стечение. Меня прежде всего встретили тем, что находятся между прочим народом двое пашковских шпионов и что наши окружили их кругом и держут под честным арестом, чтоб они не могли ничего слышать. Отслушав обедню и отслужив благодарной молебен, пошли мы в находящуюся тут просторную богадельню в тепло, и как сие место подобно было канцелярии и для таких сборищ очень удобно, то, запершись в оной и отлучив всех ненадобных людей, и учинили мы главной и большой совет.

Оной начался принесением мне от всех (благодарений) и просьб, чтоб я, начавши сие дело и производя оное с толиким успехом, взял на себя труд оное и впредь продолжать и употреблять что надобно, и тем паче, что я живу в недальнем от Москвы разстоянии. А я с моей стороны благодарил всех за послушание и за славное единодушие; потом, говоря, что на пашковское уверение, что он все сие дело бросает, совершенно положиться еще никак не можно, а по коварству его и бездельничеству опасаться должно, что он не преминет употреблять и еще какия-нибудь хитрости и пронырствы, то следует нам и впредь быть от него осторожными, и, продолжая и впредь свое единодушие, с общего согласия положить теперь на мере, какия предосторожности предпринять нам на все непредвидимыя случаи и будущее время.

Итак, с общаго согласия условились все мы и положили: «1) Чтоб все те места, где вел *Пашков* свой отвод мимо наших земель, означить и заметить для предбудущаго неизвестнаго времени, и поставленные им черные столбы отнюдь не выкидывать; 2) чтоб за сею чертою никому более не распахивать земли, как названной нами казенною; 3) чтоб покинуть несколько, и хоть самое малое количество, непаханной земли и по сю сторону его отвода под именем также казенной; 4) чтоб разводиться всем селениям и деревням между собою полюбовно, дабы всякое селение пределы своей земли ведало; 5) чтоб мне приехать к ним, если можно будет, будущею весною или летом, и все их владения вымерить и разделить по препорции душ, ежели согласятся; 6) чтоб на все будущие межевые непредвидимые расходы собрать сумму денег, и на первой случай по 3 копейки с души, и выбрать всем миром казначея, которой бы деньги сии собирал, записывал, хранил и потом в расход употреблял; 7) чтоб всем помещикам дать мне верющее письмо, дабы можно было мне в случае надобности подавать в межевую канцелярию именем всех челобитную, и прочее; 8) чтоб отправить в тот же день двух человек дворян для списания с полевых записок копий, и снабдить их на дорогу деньгами; 9) чтоб главным начальником и попечителем обо всех быть и впредь господину *Сабурову*, и всем бы его повесткам и повелениям слушаться; 10) чтоб и впредь быть всем единодушным и в случае каких с Пашковым споров стоять всем заодно и друг за друга крепко».

Сие и подобное сему положено и определено было на сем совете и тотчас назначено, кому куда ехать и что делать. Г. *Тараковский* выбран был казначеем для сбора и расхода денег, а г. *Левашов* командирован к Пашко-

ву для списывания копий с полевых записок, и все они получили от меня надлежащия наставления.

По окончании сего важнаго и полезнаго дела, поехал я в свою деревню; но г. Сабуров зазвал меня к себе обедать и уговорил, чтоб я и в последующий день не отправлялся бы еще в свой предпринимаемой обратный путь в Каширу, а подарил бы сим днем его, ибо он был в оной именинником и звал всех своих друзей к себе обедать, и чтоб и я сделал им компанию и у него сей день отпраздновал.

Что было делать? Я как ни поспешал уже своим отъездом, но принужден был на неотступныя просьбы сего любезнаго человека согласиться.

Таким образом препроводил я весь оной день у г. *Сабурова* на именинах. Я нашел у него превеликое собрание тамошних дворян, и мы все были веселы. Тут распрощался я со всеми ими и, получив всеми ими подписанное верющее письмо, возвратился уже ночью в свое жилище.

Сие было последнее свидание мое со всеми тамошними господами, ибо через день после того я отправился уже в свой обратной путь, что случилось уже в 25-й день сентября месяца.

Как во время сего обратнаго путешествия не произошло со мною ничего, примечания достойнаго, то и не хочу обременять вас подробным описанием онаго, а в коротких только словах скажу, что я ехал опять чрез Тамбов и Козлов, заезжал в свою козловскую деревню, виделся там с дядею жены моей, господином *Кавериным*, и потом продолжая путь чрез Ранибург, Епифань и Тулу, 2-го числа октября благополучно в свое милое и любезное Дворянинoво к родным своим и приехал.

Сим окончу я и сие мое письмо, достигшее уже давно до своих пределов, и пожелав вам всего доброго, остаюсь ваш и прочее.

(Декабря 25-го дня 1808 года).

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Письмо 169-е

Любезный приятель!

Начиная сие письмо, должен я предварительно вас уведомить, что с сего времени все содержащееся как в сем, так и в последующих письмах

моих, продолжение повествования моего о всех бывших со мною в жизнь мою происшествиях, не будет сопряжено с такой точностью и подробностью, с какою описывал я до сего в предследующих письмах. Причиною тому то, что случившийся в 1782-м году несчастный пожарный случай, лишивший меня многаго, между прочим, ко особливому прискорбию моему, похитил у меня и все мои журналы и записки, относящиеся до сего промежутка времени, каковыми я до сего при описании моей жизни пользовался. Итак, при последующем повествовании по необходимости принужден я воспринимать прибежище свое к единой своей памяти и к малому числу оставшихся кое-каких бумаг и спасшихся от огня и пламени. Но как и первая по многопрошедшему и тридцатипятилетнему времени весьма уже ослабла и не в состоянии мне всего бывшаго во всей подробности напомнить, то натурально и должен я буду довольствоваться тем, что могу только вспомнить и что мог только я отыскать в помянутых немногих оставшихся от пожара бумагах и других письменных документах, и говорить уже обо всем короче и без наблюдения иногда порядка времени в самой точности.

Приступая теперь к продолжению повествования моего, скажу, что по приезде моем домой нашел я всех своих родных здоровыми и крайне обрадовавшихся нечаянному, и никак ими не ожидаемому так скоро возвращению моему в деревню. Они не инако полагали, что я проживу там всю осень и озабочивались тем немало по причине, что беременность жены моей приближалась уже к окончанию, и она была уже на сносях. Кроме сего, озабочены они были вновь отсутствием моим, получением из Петербурга ко мне нескольких пакетов с письмами, и еще одним весьма важным письмом от бригадира Наумова, которое так их смутило, что они за нужное почли отправить оное вместе с прочими письмами с нарочным ко мне, и сей посланной чуть было со мною не разъехался дорогою. По счастию, узнали его как-то мои люди, встретившагося с нами не доезжая Ранибурга, и его остановили.

Помянутыя пакеты из Петербурга содержали в себе дружеския письма от секретаря Экономическаго общества, господина *Нартова*. Первое отправлено было ко мне 22 июля, но каким-то образом шло до меня очень долго и не застало меня дома. В оном письме писал г. Нартов, что как он на последнее мое к нему письмо не получил еще ответа, то сомневается он в том, дошло ли оное ко мне, и как он не знает, виделся ли я с князем *Гагари-*

ным и учинил ли он что в мою пользу, то просил его о том уведомить; далее уверяя меня, что переписка со мною будет для него всегда приятна, повторял при сем случае просьбу о продолжении оной, говоря, что он письма мои всегда встречать будет с отменным желанием. Далее упоминая, что пиесы мои Экономическим обществом разсмотрены и некоторыя определено напечатать, говорил, что труды мои, на экономические изследования употребляемые, делают мне честь и по самой справедливости заслуживают похвалу от ученых людей. А о себе говорил, чтоб я был уверен, что он умеет достоинства упражняющихся в науках людей различать и почитать оныя и не преминет рекомендовать меня кому надлежит.

Все сие сколько, с одной стороны, льстило моему честолюбию, столько, с другой, огорчало тем, что я из онаго видел ясно, что письма мои, отправленные к нему, и самая посылка с каменьями, конечно, каким-нибудь образом не дошли, что по тогдашним неисправностям наших почт было и не удивительно, и сожалел о том очень много.

Второе письмо было от него же и писанное в половине августа, подтверждавшее мне то же, что не имеет он от меня давно никаких писем и уведомлений и не знает, что тому причиною. Он прислал ко мне при сем письме маленькую книжку, сочиненную трудолюбивым сочленом нашим, генералом и сенатором *Степаном Федоровичем Ушаковым*, и, приписывая сему сединами украшенному мужу великия похвалы, желал, чтоб я сообщил Обществу о том же предмете мои примечания. Наконец, уверял меня опять в своем дружестве и просил о себе уведомления, говоря, что быть знакомым с людьми, упражняющимися в науках, и в отсутствии с ними разговаривать чрез письма о полезных вещах, есть для него немалое утешение, и потому желает, чтоб я переписывался с ним чаще.

Сие письмо увеличило сожаление мое о пропавших и не дошедших до *Нартова* моих письмах и посылке. И я на оба сии письма положил, по приезде моем, ему ответствовать и извиниться в нечастом писании своею отлучкою от дома; также описать ему вкратце и все происшествие, бывшее со мною в Бобриках и в Богородицке вторично.

Что касается до третьяго письма, то было оно важнее обоих предследующих, и всего меньше мною ожидаемым. Было оно от самого того почтеннаго и добродушнаго мужа, г. бригадира *Наумова*, которой в последнюю мою в Москве бытность возил меня к князю *Гагарину* и меня с ним познакомил. Содержание письма его меня и удивило, и привело в смущение. Он

писал ко мне от 14-го сентября, что, при отъезде его из Москвы, просил его князь *Сергий Васильевич Гагарин* сообщить мне, что если соглашусь я взять на себя должность управительскую в селе Бобриках, то обещает дать мне жалованья 300 р. в год, да 50 четвертей хлеба, да чтоб шесть моих собственных лошадей содержать на казенном корме, и с тем уверением, что если г. *Опухтин* через два года пойдет в отставку, то я, и никто иной, заступлю сие место, и в чем дает князь свое верное слово. Пересказав сие, просил меня г. *Наумов*, что если я соглашусь на то, то уведомил бы его поскорее, поелику от него на будущей неделе будут в Москву ездоки, чтоб мог он князя уведомить. У него-де просятся на то место другие, и он до получения моего ответа им отказывает.

Признаюсь, что письмо сие сначала меня весьма возмутило и привело все мысли мои в разстройку и недоумение, что делать. Однако сие недолго продолжилось, но я скоро, сказав пословицу, что это уже после ужина горчица, решился от предложения сего начисто отказаться. Малочисленность жалованья назначаемаго не стоила того, чтоб, польстясь на оное, променять драгоценную свободу на таковую безделку; сверх того, и собственной покой мой был дорог. В Бобриках, как я видел, не было и дома такого для жительства, где б мне можно было поместиться и жить с моим семейством. Но сие все еще ничего бы не значило, но главнейшее обстоятельство, не допускающее меня и помышлять о том, было то, что надлежало мне быть тут под начальством г. *Опухтина* и во всем зависеть от его повелений. Это было мне всего несноснее. Натурально, все тягости и безчисленныя хлопоты и заботы, сопряженныя с строением тамошняго огромного дворца, лежали бы на моих плечах, а *Опухтин* бы стал моими руками жар загребать и все на все на мне взыскивать. Сверх того, думал я, каково же мне быть под командою такого человека, которой знал, что я назначен к занятию его места. «Не станет ли, – говорил я сам себе, – сей человек не только смотреть на меня всегда косо, но и всяким образом стараться мне злодействовать и искать всем и всем чернить меня пред князем, хотя бы я и совсем невинен был, и не подвергнусь ли я натурально чрез то безчисленным досадам и неудовольствиям? К тому ж Бог еще знает, как он управляет волостями, и точно ли так честно и хорошо, как мы думаем, и нет ли за ним и всякой еще всячины? А в таком случае захочу ли я быть таким же бездельником? В состоянии ли буду то терпеть и смотреть на то

сквозь пальцы, и не всего ли скорей подаст самое сие повод к неудовольствиям и самым неприятностям и ссоре?»

Сим и подобным сему образом поразмыслив, тотчас я воскликнул: «Нет, нет! благодарю покорно!... Оставайтесь-ка вы со своими Бобриками с Богом! Занимай управительское в них место кто себе хочет и кому есть охота навалить на шею себе такие хлопоты! А ты, мой друг, – говорил я сам себе, – ступай-ка себе скорей в свое любезное Дворянниново и там по-прежнему не живи, а царствуй в мире, тишине, независимости ни от кого и свободе драгоценной!»

В сих помышлениях продолжал я тогда свое путешествие. И как надлежало мне ехать чрез Бобриковскую волость и случилось так, что мне пришлось ночевать в принадлежащем к сей волости селе Каменке, то похотелось мне полюбопытствовать и разговорившись с хозяином, расспросить его короче и стороною о правлении *Опухтина* и обо всем его поведении. Хозяин, не зная совсем меня, и насказал мне столько разных вещей и дел, нимало мною не одобряемых, об *Опухтине*, что сие еще более отвратило помышления мои от Бобриковского управительства и подкрепило намерение мое начисто от него отказаться.

Со всем тем любо и приятно было мне, что я все еще у князя *Гагарина* в памяти и что он не только меня не позабыл, но всячески старается привязать меня к себе. Я не инако заключал, что я ему, верно, очень полюбился и что предложение его не от чего иного проистекло, как от доброты его душевной; а что предлагал он мне столь умеренное жалованье, в том извинял его охотно, ибо сам ведал довольно, что Бобриковское управительство и не заслуживало множайшаго, и как прежние управители, тут бывшие, не получали и трети против сего жалованья, то легко можно было заключить, что князь собственно только для меня оное увеличивал.

Итак, по приезде домой, первое мое дело было поспешить ответом моим к г. *Наумову*, и как при вопросе домашних родных моих о том, что они о сем предложении думают, услышал я, что и они во всем согласны с моим мнением и место сие почитают не только для меня безвыгодным, но даже и постыдным, то, не долго думая, сел я и начеркал ответ господину *Наумову*.

Как я легко мог заключить, что он в оригинале пошлет оной к князю *Гагарину*, то расположил я его так, чтоб отказ мой был колико можно менее оскорбителен для князя. Я, изъяснив в нем наиживейшим образом все

чувствия моей благодарности за то, что князь удостоивает меня не только своим незабвением, но и попечением о моей пользе, говорил, что домашния мои обстоятельства никак не дозволяют мне на сей раз согласиться на предложение и к удовлетворению желания его сиятельства, и просил его, чтоб он извинил меня в том перед князем; однако не преминул стороною и мельком дать будто ему только, г. Наумову, знать, что, между прочим, и для того у меня нет дальнаго желания определиться в сие место, чтоб не могло произойтить у меня с г. Опухтиным каких-нибудь неприятностей, могущих подать самому князю повод к некоторым неудовольствиям и досадам, и что я, привыкнув жить в деревне между друзей и со всеми мирно и согласно, и вести спокойную честную, независимую ни от кого и счастливую жизнь, охотнее хочу остаться в своей малой деревнишке, продолжая жить по-прежнему и довольствоваться тем, чем судьбе угодно было меня одарить.

По отправлении сего письма к г. *Наумову*, и чувствуя себя равно как от некоего бремени освобожденным, перестал я о том и мыслить, а приступил к соответствованию на письма г. *Нартова*. Но как имел я то предубеждение, что почитал единичныя письма, то есть без приобщения к ним каких-нибудь сочинений, неловкими, что самое, а сверх того, и неудобность к пересылке оных писем в Петербург, поелику тогда в ближних и малых городах почтовых контор еще не было и писем не принимали, а надлежало их всегда пересылать при оказиях в Москву и там отдавать уже на почту, а впрочем, и самая дороговизна в пересылке оных, и удерживало меня от частого писания писем, и принуждало всегда не только их, но и самыя сочинения переписывать мелко, на почтовой бумаге, и искать и дожидаться всегда каких-нибудь оказий в Москву, – то и заключал я, что и в сей раз будет дурно, если не пошлю я при письме какого-нибудь сочинения; почему, выбрав одно из заготовленных уже вчерне до моего отъезда в шадскую деревню, и переправив и переписав вскорости оное, приобщил к письму, написанному к господину *Нартову*.

Что касается до сего, то, изъявив в нем чувствования истинной благодарности за все лестные его обо мне отзывы и его к себе благорасположение, уведомлял я его о всех письмах и посылке, отправленных от меня к нему, и удивляясь неполучению им оных, пересказывал ему вновь обо всем, случившемся у меня с князем *Гагариным*, и потом о нечаянной и

долговременной моей отлучке в шадскую деревню, и заключил просьбою о продолжении его к себе дружества.

Отправив сие письмо при случившейся в Москву оказии, принялся я за прежния свои деревенския многоразличныя занятия, и как тогда наступала уже глубокая осень, то спешил я воспользоваться способным еще сколько-нибудь временем к произведению в садах моих работ и дел, нужных и упущенных несколько чрез мою отлучку.

Между тем нечувствительно приближилось и 7-е число октября месяца, или тот день, в которой совершилось мне 35 лет от моего рождения. При наступлении онаго не преминул я, по обыкновению своему, и в сей раз обозреть мысленно все происшествия, случившияся в течение минувшаго года; и как находил, что оной ознаменовался в особенности многими и разными бывшими со мною происшествиями, и опять многими и явными знаками особеннаго попечения обо мне Божеского Промысла, то благодарил я Всемогущаго всею душою моею и сердцем за Его ко мне милосердие и все Его ко мне благодеяния и милости. Паче же всего дивился я действию Промысла Господня в разсуждении неудачной моей езды, по приглашению князя *Гагарина*, в Богородицкую волость. Тогда казалась она мне непостижимою и удивительною, а в сей раз усматривал уже я, что неудача сия случилась по устроению судеб для моей же истинной пользы; ибо чего и чего не упустил бы я, если б тогда определен был к должности. Как бы можно было мне отлучиться и для домашняго окончания своего межеванья, и в шадскую деревню для разрушения коварного замысла и предприятия *Пашкова* с тамошнею степью, назначенною Провидением к доставлению мне в последующия времена весьма важных и существенных выгод, как узнаете вы впредь в свое время.

Чрез 10 дней после того наступил и день моих именин. Я праздновал его по обыкновению. Все родные, друзья и приятели мои, случившиеся тогда в домах своих, посетили меня в оной, и мы старались угостить их наилучшим образом и провели день сей с удовольствием, которое увеличилось тем, что я в самой оной получил еще претолстой пакет из Петербурга, из Экономическаго общества, с XXI частью «Трудов» онаго, присланною ко мне при письме от друга моего, г. *Нартова*, отправленном ко мне еще 5-го сентября, но в котором ничего особливаго не содержалось.

Как вскоре после сего настала весьма студеная погода, соединенная с обыкновенными осенними ненастьями, то прогнала она меня из садов

моих в комнаты и принудила большую часть своего времени посвящать наукам, литературе и досужеству. Люди, не привыкнувшие ни к каким занятиям и упражнениям, скучают обыкновенно осенью и жалуются на длинные скучные вечера. Но я сделал уже издавна привычку встречать осень почти с таким же удовольствием, как весну, и она для меня почти столько же приятна, как оная; ибо в сие время, не будучи так много развлекаем наружными предметами, имел я более и времени и досуга заниматься своими книгами, пером, кистями и разными другими любопытными и занимательными упражнениями, доставлявшими мне всегда тысячи минут приятных. Итак, принялся я опять за свои книги и занятие себя, когда чтением оных, когда писанием, когда переводами чего-нибудь, когда переписыванием набело или рисованием чего-нибудь, а когда то прискучит, то разными рукоделиями, а особливо переплетанием книг и оклеиванием их разными мною распещряемыми бумагами и другим тому подобным.

В таковых упражнениях и не видал я, как прошла остальная половина октября месяца, и я имел тем более свободнаго времени к тому, что мы, отчасти за дурными погодами, отчасти за тягостью жены моей, не могли почти никуда выезжать со двора, да и к нам как-то редко приезжали в сие время гости.

Наконец, настал час разрешения жены моей от бремени, и 28-го числа октября был тот день, в который даровал мне Бог еще дочь. Я обрадован был тем не меньше, как бы рождением и сына, ибо, будучи всегда тех мыслей, что мы нимало не знаем, какими из детей наших назначит Провидение Господне нам более или менее веселиться, не дерзал никогда роптать в таких случаях на Промысл и волю Господню и, ведая, что рождение людей зависит не от нас, а от таинственнаго Его распоряжения всего и всего в мире, всегда бывал доволен тем, чем ни благословлял нас Всемогущий.

Мы назвали новорожденную Настасьею по имени святой, случившейся в последующий день, и чрез несколько потом дней ее окрестили. И как в сей раз друга моего и прежняго кума г. *Полонскаго* не случилось дома, а он был в Москве и занимался там отделкою своего каменнаго дома, то восприемником от купели был ей уже родственник наш *Иван Афанасьевич Арцыбашев*, а восприемницею прежняя наша кума, тетка *Матрена Васильевна Арцыбашева*.

Таким образом, сделался я опять отцом трех детей: двух дочерей и сына. И как вскоре после того наступила у нас в сей год и настоящая зима,

то и подавно нельзя было никуда выходить, а за слабостью жены моей ездить, и потому вдался я уже совсем в свои ученыя упражнения и препроводил наиболее в них не только весь скучный ноябрь, но и самый декабрь месяц по самый праздник Рождества Христова, и не помню, чтоб во все сие время случилось со мной что-нибудь особливое. Все оно протекло нечувствительно. Мы езжали хотя по наступлении зимы кой-куда в гости, а посещали и нас наши друзья и соседи, но это не составляет важности, а более сидели дома, и я занимался писанием.

В сие время переписал я сам набело третью и четвертую часть своей «Детской философии» и сочинил пятую часть сей книги. А сверх того, положил основание и той книжке, которая в последующее время напечатана под именем «Чувствования христианина при начале и конце каждаго дня в недели», сочинив некоторыя из первых размышлений. Кроме сего, занимался я переводом, или паче сочинением «Истории о святой войне» и смотрением за обоими мальчиками, переписывавшими набело сей труд мой.

Наконец, прошед почти и весь Филиппов пост и приближался день Рожества Христова, как вдруг и против всякаго чаяния, обрадованы мы были приездом к нам совсем неожидаемых, но милых и любезных гостей, приехавших к нам очень издалека, а именно из псковских пределов. Был то родной мой племянник, сын покойной сестры моей *Прасковьи Тимофеевны, Михайло Васильевич Неклюдов*. Сего близкого родственника моего не видал я с самаго того времени, как, получив отставку, был я в последний раз у них в доме в Островском уезде и оставил его тогда еще мальчиком. Но в сие время был он достигшим до совершеннаго уже возраста и женатым уже мужем. Он, оставшись почти в малолетстве от обоих своих родителей наследником довольно знаменитаго их имения и препроводив несколько лет в службе, при помощи вступившихся в его сиротство добрых людей, приятелей отца его, женился хотя на небогатой, но прекрасной, разумной и достойной девице из фамилии *Елагиных*. И как получил он в приданое за нею небольшую ярославскую деревню, то, имея надобность побывать в ней, восхотел он повидаться и со всеми нами, живущими в здешних местах единственными его и ближними родными, и показать нам и себя и молодую свою жену, и для того решился проехать наперед прямо из Пскова в Москву, а из оной проехать наперед ко мне как к старейшему своему родственнику и дяде.

Не могу изобразить, как доволен я был его приездом и как много обрадован был оным. Я нашел его уже совсем другим и так переменившимся, что его и узнать бы я не мог, если б не сказался, а молодую жену его таковою, что я не инако как хвалить мог его выбор. Оба они в состоянии были ласками и обращением своим с нами заставить нас в один день себя полюбить искренно.

С сими-то любезными нашими родными разговелись и последние дни сего года провели мы очень приятно, и праздник Рожества Христова, против чаяния, был для нас отменно весел.

Но как теперь следует мне начать писать историю 1774-го года, то дозвольте мне начать оную уже письмом будущим, а сие сим окончив, сказать вам, что я есмь ваш и прочее.

(Декабря 26-го дня 1808 года).
Дворяниново.

1774 ГОД

Письмо 170-е

Любезный приятель!

Итак, наступил у нас новый и 1774-й, также весьма важный и достопамятный год как для меня в моей жизни, так и по многим другим важным происшествиям, случившимся в оной. Мы начали провождать его отменно весело в сообществе не только новоприезжих к нам дорогих, милых и любезных гостей, которых мы как возможно лучше угостить у себя старались, но и всех наших здешних ближних родных и лучших друзей и приятелей. Все они к нам к сему времени съехались и вместе с нами начали сей год провождать в увеселениях всякаго рода. Не было ни одного дня во все тогдашния Святки, в которой бы дом наш не наполнен был множеством гостей, несмотря как ни дурна случилась быть тогда погода, и мы изобретали и выдумывали все, чем бы могли сделать пребывание здесь дальним гостям нашим приятнейшим. Итак, господствовали у нас в сие время одни только разныя игры, смехи, издевки и забавы, и как случилось, что и племянник мой был весьма веселаго, шутливаго и забавнаго характера, то

помогал очень много и он своими шуточками и издевками к увеселению нашего общества. Словом, мы давно не имели у себя таких приятных и веселых Святок, и за ежедневными увеселениями и не видали, как протекли те 10 дней, которые пробыли у нас наши дальние гости.

Как они расположились проехать от нас в Кашин к нашим тамошним родным, то старались они преклонить и нас к езде туда же вместе с ними, и чтоб проводить их до жительства племянниц моих *Травиных*. А поелику и нам давно уже хотелось их навестить, то и не имели они в том дальнаго труда, и мы согласились на то охотно.

Итак, распорядив свои домашния дела и оставив меньших своих детей у тетки Матрены Васильевны *Арцыбашевой*, и отправились мы с ними в Кашин. По приезде нашем в Москву, пристали мы в доме у приятеля моего, господина *Полонскаго,* на Поварской. Мы нашли его уже живущаго в новых своих великолепных и со вкусом построенных и меблированных палатах. Он был приезду нашему очень рад, и тотчас для пребывания нашего отвел нам особой приворотный флигель, чем мы были в особливости и довольны, потому что могли иметь там более свободы и быть менее связанными.

Пребывание наше в сей раз в сем столичном городе было недолговременное и продлилось только немногие дни, употребляемые племянником моим на исправление некоторых покупок. Что касается до меня, то я воспользовался сим случаем для отдания в переплет всех моих последних сочинений, а особливо своей «Детской философии». Наилучшим переплетчиком в Москве почитался тогда г. *Ридигер*, отправлявший тогда только ремесло сие. Они были тотчас ему вручены, и самой сей случай впервые тогда познакомил меня с сим человеком, с которым имел я потом столь много дела и связь дружескую.

Кроме сего, не преминул я повидаться с некоторыми из моих родных и знакомцев, находившихся тогда в Москве. Помышлял было я и к старому князю *Гагарину* для изъявления ему своего почтения, но, додумав, и раздумал опять. Показалось мне, что будет неловко показаться мне к нему после сделаннаго отказа, и подумалось, чтоб не возмечтал он еще, что я в том раскаиваюсь и к нему подбиваюсь в милость; итак, разсудил лучше оставить его с покоем. Не удалось мне также побывать и в межевой канцелярии и распроведать о намерениях и предприятиях г. *Пашкова* с его брошенным и неоконченным межеваньем. Краткость времени и

случившиеся праздничные дни не допустили меня до того в тогдашний раз. Мне случилось только, и то нечаянным образом, свидеться с другом моим, г. *Сабуровым*, приехавшим также тогда в Москву для нужд своих, и крайне обрадовавшимся, меня увидев, и убедившим меня неотступными просьбами побывать у него, хотя на часок, стоявшаго у своих братьев в доме. И я действительно к нему ездил и был всячески угощен братьями его, людьми весьма умными и почтенными, и был приемом и угощением их весьма доволен. Но о деле нашем с Пашковым и о его намерениях ни он, ни они ничего не знали и не могли ничего проведать, что было и неудивительно, потому что *Пашков*, как мы после уже о том узнали, всячески старался скрыть свою неудачу от всего света; и не о продолжении своего предприятия, а о том наиглавнейше помышлял, как бы утаить и скрыть под спуд все бумаги и дела, писанныя во время тогдашняго его межеванья, что ему и не трудно было, по той причине, что главным членом в межевой канцелярии был тогда родственник его, господин *Зинбулатов*, которой собственно и давал ему тогдашняго межевщика. Но как он ни с чем в Москву возвратился, и ему все происходившее у нас там пересказал, то сей, будучи ему хотя родственником и приятелем, но сказал ему прямо, что когда такая беда сотворилась и вся степь наша названа государевою землею, то нечего уж делать, и что и ему не можно уже никак помочь; а присоветовал ему продолжать владеть только теми местами, которыми он владел и дожидаться Генеральнаго в тех местах межеванья; почему и взят был от него межевщик и откомандирован в другое место; а все письменныя его дела положены под спуд до поры до времени, ибо по желанию Пашкова совершенно их уничтожить никак было не можно.

Впрочем, в самую сию в Москве бытность узнали мы о загремевшем везде слухе о появившемся на Яике бездельнике бунтовщике *Емельке Пугачеве*, дерзнувшем назвать себя умершим бывшим императором *Петром Третьим*, и о безпорядках и смятениях, произведенных им в тамошних низовых местах. Все смеялись только тогда дерзновению сего злодея и надеялись, что отправленныя для усмирения его команды скоро все сие уничтожат и злодействам его скоро конец сделают. Но как мало знали все мы тогда, что воспоследует после и какой великий пожар произведет сия искра!

Проводив несколько дней в Москве с нашими гостями и побывав с ними во всех соборах, также и в театре, отправились мы, наконец, в свой

дальнейший путь, о котором скажу только то, что был он нам очень весел. Ехали мы превеликим обозом и доброю компаниею; становились на квартирах вместе, и не было ни одного ночлега, где бы мы, по веселому нраву моего племянника, не провели время своего в смехах, шутках и в приятных и веселых разговорах.

Как во все путешествие не случилось с нами никаких остановок и ничего особливаго, то в немногие дни и доехали мы до Кашинскаго уезда и до села Веденскаго, и обрадовали племянниц своим приездом. Как оной был ими совсем неожидаем, то не могу изобразить, сколь велико было их удовольствие, когда они и нас и псковских наших родных у себя увидели. Они не хотели почти верить глазам своим, а, особливо старшая из них, *Надежда Андреевна*, которой племянник мой был более всех знаком, потому что она жила немалое время у них в доме и вместе с ним почти воспитывалась. Слезы радости и удовольствия текли у них у всех из глаз, и они не находили довольно слов к возблагодарению всем нам за приезд наш и не знали чем и как лучше угостить всех нас у себя.

Как вместе с собою привезли мы к ним и брата их *Александра Андреевича*, то были они и тем чрезвычайно довольными. Они увидели его уже несколько поднявшимся в росте и переменившимся во многом с того времени, как они с ним в последний раз разстались, и благодарили меня за все старания, употребленныя при воспитании и обучении его.

Они затевали было делать для нас тотчас праздники и пиры и сзывать к себе всех своих соседей и друзей; но мы их тотчас в том остановили, сказав, чтоб они отложили сие до другого времени вперед, и что в сей раз пробудет у них *Михайла Васильевич* недолго, а поедет от них на короткое время в свою ярославскую деревню, с намерением возвратиться оттуда опять к ним, и что тогда да будет уже их в том воля. Итак, провели мы у них немногие дни пребывания в сей раз у них племянника моего в семейственном только сообществе между собою, но, несмотря на то, в удовольствии превеликом.

Проводив Михаила Васильевича в Ярославль, по неотступной просьбе и убеждению хозяек, остались мы у них на все то время, покуда проездят наши общие гости в Ярославль. Они обещали возвратиться к нам непременно к Масленице и сдержали свое слово.

Между тем провели мы все сие время наиболее в разъездах и свиданиях со всеми их соседями и прежними моими знакомцами и друзьями.

Домы госпожи *Калычовой*, г. *Баклановскаго*, г. *Коржавина* и некоторые другие были тогда нами посещены с нашими племянницами, и везде были мы с удовольствием принимаемы и угащиваемы. Везде были нам рады, и все старались к нам всячески ласкаться; а приезжали и к нам многие из них и прочих их соседей; а за всем тем и не видали мы, как прошел весь тогдашний короткой мясоед и приближилась и самая Масленица, случившаяся тогда в исходе февраля месяца.

При свидании с знакомцем и приятелем моим, господином *Баклановским*, не преминули мы опять заниматься любопытными разговорами о науках, книгах и садах, и не одну, а многия минуты провели с отменным удовольствием, и не было свидания, при котором бы мы не занимались с ним тем по нескольку часов сряду.

Наконец, возвратились из путешествия своего и наши псковитяне, и приехали действительно к нам при начале Масленицы. А тогда и начались у нас прямо ежедневные почти пиры и празднества, и вымышляемы были все роды забав и увеселений, свойственных дням сим. На дворе у них сделана была для катанья прекрасная гора. Соседи их приезжали к нам почти ежедневно, и не было дня, которой не провели бы мы в смехах, играх и всякаго рода забавах и увеселениях, причем натурально не забываемо было и самое катанье.

Наконец, настал наш и Великий пост и положил предел всем нашим забавам и увеселениям, а вкупе и пребыванию в кашинских пределах. С наступлением онаго надлежало и Михайле Васильевичу и нам ехать восвояси, и 3-е число марта был тот день, в которой пролито много слез при общем нашем друг с другом разставаньи. Мы так уже все свыклись между собою, что для нас всех разставанье сие было очень печально и горестно. Но никто с такою чувствительностью не разставался с нашими псковскими родными, как мои племянницы. Они, ровно как предчувствуя, что разстаются с ними на весь свой век и что им не удастся более уже никогда их видеть, проливали целые ручьи слез при разставании и провожании оных. Что касается до нас, то мы имели к тому еще некоторую надежду, ибо дали им обещание побывать и у них во Пскове, когда не в следующий год, так в будущий за оным. Но, ах! Как сильно обманулись и мы в своих заключениях о будущем времени и сколь мало знали тогда, что судьба и самому (мне) не прежде дозволит видеть сих ближних родных моих, как по прошествии почти целых 30-ти лет с того времени, а семьянинок моих

лишит удовольствия сего даже и до теперешняго времени; и могли ль мы тогда воображать себе, что они видели их тогда и в первой и в последний раз? Вот что делает отдаленность родных друг от друга!

Мы поехали в самое то же время от них и поспешали возвратиться в дом свой. По приезде в Москву, не стали мы долго медлить в оной, и, остановившись опять у г. *Полонскаго*, пробыли не более одних суток в сей столице. И я успел только взять от *Ридигера* переплетенныя мои книги и забежать на часок в немецкую книжную лавку, у Воскресенских ворот, в которой *Ридигер* сидел уже тогда сидельцем, и купить себе несколько новых немецких книг для деревни.

Впрочем, узнали мы, что слух о *Пугачеве* не только не уничтожился, но увеличивался от часу больше. Нам насказали уже столько о худых успехах посыланных для усмирения его команд и о всех его злодейских деяниях, что мы ясно видели, что дело сие не походило уже нимало на шутку, а становилось час от часу важнейшим и сумнительнейшим, и потому поехали мы из Москвы весьма с неприятными о сем предмете мыслями.

В деревню свою приехали мы около 11-го марта, что случилось уже быть на второй неделе Великаго поста, и, к удовольствию своему, нашли всех детей своих и здоровыми, и благополучными. Тут, к удивлению своему, нашел я опять два пакета, полученных без меня ко мне из Петербурга, из Экономическаго общества.

Я, развернув первой, удивился, нашед в нем письмо от г. *Нартова*, писанное еще 9-го декабря минувшаго года, следовательно, шедшее ко мне ровно три месяца. В оном бомбандировал он меня опять просьбами о скорейшем уведомлении его о себе и о своих обстоятельствах и опять наполнил все письмо свое дружескими изъявлениями сожаления своего о пресечении нашей переписки и удивлением, что он не знает тому причины. Наконец, говорил, что Экономическое общество препоручило ему сообщить мне пиесу о истреблении червей на пашнях и желает, чтоб я по оной сделал опыты, и прочее.

Второе же письмо было официальное, от имени всего Общества и во всей форме препоручительное мне, или предписывающее, чтоб я непременно сделал все нужные опыты по приложенной книжке и форме и рисунку сохи, относящиеся до истребления сих червей на пашнях, за подписанием того ж г. *Нартова,* но уже 9-го генваря 1774 года; и сие шло уже два месяца.

Оба сии письма меня удивили и некоторым образом сконфузили. Я не мог опять довольно надивиться неполучению Нартовым моих писем и сожалел о том искренно. С другой же стороны, препоручение мне Обществом коммиссии, относящейся до предпринимания опытов к истреблению червей, было мне некоторым образом не только неприятно, но и отяготительно. «Что ж такое? – думал и говорил я сам себе. – Господа сии, от которых я, как от козлов, ни шерсти, ни молока, или никакого добра себе еще не видал, кроме пустых и малозначущих похвал, недовольны будучи еще тем, что тружусь, пишу, хлопочу и убытчусь при отсылании к ним своих писем и сочинений, платя за то очень дорого, без всякаго за то возмездия, вздумали еще, так сказать, и верхом на мне ездить и делать мне предписания... Делай-ста я в угождение им разные опыты и по рисункам сохи, и лихия болести, и уведомляй их об оных. Хоть бы, право, и потише раз!.. И что, право, за диковинка?» и так далее. И как по счастию в здешних местах тех червей в хлебах, о каких они упоминали, никогда не бывало и нам они неизвестны, то положил я ответствовать им коротко, что в здешних местах червей таких нет и никогда по сие время не бывало, и что опыты по их предписанию делать мне не над чем, и тем от сей коммиссии отделаться.

Все течение Великаго поста препроводил я в обыкновенных своих кабинетных упражнениях и во все остающееся мне от разъездов по гостям и принимания их у себя, время употреблял отчасти на чтение прежних и вновь купленных и с собою из Москвы привезенных немецких и французских книг; а как начали дни уже гораздо увеличиваться, и комнатною своею оранжереею, или горшками, коими все окна в доме моем были установлены. Неимение у себя ни оранжереи, ни теплицы, ни самых парников, к чему ко всему не имел я никогда дальней охоты, награждал я недостаток оных ящиками и горшками, содержимыми в комнатах, и при приближении каждой весны все нужное в них сам садил, сеял и возращал, что и доставляло мне еще больше удовольствия, нежели иным самыя оранжереи и теплицы.

Кроме сего, по обыкновению своему, занимался я при увеличившихся днях и в сей год опять разными родами рисования, как водяными, корпусными и сухими, так и самыми масляными красками, и делал сие как для собственнаго своего удовольствия, так и для наставления и приучивания к тому же обоих моих сотоварищей и учеников. Ибо я не только привез

с собою опять обратно племянника своего *Травина*, но по возвращении в дом свой, взял опять к себе и старшаго сына соседа моего г. Ладыженскаго, *Никиту Александровича*. Сих-то обоих, так сказать, воспитанников своих старался спознакомливать я, сколько мог, не только с нужнейшими для них науками, но и с рисованием всякаго рода, а сверх того, как нередко гащивали у меня и обе дочери тетки Матрены Васильевны *Арцыбашевой*, то делал сие некоторым образом и для них, дабы преподать и им некоторое о том понятие. А все сие и доставляло мне множество минут приятных и помогало время сие проводить с удовольствием. Как в числе купленных в Москве мною немецких книг были некоторыя, относящияся и до натуральной истории, которыя мне нужны были для почерпания из них нужного при продолжаемом по временам сочинении моей «Детской философии», и между ими находилась и одна ботаническая книга, а именно *Рейгерово* описание дикорастущих в окрестностях Данцига произрастений, расположенное по их разным родам, отродиям и видам; то особливаго замечания было достойно, что при читании оной не только получил я общее и довольно достаточное понятие о сей части натуральной и доселе мне не знакомой еще части натуральной истории, но получил даже и самую охоту к *ботанике*, и потому с неописанною нетерпеливостью; дожидался сошествия снега и наступления весны, дабы мне, по руководству сей книги, тотчас начать спознакомливаться со всеми растущими у нас дикими травами и другими произрастениями, и чрез разсматривание состава их цветков узнавать их роды, отродия и имена, приданныя им от ботаников.

В сих и подобных сему упражнениях и других экономических любопытных занятиях и не видал почти я, как прошел и весь наш Великий пост; а начавшиеся тали и обнажение земли от снега и последовавшая затем прекрасная всегда в нашем селении половодь подали мне новые поводы к увеселениям и забавам душевным. Признаюсь, что мне всегда сие время бывало в особливости любезно и приятно и возобновляло в душе моей новыя и наиприятнейшия чувствования. С отменнным и превеликим удовольствием сматривал я всегда на яркую белизну, в марте начинающих уже таять снегов, на отменную ясность солнца и свода небеснаго, на обнажающиеся кой-где первые бугорки земли, да первые капели с кровли и ручейки снежной воды и на все особыя движения всех животных, и потом на самую половодь, меня всякой раз отменно увеселяющую; а книги, содержащия в себе описания красот натуры, которыя обыкновенно я в сии

времена читывал, делали мне в том великое вспомоществование и производили то, что все, и такие предметы, на которые смотрят множайшие люди без всяких чувствий и удовольствия, производили собою в душе моей наисладчайшия и приятнейшия движения оной и доставляли мне тысячу минут приятных.

Наконец сошел у нас снег, прошла половодь, стала наступать уже весна и началось время, удобное и способное уже к копанию земли и первейшим садовым работам. Сего времени я уже давно с нетерпеливостью дожидался, ибо хотелось мне произвести в сию весну одно, давно уже затеянное и некоторым образом еще в 1772-м году начатое, весьма большое и важное дело, а именно: до сего имел я у себя хотя два или паче три нарочитой величины сада, но все они далеко не в состоянии были удовлетворить собою моей охоты к садам; мне казалось, что все еще их было мало, и хотелось завести еще один, гораздо всех их обширнейший и уже не регулярной, а единственно плодовитой и назначенной быть всегда продажный и к доставлению мне собою знаменитаго прибытка. Желание к сему уже давно во мне возродилось, но долго я сам с собою не соглашался, где назначить под него место, ибо в прежней усадьбе своей, по великой тесноте и ограниченности оной, не было нигде празднаго и способнаго к тому места; а из полевой земли назначить к тому оное, как единое остающееся мне средство, мешало то, что ближние пашни не все были мои, но перемешаны чрезполосно с соседскими, и оставалось только разве поразменяться с ними и выменить хотя несколько десятин к одному месту.

Как сие наконец мне и удалось, и я увидел целыя три десятины, сряду и подле самой моей усадьбы за прудами лежащия, в моем собственном владении, то, не долго думая, и назначил я все их под новозатеваемой большой сад. И как все сие великое пространство места вдруг обнесть какою-нибудь оградою был я не в состоянии, то положил на первой случай окопать все оное глубоким рвом и оградить земляным валом, что и начали мы производить в действо еще в 1772-м году и в последующий за оным; и как работа сия была уже кончена, а между тем подготовлено было у меня уже нарочитое число прививочных и отводковых яблонок, то и дожидался я сей весны для первого посажения всех их уже в оной и к сделанию чрез то ему формальнаго уже основания.

Итак, не успел сойтить снег и место сие от него опростаться и сколько-нибудь обчахнуть, как и приступил я тотчас к назначению мест в нем под

деревья и к посадке оных. И особливаго замечания достойно, что случилось сие в самую Великую пятницу, бывшую в сей год 18-го апреля, и я работою сею так занялся, что провел весь день, с утра до вечера в оной не евши и не пивши ничего и не чувствовавшаго даже к тому и охоты. Со всем тем всех заготовленных и поспевших к пересадке яблонок далеко недостало на занятие ими всего пространства, а всего стало только с небольшим на половину онаго; а поелику заведен он на пашенной полевой земле, то самое сие и подало мне, повод назвать его полевым садом, которой впоследствии времени и был хотя подвержен многим несчастиям, но, существуя и поныне, приносит мне уже доход довольно изрядной.

Наставшую после сего Святую неделю провели мы, по прежнему обыкновению, довольно весело, в разных свиданиях с родными своими и соседями и в забавах, сему времени свойственных. А как между тем начала уже оживать и трава и показываться кой-где разные цветочки, то по намерению моему и не преминул я за первое в жизни моей ботанизирование, или при помощи книги моей разсматривать все оные уже ботаническими глазами и узнавать, к какому классу, породе и отродию принадлежит то произрастение, и как которое из них собственно называется. И Боже мой! Какое неописанное удовольствие я имел, когда первые опыты стали удаваться мне наивожделеннейшим образом и когда, по ботаническим приметам узнав породу, узнавал вкупе и официальныя, и ботаническия названия оным, и сколько приятных и неоцененных минут они мне доставляли! Не успевал я узнать собственное латинское и немецкое название какой-нибудь разсматриваемой травки, как благим матом хватался я за *Цынков* экономический и *Гибнеров* натуральный лексиконы и приискивал уже в них статьи под сими названиями, и как радовался, когда, находя описания оным сходные с описанием *Рейгера*, находил вкупе и упоминания о том, какия которая из них имела свойства и силы, и которыя из них принадлежали к врачебным и способны были помогать от каких болезней. И Боже мой! Как много увеличивалось тогда чувствуемое мною удовольствие, когда узнавал я, что иная довольно нам известная и нами нимало неуважаемая травка достойна была иногда наивеличайшаго нашего, по целебным ее силам, примечания и уважения. Я прыгал почти иногда при таких случаях от радости, и с узнаванием вновь какой-нибудь травы получал вновь, равно как некоего нового себе друга и знакомца, и удовольствие мое было неизреченно.

Вот в которое время стали начинаться все мои ботаническия знания, доставившия мне в последствии времени случай и возможность сделаться с сей стороны полезным своему отечеству и доставить безчисленному множеству соотечественников моих не только нынешним, но и самым потомкам их существительную пользу, и заслужить чрез то несчетныя благодарения от оных.

В таковых-то приятных и полезных занятиях, вместе с прочими весенними садовыми упражнениями, препроводил я все достальное время месяца апреля, а тем же самым продолжал я заниматься и в наступивший потом май месяц.

В течение онаго имел я удовольствие получить опять из Петербурга превеликой пакет из Экономическаго общества; но каким удивлением поразился я, нашед в оном одну только книгу, содержащую в себе XXII часть «Трудов» Общества, а письма приложеннаго к ней ни от кого и никакого не было. Я не знал и не понимал, чтоб такое сие значило и подумал, что не разсердился ли на меня г. *Нартов*, что не захотел удостоить меня в сей раз письмом своим. Но как увеличилось удивление мое, когда начав разсматривать сию книгу, в которой безсомненно надеялся я найтить последния свои сочинения напечатанными, увидел, что ни одного из всех их не было, хотя они давным-давно были уже от меня отправлены; а вся она, несмотря на всю свою толстоту и на печатание на прекрасной александрийской бумаге, содержала одно только пространное сочинение г. Шретера и сочинение самое вздорное, глупое и ни малейшей никому пользы принесть не могущее. «Боже мой! Что ж такое будет! – воскликнул я с нарочито огорченным духом. – Вздор такой печатают и занимают им целыя книги, а такия хорошия и прямо полезныя для многих замечания и сочинения, каковы мои, лежат у них и преют, или, что того еще хуже, может быть, и совсем не напечатаются. В состоянии ли таковая медленность побуждать и наиусерднейшаго человека к продолжению трудов своих и заохотить к дальнейшей и многокоштной пересылке к ним трудов своих? Как давно отправил я уже к ним все последние свои прекрасные и важные пиесы и сколько времени жду и не могу дождаться видеть их напечатанными? И что ж это будет, и при такой удивительной медленности сколько лет к тому будет потребно, чтобы успеть им напечатать все то, что на уме и в намерении моем было сообщить им из всех безчисленных и прямо полезных вещах, мне сделавшихся известными и достойных преданными быть тис-

нению. Теперь не удивляюсь я тому, – говорил я далее, – что всё наше Экономическое общество нимало никем не уважается, и что лишилось оно и от тех уважения, которые оным его еще удостоивали. При таком порядке лучшаго и ожидать не можно».

Сим и подобным сему образом изъявлял я свое неудовольствие на оное и в чувствуемой досаде полагал не посылать к ним впредь ничего и не трудиться для них по-пустому, покуда не увижу последних моих пиес в «Трудах» их напечатанными.

Между тем как настала уже совершенная весна, то вспомнил я о обещании моем, данном шадским моим соседям, чтоб приехать к ним сею весною для измерения всех их дач и для разровнения их по душам между деревнями, но не знал, что тогда делать и предпринимать ли мне сие путешествие или нет? Сколь ни горячо я тогда в сие дело вступился и как ни ревностно хотел предпринять для пользы всех их сей необъятно великий труд, но жар сей имел время гораздо попростыть, а здравейшия размышления обо всех тамошних и своих обстоятельствах и гораздо оной простудили, или паче совсем уничтожили; ибо, во-первых, за бездействием *Пашкова* не находил я никакой дальней надобности к поспешению сим делом; во-вторых, сомневался я, и не без основания, что едва ли будет на то и единодушное согласие всех жителей тамошних деревень, и не произойдет ли тысячи препон и помешательств мне в том деле? Мысли об одном *Рахманове* и о наглом и скверном его характере устрашали меня неведомо сколько. «И что ж будет, – говорил я сам себе, – если я проезжу туда по-пустому и не только изубытчусь и трудам подвергну себя самопроизвольно безчисленным, но и в доме чрез отлучку на все лето, или по меньшей мере на несколько месяцев, во всем сделаю упущение, а всем тем ничего добраго не сделаю и, может быть, что всего и вероятнее, с одною только досадою и стыдом от тщетной и напрасной езды возвратиться принужден буду домой?»

Тако размышляя и несколько раз сам с собою разговаривая, я, признаться, не имея охоты разстаться с своими садами и с спокойною своею деревенскою жизнию, сказал я наконец сам себе: «Нет, нет! Оставайся-ка они там с Богом и живи, как жили прежде, до поры до времени; а ты, мой друг, Андрей Тимофеевич, на неверное не пускайся и без дальней надобности не подвергай себя безчисленным трудам и безпокойствам, а оставайся-ка себе благополучно в своем Дворянинове и занимайся по-

прежнему своими садами и другими для тебя любезными и счастие твоих дней составляющими упражнениями».

Сим образом решившись не ехать, а оставшись дома проживать попрежнему свое время в своей деревне, начал я помышлять о том, в чем бы и в чем препроводить мне тогдашнее лето, какия предпринять новыя в садах работы, и в чем, и в чем заниматься мне лучше и располагать в мыслях все то, что предварительно к тому было нужно.

Но, ах! Как мало знал я тогда, что воспоследует чрез немногие после того дни и часы! И мог ли я подумать, что тогда доживал я не только последний год, но и последние дни и часы в моей деревне и что давно начался уже тот месяц, в который Промыслу Господню угодно было переменить все мое положение и назначить тогдашние дни быть последними пребывания и жительства моего в деревне, и что уже готово совсем назначенное для меня Им иное и новое поприще к прохождению в моей жизни. Словом, весь помянутый счет мой делан был совсем без хозяина, и явившаяся вдруг пред крыльцом моим кибитка и вышедший из ней совсем не знакомый для меня человек разрушил вдруг и в один почти миг все помянутыя мои замыслы и затеи и заставил думать о иных и несравненно важнейших предметах.

Но о сем начну разсказывать вам уже в последующем за сим собрании моих писем, а теперешнее сим кончу, сказав вам, что я есмь ваш и проч.

Конец
шестнадцатой части
(Кончена сочинением декабря 26-го дня 1808,
а перепискою февраля 8-го дня 1810 года).

ЧАСТЬ XVII

В Дворянинове: сочинена в начале 1809 года, переписана 1810 года.

ИСТОРИЯ МОЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В КИЯСОВКЕ

1774–1775

НЕОЖИДАЕМОЕ НОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КНЯЗЯ

Письмо 171-е

Любезный приятель!

В последнем моем письме прервал я повествование мое тем, что вдруг и против всякаго чаяния и ожидания явилась пред крыльцом моего дома кибитка, и вышедший из ней совсем мне незнакомый человек разрушил в один почти миг все мои дальновидные замыслы и помышления о том, в чем и в каких занятиях и делах препроводить мне тогдашнее лето, и как бы расположить жизнь мою так, чтоб была она для меня приятнее и веселее, и обратил все мысли и помышления мои на иные предметы.

Не сомневаюсь, что слова сии были тогда для вас загадкою и что вы с любопытством и теперь ожидаете от меня разрешения оной. Сие и должен я учинить, и вот слушайте, что такое сие было.

Помянутой кибитке, запряженной тремя ямскими лошадьми, случилось прискакать на мой двор в самое то время, когда я сидел в своем кабинете, в любимом своем и спокойном уголке, и не помню что такое писал. Как она вмиг, прилетев к крыльцу моему, находившимся под самым тем окошком, где я сидел, остановилась, то, поразившись сею неожидаемо-

стью, смотрю я на выходящаго из ней и подле самаго окна на крыльцо всходящаго человека с любопытством и удивляюсь. Казался он мне совсем незнакомым, небольшого роста, плотен собою и одет так, что я не знал: не то он какой благородный, не то из приказных, не то офицерскаго ранга, не то иного какого. «Господи! – думал я тогда и в мыслях говорил сам с собою. – Кто бы такой это был? Не понимаю!..» – и пошел встречать его и принимать в свою залу.

Гость мой входит, кланяется мне учтивым и приятным образом и не с другого слова спрашивает меня, я ли *Андрей Тимофеевич*?

– Точно я, – говорю, – но об вас смею спросить, с кем имею я честь говорить?

– Я, сударь, *Шебашев*.

– Имя ваше?

– Лев, Петров сын!

– А достоинство и чин ваш?

– Секретарь, сударь, – отвечает он мне. Сие меня еще более удивило.

– Господи! – говорю я опять сам себе. – Откуда бы такой и зачем ко мне пожаловал?

Однако, не спрашивая еще о том, говорю ему:

– Милости прошу, батюшка, пожалуйте сюда.

И зову его с вежливостью и ввожу в мою гостиную. Тут стараюсь я его посадить в кресла, но он вместо того достает из кармана и подает мне письмо, запечатанное большою печатью с изображенными на ней орденами. «От кого бы это было?» – думал я и, вдруг развернув письмо, спешу смотреть на подпись.

– Ба! – воскликнул я, поразившись удивлением. – Это, конечно, от князя *Сергия Васильевича Гагарина*?»

– Точно от него, – сказал господин Шебашев, – и я имею честь быть его секретарем. Его сиятельство приказал вам кланяться и убедительнейше вас о том просит, о чем он к вам в этом письме писать изволил.

Сие натурально увеличило еще мое удивление. Я усугубил мою просьбу о том, чтоб он сел, и, севши сам подле его, спешил читать сию бумагу. Но какою приятною неожидаемостью поразился вдруг я, когда, читая, увидел, что князь уведомлял меня, что он торгует и хочет купить для государыни недалеко от меня лежащую и тысячах в четырех душ состоящую Киясовскую волость, и ласковейшим образом просил меня, чтоб я взял

на себя труд и со вручителем сего письма, его секретарем, котораго он нарочно ко мне для сего отправил, съездил, осмотрел и, описав сию волость, к нему бы в Москву приехал, и что если волость сия мне понравится и он ее купит, то желал бы он, чтоб я согласился принять на себя управление оною, в котором случае предлагал мне 400 рублей жалованья, казенных лошадей для езды и приличное количества хлеба для моего содержания. И, пересказав сие, оканчивал тем, что как волость сия лежит от жительства моего недалеко и я зависеть буду единственно от него, а не от кого другого, то и льстится он надеждою, что я не отрекусь желание и просьбу его выполнить.

Признаюсь, что вся кровь взволновалась во мне при читании сей бумажки; краска выступила в лицо, руки трепетали и сердце хотело выпрыгнуть, и я долго не мог собраться с мыслями и сыскать слов в ответ на его поклоны и повторяемыя именем князя о соглашении моем просьбы.

– Батюшка ты мой! – сказал я ему наконец. – Дело сие не составляет безделки и такого рода, что мне об нем не инако как наперед хорошенько подумать и погадать надобно, и вы извините меня, что я не могу еще сказать вам ничего решительнаго о том.

– Очень хорошо! – подхватил он. – И это самая правда! Но все обстоятельства кажутся таковы, что можно бы истинно вам на предложение сие согласиться! Волость, как говорят, такая хорошая, место и должность будет никому непостыдная; жить будет где, есть, говорят, в ней дом господской каменной со всеми принадлежностьми, а командир-то, командир такой доброй, честной и любезной человек.

– То так, – подхватил я, – все это хорошо и все не худо; но, батюшка ты мой, я и своим состоянием до сего времени был доволен, достаток имею хотя небольшой, но живу с покоем и, по милости Господней, не терплю ни в чем недостатка. Жить мне, как видите вы сами, есть где, веселиться есть чем; стужи и нужды не терплю, есть и пить есть что, голодным никогда не бывал. Людей и деревень хотя не много, но тем меньше забот и трудов для управления ими потребных, и тем более остается мне свободного времени для занимания себя науками и разными другими упражнениями, которыя меня увеселяют и до коих я охотник. И сия свобода, государь мой, для меня всего дороже и мне весьма бы весьма не хотелось с нею разстаться.

– Все это хорошо, – подхватил г. Шебашев, – но, поверьте, что и там вы много также свободы иметь будете. Нужно вам будет сначала несколь-

ко потрудиться и привесть все нужное в порядок, а там и будете жить, как вам угодно. Князь у нас такой доброй, такой милостивой, невзыскательной и добродушный человек, что я готов бы умереть под его командою. Он же вас уже и теперь любит, а верно полюбит еще более и вы, безсомненно, будете им довольны; а сверх того, всегда, когда вам будет угодно, можете вы приезжать и в дом свой так близко.

– Но помилуй, – подхватил я, – где это лежит сия волость, что я об ней и о имени ея никогда не слыхивал?

– В Коломенском уезде, – отвечал он, – на большой дороге из Москвы в Каширу за шестьдесят верст от Москвы, и отсюда, как думаю, не более как верст тридцать; а много-много сорок только будет. Подумайте-ка, батюшка!

Сие последнее в самом деле заставило меня думать и начало уже некоторым образом преклонять к принятию делаемаго мне предложения. А как, сверх того, именем князя стал он повторять опять прежнее его обещание определить меня в волость Богородицкую, как скоро *Опухтин* пойдет в отставку и туда из сей волости меня перевесть, то сие и более уже меня мыслить о том и на предложение его соглашаться побуждало.

Со всем тем как все выше упомянутое мы с ним один наедине говорили, и домашния мои ничего еще обо всем том не ведали, то попросил извинить меня, что я на несколько минут от него отлучусь, побежал я к ним показывать княжое письмо и разсказывать все слышанное. Сих поразила также сия неожидаемость чрезвычайно. Они не менее моего всему тому удивились и погрузились в великое недоумение и разстройку мыслей; однако сие продолжилось недолго. Сколько ни сердились и ни досадовали они еще до самаго сего времени на князя Гагарина за то, что проволочил он меня и в Москву, и в Бобрики по-пустому, но сие новое предложение его тотчас их с ним опять помирило и сделало к нему благосклоннейшими, и я скоро увидел, что им оное было нимало непротивно. А как скоро пересказал я им все обстоятельства и выгоды, сопряженныя с сим предлагаемым мне местом, то, не долго думая, начали они мне говорить, что, подумавши о том хорошенько, хоть бы и не отторгать от себя сего предложения или, по крайней мере, согласиться съездить с Шебашевым для осмотра волости. Когда она так близко, говорили они, то великаго ль труда стоит туда съездить. По крайней мере, увидел бы, что за волость и каково место и стоит ли того, чтоб для управления оною оставить дом и переселиться на время

жить в оную. Беда не велика, что съездить; можно и тогда еще отказаться, когда дело окажется несходным и место не полюбится. А теперь право бы, по нашему мнению, отказываться от того не надобно. Поезжай-ка, батюшка, и посмотри. Бог знает, что строит! – присовокупили они к тому. – Сам ты много раз говаривал, что таких случаев не надобно упускать, которые сами собою и без всякаго искания и домогательства приходят».

Сими последними словами убедили они всего более со мнением их согласиться. «В самом деле, – сказал я сам в себе, – ведь я сего сам не искал и не желал нимало, а приходит оно само собою. Почему знать, может быть, все это произошло и происходит по действию благодеющаго мне Промысла Господня и есть на то воля моего Господа; и знаю ли я, что Он намерен устроить и учинить со мною! Жизнь моя и все относящееся до оной единожды и навсегда препоручена мною Его разсмотрению и предано все на Его святую волю».

Сим и подобным сему образом сам с собою разсуждая и находя от часу более вероятия и безсомненности в том, что происходит сие по воле Господней и влечет меня к сему делу Его невидимая десница, не стал я долго медлить изъявить и мое согласие на слова моей жены и ея матери и, посоветовав еще несколько с ними, и наконец решившись следовать сему зову и благословясь, вышел я опять к г. *Шебашеву*, занимавшемуся между тем разговорами с обоими моими воспитанниками и учениками, и ему сказал:

– Ну быть так, Лев Петрович! Соглашаюсь удовлетворить желание его сиятельства и ехать с вами для осмотра и описания сей волости, а там посмотрим и увидим, что будет далее!

– Очень хорошо! – воскликнул обрадовавшийся мой *Шебашев*, – поедем, батюшка! Вы сделаете тем князю великое удовольствие.

– Это хорошо, – сказал я, – но дайте мне, по крайней мере, сколько-нибудь времени к путешествию сему собраться и распорядить все нужное для сей отлучки в доме.

– Сколько хотите, – воскликнул и сказал на сие Шебашев, – однако весьма бы не худо, если б вы тем колико можно поспешили. Князю очень хотелось, чтоб мы не замедлили слишком много сим делом.

В самое сие время вышли к нам и обе мои хозяйки и я, спознакомив их с господином *Шебашевым* и оставив их угощать его чаем и завтраком, а его – занимать их разсказами о князе и волостях, побежал сам тотчас в

сады для сделания распоряжения, что и что без меня садовникам делать, а вкупе назначать людей, кому со мной ехать и готовить к путешествию сему свою дорожную коляску и приуготовлять все, что нам с собою брать надлежало.

Давно прошедшее время и пожар, лишив меня всех относящихся до сего времени записок и бумаг, лишает меня удовольствия заметить именно тот достопамятный день, в которой сие случилось и которой имел толь великое влияние на все продолжение моей жизни; а помнится мне, что случилось сие в месяце мае и что в тот же день, и ровно как нарочно, случилось приехать к нам тетке *Матрене Васильевне* и другу моему *Ивану Григорьевичу Полонскому*, бывшему тогда в деревне. И оба они намерение мое не только одобрили, но мне советовали никак не упускать сего случая и от места сего не отбиваться; а г. Полонской присовокуплял к тому, что он слыхал и о сей волости и довольно знает, что она лежит за рекою Окою не далее от него как верст за тридцать, и сказывал, где нам в нее и через какие места и ехать.

Таким образом, собравшись на скорую руку и распрощавшись с своими родными, на другой день после того мы с г. *Шебашевым* в путь свой и отправились и успели в тот же еще день к вечеру приехать в село Киясовку, как главное место во всей этой волости.

Нас там некоторым образом уже и дожидались, ибо от помещицы сей волости, княгини *Белосельской*, дано было уже волостным начальникам знать, что будут присланные от князя *Гагарина* для осмотра и описания волости и предписано, чтоб нас не только до того допустили, но оказывать и возможнейшее нам учтивство и в том вспомоществование. Почему не успели мы, приехав на господской двор, о себе сказать, как прибежал к нам управляющий всею волостью прикащик и, введя нас в нижнем этаже дома в одну приготовленную для пребывания нашего небольшую комнату, спрашивал, что для нас угодно и что мы приказать изволим. Мы потребовали только, чтоб лошадей наших снабдили кормом, а повара – чем-нибудь для изготовления нам ужина, а к утрему чтоб приготовил он нам для сличения при описи крестьян ревизския сказки, дабы мы тем удобнее могли означать новорожденных и умерших. Все сие было нам обещано. А между тем, пользуясь остальным временем дня, пошли мы осматривать здания, сады, пруды и прочия части усадьбы для получения о том понятия. Дом показался нам хотя огромным, но во внутренности своей весьма

дурно расположенным и, как казалось, давно не обитаемым и почти ничем не меблированным. Находилось в нем небольшое только количество столов и стульев, а в прочем ничего. Сады хотя регулярные и наполненные множеством разных плодовитых дерев, но запущенные и в небрежении находящияся. Дворовыя службы и прочия здания на большую часть обветшалыя, напротив того, пруды прекрасные и, по уверению прикащика, наполненные премножеством всякой рыбы. Все сие замечал я в уме, дабы приобщить потом к описанию крестьян свои замечания.

Возвратясь в свою квартиру, препроводил я весь вечер на расспрашивание прикащика о всех обстоятельствах, касающихся до волости, как то: о числе и величине деревень, к ней принадлежащих, о положении оных и разстоянии от Киясовки; о всех угодьях, принадлежащих к волости, о состоянии крестьян, о работах, производимых оными; о господском хлебопашестве, о источниках доходов, о количестве оных и о прочих тому подобных обстоятельствах, дабы мне обо всем том получить общее и колико можно полнейшее понятие. Но ответами на все мои вопросы господина прикащика был я не весьма доволен. Мне с ним не только было трудно говорить по причине частого его заикания, но на многие вопросы не мог он мне дать никакого ответа, а на которые и отвечал, но ответы его были очень неполные и несовершенные, а потому и заключал я, что правитель он был весьма-весьма посредственной, и был прикащик более именем нежели делом. Приметя сие и видя, что он во всем желаемом удовлетворить меня никак был не в состоянии, положил я добиваться толку у самих крестьян при описывании дворов их, что действительно и сделал.

Переночевавши в своей квартире, с самаго утра последующаго дня принялись мы с господином Шебашевым за свое дело, и переписав наперед все видимое, относящееся до дома и господскаго в нем имущества, также до прочих мест усадьбы и господских пашен и каких хлебов, и взяв с собою прикащика, пошли мы по всем крестьянским дворам и пересматривая лично всех жителей от мала до велика, переписывали всех по именам, с означением их лет и состояния каждаго двора. Как дело сие было не малое, то потребно было к тому немало и времени; а описавши сие село, поехали мы в другое, называемое *Ситнею*, и лежащее также на большой дороге и ближе к Кашире, а потом объездили таким же образом и некоторыя другия маленькия деревеньки, к селу Киясовке принадлежащия. А между тем как мы их объезжали, заставливал я прикащика показывать

себе все их лесныя угодья, покосы и господския пашни, и сколько не мог налюбоваться первыми, столько с жалостью смотрел на дурноту грунта тамошних пашенных земель, и все, что нужно было, замечал в своей записной книжке.

Отделавши сим образом село *Киясовку* с ее деревнями, отправились мы для такого ж описания в другую знаменитую, но чужими дачами совсем от первой отделенную часть волости, принадлежащую к прекрасному и большому селу *Малину*. Тут нашли мы также каменную церковь и старинныя небольшия каменныя, опустевшия совсем и развалившияся палаты, и имели также немало труда при описи всех крестьян, к сей части волости принадлежащих. Управляющий оною бурмистр должен был также познакомить меня со всеми подробными обстоятельствами, до сей части волости относящимися.

Осмотрев, заметив и описав все что нужно было тут, поехали мы в третью и также от сей отделенную, но недалече лежащую часть волости, принадлежащую к селу *Спасскому*.

В сем селе нашли мы небольшой деревянный и довольно еще крепкий домик, построенной тут для приезда, но внутри весьма дурно расположенной, а подле его изрядной плодовитой сад со множеством плодовитых дерев и целым почти лесочком вишен. К описанию и сего села и принадлежащей к нему большой деревни *Володимировой* потребно было также труда много, при производстве котораго заметил я, что народ в сей части был как-то грубее и во всем не таков хорош, как в селе *Малине*. А сверх того, при расспрашивании, узнал одно важное обстоятельство, что земли, к сей части волости принадлежащия, не совсем еще были обмежеваны, но связаны нерешенными еще спорами с соседственными посторонними дачами; а что всего хуже, то, по словам их, и споры сии были важны и сумнительны.

Заметив и записав все нужное и кончивши свое дело с сею частью, отправились, наконец, мы в четвертую последнюю и не только отдаленнейшую, но и худшую часть волости, состоящую из нескольких небольших и друг от друга чужими дачами отделенных деревень. Там, остановившись в главном селе, *Покровском*, приступили мы также к описанию сперва онаго, а потом разных деревень, к нему принадлежащих.

Все сие доставило нам трудов и хлопот множество, и мы как ни спешили, и как ни напрягали силы свои, переменяя друг друга в писании, но принуждены были препроводить в том несколько дней сряду и иметь не

только много труда, но и безпокойства, ибо везде должны были таскаться по черным избам и тананакать с глупыми мужиками; а притом и терпели иногда кое в чем недостаток и нужду.

Но как бы то ни было, но наконец дело свое мы кончили, и как сия последняя часть (волости) лежала всех ближе к Москве, то и отправились мы уже из ней прямо в сей столичный город и к князю. Князь принял меня очень ласково и был крайне доволен моим послушанием и трудом, употребленным к описанию волости, а особливо всеми замечаниями, сделанными мною в разсуждении оной. Сие удовольствие его увеличил еще более г. *Шебашев* разсказыванием ему о всей моей деятельности и о вхождении во все подробности и, признаваясь прямо, что он один без меня не мог бы и половины того сделать и многия вещи не пришли бы ему и на ум. Не можно изобразить, с каким удовольствием князь сие слушал. Оно написано было у него на лице, и ласки, с какими благодарил он меня за то все, доказывали мне ясно, что был он мною очень доволен. А все сие и побудило его меня потом спросить:

– Что ж, какова вам показалась волость, и могу ли я надеяться быть с вами короче знакомым?

– Кажется, изрядная – сказал я.

– О, когда так, – воскликнул князь с удовольствием, – так дело наше сделано; пожалуй-ка руку и сем ударим по рукам в достоверность того, что вы будете моим, а я вашим.

Чувствительна мне была таковая его поступка. Я благодарил за его ко мне благоволение и рекомендовал себя в продолжение онаго и его к себе доверенности и милостей.

С сего часа начали мы с ним уже совокупно помышлять и совещаться о том, что нам предпринимать тогда далее и не нужно ли употребить еще каких предосторожностей прежде окончательной покупки сей сторгованной уже совсем волости. Я, изображая ему доброе и худое, замеченное мною в волости и ее частях, и показывая ему маленький, сделанный мною вчерне антрельный абрис[1] положения всех сел и деревень, не преминул упомянуть и о сомнительствах, какия я возымел о нерешенных еще спорах по землям села Спасскаго и о могущих произойтить от того нам впредь многих хлопот и безпокойств.

[1] Антрельный абрис – вводный очерк, набросок.

– Мне очень жаль, – продолжал я ему говорить, – что за неимением сим землям еще плана не можно мне было получить точнейшаго о спорах сих понятия; но если бы благоугодно было вашему сиятельству самим лично побывать в сей волости и осмотреть оную, что и для всего прочаго было бы не худо, то могли бы мы, может быть, и о том добиться лучшаго толка, нежели какой могли мне дать тамошние мужики и глупый их прикащик. Вы могли бы пригласить к себе того самого землемера, который межевал сию землю и который, как мне сказывали, находится там где-то очень близко, и он верно бы показал вашему сиятельству самый план и основательнее растолковал нам все дело, а межевщик, сказывают, человек весьма умный и знающий.

– Ах, мой друг! – подхватил князь. – Ты у меня как на уме был! Мне и без того хотелось волость сию самому видеть прежде покупки, а теперь ты меня еще больше к тому побудил. Скатаем-ка, мой друг, мы туда с тобой вместе, даль невелика и труда немного; а чем основательнее мы дело сделаем, тем лучше».

– Очень хорошо, – сказал я, – если вашему сиятельству угодно, то я готов ехать.

– Между тем, однако, – подхватил князь, – покуда я соберусь в сию поездку, то весьма бы я желал, чтоб вы взяли на себя труд вместе с *Шебашевым* перебелить[1] все сии реестры почище, а особливо все сделанные вами замечания, и самый-то ваш чертеж положения деревень сделать для меня явственнее и получше.

– Очень хорошо – сказал я.

– Но скажите мне, где же вы пристали?

– У господина *Шебашева* – отвечал я.

– Очень хорошо, так это и кстати будет, вместе с ним и потрудитесь. А на лошадях вы на каких приехали?

– На моих собственных – сказал я.

– Сих вы можете отпустить домой, чем здесь их до того времени кормить, покуда мы возвратимся, ибо вы поедете со мною в карете; а когда кончим дело, тогда безделица; для отъезда вашего наймем и ямских.

– Очень хорошо – сказал я.

[1] Перебелить – переписать набело.

И на сем мы тогда с ним и разстались. Он не знаю куда-то поехал со двора, а мы с г. *Шебашевым* пошли на его квартиру отпускать домой лошадей, писать в деревню письма и приниматься потом за свое дело.

Но, о, далось мне сие дельце! Оно сопряжено было с толиким трудом и с таким безпокойством, что я и поныне того никак забыть не могу. Истинно во всю жизнь мою никогда не терпел я такого безпокойства, как в то время. Причиною тому было, что *Шебашев* жил тогда на Козьем болоте в каком-то принадлежащем родственнику его маленьком, низеньком и очень тесном домике, в котором едва сам мог с женою своею помещаться, а для меня почти и места не было. Но сие ничего бы еще не значило: как-нибудь, а помещался и я; но беда наша была та, что случилась тогда равно как нарочно самая жаркая и тихая июньская погода, от которой в маленьком и низеньком домике его, окруженном вокруг иными высокими зданиями, была такая жара и духота несносная, что я изобразить того не в состоянии. Ни с какой-таки стороны не завевал не только в комнату нашу, но и на весь тесный дворишко не только ветерок, но ниже зефир самый, от солнца посреди дня делалась сущая пёкла и такая несносная духота, что мы, принявшись за свою работу, скоро принуждены были не только растворить настежь все двери и окошки, но скинуть с себя все платье и сидеть в одних рубашках, да и на тех разстегнуть вороты. Но сего было еще не довольно, а надобно было еще и миллионам мух жилять[1] и кусать нас ежеминутно и увеличивать тем наше безпокойство.

Теперь вообразите сами, каково было нам, а особливо мне, не привыкшему к тому, а пользовавшемуся до того всегда наиспокойнейшею и прохладною деревенскою жизнью, сидеть в такой несносной духоте и трудиться над письмом, и письмом не любопытным, а крайне скучным и тягостным. Переписывать надлежало нам множество тетрадей и все их сверять с черными нашими реестрами и с ревизскими сказками.

– Боже мой! – твердил только я. – Куды деваться от этой пёклы и от сей бездны мух проклятых?

Попишусь, попишусь, но, вышед из терпения, выбегу на двор; но там того еще жарче, а мух такая же пропасть, так-таки за тобою и гонятся; что ты изволишь! И смех и горе! Наконец, некуда было от них деваться, как бежать в конюшню, и там-то находили мы себе сколько-нибудь от досад-

[1] Жилять – жалить.

ных мух спасение. Там как-то их не было, и мы сколько-нибудь чувствовали отраду; но зато навозные ароматы докладывали обонянию нашему очень и очень. Словом, куда ни кинь, так клин, и мы не жили тогда, а прямо мучились и страдали.

Но всего того было еще не довольно. Сим образом обезпокаиваемо было наше тело; но присовокупиться к тому надлежало еще такому ж или злейшему безпокойству душевному. Не успел я только отпустить домой лошадей своих, как поражает слух мой такая всеобщая молва, разнесшаяся тогда вдруг во всей Москве в народе, которая потрясла всею душою моею и заставила тысячу раз тужить о том, что я услал лошадей своих. Заговорили тогда вдруг и заговорили все и въявь о невероятных и великих успехах злодея *Пугачева*; а именно, что он со злодейским скопищем своим не только разбил все посыланные для усмирения его военные отряды, но, собрав превеликую почти армию из безсмысленных и ослепленных к себе приверженцев, не только грабил и разорял все и повсюду вешал и злодейскими казнями умерщвлял всех дворян и господ, но взял, ограбил и разорил самую *Казань* и оттуда прямо будто бы уже шел к Москве, и что самая сия подвержена была от соумышленников с ним ежеминутной опасности.

Теперь посудите сами, каково было мне тогда, как я все сие вдруг услышал, и в такое время, когда мысли о *Пугачеве* не выходили у всех у нас из головы и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги когда не въявь, так втайне сердцами своими были злодею сему преданы, и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей взгоревшейся искре произвесть огонь и полымя. Пример бывшаго незадолго в Москве страшнаго мятежа был у нас еще в свежей памяти[1], и мы не только подобного тому ж опасались, но ожидали того ежеминутно. Глупость и крайнее безразсудство нашего подлого народа была нам слишком известна, и как при таких обстоятельствах не могли мы на верность и самих наших слуг полагаться, а паче всех их и не без основания почитали еще первыми и злейшими нашими врагами, а особливо слыша, как поступали они в низовых и прямо тогда несчастных местах со своими господами, и как всех их либо сами душили, либо предавали в руки и на казнь злодею *Пугачеву*, то того и смотрели и ждали, что при самом отдаленнейшем еще приближении его к Москве вспыхнет в

[1] Болотов разсказывает об этом в письме 151-м.

ней пламя бунта и народнаго мятежа. И как не сомневались, что в таковом случае первое устремление черни будет на дом главнокомандующаго тогда Москвою князя *Волконскаго*, сей же дом находился близехонько подле нашей квартиры, и для безопасности вся площадь пред ним установлена была пушками, – то не долженствовало ли все сие приводить нас в неописанный страх и ужас и подавать мне повод тужить о том, что я поспешил отсылкою лошадей своих в деревню и остался в Москве с одним только, и к тому же не слишком надежным, человеком, и чрез то лишил себя средства и возможности при первом появлении и начала мятежа, бросив все, ускакать в деревню. Словом, мы все почитали себя в таком случае погибшими и не знали, что делать и к каким мыслям прилепиться. Я не рад уже был ни волости, ничему и несколько раз твердил только, кабы знато было да ведомо сие, то и не подумал бы изо двора ехать.

В сих неизобразимых трудах и телесных и душевных безпокойствах не знаю истинно, как могли мы проводить несколько дней сряду, в которые не только трудная, но и наискучнейшая работа продолжалась: ибо письма было так много, что со всем поспешением своим не могли мы инако как в несколько дней все дело наше кончить. Но как бы то ни было, но мы, наконец, его кончили и князю все написанное представили, который был тем крайне доволен и меня очень за то благодарил. А как, по счастию, и он к тому времени собрался и готов был совсем к отъезду, то, севши с ним в карету, и полетели мы из Москвы неоглядкою, и я не вспомнил сам себя от радости, увидев себя в поле и от ней удаленным.

Но как письмо мое достигло до обыкновенных своих пределов, то дозвольте мне на сем месте остановиться и в окончание онаго сказать вам, что я есмь и прочая.

(Декабря 28-го дня 1808 года).

ДЕЛА ПО НОВОЙ ВОЛОСТИ

Письмо 172-е

Любезный приятель!

Как я должен был быть князю проводником и мне хотелось показать ему сперва худшия места волости, а там мало-помалу довесть и до луч-

ших, то и повел я его не большою Каширскою, а тою дорогою, по которой возвратились мы с *Шебашевым* в Москву, дабы провезть его сперва в село *Покровское* с деревнями, как отдаленнейшую и ближайшую к Москве часть волости Киясовской. И как нам до сего надлежало ехать сперва несколько десятков верст по большой коломенской дороге, то наехав верст за 20 от Москвы, при берегах Москвы-реки и на прекрасном положении места построенной вчерне и не отделанной еще совсем преогромной каменной дом, стоящий в запустении, любопытствовал я узнать, какое бы сие здание было и для чего, по употреблении на построение оного толь многих коштов и трудов, было наконец брошено и находилось в прежалком положении? Мне сказали, что место сие называется *Люберицами*, что принадлежит казне, что здание сие воздвигнуто по повелению наших монархов, восхотевших основать себе тут загородный увеселительный дом и отделать сад, который действительно тут находился; но для неизвестных причин остался так вчерне и не отделанным, и что уже многие годы стоит в запустении[1]. Я дивился, сие услышав, и жалел о употребленных тщетно толь многих трудов и убытков. Но сколь мало знал я тогда, что некогда достанется и самому мне трудиться и хлопотать над построением дома несравненно еще величайшего, но подвергнувшемуся после таковому ж несчастному жребию.

По привезении князя в село *Покровское* и по пересказании ему всего относящагося до сей части волости, приехали мы в село Малино. Сие полюбилось князю уже более. Тут встретил князя начальник сего села с старшинами, и князь не мог селу сему довольно налюбоваться. Было оно почти наилучшее и многолюднейшее селение во всей волости, и народ в нем был трудолюбивый и занимающийся не только земледелием, но и самою мелочною торговлею и разными промыслами, и потому многие из крестьян жили в изрядных домах и были довольно достаточны. Все сие князю полюбилось и было очень приятно, а особливо примеченное добродушие жителей онаго. Все они чрезвычайно радовались, узнав, что продаются они самой государыне, и потому принимали будущаго своего главнаго командира с оказанием возможнейших ему учтивств и почестей.

Осмотрев сие знаменитое село, поехали мы в село *Спасское* и расположились в находящемся там деревянном домике для отдохновения и

[1] Речь идет, видимо, о развалинах разрушенного в XVIII в. дворца Меншикова. Из кирпичей дворца была выстроена сохранившаяся до сих пор церковь Преображения.

провождения одних или двух суток в оном, ибо тут надлежало нам обстоятельнее осведомляться о межевых спорах. Князь приказал тотчас призвать к себе наилучших и старейших из крестьян для расспрашивания оных, а между тем, будучи до садов превеликим охотником, пошел тотчас со мною в тамошний сад. Осматривая оный, удивился и князь великому множеству вишенных дерев, а того более страшной на них завязи вишен.

– О! О! братец! – сказал он мне. – Будет тебе, мой друг, что покушать; посмотри-ка, какая бездна завязалась ягод! Пришли, брат, и ко мне тогда несколько их для испытания и узнания породы их.

– Очень хорошо! – сказал я, а сам себе на уме. – Это, право, не худо будет, люблю и я вишни есть.

Между тем собрались старейшие и лучшие люди из крестьян и положили скоро предел удовольствию нашему, раскричав у князя все уши своими жалобами на мнимые обиды и притеснения, делаемые им соседями при межеванье, и прочими своими дрязгами. Все сие подало повод и князю тотчас заметить, что народ тут был совсем отменный, нежели в *Малине*, и не только бойкой, скаросой[1], но, как казалось ему, и плутоватой. Они насказали ему столько о своих спорах, и межеванье, и опасностях, какими они от того подвержены, что князь даже задумался и считал уже самою необходимостью, чтоб повидаться лично с самим межевщиком. Мы не преминули тотчас расспросить, где тогда он находился, и, узнав, что был он недалеко, тотчас написали письмо и отправили г. *Шебашева* для приглашения и уговаривания межевщика приехать к князю в *Киясовку* и привезть с собою спорные планы для подробнейшаго всему изъяснения.

По учинении сего отправились мы обратно в *Малино* и оттуда проехали уже в самую *Киясовку*. Тут расположился князь в самых тех же комнатах в нижнем этаже дома, где квартировали мы до того с г. Шебашевым. И как князь не сомневался уже нимало, что волость сия продается, и почитал ее почти уже купленною, то, пользуясь свободным временем до приезда межевщикова, и пошли мы тотчас с ним осматривать все и все, и говорить и советовать между собою о том, где бы что вперед сделать и какие бы с чем произвесть перемены.

Мы прежде всего принялись за осмотрение самаго дома и исходили все комнаты, не оставляя ни одного уголка и закоулка без осмотра. Князю он,

[1] Скоросый – скорый.

несмотря на всю свою огромность, не полюбился, а особливо не нравилось ему самое глупое и дурное расположение покоев как в нижнем каменном, так и в верхнем деревянном этаже, казавшемся сколько-нибудь лучшим и веселейшим. Он не мог довольно надивиться старику господину *Наумову*, отцу княгини *Белосельской*, которому сия волость прежде принадлежала и село сие было настоящим его жилищем, как он мог сгородить такой вздорный и глупый для себя дом и как мог жить и располагаться в оном. Пуще всего дивились мы тому, что во всем верхнем и лучшем этаже не было ни одной печи, а везде усматривали мы одни только камины, а печи находились только в нижних комнатах.

Как князь предусматривал, что сему дому нельзя будет остаться существующим, и не сомневался, что государыне угодно будет повелеть воздвигнуть и тут хотя небольшой, но порядочной дом, то, расхаживая по просторному верхнему этажу и любуясь довольно изрядными видами, простирающимися из окон на пруды, рощи, поля и большую дорогу, сказал мне:

– Хоть сему дому вперед верно не существовать на сем свете, но покуда что будет, а на первой случай хорошо, что и он есть. Вот здесь, Андрей Тимофеевич, в этом верхнем этаже можете вы расположиться и жить в летнее время, покоев довольно, и вам уместиться в нем можно, каково велико ни было б ваше семейство.

– Конечно, – сказал я, и простора довольно.

– И вам тут, – продолжал князь, – жить будет весело. Видите, какие прекрасные во все стороны виды! А на зиму можете вы перемещаться в нижния комнаты, которых хотя не так много, но зато будут они теплее. Лесов много и дров не занимать стать, топите себе как хотите. Итак, покуда что будет и покуда построим для жительства вашего особой домик, можете вы с сей стороны быть покойным.

– Очень хорошо! – сказал я и благодарил его за попечение о моем спокойствии.

После того осмотревши службы и прочия на дворе здания, находившияся еще в худшем состоянии, пошли мы осматривать каменную церковь на площади пред домом, и между им и самим селом стоящую. Сию нашли мы в состоянии довольно хорошем и не требующем никакой поправки, чем князь был и доволен.

Оттуда пошли мы в старинный регулярный сад подле дома, позади его находившийся, и нашли его в совершенном запущении. Он подал нам, как обоим любителям садов, безчисленные поводы к разговорам. И как сей случай был наиудобнейшим к изъявлению князю всех моих приобретенных во время деревенской жизни моей садовых практических знаний и особенной моей к садам охоте, то сие было князю в особливости приятно и довело его до того, что он мне сказал:

– О! когда ты, мой друг, до садов такой охотник, и так много все касающееся до них знаешь, то я с сей стороны останусь обезпеченным, предав все здешние сады в полное ваше распоряжение и волю. Делайте с ними что хотите: поправляйте и располагайте все как вам заблагоразсудится и пользуйтесь не только сколько хотите плодами, но и самыми плодовитыми деревьями. Я вижу, здесь великое множество наделано отводков, также тьма всякого рода плодовитых кустарников и деревцов; так ежели для самих вас в сады ваши понадобятся какие из них, то можете брать сколько хотите отсюда. Пожалуйте, пожалуй берите! Это я вам предварительно дозволяю.

– А за то, – сказал я, поблагодарив его и за сие дозволение, – доставлю я из своих садов сюда то, чего здесь нет.

– Хорошо, хорошо! – сказал он. – Итак будет у нас и сие дело ладно».

Обходив сад, пошли мы осматривать пруды. Сии князю, как охотнику и до них, в особливости полюбились, и как донесено ему было, что в них великое множество всяких рыб и пород лучших, а особливо судаков и лещей, то удовольствие князя сделалось еще того больше, и он сожалел, что не было невода и не можно было нигде и достать для удостоверения себя в том самою ловлею.

– Но хорошо, – сказал мне князь, – сбруею-то рыболовною всякою да и хорошим неводом мы позапасемся; надобно ведь когда-нибудь и вам воспользоваться здешними рыбами. Вы, деревенские жители, думаю, в посты не едите мяса, а особливо ваши боярыни?

– Точно так – отвечал я.

– Ну, так сие и кстати будет, и я вам с охотою дозволю ловить для продовольствия вашего здесь рыбу, всю ее вы верно не выловите.

– Покорно благодарю, – сказал я, – а всю ее захочу ли и сам вылавливать. Я вместо того прилагать буду и сам еще старание о размножении оной. Я, осматривая в прежнюю мою здесь бытность, позаметил уже не-

которыя места, где бы можно было сделать новые прекрасные пруды, и если вашему сиятельству будет угодно и вы то позволите, то мы о том и постараемся.

– Прекрасно, прекрасно! – воскликнул князь. – А на это вы позволение от меня скорее прочаго получить можете. Я сам люблю пруды и рыбы: наделаем прудов новых, заведем в них карпов и будем довольствоваться оными.

Засим пошли мы осматривать скотской двор и господскую скотину. Все сие нашли мы и в разстройке и в упущении и в худом состоянии.

– Вот и сию часть экономии, – сказал князь, – надобно будет нам поправить, и как двор скотской построить новой, так и скотину завесть получше. Коров-то доставлю я к вам английских и голландских, чтоб было вам можно при приездах моих к вам подчивать меня добрым сливочным от них маслом. А между тем можете вы нынешнею скотиною для содержания себя пользоваться сколько хотите.

Я и за сие отвесил поклон князю.

Там пошли мы на гумно, в котором находилось несколько господского хлеба. Тут начался у нас с князем предварительный разговор о земледелии и хлебопашестве. И как князю не хотелось, чтоб село сие было попрежнему на зделье или на пашне, а намерен он был и его посадить по примеру прочих на оброк, чтоб и доход был вернее и хлопот нам было меньше, то, предуведомив меня о том, сказал мне князь:

– Но как надобен будет нам здесь и хлеб, нужной для содержания вашего и будущей вашей здесь команды, а может быть, и заведеннаго гошпиталя, то подумайте-ка, Андрей Тимофеевич, как бы нам смастерить, чтоб была здесь небольшая только казенная пашня, и как бы нам распорядить ее так, чтоб не могла она обратиться волости в дальнее отягощение и могла производима быть с удобностью, и предложите мне тогда ваше мнение. Но это не теперь, а после и на досуге.

– Очень хорошо, – сказал я, – это я не премину сделать, благо есть у меня одна новая выдумка готовая, и мы посмотрим тогда, не можно ли нам будет употребить ее в сем случае.

– Очень хорошо, мой друг, – отвечал князь, – а теперь пойдем походим по усадьбе и посмотрим и подумаем, где бы нам со временем назначить место для дома, если угодно будет государыне приказать здесь построить

дом; где бы поставить нам дом для житья управителю; где бы построить гошпиталь, если вздумаем, и здесь его завесть и прочее и прочее.

– Извольте ваше сиятельство, – сказал я, и пошел с ним всюду и всюду.

Мы проходили с ним более часа, и во многих местах останавливаясь думали, гадали, затевали и назначали предварительно в мыслях, где чему быть после, и князь всеми предлагаемыми мною мыслями был очень доволен и со всеми ими был согласен. Но наконец сказал мне:

– Все это ладно и все хорошо, но было бы и того еще лучше, если б можно мне было иметь аккуратнейший и специальной план всему здешнему селу и положению места в его усадьбе с означением на нем всего того, где мы чему быть предполагаем, дабы мне можно было предложить оной государыне для апробации.

– О, ваше сиятельство, – сказал я, – за этим дело не станет; инструмент у меня хотя самодельной, но исправной и достаточной к тому есть, и на план снимать и планы делать мне не учиться стать. С этим рукомеслом я давно уже знаком и имел случай не один раз им заниматься. Так нужно нам только здесь остепениться, так дело не замедлится, и ваше сиятельство таковой план у себя увидеть изволите.

Сим всего более угодил я князю. Удовольствие написано было у него на глазах, и он не находил довольно слов к изъявлению онаго, и обращение его со мною становилось от часу ласковее, от часу повереннее и дружелюбнее.

Потом дошла у нас речь до лесов, и как бы нам ими при будущих строениях воспользоваться и рубить лучше. Я и тут доставил ему удовольствие, сказав: «В этом положитесь, ваше сиятельство, уже на меня. Мне случилось также иметь дело и с лесами, и я постараюсь, чтоб и в сем случае волки были сыты, а овцы целы, и чтобы леса при всей хотя б многочисленной вырубке из них дерев, не претерпели бы дальнаго вреда, а получили бы еще вид лучший».

В сих занятиях провели мы не только весь остаток того дня, но и часть последующаго. Наконец привезли к нам межевщика, и пошло у нас другое дело. Межевщику случилось быть тогда тут славному *Вакселю*, бывшему впоследствии времени самым главным членом в межевой канцелярии, особе умной, бойкой, проницательной, хитрой и дела насквозь разумеющей. Он не успел услышать о приезде князя и намерении его покупать

волость для государыни, уважил тотчас его призыв и не только приехал, но привез с собою и все планы спорные, и по оным начал изъяснять все дело наихитрейшим и лукавейшим образом. Князь хотя разумел отчасти межевыя дела, но все существо оных было ему далеко не так знакомо, как мне; почему я, слушая его изъяснения и увидев, что производились они не со всем чистосердечием, и боясь, чтоб он князю не накидал в глаза одной пыли и не провел его в глазах, вмешался в их разговор и начал самому господину Вакселю вставлять такие в глаза очки и предлагать вопросы за вопросами, что князь удивился даже моему по межевым делам знанию и вникновению, а господин *Ваксель*, видя что коса нашла на камень, тотчас заговорил другим голосом.

Любо и приятно было старику, что я помог ему в сем случае и для того оставил меня одного говорить с ним; а я, вникнувши во все существо споров, находил что были они действительно весьма сумнительны и гораздо важнее, нежели каковыми хотел было нам изобразить их господин *Ваксель*. Словом, я предусматривал, что ежели нам без разрешения оных или, по крайней мере, важнейших пунктов купить волость, то наведут они после самому мне хлопот и досад безчисленное множество; а усматривая далее, что скорейшее разрешение оных зависело во многом от благосклонности и самого землемера и судей межевых и от того, когда б восхотели они некоторыя обстоятельства просмотреть сквозь пальцы, решился поговорить о том с господином *Вакселем* без свидетелей, один наедине и дружелюбно, и отозвавши на минуту его в другой покой, не успел поверенным образом сделать ему о том некоторой намек, как он тотчас и проник мою мысль и мне сказал: «Ну, что говорить, все мы люди и люди людьми и не то делают и сделать могут». Сих слов с меня довольно было, и я, тотчас смекнув всем делом и возвратясь к задумавшемуся уже князю, начал прямо говорить, что нам без окончания сих важных и сумнительных споров или, по крайней мере, без разрешения некоторых важнейших пунктов, купить волости никак не можно; а не изволит ли его сиятельство поговорить о том наперед с продавицею и убедить ее, чтоб она поспешила всевозможным окончанием сего дела, которое могло б восприять совсем другой оборот, если б попроворила она тем как надобно и употребила к тому все, что употребить можно.

Обрадовался мой князь, сие от меня услышав; а как то же подтвердил и межевщик, то догадавшись тотчас, к чему вся сия загадка клонилась,

сказал мне: «Так поспешим же мы обратно в Москву и хорошо, что я все это узнал. Я прямо скажу ее сиятельству, что я прежде волости не куплю, покуда она не изволит кончить сего дела, и пускай же она хлопочет о том и делает что хочет, а не мы». А сего мне собственно и хотелось, и приметно было, что и межевщику было то непротивно, и что он охотнее хотел иметь дело с княгинею *Белосельскою*, нежели с нашим князем.

Сим дело сие тогда и кончилось, и мы, поугостив, межевщика отпустили, и князь, поблагодарив меня за предостережение, начал тотчас помышлять о обратной езде в Москву. Итак, походив еще кое-куда, осмотрев и поговорив еще кое о чем, на другой день с утра сев в карету и пустились в Москву уже прямою каширскою дорогою, и как сею не далее она отстояла от нас 60-ти верст, то и успели мы в тот же день и довольно еще рано туда приехать.

Теперь подумаете вы, может быть, что я возвращался тогда в сию столицу опять с таким же страхом и опасением, в каком находился при выезжании из оной. Но скажу вам тому противное, и что мы возвращались уже в нее гораздо с спокойнейшим духом. Причиною тому было, что межевщик, приехавший тогда только из межевой конторы из Серпухова, привез к нам с собою новыя и достоверныя вести и слухи, из которых были одни приятнее и утешительнее других и успокоивали смущенный дух наш очень много. Первое было то, что получено достоверное известие, что *Пугачев* со всею своею многочисленною армиею или паче скопищем безчисленнаго множества ослепленнаго и соблазненнаго им чернаго глупаго народа, направление шествия своего прямо к Москве для каких-то причин отменил, и повернув влево, потянулся к Саратову, что натурально долженствовало обезпечить Москву от следствий его варварства и злодейства, да и послужило после к спасению России от безчисленных бедствий и напастей. А второе того еще приятнейшее и так же достоверное известие было то, что главному командиру нашей армии графу *Румянцеву* удалось за Дунаем завесть турецкую армию в такие тиски и лабиринт, что турки из опасения, чтоб не погибнуть всем, принуждены были тут же на месте заключить с нами мир, какой мы хотели, и что с известием сим проскакал курьером какой-то именитой чиновник. Сие неожидаемое совсем известие было нам тем радостнее и приятнее, что как чрез то освободилась наша армия и могла уже возвратиться в свое отечество и употреблена быть в случае нужды вся к истреблению *Пугачева* со всею его многочисленною толпою,

то начинали мы ласкаться, что зло, производимое им, скоро пресечется и всем злодействам его в непродолжительном времени положится конец.

Итак, занимались мы во всю дорогу мыслями и разговорами уже более о сем, однако не позабывали и своих дел, и мне удалось еще и более поджечь и убедить князя к тому, чтоб он поспешил снестись с княгинею Белосельскою и приступил к ней непутным делом, чтоб она дело сие скорее оканчивала. Князь и обещал совету моему последовать и на другой же день по возвращении нашем то исполнил.

Теперь для некотораго объяснения всех последующих засим происшествий, имевших великое влияние и на все собственныя мои обстоятельства, надобно мне, остановясь на минуту, разсказать вам, кто такова была сия княгиня *Белосельская* и что побуждало ее продавать сию волость.

Она была дочь помянутаго прежняго киясовскаго владельца, господина *Наумова*, и звали ее *Анною Федоровною*. В молодости своей выдана она была за князя *Белосельскаго*, но брак сей был как-то неудачен. Покуда жив был ея отец, жила еще с своим мужем, с которым, однако, и тогда была она в несогласии; а как умер отец, то с ним и разошлась совершенно и оба они жили розно. Муж ее находился тогда в чужих краях и в Вене при какой-то должности, а она жила на своей воле в Москве и владела всем великим, доставшимся ей после отца имением. Как была она еще не старых лет и ума не совсем остраго, а несколько простовата, хотя, с другой стороны, очень добродушна, то сыскались тотчас к ней подлипалы, восхотевшие слабостями ее и достатком воспользоваться. Были тогда в Москве три брата *Салтыковых: Александр, Петр* и *Борис* Михайловичи. Старший из них Александр был уже не весьма молод, но отменно добраго сердца и хорошаго расположения ума и во всем человек изящнаго характера. Средний из них был ни то ни сё. Что ж касается до меньшого брата, Бориса, то составлял он особу богатую и хитрую и имел ум острый и проницательный. Все они, имея у себя еще отца и сестру, были люди не весьма богатые и состояние имели весьма разстроенное. И сим-то трем господам *Салтыковым* и сестре их удалось каким-то образом спознакомиться и сдружиться очень тесно с помянутою княгинею *Белосельскою*. Они умели так хорошо прикроиться ко всем ее слабостям и склонностям, или, простее сказать, так ее обалахтать, что она вверилась им как наилучшим и вернейшим друзьям, и предалась во всем в их волю, так что они из нее что хотели то и делали. Они не только бывали у ней без выезду, но формально

жили с нею в одном доме и управляли всеми ее деревнями и достатком по своему произволению. Носился тогда слух, что будто бы они вплели ее в какую-то особую и им только одним известную секту и что по самому тому и взяли ее совершенно под свою власть; но как мне в точности сего узнать не случилось, то и не могу ничего сказать о том с достоверностью; а то только скажу, что самые сии господа *Салтыковы* присоветовали и преклонили ее, для известных им одним причин, к продаже помянутых ея коломенских деревень, составляющих Киясовскую волость, и что самые они старались втереть ее в руки князю *Гагарину*, за наличную и огромную сумму и производили с согласия ея с ним об ней торговлю.

Теперь, возвращаясь к порядку моего повествования, скажу, что как главным действующим лицом при всем вышеупомянутом и орудием, вращающим всю сию машину, был меньшой, умнейший и расторопнейший из братьев Салтыковых, а именно *Борис Михайлович*, то не успел князь со мною возвратиться в Москву, то послал тотчас пригласить к себе сего господина *Салтыкова*. Он и прилетел в тот же почти час к нам, и князь при мне и стал ему говорить, что «он сам для осмотрения продаваемой ими волости ездил, что он всем доволен, а одно только нашел дурное, но такое, что его от покупки удерживает»

– Что такое? – воскликнул удивленный сею неожидаемостью господин Салтыков. – Помилуйте, скажите, ваше сиятельство?

– А вот что, – отвечал князь, – спор межевой по землям села Спасскаго, и этот спор непременно надобно княгине вашей кончить, буде она хочет, чтоб я купил у ней ее волость, а без того, воля ваша, я никак ее не куплю.

Немногия сии слова так поразили господина *Салтыкова*, что он почти оцепенел от смущения и с минуту не мог выговорить ни единого слова. Наконец, собравшись несколько с духом, сказал:

– Умилосердитесь, ваше сиятельство! Скажите, какой это там спор, мы впервые о том слышим и я ничего о том не знаю, и неужели он такой важности, что без разрешения его и купить волости нельзя? «Об этом может вам лучше меня и обстоятельнее разсказать и все объяснить вот господин Болотов как человек, дела межевыя совершенно знающий и назначаемый от меня туда управителем. – И обратясь ко мне, сказал Пожалуйте, Андрей Тимофеевич, разскажите *Борису Михайловичу* все и все, вы лучше это можете, нежели я».

– Очень хорошо, – сказал я, – и хотел было начинать ему объяснять все дело. Но господин Салтыков, перехватя мои слова, обращается вдруг к князю и говорит: «Когда так, ваше сиятельство, то нельзя ли, чтоб Андрей Тимофеевич пожаловал к нам. Там бы всем нам и самой княгине объяснил бы он сие дело и обстоятельнее все разсказал».– «Пожалуй, для меня все равно, – сказал князь, – однако это зависит от его воли, я его принуждать к тому не хочу».– «Не пожалуете ли, батюшка Андрей Тимофеевич, – сказал тотчас Салтыков, обратясь ко мне, – и княгиня и все мы были бы вам за то очень благодарны».– «Ежели его сиятельству, – сказал я, – будет сие угодно, то готов и я». – «Пожалуй, пожалуй, – подхватил князь, а обратясь к Салтыкову, присовокупил – только, пожалуйте, уговорите княгиню, чтоб она поспешила как можно сим делом, без окончания котораго мне волость купить никак нельзя, а господин *Болотов*, может быть, вам и наставление даст, каким образом приняться и чем к скорейшему концу можно вам и привесть это дело».

Итак, господин Салтыков, подхватя меня в свою карету и полетел со мною ко двору княгининову, и как ему крайне хотелось преклонить меня на свою сторону, то дорогою вздумал было он пощупать у меня пульс и подъехать ко мне с тонкими обиняками своими на полосках. Но я тотчас дал ему почувствовать, что я отнюдь не олух и не такой человек, которой дал бы себя обольстить чем-нибудь и согласиться на какие бы то ни было дела, несообразныя ни с честью, ни с правдою, а что имеет он дело с честным и ненавидящим всякое зло человеком.

В сих критических разговорах приехали мы в дом княгинин. Меня провел он наперед в те комнаты, в которых они жили, и где застал я обоих прочих братьев. Тут, попрося меня на несколько минут остаться с ними, побежал он к княгине, чтоб предупредить ее и приготовить к свиданию и разговору со мною; и чрез несколько минут действительно возвратившись, звал меня и братьев своих в комнаты княгини, на другом краю сего огромнаго дома находящияся.

Тут имел я случай впервые увидеть сию княгиню и всех ея верных друзей, и в том числе и самую сестру их, с нею живущую. Княгиня показалась мне весьма еще не старых лет и приятнаго вида. Она приняла меня с возможнейшею ласкою и просила объяснить и разсказать, какой такой проклятой спор делает помешательство во всем деле? Тут приступил я тотчас к объяснению всего дела и испросив себе лист бумаги, чернил и перо, тот-

час сделал им антрельной абрис, изображающий все дачи села Спасскаго и смежныя с ними чужия, и означив все спорныя места стал разсказывать и объяснять им все что нужно. Но для всех их все говоренное мною была сущая тарабарская грамота. Так случилось, что все они в межевых и спорных делах были совсем не знающи, и я удивился, что и самой острец их, *Борис Михайлович*, не знал ни аза в глаза из всего относящагося до межеванья. По усмотрении сего не трудно было мне городить им какия хотел пешки и всему делу придать такой вид, какой мне хотелось; и я насказал им столь много о важности и опасности сего спорнаго дела, о множестве затруднений, сопряженных с разрешением онаго, о необходимой надобности в старании поспешить сим делом и о употреблении к тому всех возможностей, что они все перетрусились и пришли от того в неизъяснимое смущение и недоумение что делать.

Несколько минут продолжалось у всех у нас потом безмолвие, так оглумлены они были все моими словами. Наконец подали горячее и разные фрукты и варенья, и княгиня с сестрою их, посадив меня подле себя, начала ими подчивать и разговаривать со мною о постороннем, а сие подало господам Салтыковым удобной случай выттить всем в другой покой и там совещаться о том, как быть и что им делать. Потом вызвали они туда же для совета и самую княгиню и оставили меня с одною сестрою их разговаривать о пустяках. Сие отсутствие их продолжалось с добрую четверть часа. После сего вышедши опять все к нам, обратилися они все ко мне и сказали:

– Мы думали теперь о том, как бы по предложению вашему приступить и произвесть желаемое князем разрешение сего проклятаго спорного дела, но признаемся откровенно, что всем нам по необыкновенности в таких делах нейдет оно в голову и мы ни ума ни разума к тому приложить не можем, как бы это произвесть в действо. А как мы видим, что вам дела межевыя в тонкости известны, то покорнейше вас все просим дать нам, по крайней мере, совет и наставление, как бы это сделать, и чем бы можно было поспешествовать скорейшему окончанию сего дела и нет ли какихнибудь к тому удобных способов?

– Способы, конечно, есть, – сказал я в ответ кланяющейся мне и просившей о том княгине, – но не знаю, будут ли они угодны вашему сиятельству? Надобно бы вам отправить туда какого-нибудь знающаго человека с полною доверенностью и, дозвольте сказать, и не с пустыми руками. Если

хотите скорейшаго окончания сего дела, то надобно не пожалеть нескольких убытков. Нужны необходимо они для преклонения к благосклонности к вам и межевщика, и всех тех в конторе межевой, от которых зависеть будет скорейшее и выгоднейшее для вас окончание онаго. И сколько мне кажется, то весьма многое зависит притом от единаго хотения и благосклонности людей сих, а они все люди!.. И захотели б только, так можно будет им и без нарушения всей справедливости и законов вам в сем случае помочь; а нужно только их к тому преклонить и позадобрить.

– О! За этим бы за всем дело не стало! – воскликнули они все в один голос. – Поехал бы тотчас туда кто-нибудь из нас самих; но вот беда, что никому из нас ни межевщик, ни конторские не знакомы, никто и понятия не имеет о том, как бы там всем нужным попроворить было можно: дело сие совсем для нас необыкновенное. Уж нельзя ли бы самим вам, милостивый государь, с кем-нибудь из нас туда съездить и ему учинить в сем случае ваше пособие. Вам там и люди все, и дела все межевыя знакомы... Ах! Как бы вы нас тем одолжить изволили!

Неожидаемое сие предложение меня смутило и привело в некоторое недоумение. С одной стороны, видя нужду их, по добродушию моему, хотелось мне им помочь, но, с другой, не знал, угодно ли то будет князю и опасался я, чтоб он чего не подумал, а сверх того, жалел я несколько и боков своих и страшился трудов и хлопот, с сею коммиссиею сопряженных... Однако, как пришло мне в мысль, что я, пользуясь сим случаем, могу из Серпухова и домой хоть на часок урваться и повидаться с своими родными, то решился я наконец к приступающей ко мне с поклонами и просьбами о том, чтоб я подумал о сем, княгине, сказать в ответ:

– Что, сударыня! Я хотя бы и не отрекся оказать вашему сиятельству сию услугу, и употребить все что в моих силах и возможностях состоять будет, но не знаю еще, будет ли то угодно князю Сергию Васильевичу и дозволит ли он мне сие?

– О! что касается до сего, закричали обрадовавшиеся господа Салтыковы, то мы сей же час едем все к нему и готовы просить его до упаду, чтобы он вам сие дозволил.

И действительно, тотчас велели подавать карету, и посадив меня с собою, поскакали к князю. Князь удивился, всех их увидя, и не понимал, что б сие значило, но они скоро вывели его из недоумения, разсказав, что их к

тому побудило. И как они все совокупно и от княгини начали его со множеством поклонов умолять, то князь, усмехнувшись, сказал:

– Батюшки мои! Это зависит совсем не от меня, а единственно от воли самого Андрея Тимофеевича! Если он захочет принять на себя этот труд, то я нимало тому не препятствую, а еще и сам буду тому рад, если удастся ему вам и княгине услужить и сделать и с нашей стороны некоторое к тому пособие.

Легко можно заключить, что мне не оставалось тогда иного делать, как на общее желание всех их согласиться. Итак, положено было, чтоб наутрие же мне с кем-нибудь из них в путь сей отправиться и к ним явиться, с чем мы их тогда и отпустили.

Как князю и действительно не только было все сие непротивно, но по желанию его скорее кончить покупку было и самому еще приятно, что я принял на себя сию коммиссию, то по отъезде их изъявил он мне и о сем особенное свое удовольствие и пожелал мне счастливаго успеха.

Сим кончилось тогда сие происшествие, а вместе с тем кончу и я письмо сие, превзошедшее уже свои пределы, и скажу, что я есмь ваш и проч.

(Декабря 29-го дня 1808 года).

ЕЗДА МОЯ С ГОСПОДИНОМ САЛТЫКОВЫМ В СЕРПУХОВ И В КИЯСОВКУ

Письмо 173-е

Любезный приятель!

Приступая теперь к описанию езды моей с господином Салтыковым в Серпухов и в Киясовку, которая была для меня довольно достопамятна и против чаяния весьма приятна, начну тем, что я, распрощавшись тогда с князем, не успел поутру на другой день встать и одеться, является уже перед воротами квартиры моей карета, присланная от господ Салтыковых за мною. Я тотчас, собравшись налегке, к ним и поехал и дорогою помышлял о том, кто бы из них трех расположился ехать со мной. Из всех их старший нравился мне как-то всех более. Был он не только старее всех летами, но степеннее, простодушнее других, да и в чертах лица своего имел нечто

приятное, дружелюбное и привлекательное, и потому желалось мне, чтоб не иной кто, а он в сотоварищество мне был назначен.

Желание мое действительно и совершилось. Он первой встретил меня по приезде и начал рекомендовать себя в мое ближайшее знакомство и дружбу, сказывая что он будет иметь удовольствие быть моим спутником. Приветствие сие делал он таким простодушным и дружелюбным образом, что восприятое мною об нем доброе мнение тем еще более увеличилось. Я соответствовал ласке его такими же изъявлениями моего удовольствия. И как нашел я его совсем уже в путь собравшимся, то, позавтракав и распрощавшись с ними, осыпающими меня ласками и повторениями прежних своих просьб, сели мы с *Александром Михайловичем* в большую четвероместную карету и, посадив с собою еще какого-то молодого и чисто одетого человека, о котором не мог я сначала узнать, служитель ли он или иной какой был, в путь свой и отправились.

Покуда мы ехали Москвою, господствовало между нами совершенное безмолвие, и мы, как не знающие еще коротко друг друга, посматривали один на другого и спознакомливались, так сказать, глазами. Но и сии тотчас свели между собою некоторой род дружбы. Но как скоро выехали мы за город и наружные предметы перестали нас занимать и развлекать собою наши мысли, как надлежало нам что-нибудь говорить, дабы не терпеть дорогою скуки. Итак, и начали мы поговаривать сперва, по обыкновению, о пустяках: о погоде, о дороге и тому подобном, а там мало-помалу и о других интереснейших материях. Удивительно было притом, что как он мне с перваго вида отменно как-то полюбился, так равно и он ко мне и также с самой первой минуты почувствовал в себе нечто отменно его ко мне привлекавшее. Симпатия ли, господствующая между нашими душами, производила сие взаимное в обоих нас действие, или что иное было тому причиною, уже я не знаю, а только то сделалось после известно, что мы с первой минуты нашего знакомства, и не говоря почти еще ни одного между собою слова, полюбили уже друг друга, а что всего страннее, то оба и в одно время дорогою тогда имели одинакия мысли и одинакия желания. Он помышлял о том, как бы ему узнать образ и расположение моих мыслей и состояние моих свойств душевных и телесных, а я думал и помышлял о том же самом в разсуждении его и приискивал в мыслях удобную материю к начатию с ним такого разговора, которой бы мог служить мне орудием к испытанию и узнанию его сил и свойств душевных. И как, по счастию, взъехали мы

тогда на одно возвышение, с котораго видны были прекрасныя положения мест и представлялись очам преузорочныя зрелища, то разсудил я употребить самыя их и поводом к особенному разговору и орудием к замышляемому испытанию или, простей сказать, пощупать у него пульс с сей стороны. Для самаго сего, приняв на себя удовольственной вид, начал я будто сам с собою и любуясь ими говорить: «Ах! Какия прекрасныя положения мест и какие разнообразные прелестные виды представляются глазам всюду и всюду! Какие приятные зелени, какие разные колера полей! Как прекрасно извивается и блестит река сия своими водами и как прекрасно соответствует всему тому и самая теперь ясность неба и этот вид маленьких разсеянных облачков». Говоря умышленно все сие, примечал я, какое действие произведут слова сии в моем спутнике и не останется ли и он также безчувственным, как то бывает с людьми обыкновеннаго разбора. Но каким удивлением поразился я, когда увидел, что и он смотрел на все то с равным моему удовольствием и тотчас после окончания помянутых слов моих мне сказал: «Что прекрасно, то прекрасно! Но, конечно, вы, Андрей Тимофеевич, жалуете прекрасныя положения мест и хорошие виды и любите увеселяться красотами натуры». – «Есть тот грех, – отвечал я, – как-то с молодых еще лет моих имел я счастие познакомиться с натурою и узнать драгоценное искусство утешаться всеми ея красотами и изящностями, и с того времени так к тому привык, что не могу никогда довольно ими навеселиться, и могу сказать, что доставляли и доставляют они мне в жизнь мою безчисленное множество минут приятных».

Немногия сии слова были сущими искрами, воспламенившими всю внутренность души моего спутника, и положили первое основание всему последовавшему потом между нами дружеству. Не успел я их вымолвить, как он с некоторым родом восторга воскликнул: «Что это я слышу! И, ах как вы меня обрадовали!» – «Чем таким и что такое?» – спросил я, удивившись. «А тем, – сказал он, – что я нашел в вас то, чего желал и чего всего меньше ожидал. Будучи и сам до того и точно таким же охотником, никак не воображал я себе, чтоб мог найтить в вас себе подобнаго, и тем очень-очень доволен». – «Признаюсь, – отвечал я ему, – обрадовавшись также тому, что и я не менее тому рад, и надеюсь теперь, что сие поможет нам проводить время свое в дороге без дальней скуки. Натура поможет нам прогонять ее, станем усматривать везде красоты ее, станем говорить об них и утешаться совокупно ими». – «Конечно, конечно!» – восклик-

нул он, и действительно тотчас потом начал и он изъявлять мне приятныя чувствования души его, производимыя видимыми нами предметами, а я делаться отголосками их.

Но не успели мы нескольких верст отъехать, как мало-помалу начали входить и в другие разговоры, но далеко не пустые, а важные и приятные, относящиеся то до наук, то до литературы, то до физических и нравственных предметов, и чрез то спознакомливаться от часу больше взаимно, с нашими знаниями, с образом и расположением наших мыслей и чувствиями сердец наших. И какое взаимное удовольствие имели мы оба, узнавая и открывая друг в друге от часу более такия же знания, такия же расположения мыслей, такия же чувствия сердечныя и все прочее! Все сие было нимало не ожидаемо нами и все удивляло и радовало нас чрезвычайно и изобразить истинно не можно, сколько приятностей доставляло нам то во все продолжение сего недальнаго пути! Мы не преставали говорить ни на одну минуту, и нередко от нетерпеливости сообщить скорее свои чувствования и мысли, перехватывали взаимно друг у друга слова. И о чем, и о чем мы тогда не говорили, каких разных материй не начинали между собою и с каким прямо душевным удовольствием слушали взаимно все говоренныя слова друг у друга, как неописанно удивлялись редкому и прямо удивительному согласию во всем и мыслей наших, и чувств сердечных. Радость и удовольствие товарища моего изображались ясно в его глазах и во всех движениях и чертах лица его. Он не мог довольно надивиться случаю или паче судьбе, сведшей и спознакомившей нас совсем нечаянным и ненарочным почти образом и сдружившей нас друг с другом в немногия минуты и произведшей то, что мы взаимно друг друга искренно полюбили и возымели один к одному нелестное почтение и приверженность.

И действительно, одного сего дня довольно было к связанию между нами теснаго и такого узла дружества, которое в одинаковом состоянии продлилось по самую кончину сего милаго и любезнаго человека. Я и поныне не могу вспомнить его без душевнаго прискорбия и сожаления о его рановременной смерти и без чувствования приятных ощущаний при напоминании о тогдашнем времени и о нашем с ним дружестве. Я хотя прошло с того времени уже множество лет, но я всякой день и всего чаще видя пред собой лаковую жестяную и особого устроения чернильницу, из которой я во весь последующий мой век писал и пишу и поныне, напоминаю сего друга моего, подарившаго меня ею при одном случае, и в каждой раз,

когда ни вспомню, благословляю в мыслях прах его и желаю ему ненарушимаго покоя, а ему в вечности блаженства.

Но я удалился уже от нити моего повествования и самаго дела, и теперь, возвращаясь к оному, скажу, что, занимаясь помянутыми любопытными и приятными разговорами, и не видали мы, как, едучи на ямских, долетели мы до Киясовки и тут только вспомнили, что ехали туда за делом, но о котором во всю дорогу не имели мы времени и помыслить, а не только чтоб говорить. Расположившись в самых тех же комнатах, где стоял прежде князь, наше первое дело было, чтоб отправить того ж момента нарочных людей для узнания, где находится межевщик и когда бы нам можно было с ним видеться. Доколе посланные могли к нам возвратиться, старался товарищ мой, так как хозяин, всячески меня угостить. Кибитка, взятая им с собою, наполнена была с избытком всякою всячиною. Господа Салтыковы не преминули напичкать ее всем и всем нужным к столу и успокоению нашему и, отпустив с нами одного из поваров своих, не позабыли даже о самых винах, фруктах и вареньях, и я удивился, увидев по накрытии нам стола для ужина, установленной его весь и вареными, и жареными и хлебенными яствами, и ликерами, и винами. – «Умилосердись, Александр Михайлович, – сказал я, – к чему такое множество, что вижу для угощения меня? Ей, ей напрасно!» – «Как напрасно! – воскликнул мой спутник. – Ты у меня гость и гость любезной и неужели нам здесь голодать? Нет, нет, дело делом, а себя нам к чему ж позабывать. Мы-таки будем себя довольствовать всем и всем, у нас всего много». – «Хорошо, братец, – сказал я, – но иное, право, лучше бы поберечь до Серпухова, там бы оно нам сгодилось лучше для угощения господ межевых, любящих-таки рюмки и бутылки, а я, право, ничего не пью, и для меня это совсем излишнее». – «О! – сказал на сие мой спутник. – Там-таки там, найдем и в Серпухове, что надобно, а здесь для чего-таки нам терпеть нужду и себя не довольствовать? И когда вины вам не угодны, так, по крайней мере, покушайте прочаго, также вот и фруктов и вареньев». – «О! Это другое дело, – сказал я, – на это я соглашусь охотно, и я исстари был к сластям охотник и превеликий лакомка».

Рад был господин *Салтыков*, что я сие выполнил и проболтался и с того времени, ну-ка меня всем и всем и всякой день до избытка всякими сластями подчивать. Словом, он не знал, как бы меня угостить лучше.

Ввечеру легши в одной комнате спать, не преминули мы опять возобновить о некоторых вещах разговоры и проговорили почти до полуночи. А поутру не успели мы напиться кофею, как прискакали наши посыланные с известием, что межевщик дома, и что если мы к нему в тот день приедем, то застанем его дома и можем с ним видеться и обо всем, что надобно, переговорить. Услышав сие, ну-ка мы скорее не обедать, а завтракать, ну собирать крестьянских лошадей и запрягать их, и севши опять все трое в карету, скакать к господину *Вакселю*.

Дорогою помышляю я, как бы лучше расположить мне свое дело, и зная все существо онаго, чего и чего и как требовать от землемера. Обранжировав все в уме своем мыслями, всходствие того и дал я сотоварищу моему наставление, как ему поступить с ним. Как межевщик был мне уже знаком, по прежней его у нас бытности, ибо мы успели тогда с ним кое о чем поговорить и гораздо познакомиться, то принял он меня как знакомаго уже себе человека довольно ласково. А я ни с другого слова, представляя ему своего спутника, ему сказал:

– Вот батюшка, *Василий Савельевич*, привез я к вам челобитчика. Сему человеку вверила княгиня *Белосельская* свое спорное межевое дело, и он с стороны ее, а я с стороны князь Сергия Васильевича *Гагарина*, приехали к вам с препокорнейшею нашею просьбою о подании нам в разсуждении известнаго вам спора руки помощи, по поспешествовании с вашей стороны всем, чем вы можете к скорейшему разрешению онаго.

Межевщик, будучи великий хитрец, начал было подчивать нас учтивостями, балясами и пустяками, представлять нам невозможности и великия затруднения, говорит, что ему ничего при том сделать не можно, и хотя бы он хотел, но не в силах ничего учинить, и так далее; но я тотчас мигнул спутнику своему, чтоб он, по условию нашему, вышел на минуту вон, и оставшись с межевщиком, один наедине, не долго думая, сказал:

– Что, батюшка, *Василий Савельевич*, много говорить, мне дело это знакомо, и я знаю чего вам не можно и что можно сделать, если только похотите. А я вас уверяю, что не только князя обяжете вы благодарностью, если нам в сем случае поможете, но и с стороны княгини все ваши одолжения не останутся без благодарности существительной, разумеется, – и схватя его руку пожал, а потом присовокупил – Пожалуйте, сударь, в этом положитесь уже на меня и будьте уверены, что соблюдаемо будет притом и все, что нужно в таких случаях.

Не успел я сего вымолвить, как возвратился мой товарищ, и тогда начали мы возобновлять наши просьбы, и я именно уже говорить о том, что и что ему с своей стороны сделать и чем без всякаго нарушения своей должности нам пособить можно. И изъяснив ему все, чего мы от него требуем, и приметя, что он все еще колебался и задумывался, тотчас вышел, по условию ж нашему, вон и оставил минуты на две товарища своего наедине с господином *Вакселем*.

Что у них там происходило, того уже не знаю и никогда не любопытствовал и узнать, а то только помню, что при обратном вшествии к ним нашел я господина *Вакселя* совсем инаковым и усматривал радость и удовольствие, написанное на глазах его, и он тотчас начал уже иным голосом говорить:

– Как же бы нам быть, – сказал он; хотелось бы мне и самому услужить и князю, и княгине, и подумать разве как бы лучше поступить.

– Что долго думать, батюшка, – подхватил я, говоря уже смелее, видя, что дело у них уже было сделано и они перенюхались, – а сделайте-ка нам вот то-то и то; все это вам можно, а невозможного не требуем мы и сами.

– Ну, сударь, хорошо, и да буди по глаголу вашему, быть так, хоть уж потрудиться, но оказать услугу и сделать все что можно.

Мы ему поклон, а он, повторив свое обещание, ну-ка приказывать скорее подавать горячее и все, чем ему нас дружески угостить хотелось. Но всего того было еще недовольно, а он, поступив далее, советовал нам, не упуская времени, ехать в контору, и дал нам не только наставление к кому и к кому нам там по сему делу адресоваться, но и снабдил нас к некоторым нужнейшим людям от себя рекомендательными письмами, с уверением их о верной нашей и тем благодарности, и отпустил нас от себя с удовольствием совершенным.

Таким образом, кончив одно дело с вожделеннейшим успехом и возвратившись в Киясовку, не стали мы долго медлить, но, переночевав только, пустились в Серпухов. Там, приискавши себе нанять порядочную квартирку и расположившись на несколько дней пожить, с наступлением последующаго дня пустился я по всему городу рыскать и отыскивать всех людей, с которыми нам надлежало иметь дело и к которым отчасти имел я от *Вакселя* письма. И как я имел в сем городе из межевых многих знакомых, и между прочим, знали меня отчасти уже и те самые, то не трудно было мне их всех не только отыскать, но при помощи тех писем

переговорить с ними и полюбовную речь. И как известно было мне, что господа сии любили и погулять и что попойки, делаемыя им, производили великое действие, то, по условию с товарищем моим, зазывал я их к себе на вечеринку, к которой между тем спутник мой уже и делал нужныя приуготовления.

Как просьбы о том не было мне нужды два раза повторять, ибо господа сии были тому и рады, то и слетелись они все к нам, как соколья к назначенному времени; и как нам было чем блеснуть, то и задали мы им такую попойку, какой они едва ли от кого иного получали, и угостили и угобзили их так, что все они сделались нам друзьями, и обещав нам всеми совокупными силами помогать и употребить все, что только можно было к скорейшему и такому окончанию нашего дела, какого нам только хотелось, и разстались с нами с удовольствием совершеннейшим.

Как во время сего пирования и между тем как товарищ мой их поил и угащивал, не был и я без дела и не упускал удобных случаев к переговорам то с тем, то с другим, а иногда и со всеми ими совокупно, и к преклонению их к поданию руки помощи, и был, так сказать, главным действующим при том лицом и всего дела производителем; то по отшествии наших гостей товарищ, видя столь доброе и успешное начало, был всем тем так доволен, что, обнявши меня, поцеловал и не мог найтить довольно слов к возблагодарению меня за все мои труды, старания и расторопность, а я не менее его был рад, что дело наше начинало клеиться и мне удалось положить оному столь удачное основание и начало.

На другой день, по сделанному с гостями нашими условию, явились мы в межевую контору. Тут не успели мы показаться, как все секретари и прочие чиновники, бывшие у нас накануне, сбежались к нам в один миг и здоровкались с нами, как уже с друзьями, принося тысячи благодарений за наше угощение. Но для нас всего приятнее было их извещение, что они успели уже и самих господ судей предварить и предубедить в нашу пользу. Сие было для нас неожидаемою и крайне приятною новостью, и мы не успели еще изъявить им за то своей благодарности, как один из них успел уже о приходе нашем сказать господам присутствующим и выбежал к нам с приглашением нас к ним в судейскую. Натурально, что сие было для нас также непротивно, и как судьям пересказано уже существо нашего дела и желания, и они были уже предварены, что дело сие касается до покупаемой самою государынею волости, и что за неразрешением сих споров

остановилась и покупка оной, то сие одно в состоянии уже было побудить их принять нас очень благосклонно. Они тотчас приказали подать нам стулья и, посадив нас подле себя, начали с нами разговаривать очень дружелюбно; и как главнейшим предметом разговоров было наиболее наше дело, то натурально не сидел и я молча, но успел всех их и скоро довесть до того, что они сами предлагали нам с своей стороны всякое вспоможение и обещали к скорейшему разрешению и окончанию сего дела употребить все, что бы только можно, и тут же при нас приказали секретарям производить нужныя по сему делу справки и писать, что было надобно.

Будучи всем тем крайне довольны и по изъявлении им благодарности, вышед в секретарскую, не преминули мы паки ко всем нашим друзьям адресоваться и пригласить их по выходе из конторы к себе на водку. И как они от того не отреклись, то спешили мы иттить обратно на свою квартиру, дабы успеть к тому поприготовиться; и как вознамерились мы при сем случае их и накормить, то и должен был наш повар, к скорейшему приготовлению обеда, употребить все свои силы и возможности. И как, по счастию, повар случился малой проворной, провизии ж было с нами всякой множество и самой посуды много, а и времени оставалось к тому еще довольно, то и успели мы состряпать и приготовить для них порядочной стол и такой обед, какого они себе и не воображали.

Едва лишь мы все сие кончили, как появились и друзья наши, и вместе с ними и еще некоторые из межевых. Тут тотчас загремели у нас рюмки и подносы и начались уже дружеския трактации о нашем деле. Они рассказывали нам, что они успели уже в оное основательнее войтить и что вознамерены по оному произвесть и чем поспешествовать к скорейшему онаго окончанию. Я одобрил все то совершенно и весьма доволен был всеми их намерениями и предприятиями, а того еще довольнее был тем, что они успели уже предписать Вакселю, к скорейшему созванию всех по сему делу посторонних поверенных и к принуждению их явиться как можно скорее в контору, и чтоб сам он явился с ними и привез с собою нужные планы, и что уже отправлен с тем к нему нарочной и от них писано было приватно, чтоб он и с своей стороны постарался поверенных сих известными средствами предуготовить к желаемому нам согласию.

Приятно было все сие товарищу моему слышать, у него дрыгало от радости даже сердце и побуждало его усугубить к ним еще более ласки. И когда начали было они подниматься иттить домой, то приступил он к

ним с просьбою, нельзя ли им нас одолжить и с нами, дорожными людьми, вместе и чем Бог послал отобедать. Они начали было отнекиваться; но как присовокупил к тому и я свою просьбу, то наконец согласились. И тогда вдруг загремели у нас столы и тарелки, и в какое ж удивление они пришли, увидев вместо скудного дорожного обеда стол, установленной множеством всякаго рода прекрасно изготовленных кушаньев, а того множайшими рюмками и бутылками с дорогими винами. И как сии еще более соблазнили их зрение, то с восторгом они восклицали: «Ай, брат, это уже совсем не дорожной, а стол хоть бы куда. Спасибо! Право, спасибо!»

Итак, ну-ка мы с ними есть, пить и прохлаждаться; а как скоро кончили есть, то удивились они еще более, увидев вдруг весь стол, установленный фруктами, конфектами и вареньями. «Ну, брат, нечего говорить, – твердили они только, имея уже в головах изрядные шпильки, – задал ты нам пир! Да когда это вы успели все это приготовить?» А явившаяся после кофея превеликая чаша пунша сделала беседе нашей окончание и доконала иных так, что они не пошли, а побрели уже кое-как по домам своим.

Со всем тем как ни велика была всех их к нам приязнь и как ни усердно все они старались поспешествовать скорейшему окончанию нашего дела, но оказалась самая необходимость вооружиться нам на несколько дней терпением и прожить в Серпухове гораздо более недели. Ибо, во-первых, надобно было дать время *Вакселю* исправить свое дело и доставить в контору поверенных, и самому приехать с ними; а во-вторых, востребовалась необходимая надобность к представлению от нас в контору одного письменнаго документа, котораго, по несчастию, не было с нами, а находился он Москве. И как товарищу моему другого не оставалось, как отправить за ним на почтовых нашего третьяго спутника, котораго готовили они в свои стряпчие и, по хорошему воспитанию, отменно любили и уважали, то надобно было дождаться и обратнаго его возвращения из Москвы.

Остановка сия была хотя товарищу моему и весьма неприятна, но я нашел скоро способ успокоить его в разсуждении сего пункта. «А что, Александр Михайлович, – сказал я ему, – хочу я тебе нечто предложить!» – «А что такое, братец?» – «А вот что... жить мы здесь станем дни три совсем по-пустому и делать нам будет нечего. Сем-ка в сие время съездим мы ко мне в деревню: живу я отсюда не далее двадцати пяти верст. Ты бы посмотрел мое житье-бытье и одолжил бы меня тем очень много, а я бы, кстати, повидался с моими домашними и родными». – «Очень хорошо,

– сказал мне мой Александр Михайлович, – я готов хоть в сию минуту сделать вам сие удовольствие, и сам буду тому рад, что спознакомлюсь с вашим семейством». Итак, вмиг подхватили мы ямских лошадей и, севши в карету, налегке, черканули в мое любезное Дворяниново.

Не могу изобразить, как обрадованы были все домашния мои нечаянным и совсем неожидаемым моим приездом к ним и как довольны были тем, что я привез с собою нового своего знакомца и друга. Они замучили меня спросами и расспросами обо всем и обо всем, а товарища моего не знали, как угостить лучше. Что касается до меня, то мне всего приятнее было то, что гостю моему все у меня полюбилось, и он прямо находился в удовольствии. И семейство мое ему нравилось, и домик мой был ему мил, и сады мои казались хороши, а на усадьбу и красоту местоположения, видимаго из дома моего, не мог он довольно насмотреться и налюбоваться всеми видимыми предметами. Мы не оставили ни одного почти уголка во всех моих садах и усадьбе, где бы мы с ним не побывали, и во многих местах не сидели и наиприятнейшим образом дружески не разговаривали. В особливости же памятен мне один весьма важной разговор, которой имели мы с ним на самой Петров день в моем нижнем саду, сидючи в тени под лозками. Сад сей был тогда хотя и далеко не таков хорош, каковым сделал я его после и каков он ныне, однако имел в себе уже много приятных мест. Лучшее же и самое прохладнейшее из них было под помянутыми лозками, существующими еще и поныне и растущими под плотиною моей на горной пред домом сажелки. Но тогда лозы сии были в наилучшем своем и молодом росте, и между каждою из них поделаны были покойные дерновые креслы. И как сие место действительно было наипрохладнейшее и удобнейшее для сидения во время жара и тем приятнейшее, что с оного видно было все прекрасное течение нашей реки *Скниги* и все красоты положения мест, окружающих с сей стороны мое обиталище, то полюбилось оно ему отменно. И тут-то, сидючи в прохладной тени, провели мы с ним более двух часов в приятном и прямо в философическом разговоре о приятностях и выгодах мирной и спокойной деревенской жизни и вообще о счастии и истинном благополучии человеческом. И как самое сие подало мне повод упомянуть ему о сочиненной мною о сем предмете книге, то захотелось ему непременно ее тогда же видеть. Он просил меня показать ему ее, и я принужден был за нею сбегать и по принесении прочесть ему кое-что из оной.

Не могу изобразить, как полюбилось ему тогда сие сочинение. «О, братец, – сказал он, – это сокровище, а не книга!» И не выпускал ее с того времени почти из рук, покуда ущипками и урывками не прочел ее всю с начала до конца. Я принужден был взять ее для него с собою в Серпухов и он столько находил в ней для себя приятнаго и хорошаго, что не дал мне покоя, доколе не обещал я ему взять ее с собою в Москву и дать ему списать всю ее для своего употребления. А таковой же участи удостоилась и «Детская моя философия», до которой дошел у нас также разговор и которая ему полюбилась столько ж; и как имели они у себя в Москве целую канцелярию добрых писцов, то и действительно списали они все сии книги для его в самое короткое время.

В сих и других приятных дружеских и безпрерывных разговорах и занятиях и не видали мы, как протекли тогда те двое суток, которые он тогда у меня пробыл. Обращением моим с ним и всем угощением был он так доволен, что божился мне, что оба сии дни будут ему по смерть памятны. А и для меня был гость наиприятнейший в жизни, и дни сии так приятны, что я и поныне вспоминаю их не инако как с удовольствием душевным. Помянутая ж сиделка под лозками сделалась мне так достопамятна, что я всегда, идучи мимо ее, вспоминаю тогдашния приятныя минуты, провожденныя на ней с сим истинным моим другом.

Наконец надлежало нам разставаться с моим Дворяниновым и для окончания нашего дела ехать обратно в Серпухов. Там нашли мы курьера нашего, уже возвратившагося из Москвы и привезшего к нам не только надобной документ, но и множество вновь всякаго рода провизии. А вскоре засим приехал и *Ваксель* с поверенными, но с ними имели все мы множество трудов и не прежде уломали и склонили ко всему желаемому нами, как чрез несколько дней, употребляя к тому и волчий рот и лисий хвост, и за всем тем принуждены были множайшие дни прожить, нежели мы думали. В которое время между тем как я хлопотал, товарищ мой занимался наиболее чтением моих сочинений и в том с удовольствием проводил время.

Но как бы то ни было, но наконец удалось нам дело наше наиудобнейшим образом кончить, и как оставалось тогда задать только друзьям нашим межевым на прощанье опять добрую попойку и угостить, кого более следовало, то, исполнив и сие, не стали мы долее медлить ни минуты, но, подхватя почтовых, полетели обратно в Москву. И как товарищу моему

хотелось возможнейшим образом поспешить, то и ехали мы с такою скоростью, с какою я отроду моего до того и после никогда не езжал, и во мне души почти не было от страха, чтоб колеса наши не разлетелись вдребезги. Но, по счастию, карета была крепка и мы приехали в Москву благополучно и провели в пути менее суток.

Сим окончу я мое письмо и предоставив прочее будущему, скажу, что я есть ваш и прочее.

(Декабря 30-го дня 1808 года).

ОКОНЧАНИЕ ДЕЛА О ПОКУПКЕ ВОЛОСТИ И ПЕРЕЕЗД В КИЯСОВКУ

Письмо 174-е

Любезный приятель!

Приезд наш и удачное окончание нашего сумнительного дела обрадовал не только княгиню с господами *Салтыковыми*, но и самого моего князя: тех потому, что им нетерпеливо хотелось получить с князя за волость денежки, а сего потому, что сие разрешение и окончание спорнаго межевого дела развязало ему руки и ему можно уже было приступить к формальной покупке волости. Но надобно признаться, что и самому мне было то очень-очень непротивно и более потому, что удалось мне, по пословице говоря, с небольшими хлопотами и трудами, загресть чужими руками жар, и чрез то избавить самого себя от безчисленных забот, хлопот, трудов и самых неудовольствий, которыя неминуемо навлекло бы на меня сие спорное дело, если б мы купили волость без разрешения онаго, и мне бы самому уже о том хлопотать надлежало, в котором случае, не могли так транжирить и столько убытчиться, как они, не мог бы я никак его так скоро и удачно кончить. А сверх того, и то мне было приятно, что мне удалось тем услужить и княгине, и господам Салтыковым, а не менее доставить и князю новое удовольствие.

И подлинно, не успела княгиня и друзья ее услышать обо всем и от спутника моего узнать, что и что я при том делал и как проворил и мастерил, как начали осыпать меня тысячами благодарений и говорить, что я

обязал их тем чрезвычайно. А и князь не успел нас с господами Салтыковыми, приехавших к себе, увидеть, как нимало толь скораго окончания не ожидая, с приметным удовольствием воскликнул: «Ба, ба, ба! Уже и возвратились и неужели все кончили?» – «Кончили, – отвечал я, – и против всякаго чаяния весьма удачно и хорошо». – «Но за то, – подхватили господа Салтыковы, – обязаны мы великою благодарностью вашему сиятельству за увольнение Андрея Тимофеевича, без него нечего бы нам делать: все это так скоро, удачно и хорошо кончено единственно его старанием, попечением и расторопностью». Князь улыбнулся от удовольствия и сказал им на сие: «Так его, а не меня вы за то и благодарить должны».

После сего должен я был пересказать князю на коротких словах все и все, что у нас происходило там, и что и что сделано. Князь только усмехался, все сие слушая, и как я все свое повествование кончил, то сказал: «Ну, слава же Богу, что не осталось уже никакого помешательства и нам, Борис Михайлович, можно уже будет приступить к совершению купчей». – «Конечно, можно, – отвечал он, – и теперь зависит от воли вашего сиятельства назначить к тому день». – «Очень хорошо, – сказал князь, – и чем откладывать вдаль, так не угодно ли приступить к тому с завтрешняго дня, и постараться о приискании нам знающаго человека к написанию купчей, и ко мне с написанною вчерне, пожаловать». – «Очень хорошо», – сказал г. Салтыков и тотчас полетел в Вотчинную коллегию для начинания сего дела. Но где-то приискали к тому знатока, где-то написали ее вчерне, где-то сообща все ее разсматривали, и все что нужно было в ней прибавляли, где-то переписывали набело... во всем том провели не менее трех суток; но наконец, 18-го числа июля подписала ее княгиня и по собрании великаго множества к тому свидетелей, купчая надлежащим образом была совершена, и осталось только князю и княгине расписаться в книге. И как для сего надсмотрщик привезен был с книгою в дом княгини, то и князь расположился сам туда же к ней приехать. Итак, взяв меня с собою, и поехали, и оба они в книге расписались. Купчая, по обыкновению, вручена была надсмотрщиком княгине, а сия хотела было вручить ее князю, но сей, не приняв, просил ее, чтоб она изволила присылать к нему для приема и получения денег, и прислала бы ее уже по получении денег.

Как сумма, платимая за волость, была немаленькая и простиралась до *ста двадцати тысяч рублей*, и всю ее надлежало считать, поелику вся она была чистою серебряною монетою, то принуждены мы были с г. *Шебаше-*

вым употребить весь последующий день на отпускание оной из кладовой княжеской, где они у него хранились, а господа Салтыковы, приезжавшие для сего сами, на принимание оной от нас и считание. Наконец повезли они ее от нас на фуре, в шесть лошадей запряженной, а вслед за нею поехали и мы с г. Шебашевым к княгине для получения купчей, которую она нам и вручила.

Таким образом кончили мы с княгинею *Белосельскою* наше дело; и князю оставалось только снабдить меня инструкцией и несколькими ордерами и отправить в Киясовку для вступления в мою управленческую должность. Первую препоручил князь написать самому мне для себя, и сие составило для меня щекотливую коммиссию. Но как бы то ни было, но я ее написал, и князь ею был доволен. Ордера же писал г. Шебашев. Итак, оставалось мне только побывать в рядах и искупить по повелению князя некоторыя нужныя для заведения в Киясовке волостной канцелярии покупки и потом отправляться. И как на иные, равно и на другие нужные первые расходы в Киясовке, доколе будут вступать волостные доходы, потребны были деньги, то и приказал князь Шебашеву отпустить мне некоторую сумму.

Во всем том писании и принимании денег и провел я весь почти последующий день; но как в город иттить было уже поздно, а дня оставалось еще довольно, то и разсудил я употребить сие оставшееся время на удовлетворение желания господ Салтыковых, которые взяли с меня клятву, чтоб не уезжать из Москвы, с ними не простившись. Итак, чтоб отвязаться уже от них и наутрие иметь более свободы, и поехал я к ним на извощике.

Едучи дорогою, помышлял я и говорил сам себе, уже не затем ли они меня к себе пригласили, чтоб подарить меня чем-нибудь за мои труды и хлопоты. И как я не инако думал, что вздумают они навязывать на меня какую-нибудь безделку, то считал за постыдное для себя принять оную и решительное намерение принял отказаться от того, ежели сие воспоследует.

В сих помышлениях и приехал я в дом княгинин. Я прошел прямо в комнаты господ Салтыковых, но из всех их нашел только *Александра Михайловича*, других обоих братьев не было дома. Помянутый друг мой, ни с другого слова подхвати меня, повел в комнаты к княгине. Сия приняла меня с отменною уже ласкою и приятством перед прежним. Я не знал, что бы это значило, но после узнал, что как Александр Михайлович имел уже

время пересказать ей все, что он обо мне и об охоте моей к наукам, о моих знаниях, о моем житье-бытье и о характере моем знал; то она, будучи сама до наук, а особливо до натуральной истории, некоторою охотницею, получила обо мне уже гораздо выгоднейшее пред прежним мнение и потому, приласкав меня, тотчас вступила со мною в приятные и относящиеся до наук разговоры. И как натурально и я не имел причины молчать, то провели мы все время до ужина, без котораго она меня отпустить никак не хотела, со взаимным и особым удовольствием. Наконец приехали и другие оба братья, и как она имела обыкновение ужинать очень рано, то тотчас и позвали нас к столу, и княгиня, посадив меня подле себя, не знала, как меня лучше всем и всем употчивать.

Отужинав, не стал я далее ни минуты медлить, но, раскланявшись и распрощавшись с нею и господами Салтыковыми, осыпавшими меня вместе с нею опять за все и за все тысячами благодарений, поскакал я обратно на свою квартиру, будучи крайне доволен, что о подарке, как казалось, не было ни у кого и на уме, хотя то мне некоторым образом и удивительно казалось.

Теперь разскажу вам об одном странном, редком и весьма достопамятном в жизнь мою происшествии, случившемся со мною по приезде моем на квартиру, происшествии, могущем доказать, что были на свете люди, чувствовавшие прямую благодарность и умевшие не только ценить и иметь истинное дружество, но показывать тому редкие и почти необыкновенные опыты и доказательства. Было оно следующее.

Как тогда начинало уже хотя смеркаться, но было еще светло и случился тогда быть наипрекраснейший июльский вечер, то по возвращении своем в душную квартиру, ибо стоял я все еще у Шебашева и не хотя ложиться спать, вздумал я выттить за ворота и проходиться несколько по улице при тогдашнем прохладном уже воздухе. Но не успел нескольких десятков сажен от ворот своей квартиры отойтить, как вдруг встречается со мной скачущая почти карета, и сидевший в ней закричал кучеру:

– Стой! Стой! Стой!

Я удивился, сие увидев; но удивление мое несказанно еще увеличилось, когда увидел я в выходящем из кареты и прямо ко мне идущим друга моего *Александра Михайловича Салтыкова*.

– Ба, ба, ба! Александр Михайлович! – воскликнул я. – Куда это?

– К тебе, мой милый и любезный друг, – сказал он, – мне хотелось еще раз с тобою проститься и вручить тебе вот этот знак княгининой благодарности за все твои труды и старания, а от себя жертву моего к тебе дружества.

И в самое то время, выхватив из карманов одной рукою довольно толстый и запечатанный конверт, а в другой небольшой сверток бумаги, сей всунул мне в карман, а тот совал мне за пазуху. Поразился я сею неожидаемостью и хотя не знал, что такое было в свертке и в пакете, но, заключая, что находились в них какие-нибудь подарки, стал упорствовать и, не принимая, говорить:

– Помилуй, братец! На что это, на что? И стоят ли чего все мои труды и старания? Я рад, что удалось мне всем вам услужить, и одно чувствуемое от того удовольствие служит мне уже довольною наградою. Нет, нет, – продолжал я, от часу более противясь, говорить, – воля твоя, а я никак не приму, и на что княгине для меня убытчиться!

– Пустое, братец! Какой это убыток! – подхватил он. – Мы сегодня же все наше серебрецо променяли на ассигнации и получили более трех тысяч барыша, так стоят ли чего эти безделки!

Услышав сие и заключая, что в пакете запечатана какая-нибудь вещица, а в свертке находилось несколько денег, стал было я еще более упорствовать и, выхватив всунутый мне за пазуху пакет, опять ему в руки втирать; но он, опять его всунув мне за камзол, сказал:

– Воля твоя и как ты хочешь, а взять ты это неотменно должен; человек ты любезной, но небогатой, и тебе, моему другу, это сгодится.

И, поцеловав меня потом и, сказав: «Ну, прости мой друг!», опрометью побежал в карету и, усевшись в нее, поскакал от меня прочь, сказав только мне уже из кареты:

– Пожалуй только, мой друг, подержи это за собой и не сказывай никому, да и самую княгиню не только не благодари, но не упоминай о том ей ни одного слова. Она неотменно того хочет.

Изумление, в которое приведен я был сим внезапным, странным и особливым происшествием, было таково, что я его никак изобразить не в состоянии. Я почти оцепенел на несколько секунд и, смотря вслед исчезнувшей у меня из глаз карете, не знал, что думать. Но каким новым изумлением я поразился, когда, любопытствуя узнать, что такое было в

бумажном свертке, развернув его, увидел, что находилось в нем целых *триста* рублей золотыми империалами!

– Господи! – воскликнул я от удивления. – Какое множество золота, и стоют ли того труды мои и услуга?

Но изумление мое еще несказанно увеличилось и было неизобразимо, когда любопытствуя также узнать, что в пакете, распечатав его, увидел, что вместо мнимой какой вещицы весь он наполнен был одними только ассигнациями.

– Ба, ба, ба! – воскликнул я. – И тут ажно одни деньги!

Но сколь удивление мое увеличилось, когда я, пересчитав их вскорости, усмотрел, что содержали они в себе целую *тысячу* рублей.

Зрелище сие вмиг привело тогда всю кровь мою в волнение превеличайшее, а сердце во мне так затрепетало, что хотело почти выскочить, и я равно как в некаком восторге воскликнул:

– Господи! Что это такое? – и опять замолчал, погрузясь в тысячу мыслей, произведенных во мне сею неожидаемостью. Сумма сия была такая, какой я еще никогда не имел у себя от своего рождения, и ныне не составляет она никакой безделки, а по тогдашней дороговизне денег была гораздо еще важнейшею и натурально должна была показаться мне чрезвычайною. И как вручена она была мне таким особливым образом и втерта насильно в руки с таким еще особым условием, то стал я в пень, не знал, что думать, и крестился только от удивления неизобразимаго.

Долго и несколько минут продолжалось сие мое изумление. Но наконец сообразив все обстоятельства предследовавших тому происшествий и помыслив о том, что я сего не искал, не требовал и даже не желал, почел дар сей не иным чем, как даянием Господним и действием непостижимаго Его и о благе моем пекущагося Промысла, и, приняв его со вздохом сердечной к нему благодарности, пошел обратно в свою квартиру, будучи весьма доволен, что никто происшествия сего не видал и что происходило оно почти наедине с моим другом.

Легко можно заключить, что я не имел причины сказывать о том не только моему хозяину, но даже и своим людям, ничего того не ведавшим и не видавшим; но легши скоро после того спать, долго я не мог уснуть от толпящихся в голове моей множества разных и приятных мыслей. Но зато и последовавший потом сон был столь приятен, что я давно так сладко и хорошо не сыпал, как в тогдашнюю ночь. Но подарили ль они чем-

нибудь товарища моего г. *Шебашева*, о том истинно не знаю и поныне. Спрашивать его о том было мне совестно и неловко, сам же он не сказывал, а заметно было только то, что не изъявлял он ни на княгиню, ни на гг. Салтыковых никакого неудовольствия. Что ж касается до подаренной мне суммы, то видно, что подарена была она мне от добраго сердца, ибо она обратилась мне в прок и послужила первым основанием всему тому маленькому капитальцу, который имел я в последующее время, и пригодилась мне очень-очень кстати.

На другой день, проснувшись с новыми и до того не известными мне еще приятными чувствиями, ибо я почитал себя тогда уже богатым человеком, пошел я к князю и, приняв от него последние приказания и раскланявшись с ним, прошел прямо в город, и, исправив все нужныя покупки, нанял потом под коляску свою лошадей и перед вечером пустился из Москвы и поехал прямою дорогою в Киясовку для немедленнаго вступления в новую свою управительскую должность, куда, ночевав на дороге в Пахре, на другой день и приехал.

Случилось сие 22-го числа месяца июля и в самые почти полдни. Подъезжая к сему селу, чувствовал я в себе некоторыя особливыя и не неприятныя ощущения и не преминул несколько раз перекреститься при въезде в самое село, и чтоб мысленно не попросить Господа о ниспослании мне при вступлении в новое поприще жизни святого Своего благословения и преподания мне во всем руку помощи. Меня тут начальники уже некоторым образом дожидались и тотчас сбежались ко мне, как скоро коляску мою завидели. Я расположился на время в тех же нижних комнатах, где мы до того времени квартировали, и при вступлении в свою должность первым делом моим было то, чтоб приказать наутрие собраться всем крестьянам для выслушания послушнаго указа, которым не преминула нас, по обыкновению, снабдить княгиня *Белосельская*.

Между тем успел я в тот день обходить сады и прочия места усадьбы и расспросить у начальников о всех тогдашних в волости обстоятельствах, также осмотреть гумно и производимую в тот день молотьбу хлеба, а ввечеру занялся я писанием к князю о прибытии своем в волость перваго рапорта и некоторых других писем.

Как в последующий день все крестьяне из села Киясовки и других принадлежащих к селу ближних деревень были собраны, то, вышед к ним, прочел я им послушной указ и потом поздравил их с новою и столь

знаменитою помещицею. Все они изъявляли о том свою радость и удовольствие; а я после того сказал им, что как я по воле ея определен для управления ими, то при первом случае советую им: что как они теперь уже не владельческие, а собственные крестьяне самой государыни и гораздо преимущественнее всех прочих казеннаго ведомства крестьян, то они сие всегда б помнили и не постыдили бы себя никакими дурными поступками, а постарались бы как можно будущим своим поведением и мирным и порядочным житьем и повиновением смыть с себя то гнусное пятно, которым замараны они всеобщею об них молвою.

– Повсюду, – продолжал я им говорить, – носится об вас, друзьях моих, весьма скверная и гнусная молва! Говорят, будто бы вы преданы уже слишком шалостям и воровству и будто бы уже до того дошло, что никто из приезжих не смеет и не отваживается у вас здесь в селе ночевать. Я не знаю, правда ли то или нет, но желаю, чтоб была то неправда. Но на случай, если молва сия не пустая, то советую вам, друзья мои, все такия шалости с сего времени бросить совершенно и отстать от всего дурного и сказываю вам наперед, что сколько вы найдете во мне очень добраго, честнаго и правду любящего начальника, столько, напротив того, строгаго наблюдателя добраго порядка, и что я никак того терпеть не буду, и что открывшееся за кем-нибудь не только важное, но и самомалейшее воровство не останется никак без наказания; но все таковыя строго, жестоко и примерно будут наказаны, и было б вам сие, друзья мои, наперед ведомо.

Пропев им с самаго начала таковую песенку, распустил я их, сказав, чтоб они шли теперь с Богом продолжать обыкновенныя свои работы; а буде кому какая нужда есть, то являлись бы ко мне с оными.

Все они, выслушав с глубочайшим молчанием мои слова, поклонились и пошли, а я занялся потом кой-какими нужнейшими распоряжениями, а паче всего приказаниями имевшемуся тут в доме столяру починить скорее все поврежденныя в доме мебели, также и в службах и кухне окна и все прочее, что было нужно, подтвердив, чтоб все к тому времени поспело, как перееду я со всем моим семейством и людьми жить в Киясовку. Потом ездил я осматривать господские, в самое то время производившиеся еще покосы и сделал там распоряжения, какия были нужны.

На другой день после того для самаго того ж ездил я в село *Малино* и *Спасское*, и как там по предварительному от меня приказанию все крестьяне находились уже в собрании, то прочел я и тем послушной *указ*, а

потом и с ними поговорил также полюбовную речь, хотя не такого содержания, как в Киясовке, ибо за жителями сих сел никаких таких шалостей было не слышно. А только крестьянам села Спасскаго, о которых мне сказывали, что они отменно сварливаго и безпокойнаго характера, посоветовал также, чтоб они жили впредь посмирнее и во всем были послушнее и лучше. Сии тотчас было и подлетели ко мне с некоторыми дрязгами, но я тотчас зажал им рот, сказав, что на все это будет впредь довольно времени; что впредь я не оставлю все исследовать и разобрать и во всем оказать им справедливость, а теперь ни мне, ни им заниматься тем не дозволяет время, а шли бы они все продолжать свои полевыя работы.

Отпустя и сих, занялся я с приехавшими в самое то время в село Спасское купцами торговать сад тамошний; и я, походив с ними и осмотрев плоды и поторговавшись, и продал им оные за 60 рублей, которые и составили самый первый доход по вступлении моем в управление волостью.

Возвратившись оттуда опять в Киясовку, не стал я долее медлить, но по сделании еще некоторых распоряжений и дав прикащику наставление, что ему в отсутствие мое с крестьянами делать и какия производить работы, поутру на другой день и пустился в свое любезное Дворяниново, дабы забраться там всем нужным и переезжать потом со всеми домашними моими жить в Киясовку.

Там нашел я всех моих родных в нетерпеливом и ежедневном ожидании моего приезда, ибо до них дошли уже слухи, что я из Москвы в Киясовку отправился. Итак, встречали они меня уже как управителя императрициной волости и с изъявлением радости своей поздравляли со вступлением уже в свою должность. Но сколь увеличилась их радость, когда, отведя их в особую комнату, по секрету разсказал им о полученном мною и всего меньше ожидаемом даре. Они, услышав такую неожидаемость, поразились также удивлением неизобразимым, и согласно со мною не инако то почитая, как даянием Божеским, не знали как возблагодарить Господа за сию ниспосланную нам милость.

После сего, нимало уже не медля, принялись мы за сборы и на другой же день закипело у нас в доме. Переезд со всем домом жить в другое место не составляет безделки, и требовал к тому приготовлений и распоряжений многих. Надобно было назначать кого и кого из людей обоего пола нам брать с собою, определять что и что из мебелей и других вещей нам забирать и везть на новое жилище. Надобно было собирать нужныя,

к перевозке безчисленнаго множества разных мелочей и вещей, повозки и снабжать их лошадьми; надобно было подумать и о том, что оставлять дома, и сделать распоряжение, чему и чему без нас производиться, и так далее. Словом, хлопот, трудов и забот было превеликое множество.

Целых трое суток, и именно 26, 27 и 28-го июля занимались мы безпрерывно сими сборами и хлопотами, и насилу-насилу успели их кончить. В продолжение сего времени не по одному, а по нескольку раз в день обегал я все свои сады и посещал все любимейшия места в оных. Не могу изобразить, с каким чувствительным сожалением разставался я со всеми ими, и как старался ровно как в последний раз насмотреться на них и налюбоваться всеми красотами и приятностями оных. Правда, отъезжал я хотя и не в такую даль, чтоб не мог ласкаться вскоре их опять увидеть, да и после надеялся временем приезжать к себе в дом; но что могли значить все такие временные и на короткое только время приезды? И разница была между ими и всегдашним пребыванием и жительством в деревне, к тому ж, и будущее все ли было известно? Не легко ли могли случиться обстоятельства, которыя до частых отлучек от должности и не допускать будут.

Так думал я, и все сие производило в душе моей некакия особенныя и неизобразимыя чувствования, и не один, а несколько раз побуждали меня говорить даже с ними, как бы меня слышащими и разумеющими. «Простите, мои милые и любезные друзья! – говорил я. – Когда-то велит Бог мне опять здесь жить с вами и всеми вашими приятностьми утешаться! Удаляюсь от вас в места чуждыя и принадлежащия не мне собственно, как вы, вы же останетесь здесь как сиротами; никто-то вас посещать и так любоваться не будет, как я. В отсутствие мое чего и чего не может произойтить с вами! Никто-то об вас так пещись и так вас беречь и охранять не станет, как я. Как легко может случиться, что иныя из вас от небрежения совсем одичают и запустеют!»

Сим и подобным сему образом говорил и распращивался я: со всеми любимейшими и мною обработанными местами, ровно как предчувствуя, что сие некогда действительно совершится; ибо мог ли я тогда думать и себе воображать, что я отлучался тогда от них действительно не на короткое, а весьма на долгое и даже до 22-х лет продолжавшееся время, в течение которых хотя я и видал их временно, но всегда только на самое короткое время; что и причиною было, что многия места и действительно одичали, запустели и всех тогдашних своих красот лишились.

С такими ж особенными чувствиями разставался и прощался я и с любезною своею библиотекою и милым своим кабинетом, свидетелем толь многих приятных минут в нем провожденных. «Прости, мой друг! – говорил я. – Богу еще одному известно, буду ли там, куда, оставляя тебя, теперь еду, находить столько ж душевных удовольствий, сколько находил в тебе при помощи сих сирот, остающихся здесь стоять в пыли, в глухоте, в темноте и в пустоте самой. Никто-то вас здесь, друзья мои, посещать и вами утешаться не будет». Сим образом говорил я, прощаясь с остающимся в большом шкапу моем книгами, ибо всех их с собою забрать никак было не можно и неудобно, а я только забирал одни нужнейшия из них.

Таким же образом не преминул я обходить и все прочия места моей усадьбы, и как садовникам моим, так и остающемуся домоправителю и прикащику давать наставление и приказания, что им без меня в садах и других местах наблюдать и делать.

Между тем как я сим и подобным образом между иных дел ходил и распращивался со всеми местами, занимались обе хозяйки мои собиранием, укладыванием всякой домашней рухляди, оставляемой отчасти дома, отчасти забираемой с собой. Ехали мы тогда не налегке и не одни только, а брали с собою не только всех своих детей, но и самых чужих, гостивших тогда у нас для компании и обучения кой-чему; ибо как дом в Киясовке был так просторен, что было где и со всеми ими поместиться, то не разсудили мы за благо отпустить их к родне их, а брали с собою, дабы не было нам так скучно, а особливо сначала. И как ехала нас целая компания, то нужно было как для себя, так и для них всем нужным собраться и запастись. Сверх того, и самых людей брали мы с собою не мало, следовательно, и об них и о снабдении их всех нужным надобно было подумать и все нужное забрать; а потому и были у хозяек моих во все сии дни полны руки работы и все помышления заняты заботами многочисленными.

Наступило, наконец, 29-е число июля, как день, назначенный для нашего отъезда. Итак, по настании сего дня, помолясь Богу и распрощавшись со всеми съехавшимися к нам для проводов ближними соседями, выехали мы из своего дома и любезнаго своего Дворянинова, нимало не воображая себе, что мы разставались с ним и домом своим на столь долгое время, что сей последний успел к тому времени совсем уже почти развалиться и к житью сделаться неспособным, в которое Промыслу и воле Го-

сподней угодно было привесть нас опять для жительства по-прежнему в сем нашем обиталище.

Не могу никак изобразить, с какими чувствиями разставался я тогда с сим любезным моим жилищем, и что и что ощущал в душе моей по выезде из онаго. Я нарочно велел ехать колико можно медленнее до тех пор, покуда было оно еще видно и не сокрывалось от очей моих, безпрерывно на него смотрящих, и минуты сии были для меня поразительны. Превеликим множеством мыслей занималась тогда вся душа моя, и я говорил сам в себе: «Ну, прости селение милое и дорогое! Ровно почти двенадцать лет кормило, поило, согревало и всем нужным снабжало ты меня, и я жил в тебе мирно, спокойно, весело и так хорошо, что и не помышлял никогда с тобою разстаться и тебя покинуть; но не то случилось, что я предполагал и думал! Десница Всемогущаго извлекает меня из недр твоих и возводит на иную стезю и поприще жизни. Отлучаясь от тебя, еду я начинать новой род жизни; лучшее ли для меня или худшее предстоит во днях грядущих, о том известно одному только Господу! Но Его святая воля и буди со мною! Ну, прости, прости», сказал я при последнем воззрении на рощи, скрывающияся уже из глаз моих, и велел уже погонять лошадей и ехать скорее.

Сим кончилась первая моя деревенская жизнь по отставке; а как и письмо мое уже достигло своих пределов, то окончу я и его, сказав вам, что я есмь ваш и проч.

(Декабря 31-го дня 1808 года).

ИСТОРИЯ МОЕГО ПЕРВАГО ЖИТЕЛЬСТВА В КИЯСОВКЕ

Письмо 175-е

Любезный приятель!

Пред самым вечером было уже то, как мы со множеством наших повозок, составлявших изрядной обозец, въехали в село *Киясовку*, а потом на обширной и просторной двор господскаго дома. Спутницы мои, сидевшия со мною в одной карете, крестились, по набожности своей, въезжая на двор, и увидев дом, от удивления воскликнули: «Э, э, э! какая домина,

да в этом и Бог знает сколько людей поместить можно». – «Ну не так-то слишком радуйтесь, – сказал я им, – величине его, а посмотрите наперед его внутренность, и тогда верно заговорите вы иное; не таков-то он покоен и поместителен внутри, каков велик и хорош кажется снаружи».

В сих разговорах подъехали мы к большому крыльцу, посреди дома находившемуся. Оное нашли мы уже все установленное тамошними начальниками: и именитыми людьми. Прикащик, староста, земской и все, сколько ни было дворовых людей и мастеровых, успели уже сбежаться и, собравшись, встречали нас с обыкновенными приветствиями и поклонами. Я, поздоровкавшись с ними и спросив, все ли у них здорово и хорошо, повел тотчас спутниц своих в верхний этаж по большой парадной и покойной лестнице, внутри дома и препросторных сенях устроенной, и, взведя их наверх в некоторой род также препросторных и сквозных сеней, сказал: «Ну, теперь ступайте сами, куда хотите, направо и налево, осматривайте все комнаты и покои, выбирайте из них любыя и думайте, где бы нам удобнее приютиться, и которыя бы из них назначить для гостиной, столовой, спальни, для девичьей и детской. Наилучшия и множайшия комнаты вот здесь, в левой стороне дома». Боярыни мои тотчас туда и полетели, а я пошел в правую сторону, как назначенную уже предварительно для своих покоев, и для показания людям куда переносить мои вещи.

Не успел я еще всех приказаниев моих кончить, как гляжу, идут мои спутницы уже ко мне. «Ну что?» – спросил я их. «Что, батюшка! – отвечали они мне. – Чуть ли ты не правду сказал, что наш дом каков ни мал против этого, но едва ли не спокойнее и не поместительнее! Возможно ли?

Ходили, ходили и нигде не нашли ни одной порядочной комнаты. Иныя, как конурки, слишком уже малы, а другия как сараищи, преобширныя, а все низим-низехоньки. И что это за расположение между ими? Какой чорт это их строил и располагал и где у него ум был?» – «Не прогневайтесь, – сказал я, – он строил не для нас, а для себя и располагал так, как ему хотелось; итак, о том говорить нечего. А думайте-ка, где бы нам и как расположиться». – «Чего думать? – подхватили они. – Там не нашли мы никакого приюта, а нет ли разве в этом краю?» – «А здесь и того меньше, – сказал я. – Тут и всего только два покойца, из которых одни назначаю я для лакейской, а другой и крайний для своего кабинета». – «Но не лучше ли и не покойнее ли будет внизу?» – спросили они. «Там и того еще хуже; завтра вы увидите сами, а теперь и ходить туда незачем, а думайте и располагайтесь как-нибудь уже здесь и утешайтесь, по крайней мере, тем, что нам не всегда здесь жить. Князь обещал уже мне построить новой и особливой деревянный дом для житья управителю и назначил к тому уже и место. И тот уже построим мы на свой лад и по своему вкусу и расположим как надобно, а до того времени нечего иного делать, как довольствоваться уже сим и как-нибудь уже в нем помещаться».

Пересказав им сие и показав обе свои комнаты, повел я их обратно, чтоб сообщить им, по крайней мере, свое мнение, и введя в помянутой средине и просторнейший покой, в которой выходила снизу парадная лестница, сказал: «Вот этот сараина должен служить нам и вместо сеней, и вместо прихожей, и вместо залы. И если случится когда быть у нас многим гостям, так негде больше обедать как здесь». – «Но умилосердись! – подхватили они. – Как это можно?» – «Конечно можно, – отвечал я, – и в службе не без нужды, а это, слава Богу, простора довольно, станови себе сколько хочешь столов, благо светло и в обе стороны окошки и их множество!» – «Ну, ну, пускай по-твоему, – сказали они, – но что далее?» – «А вот здесь, – сказал я, введя их в первую и небольшую комнату с двумя окнами на двор. – Пусть будет наша всегдашняя столовая; комната хоть небольшая, но для столовой уже годится. Семья наша не так велика, а хоть бы и случились гости, так человек двенадцать или пятнадцать по нужде накормить можно». – «Ну! ну! – сказали они далее. – А на гостиную-то комнату которую бы ты назначить изволил?» – «А вот эту другую, подле ней». – «Ах, батюшки! – воскликнули они. – Да эта и той еще меньше и теснее; да тут человек и десяти не усадишь». – «Ну, как быть! – сказал

я. – Говорится в пословице, на безлюдьи и сидни в честь, и нужда чего не делает; случится когда быть теснее и гостей много, так милости просим в столовую, тогда служи и она нам вместо другой гостиной, как быть?» – «Ну, ну! – подхватили они. – А для спальни-то нашей какую комнату изволишь назначить?» Тут стал я в пень, и не знал, что сказать; за обеими сими комнатами впереди оставался один, но из всех неуклюжистый и самый крайний в доме, предлинный, во всю ширину дома простиравшийся и во все три стороны окошки имеющий покой, и я не смел почти ассигновать его под спальню. Но неволя заставила меня уже ее предназначать нашею спальнею. Захохотали боярыни мои, сие услышав, и совокупно воскликнули: «Ну, уже спальня! Нечего говорить, спальня! Самая господская! Ну, как это можно тут спальне быть?» – «Для чего не быть? – сказал я. – Вот здесь поставим к одному концу кровать, а в достальном месте можете вы запросто жить: чево нет светло! Под любым окошечком себе сидите и смотрите вот либо на двор и на село сюда, либо на пруд в эту сторону, либо сюда в сад и в поля. Пожалуй себе помещайте здесь и кружевниц своих и других рабочих, простора довольно». – «Ну что делать, – подумав и одумав сказали они, – знать быть по твоему. А вот эти достальныя задния две комнаты, окошками в сад, и сами мы назначили для детской и для девичей; но есть ли, по крайней мере, место, где б что положить можно было?» – «О! Что касается до этого, так кладовых здесь множество, найтить можем и вверху, в моем краю, и внизу, за этим дело не станет».

Расположив сим образом, где чему быть, и велели мы тотчас разбираться и взносить все, куда что следовало, и проведя в том все достальное время того дня. Повара наши между тем успели приготовить нам дорожный ужин, и мы обновили им свою столовую.

На другой день с самаго утра принялись мы уже порядочно разбираться и все везде устанавливать и как надобно все располагать. Между тем как хозяйки мои хлопотали о том в своем краю, занимался я тем же в своем правом краю. Я упомянул уже, что тут находилось только две нарочито просторныя комнаты. Из них крайнюю и угловую ассигновал я для собственнаго своего ежедневнаго пребывания, и под одним окошечком установил я себе свой писчий столик, под другим назначил быть будущей моей канцелярии, а под третьим – столу учебному для моих воспитанников и учеников, которых столкнулось тогда целых трое: мой племянник *Травин*, да сын господина *Ладыженскаго*, да еще *Абаринов*, сын одной

дальней родственницы моей тещи и мальчик бедный и не весьма еще большой. Всем сим назначена комната сия была и спальнею и учебною, а вкупе должна была быть и моею библиотекою и аптекою, для помещения которой рад я был, что отыскал старинный, небольшой, но довольно просторный шкапчик. Итак, всю мою рухлядь мы тут и поместили, другой же назначили для ежедневнаго пребывания слуг и лакеев.

Во всех сих разборах и приючиваниях провели мы весь тот день; однако я успел в оной же сводить домашних своих и в тамошний, позади дома находящийся сад, и показать им плоды и поспевшия кое-какия уже ягоды, и препоручил оныя им в ведомство и самопроизвольное употребление, во что им угодно, а сам потом успел слетать верхом на поля хлебныя для осмотрения оных. Там повстречалось со мною такое зрелище, какого не видывал я еще никогда, и которое не только меня удивило, но заставило и думать. На всех пашнях, которыя засеяны были весною овсом, оной весь почти пропал или был чрезвычайно редок, а вместо онаго выросло что ж? Один сплошной лен, хотя он тут вовсе сеян не был. Не могу изобразить, как я тому удивился, а тем паче, что по всем изследованиям и расспросам не находил тому никакой естественной причины. И как видал я сим образом сплошным льном поруслую не одну ниву, а целое поле, то не знал, что мне с ним делать, и пришел от того в великое недоумение, я тем паче, что был он не только низок, но и очень суковат, и потому не думал я, чтоб он мог годиться в дело. Но как, по крайней мере, был он очень семянист, то решился наконец по созрении оных, согнав баб, велеть весь его выдергать руками; что и было сделано, и мы после намолотили из него несколько десятков четвертей льняного семени, сам же он действительно оказался совсем неспособным к употреблению в дело.

Кроме сего, удивила меня в сей день и другая неожидаемость. Перед самым то было уже вечером, как увидел я из окна въехавшаго на двор верхом человека и узнал, что был он мой из деревни. «Ба, ба, ба! – воскликнул я. – Зачем это и не сделалось ли там без нас чего? Посылай, посылай его скорее». Человек входит, но что ж? Подает мне нарочито толстой пакет из Экономическаго общества и сказывает, что прислали-де его вскоре после нашего отъезда из Каширы, и что прикащик, сочтя, что он может быть какой-либо важности, и отправил его ко мне с нарочным. «Хорошо, братец, – сказал я, – что это не иное что, а то ты меня испужал было».

Развернувши его, нашел я в нем небольшое напечатанное и пустое почти сочиненьице о размножении нужнейших хлебов для России, присланное ко мне при письме от *Нартова*, писанном еще 19-го июня. В оном не упоминал он уже ничего о неполучении от меня писем, а, сказав о посылаемой книжке, присовокупил только уведомление, что Общество сделало новой устав и определило, чтоб впредь все посылаемыя в оное сочинения не подписываемы бы были именами сочинителей, а ко всякому приобщаем был вместо имени какой-нибудь *девиз*, а имя было бы в запечатанной цыдулке, дабы Общество могло разсматривать их, не зная чьи они, и давать за каждое удостоенное печати уже медали, и оканчивал тем, чтобы я впредь сочинения своя присылал без подписи, а с девизами.

– Вот тебе на! – прочитав сие воскликнул я. – Какую нелепицу еще затеяли! До сего было писальщиков мало и дело плохо, а теперь и того будет плоше и дурнее. Ну, чорт ли кого заставит на недостоверное хлопотать и трудиться; хоть бы кто и хотел, так пройдет охота. Я первой покорно благодарствую! Да к тому ж, мне право теперь не до вас, и некогда мне заниматься такими дрязгами; волён Бог и с вашими медалями», – сказав сие, свернул я письмо и положил к прежним покоиться и отдыхать.

Не успели мы разобраться и все к своим местам прибрать, начав привыкать на новом месте жить, как на другой же день и пожаловал к нам первый гость, господин *Жуков*, один из живущих в соседстве тамошних дворян, приехавший ко мне себя рекомендовать. Я принял его с обыкновенною своею вежливостью и благоприятством. А в последующий за тем день посетила нас уже и госпожа *Останкова*, одна из тамошних соседок.

– Во! во! – сказал я сам себе. – Ежели так часто будут к нам жаловать гости, то нам и не будет здесь скучно! – и поздравлял с тем своих хозяек, которым было то нимало непротивно, ибо как первый приезжал ко мне, так сия последняя к ним для сведения знакомства.

Впрочем, как в самый сей день случилось 1-е число августа, то мы были в первый раз в тамошней церкви и у обедни и потом ходили на воду[1], где имели удовольствие видеть всех жителей того села и ближних деревень в собрании и на них посмотреть, а себя показать.

Но сколь день сей приятно начался, так, напротив того, дурно и неприятно кончился. Случились в оный опять две неожидаемости и такия

[1] Ходить на воду – ходить на водоосвящение.

происшествия, которыя меня заставили думать и были для меня крайне неприятны. Первое происшествие было хотя самое бездельное и ничего почти не значащее, но досадно мне было потому, что принудило меня уже так рано начинать с подкомандующими моими, против хотения моего, драться. Поймали и привели ко мне вора с покраденными в саду яблоками, и не маленькаго мальчишку, а бородача, и к тому ж еще десятскаго. Кража была хотя небольшая и не стоящая дальнаго уважения, но как при последнем собрании всех крестьян я торжественно всем им предвозвестил, что и самомалейшая кража не останется без строгаго наказания, то для поддержания сего слова самая необходимость требовала, чтоб сего бездельника в предварительный страх всем другим наказать. Итак, спросил я сего друга, был ли он на последней сходке?

– Был-де.

– Ну, слышал ли ты, что я говорил и как вас увещевал, чтоб вы шалости и воровства все кинули?

– Слышал.

– Ну что ж ты, мой друг, разве думал, что я шутил с вами? Так я тебе докажу, что я говорил с вами не шутя. Пожалуй-ка, разденься, и мы тебя поучим, как впредь приказания мои уважать и не играть ими.

Сказав сие, и простегал я его изряднехонько и велел сказать всем, что и с другими то же будет, если они от воровства не уймутся. Сим и действительно заставил я всех начинать делаться осторожнейшими.

Но сие было еще ничего в сравнении с другою и всех нас крайне поразившею неожидаемостью. Прискакали ко мне из *Малина, Спасскаго* и *Володимеровой* без души все тамошние начальники, старосты и бурмистры с донесением, что у них там во всем краю сделалась превеликая тревога.

– Что такое? – испужавшись, спросил я.

– Не знаем, сударь, а была только от частных смотрителей строгая повестка, чтоб немедленно от каждых ста душ наряжали по два человека вооруженных, одного пешаго, а другого коннаго, и немедленно отправляли в Коломну, а из достальных чтоб четвертая часть была бы готова отправляться туда, куда спросят.

– Господи! Что это такое? – удивляясь и не понимая, для чего бы сие было, возопил я. – Но не слыхали ли вы, по крайней мере, на что бы это было?

– Бог знает, сударь, а твердят все что-то о *Пугачеве*, а иные мелют, будто бы он уж очень близко и идет на Коломну.

– Что вы говорите? – возопил я, и сердце во мне затрепетало, и так испужался, что долгое время не в состоянии был вымолвить ни одного слова. Наконец, собравшись с духом и приняв вид неустрашимости, сказал:

– Нельзя, братцы, этому статься! *Пугачев* слишком еще далеко и пошел не сюда, а в иную сторону вниз по Волге, и как ему так скоро перелететь сюда? А это для чего-нибудь другого. Со всем тем повеление начальства надобно исполнить. Итак, поезжайте скорей, выбирайте и назначайте людей, вооружайте их чем можно и отправляйте, а и четвертой части велите быть готовой. А не худо, если и все остальные для всякого случая готовили б для себя сухари, чтоб в случае нужды было бы что есть и не терпеть в пище недостатка.

Отпустив их, стал я в пень и не знал, как сказать о сем моим домашним, ибо не сомневался, что сия нечаянность перепугает и поразит их чрезвычайно. Но, по счастию, им кто-то и без меня уже сказал, и они сами в неописанном страхе и ужасе бежали ко мне спрашивать о слышанном ими подтверждения. Нельзя было никак утаить от них уже сего. Я хотя и подтвердил, что действительно велено сделать наряд, но старался их ободрить сколько-нибудь тем, что нельзя тому никак статься, чтоб Пугачев был уже так близко; к тому ж известно, что против него наряжен и отправляется с войском славный наш генерал граф *Петр Иванович Панин*, так сей его уж верно остановит.

Но что я ни говорил, их трудно было переуверить. Они только и твердили, что чорт его знает, может быть, он уже и перелетел! Долго ли ему с своею сволочью иттить, и только что охая и вздыхая говорили:

– Ах, Господи, ну если он сюда придет, что с нами бедными будет? Погибнем и мы все, как черви капустные!.. И нас всех он так же перебьет, передушит и перевешает, как низовских дворян. Куда нам деваться и где искать спасения себе от такой беды и напасти?

– Пустое, – говорил я, их ободряя, – никогда этого быть не может; а хотя бы и действительно стал приближаться, так этот вооруженный народ, который теперь собирается, утрет ему нос, и это очень-очень хорошо, что они вздумали благовременно людей для отпора собрать.

– Ох, батюшка ты наш! – прерывая мои слова, восклицали они. – Да можно ли на эту сволочь положиться, не такие же ли они глупые борода-

чи, как и *пугачевские*, и не восстанут ли еще сами вместе с ними противу нас? Ахти! Ахти! Какая беда, и зачем нас нелегкая понесла сюда, дома все-таки было бы надежнее и лучше.

– Да, как бы не так, – разсмеявшись против хотения, сказал я, – а мне так кажется, что здесь мы меньшей опасности подвергнемся, нежели дома. Там наши люди первые могли бы быть нашими злодеями и врагами, а здешним – мы сторона дело. Ничем мы им еще не нагрубили, к тому же здешних и то убеждать может, что они ныне сделались собственными государыни, а не господскими!

Сим и подобным сему образом старался я всячески домашних своих ободрять и утешать, хотя на сердце и у самого меня было не лучше и не спокойнее, как и у них. Тысяча разных мыслей толпились тогда в уме моем, и каждая из них смущала и мучила меня наперерыв пред другою, и я не знал, к которой из них прилепиться было лучше. Опасность была действительно очевидная, и нельзя было не признаться, что была она истинная и великая.

«Почем знать, – думал и говорил я сам себе, – может быть, и правда, что этот злодей с своей сволочью уже недалеко и скоро дойдет и до нас сюда. Недаром вдруг такая строгость и такой скоропостижный наряд. Но, ах! Что могут сделать эти бородачи? Не такие же ли они скоты безсмысленные, как и те самые, можно ли на них полагать какую надежду? Нет у них ни командиров, и не может быть никакого порядка, да и вооружить их чем и чем можно, кроме одних кос, топоров и рогатин; а у него, сказывают, есть и пушки, и ружья, и все везде, проклятый, награбил. Так могут ли дурачье наше стоять? Да что говорить, они первые готовы будут к нему передаться и против самих же нас обратить оружие свое. И ах! Как жаль, что наши войска и армия еще далеко и не успела сюда возвратиться, а без ней что мы здесь сделаем: передушат нас всех, действительно, как кур... К тому же, такая беда, что мне в случае нужды и уехать отсюда куда-нибудь для спасения своего нельзя будет, что ты изволишь? Но правду сказать, куда теперь изволишь сунуться? Не везде ль опасность одинакова? И не весь ли черный народ вообще когда не въявь, так в сердцах своих бунтует и готов поднять на нас свои руки?»

Сим и подобным образом помышлял я сам в себе, смущался и безпокоился крайне духом. Что касается до моих боярынь, то не взмилилась им и Киясовка, и управительство мое, и все и все, а они рады б были забиться

хоть бы в трущобу какую, а только спасти живот свой. А признаться, что и самому мне приходило иногда на мысль почти то же, и я не один раз сам в себе мыслил: уж не поискать ли где-нибудь в здешних больших лесах и не заметить ли самаго глухого места, куда б можно было, в случае крайней нужды, для спасения своего скрыться.

Вот до какой крайности перепугала и смутила нас сия неожидаемость, и тогдашнее первое число августа будет нам навсегда памятно. Не только весь тогдашний вечер провели мы вне себя, но и во всю ночь уснуть почти не могли, а занимались безпрерывно мыслями о предстоящих бедствиях и напастях; а едва только настал новый день, как прискакавшие с такими же известиями начальники села *Покровскаго* с деревнями вновь увеличили наше смущение. А не успел я сих с надлежащими приказаниями отправить, как явился уже и у нас из Коломны солдат с инструкциею и приказанием о наряде также людей и колико можно скорейшем отправлении оных в Коломну.

Сие взбудоражило нас еще и того более, и тем паче, что глупый солдат не мог нам ничего точнаго сказать, для чего бы сии люди собирались, а подтвердил только те же народные слухи о *Пугачеве*, какие мы уже слышали. Но, как по всему видимому дело не походило на шутку, а надобно было спешить, то, позабыв все свое смущение и гореванье и оставив тем заниматься своим боярыням, спешил я скорее велеть согнать к себе весь народ для выбора и назначения сих так называемых уланов, которых с одного сего села с деревнями надлежало мне отправить десять человек; а между тем, покуда они были сгоняемы, призвав кузнеца, велел ковать как можно скорее для них пики, ибо иным нечем было вскорости вооружить оных.

Итак, выбор и наряд сих уланов[1] был первым почти моим важным делом по вступлении в должность, но было оно для меня и наитруднейшее. По обыкновению моему, еще не знал я, как и приступить к оному, и тем паче, что по собранию всего схода повстречалось со мною в том множество непредвидимых затруднений. Как наряжались и отсылались они не инако как для сражения и на войну, то натурально никому охотою туда иттить не хотелось, но все перепирались между собой и всякий старался отклонить от себя сию напасть. Вдруг поднялся превеликий шум и прение

[1] Уланы – конные воины в особой одежде в обтяжку, с копьем, на котором значок, флажок.

между всеми, и я для пресечения всего того другого не нашел, как, разверстав весь народ на четыре кучи, велел им кидать жребий. Но как и сей был для всякаго страшен, то поднялся опять шум и крик; начали говорить, что есть и без киданья жребья такие люди, которых бы в посылку сию нарядить следовало, а именно, отбывавшие от прежних рекрутских наборов беганием, выдергиванием у себя зубов, подрезыванием пальцев и другими бездельничествами; и все кричали, что чем добрых людей посылать, так лучше бы сих к тому назначить.

– Очень хорошо, – сказал я, – так подавайте-ка их сюда, на что лучше.

Итак, все сии молодцы тотчас были отысканы, мне представлены, и десять человек из них мною выбраны и назначены.

После сего надлежало говорить и совещаться о том, какую им сделать подмогу и каких употребить лошадей? Немало было и о том толков и крику, и кончили тем, что с общего всех согласия определили дать подмоги каждому пешему по одному, а конному по три рубля на неделю, а лошадям быть бы их собственным, а дать им за каждую по шести рублей да за седло полтину. Наконец, сделался вопрос, где взять вскорости на сие деньги? Но и сей решили мы скоро тем, что согласились одного мужика освободить впредь от рекрутства и получить с него тогда же за сие двести рублей.

Не успел я сего дела и довольно удачно кончить, как гляжу, катит ко мне и тамошний частный смотритель, для высылки уже оных. Чиновником сим был тогда барон *Николай Осипович Соловьев*, живший верст за двенадцать от села нашего. И сей случай познакомил нас с сим добрым, любезным и честным человеком, сделавшимся потом нашим хорошим знакомцем и приятелем. Как приехал он к нам уже перед вечером и он нас, и мы его полюбили, то уняли мы его у себя ужинать, и с того времени началось у нас с ним знакомство.

Он находился в таких же смущенных мыслях, как и мы, и не мог нам также ничего обстоятельнаго сказать о причине сей тревоги, а выполнял только присланное к нему строгое повеление из города. Но, по счастию, в самый тот же день ввечеру получили мы известие, что тревога сия была совсем пустая и что *Пугачева* нет и в завете в такой близости, как мы себе воображали. От сего хотя и отлегнуло сколько-нибудь у нас на сердце и поуспокоились наши мысли, но как известие сие было приватное и не совсем достоверное, то необходимо надобно было повелеваемое исполнить.

Почему я на другой же день поутру выбранных своих уланов и отправил с прикащиком в Коломну, дав ему от себя письмо к воеводе.

Не могу никак и поныне позабыть одного досаднаго происшествия, случившагося при сем тогда отправлении. Как все сии выбранные люди, по снаряжении их всем нужным, были ко мне для осмотра представлены, то и разсудилось мне за благо дать им от себя нотации и увещевать их, чтоб в случае, если и дойдет дело до сражения, то чтоб они помнили чьи они и не постыдили бы себя пред всем светом трусостью, а дрались бы хорошенько, и, обратясь к одному из них, самому ражему[1] и бойкому из всех их, сказал:

– Вот этакому как бы не драться, один десятерых может убрать.

– Да! – сказал он мне на сие, злодейски усмехаясь. – Стал бы я бить свою братью? А разве вас, бояр, так готов буду десятерых посадить на копье сие!

Оцепенел я, сие услышав и проглотив сию горькую пилюлю, сказал только:

– Дурак! Сукин сын! Что ты это мелешь? – а сам в себе подумал: «Вот каковы защитники и оборонители сии в сердцах своих, и вот жди от них добраго». Потом, спросив и записав имя его у себя в записной книжке впредь для памяти, ему далее сказал:

– Хорошо! Хорошо! Братец, но ступай-ка, ступай! Может быть, тебе сие и не удастся, а там мы посмотрим.

Перетрусился мой мужик, сие услышав и увидя, что имя его было записано; но как нечего уже было делать и он проболтался так глупо и неосторожно, то и пошел с прочими, повеся голову. Ему и досталось после того ловко за сие на лапу[2]; ибо как случилось ему в чем-то прошерститься[3] и надобно было наказывать, то припомнил я ему сии слова и *поустроил* за них ему наказание, да и пред всем миром был он всегда за то равно как оглашенным и почитался негоднейшим человеком.

Происходило сие 4-го числа августа, а 7-го числа того ж месяца, следовательно, чрез три дня, ко всеобщему нашему удовольствию, возвратился из Коломны наш прикащик и успокоил опять и мысли и сердца наши

[1] Ражий – дородный, крепкий, плотный, сильный, видный.

[2] Досталось на лапу – порядочно влетело.

[3] Прошерститься – здесь: провиниться.

известием, что тревога была действительно пустая и что все наши уланы распущены уже опять по домам и жительствам своим.

Не могу изобразить, как много обрадовались мы всему тому и как благодарили Бога, что опасность сия миновала. И с сего времени натурально принялись мы за все наши дела с спокойнейшим уже духом.

Мое первое попечение было о том, чтоб, между другими мелочными делами, поспешить мне снять все положение усадьбы и всего села сего на план, дабы изготовить оной для отправления к государыне; а потому и принялся я тотчас за сию работу и трудился в том неусыпно несколько дней сряду. Которое дело и удалось мне в непродолжительном времени кончить и, сочинив прекрасный план, к князю отправить.

Между тем имели мы удовольствие видеть у себя двух наших родных старушек, приезжавших к нам для посещения из Воскресенок. Гостьи сии были тем для нас приятнейшими, что были они первыя, которыя нас из наших краев и родных наших посетили. А в тот же день приехал ко мне из Москвы и определенный для исправления письменных дел *канцелярист*, и мы с ним тотчас и основали свою канцелярию.

Звали сего человека *Павлом Федоровым*. Был он не молодых уже лет и имел у себя брата у коломенскаго архиерея секретарем. И как характер имел он очень доброй и был тихаго, скромнаго и простодушнаго поведения, то я его скоро полюбил и был им во все время пребывания моего в Киясовке доволен; в писцы же и помощники ему определен был от меня племянник прикащиков, малой еще очень молодой и неглупой.

Как был тогда Успенский пост, то восхотелось мне посмотреть в прудах рыбу, для ловления которой запаслись мы уже и неводком из деревни; и как обрадовался и удивился я, затащив им превеликое множество и прекрасных рыб. Целое ведро и добрых больших лещей мы тогда из них взяли и обезпечились с сей стороны на предбудущее время, ибо оказалось, что пруды могли довольствовать нас рыбами своими с избытком.

Таким же образом начинали мы довольствоваться с садов поспевающими уже яблоками, и множество оных для себя намочили и насолили, а несколько из лучших пород не преминул я для показа отослать в Москву при случае и к князю.

Как, между сим, наставало уже время сеять рожь, то спешил я произведением и другого весьма важнаго и хлопотливаго дела. Я упоминал уже прежде, что намерение князя было положить и село Киясовку с деревня-

ми, бывшее до сего на зделье или господской пашне, таким же образом на оброк, как были и прочия селы и деревни, а сделать только маленькое казенное хлебопашество. И как я предложил к тому нововыдуманную систему хлебопашества, с разделением всей пашенной земли на семь ровных полей, из которых бы одно засевалось рожью, два яровыми хлебами, три лежало и отдыхало, а вкупе вытравливалось и унаваживалось скотом, а седьмое распахивалось и засевалось озимыми хлебами, и князю система сия полюбилась и восхотелось, чтоб произведена она была в практике; то нужно мне было под сие казенное маленькое хлебопашество выбрать и назначить потребные к тому 140 десятин и разделить оныя на 7 ровных частей, таким образом, чтоб все концами своими пришлись к господской усадьбе и могли после отделены быть друг от друга выкопанными рвами; прочая ж вся земля роздана была крестьянам, и все сие не так скоро и легко можно было сделать, то и занимался я тем немало времени и имел хлопот и трудов много. Но как бы то ни было, но я успел все сие благовременно кончить и первое поле, состоящее в 20-ти десятинах и засеять уже в надлежащее время рожью. Со всем тем все сие составило для меня доброй кусок работы.

Но не одно сие было у меня дело, а нужно еще было привесть в лучшее состояние и весь развалившийся почти скотской двор; и как для поправления онаго положили мы с князем употребить скотской двор, находившийся в селе *Спасском*, то для измерения и описания онаго нужно мне было съездить и туда, а кстати, разбирал я множество между тамошними безпокойными крестьянами дрязгов.

На возвратном пути из сего села, мимоездом, заезжал я к живущим почти на самом пути двум тамошним коломенским помещикам: господину *Исакову*, Семену Ивановичу и господину *Игнатьеву*, Борису Андреяновичу, с которыми хотелось мне как с соседями познакомиться, и был принят ими со всевозможным уважением и ласкою; а к Успеньеву дню приехали к нам наши дворяниновския соседки – *Анна Николаевна* с своею матерью в гости.

Сим образом начал я входить во все тамошнее хозяйство и управление волости, и мало-помалу обживаться. Сперва, по непривычке управлять толь многим народом, было мне несколько дико и хлопотливо, но к чему не можно привыкнуть, а привычка все облегчить может.

Но как письмо мое достигло пределов, то окончу я оное и остановясь на сем месте скажу, что я есмь ваш и прочее.

(Генваря 2-го дня 1809 года, в Дворянинове).

СМЕХ И ГОРЕ

Письмо 176-е

Любезный приятель!

Продолжая историю жительства моего в Киясовке, скажу, что Успеньев день провели мы в сообществе с дворяниновскими нашими гостями довольно весело, в особливости же доставляли нам великое удовольствие тамошние леса и рощи, в которые мы ездили после обеда гулять, и в коих было множество приятных мест и молодых засевших очень часто березовых рощиц. Побудили нас к езде и прогулке сей наиболее грибы, которых, как сказывали нам, в лесах, а особливо в сих рощицах было довольно. Мы и действительно нашли их такое великое множество, какого я нигде и никогда во всю жизнь мою не видывал: такой гриб на грибе и один другого лучше, здоровее и моложе. Словом, их так было удивительно много, что легши в такой рощице на землю, можно было, не сдвигаяся с места, а доставая только рукою, набирать их по целой почти шляпе. Все сие необыкновенное множество оных, а притом и случившаяся тогда теплая, тихая и приятная погода доставила всем нам, а особливо детям, которых было тогда у нас целая компания, удовольствие неописанное и которое мы очень долго помнили и помним даже до сего времени.

Не успели мы гостей своих наутрие проводить, как новая неожидаемость и происшествие особаго рода и почти смешное привело нас в превеликое смущение и безпокойство духа. Как ни безпокойно и ни тесно было нам жить в верхнем этаже своего огромнаго дома, но до сего времени обжившись, все жили мы довольно спокойно и хорошо. Но в сей день завернувшаяся стужа и ветреная погода начала нас безпокоить и заставливала думать, отчего бы во всех комнатах и в окны, и сквозь бумажные обои так везде несло, что отдувались даже обои от стен. «Господи! – говорил я, сему удивляясь. – Отчего бы это так было?» Но вообразите себе, как я

удивился, когда, попробовав в одном месте отнять обои, увидел, что весь наш верхний деревянный этаж и все комнаты в оном были совершенно не мшоныя, а срубленныя только так довольно хорошо и плотно из обрушенных бревен.

«Ах, Боже мой! – воскликнул я. – Что это? И как же ветру не нести!» и спешил сообщить о том своим хозяйкам. Сии впрах тем перетревожились и, проклиная строителя, твердили только: «Ах, как же нам быть и как можно будет здесь жить, как настанет осень и самые камины нас здесь согреть еще будут не в состоянии, надворья не натопишь!..» – «Ну что ж, – сказал я, – так приниматься за нижния и переходить туда; как быть, хоть там и теснее будет здешняго, но что делать, как-нибудь принуждено уже будет помещаться; по крайней мере, там везде и во всех покоях есть печи». – «Ох! – сказали они мне на сие. – Да как это нам можно будет там в таких безпутных и безпорядочных комнатах поместиться? Мы сколько раз ни начинали о том думать, но и ума не приложим». Потом, подумав-подумав, продолжали: «Но нечего делать, здесь не проживешь, стужа и ветры выгонят нас скоро и не худо б, если б вы заблаговременно осмотрели там печи и велели прочистить трубы и исправить в них все что нужно». – «Хорошо, – сказал я, – сего же часа пойду туда» и послал за печником, который был у нас свой, из тамошних дворовых людей.

Печник тотчас и явился ко мне, расхаживавшему там по нижним покоям и осматривающему и замечающему в них все, что требовало заблаговременнаго поправления. «Друг мой! – сказал я, его завидев. – Как бы нам с тобою поосмотреть хорошенько все здесь печи, нет ли в них чего худого и нужнаго к поправлению, да и трубы-то попрочистить бы!» – «Какия трубы?» – спросил он. «Да вот от этих печей – сказал я, – небось галки наносили в них и Бог знает сколько сору». Печник смотрел только мне в глаза и, наконец, усмехнувшись, сказал: «Да их, сударь, нет ни у одной печи». – «Как так, а это что ж?» – сказал я, указывая ему на трубы вверху печей. «Да это только их началы, а там все они заглушены и закладены, и печей этих топить не можно».– «Что ты это говоришь? – воскликнул я, поразившись неизъяснимым удивлением. – Неправду ли? Да как же это и на что ж такое они заглушены? Да нельзя ли, брат, как-нибудь опять их поправить и сделать, чтоб топить их можно было?» – «Нельзя, сударь, – отвечал он, – и никак этого нельзя сделать». – «Да почему ж нельзя?» – «Потому, сударь, что труб-то вовсе нет и они все по самые потолоки

сломаны». – «Господи! – воскликнул я, удивляясь час от часу более. – Да умилосердись, братец, скажи ж ты мне, почему же и на что же это они сломаны?»– «А вот, сударь, я разскажу вам все дело... Покуда покойной наш боярин, *Федор Васильевич*, изволил здесь живать зимы, так трубы у них и были и оне топливались, но тогда не было на доме еще верхняго деревяннаго жилья; но как перестал съезжать сюда по зимам, то вздумалось ему построить на нем верхния комнаты деревянныя и расположить их для своего летняго кой-когда здесь пребывания. А тогда-то сломаны были все эти трубы, и как возобновить их было не можно потому, что тамошним верхним комнатам изволил он сделать совсем уж другое расположение, то трубы эти приходились посреди комнат, то и приказал он их всех заглушить и совсем уничтожить».– «Тю! Тю! Тю! Тю! – возопил я, схватив себя за бороду, сие услышав. – Хороши же мы!.. Да как же это нам быть-то и где ж нам зимовать-то?» – «Уж я право того не знаю», – отвечал печник и замолчал, а я, поразившись неописанным смущением, не знал что и думать. Тысячи разных мыслей полезли мне тогда в голову, я и не знал, к какой из них прилепиться и спешил бежать вверх сообщать хозяйкам своим эту неприятную новость. «Ах, батюшки мои! – твердил только я, восходя к ним по лестнице. – Да как же это нам быть-то? Ах, проклятыя, никто-то не промолвил нам о том ни одним словом, а самим нам и не вдогад всего этого; теперь вижу я уже и сам это! Ну, обрадую же я сим моих боярынь».

Для них и подлинно была новость сия крайне поразительна. Сначала не хотели было они мне верить. «И что ты, – говорили они, – возможно ли этому быть?!» Но как я их уверил и все дело поразсказал, то, смутившись до чрезвычайности, начали они только охать и горевать и бранить покойника г. *Наумова*. Я дал им к тому волю, а сам сограждал уже в мыслях план, чем бы сему злу пособить можно было. И как госпожи мои начали потом ко мне приступать с вопросами, как же нам быть и где зимовать, то сказал я им: «Другого не остается, как помышлять скорее о построении себе какого-нибудь другого домика. Еще слава Богу, – говорил я, – что узнали мы сие теперь, а не позднее. Теперь есть еще к тому несколько времени, а то бы был сущий мат нам». – «Ах! подхватили они, когда это будет? И теперь уже сентябрь на дворе, и когда успевать построить хоромы? Нет ни леса и ничего готоваго». – «Ну, как быть, поспешим уже как-нибудь», – сказал я. «Как ни спеши, – возразили оне, – но в два месяца и до зимы тебе не построить никак; а до того времени в этих гробах мы околеем совсем:

каминами одними не нагреешь надворья». – «Ну что ж делать, – сказал я, – хоть доведется нам и потерпеть несколько стужи и безпокойства, но так уже и быть. Станем камины топить поболее, дров здесь не занимать стать!.. много!.. а впрочем, я надеюсь, что авось-либо и успею сгородить себе до зимы убежище. По счастию, есть у нас в селе Спасском хоромцы готовыя, так передернем их сюда и поставим. Быть так что невелики, но нам теперь не до прихотей и не до разборов, и каким-нибудь будем рады, только бы нажить себе тепло». – «Хорошо, – сказали оне несколько успокоившись, – но как-то тебе и их успевать сгородить, и с печами и со всем? Время остается очень немного; к тому ж, и Бог еще знает, дозволит ли и князь тебе сие сделать?» – «О! Что касается до князя, – сказал я, – то не сомневаюсь в том нимало. Человек он очень доброй и ему нужно только сказать слова два о том, как и согласится, и я теперь же пойду писать к нему о том, благо есть в Москву посылка». – «Хорошо! Хорошо! – сказали оне, – так поспешай же, дремать нечего».

Я и подлинно в тот же час побежал в свой кабинет и ну писать к князю, сообщать ему нашу неожидаемость, говорить о том, как хорошо оба мы с ним в разсуждении печей в нижнем этаже обманулись, и потом, изобразив все терпимое нами уже и тогда безпокойство и совершенную невозможность зимовать в тогдашнем нашем обиталище, просить дозволения о перевезении спасских хором и поставке оных для моего жительства; и в тот же еще день отправил к нему с письмом своим нарочнаго.

Отправив сего посланнаго, стал я помышлять о том, как бы с женою съездить на короткое время в свою деревню. Соседка моя, *Анна Николаевна*, приезжала к нам не столько в гости, сколько с жалобами на ослушания и разныя продерзости ея крестьян и с просьбою, чтоб я, приехав, пересек оных. Итак, как для сей нужды, так желая и для своих надобностей побывать дома, расположились мы в последующий день съездить с женою на короткое время в свое Дворяниново, и взяв с собою одну только старшую дочь свою, туда и отправились; и как нам не великой крюк был заехать к другу моему г. *Полонскому*, то переправились мы чрез реку уже на Жорновском перевозе для удобнейшаго к нему заезда.

Господин *Полонской* был нам чрезвычайно рад, поздравлял меня со вступлением в должность и, будучи очень доволен тем, что мы к нему заехали, продержал нас почти до вечера, так что в деревню свою приехали мы уже ночью.

Но какую разницу нашли мы уже в своих хоромах. Хотя не прошло еще два месяца с того времени, как мы отлучились, но все уже пахло в них пустынью, и как не было уже в них столь многих людей как прежде, то было нам уже и скучно; а потому и не отреклись мы наутрие от просьбы друга нашего г-на *Ладыженскаго*, чтоб приехать к нему праздновать вместе с ним его праздник. Итак, весь сей день провели мы в Сенине вместе с г. *Полонским*, г. *Шушериным* и многими другими, бывшими у него гостями, а в последующий за сим день угощали нас все наши деревенские соседи.

В сей день, обегав поутру все свои сады и сняв с них поспевшия яблоки, успел я побывать у *Анны Николаевны,* разобрать все нужное и наказать виновных, а потом обедал у брата *Михайлы Матвеевича*, заходил к меньшому его брату, а там должен был угощать еще у себя приехавшаго ко мне родственника моего, Ивана Яковлевича *Писарева*, и всем тем, равно как и домашними разными распоряжениями занялся так, что не имел ни минуты досужнаго времени.

Переночевав другую ночь в своем доме, поспешал я своим возвращением в Киясовку; но в обратной путь поехали мы уже иною дорогою и чрез Серпухов, дабы проехать оттуда в Воскресенки к дяде *Ивану Афанасьевичу,* куда к сему времени хотела приехать и теща моя с прочими моими домашними из Киясовки. В Серпухове не было уже тогда милой и почтенной нашей старушки, *Катерины Богдановны*; она преселилась уже к своим предкам, почему пристали мы в домике уже другой нашей родственницы, г-жи *Шелимовой*, Марьи Семеновны, расположившейся окончить жизнь свою также в сем бывшем до того девичьем монастыре; у которой отобедав и искупив в городе что было надобно, и доехали мы в тот же день к старикам родным своим в Воскресенки, где нашли и прочих своих домашних, приехавших туда же прямо из Киясовки, и переночевав тут, возвратились на другой день в свое место.

Там нашел я посыланнаго в Москву уже возвратившимся и привезшим ко мне от князя полным дозволением перевезть и поставить для себя спасские хоромцы; а писал только князь ко мне, чтоб поставить их на назначенном для них новом месте и подвесть под них фундамент каменной. Не успел я сие дозволение получить, как, нимало не медля и полетел в Спасское для измерения и снятия с хором тамошних плана. Но сколь малый потребен был к тому труд, столь многое, напротив того, требовалось размышление о том, как бы сделать их для житья своего удобнейшими;

ибо, к несчастию, был он не только не велик, но также наиглупейшаго в свете и такого расположения, что никоим образом опять в таком же виде поставить было не можно. Не было у него ни передних, ни задних сеней, а весь он состоял из пяти только комнат. Одна из них и просторнейшая из всех была в средине, и вход в нее был спереди прямо с надворья, а другой насупротив сзади из саду, и была она проходная и составляла и сени, и прихожую, и залу, и все и все, а по сторонам оной было еще только по две комнаты.

Таковое странное и безпокойное расположение заставило меня на обратном пути во всю дорогу думать и гадать о том, как бы его устроить лучше. «Господи! – говорил я сам с собою не однажды. – Как возможно мне в таком маленьком домике в столь немногих покоях уместиться со всеми моими домашними, а сверх того, поместить еще тут же и канцелярию свою?» Но нечего делать, надобно уже было каким-нибудь образом умудриться и выдумывать какое-нибудь средство.

Долго не входило в мысли ни одно к тому способное: я думал так, думал инак, но все не ладилось, и куда ни кинь, так клин. Но наконец, по долгом размышлении и недоумении, повстречалась со мною одна мысль, которая всех прочих казалась мне лучшею и удобнейшею, а именно: чтоб поставить их так, как они стояли и все четыре боковыя комнаты оставить, как они были, и назначить на одном краю одну из них для гостиной, а другую для своего кабинета. А на другом краю одну для тещи моей с детьми моими, а другую подле ей для девичей, среднюю же и просторнейшую разгородить и часть из ней отделить себе на спальню, другую для маленькой лакейской, а третью для сеней передних, и чрез то лишиться хотя просторной залы, но иметь зато все нужнейшия для житья комнаты, как то: и сенцы, и лакейскую, и столовую, и гостиную, и кабинет, и спальню, и детскую, и девичью. «Ладно! – воскликнул я все сие в уме обранжировавши. – Но вот беда, куда помещу я свою волостную канцелярию? Надобно и для ней не только особую, но и довольно просторную комнату, в которой могли бы поместиться и печь и место для большого сундука с казною и столы для писцов моих, и где я возьму такую?» Подумав-подумав о сем, другого не находил, как прирубить ее вновь хоть из сырого леса и примкнуть сбоку к моему кабинету, так чтоб в нее был вход из оной и составить из ней в заворот небольшой флигель; а кстати, чтоб пристроить к ней и особыя сенцы с лестницею наверх и чуланцом. А как с одним таким флигелем ка-

залось быть хоромам моим дурно, то пришла мне мысль пристроить такой же другой флигель в заворот и на другом краю сбоку подле девичей, и в одном поместить кладовую для поклажи всякой всячины, а между ею и девичьею поместить задния сени с принадлежностями. «Прекрасно! прекрасно! – воскликнул я. – И вздумать нельзя сего лучше! Какая нужда, что не будет у меня просторнаго зала, а умеренная только комната для столовой! Мне не балы и не пиры большие здесь строить, проживу как-нибудь и с небольшою столовою». Сим образом, расположив все еще дорогою в мыслях, возвратился я уже с спокойнейшим духом; и не успел войтить в свой кабинет, как давай приниматься скорей за циркуль, линейку и карандаш, давай чертить по снятой и записанной мере план, давай располагать и назначивать все что вздумано, давай показывать его своим домашним, и как и они его апробовали, то давай чертить набело, давай придумывать, как поставить сей дом, как расположить подле его вновь двор, и какия пристроить службы и другия нужнейшия здания, ибо потребна была и людская изба, и кухня, и погреб, и конюшня, и каретный сарай, и баня. И как все сии принадлежности надлежало совсем вновь строить, ибо место, назначенное для дома управительскаго, было в некотором от прежняго господскаго дома в отдалении, лежало за прудом и совсем в пустом, порожнем и, к несчастию, весьма еще неровном месте, и на все то потребно было множество леса, то обо всем том надлежало подумать и погадать.

Но за всем сим дело у меня не стало, в один почти миг поспел у меня и тому всему план. После чего, не долго думая, на другой же день, согнав народ, и велел я расчищать и ровнять все назначенное под дом и под двор место, а сам, приказав приискивать каменщиков и плотников, полетел в тамошния рощи и леса, для приискивания и назначения к рубке потребнаго как на сие, так и на построение скотскаго двора леса.

Тут попадись мне прежде всего на глаза, находившаяся недалеко от селения и подле самой почти большой дороги круглая прекрасная роща, состоящая в нескольких десятках десятин и из сплошного чистаго и ровнаго строельнаго леса. «И! – сказал я, ее увидев. – Да зачем долго искать, вот прекрасная роща; сем примемся мы за лес и разрубим всю разными проселками и аллеями, и вдоль и поперек, и вкось, и вкрест-накрест, и чрез то выгадаем для себя три пользы: и его-то придадим прекрасной вид, и заставим всех проезжих по большой дороге ею любоваться, и лесу с просек сих получим множество и возить его будет недалеко». Обрадовался я

сей нечаянно повстречавшейся со мною мысли и, не долго думая, ну назначать для вырубания первую и главнейшую среднюю аллею и наутрие отправлять людей для рубления с ней леса и вожения онаго к строению.

Между тем приискали мне скоро и плотников, и я, поговорив и условившись с ними обо всем, нимало не медля и отправил их в Спасское для переметки всех стен в хоромах. А потом сделал я со всей волости наряд подводам для перевозки оных в Киясовку.

В сих безпрерывных занятиях и не видал я, как прошло несколько дней, в течение которых начинали мы с домашними своими помышлять и о том, как бы нам свесть знакомство с ближними и лучшими из дворян тамошних. Из сих всех прочих ближе жил к нам некто господин *Новиков*, Борис Иванович. О сем человеке насказали мне столько добра, что нам и захотелось уже с ним познакомиться; а как был он человек достаточной и уже немолодой, и потому не было надежды, чтоб он сам ко мне приехал прежде, то решились мы сами наперед к нему ехать и, выбрав удобной день, к нему и черканули. Он был нам очень рад и приездом нашим весьма доволен, и как был он человек хотя простой и не из бойких остряков и людей хитрых и коварных, но весьма доброй, и он нам, а мы ему полюбились, то недолго было нам с ним и спознакомиться и сдружиться. А как был он человек хотя вдовой, но имел у себя детей и взрослую уже дочь, то сие было и хозяйкам моим кстати, ибо они нашли в ней изрядную себе компаньонку. Итак, сей дом был первый, с которым мы короче познакомились и котораго приязнью пользовались во все время пребывания нашего в Киясовке.

Между тем как много ни занят был я в сие время и по должности моей, и по строениям и как мало ни оставалось мне свободных часов для своих прежних и любимых упражнений, однако ущипками и урывками занимался кое-когда и оными. В особливости ж памятно мне, что я в сие время всех гостивших у меня детей продолжал кое-чему учить; и как при снимании всей усадьбы на план был случай познакомить их и с астролябиею и научить ею действовать, то не преминул я сего сделать, и скоро дошло до того, что я мог препоручать им и без себя уже снимать на план места некоторыя. По вечерам же, вместо отдохновения, усаживал их всех за стол и старался им внушать первыя основания нравоучения и вперять в нежныя их мысли важнейшия правила сей нужнейшей науки.

Кроме сего, не преставал и сам я продолжать упражняться в *ботанике*. Наука сия мне столь полюбилась, что я и тут при всех своих недосугах не пропускал почти ни одного вновь на глаза мне попадающагося незнакомаго цветочка без разсмотрения и изследования. И нередко случалось, что я возвращался из ходьбы или езды куда-нибудь, приносил с собой целыя горсти и пуки нарванных трав с цветами, листьями и кореньями их, и во всех таких случаях тотчас хватался за ботаническия свои книги и, разсматривая все их, старался узнавать их звания и имена, а потом по другим книгам спознакомливаться и с их врачебными действиями и силами; и не могу изобразить, сколько удовольствия они мне доставляли собою и сколько услаждали тем прочие мои труды и заботы.

Но сего было еще не довольно. Но как удалось мне спознакомиться со многими, то нечувствительно возродилась во мне охота и испытывать самым делом, все ли то было справедливо, что упоминалось в книгах о полезных их свойствах и врачебных силах. К таковым испытаниям подало мне и то великий повод, что князь, отпуская меня из Москвы, просил меня, чтобы купить и взять с собой маленькую *Пекинову* аптечку. «Теперь нет, – говорил он, – там еще лекаря, и покуда я приищу и определю и мы там заведем небольшой хотя гошпиталь, то, пожалуйте, случающимся больным раздавайте из аптечки сей лекарства и помогайте беднякам, сколько вы то учинить в состоянии будете». И как я ему то с охотою обещал, а притом сказал несколько слов и об охоте своей к ботанике, то сие побудило его еще более к тому, и он был тем очень доволен.

Таким образом, купив и привезя с собою сию, хотя ничего не значащую, аптечку и не преминул я при первых сходках всем крестьянам объявить, что у меня есть казенныя лекарствы и чтоб все страждущие какими-нибудь болезнями ко мне являлись, и что я их охотно и безденежно лекарствами, какия есть, снабжать буду. А сие и не преминуло произвесть своего действия. Больные и действительно стали ко мне от времени до времени приходить и просить от болезней своих лекарств. Но как в помянутой аптечке далеко не было столь многих лекарств, чтоб ими всем можно было помогать, то самое сие и побудило меня воспринимать иногда прибежище свое и к тем из врачебных трав, с которыми удалось мне уже познакомиться и заохотило меня не только их собирать, сушить и заготовлять впрок, но заготовлять из них разные порошки, крошевы и настойки для удобнейшаго их употребления; и поелику к сему потреб-

на была кое-какая мелкая стеклянная, глиняная и деревянная посуда, то при первой в Москву посылке и велел я себе накупить множество разной величины стклянок, пузырьков, баночек, точеных деревянных стамушек и прочаго тому подобнаго; и не успели их ко мне привезть, как и настановил я ими в кабинете у себя целой шкапчик, и ну наполнять их иныя порошками, иныя крошеными кореньями и травами, иныя каплями или настойками, делаемыми из трав разных. И сие было первым основанием моей аптечки домашней. А как мне нужен был человек, которой бы мне помогал травы сии собирать и приуготовлять по наставлению моему разныя лекарства, то и выбрал я из тамошних дворовых людей одного молодого и несколько грамоте умеющаго малого и определил его к сему делу, которой и воспользовался тем так, что впоследствии времени сделан даже лекарским учеником, а потом и подлекарем, и ему определено было изрядное жалованье.

Наконец не позабыл я и о полученном письме от господина *Нартова*, и как надлежало ему на оное ответствовать, то, написав в ответ письмо, и отправил я оное к нему, уведомив вкупе его и о новом месте моего пребывания и должности, о чем он ничего еще не ведал.

Случилось сие уже в самом исходе месяца августа, которой день ознаменовался вкупе и тем, что мы ввечеру сего дня обрадованы были приездом к нам любезных наших родных кашинских, восхотевших нас посетить, как скоро узнали о нашем преселении, и приехать к нам в новое наше обиталище. Мы были им очень рады. Они все три тогда к нам приехали и пробыли у нас ровно две недели, и как чрез то общество наше увеличилось еще больше, то все время сие, несмотря на все мои хлопоты, труды и недосуги, было нам отменно весело. Мы старались угостить их у себя колико можно лучше и не упускали ничего, чем бы могли пребывание их у нас сделать для них приятнейшим, а они, по любви своей к нам, осыпали нас своими ласками и благоприятством.

Вскоре после приезда племянниц моих начался и месяц сентябрь, а с ним настало удобное время к сниманию в садах достальных плодов, и потом к предприниманию в них работ разных. Итак, по снятии плодов и по продаже всех излишних, принялся я и за оные. Их было два: один старинной, позади палат и нарочито обширной, но до крайности и так запущенной и обезобразившийся, что прежняго его регулярства не было почти и приметно. Из прежних стриженных липовых шпалер составился лес из

превысоких липовых дерев, разросшихся так, что не было почти прохода. А подобно тому и другое все заглохло и заросло всякою дичью и негодью. Самыя плодовитыя деревья находились в прежалком состоянии.

Другой сад был молодой и гораздо сего меньше. Он лежал в боку от дома и в некотором от него отдалении за прудом, и власно как на полуострове, ибо окружен был с трех сторон водою. Узкой проулочек или проход, сделанной чрез него на гумно и на скотской двор, разделял его собою надвое, и с обеих сторон к сему проулку примыкали узкия плотины или переходы через пруд и залив, позади его находящияся. Но и сей сад немногим чем был лучше большого и в таком же запущении.

Причиною тому было, что как господа давно перестали в сие село ездить и в нем жить, то и не прилагаемо было к поддержанию его в порядке ни от кого и никакого старания. Глупому прикащику не было до него никакой нужды; а садовника мы хотя тут и нашли, и он был мужик хотя доброй и рачительной, но более огородник, нежели садовник, и знания его простирались очень не далеко. И к тому ж как не давали ему никаких работников, то одному ему, а притом и без принуждения, и нечего было... (?).

Итак, ходючи нередко по сим садам, давно уже замечал я в мыслях, что мне с ними сделать и чем и как бы их поправить и привесть сколько-нибудь в лучшее состояние. Почему, как скоро сняты были все плоды, то и начал я намерение свое производить в действо. Мое первое дело было, чтоб обрубить и окарнать в большом саде все липовыя шпалеры так, чтоб остались одни только голые комли или пни их, вышиною аршина в три от земли. Садовник мой только ахал, сие увидев, и почитал их совершенно погубленными, но я уверил его о противном и что он чрез год шпалер своих не узнает и увидит их молодыми. Таким же образом без всякаго милосердия поступил я и со многими другими деревьями и кустарниками и не только с дикими, но и с самыми плодовитыми: и иныя вырубал совсем, другия подчищал, у иных вырубал всю негодь и так далее. Садовник мой только поглядывал и производил то скрепя уже свое сердце.

Поопростав сим образом старые сады от всякой негоди, принялся я за основание совсем новаго сада и за засаждение онаго разными плодовитыми и дикими деревьями. Сей назначил я совсем на новом месте, захватив под оной целую десятину полевой земли, за будущим новым управительским домом, и назначивал его быть моим собственным, то есть управительским; и между тем как возили из рощи лес, а из Спасскаго разобран-

ныя хоромы, занимался я тут же разбиванием сего нового сада, которой по тогдашнему господствующему еще везде вкусу расположил я регулярным и насадил множество шпалер, наделал множество куртин и напичкал все сими плодовитыми молодыми деревцами и кустарниками. По счастию, нашел я сих такое великое изобилие в запасе, что не только стало их на весь сей новой сад и на подсадку в обоих садах прежних, но осталось некоторое количество мне и для себя и отправления в мои собственные сады по дозволению князя. Я велел их там посадить: яблони в моем новом полевом саде, а чернослив или зимовыя сливы в садах ближнем и верхнем, которые прекрасные плоды ведутся у меня и доныне, а из яблонок остались очень-очень немногия, и достопамятнейшая из них есть так называемая *Денисовка*. Прочия же на большую часть хотя сначала и принялись, но потом в отсутствие мое погибли.

Наконец, 5-го сентября основал и заложил я свое новое обиталище. Место для хором назначил я на самом красивейшем месте, в небольшом разстоянии от большой дороги, на самом берегу большого и обширнаго пруда, выдавшемся в пруд углом, наподобие мыса, и поставил дом так, чтоб он лицом был прямо к большой дороге и окружен был и спереди и с праваго бока водою и небольшим подле себя на самом береге цветниками. Сии оградил я подле самой воды низеньким штакецом, и для входа в него из хором назначил быть большому каменному крыльцу из моей столовой комнаты. И как тогда каменщики были еще не отысканы, то заложил я дом для поспешения на столбах и тотчас велел приниматься за работу.

Между сими хлопотами не упускал я заниматься и своими любезными гостями; а в самой день закладки хором посетил меня первой из тамошних соседей, и впервые еще, помянутой господин *Новиков* вместе с господином *Игнатьевым*, которых мы также постарались угостить как можно лучше. А на другой день после того вздумали племянницы мои съездить к нам в Дворяниново и повидаться с тамошними нашими родными, и мы проводили их до села *Турова* и остались сами в гостях у жившаго тут господина *Шушерина*, Василья Федоровича. Сей любезной человек незадолго до того сделался мне знаком, и как он любил искренно нас, а мы его, то и рад я был, что дом его случился быть у нас на самой дороге и на половине пути, и потому служил нам тут всегда добрым перепутьем. Дни чрез два после того посетил и он нас в Киясовке, с женою и обеими дочерьми своими, а 12-го числа ездила жена моя с старшею из племянниц моих в Коломну для

некоторых покупок; а чрез три дня после того и разрушилось опять наше приятное общество чрез отъезд племянниц моих обратно в Кашин.

Мы проводили их с чувствительным сожалением, и жена моя поехала с ними на короткое время в Москву, а я остался хлопотать с своими строениями, лесами, садами и мужиками.

В сих происшествиях протекла нечувствительно вся первая половина сентября месяца, а что происходило во второй и далее, о том разскажу я вам в письме последующем, а теперешнее сим кончив скажу, что я есмь ваш и проч.

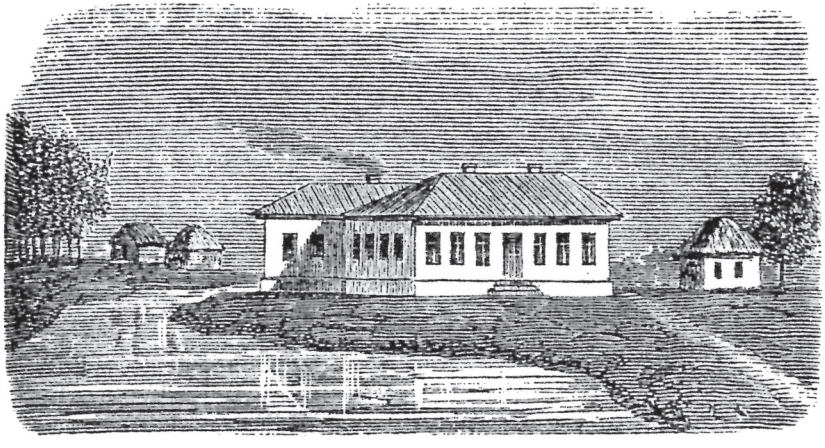
(Генваря 4-го дня 1809 года).

РАННЯЯ ЗИМА

Письмо 177-е

Любезный приятель!

Едва мы только проводили своих племянниц и с женою моею от себя, как и перетревожило нас уже сделавшееся первое и большое зазимье. Зима с стужами своими показала глаза свои как-то в этот год слишком уже рано. Первый и довольно жестокий мороз посетил нас еще 9-го августа, а в поло-



вине октября настала уже и совершенная зима. Теперь вообразите же себе, сколь мало удобнаго времени имел я к совершению всех своих начатых строений. Но сказать надобно, что и трудился и заботился я об них прямо ревностно, а особливо после того, как пугнуло меня помянутое зазимье; ибо как по всем замечаниям надлежало тогда ровно чрез месяц ожидать и настоящей зимы, то усугубил я все мои труды, старания и работы и не отходил почти ни пяди от сих, присутствуя при них от утренней зари до вечерней, или разъезжая сам по лесам для понуждения скорейшей вырубки и привоза дерев. Стук от нескольких десятков топоров продолжался безпрерывно с утра до вечера и разбуждал нас с восхождением солнца, но нужда приневоливала меня и употреблять всевозможнейшую поспешность.

Помянутое зазимье заставило нас впервые испытать нагревать комнаты наши каминами, но они скоро доказали, что на них дальней надежды полагать никоим образом было нам не можно. Производимое ими тепло столь же скоро и уходило, как при закрытии оных набиралось. Сперва обрадовались было мы, увидев себя в тепле, но радость наша была весьма кратковременна. Чрез немногие часы комнаты наши делались таковыми ж холодными, как были прежде и усугубляли только гореванье наше о том, как нам будет жить тут в самое позднее осеннее время.

Впрочем, имел я около сего времени у себя неожидаемаго, но весьма приятнаго гостя. Вдруг является передо мной один молодой и ученой священник, приехавший из Коломны для осмотрения упразднявшагося у нас в селе поповскаго места, дабы в случае, если оно ему полюбится, можно б было ему, по благосклонности к нему архиерея, занять оное. Он пришел тогда ко мне на поклон, и мы не успели с ним нескольких минут провесть в разговорах, как и полюбили друг друга. Нигде знакомство и дружба так скоро не возстановляется, как между учеными, а особливо если повстречаются взаимно согласныя мысли и чувства. А самое сие тогда с нами и случилось. Я нашел в нем хотя не великаго во всем знатока, но, по крайней мере, штудировавшаго в семинарии и много кой-чего-таки знающаго, но что всего лучше – отменно любопытнаго молодого человека; а и он поразился неожидаемостию и удивлением, нашед во мне человека, превосходящаго знаниями всех их семинарских учителей. Самое сие и прилепило его так ко мне, что он положил за непременное себе дело добиваться всеми образами, чтоб перевели его в село наше, а сие к обоюдному нашему удовольствию чрез короткое время и воспоследовало действительно; чему я

с моей стороны тем более был рад, что получил в нем давно желаемаго и приятнаго себе по ученым делам и материям собеседника, и могу сказать, что он доставлял мне сотовариществом своим весьма многия приятныя минуты. Он назывался *Никитою Никифоровичем*, а прозванием *Морев*.

Наконец приискали мне и наняли и каменщиков, и как время оставалось уже мало, а фундамент был превысокой, то усугубил я еще и более ревностное мое за работами смотрение и не отходил от них почти ни пяди, и хлопот было у меня полон рот с ними. Но как бы то ни было, но мы с ними его смастерили, и довольно удачно. Кроме сего, занимался я в сие время и поправлением некоторых маленьких прудов, в деревнях находящихся, но более всего привлекали меня к себе леса и требовали частого присутствия в оных. Надобно было нам из них премногое множество всякаго леса как на казенное, так и на крестьянское строение, а не менее для запасения себя дровами, на всю зиму. И все сии деревья вырубаемы были не инако, как по моему указыванию и с наблюдением наивозможнейшаго порядка. Итак, для всего того доводилось мне почти всякой день ездить в рощи и леса и давать мои наставления. Всю помянутую рощу разрубили мы аллеями и прошпектами на множество частей и косяков и, превратя ее тем в некоторой род зверинца, придали ей действительно такой хороший вид, что все почти проезжие останавливались, чтоб множеством сих аллей, представляющихся то и дело глазам, полюбоваться.

В сих упражнениях и многочисленных трудах и не видал я, как прошла и вторая половина сентября и наступил октябрь месяц. Первое число онаго, или день Покрова Богородицы, праздновали мы в Воскресенках у родственника нашего *Арцыбашева*, которой из всех наших родных жил тогда всех ближе к нам, а оттуда проехали теща моя с дочерью г. *Ладыженскаго* на часок в нашу деревню, а я, возвратившись в Киясовку, принялся за расчерчивание и делание пред новым своим домом цветника, дабы к весне иметь его для посадки цветов уже готовым.

Вскоре засим наступило и 7-е число октября, и совершилось мне ровно 36 лет от рождения. Я отпраздновал сей день, по обыкновению моему, тихомолкою и более духовно, нежели наружно, и занимаясь помянутым делом. К именинам же моим приехала к нам и тетка *Матрена Васильевна* на несколько дней погостить, и мы посещением ее были очень довольны. В день же именин моих пригласили мы к себе новаго нашего знакомаго, г. *Новикова*; но кроме его и помянутаго родственника нашего г. *Арцыба-*

шева, никого в сей раз у нас не было. А вскоре засим ездил я еще раз для некоторых нужд и на самое короткое время в свою деревню, и заезжая на дороге к обоим своим друзьям, г. *Шушерину* и *Полонскому*, повидался я с ними. Оба они неведомо как довольны были тем, что я их не забывал и не отпускали меня без того, чтоб я у них либо отобедал, либо ночевал. По возвращении же моем назад, вскоре поехала от нас и Матрена Васильевна и увезла с собою и обеих дочерей своих, гостивших у нас во все сие первое время пребывания нашего в Киясовке.

Сим разрушилось тогда наше маленькое общество, и сколько нам того ни было жаль, но мы некоторым образом были тем и довольны; ибо в самое то время начинала уже почти становиться зима и мы не знали, как и самих себя обогревать, и боялись, чтоб нам гостей своих не поморозить.

Но доколе тянулся октябрь, то все еще мы как-нибудь пробивались. Но как скоро начался ноябрь и с ним настала и настоящая зима, то началось с нею вкупе и то самое время, которое я поныне еще забыть не могу и кое было скучнейшее, труднейшее и безпокойнейшее во всей моей жизни. Работ было еще великое множество неоконченных.

Хоромы только что тогда покрыли, и надобно было отделывать их еще внутри, а потом класть в них печи; а прочия здания на дворе требовали еще и множайшей работы. Кроме того, спешил я копать рвы и разгораживать ими все семь полей казеннаго хлебопашества. Все сии работы требовали почти ежечаснаго моего при себе присутствия, а стужа такая! непогоды страшныя! а отогреваться от них было почти негде. Домашния мои принуждены были с утра до вечера сидеть в шубах и, оставя просторнейшия комнаты, которым и самые камины нимало не помогали, сбиваться все в кучку в маленькия комнаты для удобнейшаго себя обогревания каминами. Сии денно и нощно и без умолку почти у нас пылали, ибо пред ними только и можно было сколько-нибудь отогреваться. Ежедневно сожигали мы в них множество наилучших березовых дров, и нажегши столько угольного жару, сколько могло только помещаться в оные, не успевали их закрывать и первым теплым духом час какой или два попользоваться, как исчезал и вылетал оной опять сквозь окна и стены, и мы паки о растапливании оных помышлять долженствовали. Но днем как-нибудь уже мы пробавлялись, но что касается до ночей, то сии были нам уже всего несносней, а особливо во время сделавшейся уже большой стужи и наступления зимы самой.

Мы встречали их как некаких медведей и готовились заблаговременно зябнуть, дрожать и терпеть неописанное безпокойство.

Теперь вообразите себе, каково нам и не только нам, но и всем верхним людям нашим было жить и терпеть такое безпокойство целый месяц сряду, а особливо последние недели в ноябре месяце. Сии сделались было нам уже совсем несносны и я истинно не знаю, как мы все сие время прожили и как при всех таких душевных трудах и безпокойствах провели мы сие время, по особливой к нам милости Господней, так счастливо и удачно, что не только никто из нас, но ниже из малюток детей и людей наших не занемог и не вытерпел болезни.

Наконец кое-как и насилу-насилу кончили мы все строение, и дом мой поспел и сделался уже для обитания способным. Теперь не могу никак изобразить вам того удовольствия, которое чувствовали мы, перебравшись совсем жить в оный. Сущим раем казался он нам в сравнении с житьем нашим в большом и огромном тамошнем доме: и тепел, и хорош, и покоен он нам показался! Но никто так не был доволен, как я своим кабинетом. Я снабдил его не только частью печи, но сверх того, еще и камином, и как положение его случилось быть в средине между других комнат, то был он отменно тепел, а не было недостатка и в свете. Два больших окна, с простирающимся видом из них на пруд и за оным на церковь и старый дом, освещали оный. Под одним из них, в спокойном уголку, ассигновал я для себя сиденье и установил свой столик, под другим поставил большой стол для учеников моих. Стены установил я книгами и шкапами, а кой-где и картинами, привезенными из дома, и был обиталищем своим очень доволен, и тем паче, что имело оно сообщение и с гостиною, и с лакейскою, и с моею канцеляриею. А и домашния мои со всем бутором[1] своим уместились так хорошо, что все были наконец довольны. По счастию, дети мои были еще малы, и для помещения их требовалось не много места. Все они поместились с своею бабушкою в одной комнате и довольно еще просторно, и одна только наша спальня была темновата, но зато теплее почти всех комнат.

Сим образом перешедши и расположившись в новом и довольно для нас просторном и спокойном доме, отдохнули мы от претерпенных своих трудов и безпокойств и повели уже порядочную, как водится, жизнь; и как

[1] Бутор – здесь: пожитки, скарб.

было уже где порядочно принимать и угощать гостей, то начали мы уже помышлять о сведении дружбы и знакомства с множайшими из живущих в тамошних окрестностях дворян, и засим дело не стало. Дом г. Новикова не замедлил познакомить нас и со многими другими. Бывая в оном, имели мы случай съезжаться с некоторыми его соседями и друзьями, и как г. *Новиков* не оставлял всем об нас разсказывать и рекомендовать нас с стороны хорошей, то вскоре познакомились мы и с некоторыми другими домами. Из сих в особливости сделались нам дружны дом господина *Кологривова*, Николая Ивановича, человека милаго и любезнаго и столь веселаго характера, что мы всегда в свидании с ним и его женою находили удовольствие. Другой такой же дом был господина *Беляева*, Федора Васильевича. Сей был человек хотя небогатой и простенькой, по имел двух взрослых и добраго характера дочерей, полюбивших в особливости наше семейство и нередко гостивших у нас по нескольку дней сряду. А особливо сделалась дружна нам младшая из его дочерей по имени *Алена*, с которою и поныне еще продолжается у семьянинок моих дружба.

Итак, мало-помалу, при помощи нередких свиданий с ними, начали мы жить гораздо веселее прежняго и весь последующий месяц декабрь провели без скуки и в удовольствии. Весьма много поспешествовало к тому и то, что мы обрадованы и успокоены были в душах наших наиприятнейшим для всех нас слухом, что наконец удалось нашим войскам разбить и разсеять всю злодейскую пугачевскую сволочь и самого его, искавшаго спасение в бегстве, с вернейшими его наперсниками поймать, и что везли уже его окованнаго по рукам и по ногам в Москву для суждения и восприятия достойной мзды за все его варварства и злодеяния. Не могу изобразить, как обрадовало нас первое полученное о том известие и как мы благодарили Бога за спасение всей России, в том числе и нас от сего изверга. Как тяжелый камень свалился тогда с сердец и плечей наших.

Что касается до меня, то не успели за зимним временем кончиться все мои надворныя труды и упражнения и мы перешли жить в новой дом, как, не любя быть праздным, и начал я все остающееся от дел по должности моей свободное время посвящать опять наукам и литературе, и принялся паки за свои книги, перо и кисти. И как, по счастию, времени сего оставалось довольно и дел по должности моей стало становиться час от часу меньше, то и мог я, к удовольствию своему, употреблять к тому множество часов ежедневно, а особливо в длинные зимние вечера и утры. В сии

последния наиболее занимался я кой-каким писанием, а особливо переписыванием набело первой части моей «Детской философии», которую, по случаю близости к Москве и нередкому в ней бываню, хотелось мне постараться как-нибудь отдать в печать. Итак, надобно было всю ее вновь пересмотреть, кое-что прибавить и переписать в тетради особыя. Во время же дня занимался я иногда самым рисованием, а особливо разрисовыванием имевшихся у меня многих разнаго рода эстампов. Побуждало меня к тому наиболее то, что восхотелось мне угловую свою и очень светлую и веселую гостинную комнату, по обитии ея обоями, убрать колико можно более картинами и установить оныя по стенам и простенкам, узорами. И как к сему потребно было, в прибавок к имевшимся у меня многим картинам, еще много, то и спешил я наготовить оных. А как, по счастию, случилось нам иметь в числе дворовых тамошних и одного изряднаго столяра, то и должен был он мне готовить для всех их по мере рамки, которыя потом я раскрашивал, золотил и украшал, как наставлял меня Бог на разум, и как приличнее и сообразнее было с сделанным для расположения всех их рисунком. А в том должны были помогать мне и все трое моих учеников и сотоварищей, которые вместе со мною в кабинете моем и жили.

Что касается до вечеров, то имели мы в это время особливое занятие. Восхотелось мне как их, так и обеих моих молодых своячин, дочерей тетки *Матрены Васильевны*, приехавших опять к нам гостить, спознакомить с своею «Детскою философиею» и испытать читать им ее вслух, колико можно явственнее и с нужными всего растолкованиями, дабы преподать им чрез то понятие о всех нужных вещах, содержащихся в сей книге, а особливо о Боге и устроении всей вселенной. Итак, усадив их кругом около поставленнаго посреди кабинета моего стола, прочитывал я им по примеру, как читают профессоры свои лекции, в каждой вечер по разговору, и разговаривая притом с ними о читанных материях. Не успел я сего начать, как чтение и разговоры сии всем слушающим детям так полюбились, что они стали уже с нетерпеливостью дожидаться вечера, и уже без призыву сами ко мне по наступлении онаго собираться.

Легко можно заключить, что сие было мне весьма непротивно; но удовольствие мое сделалось еще несравненно больше, когда они и самому нашему ученому священнику отцу *Никите*, случившемуся однажды быть при сем чтении, так полюбились, что он униженнейшим образом стал меня просить о дозволении приходить к нам по вечерам и ему, и пользо-

ваться слушанием нашего чтения. Удивился и обрадовался я такой неожидаемой просьбе и с удовольствием ему сказал: «Пожалуй, пожалуй, отец *Никита*, мы будем вам и очень еще рады; с вами могу я еще и пространнее трактовать и разговаривать о всех материях, и для детей будет сие еще тем полезнее». И что ж? Он и действительно с того времени не пропускал ни одного вечера и являлся к нам еще прежде всех по наступлении онаго, и мы с ним действительно по поводу читанных разговоров углублялись иногда в предлинные и важные разговоры, которые не только детям были полезны, но и самому мне и ему доставляли превеликое удовольствие. Одним словом, он сделался нам ежедневным собеседником и соучастником в разговорах, и как он был человек умной и притом веселаго характера, то, полюбив его, были мы сообществом его весьма довольны.

Итак, были у нас по вечерам действительно маленькия лекции, и по важности разговоров наших с отцом *Никитою* можно было назвать их прямо философическими. И как случилось, что он о физике не имел почти никакого понятия, то не можно изобразить, с каким удовольствием он разговоры о физических предметах слушал и как много их хвалил и благодарил меня за преподание ему о многих неизвестных ему вещах столь яснаго и хорошаго понятия. Но сего было еще недовольно, но он, съездивши однажды около сего времени в Коломну, разславил и там всем своим семинаристам, прежним товарищам, и расхвалил сочинение мое так, что все и тамошние усердно захотели меня узнать и сочинение мое видеть.

А от сего и произошло то следствие, что как и самому мне, не помню уже для чего именно, случилась необходимая надобность съездить в Коломну и побывать у архиерея, то нашел я уже и сего обо мне кем-то весьма с доброй стороны предваренным, и потому он не только принял меня с отменною ласкою, но и, исполнив тотчас мою просьбу, унял у себя обедать и за обедом не мог довольно со мною обо всем наговориться. Был тогда архиереем в Коломне почтенный старичек *Феодосий*, человек хотя не ученой, но довольно умный и набожный.

Но тем еще не окончилось, а не успел я, отобедав у архиерея, возвратиться в дом к его секретарю, брату моего канцеляриста, у котораго я приставал, как все наиученейшие и лучшие семинаристские студенты, узнав как-то о моем приезде, там меня уже дожидались и спроворили, что один знакомой им купец, дожидавшийся меня тут также, упросил меня с хозяином приехать к нему посидеть на вечерок. Мне было сперва и не хотелось

на то согласиться, ибо я ожидал единаго только подчивания, по обычаю купцов, напитками, но вышло совсем другое, а против всякаго чаяния, нашел я тут помянутых наилучших и умнейших студентов, и как хозяин был сам охотник до книг и любил слушать ученые разговоры, то по принятии и угощении меня наилучшим образом всякими сластями, и завел он тотчас со мной разговоры о делах ученых, и как пришли к тому тотчас и господа студенты, то и пошла у нас потеха. Вмиг схватились мы говорить о материях разных и одна другой важнейших; и как собеседники мои ни старались сначала выказывать мне свои знания, но скоро дошло до того, что они и все прочие стали только разиня рот и развесив уши слушать то, что я говорил. А я, пользуясь тем, и имел тогда случай оказать им в полной мере все мои философическия знания и тем не только заставить их себя полюбить, но и вперить в них наивеличайшее к себе почтение. Словом, они сочли меня и Бог знает каким ученым человеком и получили обо мне наивыгоднейшее мнение.

Целый вечер и почти до полуночи провели мы тогда наиприятнейшим образом в сем собеседования с ними. Хозяин мой до восхищения был тем доволен и не знал, как меня угостить лучше, а из студентов никто так много меня не полюбил, как *Иероним*, бывший потом архимандритом в Воскресенском монастыре за Москвою, и любивший и почитавший меня по кончину свою весьма много; но и он был достоин всей моей любви и дружества и самого почтения. Мы видались с ним не один раз впоследствии времени, и я, любуясь еще и поныне стихами и приветствиями его, написанными им в моем альбоме или памятнике друзей, и напоминая сего умнаго и любезнаго человека, благословляю и поныне его прах и желаю ему ненарушимаго покоя.

Но теперь время мне сказать вам что-нибудь и о моей новой должности, и о правлении порученною мне волостью. Сие управление толь многими селами и деревнями и столь великим множеством народа было для меня дело хотя новое и по необыкновению сначала очень дико и не совсем-таки легко, но мало-помалу стало становиться для меня сноснее и не таково тягостно как сначала. Нужно только было при начале правления войтить во все подробности дел волостных и узнать все обстоятельства, относящияся до сей волости, и учредить и основать во всем порядки и сделать всему нужныя распоряжения, как потом и пошло все равно как по лесенке и мне дальнаго труда уже не стоило управлять оною. Недоставало

мне только хорошаго помощника и исправнаго приказаниев моих производителя. Прикащик прежний хотя и отправлял по нужде сию должность, но он был ни то ни се, и по пословице говоря, ни рыба ни мясо, и я не столько был им доволен, сколько досадовал на его за нерасторопность, за лень, глупость и старинныя его привычки. К тому же, всегда и говорить мне с ним по его заиканию была коммиссия; но как переменить было нечем, то принужден был я и его вспоможением и услугами сначала быть довольным; но скоро дошло до того, что стал он у меня час от часу более выходить из кредита, и я все охотнее поручать его родному брату, хотя бородачу, но имевшему более ума и провора. Сверх того, как князь прислал ко мне для содержания при казне караула и для других надобностей и четырех человек отставных и хорошаго поведения и исправных солдат, то при множайших случаях пользовался я и ими.

С князем, командиром моим, была у нас частая переписка, и как я ему обо всем доносил, что мною делано и предпринимаемо, и распоряжаемо было, и я ничего важнаго без его ведома и приказания не предпринимал, то был он всем управлением, делами и поведением моим совершенно доволен; но прибавить к тому надобно и то, что я сообразно с его наидобрейшим и честнейшим характером, и сие доведение свое расположил на честнейших также правилах и не только удален был от всякаго рода мздоимства и лакомства, но за главное правило себе поставил наблюдать во всем правду и при всех разбирательствах жалоб и ссор крестьянских держаться совершеннейшей справедливости и не наровить никому и ни в чем на свете, а всего более удаляться от делания какого-нибудь кому и самомалейшаго притеснения, не взирая какого б состояния кто ни был.

Все сие произвело то следствие, что все добрые люди и порядочные крестьяне полюбили меня очень скоро и были мною довольны. Что ж касается до дурных и негодных людей, то натурально сим был я не совсем по сердцу, но я о сем нимало не заботился. В особливости же не был я люб всем ворам и плутам, и как был я на них прямо острая коса, то не лежало их ко мне сердце, и если причинял мне кто досады и доставляло многия хлопоты и неприятности, так сии молодцы удалые. Я уже пересказывал вам, какое приветствие сделал я всем им при самом своем приезде; но сколь сильно я обманулся, надеясь, что такое увещание на них сколько-нибудь подействует! Они и не подумали о том, чтоб дать себя убедить оным, и не успело несколько недель пройтить, как и принялись опять за свое преж-

нее ремесло, и ну по-прежнему воровать и либо красть что-нибудь друг у друга, либо по-прежнему у ночующих у них проезжих людей, а мало-помалу и пустились во вся тяжкая.

Господи! Как было мне тогда досадно, когда начали доходить до меня о том частые слухи. Будучи от природы совсем не жестокосердым, а, напротив того, такого душевнаго расположения, что не хотел бы никого оскорбить и словом, а не только делом, и, не находя в наказаниях никогда ни малейшей для себя утехи и видев тогда сущую необходимость оказывать жестокости и с сими бездельниками для унятия их от злодейств драться, терзался я от того досадою и неудовольствием. Но нечего было делать. Необходимо надлежало их от воровства и всех шалостей отваживать и унимать, и я скоро увидел, что добром и ласковыми словцами и не только увещеваниями и угрозами, но и самыми легкими наказаниями тут ничего не сделаешь, а надобно было неотменно употреблять все роды жестокости, буде хотеть достичь тут до своей цели. Итак, сколько я сначала ни философствовал и ни наказывал их, будучи сам в спокойном духе и смеючись, но удальцы сии скоро начали и самого меня так раздражать, что я иногда доходил до сущих глупостей и разсерживался до исступления. Да и нельзя было инако, ибо стали случаться такия происшествия, которыя и каменнаго выводили из терпения.

Например, однажды привели ко мне двух воров, воровавших и пойманных вместе, но при допросе не мог я никак согласить между собою их слова и признания, но один говорил то, а другой другое. Я говорить... я увещевать их и так, и инак... я говорить, что неотменно один из них лжет, а другой говорит правду и что непременно надобно мне узнать истину. Но не тут-то было! Молодцы мои стали в одном, да и только всего. И знать, что были удальцы самые, что я более часа обоих их попеременно велел сечь, но не мог никак добиться правды. Господи! Как они меня сим запирательством своим тогда раздосадовали и вздурили. Я выходил почти сам из себя и не прежде как уж при третичном и жесточайшем истязании их добился уже толку.

В другой раз увидели двух человек, ворующих муку с мельницы, но захватили с мукою только одного, а другой ускользнул, и не можно было за темнотою и признать его. Итак, надобно было узнать, кто бы такой был с ним и воровал вместе. И сей бездельник вывел меня уже совершенно из терпения и раздражил до чрезвычайности, ибо вздумал сперва запирать-

ся, и несмотря на трех свидетелей, поймавших его и клятвенно утверждавших, что не только видели другого, но хватали его и едва не ухватили, стал в том, что был он один и никого с ним не было. Господи! Какая была тогда на меня досада и как было нестерпимо такое явное запирательство, а особливо когда не помогло нимало и все сеченье. Несколько раз принимался я сего бездельника пороть, и чем и чем я его уже не сек, но он как стал в одном, да и только всего. Что ты изволишь? Наконец, и когда его спина была уже ловко взъерошена, насилу-насилу повинился и сказал на одного из тутошних крестьян. Но что ж? И тут вышла неправда. Сыскали того мужика, но тот всеми клятвами божился, что не знает и не ведает того и никогда с ним не бывал и не воровал. Я так и сяк! Но не тут-то было! И оба остаются при своих объявлениях и клянутся. Нечего было делать, принужден был велеть положить и сего и сечь, принуждая признаться; но он с спокойным духом говорил, что хоть до смерти его засеки, а признаться ему не в чем. Остановился я, сие услышав, и, по счастию, вздумал призвать свидетелей, ловивших сих воров, и спросить их, не могут ли они мне сказать, походил ли сей мужик чем-нибудь на того, котораго они видели?

– Нет, сударь, – сказали они единогласно, – этот совсем на того не похож, тот и ростом был гораздо выше, и борода у него маленькая и не такая большая, как у него.

– Ну вот, сукин сын, – сказал я, – не въявь ли ты склепал на сего, ни за что, ни про что подвел под побои? Ну, ложись опять, бездельник.

– Ну что ж, сударь! – вытерпел еще добрую настилку и насилу-насилу с него смолвил и показал на другого.

– Давай сюда и того – закричал я.

Привели мне и того, но и тот не только всеми клятвами клялся, что он не знает, не ведает, но представлял двух свидетелей, оправдавших его тем, что он в самое то время и часы, в которое сие воровство производилось, был с ними, и там ему быть никоим образом было не можно.

– Ну вот, сукин сын, опять солгал, ложись опять и сказывай истину. Говорю тебе, что не отстану, и как ты не думай, а добьюсь и узнаю истину.

Итак, ну-ка я его опять пороть, и он, вытерпев опять добрую передрягу, повинился, что и сего оклепал напрасно, мстя ему за одну себе досаду, и сказал на третьяго. Но что б вы думали? Оказалась опять ложь и неправда и напраслина сущая. И легко ли, целых пять человек он сим образом и все напрасно оклеветать старался.

И как претерпев за каждаго добрыя настилки, вывел он меня совсем уже из терпения, то, боясь, чтоб бездельника сего непомерным сечением не умертвить, вздумал я испытать над ним особое средство. Я велел скрутить ему руки и ноги и, бросив в натопленную жарко баню, накормить его насильно поболее самою соленою рыбою и, приставив строгий к нему караул, не велел давать ему ни для чего пить и морить его до тех пор жаждою, покуда он не скажет истины, и сие только в состоянии было его пронять. Он не мог никак перенесть нестерпимой жажды и объявил нам, наконец, истиннаго вора, бывшаго с ним в сотовариществе. И вот с какими удальцами принужден я был иметь дело.

Но зато и наказал я их особым и примерным образом, и, желая всему селу показать, как наказываются воры, велел их, раздев донага, вымазать всех дегтем и водить с процессиею по всей улице села, и всем жителям, выгнатым из изб для осмотрения перед ворота, кричать, чтоб смотрели они, как наказываются воры, и что со всеми и другими поступлено будет так же, кто изобличится хотя в малейшем воровстве. Маленьких же ребятишек велено всех согнать к мосту, и в то время, когда поведут воров через оный, велеть заставлять кричать:

– Воры! Воры! – и кидать в них грязью, ибо происходило сие еще осенью, а потом, собрав всех крестьян, торжественно им сказал, что если они от воровства, а особливо у проезжих и ночующих в селе, не уймутся, то вместо тогдашних двух неспящих ночных караульщиков в селе сделаю десятерых. А ежели и засим все еще воровство будет, то сделаю, чтоб пред каждыми тремя дворами был неспящий караульщик, и не только замучу их сими караулами, но и всякий раз сии караульщики должны будут отвечать мне за все пропажи и покражи.

Таковое примерное наказание, соединенное с политическою уловкою, не только нагнало действительно на всех страх, но произвело вожделеннейшее действие, и мужики мои, увидев, что я нимало шутить не намерен и в состоянии действительно все то исполнить, наконец, подумав и поговорив между собою, смолвились, чтобы бросить наконец все шалости и не только самим ничего дурного не предпринимать, но смотреть пристально и за другими и никому не наровить, но, выводя все наружу, представлять виновных для наказания.

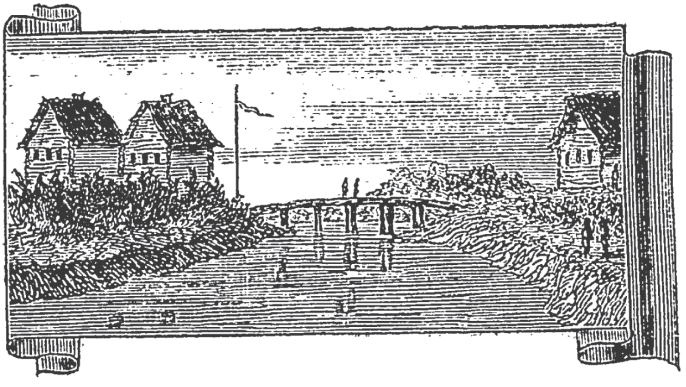
Словом, последний случай произвел во всех такое живое впечатление, что, к неописанному удовольствию моему, с того самого времени все

крестьяне села Киясовки с деревнями ровно как переродились, и помянутое образцовое наказание отходило как бабушка и отстращало их от всех прежних шалостей, и как о том повсюду и в других местах разнеслась молва, то чрез короткое после того времени имел я удовольствие слышать, что во всех селениях наших, сидевших на большой дороге, сделалось так смирно и так безопасно, что проезжие могли все повозки свои без всякаго караула оставлять на улицах, не опасаясь, чтоб из них что-нибудь было украдено, и отзывались тем очень довольными. Сами хозяева старались уже их в том уверять, и дуракам самим то слюбилось.

Сим образом удалось и посчастливилось мне, наконец, истребить все прежнее воровство и прежния все шалости и смыть с киясовских крестьян прежнее гнусное пятно и вместо прежней дурной славы доставить им о себе повсюду лучшее мнение. Но сказать надобно, что и стоило мне сие несказанных трудов, хлопот и досад безчисленных, и что не прежде я достиг до совершеннаго с сей стороны спокойствия, как в течение целаго почти годичнаго времени, но зато после и сами они меня полюбили и, благодаря меня за то, были весьма довольны и отзываются обо мне и поныне еще с большою похвалою.

Но я, возвратясь к нити моего повествования в окончании сего письма, скажу, что в помянутых разных занятиях и приятных препровождениях времени нечувствительно протек и последний декабрь месяц сего года, а с окончанием сего кончу я и письмо сие, сказав, что я есмь ваш и проч.

(Генваря 5-го дня 1809 года).



ПОИМКА И КАЗНЬ ПУГАЧЕВА 1775 ГОД

Письмо 178-е

Любезный приятель!

Итак, вновь наставший 1775-й год начал я провождать, живучи уже в *Киясовке*, в новом и покойном казенном доме. Все маленькое семейство мое состояло в сие время только в нас трех старших, меня, жены и тещи и троих моих малолетних еще детях, ибо и самой моей старшей дочери шел тогда только осьмой, сыну доходил только четвертой, а меньшой моей дочери, *Настасье*, пошел только другой год, и она была еще на руках. Что касается до моего сына, то был он уже на ногах, и будучи милым и любезным ребенком, начинал доставлять нам собою уже много утех. Он сошел уже с рук женских и к нему приставлен был дядька, с которым занимался он детскими своими играми и упражнениями. Был он как-то и смаленьку благонравен и хотя не освобожден от некоторых свойственных детям слабостей, однако далеко не таков упрям, плаксив и резок, как бывают многия дурныя и избалованныя дети. Но мы день от дня замечали уже в нем некоторыя хорошия свойства и склонности и потому, льстясь надеждою, что будет из него со временем человек и что он составит, может быть, утешение в нашей старости, любили его и тогда уже всею душою и сердцем и не спускали его почти с рук своих. Но могу сказать, при всей нашей любви к нему, однако, его не баловали, но от самого младенчества старались отучать его от всех дурных привычек, но не столько строгостию, сколько добром и особливыми уловками.

В пример тому разскажу вам об одном смешном, бывшем у нас с ним происшествии, и доставившем нам нечаянно наиудобнейшее средство к униманию его от упрямства и слез, проливаемых иногда, по обыкновению детей, по-пустому. Однажды, как теперь помню, случилось мне сидеть в моем кабинете, и он один только был со мной. Я, по обыкновению моему, что-то писал, а он расхаживал у меня по горнице. Вдруг попадись ему на глаза астролябической штатив или ножка, лежащий на верху шкафа с моею аптечкою. И как ему до того не случалось сего подножия видеть, а был он уже и смаленьку очень любопытен, то ни с другого слова, подбежав ко мне и указывая на штатив, спросил у меня: «Папинька, а что это такое?»

Тут приди мне мысль и желание над ним немного пошутить и поиздеваться, и потому ни с другого слова, сказал я ему: «О, мой друг, это штука, это большая штука!» Сим возбудил я еще более в нем любопытство. «А что ж такое это за штука, папинька?» – спросил он меня еще. «А вот я тебе, мой друг, покажу, – сказал я и, сняв штатив со шкафа, присовокупил – эта штука насмерть не любит всех маленьких ребят, которые сердются, упрямются и о пустом плачут, и как скоро завидят, так вот так разжавшись (в самое то время, разжав ножки, тотчас их опять дружно сплескнул), тотчас рабенка и съест и переломает даже и косточки все; а потому берегись и ты, мой друг, ее! Пропади она окаянная!» Сказав сие, положил я штатив опять на шкаф. «Ну, папинька, – сказал на сие мой мальчишка, – экая она ажно какая! А как ее зовут?» – «Астролябия, мой друг», – сказал я и сел опять за свое дело, а он, поглядев на нее и пошел от меня, твердя только «Астрелябия! Астрелябия, экая какая!»

На сем тогда сие и осталось, и я усмехнувшись тому и позабыл сие происшествие. Но как удивил он меня чрез несколько после того недель еще неожидаемым нимало вопросом. Случилось нам однажды куда-то уже весною ездить в карете и иметь его с собою. Тут, стоючи у дверец и смотря в оныя, увидел он лошадиныя кости, случившияся лежать подле самой почти дороги и приди ему мысль меня об них спросить: «Ах, папинька! – сказал он. – Уж не астрелябия ли это всех поела и не ребяток ли это кости?» Тогда хвать я себя за бороду и сам в себе сказал: «А! а! Так хорош», и тотчас ему в ответ сказал: «Так точно, мой друг, это она, проклятая, это все были упрямые и дурные ребятки, всех-то она их поела за плаканье и упрямство, и видишь одни только косточки остались». – «Экая она проклятая!» – подхватил он, и до тех пор с костей глаз не спускал, покуда их можно было видеть. И с сего времени он так сей проклятой астролябии боялся, что при всяком разе, когда случалось ему заупрямиться или расплакаться, нужно было только упомянуть астролябию, как тотчас и переставал, и нам шутка сия обратилась в великую пользу и много помогла при отучивании его от всего дурного.

Что касается до моей дочери, то сия умела уже тогда грамоты. Бабушка ея успела уже обучить ее оной, и тогда начинала она учится у меня писать, и была всем характером своим милая и любезная девчоночка и ее любили не только все мы, но и посторонние.

Как тогда, кроме сих наших детей, было с нами много и чужих и взрослых, то со всеми ими не скучно было нам препроводить тогдашния Святки; к тому же и езжали мы уже кой-куда в гости, и приезжали и к нам все те из наших соседей, с которыми мы успели познакомиться. При сих выездах обновил я свой оригинальной, раскидной и тогда только что вновь мною выдуманной возочек, в каковых после того езжал я во все продолжение моей жизни в зимнее время, и езжу с особливым удовольствием и поныне. Побудила меня к сей выдумке охота моя к читанию книг, а особливо в праздное дорожное время. Будучи охотником и любя ездить в розвальнях, досадовал я только на то, что стужа, морозы и ветры не дозволяли мне никак заниматься чтением книг, а принуждали быть во время дороги совершенно праздным. И как однажды мне, с одной стороны, сия праздность, а с другой – ветр и стужа очень надоела, то стал я помышлять, нельзя ли как-нибудь угораздиться и приделать к розвальням моим небольшую и такую покрышку, которая прикрывала бы собою одну только мою голову, плечи и руки и, защищая их от стужи, была бы и светла и могла бы доставлять мне возможность заниматься чтением книги. Не успела мысль сия во мне произойтить, как родилось желание скорее произвести ее и в действо. Я тотчас начал ее обработывать далее и, образовав в мыслях всю уже форму сего покрывальца, заставил тотчас столяра ее из досок, наподобие некакого сундучка связывать, прорезать со всех трех сторон довольно просторныя окошечки, вставить в них на петлях рамочки с стеклами, и всю ее снаружи обить кожею, а внутри сукном, и приделать ее к задней половине розвалень, так чтоб вся она на петлях могла откидываться назад и чтоб, севши или легши в сани, можно было ею нахлупить голову и сидеть в ней, как в маленькой светлой горенке. Наконец, чтоб было в ней совершенно тепло, то велел я сделать так, чтоб при опускании края сей покрышки в закрой длинной рамы, приделанной и прикрепленной во всю длину саней и покрывающейся сверху также откидною спереди для покрытия ног доскою. Все сие с самого начала удалось мне сделать так хорошо и удачно, что полувозочек мой, по отменной своей легкости и спокойству, мне отменно полюбился, и каков странен и смешон ни казался иным многим, но я нимало того не уважал, а смеялся сам тому, что они сами не зная чему смеются, и почитая его наиспокойнейшим зимним экипажем, продолжал всегда в нем ездить.

Не успели Святки еще пройтить, как, оставив своих родных в Киясовке, поехал я сам на короткое время в Москву. Это было еще в первый раз, что поехал я к князю своему с личными донесениями о состоянии волости и обо всем мною в ней сделанном. Князь принял меня очень ласково и был всеми моими делами и распоряжениями доволен и благодарил меня за все мое обо всем старание. После чего и пошли у нас с ним разговоры и разсуждения о том, что бы впредь сделать и учредить. Главнейшим предметом оных было построение в Киясовке для больных гошпиталя, который ему неотменно учредить там хотелось и для котораго старался уже он приискать и лекаря. И как тогда имел я для жительства своего готовый дом и в старом большом доме не было никакой надобности, то и положено было у нас пред наступлением весны весь верхний деревянный этаж с него снять и, поставив на ином месте позад сада, обратить его в гошпиталь, отделив в нем особыя комнаты и для житья лекарю, а после того разобрать и весь нижний этаж каменный и кирпичи из него сохранить для будущаго здания большого каменнаго дома, который угодно было императрице приказать построить и которому дался уже и план. И как князь в особливости охотник был до строения, то просил меня тем, а особливо построением гошпиталя колико можно поспешить.

Немало же говорено было у нас с ним и о оброке волости, и о том, как бы нам сделать распоряжение для получения всегдашних работников, для исправления работ нужнейших. Первый угодно было князю, для получения множайшаго с сей волости дохода, оставить тот же, какой крестьяне плачивали до сего своей помещице, а именно по 6-ти рублей с тягла или мужа с женою, который хотя и превосходил оброк, платимый Богородицкою волостью двумя рублями, но для подмосковных крестьян был не только сносен, но и очень еще умерен. Что касается до работ, то положено было всю волость разделить на 40 частей, или вытей, и определить, чтоб с каждой выти было по одному работнику с лошадью, или когда в лошадях не случится надобности, то пешему, и которые сменялись бы понедельно, а если чего сими работниками успеть не можно будет сделать, то все прочия работы производить уже наемными людьми или по особым нарядам, с определенным платежом денег.

Сими советами и учреждениями занимались мы несколько дней сряду и во все почти краткое время тогдашняго моего пребывания в столице, и я должен был приезжать к нему для того каждый день, из которых в

множайшие оставлял он меня у себя обедать, а сие доставило мне случай (узнать) все его семейство и весь образ его жизни. У него жива была тогда жена его княгиня, а детей имел он у себя шестеро сыновей: *Василья, Сергея, Павла, Ивана, Петра* и *Федора* Сергеевичев, и одну дочь, бывшую в замужстве за графом *Салтыковым* и уже овдовевшею и оставшеюся после мужа с двумя дочерями, внучками княжими, небольшими еще девочками. Кроме сих, был еще у него внук от другой, умершей уже дочери, именем *Степан Степанович Калычев*. Но из всех их жили тогда с ним и в доме у него только трое, а именно: средний сын – князь *Иван Сергеевич*, меньшой – князь Федор и внук его г. *Калычев*. Из прочих же старший, *Василий*, будучи в отставке, жил в своей деревне и приезжал к нему только временно. Второй князь, *Сергей Сергеевич*, служил при дворе камергером, князь Павел служил в армии и был уже полковником, а князь Петр находился в Англии.

Всех их, кроме последняго, имел я тогда случай видеть, но ни с одним из них по краткости времени не имел еще счастия познакомиться сколько-нибудь короче. Все они как-то от меня дичились или паче, набиты будучи княжескою спесью и высоким о себе мнением, не удостоивали меня не только своими ласками, но даже вхождением со мною в разговоры, мне самому, занимающимся наиболее одним только добродушным стариком князем, не было ни времени, ни удобности к ним прилепляться; к тому ж признаться поистине, то видя их такое гордое и можно сказать глупонадменное обращение, и сам я не имел охоты к тому дальней. С одной стороны, удерживало меня то, что не имел я до них никакого дела и никакой дальней нужды в их к себе благоприятстве, а с другой – находя оных по свойствам и характерам их недостойными дальнаго уважения и того, чтоб искать их к себе милости. Старший из них, князь *Василий*, казался мне совсем недальнаго разума и набит даже глупым высокомерием; к тому ж и видел я его только однажды. Что ж касается до второго его сына, князя *Сергия*, то сей был всех их бойчее и самая пылкая и огненная голова и набит так много придворною пышностью и спесью, что к нему не было и приступа. Сей не удостоивал меня не только разговорами, но почти и своими взорами, хотя был любимейший сын у князя и более всех им уважаемый. Третий, князь *Павел*, служил тогда в каком-то полку полковником, был также беглая и бойкая голова; но как и его случилось мне также не более двух раз видеть, то и не имел я случая промолвить с ним и единаго слова.

Четвертой, князь *Иван*, показался мне сколько-нибудь простодушнее прочих, и сего я хотя всех чаще видал, но и с ним имел мало случаев говорить, хотя и был он ко мне несколько благосклоннее прочих, чему причиною, может быть, было то, что служил он в морской службе и был несколько охотник до наук. Что касается до меньшого сына и внука княжова, то сии были хотя также совершенно уже взрослые, но продолжали все еще кой-чему, по манеру и обычаю знатных господ, учиться, или прямее сказать, схватывать одни только верхушки из наук.

Наконец, и самая старушка княгиня показалась мне ни рыбою ни мясом, и набитою также одною только княжескою спесью, простиравшеюся далее до того, что никогда не удостоила меня не только каким-нибудь приветствием, но ниже одним словом. Итак, сколько я доволен был благоприятством и всем обращением старика князя, столько, напротив того, не имел причины быть довольным всем его семейством.

Пребывание мое в сей раз в Москве продлилось не более одной недели, и как в течение оной не все время свое препровождал я у князя, а много его и оставалось, то употребил я оное на свидание со всеми бывшими тогда в Москве моими родственниками, друзьями и знакомцами, а особливо с новым другом своим, *Александром Михайловичем Салтыковым*. У него был я не один раз, и всякой раз, препроводив с ним по нескольку часов в дружеских и прямо приятных разговорах, возвращался от него с удовольствием.

Москва вся занималась в сие время одним только *Пугачевым*. Сей изверг был уже тогда в нее привезен, содержался окованный на цепях, и вся Москва съезжалась тогда смотреть сего злодея как некоего чудовища и говорила об нем. Над ним как над государственным преступником, производился тогда, по повелению императрицы, формальный и важнейший государственный суд, и все не сомневались, что он казнен будет.

Кроме сего, достопамятно было, что в самое сие время производилось в Москве с превеликим поспешением строение на Пречистенке временного огромного дворца для пребывания императрицы. Ибо, как она намерена была прибыть в Москву для торжествования мира с турками, а Головинский дворец, в котором она до того времени живала, во время чумы сгорел и ей жить было негде, то и приказала она построить для себя дворец на скорую руку. Почему, несмотря на всю стужу и зимнее тогдашнее время, и производилось строение сие с великим поспешением и тысячи рук занимались оным денно и ночно.

Как скоро я все свои дела кончил, то, нимало не медля, севши поутру в свою кибитку, поскакал я домой; но не успел поравняться при выезде из Москвы с последнею заставою, как увидел меня стоявший на ней знакомый офицер г. *Обухов* и закричал:

– Ба, ба, ба! Андрей Тимофеевич, да куда ты едешь?

– Назад в свое место – сказал я.

– Да как это, братец, уезжаешь ты от такого праздника, к которому люди пешком ходят?

– От какого такого? – спросил я.

– Как, разве ты не знаешь, что сегодня станут казнить *Пугачева*, и не более как часа через два? Остановись, сударь, это стоит любопытства посмотреть.

– Что ты говоришь? – воскликнул я. – Но, эх, какая беда! Хотелось бы мне и самому это видеть, но как я уже собрался и выехал, то ворочаться опять не хочется.

– Да на что и зачем ворочаться; вот я сейчас туда еду, так поедем вместе со мной в санях моих, а кибитка пускай здесь у меня на дворе постоит и тебя дождется.

– Очень хорошо, братец – сказал я и ну скорей вылезать из кибитки, иттить к нему в квартиру и на скорую руку оправляться, а через несколько минут мы с ним, севши в сани, и полетели действительно на *Болото,* как место, назначенное для сей казни.

Мы нашли уже всю площадь на *Болоте* и всю дорогу на нее от Каменнаго моста, установленную безчисленным множеством народа. Я неведомо как рад был, что случился со мною такой товарищ, котораго все полицейские знали и которому все так коротко было известно. Он, подхватя меня, не бегал, а летал со мною, совался всюду и всюду, для приискивания удобнейшаго места для смотрения. И мы вскоре засим увидели молодца, везомого на превысокой колеснице в сопровождении многочисленнаго конвоя из конных войск. Сидел он с кем-то рядом, а против него сидел поп. Повозка была устроена каким-то особым образом и совсем открытая, дабы весь народ мог сего злодея видеть. Все смотрели на него с пожирающими глазами, и тихий шепот и гул раздавался от того в народе. Но нам некогда было долго смотреть на сие шествие, производимое очень медленно, и мы, посмотрев несколько минут, спешили бежать к самому эшафоту, дабы захватить для себя удобнейшее место для смотрения. Весь оный в

некотором и нарочито великом отдалении окружен был сомкнутым тесно фрунтом войск, поставленных тут с заряженными ружьями, и внутрь сего обширнаго круга не пускаемо было никого из подлого народа. Но товарища моего, как знакомаго и известнаго человека, а при нем и меня, пропускали без задержания, к тому же мы были и дворяне, а дворян и господ пропускали всех без остановки; и как их набралось тут превеликое множество, то судя по тому, что *Пугачев* наиболее против них восставал, то и можно было происшествие и зрелище тогдашнее почесть и назвать истинным *торжеством дворян* над сим общим их врагом и злодеем.

Нам с господином *Обуховым* удалось, протеснившись сквозь толпу господ, пробраться к самому эшафоту и стать от него не более как сажени на три, и с самой той восточной стороны онаго, где *Пугачев* должен был на эшафоте стоять для выслушивания читаемаго ему всего сенатскаго приговора и сентенции[1]. Итак, имели мы наивыгоднейшее и самое лучшее место для смотрения, и покуда его довезли, и довольно времени для обозревания эшафота и всего окружающаго оный довольно еще просторнаго порожняго внутри круга. Эшафот воздвигнут был посреди онаго, четвероугольний, вышиною аршин четырех и обитый снаружи со всех сторон тесом и с довольно просторным наверху помостом, окруженным балюстрадом. Вход на него сделан был только с одной южной стороны по лестнице. Посреди самаго сего помоста воздвигнут был столб, с воздетым на него колесом, а на конце утвержденною на него железною острою спицею. Вокруг эшафота сего в разстоянии сажен на 20 поставлено было кругом и со всех сторон несколько виселиц, не выше также аршин четырех или еще ниже, с висящими на них петлями и приставленными лесенками. Мы увидели подле каждой из них приготовленных уже палачей и самых узников, назначенных для казни, держимых тут стражами. А таким же образом лежали некоторые и другие из их злодейскаго общества, скованные, при подножии самаго эшафота.

Не успела колесница подъехать с злодеем к эшафоту, как схватили его с ней и, взведя по лестнице наверх онаго, поставили на краю восточнаго его бока, против самых нас. В один миг наполнился тогда весь помост множеством палачей, узников и к ним приставов, ибо все наилучшие его наперсники и друзья долженствовали жизнь свою кончить вместе с ним

[1] Сентенция (франц.) – судебный приговор.

на эшафоте, почему и приготовлены уже были на всех углах и сторонах онаго плахи с топорами. Подле самого ж *Емельки Пугачева* явился тотчас секретарь с сенатским определением в руках, а пред ним, внизу и подле самых нас, на лошади верхом, бывший тогда обер-полицеймейстером г. *Архаров*.

Как скоро все установилось, то и началось чтение сентенции. Мы стояли подле самого г. *Архарова*, и так близко, что могли чтомое от слова до слова слышать. Но нас занимало не столько слушание читаемаго, как самое зрение на осужденнаго злодея. И как громогласное и разстановочное чтение продлилось очень долго, ибо в определении сенатском прописаны были все его и сообщников его злодеяния и подведены были все законы, по силе которых должен он был предан быть казни, то имели мы время насмотреться на сего изверга. Он стоял в длинном нагольном овчинном тулупе почти в онемении и сам вне себя и только что крестился и молился. Вид и образ его показался мне совсем не соответствующим таким деяниям, какия производил сей изверг. Он походил не столько на зверообразнаго какого-нибудь лютаго разбойника, как на какого-либо маркитантишка[1] или харчевника плюгаваго. Бородка небольшая, волосы всклокоченные и весь вид ничего не значащий и столь мало похожий на покойнаго императора *Петра Третьяго*, котораго случалось мне так много раз и так близко видать, что я, смотря на него, сам себе несколько раз в мыслях говорил: «Боже мой! До какого ослепления могла дойтить наша глупая и легковерная чернь и как можно было сквернавца сего почесть *Петром Третьим!*»

Между тем как ни пристально мы на него смотрели, однако успели оглянуться назад на стоящия вокруг эшафота виселицы. На них увидели мы всех осужденных к смерти, взведенных на лестницы с надетыми на головы их тюриками и с возложенными на шеи их уже петлями, и палачей, державших их и готовых при первом знаке столкнуть их с лестниц. И как назначено было им в одну секунду умереть с своим начальником, то по самому тому и не могли мы видеть самое произведение их казни, которую, как думаю, и никто не видал, ибо всех глаза устремлены были на эшафот и на *Пугачева*.

[1] Маркитант – торговец, следующий за находящимся в походе войском; повар в харчевне, в трактире.

Как скоро окончили чтение, то тотчас сдернули с осужденного на смерть злодея его тулуп и все с него платье и стали класть на плаху для обрубания, в силу сентенции, наперед у него рук и ног, а потом и головы. Были многие в народе, которые думали, что не воспоследует ли милостивого указа и ему прощения, и бездельники того желали, а все добрые того опасались. Но опасение сие было напрасное: преступление его было не так мало, чтоб достоин он был какого помилования; к тому ж и императрица не хотела сама и мешаться в это дело, а предала оное в полное и самовластное решение Сената; итак, должен он был неотменно получить достойную мзду за все его злодейства. Со всем тем произошло при казни его нечто странное и неожидаемое, и вместо того, чтоб, в силу сентенции, наперед его четвертовать и отрубить ему руки и ноги, палач вдруг отрубил ему прежде всего голову, и Богу уже известно, каким образом это сделалось: не то палач был к тому от злодеев подкуплен, чтоб он не дал ему долго мучиться, не то произошло от действительной ошибки и смятения палача, никогда еще в жизнь свою смертной казни не производившего; но как бы то ни было, но мы услышали только, что стоявший там подле самого его какой-то чиновник вдруг на палача с сердцем закричал: «Ах, сукин сын! Что ты это сделал? и потом: Ну, скорее – руки и ноги».

В самый тот момент пошла стукотня и на прочих плахах, и вмиг после того очутилась голова г. *Пугачева*, взоткнутая на железную спицу на верху столба, а отрубленные его члены и кровавый труп лежащий на колесе. А в самую ту ж минуту столкнуты были с лестниц и все висельники, так что мы, оглянувшись, увидели их всех висящими и лестницы отнятыя прочь. Превеликий гул от аханья и многаго восклицания раздался тогда по всему несчетному множеству народа, смотревшаго на сие редкое и необыкновенное зрелище.

Сим образом совершилась сия казнь и кончилось сие кровавое и странное позорище. Надлежало потом все части трупа сего изверга развозить по разным частям города и там сожигать их на местах назначенных, а потом прах разсеивать по воздуху. Но мы сего уже не видали, но как народ начал тогда тотчас расходиться, то пошли и мы отыскивать свои сани и возвратились на них к заставе, где, отобедав у своего знакомца и простившись

[1] Тюрик, тюрюк – здесь: холщовый колпак, который надевался на преступника во время смертной казни.

с ним, пустился я в свой путь в Киясовку с головою, преисполненною мыслями и воображениями виденнаго редкаго и необыкновеннаго у нас зрелища и весьма поразительнаго, и на другой день к обеду возвратился к своим домашним.

Сих нашел я давно уже меня к себе ожидавших и всех здоровыми и благополучными; но вскоре засим назначено было и нам самим вытерпеть передрягу и, против всякаго чаяния и ожидания, подвергнуться внезапному страху и опасению. Случай сей был совсем особливый и следующаго рода.

По возвращении моем из Москвы я первым долгом почел созвать к себе всех старост и начальников деревенских и объявить им все последния повеления, данныя мне от князя, а наиглавнейше о платеже ими впредь такого же почти оброка, какой платили они до того времени. Все они выслушали слова мои, как казалось, довольно с спокойным духом и разъехались по своим местам. Но не успело несколько дней после того пройтить, как вдруг является перед крыльцом моим превеликая толпа народа. Удивился я, о сем услышав, и тотчас велел спросить, что за народ и зачем в таком множестве? Сказывают мне, что спасские-де крестьяне и хотят сами вас видеть.

– Хорошо, – сказал я, – скажите им, что я тотчас к ним выйду, – а сам удивился тому еще больше.

Но скоро удивление мое превратилось в превеликое смущение и беспокойство духа, когда посланный к ним с помянутым вопрошанием и весьма мне преданный солдат, вместо того, чтобы иттить к ним, остановился и мне сказал:

– Что-де, сударь, толпа их превеликая и кажется сволочью сущих негодяев. Что-то все рычат и мурчат, и предводителем у них не староста и не бурмистр, а какой-то *Роман*, который, как говорят, наивеличайший сутяга и самый сварливейший и негоднейший человек во всей волости, и что-то они мне подозрительны, и нет ли у них какой блажи и чего-нибудь непутнаго на уме.

Поразился я смущением, услышав такую неожидаемость, и сам себе сказал:

– Господи! Что б такое это было, и что такое они хотят?

Сердце во мне, как голубь, затрепетало; однако я, не давая солдату смятения своего приметить, ему сказал:

– Вздор, братец, мне кажется... Однако поди ты со мною да скажи вот в канцелярии и товарищам своим, чтоб они на всякий случай были готовы.

– Хорошо, – сказал он и пошел им сказывать, а я, вышед в лакейскую, стал смотреть в окно, простирающееся на двор, поджидая возвращения солдата.

И смутился еще более, увидев в самом деле человек почти до 100 мужиков, стоящих перед крыльцом моим, а пред ними помянутаго *Романа*, расхаживающаго, как петух индейский, и хорохорющагося по примеру онаго. Сие привело меня самого в изумление; однако, как нечего было делать, то, дождавшись прибегшего ко мне назад солдата, вышел я на крыльцо или паче на некоторый род открытой и аршина на два от земли возвышенной широкой галерейки, простиравшейся от одного флигеля до другого. Тут, став против самаго сделаннаго для схода с ней неширокого крыльца, спросил я мужиков, чего они хотят?

– К тебе-ста пришли – закричал с грубостью предводитель их, а за ним закричала и вся его сволочь.

Таковой грубый и неучтивый ответ смутил меня еще более; однако я имел еще столько духа, что преодолел закипающееся во мне сердце и, засмеявшись, им сказал:

– Это я и без того вижу; но за чем таким?

– А вот-ста зачем, – закричали они в несколько голосов, а Роман всех громче и грубее, – велишь-ста ты платить нам оброка по шести рублей с тягла.

– Ну, что ж такое? – спросил я.

– Но с чего ж-ста ты это взял?

– Как с чего? Князь так приказал.

– Да-ста, как бы не князь! Да для чего другие государевы крестьяне платят меньше да и в Богородицкой волости платят только по четыре рубля с тягла, а мы что за грешные, что с нас больше?

– Этого я не знаю! – сказал я. – А воля на то князя, да и самой государыни.

– Как бы не так, – завопил *Роман*, – ты-ста думаешь, что мы тому и поверим. Государыня-ста не знает о том и не ведает, а это все твои довести, и ты сам хочешь денежками нашими набить себе карманы.

Грубые и дерзкие сии слова вывели меня тогда из терпения.

– Ах ты, бездельник! – закричал я на него. – Как ты смеешь со мною так говорить?

– Мы-ста не бездельники, – закричали они во все множество голосов, а *Роман*, подскочив к крыльцу, еще более закричал:

– И что ж ты за боярин, чтоб не сметь с тобою говорить; ну, так знай же, что мы твоего приказа не слушаем, словам твоим не верим и такого оброка платить не хотим и никак не станем.

Кровь во мне воспламенилась при услышании сего; однако я имел еще столько терпения, что им сказал:

– Что это, что это вы, дурачье, затеяли, бунтовать, что ли, вы хотите? За это передерут вас всех кнутьями! Да для чего малинские, киясовские и покровские ни слова не говорят и повинуются приказанию княжому?

– Вольно-ста им, – закричали они, – но мы того не хотим!

А Роман, как ерш растаращив глаза и опять подбежав к крыльцу, и прямо мне в глаза закричал:

– Ну не хотим-ста, не хотим; это все твои плутни, не слушаем!

– Ах ты, сукин сын! – закричал я, не могши уже никак утерпеть более. – Хочешь ли, я тебя... – но не успел я еще сего слова домолвить, как он вскочил на первыя ступеньки крыльца и во все горло завопил:

– Я-ста не сукин сын, а разве ты такой, а себя я тебе докажу! Бить-ста што ли меня хочешь, так тебе не удастся, и кому еще Бог поможет.

Сказав сие, побежал ко мне вверх по ступенькам и протянул уже руку, чтоб схватить меня за ворот и тащить с крыльца.

Признаюсь, что минута сия была для меня весьма критическая и было не натурально, что б не мог я не испужаться. Что ж касается до моих домашних, сбежавшихся между тем к окну спальни и смотревших в оное на все сие происшествие, то сии завопили и закричали от страха и испуга. Но тут где ни возьмись помянутый усердный ко мне солдат и, вывернувшись из-за меня, так сего бездельника толкнул, что он полетел стремглав с крыльца на землю, а в самую ту минуту подскочили и прочие стоявшие уже за мною солдаты, которых я и не видал, и отведя меня к стороне, говоря: «Посторонитесь, сударь!» – выхватили свои шпажонки и, загородив собою весь всход на крыльцо, к зашумевшему народу закричали:

– Цыц, бездельники, не шевелись никто с места, всех перерубим, если кто отважится подойти сюда ближе хоть на пядень; что это и свое ли вы затеяли?

Неожидаемое явление сие всех так испугало, что они, все оцепенев, почти в один миг замолчали, и никто в самом деле не смел поворотиться, а я, ободрившись тем, к стоящему внизу прикащикову брату и к другим нескольким дворовым закричал:

– Схватите этого бездельника и держите крепко.

Те тотчас бросились на поднимающагося от земли и, окружив его, действительно схватили так, что он не мог и шевельнуться, а я, обратясь к утихшей и в безмолвии стоявшей толпе, с спокойнейшим же духом сказал:

– Ах, дурачье, дурачье! Что это вы затеяли, и не с ума ли вы сошли, что дали сему бездельнику себя соблазнить и возмутить? Как можно мне самому от себя это взять? Да коротко, если в том только дело, что вы мне не верите, то за чем дело стало? Выберите между собою двух или трех человек, кому вы поверить можете, я сейчас отправлю их в Москву к князю, пускай спросят они сами у князя и услышат, от себя ли я это взял или так сама государыня приказала?

– Хорошо-ста, хорошо! – сказали они в несколько голосов. – Это дело; мы-ста тотчас выберем.

– Всего лучше! – подхватил я. – Выбирайте, и пускай они спросят о том князя, а если хотят, так именем вашим и просят о убавке оброка и чего им хочется.

Все они тотчас зашумели и начали между собою выбирать двух депутатов, а я, обратясь к прикащику и солдатам, сказал:

– А вы между тем отведите сего молодца в земскую избу и до тех пор покараульте, покуда возвратятся посылаемые в Москву. Я с ним ничего не сделаю и не хочу марать и рук своих.

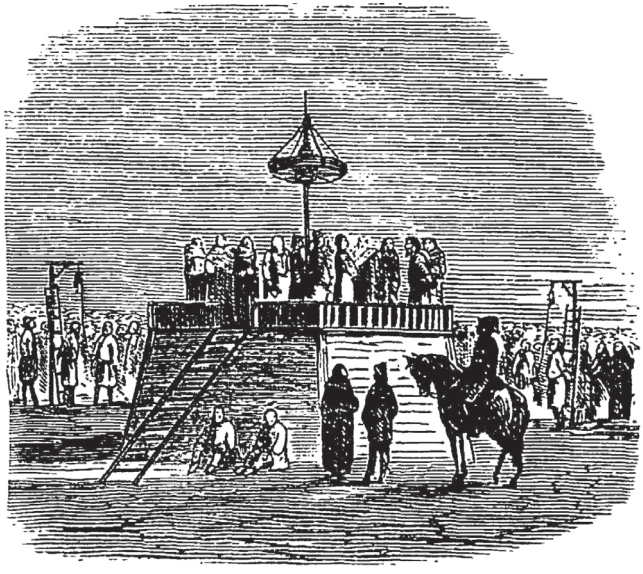
Солдаты мои тотчас его подхватили и, чтоб он не кричал, заткнули ему рот платком и повели за ворота, и там, без моего приказания, взляпали на его ноги претолстыя колодки.

А я между тем, поговорив уже дружелюбнее с толпою сих негодяев и приведя их в разсудок, пошел писать к князю рапорт, с изображением живейшими красками всего сего происшествия, и как между тем выбраны были ими и депутаты, то и отправил их с солдатом и с моим рапортом в

Москву к моему командиру, а мужикам велел ехать домой; что они, не делая более никакого шума, и учинили.

Сим кончилось тогда сие происшествие, а вместе с тем кончу я и сие мое письмо, сказав, что я есмь и прочее.

(Генваря 6-го дня 1809 года).



Примечание: Рисунок этот сделан Болотовым карандашем и сильно постерся. — Прим. редакции «*Русской Старины*».

ПОСЛЕДСТВИЯ КРЕСТЬЯНСКАГО БУНТА

Письмо 179-е

Любезный приятель!

Легко можете себе вообразить, что описанное в предследующем письме происшествие произвело во мне и в домашних моих весьма глубокое впечатление. Все мы никак не ожидали такого явления, и потому было оно для нас тем чувствительнее, и мы, увидев такой безпокойной народ,

начинали даже опасаться, чтоб и впредь не произошло тому подобнаго или чего-нибудь еще худшаго. Однако, по благости Господней, было сие первым и последним досадным и неприятным для нас происшествием. Благоразумныя меры, принятыя князем и мною, прекратили все такие вздоры и возстановили навсегда ненарушимое спокойствие между крестьянами, а вкупе довели их до повиновения совершеннаго.

Со всем тем не сомневаюсь я, что вы любопытны теперь знать, что произошло далее по вышеописанному делу, и какое последствие произвело отправление депутатов к князю с моим рапортом? О сем коротко скажу, что произошло то, чего я ожидал и чего ожидать было можно. Князь, прочитавши рапорт, и досадовал на дерзость мужиков, и смеялся крайнему их неразумению и глупости, и сколько ни был тих и кроток, но не преминул дать на представленных к нему депутатов превеликий окрик и, уверив сих дураков, что оброк наложен не инако как с воли государыни, как он и действительно о том докладывал императрице и получил именное на то повеление, сказал потом им, что все они за дерзость свою и неповиновение достойны величайшаго наказания и заслужили то, чтоб всех их передрать кнутом или, по крайней мере, детей всех, бывших с *Романом* в заговоре, отдать в зачет в рекруты; что он непременно и учинит, если впредь кто-нибудь отважится тому подобное сделать. Но на сей раз из единаго человеколюбия их милует и наказывает единым только приказанием заставить их без очереди две недели отправлять казенныя работы. «Что ж касается до возмутителя вашего, бездельника *Романа,* то... – обратясь к стоявшему подле него секретарю, сказал: напишите к управителю ордер и, прописав все теперь мною говоренное, присовокупите, чтоб бездельника *Романа*, в наказание за его дерзновение и в страх другим, при собрании всех старост и вытных начальников и лучших в волости людей, наказал плетьми нещадно, с подтверждением, что если он и засим отважится впредь предпринять что-либо тому подобное, то без всякаго помилования отдан будет в город для суждения и учинения с ним, как с мятежником и возмутителем, по всей строгости законов, и чтоб управитель сей мой ордер для ведома прочел всем волостным начальникам и лучшим людям».

Секретарь тотчас и намахал такой ордер, какого лучше желать мне, было не можно. Князь, подписав оный, велел его при себе господам депутатам, валяющимся у его ног, прочесть и потом им еще в подтверждение сказал: «Вот, слышите, скажите всем вашим товарищам, что я на первый

случай вас милую; а если вы, не перестанете дурить, тогда не просите уже от меня никакой милости, и вы тем доведете, что оброк ваш увеличится еще более, а сверх того, дураков всех пересекут за дерзость и ослушание. Ну, ступайте ж и скажите о том всем и всем!»

Итак, по пословице говоря, несолоно хлебав, и принуждены были господа сии ехать назад и, обжегшись на молоке, с того времени стали дуть и на воду, ибо сие так на них подействовало, что из всех их и из прочих крестьян не посмел никто и кукнуть. Что ж касается до самого виновника всему злу, бездельника *Романа*, то при собрании всех старост и лучших людей и по прочтении при них ему всего княжова ордера, не преминул я велеть высечь его плетьми; однако далеко не так много, сколько он заслуживал, а весьма еще умеренно, ибо боялся с таким негодным человеком связываться, а доволен был тем, что его при сем случае все старосты и лучшие люди бранили и тазали, говоря, что ему за его дела досталось еще мало.

Но сего негодяя не в состоянии было и все сие нимало укротить и привесть в разсудок. Он вытерпел все сечение, не произнеся не только ни малейшаго вопля, но ниже одного слова, и кипел злобою не столько уже на меня, сколько на самого князя. Почему, будучи тогда отпущен жить попрежнему в свое селение, нимало не унялся, но не переставал явно продолжать свое злословие и, не удовольствуясь тем, вздумал поступить еще далее. И как вскоре после того времени прибыл из Петербурга в Москву двор, то услышав, что государыня находится в Москве, затеял было итти просить самое ее и подать ей на князя и на меня челобитную, наполненную бездельническими и явными клеветами. Вот каков был сей прямо негодный человек!

Но как по отпуске его в деревню не преминул я всем лучшим и добрым людям в тамошнем селении втайне от него накрепко подтвердить, чтоб все они за ним и за всем поведением его присматривали и тотчас бы мне донесли, как скоро что-нибудь дурное заприметят, и сделали б сие для собственной пользы, дабы сей скверный и негодный человек не мог самих их вовлечь в какую-либо беду и наказание, то не успел он новое помянутое злодейство замыслить и по неосторожности кому-то проболтаться, как тотчас мне о том и донесено было.

Сие натурально опять меня встревожило и озаботило очень. Я сожалел уже о том, что наказал его мало и не пронял хорошенько, но как того воз-

вратить было не можно, то велел только усугубить за ним присмотр; и как чрез несколько дней мне донесено было, что он, ездивши несколько дней сряду к какому-то знакомому ему дьячку, такому же бездельнику, каков был сам, для составления и писания челобитной, наконец действительно в Москву, не сказавшись никому, с сыном своим уехал и сей уже один и без него домой возвратился, то за нужное я почел предуведомить о том князя и тотчас отправил с письмом своим к нему самого того приверженнаго ко мне и его довольно заприметившаго исправнаго и усерднаго солдата, дабы мог он употреблен быть в Москве для отыскания оного. А все сие и произвело вожделенное действие. Князь, получив о том мое уведомление, тотчас препоручил ему всячески сего бездельника отыскивать, и как скоро где его заприметит, тотчас бы его при помощи полицейских, которым также дано было от князя о том знать, его схватить и к нему представить; что все было удачно и исполнено. Солдат почти не отходил от дворца, и не успел *Роман* только показаться, как они раба Божия тотчас и спеленали и вместе с написанною самою глупейшею челобитною, найденною у него за пазухою, представили к князю. И как бумага сия оказалась наполненная ядом и явными клеветами на самого князя, то сей другого не нашел, как для исторжения такого негодяя из среды добрых людей прислать его ко мне скованного по рукам и по ногам и предписать мне ордером отослать его, как мятежника и возмутителя, в Коломну и именем его требовать, чтоб он сослан был немедленно в Сибирь на поселение без всякаго зачета в рекруты; что мною тотчас и учинено было. Итак, через сие освободились мы от сего негодяя, и он, просидев несколько месяцев в тюрьме, наконец и поплыл жить в отдаленный край Азии, а чрез то успокоилась и вся волость. Вот какое окончание получило все сие досадное дело, и я, окончив сию неприятную материю, обращусь теперь к другим предметам.

Между тем как все сие происходило, продолжал я все зимнее время заниматься своими обыкновенными литературными упражнениями и другими делами, и 22-го генваря имел удовольствие получить опять из Экономическаго общества претолстый пакет с книгою и с письмом от г. *Нартова*. Письмо сие доставило мне сколько, с одной стороны, удовольствия, столько, с другой – досаду, ибо из оного усмотрел я, что отправлена была ко мне, при таком же письме от Нартова, XXIII часть «Трудов» Общества, но которая, по всему видимому, каким-нибудь образом пропала, ибо я оной не получал. А в сей раз прислал он ко мне уже XXIV часть, в

которой имел я удовольствие видеть напечатанное первое отделение сочинения моего «О хмелеводстве» и с выгравированным по рисунку моему чертежом. Что ж касается до письма *Нартова*, то сие дошло уже ко мне очень скоро, и меньше нежели в две недели, и может быть, потому, что Нартов по письму моему уже знал об определении меня в Киясовку, и пакет сей переслан был ко мне уже чрез князя. Впрочем, благодаря меня именем Общества за мое сочинение «О хмелеводстве», просил о продолжении с ним колико можно частейшей переписки и о присылании и впредь моих сочинений.

Помянутое неполучение XXIII части, сколько, с одной стороны, подтвердило неверность тогдашних почт, столько досадно было потому, что я в оной надеялся увидеть все прежния мои сочинения напечатанными. Набралось их целых четыре, о участи которых был я неизвестен, и были они следующия: 1) «О некоторых употребляемых в деревнях лекарствах»; 2) «О скотском навозе»; 3) «О моей рабочей тележке»; 4) «О истреблении костеря из пшеницы». И как мне хотелось знать, напечатаны ль они все, или которое осталось не апробованным, то, отписав к *Нартову* о неполучении той книги, другого средства уже не находил, как стараться отыскать ее в Москве купить, и прежде не имел покоя, пока мне купить ее не достали, и тогда, к удовольствию моему, увидел я, что в ней действительно находились все оныя сочинения мои напечатанныя и ни одно из них не осталось без одобрения; а сие побудило меня и впредь что-нибудь сочинять и посылать к ним свои сочинения.

Через месяц после того, имел я удовольствие получить еще один пакетец с небольшою книжкою сочинения сенатора нашего, *Степана Федоровича Ушакова*, при особом и весьма ласковом письме от самого его. В оном, расхваливая все мои сочинения и изображая, какое удовольствие он в них находит, хвалил в особливости сочинение мое «О хмелеводстве» и все мои затеи с оным и просил о доставлении к нему достальных моих замечаний об оном, если не расположен я доставить их в Общество. Но как я оныя намерен был послать в Общество, то и спешил отправлением оных в Петербург, с новыми всем моим затеям рисунками, но напечатания оных принужден был также дожидаться долго.

Между сим разнесшийся слух о приезде императрицы в Москву и о будущих в приближающуюся Масленицу разных увеселениях и при дворе

публичных маскарадах, побуждал многих ехать к сему времени в столицу; в числе сих находилась и моя жена. Ей, как небывавшей никогда в таких публичных собраниях, хотелось весьма оныя видеть, к тому ж имела она и нужду быть в Москве для исправления некоторых покупок. Сверх того, побуждало ее много к тому и то, что все наши тамошния соседки собирались ехать туда и ее к тому ж подговаривали; а хотели туда ж приехать и племянницы мои, *Травины*, из Кашина, то все сие и побудило меня испросить у князя дозволения приехать в Москву; и как мне то было дозволено, то мы, оставя маленьких своих детей с их бабушкою в Киясовке, сами в Москву и отправились.

Там, съехавшись и став на одной квартире с моими племянницами, прожили мы всю Масленицу, и всю ее провели отменно приятно в безпрерывных разъездах и свиданиях с дальними знакомыми и родными. Между тем не один раз бывали и в театре, бывшем тогда еще на *Знаменке*, а наконец удалось жене моей в сей раз быть и в большом придворном маскараде, бывшем во дворце, и видеть в первый еще раз сего рода увеселение. Она ездила туда с моими племянницами и некоторыми другими из наших знакомых, но я оставался дома за случившимся в самой тот день небольшим болезненным припадком.

Впрочем, легко можно заключить, что в сию мою бытность в Москве, виделся я и с князем. Я езжал к нему почти каждой день и обыкновенно по утрам, дабы тем более иметь свободнаго времени после полудня. Князь, по обыкновению своему, принимал меня всякой раз с отменным благоприятством, и не мог никогда со мною довольно наговориться. Не успел он меня увидеть, как и начал шутить и смеяться претерпенной мною от мужиков передряги, и говорил, что верно были мы тем перепуганы. «Не без того-та, – сказал я, – но спасибо, что удалось скоро погасить сию искру мятежа глупых крестьян и все опять успокоить». Он хвалил все мои при сем случае поступки, а особливо доволен был, (что) предварил я его о злонамерении бездельника *Романа*.

Засим говорили мы с ним о разных новых распоряжениях в волости и о заведении там хлебного магазина по примеру богородицкаго, а особливо о будущем построении гошпиталя для больных, который лежал у князя весьма на сердце. Далее сказывал он мне, что он имел счастие уже не один раз говорить с государынею и донесть ей о всех обстоятельствах,

касающихся до волости, и обо всех сделанных им в ней распоряжениях, что государыня на все то изъявила свое благоволение и все одобрила и его благодарила. Далее сказывал он мне, что действительно есть на то ея воля, чтоб и в Киясовке построить хотя небольшой, но порядочной дом; что сама на плане моем назначила под него место и приказала архитектору сделать, по собственным своим мыслям, к тому план, а ему помышлять о приуготовлении всех нужных к тому материалов; что надобно нам поспешить разламыванием стараго дома и в прибавок к кирпичу сему на весну делать новой и приготовлять к тому кирпичные сараи; а весьма бы хотелось ему поискать, нет ли у нас там способной глины для делания черепицы, дабы можно было нам и оной наготовить на кровли всего будущаго здания. Также поискать, нет ли где в дачах волостных белаго камня, ибо и оной, равно как и бутовой и годной для жжения извести, надобно будет заготовлять, а пуще всего, что нужно мне как можно поспешить постройкою гошпиталя, и так далее.

Обо всем том несколько раз повторяли мы с князем разговоры, и как я ему был во всем, так сказать, правою рукою и помогал ему все придумывать и советами своими облегчать все затруднения, то становился он час от часу мною довольнее и ко мне благоприятнейшим, что натурально и мне было весьма приятно.

Наконец кончилась Масленица со всеми увеселениями ея и начался Великий пост. Тогда не стали мы долее медлить в Москве, но, распрощавшись со всеми, поехали обратно в Киясовку. Князь при отпуске меня повторил еще раз все свои приказания и обещал сам на весну побывать у меня, и при случае езды своей в Богородицк ко мне заехать.

В Киясовке нашли мы всех своих здоровыми, и как в сие время начинала уже приближаться весна, то тотчас по возвращении своем и начал я спешить приискиванием и наймом плотников для снятия с стараго дома верхняго деревяннаго этажа и построения из оного гошпиталя; и как скоро их приискал и нанял, как принялся за сие дело. Итак, древнее обиталище г-на *Наумова*, а потом и мое собственное и начало разрушаться, и воздвигаться из него новое и никогда там небывалое обиталище для лекаря и больных. И как должно было тем всячески спешить и все нужное к тому приготовлять и делать ежедневно разныя распоряжения, то имел во весь Великий пост доброй кусок работы и хлопот полон рот.

Между тем занимаяся по утрам и вечерам прежними своими занятиями, продолжал я делать испытания свои над всеми приуготовляемыми мною из собранных и знакомых уже мне трав лекарствами. Получаемый при том успех превзошел все мое чаяние и ожидание и был таков, что я сам не мог тому довольно надивиться. Не успело нескольким человекам, которым случалось мне давать оныя от разных болезней, полегчеть, и они от болезней своих получить скорое и удивительное облегчение, как в короткое время разнеслась о том по всем окрестностям громкая молва, и ко мне со всех сторон стали приходить и бабы, и мужики просить помощи от разных болезней. Я с превеликою охотою удовлетворял их просьбы, по мере сил, знания и возможности моей, и как со всех их не требовано было ни малейшей ни за лекарствы, ни за труды, ни за посуду, в коей они раздавались, заплаты, то сие еще более весь черный народ в окрестностях к тому побуждало. А сие и имело то последствие, что количество приходящих больных, с каждым днем увеличивалось более и скоро дошло до того, что не протекало ни одного дня, в который бы не приходило или не приезжало ко мне по нескольку человек с просьбами и больными, и нередко случалось, что скоплялось их вдруг человек до 10 и более и в одно время, из которых одни приходили вновь, а иные в другой или в третий раз с повторением препокорнейших просьб о снабдении их теми же лекарствами, какия они до того уже получали от меня, сказывая, что они им очень много, а иногда даже удивительно помогали.

Теперь разсудите, каким приятным удовольствием наполнялась вся любопытная душа моя при слышании таких извещений о изящном действии моих лекарств, и нередко совсем неожиданных и вожделеннейших успехов моих опытов, и как много награжден я был тем за немногие труды те, которые при том мною употребляемы были. Я не только не почитал их ни за что, но иногда истинно даже прыгал от радости и удовольствия, узнав чрез сии опыты о новом и неизвестном мне до того изящном действии какой-нибудь травы или ее семян или кореньев. Я всякой раз спешил сообщать о том своим домашним, бравшим во всех таких случаях в удовольствии моем истинное соучастие, и все мы старались все то затверживать в память для употребления того же в пользу и впредь, когда случатся подобные тому случаи; а чтоб иного не позабыть, то сверх того, спешил я всякой раз такие успехи и удивительные действия лекарств моих записывать.

Словом, успехи мои в сем пункте были так велики, и количество просителей умножилось так много, что скоро дошло до того, что при повторяемых просьбах о снабдении еще прежними лекарствами, не в состоянии я был всегда и вспоминать, что именно кому я иногда давал, и принужденным уже бывал сам о том расспрашивать больных. Но поелику не многие могли мне порядочно о том сказывать, то скоро самая необходимость заставила меня вести уже порядочной и ежедневной журнал не только всем приходящим ко мне больным, с означением звания деревень и имен просителей, но и самых их болезней и лекарств, какия кому и когда мною были даваны.

Все сие не только меня занимало, но и доставляло несметное множество минут приятных в жизни; а сверх того, получал я от того и сам существительную пользу, ибо спознакомливался чрез то с каждым днем больше с врачебными силами многих трав и делался тем от часу способнейшим помогать моим ближним, впоследствии же времени услужить тем и всему моему отечеству чрез обнародование всех учиненных мною замечаний. А сверх того, все сие побуждало меня от часу больше спознакомливаться не только с ботаникою, но и с самою медицинскою наукою и снабжать себя такими книгами, из которых мог бы я почерпать нужныя и полезныя знания, относящияся до врачевания разных болезней. Наконец, чтоб заставить вас судить самим о том, помогали ли мои лекарства или нет, скажу вам только то, что число записанных в помянутом журнале отпусков разным людям лекарств, простиралось в течение одногодичного времени до 2 315 раз. Сего одного, кажется мне, уже довольно к тому, ибо из сего легко можете заключить, что если б они никому не помогали, то какая бы нужда была приходить ко мне толь великому множеству людей отчасти с новыми, отчасти повторяемыми просьбами. Словом, я скоро прослыл весьма великим знатоком, хотя сам, будучи уверен о весьма еще и крайне недостаточном своем знании, душевно тому хохотал и смеялся.

При таких ежедневных лечениях больных случилась наконец надобность испытать мне и над самим собою действие трав и лекарств своих. От бездельнаго случая нажил и сам я себе болезнь, и болезнь опасную, и случай сей был вот какой. Я упоминал уже вам о тогдашнем киясовском ученом священнике, отце *Никите*, всегдашнем моем философическом собеседнике. Сей, впрочем, весьма умный, любви и почтения достойный муж, при всем своем разуме, не освобожден был от некоторых слабостей,

к коим сделал он с молодых лет своих привычку. К числу сих слабостей принадлежало и то, что он был смертельной охотник до боевых гусей, и находил неведомо какое удовольствие в смотрении, как сии дворные птицы между собою бьются, щиплются и дерутся. Смешная поистине охота, но со всем тем сводящая весьма многих людей с ума и с разума, а особливо из жителей города *Коломны*, где и он сею страстною охотою заразился. Мне не случалось до того никогда видать сего зрелища, и как он мне все уши прожужжал описыванием сей своей забавы и нетерпеливаго ожидания своего того времени, когда ссоре сей гусаки наиболее бывают подвержены, то восхотелось мне из единаго любопытства сию мнимую и им до небес хвалами превозносимую потеху видеть. И как все страстные до чего-нибудь охотники обыкновенно великое удовольствие находят в сообщении радостей своих и другим, то не успел он дождаться помянутаго времени, как подхватя своих гусаков, принес он их ко мне на двор, и тут, стравив их пред канцелярским крыльцом, вбежал ко мне в кабинет, почти в исступлении, и мне сказал: «Ну, вот, Андрей Тимофеевич, пожалуйте-ка скорее на крыльцо и посмотрите, как гусаки-то, друзья мои, дерутся! И что за потеха! Истинно заглядеться надобно; но, пожалуйте, поскорее!» Мне случилось тогда сидеть в теплом и спокойном своем кабинете и что-то писать, и я, услышав его столь усиленной зов, и выбежал на крыльцо в том, в чем сидел, нимало не подумав, что одет был очень легко и не взяв никакой предосторожности. Случившаяся тогда ясная великопостная погода подманула меня тогда: я думал, что и на дворе такое же от солнца тепло, как тепло было в моем кабинете, но как сильно я в том обманулся! Не успел я, выскочив на крыльцо, минуты две постоять, смотря на самое глупое и нимало для меня не увеселительное зрелище и подивиться моему попу-философу, сбегшему между тем с крыльца и в исступлении стравливающему от часу более гусаков своих, как продолжавшаяся еще от утренняго сильнаго мороза стужа и случившийся пронзительной и очень резкой ветр так меня в моей легкой одежде прохватил, что я тогда уже почувствовал в себе необыкновенный, хотя небольшой озноб и, задрожав от него, хотел было бежать назад; но поп удержал меня еще минуты с две всеусильнейшею просьбою удостоить еще с минуту охоту его зрением. «Ох, батюшка, – сказал я, час от часу дрожа более, – нечего смотреть, я истинно не нахожу и сотой доли такого удовольствия в этом зрелище, как ты, и не понимаю, как ты им так прельщаешься!» Сказав сие и постояв еще

с минуту, побежал я опрометью опять в кабинет свой и там насилу-насилу обогрелся. Тем тогда забава сия и кончилась.

Но не успел настать последующий день, как вдруг почувствовал я в груди у себя, а особливо в левом боку такую боль, какой никогда еще до того времени не ощущал. Сперва было я ее нимало не уважил, но как она стала час от часу увеличиваться и совокупляться с одышкою и самым почти захватыванием духа, то сие меня уже и смутило и так озаботило и устрашило, что я бросился в имевшияся у меня тогда и немногия еще медицинския книги, а особливо *Семиотику*, и стал по признакам добираться, какая бы то болезнь во мне начиналась. Но каким изумлением и страхом поразился я, когда по всем описанным приметам за безсомненное почти находил, что у меня началась *плёрезия* и что болезнь сия такая, которою шутить никак не можно, но что в случае запущения может она сделаться самою опасною и лишить даже иногда самой жизни. Боже мой, как я трухнул и испужался, о сем узнавши! Итак, не долго думая, давай, давай скорее искать в других книгах, чем ее лечить и чем себе помогать в таких случаях; и как находил, что надобно спешить кинуть скорее кровь и повторять кидание оной, покуда не будет более белого на крови гноя, то сие еще пуще меня встревожило, ибо крови я не пускивал еще отроду, да и некому было пускать. «Господи, – говорил я, – что же мне делать и чем помогать? Поищу, не употребляются ли какия травы от того?» и не успел найти и то, и обрадуясь, что все упоминаемыя у меня в заготовлении были, как ну-ка я их пить, ну-ка ими лечиться, ну-ка скорее болезнь захватывать. Но как я тщательно о том ни старался, но со всем тем несколько дней находился в превеликой опасности и насилу-насилу, при помощи Господней, кое-как болезнь сию поостановил, и от прилежнаго питья, к великому обрадованию всех моих домашних, получил себе облегчение. Со всем тем во всю Страстную неделю не смел я никак показаться на воздух и крайне был доволен тем, что к самому дню Пасхи мне так уже полегчело, что я отважился и мог уже быть у заутрени и у обедни.

Сим окончу я сие мое письмо, поелику оно достигло до обыкновенных своих пределов, и скажу, что я есмь ваш и прочее[1].

(Генваря 7-го дня 1809 года).

[1] В подлиннике карандашом сделана виньетка: от. Никита стравливает гусей. – Прим. редакции «*Русской Старины*».

ПОСЕЩЕНИЕ КНЯЗЕМ КИЯСОВКИ

Письмо 180-е

Любезный приятель!

Лишь только настала Святая неделя, и я помянутым образом освободился от своей кратковременной, но опасной болезни, как сделалась у нас уже половодь и стала вскрываться весна. Преужасное множество грачей, налетевшее из мест дальних и поселившихся в обширной и неподалеку от дома моего находившейся березовой роще, предвозвестила нам оную. Но гости и пришельцы сии скоро мне карканьем своим так надоели, что я им и не рад был, и как они мне ни днем, ни ночью не давали покоя, то велел было я их уже и стрелять; но скоро увидел, что все старания мои о том были безуспешны, и что теряли мы только и порох и дробь по-пустому, и потому принужден был перестать и их оставить с покоем и дать волю им выводить своих детей и посещать друг друга, на деревьях, слетаясь целыми станицами, и власно как разговаривая между собою, сидючи вокруг какого-нибудь гнезда на деревьях.

Между тем производилось у меня начальное деревянное строение гошпиталя, и с таким поспешением и добрым успехом, что я надеялся вскоре увидеть его уже и готовым. Другие, напротив того, люди трудились над разбиранием нижняго каменнаго этажа стараго дома и очищанием получаемаго из него стараго кирпича и накладыванием онаго в стопы. И как онаго при сем разбирании очень много ломалось, то сей случай подал нам повод к употреблению, для сохранения в целости множайших кирпичей, особливаго способа, а именно: продалбливали внизу, у самых подошв стен, небольшия и такия только скважины, сквозь которыя можно б было просунуть концы бревен, на некоторое друг от друга разстояние, и по изготовлении оных, всовывали в них со внутренней стороны концы бревен, и подкатив под них чурки, схватив многими людьми за другой конец каждаго бревна, начинали каждое бревно качать сверху вниз дружно, отчего вся стена вдруг, наконец нашатавшись, упадала, и всею своею массою и плоскостью ударившись об землю, сама собою и без дальнаго раздробления и ломки кирпичей разсыпалась; чрез то не только сберегалось несравненно более кирпичей в целости, но и работа производилась скорее и с лучшим успехом. Как средство сие было мне до того совсем неизвестно, то призна-

юсь, что не мог им довольно налюбоваться и всякой раз с особливым удовольствием сматривал на упадающия с великим шумом и ударом стены.

При помощи сего удобнаго средства повалили мы и разобрали в немногие дни все стены, и все великолепие старинной громады исчезло и не осталось и следа бывшаго тут дома. Но как дошло дело до разбирания бута и самого фундамента, то удивился я, нашед, что оной вместо заливания, по обыкновению, известно, засыпыван был только простою землею, да и в самых стенах не нашли мы ни одной железной связи, а везде только были дубовыя: явное доказательство излишней уже бережливости или паче скупости прежняго строителя.

Как кирпича сего для назначаемаго впредь строения оказалось слишком мало и надлежало еще несколько сот тысяч прибавить новаго, то для делания онаго приисканы и наняты были в Москве самим князем уже кирпичники, и я всячески спешил приготовлением для делания оных кирпичных сараев, дабы не могло произойтить остановки. И сие доставило мне много трудов и хлопот. А как приисканы были и черепичники и ими отыскана удобная к тому глина, то построили мы и для них особой сарайчик, и как скоро время удобное к деланию их и кирпичей наступило, то и началась у нас сия работа, продолжавшаяся во все сие лето.

Между тем не позабыл я и садов тамошних, и не успела вскрыться весна, как принялся я за них и за возможнейшее поправление их и приведение в лучший порядок и состояние, а вместе с ними потрудился и над образованием вновь основанного подле управительскаго дома садика. И как в оном многаго еще не было посажено, то имел и с ним много хлопот и трудов, а не менее и над образованием цветников своих пред окнами дома, для усаждения которых зимовыми цветами, за недостатком оных тут, велел привезти из своей деревни все роды цветов, коих тут до того не было. Сии цветники удалось мне смастерить довольно порядочными, и как я до цветов был во всю жизнь мою охотником, а тогда даже превеликим, то и напичкал я их множеством всякаго рода цветов, и ими с особливым удовольствием занимался.

А дабы и на собственные свои сады взглянуть хотя вскользь, то по исправлении тут первых вешних дел урвался на самое короткое время и в свою деревню и там, что нужно было, распорядил и сколько мог успеть все нужное сделал.

По возвращении из дома принялся я опять за казенныя хлебопашенныя поля и за посев двух полей яровыми хлебами; и как они не все еще окопаны были рвами, то спешил я и сие дело кончить; также заблаговременно помышлять о приумножении всякаго рода средств, способных к удобрению оных.

Между тем не позабыл я и о своем *ботанизировании*, но с самаго наступления весны отыскивал везде: в садах, полях, лесах, лугах и в самых усадьбах – все новыя и мне еще не знакомыя травы и при помощи своей *ботанической* книги с ними познакомливался; и как я в том с особливым усердием трудился и занимался тем во все течение лета, то могу сказать, что сей год был для меня прямо ботаническим, и я познакомился в оной почти со всеми в наших местах самородно растущими врачебными травами. Все те же, которыя мне были уже знакомы, с самого начала весны заготовлял уже гораздо в множайшем количестве, дабы при продолжающемся ежедневном раздавании оных и лечении многих людей не было в них недостатка.

В сих разных занятиях и безпрерывных упражнениях и не видал я, как прошли оба первые весенние месяцы и наступил приятнейший май месяц. Но сколь мне ни было недосужно, но я находил время и к езде с домашними своими к тамошним соседям, из коих спознакомились и сдружились мы еще с некоторыми хорошими домами, как-то: с помянутым бароном *Соловьевым*, также с живущим неподалеку от него господином *Волковым*, Николаем Михайловичем, молодым, умным и в обращении любезным человеком, имевшим также великую охоту до садов. Наконец, с живущею в той же стороне генеральшею, Натальею Александровною *Олицовою*, дамою почтенною и любезною, которая не только при первом свидании нас обласкала, но даже полюбила, и можно сказать, что дом ея был из всего тамошняго соседства наилучшим и почтения достойнейшим, и по всему тому провели мы все время сие довольно весело.

Между тем наступало время, в которое князь обыкновенно всякой год езжал в Богородицкую волость. И как он положил неотменно ко мне заехать, и это было еще в первой раз, что я должен был его принимать и у себя угощать, то и делал я все нужныя к тому приуготовления. И как он меня о приезде своем с назначением дня предуведомил, то и поскакал я в Малино для принятия его, ибо ехал он не прямо из Москвы, а из своих деревень пробирался прямо на село Покровское и оттуда уже приехал в Малино, где я его и встретил, и оттуда препроводил его к себе в Киясовку и прямо

в свой дом, ибо инде пристать ему было негде. Признаюсь, что как было сие еще в первой раз, то была для меня, а того более для моих домашних превеликая коммиссия. Все мы не знали, как бы его лучше успокоить и угостить. С ним была превеликая свита и обоз, ибо, кроме самого его, находился с ним один из его сыновей, *Федор*, и внук *Калычев*, оба молодцы молодые, гордые и нелюдимые, и секретарь. Кроме великаго числа людей, находилось еще несколько казаков для конвоирования. Всех их надобно было уместить, всех успокоить и всех угостить. Но спасибо, князь был такой человек, которой не был слишком приморчив и в таких случаях взыскателен, да и не хотел, чтобы для него входил я в какия-либо дальния хлопоты и убытки.

Было уже перед самым вечером, как он приехал, но он успел осмотреть весь мой дом и на дворе все строения, и не мог довольно налюбоваться всем моим расположением и надивиться, как я успел в такое короткое время все то и так хорошо устроить; и осматривая сим образом, все сам назначал, где ему самому расположиться, где его детям и секретарю и где людям. Для себя избрал он нашу гостинную, и сказал, что для него сей комнаты будет довольно-предовольно. Для детей его назначил было я и хотел очистить свой кабинет, но он тотчас сказал: «И, это пустое! Они могут и с *Шебашевым* расположиться в вашей бане, такая хорошая, а люди мои с людьми вашими, а казаки у прикащика».

Кроме горячаго, которое тотчас по приезде его было подано, приготовлен был у нас уже ужин. Тут рекомендовал я ему своих хозяек, и он обошелся с ними так просто, так ласково и так благоприятно, что они очарованы были его обращением с ними и его душевно полюбили. За ужином посадил он их подле себя и не только сам все с удовольствием ел, но подчивал еще самих их кушаньями и всем прочим; словом, он нас всех пленил милостивым и дружелюбным своим обращением.

Наутрие пошли мы с ним все и все осматривать, и я имел удовольствие видеть, что он всем и всем был чрезвычайно доволен. Гошпиталь был уже почти совсем готов, а те комнаты, которыя назначены были для житья лекарю в оном, были уже совсем отделаны. «Вот это очень хорошо, – сказал князь, их увидев, – что вы поспешили. Я лекаря уже приискал и принял, и он скоро к вам приедет, и кажется, человек очень доброй и хороший и вы его полюбите». Потом ходили мы по садам и я ему показывал все и все, что я и для чего сделал, и он одобрил все совершенно. Потом смотрели мы

скотской двор; тут сказал он, что скоро приведут ко мне английских и голландских коров и что заведется тут добрая скотина. Оттуда прошли мы в кирпичные и черепичные сараи, в коих работа начала уже производиться, и осматривали оные. И князь и тут изъявил мне свое удовольствие.

Между тем приуготовляемо было все нужное к рыбной ловле в тамошнем большом пруде. У меня была уже, по его приказанию, куплена большая лодка и привезена из Каширы, а большой невод привез он с собою из своей деревни, на первой случай, и как нам сказали, что все было готово, то и прошли мы в рощу и велели запустить невод. Как невод был превеликой и захватил большую часть пруда, то притащили к нам такое множество рыбы, что я удивился, а старик князь почти прыгал от удовольствия, и признавался, что ему отроду не случалось еще видать вдруг такое множество наипрекраснейших рыб, ибо были по большей части все превеликие и добрые судаки, большие лещи и разныя другия добрыя породы. Он велел накласть ими целой ушат, и принеся с собою в хоромы и показывая их моим хозяйкам, сказал: «Вот, сударыни, кушайте на здоровье, а прикажите и для меня приготовить, я превеликой охотник есть рыбу».

Сим и подобным образом провели мы с ним весь тот день в безпрерывной почти ходьбе и в приятных разговорах. Я не преминул после обеда сводить его на то место, которое назначал я для замышляемаго новаго большого пруда, и как князю оно полюбилось, то и просил он меня запрудить оной в то же еще лето. Оттуда провел я его на пробныя свои пашенныя поля и разсказал ему весь план новаго распоряжения, и он любопытен был очень видеть успех от того, в котором он не сомневался. Ввечеру вздумали его дети с моими воспитанниками кататься на лодке по пруду, и мы, сидючи с князем на просторном каменном крыльце, сделанном из хором в мой цветник, ими любовались. При сем случае не преминул меня спросить князь, какие это мальчики живут со мною. Я сказал ему, что это дети некоторых родственников и друзей моих и живут при мне, чтоб чему-нибудь от меня научиться и что я учу их всему, что сам знаю. Князю сие чрезвычайно понравилось и он расхвалил меня за сие.

После сего сказал он мне: «Вижу, Андрей Тимофеевич, что вы, конечно, и до цветов охотники, такой у вас прекрасной цветник, и когда это вы успели все сие сделать?» – Есть тот грех, – сказал я князю, – охота пуще неволи». – «Это очень хорошо, – подхватил князь, – но есть ли у вас *спаржа*?» – спросил он далее. «Нету еще», – сказал я. «О! Так надобно вам и ее у себя

завесть; я отменно ее люблю, да и для вас хорошо. Не позабудьте взять у меня семян и на весну посейте. Я бы дал вам и кореньев, но от семян бывает она всегда лучше; а ежели отыщутся у меня высадки, то и ими вас снабжу».

Таким образом провели мы весь тот день с удовольствием, и он был мною и всем у меня, а я им доволен. А поутру в следующий день он и отправился от меня далее в путь свой на Каширу. Я проводил его до села Ситни и на дороге показал ему свою Александровскую, разрубленную на множество прошпектов рощу, и привел его сим неожидаемым зрелищем в приятное удивление. Я вручил ему тогда и план, приготовленной мною сей рощи и взятой с собою, и сие увеличило еще его удовольствие. По приезде же в небольшое село Ситню показал ему и там пруд, поправленной мною и все что и там мною было сделано, и князь, разставаясь, благодарил меня за все и все.

Проводив князя и возвратясь домой, чувствовал я ровно как камень сваленной с плеч моих и, отдохнув принялся опять за свои работы и упражнения. Мое первое тогда дело было, чтоб поспешить окончанием строения гошпиталя, ибо, по словам княжим, надлежало уже скоро приехать к нам и лекарю. Оной и действительно приехал вскоре после его отъезда и показался мне в самом деле очень добрым человеком. Был он человек еще не старой, однако и не молодой, а моих почти лет, родом немчин, из Германии, и именно из Бикенбурга, что лежит в ганноверских областях, и прозывался *Бентоном*, наши же русские окрестили или прозвали его *Филиппом Антоновичем*. Был он хотя выезжим, но находился уже более 10-ти лет в России и отправлял целых 10 лет в арбатской аптеке должность провизора или главнаго гезеля, а потом учился врачебному искусству в Главном московском гошпитале, где и сделан уже лекарем и потом князю за отличную свою прилежность и искусство рекомендован и выпущен.

Как я вообще всех иностранцев как-то люблю и к ним отменно благосклонен, то рад я был, что нажил в нем себе всегдашняго собеседника-немца, с которым мог я всякое день говорить на его природном и мною любимом языке. И как я нашел в нем человека не только с хорошими во всем сведениями и очень знающего, но с честными правилами и характера весьма добраго, то скоро полюбили мы друг друга и в немногие дни сцепились с ним самым тесным узлом дружества, продолжавшагося даже до его смерти. Весьма много споспешествовало к тому и то, что как он был человек холостой и одинокой, имел достаток очень малой или вовсе ника-

кого и ничем тогда не обзаводился, то пригласили мы его к своему столу и убедили просьбою, чтоб ходил он к нам всякой день обедать и ужинать, уверив его, что нам не произойдет от того ни малейшаго отягощения, а вместо того та выгода и польза, что мы будем его всякой день видеть и пользоваться его собеседованием, чему он с своей стороны и рад был, и будучи весьма совестным и добрым человеком и вознаградил нам то примерною своею услужливостью.

Таким образом, к превеликому удовольствию нашему, нажили мы себе, так сказать, почти домового лекаря, а что всего лучше, знающаго свое ремесло совершенно, весьма к нам приверженнаго и услужливаго, чему вскоре и имел он случай оказать первые свои весьма удачные опыты. Все мы сделались чрез самое короткое время им очень довольны, а я всех больше, и более потому, что во все то время, покуда оканчивали мы строение гошпиталя и сделали его удобным к приниманию в него своих и посторонних больных, в чем много помогал и он уже с своей стороны и советами своими и самым смотрением, то он, не имея еще многаго дела, большую часть времени своего провождал у меня, и мы с ним вместе занимались и ботаникою, и заготовлением трав, и самым приуготовлением лекарств из оных. И как в сем последнем пункте был он несравненно искуснее меня, поелику сам целых 10 лет отправлял аптекарскую должность, то и воспользовался я от него многими относящимися до фармакопеи и самой медицины знаниями. А особливо рад я был, что он научил меня делать бумажные картузы и набивать их крошеными сушеными травами.

Не успел я сего искусства узнать, как тотчас был сделан станок и наделано множество картузов. И как я во всех таких любопытных делах очень скор и нетерпелив, то тотчас и пошли у меня дальнейшия затеи, и мне восхотелось уже иметь особой и большой шкаф, установленной сплошными картузами с набитыми в них разными травами, и с передней стороны украшенными разрисовкою и крупными надписями; что, к удовольствию моему, и произвел я в короткое время и смастерил у себя такой шкаф со врачебными травами, какого верно ни у кого иного не было и которым я не мог довольно налюбоваться; а вскоре имел удовольствие слышать, что и первые опыты искусства сего нашего лекаря были весьма удачны, и он искусством своим в короткое время так прославился, что все соседи его полюбили и начали при болезнях своих воспринимать к нему свое прибежище, чем всем и я был весьма доволен.

Между всем сим и вскоре после отъезда князя урвался я опять на часок в свою деревню, поездил в сей раз уже один и без жены, поелику она была в сие время опять беременна и в скором времени ожидала уже и разрешения от своего бремени. В деревне пробыл я не более одних суток, ибо мне одному было очень скучно, почему и спешил я скорее возвратиться к своему семейству и к работам.

Из сих наиглавнейше озабочивали и занимали меня производимыя при запрудке новаго пруда, основанного на той же речке, с полверсты выше села самого. Как грунт земли в том месте и самая почва была не весьма надежна, чтоб вода не ушла у меня низом, то по совету того ж, особенно ко мне приверженнаго солдата, случившагося быть родом из Сибири и много кой-чего знающаго, вздумал я употребить особое средство к укреплению плотины. Я велел вырыть чрез всю ширину того лога глубокой ров, шириною в три аршина, и вставил в него срубленный плотно кзикзаком косоруб, забить опять весь ров и с верхней и нижней стороны крепко глиною, и потом возвышать оной косоруб внутри плотины до самаго верха. Плотину же сделал толстую с отлогою внутрь пруда осыпью и совсем глухую; для стока же воды всегдашней, и дождевой и половодной, сделал в боку в матером береге предлинный отвод, или широкий, плоский ватерпасно-горизонтальный ров, и устлал и дно и бока его дерном, и имел к осени удовольствие видеть его наполненным водою и сделавшимся весьма длинным и прекрасным.

Между тем нечувствительно кончился май и настал июнь месяц, котораго в самом начале, а именно 3-го числа и обрадован я был благополучным разрешением жены моей от бремени. Всемогущему угодно было одарить меня и в сей раз не сыном, а еще дочерью, но я столько же ей рад был, как и сыну. Мы назвали ее *Ольгою* и тотчас, по обыкновению, известили о том всех наших родных и приятелей.

Радостное сие происшествие доставило нам тем более удовольствия, что не только наши родные из-за Оки-реки, но и все тутошние соседи не успели узнать о том, как по любви своей к нам и сами собою начали приезжать к жене моей на родины, с обыкновенными своими поздравлениями. Итак, начались у нас с ними опять ежедневныя почти свидания, пиры и празднествы. Но никто нас в сем случае так не одолжила, как помянутая уже прежде мною госпожа генеральша *Олицова*. Она приехала почти первая к нам с поздравлением и удивила нас своим неожидаемым приез-

дом, поелику мы к ней из почтения никак и не посылали с обыкновенным извещением. Причиною тому было то, что она почитала себя мне крайне обязанною за одну услугу, оказанную ей мною при одном нужном случае; а именно, за несколько до того времени и прежде еще приезда нашего лекаря, случилось ей вдруг и жестоко занемочь, и как лекаря нигде и никакого вблизи не находилось, а в Москву посылать было далеко и не терпело время, а слух о ботаническом моем знании и успешных лечениях повсюду распространился, то она, наслышавшись обо всем том, велела скакать ко мне скорей человеку и умоляла меня Христом и Богом, чтоб я к ней приехал и посмотрел, не могу ли я чем пособить ей.

Для меня было сие сущею неожидаемостью и первым еще случаем сего рода. Был я еще тогда весьма худым знатоком и вспомогателем, и потому не знал что делать, и ехать ли к ней или отказаться. Но как, по счастию, в письме написанном ко мне, по ее приказанию, описана была в подробности ее болезнь, и я, схватив свою *Семиотику*, мог по ней скоро добраться и наверное почти заключить, какого рода была ее болезнь, а потом справясь с другими книгами о том, что́ и что́ в таких случаях помогает, и узнав, что нужныя к тому и травы и коренья у меня в заготовлении находились, то из единаго человеколюбия и наудачу, снабдив себя всем к тому потребным, в тот же час, запрегши карету, к ней и полетел. Я нашел ее лежащею в постели и стенящую от боли в правом боку; и не могу изобразить, как много обрадована она была скорым моим приездом и как много благодарила меня за то. Но удовольствие ея сделалось еще несравненно больше, когда, против всякаго чаяния, посчастливилось мне кое-какими припарками и декоктами не только облегчить чувствуемую ею почти нестерпимую боль, но в самое короткое время возстановить до того ее здоровье, что она, сидючи уже в постели и не чувствуя никакой боли, отпустила меня от себя отъезжающаго, говоря, что я обязал ее тем наичувствительнейшим образом. А сие-то самое и побудило тогда ея прежде всех к нам приехать.

Не успели все тутошние наши соседи и ближние наши родные из-за реки у нас перебывать, как приехала наконец и тетка *Матрена Васильевна*, бывшая до того всех моих детей восприемницею от купели; и тогда не стали мы уже долее медлить, но окрестили сию девчонку. И как прежняго моего кума и друга, г-на *Полонскаго*, не случилось тогда быть в деревне, то возымели мы прибежище к приятелю нашему, Василию Федоровичу *Шушерину* и просили его быть дочери моей отцом крестным, от чего он, по

любви своей и дружбе к нам, и не отказался. Крестины сии отправили мы почти запросто, ибо неимение в доме моем просторной и такой комнаты, где бы можно было накормить всех наших тамошних соседей, воспрепятствовало нам пригласить их всех к сему празднеству.

Не успело оно кончиться, и все приезжавшие к нам, по сему случаю, гости разъехаться, как обрадован я был опять получением толстаго пакета из Экономическаго общества. Прислана была от оного в сей раз XXV часть «Трудов» его, но по переменившемуся у них уставу уже без переплета. Г-н *Нартов* при посылке онаго не преминул опять удостоить меня своим и прямо дружеским писанием. В оном, побуждая меня опять всячески к частой с собою переписке, уведомлял меня, что присланное от меня продолжение сочинения моего «О хмелеводстве» отдано, по обыкновению, в комитет для разсмотрения, а потом сообщал мне замечания свои о некоторых пиесах, находившихся в сей части; выхвалял усердие г-на *Рычкова*, за изобретение способа употреблять говяжьи и бараньи кожи в пищу; также иностраннаго изобретателя способа сушения поваренных трав, говоря, что пиеса его о том принята во всей Европе между знатоками с великою похвалою, и он получил за сие от многих государей золотыя медали, хотя в самом деле обе сии выхваляемыя им выдумки ничего почти не значили, и ничего из них впоследствии времени не вышло, и они совсем позабыты. Засим превозносил он похвалами г-на пастора *Шпраха*, приобретшаго себе безсмертную похвалу за нововыдуманное им особаго рода пчеловодство, сказывая при том, что для обучения оному по именному указу отправлены были к нему от Экономическаго общества два студента, кои совершенно тому научились и к нам с желаемым плодом возвратятся. Сия выдумка и пиеса о том действительно заслуживала особое внимание; но, к несчастию, не произвело и оно никакой пользы, и пчеловодство осталось у нас в таком же состоянии, в каком до того было. Да и действительно вся сия славная выдумка была более любопытна, нежели удобопроизводима. Наконец уведомлял меня, что Общество наше заслужило стараниями своими славу во всем ученом свете и что употребляет оно все, что может к поспешествованию общей пользе и что остается только господам дворянам подражать им, и надлежащим образом соответствовать и выбирать из сообщаемых новых открытий для себя угодное; но, к крайнему сожалению, видит Общество мало к тому охотников; что присылают к ним очень редкие опыты, а верных и лучших корреспондентов только трое, а именно: я, г-н *Рычков* и г-н

Олешев, и что государство у нас пространное, а знатоков и охотников мало; и потом убеждал он меня просьбою продолжать мои труды и сочинения и быть всегда примером прочим, и тем заключил свое писание.

Прочитав сие, подумал и сказал я сам себе: «Ах, государи, государи мои, не так вы все свое дело начали, не так расположили, не так его производите и не употребляете сами никаких существительных побудительных средств к доставлению вам со всех сторон нужных открытий и замечаний и к поощрению дворян уважать ваше Общество и трудиться для пользы отечества! Что могут сделать и произвесть ваши раздаваемые и обещаваемыя медали, когда они, не доставляя никому ни малейшей чести и отличия, становятся чрез то ничего не значащими. А что всего хуже, когда обо всем том и обо всех ваших трудах и стараниях знает только разве *стотысячная* часть из обитателей России, а множайшие об вас и обо всем и не слыхивали или, по крайней мере, на имеют и понятия малейшаго! Не так-то бы всему быть надлежало!.. И что могу один я произвесть, когда и мои замечания и писания читают только очень-очень немногие. Трудиться бы и впредь я хотя б и готов был, но было бы на что и за что, а не совсем по-пустому!.. Кажется, и до сего трудов моих и усердия к пользе общественной было весьма уже довольно, но что я видел? И получил ли за все то хотя малейшую какую награду? Не от вас, а от правительства, и не вам собственно, а ему бы чрез вас надлежало меня чем-нибудь повеселить и поострить чем-нибудь существеннейшим, нежели ваши медали, к продолжению трудов моих».

Сим и подобным сему образом помышляя и сам с собою говоря, действительно ощущал я в себе очень мало поощрения к дальнейшим подвигам по сему предмету, а особливо напоминая, что множество других сущих негодяев и не пользу, а сущий вред государству производящих людей от правительства почестьми и всякаго рода другими выгодами ни за что ни про что награждаются, а подобные мне оставляются без всякаго призора и в неуважении совершенном.

Итак, написав к *Нартову* короткий ответ и послав в Общество достальную часть примечаний моих «О хмелеводстве» с прекрасными чертежами, обратился я к прежним своим любимейшим и более меня увеселяющим упражнениям; и как в них, так и в делах по должности провел нечувствительно и весь июнь месяц. Нередкия свидания с соседями, обращающимися со мною от часу дружелюбнее, разныя домашния забавы и катание в большой своей лодке по пруду, и стреляние с ней из маленьких

пушечек, гулянье по садам и рощам придавали времени сему много приятности. В особливости же утешала меня в конце сего месяца по вечерам особенная забава, а именно: принесли ко мне однажды из леса несколько тех, на подобие гнилушек, светящихся козявок, которыя находимы бывают около Иванова дня в лесах на траве и на листьях кустов разных. Мне не случалось до того никогда еще видать сих нарочито крупных и на мокрицы похожих животных, и я, смотря на светящияся их спинки, не мог довольно налюбоваться, и они мне так полюбились, что я тотчас затеял произвести сущую увеселительную резвость; а именно: услышав, что их в лесу много, отправил я в лес множество людей и ребятишек, и велел им набрать их колико можно более и принесть к себе живыми. Мне и принесли их целую почти шляпу. Но что ж я с ними сделал?.. Ну я ими укладывать все стриженыя дернинки, которыми укладены были все фигуры и косицы в цветнике моем; и как животныя сии в сие время бывают почти недвижимы, а потому и остались они на тех местах, где полагались, то какое же преузорочное зрелище придал я чрез то цветнику моему! Как скоро наставали сумерки, то весь он и начинал блестеть тысячами огней синеватых, светящихся как бриллианты, и мы все, выходя на крыльцо или сидя под окнами, не могли никогда тем довольно налюбоваться и неведомо как жалели о том, что забава сия продлилась недолго и немногие только дни. Ибо натура опять скоро их сияния сего лишала, и они по-прежнему становились скаредными и отвратительной вид имеющими. Вот какими и прямо ребяческими почти игрушками мы, иногда занимаясь, себя забавляли. Но скоро после того иной и важнейший предмет обратил к себе все наши мысли и желания и возродил (в) нас вожделение ехать со всем своим семейством в Москву. Но что́ такое, о сем узнаете вы не теперь, а в письме последующем; а теперешнее, как достигшее уже до своих обыкновенных пределов, а с ним и все сие 17-е собрание моих писем кончу, сказав вам, что я есмь ваш и прочая.

(Генваря 8-го дня 1809 года).

Конец
семнадцатой части
(Сочинена в конце 1808 и в начале 1809, в 13 дней и переписана в октябре и ноябре месяце 1810 года).

ЧАСТЬ XVIII

(Сочинена в начале 1809 года в Дворянинове).

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В КИЯСОВКЕ, А ПОТОМ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО В БОГОРОДИЦКЕ 1775–1777

ПРАЗДНОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА С ТУРКАМИ

Письмо 181-е

Любезный приятель!

Не сомневаясь нимало, что вы любопытны знать, чтоб такое заставило нас думать о Москве и езде в оную, скажу, что побуждал нас к тому носившийся повсюду слух о имеющем быть вскоре в Москве великолепном торжестве о заключении с турками мира[1]. Говорили, что празднество сие будет пышное, и что сделаны к тому великия приуготовления и, между

[1] По этому миру в Кучук-Кайнарджи (1774) Россия получила «прежние завоевания Петра», побережье Азовского моря, а также земли между Днепром и Бугом. Были и новые приобретения – порт Керчь и Еникале. Крым становился независимым от Турции. На территории Казацкой Новослобожанщины, Славяно-Сербии, пограничной Украины вплоть до Кубани раскинулось Новороссийское наместничество. Здесь под началом правителя Новороссии, всесильного фаворита Екатерины Григория Потемкина развернулось бурное строительство. Стали возникать новые города – Мариуполь, Мелитополь, Александровск, Ставрополь, Екатеринодар, Георгиевск. Быстро отстраивался Таганрог, становясь крупнейшим портом Юга. Напротив турецкого Очакова была возведена русская крепость Кинбурн. Мир Кучук-Кайнарджийский означал, что бывшее Русское море возвращало себе свое старое предназначение – быть южным окном Руси в Европу. Россия получила право покровительства турецким христианам, торговые выгоды и большую контрибуцию.

прочим, большой и преузорочный фейерверк, и что все уже было готово, а дожидались только прибытия из армии фельдмаршала графа *Румянцева*. Далее говорили, что самому сему победителю турок учинена будет славная встреча, и что въедет он в столицу по примеру древних римских полководцев в триумфе, и что построены уже для сего и триумфальныя ворота. Все сие натурально возбуждало всех, не видавших таковых зрелищ, ехать и поспешать к сему времени в Москву. А как к числу их принадлежали и обе мои семьянинки, которым никогда еще в жизни не случалось видать таких пышных празднеств, а особливо фейерверков, и им весьма хотелось оной видеть, то просили они меня, чтоб я свозил их на сие время в Москву и доставил им сие удовольствие; к чему я тем охотнее согласился, что мне и самому хотелось торжество сие видеть.

Итак, списавшись с князем и получив от него дозволение, собрались мы на несколько дней и отправились в Москву, оставив маленьких детей своих одних дома. Мы поспешили возможнейшим образом сею ездою, дабы не упустить случая видеть и самый въезд графа *Румянцева* в сию столицу, и поспели благовременно и не более как за полчаса до его приезда. Подъезжая к самой Москве, мы растеряли глаза, смотря на сделанныя уже и по обе стороны большой дороги, на довольное разстояние друг от друга, воздвигнутыя небольшия пирамиды, украшенныя вверху картинами, изображающими разныя победы сего славнаго полководца. Все сии картины были транспарантныя или прозрачныя, дабы, в случае прибытия его в ночное время, могли они освещены быть огнем. Однако до сего не дошло дело, потому что приехал он вскоре после полудня. Пирамиды сии украшали дорогу на несколько верст длиною, и по концам всех их в последнем к Москве селении, *Котлах*, при самом съезде под гору, построены были небольшия деревянныя и, по обыкновению, раскрашенныя и расписанныя триумфальныя ворота.

Как сие место было наиудобнейшее для смотрения въезда и подле самых ворот находился дом, нам знакомый, то остановились мы в оном и рады были, что подоспели к самому тому времени, как ему надлежало въезжать, и прибытия его уже в каждую минуту дожидались. Но как я удивился, когда, надеясь найтить тут обыкновенные в таких случаях приуготовления, не усматривал вовсе никаких. Не было тут ни войск, стоящих в параде, ни пушек для стрельбы, ни музыки, ни певчих, ни чиновников,

долженствующих встречать онаго, но ворота стояли уединенно, и не было никого ни в них, ни подле оных.

«Господи! – говорил я. – Что ж это? Разве не успели еще притти сюда?» Но удивление мое еще увеличилось, когда вдруг закричали, что «едет, едет *Румянцев*!» и мы, вместо всего триумфальнаго въезда, увидели скачущую только дорожную карету и пролетевшую мимо нас, как молния, а что всего страннее, не поехавшую и сквозь самыя триумфальныя ворота, а объехавшую оныя по правую сторону мимо.– «Вот тебе на! – воскликнул тогда я, поразившись удивлением. – Что это такое? Это и первый блин, но уже комом, и зачем же мы сломя голову так скакали и спешили?..»

Но скоро сказали нам, что императрица и хотела было велеть встретить его со всеми подобающими ему почестями; но он сам отклонил сие от себя и просил государыню, чтоб не делано было ему никакой церемониальной встречи, а дозволено б было въехать запросто и по-дорожному.

Досадно было нам неведомо как, что мы, не зная о сем, поспешили своею ездою и приехали в Москву слишком рано, ибо все говорили, что самое торжество мира воспоследует не прежде как чрез несколько еще дней. Но как пособить было нечем и мы уже заехали, то принуждены были и мы вслед за г. *Румянцевым* потащиться в город, не воображая себе нимало, что в Москве дожидалась нас другая, и несравненно чувствительнейшая, досада и огорчение.

Мы располагались было пристать в сей раз на Козьем болоте, в доме брата *Михаилы Матвеевича*; но как нашли его отданным внаймы, с оставлением одной только маленькой комнатки для приезда хозяев, то увидев, что нам всем тут не можно было никак поместиться, а притом узнав, что доведется нам прожить в Москве гораздо более 10-ти дней, то другого средства не находили, как для лучшаго простора и свободы пристать где-нибудь поближе к сему месту, нанять квартиру, которую, к немалому удовольствию нашему, и нашли мы тут же, и только чрез улицу, и довольно покойную. Был хотя домик небольшой и низенький, окнами на улицу, но было в нем покойца четыре, довольно просторных и порядочно прибранных, чем мы были и довольны и радовались, что случилось нам найти квартиру сию так скоро и такую для себя покойную и недорогую. Но как мало знали мы тогда, сколь дорого доведется нам заплатить за постой в сем какому-то секретарю принадлежащем домике!

Не успели мы в оном расположиться, как на другой же день услышали, что чрез день после того будет уже благодарственное о замирении молебствие и что императрица в сей день, переехав в Дворец кремлевской, будет со всею помпою из Грановитой палаты шествовать во всем своем императорском одеянии и убранстве в собор Успенский. Сие побудило меня, нимало не медля, ехать в Кремль для приискания места, с котораго нам бы смотреть на сие редкое и пышное шествие. Прискакав на Ивановскую площадь, нашел я ее наполненною множеством народа, сбежавшимся смотреть, как станут прицепливать на Ивановской колокольне самый большой, недавно только отлитый и до несколько тысяч пуд весом простирающийся колокол. Оный стоял уже тогда поднятый на превысоком костре, сгороженном из нескольких тысяч крест-накрест рядами положенных бревен. И я с любопытством смотрел на сие никогда еще не виданное зрелище. Помянутыя бревна кладены были сплошными друг на друга рядами, и все между собою связаны и укреплены были так, что, несмотря на превеликую высоту сей стопы, или костра, составленной из них, не могли они разсыпаться и развалиться. Каким образом они на блоках колокол с земли кверху тащили и сии ряды бревен под него подкладывали – того я уже не видал; ибо сие сделано было до моего приезда в Москву. А я увидел его уже при помощи сих бревен возвышеннаго на равную пропорцию с тем местом на нижней колокольне, где ему висеть назначено и куда он уже горизонтально народом и воротами стащен был с костра и там к перекладам прицеплен и прикреплен, что все стоило превеликаго труда и многаго времени; и мне досадно было, что короткость времени не дозволяла мне дождаться сего зрелища и видеть самое производство сего редкого дела, а я увидел в последующий день, в который назначено было в первый раз в него звонить, его уже привешанным. Главное же мое дело было нанять для себя и для всех своих домашних место, для стояния в будущее торжество, где-нибудь на сделанных в разных местах помостах; и как мне удалось найтить весьма хорошее, подле самой Ивановской колокольни и насупротив Грановитой палаты, то и спешил я предуведомить о том своих спутниц.

Итак, по наступлении дня, назначеннаго для богомолия и духовнаго празднества, поехали мы раным-ранехонько на Ивановскую площадь. Но как мы ни спешили, но нашли всю ее наполненную уже несметным множеством народа. Все улицы в Кремле установлены были войсками, а подле

самой колокольни стояло несколько вестовых пушек. По всему пространству от Краснаго главнаго крыльца до дверей Успенскаго собора сделан был помост, огражденный парапетом и устланный сукном красным, а все стены соборов и других зданий окружены были, наподобие амфитеатра, подмостками, одни других возвышеннейшими, и все они установлены были безчисленным множеством благородных и лучших зрителей; так что множество оных, богатство и пестрота одежд их представляла в совокуплении своем разительное и прелестное для глаз позорище.

Но ничто не могло сравниться с тем прекрасным зрелищем, которое представилось нам при схождении императрицы с Краснаго крыльца вниз, в полном ея императорском одеянии и во всем блеске и сиянии ея славы. Весь придворной ея штат в богатейших одеяниях последовал за оною, а перед нею шествовали разные чиновники и кавалергарды в их пышном и великолепном убранстве.

По сошествии вниз, тотчас подошла она под приготовленной богатой балдахин, несомой над нею знатными вельможами. Шла она весьма тихим шествием в порфире и большой короне, и глаза всех и каждого устремлены были на оную. В самое сие время застонала вся земля от звука и звона великаго множества колоколов на Ивановской колокольне, и звук большого колокола был так велик, что казалось, будто тряслась от него вся Ивановская башня, и многие боялись даже, чтобы она не упала. Все сие, в совокуплении своем, представляло сцену такой пышности и приятности, что изобразить ее никак не можно, и минуты сии были для всех нас прямо восхитительными!

Как скоро окончилась Божественная литургия и после ея благодарственной молебен, то при первом возглашении многолетия загремела вдруг стрельба из пушек, и земля застонала от оной. Вслед засим загорелся и трикратный, беглый огонь из ружей от всего стоявшаго в параде войска; а звон во все многочисленные колокола умножал собою еще более стон и гром, от того происходящий. Между тем *императрица*, вышед из церкви, таким же порядком шествовала обратно в Грановитую палату и там принимала потом поздравления от всех своих знатнейших подданных.

Долго все сие продолжалось, и мы все сие время стояли на своих местах и дожидались до того, как *императрица* отправилась в парадной своей карете в Пречистенской дворец, а вслед за нею поехал и тогдашний наследник, сын ея, с молодою своею супругою, *Натальею Алексеевною*,

которую нам тогда еще в первой раз случилось видеть. Как в сем шествии препровождаемы они были своими кавалергардами, камергерами и другими знатнейшими особами верхами на лошадях, то и на все оное не могли мы довольно насмотреться и всем видимым налюбоваться.

Насытив взоры свои зрением, а слухи всем слышанным, возвратились мы на свою квартиру, и сколько были довольны тем, столько горевали о том, что приуготовления для увеселительных зрелищ не были еще совсем готовы и что всего того надлежало нам дожидаться еще многие дни сряду. И как было сие необходимо, то все сие время употребили мы на разъезды для свидания с нашими в Москве знакомыми и друзьями, также на неоднократную езду на *Ходынку*, для смотрения на все деланныя там ко всенародному празднеству приуготовления. Вся Москва занималась тогда сим осматриванием, и мы всегда съезжались со множеством карет, либо туда едущих, либо назад возвращающихся оттуда.

Назначалось к тому преобширное поле, вплоть подле Москвы находящееся и *Ходынкою* называемое. На небольшом и отлогом возвышении, посреди всего сего поля находящагося, воздвигнут был превеликий, со множеством комнат и всходов и выходов павильон, могущий поместить в себе великое множество особ знаменитейших и дворянства. В оном назначаемо было быть общему собранию всех лучших сего торжества зрителей. Сей холм окружен был со всех сторон разными другими зданиями и предметами. С одной стороны, в недальнем разстоянии от павильона, воздвигнуто было некакое большое, круглое, низенькое здание, похожее на некакий обширный замок, с глухими вокруг стенами, и внутри имевшее отверстую площадку, окруженную вокруг с одной стороны помянутою глухою наружною стеною, а со внутренней – одними только колоннами, и самою легкою, наподобие навеса сверх их, кровлею. Все сие было раскрашено и расписано великолепным образом; но никто тогда не знал, на что бы такое сие здание такого особаго рода назначалось, но после узнали мы, что оное назначаемо было для обеденнаго стола и что вся помянутая, длинная и узкая кругом галерея установится столами.

Кроме сего, наподобие крепости снаружи росписаннаго круглаго здания, воздвигнуто было другое, также низенькое, но полуокруглое здание, составленное из множества прекрасно сделанных лавочек, наполненных разными купеческими товарами и украшенных также изящным образом. Здание сие отделено было от леваго фаса главнаго павильона небольшою

только площадкою, и для выхода к оному устроено было особое крыльцо. Все не понимали тогда, на что б такое и сие здание, с таким множеством лавок и товаров, было устроено, и многие мечтали уже, что императрица будет одарять сими товарами всех своих гостей или присутствующих на сем торжестве дворян; и разнесшаяся о том в народе молва побуждала и тех присутствовать при оном, которые сперва и не имели к тому хотения. Но после узнали, что как все сие обширное поле долженствовало аллегорически изображать ту маленькую и ничего не значащую частичку полуострова *Крыма*, которую приобрели мы чрез заключение мира и которая была единственным плодом толь многих побед и пролитой толь многой человеческой крови, то окружающая сей холм с двух прочих сторон низменная и надолбами[1] от сего холма отделенная равнина должна была представлять часть Азовскаго моря, а холм – приобретенную частичку полуострова Крыма, большой павильон – город Еникуль[2], круглое здание – крепость *Керчь*, а полукруглое – *Таганрог*, как место, назначаемое для будущей великой торговли. Как и самые товары в лавках долженствовали предзнаменовать сию торговлю, всходствие чего и поделано было несколько небольших морских судов и разстановлены с их мачтами и флагами в разных местах на оной равнине, представляющей море, будто бы плавающими, в разсуждении которой не мог я надивиться, что не пришло никому в мысль предложить, чтоб велеть всю ее вспахать или с ее снять зеленый дерн и тем придать более вида воды и моря, а холм оставить бы зеленой.

Далее, в некотором отдалении от главнаго павильона, против праваго его фаса, воздвигнут был целый ряд друг от друга отделенных зданий совсем особаго рода. Со стороны от большого павильона представляли они совершенное подобие больших купеческих трехмачтовых кораблей с их мачтами, вымпелами, флагами и со всем такелажем[3]; и все сие устроено было так искусно, что зрение легко могло обманываться и почесть их настоящими, будто подле берега на море стоящими кораблями. С задней же стороны были они все отверстые и всею внутренностью своею составляли спокойные галереи, устроенные для смотрения из них огромнаго фейерверка, устроеннаго и приуготовляемаго позади их.

[1] Надолба (от «надалбливать», «долбить») – столбик, тумба.

[2] Эникале.

[3] Такелаж (искаженное «кателаж») – снасти, снаряжение корабля.

Кроме сего, воздвигнут был также в довольном отдалении от главнаго павильона, против задней его стороны, особый и нарочно для сего случая построенный театр для увеселения публики театральным безденежным представлением. Для увеселения же подлаго народа поделано было прямо против передняго фаса павильона, за помянутою равниною, представляющею море, множество круглых качелей, открытых театров и воздвигнутых шестов для лазания и снимания с них разных вещей, назначенных в награду тем, коим удастся взлезть на оные. Сделаны также были приуготовления к тому, чтоб эквилибристам ходить по веревкам и утешать народ и прочия тому подобныя забавы. Все сии отдаленные берега долженствовали означать *Барабинскую* степь и разные тамошние народы.

Наконец, вся лежащая от города до помянутаго павильона и более нежели на версту простиравшаяся выровненная и выглаженная дорога украшена была с одного бока разными иллюминационными украшениями, а с другого – множеством больших обрезных щитов, с проспективическими изображениями разных родов избушек, хижин и других деревенских зданий, нарисованных довольно живо и так, что издали они казались настоящими зданиями.

Вот сколько разных вещей и предметов наделано было на сем обширном поле. Все они достойны были зрения; почему и не удивительно что вся Москва съезжалась смотреть оные и что не было дня, в который не было бы оно усеяно множеством карет и всякаго народа. Со всем тем как фейерверк был еще не готов и надлежало несколько дней до изготовления его дожидаться, то теще моей не восхотелось дожидаться онаго, но она упросила нас отпустить ее с излишними лошадьми назад в Киясовку к оставшимся там нашим малюткам детям.

Не успела она отъехать, как вскоре после ее и случилось с нами то досадное и неприятное происшествие, о котором упоминал я вскользь уже выше сего. Было сие, как теперь помню, на самой Ильин день. Для сего праздника восхотелось боярыням нашим, по обыкновенной набожности своей, сходить в ближнюю церковь к обедне. Все мы туда и пошли, оставив после себя в квартире одних только бывших с нами женщин, приказав им сидеть в комнатах; а особливо девке жены моей не выходить из нашей спальни, из которой низенькия окошки простирались на улицу. Не успели мы, отслушав обедню, возвратиться назад, и жена моя начать раздеваться, как вознадобился ей для какой-то поклажи умывальной ея ларчик. Она

велела его девке подать, но хвать – его как не бывало! Искать его там, искать инде и нигде не находила. Стоял он в спальне, на поставленном в углу большом столе, но его не было. «Батюшки мои! – твердила *Аннушка* наша. – Куда же он делся, стоял вот тут! Я недавно на него смотрела: и не знаю, не ведаю, куда он девался?» – «Государи мои!» – твердили прочия, и все начали его всюду и всюду искать; но его простыл давно уже и след. Словом, он благополучно был у нас, по небрежению госпожи *Аннушки*, горничной нашей девушки, украден. День случился тогда жаркой, сидеть ей в спальне было душно. Она изволила растворить окошечко на улицу и усесться сидеть перед оным и галиться на народ, мимо ходящий. Но вдруг захотелось ей выттить на двор; она прыг-таки туда, позабыв затворить окно, и в самое сие кратковременное ее отсутствие где ни возьмись какой-то бездельник прохожий; и как окошко было не выше аршина от земли, то он, приметив, что в комнате никого не было, и заглянул в нее и, увидев стоявший неподалеку от окошка на столе оной ларчик, не долго думая, цап его царап и навострил с ним лыжи. К несчастию нашему, никто сего не видал и не приметил. Самая умница, девушка наша, возвратившаяся в тот же почти час, и не подумала поглядеть, цело ли все в комнате, и уселась опять под окошечко галиться на прохожих, и не прежде ларчика встряхнулась, как велели ей подавать его.

Как скоро по долговременном и тщетном искании в действительной пропаже онаго мы удостоверились, и по признании девки, что она на несколько минут из спальни отлучалась, позабыв закрыть окошко, наверное могли заключать, что он тяпнут был каким-нибудь прохожим, то, Господи, какое началось тогда туженье и гореванье об нем жены моей; но и было о чем тужить и горевать. Ларчик сам по себе хотя и ничего не значил, но в нем, кроме обыкновенных скляночек и других женских безделушек, находились разныя и другия вещицы, не составляющия безделки. Одних кое-каких алмазных и бриллиантовых вещей было более нежели на 300 рублей, а полагая вместе с прочими, было всего рублей на 500 или более.

Претерпение такого убытка, и притом столь внезапное и неожидаемое, долженствовало натурально быть для жены моей очень прискорбно и чувствительно, и она, по женским слабостям своим, не могла удержаться, чтобы не пролить нескольких слез о сей потере. А признаться, что и самому мне происшествие сие было досадно и неприятно. Убыток, претерпенной нами, был хотя и не совсем разорительной, но довольно еще

сносной и тем паче, что многия вещицы были такия, без которых можно было обойтиться, однако все было жаль; а пуще всего жалел я о украденном тут же перстеньке, сделанном из собственных своих дворяниновских каменьев, найденных в кремнях, и столь чистых, что походили они на самые бриллианты, и многие почитали их алмазами, хотя они ничего иного не составляли, как пророс кремневую. И как они самою натурою были прекрасно огранены, то и велел я из них сделать перстень, и был он довольно изрядной.

Потужив и погоревав о сей пропаже, хотели было мы об ней публиковать в город чрез полицию; но как сказали нам, что потребно было на необходимыя притом издержки более 50 рублей деньгами, то, не надеясь получить от того дальней и верной пользы, не разсудили мы умножать тем только свой убыток, и оставили наживаться нашими вещицами тому, кому восхотелось нас тем обидеть.

Вскоре засим настал день, назначенный для Ходынскаго торжества, и хотя у жены моей и не весьма весело было на сердце, но не отреклась и она со всеми нами ехать для смотрения сего невиданнаго и редкаго праздника. Все лучшие люди и все находившееся тогда в Москве дворянство съехалось с самого утра в помянутый большой павильон; и как надлежало нам препроводить там весь день и большую часть ночи, то не преминули мы запастись кое-какою провизиею, чтоб нам сей день не провесть голодными, и постараться поставить карету свою поближе и в таком месте, где бы нам ее отыскать было можно; что нам и удалось.

По пришествии в павильон нашли мы его уже весь наполненным народом, и тут имели мы удовольствие видеть всех знаменитейших наших вельмож, отчасти находившихся уже тут, отчасти при нас приезжающих, а между тем досыта налюбоваться гвардейскими унтер-офицерами, стоявшими при всех дверях на часах. Они в сей день убраны были отменно хорошо и сияли от множества серебра, на них находившагося. Но всего приятнее были серебряныя их каски, или шишаки, с большими страусовыми перьями на головах, также перевязи, лежащия на них крест-накрест; и как, сверх того, все они были люди молодые и собою статные, и пригожие и выбраны были наилучшие из молодых дворян, то и представляли они прекрасное собою зрелище.

Наконец приехала *императрица*, и началось тем самое торжество. Она встречаема была пушечною пальбою и морскою музыкою, поставлен-

ною на судах, посреди равнины стоявших и опускающих пред нею свои вымпелы. Трубы и литавры на них тотчас загремели, и зрелище сие было приятное. Пред обширным крыльцом павильона встретили ее все бывшие тут вельможи и чиновники. Она, вошед, принимала от всех поздравления, и прошла тотчас в боковую пространную комнату, куда последовали за нею первейшие вельможи и с ними и сын ее, тогдашний цесаревич. Не видавши его вблизи с самаго 1762 года, удивился я той ужасной перемене, какую произвело в нем тринадцатилетнее время... Но никто не обращал на себя так многие взоры, как герой сего торжества – граф *Румянцев*: повсюду следовали за ним целым табуном, и никто не мог на него довольно насмотреться. Находился тут же и князь мой, но он, между множеством знаменитейших бояр и вельмож, был почти совсем неприметен.

Чрез час времени после сего пошла *императрица*, в последовании всех своих придворных и других знаменитейших особ, в помянутое круглое здание, называемое *Керчью*, к обеденному столу, покрытому более нежели на 200 кувертов, и придворная музыка загремела тотчас по вшествии туда оной. И как обед продолжался немало времени, то воспользовались и мы сим временем и, протеснившись сквозь толпу, продрались кое-как до своей кареты и в ней порядочно пообедали; а услышав, что стол кончился и государыня опять возвратилась в павильон, поспешили и мы туда же притти. И тогда-то имели мы совершенное удовольствие насмотреться, сколько хотели, императрицы. Она провела почти все послеобеденное время в играний с несколькими из знаменитейших вельмож в карты, сидючи посредине леваго отделения, и временно только взад и вперед прохаживалась. И как всем дозволено было безпрепятственно ходить по всем комнатам павильона, то и окружен был стол ея всегда превеликим кругом из нашей братии; а в том и состояло наилучшее удовольствие публики, что она могла безпрепятственно и в самой близи монархиню свою видеть. Ибо, впрочем, в течение дня происходила только скачка и пляска, качанье и другия народныя забавы и увеселения на степях Барабинских, но которыми никто из благородных не занимался, а из сих многие только гуляли по Таганрожскому гостиному двору и расхаживали по галерее, сделанной пред лавками, украшенными безчисленным множеством разных дорогих товаров. В каждой из них сидели и сидельцы, но продажи никому и никакой не производилось, что самое и подкрепляло многих в мечтательной

надежде, что товары сии приготовлены тут для оделения ими всего дворянства. Многие были так твердо в сем мнении удостоверены, что, боясь не упустить того случая, когда государыня туда пойдет и начнет ими всех жаловать, не пошли даже в театр, в котором пред наступлением вечера начинались театральныя представления, но сидели безотлучно на ступенях крыльца к помянутому гостиному двору и с нетерпеливостью ожидали шествования туда императрицы, у которой того и в мыслях не было; и они все принуждены были с стыдом увидеть, наконец, свою ошибку.

Что касается до нас, то и нам не удалось тогда быть в театре тутошнем, и удержали нас от того наиболее тихие многих между собою переговоры, что сей на скорую руку построенный и кое-как слепленный театр был якобы опасен и что боялись все, чтоб от множества народа не завалился. К тому ж боялись и тесноты самой, а сверх того, как императрица туда не ходила, так и не было дальнаго привлечения; а мы за спокойнейшее и приятнейшее для себя находили препроводить все время до наступления вечера в расхаживании с прочими по всем комнатам и созерцании своей императрицы.

Наконец наступил и вечер, и появились везде зажигаемые иллюминационные огни, которых было по всем местам и окрестностям безчисленное множество, в разных видах и положениях. И как вскоре засим начали делать приготовления к зажиганию фейерверка, то я, не упуская времени и прежде еще отшествия государыни в корабли, поспешил туда, чтобы захватить для себя удобное место для смотрения, и был так счастлив, что и нашел наипрекраснейшее место в одном из кораблей, стоящих в стороне правой; и могу сказать, что весь фейерверк с нашего корабля был несравненно лучше виден, нежели из самаго средняго, с котораго смотрела сама императрица и в который, кроме знатнейших особ, никого не пускали, ибо так случилось, что ветерок нес весь дым от зажженных щитов с правого крыла на левый. Следовательно, для нас все горящия фигуры тотчас очищались, а для зрителей с других кораблей заслонялись дымом, и они много не могли за дымом сим совсем видеть.

Со всем тем фейерверк сей был преславный и не только знаменит своею огромностию, но и всем своим расположением, сделанным с наилучшим вкусом. Представлено было три огромных щита: один, в средине, фитильный из огней разноцветных; другой из селитреных свечек; а тре-

тий прорезной, освещенный сзади множеством вертящихся огненных колес, и все, прямо можно сказать, пышные, великолепные и зрения весьма достойные. Все они зажжены были не вдруг, а один после другого, а между тем представляемы были разныя другия огненныя декорации, составленныя из превеликаго множества разнообразно вертящихся огненных колес, звезд, солнцев, огненных фонтанов и бураков, с выпускаемыми из них швермерами и лусткугелями, разсыпающимися на воздухе безчисленными бриллиантовыми звездами. На все сии декорации было еще приятнее смотреть, нежели на щиты самые: было их такое множество, что мы все глаза свои, смотря на них, растеряли. Для слуха же в особенности поразительны и увеселительны были так называемые подземные огни, производящие трескотню превеликую. Но ничто не могло сравниться с так называемым *павлиным хвостом*. Составлен он был из безчисленнаго множества ракет, зажженных и пущенных в одно время с двух сторон, в противоположном друг другу направлении, дабы все они представляли собою действительно некоторое подобие павлинаго распростертаго ужасной величины хвоста. И можно сказать, что последнее сие зрелище было безподобное и такое, на которое без приятнаго восхищения никому смотреть и довольно им налюбоваться было не можно. Все сии ракеты, простиравшиеся числом до 700, начинены были горящими звездами, и как они начали лопаться, то казалось, что воспламенилось тогда все небо и посыпался на нас целый дождь из звезд горящих. Словом, зрелище было преузорочное, и никакое перо не может описать и изобразить всю его пышность и великолепие.

Сие было последнее явление, и оным кончился весь нарочито долго и почти два часа продолжавшийся фейерверк, а вкупе и все тогдашнее торжество. Государыня тотчас после того отправилась во дворец, а вслед за нею начали и все разъезжаться, с которыми и я, насилу отыскавши своих боярынь, смотревших фейерверк сей из павильона и побоявшихся итти на корабли, в город уже после полуночи возвратился, насмотревшись и наслушавшись всего досыта.

После сего не стали мы уже долго медлить в Москве, но, повидавшись еще со всеми нашими родными, с друзьями и знакомыми, бывшими тогда в Москве, а я побыв еще раз у старика своего князя и распрощавшись с ним, поехали обратно в Киясовку с головами, наполненными мыслями и воображениями обо всем виденном и случившемся с нами, и будучи до-

вольны тем, что нам удалось все по желанию видеть и всему досыта насмотреться.

Сим окончу я сие письмо мое, достигшее уже до своих обыкновенных пределов, и, сказав вам, что я есмь ваш и проч.

(Генваря 12-го дня 1809 года).

БЕДЫ И ТРЕВОГИ

Письмо 182-е

Любезный приятель!

Таким образом съездили мы в Москву, погалились, повеселились и, заплатив за все то довольно дорого, возвратились назад в Киясовку. Тут нашли мы всех малюток своих детей и с их бабушкою в добром здоровье. Сия ничего еще о пропаже нашей не ведала, и узнав, потужила и она о нашем убытке; но как пособить было нечем, то, погоревав о том, наконец и перестали, и принялись за прежния свои дела и упражнения.

Не успел я приехать, как в тот же день обрадован был получением опять довольно толстаго пакета из Экономическаго общества. Содержал он в себе XXVI часть «Трудов» Общества и опять без переплета, и письмо *Нартова*, писанное еще 1-го июля. В части сей хотя не было никакого моего сочинения напечатаннаго, но *Нартов* уведомлял меня, что сочинение мое о хмеле верно напечатано будет. Впрочем, благодарив меня за присылку окаменелостей, наваливал на меня новой труд, а именно, чтоб наловить бабочек разных и прислать к нему взоткнутыя на булавках, для удовлетворения его смертельной охоты до натуральной истории. Я усмехнулся сему новому предложению, и думал и не думал желание его исполнить, поелику бабочек в наших местах никаких особых и редких не было, а простыя посылать не стоило трудов и убытков. Однако я, в ответе своем на его письмо, не разсудил ему совсем в том отказать.

По отправлении сего ответа, принялся я за переписывание набело первой части моей «Детской философии», которое дело давно уже было начато, но еще не окончено; а в сей раз побуждало меня к тому то, что в бытность свою в Москве имел я случай спознакомиться с одним немцем,

живущим в типографии, по прозванию *Гиппиусом*. Сей человек был приятелем нашему лекарю, который и рекомендовал ему меня и просил, чтоб он помог мне при желаемом мною отдании в печать помянутой книги. Добродушной сей человек с удовольствием и принял на себя сию коммиссию и просил меня, чтобы я только прислал к нему свой манускрипт, а он уж постарается о том, чтоб оной напечатан был в типографии университетской, при которой был он определен к какой-то должности. Итак, дописав скорее оную, я к нему тогда же часть сию и отправил.

Все достальное время тогдашняго лета и первые осенние месяцы протекли у нас почти неприметно и без всяких важных происшествий. Мы провели их довольно весело, в частых свиданиях и съездах с тутошними нашими соседями, которые все искренно нас, а мы их полюбили; почему не приходило почти недели, в которую мы не имели бы между собою свидания, либо угащивая их у себя, либо бывая у них в гостях. Кроме того, удосужился я съездить и в свою деревню на несколько дней, и будучи там объездить и тамошних наших родных и соседей; также взглянуть и на сады свои, начинавшие уже мало-помалу сиротеть без меня; ибо за отсутствием моим не было в них никаких новых присовокуплений, а садовники мои едва успевали поддерживать сколько-нибудь в них прежние заведения.

Езжали мы также несколько раз и к родственникам нашим в Воскресенки, и в одну таковую поездку к ним, вместе с приехавшею к нам теткою *Матреною Васильевною*, нагоревались и насмеялись мы довольно, едучи сквозь большой и густой Хотунской лес. Случилось нам предпринять езду сию вскоре после бывшаго и нарочито продолжительнаго ненастья, от котораго в лесу этом наполнены были все рытвины и ямы на дороге водою. Их было такое множество, что не могу и поныне позабыть, как они нам тогда досадны были: таки из одной рытвины и калдобины в другую, а из другой в третью, той еще величайшую. А нередко въезжали мы в такую, в которой сажен по 10-ти, по 20-ти должны были ехать и плыть почти водою. Все они прескверныя, кривыя и преглубокия, и мы того и смотрели, чтоб не быть нам на боку, или чтоб чего под каретою не испортилось бы. Спутница наша, Матрена Васильевна, крайне была во всех таких случаях боязлива, и не успеет карета пошатнуться набок, как поднимала аханье и крик; а как и сам я был невеликий в таких случаях герой, и таких дорог терпеть не мог, то было у нас с нею и крика и смеха довольно. Обоим нам с нею хотелось лучше иттить пешком, нежели терпеть ежеминутно страхи,

но как, по несчастию, и того учинить было нам никак не можно, по чрезвычайной узкости дороги, и потому, что и по сторонам в лесу везде была вода и грязь, то принуждены мы были, сжавши сердце, сидеть в карете и от горя и досады для смеха начать считать все сии калдобины и ямы с водою. И как удивились мы, когда на разстоянии каких-нибудь двух или трех верст, насчитали их малых и больших более 400; и каждая из них стоила нам аханья и крика. Вот какова случилась нам тогда сквозь сей проклятой лес дорожка.

В другой раз при случае езды к другу нашему, г. *Шушерину,* в гости и при возвращении от него перестращены мы были наивеличайшею опасностию, которой подвергся было малютка сын мой. Случилось так, что в сей раз брали мы его с собою, и как ехали мы тогда по хорошей дороге очень скоро и он, по обыкновению своему, стоял посреди кареты, прислонившись к дверцам и смотря в окно, то вдруг растворись дверцы, и он в тот же миг полетел из кареты. Мы помертвели, сие увидев; но едва только закричали: «Ах! Ах!», как, по особливому счастию и по благости Господней к нам и к сему нашему птенцу, успел еще я ухватить его за руку, попавшемуся между каретою и дрогами, и уже висевшаго. Не можно изобразить, как много были мы сим случаем перепуганы, а вкупе и обрадованы тем, что нам удалось еще его спасти от неминуемой погибели; ибо бедняжку сего переехало бы непременно колесо, и он не пикнул бы от того. Мы возсылали тогда тысячу благодарений Господу и сделались впредь уже гораздо осторожнейшими, и с того времени полно давать детям волю стоять у дверец и облокачиваться на оныя.

Еще памятно мне, что в течение сего лета имели мы во время созрения вишен превеликое удовольствие при езде в село Спасское. Родилось их в тамошнем саду такое великое множество, какого я никогда еще не видывал, и мы, ездивши туда все для обирания оных, не могли ими довольно налюбоваться и набрали их тогда множество четвериков.

Не меньшее удовольствие доставили нам и в сей год грибы, родившиеся в рощах опять в преудивительном множестве. И мы несколько раз езжали со всем своим семейством в тамошние леса и рощи и возвращались всегда с богатою добычею.

Пред наступлением же осени утешила нас таким же образом и златотысячница. Сей, толико славный в медицине, но не везде и не всегда родящейся, врачебной травки был в сей год превеликой урожай, так что

мы, ездивши сами и также целою компаниею, нарвали ее с целый воз. Но никто сим так доволен не был, как наш лекарь: он наварил даже из ней множество экстракта и запасся им на многие годы, говоря, что экстракт сей составляет сущее сокровище.

Между тем не упускал я ничего, что нужно было к наблюдению и по моей должности. Я смотрел за всеми производившимися разными работами, а не менее за новоманерным своим семипольным хлебопашеством, и во время уборки ржи выдумал две вещицы, достойныя замечания. Первая состояла в обивании привозимых с поля ржаных снопов об сделанныя из кольев пирамидки, для получения чрез то самых лучших и зрелейших зерен на семена; а вторая – в изобретении особого рода больших граблей для сгребания ими на лошади остающихся на поле от жнитва обломавшихся и валяющихся колосьев; которая выдумка, по удобности и полезности, казалась мне столь примечания достойною, что я не за излишнее почел донести о том и нашему Экономическому обществу, и сочинив о сем пиесу и приобщив граблям моим рисунок, отправил оную при письме к г. *Нартову* в Петербург.

Впрочем, не оставлял я во все праздные и свободные часы заниматься и литературою, также и учением молодцов, у меня живших. Легко можно заключить, что не позабываема была и ботаника, но продолжаемо было по-прежнему узнавание и собирание трав врачебных. В сих хотя и не имел уже я такой большой надобности, как прежде, ибо по случаю основаннаго и приведеннаго уже в порядок гошпиталя все больные могли уже адресоваться к лекарю; однако, несмотря на то, многие из посторонних все еще продолжали ко мне приходить с прошением простых лекарств, то и в сие лето удалось мне помочь многим, и чрез то опытностию удостовериться в особенной полезности некоторых травных тинктур или настоек, равно как и смеси некоторых трав для декоктов и припарок, а особливо моего эликсира, простуднаго декокта, настойки глазной, паче всего неоцененнаго декокта от болезней горла.

Еще памятно мне, что имели мы в сие лето превеликую тревогу от случившагося в селе нашем пожара, обратившаго несколько крестьянских дворов в пепел. Сей несчастной случай доставил мне новый и довольно знаменитый кусок работы. Ибо как все сгоревшее место надлежало оставить праздным для расположения будущаго дворцового строения, то и на-

добно было всех погоревших снабжать лесом и селить их в другом и на новом месте, и уже порядочнее прежняго.

Кроме сего, имел я не один, а несколько раз тревогу от пожаров, но иного рода, а именно от делавшихся в лесах тамошних. Не успел осенью лист с дерев начать обваливаться, как и появились сии, совсем для меня новыя и до того времени невиданныя зрелищи. Загорался обвалившийся с дерев и лежащий на земле сухой лист; и горение как онаго, так и всего низкаго кустарника распростиралось по всему лесу так скоро, и огонь усиливался с такою скоропостижностию, что всякой раз, как прибегали ко мне о том сказывать, принуждены мы бывали бить в колокола в набат и выгонять весь народ, от мала до велика, в лес для тушения онаго. Легко можно заключить, что при всяком таком случае принужден бывал и сам я без души скакать в лес, и не только принуждать народ к погашению огня, но и придумывать и употреблять все способы к скорейшему потушению огня и пресечению скораго его по земле бегства.

Долго я не знал и не мог ни от кого добиться, отчего такия бедствия начинались и так часто происходили и чем бы сие зло отвратить было можно. И насилу-насилу распроведал и узнал, что причиною тому никто иной был, как ребятишки, пасущие на прогалинах, между лесов, лошадей и скотину. Бездельники сии не столько для обогревания себя, сколько из единой шалости разводили и разжигали большие огни на кучах муравьиных. А оттого самого и загорался близлежащий на земле лист, которой и сами они иногда еще для потехи зажигали. Не успел я сего узнать, как тотчас сим забавам их и конец положил, и единственно тем, что, собрав всех оных, сколько их ни было в селе, велел всех, и правых и виноватых, пересечь розгами, а чрез то и унялись наши пожары, которые мне и весьма было уже наскучили.

Вскоре засим случилась нам надобность, и против чаяния и желания нашего, побывать опять на короткое время в своей деревне. Но езда наша туда была в сей раз такова, что мы весьма долго ее помнили, и помним даже и поныне. Она имела ту особливость, что сопряжена была для нас со множеством бед и неприятностей; и число их было так велико, и последовали они друг за другом так скоро, что мы не могли тому довольно надивиться, и только и твердили: «Ах, батюшки мои! Что это такое? Беды по бедам, да и только всего!» И возможно ли? Было их всех, и маленьких и больших, в течение двух суток более сорока, ибо мы с горя и удивляясь

оным, принуждены были их уже считать. Случись же такой негодный выезд!

Но что всего удивительнее, то все они были в некотором отношении одинаковы; а именно, что оканчивались без дальнаго вреда, так что мы, заметив сие, заключали то же и о всех последовавших после и тем себя утешали заблаговременно, и действительно в надежде своей не ошибались. Словом, путешествие сие было так достопамятно, что я, возвратясь в Киясовку, для смеха и курьезности описал его во всей подробности, и жалею и поныне, что пожар похитил у меня сие описание, почему и могу я теперь разсказать об оном только то, что могу упомнить; ибо прочие, по прошествии многих с того времени лет, не могу уже никак припомнить.

Поводом к путешествию сему была просьба деревенской нашей соседки, *Анны Николаевны*, молодой вдовы, оставшейся после покойного родственника моего, *Матвея Никитича Болотова*. Госпоже сей наскучилось уже сидеть вдовою, и захотелось выйти опять замуж. Сыскался из соседственнаго дворянства выгодный женишок, восхотевший судьбу свою соединить с нею; и дело у них было тотчас между собою слажено, и они спроворили тем так скоро, что мы не прежде о том узнали, как прискакала она с матерью своею к нам, умолять нас Христом и Богом, не оставить их при сем случае своим присутствием и вспоможением, поелику они никого с своей стороны, а особливо из мужчин не имеют.

Как время тогда было уже осеннее, а к тому ж в ненастную и дурную погоду, то и не хотелось нам никак в сие путешествие, а особливо на свадьбу, пускаться; и мы отговаривались было сперва долго от того. Но поклоны и неотступныя просьбы убедили наконец нас дать слово и на то согласиться.

Итак, собравшись и оставив матушку-тещу с детьми в Киясовке, и поехали мы с женою и большою дочерью тетки *Матрены Васильевны*, случившеюся тогда у нас, и ее девушкою в большой нашей карете домой. И поелику дни тогда начинали уже становиться короткими, а нам хотелось в тот же день поспеть в свою деревню, то и поспешили мы своим выездом и выехали со двора довольно еще рано. Но не успели верст трех отъехать, как закричали наши лакеи: «Стой! Стой! Оборвались ремни под каретою, надобно поправить и починить». – «Экая беда!» – сказали мы, но эта беда была еще начальная беда. Что делать! Принуждены были остановиться и начать думать и гадать, как нам испортившееся поправить. Итак, ну мы

отыскивать веревку, ну придумывать, как лучше подвязать, и так далее. Но, наконец, кое-как поправили, подвязали и поехали.

Но едва только версты две еще отъехали, как вновь остановка. Закричала уже жена моя: «Стой! стой!» – «Что такое?» – спросил я. «Ах, батюшки! Какую я, враговка, беду над собою сделала!» – «Что такое?» – «Позабыла взять свои серьги с собою, а без них как мне можно ехать, надобно неотменно послать за ними». – «Эх ты какая! – с досадою сказал я. – Как это можно позабыть такую надобную вещь! Но нечего делать! Так и быть. Малый, отпрягай скорее припряжную и поезжай назад». Тотчас мы его с записочкою, написанною карандашом, и отправили, а сами расположились до того времени стоять и возвращения его дожидаться. Стояли-стояли, ажно скука нас взяла. Где-то он отпрег лошадь, где-то поехал, где-то там серьги отыскали, где-то его с ними отправили, и где-то он опять и целых пять верст ехал, а мы все стой да стой. Господи! Какая досада! Но как бы то ни было, но наконец он приехал, серьги привез, и мы опять поехали.

Но не успели еще двух верст отъехать, как новая беда! Встренулись еще одной, уже не помню, какой вещи, которую взять с собой позабыли, и вещи необходимо нужной и такой, без которой нам никак пробыть было не можно. Сие меня уже вздурило, и я, осердившись, говорил: «Господи! Да где ж у вас у всех был ум и разум, что не могли сего вспомнить? Неужели опять стоять и посылать?» – «Ну, что делать, – отвечала жена моя, – позабыла, да и только всего. Да такая беда, что не приди мне и давеча, как посылали, этого на память, а только в сию минуту вспомнила!» – «Да нельзя ли без того обойтиться?» – «Никак нельзя!» – «Ну, так нечего делать, быть опять посылать и опять стоять и дожидаться!» Итак, велели опять остановиться и, отпрегши другую лошадь, скакать уже другому лакею, поспешать как можно. «Господи! – говорил я сидючи, и досадуя, – долго ли этого будет? Вот уж третья остановка, и время уходит, не застанем и обеда у *Василья Федоровича*!» Но подосадовав, подосадовав, а принужден был дожидаться человека. Сей проездил еще того долее, но наконец, слава Богу, приехал и все нужное привез, и мы поехали далее.

Ехали-ехали и уже начали приближаться к Турову, где жил г. *Шушерин*, как вдруг, и не доезжая версты за две до него, еще новая остановка, и остановка важная. Заднее колесо у кареты так развихлялось, что из опасения, дабы совсем не разсыпалось, принуждены были опять остановиться. Новое сие незгодье вздурило меня еще более. «Ах, Боже мой! – возопил

я. – Что это такое! Беды по бедам и опять остановка!.. Ну что, ребята, делать и как быть?» – «Что, сударь! – отвечали они мне. – Беда-то немалая, поглядим, нельзя ли как-нибудь скрутить и увязать. Еще слава Богу, что благовременно усмотрели, а то как бы разсыпалось совсем, то нечего бы делать, принуждены б были сидеть на одном месте». – «Ну, друзья мои! – сказал я им. – Посмотрите, подумайте и поспешите, ради Бога, чтоб нам как бы нибудь хоть до Турова дотащиться, а там не найдем ли другого колеса у Василья Федоровича, он одолжит нас тем». – «Да хорошо, сударь, если другое-то колесо годится и придет впору; а коли нет, так тут-то как быть?» – «Ну, это увидим, – сказал я. – А скручивайте-ка это скорее!» – «Хорошо!», и начали шишлить. Но где-то сыскали веревку, где-то палку, где-то стягивали и скручивали, прошло опять несколько времени; и между тем приближалось уже обеденное время. Но как бы то ни было, но наконец кое-как скрутили и поехали.

Думаем, авось-либо как-нибудь доедем; но не тут-то было, и едва только сажен 100 отъехали, как колесо наше, вихляясь-вихляясь, вдруг и совсем разсыпалось, и все спицы из ступицы вывалились, и вся карета набок почти опрокинулась. «Стой! Стой! Стой!» – завопили и закричали все мы, впрах перепугавшись. По счастию, ось поддержала несколько карету и не допустила ее упасть на бок. Итак, ну-ка мы все из кареты выходить, ну-ка ахать и горевать, ну-ка все твердить: «Ну, не беда ли истинная? Ну что теперь делать?» – «Нечего другого! – сказали люди, – как искать скорее какого-нибудь рычага и подвязывать вместо колеса». Но где его изволишь взять? Видишь поле! Но спасибо случился с нами топор, и недалече в стороне лесок. Итак, ну-ка мы скорее посылать туда, ну-ка рычаг вырубать и его под карету подвязывать. Немалое время и над сим мы провозились, и кое-как до села дотащились. Боимся еще, чтоб г. Шушерина не было где в отлучке; но, слава Богу, услышали, что он дома, и обрадовавшись: «Ну, ступай на двор», – закричал я кучеру.

Но не успели мы начать подъезжать к крыльцу, как усмотрели новую потеху: у девки, сидевшей с нами в карете, была взята с собою бутылка с квасом, и она везла ее с собою, державши на коленях. Но что ж случилось? В то время, как мы второпях из кареты дорогою выходили, выскочи как-то из бутылки пробка, а она, незаткнувши ее, и села опять в нее, и того и не приметила, что квас от качанья кареты из бутылки выплескивался, и на переднике ее между колен натекла его целая лужа и произвела превеликое

мокрое пятно на оном и на самой юбке. «Ах, батюшки мои! – закричали госпожи, сие увидев, – что ты, окаянная, это наделала, и как тебе показаться?.. Ну что подумают о тебе?» Смех и горе тогда всех нас подхватило; но как некогда было долго уже о том судачить, то говорили мы ей, чтоб она как-нибудь уж уходила на заднее крыльцо и хозяевам не показывалась, а сам я стал отыскивать шляпу, ибо ехал до того в бездельном картузишке для покоя.

Но что ж, не беда ли опять! Шляпы моей не тут-то было! Я спрашивать у людей, те друг у друга – не знают, что сказать, и вышло наконец, что все мы и ее хорошохонько позабыли. «Ах, злодеи, что вы над моею головою наделали! – закричал я. – Где у вас был ум и память?», но так и быть, думаю: это хоть беда, но беда небольшая, шляпою ссудит меня и Василий Федорович! И как между тем карету подтащили уже пред крыльцо самое, то турю я госпож своих выходить из оной.

Но надобно ж случиться и тут еще новой беде. Свояченица моя пошла первая из дверей каретных, и от поспешности для встречающих нас хозяев, зацепись за что-то, и так хорошо, что затрещало ажно у ней платье, и разорвала весь подол у себя. Господи, как сие опять нас всех сконфузило! «Так! – воскликнул я, уже захохотавши. – Как пошло уже на беды, так беды по бедам!..»

Господин *Шушерин* не успел увидеть шест, подвязанный вместо колеса, как закричал: «Что это? Что это, батюшка Андрей Тимофеевич?» – «Что, братец, – ответствую я, – изломалось за версту отсюда; но одно ли это? Послушай-ка, сколько с нами бед случилось; но ради Христа снабди ты нас другим колесом съездить в деревню. – «Пожалуй, пожалуй, – подхватил г. *Шушерин*, – только бы годилось какое. У меня колес много, а между тем мы и ваше починим и исправим». – «Очень хорошо, батюшка, – сказал я, – да ссудите меня уже и шляпою вашею: едем на свадьбу, и людцы мои изволили совсем позабыть взять мою с собою». – «Изволь, изволь, батюшка, у меня есть новая и почти еще не обновленная». – «Ну, ладно же, – сказал я, – и слава Богу, беда и сия с рук долой!»

Говоря сие, вошли мы в хоромы, и ну им все свои происшествия рассказывать, и вместе с ними им дивиться и хохотать. Они были нам очень рады и старались нас скорее угостить обедом. И по счастью, приехали мы к ним довольно еще благовременно. И покуда мы обедали, люди его успели уже приискать и колесо точно такое же, каково было наше, и случившееся

по оси очень впору. Обрадовались мы, сие услышав, и сказали: «Ну, слава Богу, эта беда с плеч долой, и теперь доедем мы до двора уже благополучно». Но и сей счет хорошохонько делан был без хозяина, и нам того и на ум не приходило, что все претерпенные нами беды и остановки были еще едиными предшественницами другим и множайшим еще бедам.

Пообедавши и покормив лошадей, не стали мы уже долее у благоприятельствующих нам хозяев медлить. Дня уже оставалась меньшая половина, а надлежало нам ехать еще более 20-ти верст и переправляться чрез две реки, одну у них под селом, *Лопасну*, а другую – большую, Оку, на пароме, и поспевать неотменно в тот день к себе в деревню, ибо последующий за тем назначен был уже для свадьбы. Итак, распрощавшись с нашими хозяевами, сели мы себе в карету и поехали.

Но что ж? Не успели мы спуститься к реке под гору, как глядь, прежде бывшего тут и довольно спокойнаго моста как не бывало, а новой и большой только еще строили, и чрез него не только переехать было никак не можно, но и пешком переходить по перекладам и по помощенным доскам не инако как с крайнею опасностию было можно. Увидев сие, стали мы в пень. «Как нам быть?» – спросил я у строителей моста. «Другого не остается, – сказали они нам, как переезжать реку вброд, вон там, пониже моста». – «Да видишь, братец, – подхватил я, – какая она широкая, быстрая и большая; конечно, она наводнилась от бывшаго ненастья, и я ее никогда таковою не видывал». – «Точно так, – сказал он, – и дни с два только, что она так разлилась». – «Да небось, она и глубока теперь?» – «Да, есть тот грех, не мелка, и лошади выше пуза». – «Ах, батюшки мои, – воскликнул я, – да как же нам быть и как ее переезжать? Вода и в карету зальется!» Госпожи мои, услышав сие, завопили еще больше моего от страха и испуга и говорили, что они ни из чего не поедут. Признаюсь, что и самому мне не то-то что хотелось на то отважиться: воды я исстари всегда и сам боялся; итак, стали мы в пень и не знали, как быть и что делать. Наконец говорю: «Уж нельзя ли нам самим как-нибудь по перекладам и по доскам перебраться, а карету пустую перевесть?» – «Это-де можно, – сказали нам строители, – хоть и нехорошо и несколько опасно, но мы-де ходим и переходим; но будет ли у вас столько смелости? А разве изволите несколько погодить и дать нам время положить еще несколько досок?» – «Очень хорошо, братцы, – сказал я, – пожалуйста, потрудитесь». А между тем велел в карете все связки, ларчики и прочее снизу поднять повыше, чтоб вода не могла

подмочить оные, и как скоро сие сделали, то велел я благословясь ехать. И тогда, смотря на нее, не было в нас истинно души: лошади наши чуть не оплыли, и быстрота воды едва было не опрокинула всей кареты, и была так глубока, что действительно в нее несколько залило, и мы впрах бы перестращались, если б в ней сидели. Но как бы то ни было, а ее перевезли.

«Ну, слава Богу! – сказал я перекрестясь. – Одну трудность преодолели; теперь вопрос, как нам переходить?» Госпожи мои, будучи обе величайшия трусихи, тряслись от страха и боязни, и я как ни старался их ободрять, но ничто не помогало; но как нечего было делать, а самая необходимость заставляла нас переходить, то принуждены они были вслед за мною по доскам и перекладам на сей опасной подвиг с крестами и молитвами пуститься. Но надобно ж было и тут случиться с нами беде, и беде еще не одной, а двум, хотя и неважным. Один из людей моих, малой молодой, по имени Ефрем, хотел подслужиться и поддерживать жену мою, пошедшую со страхом и трепетом по перекладам; но был как-то так неосторожен, что осклизнулся и чебурах, яко прославися, в реку под мост, и чуть было не стащил с собою и жену мою. Я обмер, испужался, сие увидев, а об ней и говорить уже нечего: она побледнела, и я дивился, как она не упала в обморок. Но надобно ж было и сей беде кончиться ничем и без дальних следствий: оборвавшемуся и полетевшему вниз слуге моему, по особливому счастию, удалось как-то, не долетев еще до воды, ухватиться обеими руками за одну перекладину и на ней повиснуть, и плотники, бросившись, вмиг успели, схватя, встащить его вверх и не допустить даже обмочиться.

Нельзя изобразить, как мы всем тем испуганы и вкупе в тот же миг и обрадованы были. И мы тогда уже не об нем, а о его шляпе тужить и горевать начали, которая, свалившись с него, упала в воду, и ее понесла она быстротою своею вниз но реке. «Ах! Ах! – закричали все. – Шляпа! Шляпа! Унесет ее и она потонет!» Однако не думайте, чтоб и сия бедушка кончилась худым; а надобно было на самую ту пору случиться мужику, стоявшему на берегу верхом на лошади и собиравшемуся только что переезжать чрез оную. И сей, не успел увидеть плывущую шляпу, как, приударив свою лошадь, пустился вслед за нею и успел ее догнать, схватить и благополучно с нею на другой берег выехать, а между тем и нас всех коекак, хотя со страхом и трепетом, через реку перевели. Итак, все сии беды кончились только тем, что намокла у нас людская шляпа, и сам хозяин ее перестращался было насмерть.

Переправившись сим образом кое-как чрез Лопасну и обрадуясь, что все кончилось хорошо, сели мы в карету и поехали далее. Но как до Оки от сего места было еще не близко, то не прежде до оной доехали, как уже пред наступлением самаго вечера. Тут чуть было опять не стряслась с нами беда, и беда всех прежних больше. Паромишка, на котором нам следовало переезжать, случился самой негодной, небольшой, и с обыкновенным гладким помостом на верху онаго. Самого его насилу-насилу мы докликались, ибо случился он быть за рекою на противном береге, и к нам не прежде его перевели, как заставив нас с целой почти час его дожидаться. Но как по случаю прибылой тогда в реке многой воды надлежало спускаться карете на него с нарочито крутого берега, то кучер не мог никак удержать оставленных в ней коренных лошадей, и они чуть было, чуть не сволокли всей кареты с помоста паромного в реку; и я не знаю уже, как успел он повернуть их в сторону и удержать чрез то и их самих, и карету на помосте. Мы, стоючи на берегу, впрах и от сего перепугались, и благодарили Бога, что избавил Он нас от беды, столь явной и великой и опасности очевидной.

Однако переправа сия не обошлась без причинения нам бедушки. Чрез реку-таки мы благополучно, хотя не без страха по случаю бывшаго тогда великаго волнения, переплыли; но как стали с парома съезжать на берег, то надобно ж было оступиться одной лошади, при переваживании их по затопленному почти совсем примостку, и оступившись зашибить так ногу, что оттого она тотчас захромала. «Ахти, батюшки мои, – сказал я, – вот опять беда, и долго ли этим бедам продолжаться, и когда они кончатся?»

Между тем как все сие происходило, начали уже наступать почти сумерки, почему спешили мы продолжать свой путь, тем более, что ехать нам оставалось все еще более 20-ти верст. Нас хотя и озабочивало то, что мы, по всему видимому, на дороге обмеркнем, и более от того, что для хромающей нашей лошади нам слишком скоро и ехать было никак не можно; однако, думая, что дорога нам всем знакома и перезнакома, надеялись добраться до дома благополучно. Однако ж и в этом мнении мы хорошохонько обманулись. Покуда было еще сколь-нибудь светло, и продолжались сумерки, ехали мы все-таки порядочно; но как скоро сделалось темно, то и сбились мы как-то с настоящей дороги и заехали сами не знаем куда. Господи! Какая была нам тогда новая досада, забота и гореванье! Ночь случись самая темная и ничего вдали было не видно, а все только признавались, что едем не там, где надлежало. Что было делать? Принуждены были остановить-

ся и разсылать людей отыскивать настоящую дорогу. Искали, искали, и насилу-насилу нашли как-то оную. Тогда пустились мы по оной с множайшею уже осторожностию, и доехали наконец уже без дальней остановки до своего Дворянинова.

Тут нашли мы всех людей уже спящих, и хоромы свои запертыми, ибо было уже очень поздно. Итак, ну-ка мы людей отыскивать, их будить, приказывать вздувать огонь, отпирать хоромы, и в них все из кареты носить; для обогрения же себя в пустых и холодных комнатах греть скорей чай и им отогреваться, а потом помышлять о ужине. О сем мы дальней заботы не имели, ибо как при отъезде из Киясовки запаслись мы и жареным мясом и добрым круглым пирогом, то и думали, что мы сыты будем, а потому и не помышляли о том, чтоб велеть что-нибудь себе скорей сварить на скорую руку. Но не смех ли истинной! Ведь случись же так, что и тут надобно было еще маленькой бедушечки стрястися! Мы велим подавать, но к нам не несут. «Да что вы там сели?» – «Да не найдем-де жаренаго», – говорят они нам, отыскивая его везде и везде в темной девичей. – «Да куда же вы его дели?» – «Здесь-де, на лавке поставили, но его-де и пирога нет, не знаем, не ведаем, куда делся!» – «Дураки такие-сякие! Да возьмите свечку!» Взяли свечку, и тогда нашли пирог на полу в своей салфетке, а жаркого нет: оное сгибло и пропало. Но что же с ним случилось! Людцы наши, ходючи взад и вперед, позабыли затворять двери в сени, а тут где ни возьмись дворная собака, вскочила в девичью и, обнюхав жареное, цап его царап, вытащила на двор, и там вместо нас благополучно отправляла над ним свой ужин. «Ах, дураки, дураки, – воскликнули мы, о сем узнавши, – что это вы наделали!.. Ну, подавайте хоть пирог уже!» Но глядь, ан и он весь разбрюз и развалился, таки тесто тестом. Людцы наши позабыли о нем и не вынули его из под лавочки в карете при переезде чрез Лопасну, а от залившейся в карету воды все блюдо с ним и наполнилось водою, и он дорогою все мок, и размок так, что приняться было не можно. «Ах, батюшки мои, – воскликнули мы, – надобно ж было и сему случиться! Да где у вас, проклятых, был ум и разум!..» – кричали и бранились мы на своих лакеев. «Ну, что делать, виноваты, сударь, нам и не ума было, что он там». – «Ну, что ты изволишь теперь делать, – сказал я потом, – и что нам ужинать? Велеть, разве скорей сварить яиц всмятку и каши размазни?» – «Помилуй, – закричали мои спутницы, – когда варить? Уже полночь самая». – «Да как же нам быть?» – «Ну, поедим хотя начинки, – сказали они,

– да верхних корочек, не совсем еще размокших». Итак, ну-ка мы садиться за стол и приниматься за свой размокшийся пирог, и хоть не досыта, а сколько-нибудь наелись, и спешили потом скорее спать ложиться. Но и тут долго мешала нам стужа, случившаяся на ту пору, и мы, насилу-насилу согревшись кое-как уснули.

Вот каков случился тогда с нами денечек! Мы, вспоминая претерпенныя нами в течение его беды и напасти, и смеялись и горевали. Однако не думайте, что все они еще кончились. В последующем за сим письме найдете вы описание еще множайших. А теперешнее дозвольте мне на сем месте кончить и сказать вам, что я есмь ваш и прочая.

(Генваря 13-го дня 1809 года).

СВАДЬБА

Письмо 183-е

Любезный приятель!

Ну, теперь надобно мне вам разсказать достальное о нашей достопамятной езде на свадьбу, и вы готовьтесь слушать еще многия беды и напасти, но отличныя от предследовавших тем, что все сии имели свое отношение не к нам, а уже к прочим, соучаствующим в сем бракосочетании, хотя и мы принуждены были брать в том некоторое соучастие.

День к бракосочетанию сему назначен был последующий, и хотя случился он в самой праздник Покрова Богородицы, но нам не до того было, чтоб ехать поутру к обедне, а мы рады были, что сколько-нибудь обогрелись, и заснувши так поздно, проспали долго, и предоставили одной нашей соседке молиться за себя и за всех нас Богу; а сами, вставши и напившись досыта чаю, принялись за домашния кой-какия дела, осматривания и распоряжения. Я бросился опять за любезные свои сады, обегал все оные, пересмотрел все и, потазав за многое кое-что своих садовников, приказывал, что им в достальное время той осени в них сделать. Между тем является к нам человек от нашей соседки с униженнейшею просьбою, чтоб мы пожаловали к ним кушать, и с разсказыванием нам, что вчера *Анна Николаевна* все глаза в ожидании нашего приезда просмотрела и находилась в превe-

ликом горе, думая, что нас что-нибудь задержало и мы вовсе не будем, и что самое сие принудило ее, не дождавшись нас, отправить вчера в дом к жениху и все свое приданое, по обыкновению. «Очень хорошо! – сказали мы. – И к чему бы нас для сего и дожидаться, дело сие можно было и без нас сделать. Скажи, братец, что мы будем. Но кто еще, кроме нас, будет у Анны Николаевны?», – спросили мы. «Одной-де только Катерины Андреевны Пестовой, изволит боярыня дожидаться. К ней третьяго дни посылали, и она изволила обещать приехать сегодня к обеду». – «Хорошо это! Но из мужчин-то кто?» – «Никого-де, кроме вас; а не будет ли разве братец ваш, *Михайла Матвеевич*; но и то, Бог знает, что-то не очень здоров», – сказав сие, слуга усмехнулся. «Так, братец, – сказал я сам, засмеявшись, – болезнь, конечно, известная! Небось молодец подгуляхом! Ему воля тут без меня бражничать и колобродить!» – «Ну, что говорить, – подхватил слуга, – есть тот грех; да и другой-та братец не лучше его: нет Божьяго дня, в которой не был бы навеселе». – «Что ты говоришь, не вправду ли?» – спросил я. «Ей-ей, – сказал слуга, – уже нам всем сдиву и ажно жалко, что такой еще молодой человек, а вдался в такую блажь и слабость; с кругу почти, сударь, спился». – «Ах, Боже мой! – вздохнув, воскликнул я, – как мне этого жаль; но а Марья-то Петровна что?» – «Эта уже напрямки отказать изволила, говоря, что она недомогает». – «Ах, батюшки мои, уж не такою-же ли болезнию?» – «Да, Бог знает, водятся и за нею такие-же грешки». – «Ну, хороши же все они ребята! – воскликнул я. – Собрались кстати один к другому и масть к масти. И да что это они, чудесники, затеяли! Ах, шуты, шуты и негодяи! И, что это они без меня тут чудесят». Покачав головою, и внутренно об них сожалея, говорю я наконец: «Ну, поди, братец, кланяйся Анне Николаевне и Марине Афанасьевне и скажи, что мы тотчас будем». Я и в самом деле тотчас начал одеваться и велел запрягать карету.

Приехавши к ним, нашли мы их в превеликих хлопотах и суетах. Они встретили нас с пренизкими поклонами и благодарениями за то, что мы их одолжили своим приездом; и слышав обо всех случившихся с нами незгодьях, не находили довольно слов к изъявлению своего крайняго обо всем том сожаления, но мы всему тому уже только смеялись. Мы нашли у них стол, уже накрытой, но гостья их еще не бывала. Мы спрашиваем об ней; и они то же подтвердили, что нам сказывал уже слуга, и говорили, что *Катерина Андреевна*, по любви своей к ним, дала им верное слово приехать и

с *Марьею Михайловною*, дочерью своею, и постараться как можно поспеть к обеду, дабы можно было успеть одеть невесту благовременно. Далее сказывали они нам, что Марья Михайловна обещала привезть с собою и все свои бриллианты и наилучшее свое платье для убрания невесты. «На что же этого лучше! – воскликнули мы. – Так подождем уже!»

Как сия госпожа *Пестова* была во всем нашем округе и околотке дама умная и наипочтеннейшая, а и дочь ее девушка светская и разумная, то рады были мы все тому, что они приедут, и что будет кому невесту порядочно нарядить, и с кем жене моей препроводить ее к венцу; да и там в доме жениховом, – говорили мы, – с такою умною и почтенною дамою будет нам непостыдно. «Какое бы там у них ни было сборище, – говорили мы, – но Катерина Андреевна в грязь лицом нас верно не кинет», почему с удовольствием и расположились ждать ея прибытия.

Между тем стали мы обстоятельнее расспрашивать хозяек о том, кто и кто будет с жениховой стороны, и как удивились, узнав, что у них там будет превеликое сборище, и что наехало к ним из Москвы множество родных и знакомых. Ибо надобно знать, что всю свадьбу сию взялась сыграть у себя в доме родная сестра женихова, боярыня бойкая и разумная, бывшая тогда за князем *Петром Ивановичем Горчаковым*, родным братом прежняго котовского владетеля, ближняго соседа и приятеля моего, князя *Павла Ивановича*. И как они пред недавним до того временем деревню Котово купили себе у господина *Темешова*, то и расположились свадьбу сию сыграть в помянутой, нам соседственной и в виду у нас находящейся деревне, и в тутошнем старинном еще доме. И как деревня сия была от нас близим-близехонько, то были мы тем и довольны, хотя большая съехавшаяся к ним московская родня и наводила нам собою некоторую заботу.

Не успели мы у соседок наших усесться, как, поглядим, катит к ним и жених с обыкновенным утренним своим визитом в модной карете, с прекрасною упряжью и лошадьми и с лакеями, богато одетыми. Тут впервые мы его увидели. Был он г. *Басаргин*, по имени *Яков Иванович*, человек еще молодой, холостой и с виду довольно изрядной; и мы ознакомились и обрекомендовались с ним тотчас, и он всем нам так показался, что мы хвалили хозяйку за ее выбор и желали ей от искренняго сердца всякаго благополучия и лучшаго счастия в своем замужестве, нежели какое она до того имела. Она унимала жениха у себя обедать, но он отговорился от того обещанием приехать к своим родным, а мы тому были и рады. Итак,

посидев у нас несколько минут, он и поехал от нас, взяв обещание, что мы в сумерки приедем к нашей церкви.

Проводивши его, стали мы то и дело поглядывать на ворота и смотреть, не едет ли наша Катерина Андреевна. Но прошел целой час, а ее не видать еще было. «Господи, – думаем мы, – уже не задержало ли ее что-нибудь? Пора бы, кажется, уже быть! Милино не так далеко, чтоб не можно было ей поспеть, как бы тихо она ни ехала». Поговорив о сем и потолкуя, располагаемся опять ждать; но проходит еще полчаса, проходит и целой уже час, но ее нет и в появе. Нетерпеливость наша увеличивается с каждою минутою. Мы посылаем уже людей за двор, на поле и на взлобок, откуда далеко можно видеть по дороге. Приказываем смотреть и дать нам известие, как увидят.... но нет и оттуда никакого слуха! Сие начало нас уже и озабочивать и тревожить. «Батюшки мои, – говорим мы. – Уж будет ли она?» – «Как не быть! – отвечает хозяйка. Нельзя тому статься! Она ведает, что я услала уже с приданым все мое платье и что мне и одеться будет не во что!» – «То-то хорошо! – воскликнули мы, сие услышав и тем поразившись. – Но ну, если она в самом деле зачем-нибудь да не будет, как тогда-то быть?» – «Я уже истинно не знаю, – сказала хозяйка, – но, кажется, не быть ей никак не можно. Ежели б что помешало, то верно бы прислала сказать и прислала хоть бы платье».– «То так, – отвечали мы, – это мы уже и сами думаем. Боярыня она умная и не сделает того, чтоб оставить без всякаго известия. Но со всем тем что ж за диковинка, что она не едет?»– «Уж не вздумала ли она – сказала хозяйка, – отслушать наперед обедню, вы знаете, что она боярыня богомольная, а сегодня такой большой праздник. И это, может быть, ее и задержало!» – «Ну, это верно так, – воскликнул я, – и хоть к бабушке не ходи, это обедня всему виновата! Но в этаком случае хоть бы право и не до обедни! Можно б и в другое время досыта намолиться».

Поговорив и погадав о сем, принялись мы опять ждать с неописанным и мучительным нетерпением. Истинно просмотрели мы все глаза свои, и каждая минута казалась нам десятью минутами. И насилу-насилу наконец увидели мы свою Катерину Андреевну. Но в каком же положении?.. Идущею сам-друг, с дочерью своею пешком и несущею ларчик свой под мышкою. Нельзя изобразить, как поразились мы сим зрелищем! Мы выбежали без памяти на крыльцо и, увидев ее всю замаранную грязью и от усталости едва переводящую дух, ей закричали: «Ах, матушка, Катерина

Андреевна, что это такое с вами случилось?» – «Чего, батюшка, – прерывая от усталости голос, сказала она, – такая беда! Изломайся под каретою колесо, и так хорошо, что ни с места. И легко ли, батюшка, версты с три принуждены мы были с дочерью брести по грязи пешком... Задыхаюсь даже от усталости!.. Пустите, ради Бога, скорее отдохнуть!..»

Остолбенели мы, сие услышав, и изъявляя сожаление свое о том, не успели ее ввести в комнаты, как она и ринулась на кровать от изнеможения. «Ах, Боже мой, – воскликнул я, всплеснув руками, – не сущее ли несчастие и не беды ли по бедам! Что это такое и как быть?» Но смущение наше всех вообще еще больше увеличилось, как услышали, что бриллианты хотя были принесены с собою, но платье все, и их, и назначенное для невесты, в карете, а сия осталась еще версты за три, стоящая на месте и на чистом поле! «Батюшки мои, – закричал я, – людей, людей! Скорее посылайте их туда, отыскивайте скорее толстой рычаг и веревки и, подвязав, притащите ее как-нибудь. А между тем не послать ли дрожки для привоза девушки и связок платья?» – «Хорошо, хорошо, батюшка!» – закричали все наши боярыни в голос. Итак, ну-ка мы скорей снаряжать дрожки, и приказывать скакать скорее, и посылать людей с рычагом и веревками к оной; а между тем звать Катерину Андреевну за стол. Но сия только и твердила: «Нет сил, батюшки мои! Дайте отдохнуть. Кушайте себе, а я поем после; мне нейдет и на ум теперь еда». Но нам как можно было ее оставить? Принуждены были и мы еще немного погодить, и потом насилу-насилу ее уговорили выттить к столу.

Покуда мы обедали и всячески ее угостить старались, привезли к нам и ее девушку со всем платьем, а вскоре засим притащили и карету. Под сию велели мы тотчас отыскивать везде, и у хозяйки и у меня в сараях, колеса, и по особливому счастию нашли одно, годившееся точь-в-точь по оси, и обрадовались, что сие горе с наших плеч свалилось. Но того и не помышляли, что предстояло нам новое горе и новая забота, смутившая нас до крайности. Едва мы отобедали, как начало уже смеркаться, и нам необходимо надобно было приниматься за убирание и одевание невесты и поспешать тем возможнейшим образом. Но каким поразились мы изумлением, как вдруг наша Катерина Андреевна наотрез нам сказала, что она никак не в силах с нами ехать и не поедет, а чтобы мы ехали одни с невестою. Боже мой, как перетревожились тем и невеста, и мать ее, и жена моя. Все приступили к ней с препокорнейшими просьбами, но она

стала в том, чтобы не ехать, и ни на какия просьбы не соглашалась. Мы так и сяк, мы ее уговаривать, мы упрашивать, но не тут-то было и ничто не помогало. Заупрямилась, да и только всего! Что было делать? Невеста в слезы, мать ея кланяется ей почти в ноги, жена моя говорит, что без нее и она не поедет, а я, с моей стороны, употребляю все, что только мог находить к ее убеждению. Долго сие продолжалось, и насилу-насилу, и по долговременном убеждении и всеобщими поклонами уговорили мы ее, и она дала слово.

И тогда ну мы все спешить и сами одеваться, и невесту убирать, и кареты, готовить, и все приготовлять. Тут подъехал к нам и *Михайла Матвеевич*, но сему мы были и рады и нет. У молодца был уже лоб изрядно накачен, но как не отсылать же было его назад, то принуждены мы были брать и его уже с собою. Между тем как все сие происходило, наступили не только сумерки, но и ночь совершенная, и к умножению досады нашей, по случившейся тогда пасмурной погоде, самая темная, ненастная и холодная. Мы еще и в половину невесты не одели, как глядим, скачет к нам гонец из церкви с вопрошанием, скоро ли мы будем, и с уведомлением, что жених с поездом своим давно уже в церкви и нас дожидается. «Тотчас, тотчас будем», – говорим мы ему в ответ, и отправляем назад, а сами усугубляем старания свои о скорейшем снаряжении невесты.

Наконец, кое-как убравшись и снарядившись, поехали мы с невестою к церкви. Там нашли мы весь женихов поезд и его самого, иззябнувших от стужи и холоднаго ветра. Обе барышни наши также прискакали вслед за нами смотреть невидальщины свадьбы, и не менее их иззябли. Но как бы то ни было, но бракосочетание совершилось благополучно, и мы, пообрекомендовавшись, по обыкновению, отпустили наперед жениха, а сами на несколько минут остались. И что ж случись тогда еще? Путь был хотя недальний, но как темнота была превеликая, факелов же ни с женихом, ни с нами не случилось, а надобно было переезжать еще вершину с речкою Язовскою почти под двором, то и завезли жениха нашего куда-то в ров, и карету его порядочно с ним опрокинули. Бедняк испужался впрах, но, по счастию, ничем не зашибся, а выдираясь из ней, замарался только грязью; и как карету не могли скоро опять поднять, то ну-ка он молоть по грязи пешком домой и пробираться скорее сквозь сад, чтоб успеть до приезда нашего переодеться и надеть другие чулки вместо испачканных совсем грязью.

Мы всего того не знали и не ведали, и услышав о том на дороге, согрешили и, разсмеявшись, сказали: «Ну, не одним же нам терпеть беды и напасти. Надобно же и им сколько-нибудь иметь в том соучастие: мы не грешные, а они не праведные!» Говоря сим образом и удивляясь соединению толь многих бед, доехали мы с своею невестою порядочно и без всякаго помешательства и остановки до дома женихова.

Оной нашли мы великолепно освещенной и наполненной множеством господ и госпож. Нас приняли, по обыкновению, и тотчас повели сажать за стол, убранной пышным образом и по-княжески. Меня, как отца посаженнаго, посадили, по обыкновению, подле жениха, а госпожу *Пестову* подле невесты, а подле меня друга и товарища моего, раскиснувшаго почти совсем *Михаила Матвеевича*. Сего молодца сколько дорогою я ни упрашивал, чтоб он как можно меньше говорил; но статошное ли дело, чтоб послушаться; но тут-то и велеречие проявляется. Молодец забыл все мои просьбы и увещания и занес тотчас околесную, и ну врать, хохотать и смеяться, сам не зная чему. Я его ногою толк, я еще раз, но он и не помышляет переставать. Стыд моей головушке и горе превеликое! Но, по счастию, особливой случай и происшествие внезапное и всего меньше всеми ожидаемое отвратило скоро всех внимание от сего чудотворца и, перепугав всех, заставило о ином думать.

Догадало нашего жениха достать где-то пушки и установить их для стрельбы под самыми окнами зала. Мы о том вовсе не слыхали и ничего не ведали, и потому едва только из них при питье здоровья женихова начали стрелять, как многие, не знавшие того, заахали и повскакали от испуга. Жена моя, боявшаяся всегда стрельбы, была первая из оных, а не менее испужался и сам мой братец, хотя и служил в артиллерии офицером. Обстоятельство сие произвело смех в некоторых особах; но смех сей скоро превратился во всеобщее сожаление: ибо не успели раз и пяти выстрелить, как вдруг нечто под окном с превеликим гулом вспыхнуло и так осветило всю залу, что все повскакали с мест своих; и как непосредственно за сим произошел превеликой шум, кричанье и оханье под окнами, то поразились все неописанным изумлением, и многие закричали: «Что такое? Что такое?» и послали спрашивать. И тогда, к общему всех прискорбию, узнали мы, что из заряжавших пушки неискусных людей, держал один в руках мешок с пятью фунтами пороха и был так неосторожен, что стоял так близко и в таком положении от одной пушки, что сверкнувшая искра

от пальбы попала ему в мешок и зажгла весь порох в оном, и сей бедняка сего всего опалил и поверг на землю. Сие впрах всех стрелков перепугало, ибо все думали, что его убило, а от сего и произошел помянутой крик и шум.

Нельзя изобразить, как перетревожилась тем вся наша компания и какое началось у всех тогда судаченье и сожаление об артиллеристе неискусном. Позабыты были все и церемониалы. Многие, повскакав с мест своих, бросились иные на двор и к пушкам, а иные к окнам смотреть мнимо умерщвленнаго. Но, по счастию, оказался он жив, а только опален как чурка, и кровь лилась с лица и со всей головы его. Ну-ка мы тогда думать и гадать, чем бедняку сему помогать, и, по счастию, вспомнилось мне, что в таких случаях всего пригоднее бобовая или гороховая мука. Итак, тотчас велели оной из гороха в жерновах намолоть, и всего его мукою сею усыпать. А сие и действительно так чудесно помогло, что он в немногие дни после того, как я после узнал, совершенно от ран своих исцелился.

Между тем легко можно заключить, что случай сей принудил тогда перестать стрелять из пушек. И мы насилу-насилу уселись опять по своим местам и начали продолжать обыкновенную свадебную церемонию, а окончив стол, поевши сластей и конфектов, напившись кофею и распрощавшись с новобрачными, отправились в свою деревню. Но путь до ней какой ни был короток и с какою осторожностию мы ни ехали, и тащились почти с шагу на шаг, но не могли и тут доехать по добру по здорову, а надлежало и тут еще случиться с нами беде, и беде всех прочих чувствительнейшей, но зато и самой уже последней. При выезде из Котова надобно нам было переезжать чрез высокой и прескверной мост, чрез устье речки Язовки сделанной. Наша карета переехала-таки благополучно, но под каретою госпожи *Пестовой* каким-то образом проступилась в прореху одна лошадь и ну биться. Она смяла было всех лошадей и стащила самую карету под мост, но, спасибо, кое-как сию удержали. Но бедная лошадь так себя надсадила и измучилась, что на другой день от того, к великому прискорбию г-жи Пестовой, околела. Но мы рады были, что не сидели сами в каретах, но вышли из них, не взъезжая еще на мост, и перешли оной пешком, а то и сами мы насмерть перепугались бы.

Сим кончились все наши беды и напасти, ибо в день бывшаго наутрие княжова пира, на которой мы уже все и с боярышнями нашими ездили, не случилось ничего особливаго, и мы кончили сей свадебный пир доволь-

но весело и благополучно, а в последующий день, повидавшись с обоими братьями, и потазав их хорошенько за их невоздержность, и пожалев искренно о меньшом, найденном уже в великой разстройке здоровья, поехали мы в свой обратной путь; и нашед у господина *Шушерина* колесо свое, заново починенное и исправленное, и в благодарность за то у него переночевавши, благополучно на другой день возвратились в Киясовку и не могли долгое время надивиться совокуплению толь многих несчастных происшествий, случившихся с нами в езду сию; и свадьба сия весьма памятна нам еще и поныне.

Дня через два по возвращении нашем, настал и 38-й год моей жизни. Я препроводил оной первой день, по обыкновению своему, тихомолкою, и празднуя оной духовно; а ко дню именин моих приезжали к нам и наши молодые с обыкновенным свадебным визитом, и чрез то сделали нам сей день приятнейшим, в которой посетили нас и некоторые из соседей тамошних.

В достальное время тогдашней осени не произошло у нас ничего особливаго и замечания достойнаго, кроме того, что я занимался отыскиванием во всех волостных дачах белого, годного для тески камня, и принужден был для сего объездить все деревни, и обшарить, так сказать, все поля и вершины в оных; но на все мои старания и труды несмотря, не мог никак нигде отыскать оных.

Еще памятно мне, что в сию осень заезжали ко мне многие из прежних, и не только из знакомых, но и совсем не знакомых людей, и отчасти для каких-нибудь надобностей, а отчасти для узнания только меня, и я имел случай познакомиться чрез то со многими совсем мне до того не знакомыми людьми. В особенности же памятно мне, что однажды имели удовольствие при проезде чрез наше село видеть моих прежних сотоварищей в учении, детей генерала *Маслова*, с которыми учился я вместе французскому языку в Петербурге, у них в доме. Оба они тогда уже так переменились, что и узнать их было не можно. Я, услышав, что они остановились ночевать в селе, нарочно к ним ходил. Но обращение их показалось мне столь холодным и спесивым, что я жалел о предприятом труде, и посидев немного у них, пошел, и перестал об них и думать.

Далее достопамятно, что мы в сию осень основали тут хлебной магазин, по примеру богородскаго, чрез сбор с крестьян по небольшому количеству с тягла.

В месяце ноябре имел я опять удовольствие получить из Петербурга, от господина *Нартова*, дружеское и приятное письмо с приложением XXVII части «Трудов» Общества. В сей части напечатано было продолжение сочинения моего «О хмелеводстве» со всеми приложенными к нему моими рисунками, которыми я наиболее всех и взбудоражил и заставил обратить внимание свое к сей части сельскаго домоводства. И господин *Нартов* уведомлял меня, что пиеса сия принята весьма благосклонно и называя меня любезным патриотом говорил: «Не преставайте далее упражняться и сообщать нам свои похвальные опыты. Они вам делают честь и славу отечеству нашему». Таковая похвала, признаюсь, была мне не только непротивна, но щекотала мое честолюбие.

Далее замечания достойно, что около сего времени получили мы первое известие о том великом перевороте во всем нашем отечестве, которой произведен чрез реформу всего нашего внутреннего гражданского правительства, и изданное новое учреждение о наместничествах и всего прочего. Эпоха сия была, по всей справедливости, самая достопамятная во всей новейшей истории нашего отечества, и последствиями своими произвела во всем великия перемены. Мы читали все сие учреждение с особливым вниманием и готовились заблаговременно уже ко всем переменам, долженствующим проистечь от сего важнаго преобразования.

Вскоре засим и при наступлении первых зимних месяцев, не столько повстревожен, сколько удивлен я был одним, всего меньше мною ожидаемым известием. Узнал я, не помню уже чрез кого и по какому случаю, что богородицкой управитель, известный господин Опухтин, уже отставлен, а на место его, обещанное князем столь свято мне, определен не я, а некакой *князь Гагарин*, по имени Иван Иванович, служивший до того асессором или тогдашним воеводским товарищем в Туле. Сперва удивило меня сие известие, и я не хотел было тому и верить; но как оказалось оно достоверным, то, признаюсь, несколько и подосадовал на князя, и сам себе говорю: «Эх! старичок, не сдержал своего честнаго слова!.. Не ожидал было я сего от тебя». Но досада моя продолжалась очень недолго, но как скоро узнал я, что помянутой князь Гагарин был ему какой-то недальний родственник, то сказал: «И! рубашка к телу ближе кафтана! И можно ль мне и требовать того, чтоб я предпочтен был его кровному». Махнул рукою и перестал о том и думать, а более потому, что я, обжившись в Киясовке, был и сим местом совершенно доволен и не имел ни малейшей причины ни на что

жаловаться. Жалованье получал я довольное, люди все сделались знакомы, трудов было хотя сначала довольно, но я успел уже большую часть из них преодолеть, соседи меня все полюбили, жить нам было не скучно, недостатка мы ни в чем не терпели; а что всего лучше, то от дома своего были очень близко, и могли всегда в оной ездить, когда хотели, и пребывать там сколько желалось. Итак, перенес я с довольным хладнокровием сей неожидаемый со мною случай, и охотно извинял князя в его поступке; а особливо заключая, что, без сомнения, убедили его к тому какия-нибудь важныя причины; ибо по известной мне доброте его сердца, никак не ожидал я от него, чтоб он мог учинить такое несообразное с его честным характером дело попросту; что после действительно и оказалось. И вот что, как я после узнал, произвело сию перемену.

Помянутый князь *Гагарин*, бывший, как выше упомянуто, в Туле воеводским товарищем, был человек не из далеких и не такой, которой бы известен был по отменной честности своего характера, но подверженной обыкновенным слабостям человеческим, и между прочим, зависти и корыстолюбию. Место опухтинское давно уже кололо ему глаза. И как молва повсюду носилась, что он весьма много нажился и получил в короткое время несколько чинов, то все сие производило в нем некоторую зависть и желание увеличить свой достаток, несмотря что имел он и без того довольный, побуждало его давно вожделеть сего, по мнению его, столь прибыточнаго и выгоднаго места, и домогаться всячески онаго. Но кредит, в каком находился *Опухтин* у старика князя, полагал ему в том непреоборимое препятствие. Но как скоро преждеупомянутым образом г-н Опухтин вздумал было проситься у князя в отставку, и потом упросил его дозволить ему остаться еще на несколько времени; то, с одной стороны, сие, а с другой – обнародование манифеста о учреждении наместничеств, угрожавшее его неминуемо потерянием своего асессорскаго места, побудило его искать всех возможных средств к согнанию Опухтина с его места, и к убеждению старика князя к определению его на место онаго в Богородицкую волость управителем.

Итак, при помощи одного своего знакомца из тутошних тульских небогатых дворян, но сущего прошлеца и не только умнаго, но бойкаго, хитраго, лукаваго и пронырливаго человека, которой был к нему как-то вхож и отменно им любим, и приступил он к употреблению всяких происков и хитростей, с одной стороны, к согнанию Опухтина с места, а с другой – к

убеждению старика князя к определению его в Богородицк на место онаго. Обоим им был каким-то образом знаком и очень дружен любимейший сын старика князя, известный князь *Сергей Сергеевич*. И как им известно было, что мог он многое сделать из старика, а особливо при вспоможении старухи княгини, его матери, то и пошли они сим каналом и, преклонив молодого князя и старушку на свою сторону, приступили тотчас ко всем хитростям и коварствам к доведению Опухтина до того, что он, не дождавшись истечения испрошеннаго им двухлетняго срока, расположился иттить в отставку. Богу одному уже известно, какия и какия употребили они к тому средства и чем каким принудили Опухтина почти насильно и против хотения проситься в отставку. Не успели они через лазутчиков своих узнать, что Опухтин действительно намерение сие принял, как и бросились в Москву и настроили молодого князя и княгиню в свою пользу, и умели сим делом так хорошо схитрить и спроворить, что в самой почти тот пункт времени, как получена просьба от Опухтина, явился и тут и молодой князь, и оба они с матерью насели с таким усилием на старика князя, что сколько он сначала ни упорствовал и никак не хотел определить в Богородицк не коротко ему знакомого и всех желаемых им способностей не имевшаго князя *Ивана Ивановича* и сколько он ни отговаривался, но как говорится в пословице, что ночная кукушка перекукует дневную, то не мог и он никак отвязаться от неоступных просьб и любимаго сына, и жены своей старушки, и принужден был против хотения своего на их желание согласиться и Опухтина уволить, а на его место определить князя Гагарина. Но сие было уже и последнее деяние старушки княгини, ибо она в тот же год уже и умерла и оставила князя доживать свой век с детьми своими.

Итак, вот каким образом и почему досталось богородицкое управительское место князю Ивану Ивановичу. Сей молодец, не имея ни достоинств таких, какия имел Опухтин, ни свойств его, был совсем не по сему месту, и вместо того, чтобы править волостью на такой же ноге, на какой было правление господина Опухтина, он удержал только то из его поступок, что льстило его корыстолюбию, а в прочем, сообщась вместе с помянутым прошлецом, другом своим, и начал волостью управлять совсем не на таких честных правилах, на каких управлял до того Опухтин, и не столько помышлять о исправном наблюдении многотрудной по тогдашним обстоятельствам своей должности, как старался единственно о набивании своих карманов и об отыскивании к тому всех удобовозможных

способов. В отправлении сего толь многим людям свойственнаго и для всех бездельников легкаго, а только одним честным людям труднаго и мудренаго ремесла, имел он у себя двух помощников. Один из них был помянутой его, или паче княгини, жены его, задушевной друг, господин *Верещагин*, по имени Петр Алексеевич. Сей чудной и можно сказать, по уму, способностям и всему характеру своему прямо удивительный молодой человек был и советником его, и наставником, и помощником, и всем и всем. Чтоб иметь его всегда при себе и пользоваться его умом и всем проворством, он не преминул тотчас и тем же каналом доставить ему бобриковское управительское место с определением ему достаточнаго жалованья и содержания; почему он тотчас и перевез все свое семейство, состоящее в матери, трех сестрах и в брате, в село Бобрики и занял весь тамошний домик, стесня даже и самого архитектора, а сам жил почти безвыездно в Богородицке у князя в доме, и скоро простака князя довел до того, что он во всем плясал по его дудке и ничего не делал и не предпринимал без его совета и наставления.

Другим помощником был ему во всем, а особливо в выдумываниях всяких средств к обогащению, один из тамошних старинных подьячих по имени *Иван* же *Иванович*, а прозвищем *Варсобин*. Сей отправлял тогда при нем секретарскую должность, но не столько был сведущ по делам и способен к отправлению приказных дел, сколько хитр, замысловат и искусен в том же прекрасном ремесле, которое было у всех их главным предметом.

Итак, при помощи и в совокуплении с сими двумя помощниками и друзьями, и начал он тотчас поворачивать всю волость с бока на бок, сосать из ней и мед и млеко для утучнения своего и без того дебелаго тела. А таковая перемена и не преминула сделаться всем тамошним крестьянам чувствительною, и как после я узнал, дошла каким-то образом манием до сведения и до самого старика князя.

Всего того я тогда не ведал, а будучи, как упомянуто, своим местом доволен, скоро перестал о Богородицке и думать. Почему и не давал князю никогда и вида не только какого-нибудь на него неудовольствия, но даже и того, что я о помянутой перемене богородицкаго управителя и знаю.

Сим окончился текущий тогда 1775-й год, с окончанием котораго окончу я и сие письмо мое, сказав вам, что я есмь ваш и прочее.

(Генваря 14-го дня 1809 года).

ПОСЛЕДНЯЯ ЖИЗНЬ МОЯ В КИЯСОВКЕ 1776 ГОД

Письмо 184-е

Любезный приятель!

Приступая теперь к описанию происшествий, случившихся со мною в течение 1776-го года, и также по многим отношениям весьма достопамятнаго в жизни моей периода времени, начну тем, что и самое начало онаго ознаменовалось особливым происшествием, доставившим мне совсем неожидаемое и приятное удовольствие. Не успел он начаться, как получаю я от князя, моего командира, претолстый пакет с письмами. Распечатав, нахожу в нем некоторые к себе ордера, относящиеся до волостных дел и обстоятельств, и копию с доклада, деланнаго князем о разных предметах государыне, и с своеручными отметками на все его вопрошения императрицы. Легко можно заключить, что бумага сия была для меня всех прочих любопытнее, и я не успел ее увидеть, как, не читая ордеров, начал прежде всего читать оную; но каким внезапным и приятным удовольствием поразился я, читая один пункт, касающийся собственно до меня. Князь, расхвалив меня, просил у государыни дозволения о прибавке мне жалованья, сверх получаемых мною 400 еще 200 рублей, дабы я по достоинствам моим получал оное наравне с управителем богородицким; а государыня против сего пункта написала ему только следующее слово: «Это зависит от воли вашей». – «Ба, ба, ба! – воскликнул я, сие увидев и натурально обрадуясь тому чрезвычайно. – И не думано было о том и не помышляемо! Ай, князь! – продолжал я. – Ну спасибо! Ей-ей, спасибо!.. Хоть и не устоял в своем слове, но, по крайней мере, позолотил мне ту пилюлю, которую молча проглотить я был должен! Теперь помирил ты меня совершенно с собою! Слава, слава Богу! На что сего лучше? Местом своим я и без того был доволен, а теперь, получая такое жалованье, какое получает и богородицкий управитель, и того еще довольнее».

Сказав сие, и подхватя доклад и ордер княжий о самой сей прибавке жалованья, побежал я того ж момента к своим хозяйкам для сообщения им сей радости. Легко можно заключить, что бумаги сии, которыя заставил я их самих читать, произвели и в них такое же удовольствие, как и во

мне. Они крестились только от радости, благодаря Бога, и благословляли князя за его ко мне любовь и попечение.

Удовольствие мое от сего было тем для меня чувствительнее и больше, что я всего меньше о том помышлял и нимало о том князя не просил и того не добивался; а сделал он сие сам собою и, как думать надобно, совестясь, что он меня несдержанием своего слова некоторым образом обидел. Но я тысячу раз ему сие прощал, и был сим поступком его чрезвычайно доволен.

Итак, сей случай сделался новым способом и источником к увеличению маленького моего капитальца, который и без того от благоразумной моей бережливости нарочито уже поувеличился. Ибо привыкнув всегда, по пословице говоря: ножки протягивать по одежке, был я весьма удален от того, чтоб по приумножившимся от жалованья моим доходам умножить и свои расходы по примеру прочих, но за полезнейшее почел остаться при прежних своих умеренных расходах, а все излишки не только сберегать впредь на непредвидимые нужды, но и умножать оные сколько было можно правильными и законными средствами. А последуя сему правилу не только полученную в подарок себе сумму от княгини и Салтыкова отнюдь не истратил на ненужныя безделки, но за умеренные и законные проценты роздал всю вместе с избытками, оставшимися от расходов, малинским волостным торгующим всякою всячиною мужикам. Чрез что в протекшие полтора года пребывания моего в Киясовке уже знатно и без мала вдвое и так увеличилась, что я, при обыкновенном моем при начале каждаго года счете, и сам тому удивился и благодарил Господа за сие сниспосланное Им ко мне благословение.

Не успело после сего несколько дней пройтить, и я сколько-нибудь духом успокоился, как недуманно-негаданно получил я из Москвы опять претолстый пакет, произведший во мне новое и такое для меня удовольствие, которое ничем было не меньше первого, хотя дело и не составляло такой важности. Прислан он был ко мне от нового знакомца моего, господина *Гиппиуса*, немца, и содержал в себе экземпляр вышедшей только из печати первой части моей «Детской философии». Боже мой, как обрадован был я, увидев в первой раз свое моральное сочинение напечатанное! Не могу и поныне забыть, как прыгал я тогда, как маленькой ребенок от радости, и с каким неописанным удовольствием оное разсматривал. При всех несовершенствах и погрешностях типографических, с какими сочи-

нение сие было тогда напечатано, казалось оно мне и Бог знает каким хорошим, и я не мог довольно на него насмотреться и им налюбоваться. Все домашния мои, которым я также книгу свою спешил показывать, должны были брать в радости этой соучастие, хотя им и не произвела она такого удовольствия, как прежний случай.

Господин *Гиппиус* уведомлял меня, что и все прочие 100 экземпляров, которые я по условию должен был получить из типографии за труд мой, также готовы и чтоб я приезжал для получения оных сам или присылал кого с надлежащею доверенностию. А самое сие и побудило меня поспешить в Москву своим отъездом, куда я и без того хотел на короткое время съездить как для принесения князю моей благодарности, так и для отобрания от него некоторых повелений и разрешений по делам, до волости относящимся.

Итак, не долго думая, собравшись, и полетел я в Москву налегке и, остановившись в доме у приятеля моего, господина *Полонскаго*, явился к князю и изъявил ему достодолжную мою благодарность. Князю было сие весьма приятно, но он более еще доволен был тем, что не упоминал я ни одним словом о богородицкой перемене, а показывал вид, будто я совсем о том и не знаю ничего, хотя прошло уже несколько после того месяцев; самому же ему натурально не было резону о том мне сказывать! А все сие и произвело то, что сделался он ко мне еще благоприятнее прежняго и не мог со мною о наших волостных делах довольно наговориться.

Что касается до друга моего, господина *Полонскаго*, то я нашел его в неожидаемой разстройке и совсем в другом положении. Каким-то образом поссорился он с своею женою, и они разошлись врознь, и я крайне сожалел о сей их размолвке, которая, к несчастию, продолжалась потом на весь их век, ибо жена его вскоре после того кончила и жизнь свою, и он остался доживать свой век вдовцом и совсем уже не так хорошо, как живал он прежде.

С господином Гиппиусом не преминул я натурально видеться, и при посредстве его имел удовольствие получить все свои 100 экземпляров моей книги, с которыми тогда не знал, что и делать. Но удовольствие мое увеличилось еще несказанно, когда услышал я, что книга моя имела счастие полюбиться публике и что многие желают продолжения оной, почему и советовал он мне о приуготовлении и второй части сей книги, к

чему я, по возвращении моем из Москвы, тотчас и приступил и начал ее переписывать.

Как мне в Москве никаких иных нужд не было, то в сей раз и недолго в ней пробыл, но переговоривши обо всем нужном с князем, и поехал я обратно в свое место. А не успел возвратиться, как обрадованы мы были опять приездом к нам наших кашинских родных, которыя прогостили у нас и в сей раз недели две и доставили нам сообществом своим много минут приятных.

По отъезде их все тогдашней зимы достальное время провели мы в обыкновенных своих делах и упражнениях довольно весело. Половодь в сей год случилась под день самой Пасхи, и я встревожен был ею в самое то время, когда стояли мы у заутрени. Прибежали ко мне сказать, что прорывается водою мой новозапруженный пруд, которым я так много любовался. Я ахнул ажно, сие услышав, и, прогнавши от самой заутрени туда народ, поскакал и сам без памяти к нему ж; но скоро успокоился, увидев, что портился водою только конец самого водовода или отвода, и опасности дальней никакой не было.

Вскоре после того случилась со мною та неприятность, что занемог и сам я лихорадкою, и довольно жестокою; но, по счастию, продолжалась она недолго. Но при помощи лекаря и окуривания себя моржевым ремнем и бородавками с ног лошадиных благополучно я от нея освободился.

Все наступившее потом вешнее время провели мы довольно весело. Я занимался отчасти делами по должности, отчасти обыкновенными литературными упражнениями, а отчасти садами и цветниками своими. Первых дел было уже несравненно меньше против прежняго, почему и мог я употреблять множайшее время для своих упражнений, что для меня было и приятнее всего. А нельзя сказать, чтоб и сады тамошние меня слишком занимали. Не было как-то к тому никакого дальнаго побуждения. План к будущему строению был хотя ко мне и прислан, и материалов приготовлено довольно много, но охота к строению сему у князя как-то охладела, и он, заезжая ко мне сию весну на самое короткое время и почти мимоездом, говорил со мною о сем строении таким тоном, что я легко мог усмотреть, что откладывалось оно в дальний ящик, чему признаюсь был и рад несколько; ибо безчисленныя, сопряженныя с ним хлопоты меня гораздо устрашали, а потому не находил я никакой побудительной причины прилепляться

слишком и к тамошним простым и ничего не значащим садам, равно как предчувствуя, что труд мой в разсуждении их будет совсем тщетной.

Князь в сей раз был у меня один, без детей, и пробыл только одни сутки, и осмотрев все и по обыкновению своему одобрив, поехал от меня в Богородицк. И достопамятнаго было только во время сего приезда то, что при случае ловления в пруде по-прежнему рыбы, застигла нас в роще престрашная гроза и проливной дождь, от котораго насилу мы успели добежать до двора и убраться в хоромы, а в прочем было все хорошо и ладно.

По отъезде князя восхотелось мне со всем своим семейством съездить в свою деревню. До того езжали мы обыкновенно на самое короткое время, а в сей раз хотелось мне пробыть там поболее и несколько дней сряду. Побуждали меня к тому наиболее сады мои; я жалел об них, видя их без себя час от часу сиротеющими, и мне хотелось сколько-нибудь поддержать оные. Чтоб мне не так было скучно, то подговорил я с собою ехать туда и моего лекаря, которой и помог действительно мне проводить все дни тогдашняго пребывания моего в деревне с множайшею приятностию. В сей приезд вздумалось мне внизу под горою бывшую тут небольшую калдобину с водою разрыть и превратить в порядочную четыреугольную сажелку, послужившую потом первым основанием всем моим водяным украшениям в сей подгорной части моего нижняго сада. Самой земляной холм, украшающий так много весь сей низок, с воздвигнутым на нем круглым павильончиком, насыпан был в сей самой раз из земли, вынимаемой тогда из сей маленькой, но после уже гораздо разширенной и в озерко превращенной сажелки. И мы не один раз присутствовали с лекарем при сей работе: он с своею трубкою, а я с книгою в руках, и занимались приятными разговорами. Ему вся моя усадьба и сады чрезвычайно полюбились, и он не мог довольно расхвалить оные.

Все последующее за сим лето провели мы хорошо и с удовольствием. В половине онаго кончился уже и другой год пребывания моего в Киясовке, и мы не видали почти, как протекло сие время. Жить нам тут так было хорошо, что чем долее мы тут жили, тем более находили в тамошнем своем пребывании приятностей и удовольствий. Весьма много помогала к тому приязнь и дружество к нам всех тамошних соседей. Все они сделались нам власно как родные и не было никого из них, который бы не любил нас искренно и чтоб которому и мы тем же не соответствовали; а особливо дом помянутой госпожи генеральши *Олицовой* был нам отменно благоприя-

тен. Она принимала нас и обходилась с нами как бы с кровными своими родными, и мы были ею очень довольны. Весьма дружны были мы также с домом *Кологривова*, Николая Ивановича, и его семейством; а меньшая дочь господина Беляева, по имени *Алена Федоровна,* жила почти безвыездно у нас и сделалась власно как принадлежащею к нашему семейству, так полюбили ее все мои домашния.

Одно только печальное происшествие, случившееся в течение сего лета, нас несколько огорчило. Лишились мы нашего умнаго и ученаго священника *Никиты*, помогавшаго мне так много провождать время свое с приятностию. Вогнала его в гроб злая чахотка, нажитая им от проклятой и пагубной страсти к вину, к чему он сделал еще смолоду и живучи в Коломне привычку, и от которой не мог никак отстать и во время пребывания своего в Киясовке. Я сколько ни старался его от оной отвратить, но все старания мои были безуспешны, и злая чахотка поразила его и столь сильно и скоропостижно, что не помогали ему никакия лекарствы, лекарем нашим к тому употребляемыя. А что особливаго замечания было достойно, то болезнь сия пристала от него и к жене его, женщине молодой и весьма доброй и прекрасной. И оба они вдруг начали как воск таять, и не можно было без жалости смотреть на них. Ибо в один день, и будучи на ногах, кончили свою жизнь, так что мы их в один день и в одной могиле похоронили. Оба они были столь любления достойны, что мы и поныне не можем вспомнить об них без сожаления.

Впрочем, как ни занимался я в течение сего лета разными до хозяйства относящимися опытами и делами и сколь ни деятелен был в сем отношении, но не оставлял никак и литературных своих и любопытных упражнений; но, по прежнему своему обыкновению, посвящал им все свободные часы своего времени, и сколько помнится мне, то в самое сие летнее время окончил я перепискою вторую часть своей «Детской философии», и отправил оную в Москву к господину *Гиппиусу* для отдания в печать. Далее трудился я в описывании с натуры всех врачебных трав, сделавшихся мне до того времени известными. К сим описаниям их примет приобщал я и все то, что находил в книгах упоминаемаго о врачебных качествах каждаго произрастения, и все то, что самому мне о том из опытности узнать случилось. И племянник тамошняго прикащика, *Иван Михайлов*, бывший у меня в канцелярии писцом и писавший довольно хорошо, должен был переписывать все сочиняемое мною набело. И толстая тетрадь, составив-

шаяся из сих описаний, и поныне хранится у меня, как некаким памятником тогдашняго моего упражнения. Кроме сего, как он, так и самой мой канцелярист трудились над переписыванием набело перевода моего «Китайской истории». А не гуляли у меня и кисти с красками. Сими успел я столь много раскрасить разных эстампов и картин, что в состоянии был убрать ими почти сплошь всю мою гостиную. И как все картины установлены были в узор, то все приезжающие к нам не могли довольно налюбоваться.

В сих разнообразных и безпрерывных занятиях и не видал я, как протекло все лето и настала осень. Сия повстречала меня удовольствием, произведенном во мне получением опять толстаго пакета из Экономическаго общества при письме от *Нартова*. Сей милой и любезной человек, любивший меня так много заочно, и не зная хотя лично, жаловался, что он давно не имеет обо мне никакого известия, и уведомляя меня, что посылает ко мне XXVIII часть «Трудов» Общества, в которой и последняя часть сочинения моего о хмелеводстве напечатана, просил меня, чтоб я уведомил его о себе. Сие я тотчас после сего и учинил, и отправляя письмо мое, приобщил к оному сочинение мое о пересадке дерев.

Вскоре после сего востребовала надобность побывать мне в Москве как для некоторых собственных своих нужд, так и для переговора с возвратившимся из Богородицка князем, о делах до волости относящихся. Князь приезду моему был очень рад, и не успел меня увидеть, как сказал мне, что я приехал к нему очень кстати, что наутрие отправляется он в ближнюю свою подмосковную деревеньку, и как ему давно хотелось свозить меня туда и показать мне свой скот, то располагается теперь взять меня туда с собою, а кстати оттуда свозить и в Никольское, к своему князю *Сергею Сергеевичу*, и показать мне оное и все тамошние заведения. «Очень хорошо! – сказал я. – Ежели вашему сиятельству угодно, то я готов ехать», хотя в самом деле мне и не весьма хотелось в такую даль и по пустякам забиваться. Но как отговориться было нечем, ибо нужд никаких важных не было, то и принужден был дать на то свое соглашение.

Итак, недуманно-негаданно, я наутрие же, по исправлении своих небольших нужд, в путь сей с князем после обеда и отправился. Был я тогда не один с ним, а сотовариществовал нам его внук, г. *Калычев*, и один их родственник, князь *Голицын*, человек нестарый и довольно изрядный и веселый! Итак, ехать нам было не скучно. Как при выезде из Москвы

надлежало нам ехать чрез самое то поле, где за год до того было славное Ходынское торжество, то не мог я довольно надивиться, не видя на всем оном ни малейших уже знаков и самых следов бывших тут толь многих прекрасных зданий, ибо все они были уже сломаны и развезены в места другие, и поле было чистым-чистехонько. «Боже мой, – подумал я тогда, – вот так-то время погубляет и самыя пышныя столицы и города многонародные! Сколько их из бывших и славящихся в древности погибло так, что по примеру сему и следов их ныне нет и признаков, где они были, даже не видно».

Как подмосковная княжая была менее 20-ти верст от Москвы, то мы туда скоро и задолго еще до вечера приехали. Она была самая маленькая и состояла из одного почти большого и порядочно выстроеннаго скотскаго двора с овощным огородом и маленьким ничего не значущим домиком для приезда. Но князю была она мила и любезна. Он обводил меня по всем местам и показывал все, а особливо свою прекрасную английскую и голанскую рогатую скотину, которою не мог он довольно налюбоваться. Да и было в самом деле на что посмотреть при пригнании их с полевого корма: все мы, сидючи с князем на крыльце, долго ею любовались. Но удовольствие наше вдруг прервано было бедственною и поразительною неожидаемостию. Превеликому голанскому бычищу, бывшему тут же между коровами, вздумалось что-то подурить и понеугомонничать; и как скотнику хотелось его несколько от того поунять, то вдруг разсердившись, он ну сего бедняка страшными своими рожищами брухать и, подхватя его рогами под задницу, так и шваркнул. Мы обмерли, испужались, сие увидя, а особливо услышав страшный вопль и стон от израненнаго скотника. Все не знали, что тогда делать и как загнать быка сего в его отдел, ибо все боялись и близко к нему подойтить, и насилу-насилу кое-как загнали его на двор, а потом и в его отдел и заперли. И как оказалось, что бедный скотник был от него смертельно ранен и изуродован, то все сие старика князя так на быка сего озлобило, что он, несмотря на всю дорогую цену, каковой он ему стоил, решился велеть самого его за сие убить и неотменно того в тот же час требовал. Но тут сделался вопрос: как сие и кому сделать и пуститься на сию отвагу? Ибо никто не имел духу к сему разсвирепевшему величию и приблизиться. Все мы принуждены были составить для сего общий совет, и всякий предлагать о том свои мысли. Наконец услышав, что он в прочее время бывает смирен и очень ручен, а притом любит от-

менно есть соленой хлеб, определили, чтоб кому-нибудь приманить его с надворья ломтем соленаго хлеба к окошечку, находящемуся в его отделе, и тогда как он, разлакомившись хлебом, поднесет опять к окошку свою голову, то выстрелить ему в самой лоб из ружья пулею; которую коммиссию и взял на себя сам княжий внук, и дело сие произвел наиудачнейшим образом.

Сим образом удовольствие наше превращено было сим случаем в огорчение и крайнее сожаление о бедняке скотнике, которому хотя и старались мы все подать возможнеийшую помощь, но он изуродован был так много и рана, произведенная рогом быка в самое опасное место между ног, была такая страшная, что не было никакой надежды к излечению оной, и бедняк сей действительно от того на другой же день умер, о чем услышав, подумал я сам себе: «И, хорошо право, что мы небогаты и что нам не отчего причудничать и искать утех себе от такого дорогого и опасного скота».

Переночевав в сем подмызочке, поехали мы поутру далее, поспешая поспеть обедать в деревню помянутаго спутника нашего, князя *Голицына*, которой наиболее затем с нами и поехал, чтоб зазвать старика князя к себе на перепутье и угостить его у себя в доме. И как нам, едучи туда по большой воскресенской дороге, надлежало ехать мимо самаго сего славнаго монастыря, называемаго инако *Новым Иерусалимом*, то имел я удовольствие оной видеть, но, к крайнему сожалению моему, только мимоездом и снаружи, ибо князю не разсудилось в оной заезжать и выходить для сего из кареты и терять на то время, а мне было очень хотелось побывать внутри онаго и взглянуть на все тамошния достопамятности.

Домик племянника его, князя *Голицына*, был также небольшой и деревянный, но угощение самое доброе. Все мы, сколько нас в свите княжой ни было, были оным, а особливо ласкою и благоприятством хозяина очень довольны. Он после обеда проводил нас и до самаго славнаго села Никольскаго, где князь *Сергей Сергеевич* отца своего уже дожидался. Подъезжая к оному и едучи подле большого озера, прилегающаго к той горе, на которой построен был у молодого князя сего каменной дом, не мог я положением и красою всех окружающих оное озеро мест довольно налюбоваться. Они в самом деле были прекрасны, но каменный дом княжий был только что построенный, и не совсем еще внутри отделанный, и потому не составлял дальней важности, а того хуже было поведение и обращение с нами самого хозяина. Он занимался только разговорами с отцом, а нас всех,

в том числе и меня, не удостоивал ни малейшаго своего внимания и ни единым почти словом, а не только чтоб какого-либо приветствия и ласки. Я не знал тогда, чему сие приписывать, и относил сие насчет глупой его княжеской спеси и высокомерия безпредельнаго, и потому, презирая его и сам в мыслях, немного то уважал, а доволен был, по крайней мере, тем, что старик князь, приметив, может быть, сие, всячески старался вознаградить то своею к нам ласкою и благоприятством и шуточными с нами кой-когда разговорами. Он предлагал мне, чтоб я обходил все места и окрестности сего новозаводимаго селения, и по охоте своей полюбовался красотами положения мест тамошних. И я тем охотнее на сие согласился, что мне приятнее было разгуливать по местам, нимало еще необработанным, одному и в уединении, и заниматься разными мыслями, чем смотреть на несносную спесь, глупое высокомерие и неуважение всех нас хозяина. И я рад-рад был, что прогостили мы тут недолго, но, препроводив одни только сутки, опять в Москву с стариком поехали, куда приехав и переговорив обо всем, что было нужно, князь и не стал меня держать долее, а отпустил назад в свое место.

Сим образом, сломавши непредвиденное путешествие и возвратясь в Киясовку, не успел я дождаться окончания жатвы, как и приступил к большой и важной работе, занявшей меня во всю тогдашнюю осень. Состояла она еще в сделании одного большого пруда. Прежде сделанный мною пруд князю так полюбился, что возжелалось ему, чтоб потрудился я и сделал еще один пруд подле самого села между помянутым новым и старинным прудом, и расположил бы оной так, чтоб по плотине онаго лежала самая большая, чрез село идущая, каширская дорога, где для стока воды срубил бы я порядочной спуск и сделал чрез него хороший мост. Место самое было хотя не совсем к тому удобно, но как князю отменно того хотелось, и он охотно соглашался пожертвовать нужною к произведению сей работы наймом суммою, то, несмотря на все затруднения, и обещал я ему употребить к тому всевозможныя свои старания. Итак, не успел настать сентябрь месяц, как и принялся за копку сего пруда и за насыпание вынимаемою землею широкой и высокой плотины, и за срубку большого спуска. Рубление сего спуска было для меня еще первоученкою, но, по счастию, тот же приверженной ко мне сибиряк солдат, знающий сие дело, помогал мне в том очень много, а не менее как и в распоряжении работ при копании самого пруда.

Итак, сею работою занимался я во весь сентябрь и октябрь и первую часть ноября месяца, и было для меня трудов и хлопот довольно. Между тем в октябре минул и 38-й и начался 39-й год моей жизни, котораго начало праздновал я по-прежнему обыкновению: к самому же дню моих именин приехала к нам из Кашина и старшая из племянниц моих, сколько для свидания с нами, а того более для взятья от меня с собою своего брата, поелику мальчик сей уже столько вырос, что надлежало помышлять о записании его куда-нибудь в службу; в чем брались вспомоществовать им тамошние их друзья и родственники. Итак, чрез сей случай лишился я одного из своих воспитанников и учеников и жалел, что по тупости разума моего племянника не мог я никак столько ему помочь, сколько бы мне хотелось.

Сим образом продолжали мы жить в Киясовке спокойно, весело, во всяком изобилии и так хорошо, что препроводив уже тут 2 года и 4 месяца так обжились и ко всему привыкли, что не тосковали уже нимало об отлучке от своего дома, и были жребием своим так довольны, что не желали никак лучшаго, а благодарили всегда Бога за доставление нам столь выгоднаго и хорошаго места. Как вдруг посреди занятия моего помянутыми трудами поражает меня новая и такая неожидаемость, которую я всего меньше предвидел и которая в один миг все мысли в голове моей, так сказать, перебурлила и все их, отвлекши от прудовых работ, направила на другой, новой и несравненно важнейший предмет.

В один из последних дней месяца октября, в самое время когда находился я на прудовой работе и, спеша оканчивать оную, суетился о размеривании достальных саженей для копки работникам, вдруг предстает пред меня присланный из Москвы от князя солдат и подает мне запечатанной ордер от князя. «Об чем бы таком? – сказал я сам себе. – И еще с нарочным». И любопытствуя знать, спешил на том же месте, распечатав, прочесть сию бумагу. Но представьте себе, каким неописанным удивлением должен был я поразиться, когда в немногих содержащихся в ней строках увидел такую неожидаемость, какой я не воображал себе ни в уме, ни в разуме. Князь в коротких словах писал ко мне, что как получил он известие, что богородицкий управитель умер, то он определяет на место его меня, и чтоб я собирался немедленно туда отправляться, и готовил бы все тутошныя дела к сдаче господину *Шестакову*, который назначен моим преемником и вскоре ко мне прибыть имеет, а между тем сочинил бы я ему

инструкцию с обстоятельным наставлением, что ему тут делать и наблюдать, и приехал бы сам к нему в Москву для принятия повеления.

«Ба, ба, ба! – воскликнул я, все сие прочитавши. – Господи помилуй!.. Аминь, аминь! С нами крестная сила! Что это со мною делается и творится? Думал ли я и ожидал ли сего?» А потом, перекрестясь несколько раз, позабыл и пруд и все, и побежал к себе в дом сообщать домашним своим сию новость. Во время сего шествия туда чувствовал я, что вся кровь во мне волновалась, а в голове толпились тысячу разных мыслей и перепутывались между собою. Нельзя того сказать, чтоб не обрадовался я сей неожиданной перемене: сколько я к Киясовке уже ни привык и как место сие для меня ни хорошо было, но богородицкое было несравненно выгоднее, честнее, славнее и во всем преимущественнее здешняго. Итак, сердце мое обливалось тогда некоторым родом неизъяснимаго удовольствия, и я несколько раз повторял только: «Ах! Боже мой! Сколь неисповедимы судьбы и чудны дела твои!.. Можно ль было кому-нибудь из смертных думать и ожидать, чтоб жизнь князя *Гагарина*, добивавшагося с таким усилием богородицкаго управительства и наконец добившагося, могла так скоро кончиться и чтоб место сие для меня и столь скоро и таким неожиданным образом опростаться. Ах, – продолжал я вздохнув и возведя взор свой к небу, – не явное ли это действие святаго твоего Промысла, Великий Боже! И не новый ли опыт милости Твоей ко мне и попечения обо мне недостойном. Не иное что, как Твоя десница извлекла меня из дома, привлекла сюда и влечет теперь в другое, как теперь видно, давно уже Тобою мне предназначенное место!.. Ах! Воля Твоя и да будет святая! А я не знаю только, как и чем возблагодарить мне Тебя за сие, а предаваясь всегда, предаюсь и теперь во всем в Твою волю святую». Сим и подобным сему образом сам с собою говоря, добежал я до своего дома и, нашед обеих хозяек своих занимающихся своими делами и женскими упражнениями, с веселым и спокойным видом им сказал: «Как бы вы думали, сударыни, обо мне и чем бы вы меня почитали?» Обе они удивились такому странному вопросу и глядели мне только в глаза. «Нет, право, скажите мне, – продолжал я, – чем бы вы меня почитали? Ведь безсомненно управителем киясовским!» – «Конечно, – сказали они, – да чем же иначе и что за вопрос?» – «Ну так знайте ж, – подхватил я, – что вы в мнении своем ошибаетесь, и что моя милость уже не есть управитель киясовский». Поразились они сим словом, и обе воскликнули: «Да что ж такое?» – «А вот что: я управи-

тель, но не киясовский, а... как бы, вы думали... богородицкий!!!» – «Что ты говоришь! – воскликнули они удивившись. – Не вправду ли?» – «Ей-ей, и вот читайте сами!» – сказав сие, достал я из-за пазухи ордер, и подал им обеим.

«Ах, Боже мой! – воскликнули они прочитавши. – Можно ль было сего ожидать? Ну, поздравляем же тебя, батюшка!.. Ах какая неожидаемость!.. Да как же?.. – подхватила моя жена. – Так нам туда и ехать и перебираться со всем домом?» – «Конечно, –сказал я. – И что о том говорить, дело уже сделано, и переезжать необходимо и скоро надобно, и вы начинайте уже и собираться». – «Ах, батюшки мои! – подхватила жена моя. – Да как это? Да когда же это успеть можно? Уже и теперь глухая осень, а того и смотри, что зима, и как это в такую пропасть можно ехать и со всем еще домом?» – «Как бы то ни было, – сказал я, – и что ты ни говори, а переменить того уже не можно. Вот мне надобно и в Москву еще скакать». – «Ах, батюшка! – подхватила она. – Уж нельзя ли тебе отказаться от того? Нам право и здесь хорошо. Мы здесь уже обзаводились всем и привыкли ко всему; на что нам этого лучше? Так близко от двора; а то поезжай в такую даль, отбивайся от всех своих родных, отдаляйся от дома. А Бог знает еще ни то мы там лучшее найдем, ни то потеряем, право подумайте!» – «Помилуй, – отвечал я, – как это можно!.. Это смех людской будет, если станем мы отбиваться; к тому ж сама ты знаешь, что мы того не искали и не добивались, а пришло это само собою, и видно воля на то Господня! Словом, и говорить о том нечего, а помышлять надобно о сборах».

Однако, что я ни говорил, но жене моей крайне не хотелось разставаться с Киясовкою, и чем более она о том помышляла, тем паче увеличивалось ее нехотение, и скоро довело ее до того, что она ударилась даже в слезы. Но я смеялся только ее малодушию и твердил ей, что об отречении и помышлять нечего, а чтоб лучше, не упуская времени, помышляли они обо всем нужном для предстоящаго нам переезда.

Со всем тем и самого меня тогдашнее позднее осеннее время озабочивало немало. Я воображал себе все предлежащия нам трудности к перевозке всех завезенных нами из двора вещей и целаго почти дома, с людьми, скотом, меблями и прочим, и предусматривал сам, что нам перевозка всего доставит множество хлопот, забот и затруднений; но мысль о необходимости того подкрепляла меня и ободряла много.

Итак, не долго думая, приказал я канцеляристу своему приготовлять все к предстоящей сдаче, а сам, засевши в свое место, принялся тотчас за сочинение инструкции своему преемнику, и в немногие часы настрочил ему превеликую, и не сомневался, что она князю будет угодна, ибо я не упустил ничего из вида. Но сколь малого труда стоило мне написать сию инструкцию, столь много, напротив того, смутился я и не знал, что мне предписать ему в разсуждение заведенного мною тут на опыт новоманернаго семипольнаго хлебопашества. Князю неотменно хотелось, чтоб сей опыт продолжаем был во всей его форме и порядке, но как о господине *Шестакове*, бывшем некогда управителем в Бобриках, случилось мне слышать, что он человек хотя доброй, но сущий охреян[1], и из простаков простак, и тупица настоящая; а все оное хлебопашество в основании своем имело особую обширную систему, и успех и польза от такового хлебопашества не инако могла ожидаема быть, как от непременнаго наблюдения, учрежденнаго распорядка, то полагая, что все сие простаку тому не влезет и в голову, и что он не только исполнять того, но и понять будет не в состоянии, что после и оказалось действительно так, как я думал; однако, чтоб не упустить и сего из вида, то написал я относительно и до сего хлебопашества превеликое и наиподробнейшее наставление, и растердил все и все, как сороке Якова, и чтоб простаку все понятнее могло быть, то изъяснил все нужное наипростейшими рисунками.

Исправя все сие и дорожа временем, поскакал я в Москву, и явившись к князю, благодарил его за оказанную к себе милость. Тут услышал и узнал я от секретаря нашего такое, чего я еще не ведал и что меня еще более в доброте сердечной и честности характера княжова удостоверило. А именно, что как скоро богородицкой управитель умер, то многие из тамошних дворян, льстившиеся получить его место, подхватя почтовых, прискакали в Москву, и бросились с просьбами своими к князю *Сергею Сергеевичу*, а сей тотчас и прискакал было наседать по-прежнему на старика князя, и просить об определении туда какого-то своего знакомца. Но старик князь его предупредил и разрушил все сии новыя каверзы тем, что как скоро получил из Богородицка о смерти управителя уведомление, так в ту ж самую минуту призвал его, секретаря, и велел писать помянутой ко мне ордер, и

[1] Охреян м. перм. вят. лентяй; неотесанный, неуклюжий, грубый, мужиковатый увалень, пск. охрюта.

в тот же день с нарочным солдатом ко мне его и отправил. Итак, не успел князь *Сергей Сергеевич*, прискакав с просьбою своею, заикнуться, как старик ему сказал, что это уже поздно, что я уже определен и что ко мне уже и ордер послан, а потому чтоб он и оставил его в разсуждении сего пункта с покоем. Итак, молодой князь, не солоно хлебав, и принужден был почти со стыдом возвратиться.

Таковой поступок старика князя заставил меня его еще более полюбить и сделаться к нему за то еще более усерднейшим. Он принял меня в сей раз отменно милостиво и благоприятно, опробовал совершенно сочиненную мною *Шестакову* инструкции и о земле наставление, и оставил у себя для переписки, подписания и вручения Шестакову, когда он приедет. Потом, поговоря со мною обо многом, относящимся до Богородицкой волости и таким тоном, что я мог заключить, что он не совсем доволен был управлением умершаго управителя, отпустил он меня, сказав, что он на меня надеется как сам на себя, и что он находящагося там бобриковского управителя, которой не совсем ему нравится, и о котором дошли до него некоторые невыгодные слухи, предает совершенно в мою волю, и что если я найду за ним что-нибудь нехорошее, так бы только отписал к нему, и тогда он его тотчас отрешит и его там и не будет.

С сим разстался я тогда с моим любезным старичком князем и, пробыв в Москве не более одних суток, возвратился в Киясовку, где нашел моих домашних уже убирающихся и совсем почти готовых к отъезду.

Итак, осталось нам только дождаться господина *Шестакова* для сдачи ему с рук на руки волости и всего до ней принадлежащаго. Но сей охреян не так-то скоро повернулся, как мы думали и ожидали; ибо где-то его в деревне отыскали, где-то он приехал в Москву, где-то он туда отправился, а мы его жди да подожди и горюй, что время час от часу становилось хуже и для езды неспособнее. Целую неделю принуждены мы были его дожидаться, но спасибо чрез то имели времени и досуга довольно к сделанию всех нужных к переезду своему приуготовлений; а сверх того, и распрощаться со всеми нашими соседями, которые все не успели услышать о нашем отбытии, как, несмотря на всю дурноту тогдашняго времени, приезжали к нам изъявлять свое об отбытии нашем сожаление и с нами распрощаться.

Кроме сего, надобно было нам отправить и бывших у меня учеников к их родственникам, ибо всех их с собою в такую даль забирать было и для нас отяготительно, да и родным их того не хотелось, а вместо того

хотелось нам неведомо как уговорить ехать с собою помянутую девушку, госпожу *Беляеву.* Она, полюбив нас и к нам привыкнув, весьма охотно и сама того хотела; но великой труд мы имели уговорить и убедить старичка отца ея отпустить ее с нами, и он не иначе к тому наконец согласился, как с условием, чтоб я подарил его бывшею у меня маленькою, обрезною, намалеванною на доске статуйкою, изображающаго мальчика, которую как я ни любил; но принужден был уступить ему в удовлетворение желания всего моего семейства.

Наконец изволил прибыть и преемник мой, господин *Шестаков*, и я нашел в нем действительно самаго *простака* и сущаго деревенскаго охреяна. И какая коммиссия была мне при сдаче ему всей волости: ты говоришь ему то, а он мелет другое; ты ему изъясняешь дело, а он несет вздор... и горе истинное у меня с ним тогда было! К безделицам, ничего незначащим, привязывается, как смола, а важнаго и самого дела не хочет слушать! Что ты с ним изволишь? О том, что можно в час кончить, толкую с ним часов пять и более. Когда ж дошло у нас дело до наставления моего в разсуждении новоманернаго заведения, тут встань беда и не ляжь! И тут-то прямо доказал он мне и невежество свое, и грубость, и охреянство. Вместо того, чтоб внимать все ему толкуемое, как сороке Якова, поднялся у нас с ним ропот и негодование, и он, пуская все слова мои совершенно мимо ушей, твердил только: «Что это такое? Да на что это? Что за дьявольщина? И какая от того польза?» и т. д. Я слушал-слушал да и стал, и наконец другого не нашел, как плюнув, на все ему с досадою сказать: «Ну, братец, как хочешь? Я свое дело сделал, и учинил славное начало, о котором и в Петербурге уже знают; а ты хоть все брось и запусти, я уже за то не ответчик; а отвечай уже сам князю как тебя Бог на разум наставит». И действительно, бросив ему наставление, пошел прочь от него, и сам себе сказал: «Ну, вижу я теперь сам, какая дьявольская разница иметь дело с разумным человеком и с глупцом, а особливо с невеждою, набитым глупейшими о знании своем мыслями!»

Но как бы то ни было, но наконец все дело свое мы с ним кончили, и нам осталось только украсть все свои вещи в повозки, запречь лошадей, со всеми распрощаться и ехать; и во всем этом провели мы уже не более суток. И как у нас навожено было множество всяких вещей и мелочей из дома, то ими, также моею библиотекою, картинами и превеликим множеством картузов, набитых разными врачебными травами, нагрузили

мы множество повозок и употребили под них не только всех тутошних казенных лошадей, но и всех приведенных из деревни для сего своих собственных, так что составился превеликой обоз из всех наших экипажей и повозок отчасти на колесах, отчасти на санях, ибо был уже тогда и снежок маленький.

Наконец настал день нашего отъезда, случившийся на другой день после Михайлова дня, то есть ноября 9-го дня, и день сей был для меня прямо чувствительный. Из всех сел и деревень собрались к сему времени все бурмистры, старосты и лучшие люди. Все они наносили всякой всячины на дорогу и прощались со мною с изъявлением искренней ко мне любви и благодарности за хорошее управление ими. Все отзывались, что они мною весьма довольны; все желали мне счастливаго пути и жалели, что я от них отбываю. Но никто с таким чувствительным сожалением со мною не разставался, как наш лекарь. Итак, распрощавшись и помолясь Богу, мы в путь свой и отправились. А сим окончу я и письмо мое, превзошедшее уже обыкновенные пределы, сказав вам, что я есмь ваш и прочее.

(Генваря, 15-го дня, 1809 года).

БОГОРОДИЦК

Письмо 185-е

Любезный приятель!

Приступая теперь к описанию достопамятнейшаго периода моей жизни, начну повествованием о нашем путешествии из Киясовки до Богородицка и изображении чувствований душевных, какия я имел во время сего краткаго, но труднаго и безпокойнаго путешествия. Как время было тогда самое позднее осеннее, и от бывшаго незадолго до того ненастья и самаго зазимья путь такой скверной, что не можно почти было ни на колесах, ни на санях ехать, то претерпели мы много трудов и безпокойств. Переезжал я тогда со всем своим домом и семейством; кроме нас четверых больших, то есть меня, моей тещи, жены и госпожи *Беляевой*, было с нами четверо наших детей, кои были мал-мала меньше. Большой нашей дочери *Елизавете* шел уже тогда девятый год, и она была девочка уже изрядная и уте-

шавшая нас и видом и милым и любезным характером своим. Мы выучили уже ее грамоте и писать и были понятием и всем поведением ея очень довольны. Сыну моему, как второму по ней, шел уже шестой год, и бабушка его, трудившаяся над обучением и его грамоте, успела уже выучить и его оной. Острое его понятие и способность с самаго малолетства ко всему хорошему поспешествовала к тому очень много. Другой моей дочери, *Настасье*, доходил тогда третий год, и сия хотя сошла с рук, но далеко еще не совсем, а меньшая моя дочь Ольга была еще на руках, и ей шел только второй год. Итак, все они были еще очень малы, и все требовали за собою особых хожатых. Кроме сего, было с нами множество людей, старых женщин и девок. Для помещения всех их потребны были повозки, кроме тех, которыя нагружены были нашим багажом и всякою домашнею сбруею и провизиею; а потому и было с нами множество больших и малых повозок, и ехали мы превеликим обозом. Старшия госпожи ехали в карете, дети с их мамами и нянями – в другой, иные же в коляске, женщины же и девки в кибитках, и все сии повозки были на колесах. Что касается до меня, то как мне не хотелось никак разстаться с нововыдуманным моим, вскрывающимся покойным возочком, то, несмотря на всю еще малость снега и ежечасное опасение, чтоб он не сошел, решился я на отвагу, ехать, залегши в нем, дабы мне можно было заниматься чтением книг, и не так бы скучно было ехать. Ехали мы тогда через Каширу, Венев и оттуда по епифанской дороге, пробираясь прямо на село Бобрики. Все сие разстояние было хотя не очень велико, и не простиралось, хотя и до 200 верст, но как принуждены мы были не ехать, а тащиться с ноги на ногу и то и дело останавливаться, то и провели мы в сем путешествии более четырех дней.

В течение сего времени, сидючи в своем возке и тащившись, где по снегу, где по голой земле и грязи, имел я досуг заниматься помышлениями о предстоящей перемене, вместе с местом, и всех моих обстоятельств, которыя и занимали меня во всю почти дорогу. Я помышлял, разсуждал и говорил то и дело сам с собою как о прежнем, так и новом своем месте, и обо всем, до обоих их относящемся. То, от котораго тогда я удалялся, было мне довольно знакомо, и я был им по всем отношениям доволен. Во все почти полтретья года жительства моего в Киясовке не имел я никакого неудовольствия, жил себе как хотел и на совершенной почти свободе. Иго обязанности моей было так легко, что я онаго почти не чувствовал, а особливо в последнее время. Труды и заботы хотя кое-какие и были, но

сносные. И где же мы без них жить и быть можем? По крайней мере, имел я то удовольствие, что знатную или паче большую часть своего времени мог употреблять для себя и для собственных своих любимейших упражнений. Дел по должности было так мало, и они были так легки, что я исправлял их почти играючи, а что всего важнее, не опасаясь никакого строгаго взыскания. Не было никаких у меня завистников и тайных злодеев, искавших моей погибели; никому я местом своим не колол глаза. Жил в мире, тишине и в таком же почти удалении от шума большого света, как и прежде в своей деревне. Да и от сей находился в такой близости, что мог всегда когда хотел в нее ездить и видаться с своими родными и прежними друзьями своими, а сделался любим и уважаем и тутошними соседями. Сколько новых друзей и знакомцев я тут в короткое время нашел! Прибытков никаких побочных хотя я и не имел, но они мне были и ненадобны: я был своим жалованьем и прочим содержанием доволен. Не терпел я ни в чем недостатка. Волости, которыя вверены были мне в управление, хотя не многочисленны, но тем легче было и управление ими. Словом, все и все было хорошо, и так хорошо, что я, попривыкнув ко всему, не желал никак лучшаго места.

«Напротив того, то место, к которому я приближался, знакомо мне только вскользь, – говорил я сам себе, продолжая разсуждать, – а во всей подробности я его совсем еще не знаю. Все известное и достоверное состоит только в том, что волости несравненно многочисленнее и что вместо трех или четырех тысяч душ буду я управлять многочисленным и тысяч до двадцати простирающимся народом. Множество огромных сел и деревень и целый почти город находиться будет в моем повиновении. Но, ах! Зато и трудов и забот, сопряженных с управлением толь многочисленным народом, несравненно будет больше. Здесь был у меня один только подьячий, и письма было так мало, что и тому делать было почти нечего, а там находится целая канцелярия и письменных дел, которыя мне по непривычке совсем еще незнакомы, и коим я должен буду еще учиться, превеликое множество. Кроме того, и одни производимыя там ныне многия огромныя строения навлекут мне тысячи хлопот, трудов и забот, которыя мне тем будут тягостнее, что я ими никогда еще не занимался; и ко всему тому едва ли могу пользоваться столько свободным для себя и собственных упражнений своих временем, сколько находил я его в прежнем и мною оставленном месте. Не буду ли я там связан и по рукам и по ногам и не стану

ли жалеть о потерянной свободе? Жалованье получать я буду точно такое ж, какое получал я прежде, и прибытков посторонних и побочных и недозволенных, коими так многие льстятся, верно не захочу и там иметь. Итак, доходы будут те же, а расходов, может быть, надобно будет иметь несравненно больше. Жить я буду почти в городе, на большой проезжей дороге, и в таком отдалении от моего дома, что нельзя мне будет получать из него по-прежнему всякую всячину. Кроме того, удалюсь я от всех моих родных, друзей и приятелей прежних, и еду, как в лес, к людям совсем мне не знакомым, с которыми надобно мне будет еще спознакомливаться. И Богу еще известно, найду ли я там таких добрых людей и таких милых и любезных, меня любящих соседей, каких имел в оставленном месте. В деревню свою ездить и любезный свой домашний сад навещать уже мне никак не можно будет так часто, как до сего времени. Жить я буду уже не за сорок, а верст почти за полтораста от него! И как легко могу чрез то в собственном хозяйстве своем сделать великие упущения. Итак, и со всех сих сторон не могу я никакими особыми и дальними выгодами ласкаться. А льстит меня одно только то, что место сие гораздо знаменитее моего прежняго и что я в оном буду более всеми уважаем и почитаем! Но, ах! Почему знать, не должен ли я буду за мечту сию платить очень дорого, и тысячами, может быть, не только телесных, но и душевных трудов, досад, прискорбий и неудовольствий! Чем знаменитее место, тем множайших иметь я буду завистников и тайных, а может быть, и самых явных себе недоброхотов и злодеев, которые всячески надо мною подыскиваться, меня всем и всем чернить, порицать и на меня клеветать и всячески о том стараться будут, чтоб лишить и меня таким же образом тамошняго места, как согнали они *Опухтина*. Всего сего и подобнаго тому мне верно ожидать, и от всего того тысячи осторожностей иметь будет надобно. Итак, неизвестно еще, найду ли я при сей перемене моего места что-нибудь или потеряю».

Сим и подобным сему образом помышлял и говорил я сам с собою не один раз, едучи в своем возочке, и мысли сии временем приводили всю душу мою в смятение; но спасибо продолжались они всегда не слишком долго, но я всякой раз потом успокаивал, утешал, ободрял и подкреплял себя возлаганием надежды и упования на моего Творца и Господа, будучи твердо удостоверен в том, что по Его велению все сие творится и что ведет меня туда святая Его десница; надеялся и не сомневался я в том, что Он и там не оставит меня святою Своею во всем помощию и покровительством,

а сие и успокоивало тотчас опять мой дух, как скоро приходил он в смущение.

В таковых помышлениях и не претерпев на дороге, кроме некоторых безпокойств по квартирам и ночлегам никакого помешательства и остановки, доехали мы наконец благополучно до славнаго и именитаго села *Бобриков*. Случилось сие уже перед самым вечером 13-го ноября и накануне филипповых заговин. Как ни любил я свой возочек и как покойно в нем ни ехал, но подъезжая к Бобрикам, пересел я к барыням в свою большую карету, дабы придать въезду своему более важности. Не могу изобразить никак тех чувствований, какия ощущал я в душе моей при въезде в пределы волости, и при узрении первых селений и бобриковскаго огромнаго дворца, которой в течение того времени, которое прожил я дома и в Киясовке, уже выстроен был вчерне почти весь, и я увидел огромную массу сию уже покрытою, и что достраивались только флигели и службы. Я перекрестился, въезжая в сию волость, и, вздохнув не один раз втайне, простирал все мысли и чувства свои душевно ко Господу.

Как все тамошние о скором приезде моем по самом дне прибытия моего были предуведомлены, потому что я писал уже о том к *Варсобину*[1], как начальствующей тогда в Богородицке особе, прося его, чтоб все нужное к приезду моему было приготовлено, то и встречены мы были в Бобриках тамошним управителем господином *Верещагиным*, Петром Алексеевичем, и архитектором господином *Ананьиным*. Последний из них был мне уже отчасти хотя и вскользь только знаком, а перваго нашел я тогда случай впервые только еще увидеть, и о котором я тогда ничего еще из всего упоминаемаго мною впереди не знал, и характер его был мне вовсе не известен. Он принял меня со всем всевозможным учтивством и благоприятством, и как в притворстве был он превеликий искусник, и в ремесле этом сущий академик, то и показался он мне ангелом, а не человеком... и умен, и сведущ обо всем, и ласков, и проворен, и души наидобрейшей: словом, таким, что очаровал меня почти всем своим поведением, и приобрел тем с самой первой минуты всю мою искреннюю к себе благосклонность. А каков был сам, таково ж почти или немного хуже было и все его семейство. Мать его показалась нам весьма доброю, умною, обходительною и простосердечною пожилою старушкою; все три сестры также ласковыми, друже-

[1] Варсобин – секретарь богородицкой канцелярии.

любными, услужливыми и благоприятными, и старшая из них отменно самою умницею и бойкою особою. Что касается до меньшого их брата, Семена Алексеевича, то был он малый еще молодой, тихий, и казался мне гораздо простее своего старшего брата. Напротив того, господин Ананьин показался мне хотя умным, но слишком уже чопорным и много о себе думавшим, однако добрым человеком.

Для ночлега отвели они нам наилучшие из всех своих покоев и старались не только угостить нас добрым ужином, но и всячески успокоить не только нас, но и самых людей наших; так что мы всем приемом их были совершенно довольны.

Наутрие, напившись чаю, пошел я с обоими новыми моими подкомандующими. осматривать строения, в которых, по позднему уже осеннему времени, никакой работы уже не производилось. Тут господин архитектор старался показать мне все свое знание и искусство. Он водил меня всюду и всюду и изъяснял все как должно. Господин *Верещагин* же только молчал и был слушателем. Сие доказало мне уже отчасти, что был он только на словах великой человек, а на делах не совсем таков, и что главную ролю тут играл *Яков Ананьич*, так звали помянутаго архитектора. Из дворца прошли мы в церковь, также уже покрытую и совсем почти отделанную. По осмотрении же оной зашел я в комнаты архитектора, жившаго в другом конце дома управительскаго. И дабы показать ему, что и я в разсуждении строений не совсем не знающ, просил его показать мне планы и фасады. Вмиг они мне были все представлены не только оригинальные, но и все практические, и все желаемое мною по оным изъясняемо; а по всему тому увидел я, что архитектор сей был действительно ремесло свое совершенно разумеющий, а притом прилежный и рачительный человек, чему и был я чрезвычайно рад; ибо тотчас мог предусмотреть, что по строениям не доведет он меня ни до каких дальних хлопот, и облегчит собою весьма все мои об них заботы и попечения.

Поговорив и потолковав с ним обо всем и расспросив о числе наличных и недостающих еще к строению материалов, и о том, что нужно к предварительному о них попечению, возвратился я в комнаты, где мы квартировали, и попросив хозяек, чтоб они покормили нас поранее, дабы успели мы благовременно дотащиться до Богородицка, а отобедав или паче позавтракав у них и распрощавшись, отправились мы далее к Богородицку. Сей последний переезд был хотя не слишком большой, но наи-

труднейший из всех прежних: отчасти по дурноте грязных степных дорог, а отчасти и по усталости уже и лошадей наших, и мы не ехали, а тащились. Как сидел я и в сей раз в одной карете со своими спутницами, то имел я удовольствие видеть их приятное удивление при проезде чрез большия и порядочно разселенныя деревни Бобриковской волости, сквозь которыя нам тогда ехать случилось, и слышать суждение их о семействе господина *Верещагина*. Они были такого же почти мнения, как и я, но большая только сестра его, *Марья*, показалась им слишком уже бойкою и хитрою девкою.

При проезде чрез село Ивановское, в котором дни за два до того был годовой их праздник, наехали мы всех мужиков бражничающих и сбегающихся к нам с своими глупыми поздравлениями и просьбами, чтоб принять от них хлеб и соль, подносимой нам ими. Сие было нам нимало непротивно, и я говорил только им: «Благодарю, благодарю, друзья мои, за вашу ласку и усердие, но все это напрасно; а веселитесь себе и забавляйтесь как вам угодно». И насилу-насилу отвязались мы от них, приступающих к нам с неотступными просьбами о принятии их хлебов и нескольких окороков ветчины, с чем обыкновенно всегда они хаживали на поклоны и изъявляли свое усердие. Наконец кое-как переехали мы и сей переезд и, выехавши из Балахонскаго леса, увидели вдали колокольню богородицкую.

Наставали тогда уже самыя почти сумерки, как мы въехали в Богородицк. При въезде в оной я и не узнал почти его: столь многие и большие перемены произошли уже в оном с того времени, как я его в первой раз видел. На месте бывшаго тогда пакостнаго гостинаго двора и лавочек увидел я уже превеликую площадь, и посреди оной воздвигнутую огромную, и вчерне уже совсем почти отделанную церковь; а вместо прежних койкаких негодных зданьишек внутри земляной крепости и подле колокольни, стояли уже высокие каменные здания, составлявшие некоторой род замка, а позади их, на берегу пруда, немалой величины дом каменной, также *дворцом* называемой. Все это было уже после меня построено, и чрез все сие весь Богородицк, ровно как оживотворился, и вместо прежняго ничего не значущаго села имел уже вид города. Самой управительской дом увидел я хотя на том же месте, но совсем уже не тот, и покрытой уже не тростником, а тесом. Прежний, и тот в котором я ночевал, успел уже сгореть, а на место его построен был уже сей новой, и весь он, наподобие

замка, с задней стороны окружен был мазанками, сараями и службами, покрытыми отчасти тростником, отчасти дерном.

При въезде на двор, при подъезжании к большому и покрытому подъезду, госпожи мои впрах закрестились; а и сам я не преминул вознестись мыслями к небу и просить Господа о благословении при вступлении нашем в сие новое для нас обиталище. Нас встретили тут уже некоторые из наших людей, присланные от меня уже прежде с некоторыми вещами и обозом с провизиею. Дом был уже натоплен и приготовлен совсем для принятия нас в себя; и как мы при тогдашней холодной погоде несколько поозябли, то вошли мы в него, как в рай, и, найдя его просторным, светлым и расположенным довольно спокойно, не могли им довольно налюбоваться. Ибо как покойной предместник мой имел превеликое семейство, то и успел он к бывшему тут дому пристроить еще несколько покойцев для себя и для помещения детей своих. И потому всему семейству моему не только было где поместиться, но было даже и несколько излишних покойцев из прирубленных вновь и кои остались у нас даже праздными, и мы обратили их в ткацкую и кладовую. Для самого себя нашел я в них в усторонье особой кабинетец, но как-то уже слишком тесноватой и такой, что в оном мог я поместить один только свой столик для письма и канапе; к тому ж не было в нем и печи, а один только камин. Но зато была пред ним другая, хотя также с одним только окном небольшая комнатка, в которой мог я поместить свою библиотеку и шкаф с картузами, также большой стол для моих собственных писцов, почему я и сею частию дома был совершенно доволен.

Мы не успели обегать и осмотреть все комнаты и приказать разбираться, как гляжу, является и господин *Варсобин*, прибежавший без души из своего дома. И это было в первой раз, что я его узнал. Но мы в сей день с ним немного говорили, а почти только поздоровкались.

Но как скоро настало последующее за сим утро, то и стали малопомалу являться ко мне все находившиеся там знаменитейшие люди, и прежде всех предстали пред меня все три канцеляриста, как главные особы в тамошней канцелярии. Первой и главнейший из них был помянутой господин *Варсобин*. Сей был правителем всей канцелярии, и у него была вся казна и все доходы и расходы на руках – особа, которую скоро трудно было узнать в точности. Второй был господин *Щедилов*, по имени Прокофий Егорович, мужик высокой и имевший покрой самаго стариннаго

подьячего, но показавшийся мне из всех их и праводушнейшим, и более всех их разумеющим письмо и дело. У сего были все письменныя дела, а сверх того, и весь магазин на руках. Третий был господин *Ломакин*, по имени Михаил Яковлевич, которой показался мне средственным человечком и не из далеких. У него был на руках весь тамошний гошпиталь и все разныя казенныя материалы. Все они принесли ко мне кульки, набитые всякою всячиною на поклон, и я как ни отговаривался, но, чтоб их не огорчить, принужден был принять; и как был в числе их наполненной рыбою, то сие по случаю наставшаго тогда Филиппова поста было и кстати.

Не успел я, поговоривши и ознакомившись с ними, их от себя отпустить, сказав, что я не замедлю придти сам вскоре к ним в канцелярию для осмотрения казны и прочаго, как является ко мне тамошний архитекторской помощник, производивший тутошние каменные строения под смотрением главнаго архитектора. Прозывался он господин *Волков*, и я нашел его уже весьма отменным от г. *Ананьина*, и мужичком простеньким, нерасторопным и не слишком во всем далеким, и походившим более на пьянюшку, нежели на остряка и провора.

Вскоре засим приезжает ко мне также для отдания поклона своего тамошний волостной лекарь, прозывавшийся господином *Рудольфом*, живший при большом волостном гошпитале, за версту от Богородицка, на мысу между прудов или так называемом островке построенном. С сим иностранцем и довольно рукомесло свое знающим человеком обошелся я, по обыкновению своему, с отличною благосклонностию, и он показался мне довольно хорошим человеком, но готовящимся от нас отбыть в какое-то другое место и почти собирающимся уже к отъезду. Я сожалел, что его теряю, и расспросив обо всех обстоятельствах тамошнего гошпиталя, не стал его удерживать, опять скоро от меня отходящаго.

Не успел я сего от себя спровадить, как являются ко мне наилучшие из тамошних купцов, пришедшие также на поклон со множеством кульков, набитых всякою всячиною, или так называемым хлебом и солью; ибо надо знать, что Богородицк составлял тогда ни село, ни город, а некакой междуумок между ими. В старину был он городом с деревянною рубленою крепостью и живали в нем, по обыкновению других городов, воеводы, имевшие свою городскую канцелярию, а купцы – ратушу. Но как заведен был в волости сей большой казенной конской завод, то уничтожено было воеводское городское управление и живали тут управители при заводе с

своими конюхами и конюшенными служителями. Когда ж завод конской тут уничтожен, и волость сия исключена из дворцовых и переименована в собственную императрицыну волость, и соединена с купленною Бобриковскою волостью, то уничтожено и все относящееся до конского завода и из бывшаго правления основано уже тогдашнее особое волостное. Купцы же остались жить в домах своих по-прежнему, имели хотя также свою ратушу, но во многом зависели от управителей тогдашних, как первенствующих особ во всем тамошнем селении. А таким же образом зависели от них во многом и множество еще живших тут конюхов и других конюшенных нижних чиновников; а по всему тому и приходили ко мне, наилучшие из тамошнего и весьма еще беднаго купечества на поклон. Я всех их не преминул обласкать наивозможнейшим образом и поступил с ними как с людьми, не состоящими хотя у меня в команде, но во многом от меня зависящими.

По отпуске сих, собравшись, отправился я в тамошнюю волостную канцелярию. И как была она недалеко, и только чрез площадь от моего обиталища, то пошел я туда пешком при провождении двух вестовых из солдат, при мне уже находившихся. Канцелярия сия находилась тогда еще на тамошней высокой и красивой башне или колокольне в комнатках, сделанных над сквозными воротами, под колокольнею находящимися. Я принужден был взбираться на нее по превысокой и крутой круглой лестнице и, взошед, нашел всю ее наполненную множеством народа. Вся военная команда, состоящая в нескольких унтер-офицерах, капралах и человеках в двадцати солдат, находилась тут в собрании, равно как и прочие разнаго рода нижние чиновники и мастеровые, как то: магазей-вахтеры, столяра, слесарь, кузнецы, служащие при казенных тамошних лошадях конюха, гошпитальные служители, живописец, стекольщик, и наконец, прочие канцелярские служители, состоящие в нескольких человеках копиистов. Оба первые канцеляриста, *Варсобин* и *Щедилов*, представляли мне их всех тут по порядку, и разсказывая о каждом из них подробности, а именно: кому из них поручены и какия должности, и кто из них приставлен был к лесам, кто к отдаточным землям, кто к материалам и так далее.

Я всех их, по обыкновению своему, приветствовал благоприятным образом, и отпуская их к своим делам, заметил, между прочим, одного молодого и с виду жалковатого человека в простом нагольном овчинном тулупе. И как он при выходе показался мне как-то особливаго примеча-

ния достойным, то спросил я: «Это что за человек?» – «Это-де, – сказал мне, усмехаяся, Варсобин, – стекольной подмастерье, принятый его сиятельством для вставливания при строениях стекол, и зовут его *Вильгельмсом*». Удивился я, сие название услышав, и спросил далее: «Да какой он, русской что-ли?» – «Нет-де, а немец». – «Ба, ба, ба! – сказал я. – У вас и немцы еще здесь есть, кликните-ко его ко мне!» – «*Александра Давыдович*! Пожалуйте-ка сюда», – закричал Варсобин. Он тотчас и воротился, и тогда начал я с ним по-немецки говорить. Бедняк обрадовался неведомо как, услышав, что я говорю его природным языком, и стал мне кланяться и себя рекомендовать. Я обрадовался, услышав, что говорил он сим любимым мною языком довольно изрядно; но как мне некогда было тогда долго с ним раздабарывать, то, сказав ему, чтоб он пришел ко мне на квартиру, отпустил его, приласкав обыкновенным образом, и Александра мой Давыдович полетел почти без памяти от радости вниз по лестнице.

По выходе всех стал я осматривать всю канцелярию и обо всем расспрашивать. Она состояла из трех комнат: в средней и просторнейшей стояли столы всех трех повытьев, и при них все канцелярские служители и писцы, коих всех было человек почти до десяти. В одной из побочных и также довольно просторной комнате стояло несколько больших сундуков, и в одном из них хранилась денежная казна, охраняемая стоящим часовым с обнаженным тесаком; другие наполнены были письменными делами. Другая побочная и небольшая комната составляла так называемую *судейскую*. По введении в оную меня моими так сказать секретарями, увидел я тут, к удивлению моему, порядочной судейской стол, покрытой красным сукном и с стоящим на нем зерцалом и лежащими на нем несколькими книгами. Поразился я сим зрелищем и сам себе сказал: «Вот, сударь! Судьба недуманно-негаданно, доставила и мне случай сидеть за красным сукном и за зерцалом!» Но как мне все канцелярские обряды, хранимые тут во всей их старинной форме, вовсе были не знакомы и я не знал, за что приняться, то представлял тогда истинно смешную фигуру, но доволен был господином Щедиловым, которой тотчас стал мне, севшему в свои кресла, представлять приготовленные уже ими списки и ведомости обо всем нужном. Но как мне за наступившим тогда уже обеденным временем некогда было разсматриванием оных заниматься, то спросил я только, все ли нужныя бумаги у них заготовлены для представления мне от себя к князю с донесением обо всем, что я нашел тут. «Все-де почти го-

товы, – сказали мне оба мои секретари, – и немногое только осталось». – «Так поспешите-же, пожалуйте, к завтрему докончить, чтоб я мог все увидеть и во все войтить и потом репортовать к князю, – сказав сие, не стал я долее медлить и возвратился к домашним моим, дожидавшимся меня уже с накрытым столом обедать.

Сим кончу я сие мое письмо, сказав вам, что я есмь ваш и прочее.

(Генваря 18-го дня 1809 года).

ПОСТУПКА С ВЕРЕЩАГИНЫМ

Письмо 186-е

Любезный приятель!

Отобедавши с моими домашними, употребил я все достальное время того дня на осматривание служб и прочаго строения на управительском дворе; и нашед все нужное, был доволен тем, что в разсуждении сего не было мне нужды хлопотать. Кроме кухни, погребов, амбара и людских изб, находилось еще множество мазанок, сараев для лошадей и скота. В них содержались не только казенныя лошади, содержимыя на казенном коште для разъезда управителя, и которых было так довольно, что мне не было нужды держать своих собственных, и я мог оных всех отправить в свою деревню. Но, кроме их содержалось еще несколько казенных жеребцов в пользу крестьян для припуска к кобылам их; также содержан был в хлеву превеликий казенный бык для такого же употребления. Мазаночными сараями и отделами сими окружен был со всех трех задних сторон управительский дом, но все сие покрыто было камышом. Одного только недоставало, и весьма нужнаго для меня: не было нигде ни малейшаго цветничка и садика, поелику никто из моих предшественников не имел к ним охоты. Но сии положил я неотменно в следующую весну завести и помышлял уже о том, где бы назначить под них место, но, к неудовольствию, не находил нигде вплоть подле моего дома, чего мне хотелось. Весь он расположен был так, что нигде не можно было к нему с садом приютиться, и потому другого не находил, как предназначить к тому место уже за мазанками в конце двора, а цветничок хоть маленькой сгородить себе пред

окнами дома на улице.

По осмотрении всех сих ближних предметов и отложив обозревание прочих до последующаго дня, принялся я за обранжирование своих собственных комнат: то есть маленького своего кабинета и комнатки пред оным. Были они обе хотя очень тесноваты, так что мне не можно было никак поместиться в них со всею моею рухлядью, но как переменить того было нечем, то принужден был довольствоваться уже и оными; и призвав столяра, велел наделать в них поболее шкапчиков и полок, где б мне можно было установить свои книги, картузы и другие вещи; а в кабинетце ассигновал себе уже местечко под окошечком и, поставив небольшой столик, кое-что на нем уже и пописался. В проходной же комнатке пред оным установил я большой стол как для работ, требующих большего простора, так и для моих писцов и учеников, если какие случатся, которыми и не преминул я в скором времени запастися, ибо не любил быть без оных.

Между тем как я ранжированием всего в моих кабинетах занимался, явился ко мне и господин *Вилимзон*, помянутой немец-стекольщик, и я, разговорившись с ним поболее, узнал его короче. Все его там почитали полушутиком и над ним подсмеивались; но мне, как любящему всех иностранцев, показался он более жалким, нежели посмешища достойным молодым человеком. Был он хотя не хитрой, а простодушной человек, однако не совсем глупый, и нельзя было никак назвать его дураком, хотя и было в поведении его нечто такое, что заставливало иногда над ним трунить и смеяться. Но как он по-немецки говорил порядочно, то для меня всего приятнее было, что я нашел в нем человека, с которым мог я заниматься разговорами на сем языке. А потом узнав, что он жил на островке в гошпитале и в самой нужде и бедности, то из единаго человеколюбия велел ему ходить как можно к себе чаще и поснабдил его кое-чем нужным. Впоследствии же времени я за простоту, добросердечие, услужливость и сиротство так его полюбил, что приобщил его почти к числу своих домашних. Он живал почти безвыходно у нас, и мы его и поили, и кормили, и одевали; и бедняк так тем был доволен, что не знал, как и чем возблагодарить меня за то. Но я доволен был тем, что он с малюткою сыном моим съютился и заставил его себя полюбить; а сие и принесло нам ту выгоду, что он мог начать учить его немецкой грамоте и отправлять почти должность его дядьки. Сверх того, и самим нам доставлял он много приятных минут, ибо и мы-таки над ним иногда шучивали, и нередко до слез почти смеивались.

В последующий день с самаго утра пошел я опять в свою канцелярию для вступления уже во все дела по должности. Мое первое дело было по ведомостям и приходным и расходным книгам счислиться и узнать, сколько надлежало быть тогда казенных денег в наличности и потом освидетельствовать. Но не успел я сего последняго дела начать, как подступил ко мне г. Варсобин, как хранитель и расходчик оных с донесением, что они не все, а недостает несколько сот оных. Это меня поразило: «Да где ж они?» – спросил я. «Петр-де Алексеевич Верещагин изволил забрать их, и вот-де его расписки». – «Прекрасно! – воскликнул я. – Но мне сии расписки ненадобны, и я их вместо наличных денег не приму, и на себя этого никак не возьму. Но как же ты ему так много надавал, мой друг?» – спросил я. «Что было делать, – ответствовал Варсобин. – Покойнику князю было так угодно!» – «Да сам-то князь не забрал ли также их себе, и не должен ли он?», – подхватил я. – «Был-де тот грех и за ним! – сказал Варсобин. – Но все бывшие на нем нам княгиня доставила уже после его кончины, и он нам не должен ни копейкою». – «Ну, это хорошо. – Но с Верещагиным-то как же нам быть? Дело это не ловко, и он потеряет свое место, если дойдет сие до князя, а я, воля его, на себя этого не приму». – «Я-де писал к нему, – сказал Варсобин, – и еще нарочнаго послал, чтобы приезжал сам и разделывался как знает».– «Хорошо!» – сказал я и принялся продолжать далее свои дела и свидетельства, а между тем неожидаемый сей недостаток денег не выходил у меня из ума. Я не знал, как поступить в сем случае с господином Верещагиным. Судьба его зависела тогда совершенно от меня, и все его счастие и несчастие в моих руках было. Князь предал его совершенно в мою волю, и при отпуске, как выше упомянуто, сказал мне, что если я что за ним дурное узнаю и мне он не надобен будет, так только бы отписал, и его не будет. Итак, стоило бы тогда только отписать и донесть князю о сем забрании казенных денег, так и отрешен бы он был от своего места. Но я не такого был свойства, чтоб похотел без необходимой нужды сделать человеку зло, ничем еще меня не оскорбившему. Правда, слухи невыгодные об нем до меня уже отчасти и доходили, и были поводы желать, чтоб его со мною и не было, но я подумал-подумал и, вообразив себе, что тем лишу я и его и все его большое семейство последняго почти куска хлеба, ибо были они очень недостаточны, не захотел никак подвергать его сему несчастию, а решился вместо зла оказать ему благодеяние, и как-нибудь сие дело уладить инако, и потому с нетерпеливостию его приезда дожидался.

Он и не преминул ко мне в тот же день и к обеду еще прилететь; и как Варсобин успел ему все мои слова пересказать, то был он тем так перетревожен, что, перетрусившись, не имел даже духу начать о том и говорить со мною, и уже я сам, сжалившись над ним и отведя в свой кабинет, дружеским образом стал ему о том говорить и изображать, в каком критическом положении он тогда находился. Не могу изобразить, как много растревожен он был тогда моими словами и с каким умилением просил меня, чтоб я сделал над ним милость, не погубил бы его чрез донесение о том князю. И как много обрадовался он, когда я ему сказал: «Хорошо, батюшка, Петр Алексеевич. Я хотя в доказательство моего к вам благорасположения и сделаю то, что не донесу о том князю, но деньги необходимо надобно вам как можно скорее в казну внесть; и вы постарайтесь как можно о том и гденибудь их достаньте. Вот даю вам на три дни срока».

Господин Верещагин был тем крайне доволен и, насказав мне тысячу благодарений, поскакал тогда же добывать денег, а я между тем употребил все сие время на обозрение прочих мест и в тот же день ездил осматривать то огромное каменное здание, в котором хранился казенной озимый и яровой хлеб, собираемый зерном с крестьян ежегодно. Тут не мог я довольно налюбоваться огромностию и хорошим расположением магазина, а того еще больше порядком, наблюдаемом при сборе и расходе хлеба и рачительным попечением об нем г. Щедилова, у котораго он на руках был. Но как находились многие амбары, насыпанные до самаго верха, и перемеривать его не было возможности, поелику потребно было к тому не дней, а недель несколько, то принужден я был положиться (на) г. Щедилова, уверявшаго меня свято, что хлеб весь цел, и не только в нем нет недостатка, но ежели перемерить, то, без сумнения, явится множество примернаго. И как он в том ручался всем своим имением, то я и был тем доволен.

После того таким же образом ездил я осматривать тамошний волостной гошпиталь, построенной, как выше упомянуто, в некотором отдалении от города на прекраснейшем месте. Высокой и узкой мыс между устьями двух огромных вершин, на котором воздвигнуто было сие здание, окружен был со всех сторон водою. Два пруда, посредственной величины, были у него по сторонам, а третий – большой, называемой *Вязовским*, был впереди и представлял вид самаго озера. Для содержания больных особая, превеликая, длинная связь, с комнатами на краю для аптеки и жительства надзирателей; а впереди находился обширной двор, окруженный

множеством других зданий. Был тут особой дом для жительства лекаря, и по обеим сторонам два флигеля для жительства лекарских учеников и других гошпитальных служителей. Другой такой же домик находился посреди двора, назначенный для подлекаря, но стоявший тогда праздным, а по сторонам находились прочия здания, как то: погреба, кухня, баня и сарайчики для лекарских лошадей и скота. Словом, тут нашел я все в порядке и наилучшее во всем распоряжение. Со всем тем казалось мне, что гошпиталь сей производил содержанием своим казне более убытка, нежели пользы, и знаменит был более именем, нежели самым делом, ибо волостных больных находилось в нем очень мало. Сии боялись и бегали его, как огня и охотнее хотели умирать без всякаго призора, нежели давать возить себя в гошпиталь и там себя лечить; а все найденные мною больные были на большую часть посторонние, присылаемые туда для лечения соседственными дворянами. Но как хотелось завести и содержать такой гошпиталь князю, то и оставил я его в прежнем существовании и при всем заведенном до меня порядке.

Как с задней стороны окружен был весь сей гошпиталь прекрасною дубовою рощицею, и в конце оной находилась небольшая деревянная церковь, воздвигнутая тут для кладбища, то взглянул я и на оную, и тем паче, что она одна тогда и была, в которой отправлялась Божественная служба; ибо обе прежния бывшия внутри города были сломаны, а новая и большая еще недостроена.

Осмотрев оную, заехал я и в бывшую тогда там неподалеку от оной ранжерею с заведенным подле ея маленьким плодовитым и английским садиком. Сии нашел я в худшем состоянии, нежели в каком я думал и ожидал. Ранжерейка была маленькая, ничего не значущая и совсем почти пустая. Тепличка также малозначущая, плодовитой садик того еще меньше внимания достоин, а английской более смешной, нежели достойной уважения. Всему тому причиною было то, что оба господа предместники мои были сами до всего того не охотники, а оставляемо было все относящееся до того на волю садовника; а сей и видный более своим ростом и дородством, нежели знаменитой своим искусством и проворством, а потому и производилось все тут излегка и кое-как. И я крайне жалел, что место сие было от дома управительскаго слишком удалено и что не можно было мне никак самому так часто оное посещать, как бы хотелось; ибо как разстояние от дома до сего места было более, нежели на версту, то пешком

туда ходить было слишком далеко, а на лошади можно ль было всегда наездиться?

Засим занялся я осматриванием всех казенных строений, производившихся еще тогда в полном развале, но пресекшихся по случаю поздняго осенняго времени. Главной корпус или так называемый *дворец*, воздвигнутой на прекраснейшем месте, на краю высокого берега к пруду, был хотя под кровлею, но снаружи и внутри еще не обштукатурен, и далеко еще не отделан. В таком же состоянии находились и оба огромные с нагорной стороны его наподобие замка окружающие флигели, со множеством комнат и к ним принадлежностей. Все они были хотя также покрыты, но внутри и снаружи далеко еще не отделаны; и нужно еще было употребление многих трудов и работ к доведению их до совершенства, и обо всем том надлежало мне иметь попечение, и заниматься тем в последующее лето.

Точно в таком же состоянии нашел я и большую соборную церковь, посреди площади неподалеку от дома вновь воздвигнутую, но во многом еще неотделанную. Ее надобно было также внутри и снаружи штукатурить, докрывать и исправлять многия еще до нее относящияся работы. Сбоку, подле церкви сей, находился выкопанной, нарочитаго пространства, продолговатой, четвероторонний пруд, обсаженной кругом березками, в себе воды еще немного (?).

Засим не преминул я также объездить и осмотреть все селение города. Все оное состояло наиглавнейше в предлинной, старинной и не слишком прямой слободе, простиравшейся в длину без мала на версту, и составленную из сплошных деревянных домов старинных купцов, также конюхов и других разночинцев и не стоила никакого дальнаго уважения. Большая воронежская дорога, идущая из Тулы, проходила сквозь оную. Слобода сия, начавшись почти от самаго магазина и от бывшей тут так называемой *Стрелецкой* слободы, простиралась до самаго моста чрез речку Вязовку, и за оным находилось только несколько казарм, построенных для жительства солдат, в команде моей находившихся; а между сими и гошпиталем на поле, подле большой дороги, находился пустой так называемой гостиной двор, состоящий в предлинной связи со множеством каменных лавок для помещения купцов, приезжающих ежегодно туда на бываемую ярмонку в день Казанской иконы Богородицы.

Кроме помянутой старинной длинной слободы, была и вся большая и обширная пред домом площадь окружена с трех сторон новыми слобода-

ми. Одна и знаменитейшая из всех была расположена прямо и в параллель против дома, и составленная почти вся из порядочно построенных связей и казарм, назначенных для жительства разным мастеровым, и на краю которой находился дом управительской. Другая находилась в некотором отдалении от дома и в левой от него стороне и состояла из порядочных домов канцелярских служителей и других разночинцев. А третья была по правую сторону и составленная из дворов церковнослужителей и нескольких солдатских казарм. Сия была всех хуже, но занимала собою наилучшее и красивейшее место во всем Богородицке, почему впоследствии времени, по опустошении оной пожаром, и уничтожена и место, где она сидела, занято под сад английской.

Кроме сих слобод, площадь сия была украшена повсюду березовыми, насаженными пред слободами, широкими аллеями, и чрез самое то составляла наилучшее и красивейшее место во всем селении. Находилась еще в некотором отдалении от дворца, напротив оного, за прудом, прямая и длинная, версты на две простиравшаяся, крестьянская слобода, называемая *Пушкарскою*. Но сия не принадлежала уже к городу, а имела на обширном пред собою выгоне особую церковь во имя Покрова Богородицы.

Что касается до упомянутаго теперь пруда, то был он пред самым домом и превеликий, совсем еще новой и сделанной в то же лето моим предместником. Преогромная и широкая плотина была оплотом сему великому и длиною версты на две простирающемуся водоему и соединяла собою оба берега речки Уперта, на которой сей пруд был запружен и снабден посреди большим рубленым спуском.

В сем состояло все жило тогдашняго *Богородицка*; и как находилось в оном множество казенных зданий, построенных г. *Опухтиным*, то стоило все то великих сумм и трудов для сего моего предместника. Я, осматривая все оное, не мог довольно всем расположением и красотою положения места налюбоваться; но все почти оное со временем так превратилось, что ныне не имеет и подобия прежнему своему состоянию.

Не успел я сим образом сего будущаго моего обиталища разсмотреть и между тем обоих моих канцеляристов или паче секретарей кой о чем касающемся до волости расспросить, как гляжу, скачет ко мне и г. Верещагин. «Ну что, братец, нашел ли и достал ли?» – сказал я его встречая. «Что, батюшка, – отвечал он, – замучился, скакавши всюду и всюду, и из одного места в другое, но никак не мог добыть всей суммы». – «А сколько

ж еще недостает?» – спросил я. «Да рублей с двести». – «Да как же быть-то?», – подхватил я. – «Я уж, право, не знаю, – сказал он, – истинно из сил выбился, но не мог нигде в такой скорости достать; теперь воля ваша и со мною... Судьба моя в руках ваших, а ежели не помилуете, так делайте, что хотите». – «Жаль мне вас, – сказал я, – но, право, не знаю, как же мне быть с вами?» Потом, подумав несколько сам с собою, спросил я далее: «Но чрез сколько бы времени могли вы достать сию недостающую сумму?» – «Месяца чрез два или чрез три, – сказал он, – могу я достать их верно». – «Да верно ли полно и устоите ли в своем слове?», – спросил я. – «Батюшка ты мой! – подхватил он. – Клянусь вам в том, и небом и землею, и честию, и всем на свете». – «Хорошо, Петр Алексеевич! – сказал я. – Из единаго дружелюбия и сожаления об вас и чтоб доказать, что я не хочу вам сделать зла, сделаю вам одолжение. Извольте, сударь! Я ссужу вас собственными своими деньгами; только расквитайтесь с казною и сдержите потом свое слово».

Не могу изобразить, как поразился он сею неожидаемостию. Он поклонился мне почти в ноги и не знал, как и какими словами возблагодарить меня за сию, ему оказанную, милость, и твердил только, что он вовек сие будет помнить и желает иметь только случай отслужить мне за сие одолжение. Словом, клятв, уверений и благодарений конца тогда не было. Но исполнил ли он то, что говорил, и как и чем возблагодарил он меня за тогдашнее одолжение, о том услышите вы после.

Я и действительно ссудил его двумястами рублей своих денег и протурил его с ними в канцелярию для внесения их в казну и выручки своих расписок. И как тем дело сие кончилось, то и не стал я долее медлить, но отрепортовал князю о вступлении в свою должность, и о найдении в волости все в надлежащем порядке и все в целости.

Едва я сие кончил, как и наступил первой субботний день по моем приезде, и мне надлежало в первой еще раз производить суд и расправу. Как в каждую субботу бывал издревле в сем городе торг и на оной стечение со всех сторон множества народа, то издавна заведен был в волости порядок, чтоб в сей день съезжались в канцелярию из всех сел и деревень старосты и бурмистры, а вместе с ними и все те, кому нужда была о чем-либо просить или на кого приносить жалобу; почему должны были приезжать с ними и все ответчики, и тогда все их жалобы и просьбы управителем разбирались, и делано было всем удовлетворение, а виноватые

при всех старостах наказываемы. Они же получали приказание о наряде на будущую неделю толикаго числа конных и пеших работников, сколько когда надобно было, и получали и другие приказания, если какия случались быть надобны.

Итак, не успел я поутру в сей день встать, как вся моя просторная прихожая комната явилась наполненною старостами и бурмистрами, пришедшими ко мне на поклон и с поздравлениями с моим приездом. Я удивился, увидев всех их с разными приносами, и не хотел было никак оные принимать; но статочное ли дело? Они завопили во все голоса и убедительнейшим образом с пренизкими поклонами просили, чтоб я их при первом случае отказом своим не огорчил, и неотменно сделал бы им милость и приказал принять. Что было делать? Нельзя было на просьбы их не согласиться, и они наклали такую кучу хлебов и окороков ветчины, а иные калачей и рыбы, что достало их на несколько дней или недель для прокормления всех моих людей, со мною бывших. Но зато и сам я не преминул перепоить их вином досыта, и отпустить их от себя в канцелярию с удовольствием.

После чего, по донесению, что все просители и ответчики собрались, пошел и сам я в канцелярию для отправления в первой раз своей судейской должности. Я проговорил наперед полюбовную речь со всеми старостами, так как сделал то при вступлении своем в управление Киясовской волости. Увещевал всех, чтоб жили хорошо и порядочно, исполняли бы все повелеваемое, и удерживались бы от всего худого. Потом, сказав им, какого мнения должны они быть обо мне, и что я люблю, и чего терпеть не могу, приступив к своему делу, и при первом сем случае постарался отменно произвесть оное таким образом, что все остались с удовольствием и повезли с собою по деревням весьма выгодное обо мне мнение.

Сим образом, вступив в свою должность, начал я оную отправлять понемногу как надлежало. И как по случаю наставшей тогда зимы не было никаких надворных дел, то и тут оставалось мне множество свободного времени для употребления на себя и на собственныя свои занятия, а потому, не любя быть в праздности, и приступил я опять к прежним своим комнатным упражнениям, к читанию книг или к писанию чего-нибудь. Первейшим моим делом в сем отношении было то, что я уведомил чрез письмо благодетеля своего, господина *Нартова,* о случившейся со мною перемене; и в особливости был доволен, что жил я тогда на самой почтовой

дороге из Воронежа в Тулу, в Москву и далее и мог все письма свои пересылать чрез тамошнюю ратушу, имевшую в себе некоторой род почтовой экспедиции, а равномерно и сам получать все присылаемыя ко мне письма без всякаго затруднения. Сей самый случай побудил меня выписать на приближающийся 1777-й год не только русския, но даже самыя немецкия гамбургския газеты, которыя до того никогда еще не имел я удовольствие получать.

По учинении сего принялся я за продолжение сочинения моей «Детской философии». Обстоятельство, что печаталась уже вторая часть сей моей книги, побуждало меня приняться опять за продолжение труда сего, которой перервался было в последнее время жительства моего в Киясовке. Итак, отыскав начатую еще осенью 1774-го года седьмую часть сей книги, приступил я в праздное время за продолжение оной и в немногия недели кончил.

Между тем поспели шкафы и полки для устанавливания моих книг и картузов с травами; и я убрал и установил ими свою комнату пред кабинетом моим так, что все с удовольствием на них сматривали. А чтоб было мне не так скучно, то выбрал из тамошних конюховских, в команде моей состоявших детей двух, умеющих грамоте мальчиков, велел приходить всякий день к себе для писания в сей, равно как домовой моей канцелярии всякой всячины. И как они писали довольно уже хорошо и могли кое-что переписывать, то старался я обучить их лучшему и правильнейшему писанию, что со временем послужило им обоим в великую пользу. В сем упражнении сотовариществовали им и оба мои домашния писцы, *Василий* и *Яков*, которые из ребятишек успели уже около сего времени вырость большими, и хотя были уже при должностях навременно, а особливо первой из них, писавший отменно хорошо, должны были также кое-что переписывать,

Кроме того, недолго был я и без учеников таких же, какие бывали у меня прежде. Родственник наш, господин *Арцыбашев*, Иван Афанасьевич, убедил меня взять к себе одного бедного родственника его, *Пахомова,* и поучить чему-нибудь; я охотно на то согласился, и сего, довольно взрослого мальчика к себе взяв, действительно старался понаучить его и письму, и арифметике и прочему, чему мог, и он хотя и недолго у меня жил, но воспользовался моими наставлениями и помнит и поныне еще мое к себе одолжение, находясь уже в службе при межеванье.

Не успел я несколько в Богородицке обострожиться и осмотреться, как вдруг, к неизъяснимому удовольствию моему, является ко мне друг и прежний сотоварищ и собеседник мой киясовский лекарь *Бентон.* – «Ба, ба, ба! – увидев его, закричал я. – Филипп Антонович! Откуда ты взялся, друг мой? Да как это и каким образом и зачем?» – «Жить опять с вами, – подхватил он, – и быть при здешнем гошпитале на место господина *Рудольфа*». – «Неужели? – воскликнул я. – Ах, как я этому рад и как благодарен князю, что он не иного кого, а тебя сюда определил. Ну, мой друг, заживем опять по-прежнему, здесь получше нам будет жить, нежели в Киясовке». И тотчас ну его у себя угощать, и потом отвозить его на островок, показывать ему дом для его жительства, и поручать ему в смотрение гошпиталь со всеми принадлежностьми; а сожалел только о том, что отдаление сего островка от моего дома версты почти на полторы не дозволяло ему так часто со мною видаться, как в Киясовке. Здесь не мог он уже и столом моим ежедневно пользоваться, но принужден был заводить собственное свое хозяйство, в чем он, будучи добрым хозяином и рачительным человеком, и успел очень скоро. Со всем тем мы и тут остались с ним на той же дружеской ноге, как и прежде, и хотя реже видались, но жили во все время пребывания моего в Богородицке как друзья, и я всегда был всем поведением его доволен; и не один раз пользовался его искусством и помощию как сам, так относительно до моих родных и всех домашних, и дружба сия продолжается у нас с ним и поныне, хотя живем мы уже и далеко друг от друга.

Сим образом нажил я опять себе собеседника и друга, с которым мог нередко провождать время в приятных и дружеских разговорах. А всего приятнее было для меня то, что он по прилежности и рачению своему мог избавлять меня от многих хлопот и забот относящихся по делам, до гошпиталя касающимся. Ибо все заботы об нем возложил я уже на него, а он доверию моему и соответствовал совершенным образом, и весь гошпиталь скоро привел несравненно в лучшее пред прежним состояние. Слух при вспоможении моем о искусстве его скоро разнесся по всем окрестностям и произвел то, что не только волостные крестьяне стали охотнее воспринимать прибежище свое к нему в своих болезнях, но и из разных даже отдаленных мест стали приезжать к нему и сами господа для пользования себя его искусством. И многие даже живали у нас тут по нескольку недель и месяцев и подавали мне чрез то случай спознакомливаться с собою и сводить даже самыя дружеския связи. Со всем тем было сие не тогда, а впо-

следствии времени; тогда же, то есть при начале жительства моего в Богородицке, было нам несколько и скучновато, по причине, что как городок сей лежал посредине почти всей волости и окружен был со всех сторон волостными деревнями, то и не было никого из соседственных дворян, живущих в такой близости как прежде от Киясовки; а дома самых ближайших отстояли не ближе от нас верст 20-ти и более. К тому ж и всех их было несравненно меньше, нежели в киясовском соседстве; а притом и те все были нам совсем еще не знакомы, почему и принуждены мы были жить сначала в совершенном уединении, и видались только временно с семейством господина *Верещагина*. Со всем тем продолжалось сие недолго. Но как всем соседственным дворянам по причине отдаточных в наймы излишних волостных и ими нанимаемых земель была в знакомстве со мною и в приязни моей к себе крайняя нужда, то не преминули они сами о снискивании оной стараться, а особливо те, которым была более прочих во мне надобность.

Из числа сих первый, прилагавший о том особенное старание, был господин *Толбузин*, Иван Васильевич, человек очень хороший, умный, степенный, порядочный и имевший довольный достаток. Сей человек, живучи в дружбе с обоими моими предместниками и пользовавшийся от них много чрез получение великаго числа земли себе в наем за низкую цену, восхотел и со мною как можно скорее ознакомиться и произвесть то чрез *Варсобина,* своего друга и знакомца. Сей и не преминул мне прожужжать все уши расхваливанием доброты характера господина Толбузина, и присоветовал ему подслужиться заблаговременно мне чрез обослание меня столиком краснаго дерева, сделанным его столярами как бы на новоселье. И как мне нельзя было не принять, то самой сей случай и положил первой след к нашему с ним знакомству и дружбе. Ибо как скоро он узнал, что я желал бы его видеть и узнать, то вмиг ко мне и приехал; а с того времени и началась у нас с ним дружба и знакомство, продолжающееся и доныне, и я могу сказать, что приязнию сего дома были мы всегда довольны.

Но сей, хотя дальний, сосед и был только один, с которым я в первые месяцы богородицкаго моего жительства спознакомился. А как скоро за сим наступил и 1777-й год, то повествование о случившемся со мною в течение онаго предоставляю письму последующему, а теперешнее сим окончу, сказав, что я есмь ваш и проч.

(Генваря 22-го дня 1809 года).

1777 ГОД

Письмо 187-е

Любезный приятель!

Приступая к описанию происшествий, случившихся со мною в 1777-м году, который был почти первым пребывания моего в *Богородицке* и достопамятен для меня и по многим другим отношениям, и по случившимся со мною в течение онаго особым и важным происшествиям, начну тем, что мы начали провождать его хотя благополучно и будучи все здоровы, но не слишком весело по причине, что мы жили тогда почти в совершенном уединении и не было никого из ближайших соседей, с которыми могли б мы видаться, и потому во все Святки было, и не столько мне, сколько семьянинкам моим, довольно скучно. Ибо что касается до меня, то я за безпрерывными своими литературными упражнениями не видал никогда скуки, к тому ж видался часто с другом моим, г. *Бентоном,* и провождал с ним время с приятностию. Напротив того, семьянинки мои не имели никого, с кем бы могли они делить свое время. Знакомо им было тогда одно только семейство г. *Верещагина*, но как до них было более 20-ти верст, то никак не можно было им видаться с ними часто; к тому ж как-то свойства и характеры сестер г-на Верещагина были таковы, что наши не могли никак с ними содружиться, и несмотря на всю оказываемую ими наружную ласку, не лежало у моих домашних никак к ним сердце и они всегда опасались от них только пересудов и переговоров, к чему те имели особливую наклонность, а для наших, любивших простое, дружеское и прямодушное обхождение, было сие всего неприятнее. Что касается до жен всех трех канцеляристов моих, то сии, будучи настоящими старинными подьяческими женами и самыми охреянками, не могли никак делать им компании. Кроме сих, находилось еще тогда в Богородицке два дома господ *Полуниных*, но и те ничего не значили. Они принадлежали прежде сего к конюшенной команде, но тогда были люди свободные, и ни то дворяне, ни то однодворцы, и люди очень небогатые. Один из них, по имени *Афанасий Иванович*, был самой ближний к нам сосед, ибо жил обо двор с нами и только чрез проулок, был хотя старик очень доброй, но простой и почти без семейства, а другой его брат, *Иван Иванович*, жил далее, но будучи совершенно глухим, наводил при свиданиях более безпокойства,

нежели удовольствия. Итак, хотя по приглашениям мы во время Святок у всех у них и бывали и были по возможности ими угащиваемы, а взаимно и их у себя угощали, но не имели никакого дальнаго удовольствия. А приятнее всех их была домашним моим впоследствии времени родная их сестра *Анна Ивановна*, бывшая в замужстве за лекарем г. *Алабиным* и тогда вдовевшая, мать нынешней нашей соседки госпожи *Ладыженской*. Но сия, имевши у себя маленькую деревеньку, а в Богородицке небольшой домик, не всегда живала в оном, а только временно и наездом. Но как была она старушка очень добрая, умная и крайне услужливая и в обхождении приятная, то домашния мои с самаго уже начала ее искренно полюбили, и дружба, основавшаяся между сим домом и нашим, продолжалась не только во все время пребывания нашего в Богородицке ненарушимою, но продолжается даже и поныне.

Итак, при недостатке равных себе, принуждены были домашния мои заниматься более уже одними нашими детьми и компаньонкою нашею, госпожою *Беляевой*, которая пригодилась тогда нам очень кстати, и домашния мои были сотовариществом ее крайне довольны. Была она хотя совсем некраснаго лица и фигуры не авантажной, но девушка умная, степенная и в обхождении очень приятная и ласковая, и мы все ее очень полюбили и обходились с нею как с родною. Что касается до детей наших, то было их тогда у нас уже четверо, а пятым была жена моя беременна. И как старшая наша дочь была девочка уже изрядная, а и сын мой выучился уже грамоте, то оба они могли уже нас всех несколько занимать и утешать своими невинными резвостями, а мало-помалу подрастала уже и вторая моя дочь; что касается до третьей, то сия носима была еще на руках. Итак, все они делали в доме у нас довольно шума и придавали собою ему живность.

Кроме сего, не успело два дня пройтить сего вновь начавшагося года, как обрадован я был получением из Петербурга опять толстаго пакета из Экономическаго общества. Я не сомневался, что была это опять книга, но приятным образом в том обманулся, нашед вместо оной ящичек со врезанною в него большою серебряною медалью, точно такой же величины и такого же стемпеля, какую я имел уже у себя золотую. Г. *Нартов* в письме, при котором он ее ко мне прислал, уведомлял меня, что Общество посылает ее ко мне за мои прежния сочинения, им опробованныя и напечатанныя. Подарок сей был хотя совсем малозначущий, но был мне непротивен

и при начале года очень кстати. Я тем власно как осеребрен был, к тому ж и получение сие сделалось громко и всему Богородицку известным, и увеличивало во всех от часу выгоднейшее обо мне мнение. Я тогда же воспринял намерение велеть сделать себе серебряную табакерку и медаль сию, позолотив, вставить в ее крышку; что я в течение того же года и произвел в действо, и табакерка сия служит и поныне еще некоторым тогдашнему времени памятником.

Впрочем, как сие письмо было ответное на мое, посланное по приезде в Богородицк, то г. *Нартов* изъявлял мне свое удовольствие о том, что ему удалось мне услужить доставлением лучшаго места, причем побуждал он меня, по обыкновению своему, к продолжению трудов и экономических занятий моих, жалуясь опять, что господа дворяне мало уважают труды Общества и сочинения онаго!

Читая сие, подумал и сказал я сам себе: «А, государь мой! При таком распорядке, какой избрали вы для издавания «Трудов» ваших, инако и быть не может. Как можно требовать и ожидать того, чтоб многие из господ наших дворян пользовались сочинениями вашими, когда об них и о существовании оных тысячная разве только доля из них знает и когда к получанию оных существуют и для тех столь великие помешательства и неудобства, которые о том и знают и хотели б получать и пользоваться оными».

Сколько происшествие сие меня собою порадовало, столько перестрашало впрах другое, случившееся около сего времени. Одним днем едва было не произошел пожар в моем доме и мы чуть было совсем не сгорели, и никто как явное милосердие Господне нас спасло от того. Каким-то образом потолок и верхние переклады сделаны были слишком близко к трубе, и от сей загорись оныя неприметно на чердаке и разгорясь так, что пылало уже поломя. По счастию, случилось самому мне иттить в то самое время чрез передние сени и ненарочно взглянуть на лестницу и всход на чердак, тут бывший, и увидеть дым и самое пламя, там пылающее. Испужавшись неизреченным образом, выскочил я опять скорее на крыльцо и поднял крик и вопль, чтоб скорее люди бежали и тушили, и вытурив их для того же из лакейской. По счастию, случилась на дворе тогда у нас подле кухни превеликая бочка воды, привезенная только что гонщиком из колодезя для кухни, то сбежавшиеся люди ею и снегом и успели еще благовременно все горевшее погасить и недопустить огню увеличиться и

разгореться. Но если б какие-нибудь минут 10 или 15 позднее случилось мне сие увидеть, то бы тушить было бы уже очень трудно.

Сей случай, перестращавший сколько меня, а того еще более всех моих домашних, заставил нас быть впредь осторожнейшими и от огня беречься более прежняго; а немало побудил нас к тому же и действительной пожар, случившийся вскоре после сего времени в некотором отдалении от нас в слободе купеческой. Нечаянное забитие во все большие колокола в набат на колокольне возвестило нам сие бедствие. И как было сие еще в первой раз во время моего жительства в Богородицке, то случай сей, случившийся в ночное время, перестращал и меня, и домашних моих до крайности. По счастию, произошло сие ввечеру и в такое время, когда народ еще не спал и мог тотчас на пожар сбежаться. А как в один миг прибежал и я туда ж почти без души и, сделавшись поневоле расторопным, употребил все, что только было можно к скорейшему прерванию онаго, то и не допустили мы сгореть более одного дома.

Между тем, пользуясь удобным и свободным зимним временем, не преминул я в возочке своем объездить все ближние и знаменитейшие селения сей волости для получения об них на первый случай какого-нибудь понятия. И как тогдашнее зимнее время и стужа препятствовала мне много как в подробном осматривании оных, так и в сборе всех жителей, то и довольствовался я в сей раз единым только почти воззрением на оные, а потому и успел в немногие дни их почти все объездить, а обстоятельное обозрение отложил уже до наступления летняго времени.

Что касается до управления моего волостью, то оное мало-помалу продолжалось как надобно и показалось мне с самого уже начала далеко не таковым трудным, каковым я его себе воображал. Причиною тому было то, что я нашел уже тут все распоряжения, какия нужны были к тому, предместником моим господином Опухтиным единожды навсегда сделанныя и свято наблюдаемыя. И как все они были так хороши, что не требовали никакой перемены и поправления, то и нужно мне было только узнать и войтить во все оные, а потом наблюдать, чтоб сохранение оных продолжалось по введенной во всем форме, и притом безпрерывно и с такою ж во всем исправностью; а все сие и облегчало мне управление волостями очень много.

Три только вещи озабочивали меня сначала наиболее и обращали на себя мое внимание, а именно: *во-первых*, воровство, бываемое часто не столько по деревням, как в самом нашем селении. Не успел я приехать и

осмотреться, как *Варсобин* прожужжал мне все уши, изъявляя негодование свое на сие зло, бываемое в Богородицке и слободах его слишком уже часто. И как все главным виновником тому почитали одного из тамошних пономарей, то с нетерпеливостью желали все, чтоб он когда-нибудь был пойман и изобличен и мог бы за то наказан быть. А сие равно как нарочно и случись в скором времени после моего приезда. Поймали его и привели ко мне с украденною им у одного из наших крестьян лошадью. Я, зная уже из опытности, сколь много действует употребленная при таких случаях при самом начале строгость и скорое неупустительное наказание, восхотел и в сем случае поступить точно так же, как в Киясовке, и, не долго думая, молодца, разложивши, выстегал плетьми, как водится, не уважив нимало духовнаго его звания, которым вздумал было он отделываться. Ибо надобно знать, что он в надеянии на то, что никто его не может наказывать, и вдался в сию шалость; а потому и в сем случае думал, что я отошлю его в духовное правление и что он там от всего откупится, и вздумал было ерошиться. Но самое сие наиболее меня и разгорячило.

«О! – воскликнул я. – Когда ты на духовныя свои правления надеешься, так я тебе докажу, что я их не боюся и выпорю тебя, сколько душе моей угодно, как вора и бездельника; а ты поди проси на меня не только свое духовное правление, но хотя самого архиерея. Он меня знает коротко и сам еще спасибо за то скажет. Ложись-ка, ложись! С вашею братьею, с ворами, я уже знаю, как ладить. В Киясовке были и не такие воры, но я и тех тотчас от всех шалостей и воровства отвадил; а и тебе сказываю, что ты чем скорее от всех твоих шалостей отвыкнешь, тем лучше, и что я на то уже пошел, чтоб из бездельника сделать тебя добрым человеком».

И, сказав сие, велел его солдатам хорошенько и по-солдатски приударить; а сие произвело желаемое действие, и пономаря моего от воровства, как бабушка, отходило. Он хотя и не упустил произвесть на меня в своем духовном правлении жалобу, и дело сие дошло и до самого архиерея, и я чуть было не нажил себе от того хлопот, но, по счастию, архиерей не горячо в сие вступился и не поспешил сим делом, а увидев меня в Туле, приехавшаго к нему по прежнему знакомству на поклон, выговаривал мне только словесно, что я не в свое, а в его вошел дело. Но как я пред ним признался тотчас виноватым и в извинение себе сказал, что нам не было уже возможности терпеть более его плутней, шалостей и воровства и что учинил я сие единственно для сделания его добрым человеком, то архиерей усмехнул-

ся и, махнув рукой, оставил все сие, и мы с ним опять поладили. А самое сие много подействовало и на пономаря, ибо он, увидев, что и духовное его правление, и сам архиерей ничего ему не помогают, за благо разсудил действительно от всех шалостей отстать и сделаться, в самом деле, с того времени добрым человеком; а моя выгода была та, что все жители нажили себе покой и безопасность.

А таковую же строгость и неупустительное наказание за воровство употреблял я и в разсуждении волостных мужиков и имел также от того успех вожделенный. Сии сколько ни были благонравнее в сем отношении крестьян киясовских, но такой большой семье, какова была сия волость, нельзя было быть без многих уродов, и редкая суббота проходила, в которую бы не был я обременен просьбами о происшедших кой-где разных пропажах и произведенных воровствах; и изследования и разбирательства сих темных дел и причиняли мне наиболее всего неоднократно великия хлопоты, досады и неописанныя иногда затруднения, недоумения и нерешимости, и нередко принужден я был употреблять всю свою философию и напрягать все силы разума своего к открытию утаиваемаго зла. Но как я за правило себе поставил не оставлять ни малейшаго обличеннаго и открывшагося воровства без жестокого наказания, и не столько за самое дело, как за запирательство и нескорое в вине признание, и все сие сделалось в волости известным, то сие и тут поуменьшило гораздо все так нашему подлому народу свойственное воровство, а чрез то и я впоследствии времени имел от того хлопот и забот меньше.

Во-вторых, при помянутых еженедельных разбирательствах и суждениях озабочивали, досаждали и даже крайне обременяли меня жалобы и просьбы о драках и ссорах между собою у крестьян. Не проходило ни одной субботы, в которую бы их не было и я не принужден бы был разбирать сии дрязги, и нередко занимали они меня более, нежели какия иныя важнейшия дела, и по нескольку часов кряду. Несколько времени переносил я сие с довольным твердодушием, но наконец стали они мне прискучивать и побуждать к изобретению какого-нибудь средства к уменьшению количества сих жалоб. И вот что, наконец, я выдумал: как из следствиев сих дел оказалось, что происходили сии драки наиболее от перебранок и от того, что никто не хотел переносить никакого браннаго слова, выговореннаго другим, но приступал к отомщению такими ж браньми, а потом даже и поднимание руки на своего обидчика, и что от равномернаго соответствия тем же

самым и происходили все те ссоры и драки, то для пресечения всего того и удобнейшаго погашения наипервейших искр, производящих сии пожары, и обнародовал я чрез старост и бурмистров во всей волости, чтоб впредь во всех таких случаях, кто один другого обидит каким-либо словом или делом, никто бы ни под каким видом не дерзал бы сам собою с обидчиком управляться и отнюдь бы не соответствовал ему такими же бранными словами, а того паче, не давал бы отнюдь волю своим рукам, а тотчас бы заявлял первым случившимся при том быть людям как делаемую себе от другого обиду, так и свое несоответствование; а потом объявлял было тому старосте или бурмистру, сказывая, что он в первую потом субботу поедет в город на обидчика своего жаловаться и чтоб староста высылал неотменно в город и обидчика для ответа; а староста, чтоб неотменно и не упускал того делать и под опасения наказания никак не доводил до того, чтоб принуждено было из канцелярии за ответчиком посылать нарочных и чрез то дело бы могло иттить на отволочку. Далее велел я, обнародывая сие, растверди всем крестьянам и уверить их, что все те, которые приказание сие исполнят, и сами ни словами, ни делом не ответствуя, все мщение за себя предоставят мне, от меня совершенно будут удовольствованы, и все обидевшие их без изятия и столько, сколько душе их угодно, будут наказаны. Напротив того, все те, которые сего узаконения не исполнят и, не утерпев, сами бранными словами, или дав волю рукам своим, будут обидчикам своим ответствовать ударами и побоями, потеряют все право на получение желаемаго себе удовлетворения, но будут наравне с обидчиками своими за несмирение и неспокойное свое поведение наказаны.

По обнародовании такого нового и необыкновеннаго устава и по растверженииго чрез старост всем и каждому, положил я за правило и сам непременно наблюдать оный, и при всяком случае, когда доводилось разбирать какую-нибудь словесную ссору или драку, прежде всего спрашивал, слышал ли он помянутое запрещение и приказание? Ежели на сие объявлял мне кто, что он того не слыхал, то за сие ответствовать должен был староста и терпеть наказание за неисполнение моего приказа. А как скоро кто сказывал, что он слышал, то спрашивал я далее, исполнил ли он сие приказание в точности? И как скоро кто объявлял или изобличен был, что он, не утерпев и сам мстя за свою обиду, либо словами или руками обидчику своему ответствовал, тогда, не разбирая ничего вдаль, клал я обоих, и просителя и ответчика, и, смотря по великости ссоры или драки, наказывал

соразмерно оным без всякаго упущения. Напротив того, как скоро кто из просителей объявлял, что он все повеление в точности выполнил и обидчику своему ни словом, ни делом не ответствовал и что ссылается в том на свидетелей и на старосту, тогда, похвалив его за то, без дальних околичностей обидчика предавал в совершенную его волю, говоря, чтоб он при мне и при присутствии всех старост и других людей делал с ним, что хотел, и бранил ли бы его взаимно, или бил по щекам, или таскал бы за волосы и за бороду, или на раздетого и положенного на пол сел бы сам ему на голову и плетью или розгами, сколько душе его угодно, обидчика бы своего сек.

Не могу изобразить, какое великое действие произвела сия моя политическая выдумка! Оно превзошло даже все собственное мое чаяние и ожидание. Не успел я несколько раз исполнить все вышеупомянутое в самой точности и молва о том разсеяться по всей волости, как при судах моих и стали появляться такия сцены, которыя иногда извлекали из всех зрителей самыя слезы удовольствия. Ибо как скоро все узнали, что все взаимно бранившиеся и дравшиеся неизъемлемо будут оба наказаны, то у всех сих прошла охота ездить с жалобами на то в город и на дальнее иногда разстояние. Напротив того, другие действительно начали выполнять приказ во всей точности и, ничем не ответствуя обидчикам, заявлять только то другим и старосте, и сами, ровно как гордясь тем, приезжали просить, привозя с собою и ответчиков; то хотя и случалось-то, хотя и редко, что они, получив от меня во власть свою своих обидчиков, бивали их иногда по щекам, таскали их за волосы и за бороды, или за чувствительное их себе оскорбление, севши на голову им, действительно их, сколько хотели, секали, ибо я тогда уже в их дело не мешался, а виноватому говаривал, чтоб он не меня, а обиженнаго им просил о помиловании, и некоторые, будучи очень раззлоблены, прямо и досыта на них обиду свою отомщали; но все сие случалось очень редко, а по большей части оканчивалось все дело тем, что обидчик упадал пред обиженным в землю и просил его об отпущении ему его проступка, и сей, пожурив его, к удовольствию всех зрителей, обиду свою прощал, и они при всех тут обнимались, мирились и целовались, и каковыя сцены нередко иногда всех до слез растрогивали. А как все сим образом великодушно поступившие мною и всеми старостами были похваляемы, а напротив того, ко всем мстившим оказываемо было некоторое негодование, то, к особливому удовольствию моему и облегчению, большая часть сим образом ссорящихся и перестали ко мне приезжать с своими

жалобами; ибо виноватые, будучи удостоверены в том, что без наказания и посрамления не останутся, то не хотя терпеть позора быть от обиженных публично и при всем народе наказанными, что для них было несравненно чувствительнее, не допускали себя до того, но при первом объявлении о том старосте валились к ногам обиженных и просили их еще в деревне у себя о прощении и при посредстве старосты мирились, а потому и не было им нужды ездить за сим в город, а они охотнее на мировой выпоражнивали какую-нибудь скляницу зелена вина, попотчивав им вместе с собою и старосту, почему и сии к таким миротворениям имели побудительную причину, а для меня было тем все сие облегчительнее.

Третий, озабочивающий меня около сего времени предмет состоял в том, что надобно было помышлять о заготовлении многих всякого рода вещей и материалов, потребных отчасти к продолжению производящихся в Бобриках еще во всем развале, отчасти к окончанию приходивших в Богородицке строений. Многия из сих долженствовали в последующее за сим лето доведены быть до совершеннаго своего окончания, но к сему потребно было множество каменных, деревянных и железных материалов и вещей. Из сих далеко еще не все были куплены и доставлены на место а многия надлежало либо при посредстве подрядов закупать, либо инако приготовлять; итак, дела, хлопот и забот посему было превеликое множество. Я должен был входить во все подробности и расспрашивать у моих секретарей, где, когда, у кого, как и что предместники мои до сего подряжали и покупали, а у архитекторов спрашивать, что именно и сколько чего и к какому времени потребно; а получив от них обо всем том сведение, и располагать уже по тому свои меры. Варсобин тотчас не преминул мне в особенности выхвалять алексинскаго лесного подрядчика купца *Вахтина*, а в разсуждение всех больших железных, кузнечных и слесарных поделок и работ тульскаго оружейника Василья Антонова, сына *Пастухова*; и по требованию моему не преминул их обоих ко мне выписать, чтоб мне с ними обо всем нужном переговорить и обо всем цены узнать было можно. Они и не преминули ко мне тотчас прискакать. Обоих я до того времени еще не знал, и первый показался мне купцом обыкновенным и более корыстолюбивым, нежели богатым. При предложении ему ведомости о том, какие лесные материалы и сколько их нам к будущему лету было потребно и при вопросе о ценах, заворотил он мне всему такия страшныя цены, что я ажно остолбенел, и легко заключая, что у него с прежними

моими предместниками было не без перенюхивания между собою и что он и обо мне делал такия же заключения, без дальних околичеств ему сказал: «Слушай-ка, мой друг! Я не знаю, что и как было у вас с моими предместниками, а ежели ты хочешь со мною иметь дело, так, пожалуй, пустяки-та иные оставляй и не полагай ничего на мой собственной счет, а будучи уверенным, что ты не инако как рубль за рубль получишь, объяви-ка ты мне без торгу и всему цены настоящие, чтоб я мог с ними без стыда и зазрения совести показаться к командиру моему князю, а не то так я найду и других лесных продавцов и кроме тебя». *Вахтин* удивился, сие услышав, а не менее его и господин *Варсобин,* который у предместников моих был обыкновенным во всем сводчиком. Но оба они, что ни думали, но принуждены были наконец открыть мне настоящие и сходные всему цены.

Таким же точно образом поступил я и с господином *Пастуховым.* В сей особе нашел я очень умнаго, знающаго и такого человека, какого я и не чаял найтить в оружейнике и которой по всему обращению своему заслуживал несравненно множайшее уважение, нежели *Вахтин*, и был такой человек, с которым можно было иметь даже самую дружбу и знакомство. Однако и сему единожды и навсегда я прямо сказал, что ежели он хочет иметь со мною дело, и дружбу, и знакомство, то располагал бы он все свои поступки со мною на самой честной ноге и без всяких коварств, хитростей и излишних затей; что собственно мне самому для себя ничего не надобно, и он на мой счет не клал бы ничего, а объявлял бы всему цену настоящую и такую, чтоб он оставался без наклада, а мог бы получить и барыш законный, но не чрезмерный, и чрез то бы и меня, и себя не привел бы князю в подозрение; на что сей охотно и согласился, уверив меня, что и сам он для князя, знающаго его довольно, ничего непомернаго в счет ставить не будет; меня же только просил, чтоб я при всех моих в Тулу приездах имел у него в доме непременную квартиру, и уверял, что он постарается ласкою и услугами своими приобресть себе мою дружбу и благоволение и быть оной достойным. А сим я был и доволен, и могу сказать, что сей человек и не показал мне себя никогда бездельником, и как знакомство его было небезполезно, а особливо тем, что имели мы в нем в Туле всегда добраго и вернаго комиссионера[1], исправляющаго по требованиям нашим все наши нужды.

[1] Комиссионе́р 1772 (комм- 1718, -миси- 1720), а и < КОМИСИОНАРИЙ 1706, я, м. Ср.-лат. commissionarius (comiss-), непоср. и через фр. commissionaire, нем. Commissionaire. Поверенный, имеющий полномочия совершать торгово-финансовые сделки и иные операции; лицо, которому поручается исполнение какого-л. дела.

Как по отобрании всех последних цен нужно мне было как для представления их князю и истребования на них от него разрешения, так и для переговоров и о многих других до волости относящихся обстоятельств, повидаться с стариком князем, то решился я к нему на короткое время в Москву съездить, где и собственныя свои кой-какия нуждицы надобно было исправить. И для того, сделав для привозки подряженных уже до меня и готовых материалов потребные с обеих волостей наряды и отправив за ними с капралами и солдатами в Алексин и в другие места подводы, и пустился я в сей путь один. И как я дал *Пастухову* верное слово в Туле остановиться у него в доме, то к нему действительно и въехал.

Пастухов был мне чрезвычайно рад и не знал, как меня угостить лучше. Тут я еще более удивился, нашед у него порядочной и довольно хорошо прибранный домик и большую фабрику слесарную и кузнечную, на которой производились не только мелкия, но и самыя крупныя и тяжелыя работы; а что всего более меня удивило, то нашел я в нем прелюбопытнаго на все и с довольными обо всем сведениями человека, и превеликаго охотника до разных и дорогих птиц и до сада. Все даже многочисленное семейство его было такое доброе, такое ласковое ко мне, что я всем им был очень доволен и с удовольствием согласился всегда у них в Туле стоять, и тем паче, что и пребыванием своим не мог я делать ему дальнаго утеснения, ибо сам он жил в верхнем жилье, а нижния комнаты были всегда почти порожния.

В сей-то самой приезд имел я случаи видеться с старичком нашим коломенским архиереем *Феодосием*. Ибо как ему в самое сие время случилось быть в Туле, то, услышав о том и выпросив у Пастухова санки, полетел я к нему, желая отдать ему свой поклон по старинному знакомству; и тут-то происходил у нас с ним тот разговор о пономаре, о котором упоминал я выше и при котором поступком он своим вперил в меня к себе еще более почтения.

Переночевав в Туле и исправив все свои дела, продолжал я свой путь и заехал в другую ночь ночевать в любезное свое Дворяниново. Это было в первой еще раз, что я по отъезде моем из Киясовки был в своей деревне и увидел, сколь велика была разница между разстояниями прежним и тогдашним до моего дома. Из Киясовки мог я поспевать к себе в дом часов в 5 или 6, а для приезда из Богородицка потребно уже было двое суток.

А посему легко мог я заключить, что нам никак уже не можно будет так часто бывать в своей деревне, как прежде, что принуждало нас забирать туда с собою людей и всякой всячины колико можно уже более, дабы там можно было жить полным домом и ни в чем не нуждаться; а в деревенском доме оставить только самых необходимейших, как то: прикащика, обоих садовников и еще бывших тогда стариков и старух в доме.

Как была тогда зима и хоромы наши занесены были все снегом и нетопленыя, то переночевав кое-как в людской избе, где жил тогда и мой прикащик, не стал я тут долее медлить, но с утра пустился далее и, препроводив двое суток в дороге, приехал наконец в Москву.

Сим окончу я и сие мое письмо, сказав вам, что я есмь ваш и проч.

(Генваря 25-го дня 1809 года).

ЗНАКОМСТВА И ШУТКИ

Письмо 188-е

Любезный приятель!

Пребывание мое в столице было в сей раз очень недолговременно, ибо как вся надобность моя наиболее состояла в личном свидании с князем и чтоб мне с ним переговорить кое о чем относящемся до обеих вверенных управлению моему волостей, Бобриковской и Богородицкой, то мы скоро и в немногие дни дело свое с ним кончили.

По донесении ему обо всем в подробности, что я нашел в волости, наиглавнейшая моя надобность состояла в том, чтоб переговорить с ним о предметах, относящихся до производимых там строений. Я привез к нему с собою списки и ведомости о всех материалах, потребных еще к окончанию работ сих, и как о имеющихся в наличности, так и о тех, кои заготовить еще надобно. При разсматривании оных и цен, требуемых за лесные и железные материалы, удивился князь, увидя их гораздо умереннейшими, особливо против тех, которыя были при умершем предместнике моем, князе *Гагарине*, и, догадываясь о истинной тому причине, усмехался только князь и изъявлял отменное свое удовольствие о моих ценах и в ту же минуту апробовал оныя. После того стали мы говорить о плотниках и

штукатурах, кои потребны были также для сей отделки; и как оных в тамошних местах нигде отыскать было не можно, то князь, по обыкновению своему, взял на себя приискать их в Москве и, заключив с ними контракт, прислать ко мне при наступлении весны, чем я был и доволен.

По окончании всех наших переговоров (с князем), относящихся до строения, довел я с ним речь и о некоторых обстоятельствах, относящихся до волостей. Из всех их наиважнейший предмет был о множестве незаконных выставок или кабаков, находящихся в Богородицкой волости. До сего издревле было по всей волости только три кабака, но предместнику моему, господину *Опухтину*, разсудилось как-то бывшему тогда откупщиком купцу дозволить во всех почти знаменитейших селениях завести под именем выставок, только в праздничные дни, порядочные и всегдашние питейные домы или кабаки. Не знаю подлинно, а говорили, будто бы стоило дозволение сие откупщику нескольких тысяч и что г. *Опухтин* и после всякий год получал за сию недозволенную ежедневную продажу вина добрую с откупщика пошлину, преемник же его, умерший князь *Гагарин*, еще того множайшую. В неложности сей общей молвы много удостоверяло меня и то, что г. *Варсобин*, служивший при всех таких делах главным маклером и орудием, подлипал было и ко мне с такими ж предложениями, а именно, чтоб не давать откупщику одному наживать от того многия тысячи, а не грех бы ему было и поделиться в том со мною. Но как я всего далее удален был, чтоб давать таковым и подобным тому другим внушениям в голове своей место, то слушал сие, только усмехаясь, и без дальних обиняков давал Варсобину знать, чтоб отложил он сии блины до другого дня, или, яснее сказать, перестал бы о том и думать. Таковыми ответами обыкновенно я всегда молодца сего отбояривал, когда случалось ему подъезжать ко мне с таковыми плутовскими предложениями; и хотя я знал, что сие было ему не по душе и не весьма приятно, но сего нимало не уважал, а шел прямою дорогою и делал свое дело и то, чего требовала от меня честь и совесть.

Всходствие чего и в сем случае, как мне довольно сделалось известно, что неуказные кабаки сии, коих число до 20-ти простиралось, обращались в неизобразимый вред волостям и что все мужики спивались на них с круга и ежегодно пропивали до несколько десятков тысяч рублей, а сверх того, опасался я, чтоб после от кабаков сих не претерпеть бы самому мне какой напасти и беды, то и почел я долгом своим донесть о том старику

князю и, обстоятельство сие представив в настоящем его виде, спросить, что прикажет он с сим делать.

Князя удивило таковое донесение. Оно было для него совсем неожидаемым и заставило несколько минут о том думать, между которым временем я с любопытством дожидался его ответа. Наконец, спросил он меня:

– Жалуются ли на сие мужики и не считают ли сего себе отягощением?

Сей вопрос удивил также и меня, как мой его, но я ему тотчас сказал самую истину: что жалоб от них хотя и нет, да и быть не может, поелику всякий таковой домик может почесться для них, по привычке их к пьянству, *селением небесным*; но что от них существительный вред для них и всей волости происходит и что многие не только совсем пропились и разорились, но из добрых людей сделались негодяями, то была неоспоримая истина.

– То так! – сказал на сие князь. – Но и то правда, что уничтожение кабаков сих может доставлять нам множество досад и хлопот. Нам принуждено будет заводить дело и ссору с присутственными местами, а мне бы сих скучных дрязгов не хотелось.

– Да как же изволите приказать? – спросил я.

– И, – сказал наконец князь, – когда они уже однажды введены, то так уже и быть... Оставьте их с покоем! К тому же, – разсмеявшись, продолжал он, – мужичков наших, а особливо таких богатых и всем довольных, как волостные, трудно воздержать от пьянства. Найдут они и везде винцо свое любимое; а что они пропивают много денег, так это едва ль не полезнее того, что они зарывают их в землю, и у дураков великое множество пропадает их без вести».

– Да, это правда, – сказал я, – сие и мне уже несколько раз слышать случалось, и недавно сказали мне, что у одного мужика зарыто было в землю более пятисот рублей, но как он, не сказавши никому из детей о месте, где они зарыты, умер, то они так и пропали. А о том, что у многих были они перекрадены, доходили уже до меня не однажды просьбы.

Итак, посмеявшись мы тому, на том и положили, чтоб кабаки оставить мне по-прежнему с покоем, что мне хотя и не весьма было приятно, но я рад, по крайней мере, был, что предварил князя тем от всякой быть могущей на меня напрасной клеветы за оные.

Потом, ведая княжую страсть к прудам и расхвалив новой большой пруд, предместником моим запруженный, сказал ему шутя: «Вот, то-то бы, ваше сиятельство, посадить в него карпов: какое бы было им в нем раздолье!.. И вот бы ваше сиятельство изволили выпросить у государыни нам их сотенку-другую из Пресненских прудов и прислать!» – «А что ж! – подхватил князь. – Это я и сделаю. Спасибо, что ты мне это напомнил! Это право будет ладно! И я сей же час к государыне поеду, благо она здесь, и думаю, что она мне в том и не откажет!»

Князю предложение сие так полюбилось, что он действительно в тот же час велел готовить карету, а себе подавать одеваться и спроворил сим делом так хорошо, что как я по приказанию его приехал к нему обедать, то он и встретил меня с радостным поздравлением, что карпы у нас будут, и что государыня изволила приказать отпустить нам 200 карпов, которых он и не преминет прислать ко мне, как скоро их поймают. И можно ль было думать, чтоб сия благовременная шутка произвела впоследствии времени то, что не только вся Тульская, но и многия другия губернии снабдились сею рыбою в превеликом изобилии и пошли навек с оными, и за то никому иному как единственно мне обязаны.

Не успел я с князем обо всем нужном переговорить и принять с ним в разсуждение строения все нужныя меры, как, поспешая скорей возвратиться в свое место, не стал я долее в Москве медлить, но, повидавшись кое с кем из знакомых своих и друзей, и пустился в путь обратный.

По приезде в Богородицк нашел я тут все в порядке и своих всех здоровыми. И с первою потом почтою имел я удовольствие увидеть у себя впервые еще отроду присланные ко мне *Гамбургския* немецкия газеты, которыми не мог я довольно налюбоваться, и кои, прочитав, для такого же удовольствия доставил и другу своему, г. Бентону, и с того времени держал я их уже ежегодно и сделал к ним такую привычку, что продолжаю получать их и поныне, и хотя они мне во все сие время стоили многих денег, но о том нимало я не тужил; но удовольствие, доставляемое ими мне еженедельно, вознаграждало с лихвою сей убыток. Одно и то, что я посредством их получал еженедельно уведомления обо всем, что происходило во всем свете и во всех землях и государствах, и известия о том были полныя, а не такия сокращенныя, какия сообщались нам чрез русския газеты, стоило уже весьма многого, а особливо для такого любопытного человека, каков был я.

Вскоре засим наступила и Масленица, и сию провели мы в сей год довольно-таки весело, ибо так случилось, что около самого сего времени заезжала к нам с детьми своими тетка *Матрена Васильевна*, ездившая в свою ефремовскую деревню, и прогостила у нас несколько дней сряду. Гостья сия была у нас почти первая и наиприятнейшая, и мы очень были рады, что жили тогда на дороге и она могла к нам всегда заезжать, когда ни случалось ей езжать в помянутую деревню. А сколько раз случалось нам ее у себя тут угощать и провождать с нею (время) с особливым удовольствием; но могли ли мы тогда думать, что судьба некогда велит ей и навек в сем месте остаться. Кроме сего, имели мы уже время спознакомиться, кроме г. *Толбузина*, и с другим еще, соседственным к нему и также довольно знаменитым дворянским домом господина *Киреева*. Случай и повод к тому подал помянутой господин Толбузин. Приезжая ко мне, просил он нас наиубедительнейшим образом, чтоб посетили мы когда-нибудь его домишка, и как назначил он к тому даже и день, то и согласились мы ему сие удовольствие и сделать и, как ни далеко было, к назначенному дню к нему все и поехали. Тут встретили нас не только хозяева с наивозможнейшими ласками, но и помянутый господин *Киреев*, по имени Александр Григорьевич, бывший тут же со всем своим многочисленным семейством. Сей, а особливо жена его, дама умная и светская, оказывали нам также наивозможнейшия ласки. И как мы с ними тут провели весь тот день, ибо за отдаленностию необходимо надлежало нам остаться тут ночевать, то и познакомились мы с обеими сими фамилиями; и как все они были добрые и такие, с которыми нам можно было знаться, то успели мы даже с ними и сдружиться, и охотно дали слово в последующий день приехать к господину Кирееву вместе с г. Толбузиным обедать; что нам тем удобнее можно было сделать, что нам на возвратном своем пути в Богородицк мимо самых его ворот надлежало ехать. И с сего времени, во все пребывание наше в Богородицке, знакомство и дружба с обоими сими домами продолжалась у нас безпрерывно. В господине *Толбузине* нашел я не только умнаго, степеннаго и ко всему очень любопытнаго человека, но и весьма добраго хозяина, и с ним никогда не скучно было проводить время; а и г. *Киреев* был также очень добрый, ласковый, умный и добродушный человек, но имел только тот недостаток, что был слишком дебел своим телом.

Кроме сих двух домов имел я еще случай угощать у себя еще одного соседа, жившаго гораздо ближе всех их; но сей был хотя очень умный

человек, но, по неумеренной своей привычке к питью, служил мне более в отягощение нежели в удовольствие, и я не рад даже бывал, когда случалось ему ко мне приезжать, а потому сам никогда и не бывал у него, как он меня о том ни прашивал.

Был то г. *Шишков*, Герасим Никитич. Но мог ли я тогда себе вообразить, что впоследствии времени судьба сопряжет меня с сим домом не только дружеством, но и теснейшими узами!

Итак, свидания с помянутыми двумя фамилиями и приезды их к нам начинали делать житье ваше в Богородицке не таково уже скучным, как то было сначала. Когда же никого не было из посторонних, то помянутый немец *Вильгельмсон* всем обращением своим доставлял нам неведомо сколько удовольствия, и нередко доводил нас до слез от смеха. Я упоминал уже, что мы по чрезвычайной бедности приобщили его к своим домашним. И как он действительно начал сына моего учить немецкой азбуке и чтению, что учить он был в состоянии, и был человек хотя очень добрый своим характером, но самая простота и по многим отношениям иногда очень и смешон, то нередко подавал он нам повод к разным шуткам и издевкам над собою, а иногда предпринимали мы делать над ним и самыя проказы родов разных. Как, например, всклёпывали на него небылицы, затевали разныя истории, смеялись и хохотали над ним по поводу оных, и так далее и всем тем доводили его иногда и до сердца и до смеха, и радости и горя. Словом, он был у нас изрядным полушутиком, хотя мы все его душевно за безхитростную его простоту любили и всегда сообществом его, а особливо без посторонних людей, были довольны.

Но ничем он нас так не утешал, как чрезвычайною боязнию мертвецов. И как дом мой был подле самаго бывшаго в старину тут кладбища, и ему от нас после ужина ходить надлежало на свою квартиру всегда ночью, то всегда была ему ходьба эта превеличайшею коммиссиею, а особливо потому, что мы всегда не упускали нагонять на него более страха и боязни разными историями о ходящих будто мертвецах, привидениях и страшилищах; и не один раз случалось, что мы со смеху помирали, видя бедняка сего, дрожащаго ажно от страха и боязни при слушании таких вымышленных повестей, которым он, по простоте своей, верил совершенно.

Но никогда он нас так не утешил, как при одной вымышленной и сделанной нами над ним проказы. Каким-то образом узнали мы, что он волочился до сего за одною горничною девушкою предместника моего, князя

Гагарина, и был влюблен в нее по уши, хотя оная нимало ему в том не соответствовала. И сего одного довольно уже было ко всегдашним над ним смехам и труненьям. Мы всклепали уже от себя, что и она будто очень в него влюблена была, и что тогда по слухам, доходившим до нас, умирала почти об нем с тоски и от разлуки. Друг наш тому и поверил, и у него даже ушки смеялись, когда случалось нам о том разговориться. Но несчастие его хотело, чтоб девушка сия, действительно будучи уже в деревне, около сего времени умерла. Боже мой! Какое было на него тогда горе, когда узнал он о том с достоверностью; ибо сперва долго не захотел он тому верить, и какой опять повод был нам над ним хохотать, притворно об нем тужить, и над ним и горем его смеяться!

Но сего было еще не довольно, а догадало нас воспользоваться сим случаем далее и затеять, что будто она, умершая, ходит до ночам по тем местам в Богородицке, где прежде сего она живая хаживала, и что будто ее уже не однажды и многие видали. Чтоб сделать ему историю сию вероятнейшею, то смастерили мы так, что услышал он ее в первой раз совсем не от нас, а от Варсобина и некоторых других жителей богородицких, и между прочим от таких, которые будто сами ее по ночам видали. Боже мой! Какой нагнали они тем страх на легковернаго и простодушнаго простака сего, а особливо всеобщим уверением, что по всему видимому разгуливает она тут все из любви к нему и его ищет. «Ну, брат, Александр Давыдович! – сказал я, услышав о том при нем будто впервые, и ничего о том не зная и не ведая. – Пропал ты теперь! Ну-ка ты ночью с нею повстречаешься и она за тобою погонится, что тебе тогда будет делать?» – «Тфу! Тфу! Тфу! Она окаянная! –воскликнул он. – Сохрани меня от того Боже! Да я, мне кажется, на том же месте умру от того!» – «То-то право хорошо! – подхватил я. – Она тому будет и рада и тотчас тебя цап-царап и утащит с собою!.. Нет, брат, не только умирать, но и трусить в таком случае не годится и мой совет – направлять тогда лыжи и бежать от нее тогда неоглядкою прочь». – «Да ну-ка она погонится?» – спросил он, действительно тому поверив. «Ну, тогда нечего будет иного делать – сказал я, – как креститься, твердить молитву и призывать всех святых на помощь; а когда то не поможет, то схватив, что попадется, бить тем, но не инако как наотмашь, а не прямо. Помни это пуще всего, Александр Давыдович, и знай, что прямо бить мертвецов никак не годится». – «А я так не то думаю! – подхватил Варсобин. – А мой згад скорей ухватить обнять, да поцеловать, ведь она того-то,

конечно, и добивается». – «И, что вы, Иван Иванович! – воскликнул мой Александр Давыдович. – Статочное ли это дело? Пропади она, проклятая! Я обомру и увидев ее окаянную!»

Сими и подобными сему разсказываниями и повторением того несколько дней сряду старались мы предуготовить его к той комедии, которую мы сыграть затевали. И как мы на него уже довольной страх нагнали, то и приступили к тому наконец в одну несколько лунную ночь. И вот что мы над ним сделали. Была у меня намалеванная на отрезной доске статуя в рост человека вышиною, изображающая горничную девушку, изрядно одетую и такую, какия в домах господских бывают. По особливому счастию случилось так, что другу нашему никогда еще ее у нас видеть не случалось, и он об ней вовсе не знал, ибо как она употребляема была для сада, то до привезении оной из Киясовки и спрятали мы ее до весны в кладовую, и не прежде о ней вспомнили, как при помянутой истории о девке. И сею-то самою статуею вздумалось нам его пострашать, почему для самаго того и выдумали помянутую историю. И как она была так велика, что позади ее можно было спрятаться небольшому человеку, то приделали к ней сзади рукоятки и велели одному из своих слуг небольшого роста вынесть ее на улицу и, за несколько десятков сажен спрятавшись за угол, дожидаться, как пойдет от нас наш Александр Давыдович, и тогда бы спрятавшемуся за нею, и неся ее пред собою, идти к нему навстречу.

Устроивши все сие, продержали мы его нарочно подолее после ужина и почти до самой полуночи и, настращав его всякими разговорами о мертвецах и привидениях, распрощались с ним и проводили его даже до крыльца, и по выходе его из сеней не только затворили оныя, но и заперли засовом. После чего побежали мы все в кабинет смотреть в окно, что будет.

Друг наш, ничего о том не зная и не ведая, шел себе спокойно. Но не успел он десятков двух-трех сажен отойти от дома, как и мелькнуло ему вдали нечто, похожее на человека. Сие вдруг его остановило и заставило, нагнувшись, посмотреть пристальней; но не успел он хорошенько воззриться и увидеть движущуюся статую и, по-видимому, идущую к нему навстречу, как вдруг, обернувшись, направил лыжи назад. Сперва бежал он все еще молча, но как любопытство побудило его обернуться и поглядеть назад, то увидев, что она за ним гонится, завопил во все горло: «Ай! Ай! Ай! Ай! Ай! Ай!», бросился без памяти уже бежать, и прямо опять ко

мне на двор и на крыльцо; но тут хвать за двери, – двери не растворяются. Он стучать, он кричать, чтоб скорее отперли, никто не слышит, а мнимый мертвец приближается! Господи, какая напала на него тогда безпритворная трусость! «Ах, батюшки мои! – кричал он. – Что мне делать? Ахти! Что делать? Ахти! Что делать? Двери заперты и, конечно, все спать полеглись», и не с другого слова, увидев дрова, складенныя у решетки поленницею, прибежал к ней и, схватывая одно полено за другим, ну швырять их наотмашь и чрез себя в мнимаго мертвеца, а сам, не смея и взглянуть на него, только кричал: «Ай! Ай! Ай! Ай! Ай! Ай!»

Мы, смотря на все сие, сокрывшись из окна, надрывались, или, паче сказать, кисли от смеха. Но тогда уже не было нам более мочи терпеть, и мы велели ему отворить будто бы прибегшими людьми двери, и выбежали сами спрашивать, что за шум и что такое? «Чего, батюшка! – отвечал он, задыхаясь от страха и вбежавши помертвелым в сени. – Проклятая-то действительно за мною гналась!» – «Да кто такая?» – «Да девка-то княжая!» – «Что ты говоришь? Нельзя статься!» – «Ей, ей! Хоть теперь умереть, правда! Хоть сами посмотрите, небось она тут же, проклятая!» Тогда выбежали мы на крыльцо будто бы смотреть, но как статую давно уже прибрали к стороне, то стали мы говорить: «Где ж это, где? Мы ничего не видим; ну, не почудилось ли тебе Александра Давыдович?» – «Какое почудилось! – кричал он. – Готов умереть в том, что ее видел и точно ее и в таком же платье, как она хаживала!» – «И, что ты! Что ты! – подхватил я. – Нельзя этому статься, тебе повидилось разве так?» – «Какое повидиться! – возразил он. – До самых ворот за мною добежала, окаянная, и чуть было не схватила. Я всю почти поленницу расшвырял, бросая поленьями в нее, посмотрите хоть сами!» Тогда удивившись будто, велел я смотреть еще, не увидят ли чего, а между тем спрашивал его, как он кидал поленьями, не наотмашь ли? «Я и сам уже не помню! – сказал он. – И наотмашь, и через себя, и Бог знает как». – «Ну, брат, – подхватил я, конечно, ты, кидая наотмашь, попал в нее, и оттого она сгибла и исчезла». – «Чорт ее знает! А теперь, воля ваша, я один уже никак не пойду, а пожалуйте человека два проводить меня». – «Изволь, изволь», – сказал я и нарядил двух людей провожать его.

Сим кончилась тогда сия комедия, и я не могу изобразить, сколь много мы тогда да и после сему бедняку смеялись, который так твердо уверен был, что он видел действительно мертвеца, что долгое время давал нам

над собою трунить и смеяться, и мы насилу-насилу могли после уверить его, что он испугался пустого.

Но что он обманулся моею статуею, то и неудивительно. Она намалевана была мною так живо, что не только он, но и самой наш франт бобриковский архитектор, несмотря на свое искусство и знание, хорошохонько ею обманулся и почел за живого человека. Сей случай также подал нам повод ко многому хохотанью.

Однажды случилось сему архитектору приехать к нам в Богородицк для осматривания по должности своей работ, тут производимых. Я в самое то время занимался поправлением сей статуи для придания ей большей живости, и мне сказали, что приехал архитектор и пошел на строение, то, зная, что он оттуда ко мне зайдет, и вздумал порезвиться и сделать ему своею статуею сюрприз. И тотчас, схватя свою статую, поставил ее в своей угловой гостиной у стола, посреди горницы так, чтоб вошедшему в залу тотчас можно было сквозь двери там увидеть, и сам, выслав на часок всех людей из залы и из лакейской, притулился в своем кабинете и стал смотреть, что будет.

Архитектор мой, вошед в лакейскую и не нашед никого, вошел в залу. Тут и кинулась ему тотчас в глаза статуя, стоящая вдали в гостиной. И как он ее не инако счел как настоящею живою женщиною и какою-нибудь гостьею, то, по обыкновенному своему франтовству и вежливости, ни с другого слова, размахнув шляпою отвесил ей пренизкий поклон. Я со смеху надседался, сие увидев, но дал ему волю и смотрел, что будет далее. Он, не нашед никого и в зале, у кого мог бы спросить обо мне, полетел прямо в гостиную спрашивать мнимую боярышню; но не успел он подойтить к дверям и увидеть свою ошибку, как будучи тем поражен, вдруг обернулся и воскликнул: «Тфу! Какая пропасть! Как я хорошо обманулся!» В самое то время бежал я уже вслед за ним и встретил его хохотаньем. «Что это, братец, Яков Ананьич? – говорил я. – Неужели ты не узнал, что это не живой человек, а нарисованный?» – «Что делать, сударь, – отвечал он, – хоть стыдно, а нельзя не признаться, что был такой грех. Да кто это вам намалевал так живо женщину? Уж не сами ли вы над тем трудились?» – «Точно», – отвечал я, – и был удивлением его доволен.

Теперь, возвратившись к прерванной нити повествования моего, скажу, что не успело пройтить недель двух после приезда моего из Москвы, как привезли ко мне оттуда и пожалованных от государыни карпов. Князь

употребил все предосторожности к тому, чтоб могли довезены быть они к нам все живыми. Поделаны были нарочно для того низкия, плоския, овальныя особаго рода бочки, обшитыя кругом войлоками, и наняты были особые рыбаки для препровождения их к нам в целости. И как их было всех 200-ти, то писал ко мне князь, чтоб одну сотню посадил я, по 50-ти, в оба небольшие пруды, по обеим сторонам гошпиталя находящияся, а другую сотню в новый большой пруд пред дворцом. Сие я и учинил в точности по предписанию, и начав сажать их в гошпитальные пруды, любовался величиною оных, ибо так случилось, что бочки трафились все с большими карпами. Но как я начал горевать и досадовать сам на себя потом, что не спросил о том, во всех ли бочках они ровные, и увидев, что в достальных были самые мелкие карпы. «Ах, какая беда, – возопил я, – чем бы сих посадить в маленькие прудки, а больших в большой, а я всех больших туда впрятал, а сюда пришлись одни только мелкие!» Но самая сия мнимая ошибка и послужила потом в пользу, ибо впоследствии времени увидели мы, что от помянутой сотни крупных карпов не было никакого приплода и не родилось ни одного, а от мелких, посаженных в большой пруд, расплодилась их такая тьма, что не только я со всем домом своим во все время пребывания моего в Богородицке довольствовался ими, сколько хотел ежедневно, но мы могли оных более нежели на 2000 рублей распродать желающим заводить у себя оных, а несмотря на то, и поныне их не только во всех тамошних прудах, но и во всех реках, расплодилось и обитает превеликое множество.

При наступлении потом половоди имел я множество трудов и хлопот по случаю опасности, каким подвержены были все тамошние пруды от прорывания. На всех их были хотя поделаны спуски и, по-видимому, порядочные, но в самом деле со многими погрешностьми и недостатками. А как на обеих реках, Уперте и Вязовке, вода была гораздо больше, нежели я ожидал, то пруды находились в великой опасности, и для меня все дни продолжавшейся половоди не только в сей, но и во все последующие потом годы были весьма безпокойные и такие, в которые дух мой был всегда не на своем месте, и вообще могу сказать, что тутошние пруды наводили мне всегда много хлопот и забот. Со всем тем я так был счастлив, что при всех опасностях не срывала вода ни однажды ни одного из всех оных, но я успевал подавать им благовременно пособие.

Наступившую непосредственно за сим Святую неделю, случившуюся в сей год в половине апреля, провели мы нарочито весело. Это было еще в первый раз, что мы проводили оную будучи в городе. И как место сие было несравненно многолюднее всех прежних, где мне бывать случалось, и я собою представлял начальствующую особу, всеми почитаемую и всеми уважаемую, то и льстило все сие несколько моему самолюбию.

Вскоре засим с открывшеюся весною начались и все работы по строениям как тут, так и в Бобриках, и множество народа закипело во всех местах как при самом производстве оных, так и при привозке и приготовлении всех материалов к тому потребных. Сие отвлекло меня от всех моих кабинетных занятий и упражнений и принудило меня быть почти всегда на дворе и разъезжать всюду и всюду, где только требовалось мое присутствие. Не один раз надобность принуждала меня ездить в Бобрики и пробывать иногда там по суткам и более. Не один раз отъезжал я также для обозрения волостных сел и деревень, а особливо лесных угодьев, а при работах находился почти безотлучно, и более потому, что тутошний архитекторский помощник не совсем был в своем деле исправен, а бобриковскому не можно было бывать у нас слишком часто; итак, принужден я был уже сам во многом ему помогать. Но для меня самого работы сии были совсем новыя и до того никогда мною не производимыя. Нашло к нам множество. плотников, штукатуров, каменщиков, кирпичников и других мастеровых. Все они занимались в разных местах и разными работами: иные делали в каменном доме и во флигелях полы и потолки и прочие деревянные внутри поделки; другие штукатурили церковь и флигеля и внутри и снаружи; иные оканчивали недоделанные еще кое-где кровли; иные клали еще кирпичные стены и так далее, и я едва успевал везде их посещать и везде работы их осматривать и снабжать их всем нужным.

Кроме сего, имел я немалый кусок работы по единой уже своей прихоти. Как при доме управительском не было нигде ни малейшаго садика, а мне, по охоте своей к садам, без него было крайне скучно, то не успела вскрыться весна, как принялся я тотчас за основание и насаждение себе небольшого, однако нарочитого пространства за двором своим, садика. По господствующему тогда еще везде вкусу, сделал я и сей регулярным и, разбив по рисунку, самим мною прожектированному, ибо сделанный по предложению моему архитекторским нашим помощником ни к чему не годился, и я принужден был сам приняться за циркуль и линейку, а потом

за веревки, колья и шнуры, и мне удалось основать и тут хотя небольшой, но такой садик, который все хвалили и который доставлял мне во все время пребывания моего в Богородицке безчисленное множество минут и часов приятных и веселых, и для меня был всегда утешнее и веселее самого большого сделанного мною потом там сада. Итак, между прочими работами, занимался я и сим садом, и как в работниках не имел я недостатка и мог столько их нарядить, сколько хотел, то и успел в немногие дни не только засадить его весь, но и все в нем привесть в такой порядок, что все не могли довольно надивиться, как я успел в такое короткое время и так многое сделать; но я и трудился над ним довольно.

Словом, вся весна сего года была для меня прямо многодельная и хлопотливая, а особливо сначала, когда нужно было все дела и работы основывать и приводить в порядок, и я всему и сам должен был еще учиться. Но, по счастию, имел я во всем успех вожделенный и скоро мало-помалу ко всему привык, а тогда мне и не таково трудно уже было, как сначала. Сим окончу я мое письмо, сказав вам, что я есмь ваш и проч.

(Генваря 28-го дня 1809 года).

НЕОЖИДАЕМОСТИ, ЗАБОТЫ И ХЛОПОТЫ

Письмо 189-е

Любезный приятель!

Препроводив всю весну, как я вам в последнем письме своем уже упоминал, в безпрерывных трудах и делах, относящихся как вообще до правления волостями, так в особливости и до производимых тогда разных строений, был я в месяце июне перетревожен. Уведомили меня, что в предбудущую зиму будет открываться таким же образом и *Тульское* наместничество, как в минувшую зиму открылось *Калужское*, и что будет открывать оное тот же самый наместник генерал *Кречетников*, Михайла Никитич. Далее уведомляли меня, что он уже приехал в Тулу и отправляется для осматривания всех городов и для изыскания удобнейших мест к основанию городов совсем новых и что в скором времени прибудет для того же самого и к нам в Богородицк.

Уведомление сие натурально озаботило меня чрезвычайно, ибо я предвидел, что необходимо надобно мне будет сего знаменитого вельможу у себя принимать и со всею его свитою угощать, почему и не преминул сделать все нужныя к тому приуготовления. И как скоро получил о самом дне выезда его известие, то, приказав изготовить добрый обед и выписав к сему случаю из Бобриков г. Верещагина и архитектора, отправил их для встречи его на границе волости, в первую волостную деревню *Крутое*, а вслед за ними выехал и сам версты за три, чтоб его вместе с первейшими и лучшими купцами с подобающею честию встретить.

Не успел наместник меня, вышедшаго из кареты и стоявшаго с толпою народа, на дороге усмотреть, как поровняясь с нами велел тотчас карете своей остановиться: и как подошед к нему по обыкновенном приветствии ему сказал, что я имею счастие управлять собственною ея императорскаго величества волостью, то, приняв меня очень ласково, был так ко мне снисходителен, что пригласил меня сесть к себе в карету. Сей случай был первой, которой познакомил меня тогда с сею знаменитою особою, имевшею впоследствии времени со мною дела, и которою я так много был доволен. Я имел счастие полюбиться ему как-то с самой первой минуты; ибо не успел он при продолжении пути вступить со мною в разговоры, как уже первыя ответныя ему слова приобрели уже его ко мне благоволение. Может быть, помогло к тому много то, что он нашел во мне знающаго и такого человека, который мог ему подать основательное понятие обо всей нашей волости и обо многом, а притом незастенчиваго и не робкаго пред ним характера. Ибо могу сказать, что я никогда не был пред всеми знатными особами робок и труслив, а обходился и говорил с ними с вольным духом и сие приобретало мне всегда от них скорое благоволение. С сим же непринужденнее и вольнее мог я обходиться, что я не состоял еще тогда в его команде и от него ни в чем не зависел. Коротко, мы приехали в Богородицк уже довольно и довольно с ним познакомившись, и он в разговорах со мною находил столько удовольствия, что проговорил безпрерывно и со всевозможною ко мне ласкою, вежливостию и снисхождением.

Я препроводил его прямо к себе в дом, и как случилось тогда самое обеденное время, то нашел он уже стол для угощения его приготовленной. Для угощения же всей свиты его поставлен был другой, в разбитой на площади пред домом моим, большой палатке. Все сие было им неожидаемо, ему приятно и тем более побуждало его быть ко мне снисходительным. Я

постарался угостить его и всех бывших с ним нескольких других чиновников, и даже самых канцелярских и собственных служителей его, колико можно лучше и так, что все угощением моим крайне были довольны, что и послужило мне впоследствии времени в великую пользу: ибо все бывшие с ним секретари, губернской землемер *Рыкачев* и другие чиновники сделались мне с того времени знакомы и памятовали всегда сие мое угощение.

После обеда пошли мы с ним пешком осматривать все положение места и все здания в нашем селении, и он расспрашивал, а я разсказывал ему все и все. Несколько часов мы с ним проходили, и он отзывался мне, что намерен селение наше, бывшее в древности городом, возобновить вновь и превратить в новой город, и что в сем случае едва ли мы не должны будем обеих наших крестьянских слобод, Пушкарской и Стрелецкой, лишиться, поелику они превращены будут в мещане, и вместо их приискать себе смежныя к нам другия казенныя селения, и чтоб я заблаговременно старался приискать к тому способныя. После того озабочивался он очень тем, где бы ему можно было поместить будущия судебныя места и спрашивал, не могут ли поспеть к зиме каменные и тогда отделываемые флигели большого дома. И как я ему сказал, что хотя я и не могу в том совершенно удостоверить, однако думаю, что немного разве останется недоделаннаго, а особливо если поспешить сколько-нибудь отделкою оных. «О, сударь! – сказал он. – Вы мне превеликое сделаете удовольствие, ежели постараетесь поспешить сим делом! Вы бы обезпечили меня с сей стороны, ибо я надеюсь, что и князь Сергий Васильевич и сама государыня мне в том не откажет; чтоб на время и покуда мы особыя здания построим, поместить суды в одном из сих флигелей, ибо мне более одного и не надобно». – «Очень хорошо, ваше превосходительство! – отвечал я. – За мною дело не станет; я употреблю все, что только в состоянии буду учинить к удовлетворению желания вашего превосходительства». А сие и было ему всего приятнее.

По возвращении в мой дом подчивал я его лимонадом, вареньями и всем, что только могли мы найтить в доме своем лучшего. Тут обходился он со мною уже гораздо дружелюбнее и вместе со мною посмеивался приступающему к нему соседу моему, господину *Шишкову*, которой, приехав к нему с головою, насыпанною бахусовыми продуктами, на поклон, так ему своими разговорами надоел, что он просил даже меня избавить его как-нибудь от сего докучливаго и неотвязчиваго человека, и я принуж-

ден был выдумывать уже всякие способы к выпровождению его от себя из дома; и хотя с трудом, но, к удовольствию наместника, успел наконец его кое-как со двора выпроводить.

Посмеявшись сему странному явлению и напившись горячего, не стал он долее медлить, но в тот же день перед вечером отправился на ночь в Епифань, осыпав меня за угощение себя благодарениями.

Не успели мы сего знаменитаго гостя от себя спровадить, как должен уже я был помышлять о другом, наводящем на меня также немалую заботу. Приближилось 8-е число июля или то время, в которое всякий год бывала в Богородицке так называемая *Казанская* и довольно знаменитая ярмонка. И как я составлял важную и главную во всем нашем селении тогда особу, то и должен был принять на себя все хлопоты и труды с отводом и показыванием мест всем приезжающим торгашам сопряженныя, и вообще о сохранении во время ярмонки сей добраго во всем порядка старание. Сию ярмонку имел я тогда случай также в первый еще раз видеть. Она была довольно многолюдна, и вся обширная площадь, находящаяся за речкою Вязовкою, подле нашего каменнаго гостинаго двора, установлена была тысячами телег и наполнилась многими тысячами съехавшагося накануне того дня народа. И как каменных наших лавок к помещению всех наехавших с товарами купцов было недостаточно, то для помещения и прочих назначил я места, прорезав чертами все линии и переулки, где и как стоять повозкам с товарами, и все расположил так хорошо, что как при помощи находящихся в команде моей солдат все приезжающие устанавливаемы были везде порядочно, то по съезде всех превратилось все сие место равно как в порядочный город, с улицами вдоль и поперек и столь порядочными, что все бывшие на ярмонке не могли тем и сохраняемым повсюду порядком довольно налюбоваться. Но того еще довольнее были тем, что не упустил я, постараться и о том, чтоб во время ярмонки не было никакого воровства, обыкновенно до того бывавшаго. Для предупреждения того употребил я особую выдумку. Я велел солдатам своим как можно стараться поймать мне с чем-нибудь украденным вора; и как мне тотчас одного и подтибезили[1], то я велел его до пояса раздеть донага, и, скрутив у него руки назад, вымазать его дегтем, и водить вдоль и поперек по всей ярмонке процессиею, и нести перед ним шест с привешенными к нему и

[1] Подтибезить – здесь: изловить, схватить.

развевающимися покраденными платками, и кричать, что это вор и что со всяким то будет, кто поймается в воровстве. И сия выдумка подействовала так много, что всех от воровства как бабушка отходила, и никогда ярмонка не была так смирна и безопасна, как в сей год, да и после, когда бывали ярмонки, никогда о воровстве не слышно было.

Впрочем, как на ярмонку сию приезжало много со всех сторон и дворян, и были в числе их и все наши знакомые, то сей случай подал мне повод к приглашению их к себе и к угощению их в день самаго праздника у себя обедом, а потому и в сей день было у меня множество парода.

Но едва только все сие кончилось, и мы после всех бывших при том многих хлопот и забот начали отдыхать и радоваться, что сие хлопотливое время миновало, как вдруг, недуманно-негаданно, поразился я новою и несравненно всех прежних величайшею и важнейшею заботою и такою неожидаемостию, которая встревожила всю внутренность души моей и привела всю кровь в преужасное волнение. В одно утро, читая принесенныя с почты московския газеты, вдруг нахожу я публикацию от межевой канцелярии: «Поелику де по просьбе некоторых господ, князей, бояр и генералов, а именно того и того, отправлен в Шадской уезд взятой ими на свой кошт землемер для отмежевания им проданных от межевой канцелярии каждому по 1500 десятин дикопорожней государственной земли в таких-то и в таких местах и урочищах, то все бы соседственные жители приготовляли свои крепости и были к межеванью сему готовы».

Теперь не могу я никак изобразить того смущения, каким поразился я, увидев из описания помянутых урочищ, которыя все были мне очень коротко знакомы, что продажа произведена сим господам из самой той степи, которая лежит подле моей шадской деревни и о которой происходил у нас года за три до того тот славный спор, которой описан мною в XVI части сей моей истории... «Ба, ба, ба! – воскликнул я. – Это что такое? Степь-то эта наша! Вот и урочищи мне все знакомые! Вот упоминается речка Лесной-Тамбов, речка Караваенка, наше Ложечное и речка Паника! И каким образом проданным быть тут землям господам князю *Голицыну, Кошелеву, Нащокину, Бурцову* и другим тому подобным, которые не только в смежестве и в близости к тамошним местам никаких деревень не имеют, но коих и имена никому из тамошних неизвестны? Это что-то мудреное, непостижимое и не даровое!» Словом, я не верил почти глазам своим и читал и перечитывал вновь статью сию в объявлениях газетных.

Но чем более я вникал в существо сих продаж и описания урочищ, тем более усматривал я, что скрывалась тут некая тайна или сокровенныя плутни, и скоро принужден был воскликнуть: «Ах, Боже мой! Я готов руку свою дать на отсечение, что хотя тут и не упоминается господин Пашков ни единым словом, но все это верно не чьи иные, как его новые ковы и плутни, и земли сии не господами помянутыми, а им самим на их только имена куплены! Видно, что они ему друзья и приятели и восхотели ссудиться ему своими именами для плутовской покупки толь многих тысяч десятин земли казенной».

Мысль и догадка сия час от часу делалась мне вероятнейшею и скоро дошло, что я не мог уже в том нимало сомневаться; но удивление мое увеличилось еще больше, когда при дальнейшем разсматривании и суждении о сем деле ясно усматривал я, что скрывалось и тут превеличайшее бездельничество и плутовство, употребленное Пашковым при сей покупке и что куплена им на помянутыя разныя имена далеко не вся нами оспоренная степь, но разве только пятая часть оной, и узкою только полосою простирающеюся вокруг всей оной по закраинам, а прочия три или четыре части оной, лежащия внутри сей опояски, остались никому еще непроданными.

Сперва удивился было я сему обстоятельству, но как мне межевые дела и плутни довольно были известны, то скоро усмотрел я, что сие сделано не попросту, а с плутовским умыслом, чтоб всего оного внутренностию, простирающеюся тысяч до 30-ти и более десятин можно было Пашкову овладеть без покупки и безданно-безпошлинно; потому что, как те проданныя земли будут отводимы безсомненно его же поверенным, и нам всем соседственным дворянам не можно уже будет никак оных с наружной стороны оспаривать, поелику сами мы назвали те места казенными землями, то при отрезывании сих проданных земель со внутренней стороны от степи, придется ему разводиться самому с собою, следовательно, об ней и спору не можно уже быть никакому, и что для самого того и не покупал Пашков на свое имя ни одной десятины. Словом, плутовство произведено очень хитрое и прямо мошенническое.

Досадно мне неведомо как сие было. И как я предусматривал, что при сем отмежевании проданных земель не только все наши соседи претерпеть могут великое зло, но и сам я претерпеть могу зло в разсуждении покупной своей земли в окрестности Ложечных-буераков, поелику одна из

помянутых проданных земель, а именно на имя генерал-поручика Воина Васильевича *Нащокина*, именно приурочена от речки Караваенки до вершин Ложечных-буераков. Сие и самого меня перетревожило чрезвычайно и так, что я долго не знал и долго не мог сам с собою согласиться, что мне делать, и впал оттого в великое недоумение.

Наконец, по долгом думании и размышлении другого не нашел, как только чтоб в предупреждение, дабы Пашков не отхватил себе и всю мне проданную и мною уже владеемую землю при Ложечных-буераках, скакать самому скорей в Москву и, подав в межевую канцелярию челобитную, просить, чтоб велено было тому же землемеру отмежевать наперед мне проданную за 12 лет до того землю подле Ложечных-буераков, а потом межевал бы он как хотел прочия.

Обрадовался я, получив сию мысль и считая, что сим одним могу я наделать в производстве плутовства его много помешательства, решился поспешить тем колико можно скорей; и потому сообщив о своем горе моим домашним, перетревожившимся тем еще более моего, просил их, чтоб они собирали меня как можно скорее всем нужным к московской поездке, а людям своим велел готовить для себя скорей повозку, и сделав потом по волостным делам все нужныя на время отлучки моей распоряжения и поручив волость Варсобину, не стал долее медлить, но, севши вместе с случившимся быть у меня тогда *Пастуховым* в карету, и полетел в Москву.

Было сие 22-го июля, и как выехали мы уже не рано после обеда, то, переночевавши в Дедилове, приехали мы в Тулу еще очень рано, где, остановившись у Пастухова и позавтракав, пустился я в дальнейший путь и поспешил ездою своею так, что в тот же день, хотя и поздненько, приехал в свое Дворяниново.

На сие милое и любезное мне селение успел я в сей раз только взглянуть. Обстоятельства не дозволили мне никак долго в нем медлить, и я намерен был с утра в последующий же день пуститься в сей путь далее и заехать на часок к другу моему г. *Полонскому*. Но как услышал, что он в самой тот день будет у нас же в деревне крестить у соседки моей, г-жи *Басаргиной*, успевшей уже родить сына и звавшей и меня к себе обедать, то рад я был, что избавился чрез то от заезда в сторону к господину Полонскому, а мог, по желанию своему, видеться с ним тут и обо всем нужном переговорить.

Г. *Полонский* удивился, увидев меня тут против всякаго чаяния и ожидания, и по всегдашней ко мне своей любви не мог довольно изобразить удовольствия своего о том, что я нахожусь уже в Богородицке. Он начал тотчас расспрашивать меня об всех и обо всем и не мог со мною довольно наговориться. Услышавши же о причине моей поездки, погоревал вместе со мною о предстоящих мне многих хлопотах и, похвалив мое предприятие, предлагал мне свой дом для стояния в Москве, чем я был и доволен. И как мне мешкать тут долго было не можно, то, отобедав с друзьями и знакомцами своими и распрощавшись с ними, поехал я в свой путь и претерпел хотя на дороге превеликий страх от налетевшей на нас великой громовой тучи, но в тот же день доехал до Серпухова и, переночевав у *Квасникова* и препроводив еще целой день в дороге, на третий поутру благополучно в Москву приехал и пристал на дворе господина Полонскаго, на Поварской.

Мое первое дело и попечение было, чтоб распроведать и узнать обо всех обстоятельствах в межевой канцелярии. Сперва горевал было я о том, что, не бывая так давно в оной, не имел я никого себе знакомых. Но как нечаянным образом узнал я, что бывший в *Киясовке* моим канцеляристом Павел Федоров, не ужившись с *Шестаковым* и отошедши оттуда, определился в межевую и тогда в оной находился, то, обрадуясь тому как некакой находке, послал я тотчас его там отыскивать и звать к себе. Сей по любви своей ко мне не успел услышать, что я в Москве, как в тот же миг, бросив все, ко мне и прилетел. Я свиделся с ним как бы с каким родным своим, я рад ему был тем более, что мог от него узнать все нужное. Он, услышав о причине моего приезда, сказал, что я нимало не ошибся в своей догадке, что все те земли проданы действительно не кому иному, как самому *Пашкову* на имена только разныя и подложныя; что сделал ему сие не кто иной как *Князев*, второй член их канцелярии и самая та важная и хитрая особа, которая сочиняла и все межевые узаконения и инструкции; что сей *Князев* ворочает тогда всею их канцеляриею и делает что хочет. Пашкову сия покупка, без всякаго сумнения, стоит многих тысяч, ибо он со всех покупщиков дерет без милосердия, и они почти столько ж платят и ему, сколько и в казну; что продажа землям производилась тогда страшная; что продаются они всем и всем, у кого б только были любезныя денежки, и он едва только успевает обирать со всех деньги и наживается чрез то ужасным образом. Далее сказывал он мне, что Пашков находится еще в

Москве и что не слышно об его отъезде; со всем тем что нужно мне неотменно и подать от себя в межевую канцелярию челобитную, а прежде того необходимо надобно бы мне побывать у *Князева* и переговорить с ним на дому, поелику от него все мое дело будет зависеть, ибо первый их член генерал *Ивашев* ничего не значит. Наконец советовал он мне побывать и в межевой канцелярии, а на вечер просил посетить его самого на квартире, где поговорили бы мы и о том, как написать лучше челобитную.

Рад я неведомо как был, что узнал все сии обстоятельства, и как время тогда приближалось уже к обеду, то, отпустив моего друга опять в свое место, стал я скорее одеваться, чтоб поспеть к обеду к дальнему родственнику нашему, или паче весьма любящему меня почтенному и любезному старику, Афанасию Левонтьевичу *Офросимову*, котораго дом случился тогда всех ближе быть к моей квартире. Старик и жена его были мне чрезвычайно рады. Они не могли довольно изъявить мне удовольствия своего о том, что я был тогда управителем уже Богородицкой волости; и как им по смежеству их деревни с сею волостью было до меня и не без нуждицы, то удвоили они ко мне прежния свои ласки и благоприятство и просили меня неведомо как, чтоб я во время тогдашняго пребывания моего в Москве, а особливо живучи так близко от них, приезжал к ним как можно чаще, и хотя б всякой день как в свой дом обедать и ужинать. Впрочем, подтвердил мне и сей старик все сказанное мне Федоровым и советовал мне также повидаться наперед с Князевым и ему обо всем объясниться на словах. Отобедав у сих почтенных и любезных стариков, полетел я в межевую и имел там неожидаемое удовольствие найтить в числе секретарей одного из прежних своих знакомцев, а именно господина *Селижарова*, бывшаго прежде секретарем в серпуховской конторе, и с которым я имел случай там очень коротко познакомиться и несколько раз его угощать у себя. Сей, увидев меня, обрадовался как бы родному, вспомнил все наше прежнее знакомство и, услышав о моей нужде жалел, что дело сие не у него в повытье, но у секретаря *Соколова*, но с которым взялся он меня познакомить; и схватя в тот же час за руку, повел меня в ту комнату, где тот секретарь находился, и отрекомендовал ему меня, как лучше требовать не можно. В сем незнакомом мне до того секретаре нашел я человека молодого, но такого, которой с самого начала мне, а я ему полюбился. Помогло к тому весьма много то, что он, будучи охотник до книг и человек любопытный и услышав от Селижарова многия обо мне похвалы, а особливо в

разсуждении моей учености, тотчас стал обходиться со мною с отменною ласкою и уважением; а сие самое вперило и в меня к нему любовь и почтение. Он не успел услышать о моей нужде, как обещал с своей стороны делать мне всякое вспомоществование, и чтоб свободнее обо всем нужном касающемся до сего дела переговорить, просил меня, чтоб я утром в последующий день побывал у него на квартире.

Будучи крайне доволен, что дело мое начало так хорошо и удачно основываться, поехал я из межевой к старику моему князю, у котораго я еще не был. Князь и обрадовался, меня увидев, и удивился моему неожидаемому приезду, и подумал сначала не сделалось ли чего в волости; но как я поспешил сказать, что там все благополучно и все дела идут своим порядком и как лучше требовать не можно, а потом стал просить извинения в том, что без его дозволения отлучился и говорил, что меня принудила к тому нечаянная и крайняя нетерпящая времени нужда, то он не только охотно меня в том извинил, но, услышав о моей нужде, похвалил еще, что я к нему о том наперед не отписывался и сказал, что я могу пробыть в Москве столько времени, сколько требовать будет моя нужда, но с тем только условием, присовокупил он, усмехнувшись, чтоб я за вину мою как можно чаще к нему приезжал и помогал ему провождать в разговорах со мною время.

Легко можно заключить, что условие сие было мне непротивно, и я с радостию обещал ему исполнить его желание, и посидев у него, успел в тот же еще день побывать у знакомца моего, г. *Федорова*, и посетить его на смиренной квартирке онаго.

Итак, поутру на другой день, что было 27-го июля, благословясь и начал я писать начерно челобитную и написав, ходил к секретарю *Соколову*, жившему, по счастию, не далеко от меня. Сей принял меня очень ласково, и как я увидел против ожидания у него целой шкаф, наполненной книгами, то и пошли у нас тотчас разговоры об них, и сие сдружило нас с ним еще более. После того разсказал я ему в подробности все дело, написав маленькой абрис положения всей тамошней степи и упомянутым проданным землям и урочищам, с показанием, где лежит и мне проданная земля. Он, выслушав все и разсмотрев, покачал только головою и подивился непомерной алчности Пашкова, говоря: «Не с ума ли этот человек сошел! Какая бы ему нужда вас трогать и до вашего Ложечнаго касаться... Нельзя ль бы ему было и без него обойтиться!.. Чудной поистине человек!» По-

том, разсмотрев мою черную челобитную и одобрив, сказал, чтоб я приготовил ее к завтрему и повидался бы наперед с *Анисимом Титочем* и сказал ему, что он скажет.

Как сим образом дело отсрочилось до утрева, то, возвратясь от секретаря, поехал я в ряды для исправления некоторых покупок. Там нечаянно повстречался я с другом моим Иваном Яковлевичем *Сабуровым*. Сей ничего еще не знал о плутовской покупке Пашкова, и услышав от меня, неведомо как встревожился и спрашивал у меня совета, что им при сем случае делать? Но какой совет мог я ему подать, не знавши сам еще, какой ход возымеет то дело. Итак, поговоривши и погоревав о новой предстоящей всем нам от Пашкова напасти, разстались мы в сей раз со взаимным сожалением, что ни ему по его обстоятельствам не можно было никак в свою Калиновку в сей год ехать, и мне также не можно от своей должности отлучиться. Распрощавшись с ним, заезжал я в университет, где хотелось мне видеться с знакомцем моим г. *Приклонским*, но, не застав его дома, проехал опять к старику моему князю.

У него просидел я несколько часов и мы проговорили с ним о наступающем открытии Тульскаго наместничества. Я разсказывал ему все относящееся до приезда к нам наместника, и о намерении его отнять у нас из Богородицка Пушкарской и Стрелецкой слободы, и о предлагаемом им приискивании в замен их других казенных селений. И как сии были у меня уже и приисканы и на примете не только смежные с Богородицкою волостью, но отчасти посреди оной лежащия, то с сей стороны был князь усердием моим доволен. Когда ж дошел у нас разговор до флигеля, то сказал князь: «Ну что ж, ежели успеем отделать, так пускай себе с Богом занимают, а только бы не сожгли нам они его; а в удовольствие наместника можно несколько и поспешить!» От князя заехал я и к другому моему старику, г. *Офросимову* и у него ужинал. Сей также не мог со мною обо всем довольно наговориться.

Наконец настало 28-е число, в которой день надлежало мне ехать к *Князеву*. Я его никогда еще не видывал и любопытен был видеть, как он меня примет; но признаюсь, что не ожидал ничего хорошаго. Но как я удивился, когда ходивший докладывать ему обо мне человек, выбежав с поспешностию тотчас назад, звал меня к нему в кабинет, и не успел я войтить, как он первым словом меня встретил: «Не тот ли я *Болотов*, которой так много по экономическим своим сочинениям сделался известен

в Петербурге и во всей России?» И лишь только я сказал, что это я, как бросился меня целовать, говоря: «А! батюшка, Андрей Тимофеевич, как я рад, что имею удовольствие вас видеть, – так давно уже я вас по сочинениям вашим знаю и желал с вами познакомиться... пожалуйте, сядьте и поговорим с вами».

Легко можно заключить, что таковой ласковый и неожидаемый прием был для меня крайне приятен, и я чувствовал себя власно как на вершок больше выросшим. Я соответствовал ласке его взаимными приветствиями и препоручением себя в его благоволение и милость. А он только и твердил, что таких людей, как я, в России очень мало и что он желал бы, чтоб их было больше и чтоб многие из дворян наших мне подражали. После того сказывал он мне, что он все мои сочинения у себя имеет и читает их с особливым удовольствием и почитает их наилучшими и основательнейшими пред всеми. Таковая нелестная похвала меня даже пристыдила, но, признаюсь, что была и непротивна. После чего и начался у нас с ним тотчас разговор о книгах и о делах ученых, и он, будучи до них охотником, чем далее со мною говорил, тем множайшее находил удовольствие, так что мы чрез несколько минут так с ним познакомились, как бы давно уже знакомые люди и добрые приятели между собою. Наконец спросил он меня, не нужда ли какая оторвала меня от моего места и привела к ним в Москву? – «Конечно, нужда! И нужда собственно до вас, батюшка, Анисим Титович», – сказал я ему кланяясь. «Какая такая? – подхватил он. – Скажите ради Бога! Я рад вам всячески служить, ежели от меня что зависит». Сие ободрило и порадовало меня очень и того еще более. «Что, батюшка, Анисим Титович, – сказал я, – вот какое дело. За двенадцать лет до сего куплена была у меня из межевой канцелярии государева земля, и как она по смежности ко мне мною была завлажена, то заплатил за нее и тройную цену. Сею землею по силе даннаго мне владеннаго указа я и владею. Но ныне увидел я из газет, что самая та же земля и в тех же самых урочищах продана другому, совсем постороннему и с нею никакого смежества не имеющему человеку и за одинакую цену. И как для отмежевания оной отправлен уже землемер, и я опасаюсь, чтоб у меня ее не отняли и не отмежевали другому; так и прошу вас, батюшка, Анисим Титович, каким-нибудь образом в разсуждении оной меня обезпечить!»

Слова сии привели его в изумление и он, помолчав с минуту, мне сказал: «Удивительно мне это, и разве как-нибудь не выправились и оши-

блись; а кому продана она ныне?» – «Воину Васильевичу *Нащокину*!» – сказал я, ибо мне не хотелось и вида сделать, что я знаю, что земля сия не ему, а Пашкову продана. «Да, – отвечал он на сие, – безсомненно есть тут какая-нибудь ошибка. Пожалуйте к нам в канцелярию. Я сейчас туда еду и велю выправиться, и ежели окажется подлинно так, то как-нибудь уже вам пособим». – «Очень хорошо!» – сказал я, и ему откланялся, но он не отпустил меня, не напоив чаем и не взяв обещания приезжать к нему еще несколько раз, также записав у себя на бумаге записочку о земле моей.

«Слава Богу! И на что сего лучше! – думал я, от него выходя и едучи в межевую. – Дело мое понемножку клеится и идет лучше, нежели я думал и ожидал». В межевую не успел я показаться, как оба секретари, *Селижаров* и *Соколов*, приступили ко мне с вопрошениями, был ли я у Анисима Титовича и что он сказал? И как скоро я им сказал о его приеме и обо всем, как оба они мне в один голос сказали: «Ну, слава Богу, это всего лучше и теперь можем мы вас смело поздравить, что дело ваше будет сделано!» А не успели мы речь свою кончить, как поглядим, едет и Анисим Титович, и как ему чрез секретарскую в судейскую проходить надлежало, где я стоял, то он и тут взглянул на меня с благоприятностию, и по входе в судейскую тотчас велел позвать к себе секретаря и по записке своей приказал выправиться. Секретарь мой, выбежав и показывая мне бумажку, сказал: «Вот уже она!» и тотчас велел повытчикам делать выправку. Выправка сия чрез несколько минут и учинена и секретарем Князеву доставлена. А он, увидев справедливость слов моих, и вышел тотчас сам в секретарскую к нам и, обратясь ко мне, с особливою благоприятностию мне сказал: «Так! Вы сказали правду и мы виноваты и были так оплошны, что не выправились. Но делу сему пособить можно. Извольте подать челобитную, и мы к тому же землемеру пошлем указ, чтоб он наперед отмежевал проданную вам землю, а после уже межевал прочия». – «Очень хорошо! – сказал я. – Челобитная о том и готова!» и, тотчас ее вынувши, ему подал, а он и приказал секретарю пометить и внести ее в свое время в доклад.

Все, увидевши такое благоприятное Князева со мною обхождение, обратили на меня свои глаза и начали уже меня гораздо более уважать и ко мне изъявлять всякое учтивство. Секретаря же *Селижарова* так сие обрадовало, что он приступил ко мне с просьбою, чтоб я непременно его в тот день посетил и к нему приехал обедать. И как время до обеда оставалось еще много, а мне в межевой делать более было уже нечего, то разсудил я

сим досугом воспользоваться и побывать еще для некоторых нужд в городе, где недуманно-негаданно дожидалось меня новое удовольствие. Не успел я войтить в ряды, как вдруг встречается со мною старинный мой сослуживец и друг, Матвей Васильевич *Головачев*, с которым служил я не только в одном полку, но и в одной роте. Оба мы были тогда еще подпоручиками и жили прямо дружески, любя друг друга искренно, но с самаго завладения Пруссиею не видались между собою. Не могу изобразить, как обрадовались мы много, друг друга увидев и узнав. Я думаю, не более бы обрадовались родные братья или ближние родственники, не видавшиеся столь многие годы. И сколько было тогда у нас целованья и расспрашивания обо всем и обо всем друг друга! Словом, минуты сии были для меня неоцененны, и мы разстались не инако как с крайним сожалением.

Из рядов успел я еще заехать в университет, и отыскав господина *Приклонскаго*, с ним видеться. Сей кашинский мой знакомец был мне очень рад и сообщил мне приятное известие, что племянницы мои госпожи *Травины* только что чрез Москву проехали, едучи ко мне, и с братом своим вместе в Богородицк, и что он за два только дни до того их видел. «Ах, как мне того жаль, – сказал я, – что я о том не ведал, и теперь они меня там не найдут! Но что ж, – примолвил я, – по крайней мере, найдут они там моих хозяек, и неужели не дождутся моего возвращения и приезда отсюда?»

Повидавшись с г. Приклонским, успел еще я приехать благовременно в межевую. Все готовились тогда к выходу, и Селижаров, подхватив меня, и полетел к себе в дом. Жил он под самым почти Донским монастырем, итак, принуждены мы были с ним чрез целую половину Москвы ехать; но зато и угостил он меня добрым и прямо секретарским жирным обедом, и я ласкою и приязнию его был очень доволен, и мы с ним при сем случае о многом-таки кое о чем поговорили, а особливо о происшествиях при межевой канцелярии.

От него разсудилось мне заехать в дом господина *Павлова*, нашего давнишняго знакомца и бывшаго шурина покойного дяди моего *Матвея Петровича*, и как мы с сим домом и до того времени продолжали свое знакомство и дружество, то был я и в сей раз приемом и ласкою сего простодушнаго старика очень доволен. Оба они, он и жена, благодарили меня неведомо как, что я их, стариков, напомнил, и расспрашивали обо всех моих домашних. Вспоминали прежния времена и частыя наши свидания,

и просили неведомо как, чтоб в случае приезда в Москву вместе с моим семейством не оставлял бы я их своим посещением.

Посидев у них, проехал я к старику моему князю. Сей едва завидел меня, как и стал спрашивать о успехе моего дела, и услышав о том, как меня принял *Князев*, порадовался тому искренно и также не сомневался о успехе моего дела. И как не хотел он отпустить меня от себя без ужина, то принужден я был все достальное время сего дня препроводить у него; которое провели мы с ним в гулянье по его прекрасному саду и в разных приятных с ним разговорах. Словом, он находил в собеседовании со мною от часу более удовольствия и обходился со мною не инако, как бы с каким ближним своим родственником.

Сим кончился тогда сей многими удовольствиями для меня преисполненный день, а вместе с тем окончу я и письмо сие, сказав вам, что я есмь ваш и проч.

(Генваря 29-го дня 1809 года).

ПОКУПАНИЕ ЗЕМЛИ

Письмо 190-е

Любезный приятель!

Имея делу своему столь хорошее и все чаяние и ожидание мое превосходящее начало, как много ни надеялся я, что оно скоро и кончится, однако надежда сия меня обманула и я с досадою и некоторым прискорбием души принужден был видеть, что течение дел и в межевой канцелярии подвержено было такой же медленности, как и во всех прочих судебных местах, и что мне необходимо надлежало вооружиться терпением и ждать того многие дни сряду, что в один день могло бы исполниться и произведено быть в действо. Причиною тому был отчасти введенной издавна и свято наблюдаемой старинной *шлендриян*, по которому производятся у нас все дела в судебных местах и канцеляриях, а отчасти стечение других случившихся обстоятельств. Ибо где-то надлежало челобитную мою внесть с прочими делами в докладной реестр; где-то воспоследовала на нее резолюция; где-то делали выправку и писали начерно определение;

где-то оное разсматривали; где-то писали набело; где-то все присутствующие члены оное подписывали; где-то писали сообразно с оным указы и где-то, наконец, оное подписывали, записывали и мне вручали!.. Итак, на все сие требовалось время, и время очень многое: ибо иного из исчисленных пунктов и одного мало было одних или двое сутков. И как к тому ж, к вящей досаде всех просителей, случились в сие время не только субботние и воскресные, но и самые праздничные дни, в которые присутствия в канцелярии никакого не было, а сверх того, бывали и отлучки некоторых членов, то сие умножало еще тем более медленность течения сего дела. А от всего того и произошло то, что вместо двух или трех дней принужден я был конца сего дела дожидаться более 10 дней, и все сие время мучиться на непомилованную медленность не только досадою, но и сущею тоскою.

И в самом деле нельзя изобразить, как несносна каждому просителю бывает такая медленность, а особливо таким, которым дорога каждая минута времени и всего нужнее поспешное производство! И как неизъяснимо досадны бывают все случающиеся в то время воскресные и другие праздничные дни, в которые судьи освобождаются от заседания и в которые не бывает до делам никакого производства. Необходимость проживать все такие дни праздно и без всякаго дела превращает оные в целые недели и в наискучнейшее в свете время. И я сам, при всей благосклонности ко мне секретарей и главнаго делопроизводителя, замучился бы истинно сею медленностию впрах, и не знаю, как бы сие время перенес, есть ли б не находил средств удобных к прогонянию своей скуки к досады и таких занятий, которые не давали мне почти чувствовать долготы времени. Ибо, что касается до самаго дела, то как оно производилось в канцелярии обыкновенно только по утрам до половины дня, то за правило себе поставил не пропускать ни одного присутственного дня, в которой бы мне не быть в канцелярии, не на часок один, по примеру многих, а на все время продолжающегося присутствия. Сие хотя и стоило мне весьма многого труда, но я уже вооружался терпением, ведая, что оттого весьма многое зависит. Итак, обыкновенно приезжал я в канцелярию по утрам и до тех пор бывал, покуда оканчивалось присутствие, и дабы время сие было мне не так скучно, то обыкновенно приискивал я там людей, с кем бы я мог вступать в разные обо всем разговоры. И как мне всегда удавалось и находить людей к тому способных, и я при всех таких случаях старался изъявлять свои знания, то обыкновенно приманивало еще к слушанию наших разговоров

и самых секретарей и других чиновников. И как нередко и сами они в том бирали соучастие, то самое сие и ежедневное бывание и спознакомливало меня с ними от часу более и не только помогало мне без скуки провождать время сие, но и обращалось в существительную мне пользу, как то мне не однажды в жизнь мою испытать случилось.

Но никогда не было мне сие так полезно, как при сем случае. Тут чрез то самое не только я спознакомился со многими из межевых, но и с самыми посторонними людьми, имевшими также, как я, дела в межевой канцелярии, но проистекла случайным образом оттого для меня совсем особая и весьма важная польза. Случилось так, что ни с кем я так много всякой день не разговаривал, как с бывающим также там всякой день господином *Муромцовым*, Селиверстом Васильевичем. Сей пожилой, умный, но особаго характера человек был превеликой охотник говорить; но как он столь же хорошо говорил по-немецки, как и я, то мы всякой день схватывались с ним и провождали по нескольку часов в разговорах дружеских о материях разных, простых, экономических, политических и даже самых ученых, наконец натурально и о межевых делах. Он хлопотал также о какой-то земле, и будучи принужден также дожидаться, досадовал по-моему и жаловался на медленность. Итак, оба мы делили между собою и горе свое, и скуку, и досаду. И как сие всего чаще подавало нам повод говорить о тогдашних происшествиях по межевой канцелярии, то случись однажды, что он, жалея обо мне, что я о таком маленьком клочке и давно уже купленной земли хлопочу, дивился тому, что я не покупаю себе земли где-нибудь побольше и не пользуюсь тогдашним наиудобнейшим к покупанию случаем. «Никогда, – говорил он, такого хода на сие не было, как теперь, и все хватают себе земельки и рвут, и едва только успевают отсыпаться денежками. А тебе благо так дружен Анисим Титович, да и сей молодец, – указывая на секретаря, – к тебе отменно благосклонен, а от них двух и зависит все дело. Нужно бы только им захотеть, как дело бы и в шляпе тотчас было! А и их нетрудно заставить того похотеть: нужно только тому и другому что-нибудь в руки, разумеется по куску хорошенькому, так и полетит дело!» – «Что вы говорите!», – воскликнул я. «Ей-ей, – подхватил он, – подумайка братец!» – «Что думать, – сказал я, – я уже давно о сем думал, и мне самому очень бы хотелось скупить себе земли поболее, но такая беда, что не знаю, где бы удобнее и способную себе отыскать». – «Этакой ты какой, братец! – подхватил он. – Как не найтить, если постараешься; да корот-

ко – они и сами тебе отыщут, если захотят, а сверх того, нельзя ли тебе из той же-таки степи купить, из которой они наделили Пашкова таким великим количеством. Неужели не осталось ничего из ней за сею покупкою?» – «Как не остаться, – сказал я, – осталось, и очень много, но дело смахлевано и смастерено так, что до ней добраться уже не можно. Вся она загорожена кругом теми узкими, проданными Пашкову на разныя имена полосами и для того, чтоб ему всею достальною можно было воспользоваться даром и без покупки». – «Изволь смотреть, – сказал он, – какое плутовство! Но неужели она вся так сплошь окружена и загорожена проданными землями, что нигде не осталось никакого маленького прогалка и промежутка, а то нужно б иметь хоть маленькие воротцы, так бы можно было ими водраться и во все внутреннее пространство».

Сие слово вдруг и равно как молниею проникло всю мою душу и произвело в ней новую и такую мысль, какой я до того совсем не имел. «Ба, ба, ба! – помыслил я тогда, – Что я, вправду, о том не подумаю? Уже нет ли в самом деле где-нибудь прогалинки между покупными землями?» И тогда вдруг где ни возьмись мысль о Ложечном и речке Панике. «Ба! – сказал я сам себе. – Нащокинская-то дача приурочена от речки Караваенки только до Ложечного, а не далее, а Голицынская началась с верховья речки Паники, а Паника от Ложечнаго разстоянием версты три или еще более; так этот промежуток можно почесть и никому еще не проданным! Так вот и желаемые ворота». Обрадовавшись неведомо как сей внезапной мысли, сообщил я ее тотчас г. Муромцову, а сей, одобрив ее, и воскликнул: «Ну, вот, на что этого лучше, благо так еще к вашей даче кстати и с нею промежуток сей, как говорите, смежен! Мой бы, право, совет пуститься хоть наудачу на сей поиск, да и поспешить бы тем как можно, чтоб не успели они там отмежевать Нащокину и захватить сей прогалок». – «А что вы думаете? – сказал я. – Уж в самом деле не приступить ли о том к просьбе?» – «Нечего и медлить, – отвечал мне мой собеседник, – чем скорей тем лучше!» – «Да вот беда! – сказал я. – Продадут ли мне еще? Ибо мне по числу тамошних моих душ продано полное количество». – «Этакой ты! – подхватил господин Муромцов. – А разве нельзя просить и купить для перевода туда других и множайших людей из других деревень? И все так-то покупают; так нечего долго думать, приступай-ка мой друг с Божиею помощию к делу; а хотя б и заупрямились, так сотенку сему молодцу в руки, да старику-то сотенки три-четыре, так вмиг и скипит тысячка деся-

тин». – «Я бы и за полторы не постоял, – сказал я, – если б только пошло дело на лад. Тысяча десятин и не того стоит! Я бы и Бог знает как обрадовался».

В самое то время, как мы сие говорили, и подойди к нам, равно как нарочно, секретарь *Соколов* и дружески спросил: о чем мы разговариваем? «Что? – сказал ему на сие г. Муромцов. – Андрей Тимофеевич все горюет о том, что у него земли мало!» – «Как мало? – подхватил Соколов. – Да у него есть купленная, которую он получит верно». – «Да что это, этой ему и на квас мало!» – сказал г. Муромцов. «Ну, так для чего ж не покупает он у нас себе еще более?» – «Ах, батюшка, Иван Алексеевич! – подхватил я. – О том-то у нас и слово. Вот сделали бы вы мне милость и навек одолжили, если б помогли мне в том». – «За чем дело стало? – сказал г. Соколов. – Благо сам Анисим Титович к вам так благосклонен. Да где ж бы вам и сколько купить хотелось?» – «О том-то у нас, – сказал я, – и разговор был; нельзя ли, батюшка, мне тут же как-нибудь прильнуть, где продана Пашкову на имена разныя?» – «Не знаю, – подхватил секретарь, – об этом надобно подумать. Но есть разве тут за учиненными им продажами еще лишняя?» – «Есть, батюшка! И очень еще много, и против самых моих земель есть кусок, никому еще не проданной, и с меня было бы уже того довольно». – «А сколько бы вам хотелось?» – «Десятин хоть бы тысячу». – «Ну так за чем же дело стало? Просите; а того бы еще лучше, поговорить бы вам о том лучше наперед с Анисимом Титовичем, и как скоро будет на то его воля, то мы в один миг вам ее сварганим!» – «А я бы, батюшка, был обоим вам благодарен за то», – сказал я потихоньку и пожал ему руку. Соколов мой тотчас догадался, что сие значит, и в тот же миг мне сказал: «Право, нечего бы и медлить, пожалуйте-ка вы завтра поутру ко мне: так бы мы начеркали и челобитную о том».

Не могу изобразить, как обрадовался я, видя от секретаря такую к себе благосклонность, и подивившись нечаянности сего случая, натурально не стал и действительно медлить, но в следующее ж утро полетел к секретарю; и как я ему без дальних обиняков обещал наверное сотню рублей за вспоможение, то в один миг придумано, как и расположить все это дело, и начеркнута черная челобитная; а с нею в тот же час полетел я и к г. *Князеву*.

Сей принял меня, как знакомаго уже человека, с отменною благоприятностью. Но благосклонность его еще больше увеличилась, когда поднес

я ему сочинения моего книжку «Детскую философию», о которой мы в прежнюю бытность мою у него с ним говорили и которую ему очень видеть желалось; почему я тогда ж велел переплетчику один экземпляр оной переплесть в наилучший переплет, и как она около сего времени была уже готова, то я, взяв ее с собою, при сем случае его ею и подарил, и сей ничего не значущий подарок заменил мне несколько сот рублей. Князев был им очень доволен и поблагодарил меня за него, а потом, поговорив со мною кой о чем относящемся до наук и литературы, спросил наконец меня, что делается теперь в межевой по моему делу. А сие и подало мне повод приступить к нему с новою просьбою и сказать: «Что, батюшка, Анисим Титович? Дело мое по милости вашей идет с успехом. Но я не смею вас, батюшка, утруждать еще одною просьбою! Навек бы вы меня одолжили и заставили б не только меня, но и всех потомков моих имя ваше благословлять». – «Что такое?» – спросил меня Князев. «Земельки та сей, – отвечал я, – для меня чрезвычайно мало: такое несчастие, что все мои небольшия деревнишки везде малоземельны и оттого бездоходны; итак, не можно ль вам сделать милость и продать мне еще земли, на которую бы я мог всех лишних людей перевести?» – «Для чего не продать? – подхватил он. – Да где ж бы вам хотелось?» – «Ежели б милость сделали, так тут же бы, где продана господину Нащокину и прочим». – «Да разве есть там еще оставшаяся за продажею?» – спросил он. «Есть и довольно еще много!» – «Очень хорошо! А сколько б вам хотелось?» – «Десятин хоть бы тысячу, ежели б была только ваша милость». – «Изволь, сударь! Изволь! – сказал он усмехнувшись. – С удовольствием вам и это сделаю, а подайте только о том челобитную».

Удивился я такому скорому обещанию и, поехав от него с неописанным удовольствием, в тот же день написал челобитную и подал, прося, чтоб повелено было мне и отмежевать ее тому же самому землемеру. А назначил я в просьбе моей самый тот прогалок между верховьями Ложечных-буераков и речки Паники. И как секретарю сотенку рублей бумажками в руки всунул, то полетело и сие мое второе дело так скоро, что догнало почти первое.

Со всем тем как по поводу сей моей вторичной и новой просьбы надобно было вновь начинать и производить все дело по обновленному порядку, то необходимость уже заставляла меня вооружиться терпением еще на несколько дней и прожить в Москве неделю-другую лишнюю. Но

сие терпение было для меня уже сноснее, ибо было чего уже дожидаться; новое сие предстоящее приобретение было таково, что я сам себе почти не верил и имел причину почитать то опытом особаго Божескаго ко мне благодеяния и благодарить Его за то.

Итак, покуда дело сие производилось, употреблял я все праздное мое время на разъезды по моим друзьям, родным и знакомым, и не было ни одного дня, в которой бы я обедал или ужинал дома, а либо у старика своего князя, либо у г. *Офросимова*, либо у *Павлова*. Кроме сих, был я несколько раз и у друга своего г. *Салтыкова*. Но ни у кого я так часто не бывал, как у своего командира князя, которой всегда бывал мне рад как родному и интересовался моим делом так, что хотел знать всякой день, что у нас делается. Благосклонность его ко мне была так велика, что не успел он услышать, что мне обещали продать еще 1000 десятин земли, как, порадовавшись тому, спросил меня: не вознадобятся ли мне для сей покупки деньги? И как скоро я сказал, что, конечно, вознадобятся и что я, не зная такого благополучия, ими с собою не запасся, то сказал мне, чтоб я о том не заботился, а брал бы у него, сколько мне надобно будет, а возвратил бы ему их при удобном случае. Сим избавил он меня от забот по сему предмету, и я действительно получив тогда их, тотчас в казну за землю 1000 рублей и с следующими пошлинами и внес.

Впрочем, озабочивался я очень предстоящим скорым отъездом князя в нашу сторону и боялся, чтоб меня дело сие не задержало в Москве. Но, к особливому моему удовольствию, и с сей стороны я скоро был успокоен. Князю что-то вздумалось езду свою к нам в сие лето отложить, чем я весьма и доволен был: ибо чрез то избавился я не только от многих хлопот, с его приездом и угощением у нас сопряженных, но и мог пробыть в Москве столько, сколько требовали тогдашния обстоятельства.

В сие время вздумалось князю свозить меня однажды в загородной свой дом на *Студенце*, где был у него прекрасный пруд. И утешался он там рыбною ловлею, то имел я тут в первый и последний раз в жизни удовольствие видеть пойманного неводом превеликаго живого осетра, что представляло зрелище редкое и удивительное. С нами был тут вместе и любимый сын княжой, князь *Сергей Сергеевич*, которой и при сем случае оказывал себя таким гордецом и высокомерным человеком, что я, несмотря на всю ласку старого князя, не удостоен был от него ни единым даже словом, а не только каким-либо приветствием, что приводило меня не

только в удивление, но и в некоторую на него досаду, не многим чем от внутренняго презрения отдаленную. Из сего загороднаго домика ездили мы с князем еще в сад князя *Хованскаго*, где засмотрелся я многим-многим мною невиданным вещам и научился кой-чему из разговоров с тамошним искусным садовником.

Кроме сего, случилось мне в сие праздное время побывать и у прежней нашей киясовской знакомки, генеральши Натальи Александровны *Олицовой*, случившейся тогда быть в Москве. Она обрадовалась мне как бы родному, и я приемом и угощением ее был очень доволен; но того еще более имел удовольствия, отыскав одного из кёнигсбергских моих товарищей и сослуживцев, а именно наилюбимейшаго из всех тамошних собеседников моих господина *Олина*, Александра Ивановича. Он служил в сие время в ревизион-коллегии и неописанно обрадовался увидев меня перед собою совсем неожидаемым образом. И как жили мы с ним подлинно как друзья, то свидание сие было для обоих нас крайне приятно. Он не мог довольно возблагодарить меня, что я его отыскал в его присутственном месте, и убедил просьбою, чтоб я побывал у него и на квартире подле Сухаревой башни в доме купца *Пташкина*, где и угостил он меня прямо дружески, и мы с ним несколько часов провели в разговорах о том, как мы живали с ним в Кёнигсберге.

Кроме сего, пользуясь свободными часами, а особливо в субботние, воскресные и праздничные дни, в которые не было заседания, или когда за отсутствием котораго-нибудь из присутствующих в межевой мне делать было нечего, и я должен был брать свое прибежище к терпению, имел я нечаянной случай спознакомиться с одним новым книгопродавцем, г. *Вейтбрехтом*, человеком молодым и так меня полюбившим, что я вошел с ним в некоторыя связи. И, во-первых, отдал ему все излишние свои экземпляры «Детской философии» для продажи в его лавке; во-вторых, условились мы с ним, чтоб он мне давал из лавки своей разные немецкие и французские книги для прочитывания с тем, чтоб я, прочитав оныя, ему возвращал; и как я ему обещал ту выгоду, что, получив от него оныя без переплета, буду ему возвращать их уже переплетенныя в папку, то был он тем так доволен, что снабжал меня книгами своими не только во все время тогдашняго пребывания моего в Москве, но отпустил со мною множество их и в Богородицк; а потому и все те часы, которые бывал я дома на квар-

тире, не пропадали тщетно, но я занимался в оные чтением сих новых и мне еще незнакомых книг.

Но сего было еще недовольно, а мы затеяли было с ним нечто и важнейшее. А именно: будучи крайне недоволен чрезвычайною медленностию печатания экономических моих сочинений в «Трудах» Экономическаго общества, и неспособностию к пересылке их по почте в Петербург, да и самою невозможностию обременять их многими сочинениями, а имея на примете великое множество вещей, о которых мне можно б было писать, уже давно занимался я мыслями о том, нельзя ль бы мне было издавать все мои сочинения образом особаго *журнала*, таким же образом, как издаются журналы в землях иностранных. Но, не имея в Москве никакого знакомаго человека, способнаго к тому, чтобы взять на себя попечение о печатании онаго, принужден был оставаться до сего при единых мыслях и желании, относящихся до такого предприятия. А как сей немец показался мне к тому способным и охотно хотел вступить и сам со мною в сие дело, то по нескольких о том с ним переговорах и согласились мы с ним обо всем нужном; и как положили приступить к изданию сему с наступления последующаго за сим 1778-го года, то при отъезде моем из Москвы и оставил было я ему и написанное объявление для напечатания в газетах. Но из дела сего не вышло ничего. С человеком сим случилось какое-то несчастие и он принужден был чрез несколько времени после отъезда моего скрыться, и я имел досаду не только видеть предприятию своему с самого начала остановку, но лишиться и всех данных ему своих книг для продажи, и за те немногия французския книги, которыя у меня остались от него для читания присланными, заплатил убытком сим очень дорого.

Наконец 11-го августа имел я удовольствие видеть свой владенный указ на 1000 десятин проданной мне земли подписанной, и за отлучкою младшаго члена г. *Сулемы* самим генералом *Ивашевым*. В сем случае помог мне случайным образом сосед мой Иван Фомич *Хрущов*, случившийся быть тогда в межевой канцелярии, и по знакомству своему с сим генералом убедивший его просьбою подписать указ мой вместо младшаго члена. Но как, кроме сего, надлежало указ сей явить в Вотчинной коллегии, также выпросить из межевой указ к тому же землемеру для отмежевания мне и сей проданной земли, то и для сего необходимо надобно мне было прожить в Москве еще более недели.

Напоследок кончил я благополучно и сии все дела, и осталось мне только возблагодарить г. *Князева* за оказанное мне одолжение. Как я не сомневался, что и с меня возьмет он также, как и с других за проданную мне землю, то, завернув 300 рублей ассигнациями в бумажку, поехал я к нему, и при распрощании с ним, принося благодарения мои, подносил ему оныя. Но он в разсуждении меня так был честен, что ни под каким видом взять не согласился, а говорил, что он за особливое удовольствие считает, что ему случай допустил мне услужить и что он очень тому рад и просит, чтоб я всегда его помнил и почитал своим другом.

Легко можно заключить, что сие было для меня непротивно. Триста рублей не составляли безделки и годились мне на иное. Итак, удивившись и обрадовавшись тому, разстался я с сим новым своим благодетелем в полном удовольствии, которое было для меня тем чувствительнее, что и оное доставила мне небольшая моя ученость и охота к наукам.

Таким образом, распрощавшись потом и с стариком князем, моим командиром, и со всеми моими московскими знакомцами и друзьями, в исходе августа поехал я из Москвы, и заехав на самое короткое время опять в свое любезное Дворяниново, благополучно возвратился в Богородицк.

Там встретило меня то удовольствие, что я нашел у себя кашинских своих родных, приехавших без меня для свидания с нами и с превеликим нетерпением меня дожидавшихся. С ними был и живший прежде того у меня племянник мой Александр Андреевич *Травин,* но которой гость чуть было чуть не лишил меня единственного моего сына *Павла* и с ним наивеличайшаго удовольствия в свете. Как племянницы мои с ним прожили у меня тогда более трех недель, и сему молодцу была без меня своя воля, то однажды, севши на какия-то туртыжныя дрожки и подхватя малютку моего сына с собою и без человека, пустился с ним одни в лес для катанья или гулянья. Они проездили с ним несколько часов, и будучи в так называемом *Балахонском* лесу, заехали где-то в такое топкое и вязкое место, что с лошадью и дрожками увязли, и оттого принуждены были с ним сходить и долгое время стоять по колена почти в грязи и в воде, покуда могли высвободить свою лошадь и дрожки. Но чего, будучи оба малолетными, не могли б они никак сделать, если б не помог им в этом один мужик, которому в самое то время мимо их по дороге проезжать случилось; и как, по несчастию, случись тогда погода холодная и время уже вечернее, то малютка сын мой и настращался и так простудился, что схлебнул оттого прежесто-

кую горячку, едва было не лишившую его совсем жизни и настращавшую всех моих домашних так, что они не знали, что с ним и делать. К особливому несчастию, племяннику моему, боявшемуся, чтоб за то не стали сестры его да и я после бранить, вздумалось тогда все сие несчастие с ним утаить и уговорить к тому же и сына моего. Посему и не можно было предупредить сему злу какими-нибудь от простуды лекарствами, что бы мои домашния и не преминули учинить, если б о том тогда же сказано было. И как сын мой и тогда еще был болен, как я из Москвы возвратился, то сие много уменьшило мое удовольствие, чувствуемое при свидании с моими родными. А племяннику моему было так совестно, что он с того времени у меня уже и не бывал ни однажды; ибо вскоре после того записался он в службу, а по прошествии нескольких лет, без всякаго согласия и против желания всех своих родных, женился на купеческой дочери, которая и отвела его от всех его родных и так, что он с тех пор даже и до сего времени со мною ни однажды не видался, и сделался по сему отношению крайне против меня неблагодарным. Сын же мой хотя тогда и выздоровел, но остатки болезни так в него внедрились, что имели некоторое влияние на всю его жизнь и много к слабому его здоровью споспешествовали.

Племянницы мои по возвращении моем из Москвы недолго у нас уже пробыли, но, повидавшись со мною, поехали опять в свое кашинское жилище. А я, оставшись и нашед все дела по волости в порядке и текущими как надобно, первым долгом для себя почел отправить скорее полученные указы к землемеру с нарочным в шадскую свою деревню, приказав тотчас меня уведомить, как скоро межевщик в тамошнее место для отмежевания прибудет.

Сие и воспоследовало гораздо скорее, нежели я думал и ожидал; ибо не успело еще и двух недель пройтить после моего приезда, как и прискакали ко мне нарочные оттуда гонцы с известием, что *Пашков* межевщика привез и уже начинает межеваться, и потому просили меня, чтобы поспешил и я туда колико можно скорее. Нельзя изобразить, как сильно перетревожен я был сим известием. Я получил его, находясь в гостях у господина *Киреева* на крестинах и сидючи за столом во время обеда, и смущение мое было так велико, что не пошла и еда на ум. Словом, обстоятельства были таковы, что я принужден был бросить и покидать опять все и разставаться вновь с своими родными и домашними и скакать опять в свою шадскую деревню.

По счастию, истребовал я на то предварительно дозволение от князя, моего командира. Итак, не долго думая и сделав на время отсутствия своего все нужныя распоряжения, в половине сентября месяца в сей дальний путь свой и отправился.

Езда моя была благоуспешна, и как во время оной не случилось со мною никаких важных и особливаго замечания достойных происшествий, то и разскажу об оной в коротких только словах. Ехал я туда в сей раз уже не на Епифань, а прямо на *Данков*, а от оного уже на Ранибург и так далее на Козлов и на Тамбов. В деревне своей нашел я обиталище для себя уже гораздо покойнейшее перед прежним; по приказанию моему куплена была в предследующие перед тем годы довольно просторная белая светлица с тремя красными окошками и поставлена на лучшем и красивейшем месте подле двора моего. Итак, жить мне было уже гораздо покойнее и лучше. Но приезд мой был и в сей раз совсем почти по-пустому. Пашков хотя подлинно привез взятаго на свой кошт землемера, и начал было действительно отмежевывать себе проданныя ему на имя разных особ земли, по повстречалось с ним при самом начале неожиданное и такое препятствие, что межеванье принуждено было остановиться или паче совсем прерваться, и чему наиболее был он сам причиною, а именно.

Будучи нимало недоволен тем, что можно б ему было безспорно и без всякаго помешательства тысяч 15 десятин из сей степи намежевать, в чем не мог бы ему никто и никак воспрепятствовать, если б только пошел он прямым путем или все дело стал производить законным порядком, а по безпредельной алчности и ненасытимости своей возжелал не только всею тамошнею обширною и ковылем порослою степью овладеть безданно-безпошлинно, но сверх того, все проданное ему на разныя имена количество земли, простиравшееся до 11-ти тысяч десятин, вырезать из соседственных дачных и распашных земель, следовательно, получить себе не только земли гораздо множайшее количество, но воспользоваться многими тысячами десятин чужими руками распаханной земли, с крайним вредом и наичувствительнейшею обидою соседственным дворянам. И дабы сей злодейской умысл можно б было ему удобнее произвести в действо, то отыскал и межевщика такого же бездельника и прямо на свою руку. Ибо не один честной и сколько-нибудь совестной человек никак не хотел с ним связываться и войтить в такое мошенническое дело; почему назначенной было к тому межевщик господин *Нестеров* прямо от того

отказался, и он принужден был отыскивать и обещаниями большого награждения соблазнять другого и, к несчастию нашему, ему и удалось найтить такового. Был он некто г. *Окороков*, и прямо запометной и никем в межевой неуважаемой, но на всякое зло способной человек. Итак, приехав с ним и боясь, чтоб соседи, по примеру прежнему, не помешали им плутовать своими спорами, предприняли они употребить обыкновенную плутовскую уловку, а именно: все межеванье производить почти потаенным и скоропоспешнейшим образом, или не дав никому, по обыкновению, наперед знать, не дождавшись ни от кого поверенных, и не принимая ни от кого споров межевать не пешком, по обычаю, ходючи, а скачучи верхами на лошадях и отрезывая у всех земли без всякого отвода, а как самому ему хотелось и самым наглым и насильственным образом.

И как, к особливому его несчастию, начал он сим хватским или, прямее сказать, разбойническим, образом отмежевывать проданную ему на имя князя *Голицына* и речкою *Паникою* приуроченную землю, где не было уже и клочка дикой ковыльной земли, а вся земля была распашная и принадлежащая разным соседственным к нашей округе владельцам, и он всю ее начал от них беззаконнейшим образом себе отхватывать: то сии, не зная о том ничего и не будучи предуведомлены, так тем были перетревожены, что, сочтя сие самым разбойническим делом, другого в скорости ничего не нашли, как соответствовать ему такою же наглостию и буянством и, скопившись в множестве, напали на землемера и на всю его межевую команду и ну всех как злодеев бить, и не только всех их разсеяли и разогнали, но отбили у них и астролябию и все прочее, но многих и переранили, а одного из бывших при том людей убили даже до смерти.

Начальником и предводителем такого глупаго, безразсуднаго и безпутнаго дела был у них некто из тамошних зажиточных дворян по фамилии *Хрипунов* – человек очень дерзкой и самой хват и буян, и наживший чрез то себе и превеликия хлопоты, и попавшийся за то под суд, пользы же тем никакой не произведший, кроме того, что межеванье в тогдашнюю осень прервалось и Пашков принужденным нашелся помышлять о принятии уже других и надежнейших мер.

Все сие произошло за несколько дней до моего туда приезда. Я, услышав о том, не мог глупости господина *Хрипунова* и товарищей его довольно надивиться, и неведомо как был рад тому, что межеванье и буянство сие происходило в некотором от нас отдалении и что наших поверенных,

а особливо моего при том не было. Сей и поехал было тогда на межу, но, увидев разбежавшуюся уже всюду и всюду и спасения себе ищущую межевую команду, не разсудил ехать далее, но заблагоразсудил возвратиться скорей домой, дабы не попасть в свидетели и не сделаться в таком незаконном деле соучастником, за что я его и похвалил. Что касается до тамошних наших соседей, то сии не могли по неразумию своему довольно изъявить удовольствия своего о том, что произошло такое поражение, и отвагу и храбрость господина Хрипунова превозносили до небес похвалами. Но я им говорил, что радоваться им не поражению сему, а тому надлежит, что они не имели в том никакого соучастия, ибо дело сие возымеет весьма дурныя последствия, и г. Хрипунов подвергнется за сие великому ответу, а пользы от того ни ему, ни нам никакой быть не может, что после и действительно оказалось.

При таких обстоятельствах, не имея никакой причины долго жить в своей шадской деревне, а поспешая возвратиться к своей должности, не стал я долго там медлить, а решился только послать нарочнаго с письменным от меня ему миролюбивым предложением. Я писал к нему: что как землю купил и он и я и что тому же землемеру велено отмежевать и мне так, как и ему, то просил я его убедительно, чтоб он дозволил землемеру отмежевать прежде мне проданную землю, в котором случае предлагал я ему с своей стороны следующие условия. *Первое*, что я в сем случае не буду уже входить ни в какие споры и ни во что, и оставлю его межевать с покоем и как он сам похочет. *Во-вторых*, для себя не требую никаких излишков, а чтоб отмежевано мне было только проданное мне количество земли. *В-третьих*, расположение самой мне проданной земли и фигуру оной предоставляю собственному его назначению, изъявляя свою готовность быть всем довольным, как бы проданная мне земля ни была протянута, только б было мне надлежащее количество отмежевано. Наконец, *в-четвертых*, что не требую я, чтоб в даче моей назначено было сколько-нибудь неудобной земли, а какая бы земля ни была мне отмежевана, горы ли или буераки или иная какая, но я всякою буду совершенно доволен, и что он впредь будет мною во всем совершенно доволен.

Вот условия, какия предложены были ему в моем письме, а такия же точно предложил я в письме моем и к межевщику; и как были они наисходнейшия и даже в некотором отношении для меня и предосудительныя, то ласкался было я надеждою, что они что-нибудь подействуют и преклонят

г. *Пашкова* к миролюбивейшим мыслям. Но не таков был сей алчной и ненасытной корыстолюбец, и не на такого человека я напал. Вместо того, чтоб ему для собственной же своей пользы на предложение мое склониться и самому бы еще стараться, чтоб обезпечить себя от меня, как от противника, могущего всех более причинить ему в бездельнических замыслах его помешательство, он, получив письмо мое, изволил только разсмеяться и с глупейшим высокомерием посланному сказал, чтоб он убирался скорее из его села, покуда цел, и чтоб сказал мне сие вместо всего ответа. А межевщик сказал только, что в сию осень межеванья никакого не будет и чтоб я о том теперь не заботился.

По получении такого грубаго или паче глупаго ответа пожалел я, что и предпринимал сей опыт и к таким бездельникам писал и посылал нарочнаго, и предвидя уже тогда, что мне добром с ними не разделаться, рад был уже и тому, что в ту осень никакого межеванья не будет; а потому, дав прикащику своему на всякий случай наставление, не стал долее там медлить, но в обратной путь отправился. Езда моя и в сей раз была так благоуспешна, что я, не претерпев в пути ни малейшаго зла и никаких помешательств, благополучно в Богородицк и в самой день моего рождения возвратился. И как сим кончился 39-й год моей жизни, то окончу я сим и письмо мое и самую 18-ю часть собрания оных, и остаюсь ваш и проч.

(Февраля 10-го дня 1809 года).

Конец
восемнадцатой части

Окончена перепискою декабря 9-го дня 1810 года.

ЧАСТЬ XIX

(Сочинена в ноябре 1809, а переписана… 1811).

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В БОГОРОДИЦКЕ
1777–1780

ПРОИСШЕСТВИЯ ДОСТОПАМЯТНАГО СОРОКОВАГО ГОДА МОЕЙ ЖИЗНИ

Письмо 191-е

Любезный приятель!

Последнее письмо мое к вам, писанное февраля 10-го сего 1809-го года, кончил я уведомлением вас о возвратном моем в 1777-м году в Богородицк приезде из третичной моей и кратковременной поездки в шадскую мою деревню, и что случилось сие в самой день рождения моего за 39 лет до того времени; а теперь, приступая вновь к продолжению описания истории моей жизни, начну вам разсказывать о том, что случилось со мною в течение сороковаго и многими происшествиями достопамятнаго года моей жизни; и скажу вам, что достальное время 1777-го года препроводил я почти без выезда в *Богородицке,* занимаясь безпрерывно разными делами отчасти по должности, а отчасти и произвольными и своими собственными. Мое первое дело было, по возвращении моем, осмотреть все производившияся в отсутствие мое по строениям казенныя работы. И как производимы они были под надзором рачительнаго архитектора, г. *Ананьина*, и помощника его *Волкова*, то не было в них никакого упущения и остановки и я нашел, что они производились без меня с хорошим

успехом и что многое без меня было сделано. Соборная церковь была уже вся вчерне отделана и покрыта, да и внутри уже оштукатурена, и оставалось помышлять уже о скорейшей отделке обоих приделов и о снабдении их иконостасами и образами; а посему к приезду моему приисканы и подряжены были в Туле нужные мастеровые. Для писания же икон приискан был в Москве и от князя к нам прислан искусной живописец *Некрасов*, учившийся в Академии Художеств и писавший образа отменным и хорошим мастерством и вкусом, но, к несчастию, зараженный только излишнею склонностью к пьянству. Он приехал к нам со своими работниками уже по моем возвращении, и я отвел ему для писания образов одну из наших солдатских казарм, и будучи сам охотник до живописи, часто и с особливым удовольствием посещал его.

С таковым же успехом производились работы и в богородицком доме, или так тогда называемом дворце. Сии нашел я тогда в полном еще развале. Ибо как наместник успел уже снестись о пространных флигелях сего дома с стариком князем, моим командиром, и испросить у него и у самой *монархини* дозволение поместить в них на время все судебныя места будущаго тут города, то и предписано мне было от князя поспешать колико можно отделкою внутренности сих флигелей или служб, дабы они к началу будущаго 1778-го года поспели к помещению в них не только помянутых судебных мест, но, по множеству находившихся в них комнат, и самих будущих судей для жительства и квартирования. Всходствие чего и трудились множество плотников, штукатуров, каменщиков, столяров и печников почти денно и нощно над сею отделкою. И я, желая тем услужить сколько князю, а того больше наместнику, просившему меня о том особенно, прилагал с своей стороны всевозможнейшее о том старание, и успех в работах сих был так велик, что мы успели оныя довольно еще благовременно кончить. И как вместе с назначаемым под суды и судей флигелем отделана была вся внутренность и другого такого ж, назначаемаго для собственнаго нашего употребления по волости, то и успели мы сею же осенью перевести в него и нашу волостную канцелярию из башни колоколенной, в которой она до того в верхних комнатах на оной бывших над воротами помещена была. Итак, с сего времени была она уже в лучшем и для всего способнейшем месте.

Г. *Кречетников* не успел услышать, что работы наши во флигеле для судей и под присутственные места назначенном приходили к окончанию,

как прислал к нам для осмотра и освидетельствования их любимца своего и тогдашняго фаворита, господина *Давыдова*, Николая Сергеевича, самаго того, который впоследствии времени был моим командиром. Сего человека я тогда впервые еще увидел и с ним по сему случаю предварительно познакомился. Он показался мне очень добрым, ласковым и благоприятным человеком, каковым он и действительно был, и я постарался его всячески у себя угостить и тем приобресть и тогда уже к себе от него благоприятство. Он вы́ходил со мною все комнаты и, не нашед ничего к поправлению, был всем очень доволен и не преминул, донося о том, выхвалить меня и все старания мои наместнику, что и сему было очень угодно.

Впрочем, занимался я в сии осенние месяцы и другим еще особенным делом. Потребно было заготовить на предстоящую зиму множество дров для топки печей во всех казенных зданиях. До сего рубливались они в лесах без всякаго порядка и там, где полесовщикам приходило к мысли; но мне восхотелось и в сем случае основать и лучший порядок и вкупе произвести нечто особливое. Из многих лесов, находившихся в Богородицкой волости, лежали два леса на больших дорогах: один на Большой воронежской дороге, идущей из Тулы в Богородицк, а другой на большой же дороге, идущей из Богородицка в Епифань и в Бобрики. Как по обеим сим дорогам, а особливо по первой был всегда великий проезд, и большая дорога шла версты четыре сквозь волостной и в сем месте широко разрубленный лес, то вздумалось мне украсить сей лес, во-первых, обрублением всех крайних к дороге дерев в одну пропорцию и аршина на четыре от земли, и произвесть чрез то равно как стриженную и ровную лесу опушку, что и придало ему отменной и необыкновенной нигде вид. Во-вторых, в местах трех посреди дороги прорубить лес по обеим сторонам многими косыми и прямыми длинными просеками, расположа их так, чтоб они составляли из себя звезды, и центры всех оных были бы на самой большой дороге, дабы всем проезжающим по оной они кидались бы в глаза, и чтоб их с одного пункта можно было видеть вдруг шесть предлинных аллей или просеков. Выдумка сия придала лесу моему еще более красы, и все проезжающие, а особливо знатные, имеющие вкус люди не могли тем довольно налюбоваться и превозносили дело сие похвалами. А таким же образом поступил я и с другим и так называемым *Балахонским* лесом, где для таковых же многих перекрестных просек избрал я одну большую и просторную площадь посреди леса, на самой большой дороге находившуюся.

Работу сию производил я уже по заморозкам и в самую глубокую осень, и как надлежало мне все сие назначать самому, то было мне довольно дела и я многие дни тем занимался, и всякий день езжал в леса, и с утра до вечера над делом сим трудился; но за то и получил от того сугубое удовольствие: ибо, с одной стороны, украсил и прославил тем свои леса, и даже подал тем многим повод говорить и о самом о себе и о моих затеях, а с другой – нечувствительным образом и без всякого повреждения лесов снабдил себя и все казенныя здания на весь год не только дровами, но с просек и множеством годного к строению леса.

Впрочем, достопамятна мне была сия осень тем, что жена моя разрешилась в оную опять от бремени и родила мне еще одну дочь, которую назвали мы *Александрою*. Итак, было у меня уже пятеро детей: один сын и четыре дочери; но сей последней не назначено было Провидением играть свою роль в свете, она жила недолго и была с самаго младенчества нездорова.

Кроме сего, ознаменовался сей год одним редким и достопамятным происшествием, случившимся в нашем волостном гошпитале и всех нас удивлением поразившим. Еще в течение лета сего года пришла ко мне из одной волостной деревни одна молодая баба с жалобою на одного в соседстве с нею в той же деревне живущаго мужика в том, что он ее испортил и произвел в животе ее что-то ползущее и производящее внутри ровно как несносное кусанье. Я счел было сие сперва сущими пустяками, зная, что наш простой народ при всяких случающихся натуральных болезнях имел отменную наклонность приписывать все порче и колдовству, и признаюсь, что не хотел тому верить, но баба говорила, что ежели я тому не верю, то изволил бы я сам подержать руку на одувшемся ея животе, так могу сам почувствовать упомянутое ею по оному ползание. Я и не преминул сего из любопытства учинить, и действительно, ощупав кусок, нечто похожее на то почувствовал. Однако, не хотя верить, чтоб то было какое животное, старался ее уверить, что это так натуральная болезнь, говоря при том, что не согласится ли она побыть у нас несколько времени в гошпитале и дать себя полечить нашему искусному лекарю.

– Очень хорошо, батюшка! – сказала она. – Я готова иттить в гошпиталь, и мне все равно, там ли я или в дому умру, и где это лекарю вылечить? И что вы ни говорите, а это не болезнь, а порча, и съел меня этот злодей

мужик, попотчевав брагою; уже не одна я, батюшка, терплю эту напасть от него. У нас недавно одна баба, точно так же, как я, с раздувшимся животом, а, впрочем, так же, как я, совсем истощавшая, от такого же ходившего по животу куска пошла в гроб; а видно, и мне того же не миновать, а жалею только об одном грудном ребенке, котораго у меня на руках видите.

– Хорошо, хорошо, моя голубка! – сказал я ей на сие. – За мужиком, котораго ты обвиняешь, я пошлю и постараюсь всячески сие дело исследовать, но не уповаю, чтоб он в том признался, если б и подлинно было это его дело; но ты между тем поди-ка в гошпиталь, а я велю лекарю полечить тебя с отменным старанием.

И как она от того не отрекалась, то, посылая ее в гошпиталь, и отписал я к лекарю действительно, чтоб он постарался с отменным рачением о узнании сей болезни и о излечении оной; а между тем послал нарочнаго в ту деревню за обвиняемым бабою мужиком, который ко мне тотчас и доставлен был. На сего не успел я взглянуть, как уже по одному мрачному и плутовскому виду и из первых его слов наперед предузнавал, что я всеми расспросами и следствиями своими от него ничего не добьюсь, ибо он при первом вопросе уже сказал: «Статочное ли дело! Как это можно? Ведь за это людей живых сожигают!» – и начал потом клясться и божиться всеми клятвами, что он не знает и не ведает всего того и что готов все истязания вытерпеть, а того не делал. Да и подлинно, сколько я ни старался и добром, и угрозами его уговаривать и к добровольному признанию убеждать, но все мои старания остались тщетными, и самыя даже очныя с бабою ставки не помогли ничего произвесть. Он стал в том, что не делал и что это на него взводится совершенная напраслина, и, раздеваясь, ложился сам, говоря, что готов терпеть все, но ничего не знает и не ведает. Что мне было тогда с ним делать? Другого не оставалось, как отложить сие следствие до другого времени и подождать наперед, что скажет и сделает с нею лекарь.

Сей и действительно, по приказанию моему, принялся за нее с особенным старанием, и хотя по искусству своему употребил все возможное, но не произведши ничего, приехал нарочно ко мне с донесением, что всего его искусства и знания недостает к узнанию собственнаго рода сей болезни. Он говорил, что по всем наружным признакам почитал он сперва помянутый ощущаемый кусок в животе свернувшимся в клуб гнездом глист, но как все употребляемыя им наилучшия глистогонительныя лекарства не

произвели ни малейшаго действия и перемены, то стал он почитать кусок сей составившимся из скопившихся разных нечистот и надеялся разбить его наилучшими разбивательными лекарствами; но как и сии не произвели ни малейшаго облегчения и перемены, то прямо признавался мне, что не знает, что о сем деле подумать и чем сие почитать, и другого не находил, как отважиться, наконец, дать ей наудачу рвотное, и не подействует ли оно, и спрашивал, дозволю ли я ему это сделать. «Очень хорошо! – сказал я ему на сие. – Делайте что хотите и что вы заблагоразсудите».

Получив от меня сие разрешение, он действительно чрез несколько дней после того дал ей сильное из ипекакуаннаго корня[1] рвотное, но насмерть сам испужался, как рвотное, погнав из кишок и желудка помянутый кусок, оным совсем было сию бедную женщину, подавив, не задушило. Она была уже при самых дверях смерти, но, по особливому счастию, прошел, наконец, сей кусок сквозь глотку и упал в образе большого круглаго и кроваваго куска в таз, пред нею поставленный, и она чрез то благополучно и от смерти, и от болезни своей освободилась. Но каким удивлением обрадовавшийся тому лекарь поразился, увидев, что кусок сей в тазу с места на место, как нечто живое, двигался. Но удивление его увеличилось несказанно, когда при начатом трогании сего куска палочкою оный, как некакий тончайший пузырь, треснул и обнаружил во внутренности своей превеликую живую *лягушку*, или паче жабу, сгущенною кровью окруженную. Неожидаемое таковое и странное явление поразило лекаря и всех при нем бывших превеликим изумлением. Желая осмотреть и обмыть ее от прильнувшей к ней густой крови, схватил он ее бережно своими инструментами и, обмывши, едва стал обтирать, как увидел, что верхняя пестрая кожа на ней так была нежна и слаба, что при малейшем трении стиралась; почему, не желая ее повредить, и оставил он ее так, и, увидев, что она тотчас издохла, посадил для диковинки в спирт и привез ко мне для показания сей диковинки. Мы все также крайне удивились сему необыкновенному происшествию, и я тотчас срисовал ее с самой натуры и во всей ея величине и виде: при котором случае, разсматривая ее прилежнее, с крайним удивлением заприметили мы некоторые особливости и также необыкновенныя странности и обстоятельства, и во-первых, то, что она хотя имела глаза, но

[1] Ипекакуана – рвотный корень, область распространения которого леса Бразилии. Издавна известен как важный врачебный препарат.

была слепая и глаза ее покрыты были некакою непрозрачною отонкою[1]; во-вторых, что на передних ея лапах были отменно острыя когти, которыми, как думать надобно, царапая, производила она чувствуемую временно сильную боль в животе тою женщиною; в-третьих, что задния ее ноги, бывающия у всех лягушек обыкновенно длиннее передних, поелику они действием их наиболее прыгают, были у ней короткия и приросли почти совсем к нижней части живота ея, так что их почти отогнуть было не можно; что все доказывало нам явно, что надобно сей жабе в животе и кишках сей женщины вывестись или родиться и вырость и что слепа она была оттого, что смотреть ей было некуда, а задния ноги потому так коротки и приросшими были, что ей распростирать их и по тесноте кишок прыгать было некуда и не можно, а потому же самому и кожа была на ней так нежна, что при обтирании стиралась. Но пятое усмотренное нами обстоятельство привело обоих нас с лекарем в такое изумление, что мы не знали, чему оное приписать, а именно: из задницы ея торчал тонкий и вершка в два длиною волос, подобный волосу человеческому, и держался внутри оной так крепко, что не можно было никак из ней вытащить; а что того удивительнее, то на конце онаго находился как бы руками привязанный маленький и не более ржаного зерна кусочек какой-то особой и твердоватой материи. Сие было тогда и осталось навсегда для нас неразрешимою загадкою, и мы не понимали, как зашел в нее сей волос с привязанною на конце его штучкою.

Но как бы то ни было, но я, срисовав ее во всей точности и сохранив рисунок сей у себя для памяти, который и поныне у меня цел, возвратил тогда банку с лягушкою лекарю для хранения в гошпитальной аптеке и не за излишнее почел донесть о том происшествии командиру моему, старичку князю, который, будучи любопытным человеком, восхотел сам ее видеть и приказал мне тотчас прислать к нему ее с нарочным, что я и учинил. Но что же воспоследовало? Князь, увидев и подивившись также оной, послал тотчас за несколькими знакомыми ему докторами и медиками и, показывая им ее, спрашивал их о том, каким образом, по мнению их, зашла сия жаба в утробу оной женщины? Но господа сии, по высокоумию своему и не хотя ее порядочно разсмотреть, подняли все сие происшествие на смех и старались уверить князя, что сему быть не можно, что

[1] Отонка, отоночка, отонок – тонкая оболочка, плева.

скрывается тут тонкий обман, и обманывал его либо я, либо лекарь, при рвоте женщины подпустивший в таз скрытно живую и приготовленную лягушку. И как князю было сие очень *прикро*[1], ибо он никак не ожидал от нас такого глупаго, грубаго и никакой пользы произвесть не могущаго обмана, а потому и решился он тотчас ко мне о том отписать и сообщить мнение о сей лягушке господ медиков. Не могу изобразить, как досадовал и хохотал я, узнав о сем глупом умничанье сих господ обиралов, и решился с первою же почтою в ответ князю отписать, что оба мы честью и всем, что свято есть, клянемся, что не было тут никакого обмана, что лягушка действительно извержена из женщины рвотою и по всему видимому в ней родилась, выросла и в кишках ее жила и чтоб он, для удостоверения себя в неложности того, соблаговолил созвать опять тех же господ медиков и, заставив их лягушку сию прилежнее разсмотреть, потребовал от них изъяснения, отчего бы лягушка сия была слепа и кожа на ней так нежна и слаба, а задния ноги так были коротки и приростыя? И, наконец, спросил бы их, может ли простая и не в утробе выросшая, а, по словам их, подпущенная натуральная лягушка иметь все сии свойства, умалчивая уже о помянутом волоске, из задницы ея висящем.

Обрадовался князь, получив сие мое отношение и желая взаимно господ медиков одурачить, тотчас опять за ними послал; и как они съехались, то предложил он им мои запросы и сразил ими так, что они от стыда не знали, что сказать и чем в прежнем своем глупом отзыве оправдаться, и уже кое-как старались прикрыть глупое и легкомысленное свое нас обоих с лекарем обвинение, говоря, что такие случаи кой-когда бывали уже в свете. Тогда князь, погоняв их всех за то и взаимно сам над ними посмеявшись, возвратил к нам банку с лягушкою, предписав хранить ее в гошпитале для диковинки, где она и поныне еще хранится в целости. Женщина же та вскоре после того совершенно выздоровела и жила многие потом годы.

Вся сия переписка с князем происходила помянутою осенью по возвращении моем из моего степного путешествия; а вслед за оною получил я от князя повеление, чтобы мне приискать где-нибудь поблизости наших волостей монастырския, а тогда в экономическом ведомстве находящияся деревни, которыя бы с удобностию можно было соединить с волостью,

[1] Прикро – наречие от «прикрый» польск. зап. сиб. – противный, дурной неприятный.

взамен предназначаемых к превращению двух богородицких слобод, Пушкарской и Стрелецкой, в мещане будущаго города *Богородицка*, и чтоб по отыскании таковых и по узнании всех обстоятельств до них относящихся, отнесся бы я к князю и к самому будущему тульскому наместнику, господину *Кречетникову*. Итак, предстало мне новое дело и новыя хлопоты. Но, по счастию, не имел я в выполнении сей возложенной на меня коммиссии слишком дальнаго труда. Так случилось, что деревни, к сему обмену очень способные, тотчас были отысканы в самой близости и даже в прикосновенности к Богородицкой волости. Итак, стоило только узнать о количестве их жителей и земли, в дачах их имеющихся. О сем и не трудно было получить все нужныя сведения. О числе душ узнал я по ревизским их сказкам, а о количестве земли – из межевых планов, данных сим селениям и у них находившихся. С сих планов разсудилось мне скопировать копии и, соединя их на один план, со всеми нужными объяснениями представить сперва наместнику, а потом и князю, и дабы не стыдно было мне с ним к наместнику показаться и при первом случае не ударить себя лицом в грязь, то постарался я украсить свой план многими новыми особыми и затейливыми украшениями; а чтоб более обоим сим вельможам услужить и преподать им к обмену сему легчайший и удобнейший способ, выкопировал на другом листе, из большого своего волостнаго плана, и обе помянутыя наши слободы со всеми к ним принадлежащими землями. И как земель сих, в сравнении с монастырскими, было гораздо больше и надлежало из них всю лишнюю отрезать к волости, то по известному еще более местоположению предполагал я предварительно уже сам где бы и как удобнее было сей лишек с выгодою обеих сторон отрезать.

Несколько дней занимался я над сочинением, раскрашиванием и украшениями обоих сих планов, и трудов имел хотя при том довольно, но они мне не столько были отяготительны, сколько, по охоте моей к таким делам, приятны. Наконец, окончив все сие дело, расположился я показать их наперед наместнику, приехавшему тогда уже в Тулу и готовящемуся к открытию Тульскаго наместничества, и потому при первой случившейся езде в Тулу ему их и предложил. Господин *Кречетников* принял меня очень ласково, разлюбовался впрах красотою планов, и будучи и стараниями моими и всем очень доволен, расхвалил и благодарил меня за труды мои, и потом сказал, что он предоставляет сей обмен до наступления

будущаго года, в начале котораго поедет он в Москву и там, увидевшись с князем, моим начальником, и переговорив, кончит сие дело. Сей случай познакомил меня с г. Кречетниковым еще более, и я благосклонностию его к себе так был доволен, что возвратился в Богородицк преисполнен будучи удовольствием и равно как нашед какую-нибудь находку.

Но не успел я приехать, как услышал нечто такое, что привело меня в великое недоумение, сумнительство и разстройку мыслей. Мне сказывали, что получен от дедиловскаго городского начальства, которому подсудна была до того вся Богородицкая волость, приказ, чтоб с нашей волости выбрать из поселян 12 человек в кандидаты для будущаго назначения нужнаго числа из них в заседатели будущей нижней расправы и земскаго суда и чтоб мы кандидатов сих немедленно представили в Дедилов. Удивился и до крайности поразился я сим неожидаемым требованием. Ибо хотя мне известно было, что таковые кандидаты выбирались тогда из всех однодворческих, казенных и экономического ведомства селений, но я никак не думал и не ожидал, чтоб и наши волости, бывшия до того на особом праве и наравне со владельческими, почтены были наравне с казенными. И потому, подозревая, не подбирается ли наместник из-под тиха к нашим волостям и не хочет ли их подвесть под иго правления казенною палатою и чрез то разрушить нашу прежнюю привилегию, впал в великое недоумение и не знал, как лучше поступить и что предпринять и учинить в сем щекотливом случае. С одной стороны, ведая, что приказание сие учинено с воли и предписания наместника, заключал я, что нельзя было никак ослушаться в сем случае начальства, а того паче непослушанием своим навлечь на себя досаду и неудовольствие от сего знаменитаго тогда вельможи; а с другой – не смел сам собою к тому приступить, не спросясь князя, как собственнаго моего начальника и командира, и не зная, каково ему сие покажется, согласится ли он на сие и не будет ли еще спрашиваться о том у самой государыни, ибо чрез то легко могла произойтить в правлении волостном некоторая пред прежним перемена. Но как долго медлить было невозможно, ибо было сие незадолго пред открытием самого наместничества, то, подумав сам с собою и начальниками моей канцелярии, другого я не нашел, как донесть о том своему князю и просить наставления, что в сем случае делать и как поступить? Для скорейшего ж получения от него ответа отправить с представлением к нему о том нарочнаго курьера, а

между тем чтоб не явиться ослушником, велеть из волости помянутых 12 человек кандидатов из лучших людей выбрать, но помедлить отсылать их в Дедилов для получения от князя повеления.

Положив сие на мере и отправили тотчас одного из канцелярских моих служителей в Москву с представлением к князю, а сам, выбрав потом оных депутатов, велел им быть к отправлению совсем готовыми, но в Дедилов отправлять их не спешил, но под разными предлогами выиграл время, несмотря хотя мы к скорейшему отправлению оных и побуждаемы были.

Между тем Тула находилась в сие время в великом уже движении. Все в ней приуготовляемо было к торжественному открытию наместничества и к тому важному и навеки достопамятному для сего города дню, которой долженствовал переменить политическое его состояние и из прежняго провинциальнаго и очень малозначущаго города превратить в знаменитый губернской, или, как тогда называли, «наместнический» город, и положить всему будущему его благосостоянию первое основание. И подлинно, город сей, в сравнении тогдашняго его состояния с нынешним, ничего почти не значил и в течение претекших с того времени 30-ти лет он так много во всем преобразился и произошло в нем столь много важных перемен как в разсуждении красоты и порядка строения, так и других обстоятельств, что если б можно было воскресить ныне кого-нибудь из умерших в тогдашнее время, то он и не узнал бы его почти совсем, а почел бы его каким-нибудь другим городом. Назначенной в него для главнаго управления им наместник государев, уже за несколько недель до того приехав, расположился квартировать по сю сторону реки Упы, в доме господ *Демидовых*, толико славных издревле по сему городу, и по железным заводам и по богатству своему. Сей дом, ныне ничего, а особливо по сгорении своем, не значущий был тогда наилучшим и просторнейшим во всей Туле. Расположась в оном, приступил он тотчас к назначению мест, где быть общему всего дворянства собранию и всем палатам и другим присутственным местам. Подо все сии, на первой случай и до построения нарочных к тому зданий, отведены и назначены были наилучшие купеческие домы. Что ж касается до перваго, то как во всей Туле не отыскалось ни одного такого дома, в котором бы находился зал, могущий поместить в себе все многочисленное сборище дворян, то другого не оставалось, как отыскать один, средственной величины каменной купеческой дом, велеть выломать

из него все внутренния стены и весь его превратить в один просторный зал, в котором бы могло все дворянство уместиться. Дом сей находился на большой и главной улице, ведущей с сей стороны к крепости и неподалеку от того места, где ныне гостиной двор, или ряды, и назывался «красною палатою». Итак, над превращением и отделкою его трудилось уже давно множество разных мастеровых людей, и около сего времени спешили отделывать его денно и нощно.

Как намерение наместника было сделать открытие сие колико можно торжественнейшим и придать ему наиболее блеска и сияния, то для увеселения всего дворянства, сзываемаго в город сей из всех назначенных составлять сие наместничество уездов, и съезжающагося уже со всех сторон со своими семействами, велел он построить деревянной и довольно просторной театральной дом и постарался снабдить оной труппою актеров и нужным для сего гардеробом и убранством. Итак, множество рабочих и мастеровых людей старались около сего времени отделывать и сие здание, бывшее по ту сторону Упы, на горе, на той площади, где потом находились казенныя конюшни, и успели и сие дело к назначенному времени кончить.

Но сего было еще не довольно; но как надобно было все дворянство угостить балом и маскарадом, то, по неимению лучшаго, назначен был к тому другой дом гг. *Демидовых*, стоящий и поныне еще на плотине демидовскаго пруда. К избранию сего к сему побудило наместника наиболее то, что пред оным находилось просторное и пустое место, на котором приуготовляем был для сего дня изрядной и нарочитой величины фейерверк, которым, как невиданным еще никогда тульскими жителями зрелищем, ему их и все дворянство увеселить хотелось.

Итак, вся Тула кипела уже тогда народом; ибо как слух о сих празднествах и торжествах и будущих увеселениях разнесся уже повсюду, то со всех сторон как по призыву, так и произвольно спешили ехать в нее все дворянския фамилии, и на большую часть со всеми своими семействами, и с каждым днем въезжало в нее их такое множество, что, при тогдашнем состоянии сего города, скоро стало недоставать квартир для помещения оных, и многие, а особливо поопоздавшие своим приездом, принуждены были довольствоваться самыми тесными и простейшими. Кроме того, наехало туда и множество из других губерний, а особливо из Калужскаго наместничества; а сверх того, немалое число составляли и все будущие су-

дьи и чиновники, назначенные со стороны казенной для заседания в палатах и других присутственных местах как в Туле, так и в уездных городах, которые также к сему времени в Тулу съехались.

А как все сие торжество видеть и в увеселениях будущих взять соучастие хотелось натурально и мне со всем своим семейством, то готовились и мы туда же ехать, и пред наступлением торжеств сих и самого открытия в Тулу и отправились.

Но о сем и обо всех происшествиях, бывших при сем открытии, разскажу я вам в письме будущем, а теперешнее, как достигшее до своей обыкновенной величины, кончу, сказав, что я есмь ваш и прочая.

(Ноября, 3-го дня, 1809 года. В Дворянинове).

ОТКРЫТИЕ ТУЛЬСКАГО НАМЕСТНИЧЕСТВА

Письмо 192-е

Любезный приятель!

Предпринимая теперь описывать вам торжествы, оживотворившия всю Тулу и все бывшия при том происшествия, скажу, что хотя не по долгу, а по собственному произволу отправясь со всем своим семейством туда, успел еще приехать благовременно и до начала еще самых первых торжественных деяний. Была со мною моя жена, также и теща, и как хотелось видеть театр и фейерверки самым моим детям, то взяли мы и из них большеньких с собою, оставив маленьких дома, под надзором жившей еще у нас госпожи *Беляевой*. В разсуждении приискивания для себя квартиры не имели мы ни малейшаго затруднения. Знакомец наш, *Пастухов*, давно уже приглашал нас стоять к себе в дом, почему мы и расположились в оном, где хотя и не имели довольнаго простора, но рады были тому, что имели спокойной и теплой уголок, не платили ничего за постой и могли завестись всем нужным для своего продовольствия.

Мое первое дело состояло в том, чтоб побывать в доме у наместника и посмотреть будущих судей и начальников, которых всякой день приезжало к нему множество и где можно было их видеть. Я к нему тотчас и поехал; но как, по неполучению еще от князя ответа, кандидаты мои все

еще в Дедилове были не представлены, то полагая за верное, что о сем моем медлительстве наместнику донесено, и он, может быть, имел на меня за сие некоторое неудовольствие, и опасался, чтоб он, увидев меня, не стал мне за то выговаривать, то сие и побуждало меня не слишком пред ним выказываться и вертеться у него на глазах, а скрываться сколько можно в толпе народной. Но, по счастию, подоспел скоро и той посыланной с приказанием от князя нимало ни в чем не противиться, а дать волю делать, что хотят и что заблагоразсудят. Почему с тем же посыланным и приказал я, ни мало более уже не медля, кандидатов своих в Дедилов отправить, и был уже спокойнее в духе. Однако и без того все мое опасение было напрасно. Наместнику было ничего не доносимо и он о моей медленности нимало и не узнал. Почему, не успел меня в народе увидеть, как не преминул, меня благосклонно обласкавши, мне сказать, что я хотя и не имею долга брать во всем с прочими дворянами соучастие, но, по крайней мере, как гость могу при всех будущих торжественных происшествиях присутствовать; а буде хочу, могу вместе с прочими по праву дворянства брать и в самых выборах и баллотировании соучастие. А сие и ободрило меня уже очень, хотя я, впрочем, и нимало не намерен был мешаться в их дела, а хотел лучше остаться совершенным гостем и свободным человеком.

Впрочем, и при самом сем первом к нему приезде, имел я уже случаи увидеть и узнать множайших из будущих судей и чиновников, ибо нашел всю его залу, наполненную множеством народа, и в том числе нескольких мне знакомых людей, с которыми я мог говорить и у них о прочих, мне еще не знакомых особах расспрашивать. Относительно до сих знакомцев, наиболее обрадовал меня старинной мой еще киясовской знакомец, друг и сосед Николай Иванович *Кологривов*, случившийся также тогда быть тут у наместника. Сей искренно мною любимый и меня многолюбящий человек не успел меня в толпе заприметить, как обрадуясь в тот же миг прибежал ко мне, и с восхищением обнимая не мог довольно изобразить радости и удовольствия своего о том, что меня видит. А как узнал, что я в Туле, также как и он, нахожусь со всем своим семейством и точно таким же гостем и свободным человеком, как и он, то обрадовался еще того больше и, расспросив где я стою, обещал в тот же день еще к нам со своею *Марфою Сергеевною* и с детьми приехать и возобновить нашу прежнюю дружбу и знакомство; что он и исполнил. И как оба наши семейства были очень между собою дружны, то и условились мы при всех будущих торже-

ствах не отставать друг от друга, но брать в оных сообща с ними соучастие, чем и мои семьянинки были очень довольны.

Впрочем, в сию первую мою у наместника бытность имел я случай впервые тогда увидеть определеннаго в нашу губернию губернатора, генерала Матвея Васильевича *Муромцова*, бывшаго потом ко мне весьма благоприятным и коротко знакомым. Он, по взрачному своему и хорошему виду и по ласковому со всеми обхождению, и тогда уже мне полюбился. Также видел я тут и советника наместническаго правления, г. *Хомякова*, и адъютанта наместникова, господина *Грохольскаго*, и других многих, которые мне по их надменным видам далеко не столь полюбились, как губернатор, хотя и с сим я нимало еще знаком не был.

Настоящее дело и так называемое открытие наместничества началось в исходе декабря и тем, что все дворянство в назначенной день собралось в соборную церковь, и по отслужении обедни и молебна и по учинении общей присяги, все отправились в помянутую красную и для общаго заседания назначенную палату, куда и мы с г. Кологривовым втеснились и имели, как гости, наилучшую удобность видеть всю торжественность сего первого и никогда еще до того не бывалого всего тульскаго дворянства собрания и заседания. И подлинно, зрелище было сколько, с одной (стороны), пышное и великолепное, столько, с другой – поразительное и приятное. Собрание было многочисленное; никогда еще Тула не видала в стенах своих столь великаго множества и знатнаго, и средственнаго, и мелкаго дворянства. Вся помянутая и довольно просторная зала наполнена была ими, и все скамьи, которыми она вся сплошь была установлена, были ими усажены. У самой же передней стены сооружен был императорский трон, под богатым балдахином, и с стоящим на нем портретом *императрицы*, во весь ея рост написанный, а на ступенях трона стал наместник и говорил всем краткую приветственную речь всему собранию. По обеим сторонам его стояли на полу все его приближенные, также губернатор и прочие чиноначальники, а вместе с ними и все гости, приезжие из других губерний, а в том числе и мы с г. Кологривовым. Перед ним же прямо сидело по уездам все знаменитейшее дворянство, состоящее из генералов, бригадиров и других чиновных людей, а за ними и прочие. Все они при начале речи, говоренной наместником, в своих местах встали и выслушивали оную с должным благоговением, чем самым и совершилось открытие Тульскаго наместничества. После сего предложено было наместником всему дворян-

ству, чтоб оно приступило к общему выбору губернскаго предводителя посредством баллотирования; и тотчас тогда понесли по всем усевшимся на скамьях дворянам, определенными к тому людьми, одними на блюдах шары, а другими, покрытые зеленым сукном баллотировальные ящики, при котором случае в первой еще раз я оные увидел и получил об них и о самом баллотировании понятие. Сие первое действие продолжалось нарочито долго, ибо надобно было человек трех или четырех из предложенных наместником баллотировать, и для каждого обносить вновь по всем шары и ящики, и потом вынимать первые из них и пересчитывать для узнания, которыми из них положено сколько и кому больше всех. Счисление сие производил, при глазах самого наместника, губернатора и прочих, губернской прокурор, г. *Небольсин,* на столе, поставленном пред наместником. И как оказалось, что множайшее число шаров положено было знакомцу и свойственнику нашему генералу Дмитрию Васильевичу *Арсеньеву*, то и хотели было его тем поздравить; но как он стал просить о увольнении его от сей должности и уступал ее находившемуся под ним по баллам господину генералу *Юшкову*, то сей и был от всего дворянства в сем достоинстве поздравлен, чем все дело в сей день было и кончено, и все знаменитейшие люди, по приглашению от наместника, поехали к нему обедать; а мы все, повидавшись и переговорив со всеми своими знакомцами, которых мы тут имели случай всех видеть, разъехались также по своим квартирам и достальное время дня употребили на разъезды друг к другу для свидания.

В следующий за сим день было опять такое же общее всех дворян в сем доме собрание, но уже без наместника, а при председательстве нововыбраннаго губернскаго предводителя и прокурора. И в сей день занималось дворянство по уездам выборами своих уездных предводителей, чрез что каждое уездное дворянское сословие получило своего собственнаго начальника, а чрез них предложено было потом от каждого своим дворянам, чтоб они избирали из среды своей по два человека в кандидаты для избрания 12-ти человек для определения в совестной суд, в верхний земский суд и в приказ общественного призрения, в заседатели. А из сих, наконец, всем общим собранием выбаллотировали потребное число людей в помянутыя должности. И сего довольно уже было для упражнения в сей день, ибо все сие продлилось довольно долго. По выборе же и назначении всех сих судей и начальников, водимы они были в дом к наместнику для утверждения, которой их всех с сими временными чинами, утвердя, и по-

здравил, а потом всех их угостил у себя обедом. Мы с г. Кологривовым и в сей день были также в красной палате, желая видеть и сей обряд, как никогда еще до того невиданный, и я, любопытствуя узнать, кто именно избран в предводители по нашему Богородицкому уезду, услышал, что удостоен тем некто г. *Сухотин*, человек мне еще незнакомый и по достоинствам своим не весьма знаменитый; достальное же время дня препроводили мы опять во взаимных друг друга посещениях.

В последующий за тем третий день надлежало всем дворянам избирать также баллотированием в каждый город своих уездных судей и заседателей; но как для сего требовалось более простора, нежели сколько было его в помянутой красной палате, то назначено было производить сии выборы в квартире самого наместника, в разных, отведенных для уездов, комнатах. Сим они в сей день и занимались, и были поуездно угощаемы столом. Но мы, как гости и не хотящие брать в том собственнаго соучастия, не разсудили за благо туда ж вместе с прочими ехать, а сей день употребили на отдохновение, а отчасти на сборы ехать в театр, узнавши, что в сей вечер дан будет первой спектакль. Мы согласились и в сей день ехать туда вместе с семейством г. Кологривова; и как нам удалось получить для себя и особую ложу, то положили взять с собою и детей наших, которых, а особливо мне своего малютку сына хотелось познакомить с сим невиданным еще им никогда театральным зрелищем.

По приезде в театр нашли мы его весь наполненной множеством народа и увидели тут все дворянское лучшее общество с их семействами в одном месте и в соединении, и зрелище сие было по новости своей поразительное. Играли в сей день известную комедию «Так и должно», и актеры исправили свое дело довольно исправно и удачно. Все они привезены были в Тулу из Калуги, где такой же театр был сделан и где они из разных чиновников и образовались. Все мое семейство, а особливо дети, смотрели на представление с особым удовольствием; но никто им так много не пленился, как малютка сын мой, для котораго все виденное тогда в первой еще раз в его жизни было превеликою диковинкою.

Впрочем, как при сем случае могли мы видеть и всех наших знакомых и чрез них известиться, кто и кто именно был выбран в судьи по Богородицкому уезду, то и интересовался я очень видеть сих будущих своих ближних соседей и сотоварищей, и некоторых из них, по указанию от других, и видел; но как все они были мне совсем не знакомые люди, то и не

мог я еще с ними познакомиться, а с некоторыми только вскользь обрекомендовался. Впрочем, как удостоил в сей день театр и сам наместник своим посещением, и вместе с ним в ложе сидела и тогдашняя фаворитка его, жена помянутого г. *Давыдова, Анна Александровна*, то имели мы случай и сию пышную горделивицу в первой раз тут видеть.

Препроводив сей день с удовольствием и услышав, что и в последующий за сим день будет опять театральное представление, готовились мы и в оной ехать опять в театр, и препроводив опять весь день в разъездах и в свиданиях с своими знакомцами, ввечеру были опять в театре и с удовольствием смотрели на представляемую в сей день комедию: «*Раздумчивого*». Впрочем, день сей употреблен был на приведение всех выбранных судей к присяге, а наместник продолжал угощать уездных дворян столами, ибо всех их в один день угостить было не можно.

Наконец, настал день для открытия всех знаменитейших судебных мест, как то: наместническаго правления, гражданской, уголовной и казенной палаты, верхняго земскаго суда и верхней расправы, также совестнаго суда и приказа общественнаго призрения, и посажение всех определенных и избранных судей на места их. Все сие производилось с обыкновенными обрядами, при присутствии самого наместника, губернатора и других именитейших чиновников; но как сие производилось в домах разных, то и не можно было сии, по существу своему ничего не значущие, обряды видеть. А мы занимались между тем своими делами и сборами к езде, ввечеру, на даваемой наместником в помянутом другом демидовском доме бал и маскарад, и для смотрения оттуда фейерверка, которым долженствовало всем сим праздникам и торжествам оконченным быть.

Не могу изобразить, сколько хлопот и сует наводили на нас сии сборы и с каким неописанным любопытством хотелось всем видеть фейерверк, а особливо тем, коим не случалось еще никогда видеть оные, а всех более нашим детям. Что касается до самого бала и маскарада, то не все с равною охотою располагались на оной ехать; отчасти потому, что потребны были к тому некоторые излишние наряды, а отчасти из опасения, что по непросторности дома будет там превеликая теснота. Однако в сем последнем пункте все обманулись и тесноты дальней, по самому тому обстоятельству, что не все поехали, не было.

Что касается до нас, то мы вместе с семейством господина Кологривова и некоторыми другими знакомцами и приятелями нашими положили

непременно туда ехать, и съехавшись по условию в одно место, по наступлении ночи, случившейся в тот раз быть очень темной, действительно туда и отправились. Но езда сия, вместо ожидаемаго удовольствия, чуть было чуть не причинила нам крайняго несчастия и не заставила нас проливать горькия слезы. Как мы ездили туда в своем четвероместном низком зимнем возке, какие тогда были еще в употреблении, и возок весь наполнен был столько людьми, что малютке сыну моему не было места сидеть, а он принужден был стоймя стоять между нами, то случись такое несчастие, что дверцы с одной стороны возка на всей скорой и поспешной езде отворились, и он, смотревший в окошко оных, из возка, вместе с отворившимися дверцами, в шубенке своей вылетел и в один миг исчез из глаз наших. Произошло сие с такою скоростию, что никто из нас не успел его схватить и за платье и удержать от падения. Не могу изобразить, каким неизреченным ужасом поразило нас тогда сие происшествие! Все мы помертвели от испуга и изумления и в безпамятстве подняли вопль и крик: «Стой! Стой! Стой!..» Но можно ли было вдруг на всей скорой езде лошадей остановить и не должны ли мы были страшиться, что попадет он под лошадей едущаго за нами непосредственно экипажа господина Кологривова и что они его сомнут и убьют неминуемо досмерти! А сие едва было едва и не последовало, и он был на волос от смерти; но, по особливому счастию, или паче по милости Господней и действию охраняющаго жизнь его святаго Его Промысла, он благополучно от сего крайняго бедствия избавился и совсем безвредно сохранился. Помогло много к тому то, что был он в шубе, покрытой темною материею и что передния лошади господина Кологривова, увидев вдруг нечто черное и большое, выкатившееся по снегу со стороны на средину дороги, испужались, упнулись и остановились, и дали время подхватить мальчишку моего стоявшим за возком нашим людям и безвредно доставить его опять в возок к нам. Обрадование наше при сем случае было столь же неизреченно велико, каково велико было прежнее от ужаса изумление. Мы, отдохнув от онаго, не могли довольно возблагодарить Господа за избавление его от толь великой опасности, и в достальной путь держали его, едва опамятовавшагося от испуга и ужаса, уже крепко между собою.

Но за сей страх и удовлетворен он был лихвою неописанным для него удовольствием при смотрении тогдашняго фейерверка. Зрелище сие было для его совсем новое и поразительное, и, по счастию, удалось ему оное

видеть во всей полноте и безпрепятственно. Ибо как мы, для тесноты, не разсудили брать его с собою в демидовский дом в маскарад, то и оставили его в возке с его бабушкою и другими на бал не поехавшими детьми, поставя возок в таком месте, чтоб им из онаго весь фейерверк был совершенно виден. И какая радость была для его, когда увидел он вздымающияся вверх ракеты, вертящияся разнообразныя огненныя колесы и потом горевший разными огнями небольшой фитильной щит. Он прыгал даже от радости и восхищения! А такое же действие производило сие зрелище и в бывшей с нами в маскараде большой нашей дочери. Не с меньшим же удовольствием смотрели и сами мы из дома на сию редко видаемую огненную потеху.

Что касается до самаго бала и маскарада, то оной был нам уже не в такую диковинку; к тому ж и не было в нем никаких дальних особливостей. Наместник присутствовал на оном недолго, а тотчас по сожжении фейерверка отъехал; да и прочее дворянство веселилось оным не слишком долго, и на большую часть скоро разъехались, а чрез то и сделался довольной простор. Пользуясь оным, старался я всячески отыскать определеннаго в наш город городничаго, как будущаго своего в правлении городом Богородицком сотоварища и такого ближняго соседа, с которым надобно мне будет иметь более всех дела. Был он один из замосковных, но небогатых помещиков, бывший до того в морской службе и отставленной в чине капитана второго ранга, и назывался Антон Никитич *Сухотин*, и находился также тогда с женою своею на сем маскараде. По белому его приметному морскому мундиру нетрудно мне было его отыскать, и я не преминул с ним обрекомендоваться и сколько-нибудь познакомиться; а сие и было со мною наидостопамятнейшее на сем бале происшествие, на котором после сего и мы с женою недолго пробыли, но поспешили возвратится к прочим родным нашим на квартиру.

Как сим фейерверком и маскарадом все бывшия тогда в Туле празднества и увеселения кончились и более жить в оной было не для чего, то на другой же день после сего все излишние начали из сего города разъезжаться. А их примеру последовали и мы и, собравшись, отправились в прежнее свое местопребывание в Богородицк, куда на другой день благополучно и возвратились.

Как случилось сие уже в Святки и пред самым наступлением Новаго года, а вкупе с ним пред наступлением совсем новаго и достопамятней-

шаго периода в моей жизни, весьма отменнаго от прежних, то займу я достальное место в сем письме изображением того состояния и положения, в каком я при конце сего года находился.

Что касается собственно до меня и всего моего семейства, то я был тогда в наилучшей поре моего возраста. Шел мне *сороковой* год, а потому хотя и переступил уже я за половину обыкновеннаго человеческаго века, но был совершенно еще свеж, мужествен и бодр, и по благости Господней пользовался наисовершеннейшим здоровьем, а вкупе благосостоянием таким, какого не желал я лучше. Семейство имел я уже тогда нарочито многочисленное, и состояло оно из тещи, жены и пятерых детей, из коих все были хотя мал мала меньше, но доставляли нам безчисленныя удовольствия и утехи. Старшая из дочерей моих, *Елизавета*, была уже изрядная девочка, и с красотою телесною утешала нас вкупе и умом, а паче всего своим добронравием и хорошим характером. Все качества и свойства ея были таковы, что приобретала она от всех видавших ее любовь и уважение. Сын мой был также уже мальчик, вышедший из лет младенческих. Ему шел уже седьмой год и он умел уже грамоте и мог уже читать и писать изряднехонько; а по понятливости своей учился уже тогда и немецкому языку. Душевныя и телесныя способности его ко всему открывались час от часу больше, и он с каждым годом подавал нам о себе от часу лучшую надежду и был по всем отношениям милый, добронравной и любезной ребенок. Обе следующия за ним меньшия его сестры, *Настасья* и *Ольга*, возрастали уже также мало-помалу, и первая из них умела также уже грамоте, и обе утешали нас своими невинными детскими делишечками и обе подавали о себе уже нам добрую надежду. Что касается до самой меньшей и четвертой моей дочери, *Александры*, то сия была еще на руках младенцем и чтой-то не очень здорова, так что не было дальней надежды о ея жизни. Теща моя хотя начинала уже стареться, но была также еще в совершенных силах, хотя и не всегда равно здорова. Кроме ее и жены моей, жила тогда еще с нами помянутая девушка, госпожа *Беляева*, которая всем поведением своим заставила нас столько себя любить, что мы ее наравне со своими родными почитали и сотовариществом ея были очень довольны.

Относительно до внешних моих обстоятельств и положения моего, то было оно наивожделеннейшее. По особливой благости Господней имел я счастие приобресть, живучи и в сем месте, как от подкомандующих моих, так и от всех, кто меня только знал, всеобщую любовь, почтение и ува-

жение. А и от самого командира моего, князя *Гагарина*, приобретал я час от часу более к себе благосклонности и уважения. Жизнь вел я кроткую, тихую и умеренную и с небольшим достатком своим сообразную. Не отставал я совершенно от людей, но и вперед ни в чем не выдавался с излишком.

Все расходы мои были умеренные; а чтоб оные еще более сократить, то умножил я при себе людей, и перевезя их из своей деревни, нанял тут себе несколько казенной земли и заставил их пахать и засевать хлебом, дабы мне оного, для содержания всего дома моего и заведеннаго тут же маленькаго скотоводства и птицеводства, без привоза из деревень моих было достаточно и я не имел бы нужды ничего из грубой провизии для себя покупать. Сверх того, как квартира была у меня не наемная, дрова непокупные, в овсе и сене для лошадей не было мне никакой надобности, ибо и лошади у меня и продовольствие их было казенное, то все сие вместе с довольным жалованьем, доходами, получаемыми с небольших моих деревеньшек, и процентами, получаемыми с малаго моего и в Киясовке еще основаннаго капитальца, час от часу и увеличивало понемногу мой достаток и дозволяло мне содержать себя час от часу лучше и жизнь свою вести свободнее. К тому ж и не было до сего и дальних поводов к излишним расходам: по удаленности Богородицка от соседственных дворянских домов, не мог я иметь обширнаго и такого знакомства, которое бы сопряжено было с частыми и многими выездами и взаимными угощениями к себе приезжающих. Все мое тогда знакомство ограничивалось почти только двумя домами, господина *Толбузина* и г. *Киреева*, но и те жили в такой от нас отдаленности, что нельзя было часто переезжаться и с ними. А то же некоторым образом можно было сказать и о доме гг. *Верещагиных*, живущих в Бобриках. Нельзя сказать, чтоб мы и с ними видались очень часто, и к чему наиболее повод подавало то, что характеры сестер г. Верещагина, несмотря на все их наружное благоприятство к нам, были как-то несогласны с характерами моих семьянинок, а потому дальней охоты и не было к ним часто ездить. Что ж касается до внутренних наших по городу знакомцев, то свидания с ними и обхождение не доставляли нам ни малейших лишних расходов. Все они ограничивались только лекарем, господами *Полуниными* и архитекторским помощником *Волковым*, и с людьми сими можно было попросту и без дальних околичностей обходиться.

Что касается до дел и упражнений моих, то дела по волости и по должности моей оказались далеко не столь многочисленны и для меня отяготительны, как я воображал себе сначала. А не успел я войтить в оныя и основать во всем порядок, так они сделались для меня так легки, что я их почти не чувствовал, и так малочисленны, что большую часть времени своего мог я употреблять на собственныя свои занятия и упражнения, и по всем сим отношениям должность моя была самая легкая и тем для меня приятнейшая, что я мог, отправляя оную, заниматься и литературными и другими любопытными и приятными для меня занятиями, почему самому и мог я ими сколько хотел заниматься, а сие и было для меня всего приятнее.

В сем положении находился я при конце сего года, но в наступающий, по всему видимому, надлежало во всем произойтить многим переменам, поелику прежняя моя, почти уединенная жизнь должна была кончиться и я, по случаю будущаго жительства в сем городе многих дворянских фамилий, иметь с ними частейшее свидание и теснейшее обращение, в ожидании чего и кончили мы течение сего года.

А вместе с тем окончу я и сие письмо, сказав вам, что я есмь ваш... и прочая.

(Ноября 4-го дня 1809 года).

1778 ГОД

Письмо 193-е

Любезный приятель!

Ну!.. теперь начну я описывать вам наидостопамятнейший и веселейший для меня период моей жизни. Оной начался с самаго наступления 1778-го года и продолжался многие годы, и едва не целых 16 или даже 18 лет сряду. Правда, было сие время хотя не все для меня хорошо и приятно, но по временам веселая жизнь моя нарушаема была нередко мрачными днями, наполненными многими огорчениями, смущениями и досадами, но вообще можно назвать весь сей долговременный период моей жизни наилучшим, веселейшим, выгоднейшим, приятнейшим, благополучней-

шим и знаменитейшим во всей моей жизни. Сделался он таковым против всякаго моего чаяния и ожидания, и я, начиная провождать сей год, нимало не воображал себе, чтоб он был так весел и наполнен толь многими приятностьми, какими мы в течение онаго пользовались, но ожидал себе не инако как многих хлопот, досад и огорчений по случаю сожительства и обращения с людьми столь многими, мне незнакомыми и характеров разных, и не надеялся нимало, чтоб можно было мне ужиться со всеми ими в мире и согласии, а думал, что неминуемо произойдут между нами ссоры и всякия склоки и дрязги. Но произошло совсем тому противное, и благодетельной судьбе угодно было свести меня и заставить вместе жить с людьми хотя различных характеров, но с такими, с которыми мог я ужиться без всяких ссор и вражды или с которыми удалось мне, против всякаго ожидания, сладить и всех их сделать для себя не только друзьями и приятелями, но побудить и самих жить и между собою в примерном, похвальном и таком согласии, что всем тем мы даже прославились и многие житью нашему даже завидовали и превозносили оное похвалами.

Таковое хорошее и веселое житье было в особливости в первые 3 или 6 лет по открытии наместничества и было нам столь приятно, что навек осталось для нас незабвенно. И я признаюсь, что и поныне не могу сего времени приводить себе на память без некоего особеннаго удовольствия и сладкаго душевнаго ощущения. Но я заговорился уже слишком о сих общественностях, и мне пора уже приступить к повествованию подробнейшему о происшествиях, бывших в течение сего первого года.

Не успел начаться сей год, как и начались у нас уже некоторыя забавы и увеселения. И самой первый день онаго, в ожидании приезда выбранных судей и определеннаго городничаго, провели мы уже весело, потому что были не одни. У нас была все время госпожа *Кологривова*, приехавшая к нам с детьми своими нарочно из Тулы в гости для доказательства своей к нам любви и дружбы. И мы, начав вместе с нею сей год, провели сей день очень весело, ибо, желая ее колико можно лучше угостить, завели в сей вечер разныя святочныя игры и забавы; а в последующий за сим день подъехали к нам из Бобрик и госпожи *Верещагины*, и народа прибавилось больше. Сие подало повод к множайшим еще святочным увеселениям, и мы провели и сей день очень весело, и госпоже Кологривовой было у нас так приятно, что она не прежде как уже после ужина и в ночь поехала от нас обратно в *Тулу*, а на место ее подъехал к нам на третий день г. *Толбузин*

с семейством. Итак, все сии первые дни сего года были мы безпрерывно с людьми и провели оные весело.

Наконец в сей третий день приехал уже в наш город и городничий со всем своим домом и семейством и остановился на первый случай у *Кобякова*, одного из старинных богородицких и тогда ничего не значащих купцов, в пакостном его домишке на квартиру. Как сие случилось утром, то не успел я о том узнать, как тотчас, хотя не по долгу, а из одной вежливости, к нему поехал, чтоб с ним вновь обрекомендоваться и спознакомиться со всем его семейством. Состояло оно из его жены, *Анны Ивановны*, и трех детей, двух сыновей и одной дочери. Сия была девушка уже на возрасте, равно как и старший сын его, мальчик уже изрядной, а другой был еще маленькой. Все они показались мне людьми изрядными и такими, с которыми обходиться было уже можно; почему, обласкавшись с ними, изъявлял я сожаление мое о том, что квартира у него так дурна и для них безпокойна, и предлагал ему, чтоб он поискал для себя между купеческими дворами получше, а буде нигде не найдет, так не покажется ли ему какой дом из моих канцелярских служителей, так бы я мог пособить его нужде и на время ассигновать ему и оной. Предложение таковое натурально было ему, а особливо жене его, приятно, и я оным его равно как озадачил к себе в дружбу. После сего возил его показывать ему приготовленной под присутственныя места флигель дворцовой и там, выводив его по всем комнатам, пригласил его и со всем его семейством к себе обедать; и как он на то согласился, то за женою и детьми его тотчас послал я своих лошадей и повозку. Она не отреклась также к нам приехать, и как мы старались всячески их угостить, то были они ласкою нашею довольны и с сего дня началась у нас с ними дружба и знакомство. Мы не отпустили их от себя во весь сей день; а как кстати подъехал к нам перед вечером и оставшийся у нас ночевать помянутой г. *Толбузин* с своим семейством, то сей случай познакомил его и с ним, и мы все вместе в сей святочной вечер провели без скуки и довольно весело.

На другой день после сего не успели мы после обеда проводить от себя г. Толбузина, как приехал к нам один уже из судей, приехавших в этот день в город. Был то один из богородицких дворян из фамилии *Арсеньевых*, и назывался Николаем Сергеевичем. Сей человек был до того времени мне хотя совсем не знаком, но мы с первой уже минуты свидания и знакомства нашего так друг друга полюбили, что сделались друзьями, и котораго ла-

скою, почтением и уважением к себе я во все последующее время отменно был доволен, и с которым дружба продолжается и поныне. Он выбран был тогда заседателем в нижний земский суд и приехал ко мне, чтоб со мною обрекомендоваться и познакомиться, а притом счеться и родством, хотя весьма дальним, по которому и называл он меня всегда своим «дядюшкою». Но как бы то ни было, но мы постарались и его всячески у себя угостить и ласками своими к приязни озадачить.

Между тем как мы с ним в разных разговорах провождали вечер, подъехал к нам опять и городничий с убедительною просьбою о том, чтоб я дозволил у себя, как в лучшем во всем селении доме, квартировать губернатору, которому на тех днях долженствовало приехать к нам для открытия всех судебных мест. Для меня сие было хотя несколько и отяготительно, но как сей случай мог меня с губернатором познакомить короче, то и не противился я нимало, но с охотою изъявил ему на то свое согласие.

Весь последующий за сим день, случившийся в навечерии Крещенья, был я что-то так нездоров, что принужден был принимать лекарство. Произошло сие оттого, что я, осматривая всякой день недавно отделанныя и тогда только что высушиваемыя комнаты во флигеле замка, или дворца, от чада и штукатурнаго испарения сильно поугорел. Но болезнь сия не имела никаких дальних последствий и не воспрепятствовала мне принять у себя заходившаго опять ко мне городничаго, занимавшагося в этот день осматриванием всех квартир в городке нашем и назначивании оных под ожидаемых с часу на час судей из их жительств и долженствующих к приезду губернатора съехаться и собраться. Ввечеру же сего дня прислал он к нам жену свою с препокорнейшею просьбою, чтоб мы дозволили переехать им на время в дом к одному из канцеляристов моих, *Щедилову*, которой был лучший из всех прочих. Мне хотя и не весьма хотелось обременить сим сего моего лучшаго письмоводителя, но, желая тем услужить городничему, послал тотчас за хозяином, и как он, по убеждению моему, на то согласился, то и дозволил я им занять под себя сию квартиру, где он, однако, недолго стоял; ибо я, желая освободить сего старика от сего бремени, велел для городничаго опростать, очистить и прибрать одну из казенных деревянных связей, построенных для житья нашим волостным солдатам и мастеровым людям, в которую он после и переехал и был сею квартирою еще довольней прежней.

Наконец кончились наши Святки и настал день Богоявления Господня, в которой все мы были в церкви на островку у обедни и потом на воде. Нам восхотелось в сей день сделать у себя небольшую пирушку, почему и пригласил я всех к себе обедать, отчего они натурально и не отказались. Итак, обедали у меня в сей день городничий со всем своим семейством, помянутый г. *Арсеньев* и еще один из приехавших судей, Сергей Ильич *Щушерин*. С сим добрым и любезным молодым человеком мы также в первую минуту нашего знакомства так сдружились и так друг друга полюбили, что с того времени сделались навсегда добрыми и искренними друзьями, и я приязнию и ласкою его самого и всего его семейства был очень доволен. Кроме сих, обедал у меня в сей день и наш лекарь; итак, народа набралось-таки довольно, и это был первой маленький пир, данной мною моим будущим сотоварищам в жизни.

Едва только окончились наши праздники, как в последующий за сим день и стал наполняться весь наш город съезжавшимися со всех сторон судьями и определенными в суды прочими канцелярскими служителями и чиновниками. Как я играл тогда во всем Богородицке первую ролю и дом мой был знаменитейший, и до всех судей тотчас доходил слух о моем ласковом со всеми обращении и благосклонном всех приеме, то все они за первой себе долг почитали приезжать ко мне для изъявления ко мне своего уважения и рекомендования себя в мою благосклонность и дружбу. Признаюсь, что такое от всех уважение было мне весьма непротивно и натурально побуждало меня соответствовать им взаимно своими ласками и контравизитами. Всех тех, которые из них были у меня пред обедом, не отпускал я от себя, не угостив их обеденным столом. А как к вечеру собрались они все ко мне, а подъехал к нам и двоюродной брат жены моей, *Евграф Александрович,* с женою, и народа набралось множество, то сие и подало повод к первой у меня тогда вечеринке. Я старался занять их всех разными играми, а чтоб было веселее, заставил своего *Давыдовича* брянчать на гуслях выученныя им от меня некоторыя штучки, аккомпанируя ему сам, сколько умел, на своей скрипке. Сим возбудил я в детях своих и городничаго, бывших также у меня, охоту к танцованию, и они попрыгали у нас как умели, а им иногда делали и из нас те, кои были помоложе и повеселее, сотоварищество; и как все обращение между собою постарался я делать свободным, непринужденным, простым, без всяких чинов и церемониалов, а прямо дружеским, то сим и дал я почувствовать всю

приятность такого невиннаго дружескаго времяпрепровождения, и мы с особым удовольствием провели весь вечер и сделались уже все добрыми приятелями, и родственнику моему, г. *Каверину*, сие так полюбилось, что он пробыл у нас и весь последующий за сим день.

С сего дня начали мы со дня на день ожидать приезда к себе губернатора, но приезд его как-то позамедлился, и мы целых пять дней его тщетно ожидали. И как всем съехавшимся господам судьям и другим чиновникам в сие время делать еще было нечего, то и провели они оное в безпрерывных друг друга на квартирах своих посещениях и угощениях друг друга на походную руку; ибо надобно сказать, что они съехались тогда все еще налегке, без своих семейств, и на первой случай расположились кой-где по квартирам; и как никто из них не имел еще порядочной и не обострожился, то все сие и побуждало их наиболее уклоняться ко мне, и тем паче, что я и сам их приглашал к частейшему посещению меня от скуки. Итак, не проходило дня, в которой бы многие из них у меня не перебывали; а по вечерам было всем им почти ежедневное общее сборище у меня в доме, и все тут, сделавшись друг с другом знакомее, препровождали мы все вечернее время в смехах, издевках, в разных простых увеселительных карточных и других играх и прямо в дружеском, простом и приятном препровождении времени. Я переучил их играть в свой любимой реверсис и тароки, а они затеяли разныя свои игры, и всякой занимался тем, что кому было угоднее; а ни один раз, завеселившись, не отпускал я их всех от себя и без ужина; что все еще более всех их ко мне прилепляло.

Но теперь время пересказать мне вам, кто таковы все судьи сии и тогдашние мои ежедневные гости именно были. Я начну с нашего предводителя. Сей был один из зажиточнейших богородицких дворян из фамилии господ *Сухотиных*, человек не слишком знаменитый, но доброй, простой и прямо на нашу руку. За ним следовал уездный судья, господин *Албычев*, по имени Алексей Андреянович, человек степенной, почтенной и всем обращением своим прелюбезной. Заседателями и сотоварищами ему в уездной суд избраны были: некто господин *Арсеньев*, Андрей Сергеевич и помянутой господин *Шушерин*, Сергей Ильич. В исправники назначен был некто господин *Пушкин*, Петр Семенович, а заседателями к нему: меньшой брат уезднаго суда заседателя, помянутой выше сего, г. *Арсеньев*, Николай Сергеевич, а другой некто господин Басов, человек незначащий и маловажной. Кроме сих были от короны определенные: помянутой городни-

чий Антон Никитич *Сухотин*, казначеем – некто господин *Плотников*, а стряпчим – один из богородицких соседних дворян Александр Андреевич *Хомяков*, человек молодой и зажиточный, но с умом несколько поразстроенным. Кроме сих, был тогда еще из приезжих дворян майор *Остапов*.

Вот из сколь многих особ состояло все тогдашнее наше общество. Все они были характеров разных, но кои опишу я вам после, когда порядок доведет меня разсказывать о их семействах; а теперь только скажу, что многие из них были люди очень еще не старые и некоторые в особливости веселаго нрава. Таковым в особливости из всех отличался наш исправник г. Пушкин, человек еще молодой и в особливости склонный к шуткам и дружеским безобидным издевкам и трунению над другими; а сие и оживляло все наше сословие и делало обращение наше друг с другом приятнейшим и веселейшим.

Наконец, 12-го числа, по тщетном пятидневном ожидании губернатора, перетревожены мы были приездом к нам его канцелярии с уведомлением, что вслед за нею скоро хотел и он приехать. Все тогда в один миг сбежались и съехались ко мне, как в квартиру губернаторскую, да и я своим домашним велел поперебраться с излишним из своей гостиной в боковыя и задния комнаты и опростать зал и гостиную для губернатора. И с сего времени начали мы приезда его ожидать ежечасно, будучи все в совокуплении. Но прошел день и прошел весь вечер, и губернатора не было и все принуждены были, поужинав у меня, разъехаться по квартирам.

Как все не сумневались и за верное полагали, что не приехавши в этот день непременно прибудет он в последующий за сим, и по всей вероятности ввечеру, то собрались опять ко мне все сии господа до единаго, и дабы не скучно было провождать время в мучительном ожидании, не долго думая, разставили ломберные столы и принялись за прежния свои веселыя игры и дружеския занятия. Начались опять разныя шутки и издевки, смехи и хохотанья, и гул от того раздавался по всем комнатам. Посреди самых сих дружеских забав, и как теперь помню, в самое то время, когда мы, играя с предводителем, городничим и *Пушкиным* в реверсис до слез почти хохотали над ежеминутным забыванием нужных в сей игре предосторожностей нашим простодушным предводителем, которому за проступки сии то и дело доводилось ставить беты и платить положенные штрафы, перетревожены мы были впрах вбежавшим к нам вестовым с уведомлением, что губернатор едет и въезжает уже в город. Боже мой! Какая сделалась

тогда у нас всеобщая сумятица и тревога! Городничий, без памяти вскочив, бросил карты и все, побежал без души садиться скорее в стоящия перед крыльцом в готовности свои сани и поскакал для встретения губернатора. Мы все также повскакали с своих мест, побросали карты и кричали слугам, чтобы скорее прибирали столы и устанавливали все к месту и освещали зал и лакейскую и для скорейшаго приведения всего в порядок помогали им в том и сами. Другие бросились отыскивать свои шпаги и шляпы, и все вообще стали оправляться и хорохориться, готовясь для встречи губернатора, которой всем нам был еще незнаком и натурально, как начальник губернии, особеннаго уважения, а особливо тогда, был достоин.

Но что ж воспоследовало? Проходит несколько минут – губернатора нашего нет; проходит еще столько ж, – о губернаторе нет ни слуху, ни послушания. Проходит еще с четверть часа – ни губернатор и ни городничий не показываются. «Что за диковинка! – думаем и говорим мы между собою. – Разве еще не доехал или зачем-нибудь остановился?» Но вдруг наконец зашумели вдали сани. «Губернатор! Губернатор!» – закричали мы и бросились все в лакейскую, чтоб иттить встречать его на большое мое каменное крыльцо. Но едва только хотели растворять в сени двери, как навстречу к нам городничий в своей шубе и шляпе, весь с головы до ног занесенный клочьями снега и власно как напудренной и очень от стужи покрасневший. «Что, братец? – закричали мы все в один голос. – Где губернатор?» – «Какой вам губернатор! – смеючись отвечал он нам. – Ежели хотите так же одурачиться, как я, так садитесь в мои сани и выезжайте на улицу». Удивил он нас сим своим приветствием; а он, увидя нетерпеливость нашу узнать дальнейшее, разрешил сию загадку, говоря нам, раздеваясь, следующее: «Возможно ли, что случись теперь со мною! Посмейтесь, государи мои, моей глупости. Отроду не случалось со мною еще такого случая. Ведь дурак-то мой вестовой всех нас обманул и попустому перетревожил, а меня только впрах иззнобил, измочил и в сущие дураки поставил. Покажись этому глупцу и сущему фалалею, что едет возок губернаторской! Но правду сказать, его несколько и извинить можно: в такую вьюгу и густую мятель, какая теперь на дворе, немудрено хоть кому ошибиться. На сажень почти ничего вперед явственно не видно. Я и сам хорошохонько обманулся. Но постой! Я разскажу вам все дело по порядку. Подхватя его к себе в сани, ну я скакать вдоль по слободе, и в помышлениях, как мне встретить губернатора и что говорить, выезжаю

совсем из города. Но как губернатора не было и в появе, то спрашиваю я этого фалалея, где же губернатор?» – «Вон там, вон там впереди, – говорил он мне, – я его едущаго в возке видел». – «Но подлинно ли ты его видел?» – спросил я. «Как же, сударь, подлинно; и давеча было светлее, и теперь только понесла такая густая мятель». – «Но где ж он?» – говорю я, остановившись. «Бог его знает! Разве зачем-нибудь остановился; а видеть я его подлинно, хоть издали, а видел». – «Хорошо, брат, так постоим же здесь на месте и подождем». И по выходе из саней и стали мы устремлять свои взоры сквозь несомой ветром прямо нам в глаза прегустейший снег. Но как долго стремления его выдержать никак было не можно, то, завернув лицо свое от снега в шубу, говорю я ему: «Ну, смотри ж пристальней и не прозевай, брат, и скажи мне, как скоро увидишь». Не успел я сим образом, закутавши лицо свое в шубу, минуты две-три простоять, как закричал мой вестовой: «Едет, едет, сударь! и вот возок его уже почти перед нами». Я глядь, и вижу действительно вблизи уже нечто едущее черное и большое, и обробев, как баба, без дальнейшаго разсмотрения, ров с себя скорей шубу, и как в самый тот миг то черное и большое поровнялось с нами, то второпях сочтя это действительно возком губернаторским, без дальняго откладывания и разсматривания хвать я с себя шляпу и отвесил ему пренизкой поклон. Но вообразите себе, государи мои, что было тогда со мною, как вдруг, приподнявшись и подошед ближе, вместо возка и губернатора увидел перед собою... чтоб вы думали?.. большой воз сена». «Тьфу! Какая пропасть!.. – махнувши обеими руками, закричал, захохотавши, я, где был у меня ум и разум и возможно ли быть так слепу и так глупо обмануться!..» Не успели мы сего услышать, как все вдруг захохотали, и хохотали даже до слез сему смешному происшествию. Городничий сам, нимало за то не сердясь, хохотал вместе с нами и только что повторял: «Что, братцы! Был истинно такой грех со мною, и надобно было на ту беду иттить такому густому снегу, что и не можно было ничего и в самой близи разсмотреть явственно. Но правду сказать, как бы не разсмотреть, если бы были осторожнее и не так обоих нас объяла торопливость. Уже мы с вестовым хохотали, хохотали сей общей нашей с ним ошибке».

Насмеявшись и нахохотавшись досыта сему смешному случаю, сказали мы наконец: «Что ж, братцы, не опять ли нам приниматься за прежнее свое дело?..» – «Чего долго думать!» – закричали все. Итак, давай опять становить столы, отыскивать карты и продолжать прежния свои игры в

оныя; но не проходило и десяти минут, чтоб не вспоминалось нам опять помянутое происшествие и мы опять, засмеявшись, начинали у городничаго спрашивать: «Как же, братец, Антон Никитич, ты возу-та сена кланялся?» – «Что, братцы, грех да беда на кого не живет! – говорил он. – Лошадь и о четырех ногах, и та вспотыкается, а мне, старику, немудрено было с заслепленными снегом глазами обмануться. Мне пуще всего жаль своего мундира – всего его измочил...»

Более часа проводили мы еще после сего в играх своих, смехах и хохотаньях, но губернатора нашего, котораго велели смотреть уже не одному, а трем, и смотреть прилежнее, не было еще и в появе. Уже настало время ужинать, уже нам и есть всем захотелось, но его все еще не было. Итак, не хотя мучить домашних своих, велел я накрыть стол и подавать есть, и ну-ка мы скорее и без дальних чинов и кое-как ужинать, дабы опростать опять залу. Собрали наконец и со стола, и все мое семейство полеглось уже спать, но мы расположились все еще ждать; но как и опять прошло несколько часов и время перешло уже далеко за полночь, а губернатора все еще не было, то заключая, что, конечно, он и в этот вечер к нам, и может быть, за вьюгою и мятелью, не будет, решились все наконец разъехаться по домам и оставили меня одного дома.

Но что ж воспоследовало? Не успел я, раздевшись излегка, лечь в кабинете своем спать и все поугомониться, как прибегает без души вестовой и разбужает нас криком, что губернатор едет, а вслед за ним зашумела и повозка его действительно под окном у меня в воротах. Я рад тогда был, что не совсем разделся и что не погасили совсем огня. Итак, вмиг вздернув на себя кафтан, успел я еще губернатора встретить в сенях и провел его в свою назначенную для него гостиную комнату.

Как губернатор обошелся со мною совсем не гордо, а очень ласково и просто, то просил я его извинить нас всех, что мы его не встретили все по должности, сказывая ему, что мы к тому были готовы и уже трое суток его с часу на час в собрании здесь ожидали, и что все господа судьи с городничим и всю сию ночь пробыли здесь и за несколько только минут от меня поехали. И как он охотно их в том извинял, а извинялся еще и сам, что он поупоздал своим выездом и что его много и мятель задержала, то спрашивал я его, прикажет ли он изготовить вечерний стол? – «Ах нет, нет, мой друг! – сказал он. – Пожалуй, не безпокойся! Я никогда не ужинаю, а чашку бы чаю охотно теперь выпил».

Сей тотчас у меня и поспел, ибо чайник с водою и не сходил с огня; а между тем покуда его готовили и подавали и покуда разбуженный также городничий одевался, убирался и к нам без души приехал, и губернатор, стоючи у печки, отогревался, имел я случай с полчаса времени один наедине с ним беседовать; и эти полчаса не только нас друг с другом познакомили, но даже и сдружили так, что он по смерть свою был ко мне не только очень добр, но и отменно любил меня, а и я его почитал и любил искренно. Я нашел в нем человека умнаго, ученаго, сведущаго и охотника до наук и художеств, а притом весьма любопытнаго, и самого добраго негорделиваго и ласковаго характера; а как он и во мне, против всякаго чаяния своего, нашел человека почти такого ж и во многих вещах с ним единообразнаго, то не успели мы с ним начать говорить, как слово за слово и вошли в такие разговоры, что нам обоим и перестать почти не хотелось, и мы готовы бы были проговорить всю ночь, если б не помешал нам прискакавший без души г. городничий, котораго о добром характере, равно как о доброте и прочих судей, я уже успел губернатору с похвалою разсказать; а потому губернатор, будучи уже хорошаго об них мнения, не только не взыскивал с него того, что он его не встретил, но, желая лучше с одним со мною еще несколько поговорить, тотчас его от себя отпустил, говоря, чтоб он ехал с покоем себе отдыхать, да и прочих никого бы не тревожил, а явились бы они к нему поутру. Итак, оставшись со мною опять, и покуда внесли и совсем приготовили для его кровать, проговорил он со мною еще с добрую четверть часа и все о вещах ученых и любопытных; а наконец отпустил он меня досыпать остальную часть ночи и сам уединился.

Наутрие собрались все наши судьи и чиновники ко мне, прежде нежели он встал и оделся, и удивились, что приняты были от губернатора не только ласково, но с отменною благосклонностью, а особливо те, которые были того, по предварению моему, достойнее прочих. Они тотчас сие заприметили и, догадываясь, отчего то происходило, неведомо как меня за то благодарили. Со мною же при всех обходился он не как с подчиненным, а как с давничным своим знакомцем и приятелем, просто, дружески и откровенно, а сие заставило господ судей еще более меня уважать.

Мы провели все утро с ним в разных любопытных разговорах, и он не столько говорил с судьями, как со мною, и я его приятнейшим для него образом занял показыванием ему всего того, что у меня было зрения и любопытства достойнаго. Когда же все к открытию присутственных мест

было приготовлено, то пошли мы с ним открывать оныя по обыкновенным обрядам, и день сей был для Богородицка прямо торжественной и навек достопамятной. Случилось сие в 14-й день января месяца и производилось действие сие при стечении множества народа и всех лучших жителей сего места.

По окончании сего торжественнаго действия, губернатор, будучи особенным охотником до строения, осматривал во флигеле и все прочия комнаты; и как их, за помещением всех присутственных мест, оставалось еще очень много излишних, то и дозволил он их занять судьям для своего пребывания и жительства, а особливо тем, которые были семьянистее, и расспросив о семействах их, дал охотно позволение им для привоза семейств своих, на несколько дней, хотя не всем вдруг, отлучиться, и изъявлял удовольствие свое о том, что они иметь тут будут квартиры спокойныя и что жить им тут будет не скучно, а особливо, промолвил он, обратясь ко мне, в близком соседстве и в сотовариществе с таким любезным человеком, хозяином сего селения. Я не преминул отвесить ему за сей приятной для меня комплимент пренизкий поклон, и повел его потом показывать главной корпус дворца, а потом в нашу церковь, где с отменным удовольствием любовался он живописью г. *Некрасова* и увещевал его, чтоб он был при таких дарованиях воздержнее от его слабости. А из церкви пригласил я всех к себе к приготовленному уже обеду, который натурально постарался я колико можно сделать лучшим. И губернатор наш всем тем, а особливо простым и откровенным моим обхождением, был очень доволен, и ему угощение мое и пребывание у нас так полюбилось, что он с особливою охотою за приглашение мое согласился остаться у нас на весь тот день и вечер, и отъезд свой в Епифань отложить до утрева. Итак, мы и достальное время сего дня и весь вечер провели с ним и с лучшими из господ судей вместе и в дружеском почти обхождении приятно и очень весело. А все сие спознакомило и сдружило меня с ним еще больше и он поехал от нас уже на другой день очень рано, разблагодарив меня впрах за мое угощение.

Проводив сего знаменитаго гостя и сжив сию обузу с рук, отдыхали мы весь тот день все по своим квартирам, ибо надобно признаться, что все вышеупомянутое нас всех и обезпокоило несколько, и хлопот и сует было при сем случае довольно, и по пословице говоря, полон рот.

Не успели мы дней трех несколько поотдохнуть и в сие время все излишние из приезжих господ поразъехаться, как явился новой случай ко всеобщему торжеству и празднованию. Получено было известие о рождении ныне благополучно царствующаго государя императора, а тогда великаго князя *Александра Павловича* и велено было везде торжествовать сей день и молебствовать о сем радостном происшествии. Как предписание о сем от начальства было уже не мне, а городничему и относилось сие уже до существующаго нового города Богородицка, то надлежало все торжество сие производить городничему. Он сие и исполнил по силе своей и возможности, и по окончании молебного пения пригласил всех судей и нас к себе на обед, и это было еще в первый раз, что он угощал нас всех у себя обеденным и вечерним столом и бывшею у него вечеринкою. Город же, или паче, все село наше было в сей вечер иллюминовано, и не только везде в домах и на окнах горели свечи, но и на улицах в безопасных местах разставлены и зажжены были смоляныя бочки. А как у меня к сему времени поспел вновь мною выдуманной иллюминационной ящик с раскрашенными разными колерами слюдами, то для придания сему торжеству более блеска велел я его принести и, зажегши в нем свечи, поставить пред квартирою городничаго, и чрез то подал повод ко стечению всех почти жителей для смотрения сего невиданнаго еще никогда ими зрелища, и мы все провели сей вечер также в разных играх и с особенным удовольствием.

Происходило сие 18-го января, а в последующий за сим день ездили все мои семьянинники к Верещагиным в Бобрики и там ночевали, а я, по случившимся недосугам, с детьми оставался дома и принужден был угощать приехавшую к нам госпожу *Абаринову*, Арину Васильевну.

По возвращении их назад в Богородицк, стали мы помышлять о езде в Москву и в сей предпринимаемый путь вместе с женою готовиться. К предприятию сему побуждали меня разныя причины. Во-первых, хотелось нам с женою и для собственных наших надобностей побывать сею зимою в Москве; а во-вторых, необходимо надобно было повидаться с стариком князем, моим командиром, и поелику ему в сие лето не случилось приезжать к нам в волость по обыкновению, то донесть ему обо всем в течение сего года в ней происходившем и обо всем том, что мною в них сделано. Сверх того, необходимо нужно было мне быть там, при сделке его с наместником, в разсуждении обмена деревнями.

Итак, я все последующие дни препроводил в сборах и окончании всех приуготовляемых бумаг для предложения князю. Наиважнейшими из сих были прежде упомянутыя планы, относящиеся до предпринимаемаго обмена землями и деревнями. Но сего было еще не довольно; но я, ведая, что у князя не было и маленькаго всем нашим волостям плана, а были только у нас большие межевые, которые по величине и огромности своей не имели ни малейшей удобности к разсматриванию оных, то желая старику князю сделать особенную услугу, взял я на себя труд поползать многие дни сряду по всему большому плану Богородицкой волости и составить из ней и Бобриковской совокупно одну маленькую географическую, или паче, топографическую карту, с показанием на ней и положения самых тех монастырских сел и деревень, кои приисканы и назначены мною для обмена. И хотя дело сие сопряжено было со многими трудами и неудобностями, а особливо при бывших пред сим недосугах и отвлечений разных, по случаю которых принужден я был выгадывать уже для себя одни только утренние часы и заниматься в оные сим делом, ибо в прочее время, за разъездами и свиданиями с судьями, и помышлять о том было некогда. Однако при помощи обыкновенной своей деятельности успел я совершить и сие великое дело, и к отъезду своему сию маленькую, но весьма важную и нужную карточку кончить и приготовить, а сверх того, сочинить еще особаго рода прелюбопытную ведомость о родившихся и умерших в течение минувшаго года в волостях, которая также стоила мне многих трудов. Наконец, ведая давнишнее желание князя иметь и обстоятельное описание всем нашим волостям, то будучи тогда уже в состоянии сие его желание выполнить и начав оное сочинять уже за несколько до сего времени, старался в сии дни и сие обширное и также мне много трудов стоющее описание кончить и к отъезду своему переписать набело. Словом, все дни сии преисполнены были множеством дел. Однако, несмотря на то, продолжали мы и в сии дни свидания с теми из судей наших, которые в деревни свои еще не отъехали, и не один раз также препровождали вечера вместе, при каковых случаях не отпускал я их никогда от себя без ужина, а иногда приглашал их также к себе и обедать.

Наконец, окончив все свои дела и собравшись в путь, поручил я правление волости без себя старшему из канцелярских своих, *Варсобину*, ибо бобриковского управителя, господина *Верещагина*, на сей раз не случилось налицо, а он находился в отпуску и был в сие время в Петербурге, с

сыном княжим, князь *Сергеем Сергеевичем,* к которому каким-то образом нашел он случай подбиться в любовь и доверенность особую. А учинив сие и оставив тещу свою с детьми в Богородицке, и отправились мы с женою в Москву.

О сем путешествии нашем и о том, что происходило с нами в Москве, узнаете вы из письма последующаго; а теперешнее, как достигнувшее до своих пределов, дозвольте мне сим кончить и сказать вам, что я есмь ваш и прочее.

(Ноября 6-го дня 1809 года).

ЕЗДА В МОСКВУ И ПРЕБЫВАНИЕ ТАМ

Письмо 194-е

Любезный приятель!

Таким образом, собравшись совсем в последних числах месяца генваря, отправились мы с женою в Москву с намерением провесть там Масленицу. Жену мою наиболее побуждало ехать туда со мною то, что в Москве находились в сие время племянницы мои, госпожи *Травины*, и чрез письма подзывали нас туда, чтоб вместе с ними там недели две-три пожить, с ними совокупно всюду и всюду поездить и взять в московских зимних увеселениях соучастие; а как и по самой моей должности требовали обстоятельства необходимого свидания с стариком князем, моим командиром, то случилось сие кстати.

О путешествии своем скажу только то, что во время онаго не случилось с нами ничего особливаго. Мы заезжали на самое короткое время в свою деревню и только что переночевали, а в Серпухове кормили мы в сей раз лошадей и обедали в доме знакомца своего, купца Семена Григорьевича *Квасникова*. В Москву приехали поутру и остановились сперва на короткое время у Серпуховских ворот, где московские воры вытащили у меня из возка и украли книгу, *Дергамову* физико-теологию, которую и поныне еще сожалею. Потом переехали и расположились было стоять на Пятницкой, в одном приятельском доме. Но племянницы мои не успели узнать о нашем в Москву приезде, как, приехав к нам, уговорили нас,

чтоб переехать к ним и чтобы жить вместе с ними в нанятом и довольно просторном доме, на что мы охотно и согласились и в тот же еще вечер перебрались к ним на Пресню, где сей дом находился и был для всех нас довольно поместителен.

Не успели мы разобраться и сколько-нибудь от путевых трудов отдохнуть, как, оставив жену свою заниматься своими делами с родственницами и тогдашними хозяйками нашими и разъезжать, куда им было надобно, спешил сам по должности своей видеться с своим командиром. Князь был приезду моему очень рад, принял меня очень милостиво, ласково и хорошо, и увидев все мною сделанное, был всеми трудами и стараниями моими чрезвычайно доволен, а особливо моими планами, рисунками, чертежами и описаниями, и приказав мне как можно чаще к себе приезжать, поручил мне отыскать дом нашего наместника и побывать у него с предложением о начатии нашего с ним обменнаго по деревням дела. Сие я и не преминул учинить. Наместник жил тогда в своем доме на Остоженке, и я, отыскав оной случайным образом, пробрался к нему с заднего крыльца прямо в кабинет, и будучи принят и от него очень благосклонно, приступил тотчас к переговорам с ним о промене деревень, и тотчас у нас с ним и началось сие важное дело, продолжавшееся более трех недель и кончившееся уже пред самым моим из Москвы отъездом. Несколько раз принужден я был переезжать то от князя к нему, и говорить с ним и г. *Веницеевым*, бывшим тогда еще секретарем у него и всеми его делами управлявшим и со мною при сем случае в первой еще раз вскользь познакомившимся, и от наместника к князю с предложениями разными; а чрез несколько дней, чрез посредство мое, имели они и личное друг с другом свидание и изустные переговоры. Наместник, каков ни был пышен и в тогдашнее уже время, однако облегчился и приезжал для конференции сей сам к старику моему князю, при котором случае имел я особенное удовольствие видеть обоих их, меня друг другу рекомендующих и взаимно превозносящих меня похвалами, что все еще более увеличило в наместнике доброе обо мне мнение и доставило мне множайшую ко мне благосклонность, и которая мне со временем очень пригодилась кстати, как о том в свое время упомянется.

Между тем как продолжалось у нас с ним сие дело, имел я довольно досужного времени к свиданию и со всеми моими бывшими тогда в Москве друзьями, родственниками и знакомцами, и разъезжать к ним когда один, когда с своею женою. Домы господ *Офросимова, Павлова, Хитрова*, госпо-

жи *Арсеньевой* и некоторых других были не один раз нами посещаемы, везде принимали нас с удовольствием и угощали всячески. Кроме того, при случае бывания у наместника спознакомился я вновь со многими нашими тульскими дворянами, как -то: с гг. *Игнатьевым, Сокоревым, Хомяковым* и некоторыми другими, и с некоторыми из них основать дружество. Племянницы мои, имевшия также многих у себя знакомых, познакомили и нас с ними, из которых в особливости значителен был дом господ *Калычовых*. И как у всех их бывали мы нередко, а временем приезжали и они к нам; из публичных же увеселений, как то: театров и маскарадов, не пропускали мы почти ни одного, а особливо в продолжение Масленицы, то могу сказать, что, находясь почти в вихре разъездов и посещений, и не видали, как прошло трехнедельное наше в сей раз пребывание в Москве, и время сие было для нас очень весело и приятно.

Но ни с кем свидания мои не были так часты и интересны, как с господами *Салтыковыми*, жившими тогда с княгинею своею, *Белосельскою*, в большом ее и огромном каменном доме. Не один, а много раз бывал я у них и провождал по нескольку часов времени в приятных с ними разговорах, а особливо с другом моим, *Александром Михайловичем*, в дружеских и ученых собеседованиях. Сей человек, питая в сердце своем непременно и до самой даже рановременной кончины своей нелицемерное и истинное ко мне дружество, подарил меня тогда, между прочим, для частейшего напоминания о себе, хотя сущею безделкою и особого устроения жестяною лаковою чернильницею, но которая так мне была мила, что я во всю последующую жизнь мою обмочал перо мое в ней и которая и поныне еще, хотя уже изветшалая, но стоит передо мною на моем пульпете и мне ежедневно сего милаго и любезнаго человека и его ко мне дружбу напоминает, хотя в тридцатилетний период времени и гораздо уже состарелась.

Кроме сего, достопамятно было мне, что при сих моих с господами Салтыковыми (свиданиях) вздумалось было им из любви своей ко мне предлагать мне о перемене своего места и о принятии над деревнями княгини Белосельской управительской должности с большим жалованьем. Но я не дал им о том более одного раза и заикнуться, ибо тогдашним местом своим и всеми обстоятельствами своими был я так доволен, что было бы самою глупостию, если б восхотел я о самопроизвольном оставлении оного и подумать, умалчивая о том, что предлагаемое управительство казалось и слишком для меня унизительно и безчестно.

Кроме сего, и то в особливости достопамятно, что я в бытность мою в сей раз в Москве положил почти ненарочным образом первое основание тому великому зданию, которое, против всякаго чаяния, в последующие за сим годы воздвигнулось, сделалось славно и для меня по многим отношениям выгодно и полезно. Я говорю о своем экономическом журнале, издаваемом после мною под именем «Экономическаго магазина». Но тогда не имел я об нем еще и помышления, а то, что называю я первым основанием ему, состояло в предпринятом тогда намерении издавать первый мой и ничего еще почти не значащий журнал под именем «Сельскаго жителя», подавший потом повод к происшествию на свет и «Экономическаго магазина»[1]. И вот что меня к тому наиболее поострило и первой подало повод к отважному приступлению к сему необыкновенному до того и сумнительному делу.

Побудило меня к тому наиболее неутешимое желание, гнездящееся давно в моем сердце, к сообщению другим и всем моим соотечественникам всего того, что мне случилось как из собственной опытности своей, так и из иностранных экономических книг узнать нужнаго, замечания достойнаго и такого, что могло бы многим послужить и обратиться в пользу. До сего времени сообщал я все таковыя вещи Экономическому нашему обществу, для напечатания в «Трудах» их, но как тем желание мое далеко не могло удовлетворяться, поелику не было никакой удобности или паче возможности и способа к сообщению им всего великаго множества известных мне вещей, ибо не только надобно было их туда посылать по почте и платить за то много денег и потом весьма долгое время дожидаться

[1] В это время Болотов приступил к изданию своих сочинений, как оригинальных, так и переводных. Так как Вольное Экономическое Общество не могло поместить в «Трудах» всех сочинений Болотова, то он стал издавать свой сельскохозяйственный еженедельный журнал «Сельской житель. Экономическое в пользу сельских жителей служащее издание», который издавался в 1778 и 1779 годах. В 1780 году Н.И.Новиков, издававший тогда «Московские ведомости», предложил Болотову для каждого номера газеты составлять по одному печатному листу под названием «Экономический магазин». Болотов с удовольствием принял это предложение и сотрудничал с «Московскими ведомостями» в течение 10 лет, с 1780 по 1790 год, опубликовав там около 4000 статей. Единственным постоянным помощником Болотова был его сын, который занимался переписыванием набело. Из десятилетнего издания «Экономический магазин» составилась целая энциклопедия в 40 томов. В заглавии этого сочинения говорилось, что оно есть «собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до всяких нужных и неизбежных городским и деревенским жителям вещей».

напечатания оных, но всех их по множеству оных и поместить в «Труды» Общества никакой не было удобности; а сверх того, по малому раскупанию сих книг, не могли сведения о том доходить до рук многих, следовательно, в сем отношении и труды бы мои терялись почти по-пустому, умалчивая уже о том, что за труды и усердие свое к Обществу, кроме немногих, ничего не значащих медалей, ничем существительным награжден не был; то будучи всем тем весьма недовольным, давно уже помышлял я о том, нельзя ли найтить иной какой и удобнейший путь к обнародованию всех узнанных и замеченных мною вещиц и к сделанию их всей публике известными. Мысли о сем имел я разныя. Сперва думал, нельзя ли, собрав их вместе и, составив из них книгу, издать их под своим именем. Но как находился я тогда в связи с Экономическим обществом, то казалось мне, что сие будет оному очень неприятно и подаст повод к неудовольствию на меня. А сверх того, и печатание книг сопряжено было тогда со многими затруднениями и неспособностями, как то мне издание «Детской моей философии»[1] довольно доказало. И как посему сей путь казался мне неудобным, то кружилась давно уже в голове моей мысль, нельзя ли издавать их образом бы еженедельнаго журнала, расположеннаго точно таким образом, каким располагаются и издаются разные моральные и нравоучительные журналы в землях чуждых. Но как дело сие было бы в сем случае новое и до того совсем не только у нас, но и в других землях необыкновенное, то есть чтоб издавать журнал экономический, не могущий быть далеко столь любопытным и заманчивым, как иные журналы, то при мыслях о сем всегда встречался со мною вопрос: достаточно ли будет моих сил и знаний к тому, чтоб сделать его столь заманчивым и любопытным, чтоб мог он понравиться странной нашей и малограмотной еще публике и приобресть от ней благоволение. И как я не смел почти надеяться в сем случае сам на себя, то сие всегда останавливало меня и подавляло во мне мысль сию. А поелику требовалась к тому великая отвага, то исчезла и вся к тому охота.

Но в сей раз, при неоднократных свиданиях с знакомцем моим *Ридигером*, сделавшимся уже из переплетчиков университетским книгопродавцом, каким-то образом дошел у нас с ним однажды разговор о сем

[1] «Детская философия, или Нравоучительныя разговоры между одною госпожою и ея детьми» (Москва, 1776 – 1779 гг.) – одно из первых напечатанных произведений Болотова.

предмете. Предприимчивый немец сей не успел услышать и узнать расположение моих о том мыслей, как ухватился наижарчайшим образом за меня и не только стал одобрять мою затею, но и возможнейшим образом меня ободрять и побуждать пуститься на сие отважное дело и, нимало не медля, приступить к произведению онаго в действо. А чтоб удобнее меня к тому преклонить, то предлагал мне собственное к тому свое вспоможение и услуги. Он брался не только печатать журнал сей на своем иждивении и коште, но принять на себя и все хлопоты, с печатанием и издаванием его сопряженныя, а мне предоставлять только труды, к сочинению материи потребной, и пересылать к нему оныя в надлежащее время; а дабы мне трудиться над ним не попусту, а получать и самому от издания сего пользу, то предлагал мне за годичный труд 200 рублей награды.

Признаюсь, что всем сим, а особливо безсомненною надеждою, что дело сие пойдет хорошо и журнал таковой, по полезности своей, публике полюбится, умел он так хорошо меня убаить, что я поколебался в своих сумнительствах и решился, наконец, приступить к сему делу. И тогда тотчас начались у нас с ним совещания о том, в каком бы виде и форме оный издавать и когда бы учинить тому начало. Как с начала текущаго года было уже не можно, ибо начался уже тогда февраль месяц, то сперва отлагал было я дело сие до наступления последующаго 1779 года, но немцу моему хотелось неотменно, чтоб приступить к тому в скорейшем времени и тотчас по возвращении моем в Богородицк. «Что в том нужды, – говорил он, – что начнется издание не с генваря? Можно ему начаться и с марта или с апреля и продолжаться опять до того ж месяца. Примеры таковые бывали. А чем скорее, тем лучше».

Сим убедил он меня и на сие его желание согласиться, и я истребовал себе только весь март месяц на нужное приготовление материи на первые листы журнала. Итак, положили мы, чтоб начать издавать его с наступлением апреля месяца. Что касается до образа и формы самого издания, то согласились и положили мы: 1) чтоб издавать его в большую октаву[1] и по одному только листу в неделю; 2) чтоб издавать его под названием «Сельскаго жителя»; 3) чтоб наирачительнейшим образом скрывать мое имя, и ему обо мне ни под каким видом, впредь до позволения моего, не сказывать; ибо мне хотелось неотменно, чтоб никто не знал, кем журнал

[1] Октава – здесь восьмая часть листа.

сей будет издаваться; 4) чтоб в объявлении об оном пригласить всех желающих о вступлении со мною в переписку, и чтоб письма ко мне подписываемы были как кому угодно, прямыми ли именами или выдуманными и не настоящими, и отдаваемы бы были ему, *Ридигеру*, а присылаемыя из других мест по почте надписывали просто: «Сельскому жителю»; наконец, 5) чтоб цену положить на все годичное издание колико можно умереннейшую и не более 3 руб. 50 копеек, а с пересылкою в другие места, по почте, 4 рубля.

Условившись обо всем и ударив с ним по рукам, приступил я тотчас к сочинению объявления о сем будущем издавании моего «Сельскаго жителя», и тогда употребив к тому один вечер, написав ему оное для напечатания, в свое время вручил. В сем объявлении, объявив публике в подробности о своем намерении, пригласил я всех желающих ко вступлению со мною в действительную переписку и обещал на все их письма и вопрошания в журнале своем ответствовать, – и всем тем положил отважно сему делу первое основание.

Наконец, препроводив всю Масленицу в безпрерывных разъездах и очень весело и заговевшись, распрощались мы с племянницами и со всеми нашими друзьями и знакомцами и, получив от князя нужныя повеления, отправились мы из Москвы уже 20-го февраля, и имев чрез Оку-реку, по случаю бывшей оттепели, весьма опасную переправу, и заехав опять на часок в свою деревню, проехали мы из ней в Калединку для свидания с теткою, и ночевав у ней, пустились в свой путь далее, и 24-го числа возвратились благополучно в Богородицк.

Тут нашел я уже всех судей наших, съехавшихся со всеми их семействами и расположившихся уже на настоящих квартирах; и как сей случай есть наиудобнейший к подробному пересказанию об них и о их характерах, то и учиню сие единожды навсегда.

Первую и наиглавнейшую особу представлял собою наш городничий. Я упоминал уже, что был он господин *Сухотин* и что звали его Антоном Никитичем. Семейство его состояло из жены и трех детей, двух сыновей и дочери; старшаго сына звали Петром, дочь *Катериною*, а младшаго сына *Андреем*. Сам г. Сухотин был человек добрый, шутливый, неглупый, но до безконечности в делах своих аккуратной, или паче, мнительной и медлительной. Характер его в сем отношении был даже смешон и нередко заставлял нас дивиться и хохотать. Что касается до жены его, то была

она боярыня неглупая, но особаго характера и не без недостатков. Наиглавнейший из сих состоял в излишнем иногда, хотя и сокровенном употреблении вина, отчего нередко разлаживала она и с мужем, да и прочим было трудненько с нею всегда ладить. Словом, муж ея был несравненно добродушнее, простее, чистосердечнее и дружелюбнее, нежели она. Особливаго замечания достойно, что была она из фамилии *Кушелевых*, и самая та, которую за многие годы до того сватал за меня сосед мой, господин *Ладыженской*, и которую приезжал я с ним, будучи в Москве, смотреть в дом к ее больному отцу, и она мне так не полюбилась, что я в тот же миг от сего сватовства отрекся, и узнав ее в Богородицке короче, благодарил судьбу, что она меня тогда от сей невесты избавила. Что касается до их детей, то старшия были очень хорошаго характера и воспитаны довольно хорошо, а маленькой и любимейший сын был еще почти ребенком. Со всем сим семейством, каково оно ни было, жили мы во все время хотя не в самой тесной дружбе, но в довольном согласии и никогда не доходило у нас с ними до размолвки, но как жили, так и разстались потом добрыми приятелями.

Засим, знаменитейшим, лучшим и степеннейшим можно было почесть нашего уезднаго судью Алексея Андреяновича *Албычева*. Он был один из довольно зажиточных богородицких дворян, имел настоящий свой дом неподалеку от *Корник* и верст более 30-ти от Богородицка. Был он хотя вдов, но жили при нем две его родныя сестры, бывшия тогда обе еще девушками, из которых старшая, *Марья*, была уже довольно пожилая, а другая, *Татьяна*, не вышедшая еще из невест. Кроме их, имел он еще четырех сыновей, из которых только двое, *Александр* и *Василий*, были уже изрядные мальчики, а *Николай* и *Сергей* еще небольшие. Все сие семейство состояло из людей хороших, кротких, добронравных и любезных характеров; с ними жили мы как бы ближние родные, и мы ласкою их и дружеством к себе были чрезвычайно довольны, а особливо я самым главным из их семейства. Он был отменно хорошаго характера и весьма добраго сердца и расположения. Я любил и почитал его искренно и пользовался и от него взаимною любовию и почтением к себе. Что касается до сестер его, то были они барыни более простодушныя, деревенския, нежели светския, и обходились с нами откровенно и дружески. Словом, сей дом был для нас в особливости любезным.

Засим следовал сосед его, живущий с ним в одной деревне и сотоварищ в суде, уезднаго суда старший заседатель, Андрей Сергеевич *Арсеньев*, человек совсем уже отменнаго характера от господина Албычева, и более лукавой, своенравной и высокомерной, нежели простодушной. Он вел себя уже не так просто, был с душком и в особливости строг к своим людям, и имел также не малое семейство. Оное состояло: из его жены, *Настасьи Ивановны*, боярыни полусветской, изряднаго и тихаго характера; падчерицы, Прасковьи Львовны *Писаревой*, девушки уже взрослой, умной, светской и довольно изрядной; в двух сыновьях, *Василье* и *Александре*, мальчиках довольно взрослых, дочери, *Марьи*, которая всех их была меньше. Семейство сие каково ни было, но нам удалось как-то подладить и им всем и заставить себя любить и почитать и уважать, почему и они с нами, хотя не так искренно, как Албычевы, но обходились дружелюбно и ласково, так что у нас и с ними не доходило никогда не только до ссоры, но и до размолвки малейшей, и мы были обращением и их с нами довольны.

Четвертой дом был господина *Шушерина*, Сергея Ильича, бывшаго вторым заседателем уезднаго суда. О сем молодом человеке я уже имел случай упоминать прежде, что он был отменно добраго, простодушнаго, дружелюбнаго и ласковаго характера. Мы во все время пребывания моего в Богородицке жили с ним как близкие родственники и истинные друзья между собою. Он любил и почитал меня, а я не менее любил и его искренно, и был ласкою и дружеством его к себе весьма доволен. Что касается до семейства его, то было оно всех прочих меньше и состояло только в его жене, *Матрене Васильевне* и маленькой еще дочери *Анне*, ибо тогда не имел он еще толь многих детей, как ныне; и как жена его была барынька не модная, а простодушная, то и с нею можно было нашим ладить.

Все сии три последния фамилии расположились жить во флигеле замка и в самом близком друг от друга соседстве. Одни стены и особыя крыльцы разделяли их покои, а кухня у всех была одна. Словом, они жили тут, как в разных каютах на одном корабле, но, несмотря на то, жили между собою в довольном согласии.

Пятой дом был жившаго тут же во флигеле казначея *Плотникова*, имевшаго также жену и небольшого сына; но как сей недолго у нас в Богородицке пробыл, то об нем скажу только то, что и он во все время пребывания своего тут жил с нами в дружбе и согласии и был человечек довольно изрядной.

Шестой дом был заседателя нижняго земского суда, Николая Сергеевича *Арсеньева*, того самого, о котором я уже упоминал прежде и которой, не знаю, не ведаю, почему приплелся к нам в родню и называл меня всегда «дядюшкою». Семейство его было также небольшое и состояло только в жене и маленькой дочери. Первую звали *Екатериною Сергеевною*, а вторую – *Варварою*. Все сии и обходились с нами как родные, и были нами любимы за их к себе ласку и дружество. Сам он был человек тихой, добродушной, добраго и совсем отменнаго характера от его старшаго брата, Андрея Сергеевича; и как жена его была также барыня добрая, ласковая и не из самых модных, а более деревенская и к нам отменно приверженная и ласковая, то и с ними жили мы во всегдашней дружбе и согласии. Сим для жительства опростал я одну из связей солдатских, стоявшую впусте на выезде из села нашего, за речкою Язовкою.

Сии были знаменитейшие домы и все те люди, с которыми довелось нам тогда жить в самом близком соседстве и иметь почти ежедневно обхождение; ибо прочие, как-то: наш исправник *Пушкин*, Петр Семенович, и заседатель его, *Басов*, также стряпчий *Хомяков*, не живали никогда в городе постоянно, а были либо в безпрерывных разъездах, либо проживали свое время в деревнях, своих, и потому сии почти и не принадлежали к нашему кругу знакомства и обществу, и мы с ними жили хотя также в согласии и приязни, но видались редко и тогда только, когда случалось им приезжать в город.

Спознакомив вас со всеми ими, скажу теперь, что по возвращении нашем из Москвы и мы первым почли долгом побывать у всех наших судей и с семействами их познакомиться и с ними обласкаться. И тогда тотчас начала у нас связываться со всеми имя дружба и начались частыя свидания и посещения друг друга, при которых случаях достопамятен был учиненной между всеми нами предварительный заговор. Однажды, как случилось им всем быть у меня в собрании и я любовался всеобщим между всеми ими, несмотря на всю разность нравов и характеров, согласием и единодушием, то сказал им: «Как бы славно и хорошо было, государи мои, когда бы мы и впредь всегда жили все между собою так ладно и согласно, и обходились так дружески, чистосердечно и просто, как теперь! Какая бы завистная и славная была тогда наша жизнь и какую бы мы чрез то честь себе сделали!» – «Так! Так! Так!» – воскликнули все. «И за чем же дело стало? – подхватил господин *Албычев*. – Я, с моей стороны, готов и не

сомневаюсь нимало и о других в том же». И как подтвердили слова его и все, то сказал я им: «Когда так, государи мои, то сем сделаем между собою общий и формальный уговор, чтоб жить нам всем между собою согласно, и как друзьям, не заводить никаких между собою ссор, склок и вражды. А как в таковом большом семействе всего легче, по пословице говоря, и горшок с горшком столкнуться может, то сем положим непременным себе правилом, чтоб в случае каких-нибудь друг на друга неудовольствиев отнюдь не скрывать их до внутренности сердец наших, а тотчас и при всех друг с другом объясняться и предавать то всему нашему обществу на дружеское разбирательство». – «Прекрасно! Прекрасно! – закричали все. – Все, все мы на то согласны». – «А когда так, – подхватил я, – то сем в подтверждение того ударим друг другу по рукам». – «Давай, давай!» – воскликнули все и тотчас тогда началось хлопотанье, и все не только охотно давали друг другу руки, но даже в знак дружества перецеловались.

Меня так сия сцена растрогала, что я от удовольствия сердечнаго утирал даже навернувшияся на глазах слезы, а то же самое приметно было и на других многих. И что же? Шутка сия обратилась и в действительное дело, и господствовавшее в последующее время между всеми нами ненарушимое согласие сделалось даже так славно и помогло нам вести столь приятную жизнь, что нам даже завидовали и везде превозносили нас похвалами.

Теперь, возвращаясь к порядку моей истории, скажу, что не успели мы с дороги несколько отдохнуть, как посещены были несколькими домашними прискорбиями и огорчениями. Первое было то, что лишились мы меньшой своей дочери, *Александры* умершей на четвертой день после нашего приезда. Мы нашли ее и при самом уже оном истаевающую от сухотки, и она, будучи еще самым младенцем, преселилась тогда в вечность. Происшествие сие было натурально для всего семейства моего несколько огорчительно; но другое, случившееся почти в самое то же время, было для меня гораздо чувствительнее.

Принесли ко мне однажды с почты письмо из Петербурга, надписанное на имя госпожи *Верещагиной* для пересылки онаго в Бобрики. По руке в подписи узнал я тотчас, что было оно от бобриковскаго управителя господина *Верещагина*, находившагося тогда, как я уже упоминал прежде, с меньшим княжим сыном в Петербурге. Но что ж? Печати у сего письма случилось как-то на почте повредиться так, что было оно совсем почти

распечатано. Увидев сие, не мог я преодолеть стремления любопытства своего, чтоб, развернув, не взглянуть на содержание его, и более для того, чтоб узнать, не пишет ли он к родным своим о каких-нибудь петербургских новостях. Но вообразите себе, каково было мое удивление, когда нашел я в нем упоминание действительно об одной новости, и новости важной и такой, о которой я всего меньше помышлял, а что того поразительнее было, относящемся до самого меня, собственно! Господин Верещагин уведомлял в оном своих родных, что находится он благополучно, что дела его идут хорошо, что князь имеет в своих предприятиях успех, что с волостным нашим правлением произойдет, может быть, скоро перемена, что молодой князь отменно его любит, и что удалось ему подбиться к нему в милость и доверенность, и что надеется он, что вскоре нижняя спица в колеснице перевернется и будет наверху. Сие было хотя и загадкою, но как по прочему содержанию сего письма и отзыву его об нашем доме и обо мне не трудно было догадаться, что относилось то собственно до меня и что он ласкает себя надеждою быть на моем месте, то нельзя изобразить, как сильно поразился я такою неожидаемостию, как вознегодовал мой дух на его неблагодарность, коварство и злоумышленность и как благодарил я судьбу, доставившую мне сие письмо в руки и открывшую мне чрез оное не только предстоящую мне некоторую опасность, но и все коварное и дурное сердце сего мною одолженнаго подкомандующаго моего, и побудившее чрез то быть впредь о сем человеке других мыслей и брать от него все возможныя предосторожности. Письмо сие хранится и поныне у меня, ибо я не разсудил за благо отправить его по надписи в Бобрики, дабы не узнали родные его или не могли подумать, что оно мною читано и все их интриги и злоумышления обнаружились и сделались мне известными.

Признаюсь, что сей случай нарочито порастревожил и смутил весь мой дух. Чувствительна мне была крайне неблагодарность сего человека и такое возмездие за все оказыванныя к нему и ко всему его семейству от меня ласки, дружелюбие и самыя одолжения, и я не мог надивиться тому, как может человек быть так хитр и лукав и так искусно притворяться и дружескою личиною прикрывать злое и коварное свое сердце; ибо надобно сказать, что он, по наружному своему обращению со мною, казался быть сущим ангелом и приверженным ко мне нелицемерным дружеством.

Но как бы то ни было, но я сокрыл сие открытие в глубине моего сердца и недолго дал ему себя тревожить и смущать. Мысль, что ничего без воли и попущения Божескаго произойтить не может и что, по пословице говоря, ежели «Бог не выдаст, так свинья не съест», скоро меня успокоила; к тому ж, и надежда на старика князя и на его ко мне благорасположение меня много подкрепляла.

Итак, успокоившись мыслями и распорядив все нужныя дела по должности, не стал я ни минуты медлить, но приступил к сочинению и заготовлению первых листов своего будущаго журнала. И как дело сие было для меня совсем новое и, по пословице говоря, «первую песенку не инако можно было, как зардевшись, спеть», то признаюсь, что было при том мне не без хлопот и не без затруднения. Я долго не соглашался сам с собою, как бы мне сделать приступ лучше, также о чем писать прежде и как расположить сие издание. И как главная его цель была пробудить читателей к действительной со мною переписке, то употребил я первый лист на предварительныя объяснения. Во втором же листе и последующих поместил я несколько выдуманных и будто бы полученных мною писем, дабы тем самым и побудить прочих, и предложил разнаго рода образцы писем. Сею позволительною уловкою надеялся я, по примеру иностранных журналов, придать и своему более и живности, и занимательности. Но признаюсь, что мне не столько самое сочинение, сколько то было затруднительно, что я принужден был сам и сочинять, и набело переписывать, и, переписывая, все располагать с наиточнейшим измерением материи так, чтоб оная из одного листа на другой не переходила, но точно помещалась в листе и не было бы ни лишка, ни недостатка. Все это составляло для меня великую коммиссию. Но как бы то ни было, но я, при всех моих по другим делам недосугах и при всех отрывках от дела, для делания посещений новых наших друзей и угащивания их у себя, а сверх того, несмотря на самые разъезды в разныя деревни по гостям к прежним своим знакомым, успел к 6-му числу марта приготовить материи на целых восемь первых листов и оную помянутаго числа по почте в Москву к г. *Ридигеру* отправить.

Не успел я сие бремя свалить с своих плеч, как на другой же день после сего повстречалось со мною другое, которым должен был я также обременять себя, и на долгое время. Является ко мне вдруг один француз, отправляющий ремесло учительское, и предлагает вопрос, не дозволю ли

я ему учредить в нашем городе пансион для обучения благородных детей французскому и немецкому языкам и другим наукам, обучаемым в пансионах, как то: истории, географии, математике и так далее? Предложение сие неожидаемостью своею меня удивило и обрадовало. Мне тотчас кинулось в голову, что сие было бы не безполезно не только для детей всех наших судей, которых было у них довольно, но и для собственнаго моего сына, приходившаго уже в такой возраст, что ему нужно было всем оным наукам, а особливо по понятливости его учиться. «Уже не самый ли Промысл Господень, – думал я сам в себе, – печется об нем, и к нам сего толь нужнаго всем нам и такого человека прислал, какого бы нам иском искать и не скоро бы отыскать можно было?»

Итак, я говорить и разговаривать с господином *Дюблюе*, ибо так он прозывался, – и разсматривать из разговоров о разных материях все его знания и способности; и чем более я его познавал, тем более увеличивалось удовольствие мое по причине, что находил в нем все нужныя к обучению детей способности. Пуще всего нравилось мне то, что он не только помянутыми обоими языками говорил правильно и очень хорошо, но и нашим русским языком говорил почти как русский и мог даже писать на нем изрядно. Сие достоинство в учителе почитал я наинужнейшим и вожделеннейшим, ибо для меня казалось всегда то весьма неудобным, когда учитель не умеет по-русски ни одного слова, и я не понимал, как могут такие господа учить детей иностранным языкам правильно, скоро и хорошо, будучи не в состоянии толковать им все нужное на их природном языке. Кроме того, было мне и то приятно, что одарен он был и разными другими сведениями, был человек тихаго, веселаго и дружелюбнаго характера, и притом еще во всем любопытный и умеющий даже играть на скрипке; а что всего лучше, был человек не молодой, а совершенных лет, и имел у себя жену, природную датчанку, и хотел тут жить вместе с нею, следовательно, мог принимать к себе посторонних и таких учеников, которые могли бы у него жить на его содержании. Словом, все обстоятельства были таковы, каких мне желать лучше было не можно, а потому, прилепившись к его предложениям и не сомневаясь, что и господам судьям нашим будет то угодно, стал я с ним говорить, каким бы удобнейшим образом учредить нам сей пансион и каким бы быть с его стороны условиям, и о прочем, тому подобном. И как, по счастию, случилась у меня еще одна деревян-

ная связь[1], стоящая тогда праздно и столь просторная, что мне с великою удобностью было поместить его в ней и со всеми его будущими учениками, и спокойная квартира сия могла быть у него не наемная и ничего не стоющая, а об ней более был и вопрос, то мы сладили с ним во всем очень скоро, ибо он всем обещанным вспомоществованием моим в его предпринимаемом деле был весьма доволен.

Итак, отобрав от него все нужное, пригласил я тотчас к себе всех тех из господ судей, у которых были дети и кои давно желали и собирались отдать их куда-нибудь учиться, и предложил им свои мысли и намерения. Все они душою и сердцем были на то согласны и были тем чрезвычайно довольны; а как и им всем г. Дюблюе полюбился, то, не долго думая, на другой же день после того и заключили мы с ним порядочный письменный договор, условившись с ним о ценах и о прочем, что было нужно, и тотчас его отпустил назад в Тулу для забрания своей жены и имущества и немедленнаго к нам переезда.

Случилось сие 8-го числа марта, который день и сделался достопамятным основанием нашего богородицкого пансиона, в котором в последующее время толь многия дети учились и которой в особливости был полезен моему сыну и живущему тогда у меня дальнему родственнику тещи моей, г. *Сезеневу*, мальчику отменно понятному и способному к наукам. Я первой отдал их обоих в оной, и они оба положили в пансионе сем первое языкам и знаниям своим основание. А не успел он из них и из детей судейских составиться и восприять свое начало и действие, как отыскались тотчас и посторонние дворяне, восхотевшие отдать детей своих в пансион сей для обучения и для самаго жительства в оном. К таковым принадлежали дети г. барона *Соловьева*, г. *Шишкова*, г-жи *Бакуниной* и некоторых других. Словом, не успело пройтить несколько месяцев по открытии его, как он наполнился учениками и сделался почти славным и довольно хорошим. А что всего лучше, то приобрели мы в сем учителе новаго себе компаниона и в приятной и веселой нашей жизни – сотоварища и соучастника.

Но я заговорился уже и позабыл, что мне время письмо сие кончить и сказать вам, что я есмь ваш и проч.

(Ноября 16-го дня 1809 года).

Здесь: сруб, изба с надворными строениями под одной крышей.

ПРИЕЗДЫ КНЯЗЕЙ

Письмо 195-е

Любезный приятель!

Едва только прошло несколько дней после основания нашего пансиона и отдания наших детей для обучения в оной, как и получил я уже первое из Москвы известие о напечатанном и выданном в свет объявлении о будущем издавании моего еженедельника, или «Сельскаго жителя». Признаюсь, что при первом взоре на оной и читании онаго было сердце мое не на месте и я ощущал в себе нечто особливое и такое, чего никак изобразить не могу. Обстоятельство, что я сим листочком связался, так сказать, со всею нашею публикою и чрез оной восприял на себя бремя, совсем мне до того неизвестное, и о котором еще не знал, не слишком ли оно будет для меня тягостно, заставливало меня не одну минуту заниматься разными о том мыслями, и я не знал, радоваться ли мне тому, что исполнению давнишняго моего желания делалось начало, или жалеть о том, что вошел в сие дело, о котором нельзя было еще никак предвидеть, удовольствие ли оно мне или неудовольствие доставит.

Случилось сие 16-го марта, а чрез день после того, с обыкновенною воскресною почтою и в самой день именин жены моей, когда у меня все наши городские друзья и знакомцы, по приглашению моему, обедали, получил уже я, против всякаго чаяния моего и ожидания, первыя письма, присланныя ко мне действительно от некоторых не известных мне людей, по поводу изданнаго в свет объявления о моем журнале. Как сии письма вместе со всеми прочими, при издавании сего журнала мною получаемыми, у меня при случае бывшаго пожара сгорели, то мне очень жаль, что не могу ничего в точности теперь сказать о содержании оных. Многие годы, протекшие с того времени, изгладили из памяти моей все содержание оных, и я помню только то, что сии первыя были побудительныя и для меня не неприятны. Они доставлены были, по предписанию, в книжную лавку к г. *Ридигеру,* и от него ко мне пересланы, и в них похваляемо было мое предприятие, и я ободряем был в моем предпринимаемом подвиге. Об одном только и самом первом уведомлял меня Ридигер, что было оно от знакомца его и славнаго тогда замосковнаго эконома Евграфа Васильевича *Татищева*, и как содержание его было для меня лестное, то я радо-

вался, что ничего еще не сделав, а одним предприятием своим приобрел уже благоволение от такого ученаго и знаменитаго мужа. Итак, 18-е число марта ознаменовалось и сделалось достопамятным для меня началом той обширной корреспонденции, которая была хотя сначала и не весьма радостна и приятна, но впоследствии времени восстановилась у меня, со всем почти нашим отечеством, и не только была совсем особаго рода, но и обратилась и мне и многим другим в существительную пользу.

Легко можно заключить, что я письма сии получил хотя при всех моих гостях, но должен был от всех от них утаить не только содержание оных, но и то, от кого они получены. Обстоятельство, что я не хотел быть, как издатель будущаго журнала, никому известным, к тому меня приневоливало. Но, по счастию, никто узнать о том в особенности и не любопытствовал, и мы продолжали свои обыкновенныя при таких случаях увеселения.

Кроме сего дня бывали у меня нередко и в другие дни таковыя же в течение тогдашняго Великаго поста сборищи, и мы, несмотря на пост, провождали время свое весело, но не забывали и о прочих своих делах. Судьи занимались по судам своими должностьми, а я своими делами, относящимися не столько до правления волостьми, сколько до собственных моих литературных и других любопытных упражнений; и как за всем тем оставалось у меня еще много свободнаго времени, то восхотелось мне употребить кой-когда оное на пользу детей моих богородицких друзей и приятелей. Все они, как я уже упомянул, учились языкам в нашем пансионе, ходивши и ездивши в оный ежедневно, ибо был он от нас с полверсты расстоянием, на краю слободы городской; но как в послеобеденное время по середам и по субботам учения у них не было, то самое сие праздное время и хотелось мне обратить им в пользу и употребить на обучение их тому, чему они в пансионе не обучались и не могли быть обучаемы, а именно геометрии, физике и нравоучению, и тем и им произвести существительную пользу, и отцам их, с своей стороны, оказать дружескую и такую услугу, которою они натурально были бы весьма довольны. Итак, переговоривши о том с ними, приглашал я всех учащихся в пансионе детей в каждую середу и субботу после обеда к себе, сначала будто бы в гости, и угощая их кое-чем, мало-помалу стал приучать их сперва чертить геометрию, а потом, севши кругом большого стола, слушать, что я им читать и разсказывать стану. К таковому чтению избрал я опять мою «Детскую философию», которой сочинено было уже у меня много частей, и все дети чтение

и делаемыя мною всем толкования и объяснения так полюбили, что они всякой раз с превеликою охотою ко мне в помянутыя дни прихаживали и приезжали, и все послеобеденное время у меня в слушании и в разговорах со мною с особенным удовольствием провождали; причем достопамятно, что сын мой, каков ни мал еще был, но делал им в том компанию и, к крайнему моему удивлению и удовольствию, не только все понимал, что слышал, но несравненно с лучшим еще успехом, нежели другие, и так хорошо, что я не мог тому довольно нарадоваться. Словом, он все читаемое и разсказываемое мною слушал с таким особым вниманием, и в нежной его ум и память все так глубоко впечатлевалось, что ему по возрасте не было ни малой нужды учиться физике и нравоучению, но она ему, так сказать, сделалась уже от самаго младенчества известною.

Нельзя довольно изобразить, как сею моею услугою довольны были все отцы и матери детей сих и какою благодарностию за то почитали себя ко мне обязанными. Но мое собственное чувствуемое при том удовольствие дороже для меня было всех их искренних за то благодарений.

Между сими занятиями и не видали мы, как прошел и весь наш Великий пост и настала Страшная неделя. В сию, по обыкновению, мы говели, и как у нас в городе не было еще ни одной освященной церкви, то приобщались в церкви гошпитальной на островку. Заутреню же в день Пасхи служили уже в новопостроенной и хотя еще не совсем отделанной большой нашей соборной церкви, поелику один из приделов в ней был совсем почти готов к освящению, в котором и была у нас сия служба при стечении великаго множества народа.

Наконец настал апрель месяц и 7-е число онаго, в которое по порядку долженствовал в Москве увидеть свет первой листок моего «Сельскаго жителя». Дню сему случилось в сей год быть в самую Великую субботу, и г. *Ридигер* так усерден был к доставлению мне скорейшаго удовольствия оной видеть, что спроворил отправлением его ко мне по почте так, что я имел удовольствие получить и читать его в понедельник Святой недели. Случилось сие в самое то время, когда были у нас в доме с образами и в которой день приглашены были на обед к нам все остававшиеся в городе и не разъехавшиеся по деревням судьи наши.

Не могу никак изобразить того, с какими чувствиями и удовольствием читал я сей первой лист моего *еженедельника* и как много им любовался! Хотя и не имел он никаких дальних типографических украшений, но по

тогдашнему худому состоянию нашей университетской типографии напечатан был просто и самыми простыми литерами, но для меня, как сочинителя, казалось все хорошо и все ладно. Но смешно было, когда я читал его потом и вслух некоторым из судей наших, так, как бы новое и совсем мне незнакомое сочинение, и принужден был слушать о себе самом их мнения и суждения; но, по счастию, были они для меня непредосудительныя, и я радовался духом, что листок сей имел счастие им понравиться.

Препроводив всю Святую неделю довольно весело, с начавшеюся около сего времени весною принялся я за разныя свойственныя сему годовому времени надворныя работы и упражнения. И как, кроме маленького моего садика, никаких других еще не было, то копался я, как червь, в оном, садил и сеял в нем все нужное, а особливо привезенныя из Москвы семена разных иностранных трав для опыта. Потом принялся за лесок, находившийся у нас подле магазина и бывший до сего в крайнем небрежении. Сей, по недостатку садов, хотелось мне превратить в увеселительное гульбище, разрубив оной в прошпекты и многия прямыя и перекрестныя косыя аллеи, проводя оныя так, чтоб в конце оных открывалися вдали какие-нибудь знаменитые предметы, а особливо дворец с его башнею, также соборная наша церковь. Которой лесок, будучи наитщательнейшим образом с сего времени сохраняем в целости, в немногие годы и разросся так, что сделался прекрасным и таким гульбищем, в которое стоило возить гостей и проезжих, для показу и доставления им удовольствия.

Кроме сего, занимался я сию весну деланием разных опытов глиняным мазанкам по образцу и манеру иностранных, и сделанная мною одна таковая была так удачна, что простояла многие годы без дальняго повреждения и вытерпела даже однажды и пожар, но не могла от него разрушиться, и ее можно было тотчас опять исправить. Также делал я опыты и мазаночным глиняным оградам, но сии были неудачны. А и в самых комнатах, кроме обыкновенных моих литературных упражнений, нередко занимался я разными рукоделиями, красками и кое-каким пачканьем и мараньем, а особливо деланием фальшивых мраморов, которых образчики хранятся у меня и поныне.

В сих многоразличных занятиях, надворных и комнатных, прошел нечувствительно весь апрель месяц, а в начале мая ездили мы с женою за Тулу на свадьбу. Тетка ее, Матрена Васильевна *Арцыбашева*, выдавала около сего времени старшую свою дочь, *Прасковью Андреевну*, замуж за

старшого сына знакомца моего, генерала Ивана Алистарховича *Кислинскаго*, и нынешняго моего друга, *Василья Ивановича*. Поелику мы были ближние невесте родные, то необходимо надобно нам было быть на сей свадьбе, и мы не поленились приехать на оную, несмотря на всю отдаленность. Происходила она в жилище господина *Кислинскаго*, в сельце Федешове, а венчали в селе Архангельском; невесту же отпускали из дому тетки ее, *Крюковой*, в сельце Каменки. Все происходило при том хорошо и порядочно и не было ничего такого, чтоб можно было в особливости заметить, кроме того, что невеста с женихом были кумовья, крестившие за несколько до того лет одного ребенка, которое обстоятельство и сделало было сначала остановку и дело дошло до самого архиерея; но как от онаго дано дозволение, то сей случай и доказал, что кумовьям жениться всегда можно и что между ими нет ни малейшаго духовнаго родства, что и натурально, ибо при всяких крестинах бывает только одна действующая особа, либо кум, либо кума, а не оба кумовья.

Вскоре по возвращении с сей свадьбы имел я удовольствие видеть и угощать у себя в доме друга и благодетеля моего, Ивана Григорьевича *Полонскаго*, проезжавшего тогда чрез сей город за чем-то в степные пределы. О сем упоминаю я потому, что в сей раз было последнее его посещение меня в доме моем, ибо с сего времени до самой кончины его не случилось уже ему быть никогда у меня в гостях. Мы провели тогда целые сутки с сим любезным человеком в разных дружеских разговорах, и он поехал от меня, будучи угощением моим весьма доволен.

Другая достопамятность, случившаяся в течение сего месяца, была та, что у старшаго моего канцеляриста *Варсобина*, отправлявшаго секретарскую должность, и по волостям весьма важнаго человека, умерла жена странным случаем. Была она подвержена той слабости, что пивала часто, и как наконец тем и мужу и всем она наскучила, и терпела от всех за постыдной порок сей презрение, то догадало ее заставить полечить себя от сей мнимой болезни какого-то невежду мужика, и сей полечил ее так неискусно, что она от непомерной рвоты преселилась в вечность.

Между тем продолжалось мое дело по изданию «Сельскаго жителя», и я, по поводу онаго, не один, а несколько раз имел уже удовольствие получать от корреспондентов моих письма. Но удовольствие сие сопрягалось иногда и с чувствительною досадою и огорчением, ибо письма сии не все были равно для меня приятны и хороши, но отыскались в странной и уди-

вительной публике нашей и такие люди, которые восхотели данное мною дозволение всем писать ко мне, что кому угодно, употребить и во зло, и вместо благодарности за мои труды огорчать меня наиглупейшею своею критикою и самым иногда колким подниманием всего дела предприятия и сочинения моего на смех. Не могу изобразить, как сие было мне сначала чувствительно и досадно, и как много уменьшало то удовольствие, которое чувствовал я при получении писем от других, благонамеренных людей, преисполненных ко мне учтивостями и похвалами. Словом, скоро дошло до того, что я тысячу раз раскаявался, что вошел в сие дело и тужил о данном дозволении писать к себе всякому, и что каждую почту встречал не с таким удовольствием, как сначала, а уже со страхом и трепетом, чтоб не получить опять от кого-нибудь чего-либо колкаго и язвительнаго. А все сие и побудило меня при сочинении последующих листов брать уже более предосторожности и не все то говорить, что отроду помнил, а по строжайшему уже разбору и разсмотрению; а наконец, при окончании первой половины сего журнала, от досады наклеить и самим сим острецам и суесловам доброй нос за их глупость и неблагоразумие, и сказать, что я все такия письма впредь предавать буду презрению и ответствовать на одни только получаемыя от людей благонамеренных и не обращающих дела сего в шутку. Сим средством посократил я гораздо таковую их дерзость и имел удовольствие видеть, что корреспонденция моя час от часу делалась лучшею и для меня приятнейшею.

Впрочем, достопамятно, что в течение всего мая месяца старались мы с особым прилежанием о скорейшей отделке главнаго корпуса во дворце и о сделании его к житью способным, в чем и имели столь хороший успех, что мне можно было уже поместить в нем приезжавшаго к нам в первых числах июня опять губернатора нашего, г. *Муромцова*. В сей раз приезжал он наиболее для прожектирования плана будущему и настоящему уже городу Богородицку, которой предпринимали они составить из взятых от нас обеих слобод и обращенных из крестьян в мещане, и расположить уже весь оной за прудом, против самого дворца, и перевесть туда и все старинное малочисленное и ничего почти не значущее богородицкое купечество с тем намерением, чтоб все прежнее селение опросталось уже для волости и составляло бы впредь уже волостное село, против города лежащее.

Губернатор, будучи мне уже знаком, обошелся опять со мною не как с подчиненным, но как с добрым приятелем, и нашед все в судах в наи-

лучшем порядке, был очень доволен. Мы старались опять угостить его всячески. Но обеденным столом трактовал его уже не я, а судья наш, г. *Албычев*, а у меня он со всеми судьями ужинал. Когда же дело дошло до прожектирования плана городу, то хотя был он и сам хорошим геометром и инженером, но, усевшись на другой день во дворце за стол и посадя подле себя меня, сказал мне: «Сем-ка, братец, Андрей Тимофеевич, сообща потрудимся и подумаем о том, как бы нам получше расположить будущий город». – «Очень хорошо», – сказал я и стал ему преподавать мысли, какия я давно уже имел по сему предмету. Мысли сии показались ему так хороши и так полюбились, что он ни с другого слова, схватя циркуль и карандаш и вручая мне, сказал: «Возьми-ка, друг сердечной, и садись-ка на моем месте; вижу я, что ты меня искуснее и более к таким делам имеешь и способности, и вкуса. Начеркай-ка план как тебе самому заблагоразсудится». Что мне было тогда делать! Принужден я был его желание исполнить и в несколько минут действительно начертил самой тот план, по которому сей город впоследствии времени построен, ибо прожект мой не только полюбился тогда губернатору, но расхвален и самим наместником, а потом был так счастлив, что удостоился апробован и утвержден быть и самою *императрицею*, без малейшей перемены, и она так им была довольна, что сравнивала его с сущим цветником и повелела точно таким образом город расположить и сохранить даже самыя прожектированныя мною названия главнейших его улиц, стекающихся со всех сторон ко дворцу за прудом, которой употребил я средоточием всему его расположению; и мысль моя, чтоб назвать их по именам здравствовавшей тогда императорской фамилии, и чтоб самую главную улицу назвать Екатерининскою, а прочия Павловскою, Мариинскою, Александровскою и Константиновскою – была ей в особливости угодна. Итак, что Богородицк построен и расположен таким образом, каков он ныне, тому случилось быть причиною мне собственно, и я первой подал к тому мысли и план сделал.

Случилось сие 13-го июня, а на другой день ездили мы с губернатором в Бобрики, а оттуда на *Иван-озеро*, которое место хотелось ему видеть; и сей случай спознакомил и сдружил меня с г. Муромцовым еще больше, и он разстался со мною как с хорошим уже приятелем.

Достальное время сего месяца проведено мною отчасти в прежних моих делах и упражнениях, отчасти в приуготовлениях к приезду к нам старика князя, моего командира, которой хотел к нам в сие лето и в пер-

вых числах июля приехать. К нам приезжали около сего времени наши молодые *Кислинские*, вместе с матерью жениховою, *Настасьею Гавриловною*, и пробыли у нас несколько времени. Пансион наш был в сие время во всем своем уже действии, и как между прочими хотелось отдать в него сына своего и одной епифанской помещице, госпоже *Бакуниной*, то сей случай спознакомил и сдружил нас и с сею почтенною и любезною дамою, которой приязнию и дружеством пользовались мы во все последующее потом время и которая и поныне еще к нам благоприятствует.

Впрочем, и в течение сего месяца продолжал я сочинять листы в мой «Сельской житель» и от времени до времени пересылать их по почте в Москву, а взаимно оттуда получать печатные; и по отношению их достопамятно, что они около сего времени приобрели мне в Москве еще одного доброго и такого корреспондента, которой отменно мне благоприятствовал, меня полюбил и даже сделался потом моим добрым знакомцем и приятелем. Был то некто из пожилых людей, называющийся Алексеем Алексеевичем *Владыкиным* и писавший ко мне сперва под именем *Чистосердцова*, а потом объявивший мне и настоящее свое и детей своих имя. Сей человек с особливою ревностию за меня вступался и, одобряя от всей души и сердца все мое предприятие, не только сообщал мне многия известныя ему и нужныя в домоводстве вещицы, но и других поощрял к тому же, а особливо обоих своих сыновей, находившихся при должностях в отдаленных низовских провинциях и снабжавших меня многими полезными уведомлениями. Кроме сих, получал я письма и от других живущих в разных и самых отдаленнейших наших губерниях и имел удовольствие видеть, что число благонамеренных корреспондентов час от часу умножалось; и как все они писали дело, а не безделье и отзывались о деле моем с должною похвалою, то одобрение их в состоянии было поддерживать меня в моих трудах и уменьшать досаду, чувствуемую от глупцов, мешающих сему делу своими умствованиями.

Наконец настал у нас июль месяц и вместе с ним воспоследовало давно уже ожидаемое прибытие старика князя, командира моего, в волости. Он приехал, по обыкновению своему, сперва в Бобрики, куда тотчас прискакал и я к нему. Было сие 3-го числа сего месяца, и князь пробыл тут весь последующий день, употребив оной на осматривание всех работ, там производимых, и всего прочаго, а 5-го числа приехали мы с ним ко мне и в Богородицк. Тут угоднее ему было расположиться квартировать у меня

в доме, нежели во дворце, где и старался я угостить его как можно лучше. Но и у меня не пробыл он более одних суток, которыя употребили мы на осматривание всего и всего мною сделаннаго и производимаго, и князь был всеми деяниями, трудами и стараниями моими совершенно доволен. Я выводил и обвозил его по всем местам, и все, что я ему ни показывал, приобретало в полной мере его одобрение и побуждало его меня за все и за все благодарить и изъявлять мне свое удовольствие. С ним был в сей раз один из меньших его сыновей, князь *Петр Сергеевич*, бывший в Англии и там учившийся наукам. Сей, будучи любопытным и ко всяким художествам и рукомеслам склонным молодым человеком и нашед у меня много кой-чего для себя любопытнаго и занимательнаго, меня также полюбил и не мог со мною обо всем довольно наговориться. Словом, я был и в сей раз всем обращением со мною старика князя совершенно доволен. Но как у нас в самое сие время начиналась годовая ярмонка и все к утрему приготовлено было к освящению одного придела в новой нашей большой соборной церкви, то не хотел князь присутствием своим мешать нам заниматься ярмонкою и сим освящением, но поутру 7-го числа от нас уехал в чернскую свою деревню, село Сергиевское, пригласив меня, чтоб и я приехал к нему туда по окончании хлопот, с ярмонкою и с освящением сопряженных.

Ярмонка была у нас в сей год на прежнем месте и многолюдная. Было на ней множество и приезжих из господ окрест живущих дворян как для ней, так и для освящения придела, которое происходило с обыкновенными обрядами и производимо было присыланным из Коломны протопопом. И как мне надобно было как его, так и прочих, бывших на сем освящении, и своих городских и приезжих угостить обеденным столом, то был у меня в сей день пир и превеликое собрание. Освящение сие было еще первое, которое случилось мне производить в жизни и видеть, и потому было оно для нас очень любопытно. Мне удалось при сем случае познакомиться вновь с несколькими из соседственных дворян, и между прочим с господами *Марковыми* и его детьми.

Окончив сие хлопотливое дело, дождавшись совершеннаго окончания ярмонки, которую распоряжал уже наш городничий, и отправив повереннаго своего в шадскую свою деревню, по случаю начинающагося там опять межеванья, при котором хотя бы и весьма нужно было быть мне са-

мому, но по тогдашним обстоятельствам не можно было никак отлучиться, поехал 12-го числа и я к князю в славное его село Сергиевское.

Князь принял меня там не так, как подкомандующаго, а как гостя, очень ласково и благоприятно; и как ему давно хотелось показать мне свое Сергиевское и все тамошние свои сады и другия заведения, то не успел я приехать, как, ведая мою охоту до садов, и повел он меня в сад и стал показывать все и все. Тут нашли мы и любимаго его и всех прочих именитейшаго сына, князя *Сергея Сергеевича*, и сей гордым и высокомерным своим обращением со мною тотчас разрушил все удовольствие, чувствуемое мною от благоприятнаго приема от старика князя. Он не хотел со мною промолвить почти ни одного слова и казался негодующим даже на то, для чего и старик-отец его обходился со мною так милостиво, снисходительно и дружелюбно. Таковая отменная холодность его ко мне и даже совершенное неуважение, и равно как презрение меня, сделалось мне тотчас приметно и побудило тотчас заключать, что сему молодому князю кем-нибудь я оклеветан и что ему верно что-нибудь на меня насказано, и я наверное полагал, что бездельничество сие произведено не кем иным, как сотоварищем моим, бобриковским управителем г. *Верещагиным*. Попавшееся мне в руки письмо его тотчас пришло мне на память. Но как я ничего такого за собою не ведал, чем бы таким мог навлечь на себя хотя малейшее неудовольствие от молодого князя, то хотя было мне сие очень прискорбно, но я принужден был скрыть всю мою досаду во глубине моего сердца и казаться всего его крайне холоднаго и высокомернаго обращения со мною не примечающим. Но смущение мое увеличилось еще несравненно больше, как услышал я от секретаря княжова, что от государыни молодой князь придан отцу своему относительно до правления волостями в помощники и сотоварищи и что сделано сие якобы в уважение его старости и слабости.

Неожидаемость сия и уведомление об ней за секрет и удивило, и смутило меня еще более, и весь дух и сердце мое поразило равно как стрелою. Мысль, что и сей горделивец будет таким же моим командиром, как и старик князь, возмущала весь мой дух, ибо я по всему видимому не мог ожидать от него никакого себе добра и должен был готовиться только к неприятностям.

Итак, весь тот день и весь последующий проводил я, несмотря на все ласки старика князя, в превеликом смущении духа, и от бродящих в го-

лове разных мыслей равно, как на огне, пряжился и весьма рад был, что князь не стал меня держать у себя долее, но в следующий затем день отпустил меня обратно в Богородицк, сказав, что он вскоре вслед за мною опять к нам в Богородицк и вместе с князь Сергеем Сергеевичем приедет. Сие меня еще пуще встревожило и смутило. Однако как нечего было делать, то откланявшись, и пустился я в обратной путь и в тот же день в Богородицк возвратился.

Приездом своим оба князя и не замешкались действительно, и на другой же день приехал к нам и обоз их, а сами они заехали к приятелю молодого князя, г. *Стрекалову*, где и ночевали. Я приготовился было опять принимать у себя в доме и угощать князей по силе своей и возможности, но вдруг от приезжих с обозом услышал, что им велено стать и расположиться во дворце, и что хотя старику и хотелось опять стать у меня в доме, но молодому князю было то не угодно и он в том воспротивился и велел расположиться во дворце и стол людям свой готовить. Сие опять меня как обухом в голову ударило, и я тотчас сам в себе подумал: «Вот тебе на! И вот первая уже волвенка в кузов». Но как нечего было делать, то принужден был замолчать и дать им волю делать что хотят. Но всего прикрее и досаднее мне было то, что не хотели они ничего даже брать из дома моего к столу нужнаго и делали то по особенному приказанию от молодого князя. Чудно мне сие показалось, но я принужден был и в сем случае скрыть свою досаду.

Поутру на другой день приехали и князья. Я встретил их у крыльца, и старой князь обошелся со мною по-прежнему очень благосклонно, а молодой с таким же опять высокомерием, как и в Сергиевском. Все наши судьи вместе с городничим сделали им честь и пришли к ним тотчас на поклон. Но молодой князь принял и обошелся и с ними так сухо и с таким также высокомерием и холодностию, что те тотчас сие приметили, и не будучи его подкомандующими, самого его в сердцах своих презрели и тотчас, откланявшись, ушли и оставили сего горделивца с покоем с другом его, г. *Стрекаловым*, приехавшим с ними вместе, и коего я тогда в первой раз еще видел.

Стол был уже приготовлен, и как его накрыли, то хотя и приметил я, что поставлена была тарелка и на мой счет, но желая узнать, пригласят ли они меня, нарочно, перед самым тем временем как надлежало садиться, уклонился я в другия комнаты. Молодой князь и в сем случае был так

груб, что не хотел обо мне и вспомнить, но спасибо уже старик, тотчас приметив, что меня нет, сказал: «А где ж Андрей Тимофеевич? Зовите его сюда!» Итак, принужден я был, против хотения даже своего, сесть с ними за стол и у них обедать; но признаться надобно, что мне не шел почти ни один кусок в горло, так досадно было мне все поведение молодого надменнаго князя.

После обеда лег старик, по обыкновению своему, немного отдохнуть, а молодой князь занялся разговорами со Стрекаловым, а я, уклонившись от них, вступил с меньшим его братом в свои ученые и любопытные разговоры, и занялся тем во все то время, покуда старик спал; но как скоро он встал, то пошел он с молодым князем и со мною прохаживаться по берегу пруда перед дворцом. И тогда начался у него при мне первой разговор, относящийся до волостей, и я удивился, услышав, что молодой князь начал все критиковать и опорочивать и, между прочим, упоминать о таких вещах, о которых бы ему и знать никак было не можно, если б ему не было ни от кого предварительно о том пересказано. Сие подтвердило догадку мою относительно до Верещагина, и я тотчас заключил, что говорил он по его внушениям и клеветам. Самое первое, о чем он старику говорить стал, относилось до собираемых с наемников поземельных платимых ими денег пошлин. Во время правления моим предместником деньгами сими пользовался сам он и делился, может быть, с тогдашним помощником своим Верещагиным; а сей, заключая, может быть, что и я ими, по примеру их, пользуюсь, не преминул заметить о том князю. Но спасибо, он ужасно в том обманулся, ибо я и не помышлял никогда о том, чтоб ими пользоваться; и потому не успел молодой князь меня при старике спросить, какую мы с земель пошлину и на что собираем и куда сии деньги деваем, и спросил меня таким тоном, как бы в похищении их обвиняя, как я тотчас в ответ ему сказал, что установил это не я, а сделано было то до меня; что сбор сей почитаю я сам ненадобным и незаконным; что куда деньги сии до меня употреблялись – не знаю, а которые при мне собраны, те все целы, и что я до них не касался и хотел сам просить у князя повеления о том, куда он их деть и что с ними учинить прикажет.

Нечего было на сие сказать молодому князю. Он почти устыдился, что напрасно мечтал худо обо мне, и тотчас, прикрывая свой стыд, стал говорить старику, чтоб сии пошлины уничтожить и впредь не собирать, ссы-

лаясь и на мое о том согласное с ним мнение, на что старик и согласился; итак, дело сие кончено.

После того завел он речь о выставках и кабаках, которых так много в волостях, и о том, как мужики от них впрах пропиваются и разоряются. Я тотчас догадался, что, конечно, насказано ему и об них что-нибудь от Верещагина, которому известно было, что предместник мой за них получал от откупщика великую прибыль, и что, может быть, и с сей стороны оклеветал он меня князю, думая, что и я также ими пользуюсь; но, по счастию, как и о сем я всего меньше помышлял, то не трудно было мне и сию клевету и худое о себе мнение уничтожить. Я тотчас сказал ему, что выставки и кабаки сии введены не мною, а еще господином *Опухтиным*, что все они волостям вредны и мужики от них разоряются – это правда, но что я, при самом еще вступлении моем в должность, о том и об уничтожении оных его сиятельству князю Сергию Васильевичу докладывал, но его сиятельству угодно было приказать оставить их по-прежнему, а потому они и ныне хотя существуют, но я ими никак не пользуюсь, а желал давно и желаю и теперь, чтоб они истреблены были. «Так, князь Сергий, так! – подхватил на сие старой князь. – Он мне давно и не однажды говорил, но я не велел их трогать, и он этому нимало не причиною». Стыдно стало тогда молодому князю, что и в сем случае не удалось ему меня пред отцом очернить, и, не зная, чем уже прикрыть свой стыд, стал со мною равно как бы советовать о том, нельзя ль бы их теперь истребить и как бы это сделать? На сие сказал я ему, что я этого не знаю, а думаю только, что теперь не таково легко сие сделать можно, как прежде, потому что они сделались уже гласными и известны наместнику и вошли уже в опись и в сложность в казенной палате. Сие услышав, старой князь и равно как с некакою досадою сказал: «Пустое, брат, и это затевать и входить за сие в ссору с наместником. Дело однажды сделано, так тому и быть! Благо мужики не жалуются; итак, пускай себе ими довольствуются: пить им есть на что и денег у них много». Нечего было тогда и на сие сказать молодому князю, и он замолчал.

После сего, немного погодя, завел он речь об оброчных отдаточных землях и стал растверживать, как это худо, что они не только всегда по одной непременной и весьма низкой цене отдаются, но положено до тех пор ни у кого не отнимать, покуда кто сам не откажется. О сем не успел я услышать разговора у него с отцом, как тотчас заключив, что и тут скры-

валися плутни, клеветы и злые внушения Верещагина, которому известно было, что друг его, а мой предместник, получал за сие от наемщиков великие прибытки и что по всему видимому он и обо мне то же заключал, хотя я и от сего весьма удален был, тотчас вмешался в их разговор и стал то же сам говорить, что это не то-то, что хорошо, а несравненно было б лучше и прибыльнее, если б отдавать их с публичнаго торга. Сим не только я и в сем отношении уничтожил худое мнение о себе, но несколько и угодил молодому князю. Но старик не хотел никак приступать к предлагаемой перемене, а наотрез сказал, что это надобно оставить для переду, а теперь пускай остается и сие на прежнем основании и что ему не хочется огорчить наемщиков.

Нечего было и в сем случае молодому князю делать. Он принужден был замолчать. А таким же образом и все прочия его замашки и обиняки были вмиг мною разрушаемы и уничтожаемы, что мне, как во всем не винному, а правому человеку и нетрудно было делать. Но все сие мне нимало не помогло: молодой князь продолжал и после сего быть ко мне хладнокровным и, по пословице говоря, не смога в рога, вздумал уже все мои деяния и распоряжения порочить и говорить, что то нехорошо, другое дурно!.. Но сим он даже огорчал старика князя и до того довел, что он ему с некоторою досадою сказал: «Это тебе так кажется, а мне так не так, и для меня все это хорошо и все похвально». А сие и принудило молодого князя замолчать и только продолжать на меня дуться.

Наконец кончилось наше гулянье и сии важные, но крайне досадные для меня разговоры; а ввечеру, по возвращении во дворец, ничего уже тому подобного говорено не было; а старик князь продолжал по прежнему обыкновению со мною о разных предметах и с множайшею еще благосклонностию разговаривать, нежели прежде. А на другой после сего день и поехали мы все на одной линейке в Бобрики. Тут, проезжая Балаховский лес, который мною, как прежде упомянуто, был особым манером на множество просек и аллей разрублен и которой чрез то и чрез обрубление в нем крайних дерев отменно красив был, спросил князь умницу сына своего: «Ну, что, князь Сергий! И это скажешь ты что дурно?» Нечего было ему на сие уже отвечать, и он принужден был отцу сказать, что это хорошо, что похулить не можно и что я человек со вкусом. Вот одно только выгодное о себе словцо, которое я от него во всю сию его у нас бытность услышал; но за сие с лихвою отплатил он мне, находясь в Бобриках, чрез отменно

ласковое и дружелюбное обращение с Верещагиным. Тут казалось ему все хорошо и все приятно. И столом его, и угощением, и ласками семейства его был он доволен, и все превозносил похвалами, и Верещагин перед ним перевертывался сущим бесом. Все сие принужден я был видеть с крайнею и чувствительною досадою, но при всем том молчать и притворяться, будто ничего не вижу, и о всех бездельничествах Верещагина и злых его на меня ковах, как бы ничего не зная и не ведая.

В Бобриках молодой князь недолго пробыл, но в тот же еще день ускакал прочь, а старик остался ночевать и, препроводив весь вечер со мною в благосклонных разговорах, поехал от нас уже в следующее утро, и я расстался с ним с истинным сожалением, равно как предвидя, что этот раз был первый и последний, что он при мне приезжал в наши волости, ибо после сего не случилось ему уже их не однажды видеть.

Таким образом проводили мы своих князей, и как много я к старику ни был привержен искреннею любовью и почтением, и как сначала приезду его и был рад, но признаюсь, что обратный приезд его к нам с сыном был для меня уже так отяготителен, что с отъездом его с плеч моих как превеликая гора свалилась, и я с удовольствием поскакал уже назад к своим родным в Богородицк.

А сим дозвольте мне и сие письмо окончив, сказать вам, что я есмь ваш и прочее.

(Ноября, 17-го дня 1809 года. В Дворянинове).

ЕЗДА В МОСКВУ

Письмо 196-е

Любезный приятель!

Освободившись от бремени, с приездом князей сопряженного, и возвратившись в Богородицк, принялся я за все прежния свои дела и упражнения. Поведение молодого князя хотя не выходило у меня долго из ума и обезпокоивало мои мысли, но мало-помалу они опять успокоились. Уверение о благоприятстве старика князя и надежда, что он меня не выдаст, и на его к себе покровительство, подкрепляла и ободряла меня очень. Со

всем тем как я был должен думать и о переду, то неизлишним считал познакомиться короче и буде можно свести дружбу с помянутым другом молодого князя, господином *Стрекаловым*, дабы он мог мне вперед в случае нужды пригодиться. Сей человек был один из богатых крапивенских дворян. Находясь в службе, был он адъютантом у графа *Шувалова*, потом путешествовал с его сыном по Европе и во Франции, и наконец, будучи в отставке полковником, жил в своих деревнях и показался мне весьма умным, любопытным, степенным и добрым человеком. В бытность его с князем в Богородицке обошелся он со мною довольно ласково и дружелюбно, и при отъезде в дом звал меня к себе и говорил, что для него будет очень приятно, если я к нему когда приеду, а сие наиболее меня и побуждало снискать его к себе дружбу и знакомство.

Всходствие чего, не долго думая, но спустя дни три по возвращении моем, собравшись, и поехали мы с женою к нему в его деревню, отстоящую от Богородицка верст тридцать. Г. *Стрекалов* был действительно мне рад и старался вместе с женою своею угостить нас всячески. Звали его *Федором Григорьевичем*, а жену его *Натальею Андреевною*, которая была также боярыня умная и благоприятная. Они не отпустили нас не только в тот день, но и на другой без обеда. И как г. Стрекалов нашел во мне человека со вкусом, с которым мог он говорить обо многом и обо всех почти материях, то не только выводил меня по всем своим садам и заведениям, но не мог со мною довольно наговориться, и мы разстались с ним как хорошие уже приятели. А с сего времени и началось у нас знакомство с сим всегда к нам благоприятствующим домом, и я дружбою и благосклонностию к себе господина *Стрекалова* был доволен, и был бы, может быть, еще и довольнее, если б, к несчастию, не был в дом его въезж и г. *Верещагин* с мытарками своими сестрами и не вредил нам тайными и коварными своими и ему клеветами и наговорами. Он сделался господину Стрекалову знаком по князе, и как он имел дар ко всякому подольститься и пред всяким принимать на себя вид ангела, то сие помогло ему вкрасться и к господину Стрекалову в любовь и в дружбу; однако, сколько мне казалось, то г. Стрекалов всегда умел различать людей с людьми и истинным достоинствам давать преимущество пред ложными.

Возвратясь от господина Стрекалова, между прочими своими разными занятиями упражнялся я около сего времени в отделке нововыдуманной мною дневной иллюминации, которая, а особливо выдуманная и сделан-

ная в прошпективическом ящике, особливою приятностию своею утешала меня, как маленькаго ребенка, чрезвычайно; но и все ею не могли довольно налюбоваться, ибо, при смотрении на оную в стекло, казалось, что смотришь действительно на фейерверочной щит, горящий и составленной из селитряных свечек. А между тем и дело мое по «Сельскому жителю» продолжало иттить своим чередом, и я около сего времени получил опять несколько писем от новых и благорасположенных ко мне корреспондентов. Чрез несколько дней после того удивлены и обрадованы мы были неожидаемым совсем извещением, что малютка сын мой Павел записан был уже в гвардию и получил уже паспорт с чином подпрапорщика. Как в тогдашнее время все детей своих, и даже в самых колыбелях, имели обыкновение записывать в гвардию, и всем тем, которые имели какой-нибудь случай в Петербурге или знакомство с управлявшим тогда Преображенским полком майором графом Федором Матвеевичем *Толстым*, производить сие было очень легко, то помышляли и мы давно уже о том же в разсуждении нашего сына; но как у нас не было никого в Петербурге коротко знакомых, то и сожалели о том, что не могли того сделать; но в сие время, без всякой нашей просьбы, старания и домогательства, помог нам до цели желания сего достигнуть тот самый г. *Верещагин*, которой втайне мне так злодействовал. Он не успел о желании нашем стороною узнать, как восхотел нам подслужиться и тем прикрыть все свои против меня злоумышления; и я истинно и по сие время не знаю, чрез кого и как удалось ему спроворить сим делом; но как бы то ни было, но сын мой чрез его посредство был в гвардию записан подпрапорщиком и получил помянутой паспорт.

Легко можно заключить, что таковая его услуга была нам непротивна; мы благодарили его за сие искренно, и могу сказать, что сие примирило меня с ним и в сокровенных моих об нем мыслях. Но всего страннее было то, что в паспорте сем увидел я, что сын мой ошибкою вместо Павла назван Андреем, что и доказывало мне, что произведено было сие определение в службу через переписку и людей посторонних. Г. Верещагин, приславший ко мне сей паспорт, с поздравлением, сам того сначала не усмотрел, но, узнав о том от нас, ахнул и, не долго думая, выпросил у нас сей паспорт назад, отправил его в Петербург и чрез несколько недель доставил нам другой с настоящим уже его именем и с чином уже каптенармуским, и тем, к вящему удовольствию нашему, услугу свою еще более усовершенствовал.

Итак, с сего времени сын мой и считался уже в гвардейской службе и в отпуску из оной до совершеннаго возраста и для обучения наук.

Но не успели мы сим приятным для нас происшествием несколько дней повеселиться, как с наступлением месяца августа полученное из шадской моей деревни известие вдруг опять весь мой дух возмутило и повергло меня в бездну забот, досад и огорчений. Отправленной туда поверенной мой уведомлял меня, что Пашков начал опять, и самым бездельническим и плутовским образом, без делания повесток и без принимания ни от кого споров, межевать, и наибеззаконнейшим образом не только всю степь замежевал за себя, но наглость и алчность его до того простиралась, что у всех наших соседей отхватил и отмежевал себе превеликое множество пашенной земли, засеянной их хлебом, и весь оной хлеб себе свез; а что всего важнее, отхватил и замежевал себе все то место, которое и нам от межевой канцелярии было продано, и что нам теперь не осталось ни одного клочка из всей тамошней обширной степи, и проданных нам 1000 десятин отмежевать себе совсем негде; и что он, поверенной, узнав о сем межеванье, хотя выезжал на межу и предъявлял спор, но оной никак от него не приняли, а с межи его дубьем почти согнали.

Вздурился я, сие узнав и услышав, и не мог никак понять и надивиться тому, как может человек из непомерной алчности к корыстолюбию так много себя забыть и произвесть такое наглое и совсем беззаконное дело, и не сердился, а бесился и на Пашкова, и на бездельника межевщика, и в неописанной досаде не знал долгое время, что делать и сообразиться с мыслями о том, что при таких обстоятельствах предпринять и какия лучше меры употребить сего зла к уничтожению; а подоспевший на другой день и ездивший туда, и к нам оттуда заехавший, брат *Гаврила Матвеевич*, и разсказавший в подробности мне обо всех бывших там происшествиях, еще пуще меня смутил и растревожил; словом, я пылал тогда огнем и пламенем, и находился в такой душевной разстройке и состоянии, какого никак изобразить не могу.

Несколько дней сряду я безпрестанно принужден был о сем думать и размышлять, и наконец другого и лучшаго средства не находил, как скакать скорее в Москву и подать в межевую канцелярию челобитную с прописанием всех его прежних и нынешних бездельничеств и плутовства, и жаловаться на землемера, прося о учинении с ним по законам.

Восприяв сие намерение и не долго думая, схватил я перо и ну махать и сочинять челобитную; и как мне известно было, что межевая канцелярия о тамошней степи и ее положении и обо всех бывших с нею происшествиях, за неимением оной плана, не имела никакого понятия, то в немногие часы намахал превеликую и прямо резкую историческую челобитную, прописав в ней все бывшия издревле и в последующия времена с сею степью происшествия; а чтоб лучше можно было мне все положение оной и обстоятельства объяснить, то сочинил и антрельной маленькой план оной и смежным с нею дачам и селениям, и не успел сего сделать, как велел готовить лошадей и в дорогу собираться, поелику я не хотел ни минуты медлить. По счастию, и равно как сие предвидя, испросил я у князя дозволение об отлучке от волости.

Итак, 13-го августа, собравшись и взяв с собою все нужное, ранымранехонько и пустился я в свой путь, и приехал в Дедилов обедать и кормить лошадей. Тут, пристав на всегдашней своей квартире, против всякаго чаяния и ожидания нашел в ней, кого ж?.... Того славнаго землемера *Вакселя*, с которым я еще при покупке Киясовской волости познакомился и сдружился. Не могу изобразить, как обрадовался я сей нечаянной встрече с таким человеком, которой из док-докою и величайшим знатоком по межевым делам почитался и которой после по самому сему был даже первым членом в межевой канцелярии. Мне иском бы искать и не найтить такого знающаго человека, с которым бы мне можно было о моем деле посоветовать, а тут сама судьба, и равно как нарочно, на тот же двор его стоять привела и мне наиудобнейший случай доставила с ним о деле своем поговорить и посоветовать. «Ах, батюшка, Василий Савельевич! – воскликнул я, его увидев и с ним целуясь. – Как рад я, что вас здесь вижу, и Сам Христос тебя сюда принес». – «Что такое?» – спросил меня Ваксель, удивившись. «Чего, батюшка, мне есть крайняя и прекрайняя нужда поговорить и посоветовать об одном межевом дельце с знающим человеком; и с кем лучше могу я о том поговорить, как не с вами, и от вас попросить дружескаго совета?» – «Пожалуй, пожалуй! – подхватил г. Ваксель. – С превеликим удовольствием готов вам тем услужить; разскажите только мне обстоятельнее все дело». Тогда сели мы с ним за стол и я ну ему разсказывать всю свою историю, показывать ему свой антрельный план, объяснять все дело, и наконец, сказав ему свое намерение, показывать ему свою челобитную.

Г. Ваксель выслушивал все говоренное и читаемое мною с величайшим вниманием, и наконец мне сказал: «Ну, братец! Дельцо, и дельцо преважное и почти необыкновенное. Намерения вашего нельзя быть лучше; поезжайте себе с Богом и производите его в действо. В самой челобитной вашей не нахожу я ничего ни убавить, ни прибавить. Она хотя и необыкновенная, но очень хороша. Подавайте ее с Богом. Не принять ее нельзя канцелярии, и посмотрите, какого наделает она грома и какия великия произведет по себе последствия. Помяните тогда мое слово». Сим и уверением, что верно она мне послужит в пользу и в состоянии будет разрушить все злые ковы, ободрил он меня чрезвычайно. Итак, разставшись с ним, поскакал я далее и с спокойнейшим уже духом.

Как ехал я на своих лошадях и заезжал на часок в свою деревню, то не прежде мог приехать в Москву, как 16-го числа перед вечером. Я тотчас и в тот же еще день побежал к старику князю, ибо остановился у его секретаря, против его дома живущаго. Князь удивился, увидев меня опять так скоро, но, услышав о причине моего в Москву приезда, дал мне совершенную волю хлопотать по моему делу; итак, я на другой день и черканул в межевую, и там, отыскав своих знакомцев, секретарей *Селижарова* и *Соколова*, разсказываю им все дело. Те не могут довольно надивиться всем происшествиям и советуют мне подать на землемера челобитную. Я показываю им мною сочиненную, а особливо Соколову, у котораго дело тамошнее было в повытье. Сей просит меня после обеда к себе в дом, чтобы поговорить о том и посоветовать лучше на просторе и наедине. Я тому рад, приезжаю к нему, и он, по прежней дружбе и ласке своей ко мне, принимает и угощает меня дружески. Потом говорить мы с ним и советовать о деле. Он такого же мнения, как и г. Ваксель, не находит ничего не прибавить и убавить в челобитной, кроме нескольких малостей, но советует мне съездить наперед на дом к самому Князеву и с ним объясниться и показать ему и план, и челобитную, и что он мне скажет, то и делать. И как совет сей был благ и прямо дружеский, то и положил я его в точности исполнить.

Итак, на другой же день поутру ранехонько и черканул я к г. *Князеву*. Анисим Титович не успел от докладчика услышать мое имя, как велел тотчас звать меня к себе в кабинет и встретил меня самым дружеским приветствием. «Ах, Андрей Тимофеевич! Все ли в добром здоровье? Милости прошу садиться! Что к нам пожаловали? Конечно, для какой-нибудь опять нуждицы?» – «Точно так, батюшка, Анисим Титович, – сказал я, – и

самой необходимой; и неволя заставила меня бросить все и скакать сюда к вам. Помогите, ради Бога!» – «Что такое? – подхватил он. – Пожалуйте скажите, и будьте уверены, что все, что только можно и что от меня зависит, я сделать не отрекусь и с удовольствием сделаю». Рад я был таковому его обещанию, и тотчас, не говоря еще о челобитной, начал ему всю историю и плутни Пашкова и межевщиковы разсказывать, и для лучшаго объяснения показывать ему свой антрельный планец.

Князев с превеликим вниманием слушал все мною говоренное и разсматривал мой план, и как казалось с особенным любопытством и удовольствием. И как я все кончил, то пожав плечами, сказал: «Боже мой! Что это за люди и какая ненасытная алчность! Признаюсь вам, Андрей Тимофеевич, что это я сделал, что все сии земли на разныя имена проданы Пашкову, и сам я убедил его их купить; но теперь вижу, что он меня бездельническим образом обманул и за свято уверил, что тут всей пустой земли не более тысяч пятнадцати десятин, почему я ее всю ему и продал. Но возможно ли, не удовольствуясь и таким множеством земли, хотеть еще безденежно и без всякаго права захватить себе сверх того такую громаду казенной земли?.. Но точно ли ее тут так много?» – «Ах, батюшка, Анисим Титович! – подхватил я. – Могу ли я вас обманывать, и на что же мне прилыгать? Самое разстояние, и ширина, и длина сей степи вам то доказать может». Тут покачал он опять головою и, удивляяся, сказал: «Что это за канальская выдумка и какая непростительная хитрость! Обведя всю степь узкими продажными полосами и звеньями, а всю внутренность хочется поприбрать себе даром! Нет, это слишком уже много и нимало некстати!» Наконец спросил он меня: «Что ж думаете и хотите вы теперь сделать?» – «Ах, батюшка, Анисим Титович! Об этом-то и приехал я просить вас, как моего милостивца и благодетеля, чтоб вы меня в том надоумили и по милостивому вашему ко мне благорасположению наставили и совет дали». – «Другого не остается, – сказал, он, как подать вам в канцелярию на бездельника сего межевщика челобитную, и хорошо, когда бы вы в ней нам все о сей степи пообъяснили; ибо скажу вам, что межевая канцелярия не имеет об ней никакого еще понятия. Итак, напишите-ка, батюшка, и поспешите подать к нам, а этот прекрасной планец не оставите ли вы у меня, так бы я мог его показать *Ивашеву*, нашему первому члену, и с ним о сем деле переговорить». – «Очень хорошо, – отвечал я, – а что касается до челобитной, то вот она у меня вчерне написана, но не знаю, годится ли она

и не удостоите ли вы ее своим взором?» – «Пожалуй, пожалуй!» – сказал он, и тотчас начал ее читать и читая несколько раз восклицать: «Браво! Браво! Прекрасно! Очень хорошо!» и наконец спросил он, кто мне ее писал? И как я ему сказал, что сочинена она самим мною, то он подхватил: «Нельзя, нельзя быть лучше; извольте только ее переписать и подавайте с Богом. Не принять от вас ее никак нам нельзя: самой казенный интерес нас к тому обяжет. И я скажу, что теперь не помогут господину Пашкову и все его тысячи и богатство. Сам он так напроказил и все дело так испортил, что и пособить никак не можно; и нам другого не остается делать, как велеть все это межеванье остановить, бездельника этого землемера отдать под суд, а для измерения и снятия на план всех сих земель отправить из канцелярии нарочнаго и на казенной кошт землемера, и велеть ему всю сию степь и смежныя с нею дачи снять аккуратнейшим образом на план, и принимать все споры как должно; и это мы непременно сделаем, и тогда можете вы быть уверены, что вы и вам проданную землю верно получить можете. Жаль только, что дело сие несколько попротянется. Но за то велим мы всех владельцев, до разсмотрения и решения сего дела, оставить при прежнем их владении, чем, надеюсь, и вы будете довольны». – «Конечно, – сказал я, отвесив ему пренизкий поклон; а он сказал: «Так поезжайте ж, батюшка, и поспешите подачею к нам вашей важной бумажки».

С сим отпустил он меня тогда от себя, и я тотчас бросившись в межевую и пересказав все Соколову, при помощи его и велел челобитную мою переписывать, чем и занялись мы в тот и во весь последующий день; а 21-го числа я ее в канцелярию и подал, и по подаче приглашен был в судейскую к самому генералу для повторения уверения моего, что все писанное мною основано на самой справедливости. Тут застал я всех присутствующих, с любопытством разсматривающих мой, пред генералом лежащий рисунок, а генерал отозвался ко мне очень милостиво, говоря, что казна обязана мне благодарностию за открытие такого великаго и значительнаго казенной земли похищения, и что я могу остаться спокойным и быть уверенным, что я получу свое удовольствие. И подлинно, они тотчас повернули сим делом так, что в тот же час положена была резолюция, а в последующий подписано было уже и определение о посылке в Тамбов и к землемеру указов, а чрез день и вручены они уже были самому мне для вернейшаго и скорейшаго доставления их в Тамбов и к землемеру, и в них прописано точно все то, что мне Князев предварительно уже сказывал.

Итак, все сие дело в немногие дни и с успехом, превосходящим все мое чаяние и ожидание, кончилось, и я, будучи тем чрезвычайно доволен и не имея, впрочем, в Москве никаких нужд, а отблагодарив Князева и побывав в рядах, искупив все нужное и повидавшись еще с стариком князем и с издателем моего «Сельскаго жителя», господином *Ридигером*, тотчас опять из Москвы, и именно 25-го числа, в Богородицк и отправился, пробыв в сей раз только девять дней в столице.

Поелику на сем обратном пути надобно мне было ехать мимо самого двора наших молодых Кислинских, то не преминул я к ним заехать, и угощен был у них обедом; а в Дедилове, к удивлению моему, съехался ненарочным образом опять с господином *Вакселем*, которой, увидев меня, с крайним любопытством хотел знать, что воспоследовало, и брал в удовольствии моем живейшее соучастие, говоря: «Ну, вот, не правду ли я сказал, что челобитная ваша наделает много шума и произведет великия последствия! Теперь поспешите только скорее, батюшка, отправить туда сии указы». Что я и не преминул сделать, и на другой же день, по возвращении моем в Богородицк, отправил туда с нарочным; и они действительно все тогдашнее межеванье там остановили, и мы опять по-прежнему своими распашными землями владеть начали, и дело пошло в оттяжку.

Домашних своих нашел я здоровыми. Они никак не ожидали столь скоро обратнаго моего приезда, и, ездивши без меня к тетке Матрене Васильевне, в ефремовскую ее деревню, в одну минуту со мною оттуда в Богородицк возвратились.

Таким образом, был для меня весь август месяц хлопотливой и я провел его весь в безпрерывных суетах и безпокойствах; но зато последующий затем сентябрь преисполнен был множеством удовольствий и мы провели его очень весело. Уже самое и начало его ознаменовалось приездом к нам опять нашего губернатора, и как он в сей раз стоял у меня в доме, то по сему случаю и была у меня опять пирушка. Для лучшаго угощения его у себя пригласил я к себе на обед всех наших городских и удивил губернатора своею дневною иллюминациею, поставленною в окне моего кабинета, так что она ему, севшему за стол, вдали прямо в глаза кинулась. Неожидаемое сие и приятное зрелище его так поразило, что он, будучи прелюбопытной человек и охотник сам до всяких выдумок и затей, не утерпел, но вскочил из-за стола и добежал разсматривать, как и из чего она сделана, и расхвалил меня впрах за мою выдумку. А не успели мы его от себя проводить,

как начали между собою почти ежедневно переезжаться и, собираясь то у того, то у другого, все и со всеми нашими детьми вместе, препровождать вечера в разных играх и дружеских забавах. Учитель наш умножал также собою наше общество и увеселял наш слух играниem на своей скрипке, а дети утешали зрение наше своими танцами, в которых нередко и мы сами брали соучастие и делали им компанию. И такие съезды и дружеское, веселое препровождение времени стало становиться нам от часу приятнее. К сему присовокуплялось и то, что в течение сего месяца много раз приезжали к нам и разные гости. К нам приезжала тетка, госпожа *Арцыбашева*, также наши *Верещагины*, госпожа *Бакунина*, киясовский мой знакомец и приятель барон Николай Осипович *Соловьев*, госпожа *Абаринова* и некоторые другие. Сверх того, ездили и сами мы в Крапивенской уезд, и там по многим знакомым и дружеским домам разъезжали, и где обедывали, где ночевали. Были у господина *Толбузина*, у стариннаго моего друга господина *Темешова*, в славном его селе Пирогове. Он жил тут уже с своею женою, которая доводилась нам еще несколько сродни, и будучи к нам очень привержена и ласкова, старалась угостить нас и с мужем своим наиприятнейшим образом; а потом заезжали мы в деревню к другу моему Сергею Ильичу *Шушерину* и к г. *Кирееву*, и везде угощаемы были как водится. Наконец, 20-го числа ездили мы опять на именины в деревню к господину *Стрекалову* и у него обедали, ночевали и весь почти последующий день провели с удовольствием, ибо он был мне очень рад, угощал меня всячески и обходился со мною дружеским образом. А по возвращении давали у себя опять не один раз всем городским нашим обеды; а тем же взаимно соответствовал нам и городничий и другие из судей наших. Словом, весь сей месяц прошел у нас почти неприметно в сих разных друг друга угощениях и взаимных свиданиях. Но как ни много занимались мы сими увеселениями и разъездами, однако не упускали и отправление дел по нашим должностям. Я не упустил ничего, а продолжал заниматься разными внешними работами. Сады, роща, леса и пруд преподавали мне множество поводов к разным выдумкам и затеям и к занятиям приятным, при производстве их в действие. Между тем правление волостями текло своим чередом и приводимо было час от часу в лучший порядок. А не позабыты были также и дети. Не один, а несколько раз занимался я опять читанием им своей «Детской философии» и разсказыванием им многих нужных для знания их вещей, за что все они меня любили и почитали отменно. Малютку же

сына моего вместе с воспитанником моим г. *Сезеневым*, начал я около сего времени учить порядочно рисованию, и как их, так и некоторых и других детей заставливать по вечерам иногда писать у себя. С самым учителем господином *Дюблюе*, бывали у нас неоднократно особенные и любопытные о разных материях разговоры, и достопамятно, что около самого сего времени был у нас с ним первый разговор о табаководстве, и как он был предприимчивый и затейливый человек и говорил, что ему все оное довольно знакомо, то затевали мы с ним завести в будущий год настоящий табачный плантаж, и он испрашивал у меня под оной место, которое охотно я ему и обещал.

Наконец, не позабываем был и мой «Сельский житель», и как я должен был пещись, чтоб в печатании листов не последовало никогда остановки и материя была всегда запасная и готовая, то не упускал я все праздныя минуты употреблять и на сочинение оной, и от времени до времени пересылать их к *Ридигеру* по почте. От сего, видевшись с ним в Москве, узнал я многие относящияся до сего издания, отчасти приятныя, а отчасти и неприятныя обстоятельства. К сим последним принадлежало то, что число получающих оной пренумерантов было не слишком велико и не простиралось до того времени свыше 80-ти человек. Сие не только его, но и меня весьма обезкураживало; однако как пренумерация все еще мало-помалу приумножалась, то питались мы все еще надеждою, что авось-либо дело наше поправится и пойдет лучше.

Наконец наступил и октябрь месяц, и с 7-м числом оного начался 41-й год моей жизни; а пред самыми моими именинами ожидали мы опять приезда к себе губернатора, по причине, что около сего времени получен уже апробованный императрицею план городу, и надлежало ему приехать для разбивания онаго в натуре. Итак, прежний наш город Богородицк с сего времени уничтожился и превращен был в волостное село Богородицкое, хотя по дому и по соборной своей церкви останется оно навсегда наилучшим украшением городу.

Но как письмо мое достигло уже до величины ему определенной, то дозвольте мне на сем месте остановиться и, предоставив дальнейшее повествование письму будущему, сказать вам между тем, что я есмь ваш и прочее и пр.

(Ноября 19-го дня 1809 года. Дворяниново).

ВЕСЕЛОСТЬ ЖИЗНИ

Письмо 197-е

Любезный приятель!

День именин моих в сей год (1778-й) праздновал я, по старинному обыкновению, приглашением к себе на обед и угощением у себя всех своих друзей и соседей. И как было довольно и одних наших городских, то не было надобности созывать посторонних, от чего поудержался я и потому, что беременная жена моя была уже на сносях и мы с каждым почти днем ожидали ея разрешения, которое и воспоследовало действительно чрез три дня после сего праздника. В сей раз даровал мне Бог еще дочь, *Екатерину*, самую ту, которая одна назначена была Промыслом Господним утешать дни наши при нынешней нашей старости частыми с нами свиданиями и своею к нам ласкою и любовью. Она родилась 21-го числа октября месяца, ввечеру, как только смеркалось, в половине 6-го часа, и мы все обрадованы были ея рождением не менее, как бы рождением и сына, ибо, почитая всех детей детьми единоравно и не зная, кому назначена будет жизнь и кем из них родителям веселиться, никогда не был я подвержен той глупости, чтоб негодовать или роптать на Промысел Господень, для чего родятся не сыновья, а дочери. Все наши друзья и соседи, как городские, так и деревенские, не преминули оказать родильнице обыкновенныя учтивости и изъявить принимаемое ими соучастие в нашей радости; а 28-го числа и окрестили мы ее, заставив сына моего Павла и старшую дочь Елизавету быть ея восприемниками от купели, и угостили при сем случае всех наших городских обеденным и вечерним столом и доброю пирушкою.

Весь октябрь месяц провели мы в таких же занятиях, как и сентябрь. В дневное время отправляли свои дела, а по вечерам съезжались вместе и занимались разными невинными забавами. Губернатор, котораго мы давно уже ждали для назначения в натуре города, не прежде к нам приехал, как 26-го числа, и для одной только проформы; ибо как к разбитию города нашел он и в городничем нашем довольно способности, поелику был он до того землемером, то и препоручил он сие дело ему, прося только меня, в случае какого недоумения, помогать ему моими советами, что я охотно на себя и принял. Что мы с ним в течение сего и последующаго месяца и произвели действительно.

Впрочем, ознаменовался сей месяц получением мною двух достопамятных писем. Оба они были неожидаемы и для меня важны. Одно от нового моего полуначальника, молодого князя *Гагарина*, но о чем точно, того по давнишнему времени не помню; только то мне памятно, что было оно о чем-то важном и принудившем меня тотчас на оное ответствовать, и что было оно первое, полученное мною от сего горделивца. А второе от Экономическаго общества и несравненно мне приятнейшее, но столь же мало мною ожиданное, как и первое. Писано оно было ко мне как к сочинителю и издавателю «Сельскаго жителя» и по поводу онаго, и случайным образом в самой день именин моих, и было равно как именинным подарком. Каким-то образом дошло до сего Общества сведение о издаваемом в Москве моем журнале, и ему восхотелось ободрить и подкрепить меня в предприятии и деле моем своим одобрением. И как оно в действительно меня много ободряло, то и помещу я оное здесь для достопамятности и любопытства. И вот что оно ко мне писало[1]:

«Под высочайшим *ея императорского величества* покровительством из Вольнаго Экономическаго Общества господину издателю журнала под именем Сельскаго жителя.

Всякия сочинения, клонящияся к пользе и просвещению сограждан своих, достойны похвалы, уважения и одобрения. Таковыми почитает все наше Общество благородные труды, в издании журнала вашего употребляемые, и видя в вас достойнаго себе сотрудника, с великим удовольствием отдает вам ту истинную похвалу, которую полезныя ваши сочинения от российских патриотов заслуживать долженствуют. Примите от нас сию, толь достойно вам приносимую почесть, нелицемерным знаком того уважения, с которым мы периодическия ваши издания приемлем, и будьте уверены, что мы не преминем оказать вам чувствительной нашей благодарности, когда вы, издавая к чести своей в свет сие полезное ваше сочинение, благоволите в Общество наше как все доныне вышедшие, так и впредь выходить имеющие листы вашего журнала безпрерывно и безумедленно сообщать».

Письмо сие подписано было, по обыкновению, президентом Общества и обоими секретарями онаго, из коих первым был тогда господин *Круз*. Я,

[1] В подлиннике письмо это обрамлено красными кавычками. – Прим. редакции «*Русской Старины*».

будучи получением сего письма чувствительно обрадован, не приминул не только велеть Ридигеру, во исполнение желания Общества, тотчас при написанном от меня благодарительном письме переслать в оное все до того вышедшие листы моего журнала и впредь посылать, но вскоре затем, в посрамление всех моих неблагонамеренных и глупыми своими письмами меня оскорбляющих читателей, поместить все вышеупомянутое письмо от Общества в листки мои и тем пристыдить сих негодяев, прочих подкрепить в их ко мне благорасположении и хорошем обо мне мнении, что и произвело свое вожделенное действие. Все сии умницы начали с сего времени замолкать и мне досадными своими письмами уже менее мешать продолжать свое благонамеренное дело.

Вскоре засим наступил у нас месяц ноябрь и с ним глубокая и скучная осень, но мы провели ее отменно весело. У нас основались около сего времени толь частыя по вечерам собрания и между собою даже по очереди то у того, то у другого съезды и вечеринки, что я не помню, когда бы мы еще так весело провождали свое время, как тогда. По окончании наших дневных дел, едва только наставал вечер, как и спешили все из нас собираться к тому на квартиру, у кого в тот вечер, по условию, сделанному накануне того дня, назначено было быть вечеринке. Тут вместе с нами являлись обыкновенно и все наши пансионныя дети, и оба наши музыканта, учитель с своею скрипкою, а Вилиамс с своими гуслями, и тотчас начиналась потеха: кто садился в ломбер, кто в реверсис[1], кто в иныя карточныя неубыточныя, а с смехами и веселыми восклицаниями сопряженныя, забавныя игры. Музыка наша принималась между тем за свои инструменты, а дети за свои прыганья и танцы. Когда же то им прискучивало, то заводились игры в фанты, чем не только они, но и все мы, сотовариществуя им, занимались, и громогласные смехи, шутки, издевки и дружеское единодушие и простое обхождение всех между собою приправляло все сие отменною приятностию и чувствиями удовольствия истиннаго. Часто собрания сии бывали так многочисленны, что недоставало почти места к помещению гостей всех. Происходило сие оттого, что ко всем нам нередко приезжали в город собственные каждой фамилии друзья, родные и приятели, и иногда у них ночующие, а иногда по нескольку дней гостившие. И как у нас условлено и в обычай введено было звать на вечеринки к себе всех и с их

[1] Реверси – французская игра в карты, в которой выигравшим считается тот, кто проиграет.

приезжими гостями, то сии и умножали собою наши собрания и находили в них для себя столь много приятнаго и веселаго, что нередко случалось, что иные, приехав к кому-нибудь на сутки, проживали в городе у нас суток по трое и более, потому что всякий из нас старался убеждать их просьбами удостоить и его своим посещением, и при убеждении всех к тому ж не в состоянии был отговариваться, и не один раз доходило до того, что многим от нас даже ехать не хотелось.

Словом, жизнь наша тогда была прямо славная и преисполненная удовольствиями безпрерывными; а что всего было лучше, то никому вечеринки сии не обращались ни в дальний убыток, ни в отягощение, ибо как при всех сих собраниях не было никакого питья и бражничанья, и даже самых ужинов, кроме таких случаев, когда кому случалось праздновать либо день рождения, или именины кого-нибудь из своего семейства, или так кому самопроизвольно желалось угостить всех ужином, то и нужно было только освещение комнат свечами да угощение всех чашкою чаю. Одним словом, жизнь и согласие наше было таково, что скоро сделалось оно повсюду славно, и как нередко приезжали к нам либо проездом, либо для каких нужд, либо для свидания с своими родными и самые судьи и чиновники из губернскаго города и брали в увеселениях наших соучастие, то сделалась она и в самой Туле славна и известна и приобрела нам всеобщую похвалу и одобрение.

Впрочем, достопамятен был месяц сей некоторыми особенными для меня происшествиями. Первое было то, что 12-го числа сего месяца происходило у нас, под распоряжением моим, освящение бобриковской церкви, при котором случае делал у себя пир г. *Верещагин* и было съехавшихся к сему случаю дворян довольное собрание. Во-вторых, Катеринин день праздновали мы на именинах у новой нашей знакомой, Катерины Артамоновны *Бакуниной*, в ея деревне, при котором случае видел я всех епифанских судей и других многих из дворян тамошних, и с ними познакомился и сдружился. В-третьих, средней дочери моей, *Настасье*, случилось в течение сего месяца лежать в оспе. Сие происшествие сначала было нас перетревожило и перепугало, но как оспе случилось быть очень хорошей и безопасной, то мы скоро успокоились духом. Живущему у нас воспитаннику нашему, господину *Сезеневу*, была она так удачна, что он износил ее, даже ходючи и занимаясь с прочими детьми в танцах, ибо было на нем только несколько оспинок. В-четвертых, достопамятно для меня

было то, что я получил письма от нескольких новых и весьма хороших корреспондентов, из которых иные писали ко мне под настоящими своими именами и чрез то подали случай к начатию с ними особенной, приватной переписки, а потом и к сведению с ними знакомства и дружбы. К таковым принадлежал московский корреспондент, господин *Вишневский*, и орловский, Алексей Александрович *Воейков*, писавший ко мне сперва под именем *Уединена*. Наконец, в-пятых, занимал меня много начавшийся в сие время рекрутской набор, и как надобно было выбрать из волостных крестьян годных в рекруты несколько сот человек, то по сему делу имел я много весьма скучных для меня хлопот, трудов и работы.

Каков относительно до увеселений наших был ноябрь, таковым же точно был и весь декабрь месяц. Мы заездились и завеселились впрах, а особливо в наставшия в конце сего месяца Святки, и удовольствий имели множество. Однако были в течение сего месяца происшествия, заставившия меня и об ином думать. К числу сих принадлежал неожиданной мною приезд ко мне моего деревенского соседа, господина *Басаргина*, второго мужа жены покойного родственника моего, Матвея Никитича Болотова. Сей молодец прискакал было ко мне для испрошения выдачи ему и жене его оставленнаго покойником и у меня хранящагося векселя, но наскочил не такого олуха, которой бы дал себя обуять его просьбам, разсказам и убеждениям. Я отказал ему наотрез, говоря, чтоб он о том никогда бы и не помышлял и что я непременно сохраню сей священный залог по завещанию покойника и не предам осиротевшую дочь его их с женою произволу и никак не допущу до того, чтоб лишилась она отцовскаго наследства. Итак, господин сей, по пословице говоря, несолоно хлебав от меня и поехал, и поехал хотя с приметным неудовольствием, но я, желая исполнить долг свой, того нимало не уважил.

Далее; дела по рекрутскому набору принудили меня съездить на короткое время в Тулу. В сей раз ездила туда и жена моя со старшею из дочерей моих, ибо ей хотелось оттуда проехать в Калединку к тетке своей, госпоже *Арцыбашевой*, где и оставила она дочь мою погостить. Я же между тем находясь в Туле, имел случай быть у губернатора, который принял меня отменно ласково и старался тем отплатить мне за все мои многократныя угощения. Кроме сего, случилось мне видеть и старинную свою знакомку, дочь господина *Павлова, Марью Даниловну*, бывшую тогда уже

замужем за одним из тульских судей, г. *Ладыженским*. Они зазвали меня к себе и угощали меня обедом, и я благоприятством их был очень доволен.

По возвращении моем из Тулы имел я удовольствие видеть и угощать у себя обеденным столом нового своего приятеля, г. *Стрекалова*, приезжавшаго ко мне вместе с *Верещагиным*, который день был вкупе и тем достопамятен, что определен был к нам к церкви и впервые служил новой поп *Алексей*, бывший у нас потом славным протопопом, также и тем, что в самый сей день возвратилась жена из Калединки, и что мы около сего времени получили нового себе сотоварища, стряпчаго *Сонина*, определеннаго на место бывшаго до того почти полоумнаго *Хомякова*, доказавшего разстройку ума своего зарезанием жены своей от глупой и пустой ревности, и сделавшагося чрез то несчастным. Необычайное происшествие сие наделало тогда очень много грома, и несчастная сия претерпела бедствие сие, как говорили, совсем невинным образом; ибо как была она очень недурна собою, а он до глупости к ней ревнив, то ничего не значущия ласки к ней некоторых людей довели его до того, что он, легши с нею спать, вонзил нож в ея живот и умертвил в ту же минуту; но зато пострадал и сам после, будучи сослан в ссылку. У меня осталась после его памятником фарфоровая чашка, подаренная им мне в день последних именин моих, напоминающая мне о сем несчастном и меня любившем человеке ежедневно; ибо как она мне полюбилась, то я во всю последующую жизнь мою пивал из ней свой чай, и пью более 30-ти лет из ней даже и поныне, и чрез то очень часто его вспоминаю.

Наконец настало у нас Рождество Христово и начались Святки, усугубившия обыкновенныя наши съезды, вечеринки и увеселения. В самый праздник был обед, бал и вечеринка у меня и собрание многочисленное. На другой день угощал нас у себя Николай Сергеевич *Арсеньев*, на третий – господин *Албычев*, на четвертой – учитель, а после его – казначей наш Борис Дмитриевич *Плотников*, и мы завеселились во все сии дни впрах. Но вдруг и в самое то время, как ликовали мы у казначея, поражен я был получением к себе пакета, который в один миг разрушил все мои радости и удовольствия и поверг меня в превеличайшую задумчивость, смущение и разстройку мыслей. Содержал он в себе ордер ко мне от старика князя и ордер такой, какого я всего меньше ожидал. Мне давалось чрез него знать, что *императрице* угодно было его от правления волостьми совершенно уволить и вверить оное его сыну, князю *Сергею Сергеевичу*, и чтоб

я с сего времени почитал его своим командиром и обо всем уже к нему относился.

Легко можно заключить, что известие сие было для меня крайне поразительно. Оно взволновало в один миг всю во мне кровь и смутило так все мои мысли, что я остолбенел почти от изумления, но что было и натурально; ибо как мне дурной характер сего нового моего начальника был довольно уже известен, то, судя по холодному и почти презрительному его ко мне в бытность его у нас поведению, не мог я от него ничего ожидать добраго, а должен был уже заранее готовиться ко всему худому и неприятному; а сие и смущало и озабочивало меня до безконечности, и мне не оставалось ничего к ободрению, как единой защиты и покровительства моего Бога.

Впрочем, не понимал я, каким образом и по какому поводу и случаю произошла такая, всего меньше ожидаемая перемена, и для меня было сие тогда сущею загадкою, которая разрешилась не прежде, как по прошествии многого после того времени; и вот что и какую странную и удивительную историю узнал я о поводе к происшествию сему.

О волостях наших хотя и не было никому с достоверностью известно, кому они собственно назначались и на какой конец заводились в них разныя и великаго иждивения стоющия здания, однако, по всеобщей молве, никто почти не сомневался в том, что они назначались некакому господину Бобринскому, мальчику, воспитанному в сухопутном кадетском корпусе и с отменным прилежанием обучаемому[1]..... Поелику мальчик сей около сего времени достигал уже до такого возраста, что мог быть вскоре уже и женатым, то бывший в сие время у нас в России первым и знаменитейшим боярином и императрицыным любимцем и бывший потом светлейшим князем *Григорий Александрович Потемкин*, муж, дышащий любочестием и любовластием безпредельным и простирающий замыслы и намерения свои почти за самыя облака, обратил между прочим виды свои и на сего знаменитого юношу. Он имел у себя несколько родных племянниц, которыя, ежели верить носившейся тогда всеобщей молве, были вкупе и его любовницы, всех их породзал он кой

[1] Дальше следует пропуск страниц или строк, сделанный потомками Болотова или же М. И. Семевским, подготавливавшим рукопись к печати в качестве приложения к «Русской Старине». Надо думать, что содержание пропуска раскрывало происхождение этого мальчика. – Прим. ред.

за кого и пристроил к местам знаменитым, и осталась одна младшая, им более прочих любимая, да и лучшенькая. Сию-то младшую племянницу свою, госпожу *Енгельгартшу*, назначил он в мыслях своих за помянутаго знаменитаго юношу и хотел, женив его на ней, сделать богатейшею и знаменитейшею госпожою в России, и он надеялся безсомненно убедить к соизволению на то и самую *императрицу*.

Теперь надобно знать, что в самое то время помянутый молодой князь Сергей Сергеевич *Гагарин* служил при дворе камергером и был по сему случаю князю *Потемкину* не только знаком, но находился у него в особливой любви и милости. И как ему, по сему обстоятельству, случалось бывать часто у него и видеть его племянницу, то, будучи проворным, хитрым и любовным делам преданным молодым человеком, вошел он как-то с нею в тайныя связи и был взаимно любим и ею. И как еще помянутый замысел князя *Потемкина* не мог быть не известным как от самой ей, так и потому, что князь ему в том, как другу своему, открылся, то, будучи не в состоянии сему воспрепятствовать, решился он не только ему всячески в том вспомоществовать, что ему, как находившемуся тогда в милости у *императрицы* и можно было делать, но и для себя выгадать притом особливую выгоду; почему и стал он тотчас замышлять и обработывать с любимцем своим Верещагиным, бывшим тогда при нем в Петербурге и ему во всем рабски прислуживающимся, особый план, достойный не уважения, а истиннаго презрения.

Гнусный план сей состоял в следующем. Как оба они не сомневались, что как скоро женится г. *Бобринской*, то отдадутся ему во владение и обе наши волости. Об нем же они знали, что он, будучи еще очень молод и к распутствам и веселостям очень склонным, сам собою управлять ими будет не в состоянии, да они ему в полное управление от *императрицы* тотчас и не отдадутся, и что нужен будет к нему пристав и помощник, то и полагали они, что сим приставом и помощником в правлении не иному кому быть, как сему молодому князю *Гагарину* и при нем *Верещагину*, и чтоб обоим им постараться увезть тогда сего молодого господина с молодою его женою в волости и, заведя его во все забавы и увеселения, самим между тем воцариться в волостях и хозяйствовать в них по своему произволению. Словом, они замышляли всем распорядиться так, чтоб тогда младой *Бобринской* носил только на себе звание мужа и господина над волостьми, а тем и другим быть бы в самом деле помянутому князю *Гагари-*

ну, а при милости его *Верещагину*, который, будучи великим прошлецом[1], хитрецом и картежным игроком, ласкался надеждою найтить и для себя тут выгодный счет и, пообыграв сего молодого и богатого господина, поправить и свое состояние.

В сем состояло главное существо дальновиднаго их замысла и заговора. Но единое затруднение находили они в том, что волости наши не находились еще в управлении сего молодого князя и не прежде могли находиться, как разве по смерти старика, отца его, управляющаго ими, но которая скоро ли или не скоро воспоследует, они не знали и знать не могли. И как опасались они, чтоб помянутая женитьба не воспоследовала еще при жизни стараго князя, то озабочивались они тем и долго не знали, как бы пособить себе в сем случае и каким бы образом доставить власть и управление волостями скорее в руки молодому князю. Наконец, хитрые и острые умы их и развратныя сердца помогли им выдумать и к тому одно удобное, хотя крайне безсовестное и дурное средство. Они распустили слух и молву, что старик князь так состарился, что выжил уже из ума и мешался в мыслях. И сын не устыдился не только подтверждать сию ложную и самим им выдуманную молву, но старался еще довесть стороною слух сей до самой *императрицы* и небывальщину сию об отце своем утвердить собственным уверением. Чтó оставалось тогда монархине делать? И как можно было не поверить свидетельству сыновню! Однако он в сем случае не совсем успел в своем намерении и не все получил, чего он ожидал и надеялся. Императрица хотя и действительно намерена была сделать его после отца в правлении волостьми преемником, но по премудрости и добродушию своему не хотела вдруг огорчить и живого еще старика князя, отца его, и потому на первый случай сделала его только ему в правлении сими волостьми помощником.

Таким образом, гнусный и коварный умысел сей не совсем удался, и молодой князь сим не весьма был доволен; но чрез некоторое время после того огорчился он и более еще, когда и прочий его обширный и дальновидный замысел получил страшный толчок и как прах разсеялся по воздуху вихрем. Один нечаянный и бездельный случай опроверг вдруг все его замыслы и затеи и разрушил одним разом все здания и замки, воздвигаемые им с г. *Верещагиным* на воздухе. Излишняя любовная запальчивость

[1] Прошлец, пройда – пройдоха, пролаза, проныра.

и маленькая неосторожность испортила все дело. Ему случилось некогда, будучи у князя *Потемкина*, сидеть наедине с помянутою тайною любовницею своею, племянницею княжою и будущею невестою г. Б*обринскаго*, в одном покое на софе. В самое то время и совсем неожидаемо входит туда же сам князь *Потемкин*, любивший также сию молодую красавицу, и усматривает ее в таком положении, которое вдруг открыло ему глаза. Взволновалось вдруг его сердце и преисполнилось ревностию и досадою. Будучи весьма хитр и коварен, он хотя и ничего тогда не сделал, а захохотав, притворно сказал: «Ну, брат, князь, хорошо, право, хорошо!» – и потом, хлопнув дверью, ушел; но последствия от сего нечаянного усмотрения были великия и важныя. Князь хотя и скрыл свою досаду в глубине своего сердца и наружно не показал никакого вида и перемены, но в самом деле лишил с сего времени князя *Гагарина* всей своей искренней любви и милости и, вместо прежняго друга и благодетеля, сделался ему тайным врагом и гонителем. Но сего было не довольно, а последствием от того было и то, что он переменил вдруг и оставил все мысли свои о женитьбе *Бобринскаго* на сей своей племяннице, но паче сам помог после к тому, что сей молодой человек отправлен был с приставом в чужие края путешествовать. А чтоб поудалить от племянницы своей и князя Гагарина, то внушил *императрице* сам желание поручить сему князю наши волости в полное управление, отженив[1] старика отца его, яко совсем с ума уже рехнувшагося, от всей прежней доверенности к нему императрицы и правления оными.

Сим образом разрушился весь план молодого князя *Гагарина*, и он, вместо всех ожидаемых блаженств, не получил ничего, кроме доверенности императрицыной относительно до управления сими волостьми. Но зато принужден был на несколько времени отлучиться от двора и для принятия от отца всех дел, до сих волостей относящихся, приехать в Москву; но что все уже его не весьма веселило, ибо он, кроме излишних хлопот, забот и попечений, не предусматривал от того никакой себе пользы и выгоды. Самое служение сие, по примеру отца, должен был он отправлять без всякой за труды награды и жалованья.

Вот какия странныя происходили тогда дела и сплетни и по какому случаю отнята была команда от старика князя, не ведавшаго о том ничего и только что сей неожиданной перемене удивлявшагося. Нам всем также

[1] Отстранив.

все происшествия сии были не известны, и я узнал их долгое время спустя после того от самого *Верещагина*, которой не посовестился и не постыдился сам мне о том при одном случае разсказать в подробности. Но я возвращусь к продолжению моей истории.

Помянутый ордер и первое известие о сей перемене в моем начальстве получил я при самом уже окончании 1778-го года, именно 30-го числа декабря месяца. Оно поразительно и неприятно было мне наиболее потому, что я имел уже издавна о новом командире своем и вообще обо всем его характере не весьма выгодное мнение, и о неблагорасположении его ко мне, с самаго начала определения моего в сию волость против его желания, был уже сведом; а последний его приезд к нам подтвердил мне то еще больше, так что я, не надеясь от него никакого себе добра, имел причину с самаго того пункта времени опасаться и ожидать от него всего дурного и за верное почти полагал, что он в непродолжительном времени непременно меня сменит и определит на мое место какого-нибудь своего фаворита. Таковая мысль, признаться надобно, начинала меня гораздо уже смущать и тревожить, и более потому, что я в Богородицке, в надежде долговременнаго тут пребывания, совсем уже завезся и тут как обострожился[1] да и привык уже к сему месту и должности, что мне потерять сие место уже и не хотелось. Со всем тем как я, с одной стороны, был совершенно чист и ничего за собою худого не ведал, и князю гнать меня совсем было не за что, и разве захотел бы он сделать сие из единаго своенравия; а с другой стороны, не позабывал, что места сего я не искал и не добивался, а доставлено оно мне действием пекущагося о благе моем Промысла Господня, который может меня и от всех несправедливых гонений и защитить и все против меня ковы разрушить, то мысли о сем скоро опять меня и успокоили, и я, возложа надежду и упование на всегдашнего моего покровителя и Бога и предоставив все будущее Его воле и распоряжению, расположился с спокойным духом ожидать, что будет.

В сем расположении моего духа и мыслей и кончил я сей 1778-й год, с которым вместе кончу я и письмо мое, сказав вам, что я есмь ваш и прочее.

(Ноября 21-го дня 1809 года).

[1] Переехал, перебрался, обосновался.

ХЛОПОТЫ И ОГОРЧЕНИЯ 1779 ГОД

Письмо 198-е

Любезный приятель!

Таким образом, успокоившись духом и предав всё в произвол Провидению, начал я провождать вновь наступивший 1779-й год, и чтоб не подать никому виду бывшаго смущения моего, продолжал вместе с прочими нашими судьями чередоваться вечеринками и все достальные дни наших Святок провождать по-прежнему в разных вечерних увеселениях и забавах; но в дневные часы занят я был множеством дел как по правлению волостному, так и по собственным своим комнатным упражнениям. Так случилось, что я, по поводу издаваемаго мною журнала, завален был множеством писем от моих корреспондентов как старых, так и новых, спрашивающих меня то о том, то о другом и требовавших неукоснительно ответа. И как мне хотелось, да и нужно было их всех удовлетворить, то я, несмотря на тогдашние праздники и ежедневное почти угощение у себя приезжающих, тутошних и посторонних гостей, принужден был ловить все праздныя минуты и употреблять их как на соответствование помянутым письмам, так и на самое сочинение материи для журнала и переписывание оной. Из числа сих многих корреспондентов в особливости занимал меня некто, писавший ко мне сперва под именем «не китайца, а русскаго дворянина», но о котором после узнал, что был то наш славный богач *Никита Акинфиевич Демидов*, и с которым я после познакомился и лично, и был приязнию его доволен.

В сих разнообразных занятиях прошли нечувствительно и кончились наши прямо веселыя Святки. На Крещенье получил я из Москвы с посыланным туда для отвоза казны моим капралом целую кипу французских книг, присланных ко мне от книгопродавца *Вейтбрехта*, для прочтения. С сим молодым и вновь торговлю иностранными книгами основавшим немцем имел я случай в бытность мою в Москве познакомиться, и до того сдружился, что он, по желанию моему, согласился присылать ко мне разныя французския книги в тетрадях для прочтения с тем с моей стороны условием, чтоб мне ему их возвращать в целости, но уже переплетенныя в папку; что я охотно и более потому принял, что у меня один из моих слуг

научен был самим мною сему делу, и мне сие никакого труда не стоило. Но сего было еще недовольно; но мы с ним затеяли было и условились в сей год издавать также особой род экономическаго периодическаго сочинения. Повод к тому подало наиболее то обстоятельство, что *Ридигер*, по малости пренумерантов на мой журнал, не имел охоты продолжать издавание онаго на будущий год, и он мне предварительно давал о том знать. Но как у меня в запасе находилось множество материи, заготовленной вчерне, и мне не хотелось прервать основавшуюся с столь хорошим успехом переписку со многими благонамеренными моими соотечественниками и желалось видеть сочинения мои напечатанными, то, по случаю сведения с сим г. *Вейтбрехтом* знакомства, предложил я, не хочет ли он войтить в сие дело и издавать мои сочинения; и как он охотно и с великою охотою на то согласился, то не только условились мы с ним о сем новом предприятии, но мною сочинено и даже напечатано было уже и объявление об оном. Но все наше дело, по особливому случаю, не состоялось: немчура сей каким-то образом вдруг, либо сделавшись банкрутом, либо по каким-нибудь иным причинам, из Москвы в течение последующаго лета исчез, и куда девался, никто о том не знал и не ведал, так что вместе с его лавкою пропали и все экземпляры моей «Детской философии», данные ему мною для продажи, и у меня взамен того осталось только несколько французских книг, бывших у меня в то время для помянутаго переплетанья и читания, которые и поныне у меня целы.

Впрочем, достопамятно, что на третий день после Крещенья потеряли мы бывшую до того домашнюю нашу собеседницу и так долго гостившую у нас девицу, госпожу *Беляеву*, и которой сотовариществом мы так много были довольны. Отец ее неотменно хотел иметь ее опять при себе, и она, привыкнув к нам, против хотения своего принуждена была к нему отправиться и разсталась с нами с великим сожалением. Она и поныне, будучи замужем за г. *Раковским*, еще жива и, живучи с мужем своим в Москве, питает к нам свою нелицемерную дружбу и с нами временно переписывается.

Около самого сего времени заезжал к нам и ночевал у нас славной наш великан, генерал Дмитрий Васильевич *Арсеньев*, брат родной тетки, Матрены Васильевны *Арцыбашевой*, и я с удовольствием угощал сего всеми уважаемаго генерала; при котором случае случилось мне ему читать неко-

торыя пиесы из моего журнала, и он ими так был удивлен и доволен, что не хотел было верить, что сочинял оные я, а не иной кто.

Не успело несколько дней генваря пройтить, как новой мой командир, вступив в полное и самовластное правление над волостями нашими, и начал бомбандировать меня своими ордерами и посылать ко мне повеление за повелением, и одно строже другого, и писать ко мне совсем уже отменным образом, нежели как писывал мой прежний командир, отец его. Со всем тем нельзя было сказать, чтоб все они были хороши и основательны. По чрезвычайности остроте и беглости своего ума и духа и по излишней надеятельности на совершенное свое всех вещей знание, а при всем том по сущему невежеству во многих вещах и пунктах, делал он нередко великия погрешности и приказывал исполнять то, чего никоим образом нельзя было произвесть в действо; а самое сие и приводило меня в великое смущение, хлопоты и безпокойство. Примером тому может служить одно важное и мне множество хлопот и огорчений наведшее дело, бывшее у меня с ним по делам откупным и кабацким. Я упоминал уже прежде, что в богородицкой волости находилось множество кабаков незаконных, впущенных еще г. *Опухтиным* и разсеянных по всем деревням, где они, под именем выставок, производили в них ежедневную продажу, и что я, вступя в правление и донося о том князю, хотя и спрашивал у него, что он прикажет с ними делать, но как он, нехотя под старость входить в хлопоты и ссоры с откупщиками, приказал мне их так оставить как они были, что он подтвердил и сам во время приезда своего к нам в волость с своим сыном при случае бывшаго о том разговора. Итак, хотя мне и известен был неизмеримый вред, причиняемой ими волостям, и хотя я сам усердно желал истребить оные, однако принужден был, соображаясь с волею старика князя, смотреть на сие сквозь пальцы и с досадою держать, по пословице говоря, корову за рога, между тем как другие ее доили; а в сем состоянии и застал волости мои новый командир. Сей хотя за верное полагал, что и я от откупщиков таким же образом пользовался, как прежние управители, о чем он от *Верещагина* довольно наслышался, однако в том немилосердно обманывался. У меня того и в помышлении никогда не было, а хотя бы и хотел, но по тогдашним обстоятельствам не было к оному и никакой возможности. С откупами около сего времени произошла великая и та перемена, что начали входить в них и дворяне, и возвысив цену оным несравненно выше; а дабы им в убытке не остаться, то проис-

ками своими в казенных палатах постарались помянутыя везде выставки сделать гласными и почти узаконенными. А к вящему несчастию, Богородицкой уезд в самой тот год снял на откуп некто господин *Игнатьев*, по имени Иван Борисьевич, человек хитрой, лукавой, расторопной и всеми деяниями своими походивший более на сущаго иезуита или жида, нежели на благороднаго российскаго дворянина. Одним словом, человек сей был такого разбора, что с ним и нашед ничего разделить было не можно, а того меньше иметь такия критическия связи. Он, алкая корыстолюбием и будучи хитрейшим и коварнейшим человеком, ни о чем том не помышлял, как о том, как бы ему разными происками и хитростями набить потуже свой карман, и не заботился нимало ни о стыде, ни совести. А чтобы лучше можно ему было во всех злых замыслах своих иметь успех, то и в главные поверенные к себе отыскал одного из тульских обанкротившихся купцов, из плутов плута и самого доку и архибездельника, по прозвищу *Деревенскаго*; и как он был человек прямо по его сердцу, то свора сия негодных людей и производила странныя и удивительныя дела.

И с сими-то двумя проходимцами и удальцами довела судьба иметь мне дело и хлопоты, ибо князь не успел вступить в правление, как и предписал мне тотчас, чтоб я истребил все в волостях выставки. Сперва обрадовался было я сам тому, и как случилось сие при самом окончании прежняго откупа, которой имел один алексинский купец, то, исполняя повеление сие в точности, и велел я разломать, сколько могли успеть, все поделанныя прежними откупщиками для продажи вина избенки и лачужки, и думал, что все дело тем и кончится; однако скоро увидел, что я в мнении своем весьма обманулся и что вкравшееся зло сие не так легко и скоро можно было истребить, как я, да и сам князь думал, но что дело сие подвержено было великим и почти непреодолимым затруднениям. Ибо не успел войтить в откуп помянутой господин Игнатьев, как, воспользуясь тем обстоятельством, что выставки сии были уже гласными и казенной палате известными и при откупе с них полагалась сложность, восхотел непременно все их возобновить и продажу вина восстановить по-прежнему повсеместную.

Теперь не могу изобразить, каких хитростей, уловок и как правильных, так и неправильных и даже самых бездельнических средств и пособий не употреблял он к достижению до своего намерения, и сколь много трудов, хлопот, досад, забот и самых недоумений имел я при возможней-

шем ему противоборстве и старании разрушить все злые его с поверенным его ковы. Величайшим затруднением было для меня то, что он имел на стороне своей казну и вспоможение от правительства и законов; а я мог только всего подкрепления себе ожидать от князя, моего командира. Я и возымел тотчас к нему свое прибежище и посылал к нему представление за представлением; но тут скоро оказалось, что он умел только взыскивать и приказывать, а подкреплять и защищать было не его дело, и я должен был сколько мог и как умел уже сам от помянутых бездельников отгрызаться. И как одних моих сил к тому недоставало, то пользовался в сем случае удальством, расторопностию и хитростию и самого *Верещагина*, и употреблял его не один раз по сему делу, а особливо когда нужно было иметь дело с судом земским и в оном хлопотать по сим проклятым кабацким делам.

Теперь, возвращаясь к порядку моего прерванного сим отступлением повествования, скажу, что к достопамятностям, бывшим в течение генваря месяца, кроме вышеупомянутой ссоры с коронными, можно некоторым образом причислить и то, что я около сего времени в первой раз в жизни моей начал получать к себе гамбургския немецкия газеты, выписанныя мною еще в последние месяцы минувшаго года, и что 20-е генваря был тот день, в которой присланы были ко мне по почте первые намера оных. Нельзя изобразить, сколь великое имел я тогда удовольствие, читая и перечитывая оныя и с какою радостию сообщил их и другу моему, нашему лекарю, приносившему мне за то тысячу благодарений; и с того времени, по самое нынешнее, получал я оныя уже завсегда, и для удовлетворения любопытства своего не жалел никогда платить за них многих денег.

Другая достопамятность была та, что я около сего времени снабдил себя первыми частями славной Крюницевой «Экономической Энциклопедии», и занимался читанием оной и извлечением из ней всего нужнаго для сообщения нашим соотечественникам. Огромная книга сия хотя стоила мне и многих денег, но зато служила неисчерпаемым кладезем, из котораго почерпал я премножество вещей, и она служила мне при экономических моих сочинениях превеликим пособием.

Что касается до наших увеселений, то они от времени до времени, несмотря на все мои приказныя хлопоты и ежедневное занятие себя писанием и сочинениями, продолжаемы были по-прежнему. В 20-й же день сего месяца, по случаю именин моей тещи, сделал я у себя особенной и

большой пир и угостил не только всех наших городских, но многих и приезжих, удостоивших меня в сей день своим посещением, и день сей был у нас большим и веселым праздником.

Кроме сего достопамятно, что я, по всегдашней моей деятельности и любопытству, при всех моих недосугах, успевал еще кой-когда заниматься и самыми безделушками, относящимися к разным выдумкам, а особливо к рисованию, и как теперь помню, выдумал около сего времени составлять картины из разных травок и листков древесных, которыя впоследствии времени довел до нарочитаго совершенства.

Кроме сего, приди на меня в течение сего месяца опять охота выдумывать и сочинять загадки, и мне удалось и в сей раз сочинить несколько их, и довольно замысловатых. По редкости и для незабвения оных, не за излишнее почел я поместить их здесь, по примеру прежнему. Они были следующия:

1

Недавно я хотя на свете существую,
Но силу, честь ж власть ужасную имею.
Цари, князья, рабы и господа,
И дети, старики, и жены, и мужья
И любят все, и чтут, обходятся со мной,
И все хотят, чтоб к ним добра бы я была.
Но я на ласки их, и просьбы, и желанья
Нимало не смотрю, а ими лишь играю;
Кому хочу – добра, кому вредна бываю,
И в свете сем никем отнюдь не уважаю.
По силе я своей нередко дела чудны
И странныя творю с своими я рабами:
Богатых в един миг в убогих применить,
А сих в единой день в богатых обратить;
Разумных в дураки и сущие глупцы,
Глупцов на самой верх достоинств возвести;
Незнатным отворить в чертоги знатных двери,
Негодницам дать верх пред добрыми людьми,
И честь снискать, и ум, и качества несметны,
И в люди произвесть – мое есть дело!

Но вмиг опять один их с сей я высоты
В глубоку бездну бед низринути могу,
Довесть их до того, чтоб стал иной стенать
И горьки слезы лить, но поздно уж, о том,
Что не был он умен во дни моей щедроты
И верил слишком мне, забыв совсем о том,
Что я есть сущий вздор, не знающий его,
И вздор, достойнейший презрения от всех.
Что сила, власть моя неверна никогда,
И что завишу я сама всегда от тех,
Которые на свет меня произвели
И кои выжить вон могли б скоро опять,
Когда б только того всеобще восхотели
И сами бы себя мне покорять не стали.

2

На червя я похож, однако не червяк;
Родился не такими, а делаюся так,
И образ, вид иной имею уже ныне,
И жить издалека приехал я сюда,
Всяк рад мне и иметь желает у себя,
И всякой день со мной имеет дело здесь;
Но я не очень тем доволен завсегда,
Волён Бог и вся честь, и слава с похвалой.
В угодность им ступай на муку я всегда
И всяк день умирай с товарищем своим,
Что, так же как и я родившись вдалеке,
Не рад, бедняк, тому, что любят его здесь.

3

Недавно я на свет по случаю родился
И жизнь опасную, но славную имею.
Имея вход везде, живу в чертогах царских,
Любим и мил везде, приятен и терпим;
Все любят, все друзья все жизнь мою хранят,
И все за то одно, что я служу им всем.

Но всех добрей ко мне прекрасной женской пол,
И нет счастливее любовника меня.
Какая б ни была, но нет из них одной,
Которой бы не мил и не был я любезен;
Все ищут и хотят со мною обходиться,
Все рыщут наперерыв за мною завсегда,
И лишь бы только я представился глазам,
Как взоры нежны их ко мне устремлены;
Я при людях им мил, милей того тогда,
Как нам наедине случается бывать;
Тут ближние друзья мы с ними уж всегда,
Чего не говорим, чего не затеваем,
И можно ль быть кому счастливее меня!
Я сущий чародей, ловлю сердца у всех
И часто довожу до глупости друзей.

4

От трав и от скота я в свет произошел,
И образ на себе изрядной я имею;
Но образ мой ничто, я был бы с ним презрен,
Когда б не производил еще я одного,
Чем людям я добра много делаю,
Но сам от того погибаю совсем.

5

Светла я сперва и прозрачна была,
Потом, побелев, шероховата;
Откуда сюда приехала я,
О том не знаю ни я и никто;
Но скоро опять превращуся я
В мой прежний вид и поеду в путь.

6

Брюхо не всегда бывает у меня,
А ноги завсегда, коими не хожу;

Я пользу головой людям приношу
И много им на ней я нужного ношу.

7

Хотя и не птица, а петь я умею,
И пою, и ворчу хорошо иногда;
Я рыло имею, но мало оно,
А брюхо большое, без ног и хвоста;
Без пристава к себе ни к чему не гожусь,
А с ним иногда велеречивая,
Запою, заворчу, так любо смотреть
Как звери и птицы взлетаются.

8

Не змей летучий я, рыгающий огнем,
А много похожу на сущаго изверга.
Ни зверь, ни человек, рыл сотню я имею
И множество на них ушей и языков;
Не птица и не гад, и крыльев пара есть,
И крылья чудныя бывают иногда;
Не рыба я, ни рак, а водятся хвосты,
И перья, и усы есть также у меня.
Я чудо страшное! Великой чародей!
Волшебно существо и силу я имею;
Я вмиг могу весь вид переменить
И в образе ином представиться глазам.
Я очи ослепить, сердца очаровать,
С ума людей свести и дух их возмутить,
И власть над ними взять – в единый миг могу.
Принудить их к тому, к чему охоты нет.
За женщинами я великий волокита,
Но вкупе им злодей, мучитель и тиран.
Чего не делаю, к чему не довожу
Я сей прекрасной пол, и паче молодых,
Любовью, завистью и ревностью терзаю,
Покоя, сна, еды и пищи я лишаю.

Иная обо мне тоскует ночи, дни,
Готова сделать все на свете для меня,
И стужу, и мороз, и все не уважая,
Бежать, скакать туда, где был бы только я;
Другая дней пяток ни пить, ни есть готова,
А только чтоб иметь меня в своих руках;
Иная ночи три не спит, а караулит,
Чтоб час хотя один у ней я побывал.
У всех я ум вскружил, все страстны так ко мне,
Все жадны, падки так, что сам я иногда
Не рад уже тому, что стал им таков мил:
Замучили, враги, нет мочи уже боле;
В угодность я иным лети издалека,
Терпи толчки в бока и ребры все ломай,
Сгибайся в три дуги, коверкайся как бес,
Терпи на свете все, чтоб только их сердца
Утехой, радостью, весельем напоить.
И нужды никакой им в том нет никогда.
Хотя бы им самим не даром проходило,
Хотя бы муку, зло терпели они сами.
С досады уже я чего не делал с ними,
И на смех им себя уж как не превращал:
Ни малым-то, большим, и легким, и тяжелым.
И скаредным, дурным и чудовищем самым;
Но было все вотще, ничем их не уймешь,
Им любо то еще, что я пременчив тако
Однажды уже что затеял с ними я:
Раздулся, растянул ужасно себя, так
И думал, что я их совсем уж задавлю;
Однако мне и то ничуть не помогло:
Хоть корчились и гнулись подо мной,
Но все я мил, хорош и мил им завсегда.
Не знаю, истинно, что делать наконец,
Мне жалки уж они, мужья их и родня,
Мужья их знают все, но нечего им делать,
Не сильны бедные сие все отвратить;

Иной, вздыхая лишь о том, стенает и клянет,
Другой дивится глупости и только что молчит.

9

Я чудо некое, недавно в свет родилось,
Питаюся огнем, дышу я синим чадом;
Мне в горло иногда нередко пальцем тычут,
Я волю им даю, но только не всегда.
Когда я голоден, пожалуй себе торкай,
А жрать когда начну, то тотчас укушу.

10

На кладязь похожу и есть во мне вода,
Дурна хотя она и с грязью пополам,
Не пьет хотя никто и в пищу не варит,
Не моет ничего и ею не белит,
Но многие от ней и сыты, и довольны,
И надобна она и на море и суше;
Без ней нельзя самим боярам и царям,
Становят и у них ее на стол всегда.

Вот какие были сии загадки; значение их следующее: 1) карточная игра; 2) чай; 3) зеркало; 4) свеча; 5) снег; 6) стол; 7) скрипица; 8) чепчик головной женский; 9) трубка курительная; 10) чернильница.

Что касается до месяца февраля, то первыя числы онаго провели мы таким же образом в частых между собою свиданиях, а особливо по вечерам и в бывшую около сего времени Масленицу. Во всю оную были у нас безпрерывные почти разъезды и всякой день то у того, то у другого вечеринки, на которых, кроме обыкновенных невинных увеселений, завелись у нас и интересныя карточныя игры. Занимался ими наиболее наш француз, учитель, мой бобриковский управитель, г. *Верещагин*, и некто из живших в сие время в Богородицке для лечения у нашего лекаря приезжий г. *Шеншин*. Все сии три особы были страшные к азартным играм охотники и все игроки горячие такого рода, что им, по свойству их, не надлежало б

никогда и за карты приниматься. Итак, всякой раз, когда ни случалось им бывать вместе, представляли они собою для всех нас сущую комедию и много раз заставляли нас и дивиться себе, и жалеть о себе, и хохотать до слез при смотрении на все их обыкновенныя при играх сего рода запальчивости и дурачества. Что касается до меня, то вы легко можете заключить, что я никогда не брал в сих мотовских играх ни малейшаго соучастия, а бывал только вместе с прочими зрителем.

Наступивший 11-го числа сего месяца Великий пост прервал наконец сии наши съезды и забавы, и мы, обратившись к важнейшим упражнениям, во всю первую неделю занимались богомолием, и при конце оной исповедывались и приобщались. Но не успела сия неделя пройтить, как мало-помалу начались у нас опять хотя не ежедневные, но частые съезды и свидания. В праздное же время занимался я по-прежнему в писании и в разных выдумках. К числу сих принадлежало, между прочим, изобретение мое печатать письма золотыми и разноколерными бумажными облатками, которое мне так полюбилось, что я для удобнейшаго производства сего дела велел сделать и вырезать себе в Туле особаго рода твердую печать и станок для тиснения. Что ж касается до писания, то оное состояло наиболее в сочинении последних листов моего «Сельского жителя» и в заготовлении материи для другого, вновь затеваемого, ибо от продолжения сего издатель мой, г. *Ридигер,* совершенно отказался. Итак, поспешал я скорее уже прежний свой журнал, долженствующий с концом марта пресечься, кончить, и трудился над тем с такою прилежностию, что 9-го числа марта была вся моя работа по сему журналу кончена.

Наступившие в половине марта дни именин, сперва нашего уезднаго судьи, г. *Албычева*, а потом жены моей, подали нам повод к сделанию у себя в сии дни пирушек и к угощению всех своих городских сотоварищей, а вкупе и многих приезжих, у себя обеденными столами и вечеринками; и в оба дни сии были мы отменно веселы, к чему относительно до меня вспомоществовал много и пронесся было слух, что князь, мой новой командир, едет за море. Мы было обрадовались тому очень, но скоро узнали, что слух сей был совсем ложной, и у него не езда за море была на уме, а притеснение чрез меня нашего короннаго, г. *Игнатьева*; что и подало повод ко многим для меня новым хлопотам, досадам и заботам; и вот что вздумалось ему вновь предпринять и затеять.

Будучи никак не в состоянии все выставки в волости уничтожить и зляся неведомо как на откупщика, г. *Игнатьева*, за его к себе непреклонность, восхотелось ему его притеснять иным образом и принудить чрез то себе покориться. А именно: как ему известно было, что продажа вина бывает наиболее по большим праздникам, а особливо в течение Святой недели, то за несколько дней до наступления оной прислал он ко мне наистрожайшее глупое и ни с чем не сообразное повеление, чтоб мне ни под каким видом коронных не допускать до продажи вина не только в прочие дни, но и в самые праздники и воскресные дни. Повеление ни с чем не сообразное и такое, которое в точности выполнять никакой не было возможности, потому что откупщики имели уже законное право продавать вино по всем воскресным и праздничным дням во всех местах, где назначены и казенною палатою утверждены были выставки, следовательно, чрез недопускание до того ополчил бы я на себя все правительство, да и самого наместника, и принужден бы был ссориться с казною; да я всем тем не мог бы ничего успеть и сделать, а только бы вплелся в безконечныя хлопоты и, одурачив себя пред всем светом, подвергнулся б сам ответу и по законам строгому взысканию.

Не могу изобразить, каким смущением поразился я при получении такого безразсуднаго, глупаго и ни с чем несообразнаго повеления. Прочитав его, и смеялся я, и досадовал, и горевал о том, что чрез самое то попался я в самыя тесныя обстоятельства и такое критическое положение, которое заставило меня очень много думать и не спать почти несколько ночей сряду. Долгое время не знал я, что мне делать и как поступить в приближающуюся тогда Святую неделю. С одной стороны, не хотелось мне разсориться с правительством и навлечь на себя справедливое неудовольствие полюбившего меня наместника и ни за что потерять его к себе приязнь и благоволение; а с другой стороны, боялся я и князя, сего вспыльчиваго, пламеннаго, вздорнаго, ко мне неблагоприятствующаго и такого командира, от котораго я совершенно зависел и которой мог мне наделать множество зол и даже в один миг отрешить меня от должности и места.

При таковых спутанных обстоятельствах трудно было найтить среднюю дорогу и требовалось и философическое хладнокровие, и возможнейшее благоразумие и политика к тому, чтоб сохранить благоволение к себе от обеих сторон и не раздражить ни ту, ни другую. И я признаюсь, что обстоятельства были столь сумнительны, что не один день и ночь за-

нимался я о том мыслями и напрягал все силы ума своего к выдуманию и изобретению удобнаго к тому посредства, которое, наконец, и удалось мне найтить.

Чтоб выполнять сколько можно и безразсудное повеление князя, и укротить его строптивое сердце, а не раздражить и наместника и не ополчить на себя все правительство, употребил я две политическия стратагемы. Первую ту, что хотя я и допустил г. *Игнатьева* привезть на Святую неделю во все селы и деревни с вином бочки и хотя не делал никакого запрещения продавать оное, да и крестьянам никому не запрещал вино покупать и пить, чего мне и запретить было не можно, но, собрав к себе всех бурмистров, старост и других начальников деревень, сделал им наистрожайшее приказание, чтоб они, во-первых, не делали хотя приезжающим с вином целовальникам ни малейших обид и оскорблений, но не отводили бы и не давали им отнюдь квартир, а чтоб стояли они с бочками своими на улицах и вино свое как бы хотели продавали. Во-вторых, чтоб они отнюдь никому из крестьян как приходить и вино у них покупать и пить не воспрещали и приходящих не отгоняли, но, в-третьих, сами бы они непременно во все время пребывания сих бочек в их селениях подле их безотлучно стояли и примечали только кто и кто именно из крестьян будет вино покупать и пить, и после о именах их донесли мне для единаго любопытства. Сим надеялся я и существо законов сохранить и не нарушить, и себя предохранить от всяких со стороны правительства притязаний, и крестьян искусным образом поудержать от покупки вина и обыкновеннаго пьянства, и чрез то достичь, сколько можно, и до главной цели желания князя, моего командира, что и удалось мне по желанию. Ибо как помянутое необыкновенное приказание растверженo было всем старостам и начальникам неоднократно, то, узнавши о том, трусливые крестьяне возмечтали себе неведомо что о последствиях такого приказания и оное всех их так устрашило, что действительно ни один почти не ходил покупать вина во всю Святую неделю, так что г. *Игнатьеву*, надеявшемуся распродать несколько тысяч ведр, не удалось во всю неделю продать и ста ведр по всей волости.

Признаться надобно, что хитрость сия вздурила сего корыстолюбца. Он зарычал огнем и пламенем и думал потрясти горами самыми, бросившись в земской и уездной суды с воплями и жалобами на меня; но того не знал и не ведал, что тут приготовлен был для его другой удар, всего меньше им ожидаемой и его еще больше поразивший. Я предвидел все сие и

не преминул взять нужныя предосторожности, и самая сия предосторожность составляла мою вторую стратагему и состояла в следующем:

Мне вспомнилось то обстоятельство, что главной его поверенной и производитель всех его дел, *Деревенской*, был собственно банкрот и находился у кого-то, по обыкновению, на расписке. А как таковых дурных людей не велено законами ни до каких важных дел, подрядов и доверенностей допускать и им верить, то дабы вдруг и нечаянно остановить все его письменныя и плутовския на меня ябеды и просьбы, прицепился я к сему обстоятельству и пред самою святою неделею подал от себя в уездный суд громкую и такую против сего, г. *Деревенскаго*, бумагу, что поразил его ею как громовым ударом, и не только принудил совершенно замолчать, но и все дела г. *Игнатьева* привел в опасность приттить в совершенное замешательство, ибо я требовал исполнения во всей точности закона, и не только не принимать от сего презрительнаго человека никаких объявлений и просьб, но и самого отрешения его, как негоднаго человека.

Обоими сими, в одно почти время произведенными и всего меньше ожидаемыми ударами толико сразил я господина *Игнатьева*, что как он ни прыгал и ни ярился и сколько и слышать того не хотел, чтоб унизить себя перед князем и просить у него того из милости, что надеялся получить сам собою и нартом, но наконец принужден был спашевать, укротиться и не только сделаться посмирнее, но, подхватя почтовых, скакать в Москву к князю и, позабыв свою гордость и высокоумие, ему кланяться и просить о помиловании; а князь сего только и добивался.

Но что собственно у него с ним происходило и на чем они разстались, того мне хотя в точность было и неизвестно, но то только знаю, что мне дано было знать, чтоб я не так жестоко и сильно ополчался против господина *Игнатьева*, а довольствовался только недаванием квартир его бочкам; да и сие приказано было, так сказать, сквозь зубы и таким тоном, что я мог заключить из того, что желание князя состояло в том, чтоб мне по-прежнему и в разсуждении Игнатьева смотреть колико можно сквозь пальцы и не слишком настоять, чтоб все шло по точности законов.

Сие повеление привез ко мне сам г. Игнатьев. Как он в сей раз был смирнее самого агнца, и к самому ко мне очень почтителен и снисходителен, то и рад я был, что дело сие сим образом кончилось, и я от сего негоднаго человека отвязался; ибо признаться надобно, что хлопоты и дрязги, бывшия с ним, мне уже наскучили, и тем паче, что я собственно сам при

сем деле ничем не интересовался, почему и нужды мне дальней не было, как бы ни происходило оное, и я тем охотнее склонился на униженнейшую его просьбу, чтоб ему с своей стороны не делать никакого притеснения. Но как ему хотелось бы, чтоб я ему несколько и помогал, то в сем отказал я ему напрямки, как нимало того незаслуживающему, и не обинуяся сказал, что я не намерен никак мешаться в сие дело, но как до того был чист и ничем не замаран, так и впредь хочу таковым же остаться; а довольно с него, когда я ему ничем умышленным мешать и притеснять его с своей стороны не стану.

Всходствие того и отменил я прежнее приказание и довольствовался только подтвердительным приказанием всем старостам, чтоб они выставкам сим отнюдь не отводили квартир. Но как я легко мог заключать, что сие всего труднее было им исполнить и что поверенные г. Игнатьева найдут средство их задобрить и до того довести, чтоб они молчали и не видели того, есть ли они у кого из крестьян, по добровольному согласию, сами собою избы и места для продажи вина нанимать станут; то хотя и не имел я уже причины сему препятствовать, поелику то почлось бы с моей стороны притеснением, однако опасаясь, чтоб мне не претерпеть впредь чего-нибудь и за сие от сумасброднаго моего князя, вздумал и в разсуждении сего пункта употребить для обезопасения себя одно политическое средство, состоявшее в том, чтоб в каждую субботу, когда собирались ко мне, по обыкновению, все старосты, повторять и подтверждать им вновь помянутое приказание, однако без дальняго на то настояния, а единственно для того, чтоб в нужном случае можно б мне было на сие сослаться и чем-нибудь себя оправдать. Последствие и доказало, что предосторожность таковая была и необходимо надобна, и я очень собою был доволен, что ее употребил, ибо она, как после упомянется, послужила мне в великую пользу и спасла меня от великаго бедствия, и помогла разрушить злые ковы всех моих недоброхотов и безстыднейших клеветников и завистников.

Но я удалился уже от нити моего повествования. Теперь, возвращаясь назад к тому пункту времени, на котором я остановился, скажу, что помянутый сумасбродной ордер и новыя хлопоты, им мне наведенныя, были причиною тому, что я и бывшую в сей год в начале апреля Святую неделю провел по причине вышеупомянутых дрязгов не слишком весело; однако мы все-таки не оставляли между делами заниматься безделицами, и я не

упускал, так сказать, ни одной минуты, чтоб ее не употреблять в какую-нибудь пользу. С одной стороны, при всех моих тогдашних хлопотах и недосугах, продолжал я временно учить и наставлять всех детей, приходивших ко мне временно гурьбою из нашего пансиона; с другой – занимался ежедневно почти сочинением разных экономических пиес и ответов на письма моих корреспондентов, которых накопилось уже довольно, и они, несмотря на пресечение издаваемаго мною «Сельскаго жителя», продолжали со мною переписываться и подавать мне тем от часу новые поводы к писанию; а с третьей, продолжал я заниматься и разными мелочными своими затеями и выдумками, к которым относились изобретения мои составлять прекрасныя гравированныя на стекле, по серебру и золоту картинки, также опыты мои к переводу печатных кунштов на стекло, и некоторые другие мелочи и любопытныя вещицы. А в занятиях сих, равно как и в продолжаемых съездах и свиданиях с друзьями и провел я почти нечувствительно все достальное зимнее время. А с окончанием онаго дозвольте мне и сие мое письмо кончить и сказать вам, что я есмь ваш и прочее.

(Декабря 5-го дня 1809 года).

ПРИДИРКА И НЕПРИЯТНОСТИ ОТ КНЯЗЯ

Письмо 199-е

Любезный приятель!

Вскрывшаяся вместе с апрелем весна, преподавшая мне множество поводов к надворным делам и упражнениям, положила наконец предел большей части моих комнатных занятий; ибо как я принужден был всякий день быть на дворе и распоряжать разными работами в саду и в других местах, а сверх того, и ездить то туда, то сюда, для осмотров и других надобностей, то некогда мне было заниматься прежними безделушками. Я урывал только все праздныя минуты на соответствование моим корреспондентам на письма, получаемыя от них еженедельно, сочиняя и располагая оныя таким образом, чтоб могли они напечатаны быть в затеваемом мною новом ежемесячном экономическом журнале, которой не выходил у меня из ума, и мне все хотелось его издавать, несмотря на всю малую уда-

чу окончившагося уже тогда моего «Сельскаго жителя». Всходствие того и продолжал я ревностно трудиться над заготовлением заблаговременно пиес для сего нового журнала, располагаемаго уже совсем иным и отменным от прежняго образом.

Относительно до надворных работ памятно мне, что между прочими разными затеями нападе на меня около сего времени охота выдумывать и чертить лабиринты; и как мне удалось выдумать очень хороший, то по нетерпеливости моей и любопытству, восхотелось мне произвесть его и в натуре и насадить сплошными лозовыми кольями. Для сего избрал я довольно просторное место за рекою Вязовкою, на выезде из нашего селения, подле каменнаго нашего гостинаго двора и при большой дороге, и трудился несколько дней до поту лица своего над посадкою сего огромного лабиринта, и воображал себе, что выйдет из того необыкновенная и редкая штука. Но надежда меня обманула. При переменившихся во многом обстоятельствах, принужден я был впоследствии времени оставить оной без призрения и, к неудовольствию своему, видеть все труды мои, к тому употребленныя, уничтожившимися и пропавшими тщетно.

Впрочем, памятно мне, что около сего времени получили мы новую себе знакомку и соседку в одной и с молодых уже лет вдове, госпоже *Алабиной*, сестре родной господ *Полуниных*. Она, имея у себя сына и двух дочерей, отдала перваго в пансион учиться и по поводу сему расположилась переехать из своей епифанской деревни жить у нас в Богородицке, где имела она небольшой домик. Звали ее *Анною Ивановною*, и она сделалась к нам так приверженною, да и мы, по доброте и простоте ея характера, так ее и всех детей ея полюбили, что с самаго сего времени основалась у нас с сим домом тесная дружба и знакомство, которое продолжается и поныне, хотя она и сын ея давно уже находятся в числе мертвых, а остались от ней только две дочери, из которых одна, старшая, в девушках, живет и поныне в Богородицке, а меньшая, проживавшая в молодости у нас и делавшая дочерям моим компанию, чрез посредство наше вышла потом замуж за сына прежняго моего друга и соседа, г. *Ладыженскаго*, владеющего ныне отцовским имением в Сенине и продолжающаго с домом нашим приязнь и дружество.

Далее памятно мне, что я в конце апреля и в первых числах мая трудился вместе с городничим над разбиванием и назначением улиц города, чему в минувшую осень учинили мы только маленькое начало, и что к нам

в конце апреля приезжал опять наш губернатор, с которым вместе ездили мы назначать новую большую дорогу чрез новоназначаемый и разбиваемый город, и что я при сем случае измучился впрах от трудов, но чрез то и приобрел от губернатора еще более к себе любви и уважения.

Месяц май сего года сделался мне памятен многими бывшими в течение его особыми происшествиями. При самом начале его перетревожен я был уведомлением, что прорвался и ушел у меня один из больших богородицких волостных прудов, называемой Щедиловским. Пруд сей был старинный, запруженный на той же речке Уперти, которая протекала мимо дворца, и пониже нового большого пруда дворцового. И как он был только мельничный, то хотя и не составлял дальней важности, но мне было его очень жаль, и более потому, что в нем от сбежавшей с большого пруда икры завелось великое множество карпов, о чем узнали мы впервые только при сем случае. Ибо как вода из него вся сбежала, и один берег сего пруда был уже не наш, а городской, то и бросились все новые мещане и городские жители ловить в стреме оставшуюся рыбу, и я удивился, услышав, что они ловят и наловили ее себе превеликое множество. Но удивление мое увеличилось еще больше, когда сказали мне, что вся рыба сия состоит в маленьких карпах. Сперва не хотел было я тому никак верить, ибо почитал невозможным, чтоб в толь немногие годы могло от сотни посаженных в большой дворцовой пруд карпов расплодиться их такое множество не только в нем, но и в сем нижнем пруде, в которой мы никаких карпов и не сажали; но как принесли мне их на показ, то по усикам их удостоверился я в том совершенно, и тогда, обрадуясь сему, без памяти поскакал я сам туда с разными рыболовными снастями и велел при себе ловить их в стреме. И какое же удовольствие было мое, когда мне их в течение двух суток наловили до 4000! От радости не знал я, куда мне их и девать было. И как в большой пруд насажено было их уже множество, то достальных разсудилось мне посадить в находившуюся подле соборной нашей церкви большую копаную регулярную сажелку, или прудок нарочитой величины, которая впоследствии времени доставляла нам множество удовольствий. Ибо, насадив в нее помянутым образом множество карпов, восхотелось мне обезпечить ее от расхищения ограждением всей оной порядочною решеткою, обкласть берега ее дерном, осадить в два ряда березками и составить чрез то приятное вокруг ее гульбище, которым как мы, так и все наши городские товарищи в летнее время нередко пользовались и до восторгов

увеселялись разросшимися тут очень скоро карпами, при бросании в воду хлебных корок, и смотрением на то, как они, как поросята, за ними гонялись и их теребили; а сделанный прекрасный плотик, на котором можно было по сему прудку разъезжать, придавал еще более нашим гуляньям вокруг его приятности.

Едва мы помянутую ловлю карпов кончили, как тотчас за сим получили мы, 5-го числа сего месяца известие о рождении великаго князя *Константина Павловича*. Радостное известие сие подало повод и нам к торжествованию сего радостного происшествия, и городничий наш дал нам всем при сем случае пир, сопряженный с обыкновенными увеселениями.

Вскоре засим востребовала надобность побывать мне в Бобриках. Бывший у нас архитектор, г. *Ананьин,* за несколько времени до сего от нас отбыл и определился в Нижний Новгород в городские архитекторы. Побудило его к тому наиболее неудачное построение им одного из дворцовых тамошних флигелей и упадение всего свода в оном; и как строение дворца было далеко еще не окончено, то принужден был князь приискать на место его другого архитектора, но сам у нас уже не жил, а наезжал временно. И как в самое сие время приезжал он в Бобрики для заложения другого дворцоваго флигеля, то по сему случаю и надобно было и мне там быть, и мы с ним дело сие сделали.

Далее достопамятно, что в сию весну и в самое сие время предприимчивой учитель наш завел у себя превеликий плантаж табачный и насадил его превеликое множество в надежде получить от него себе превеликой прибыток. Но надежда его обманула. Табак родился хотя прекрасный, но он не умел с ним и с приуготовлением его как надобно обойтиться, и большую часть его перегноил и перепортил. Произошло сие наиболее оттого, что он слишком на знание свое надеялся, а вышло совсем тому противное, и опытность доказала, что знание имел он о том самое поверхностное и весьма еще недостаточное. А как и я по примеру его завел у себя маленький плантажец, то самое сие и побудило меня входить уже самому в сию часть сельскаго хозяйства и чрез разные опыты мало-помалу добираться до того, как с ним обходиться лучше; до чего мне наконец, хотя чрез многие труды, и удалось достигнуть, и с того времени имел я удовольствие всякой год даже до сего времени видеть у себя табак, растущий и обрабатываемый так, что я без нужды пробавляюся уже своим табаком и не имел нужды покупать оной, со временем даже и сам продавал еще оной.

Что касается до общежительства нашего, то прежняя приятность оного продолжалась и в течение сего лучшаго и приятнейшаго месяца в году. Мы продолжали по-прежнему съезжаться друг с другом и не упускали почти ни одного дня, когда случалась приятная вешняя погода, чтоб не быть вместе и не гулять по садам, по рощам и другим местам в окрестности нашего селения, а нередко делали нам в том сотоварищество и приезжающие к нам гости, в которых, как проезжих, так и нарочно к кому-нибудь из нас приезжающих, не было никогда недостатка. А много умножали общество наше и приезжающие к лекарю нашему лечиться и живавшие в Богородицке у нас по нескольку недель сряду. К числу сих в особливости принадлежала фамилия господина *Писемскаго*, Ивана Даниловича, с которым при сем случае свел я дружбу и знакомство, продолжавшееся до самого конца его жизни. Милый и любезный характер сего доброго человека заставил меня полюбить его искренно, и я дружбою и приязнию его к себе был всегда очень доволен.

В таких же точно занятиях и упражнениях протек и весь июнь месяц, в которой не случилось ничего достопамятнаго, кроме того, что мы ездили кой-куда по гостям и я был опять в Бобриках для осмотра делаемаго там в большой церкви иконостаса и продолжал мою переписку с разными своими корреспондентами, а особливо с господами *Владыкиным* и *Воейковым*; а относительно до моих новых выдумок ознаменовался сей месяц составлением той картинки из бабочек, которая существует у меня и поныне.

С началом месяца июля начали мы приуготовляться опять к годовой нашей ярмонке, которая и в сие лето была многолюдная и на прежнем еще месте, ибо новый город начинал только что строиться и далеко еще весь не образовался. И как на ярмонку съехалось множество дворянства, то и был у меня опять по сему случаю большой пир.

Вскоре засим имел я неудовольствие, чрез уведомление из Москвы, узнать, что все затеваемое мною дело, относящееся до издавания новаго журнала, по стечению разных обстоятельств и происшедшей перемене с университетскою типографиею, рушилось и не возымело желаемаго успеха. Я поогорчился тогда и подосадовал на сию неожидаемость, и тем паче, что у меня заготовлено было уже множество материи и разных пиес для онаго, и не только сочинены вчерне, но и набело переписаны, и мне весьма было неприятно, что столь многие труды оставались тщетными. Но, ах! как мало знал я тогда, что долженствовало воспоследовать впредь по

сему отношению! Мне и на ум тогда не приходило, что произошло сие по особенному действию и распоряжению Промысла Господня и для того, что люди бравшиеся помогать мне в том были ненадежные, а назначаем и приготовляем был к тому другой и несравненно надежнейший человек, долженствующий произвесть обще со мною то великое дело, которое впоследствии времени сделалось толико громко и для обоих нас важно и славно, как о том упомянется ниже.

А около 21-го числа июля встревожен я был уведомлением из Москвы, что вскоре имеет прибыть к нам в волости князь, мой новый командир. И как приезда сего неугомоннаго человека не можно нам было ожидать с таким спокойным духом, с каким до сего ожидали и встречали мы старика князя, отца его, то натурально посмутились духом мы оба с г. *Верещагиным*, случившимся тогда быть у меня, и думая, что по примеру отца приедет он также сперва в Бобрики, в тот же час туда поскакали и к приезду его сделали все нужныя приуготовления и распоряжения; но все наше ожидание его было тщетно. Он проехал из Москвы прямо в любимое свое село Сергиевское, в Чернском уезде, и я, узнав о том на третий уже день, возвратился опять в Богородицк, а господина Верещагина, для точнейшаго узнания о том, когда располагался к нам быть князь, отправил к приятелю его, господину *Стрекалову*, в деревню.

Сей, возвратясь оттуда, привез ко мне известие, что князь действительно уже приехал в Сергиевское, а к нам не так-то скоро, а разве недели чрез две будет, и что г. *Стрекалов* советовал нам самим туда к нему съездить; что мы тотчас и исполнили. Князь принял меня нарочито изрядно и далеко не с такою холодностию, как тогда я ожидал от него. Он расспрашивал меня обо всем до волостей и кабацких дел относящемся и казался был всеми распоряжениями и поступками моими при сем критическом деле довольным; но со всем тем не примечал я в нем ни малейшаго к себе благоприятства. Все его обращение со мною было гордое, пышное, увышенное, надменное и далеко не таково, каким пользовался я от добродушнаго отца его. Все сие меня не весьма радовало и было для меня неприятно. Мы нашли у него тут приятеля его, господина *Власова*, известнаго всем бывшаго кратковременнаго счастливца, *Александра Семеновича Васильчикова*, и имели честь вместе с ними у князя в последующий за тем день обедать; и я заключая, что князь, может быть, и для них обходился со мною так гордо, желая доказать им свою командирскую власть над нами,

все еще ласкался надеждою, что он будет впредь ко мне благосклоннее, и потому, по доброте своего сердца, в сем отношении некоторым образом и извинял его в том.

После обеда князь не стал нас держать у себя долее ни минуты, но сказал, чтоб мы ехали в Богородицк и там его к себе дожидались. Итак, мы с господином Верещагиным и пустились в обратной путь; но как до Богородицка было далеко, то решились заехать к г. *Стрекалову* и у него ночевали, и в Богородицк уже на другой день и ввечеру приехали.

Вскоре после возвращения нашего приехали к нам в Богородицк и оба вышеупомянутыя знакомцы и друзья княжие, г. *Власов* и *Васильчиков*; и как им хотелось видеть дворец, то водил я их в оной и, зазвав к себе, угощал чаем и фруктами, и был обращением их со мною доволен. Но смотря на г. *Васильчикова* и говоря с ним о разных материях, не мог сему экслюбимцу надивиться, как мог он так много понравиться императрице, ибо не находил в нем ни малейшей красоты, ни душевной, ни телесной, и принужден был сам в себе подумать и по пословице сказать, что полюбится иногда и сатана лучше ясного сокола.

Спровадив от себя сих знаменитых гостей, стал я дожидаться князя и делать к приезду его все нужныя приуготовления; и как ожидал я от этого не столько добраго, сколько худого и по меньшей мере наистрожайшаго во всем взыскания, то признаюсь, что дух мой во все дни, протекшие до приезда его, был у меня в великом смущении и безпокойстве, и я не упускал ничего, что только нужно и можно было к предвидимым во всем объяснениям по делам до волости относящимся, и ждал его к себе как медведя.

Прибытие его воспоследовало не прежде как 7-го августа, пред самым обедом, которой приготовлен был для него во дворце, где он стоять расположился. Мы встретили его с смущением душевным, которое увеличилось еще неизобразимо от гордаго и самаго холоднаго с нами при первой встрече обращения. Не успел он войтить в комнаты, как первейшее его приказание было, чтоб представлены были к нему тотчас все наши казенныя лошади, употребляемыя мною для езды, на смотр, и чтоб послал я за всеми старостами и начальниками деревень. Лошади тотчас были и представлены, и он успел их еще до обеда всех пересмотреть и приказал приготовить для себя тройку и запречь в самыя легкия и маленькия дрожки, которыя, между тем как он обедал, и были приготовлены. На сии сев и посадив меня за собою, поскакал он тотчас после обеда в ближния волост-

ныя большия села Иевлево и Малевку. Езда сие была хотя недальняя, но для меня, по претерпенному безпокойству, весьма памятна. Как дрожки были самыя туртыжныя и мне не инако довелось сидеть как позади оных, спиною к князю, на лакейском месте, на котором при езде вскачь с великою нуждою мог я держаться, то, не езжав отроду в таком положении, был я тогда как на каторге и проклинал в мыслях и князя, и сумасбродное его скаканье. Несколько раз едва было совсем не полетел я стремглав с сих проклятых дрожек и насилу мог удержаться. Но за чем бы таким ездили и скакали мы так туда без ума, без памяти? Единственно затем только, что его сиятельству угодно было взглянуть на наши большия и огромныя селы и посвидетельствовать на бывших в них мельницах у мельников мерки, которыми брали они с помощников муку вместо лопаток. Дело, поистине, самое важное и достойное предпринимание таких трудов! Но не думайте, чтоб делано было сие без намерения; сие состояло ни менее, ни более, как в том, чтоб найтить что-нибудь, к чему бы можно было ему придраться и изъявить свое княжеское на меня неудовольствие. Сие, к крайнему моему удивлению и негодованию, заметил я уже при первых его во время езды нашей, прямо сказать, княжеских, или, лучше сказать, самых подлых поступок и ухваток, состоящих в том, чтоб всякаго встречнаго и поперечнаго, несмотря, мужик ли бы то был или женщина, останавливать, со всяким разговаривать, всякому предлагать прямо шиканские вопросы, всякого выводить с ума и у всякого хитрым образом выпытывать, не знает ли кто чего дурного, относящагося до волостнаго правления? Но, по счастию, попадались ему только самопростейшие, глупейшие и такие люди, от которых он не мог ничего добиться. Самые селы наши нашел он совсем пустыми, ибо весь народ был тогда в поле по случаю начавшейся уже уборки хлебов. Итак, не нашед никого, полетел он на мельницы, содержимыя разными людьми из найма и бывшия на оброке. И тут-то обратил он свое княжеское внимание на помянутыя мерки; и как показались они ему великоваты, то и употребил он сей первой случай: к изъявлению на меня княжескаго своего неудовольствия и неожидаемым образом стал изливать на меня свой праведной гнев, говоря, для чего я за сим не смотрю, и чтоб лучше я почаще ездил и за всем смотрел, чем писал стишки и песенки. И удивился, и смутился, и вздурился я, сие от него услышав, и дружное смущение мое было так велико, что я, почти остолбенев, не мог ему с минуту времени вымолвить в ответ ни единаго слова. В разсуждении

мнимой величины мерок оправдаться было мне весьма не трудно, ибо они были обыкновенныя и нимало так не велики, как он себе воображал; к тому ж и не было на то ни от кого и никогда жалоб; но несносно было мне то, что он упрекал меня писанием стихов и песенок. И как я легко мог заключить, что он говорил сие не своим языком, а по чьему-нибудь бездельническому навету, то, собравшись наконец с духом, сказал я ему, что на величину мерок не слыхал я ни от кого из крестьян жалоб и неудовольствий, а потому не было и причины входить мне в сие дело, не стоющее никакого дальняго и уважения; что ж касается до писания песенок и стишков, то я отроду стихотворцем не бывал и их не писывал, а если что в праздныя минуты и пишу, так не пустое, а такое, что служит к пользе моих сограждан и всему отечеству, и за то не нажил еще ни от кого нарекания, а известно о том всему государству. Сим заградил я ему уста и заставил его замолчать, но в сердце своем почувствовал я к нему крайнее с сего времени негодование.

Побывав на одной мельнице, поскакали мы по горам, по долам к другой, находящейся в селе Ломовке. Там опять было такое же свидетельствование мерок и подтверждение, чтоб принудить мельников сделать их меньше. «Очень хорошо! – сказал я усмехнувшись. – Когда вашему сиятельству это угодно, так и будет сделано, дело сие не составляет важности».

Не успели мы, обскакавши верст десятка два, возвратиться в Богородицк, как тотчас спросил он старост. По счастию, были они уже все предстать пред него в готовности. Итак, начались тотчас спросы и расспросы: довольны ли они мною? Не делаю ли я кому обид и притеснений? Не имеют ли они каких на меня жалоб? В котором случае говорили бы они нимало меня не опасаясь. Но как всем им и крестьянам от меня не было ни малейших обид и притеснений, то нечего было им сказать, кроме того, что они совершенно мною довольны и лучшаго управителя себе не желают. И тогда приметно было, что такой отзыв обо мне был его сиятельству не весьма угоден. Он замолчал, отворотился от них и ушел проч. Прискорбно мне сие было, но нечего было делать, и как оставалось еще довольно времени, то для занятия его чем-нибудь предложил я ему, не угодно ли ему будет приказать половиться в церковной сажелке рыбы и посмотреть наловленных мною карпов; и как он от того не отрекся, и к рыбной ловле все было приготовлено, то пошли мы тотчас туда.

Другого, находившагося на его месте, мог бы тронуть и один уже вид сей оправленной, огороженной раскрашенною решеткою и превращенной

в прекрасное гульбище сажелки, но он не удостоил все мои труды не только внимания, но почти и самаго воззрения. Но как запущенным неводом вытащили такое множество карпов, какого он в жизнь свою не видывал, то приметно было, что он удивился; но по жестокости своего сердца и тут не хотел сказать мне не только ни малейшаго спасиба, но ниже изъявить какого-нибудь удовольствия, такое приятное зрелище увидя, вместо того, что отец его вспрыгался б от радости и удовольствия. Досадно было мне неведомо как такое его хладнокровие, но как нечего было делать, то, закусив себе губы, пошел я вслед за ним, ругая только его в мыслях и раскаиваясь, что хотел такому негодяю доставить удовольствие. Пуще всего прикро было мне сие по причине присутствия при том всех наших судей, собравшихся для сего зрелища и таковую холодность его ко мне довольно заприметивших.

Все они из учтивости проводили его до дворца, но спасибо, и им всем не оказывал он никакой дальней ласки, а удостоил только тех из них разговором с собою, которые были такие же охотники до псовой охоты, каков был он сам. И с сими занялся он во все достальное время вечера велемудрыми своими по сей части разговорами; однако и самих сих отпустил он от себя без дальняго приветствия, а с видом совершеннаго всех их неуважения, и чрез то подал и им всем о себе не весьма выгодное мнение.

Поутру на другой день не успел он встать и умыться, как уже спросил, тут ли я и готовы ль дрожки? И посадив меня опять позади себя на муку и каторгу, пустился скакать в другую сторону волости, сперва в село Товарково, потом в Кузовку, там в Малевку, а оттуда в село Папортки, а из сего назад в Богородицк. Разстояние между сими селами было так велико, что мы околесили с ним более 40 верст до обеда, и по всем местам скакали так, что у меня трясся даже мозг в голове, и я едва мог ответствовать ему на разные делаемые им мне на пути коварные обо всем вопросы и расспросы. Единое отдохновение имел я только тогда, когда попадался нам кто-нибудь из волостных мужиков на дороге или в близости оной на полях, из которых не пропускал он ни одного без того, чтоб, остановившись и подозвав к себе, не расспрашивать его кое о чем и не выводить из ума. Все ему хотелось найтить кого-нибудь, кто б что-нибудь сказал ему обо мне и о правлении моем худое. Но и в сей день имел он такую же в том неудачу, как и накануне, и все отзывались обо мне и о правлении моем с полною похвалою.

Теперь вообразите себе, каково было мне все сие видеть и слышать; но я переносил все то, скрепя сердце, с равнодушием и только негодовал на него, и на скверный его характер досадуя, ответствовал на все короткими словами.

Не успел он, возвратясь в Богородицк, отобедать и с полчаса от усталости уснуть и отдохнуть, как по приказанию его готовы были уже опять дрожки, и я опять принужден был с ним ехать сперва на островок для осматривания находящагося там гошпиталя, где, по похвальному своему обыкновению, не преминул он также почти все уголки пересмотреть и отыскивать какой-нибудь неисправности. Но как и тут все было в надлежащем порядке, то не удалось ему и тут ничего найтить; и как нечего ему было делать, то, для скрытия своего неудовольствия, велел он ловить опять рыбу в прудах, подле гошпиталя находившихся. Как тут захвачено было множество и самых больших карпов, то не сказав опять мне ни слова, велел только несколько из них отнесть к себе на кухню и изготовить к ужину.

Кончив сие дело и осмотрев и находящийся там небольшой садик и маленькую оранжерею, где он также перешарил все мышьи норки, поскакали мы с ним к нашему хлебному магазину, которой не преминул он также весь перешарить, отыскивая и в нем чего-либо неисправнаго; но как и тут нашел все в порядке, то нахмурился только и рад был, что попались ему тут на глаза несколько бобриковских мужиков, приезжавших для отдачи хлеба в магазин, с которыми ему, по его обыкновению, полюбовную речь поговорить было можно. При сем случае удивил он меня вновь своими поступками. Мужикам сим случилось быть таким, которые имели на управителя своего г. *Верещагина*, некоторыя неудовольствия; и как он стал выводить из ума и расспрашивать, не делаю ли я им какой обиды и притеснения, то они, не обинуяся, ему сказали: «Что, ваше сиятельство, об Андрее Тимофеевиче нам грех сказать что-нибудь худое; а вот Петр Алексеевич...» – «А что такое, – подхватил он, – Петр Алексеевич?» – «От него-таки, – сказали они, – терпим мы кой-какия обидишки и тягости, и не без жалобщиков-таки на него!..» Услышав сие, удивился я и ожидал, что он воспалится гневом и, приструнив их, принудит все себе разсказывать; но, к удивлению, произошло тому противное. Он отворотился от них и, замолчав, пошел прочь и спешил садиться на дрожки. Поразила меня такая неожидаемость, доказывающая мне довольно, что ему жалобы не на

Верещагина, его любимца и тайнаго прислужника, а на меня были нужны. И сие так меня раздосадовало, что я и не повез его уже, как было хотел, в магазинный лесок, разрубленный мною в аллеи и превращенный в прекрасное гульбище; но предусматривая, что верно не получу я от него и за сии труды мои никакого спасиба, совсем об оном умолчал и дал ему волю ехать назад во дворец, где приступил я к нему с требованиями резолюции по письменным нашим канцелярским делам и загнал ими его в такой тупик, что он явно оказал свое в том совершенное незнание и, скрывая свое невежество принужден был уже кое-чем отделываться и предоставлять наиболее все моему собственному благоусмотрению.

Господину *Верещагину*, котораго нашел я тут нас дожидавшагося, не преминул я сказать о его мужиках бобриковских и о том, что они князю говорили и посоветовать, чтоб он взял свои меры и употребил осторожность. Он посмутился от того очень, и оба мы за верное ожидали, что князь о том что-нибудь говорить будет; однако не дождались ни одного слова и он казался совсем позабывшим о сих жалобах и к г. Верещагину по-прежнему благосклонным, что его и поуспокоило, а меня несказанно удивило.

Поутру в следующий за сим день собрался уже он от нас ехать и мы рады-рады были, что он к тому расположился и провожали его не с сожалением о его скором отъезде, а с особенным удовольствием. Но хлопоты и досады мои тем еще не кончились, но я должен был проводить его в Бобрики и тогда вместе с ним заезжать в деревню к глухому *Полунину* обедать и иметь опять многие поводы к неудовольствиям и досадам. Г. *Полунин* сей был человек особеннаго свойства, превеликий прошлец, хитрец, лукавец, льстец, наушник и прековарнейшая особа. Он давно был знаком как-то князю и приезжал тогда нарочно подзывал его к себе в гости; и как жил он недалеко в стороне и по дороге в Бобрики, то князь и согласился к нему заехать, и тут-то насмотрелся я довольно всякой всячины. Г. Полунин изгибался пред ним ужом и жабою, подольщался к нему всячески, залыгал его без милосердия, раболепствовал пред ним, как подлец сущий, и казался нимало не примечающим того, что князь над ним шутил и издевался, как над дурачком, а доволен был тем, что князю все у него в доме нравилось, все было им похваляемо и все было приятно и за все изъявляемы были благодарения. И я истинно уже не знаю, от чистого ли сердца он все сие делал или умышленно в пику мне и желая тем меня огорчить.

Но я мысленно плевал на все сие и душевно хохотал таким глупым его ухваткам.

Но как бы то ни было, но мы, измучившись от ходьбы по всем мышиным норкам и углам, по которым водил нас хвастливой хозяин для показывания всего своего хозяйства, и отобедав, поехали далее в Бобрики; и как надобно было проезжать нам некоторыя селы и деревни, сей волости принадлежащия, где приготовившиеся уже мужики встречали его с хлебом и солью, то не преминул князь и тут останавливаться и уже для одного вида только спрашивать, довольны ли они управителями. И как они, отозвавшись обо мне как лучше желать было не можно, начали было изъявлять неудовольствия свои на г. Верещагина, то при сем случае явно оказалось уже пристрастие княжое; ибо они едва только заикнулись о сем, как князь ни с другого слова и не внимая ничего, велел кучеру ударить по лошадям и поскакал далее; а в других деревнях, чрез которые мы ехали и где его также встречали мужики большими толпами, ровно как побоявшись, чтоб не произошло того же, уже и не останавливался, но, сказав только мужикам за их хлеб-соль спасибо, велел продолжать скакать далее, и тем еще более, к досаде моей, изъявил пристрастное свое к Верещагину доброхотство.

В Бобриках встретило его все Верещагина семейство, и как ему надлежало по необходимости остановиться в том доме, где они жили, и Верещагины сестры были наипроворнейшия особы и некоторыя из них и недурны собою, и все они, так сказать, разстилались перед князем, то вся сцена у нас тут тотчас переменялась, и князь, будучи придворным человеком, а притом относительно до женщин великим пройдохою и пролазом, в один миг из свирепого медведя превратился в самаго ангела и вместо того, чтоб входить в какия-нибудь дела, до волости относящияся, позабыв обо всех, занялся сими девушками и тотчас пошли у него с ними смехи, издевки и хвастанья. Я смотрел только на сие, улыбаясь в духе, и не успел еще от удивления своего по сему поводу свободиться, как вдруг переменилась у нас опять сцена. Прилетел к нам, как на крылах ветряных, живущий неподалеку от Бобриков приятель его, г. *Власов*, такой же страстной псовой охотник, каковым до безумия был и сам князь. И как господину Власову неведомо как хотелось добиться от князя дозволения ездить по волостям нашим с собаками, то, зная характер княжой и желая к нему подольститься, приехал он в охотничьем платье и с целым табуном гончих и борзых

собак и со множеством охотников и лошадей заводных для князя. Князь неведомо как ему обрадовался и вмиг тогда начались у них разговоры о собаках; и не успел Власов предложить, не угодно ли князю взять в ближних лесах в тот же еще день вечернее поле, сказывая, что у него и лошади, и собаки, и все к тому готово, как вмиг позабыты были князем и волости, и сирены, и всё на свете, и воспламенилась охота и желание в тот же миг ехать в поле. Итак, давай, давай скорее лошадей! Давай на них садиться и спешить воспользоваться достальным, еще довольным до наступления ночи, временем, и вмиг все они очутились в поле и загремел в лесах лай и вой собак, гоняющих по зайцам. Я поехал было вслед за ними на своих дрожках, но будучи не охотником, посмотрев и послушав издали вой и лай собак, за лучшее разсудил предоставить их там гаркать и дурачиться как хотят, а самому возвратиться назад и взять, до того времени как они возвратятся, хотя небольшое от трудов отдохновение.

Как, по особливому счастию, поле тогдашнее было для них очень удачно и они затравили несколько зайцев, то по возвращении их уже в самыя сумерки увидел я, что князь мой был, как медный грош, весел и в восхищении даже от удовольствия, и мог из того узнать, что ему ничем в свете так много угодить не можно, как его сумасбродною псовою охотою, и страсть его к ней была так велика, что не преставали они говорить о том во все продолжение вечера и самого вечернего стола, которым угощали госпожи Верещагины в комнатах своих его и нас всех с ним вместе. Словом, князь мой был совсем не тот, каковым был прежде, и как при чувствуемом тогда удовольствии обходился он и со мною гораздо уже перед прежним сноснее и лучше, то вздумалось мне сим случаем воспользоваться и испросить у него дозволение по отбытии его отлучиться на несколько дней от волостей и съездить на короткое время в свою деревню, на что он благосклонно и согласился; а расспросив и узнав, что я живу неподалеку от Серпухова, сказал: «Когда так дом ваш недалеко от Москвы, то кстати побывайте-ка вы оттуда и у меня в Москве и пособите мне приискать живописца для писания образов в Богородицкую церковь; да и, кроме того, хотелось бы мне с вами кой о чем и другом поговорить. Для вас труд этот не велик будет». – «Очень хорошо!» – сказал я, а мне благо и самому надобно бы для кое-каких нуждиц побывать в Москве. – «Ну, так ладно! – подхватил князь. – Так приезжайте ж, а я скоро возвращусь в Москву и вас ожидать к себе буду».

Сим образом кончился тогдашний суетливый день с некоторым для меня удовольствием, и я наутрие проводил его в путь уже несколько с спокойнейшим духом, однако душевно желая, чтоб впредь хотя бы и никогда не бывала нога его у нас в волостях более. Таково-то отяготительно было тогдашнее кратковременное его у нас пребывание, и я, возвращаясь в Богородицк, не мог начудиться довольно необыкновенной человека сего деятельности и надивиться тому, как мог он в такое короткое время столь великое множество разных дел наделать; и признаться надобно, что он с сей стороны был прямо удивительный человек.

Но как письмо мое достигло до своих обыкновенных пределов, то дозвольте мне на сем месте остановиться и сказать вам, что я есмь ваш... и прочее.

(Декабря 7-го дня 1809 года. Дворяниново).

ЕЗДА В МОСКВУ

Письмо 200-е

Любезный приятель!

Сбыв помянутым образом неугомонного своего гостя с рук и возвратясь к домашним своим в Богородицк, стали мы помышлять о езде своей в Дворяниново и в сей путь мало-помалу собираться. Однако за разными препятствиями и за приездом к нам и в сей месяц губернатора, проезжающаго часто из Тулы чрез наш город в село свое Баловнево и потому нередко у нас бывавшаго, не прежде мы могли в сей путь отправиться, как девять дней спустя по отъезде князя, и уже 22-го августа.

Ездил я в сей раз домой со всем моим семейством, ибо хотелось нам всем побывать в своей деревне, а мне хотя взглянуть на свои сады и несколько повеселиться ими. Но в путешествии и отлучке сей провели мы хотя более 20-ти дней, но дома удалось мне пробыть немногие только дни. Уже и едучи туда потеряли мы несколько дней на заезды к родным своим в Федешеве и в Калединке, куда заезжали мы повидаться с теткою *Матреною Васильевною*. А приехавши домой и нашед дом свой уже нарочито запустевшим, пробыл в оном не более четырех дней, и употребив оные на

осмотрение своих садов и на сделание в них кой-чего немногими людьми, при мне бывшими. Они находились тогда после претерпенной жестокой зимы весьма в жалком положении, и я нашел множество больших яблоней в них погибшими, а другия погибающими. И как сие меня не радовало, то спешил я скорее убираться в Москву, куда, между прочим, привлекала меня и та нужда, что мне хотелось как-нибудь вытеблить экземпляры второй части моей «Детской философии» из университетской типографии, перешедшей тогда из казеннаго ведомства, по откупу, в приватныя руки к господину Новикову. Сверх того, хотелось мне спознакомиться лично и с некоторыми моими корреспондентами, а особливо с господином *Владыкиным*. А вслед за мною хотела приехать туда же и жена моя для некоторых своих нужд и покупок.

В Москву приехал я уже в самом исходе августа, и мое первое дело было явиться у молодого князя, своего командира, жившаго в немецкой слободе в особом своем доме. Тут удивился я его нарочито благосклонному и далеко не таковому холодному приему, какого я ожидал. Сие несколько меня порадовало и я тем охотнее приступил к выполнению поручаемых мне от него коммиссий, относящихся до приискания живописца и разных покупок для богородицкого дворца. От него проехал я к старику князю, его отцу, любопытствуя весьма узнать, подлинно ли он помешался в уме, как об нем говорили. Но я обрадовался и удивился, нашед его в полном уме и разуме и точно в таком же положении, в каком я с ним в последний раз разстался. Старик чрезвычайно был мне рад и доволен тем, что я к нему приехал, и не мог со мною довольно наговориться. Я принужден был просидеть у него весь вечер и разсказывать ему обо всем, у нас в Богородицке происходившем; ибо он хотя и не входил уже ни в какия наши дела, но хотел знать обо всем и неведомо как обрадовался, услышав о множестве расплодившихся у нас карпов, и хвалил меня за то, что я насадил их в церковную сажелку, сказывая мне, что и князь Сергий его тем очень доволен и отзывался ему обо мне по всем отношениям с довольною похвалою. Сие удивило меня и обрадовало, так что я переменил несколько мои о молодом князе мысли и чувствия.

На другой день, побывав в рядах и кое-что искупив, отыскал я дом господина *Владыкина*, Алексея Алексеевича, и с сим милым и любезным старичком и наилучшим моим корреспондентом познакомился лично. Не могу изобразить, как он был моим посещением доволен и как старался

изъявить, сколь много он меня заочно полюбил. Но, к сожалению, нашел я его больным и лежащаго от дряхлости в постели. Он спознакомил меня с своим семейством, состоящим в двух дочерях, и просил меня посещать его как можно чаще, и буде можно, то бы всякой день; что я ему охотно и обещал, ибо в обхождении с ним и в разговорах обо всем находил я и для себя великое удовольствие.

В следующий за тем день, после исправления разных порученных мне от князя коммиссий, заезжал я опять к сему любезному старику и, поговорив с ним много кой-чего о моем «Сельском жителе», и о том, как бы постараться найтить какой-нибудь след к возобновлению моего начатаго столь хорошаго и полезнаго, но тогда пресекшагося дела, проехал я опять к старику князю и, просидев у него с удовольствием весь вечер, у него даже, по приглашению его, и ужинал, и князь обходился со мною как бы с родным своим и был мною очень доволен.

Наутрие, как в четвертый день моего пребывания в Москве, случившийся во 2-е число месяца сентября, собрался я наконец съездить в университетскую типографию, и день сей сделался наидостопамятнейшим почти в моей жизни чрез основание в оный первого моего знакомства, а потом и самой дружбы с новым содержателем типографии, известным и толико славным у нас господином *Новиковым*, Николаем Ивановичем[1].

[1] Новиков Николай Иванович (27.04[8.05].1744—31.07 [12.08].1818) – писатель, критик, книгоиздатель. Уже во время службы своей в Измайловском полку обнаруживал «вкус к словесным наукам» и склонность к книжному делу. В 1767 году Новиков был в числе молодых людей, которым в комиссии депутатов для сочинения проекта нового уложения поручено было ведение протоколов. Участие в работах комиссии ознакомило его со многими важными вопросами русской жизни и с условиями русской деятельности и сделало его лично известным Екатерине.

В 1768 Новиков вышел в отставку и вскоре стал издавать еженедельный сатирический журнал «Трутень» (1769—70). «Трутень» вооружался против злоупотреблений помещичьей властью, против неправосудия и взяточничества, выступал с обличениями очень влиятельных (напр., придворных) сфер. По вопросу о содержании сатиры «Трутень» вступил в полемику со «Всякой Всячиной» – органом самой императрицы; в полемике этой принимали участие и др. журналы, разделившиеся на два лагеря. «Всякая Всячина» проповедовала умеренность, снисходительность к слабостям, осуждая «всякое задевание особ». «Трутень» стоял за смелые, открытые обличения. Борьба была неравная; «Трутень» должен был умерить тон, отказаться от обсуждения крестьянского вопроса, а затем и совсем прекратился не по воле издателя. В 1772 Новиков выступил с новым сатирическим журналом — «Живописцем», лучшим периодическим изданием XVIII в. Он вступил в борьбу с господствовавшей тогда в русском обществе галломанией, которая из всей французской просветительной философии XVIII в. усвоила один лишь вольтеровский смех, превратив его в безразборчивое зубоскальство. Журналы Новикова дают яркие изображения львов и львиц тогдашнего большого света, щеголей и щеголих, петиметров и кокеток. Скоро «Живописец» вынужден был заменить живую сатиру на со-

Важный человек сей был до сего времени мне совсем не знаком, и я об нем до того даже и не слыхивал. Он же, напротив того, знал меня уже очень коротко, по всем моим экономическим и даже нравственным сочинениям, и имел обо мне и о способностях моих весьма выгодныя мысли; почему и неудивительно, что как скоро я нашел его живущаго тут же в доме, где находилась типография, сказал ему о себе и о желании моем отыскать и получить экземпляры моей «Детской философии», он принял меня с отменною ласкою и благоприятством и не мог довольно изъявить своей радости и удовольствия о том, что получил случай со мной познакомиться. Признаюсь, что таковая неожидаемая и благоприятная встреча была и самому мне весьма приятна. Мы вступили с ним тотчас в разные разговоры, и как он был человек в науках и литературе не только весьма знающий, но и сам за несколько лет до того издавал нравственный и сатирический журнал, под именем «Живописца», и можно было с ним обо всем и обо всем говорить, то в немногия минуты не только познакомились мы с ним, как бы век жили вместе, но слепилась между нами и самая дружба, продолжающаяся даже и поныне. Но сего было еще не довольно; но как речь у нас дошла до издаваннаго мною «Сельскаго жителя», то он, изъявляя сожаление свое о том, что такое полезное мое дело пресеклось, вдруг спросил меня, не расположусь ли я продолжать оное, в котором случае мог бы

временные нравы серьезными статьями отвлеченного содержания, а затем и совершенно прекратился (1773). В 1774 он стал издавать «Кошелек» — журнал, специально направленный против галломании. Его нападки против нравов светского общества возбудили сильное неудовольствие в придворных сферах, и журнал прекратился на девятом номере, причем издатель, как гласит предание, подвергся и личным преследованиям.

Противовес модному французскому воспитанию Новиков находил в добродетелях предков, в нравственной высоте и силе старых русских начал. За 1779—92 Новиков создает в Москве просветительскую организацию со своими типографиями, которая издает сотни трудов по отечественной истории, сочинения русских авторов, переводы западноевропейской классики, сочинения по педагогике, экономике, грамматике и сотни различных учебных пособий, букварей и др. Он выпустил ряд исторических изданий, которые должны были содействовать укреплению национального самосознания и дать «начертание нравов и обычаев наших предков», чтобы мы познали «великость духа их, украшенного простотой». Таковы: «Древняя Российская Вивлиофика» (издание ежемесячное, 1773—75; 2-е изд. 1788—91; новое изд. 1894); «Древняя Российская Идрография», 9 т. I, 1773 (описание Московского государства, составленное при Феодоре Алексеевиче); «Повествователь древностей Российских, или Собрание достопамятных записок по истории и географии Российской» (ч. 1, 1776; материалы из него вошли потом во 2-е изд. «Вивлиофики»); «История о невинном заточении боярина А. С. Матвеева» (М., 1776), «Скифская история из разных иностранных историков, паче же из Российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными трудами сложенная и написанная лета 1692» (1776, как и «Идрография», издана с целью «обличения несправедливого мнения тех людей, которые

он быть моим и несравненно лучшим коммиссионером и издавателем, нежели каков был немчура *Ридигер*, и что он смело может меня уверить, что чрез его дело сие пошло бы непременно с лучшим успехом и было бы для меня выгоднее.

Сим неожидаемым мне предложением он меня так ошарашил, что я с минуту времени не в состоянии был ему ничего отвечать; но, собравшись потом с мыслями и с духом, сказал ему:

– Очень хорошо! Я от того не отрекаюсь, и если вы примете на себя печатание и издавание журнала, то я на то согласен, и тем охотнее, что у меня есть уже и довольно материи, для него заготовленной.

– О, когда так, – подхватил г. Новиков, – то за чем же дело стало? И если угодно вам, то мы теперь же можем приступить ко всем условиям, к тому потребным, и поговорить о том, как бы нам расположить дело сие лучше.

И как я на то изъявил свою готовность и согласие, то и начали мы о том говорить и обо всем соглашаться. Его первое предложение было, чтоб начать издавать журнал сей с наступлением будущаго 1780 года; потом говорил он, что ему хотелось бы, чтоб он мог издавать его при каждом номере газет по одному листу, следовательно, не по одному, а по два листа в неделю, и спрашивал меня, надеюсь ли я на свои силы и могу ли снабжать

думали и писали, что до времени Петра Россия не имела никаких книг, кроме церковных»). Новиков понимал необходимость издания исторических памятников палеографической точности, свода разноречий, составления алфавитных указателей и т. п., иногда прилагал эти приемы при пользовании несколькими списками. Материал для своих изданий памятников старины Новиков черпал из древлехранилищ частных и церковных, а также государственных, доступ к некоторым был разрешен Новикову императрицей в 1773. Он и сам составил собрание рукописей исторического содержания. Много материалов доставляли ему Миллер, кн. М. М. Щербатов, Н. Н. Бантыш-Каменский и др., а равно и Екатерина II, поддержавшая издание «Вивлиофики» щедрыми субсидиями. Отношения императрицы к Новикову за этот период его деятельности вообще отличались благосклонностью.

В сер. 1770-х Новиков делает самую серьезную ошибку в своей жизни — вступает в контакт с масонами, уже давно пытавшимися взять его под свой контроль. Участие Новикова в работе масонской организации — трагедия его жизни. Масонские конспираторы использовали политическую наивность Новикова, убедив и его, что в рамках масонских лож он сможет реализовать свои просветительские замыслы, обещав ему помощь и поддержку. Как справедливо отмечал исследователь творчества Новикова Г. П. Макогоненко, в масонском ордене Новиков сразу же «занял независимую позицию», ополчившись в своих статьях против самих идеологических основ антиобщественной философии масонства. «На этой почве между Новиковым и руководителями русских розенкрейцеров — мистиком Шварцем, а позже политическим авантюристом Шредером — завязалась борьба, а между ним и остальными «братьями» возникла «холодность». Попав вскоре даже в число руководителей московского ордена розенкрейцеров, Новиков сумел, тем не менее, не только отстоять свою независимость от

его столь многою материею? И как я его уверил, что в том не сомневаюсь и что надеюсь довольно, что за мною дело не станет, то спросил он меня, сколько получал я от Ридигера за мой «Сельский житель», и, услышав, что не более 200 рублей, предложил мне двойную за труд мой заплату, и на первый случай 400 рублей за годичное издание, а впредь, смотря по обстоятельствам, может он мне и прибавить; а сверх того, чтоб получать мне по 15-ти экземпляров. И как я сею суммою был и доволен, то тотчас мы с ним в том и ударили по рукам, а потом стали говорить о том, какое бы название дать сему новому экономическому журналу и как бы оный расположить лучше.

Дело и за сим у нас не стало, и мы в немногия минуты согласились и в том с общаго согласия положили, чтоб назвать оный «Экономическим магазином» и расположить и его уже иным образом против «Сельского жителя»; и для удобнейшаго с моей стороны сочинения, а с его печатания и набирания листов, условились, чтоб все материи писать особыми отдельными большими и малыми статьями и придавать каждой из них свойственныя им приличныя надписи, и дабы мне их присылать к нему без разбора и предоставить уже ему на волю располагать их и помещать в листы журнальные. И как чрез то мог я освободиться от скучнаго всего более мне досаждавшаго при прежнем издавании уравнивания листов, считанием строк и даже самого отяготительнаго переписывания набело

орденских начальников, отстраниться от мистических исканий «братьев», от нелепой обрядности, но и на какое-то время использовать средства ордена для своих просветительских целей». Конечно, все это не могло понравиться зарубежным руководителям масонского ордена. Независимость от масонского начальства предопределила дальнейшую судьбу русского просветителя. По сути дела, он был выдан на заклание, специально подставлен, с тем чтобы погубить просветительское дело, ради которого он жил. Из многих десятков высокопоставленных масонских руководителей, в т. ч. занимающих видное положение при императорском дворе, судебному преследованию подвергся только Новиков. В 1792 г. он был арестован.

Из следственного дела Новикова видно, что многих преступных политических интриг, которые вели масоны против русского государства, Новиков просто не знал, более того, он не знал содержания некоторых масонских книг, которые печатались в его типографии по указанию масонских начальников. Ему объясняли, что он не готов к пониманию их таинств. Вступающим в орден обещали со временем открыть все тайны бытия и умение управлять событиями с помощью магии и каббалы, а до этого послушно исполнять все указания масонских начальников. Шли годы, а русских «братьев» не спешили знакомить с высшими таинствами. Причем возникало естественное сомнение, а существовали ли эти высшие таинства вообще и не было ли постоянное упоминание о них приманкой для легковерных с целью придать высший смысл существованию ордена, на самом деле носившего чисто политический характер? Материалы следствия говорили о том, что Новиков был сравнительно маловажной фигурой в масонской иерархии. И тот факт, что главный удар пришелся именно по нему, свидетельствует

всей сочиняемой материи, ибо г. Новиков и от того хотел меня избавить, а требовал только, чтоб писано было не слишком связно[1] и было б только четко, то и был я сим в особливости доволен и с охотою на предложение его согласился.

Условившись сим образом обо всем, до издания сего нового журнала относящемся, коснулся я и до получения экземпляров моей «Детской философии».

– О, что касается до сего, – подхватил г. Новиков, – то вы экземпляры ваши скоро получить от меня можете. Книга сия хотя еще не поднята, то есть листы ея не соединены еще покнижно, но я сегодня же велю ее начать поднимать, и вы послезавтрева их получить можете. Но, кстати, хочется мне с вами о сей книге поговорить. Мне очень жаль, что она, по прежнему худому содержанию типографии, напечатана так дурно и неисправно. Она по полезности своей стоила бы лучшаго издания, и у вас нет ли продолжения оной в готовности; и буде есть, так пришлите-ка вы ко мне третью часть оной, так я посмотрю, не можно ли будет и ее напечатать.

– Очень хорошо, – сказал я, – у меня сочинено ей уже несколько частей, но только не переписаны; но я заставлю переписать и пришлю к вам третью часть оной, а ежели дело пойдет, так можно получить и последующия.

о сложной интриге, затеянной против него самими масонами из ближнего окружения императрицы. Очень характерно, что в деле о масонстве не пострадал ни один высокопоставленный масон, ни один из руководителей масонских орденов. Заключив в Шлиссельбургскую крепость Новикова и отправив в ссылку некоторых его соратников, императрица как бы поставила точку на этом деле. Реально никто из масонов не пострадал, сохранялась сложная сеть масонских лож, которые продолжали свою подпольную деятельность, зато был уничтожен до основания один из центров русского просвещения. Поэтому можно согласиться с выводом исследователя Макогоненко, что Новикова преследовали «не за масонство, а за огромную... просветительскую деятельность, которая стала крупным явлением общественной жизни восьмидесятых годов».

Просидев четыре года в крепости, не получая никакой помощи и забытый своими «братьями», Новиков многое понял. И прежде всего то, что он стал заложником тайных политических интриг вольных каменщиков. Выйдя из крепости, Новиков резко дистанцировался от масонских структур, хотя нигде и не объявлял об официальном «разводе» с ними, понимая, чем это может ему грозить. В свою очередь, масонские руководители находили для себя выгодным эксплуатировать образ Новикова как «невинного мученика за масонскую идею», не признаваясь в том, что он от них практически отошел.

[1] Не слишком связно – то есть не малоразборчивой скорописью. «Связным письмом» называли в XVIII в., когда еще писали уставом и полууставом, скоропись, в которой одна буква соприкасалась, связывалась с другой.

Сим образом, не думав, не гадав, и прямо нечаянно и в несколько часов достиг я до желаемой давным-давно цели и положил первое основание издания моего «Экономическаго магазина», которой доставил мне впоследствии времени столько выгод и сделал меня навек в отечестве моем известным и именитейшим экономическим писателем. Происшествие сие нечаянностию своею толико было для меня поразительно, что я, поехавши тогда от г. *Новикова*, не мог сам тому довольно надивиться и почитал то явным действием Промысла Господня, приведшаго тогда в Москву меня равно как нарочно для сего только случая. Да и в самом деле, если б не вздумалось князю в Бобриках мне приказать приехать в Москву, то сам бы я никак тогда в нее из деревни не поехал, ибо нужда моя не так была велика, чтоб надобно мне было необходимо в нее ехать.

Как я в сей день зван был обедать к новому другу и знакомцу своему, г. *Владыкину*, то поскакал я прямо к нему, и удивил, и обрадовал его уведомлением о нечаянном основании своего нового издания. Он не мог довольно изъявить своего удовольствия о том, и не только обещал продолжать со мною свою переписку, но побуждать к тому же и обоих своих сыновей и всех своих знакомых. Тут будучи, познакомился я с родственником его, почтенным вельможею Иваном Анофриевичем *Брылкиным*, которому рекомендовал меня г. Владыкин, и сей старый муж, обласкав меня, просил, чтоб я приехал когда-нибудь к нему расхлебать щи вместе.

В следующий за сим день приехала ко мне из деревни и жена моя, завезя мать свою в Воскресенки и оставив погостить там, до возвращения нашего, у Ивана Афанасьевича *Арцыбашева*. Я, оставив ее заниматься своими покупками, спешил сам к своему новому командиру, дабы с ним уже и распрощаться, ибо коммиссии его я уже успел все кончить. Князь обошелся со мною опять нарочито благосклонно и отпустил меня от себя, дав разныя и кой-какия по волости приказания. Итак, распрощавшись с ним, поскакал я к живущему тут же в Немецкой слободе славному нашему тогдашнему богачу Никите Акинфиевичу *Демидову*, брату известнаго и славнаго проказы *Проньки Демидова*. Побудил меня к сей езде наиболее г. Владыкин, уверив, что сей переписывавшийся со мною человек отменное желание имел меня видеть и со мною познакомиться лично. Я подлинно нашел в нем человека, полюбившаго меня уже заочно и не только принявшаго меня весьма благоприятно, но и старающагося и угостить всячески. Он не отпустил меня без обеда и занимался во все утро безпре-

рывными со мною о разных вещах разговорами, но от которых не чувствовал я дальняго удовольствия, поелику при всем его огромном богатстве и знаменитости находил в нем самаго простака и сущаго богача-охреяна, в котором и сквозь золото видима была еще вся грубость его подлой природы, из которой произошел он чрез богатство в знать и в люди. Напротив того, чувствовал я несравненно более удовольствия при пересматривании его драгоценных и прекрасных картин и многих других редкостей, которыми весь дом его был наполнен. Я засмотрелся на все оныя и имел случай видеть тут множество таких редких вещей, каких никогда еще не видывал; а за вкусным и сытым обедом постарался он увеселить слух мой наипрекраснейшею своею комнатною музыкою, а после обеда водил он меня по своему прекрасному саду и по всем своим богатым ранжереям, где я также видел множество вещей, никогда мною до того не виданных, и провел большую часть сего дня у него с превеликим удовольствием.

На другой день после сего был я опять у нового своего знакомца, г. *Новикова*, и получил от него все 100 экземпляров второй части моей «Детской философии»; а потом ездил вместе с женою опять к г. *Владыкину*, и проводив у него вечер, ужинали и с ним потом распрощались, ибо мы, не имея более никаких дальних нужд, помышляли уже о своем отъезде из Москвы. Г. Владыкин, разставаясь со мною, убедил меня просьбою, чтоб я не уезжал из Москвы, не повидавшись с г. *Брылкиным*, что я и обещал сему отменно меня полюбившему и милому старичку.

Итак, поутру на другой день, съездив еще раз к старику своему князю и раскланявшись с ним, проехал к г. *Новикову* и, поговорив с ним еще кой о чем, распрощался и с ним и поехал от него прямо в дом к г. *Брылкину*. Я нашел старика сего в его кабинете, установленном медными на полу деньгами и занимающегося считанием оных. Он принял меня весьма благоприятно и с удовольствием занимался со мною о разных хозяйственных вещах разговорами и угостил обедом. Однако я не нашел в сем вельможе ничего особливаго и такого, чтоб меня могло сделать к нему приверженным или внушить в меня особенное к нему почтение, почему я не имел охоты продолжать с ним дальняго знакомства и был у него в сей раз в первый и последний. Возвратясь от него, успел я еще вместе с женою съездить и побывать у стариннаго нашего друга и знакомца Афанасья Леонтьевича *Офросимова* и препроводил весь остаток сего дня в наиприятнейших с сим любезным стариком разговорах.

А наутрие, севши в свои повозки и поехали мы из Москвы, проводив в ней в сей раз не более одной недели. О возвратном нашем путешествии не могу ничего сказать, кроме того, что мы из Серпухова отправили повозку и людей за моею тещею в Воскресенки, а сами поехали прямо в свое Дворяниново, куда мы 7-го числа в сумерки и возвратились.

Тут не пробыли мы в сей раз уже более одних суток, но и тех почти не видали. Приезжание то того, то другого из наших тутошних друзей и соседей безпрерывно нас занимало. Со всем тем как много я гостями своими ни был занят, однако, по безпрерывному помышлению о новом своем предприятии и по ревностному желанию приступить скорее к делу и началу моего нового журнала, улучил несколько минут свободнаго времени для написания первого пробного листа для моего «Экономическаго магазина». Итак, достопамятно, что он первое свое начало восприял в дворяниновском моем доме и 8-го числа сентября 1779 года.

Как мы поспешали возвратиться в Богородицк к оставленным там нашим детям и к моей должности, а надобно было заехать опять в Калединку, то не стали мы долее медлить и отправились в последующий день в свой обратной путь. В Калединке нашли мы у госпожи Арцыбашевой брата ее, генерала Дмитрия Васильевича *Арсеньев*, и пробыв с ним тут целыя почти сутки, приехали на другой день ночевать к новым родным нашим, господам *Кислинским,* в Федешево, а оттуда, приехав в последующий день в Тулу и по исправлении кой-каких покупок и побывав у Петра Петровича *Толбузина*, 12-го числа благополучно возвратились в Богородицк и, к удовольствию нашему, нашли всех своих детей в добром здоровье.

Тут не успели мы разобраться и несколько от путевых безпокойств отдохнуть и со всеми нашими приятелями повидаться, как, проводив заезжавшаго к нам Дмитрия Васильевича *Арсеньева*, принялся я без дальняго откладывания за настоящее уже начало своего будущаго экономического журнала, и 16-го числа сего месяца сочинил объявление для обнародования и припечатания в газетах об оном, ибо г. *Новиков* просил меня, чтоб тем не помешкать, дабы ему успеть можно было набрать колико можно поболее на оной пренумерантов. И как человек сей, как я после узнал, был какою-то знаменитою и важною особою у масонов и имел обширныя связи и превеликое знакомство, то и имел в том далеко уже не такой успех, как прежний немчура *Ридигер*, я спроворил делом так хорошо, что число подписавшихся к получанию моего журнала простиралось уже и при са-

мом начале до 400 разных особ, и в том числе многие были князья, бояре, генералы и архиереи и прочие всякаго звания люди, и вспомоществовало к тому много весьма то, что цена положена была ему очень умеренная, а особливо для тех, кои расположились получать оной вместе с газетами. А на другой день после сего выправил и кончил я и первый лист сего журнала, начатой в Дворянинове, и чрез несколько дней после того, при случившемся после того отправления канцеляриста моего, *Щедилова*, в Москву, отправил с ним сие объявление вместе с 3-ею частию моей «Детской философии» к г. Новикову для напечатания.

В достальные дни сего месяца не произошло у нас ничего особливаго и мне памятно только то, что мы провели оные наиболее в разъездах по гостям. Были у *Стрекалова, Киреева* и *Толбузина*; угощали у себя заезжавшаго опять к нам губернатора, и что я около сего времени основал и выкопал ту маленькую сажелку против островка, в поле, в которой с того времени и доныне содержатся живые карпы для расхода, поелику случился быть там прекрасной родник.

Наступивший после сего октябрь месяц ознаменовался освящением бобриковской церкви, в которой иконостас и все прочее к сему времени было кончено, и как для сего празднества, так и торжественнаго церковнаго обряда, ездил я в Бобрики и пробыл там суток двое, и дело сие как надлежит исправил.

Происходило сие освящение 5-го октября, а 7-го числа вступил я на 42-й год моей жизни, котораго начало ознаменовалось тем, что я, чрез напечатанное около сего времени объявление о будущем издавании моего журнала, вступил в то знаменитое поприще, которое обратило на меня внимание всей публики, и я взошел равно как на пьедестал и подверг себя суждению всех моих соотечественников. Признаюсь, что при получении, 13-го числа, печатнаго о журнале моем объявления вострепетало во мне сердце от неизвестности, будет ли новое предприятие мое публикою одобрено и получит ли дело мое лучший успех, нежели каков был прежний.

Получив сие объявление, поспешил уже я отправлением в Москву и материи для первых листов моего будущаго журнала, и как онаго у меня довольно уже заготовлено было прежде и стоило мне только привесть оный в порядок, то к случившемуся на другой день после сего отъезду нашего архитектора в Москву и успел я нарочитую кипку онаго вместе с 4-ю частию моей «Детской философии» к г. Новикову отправить.

По учинении сего, стал я готовиться к обыкновенному празднованию дня моих именин, в которой хотелось мне сделать у себя добрую пирушку и угостить у себя всех своих, и городских и уездных друзей и знакомцев. Итак, был у меня в сей день сборной обед, а ввечеру некоторой род и бала, и мы таки поплясали и порезвились довольно по своей вере, и день сей провели с удовольствием и весело.

Впрочем, вступление в сей новый год моей жизни ознаменовалось особенным предприятием и таким делом, котораго у меня до того никогда на уме не было, а именно, нечаянным восхотением смастерить у себя небольшой домашний театр, на котором бы все наши дети могли представлять кой-какия театральныя пиесы. Первый повод к тому подала наивзрослейшая из детей наших, а именно падчерица г. Арсеньева, и сын и дочь нашего городничаго. Как им много раз случалось видать театры, то, по обыкновению молодых людей, полюбили они сии зрелища и получили вкус в представлениях, и, будучи между собою дружны, при частых между собою свиданиях декламировали нередко друг перед другом кой-какия затверженныя ими из трагедий и других театральных сочинений монологи и речи и друг друга тем себя утешали. Долго о сем я ничего не знал и не ведал, но как, наконец, случилось мне однажды их в таковых декламациях застать и способность и особенную охоту их к тому увидеть, то, имея сам с малолетства приверженность ко всем театральным зрелищам и упражняясь в молодости сам в подобных тому декламациях, похвалил я всех оных. И тогда вдруг вздумалось мне им предложить, не расположатся ли они выдумать какой-нибудь целой театральной, хотя небольшой пиесы, и не можно ли нам вдобавок к ним набрать еще кое-кого из их общества, дабы составилась целая труппа, и всем им можно б было представить уже целую пиесу. Мысль сия полюбилась всем им чрезвычайно.

– Ах! Как бы это было хорошо! – воскликнули они все в один голос. – А особливо, если бы вы, батюшка Андрей Тимофеевич, приняли на себя труд распорядить сим делом и быть нашим в сем случае руководителем и наставником; а что касается до нас, то мы с великою охотою к тому готовы, а не сомневаемся, что найдем и некоторых других из наших братьев, к тому согласных.

– Очень хорошо, – сказал я им на сие, – я не только принимаю с охотою на себя сие приятное бремя, но посмотрю, не отрекусь, может быть,

и сам взять в том соучастие и вместе с вами представлять какое-нибудь лицо в представлении.

– О, как бы это было хорошо! – воскликнули они опять. – И как бы вы нас тем одолжили и утешили.

– Извольте, извольте! И за чем дело стало? Давай теперь же советовать о том, какую бы нам избрать для сего пиесу и кого из детей и пансионеров приобщить к нашему обществу.

К сему мы и действительно в самый тот же час приступили, и как у детей нашего городничаго на ту пору случилась и маленькая театральная пиеса, под названием «Безбожник», то и положили мы на первый случай употребить к тому ее; и как для представления оной не требовалось и людей многих, то тотчас и расположили мы, кого именно употребить под какия роли. И как и назначенныя к тому дети с охотою на то согласились, то, не долго думая, и приступил я к сему новому не только для них, но и для самого себя упражнению и такому делу, в каком я сам никогда еще не упражнялся; но склонность, охота и опытность чему нас научить не может!

Мое первое дело состояло в росписании всех ролей и в раздаче их всем назначенным актерам для вытверживания наизусть; и я не успел сего сделать, как чрез немногие дни и имел удовольствие услышать, что они были все у них уже и вытвержены и что если мне угодно, то могли бы они оказать первый опыт или сделать маленькую репетицию. «Очень хорошо! – обрадуясь, сказал я. – И за чем же дело стало? Пожалуйте, соберитесь ко мне хоть послезавтрева все, и мы попробуем».

Все они и не преминули ко мне в назначенный день собраться, и как к тому времени вытвердил и я свою роль, то и пошло у нас дело. Но признаться надобно, что имел я довольно труда к настраиванию всех их к лучшим декламациям и представлению, и не один, а несколько раз принужден был их для сего собирать и давать им свои наставления.

Между тем как сие происходило, помышляли и советовали мы между собою о том, где бы нам пиесу сию представить порядочным образом; и как ни у кого в домах наших не было удобности и довольно просторной к тому комнаты, то пришла мне мысль назначить к тому одну побочную просторную комнату во дворце нашем и соорудить в ней на скорую руку порядочной театрец с кулисами, занавесом, скамьями для зрителей и прочими принадлежностьми. И как у меня в команде были и столяры, и маляры, и всякие художники, то по обыкновенной моей в таких случаях не-

терпеливости тотчас я и приступил к сему делу и трудился над тем так ревностно и с такою прилежностию, что в немногие дни и поспел у нас маленький и довольно порядочный театрик. Причем надо было сказать, что при сем деле весьма много помогал мне и наш француз учитель, который, будучи любопытным человеком и сам превеликим к таким затеям охотником, не только предприятие наше одобрил, но и сам брал деятельное в трудах моих соучастие и не только охотно принял на себя труд быть при представлении нашим музыкантом, но, поступив далее, вздумал из самых маленьких наших детей составить некоторый род балета и научить их оной пропрыгать. А не успели мы сего вздумать, как и пошло у нас резанье, и кромсанье, и шитье на всех их прекраснаго пастушечьяго платьица и учение их сему особого рода танцованию; а большие между тем чрез часто повторяемыя репетиции делались час от часу к декламациям и представлению способнейшими.

Над всем сим мы с толиким усердием и ревностию трудились, что к половине ноября поспел у нас уже совсем театр, и 17-го числа могли мы на оном сделать уже и первую и порядочную репетицию. И как оная была довольно удачна, то 24-го числа ноября и назначили мы к формальному пиесы нашей представлению. Итак, пригласив для зрелища сего к себе всех наших друзей и знакомцев, в городе и вблизи онаго живущих, и представили мы пиесу свою в первый раз, и столь хорошо, что приобрела она от всех совершенную похвалу и общее одобрение. Сие неведомо как ободрило и утешило всех наших детей, не только взрослых, но и самых маленьких, ибо и балетец, ими представленный, всем так полюбился, что все не могли довольно принести им похвал. Словом, не только всем им, но и всем друзьям и знакомцам нашим, а особливо отцам и матерям детей, доставили мы тем превеликое удовольствие, и всеми приносимы были мне за то многия благодарения; я же в благодарность за то угостил их всех у себя большою вечеринкою и балом, и день сей был для нас весьма достопамятным.

Чрез несколько дней после того, по случаю приезжих к нам нескольких гостей, представили мы пиесу сию в другой, а около половины декабря в третий раз с равным от всех одобрением; но как я легко мог заключить, что дальнейшее представление одной и той же пиесы может и детям, и зрителям прискучить, то стали мы помышлять о приискивании еще какой-нибудь и другой театральной пиесы, удобной для представления нашим детям. Но как найтить таковую не так было легко, как сначала казалось,

ибо возраст детей величайшие предлагал к тому препоны, то, прилепившись к сему делу и желая колико можно продолжать его далее, вздумал я, при начале декабря, испытать, не могу ли я выдумать и сочинить сам какой-нибудь комедии, расположенной таким образом, чтоб все действующия в нем лица действительно сообразно были и с самими летами, возрастом и свойствами тех детей, которыя долженствовали представлять в ней разныя роли. Предприятие поистине отважное и не весьма с моими к тому способностями согласное, ибо я никогда еще в таких сочинениях не упражнялся. Со всем тем не успел я приступить к сему делу, как против всякаго чаяния полилась материя из пера моего, как река, и первый опыт сей против самаго ожидания удался так хорошо, что дня чрез два поспела у меня и целая комедия в трех действиях, и столь смешная и заключающая в себе столь много моральнаго, сатирическаго и комическаго, что я, как сочинитель, был ею очень доволен и решился, набрав из детей всех действующих лиц, и в том числе самого моего малютку сына, и расписав все роли, заставил их все оныя вытвердить; к чему они не только охотно согласились, но и с таким рвением к тому пристали, что к началу следующаго года совсем ее вытвердили. И как главною целью оной было, с одной стороны, осмеяние лгунов и хвастунов, невежд и молодых волокит, а с другой чтоб представить для образца добронравных и прилежных детей и добродетельныя деяния, то и назвал было я ее сперва «Залыгалою», но при переписке набело придал название «Честохвала»[1].

В сих особенных занятиях, а при том при ежедневном продолжении писания и заготовления вперед материала для моего «Экономическаго магазина», равно как при частых по-прежнему съездах и свиданиях с нашими в тогдашней жизни сотоварищами, протекали нечувствительно все первые зимние и последние в сем году месяцы. Дружба, единодушие и безпрерывное согласие между всеми нами продолжала господствовать ненарушимо, и можно сказать, что тогдашняя жизнь наша была не только не скучна, но отменно еще и приятна, и чем далее продолжали мы сим образом жить, тем становилась она лучше и приятнее и для всех нас утешнее, и таковою, что мы и поныне время сие вспоминаем не инако, как с удовольствием особым.

Между тем не упускаемы были мною нимало и дела, до волостнаго правления относящияся, с тою только, однако, пред прежним отменою, что

[1] Залыгала – лжец; честохвал – хвастун.

я далеко уже не так надрывался над разными по волости затеями, как делал я прежде из искренняго усердия и любви к старику, моему прежнему командиру. Воспоследовавшая перемена и приезд к нам молодого князя и холодное его со мною обращение охладили во мне весьма много прежнее рвение, и я, видя, что ему все деяния и затеи мои были не угодны, получил и сам стремление быть похладнокровнее и производить только то, чего требовала необходимо моя должность или что именно от него мне будет приказано, и располагался все остающееся от дел по должности праздное время употреблять лучше собственно для себя, нежели на такия дела и труды и предприятия, за которыя не мог я ожидать от командира своего ни похвалы, ни благодарности. А нельзя сказать, чтоб он при помянутых приездах приобрел поступками своими и от других кого-нибудь к себе любовь и почтение, но, напротив того, вся волость и все мои подкомандующие возымели об нем с самаго уже начала не весьма выгодныя мнения, а многие даже его возненавидели, и вместо того, что старика князя почитали своим отцом и попечителем, сего сынка его стали как некакого лесного медведя бояться.

В сих обстоятельствах застал меня самый конец 1779-го года, который, по случаю Святок и праздников, провели мы в сей год отменно весело. Не проходило ни одного дня, в который не были бы мы вместе. И как случилось около сего времени много к нам приезжих издалека, то и они все всюду и всюду с нами ездили и везде вместе с нами пировали и веселились, то сие придавало еще более нашим Святкам приятности. Словом, все у нас было так хорошо, так весело и так приятно, что заезжавший к нам в сие время и на третий день праздника обедавший у меня губернатор брал сам в увеселениях наших соучастие и завидовал даже нашей жизни, говоря, что они в губернском городе такими приятностьми дружеской и простой жизни не пользуются, как мы, живучи тут в маленьком городке.

Окончив сим историю сего года, окончу я и сие письмо мое и с ним 19-ю часть описания моей жизни, а в последующей за сим 20-й части пойду далее и разскажу вам, что происходило в течение 1780-го года и других последующих за ним; а между тем, пожелав вам всех благ, остаюсь ваш и прочее.

(Декабря 8-го дня 1809 года).

Конец
девятнадцатой части
(Сочинена в течение 34-х дней, в ноябре и декабре 1809 года).

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА ЗАПИСОК А. Т. БОЛОТОВА

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ
Продолжение истории моей деревенской жизни по отставке вообще, и в особливости моей женитьбы
1764–1765
CXI. Первое свидание. – Мысли о женитьбе. – Сновидение особое. – Уговор с немкою. – Зов к смотру. – Приготовления. – Неожиданный гость. – Беседы с Писаревым о сватовстве. – Отговаривание меня. – Смотрины. – Невеста. 5
CXII. Новое сватовство. – Размышления мои после смотра. – Притворство. – Предложение мне другой невесты. – Открывшийся обман Писарева. – Разговор со свахой. – Слухи о моем колдовстве 18
CXIII. Приезд неожидаемой и приятной гостьи. – Свидание с старшей сестрой. – Радость моя. – Известия о младшей сестре. – Совет. – Посещение отца Иллариона. – Коммиссия, данная ему мною. – Предложение мне еще невесты. – Отказ мой. – Поездка сестры к невесте. – Отзыв ея о моей невесте. – Прощание с сестрою навсегда 31
CXIV. Сватовство и сговор. – Формальное предложение. – Получение согласия. – Назначение дня сговору. – Мое затруднение по недостатку советников. – Покупка подарков. – Поправка дома. – Езда на сговор. – Дом невесты. – Смятение духа. – Гроза. – Сговор. – Последующий день. – Поездка к невесте. – Равнодушие ея ко мне. – Смущение мое. – Размышления о женитьбе 43
CXV. Приуготовления к свадьбе. – Поездка в Москву. – Покупки. – Приближение свадьбы. – Мое волнение. – Свадебныя приготовления. – Последния распоряжения . . 56
CXVI. Моя свадьба. – Канун свадьбы. – Привоз приданого. – Чувства мои перед свадьбой. – Молитва. – Благословение меня образом. – Поездка в церковь. – Совершение брачнаго обряда. – Свадебный ужин. – Княжой пир. 63
CXVII. Свадебные визиты. – Разъезды по гостям. – Новые родные. – Новыя знакомства. – Характер моей жены. – Теща 70
CXVIII. Упражнения и езда в Тамбов. – Сельская экономия. – Садоводство. – Первые плоды. – Комиссия о лесах. – Указ о лесах и землях. – Поездка в Тамбовскую деревню. – Город Ранибург. – Конокрады. – Тамбов. – Опасность в Данкове. – Возвращение домой. – Переделка дома. – Разбой. – Убиение дьякона. – Смерть сестры 80
CXIX. Езда в Цивильск. – 1765 г. – Дед жены. – Сборы к путешествию. – Пребывание в Москве. – Приятность – путешествия. – Езда Волгой. – Город Цивильск. – Обморок в бане. – Повальная горячка в Цивильске. – Выезд из города. – Нечаянное открытие. – Обратное путешествие. – Возвращение домой. – Самоубийство дворовой женщины 94

CXX. Печальныя происшествия. – Болезни в доме. – Известие о болезни московскаго дяди. – Поездка в Москву. – Последние дни жизни дяди. – Бездельничество врачей. – Смерть дяди. – Перевезение тела в деревню. – Погребение. – Заботы об оставшемся после дяди сыне. – Новыя знакомства. – Дружба с Полонским. – Судьба постигшая Писарева. – Мои литературныя упражнения. – Болезнь жены 106

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Продолжение истории моей первой деревенской жизни по отставке и по женитьбе
1766–1769

CXXI. Моя деятельность. – Занятия по дому. – Работы в саду. – Восьмая поездка в Москву. – Покупка первой части «Трудов Вольно-Экономическаго Общества». – Чтение книги и сочинение ответов. – Посылка ответов в Общество. – Происшествие с волком – Украшение сада. – Рождение сына. – Крестины. – Опьянение. –Получение письма из Вольно-Экономическаго Общества. – Смерть сестры Прасковьи. – Манифест о межевании. – Сочинение о лесах 120

CXXII. Хлопоты. – Две свадьбы. – Веневские помещики. – Окончание сочинения о лесах. – Получение второй части «Трудов» Экономическаго Общества. – Первыя мои сочинения в печати. – Смерть Никиты Болотова. – Домашняя астролябия. – Крестины у Полонскаго. – Волнинское межевание. – Опасность на охоте. – Новый сосед. – Раздел леса. – Оспа. – Смерть сына. – Престольный праздник 135

CXXIII. Раздел братьев. 1767 г. – Приготовления к разделу. – Характеры братьев. – Кидание жребия. – История с хмельником. – Поселение брата Михаила. – Комиссия для составления проекта новаго уложения. – Дело с кн. Горчаковым. – Разъезды. – Увеселения, игры и выдумки 148

CXXIV. 1768 год. – Встреча Новаго года. – Поездка в Москву. – Покупка земли. – Первая карета. – Избрание меня в члены Экономическаго общества. – Собрание всей нашей фамилии. – Смерть тетки. – Падение. – Свадьбы. – Гроза. – Сборы к езде в Тамбов 160

CXXV. Вторая езда в Тамбовскую деревню. – Новая дорога. – Город Епифань. – Пребывание в Болотовке. – Соседи. – Обида от Рахманова. – Свидание с соседом. – Осмотр земли. – Знакомство с Соймоновым. – Смешное происшествие –разсказ крестьянина 169

CXXVI. Степныя происшествия. – Осмотр земли с соседом. – Спор. – Измерение земли. – Тамбовские помещики. – Угощение г. Тараковскаго 181

CXXVII. Развод с землею. – Отсрочка. – Поездка в степи. – Раздел земли. – Окончание межевания 196

CXXVIII. Обратная езда в дом. – Обратный путь. – Великолепное зрелище. – В гостях у М. П. Бабина. – Тамбовские архиереи и воеводы 205

CXXIX. Домашняя жизнь. – Закладка новаго дома. – Письмо от Нартова. – Болезнь дочери. – Лекарь Ерофеич. – Первое прививание оспы. – Война с турками. – Именины. – Новый гость. – Слухи о требовании в полк отставных офицеров. – Рождение сына Степана. – Крестины. – Моя библиотека. – Переплетание книг 212

CXXX. 1769 г. Разныя происшествия. – Смерть бабушки и брата. – Повальныя болезни. – Дороговизна соли. – Жестокость помещиков. – Деревянный замок. – Первыя газеты. – Катанье с гор. – Приступление к постройке дома. – Продажа деревни. – Перевод трагедии «Вольнодум». – Крестины у брата Матвея. – Работы в садах.– Размежевание с кн. Дашковой. – Астролябия. –Зыбинское межеванье. – Убиение помещицы Вяткиной. – Смерть Ивановны. – Межевание в Калитине. – Поездка в Коростино. – Буря 224

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Продолжение истории моей первой деревенской жизни по отставке вообще
1769–1770

CXXXI. Деревенская жизнь. – Гости. – Опыт с тюльпанами. – Езда в Каверино. – Каверинское межевание. – Каверинские помещики 239

CXXXII. Хлопоты с межеваньем. — Зов на межеванье в Новики. – Слухи о приближении межеванья в моем Калитине. – Нерешимость моя. – Поездка в Новики. – Гроза. – Возвращение домой. – Опять езда в Новики. – Досада моя. – Свидание с Дьяконовым. – Испуг от грозы. – Церковь, построенная княгиней Дашковой. – Свидание с межавщиком. – Смерть тетки. – Получение письма из Вольно-Экономическаго Общества. – Премия. – Пропадание младенцев. – Дево-боярыня Трусо-Ладыженская. – Сбирание плодов. – Чувствования мои 3 сентября – годовщина приезда со службы в деревню. – История о воротах – разсказ приходскаго священника 249

CXXXIII. Описание новаго дома. – Устройство дома. – Местоположение. – Переход в новый дом. – Молебен. – Первый вечер в новом доме. – Стоимость дома. – Странности брата Матвея. – Мои упражнения. – Новоселье. – Приезд в деревню родных. – Игры. – Болезнь. – Опасность от пожара. – Мои сочинения. – Опять болезнь. – Турецкая война. – Слухи о разбоях. – Езда тещи в Москву. – Лихорадка . . 265

CXXXIV. Новый 1770 г.—Чувствования мои в новый год. – Выздоровление. – Святки. – Дед Авраам Семенович. – Северное сияние 278

CXXXV. Неприятная коммиссия. – Ссора братьев. – Жалоба мне на старшаго брата. – Хлопоты мои о примирении поссорившихся. – Успех мой. – Новая коммиссия. – Сватовство Ферапонтова. – Сговор. – Приезд племянницы. – Езда в Полозово. – Мятель. – Смешное приключение в дороге 283

CXXXVI. Свадьба г-жи Хотяинцовой. – Характер невесты. – Приглашение на свадьбу. – Свадебныя приготовления. – Ссора невесты с матерью. – Отправление приданаго. – Неожиданное препятствие. – Венчание. – Пиры я празднества. – Пост и говенье. – Знакомство с г. Кислинским. – Литературныя занятия. – Болезнь тещи. – Приближение весны. – Половодь 294

CXXXVII. Святая неделя. – Езда к заутрени. – Обновление природы. – Удовольствие мое. – Препровождение Пасхи. – Занятия в садах. – Визит молодых. – Необыкновенныя крестины. – Болезни. – Смерть дяди моего Каверина. – Опасность. . 304

CXXXVIII. Весна. – Работы в садах. – Устройство фонтана. – Находка. – Приходский праздник. – Отлучка. – Езда в Калугу. – Домашняя астролябия. – Исчисление плана. – Семейная конференция. – Заботы мои. – Препоручение Щербинина. – Окончание «наказа управителю». – Возвращение брата из Петербурга. – Хлопоты и безпокойства мои по межеванию. – Ошибка моя. – Езда в Серпухов. – Неудачи в Серпухове. – Окончание Калитинскаго межевания. – Переписывание и отправление «Наказа...» в Петербург 313
CXXXIX. Неприятности. – Размолвка с домашними. – Получение известия о смерти зятя. – Горесть его дочери. – Хлопоты об отправлении ея в Кашин. – Отъезд племянницы. – Помещики Хитровы. – Встреча с князем Горчаковым. – Помещик Селиванов. – Обстоятельства дач наших 330
CXL. Межеванье. – Приближение межевания. – Межевщик Лыков. – Поимка мужика, воровавшаго лес. – Суд. – Межевание с волостными. – Хитрость и лукавство межевщика. – Сон. – Споры по межеванью с волостными. – Окончание размежевки с волостью. 344

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
Продолжение истории моей первой деревенской жизни по отставке вообще, а в особливости-ж бывшаго межеванья
1770–1771
CXLI. Продолжение межевания. – Опасения мои. – Дружба с Хитровым. – Приезд из Кашина тещи и племянницы. – Размежевание с Хитровым. – Спор с кн. Горчаковым о Неволочи. – Межевание наших дач. – Окончание размежеванья с соседями. – Удовольствие мое 367
CXLII. Призыв меня в Кашин. – Письмо из Кашина. – Мои ответы. – Болезнь племянницы. – Нестроение мое. – Составление письма в Нарышкину.– Начало «Сельскаго жителя». – Свидание с кн. Горчаковым. – Сговор у г-жи Иевской. – Размежевание с попами. –Присылка из Вольно-Экономическаго Общества. – Сборы к езде в Кашин 383
CXLIII. Путешествие в Москву. – Приготовления к путешествию. – Размышления в дороге. – Дорожныя впечатления. – Город Серпухов. – Остановка. – Приключения. – Размышления при виде Москвы. 395
CXLIV. Пребывание в Москве и езда в Кашин. – Приезд в Москву.– Ивановская колокольня. – Покупка XII части «Труд. В. Эк. Общ.». – Свидание с Полонскими. – Выезд из Москвы. – Чтение «Наказа...», составленнаго Вульфом. – Дорога от Москвы до Кашина. – Город Дмитров. – Опасность в лесу. – Знакомство с Копыловым. – Свидание с Коржавиным. – Приезд в село Веденское 411
CXLV. Хлопоты по делу племянниц. – Разсказ старушки о происшествии в церкви. – Свидание с племянницами. – Пребывание у г. Баклановскаго. – Знакомство с г-жей Калычевой. – Переговоры с мачехой племянницы. – езда в Кашин. – Город Кашин. – Писание крепостных записей. – Город Углич. – Выезд из Веденскаго 426

CXLVI. Калитинское дело. – Межевание в Калитине. – Езда в Малое Грызлово. – Раскаяние мое в затеянных спорах. – Примирение спорщиков. – Езда в серпуховскую межевую контору. – Игра в кидалку. – Игра «Акулинка». – Окончание спора с Пестовым. – Игры и увеселения. – Сговор г-жи Лихаревой. – Свадьба Волосатова . . 440
CXLVII. Приезд дорогих гостей и получение золотой медали. – Приезд деда Аврама Семеновича и г. Арцыбашева. – Г. Пушкин. – Известие о присуждении мне золотой медали. – Первые слухи о моровой язве. – Получение золотой медали. – Удовольствие мое. – Поздравления. – Изобретение новой игры. – Увеселения. – Безпорядок в натуре – половодь зимою. – Турецкая война и победы наших над турками. – Приезд в Москву прусскаго принца Гейнриха. – Смерть зятя 457
CXLVIII. 1771 год. – Препровождение новаго года. – Слухи о моровом поветрии в Москве. – Предохранительныя средства от чумы. – Отъезд племянниц в Кашин. – Приобретение аглицкой ржи. – Смерть г. Стахеева. – Опасения мои. – Езда в Калединку. – Приключение на возвратном пути. – Составление статьи о разделении полей. – Удивительная пропажа – Шлифование камней. – Сватовство г. Арцыбашева. – Неприятная просьба. – Хлопоты по межеванию с волостными. – Говенье. – Получение «Экономическаго Лексикона». 469
CXLIX. Рождение сына и споры по межеванию. – Опасения мои за жену. – Радость при рождении сына. – Поздравления. – Крестины. – Происшествия сопровождавшия рождение сына. – Семейный совет по поводу спора с кн. Горчаковым о Неволочи. – Протест брата Матвея. – Чтение и переплетание книг. – Разбивка сада. – Окончание спора о Неволочи. – Размежевание и споры с волостными 482
CL. Домашния дела. – Обучение племянника. – Новый ученик. – Крестины у брата Матвея. – Занятия в садах и составление красок. – Хлопоты по межеванию. – Призыв меня в Кашин. – Литературныя упражнения. – Разъезды по соседям. – Сватовство г. Арцыбашева и езда в Воскресенки. – Возвращение в Дворяниново. . . . 498

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ
Продолжение истории моей первой деревенской жизни по отставке вообще, а в особенности о бывших происшествиях в нещастное время морового поветрия
1771–1773
CLI. Бедствия в Москве. – Появление чумы. – Откуда пришла она к нам. – Распространение ея в Москве, вследствие непринятия предосторожностей заблаговременно. – Первый испуг от чумы у нас. – Совещания о том, как помочь горю. – Чувствования мои и размышления по поводу сего народнаго бедствия. – Тогдашния понятия наши о чуме. – Успокоение. – Опять испуг. – Учреждение частных смотрителей. – Предосторожности наши от чумы. – Слухи о московском народном мятеже. – История мятежа. – Причины его. – Преосвященный Амвросий. – Поступки попов. – Корыстолюбие городскаго плац-майора. – Народное возмущение. – Разграбление Чудова монастыря. –Нападение на Донской

монастырь. –Мученическая кончина архиепископа Амвросия. – Дальнейшие замыслы черни. – Петр Дмитриевич Еропкин. – Меры его против черни. – Прекращение мятежа 507
CLII Прекращение чумы. – Употребление колодников для зарывания тел, умерших чумой. – Награждение Еропкина. – Отправление графа Орлова в Москву для употребления стараний к прекращению чумы. – Пожар в Головинском дворце. – Конец чумы в Москве. – Слухи о случаях чумы по соседству. – Алчность попа Ивана. – Молебен о прекращении язвы. – Чума в Злобине и окружающих нас деревнях. –Наше смятение. – Получение серебряной медали от Вольно-Экономическаго Общества. – Чувствования мои. – Заказ от Общества. – Народное суеверие. – Мои именины. – Занятия мои. – Хлопоты с братом Михаилом Матвеевичем. – Езда в Сенино. – Переполох. – Моя болезнь. – Испуг мой. – Выздоровление. – Празднование приходскаго праздника. – Чертенок моего изобретения. – Езда в Алексин. – Конец 1771 года 527
CLIII. 1772 год. – Чувствования мои по случаю новаго года. – Мои упражнения. – Книга «О счастии». – Отъезд деда. – Рождение племянницы Александры. – Плоды празднаго времени. – Раздел леса Удерева. – Брат Гаврила Матвеевич. – Раздел другого леса. – Знакомство с Темешовым и Ворониным. – Повестка от межевщика. – Рисование портрета Петра Великаго. –Изобретение колокольной водяной игры. – Неудачное сватовство Темешова. – Езда в Чернскую деревню. – Находка денег. – Заболевание удивительными и ненатуральными болезнями. – Приезд племянниц из Кашина. – Разведение орешниковаго сада. – Слухи о межевании 542
CLIV. Вторичная езда моя в Шадск. – Путешествие мое. – Тульские оружейники. – Занятия с племянником. – Встреча с Казариновым. – Поимка Степана Лахмыта. – Безсовестныя требования квартирной хозяйки. – Приключение на мосту. – Село Богучалок. – Деревянные лапти. – Село Змеево. – Хороводы. – Поп села Никольскаго. – Препровождение времени в дороге. – Село Лысыя Горы. – Коптевский однодворец. – Приезд в свою деревню. – Свидание с Рахмановым. – Рахмановские единомышленники. – Посещение Соймонова. – Свидание с степными дворянами. – Обстоятельства моих переговоров. – Возвращение в Дворяниново 555
CLV. Межеванье. – Приезд межевщика Чаплина. – Тревожное состояние духа соседей и радость их при моем приезде. – Свидание с Чаплиным. – Болезнь тещи. – Слухи о призвании отставных в военную службу. – Смущение мое. – Размежевание пустошей. – Открытие плутовства Лыкова. – Сочинение мое о хмелеводстве. – Сговор Темешова. – Езда в Тулу к лекарю. – Мои сочинения. – Езда в Каширу 575
CLVI. 1773 год. – Размышления о моем положении. – Новыя ученицы. – «Кунсткамера душевная». – Знакомство с Раевским. – Крестины у Руднева. – Болезни в доме. – Занятия с детьми. – Загадки моей выдумки. – Странное происшествие с водкой. – Перевод «Китайской истории». – Преподавание телематологии. – Тогдашние лекаря. – Улучшение моего способа преподавания 582
CLVII. Переписка с Нартовым. – Первое письмо от него. – Затруднение мое. – Ответ Нартову. – Изобретение рабочей тележки. – Молебен о заболевших. –

Болезнь Матвея Никитича. – Поездка к межевщику в Серпухов. – Миротворение. – Требование в Москву. – Смерть Матвея Никитича. – Погребение его. – Жизнь его. – Характер. – Завещание его. – Споры мои с его женой. – Благосклонность ко мне г. Нартова. – Предложение кн. Гагарина. – Колебание мое. – Знакомство с губернатором Щербининым. – Совещание о предложении кн. Гагарина. – Ответ на него. – Дружба с Щербининым. – Сравнение войны вещественной с войной духовною. – Упражнения мои 597

CLVIII. Приглашение в Москву. – Ответ г. Нартова. – Призыв в Москву для переговоров о предложении управительской должности. – Нерешение мое. – Советы друзей. – Находка лекарственных камней. – Первый опыт применения их к страждущим каменною болезнью. – Успех. – Разнообразная полезность энкрита. – Езда в Серпухов. – Благоприятство ко мне межевщика. – Особливое сновидение. – Письмо от кн. Гагарина. – Поездка в Москву. – Действия Промысла Господня. – Первое свидание с князем Гагариным. – Посещение московских знакомых. – Гулянье в Головинском саду. – Дом г. Офросимова. – Доктор Вельяминов. – Вторичное свидание мое с князем. – Ответ Нартову 612

CLIX. Езда в Бобрики. – Возвращение из Москвы домой. – Чтение поэмы «Иосиф». – Приготовления к поездке в Бобрики. – Посещение Щербининых. – Крузианская философия. – Езда в Бобриковскую волость. – Мещанское гульбище в Туле. – Чувства мои при въезде в Бобрики. – Политика моя. – Слухи о назначении меня управителем. – Мучительное ожидание князя. – Упражнения от скуки. – Приезд князя. – Закладка дворца. – Управитель Опухтин. – Прославленное издревле Иван-озеро. – Обращение со мной князя. – Осмотр Богородицка. – Обяснение с каязем. – Поступок г. Опухтина. – Неудача. – Возвратный путь 629

CLX. Разгадка моей неудачи. – Приезд в Дворяниново. – Разочарование родных. – Болезнь детей. – Успех моей философии. – Возвращение к прежним занятиям. – Моя уловка. – Причины моей неудачи. – Хитрость Опухтина. – Раздел пустоши. – Окончание спора с волостными. – Смерть Руднева. – Езда в Котово и Тарусу. – Смерть моего сына Степана. – Болезнь дочери Елизаветы. – Известия из шадской деревни 644

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Продолжение истории моей первой деревенской жизни по отставке вообще, а в особенности о третичной моей езде в шадскую деревню и о бывшем там первом межеванье

1773–1774

CLXI. Межеванье. – Езда в шадскую деревню. – Соседи. – Пашковы деяния. – Однодворец Лука Черной. – Наши совещания. – Тайный совет с Сабуровым. – Изучение документов. – Тревога в степи. – Опять совет. – Слухи о Пашкове. – Наш форпост. – Болезнь племянника 660

CLXII. Продолжение. – Приезд Пашкова. – Переполох между соседями. – Поверка о межевании. – Шутка с курдюкскими помещиками. – Обед у Соймонова. – Приезд

курдюкских дворян. – Генеральное рандеву на Красном кургане. – Рахмановский прикащик. – Ожидание межеванья. – Межевщик Петров. – Первый выезд на межеванье. – Мое первенство при межеваньи. – Раздражение мужиков. – Миротворение. – Начало межеванья. – Писание епистолии 675
CLXIII. Продолжение. – Положение и обстоятельства спорной степи. – Плутовство Пашкова. – Наши замыслы и затруднения. – Случайная удача. – Дружеское расположение ко мне гг. Сабурова и Соймонова. – Вторичный генеральный совет. – Поступки г. Свитина. – Ужин среди поля. – Смехи и издевки 687
CLXIV. Спор. – Рекогносцирование. – Мнимый лазутчик. – Странная межевщикова поступка. – Замыслы Пашкова и межевщика. – Наши межевыя сказки. – Умиротворение межевщика. – Успех. – Заявление спора на меже. – Смятение межевщика и Рыбина. – Ночь в поле 697
CLXV. Новое замешательство Рыбина. – Догадки мои о совещаниях межевщика с Рыбиным. – Предосторожность. – Подтверждение догадки моей. – Результаты размышлений Рыбина. – Моя хитрость. – Обед в поле. – Комедия с г. Свитиным. – Осторожность. – Межеванье у речки Паники. – Новая комедия с Свитиным 707
CLXVI. Родивон Черной. – Тщетный гнев Пашкова. – Благодарности мне от соседей. – Месть Пашкова. – Возражение мое. – Нечаянное открытие. – Одурачивание Пашковым Родивона Чернаго. – Показания понятых. – Досадное обстоятельство. – Неудача Рыбина. – Проворство наших. – Проделка с Черным. – Скоропостижный обед. – Ожидание Чернаго. – Решительный приступ к Рыбину. – Хитрость. – Сын Луки Чернаго. – Мое объявление. – Окончание спора. – Знакомство с Мосоловым. – Наставление Сабурову. – Новости с межи 719
CLXVII. Ссора на меже. – Проделки Пашкова и его единомышленников с Сабуровым. – Недоумение Сабурова. – Добродушие его. – Приезд Пашкова. – Рев на Сабурова. – Ругательства Пашкова. – Бегство с межи. – Призыв на межу. – Совет Сабурову. – Протест его. – Результат. – Присылка за мной от Пашкова. – Отказ мой. – Вторая присылка 731
CLXVIII. Окончание межеванья и наша победа. – Езда к Пашкову. – Прием мне от него. – Извинения передо мной. – Старания о примирении. – Обед у Пашкова. – Неудача в примирении. – Перерыв в межеваньи. – Совет с Нестеровым. – Новая попытка Пашкова мириться со мной. – Полюбовная речь с межевщиком. – Конец межеванью и наше торжествование. – Снимание на план усадьбы. – Потеха с Свитиным. – Благодарственный молебен. – Последний генеральный совет. – Прощание с соседями 747
CLXIX. Возвращение домой. – Приезд в Дворяниново. – Радость домашних. – Письма от Нартова. – Новое предложение князя Гагарина. – Разстройка моих мыслей. – Обстоятельства предлагаемаго мне места. – Отказ мой. – Ответ на письма г. Нартова. – 36-й год моей жизни. – Осенния упражнения. – Рождение дочери Настасьи. – Основание книжки: «Чувствования христианина при начале и конце каждаго дня в недели». – Неожидаемый приезд племянника Неклюдова. . . . 759

CLXX 1774 год. – Праздничныя игры и забавы. – Езда в Кашин. – Пребывание в Москве. – Свидание с г. Сабуровым. – Слух о бунтовщике Емельке Пугачеве. – Приезд к племянницам в Веденское. – Разъезды по соседям. – Масленичные пиры и празднества. – Отъезд из Веденскаго. – Еще слухи о Пугачеве. – Возвращение домой. – Письмо от г. Нартова. – Поручение Вольно-Экономическаго Общества, – Неудовольствие. – Занятия с учениками. – Экономическия упражнения. – Наступление весны. – Заведение плодовитаго сада. – Ботанизирование. – Досада на Вольно – Экономическое Общество. – Последние дни в своей деревне 768

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ

История моего пребывания в Киясовке

1774–1775

CLXXI. Неожидаемое новое предложение князя. – Присылка ко мне от князя секретаря. – Предложение управительской должности в Киясовской волости. – Волнение мое. – Уговаривания секретаря Шебашева. – Недоумение домашних. – Домашний совет. – Согласие мое. – Сборы в путь в Киясовку. – Приезд в Киясовку. – Осмотр села. – Составление описи всех сел Киясовской волости. – Приезд в Москву и свидание с князем. – Решение о поступлении моем в должность управителя. – Первый труд. – Молва об успехах Пугачева. – Настроение народа и наши опасения. . 781

CLXXII. Дела по новой волости. – Езда с князем в Киясовку. – Подробный осмотр волости. – Предположения об устройстве волости. – Удовольствие князя. – Новыя вести о Пугачеве. – Княгиня Белосельская и ея родственники Салтыковы. – Критические разговоры с Б. М. Салтыковым. – Знакомство с кн. Белосельской. – Неожидаемое предложение от Салтыковых. 793

CLXXIII. Езда моя с господином Салтыковым в Серпухов и в Киясовку. – Выезд из Москвы в село Спасское. – Спознакомление мое с А. М. Салтыковым. – Сочувствие душ наших. – Приезд в Киясовку. – Внимательность Салтыковых. – Свидание и переговоры с межевщиком Вакселем. – Езда в Серпухов. – Угощение межевых чинов. – Следствия вечеринки. – Обед. – Нечаянная поездка в Дворяниново и угощение у себя г. Салтыкова 807

CLXXIV. Окончание дела о покупке волости и переезд в Киясовку. – Решение межеваго спора. – Окончательное приобретение волости. – Прощание с княгиней. – Благодарность княгини. – Приятныя чувствия мои. –Вступление в управительскую должность. – Чтение послушного указа. – Увещание крестьян. – Возвращение в Дворянииново. – Сборы к переезду. – Прощание с домом и отъезд из Дворянинова. – Мысли мои при отъезде. 819

CLXXV. История моего перваго жительства в Киясовке. – Приезд на место моего назначения. – Встреча. – Осмотр дома. – Странное явление. – Новый устав Вольно-Экономическаго Общества. – Первый гость. – Первая расправа. – Тревога по случаю слухов о Пугачеве. – Наши опасения. – Приказ о сборе «уланов». – Затруднение мое. – Знакомство с бароном Соловьевым. – Отправка уланов

в Коломну. – Настроение народа. – Основание канцелярии. – Нововыдуманная система хлебопашества. – Знакомство с Исаковым и Игнатьевым 830
CLXXVI. Смех и горе. — Препровождение Успеньева дня. – Стужа в доме. – Печи без труб. – Смущение и безпокойство духа нашего. – Планы о постройке новых хором. – Донесение князю. – Посещение Дворянинова. – Разрешение князя о постройке дома. – Приступление к строению управительскаго дома. – Знакомство с Н. И. Новиковым. – Ознакомление детей с астролябией. – Приобретение Пекиновой аптеки. – Приезд племянниц. – Киясовские сады 844
CLXXVII. Ранняя зима. – Первое зазимье. – Согревание комнат каминами. – Отец Никита Морев. – Устройство цветника. – Страдания наши от холода. – Новое обиталище. – Знакомство и дружба с соседями. – Занятия наукой и литературой. – Вечерния чтения. – Архиерей Феодосий. – Собеседование с семинаристскими студентами. – Хлопоты по новой должности. – Возня с ворами. – Истязание воров и успех от того 856
CLXXVIII. Поимка и казнь Пугачева. – Размышления по случаю новаго 1775 года. – Возок моей выдумки. – Поездка в Москву. – Семейство кн. С.В. Гагарина. – Доставление Пугачева в Москву. – Суд над ним. – Строение дворца на Пречистенке. – Встреча с г. Обуховым. – Казнь Пугачева. – Ошибка палача. – Возвращение в Киясовку. – Бунтование мужиков. – Коновод их Роман. – Рапорт мой к князю 870
CLXXIX. Последствия крестьянскаго бунта. – Наше безпокойство. – Отправление к князю депутатов. – Окрик князя. – Наказание Романа. – Новые замыслы его. – Предупреждение опасности и ссылка Романа в Сибирь. – Письма от Нартова и Ушакова. – Езда в Москву. – Благоприятство ко мне князя. – Пребывание в Москве и возвращение в Киясовку. – Занятия мои в деревне. – Лечение больных. – Бой гусей. – Болезнь моя от простуды 884
CLXXX. Посещение князем Киясовки. – Половодь. – Начальное строение гошпиталя. – Особливый способ разбирания дома. – Ботанизирование. – Новыя знакомства. – Приезд князя в Киясовку. – Удовольствие его при виде всего мною сделаннаго. – Рыбная ловля. – Отъезд князя. – Лекарь Бентон. – Устройство аптеки. – Усовершенствование пруда. – Рождение дочери Ольги. – Первый опыт лечения. – Присылка из Вольно-Экономическаго Общества. – Мысли по поводу этого Общества. – Светящияся козявки 895

ЧАСТЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Продолжение истории пребывания моего в Киясовке, а потом первоначальнаго в Богородицке

1775–1777

CLXXXI. Празднование заключения мира с турками. – Слухи о приближающемся торжестве. – Триумфальныя ворота для въезда графа Румянцева-Задунайскаго. – Въезд графа в Москву. – Поднятие колокола. – Шествие императрицы из Грановитой палаты в Успенский собор. – Приготовление к гулянью

на Ходынке. – Покража ларчика. – Горесть наша. – Праздник на Ходынке. – Знаменитый фейерверк. – Возвращение наше в Киясовку 907
CLXXXII. Беды и тревоги. – Присылка из Вольно-Экономическаго Общества. – Еще поручение. – Печатание «Детской философии». – Поездка в Воскресенки. – Неприятности от дурных дорог. – Падение сына из кареты. – Испуг наш. – Обирание вишень. – Урожай златотысячницы. – Введение семипольнаго хлебопашества. – Мои лекарства. – Пожары. – Курьезная езда на свадьбу. – Беды по бедам. – Опасная переправа. – Прибытие в Дворяниново 920
CLXXXIII. Свадьба. – Приготовления к свадьбе. – Неприятные слухи о брате Михайле Матвеевиче. – Жених. – Ожидание Катерины Андреевны. – Приключение с ней на дороге. – Одевание невесты. – Бракосочетание. – Приключение с женихом. – Новая беда. – Свадебная церемония. – Возвращение в Киясовку. – Реформа в управлении. – Досада. – Кн. Ив. Ив. и Серг. Серг. Гагарины. – Верещагин и Варсобин – помощники кн. Ив. Гагарина 933
CLXXXIV. Последняя жизнь моя в Киясовке. – Неожидаемая прибавка жалованья. – Удовольствие мое. – Мой капитал. – Отпечатание I-й части «Детской философии». – Езда в Москву для благодарения князя. – Разстройка в семье Полонскаго. – Успех моей книги. – Половодь. – Лихорадка. – Посещение меня князем. – Езда в свою деревню. – Кончина отца Никиты и его жены. – Пребывание у князя в подмосковной. – Несчастие от быка. – Невнимание ко мне княжова сына. – Устройство пруда. – Смерть кн. Ивана Гагарина. – Назначение меня управителем в Богородицк. – Радость домашних. – Сожаление о Киясовке. – Приготовление дел к сдаче. – Ожидание новаго управителя г. Шестакова. – Благоприятство и милость ко мне старика князя. – Прощание с соседями. – Сдача управления Шестакову. – Сборы в путь. – Прощание с подчиненными. – Выезд из Киясовки. 946
CLXXXV. Богородицк. – Путешествие наше из Киясовки в Богородицк. – Моя семья. – Размышления о предстоящей перемене. – Прибытие в Бобрики. – Посещение г. Верещагина. – Осмотр строений. – Въезд в Богородицк. – Новое жилище. – Члены богородицкой канцелярии. – Представление мне подчиненных. – Посещение волостной канцелярии 962
CLXXXVI. Поступка с Верещагиным. – Осмотр ближних предметов. – Обранжирование комнат. – Вилимзон. – Освидетельствование кассы. – Недочеты. – Виновность в том Верещагина. – Просьбы его ко мне. – Отстрочка на уплату. – Осмотр хлебных магазинов. – Волостной гошпиталь. – Обозревание волостных строений. – Слобода Стрелецкая и другия. – Сделка с Верещагиным. – Первый сбор старост. – Увещания. – Комнатныя упражнения. – Неожидаемое прибытие киясовскаго лекаря Бентона. – Первое знакомство 973
CLXXXVII. 1777 год. Семейство Верещагиных. – Братья Полунины. – Получение большой серебряной медали из Вольно-Экономическаго Общества. – Пожары. – Объезд знаменитейших селений. – Воровство в Богородицке. – Поимка и наказание за воровство пономаря. – Жалоба его архиерею. – Поступки архиерея. – Драки

и ссоры между крестьянами. – Средство прекращать мужичьи споры. – Заготовление материалов для будущих построек. – Лесной подрядчик Вахтин. – Оружейник Пастухов. – Преосвященный Феодосий 980
CLXXXVIII. Знакомства и шутки. – Езда в Москву к князю. – Донесения мои. – Чрезмерное количество кабаков в волости. – Вред их для народа. – Разведение карпов в прудах. – Первое получение «Гамбургской газеты». – Масленица. – Знакомство с соседними дворянами. – Потехи и забавы с Вильгельмсоном. – Мертвец. – Шутка с архитектором. – Доход от продажи карпов. – Хлопоты с прудами и строениями. – Основание сада 996
CLXXXIX. Неожидаемости, заботы и хлопоты. – Уведомление об открытии Тульскаго наместничества. – Отправление Верещагина для встречи наместника. – Принятие у себя тульскаго наместника М. Н. Кречетникова. – Благоволение его ко мне. – Осмотр Богородицка. – Докучливость Шишкова. – Казанская ярмонка. – Выдумка моя к предупреждению воровства. – Новое плутовство Пашкова. – Досада моя. – Езда в Москву. – Свидание с Полонским. – Справки в межевой канцелярии. – Утверждение меня в догадках моих на счет Пашкова. – Г. Князев, член межевой канцелярии. – Хлопоты мои в канцелярии. – Сочинение черновой челобитной. – Знакомство с А. Т. Князевым. – Благоприятное обхождение его со мной. – Неожидаемая встреча с старинным спослуживцем. – Секретарь Селижаров 1008
CXC. Покупание земли. – Шлендриян в делах. – Хождение в межевую канцелярию. – Г. Муромцов. – Разговоры с ним о земле. – Советы его. – Переговоры с Князевым. – Покупка земли. – Доброта и внимательность князя. – Поездка с ним в Студенец. –Свидание с старыми знакомыми. – Знакомство с книгопродавцем Вейтбрехтом. – Неудавшееся предприятие. – Получение владеннаго указа. – Благодарение г. Князева. – Возвращение в Богородицк. – Приезд кашинских родных. – Болезнь сына. – Езда в шадскую деревню. – Плутовское межеванье. – Побиение межевщика. – Миролюбивое предложеиие от меня Пашкову. – Глупое высокомерие Пашкова. – Возвращеиие домой 1022

ЧАСТЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
Продолжение истории пребывания моего в Богородске
1777–1780
CXCI. Происшествия достопамятнаго сороковаго года моей жизни. – Отделка соборной церкви. – Работы по построению дворца. – Осмотр построек г. Давыдовым. – Заготовка дров для топлива. – Рождение дочери Александры. – «Порча» бабы. – Недоумение наше насчет ея болезни. – Лягушка, изверженная ею. – Представление лягушки на разсмотрение столичных врачей. – Невежество лекарей. – Приискивание монастырских деревень для присоединения к волости. – Сочинение и раскрашивание планов. – Свидание с г. Кречетниковым. – Приказ о выборе кандидатов в заседатели земскаго суда. – Нерешимость моя и совет с князем. – Приуготовления к открытию Тульскаго наместничества. – Устройство театра. – Съезд в Тулу окрестных дворян 1037

CXCII. Открытие Тульскаго наместничества. – Езда наша в Тулу. – Отправление кандидатов в Дедилов. – Свидание с Кологривовыми. – Торжественное открытие наместничества. – Первые выборы в Туле. – Утверждение избранных. – Баллотировка уездных судей и заседателей. – Первый спектакль. – Открытие знаменитейших судебных мест. – Празднества. – Езда на бал. – Несчастие с моим сыном. – Фейерверк. – Богородицкий городничий А. Н. Сухотин. – Отъезд из Тулы. – Состояние мое и знакомства. – Занятия по волости и домашния упражнения. 1049
CXCIII. 1778 год. – Первые дни новаго года. – Приезд городничаго. – Знакомство с Н.С. Арсеньевым. – Приуготовления к приезду губератора. – Угар. – Пирушка. – Съезд судей. – Ожидание губернатора. – Предводитель, судьи и другия должностныя лица. – Первая тревога. – Вторая тревога. – Встреча губернатора и воз сена. – Приезд губернатора. – Открытие присутственных мест в Богородицке. – Осмотр губернатором строений. – Благосклонность его ко мне. – Торжество по случаю рождения великаго князя Александра Павловича. – Придуманный мною иллюминационный ящик. – Составление планов и описаний волости. – Сборы в Москву 1059
CXCIV. Езда в Москву и пребывание там. – Покража Дергамовой физико-теологии. – Приезд в Москву. – Переговоры с наместником об обмене деревень. – Свидания с родственниками и знакомцами. – Предложение Салтыковых. – Первое основание экономическаго журнала «Сельский житель». – Договор с книгопродавцем Ридигером. – Возвращение в Богородицк. – Характеры судей. – Соседи. – Договор о дружбе и согласии. – Смерть дочери Александры. – Открытие кова против меня Верещагина. – Заготовление первых листов предпринимаемаго журнала. – Француз учитель Дюблюе. – Проект открытия школы в Богородицке. – Открытие пансиона . 1073
CXCV. Приезды князей. – Издание еженедельника. – Вечерния занятия с детьми. – Появление перваго листка «Сельскаго жителя». – Устройство увеселительнаго гульбища. – Опыты с глиняными мазанками. – Езда в Тулу на свадьбу. – Посещение Полонскаго. – Смерть Варсобиной. – Трудности издавания «Сельскаго жителя». – Губернатор Муромцов. – План Богородицка. – Свидание с Кислинскими. – Корреспондент мой А. А. Владыкин. – Приезд князей. – Кн. Петр Гагарин. – Освящение соборной церкви. – Кн. Сергей Гагарин. – Благоприятство старика князя и высокомерие и придирки его сына кн. Сергея. – Благоволение его к Верещагину. – Отъезд князей 1088
CXCVI. Езда в Москву. – Господин Стрекалов. – Знакомство с ним. – Дневная иллюминация. – Запись сына моего в гвардию. – Новая проделка со мной Пашкова. – Сочинение челобитной. – Нечаянная встреча с землемером Вакселем. – Совещание с ним. – Приезд в Москву. – Челобитная в межевую канцелярию на Пашкова. – Свидание с Князевым. – Благоприятное решение моего дела. – Пирушка по случаю приезда губернатора. – Веселое времяпровождение. – Проект табаководства. – «Сельской житель». – Апробование городскаго плана 1102
CXCVII. Веселость жизни. – Рождение дочери Екатерины. – Крестины. – Разбитие города на улицы. – Письмо от Вольно-Экономическаго Общества по поводу

издания «Сельскаго жителя». – Очередные вечеринки и съезды. – Игры и забавы. – Освящение бобриковской церкви и пир у Верещагина. – Заболевание оспой. – Новые корреспонденты гг. Вишневский и Воейков. – Хлопоты по рекрутскому набору. – Требование от меня векселя покойнаго Матвея Никитича. – Определение новаго попа. – Убиение г-жи Хомяковой мужем. – Святки и наши увеселения. – Увольнение старика князя от правления волостьми и назначение на его место сына кн. Сергея. – Изумление мое. – Кн. Гр. А. Потемкин и Бобринский. – Замыслы и происки молодого князя Гагарина. – Неудавшаяся интрига. – Новый командир . . 1113

CXCVIII. Хлопоты и огорчения. – Переписка с корреспондентами. – Н.А. Демидов. – Получение французских книг. – Мысль об издании втораго «Экономическаго журнала». – Исчезновение Вейтбрехта. – Посещение г. Арсеньева. – Ордеры и повеления от новаго командира. – Откупщик Игнатьев. – Хлопоты по делам откупа. – Приобретение Крюинцевой Экономической энциклопедии. – Сочинение загадок. – Азартные игроки. – Изобретение тисненых облаток. – Конец изданию «Сельскаго жителя». – Ложный слух. – Новыя заботы и хлопоты по откупу. – Стратагемы против откупщика. – Окончание откупщичьяго дела. – Занятия домашния 1124

CXCIX. Придирка и неприятности от князя. – Заготовление материалов для новаго журнала. – Лабиринты. – Семейство Алабиных. – Разбивание и назначение улиц. – Прорывание прудов. – Ловля карпов. – Известие о рождении великаго князя Константина Павловича. – Поездка в Бобрики. – Табачный плантаж. – Общежительство наше. – Неудача с новым журналом. – Уведомление о прибытии к нам князя. – Приуготовления к принятию его. – Приезд князя. – Объезд волостей. – Выпытывания князя насчет меня. – Придирки его. – Жалоба мужиков на Верещагина. – Поведение князя. – Г-жи Верещагины. – Князь на псовой охоте. – Проводы его в Москву 1140

CC. Езда в Москву. – Поездка в Дворяниново. – Пребывание в Москве. – Благосклонный прием от молодаго князя. – Свидание с стариком князем. – Знакомство с г. Владыкиным. – Первое знакомство с Н. И. Новиковым. – Неожидаемое предложение об издании журнала. – Основание «Экономическаго магазина». – Пронька Демидов. – Дом богача Демидова. – Прощание с знакомыми и возвращение в Богородицк. – Объявление о новом журнале. – Освящение церкви в Бобриках. – Отправление к г. Новикову материалов для нашего журнала. – Первое сограждение домашняго театра. – Приуготовления к первому представлению. – Успех. – Сочинение комедии «Честохвал». – Охлаждение мое к делам по волости. – Чувствия волостных к молодому князю. – Веселыя Святки 1154

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АНДРЕЯ БОЛТОВА
2 том

Ответственный секретарь М. В. Кузнецова
Редактор В. С. Долгов
Корректор О. А. Рогачева
Компьютерная верстка А. Е. Успенский

Институт русской цивилизации
Тел.: 8-495-605-25-35
e-mail: info@rusinst.ru
для писем: Москва, 121170 а/я 18

Подписано в печать 31.07.2013. Печать офсетная.
Формат 70 х 90 1/16. Объем 74 п. л. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат»